РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. XVI, part 2

Editor-in-chief Evgeny V. Golovko

2020

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том XVI, часть 2

Главный редактор Е. В. Головко

2020

УДК 81
ББК 81.2
А 38

Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2020. — Т. XVI. Ч. 2. — 760 с., 6 с. вклейки.

Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. 2020. — Vol. XVI. Pt. 2. — 760 p., 6 p. color illustrations.

Редакторы тематической части
М. Л. Кисилиер, М. С. Морозова, А. Ю. Русаков

Ответственные за выпуск от редколлегии
М. Д. Воейкова, Г. А. Мольков

Статьи отбираются редколлегией журнала
на основе анонимного независимого рецензирования

Материалы выпуска доступны в электронном виде по ссылке:
https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html

Адрес журнала: 199004, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9,
Институт лингвистических исследований РАН, редакция журнала
«Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований»

Телефон: + 7 812 328-16-11

E-mail: acta_linguistica@iling.spb.ru

Сайт: https://alp.iling.spb.ru/

Свидетельство Роскомнадзора ПИ № ФС 77-60965 от 05.03.2015

© ИЛИ РАН, 2020
© Составление. Редколлегия журнала, 2020
© Авторы, 2020

ISSN 2306-5737
DOI 10.30842/alp23065737162

РЕДКОЛЛЕГИЯ

член-корр. РАН, д. филол. н. Е. В. Головко, главный редактор (ИЛИ РАН); д. истор. н. А. К. Байбурин (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Санкт-Петербург); PhD Assoc. Prof. A. Barentsen / А. Барентсен (Амстердамский ун-т Нидерланды); д. истор. н. Ю. Е. Березкин (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Санкт-Петербург); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Е. Л. Березович (Уральский университет, Екатеринбург); д. филол. н. П. Е. Бухаркин (СПбГУ); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Н. Б. Вахтин (Европейский Университет в Санкт-Петербурге); д. филол. н. М. Д. Воейкова (ИЛИ РАН); PhD Prof. L. Grenoble / Л. Гренобль (ун-т Чикаго, США); к. филол. н. С. Ю. Дмитренко (ИЛИ РАН); PhD, к. филол. н. Н. М. Заика (ИЛИ РАН, СПбГУ); д. филол. н., проф. В. Б. Касевич (СПбГУ); к. филол. н. А. Ю. Кожевников (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. Н. В. Корниенко (Институт мировой литературы РАН, Москва); д. филол. н., проф. Н. Б. Кошкарева (Институт филологии СО РАН, Новосибирск); д. филол. н. М. А. Кронгауз (Высшая школа экономики, Москва); к. филол. н. Г. А. Мольков (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. И. И. Муллонен (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск); член-корр. РАН, д. филол. н. С. А. Мызников (Институт славяноведения РАН); акад. РАН, д. филол. н. С. И. Николаев (Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург); д. филол. н., проф. В. И. Подлесская (РГГУ, Москва) д. филол. н. К. И. Поздняков (Национальный институт восточных языков и цивилизаций, Париж, Франция); PhD Prof. J. Russell / Дж. Рассел (Гарвардский ун-т, США); к. филол. н. Е. А. Руднева, секретарь редколлегии (ИЛИ РАН); д. филол. н. А. Ю. Русаков (ИЛИ РАН); д. филол. н., проф. А. Н. Соболев, заместитель главного редактора (ИЛИ РАН); к. филол. н. С. С. Сай (ИЛИ РАН); д. филол. н. С. Г. Татевосов (МГУ); к. филол. н. А. Ю. Урманчиева (ИЛИ РАН); PhD Prof. А. Ю. Фильченко (Nazarbaev University, Астана, Казахстан); д. истор. н., проф. Д. А. Функ (ИЭА РАН, Москва); д. филол. н., проф. В. С. Храковский (ИЛИ РАН); Dr. Habil. Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Хельсинкский ун-т, Финляндия)

EDITORIAL BOARD

Evgeny V. Golovko, editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Albert K. Baiburin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences); Adriaan Barentsen (University of Amsterdam); Yuri E. Berezkin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences); Elena L. Berezovich (Ural Federal University); Petr E. Bukharkin (St. Petersburg State University); Sergey Yu. Dmitrenko (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Andrey Yu. Filchenko (Nazarbaev University, Kazakhstan); Dmitry A. Funk (Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences); Lenore Grenoble (University of Chicago); Juha A. Janhunen (University of Helsinki); Vadim B. Kasevich (St. Petersburg State University); Viktor S. Khrakovsky (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia V. Kornienko (Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences); Natalia B. Koshkareva (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences); Aleksandr Yu. Kozhevnikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Maksim A. Krongauz (Higher School of Economics, Moscow); Georgy A. Molkov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Irma I. Mullonen (Institute of Linguistics, Literature and History Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences); Sergei A. Myznikov (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei I. Nikolaev (Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences); Vera I. Podlesskaya (Russian State University for the Humanities); Konstantin I. Pozdniakov (INALCO, Paris); Ekaterina A. Rudneva, board secretary (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Aleksandr Yu. Rusakov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); James Russell (California State University, Fresno); Sergey S. Say (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; St. Petersburg State University); Andrey N. Sobolev, deputy editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei G. Tatevosov (Moscow State University); Anna Yu. Urmanchieva (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Nikolai B. Vakhtin (European University at St. Petersburg); Maria D. Voeikova (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia M. Zaika (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; St. Petersburg State University)

I. БАЛКАНСКИЕ ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ: КОРПУСНЫЕ И КВАНТИТАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 9–10
DOI 10.30842/alp2306573716201

От редакторов

В 2016 г. в «Трудах Института лингвистических исследований» (т. XII, ч. 3) впервые появился специальный балканистический раздел, в котором рассматривался очень широкий круг вопросов, мало связанных друг с другом. Предлагаемые методы также довольно сильно разнились, и статьи объединялись лишь тем, что все они, хотя и в разной степени, были посвящены изучению балканских языков и балканской культуры. В этот раз мы постарались сделать балканистический раздел, базирующийся на материалах прошедшей в 2018 году в ИЛИ РАН конференции «Балканские языки и диалекты: корпусные и квантитативные исследования», более цельным. Авторы вошедших в него статей не просто представляют свои исследования по разным аспектам балканского языкознания, а демонстрируют, какие результаты могут быть получены благодаря использованию новейших лингвистических методов, прежде всего, корпусных и квантитативных. Такие методы еще крайне редко практикуются в современной балканистике, поэтому каждая публикация, связанная с их использованием, представляется очень интересной и актуальной.

Раздел открывает статья П. Асеновой и Х. Марку, где рассматриваются средства выражения эвиденциальности в языках, сформировавших балканский языковой союз. Для своего исследования, помимо собственных полевых материалов и многочисленных публикаций, авторы используют существующие корпуса болгарского, греческого и румынского языков (в том числе диалектные).

С помощью корпусов сербского и хорватского языков и некоторых других источников П. С. Дронов описывает метафорические модели, особенности употребления и лексико-грамматические изменения идиом с компонентами-соматизмами *glava* ‘голова’ и *vrat* ‘шея’ в сербском и хорватском языках.

В. Дескали составил два корпуса (английский и албанский) общим объемом около 2,2 млн слов из письменных работ албанских студентов, чтобы изучить некоторые особенности лексического выражения модальности.

Используя данные из Корпуса греческого языка (КГЯ) Ф. А. Елоева и М. Л. Кисилиер анализируют необычное сочетание предлога από с номинативом в новогреческом языке и сопоставляют его с более привычными случаями, когда этот предлог управляет аккузативом.

К. С. Клименок описывает особенности лексической семантики и способы выражения цели и источника при основных албанских глаголах движения *shkoj* ‘идти’ и *vij* ‘приходить’, анализируя материалы Албанского национального корпуса (АНК).

В коллективной работе А. Л. Макаровой, Д. В. Конёр, Т. Вукович, А. Н. Соболева и О. Винисторфера на примере восточносербского говора села Берчиновац демонстрируется, как метод автоматического языкового анализа может быть применен к диалектному тексту.

Статьи М. М. Макарцева и М. С. Морозовой посвящены разным аспектам комплементации в албанском языке. Для своего исследования оба автора используют материал, полученный из Албанского национального корпуса (АНК).

М. С. Морозова, М. А. Овсянникова и А. Ю. Русаков предприняли квантитативный анализ заимствованной лексики в албанских диалектах. Полученные статистические данные не только подтверждают уже известные наблюдения, но и предоставляют новые данные для изучения языковых контактов на Балканах.

В своей статье Дж. Николс сравнивает разные языковые ареалы по целому ряду морфо-синтаксических параметров. Этот подход позволяет уточнить позицию балканских языков в языковом пространстве Евразии.

Редакторы раздела хотят поблагодарить М. Д. Воейкову и анонимных рецензентов за ценные замечания, которые авторы постарались учесть в окончательных версиях своих статей.

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 11–53
DOI 10.30842/alp2306573716202

К проблеме эвиденциальности в языках балканского языкового союза*

П. Асенова

Софийский университет имени св. Климента Охридского (Болгария);
petyaass@gmail.com

Х. Марку

Фракийский университет имени Демокрита, Комотини (Греция);
cmarkou@bscc.duth.gr

Аннотация. Основываясь на понимании, что *категория эвиденциальности* не представляет собой балканизма, ввиду отсутствия в отдельных балканских языках единых категориальных и функциональных признаков, доказанных конвергентных движений или какой-нибудь особой «балканскости» по сравнению с остальными языками мира, в статье рассматриваются некоторые средства выражения эвиденциальности в языках, сформировавших балканский языковой союз (БЯС).

Исследование базируется на принятой нами классификации значений эвиденциала, которые можно объединить в три основные группы: ренарратив / «пересказывание», конклюзив / инференциал, дубитатив / (ад-)миратив.

Принимая во внимание типичные для Балкан языковые контакты (особенно в условиях субординационного билингвизма), мы затрагиваем такие мало разработанные проблемы, как: 1) появление способов выражения эвиденциальности в некоторых изолированных балканских диалектах, развивающихся в условиях билингвизма под влиянием болгарского и/или албанского, единственных среди языков БЯС, где эвиденциальность грамматикализована; 2) случаи отсутствия эвиденциальности в албанских диалектах в Греции и в Италии, а также и в болгарских диалектах в Юго-Западной Македонии, Южной Фракии, в области горы Странджа. Существующие объяснения, что в родопских говорах категория исчезла под греческим влиянием, являются неудовлетворительными.

Специальное внимание уделяется лексическим маркерам эвиденциальности, которые анализируются с использованием материалов существующих корпусов

* Настоящее исследование осуществлено в рамках научно-исследовательского проекта на тему «Балканские языки как эманация этнокультурной общности на Балканах (типология глагола)», финансированного Фондом «Научные исследования» при Министерстве образования и науки Республики Болгарии — на основании договора о финансировании научно-исследовательского проекта № ДН 20/9/11.12.2017 г.

параллельных художественных текстов. Несмотря на различия между балканскими языками, лексические маркеры эвиденциальности являются сходными или даже идентичными.

На материале корпусов газетных текстов рассмотрены манипулятивные возможности эвиденциальных форм в языке современных средств массовой информации (СМИ): употребление болгарского ренарратива с целью создания дистанцированности или внушения недоверия и иронии; употребление ренарративного кондиционала в румынском для указания на источники непроверенной информации; употребление адмиратива в косовских и македоно-албанских СМИ в качестве репортативной формы с эпистемическим оттенком недоверия.

Ключевые слова: эвиденциальность, ренарратив, конклюзив, адмиратив, балканизм, языковые контакты, лексические маркеры.

On the problem of evidentiality in the languages of the Balkan language union

P. Assenova

Sofia University “St. Kliment Ohridski” (Bulgaria); petyaass@gmail.com

Ch. Markou

Democritus Univeristy of Thrace, Komotini (Greece); cmarkou@bscc.duth.gr

Abstract. Proceeding from the understanding that evidentiality is not a Balkanism, as it shows no specificity in the Balkan language union (BLU) in comparison with other languages where this semantic category is expressed and has no common categorical and functional characteristics across the Balkan languages, this article considers some means of expressing evidentiality in the languages of the BLU.

In our study, we distinguish three evidentiality subcategories: renarrative, inferential (conclusive), and (ad-)mirative (dubitative).

Taking into account the typical for the Balkans linguistic contacts (especially in the situation of subordinate bilingualism), this paper considers such understudied problems as 1) the emergence of evidentiality devices in some isolated Balkan dialects developing in a bilingual situation under the influence of Bulgarian and/or Albanian (the only BLU languages where evidentiality is grammaticalized); and 2) the lack of evidentiality in Albanian dialects in Greece and Italy, as well as in Bulgarian dialects in South-Western Macedonia, Southern Thrace, and in the Strandja Mountain area. The existing explanations that this category disappeared in the Rhodope dialects under Greek influence are unconvincing.

Special attention is paid to lexical evidentiality markers analysed here using the existing parallel literary text corpora. Notably, despite the differences between the Balkan languages, they use similar or even identical lexical evidentiality markers.

The paper also addresses manipulative uses of evidential forms in modern mass media such as the use of renarrative in Bulgarian as a means to create a distancing effect or communicate distrust and irony; the use of the renarrative conditional in Romanian to indicate sources of unverified information; and the use of the Admirative in Albanian mass media in Kosovo and North Macedonia as a reportative form with an epistemic nuance of distrust.

Keywords: evidentiality, renarrative, inclusive, admirative, Balkanism, language contacts, lexical markers.

1. Вводные замечания

1.1. Проблематика и материал

В последние десятилетия глагольной категории эвиденциальности, которая интерпретирует отношение говорящего к источнику информации в разнотипных языках, связанных генетическими, географическими или историческими отношениями, посвящена объемная научная литература. Высоко оценивая типологические исследования данной грамматической категории на материале множества экзотических языков (напр. [Aikhenvald 2004; Guentchéva 1996; Guentchéva, Landaburu (éds.) 2007] и др.), мы ставим задачу рассмотреть средства несвидетельской передачи действия в языках, сформировавших балканский языковой союз (БЯС), а именно в албанском, болгарском, греческом и румынском, ориентируясь таким образом лишь на исследования, которые касаются проблематики балканских языков.

В своей статье мы затрагиваем такие мало разработанные до сих пор проблемы, как: роль языковых контактов при функционировании категории эвиденциальности в языках БЯС (*Раздел 2*); сочетаемость глагольных форм и лексических маркеров с эвиденциальным значением в языках БЯС (*Раздел 3*); различия между отдельными балканскими языками в плане выражения эвиденциальных значений (*Раздел 4*); роль эвиденциальных форм в языке современных балканских средств массовой информации (*Раздел 5*).

В качестве источников иллюстративного материала использовались лингвистические корпусы балканских языков [АНК; КГЯ; CoRoLa], собственные полевые материалы [Рила; Audiolink] и материалы, опубликованные другими авторами (см. список литературы), переводы

художественной прозы, современная болгарская пресса (см. список источников). Там, где не указано авторство переводов, примеры на русский язык переведены нами.

1.2. Является ли эвиденциальность балканизмом?

Из постановки проблемы вытекает и основная цель статьи: рассмотреть статус категории в общебалканском плане и предложить аргументы в поддержку гипотезы, что **эвиденциальность** не является балканизмом, ввиду отсутствия в отдельных языках балканского языкового союза (БЯС):

а) единых категориальных и функциональных признаков;
б) доказанных конвергентных движений или какой-нибудь особой «балканскости» по сравнению с остальными языками мира.

Мы хотели бы подчеркнуть, что «индуцированные контактами» (англ. contact-induced, см. [Friedman 2008: 141]) грамматикализованные эвиденциальные формы остаются непредставительными для БЯС, поскольку они развиваются, как правило, в небольших островных говорах какого-либо языка или диалекта, разбросанных по территории его распространения и не образующих компактного ареала (напр. в арумынском говоре Горна-Белицы, арум. Beala di Suprâ, в юго-восточной части Северной Македонии). Этот факт заставляет нас не согласиться с утверждениями о существовании эвиденциальности «в языках и диалектах, представляющих все основные языковые группы на Балканах, кроме греческой» [Макарцев 2014: 22].

1.3. О термине «эвиденциальность»

Термин «эвиденциальность», предложенный в 1911 г. Францем Боасом [Boas 1911] по отношению к американским языкам и затем использованный Романом Якобсоном в 1957 г. [Якобсон 1957] применительно к болгарскому, сегодня почти вытеснил более адекватные, по нашему мнению, термины, введенные в конце XIX и в начале XX в. исследователями болгарского и албанского языков (см. [Dozon 1879; Теодоровъ-Баланъ 1887; Трифоновъ 1905; Цоневъ 1910–1911; Weigand 1925] и др.), как, например, утвержденный в болгарской традиции

термин «пересказывание» (болг. преизказване, англ. reported mood, renarrative, testimonial) или употребляемый Златкой Генчевой, вслед за Жильбером Лазаром [Lazard 1996] «медиатив» (фр. médiatif), т. е. опосредованная передача глагольного действия [Guentchéva 1996: 14]. Поскольку понятия засвидетельствованности / незасвидетельствованности не охватывают все существующие противопоставления эвиденциальных значений с точки зрения источника информации, далее мы употребляем термин «эвиденциальность» в его установленном в современной лингвистике значении.

1.4. Классификация эвиденциальных значений

Мы придерживаемся мнения, что эвиденциальность отражает определенное когнитивное состояние говорящего, связанное с приобретением и классификацией передаваемой информации, т. е. то, каким образом говорящий получает информацию: непосредственно — на основе собственного опыта (сенсорным путем) или на основании определенных данных (т. е. посредством умозаключения), либо из слов кого-нибудь другого [Ницолова 2007: 106].

На этом понимании базируется принятая нами классификация значений эвиденциала, которые можно объединить в три основные группы: **ренарратив** / «**пересказывание**» (засвидетельствованность / незасвидетельствованность информации), **конклюзив** / **инференциал** (умозаключение, основанное на проистекающих из действия фактах), **дубитатив** / **(ад-)миратив** (выражение удивления, вызванного данным фактом) [Guentchéva 1996: 15–16; Ницолова 2007: 111; Алексова 2003, 2015, 2016].

1.5. Эвиденциальность и наклонение

В нашем понимании, эвиденциальность не представляет собой наклонения глагола, так как эвиденциальные формы не выражают модальности в смысле отношения глагольного субъекта к действию, оценки того, является ли оно реальным, гипотетическим, желаемым, запрещенным и т. д., а передают отношение глагольного субъекта к источнику информации о действии (подробнее см. [Герджиков 1984]). Кроме того, в албанском языке некоторые наклонения имеют адмиративные формы (напр. конъюнктив-адмиратив, кондиционал-адмиратив).

В болгарском так называемый «аналитический конъюнктив» (сочетание личной формы глагола с частицей *да*) тоже может употребляться в сочетании с показателями пересказа:

БОЛГАРСКИЙ (балканославянские)

(1) ***Да*** ***сме*** ***се*** ***били*** *навреме*
SBJV быть.AUX.PRS.1PL REFL быть.PTCP.PST.PL вовремя
дефолклоризирали ***щели***
дефольклоризировать.PTCP.AOR.PL хотеть.AUX.PTCP.PST.PL
сме ***били*** ***да*** ***сме***
быть.AUX.PRS.1PL быть.PTCP.PST.PL SBJV быть.AUX.PRS.1PL
се ***поевропейчили***.
REFL европеизировать.PTCP.AOR.PL

'Если бы мы вовремя дефольклоризировались [прошедшее II], то мы якобы стали бы [будущее II] европейцами'. [Тотев 1987]

В албанском языке существуют и формальные признаки эвиденциала как формы, отличной от форм косвенных наклонений. При адмиративе используется индикативное отрицание — частицы *nuk* и *s'*, а не отрицание косвенных наклонений *mos*.

Несмотря на то, что эвиденциальность не является наклонением, некоторые употребления эвиденциальных глагольных форм не исключают частичного пересечения с модальностью. Это наблюдается в значениях дубитатива и конклюзива, означающих мнение, основанное на собственной инференции [Ницолова 2007: 110].

2. Языковые контакты на Балканах и эвиденциальность

2.1. Развитие грамматикализованной эвиденциальности

В некоторых изолированных балканских языках и диалектах (прежде всего в балканороманских и цыганском), функционирующих в условиях двуязычия, в контакте с доминирующими в социокультурном отношении языками и диалектами (балканославянскими и/или албанским), развились грамматикализованные формы эвиденциальности, которые, по нашему мнению, можно отнести к следующим обобщенным типам:

2.1.1. Морфологическое и семантическое калькирование

Этот тип наблюдается в **мегленитском** (2а), где, с одной стороны, воспроизводится албанская модель инвертированного перфекта вида *kam lexuar* (иметь.AUX.PRS.1SG читать.PTCP) ‘я (про)читал’ (перфект) > *lexuakam* (читать.ADM.PRS.1SG) ‘оказывается, я читаю’ (адмиратив наст. вр.) [Friedman 1999: 532; Atanasov 2002: 244–245], а с другой — ренарративная функционально-содержательная сторона указывает на влияние окружающих македонских диалектов. Для сравнения отметим, что в румынском языке, в котором нет грамматикализованной эвиденциальности, в аналогичном контексте используется неинвертированный перфект, а значение ренарратива может быть выражено только лексическими средствами (*am auzit că* ‘я слышал, что’ в примере (2б)).

МЕГЛЕНИТСКИЙ (балканороманские)

(2а) *Ġorġi* *si* ***turnat-aй*** *din* *Ămerica.*
Георги.SG REFL вернуть-EVID.3SG PREP Америка.SG
‘Георги, говорят, вернулся из Америки’.

РУМЫНСКИЙ (балканороманские)

(2б) *Am* *auzit* *că* *Gheorghe*
иметь.AUX.PF.1SG слышать.PTCP COMP Георге.SG
s-a ***întors*** *din* *America.*
REFL:иметь.AUX.PF.3SG вернуть.PTCP PREP Америка.SG
‘Я слышал, что Георге вернулся из Америки’. [Атанасов 2002: 245]

2.1.2. Морфологическое калькирование + заимствование иноязычной морфемы

Данный тип присущ **арумынскому** фаршеротскому говору села Горна-Белица в Северной Македонии, к северо-западу от города Струга. В этом говоре эвиденциальные формы на основе арумынского причастия образуются при помощи показателя *ka* (3 л. ед. ч. албанского глагола ‘иметь’, который используется в качестве вспомогательного в перфекте). Наряду с значением эпистемической неожиданности (по подобию албанского адмиратива, см. (3а), (3б), эвиденциал в арумынском говоре Горна-Белицы развил также ренарративную функцию, присущую окружающим его македонским диалектам (3в) [Friedman 1994/2004: 308–315].

АРУМЫНСКИЙ ГОВОР СЕЛА ГОРНА-БЕЛИЦА (балканороманские)

(3а) *Tini* ***fus-ka*** *avut* *om!*
ты быть-EVID богатый человек.SG
'Оказывается, ты богатый человек!'

(3б) *Viktor* ***fus-ka*** ***turnat*** *di* *Amerikă!*
Виктор.SG быть-EVID вернуть.PTCP PREP Америка.SG
'Виктор вернулся [перфект] из Америки!'

(3в) *Năs* ***tărkuc-ka*** *mult* *kiro* *tu* *hăpsănă.*
мы.DAT проводить-EVID много время.SG PREP тюрьма.SG
'Он («нам» — Dat. Ethicus) провел, говорят, много времени в тюрьме'. [Markovikj 2012: 270]

Эта «албано-арумыно-македонская параллель» [Markovikj 2012: 270] является, по нашему мнению, результатом двойного влияния: с одной стороны албанского, а с другой — македонского диалекта.

К той же категории относится и случай **цыганского диалекта** города Хасково в Южной Болгарии, где употребляются ренарративные формы турецких глагольных заимствований, образованные посредством присоединения турецкого показателя незасвидетельствованного прошедшего времени *mış*:

ЦЫГАНСКИЙ ДИАЛЕКТ ХАСКОВО

(4) *I* *roma* *šunde* *kaj* *o* *del*
ART.PL цыган.PL слышать.PST.3PL COMP ART.M.SG Господь.SG
inmiš *tele.*
спускаться.EVID вниз
'Цыгане услышали, что Господь спустился на землю'. [Boretzky 2018: 35]

Тем не менее для того, чтобы высказать окончательное утверждение о генерализации категории эвиденциала в этом диалекте, необходимо зарегистрировать формы эвиденциала, образованные от собственно цыганских глаголов [Boretzky 2018: 35].

2.1.3. Семантическое калькирование

Типичный пример семантического калькирования представляет употребление форм адмиратива (алб. mënyra habitore) в двух тоскских (южноалбанских) говорах переселенцев из окрестностей города Корча

(юго-восток Албании), которые в течение нескольких столетий проживают в болгароязычной среде в селе Мандрица на юге Болгарии [Domi, Shuteriqi 1965; Shuteriqi 1965; Sokolova 1983: 141] и в полиэтничном окружении в Одесской и Запорожской областях Украины [Voronina et al. 1996; Морозова 2016; Котова 2017].

Формы презенса адмиратива, сохранившиеся в говорах албанцев Мандрицы и Украины, почти полностью потеряли свою первичную функцию выражения эпистемической неожиданности («удивления») и приобрели основное значение болгарского эвиденциала — значение незасвидетельствованного действия в прошлом. Это подтверждается примерами из говора Украины, зарегистрированными русскими албанистами в 1950-е (пример 5), 1970–1980-е (6) и 2000-е годы (7):

говор албанцев Украины

(5) ***vat-ka*** *ni* *sluzhbw,* ***bu-ka*** *sluzhity*
идти-EVID.3SG PREP служба.SG.INDF делать-EVID.3SG служить.INF
katwr *vit,* *nok* *zhta* *gramatnwj* *ghich.*
четыре год.PL.INDF NEG быть.PRS.3SG грамотный совсем
‘Говорят, он пошел на военную службу, служил (букв. «делал служить») четыре года, остался совершенно безграмотным’. [Котова 2017: 657]

(6) ***pas-ka*** *një* *kohë* *një* *d’alë.*
иметь.EVID.3SG один время.SG.INDF один мальчик.SG.INDF
‘Жил-был когда-то один мальчик’. [Voronina et al. 1996: 95]

(7) ***art-kan*** *ga* *bjesar'abjija.*
прийти-EVID.3PL PREP Бессарабия.NOM.SG.DEF
‘пришли из Бесарабии’ [Морозова 2016: 488]

Следующий пример из албанского говора села Мандрицы извлечен из корпуса, собранного в рамках Болгарско-французского проекта «Рила 2/11» (2005–2007, транскрипция CNRS):

говор албанцев Мандрицы

(8) *Shkojnë këtej, shkojnë këtej allvaniasë çobane. I* ***thënka*** (сказать.EVID.3SG) *Ali Pasha, ku t’gjeni bukurë vënd, vënd të kaj, ku të kullosnë berratë, ku të kullosnë berratë, ku të pinë ujë dhe* ***paskanë*** (иметь.EVID.3PL) *e këtë* […]. *Dhe i* ***thënka*** (сказать.EVID.3PL) *nji çoban të Ali Pashjt: kutu gjetmë nji mijrë vend andë jeshkaj të bëmë*

kutu mandrë, ***bëkam*** (делать.EVID.1PL) *nji dy shtëpinj atu,* ***bëkanë*** (делать.EVID.3PL) *mandrë. Parandaj tona fshati është Mandrica, nga mandra…*

'Идут туда, идут туда албанские пастухи. Сказал им Али-паша, там, где найдете хорошее место, место чтобы было, где может пастись скот, где может пастись скот, где можно пить воду, и было (букв. «имели») такое […] И сказал один пастух Али-паше: «Здесь мы нашли хорошее место, там останемся, построим (букв. «сделаем») *мандру* (загон, овчарню)». Построили дом-два там, построили загон. Поэтому наше село называется Мандрица, от *мандры*…' [Рила 2007]

В цыганском диалекте города Сливена в Южной Болгарии, посредством агглютинации форманта *-li* к индикативным формам, образуются ренарративные формы соответствующего времени [Kostov 1973; Igla 2010].

ЦЫГАНСКИЙ ДИАЛЕКТ СЛИВЕНА

(9а) *kerjas* (делать.PST.3SG) — *kerjasli* (делать.PST.3SG.EVID)
'он сделал' — 'он, говорят, сделал'

(9б) *keravas* (делать.IPF.1SG) — *keravasli* (делать.IPF.1SG.EVID)
'я делал' — 'я, говорят, делал'

Возможно, болгарский суффикс причастия прошедшего времени *-л* был отождествлен с собственно цыганским суффиксом причастия прошедшего времени *-lo* (м. р.) / *-li* (ж. р.) / *-le* (мн. ч.). В таком случае цыганский эвиденциал можно отнести к семантическим калькам под влиянием болгарского языка. Если это не так, следует полагать, что речь идет о заимствовании морфемы *-л* из болгарского, аналогичном заимствованию форманта *-ka* из албанского в арумынском диалекте Горна-Белицы.

В цыганском диалекте Сливена наблюдается тенденция к опущению форманта *-s* в 3-м лице ед. ч. (10), подобно опущению вспомогательного глагола *е* (быть.AUX.PRS.3SG) в болгарском. Данная тенденция еще больше сближает этот диалект с болгарским языком.

ЦЫГАНСКИЙ ДИАЛЕКТ СЛИВЕНА

(10) *kerjasli* (делать.PST.3SG.EVID) [Kostov 1973]
> *kerjali* (делать.PST.3SG.EVID) [Igla 2010]
'он, говорят, сделал'

Возможны формы с формантом и без форманта -*s*, как и в болгарском, где вспомогательный глагол не всегда отсутствует [Igla 2006: 57, 2010: 267].

На основании этих наблюдений можно сделать вывод, что в большинстве рассмотренных выше случаев появления грамматикализованного эвиденциала речь идет о развитии у него ренарративного значения, следовательно, доминирует семантическое влияние болгарского языка. Опираясь на утверждение Г. Герджикова, что изменение функций ренарративного эвиденциала в болгарском является его транспозицией в сферу других типов высказываний (обычно модального характера) [Герджиков 1984: 108], мы относим к таким случаям формы эвиденциала с морфемой -*li,* выражающие адмиративное значение, регистрированные в сказке на болгарском ерлийском диалекте региона Софии (благодарим за информацию Б. Игла).

ерлийский диалект Софии (балканославянские)

(11) *Ake sar! Ake savi* ***uli*** *i buti!*
вот как вот какая становиться.EVID ART.F.SG работа.SG
‘Вот как! Вот какое дело!’ [Илиев 2017: 38–39]

2.2. Отсутствие грамматикализованной эвиденциальности в некоторых албанских и болгарских диалектах

2.2.1. Албанские диалекты Греции и Италии

Необходимо отметить факт отсутствия эвиденциала в албанских диалектах Греции (арванитика) и Италии (арбэрешский), которому даются противоречивые объяснения: эвиденциал или исчез под иноязычным влиянием, или никогда не существовал [Liosis 2010: 185 с библиографией]. Однако в письменных документах с острова Гидры, относящихся к концу XIX в., как и в говорах арванитов на двух других островах, Мефана и Порос, вблизи Арголического полуострова, встречаются формы адмиратива [Liosis 2010: 197].

2.2.2. Болгарские говоры Греции и Албании

В некоторой части ареала, охватывающего юго-восток Северной Македонии, греческую часть Фракии и Странджу в Болгарии, для

которого характерен перфект посессивного («романского») типа [Деянова 1970: 171], ренарратив утрачен и вместо него употребляется аорист. Если можно принять объяснение А. Мазона о скорее греческом, чем романском влиянии на перфект в болгарских говорах Греции и Южной Албании [Mazon 1936: 88–89], то по отношению к эвиденциалу нам кажется несостоятельной гипотеза о греческом влиянии, высказанная Э. Адаму в связи с говором села Лити (гр. Λιτή) / Айватово в регионе Салоник [Adamou 2006: 49]. По нашему мнению, причиной этого состояния является потеря действительного *л*-причастия прошедшего времени совершенного вида и его замена страдательным причастием прошедшего времени[1].

Кроме говора Лити, все болгарские говоры, утратившие действительное *л*-причастие, потеряли и эвиденциал, включая говоры, находящиеся в ситуации контакта с албанским (напр. костурский говор села Вр(б)ник, в семи километрах к востоку от города Билишта в Юго-Восточной Албании), несмотря на то, что сам албанский является «эвиденциальным» языком. Утрата *л*-причастия, а, следовательно, и категории пересказывания, охватывает районы Кастории (болг. Костур, гр. Καστοριά) и Корчи (алб. Korçë), юго-западные части региона Птолемаиды (болг. Кайляр, гр. Πτολεμάϊδα), продолжаясь к северу между городами Птолемаида (болг. Кайляри) и Флорина (болг. Лерин, гр. Φλώρινα) [БДА 2001: карты А85, А86, А88; БДА 2016: карты М130, М131, М132, М133, М134][2]. Следы пересказывания можно найти в горнокостурском (корчанском) говоре, но только в фольклорных текстах (12а), (12б). В этом говоре тоже исчезло действительное причастие прошедшего времени [Шклифов 1973: 101] и формы старого перфекта (глагол *съм* и действительное причастие прошедшего времени), зафиксированные в XVI в. в словаре села Богацко: *Што е зу́чил?* (что быть.AUX.PRS.3SG изучить.PTCP.AOR.M.SG) ‘Что он изучил?’; *Што се зучѝле?* (что быть.AUX.PRS.3PL изучить.PTCP.AOR.M.PL) ‘Что они изучили?’ [Шклифов 1973: 103], сегодня звучали бы как *Шчо / шо ѝма учѐно* (что иметь.AUX.PRS.3SG

[1] Ср. напр. аналитические формы плюсквамперфекта с вспомогательным глаголом «быть» и страдательным причастием: *svi tía bejáe dojdéni* (все они быть.AUX.IPF.3PL приходить.PTCP.PASS.PL) ‘все они пришли’ [Mazon 1936: 89]. Отметим, что сокращение числа причастий является общей особенностью балканских языков.

[2] Ссылки на БДА были сделаны для нас нашей коллегой М. Троевой (Институт болгарского языка Болгарской академии наук). Мы благодарим ее за эту помощь.

изучить.PTCP.PASS.SG), *Шчо / шо ѝме учѐно* (что иметь.AUX.PRS.3PL изучить.PTCP.PASS.SG).

горнокостурский говор (балканославянские)

(12а) *Се* ***прошéтала*** *Елéна* *о* *éна* *гора* *зелéна.*
REFL гулять.PTCP.PST.F.SG Елена.SG в один.F лес.SG зеленый.F.SG
'Погуляла [прошедшее I] Елена в зеленом лесу'. (народная песня региона Корчи, Албания; цит. по: [Христова 2003: 213])

(12б) ***Скарáле*** ***се,*** ***скарáле*** ***се***
поссорить.PTCP.PST.M.PL REFL поссорить.PTCP.PST.M.PL REFL
Нúко *и* *Никóла* *за* *Нúка* *девóйка.*
Нико.SG и Никола.SG за Ника.SG девушка.SG
'Поссорились [прошедшее I], поссорились [прошедшее I] Нико и Никола из-за девушки Ники'. (народная песня из села Косинец Горнокостурского рег., цит. по [Шклифов 1973: 99])

2.2.3. Родопские говоры Северной Греции

Утверждения о распаде системы ренарративного значения эвиденциала в родопских говорах региона Ксанти, в Северной Греции по причине би- и трилингвизма (греческий, турецкий) [Adamou 2013] противоречат данным нашего корпуса, собранного в рамках проекта CT Audiolink "Improving aural cultural links between different lingual communities in Thrace" [Audiolink][3]. Во-первых, отметим, что соответствие между употреблением тройного артикля *-с*, *-т*, *-н* и глагольными формами[4] сохранено: дистантный артикль *-н* в сочетании с именами и подчинительными союзами употребляется с прошедшими временами и с ренарративом (подробнее см. [Fanciulli 2017]). Расширенное использование нейтрального по отношению к членению

[3] Корпус состоит из текстов устного народного творчества (сказок, народных песен, пословиц и поговорок, загадок, анекдотов и рецептов традиционных блюд) и сопровождается параллельными переводами на турецкий и греческий, как и звуковыми файлами. Материал собирался в 2016 г. в регионе Ксанти. Объем «помацкого» языкового корпуса насчитывает приблизительно 3500 слов.

[4] Насколько нам известно, о «трансформации пространственной оппозиции в темпоральную» впервые упомянула Т. В. Цивьян на основании родопских народных песен [Civjan 1987: 68].

пространства и времени временного подчинительного союза (англ. temporal subordinator) *aga* ‘когда’ в речи молодого поколения [Adamou 2013: 244–245], по нашему мнению, не является причиной утраты ренарратива. В корпусе проекта CT Audiolink имена и союзы с дистантным артиклем *-н* — *ko´gano* (когда.DEF.DIST) ‘когда’ и *´deno* (где.DEF.DIST) ‘где’, наряду с *a´ga*, — появляются в сочетании с нарративом (см. пример (14) ниже), а *ku´gaaato* (когда.DEF.DIST) ‘когда’ — с будущим временем (13).

родопский говор Ксанти (балканославянские)

(13) ***Ku´gaaato ´dode*** (когда прийти.PRS.3SG) *va´kwt, vika, za da ti pritr’abavat, ʃw hi spome´neʃ i* ***ʃw ´ideʃ*** (FUT идти.PRS.2SG) *da isko´pejʃ pod tʃer´ven****wt*** (красный.DEF.M.SG) *tren´daʃel’*.
‘Когда придет срок, говорит, чтобы они тебе понадобились, ты их вспомнишь и пойдешь выкопать под красной розой’. (N, 36 лет, село Демерджик / Δημάριο, регион Ксанти) [Audiolink]

Во-вторых, утверждение, что отсутствие турецкого влияния на говор помаков Ксанти объясняется неодинаковыми способами выражения эвиденциальности в турецком и болгарском [Adamou 2013: 248], нам кажется несостоятельным. Именно изоморфизм между турецким *mış*, прошедшим временем и перфектами в албанском и в болгарском дали основание исследователям искать происхождение балканского грамматикализованного эвиденциала в контактах с турецким (нельзя не признать при этом, что эвиденциальные системы турецкого, албанского и болгарского языков отличаются и своими специфическими особенностями, см. напр. [Сытов 1979; Meydan 1996]).

В трехъязычной параллельной части корпуса проекта CT Audiolink (родопский диалект, турецкий, греческий; около 5000 слов) болгарским ренарративным формам соответствует турецкий эвиденциал, а в греческом им соответствуют аорист или имперфект (см. параллельные примеры (14)–(16) ниже).

Несмотря на сильное греческое влияние на родопский диалект, случаи замены родопского ренарратива аористом в контекстах типа (14) не зарегистрированы.

родопский говор Ксанти (балканославянские)

(14) ***Ko´gano jæ ´zela*** (когда.DEF.DIST быть.AUX.PRS.3SG взять.PTCP.AOR.F.SG) *po´majtʃinicana za da ja ´gleda, ´nehnine dwʃte´re si* ***je*** (быть.AUX.PRS.3SG) *fse* ***pod´redala*** (устраивать.PTCP.IPF.F.SG), ***pre´men’ala***

(наряжать.PTCP.IPF.F.SG) *ˈhubave za baj ˈram, za ˈsitʃko i tʼa,* ***ˈdeno jæ ˈbila*** (где.DEF.DIST быть.AUX.PRS.3SG быть.PTCP.PST.F.SG) *siˈrak, ne ja* ***sa ˈratʃili*** (быть.AUX.PRS.3PL хотеть.PTCP.AOR.PL)*, fse* ***jæ ˈbila*** (быть.AUX.PRS.3SG быть.PTCP.PST.F.SG) *tʼa podˈmetnata, pri* ***kɯjeno*** (который.DEF.DIST) *jæ* ***baˈdʒena*** (дымоход.DEF.DIST)*, pri* ***pepelˈnɯ*** (пепел.DEF.DIST).

‘Когда мачеха стала [прошедшее I] ухаживать за падчерицей, о своих дочерях она заботилась [прошедшее I], их она наряжала [прошедшее I] по праздникам, по всем [случаям], а она, поскольку была [прошедшее I] сиротой, ее не любили [прошедшее I], она все была [прошедшее I] заброшена, где был камин, у пепла’. [Audiolink]

турецкий говор Ксанти

(15) *Analık bakmak için bu kızı alınca, kendi kızlarını hep* ***derleyip toparlarmış*** (приводить.в.порядок.3SG.EVID)*, bayramlar için, her şey için onları güzelce* ***giydirirmiş*** (одевать.3SG.EVID)*, öksüz olan bu kızı ise* ***istemezlermiş*** (хотеть.NEG.3PL.EVID)*, onu hep ocağın, külün olduğu yere* ***kovalarlarmış*** (гнать.3PL.EVID).

‘Когда мачеха стала ухаживать за ней, о своих дочерях она заботилась, их она одевала красиво на праздники, повсюду, а сироту не любили, ее выгоняли туда, где был камин, к пеплу’. [Audiolink]

греческий говор Ксанти

(16) *Όταν την* ***πήρε*** (брать.AOR.3SG) *η μητριά να την κοιτάζει, τις δικές της κόρες όλο* ***τακτοποιούσε*** (приводить.в.порядок.IPF.3SG), *τις* ***έντυνε*** (одевать.IPF.3SG) *ωραία για τις γιορτές, για όλα, και αυτήν που ήταν ορφανή, δεν την* ***ήθελαν*** (хотеть.IPF.3PL)*, όλο την* ***έδιωχναν*** (выгонять.IPF.3PL) *εκεί που* ***ήταν*** (быть.PST.3SG) *το τζάκι, στη στάχτη.*

‘Когда мачеха стала ухаживать за ней, о своих дочерях она заботилась, их она одевала красиво на праздники, повсюду, а ту, что была сирота, ее не любили, всегда ее выгоняли туда, где был камин, к пеплу’. [Audiolink]

В *Таблице 1* (с. 26) представлены рассмотренные в данном разделе типы изменений в системе выражения эвиденциальных значений, которые возникли в результате языковых контактов в рассматриваемых диалектах.

Таблица 1. Типы изменений, возникшие в результате языковых контактов

Table 1. Types of changes resulting from language contacts

Язык / диалект	**Морфол. калькирование**	**Семант. калькирование**	**Заимств. морфем**	**Эвиденц. значения**	**Индекс влияний**
Мегленитский	+ (алб.)	+ (болг)	—	R/A	2
Цыганский (Сливен)	+ (болг.)	+ (болг)	—	R	2
Цыганский (ерлийский)	+ (болг.)	—	—	A	1
Цыганский (Хасково)	—	—	+ (тур.)	R	1
Арумынский (Горна-Белица)	+ (алб.)	+ (алб., болг.)	+ (алб.)	A/R	3
Албанский (Мандрица)	—	+ (болг.)	—	R	1
Албанский (Украина)	—	+ (болг.)	—	R	1

Примечания к таблице.

1. В скобках указывается язык — источник заимствования.
2. R = ренарратив, A = адмиратив, R/A = ренарратив и адмиратив.
3. Индекс высчитывается как сумма положительных значений параметров, приведенных в таблице.

3. Лексические маркеры эвиденциальности

В языках, в которых идея опосредованной передачи информации (медиатив) достигла грамматической категоризации, лексические средства сосуществуют с глагольной категорией, не заменяя ее [Guentchéva 1994: 22]. Несмотря на различия между балканскими языками, маркеры эвиденциальности (наречия; междометия; модальные, речевые и ментальные глаголы; безличные конструкции) сходны или даже идентичны (о болгарском и албанском см. [Търпоманова 2015: 187–195]).

3.1. Общебалканские маркеры эвиденциальности

Идентичные маркеры, встречающиеся во всех или в нескольких балканских языках и диалектах, по большей части относятся к типичным

балканским турцизмам и представляют собой так называемые «дискурсивные слова» (фр. mots de discours, см. [Culioli 1990]). Ср., например, рум. *haida de* (другие общебалканские дискурсивные маркеры турецкого происхождения в этом языке отсутствуют), болг. *хайде де*, алб. *hajde*, гр. *άντε (καλέ)* — от тур. *hayda* ‘давай! пошел!; вот тебе раз! (удивление)’. Эвиденциальная функция данных маркеров адмиративная, в частности, они могут выражать удивление (17) и иронию.

АЛБАНСКИЙ

(17) ***hajde*** *ç’=trim* *ishte!*
INTJ.ADM что=храбрец.NOM.SG.INDF быть.IPF.3SG
‘Что за храбрец был!’

Помимо этого маркера, в албанском, болгарском и греческом встречаются болг. *демек*, алб. *demek* [Макарцев 2014: 174–175] и гр. *ντεμέκ* ‘то есть, кажется’ — от тур. *demek* ‘говорить, сказать; значит, следовательно’; болг. *белки(м)* ‘может быть, кажется’, алб. *belqim*, гр. *μπέλκι* (в понтийском и кипрском диалектах) — от тур. *belki* ‘может быть, возможно’, почти не употребляемые в литературных языках (как видно из объяснений в следующем греческом примере):

ГРЕЧЕСКИЙ

(18) ***Ίσως*** (может быть) *όταν γίνει haircut στην Ευρωπαϊκή Ηγεσία που τα τελευταία σχεδόν 10 χρόνια αντιμετωπίζει την κρίση ερασιτεχνικά* ***σαν τάχα να γνωρίζει*** (как будто.бы SBJV знать.PRS.3SG) *τι κάνει….****ντεμέκ*** *(Ή* ***μήπως*** (может быть) *γνωρίζει και κάνει ό, τι κάνει;)*.
‘Может быть, когда дело дойдет до *haircut* (англ. «стрижка») Европейского лидерства, которое в последние почти 10 лет относится к кризису дилетантски, как будто знает, что делает… *демек* (или, может быть, знает и поэтому делает то, что делает?)’. [Αλοίμονος 2011]

В список маркеров эвиденциальности можно включить также устаревшие, диалектные или региональные в болгарском языке *чюнким* (< тур. *çünkü* ‘потому что’), *санким* (< тур. *sanki* ‘будто бы’) ‘так сказать’, *аджеба* (< тур. *acaba*) ‘разве, неужели’, уже почти незнакомые носителям современного болгарского языка [Боев 2009]. При всех вышеупомянутых дискурсивных словах адмиративная эвиденциальность пересекается с оптативной модальностью — факт, подтверждающий вышеупомянутое утверждение Р. Ницоловой (см. *1.5*) о возможном

частичном пересечении некоторых эвиденциальных и модальных значений [Ницолова 2007: 110].

Общим для балканских языков маркером является и превратившаяся в полифункциональное междометие вокативная форма болг. *Боже* (*мой* / *мили*) ‘Боже (мой / милостивый)’, *Божке*, *Божичко* ‘Боженька’, гр. *Θεέ μου* ‘Боже мой’, *Θεέ και Κύριε* ‘Господи Боже’, рум. *dragă Doamne* ‘дорогой Боже’, *Doamne, Doamne Dumnezeule* ‘Боже, Боже Господи!’, алб. *o Zot* ‘о, Боже!’, *Zot i madh* ‘великий Боже!’ [Търпоманова 2015: 190].

3.2. Самые частотные маркеры эвиденциальности

Маркеры, которые, по нашему впечатлению, предпочитаются нативными носителями балканских языков, не демонстрируют ничего специфически общебалканского, несмотря на их смысловую близость и на сходство процессов фонетического и морфологического упрощения. Ср. напр. болг. *кай* / *каже* (3-е л. ед. ч. презенса от глагола *кажа* ‘сказать’) ‘говорит’ и *бозна* (< *Бог знае* ‘Бог знает’), гр. *λέει* (3-е л. ед. ч. презенса от глагола *λέω* ‘говорить’) и *λες* (< *λέγεις*, 2-е л. ед. ч. презенса того же глагола), алб. *duket* ‘кажется, выглядит’(3-е л. ед. ч. от глагола *dukem* ‘выглядеть’), *thonë* ‘говорят’ (3-е л. мн. ч. от глагола *them* ‘сказать’); рум. *zice* (3-е л. ед. ч. презенса от глагола *a zice* ‘говорить’) ‘говорится’, *cică* (< *(se) zice că* (REFL говорить.PRS.3SG COMP) ‘говорит(ся), что’) ‘мол, дескать, якобы’, *pesemne* (вер. < *pe semne* (PREP знак.PL) ‘по знакам’) ‘очевидно, вероятно’ и под. Даже при структурном и семантическом совпадении их употребление различается. Ср. следующие примеры из оригинального текста на болгарском (19а), (20а), (21а) и его перевода на греческий язык (19б), (20б), (21б), где, с одной стороны, употреблены болг. *като че (ли)* (как COMP (Q)) ‘словно, как будто’, а с другой, гр. *σαν να* (как SBJV) ‘словно, как будто’ либо гр. *λες* ‘так сказать’ (эквивалент болг. *кай* / *каже*), выражающие сомнение, недоверчивость, т. е. дубитативную эвиденциальность.

БОЛГАРСКИЙ

(19а) *Тя* *събираше* *тия* *тайни,* *радваше* *им=*
она собирать.IPF.3SG этот.PL тайна.PL радовать.IPF.3PL DAT.3PL=

се, ***като*** ***че*** *се* *отнасяха* *за* *нея.*
REFL как COMP REFL относить.IPF.3PL PREP она.ACC

‘Она хранила все эти тайны, радовалась, словно они относились к ней самой’. [Й. Йовков. Божура 1970: 210]

ГРЕЧЕСКИЙ

(19б) *Τα=* *φύλαγε* *καλά* *αυτά* *τα*
ACC.N.3PL= хранить.IPF.3SG хорошо этот.ACC.N.PL DEF.ACC.N.PL

μυστικά, *χαιρόταν* ***λες*** *και* *αφορούσαν*
тайны радоваться.IPF.3SG будто и относиться.IPF.3PL

την *ίδια.*
DEF.ACC.F.SG свой.ACC.F.SG

‘Она хранила все эти тайны, радовалась, словно они относились к ней самой’. [Γιόβκοβ 2016: 62]

БОЛГАРСКИЙ

(20а) ⟨…⟩ ***струваше*** ***ѝ=*** ***се,***
казаться.IPF.3SG DAT.F.3SG= REFL

че *са* *я=* *ограбили.*
COMP быть.AUX.PRS.3PL ACC.F.3SG= грабить.PTCP.AOR.PL

‘⟨…⟩ ей казалось, что ее ограбили’. [Й. Йовков. Божура 1970: 210]

ГРЕЧЕСКИЙ

(20б) ⟨…⟩ *ένιωθε* ***σαν*** ***να*** *την=* *είχαν*
чувствовать.IPF.3SG как SBJV ACC.F.3SG= иметь.AUX.PST.3PL

λεηλατήσει.
грабить

‘⟨…⟩ она чувствовала, будто ее ограбили’. [Γιόβκοβ 2016: 62]

БОЛГАРСКИЙ

(21а) *А* *тая* *бяла* *кукла* ***като*** ***че*** ***ли*** *имаше*
а этот.F.SG белый.F.SG кукла.SG как COMP Q иметь.IPF.3SG

в *гърдите* *си* *не* *сърце,* *а* *камък.*
PREP грудь.DEF.PL POSS NEG сердце а камень

‘У этой фарфоровой куклы будто было в груди не сердце, а камень’. [Й. Йовков. Божура 1970: 210]

ГРЕЧЕСКИЙ

(21б) *Αυτή* *η* *πορσελάνινη* *κούκλα* ***λες*** *και*
этот.NOM.F.SG DEF.NOM.F.SG фарфоровый.F.SG кукла будто и

δεν *είχε* *καρδιά* *στα* *στήθια* *=της,*
NEG иметь.PST.3SG сердце PREP:DEF.N.PL грудь.PL =POSS.F.3SG

παρά μια πέτρα!
PREP INDF.F камень

‘У этой фарфоровой куклы как будто не было сердца в груди, а только камень!’ [Γιόβκοβ 2016: 62]

4. Лексические маркеры и грамматические средства выражения эвиденциальности

В языках, в которых отсутствуют специальные морфологические формы эвиденциала, отдельные глагольные формы способны передавать ненаблюдаемые действия. Роль лексических маркеров в эвиденциальных контекстах при этом неоднозначна и варьирует в зависимости от языка.

Так, в **румынском языке** перфект кондиционала (формально идентичный будущему предшествующему) способен выражать ренарративное значение без лексических маркеров, что дает основание утверждать существование частичной грамматикализации эвиденциала в этом языке [Zafiu 2002: 137]. Употребление румынского перфекта кондиционала для передачи событий, о которых известно по чужой информации или по слухам, было отмечено К. Сандфельдом и Г. Ольсеном в 30-х гг. прошлого века [Sandfeld, Olsen 1936: 366–367].

РУМЫНСКИЙ
(22) *Se* *răspândi* *zvonul* *în* *sat*
REFL распространить.PST.3SG слух.NOM/ACC.SG.DEF PREP село.SG
că *Ana* *lui* *Vasile* *Baciu* ***ar***
COMP Анна.SG GEN/DAT Василе.SG Бачу иметь.AUX.COND.3SG
fi ***însărcinată***.
быть.INF беременеть.PTCP.F.SG

‘По селу прошел слух, что Анна, [дочь] Василе Бачу, забеременела [перфект кондиционала]’. (L. Rebreanu. Ion 1920:206), цит. по: [Sandfeld, Olsen 1936: 366])

РУМЫНСКИЙ
(23) *În* *toată* *Rusia* *circula* *anecdota*
PREP весь.F.SG Россия.SG циркулировать.IPF.3SG анекдот.SG

despre	*un*	*țăran*,	*care*	***ar***	***fi***
PREP	INDF	крестянин.SG	REL	иметь.AUX.COND.3SG	быть.INF

venit	*la*	*Moscova*	*să-l=*
приходить.PTCP.M.SG	PREP	Москва.SG	SBJV:ACC.3SG.M=

privească	*pe*	*împărat.*
смотреть.SBJV.PRS.3SG	PREP	император.SG

‘По всей России ходил анекдот про мужика, который якобы приехал [перфект кондиционала] в Москву, чтобы увидеть императора’. (L. Donici. Revoluția rusă. 1928: 31, цит. по: [Sandfeld, Olsen 1936: 366–367])

Обратим внимание и на замечание В. Фридмана о том, что выражение ренарратива (в его терминологии non-confirmative) в румынском гораздо ближе к болгарскому, чем к любому из остальных балканских языков [Friedman 1994/2004: 402].

Говоря об употреблении лексических маркеров эвиденциальности в румынском, следует заметить, что мы не можем утверждать, что в румынском наблюдается какая-либо определенная зависимость между лексическими маркерами и глагольным временем. В примерах, обнаруженных нами в корпусе румынского языка CoRoLa, лексические маркеры могут появляться, например, в сочетании с перфектом (24, 25), презенсом (26) или плюсквамперфектом (27).

РУМЫНСКИЙ

(24) *Examenul de absolvire al liceului se numea pe atunci “de maturitate”, termenul “bacalaureat”, considerat încă,* ***pesemne*** (очевидно)*, și el prea “burghez”,* ***a fost introdus*** (иметь.AUX.PF.3SG быть.PTCP вводить.PTCP.M.SG) *mai târziu.*

‘Экзамен по окончании средней школы назывался тогда «[экзаменом на получение аттестата] зрелости», термин «бакалавриат», который еще считался, очевидно, слишком «буржуазным», был введен [перфект] позже’. [CoRoLa]

РУМЫНСКИЙ

(25) *— Ce căuta? — Ce să caute? La cerșit. Chipurile, acu’ de sărbători,* ***cică a plecat*** (якобы иметь.AUX.PF.3SG уходить.PTCP) *la colindat.*

‘Что он там забыл? — А что ему еще делать? Попрошайничать. Чай, праздники сейчас, вот и отправился [перфект] вроде на колядки’. [CoRoLa] (перевод Н. Г. Голант)

РУМЫНСКИЙ

(26) *Partid complet rupt de lumea și realitatea profundă, adâncă a săracilor, a necăjiților dar* ***cică*** (якобы) *îi* ***reprezintă*** (представлять.PRS.3SG)*! Cât cinism!?*

‘Партия, полностью порвавшая с народом и настоящей, глубинной реальностью бедноты, реальностью обездоленных, но якобы представляющая их интересы! Какой цинизм!’ [CoRoLa] (перевод Н. Г. Голант)

РУМЫНСКИЙ

(27) *Dacă la început* ***era privită*** (быть.IPF.3SG смотреть.PTCP.F.SG) *ca o bucureșteancă —* ***chipurile****!* (вроде бы) *— cu năsucul cârncam pe sus, în ultimul timp a început să fie îndrăgită de toți colegii și medicii din secție.*

‘Если вначале ее, с ее маленьким вздёрнутым носиком, принимали [плюсквамперфект] — вроде бы! — за жительницу Бухареста, в последнее время ее начали любить все коллеги и врачи отделения’. [CoRoLa]

В **греческом** языке, где значения, близкие к эвиденциальным, могут передаваться формой плюсквамперфекта, в соответствующих контекстах лексические маркеры используются достаточно часто. Так, в корпусе греческого языка [КГЯ] отмечено 37 случаев комбинации маркера *τάχα* ‘будто бы, якобы’ с плюсквамперфектом (примеры (28)–(29)). Иная картина наблюдается в корпусе современного греческого языка [ΣΝΕΚ]: среди 28 случаев, содержащих маркер *τάχα*, не встретилось ни одного употребления плюсквамперфекта (в 11 примерах употребляется презенс, в 6 — аорист, в 5 — конъюнктив, а остальные примеры распределяются между футуром, перфектом и герундием).

ГРЕЧЕСКИЙ

(28) *Αφορμή θα ήταν μια φωτογραφία της μαθήτριας, η οποία* ***είχε πέσει*** (иметь.PST.3SG попадать) — ***δήθεν*** (якобы) *τυχαία — στα χέρια των αρχών και την έδειχνε να χορεύει πάνω σ’ένα τραπέζι, σε ένα μαθητικό πάρτι!*

‘Должно быть, поводом послужила фотография школьницы, которая попала [плюсквамперфект] — якобы случайно — в руки властей и на которой изображалось, как девушка танцует на столе на одной из школьных вечеринок’. [КГЯ: Το Βήμα, 26.07.2012]

ГРЕЧЕСКИЙ

(29) *Ώρες-ώρες είναι τόσο εμετικά προφανής η υποκρισία της διαφάνειας, που μου θυμίζει εκείνους τους τουρίστες που έμειναν μετά το τσουνάμι δίπλα από τα πτώματα στα παραδείσια νησιά της Άπω Ανατολής, επειδή* ***είχαν πληρώσει*** (иметь.PST.3PL платить) *τις διακοπές τους και* ***τάχα*** (якобы) *μου για να μην καταρρακωθεί ο τουρισμός της τσουναμόχωρας.*

'Иногда лицемерие настолько очевидно и прозрачно, что напоминает мне тех туристов, которые после цунами остались рядом с трупами на райских островах Дальнего Востока, так как они предварительно заплатили [плюсквамперфект] за свои каникулы и сделали это якобы для того, чтобы не подвести туристический бизнес страны'. [КГЯ: Μακεδονία, 28.02.2010]

Как уже было сказано, в языках с грамматикализованной эвиденциальностью лексические маркеры являются только сопровождающими, но не обязательными средствами. Тем не менее в **албанском**, где основным для эвиденциала является адмиративное значение, эти маркеры, как показала Е. Тырпоманова, могут уточнять разные типы эвиденциальных значений или исключать возможную неоднозначность эвиденциальных форм глаголов. Так, например, обязательным условием для использования таких форм в значении ренарратива является наличие лексических маркеров [Търпоманова 2015: 105, 195].

К разнородности проявлений эвиденциальности в балканских языках добавляются и несоответствия в употреблении грамматикализованных эвиденциалов в **албанском** и **болгарском**. Албанско-болгарский и болгарско-албанский корпусы переводов художественной литературы показывают, что болгарские ренарративные формы, как правило, соответствуют индикативным формам албанских оригиналов, особенно когда в них описываются события, основанные на словах другого лица, а дополнительная информация дается лексическими средствами. Болгарские ренарративные формы в албанских переводах также передаются обычно индикативными формами, а глагольное время, как правило, соответствует времени оригинала на хронологической оси (30). Может быть использовано и время, хронологически предшествующее времени оригинала, например болгарский ренарративный аорист или имперфект могут переводиться на албанский язык плюсквамперфектом (31) [Асенова 1996/2016:108–109]:

БОЛГАРСКИЙ

(30а) *Някога той* ***държал*** (держать.PTCP.AOR.M.SG) *фурна в Пирот и* ***се хванал*** (REFL хватать.PTCP.AOR.M.SG) *на бас,* *че може да изпече кифла, дълга 25 метра. Никой не* ***вярвал*** (верить.PTCP.PST.M.SG), *защото никой не* ***бил виждал*** (быть.PST.PTCP.M.SG видеть.PTCP.PST.M.SG) *такава кифла.*

'Когда-то он держал [прошедшее I] пекарню в Пироте и заключил [прошедшее I] пари, что может испечь 25-метровую булку. Никто не верил [прошедшее I], потому что никто не видел [прошедшее II] такой булки'. (Й. Радичков. Хляб) [Радичков 1980]

АЛБАНСКИЙ

(30б) *Dikur ai* ***kishte*** (иметь.IPF.3SG) *një furrë në Pirot dhe* ***vinte*** (ставить.IPF.3SG) *bast se mund të piqte një qifle njëzet e pesë metra të gjatë. Asnjeri nuk* ***besonte*** (верить.IPF.3SG), *sepse asnjeri nuk* ***kishte parë*** (иметь.IPF.3SG видеть.PTCP) *të tillë qifle.*

'Когда-то он имел пекарню в Пироте и заключил пари, что может испечь 25-метровую булку. Никто не верил, потому что никто не видел [плюсквамперфект] такой булки'. [Kuqali 1991]

БОЛГАРСКИЙ

(31а) ⟨…⟩ *той* ***можел*** (мочь.PTCP.IPF.SG.M) *да изпълни и най-сложните пасажи* ⟨…⟩.

'⟨…⟩ он мог [прошедшее I] исполнять и самые сложные пассажи ⟨…⟩.' [Пасков 1987]

АЛБАНСКИЙ

(31б) ⟨…⟩ ***kishte qenë*** (иметь.IPF.3SG быть.PTCP) *në gjendje të luante pasazhet më të vështira*.

'⟨…⟩ он был [плюсквамперфект] в состоянии исполнять самые сложные пассажи ⟨…⟩.' [Koçi 1991]

Ближе всего к основному значению болгарских форм пересказывания (т. е. опосредованной передаче глагольного действия) находится адмиратив в северногегском эпосе [Fiedler 1966: 368], как и в литературном творчестве гегских авторов, ср. напр. следующую строку из поэмы Гергя Фишты (алб. Gjergj Fishta, 1870–1940) *Lahuta e Malcisë* 'Горные гусли' (1937):

АЛБАНСКИЙ (ГЕГСКИЙ)

(32) ***Paska*** ***marrë*** *e* *shi* *në* *rrugë…*
иметь.ADM.PRS.3SG брать.PTCP и прямо PREP дорога
‘Взял и прямо на дороге…’ [Fishta 2010: 17]

С другой стороны, албанский адмиратив можно передать на болгарском языке эвиденциальной глагольной формой (33), но, как и в остальных балканских языках, удивление может быть выражено и лексическим маркером, например вопросительным местоимением (см. пример (34), где приводятся албанский, болгарский и румынский переводы с греческого оригинала)[5]:

АЛБАНСКИЙ

(33а) *Suzana!* *Ajo* *ktheu* *kokën. —*
Сузана она поворачивать.AOR.3SG голова.ACC.SG.DEF
Paske ***ardhur****?* [Kadare 1971]
иметь.ADM.PRS.2SG приходить.PTCP

БОЛГАРСКИЙ

(33б) *Сузана!* *Тя* *извърна* *глава. —*
Сузана она повернуть.AOR.3SG голова.SG
А, *ти* ***си*** ***дошъл****?* [Кисова 1975]
а ты быть.AUX.PRS.2SG прийти.PTCP.AOR.M.SG
‘Сузанна! — Она повернула голову. — А, ты пришел?’

ГРЕЧЕСКИЙ

(34а) ***Τι*** *σκοτάδι! —* *Έκαμε* *κακαρίζοντας.*
что темнота.ACC.SG делать.PST.3SG кудахтать.GRND
Ήθελε *να=* *την=* *δούν.* [Καζαντζάκης 1999]
хотеть.IPF.3SG SBJV= ACC.F.3SG= видеть.AOR.3PL

БОЛГАРСКИЙ

(34б) ***Каква*** *тъмнина! —* *каза* *тя,* *кикотейки*
какой.F.SG темнота.SG сказать.AOR.3SG она хихикать.GRND
се. *Искаше* *да* *я=* *видят.* [Куфов 1978]
REFL хотеть.IPF.3SG SBJV ACC.3SG= видеть.IPF.3PL
‘Какая темнота! — сказала она, хихикая. Ей хотелось, чтобы ее видели’.

[5] Подробнее об албанско-болгарских соответствиях и несоответствиях см. в книге Е. Тырпомановой [Търпоманова 2015].

АЛБАНСКИЙ

(34в) ***Sa*** *errësirë* ***qenka*** *këtu! —*
сколько темнота.ACC.SG.INDF быть.ADM.PRS.3SG здесь

tha *ajo* *tërë* *naze.*
сказать.AOR.3SG она.NOM весь каприз.ACC.PL.INDF

Donte *që* *ta=* *shikonin.* [Fico 1992]
хотеть.IPF.3SG COMP SBJV:ACC.3SG= видеть.IPF.3PL

РУМЫНСКИЙ

(34г) ***Ce*** *întoneric* *e* *aici!* *Exclamă,*
что темнота.SG быть.PRS.3SG здесь восклицать.PST.3SG

cu *cochetărie.* *Voia* *să* *fie*
с кокетство.SG хотеть.IPF.3SG SBJV быть.SBJV.PRS.3SG

văzută. [Martinescu 1962]
видеть.PTCP.F.SG

'Какая здесь темнота! — сказала она кокетливо. Ей хотелось, чтобы ее видели'.

5. Роль эвиденциальных форм в языке современных средств массовой информации

Ряд авторов проявляют особый интерес к новым функциям эвиденциала, появившимся после политических изменений 90-х годов прошлого века в языке современных средств массовой информации. Ср. напр. работы Р. Ницоловой о болгарской прессе [Ницолова 1999] и о болгарских печатных СМИ в сравнении с польскими [Ницолова 2009]; З. Генчевой о болгарской прессе [Guentchéva 2014, с библиографией], М. М. Макарцева [2014: 296–313] о печатных и электронных СМИ в Албании и Косово и др. В данном разделе мы обратим внимание на эти новые функции в разных языках.

5.1. Болгарский и албанский

В болгарских СМИ при помощи ренарратива нередко выражается дистанцированность говорящего / пишущего по отношению к достоверности информации. Таким образом, адресату внушается недоверие

и ироническое отношение к источнику сведений. Напр. заглавие статьи может выглядеть так:

БОЛГАРСКИЙ

(35) *Елена Кирчева* ***щяла*** ***да*** ***се***
Елена Кирчева хотеть.AUX.PTCP.PST.F.SG SBJV REFL

връща *в* *България.*
возвращать.PRS.3SG PREP Болгария

‘Елена Кирчева, говорят, возвращается в Болгарию’. [Дума, 03.07.1996]

Иными словами «мы узнали, что она так сказала, но нам не верится, мы относимся иронически к ее (возможно ложным) утверждениям» (соответственно, читателю тоже нельзя им верить). В тоже время, из самого текста статьи становится ясным, что автор лично слышал ее утверждение:

БОЛГАРСКИЙ

(36) *Елена Кирчева* ***смята да се върне*** (думать.PRS.3SG SBJV REFL вернуть.PRS.3SG) *в България, стана ясно от нейно интервю пред “Дарик радио” в понеделник.*

‘Елена Кирчева собирается вернуться в Болгарию, как стало ясно из ее интервью Радио «Дарик» в понедельник’. [Дума, 03.07.1996] (перевод И. А. Седаковой)

По мнению М. М. Макарцева [2014: 311–312], в употреблении албанского адмиратива, который не встречался ранее «в новостных сообщениях», но был допустим в юмористических колонках, комиксах и под., инновацией является то, что он «вдруг стал употребляться в качестве репортативной формы с эпистемическим оттенком недоверия», но «часто с дополнительным оттенком эмоциональной реакции», см. его пример:

АЛБАНСКИЙ

(37) *Sot* *u* *konfirmua* *se* *3* *prej* *10*
сегодня REFL подтвердить.PASS.AOR.3SG COMP 3 PREP 10

shqiptarëve ⟨…⟩ ***qenkan*** ***vrarë.***
албанец.ABL.PL быть.ADM.PRS.3PL убивать.PTCP

‘Сегодня подтверждено, что трое из десяти албанцев были убиты’. (KMDLNJ #445 — 17.11.1998, цит. по [Макарцев 2014: 312])

Говоря о болгарском языке, тот же автор утверждает, что выражение собственного мнения с помощью эвиденциальных форм приводит

к нарушению всех норм в использовании индикатива и эвиденциала. В чередовании форм засвидетельствованности и незасвидетельствованности М. М. Макарцев видит «стратегию объективности», а именно нечто вроде «кажущейся объективности», соответствующей «ожиданиям потенциальных адресатов» и таким образом превращается в средство манипуляции и воздействия на сознание адресата информации в желаемом автором направлении [Макарцев 2014: 296–298].

Иным способом объясняет чередование форм разных эвиденциалов при передаче одного и того же сообщения с чужих слов Р. Ницолова. Опираясь на исследование Д. Слобина и А. Аксу на материале турецкого языка [Slobin, Aksu 1982], она утверждает, что это чередование связано с психолингвистическими особенностями сознания, которое может по-разному классифицировать одну и ту же информацию, помещая ее в отдельные хранилища и перемещая информацию из одного хранилища памяти в другое. Индикатив связан с хранилищем «сильной» (своей) информации, а переход информации в хранилище «слабой» информации соответствует степени достоверности, выраженной различными эвиденциальными значениями инференциалом — ренарративом — дубитативом [Ницолова 2009: 12].

Говоря о манипулятивных возможностях эвиденциальных форм в языке болгарской журналистики, З. Генчева (см. также [Ницолова 2009: 17–19]) доказывает, что использование (в ее терминологии) медиатива не всегда является оператором в противопоставлении наблюдаемого действия ненаблюдаемому, но может быть опасным инструментом распространения слухов, инсинуаций, сомнений и подозрений. С такой целью журналист может воспользоваться возможностями болгарской эвиденциальной системы, например омонимией между индикативным перфектом и инференциальным (конклюзивным) аористом; трудностью определения семантических различий форм с вспомогательным глаголом в третьем лице или без вспомогательного глагола [Guentchéva 2014: 32, 38–39]. Проиллюстрируем сказанное одним из анализируемых ею примеров (38):

БОЛГАРСКИЙ

(38) *През мандата си президентът* ***е изпратил*** (быть.AUX.PRS.3SG отправить.PTCP.AOR.M.SG) *над 1000 сигнала в прокуратурата за корупция. Това заяви главният прокурор*.

‘За время своего президентства президент направил в прокуратуру более 1000 сигналов о коррупции. Об этом заявил генеральный прокурор.’ (Труд 2001, цит. по: [Guentchéva 2014: 41])

(38а) *Главният прокурор заяви, че президентът* ***е изпратил*** (быть. AUX.PRS.3SG отправить.PTCP.AOR.M.SG)…

(38б) *Главният прокурор заяви, че президентът* ***изпратил*** (отправить. PTCP.AOR.M.SG)…

‘Генеральный прокурор заявил, что президент отправил [перфект индикатива / прошедшее I]…’

Контекст показывает, что утверждается ненаблюдаемое действие (*заяви* ‘об этом заявил’), но представленное как истинное. Глагольную форму *е изпратил* ‘отправил’ можно интерпретировать как перфект индикатива или аорист эвиденциала.

Выбор между формами с вспомогательным глаголом или без вспомогательного глагола определяет своего рода ответственность журналиста за истинность или ложность передаваемой информации. Выбрав перфект (38а) он берет на себя такую ответственность, выбирая аорист эвиденциала (38б), он ее с себя снимает.

5.2. Румынский и греческий

Употребление, подобное описанному в *5.1*, в румынском языке демонстрирует не только кондиционал настоящего времени (40), а особенно в последнее время — перфект кондиционала (39). В газетных текстах эта глагольная форма функционирует как ренарративный эвиденциал и последовательно указывает на источники непроверенной информации, как отмечает Р. Зафиу [Zafiu 2002: 131], приводя следующие примеры:

РУМЫНСКИЙ

(39) *Abia* *acum* ***se*** ***spune*** *pe* *șleau* *că*
только сейчас REFL сказать.PRS.3SG PREP ремень.SG COMP

Ș.B. ***ar*** ***fi*** ***fost***
Ш. Б. иметь.AUX.COND.3SG быть.INF быть.PTCP

plătit *de* *FNI.*
платить.PTCP.M.SG PREP НИФ

‘Только сейчас прямо говорится, что Ш. Б., вероятно, был оплачен [перфект кондиционала] НИФ.’ (EZ 02.06.2000, цит. по: [Zafiu 2002: 131])

РУМЫНСКИЙ

(40) *Enrique* *a* *pus* *capăt* *bîrfelor*
Энрике.SG иметь.AUX.PF.3SG класть.PTCP конец.SG сплетня.PL
cum ***că*** ***ar*** ***fi*** *adeptul*
CONJ COMP иметь.AUX.COND.3SG быть.INF адепт.NOM/ACC.SG.DEF
play-back-ului.
плейбек.GEN/DAT.SG.DEF
'Энрике положил конец слухам о том, что он будто бы был адептом плейбека.' (viva.ro, цит. по: [Zafiu 2002: 131], перевод Н. Г. Голант)

В греческих СМИ задачу выражения значений эвиденциальности выполняют лексические маркеры (см. примеры (18) и (41)).

ГРЕЧЕСКИЙ

(41) *Τη "βόμβα" την* ***είχε συναρμολογήσει*** (иметь.PST.3SG собрать) *ο ίδιος νωρίτερα με περίπου 450 κιλά αδρανούς υλικού, το οποίο το FBI του* ***είχε παραδώσει*** (иметь.PST.3SG передать) ***δήθεν*** (якобы) *ως εκρηκτικά…*
'«Бомбу» он собрал [плюсквамперфект] сам еще раньше, из 450 кг инертного материала, который ФБР будто бы передал ему в качестве взрывчатого вещества…' [КГЯ: Το Βήμα, 18.10.2012]

5.3. Оппозиция *свой* / *чужой* в албанских и болгарских СМИ

Посредством манипуляционных возможностей эвиденциала в балканских СМИ преднамеренно (а иногда и бессознательно) выражается семиотическая оппозиция *свой* / *чужой.*

Использование индикатива или ренарратива в новостных сообщениях указывает на «свое, дружеское» новостное агентство (если сообщение в индикативе) или на «чужое» (если преобладает ренарратив). Раньше членами этой оппозиции для болгарских СМИ были, соответственно, ТАСС и Reuters, теперь же эти агентства поменялись местами [Ницолова 2009]. Подобным образом в албанских СМИ сербские агентства занимают негативно маркированное место, зато косовские — позитивное [Макарцев 2014: 311, 326].

Иногда можно заметить, как противопоставление «своих» и «чужих», возможно, неосознанно, проникает в сферу объективно представ-

ленной информации, выражаемой индикативом. Приведем пример из болгарской газеты, в котором сообщается об турецко-греческих отношениях:

БОЛГАРСКИЙ

(42) *Неотдавна Турция* ***увеличи*** *превантивните*
недавно Турция.SG увеличить.AOR.3SG превентивные.DEF.PL

си мерки спрямо Гърция, тъй като Атина
POSS.DAT мера.PL PREP Греция.SG так как Афины.SG

се стремяла *да повиши*
REFL стремиться.PTCP.PST.F.SG SBJV увеличить.PRS.3SG

напрежението в Източното Средиземноморие
напряжение.DEF.SG PREP восточный.DEF.N.SG Средиземноморье.SG

и Егейско море.
и Эгейское море.SG

'Недавно Турция усилила превентивные меры в отношении Греции, так как похоже, что Афины стремятся [прошедшее I] усилить напряженность в Восточном Средиземноморье и в Эгейском море'. [Дума, 08.06.2018] (перевод И. А. Седаковой)

Информация об отношениях между двумя странами, Грецией и Турцией, выражается аористом индикатива *увеличи* (то, что Турция усилила превентивные меры, является объективным фактом). Однако объяснение причины этого действия со стороны Турции передается эвиденциалом (*Атина се стремяла*), который вызывает у читателя сомнение в правомерности турецких претензий.

6. Заключение

В своей статье мы рассмотрели отдельные, до сих пор недостаточно разработанные проблемы балканской эвиденциальности. В заключение можно сделать следующие выводы:

1. В результате языковых контактов в языках БЯС возможно развитие форм грамматикализованного эвиденциала, но мы не считаем, что в результате языкового контакта возможна его утрата. Если такое изменение происходит, оно обязательно будет вызвано внутренними системными причинами, как это произошло в болгарских диалектах, потерявших действительное причастие прошедшего времени на *-л*.

2. Во всех языках БЯС лексические маркеры эвиденциальности — расходящиеся или совпадающие — не являются специфически балканскими. Некоторые из них являются маркерами общеевропейского распространения (ср. фр. *mon Dieu!* ‘Боже мой!’, *on dit* ‘говорят’; нем. *Oh, mein Gott!* ‘О, мой Бог!’, *man sagt* ‘говорят’; рус. *говорят*).

3. В болгарском и в албанском основные значения эвиденциальности выражаются, в первую очередь, грамматическими формами эвиденциала. Румынский примыкает к этим двум языкам, используя перфект кондиционала для выражения незасвидетельствованных действий. С большой степенью уверенности можно утверждать, что в румынском языке развивается (или даже развилась) грамматикализованная эвиденциальность. Но несмотря на то, что проявления грамматикализации эвиденциальности были отмечены исследователями прошлого века [Sandfeld, Olsen 1936: 350; Iordan 1956: 43], и подтверждаются современными румынскими лингвистами [Zafiu 2002], остаются сомнения в существовании этой грамматической категории в румынском языке.

4. Во всех языках БЯС распространено выражение с помощью эвиденциала недоверчивости, сомнения и, вследствие этого, иронического отношения к достоверности сообщений, предлагаемых средствами массовой информации.

Список условных сокращений

алб. — албанский язык; англ. — английский язык; АНК — Албанский национальный корпус; болг. — болгарский язык; гр. — греческий язык; КГЯ — Корпус греческого языка; нем. — немецкий язык; рум. — румынский язык; рус. — русский язык; тур. — турецкий язык; фр. — французский язык; 1, 2, 3 — лицо у глаголов и местоимений; ACC — аккузатив; ADM — адмиратив (албанский); AOR — аорист; ART — артикль; AUX — вспомогательный глагол; COMP — комплементайзер; COND — кондиционал; DAT — датив; DEF — показатель определенности; DIST — показатель дистантности; EVID — эвиденциал; F — женский род; FUT — будущее время; GEN — генитив; GRND — герундив; INDF — показатель неопределенности; INF — инфинитив; INTJ — междометие; IPF — имперфект; M — мужской род; N — средний род; NEG — отрицание; NOM — номинатив; PASS — неактивный залог; PF — перфект (вспомогательный глагол для образования перфекта в румынском); PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PQPF — плюсквамперфект (вспомогательный глагол для образования плюсквамперфекта в румынском); PREP — предлог; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; Q — вопросительная частица; REFL — показатель возвратности; REL — релятивизатор; SBJV — конъюнктив; SG — единственное число.

Литература

Алексова 2003 — К. Алексова. Адмиративът в съвременния български език. София: СемаРШ, 2003.

Алексова 2015 — К. Алексова. Употреби на дубитатива в съвременния български език // И. Александрова, Й. Тишева, К. Алексова, М. Калинова, Н. Чернокожев, П. Осенова, Р. Божанкова (сост.). Филологическият проект — кризи и перспективи. Сборник доклади от международна научна конференция (24–26 април 2015). Велико Търново: Фабер, 2015. С. 297–314.

Алексова 2016 — К. Алексова. Конклузивът и неговите употреби в съвременния български език // Електронно списание LiterNet, 07.10.2016, № 10 (203) (электронный ресурс). URL: http://liternet.bg/publish7/kaleksova/konkluzivyt.htm (дата обращения 15.04.2020).

Асенова 1996/2016 — П. Асенова. Адмиративът в албански и преизказването в български // П. Асенова. Избрани статии по балканско езикознание. София: АПП «Аля», 2016. С. 97–119. (Впервые опубликовано как: P. Assenova. Habitorja e shqipes dhe mënyra e ritregimit të bullgarishtes // B. Beci, Z. Rrahmani, Xh. Ylli (red.). Seminari XVIII Ndërkombëtar për gjuhën, letërsinë dhe kulturën shqiptare. Tiranë, 18–31 gusht 1996. Tiranë: Eurorilindja, 1996. P. 565–579.)

БДА 2001 — Български диалектен атлас. Обобщаващ том. I–III. Фонетика. Акцентология. Лексика. София: Книгоиздателска къща «Труд», 2001.

БДА 2016 — Български диалектен атлас. Обобщаващ том. IV. Морфология. София: Изд-во на БАН «Проф. Марин Дринов», 2016.

Боев 2009 — Е. Боев. Чюнкимъ, санкимъ и белкимь — Троица братя Найден Геровъ // А. Дерменджиев, П. Павлов, М. Мъжлекова, В. Станко, Н. Червенков, И. Стоянов, И. Грек, Н. Русев, В. Колесник, М. Станчев, О. Дьомин, В. Милчев, А. Пригарин (ред.). Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. 10. Одеса; Велико Търново: Университетско издателство ВТУ «Св. Св. Кирил и Методий», 2009. С. 543–550.

Герджиков 1984 — Г. Герджиков. Преизказването на глаголното действие в българския език. София: Наука и изкуство, 1984.

Деянова 1970 — М. Деянова. История на сложните минали времена в български, сърбохърватски и словенски език. София: Изд-во на БАН, 1970.

Котова 2017 — Н. В. Котова. Язык албанцев Украины в середине XX века. Тексты и словарь. Комментарии. М.: Языки славянской культуры, 2017.

Макарцев 2014 — М. М. Макарцев. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. М.; СПб.: Нестор-История, 2014.

Марку 2011 — Х. Марку. Изразяване на евиденциалност в български и новогръцки език — за междуезиковата асиметрия и проблемите на превода // Т. Бояджиев, В. Попова, К. Алексова (сост.). Научни трудове в памет на Г. Герджиков. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2011. С. 303–324.

Морозова 2016 — М. С. Морозова. Говор албанцев Украины: грамматический очерк // А. А. Новик, Ю. В. Бучатская, Д. С. Ермолин, А. С. Дугушина,

М. С. Морозова. «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины. СПб.: МАЭ РАН, 2016. Ч. I. Т. 2. С. 421–506.

Ницолова 1999 — Р. Ницолова. Основни тенденции в развитието на българския печат след 1989 г. // И. Ликоманова, Й. Трифонова (ред.). Медиите и езикът. София: ЕТО, 1999. С. 114–121.

Ницолова 2007 — Р. Ницолова. Модализованная эвиденциальная система болгарского языка. // В. С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой. СПб.: Наука, 2007. С. 105–195.

Ницолова 2009 — Р. Ницолова. Социолингвистични промени при предване на чужда реч в българския печат през последните две десетилетия в съпоставка с полския печат // Съпоставително езикознание. 2009. XXXIV. № 2. С. 5–20.

Сытов 1979 — А. П. Сытов. Категория адмиратива в албанском языке и ее балканские соответствия // А. В. Десницкая (отв. ред.). Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л.: Наука, 1979. С. 90–124.

Теодоровъ-Баланъ 1887 — А. Теодоровъ-Баланъ. Неуспѣхътъ по български езикъ въ нашитѣ училища // Периодическо списание на Българското книжовно дружество въ Срѣдецъ. 1887. Кн. XXI и XXXII. Срѣдецъ: Държавна печатница. С. 500–522.

Трифоновъ 1905 — Ю. Трифоновъ. Синтактични бѣлѣжки за съединението на минало дѣйствително причастие съ глагола *съмъ* въ новобългарския езикъ // Периодическо списание на българското книжовно дружество въ София. 1905. Год. XVII. Кн. LXVI. Св. 3–4. София: Държавна печатница. С. 155–192.

Търпоманова 2015 — Е. Търпоманова. Евиденциалност в балканските езици: български и албански. София: Ни плюс, 2015.

Христова 2003 — Е. Христова. Българска реч от Албания. Говорът на село Връбник. Благоевград: Университетско издателство «Неофит Рилски», 2003.

Цоневъ 1910–1911 — Б. Цоневъ. Определени и неопределени форми в българския езикъ. Ректорска реч, държана на 25.X.1910 // Годишникъ на Софийския университетъ: Историко-филологически факултетъ. 1910–1911. Кн. VII. С. 1–18.

Шклифов 1973 — Б. Шклифов. Костурският говор: принос към проучването на югозападните българскати говори // Трудове по българска диалектология. Кн. 8. София: Изд-во на БАН, 1973.

Adamou 2006 — E. Adamou. Le Nashta. Description d'un parler slave de Grèce en voie de disparition. München: Lincom Europa, 2006.

Adamou 2013 — E. Adamou. Change and variation in trilingual setting. Evidentiality in Pomak (Slavic, Greece) // I. Léglise, C. C. Chamoreau (eds.). The Interplay of Variation and Change in Contact Setting. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2013. P. 229–252.

Aikhenvald 2004 — A. Aikhenvald. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Atanasov 2002 — P. Atanasov. Meglenoromâna astăzi. Le mégléno-roumain de nos jours. Bucureşti: Editura Academiei Române, 2002.

Boas 1911 — F. Boas. Handbook of American Indian languages. Washington: Government Printing Office, 1911.

Boretzky 2018 — N. Boretzky. Der Romani-Dialekt der Futadžides von Chaskovo / Bulgarien. (Grazer Romani Publikationen 6). Graz: Karl-Franzens Universität Graz, 2018.

Civjan 1987 — T. V. Civjan. Un aperçu de la catégorie de la deixis dans le système grammatical de l'ULB // Cahiers balkaniques. 1987. № 12. P. 59–76.

Culioli 1990 — A. Culioli. Pour une linguistique de l'énonciation: Opérations et représentations. Paris: Orphis. 1990.

Domi, Shuteriqi 1965 — M. Domi, Dh. Shuteriqi. Një vështrim mbi të folmen shqipe të Mandricës // Studime filologjike. 1965. № 2. F. 103–119.

Dozon 1879 — A. Dozon. Manuel de la langue chkipe ou albanaise. Grammaire — Chrestomatie — Vocabulaire. Paris: Lerroux, 1879.

Fanciulli 2017 — D. Fanciulli. Noun Determiners with Temporal Value in the Bulgarian Rhodope Dialect // Zeitschrift für Balkanologie. 2017. Vol. 53. № 1. P. 25–65.

Fiedler 1968 — W. Fiedler. Zu einige Problemen des Admirative in den Balkansprachen // N. Todorov, V. Ivanov Georgiev, V. Tăpkova-Zaimova, I. P. Gălăbov, J. Zaimov (éd.). Actes du Premier Congrès international des études balkaniques et Sud-Est européennes. T. VI. Sofia: Nauka i izkustvo, 1968. P. 367–369.

Friedman 1999 — V. Friedman. Evidentiality in the Balkans // U. Hinrichs (Hrsg.). Handbuch der Südosteuropa-Linguistik. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1999. P. 519–544.

Friedman 2003 — V. Friedman. Evidentiality in the Balkans with special attention to Macedonian and Albanian // A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). Studies in Evidentiality. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2003. P. 189–218.

Friedman 1994/2004 — V. Friedman. Surprise! Surprise! Arumanian has had an Admirative! // V. Friedman. Studies on Albanian and other Balkan Languages. Pejë: Dukagjini, 2004. P. 303–319. (First published in: Indiana Slavic Studies. 1994. № 7. P. 79–89.)

Friedman 2008 — V. Friedman. Balkan Slavic Dialectology and Balkan Linguistics: Periphery and Center // Ch. Y. Bethin (ed.). American Contributions to the 14th International Congress of Slavists, Ohrid, September 2008. Vol. 1: Linguistics. Bloomington, IN: Slavica, 2008. P. 131–48.

Guentchéva 1994 — Z. Guentchéva. Manifestations de la catégorie du médiatif dans les temps du français // Langue française. 1994. № 102. P. 8–23.

Guentchéva 1996 — Z. Guentchéva. Le médiatif en bulgare // Z. Guentchéva (éd.). L'énonciation médiatisée. Louvain; Paris: Peeters, 1996. P. 45–67.

Guentchéva 2014 — Z. Guentchéva. Le rôle des formes perfectoïdes, avec ou sans auxiliaire, dans la presse écrite bulgare // O. Inkova, M. di Filippo, F. Esvan (a cura di). L'architettura del testo. Studi contrastivi slavo-romanzi. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2014. P. 31–46.

Igla 2006 — B. Igla. Zum Renarrativ im slivener Romani // Linguistique balkanique. 2006. XLV. № 1. P. 55–64.

Igla 2010 — B. Igla. Innovationen in bulgarischen Romani-Dialekten // P. Assenova, A. Petrova, Ts. Ivanova (eds.). The Verbal System of the Balkan Languages — Heritage and Neology. Veliko Tarnovo: Faber, 2010. P. 263–276.

Iordan 1956 — I. Iordan. Limbă romînă contemporană. București: Editura Ministerului învățământului, 1956.

Jakobson 1957 — R. Jakobson. Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1957.

Joseph 2003 — B. D. Joseph. Evidentials. Summation, questions, prospects // A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). Studies in Evidentiality. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2003. P. 307–327.

Kostov 1973 — K. Kostov. Zur Bedeutung des Zigeunerischen für die Erforschung grammatischer Interferenzerscheinungen // Linguistique balkanique. 1973. XVI. № 2. P. 99–113.

Lazard 1996 — G. Lazard. Le médiatif en person // Z. Guentchéva (éd.). L'énonciation médiatisée. Louvain; Paris: Peeters, 1996. P. 21–30.

Liosis 2010 — N. Liosis. If only Arvanitika had an admirative mood! Between evidentiality and counterfactuality // Zeitschrift für Balkanologie. 2010. Vol. 46. № 2. P. 184–202.

Markovikj 2012 — M. Markovikj. Formal and Semantic Analysis of the Compound Past Tenses in the Macedonian and Arumunian Dialects of the Ohrid Region // T. Kahl, M. Metzeltin, H. Schaller (Hrsg.). Balkanismen heute — Balkanisms Today — Balkanizmy segodnya. Wien: LIT Verlag, 2012. P. 265–274.

Mazon 1936 — A. Mazon. Documents, contes et chansons slaves de l'Albanie du Sud. Paris: Librairie E. Droz, 1936.

Meydan 1996 — M. Meydan. Emplois médiatifs de *mış* en turc // Z. Guentchéva (éd.). L'énonciation médiatisée. Louvain; Paris: Peeters, 1996. P. 125–143.

Sandfeld, Olsen 1936 — K. Sandfeld, H. Olsen. Syntaxe roumaine. I. Emploi des mots à flexion. Paris: Librairie E. Droz, 1936.

Shuteriqi 1965 — Dh. Shuteriqi. Fshati shqiptar i Bullgarisë, Mandrica. Studim dhe tekste // Studime filologjike. 1965. № 1. P. 103–112.

Slobin, Aksu 1982 — D. I. Slobin, A. A. Aksu. Tense, aspect and modality in the use of the Turkish evidential // P. Hopper (ed.). Tense — aspect: between semantics and pragmatics. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1982. P. 185–200.

Sokolova 1983 — B. Sokolova. Die albanische Mundart von Mandrica. (Balkanologische Veröffentlichungen 6). Wiesbaden: Harrassowitz, 1983.

Voronina et al. 1996 — I. Voronina, M. Domosileckaja, L. Sharapova. E folmja e shqiptarëve të Ukrainës. Shkup: Shkupi, 1996.

Weigand 1925 — G. Weigand. Der Admirativ im Bulgarischen // G. Weigand (Hrsg.). Balkan-Archiv. Fortsetzung des Jahresberichtes des Instituts f. rumän. Sprache. Bd. 1. Leipzig: J. A. Barth, 1925. S. 150–152.

Zafiu 2002 — R. Zafiu. Evidențialitatea în limba română actuală // G. Pană Dindelegan (coord.). Aspectele ale dinamicii limbii române actuale. București: Editura Universității din București, 2002. P. 127–144.

Источники

АНК — Албанский национальный корпус (электронный ресурс). URL: http://web-corpora.net/AlbanianCorpus/search/ ?interface_language=ru (дата обращения 15.04.2020).

Дума — Вестник «Дума» (электронный ресурс). URL: https://www.duma.bg/ (дата обращения 15.04.2020).

Илиев 2017 — Д. Илиев. Дяволското сборище. E Ben gengoro kidiva. Приказки на български и ромски език / ред. Б. Игла. Велико Търново: Фабер, 2017.

Йовков 1970 — Й. Йовков. Събрани съчинения. Т. 2. София: Български писател, 1970.

КГЯ — Корпус греческого языка (электронный ресурс). URL: http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения 15.04.2020).

Кисова 1975 — И. Кадаре. Хроника на камък / прев. Е. Кисова. София: Народна култура, 1975.

Куфов 1978 — Н. Казандзакис. Капитан Михалис / превел от гръцки Г. Куфов. София: Народна култура, 1978.

Пасков 1987 — В. Пасков. Балада за Георг Хених. София: Български писател, 1987.

Радичков 1969 — Й. Радичков. Барутен буквар. София: Български писател, 1969.

Рила 2005–2007 — Болгарско-французский проект «Рила 2/11». Министерство образования и науки (Болгария), Egide (Франция). 2005–2007.

Тотев 1987 — П. Тотев. Вестник «Антени». 30.XII.1987. С. 13.

Труд — Вестник «Труд» (электронный ресурс). URL: https://trud.bg/ (дата обращения 15.04.2020).

Audiolink — CT Audiolink “Improving aural cultural links between different lingual communities in Thrace” (EOX GR07/3768) (электронный ресурс). URL: http://ct-audiolink.gr (дата обращения 15.04.2020).

CoRoLa — CoRoLa. Corpus computațional de referință pentru limba română contemporană (электронный ресурс). URL: http://corola.racai.ro (дата обращения 15.04.2020).

Fico 1992 — N. Kazanzaqis. Kapitan Mihali / përkth. E. Fico. Tiranë: Naim Frashëri, 1992.

Fishta 2010 — Gj. Fishta. Lahuta e Malcisë. Tiranë: UEGEN, 2010.

Kadare 1971 — I. Kadare. Kronikë në gur. Tiranë: Sh. B. Onufri, 1971.

Koçi 1991 — V. Paskov. Balada për Georg Henigun / përkth. A. Koçi // Red. J. Doksani, Dh. Xoxe. Novela Bullare. Tiranë: Naim Frashëri, 1991.

Kuqali 1991 — J. Radiçkov. Buka dhe guri / përkth. A. Kuqali // Red. J. Doksani, Dh. Xoxe. Novela Bullgare. Tiranë: Naim Frashëri, 1991.

Martinescu 1962 — Kazandzakis Nicos. Libertate sau moarte (Căpitan Mihalis) / traducere de P. Martinescu. București: Editura Tinereților, 1962.

Αλοίμονος 2011 — Γ. Αλοίμονος. Ντεμέκ, που θα πει τάχα μου… Aixmi.gr. 22 Νοεμβρίου 2011 (электронный ресурс). URL: https://www.aixmi.gr/index.php/demek-tha-pei-taxamou/ (дата обращения 15.04.2020).

Γιόβκοβ 2016 — Γ. Γιόβκοβ. Θρύλοι του Αίμου / Μετάφραση από τα βουλγάρικα: Χ. Μάρκου, Μ. Αλμπάνης, Ζ. Πολίτου. Θεσσαλονίκη: Κ.&Μ. Αντ. Σταμούλη, 2016.

Καζαντζάκης 1999 — Ν. Καζαντζάκης. Ο καπετάν Μιχάλης (Ελευτερία ή Θάνατος). Αθήνα: Εκδόσεις Καζαντζάκη. ΙΗ’ επανεκτύπωση, 1999.

ΣΝΕΚ — Σώμα Νέων Ελληνικών Κειμένων (электронный ресурс). URL: http://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/corpora/ index.html (дата обращения 15.04.2020).

References

Adamou 2006 — E. Adamou. Le Nashta. Description d'un parler slave de Grèce en voie de disparition. München: Lincom Europa, 2006.

Adamou 2013 — E. Adamou. Change and variation in trilingual setting. Evidentiality in Pomak (Slavic, Greece). I. Léglise, C. C. Chamoreau (eds.). *The Interplay of Variation and Change in Contact Setting.* Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2013. P. 229–252.

Aikhenvald 2004 — A. Aikhenvald. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Aleksova 2003 — K. Aleksova. Admirativŭt v sŭvremenniya bŭlgarski ezik. [The admirative in Modern Bulgarian]. Sofia: SemaRSh, 2003.

Aleksova 2015 — K. Aleksova. Upotreba na dubitativa v sŭvremenniya bŭlgarski ezik [The use of dubitative in Modern Bulgarian]. I. Aleksandrova, Y. Tisheva, K. Aleksova, M. Kalinova, N. Chernokozhev, P. Osenova, R. Bozhankova (eds.). *Filologicheskiyat proekt — krizi i perspektivi. Sbornik dokladi ot mezhdunarodna nauchna konferenciya (24–26 april 2015)* [The philological project — crises and perspectives. Collection of papers of the international scientific conference (April 24–26, 2015)]. Veliko Tŭrnovo: Faber, 2015. P. 297–314.

Aleksova 2016 — K. Aleksova. Konkluzivŭt i negovite upotrebi v sŭvremenniya bŭlgarski ezik [The conclusive and its uses in Modern Bulgarian]. *Elektronno spisanie LiterNet*, 07.10.2016, No. 10 (203). Available at: http://liternet.bg/publish7/kaleksova/konkluzivyt.htm (accessed on 15.04.2020).

Asenova 1996/2016 — P. Asenova. Admirativŭt v albanski i preizkazvaneto v bŭlgarski [The admirative in Albanian and renarrative in Bulgarian]. P. Asenova. *Izbrani statii po balkansko ezikoznanie* [Selected articles on Balkan linguistics]. Sofia: APP "Alya", 2016. P. 97–119 (First published as: P. Assenova. Habitorja e shqipes dhe mënyra e ritregimit të bullgarishtes. B. Beci, Z. Rrahmani, Xh. Ylli (red). *Seminari XVIII Ndërkombëtar për gjuhën, letërsinë dhe kulturën shqiptare. Tiranë, 18–31 gusht 1996* [XVIII International Seminar for Albanian Language, Literature and Culture. Tirana, 18–31 August 1996]. Tiranë: Eurorilindja, 1996. P. 565–579).

Atanasov 2002 — P. Atanasov. Meglenoromâna astăzi. Le mégléno-roumain de nos jours. Bucureşti: Editura Academiei Române, 2002.

BDA 2001 — Bŭlgarski dialekten atlas. Obobshtavasht tom. I–III. Fonetika. Aktsentologiya. Leksika [Atlas of Bulgarian Dialects. General Volume. Parts I–III. Phonetics. Accentology. Lexics]. Sofia: Knigoizdatelska kŭshta "Trud", 2001.

BDA 2016 — Bŭlgarski dialekten atlas. Obobshtavasht tom. IV. Morfologia [Atlas of Bulgarian Dialects. General Volume. Part IV. Morphology]. Sofia: Izdatelstvo na BAN "Prof. Marin Drinov", 2016.

Boas 1911 — F. Boas. Handbook of American Indian languages. Washington: Government Printing Office, 1911.

Boev 2009 — E. Boev. Chyunkim, sankim, belkim — Troitsa bratya Nayden Gerov [Chyunkim, sankim, belkim — the tree brothers of Nayden Gerov]. A. Dermendzhiev, P. Pavlov, M. Mŭzhlekova, V. Stankov, N. Chervenkov, I. Stoyanov,

I. Grek, N. Rusev, V. Kolesnik, M. Stanchev, O. Djomin, V. Milchev, A. Prigarin (eds.). *Bŭlgarite v Severnoto Prichernomorie. Izsledvaniya i materialy* [Bulgarian in the Northern Black Sea Coast. Studies and materials]. Vol. 10. Odesa; Veliko Tarnovo: Universitetsko izdatelstvo VTU "Sv.Sv. Kiril i Metodij", 2009. P. 543–550.

Boretzky 2018 — N. Boretzky. Der Romani-Dialekt der Futadžides von Chaskovo / Bulgarien. (Grazer Romani Publikationen 6). Graz: Karl-Franzens Universität Graz, 2018.

Civjan 1987 — T. V. Civjan. Un aperçu de la catégorie de la deixis dans le système grammatical de l'ULB. *Cahiers balkaniques.* 1987. No. 12. P. 59–76.

Culioli 1990 — A. Culioli. Pour une linguistique de l'énonciation: Opérations et représentations. Paris: Orphis, 1990.

Deyanova 1970 — M. Deyanova. Istoriya na slozhnite minali vremena v bŭlgarski, sŭrbo-khŭrvatski i slovenski ezik [The history of periphrastic past tenses in Bulgarian, Serbo-Croatian and Slovenian]. Sofia: Izdatelstvo na BAN, 1970.

Domi, Shuteriqi 1965 — M. Domi, Dh. Shuteriqi. Një vështrim mbi të folmen shqipe të Mandricës [A glance at the Albanian dialect of Mandritsa]. *Studime filologjike*. 1965. No. 2. F. 103–119.

Dozon 1879 — A. Dozon. Manuel de la langue chkipe ou albanaise. Grammaire — Chrestomatie — Vocabulaire. Paris: Lerroux, 1879.

Fanciulli 2017 — D. Fanciulli. Noun Determiners with Temporal Value in the Bulgarian Rhodope Dialect. *Zeitschrift für Balkanologie*. 2017. Vol. 53. No. 1. P. 25–65.

Fiedler 1968 — W. Fiedler. Zu einige Problemen des Admirative in den Balkansprachen. N. Todorov, V. Ivanov Georgiev, V. Tăpkova-Zaimova, I. P. Gălăbov, J. Zaimov (éd.). *Actes du Premier Congrès international des études balkaniques et Sud-Est européennes*. T. VI . Sofia: Nauka i izkustvo, 1968. P. 367–369.

Friedman 1999 — V. Friedman. Evidentiality in the Balkans. U. Hinrichs (Hrsg.). *Handbuch der Südosteuropa-Linguistik*. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1999. P. 519–544.

Friedman 2003 — V. Friedman. Evidentiality in the Balkans with special attention to Macedonian and Albanian. A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). *Studies in Evidentiality*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2003. P. 189–218.

Friedman 1994/2004 — V. Friedman. Surprise! Surprise! Arumanian has had an Admirative! V. Friedman. *Studies on Albanian and other Balkan Languages*. Pejë: Dukagjini, 2004. P. 303–319. (First published in: *Indiana Slavic Studies.* 1994. No. 7. P. 79–89.)

Friedman 2008 — V. Friedman. Balkan Slavic Dialectology and Balkan Linguistics: Periphery and Center. Ch. Y. Bethin (ed.). *American Contributions to the 14th International Congress of Slavists, Ohrid, September 2008*. Vol. 1: Linguistics. Bloomington, IN: Slavica, 2008. P. 131–48.

Gerdzhikov 1984 — G. Gerdzhikov. Preizkazvaneto na glagolnoto dejstvie v bŭlgaskija ezik [Renarration of the verbal action in Bulgarian]. Sofia: Nauka i izkustvo, 1984.

Guentchéva 1994 — Z. Guentchéva. Manifestations de la catégorie du médiatif dans les temps du français. *Langue française.* 1994. No. 102. P. 8–23.

Guentchéva 1996 — Z. Guentchéva. Le médiatif en bulgare. Z. Guentchéva (éd.). *L'énonciation médiatisée*. Louvain; Paris: Peeters, 1996. P. 45–67.

Guentchéva 2014 — Z. Guentchéva. Le rôle des formes perfectoïdes, avec ou sans auxiliaire, dans la presse écrite bulgare. O. Inkova, M. di Filippo, F. Esvan (a cura di). *L'architettura del testo. Studi contrastivi slavo-romanzi*. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2014. P. 31–46.

Igla 2006 — B. Igla. Zum Renarrativ im slivener Romani. *Linguistique balkanique*. 2006. XLV. No. 1. P. 55–64.

Igla 2010 — B. Igla. Innovationen in bulgarischen Romani-Dialekten. P. Assenova, A. Petrova, Ts. Ivanova (eds.). *The Verbal System of the Balkan Languages — Heritage and Neology*. Veliko Tarnovo: Faber, 2010. P. 263–276.

Iordan 1956 — I. Iordan. Limbă romînă contemporană [Modern Rumanian language]. București: Editura Ministerului învățămîntului, 1956.

Jakobson 1957 — R. Jakobson. Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1957.

Joseph 2003 — B. D. Joseph. Evidentials. Summation, questions, prospects. A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). *Studies in Evidentiality*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2003. P. 307–327.

Khristova 2003 — E. Khristova. Bŭlgarska rech ot Albaniya. Govorŭt na selo Vrŭbnik [Bulgarian Speech from Albania. The dialect of the village of Vrbnik]. Blagoevgrad: Universitetsko izdatelstvo "Neofit Rilski", 2003.

Kostov 1973 — K. Kostov. Zur Bedeutung des Zigeunerischen für die Erforschung grammatischer Interferenzerscheinungen. *Linguistique balkanique.* 1973. XVI. No. 2. P. 99–113.

Kotova 2017 — N. V. Kotova. Yazyk albantsev Ukrainy v seredine XX veka. Teksty i slovar. Kommentarii [The Language of the Albanians in Ukraine in the middle of the 20th century. Texts and dictionary. Comments]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2017.

Lazard 1996 — G. Lazard. Le médiatif en person. Z. Guentchéva (éd.). *L'énonciation médiatisée*. Louvain; Paris: Peeters, 1996. P. 21–30.

Liosis 2010 — N. Liosis. If only Arvanitika had an admirative mood! Between evidentiality and counterfactuality. *Zeitschrift für Balkanologie*. 2010. Vol. 46. No. 2. P. 184–202.

Makartsev 2014 — M. Makartsev. Evidentsialnost v prostranstve balkanskogo teksta [Evidentiality in the Balkan text space]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014.

Markou 2011 — Ch. Markou. Izrazyavane na evidentsialnost v bŭlgarski i novogrŭtski ezik — za mezhduezikovata asimetriya i problemite na prevoda [The expression of evidentiality in Bulgarian and Modern Greek: interlanguage asymmetry and translation problems]. T. Boyadzhiev, V. Popova, K. Aleksova (comp.). *Nauchni trudove v pamet na Georgi Gerdzhikov* [Scientific works in memory of Georgi Gerdzhikov]. Sofia: Universitetsko isdatelstvo "St. Kliment Okhridski", 2011. P. 303–324.

Markovikj 2012 — M. Markovikj. Formal and Semantic Analysis of the Compound Past Tenses in the Macedonian and Arumunian Dialects of the Ohrid Region. T. Kahl,

M. Metzeltin, H. Schaller (Hrsg.). *Balkanismen heute — Balkanisms Today — Balkanizmy segodnya.* Wien: LIT Verlag, 2012. P. 265–274.

Mazon 1936 — A. Mazon. Documents, contes et chansons slaves de l'Albanie du Sud. Paris: Librairie E. Droz, 1936.

Meydan 1996 — M. Meydan. Emplois médiatifs de *mış* en turc. Z. Guentchéva (éd.). *L'énonciation médiatisée*. Louvain; Paris: Peeters, 1996. P. 125–143.

Morozova 2016 — M. S. Morozova. Govor albantsev Ukrainy: grammaticheskiy ocherk [The Albanian language in Ukraine: a grammar review]. A. A. Novik, Yu. V. Buchatskaya, D. S. Ermolin, A. S. Dugushina, M. S. Morozova. *"Priazovskiy otryad": Yazyk i kultura albantsev Ukrainy* ["Priazovskiy otryad": Language and culture of Albanians in Ukraine]. St. Petersburg: MAE RAS, 2016. Pt. 1. Vol. 2. P. 421–506.

Nitsolova 1999 — R. Nitsolova. Osnovni tendentsii v razvitieto na bŭlgarskiya pechat sled 1989 g. [Main Trends in the Development of the Bulgarian Press after 1989]. I. Likomanova, J. Trifonova (eds.). *Mediite i ezikŭt* [Media and Language]. Sofia: ETO, 1999. P. 114–121.

Nitsolova 2007 — R. Nitsolova. Modalizovannaya evidentsialnaya sistema bolgarskogo yazyka [The modalized evidential system in Bulgarian]. V. S. Khrakovskiy (ed.). *Evidentsialnost v yazykakh Evropy i Azii: sbornik statey pamyati Natalii Andreevny Kozintsevoy* [Evidentiality in languages of Europe and Asia: collection of articles in memory of Natalia Andreevna Kozintseva]. St. Petersburg: Nauka, 2007. P. 105–195.

Nitsolova 2009 — R. Nitsolova. Sotsiolingvistichni promeni pri predavane na chuzhda rech v bŭlgarskiya pechat prez poslednite dve desetiletiya v sŭpostavka s polskiya pechat [Sociolinguistic changes in rendering the speech of others in the Bulgarian press over the last two decades in comparison with the Polish press]. *Comparative linguistics.* Vol. XXXIV. No. 2. P. 5–20.

Sandfeld, Olsen 1936 — K. Sandfeld, H. Olsen. Syntaxe roumaine. I. Emploi des mots à flexion. Paris: Librairie E. Droz, 1936.

Shklifov 1973 — B. Shklifov. Kosturskiyat govor [The Kostur Dialect]. *Trudove po bŭlgarska dialektologiya*. Vol. 8. Sofia: Izdatelstvo na BAN, 1973.

Shuteriqi 1965 — Dh. Shuteriqi. Fshati shqiptar i Bullgarisë, Mandrica. Studim dhe tekste [The Albanian village of Mandritsa in Bulgaria. Study and texts]. *Studime filologjike*. 1965. No. 1. P. 103–112.

Slobin, Aksu 1982 — D. I. Slobin, A. A. Aksu. Tense, aspect and modality in the use of the Turkish evidential. P. Hopper (ed.). *Tense — aspect: between semantics and pragmatics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1982. P. 185–200.

Sokolova 1983 — B. Sokolova. Die albanische Mundart von Mandrica. (Balkanologische Veröffentlichungen 6). Wiesbaden: Harrassowitz, 1983.

Sytov 1979 — A. P. Sytov. Kategoriya admirativa v albanskom yazyke i ee balkanskie sootvetstviya [Admirative in Albanian and its Balkan correspondences]. A. V. Desnitskaya (ed.). *Problemy sintaksisa yazykov balkanskogo areala* [Syntactic problems in the languages of the Balkan area]. Leningrad: Nauka, 1979. P. 90–124.

Tŭrpomanova 2015 — E. Tŭrpomanova. Evidentsialnost v balkanskite ezitsi: bŭlgarski i albanski [Evidentiality in the Balkan languages: Bulgarian and Albanian]. Sofia: Ni plus, 2015.

Teodorov-Balan 1887 — A. Teodorov-Balan. Neuspekhŭte po bŭlgarski ezik v nashite uchilishta [Failure in Bulgarian language in our schools]. *Periodichesko spisanie na Bŭlgarskoto knizhovno druzhestvo v Sredets*. 1887. Vol. XXI and XXXII. Sredets: Drzhavna pechatnica. P. 500–522.

Trifonov 1905 — Yu. Trifonov. Sintaktichni belezhki za sŭedinenieto na minalo deystvitelno prichastie i glagola *sŭm* v novobŭlgarskiya ezik [Syntactic notes about the combination of the past active participle with the verb *sŭm* 'to be' in Modern Bulgarian]. *Periodichesko spisanie na Bŭlgarskoto knizhovno druzhestvo v Sofia*. 1905. Year XVII. Vol. LXVI. Iss. 3–4. Sofia: Drzhavna pechatnica, P. 155–192.

Tsonev 1910–1911 — B. Tsonev. Opredeleni ii neopredeleni formi v bŭlgarskiya ezik [Definite and indefinite forms in Bulgarian]. *Godishnik na Sofijskiya universitet: Istoriko-filologicheski fakultet*. 1910–1911. Vol. VII. P. 1–18.

Voronina et al. 1996 — I. Voronina, M. Domosileckaja, L. Sharapova. E folmja e shqiptarëve të Ukrainës [The dialect of Albanians in Ukraine]. Shkup: Shkupi, 1996.

Zafiu 2002 — R. Zafiu. Evidențialitatea în limba română actuală [Evidentiality in the modern Rumanian language]. G. Pană Dindelegan (ed.). *Aspectele ale dinamicii limbii române actuale* [Aspects of dynamics of the modern Rumanian language]. București: Editura Universității din București, 2002. P. 127–144.

Sources

Alimonos 2011 — G. Alimonos. Demek, pu tha pi takha mu [Demek, that is to say i. e.] Aixmi.gr. 22 Noemvriou 2011. Available at: https://www.aixmi.gr/index.php/demek-tha-pei-taxamou/ (accessed on 15.04.2020).

ANK — Albanian National Corpus. Available at: http://web-corpora.net/AlbanianCorpus/search/ ?interface_language=ru (accessed on 15.04.2020).

Audiolink — CT Audiolink "Improving aural cultural links between different lingual communities in Thrace" (EOX GR07/3768). Available at: http://ct-audiolink.gr (accessed on 15.04.2020).

CoRoLa — CoRoLa. Corpus computațional de referință pentru limba română contemporană. Available at: http://corola.racai.ro (accessed on 15.04.2020).

Duma — Vestnik "Duma". Available at: https://www.duma.bg/ (accessed on 15.04.2020).

Fico 1992 — Nikos Kazanzaqis. Kapitan Mihali [Captain Michalis]. Tr. from Greek E. Fico. Tiranë: Naim Frashëri, 1992.

Fishta 2010 — Gj. Fishta. Lahuta e Malcisë. Tiranë: UEGEN, 2010.

Iliev 2017 — D. Iliev. Dyavolskoto sborishte. E Ben gengoro kidiva. Prikazki na bŭlgatski i romski yezik. [Hell of a Coven. E Ben gengoro kidiva. Fairy tales in Romani and Bulgarian], ed. by B. Igla. Veliko Tŭrnovo: Faber, 2017.

Kadare 1971 — I. Kadare. Kronikë në gur [Chronicle in Stone]. Tiranë: Sh. B. Onufri, 1971.

Kazantzakis 1999 — N. Kazantzakis. O kapetan Mikhalis (Elefteria ke Thanatos) [Captain Michalis (Freedom or Death)]. Athens: Ekdosis Kazantzakis, 1999.

CMG — Corpus of Modern Greek. Available at: http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/?interface_language=ru (accessed on 15.04.2020).

Kisova 1975 — I. Kadare. Khronika na kamŭk [Chronicle in Stone]. Tr. from Albanian by E. Kisova. Sofia: Narodna kultura, 1975.

Koçi 1991 — V. Paskov. Balada për Georg Henigun [Ballade about George Henig]. Përkth. A: Koçi. J. Doksani, Dh. Xoxe (red.). *Novela Bullgare*. Tiranë: Naim Frashëri, 1991.

Kufov 1978 — N. Kazandzakis. Kapitan Mikhalis [Captain Michalis]. Tr. from Greek G. Kufov. Sofia: Natodna kultura, 1978.

Kuqali 1991 — J. Radiçkov. Buka dhe guri [Bread and Stone]. Përkth. A: Kuqali. J. Doksani, Dh. Xoxe (red.). *Novela Bullgare*. Tiranë: Naim Frashëri, 1991.

Martinescu 1962 — N. Kazandzakis. *Libertate sau moarte* (Capităn Mihali) [Freedom or Death (Captain Michalis)]. Tr. from Greek P. Martinescu. Bucureşti: Editura Tinereţului, 1962.

Paskov 1978 — V. Paskov. Balada za Georg Khenikh [Ballad for Georg Henig]. Sofia: Bŭlgarski pisatel, 1987.

Radichkov 1969 — Y. Radichkov. Baruten bukvar [Gunpowder Primar]. Sofia: Bŭlgarski pisatel, 1969.

Rila 2005–2007 — Bolgarsko-frantsuskiy proekt “Rila”. Ministerstvo obrazovaniya i nauki (Bolgariya). Egide (Frantsiya) [Bulgarian-French Project “Rila”. Ministry of Education and Science (Bulgaria). Egide (France)]. 2005–2007.

SNEK — Soma Neon Elinikon Keimenon [Corpus of Modern Greek Texts]. Available at: http://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/corpora/ index.html (accessed on 15.04.2020).

Totev 1987 — P. Totev. Vestnik “Anteni” 30.XII.1987. P. 13.

Trud 2001 — Vestnik “Trud”. Available at: https://trud.bg/ (accessed on 15.04.2020).

Yovkov 1970 — Y. Yovkov. Sŭbrani sŭchineniya. Tom 2. [Collected Works. Vol. 2]. Sofia: Bŭlgarski pisatel, 1970.

Yovkov 2016 — Y. Yovkov. Thrili tu Emu [The Balkan Legends]. Kh. Marku, M. Albanis, Z. Politu. Metafrasi apo ta Vulgarika. Thessaloniki: K.&M. Ant. Stambuli, 2016.

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 54–76
DOI 10.30842/alp2306573716203

Shprehje mbrojtëse 'hedges' and *përforcues* 'boosters': A corpus analysis of student academic texts in Albanian (L1) and English (L2)

V. Dheskali
Chemnitz University of Technology (Germany);
vincenzo.dheskali@s2015.tu-chemnitz.de

Abstract. To use various realizations of modality (particularly modalization) and intensity and to keep the balance of the right amount of conviction with tentativeness is at the heart of effective writing within the academic context [Halliday, Matthiessen 2014; Hyland 1998a, 1998b]. It is essential for novice writers to know how to negotiate with their readers and express the due amount of probability, usuality and degree of the statements' truthfulness while discussing established facts, personal opinions or referring to other sources. These can be achieved through the usage of the devices that Holmes [1990] and Hyland [1998b] termed **hedges** and **boosters**. These devices are important elements of well-written academic papers.

Despite the importance of the skills in academic writing, which includes a proper usage of hedges and boosters, very little research has been conducted on academic writing in Albania [Toska 2015]. Thus, initiating research on these phenomena, which I name *shprehje mbrojtëse* 'hedges' and *përforcues* 'boosters', in this field is crucial.

This paper explores the way Albanian BA, MA and PhD students use hedges and boosters in their academic writings in Albanian (L1) and English (L2). It compares propositional subcategories of hedges (approximators, e.g. APPROXIMATELY) and boosters (intensifiers, e.g. TOTALLY) with authorial hedges (shields, e.g. I THINK) and boosters (emphasizers, e.g. CERTAINLY). The paper borrows concepts from the widely known theory of Systemic Functional Grammar [Halliday 1985; Halliday, Matthiessen 2014] to prove its usefulness in explaining hedges and boosters. The theory is interwoven with Prince et al.'s [1980] categorization of hedges and Quirk et al.'s [1985] model of boosters.

For the purposes of the study, two corpora of writings by Albanian students in Albanian (around 2.2 million words) and in English (around 600,000 words) are compiled. Each corpus contains texts by both male and female writers. Disciplinary domains pertain to both "soft" and "hard" sciences (Social Sciences, Languages and Literature, Medicine, Chemistry, Physics, Mathematics and Informatics). Results of the quantitative analysis show that hedges are significantly favored by Albanians in L1. This indicates, among other interpretations, that they prefer to project a "humble" image about

themselves in their academic writings and conform to their “low” vertical power and institutional roles within the scientific community.

Keywords: corpus linguistics, academic writing, Systemic Functional Grammar, modalization, hedge, booster, Albanian student corpora, Albanian, English, L1, L2.

Shprehje mbrojtëse ‘хеджи’ и *përforcues* ‘бустеры’: корпусный анализ студенческих работ на албанском (L1) и английском (L2) языках

В. Дескали

Хемницкий технический университет (Германия);
vincenzo.dheskali@s2015.tu-chemnitz.de

Аннотация. В настоящей статье изучается использование хеджей и бустеров албанскими студентами бакалавриата, магистрантами и аспирантами в академических работах, написанных на албанском (L1) и английском языках (L2). В исследовании пропозициональные **хеджи** (аппроксимативные выражения, например ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО) и **бустеры** (интенсификаторы, например ПОЛНОСТЬЮ) сопоставляются с изменяющими истинностную ценность высказывания хеджами («щиты», англ. shields, например Я ПОЛАГАЮ) и бустерами (усилительные выражения, например НЕСОМНЕННО). Исследование опирается на теорию системной функциональной грамматики [Halliday 1985; Halliday, Matthiessen 2014]. Положения этой теории сочетаются в исследовании с категоризацией хеджей, предложенной в работе [Prince et al. 1980], и моделью использования бустеров согласно [Quirk et al. 1985].

Для целей исследования были созданы два корпуса письменных работ албанских студентов, на албанском (около 2,2 млн словоупотреблений) и английском языках (около 600 000 словоупотреблений). Результаты количественного анализа показывают, что в работах албанских студентов, выполненных на родном языке (L1), предпочтение чаще всего отдается маркерам хеджирования. Одним из возможных объяснений является то, что авторы предпочитают создавать «скромное» представление о себе в своих работах, в соответствии с занимаемым ими «невысоким» положением и незначительной ролью в научном сообществе.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, академическое письмо, системная функциональная грамматика, модализация, хедж, бустер, корпуса письменных работ албанских студентов, албанский язык, английский язык, первый язык (L1), второй язык (L2).

1. Introduction

In this paper, I propose a new method of analyzing hedges and boosters that combines the theories and methods developed in the studies by Prince et al. [1980], Quirk et al. [1985], Bondi [2008], Halliday [1985] and Halliday and Matthiessen [2014]. I use the well-known theory of Systemic Functional Grammar (SFG) originated by Michael Halliday (see [Halliday 1985; Halliday, Matthiessen 2014]) to define the higher delicacy levels of modality. By combining Prince et al.'s [1980] theory on hedges and Quirk et al.'s [1985] theory on boosters I aim at proving that they can be jointly used to explain and analyze hedges and boosters. The paper is part of my larger PhD project on hedges and boosters across Albanian and Italian student academic writings in L1 (first language) and L2 (second language: English) [Dheskali n. d.].

The understanding of L2 writing and the relation between L1 and L2 are relevant for my corpus-based comparison of Albanian L1 and L2 (English) novice writers in the academic context. Though there are relevant similarities between L1 and L2 writers and their writings, academic institutions and empirical research demonstrate that there are significant differences as well. Differences between L1 and L2 writings may be related to different linguistic proficiencies, learning experiences and classroom expectations, perception of audience and writer, and preferences for ways of organizing texts [Hyland 2003: 31]. It is important to be aware of these socio-cultural, linguistic and mental differences when comparing L1 and L2 writings as in my paper. In summary, L2 writing is a complex process that involves L1 knowledge, previous L2 writing experiences and many other cognitive, social, cultural, ideological, personal, educational, and contextual factors (see last paragraph of this subsection). That is why it is essential to extend the knowledge on L1 and L2 writing by an underexplored group such as Albanian students.

The discussion on student L1 and L2 writing leads inevitably to the discussion on the status of academic writing in Albania, which remains a largely unexplored area of research, cf. [Toska 2015]. There have been only a very few papers on this topic, such as [Edusei 2015; Toska 2015; Panajoti 2015]. In the Albanian universities, such as the University of Durrës and the University of Vlora, there are no courses offered on academic writing for students of English. These aspects surely impact the way students write their academic theses or term papers.

It is necessary to briefly discuss here the main concepts of this paper, namely **hedges** and **boosters**, and present some reasons why Albanian students should consider them for their writing. These persuasive devices assist writers of academic texts in presenting acceptable claims and fostering agreement from their readers. Hedges (*probably*, *approximately*, *might*) are used for the purpose of withholding the authors' complete commitment to the presented information [Hyland 2017: 20]. The authors use them to distance themselves from their research while maintaining a credible image [Schmied 2018: 9]. According to Prince et al. [1980: 6–20], they either explicitly indicate authors' partial commitment towards a proposition (by acting as shields, e.g. *may*, *according to*) or partial membership of any entity or being into a semantic category (by acting as approximators, e.g. *circa*, *more or less*). Boosters (*totally*, *definitely*, *it is clear that*) are used to emphasize strength or an author's sureness regarding the given information [Hyland 2017: 20]. They indicate either the writer's full commitment towards the truthfulness of the proposition ("author-related emphasizers", in Quirk et al.'s [1985] terminology), or the complete membership of an item within a semantic category ("proposition-related intensifiers", as per [Quirk et al. 1985]). The main categorization of boosters, which is used in my study, was introduced by Quirk et al. [1985] and followed by Bondi [2008]. Further classifications of hedges and boosters (see [Prince et al. 1980; Lafuente Millàn 2008]) will not be the focus of this paper.

In Albanian, there are no terms referring to hedges and boosters apart from the slightly mentioned term for hedges *pjesëza të dyshimit* 'particles of doubt' in the first volume of the "Grammar of the Albanian Language" (Alb. *Gramatika e gjuhës shqipe*) [Agalliu et al. 2002: 316–317], which I do not find accurate or appropriate because of its negative connotation regarding hedges; they do not only show doubt as this term implies, but also strategic modesty, negotiation of knowledge, etc. For hedges in Albanian, I suggest the term *shprehje mbrojtëse* 'protecting expressions (hedges)', based on their pragmatic function of protecting the author from possible criticism. It is an equivalent of the German expression "Heckenausdruck" and similar in meaning to "shields". For boosters, I introduce the term *përforcues* 'booster' to refer to items that show an author's full commitment to the truth of the proposition. I transferred this term to the field of Linguistics after finding it in a general sense of amplifying in Stefanllari's [1999/2007] English-Albanian Dictionary. While these two terms can be useful for Albanian researchers in the future, in this paper the widely known English versions "hedges" and "boosters" will be used.

The overall structure of the paper takes the form of five sections, including this *Introductory* one. In *Section 2*, there is a focus on the system of modality in Albanian, current Albanian corpora, as well as the system of hedges and boosters and their syntactic positioning. *Section 3* contains detailed information about the compilation of corpora for the study and the paper's research question. *Section 4* provides a quantitative analysis and related discussion. Finally, conclusions and the most interesting findings are drawn in *Section 5*.

2. Theoretical framework

2.1. Modality and its subcategories in the Albanian language

Modality is a system of meaning which is conveyed in various domains of language and which is "centrally concerned with the speaker's attitude towards the factuality or actualization of the situation expressed by the rest of the clause" [Huddleston 2002: 172–173]. According to [Halliday 1985; Halliday, Matthiessen 2014], modality is further divided into modulation, which covers proposals and offers, and modalization, which covers probability and usuality. This division is partially applied in my paper. A parallel category to modality is intensity, which has three degrees, low (indicated by *partly*), high (*almost*) and total (*totally*) [Halliday, Matthiessen 2014: 189]. However, this subsection (and paper as a whole) focuses more on modality, particularly modalization, than intensity.

In Albanian, modality is clearly defined and described by Breu [2009], who compares the modalization functions of Albanian modal auxiliaries. Modality and modalization, modulation and degree devices are briefly explained in the two volumes of the well-known Grammar of the Albanian language from the Albanian Academy of Sciences [Agalliu et al. 2002; Çeliku et al. 2002]. In the second volume, hedges and boosters are explained in more detail as words or groups of words that show the degree of the statements' truthfulness. They can present the statement as completely true, certain, necessary, without doubts, possible, supposed, likely, etc. The speaker expresses his or her strong sureness, strong conviction on the complete truthfulness of the facts or his or her doubts, limitations and tentativeness. However, no equivalent term to "hedges" and "boosters" is mentioned. For example, Çeliku et al. explain how through the use of *sigurisht* 'surely',

speakers or writers offer a logical assessment of their statements and indicate their truthfulness [Çeliku et al. 2002: 367]. Though Çeliku et al. make no use of the term "booster" for *sigurisht* 'surely', they prove that the phenomenon is present in Albanian (e.g., as in English). While I agree with their statement on *sigurisht* 'surely', there are many pragmatic aspects of its use, e.g. face-saving, that were not mentioned. Additionally, Çeliku et al. provide useful examples of other hedges and boosters in Albanian. Some of them are studied in my paper, such as the hedge *ndoshta* 'probably' and the boosters *patjetër* 'of course' and *natyrisht* 'certainly' [Çeliku et al. 2002: 368]. Similarly, in the first volume of the same book, Agalliu et al. [2002: 306] mention the examples of *mbase* 'perhaps, maybe', *kushedi* 'who knows', *ndoshta* and its variant *ndofta* 'probably'. I analyze only the more common, academic and standard version *ndoshta*.

In the next subsection, the discussion will move from the theoretical concepts to the corpora used for this analysis.

2.2. Corpus Linguistics: Existing corpora of Albanian and Albanian English

My study is grounded in the field of Corpus Linguistics. Corpus Linguistics, according to McEnery and Hardie [2012: i], is "the study of language data on a large scale, computer-aided analysis of very extensive collections of transcribed utterances or written texts." A corpus is a "systematic compilation of naturally occurring language" [Friginal 2018: 12].

Corpus studies are very rare in the Albanian context, especially for academic writing. This makes it essential to compile corpora of Albanian and Albanian English. The earlier important initiatives for building corpora of Albanian and Albanian English have resulted in a few existing projects, which will be briefly presented below. Firstly, the corpora of Albanian will be presented and secondly, the ones of Albanian English and academic writing will be the main focus.

At the Friedrich-Alexander-University in Erlangen-Nürnberg, Besim Kabashi is developing an Albanian corpus of spoken and written discourse. So far, it has reached approximately 150 million words and mostly contains material from the Albanian press, as well as books on Medicine, Economy, Geography, and History [Kabashi 2016, 2018]. Another large corpus of Albanian is the Albanian National Corpus, which is available online and can be freely used. The corpus was started by the end of 2011 by a group

of researchers from St. Petersburg (led by Alexander Yu. Rusakov) and Moscow and in 2013 consisted of 16,804,058 words [Morozova, Rusakov 2013: 87]. In 2019, a new version of the corpus was launched reaching a larger size of 31.12 million words [ANC]. During scientific discussions with specialists in the Albanian language, Prof. Rami Memushaj and Besim Kabashi, I learned about the existence of another corpus of Albanian created by the researchers from the Department of the Albanian Language at the Beijing Foreign Studies University (personal communication, December 6, 2016).

A corpus of 60 dissertations written in Albanian was compiled by Armela Panajoti [2015]. It is called "The Albanian Corpus of Dissertations (ACD)" and consists of approximately 2,800,000 words. The corpus data were retrieved from the online repository of the University of Tirana. The dissertations belong to the fields of Language and Literature, Natural Sciences, and Economic Sciences [Panajoti 2015: 180–181]. Bledar Toska [2015: 163–165] built the Albanian Dissertation Corpus (ADC) with a total of 9,668,002 words for his paper. ADC contains 160 dissertations which are written in Albanian and pertain to several categories such as Economics, Humanities, Natural Sciences, and Social Sciences (40 dissertations from each category). Finally, Jacinta Edusei [2015: 119ff] gathered another corpus of Albanian student academic writings consisting of circa ten BA theses written by Albanian students in English. It is named the AlCorpus and it includes 71,342 words.

It is important to note that the previously mentioned corpora, together with my own corpora described in *3.1*, are the first and the only corpora of Albanian and Albanian English. They are all different from my corpora of Albanian students' academic writing including different genres and disciplinary domains.

2.3. Classification of hedges and boosters

As the most relevant concepts of my paper, the system of hedges and boosters will receive particular attention in this subsection. *Figure 1* includes the higher delicacy levels of modalization, modulation and degree of intensity as well as the lower delicacy levels of hedges and boosters, with their subcategories and related examples.

The highest levels of modal assessments and deicticity are represented by modality and intensity, which are intermediate points between positive

and negative polarity. Modality includes different levels of modalization and modulation whereas intensity includes different degrees, or levels.

Figure 1 shows booster categories such as emphasizers (high probability) and intensifiers (total degree). The same lexeme can be used as an emphasizer or intensifier, depending on the context. The example (1) from my Albanian English corpus and my own example (2) illustrate this phenomenon.

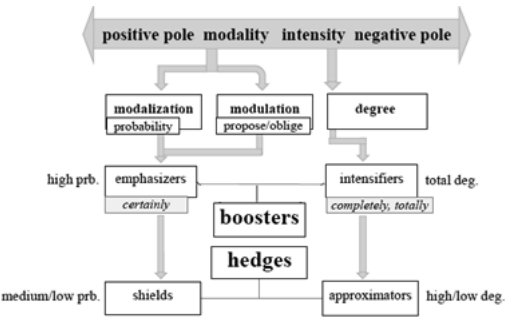

Figure 1. A summary of the key concepts of this article

In the example (1), *definitely* means "without doubt, absolutely". Through this semantic category, the BA student of Languages and Literature is boosting her commitment towards the truthfulness of the proposition. She appears to be trying to persuade the reader and avoid possible doubts about her claim on *the internet* being *the fastest-growing tool*. As a result, *definitely* functions as an authorial emphasizer. In contrast, the next example (2), includes *definitely* as an intensifier which conveys the meaning of "completely, without exceptions". If *definitely* is replaced with *completely*, the meaning of the clause complex will remain the same. The same overlaps appear for shields and approximators as it will be shown in the following paragraph.

(1) *The internet is* ***definitely*** *the fastest-growing communication tool* […] [CARE13FBL_24]

(2) *One can separate* ***definitely*** *one class from another class.* [author's example]

Below boosters in *Figure 1*, there are hedge categories such as shields (medium / low probability) and approximators (high / low degree). Example (3) includes an impersonal usage of the booster *it seems*. Usages such

as *it seems* act as shields, which create a distance between the authors and their texts. The next example (4) shows the approximator *totally* used with a narrow scope and modifying only *trustfully*. The narrow scope is a feature of approximators as well as intensifiers (see example (2)) in contrast to shields and emphasizers, which usually have a larger scope (see examples (1) and (3)). Approximators hedge the propositional level of the clause by conveying partial membership in a certain category (see *Section 1*). They have further subcategories which are not the focus of this study (see [Prince et al. 1980]).

(3) *Everywhere we look,* ***it seems*** *that technology is constantly at our fingertips*. [CARE12FBL_27]

(4) *Remaining* ***totally*** *trustfully to ones origin and ones memory in relation with smells, tastes and customs as it recalls home, the place you were born and with which one maintains a particular attachment independently from the place one is living.* [CARE12MPL_33]

3. Methodology

3.1. Corpus compilation

In this methodology section, important aspects such as compilation of Albanian and Albanian English corpora of academic writings, formulation of the research question, data preparation and analysis will be elaborated on. This will offer an accurate overview of the different aspects of my study.

For this paper, two corpora of Albanian (CAR: Corpus of Albanian Research) and Albanian English (CARE: Corpus of Albanian Research in English) are used. In the corpora, there is a general presence of all sorts of student academic writing genres (see *Table 1*, p. 63). The different levels start from BA term papers, which are the first substantial academic writing pieces required from students nowadays, to PhD theses, which are written pieces of at least 200 pages that are produced after about eight years of studying at university [Schmied 2015: 12]. A very important aspect of CAR regarding its compatibility is the similar number of texts written by male and female authors.

Table 1. Genres and gender in CAR and CARE including their respective number of texts and word totals (AntConc)

CAR			CARE		
Genre and author (m/f)	**# texts**	**# words**	**Genre and author (m/f)**	**# texts**	**# words**
PhD theses	52	2,285,498	PhD theses	9	337,184
			MA theses	10	144,225
			MA term papers	8	22,214
			BA theses	13	110,054
			BA term papers	1	2,620
Males	26	1,108,837	Males	28	485,807
Females	26	1,176,661	Females	13	130,490
Total (2010–2015)	**52**	**2,285,498**	**Total (2009–2015)**	**41**	**616,297**

The discussion will move from the different academic writing genres to the disciplinary domains of my corpora (indicated as "disciplin. domain" in *Tables 2* and *3* below). The CAR corpus (*Table 2*) is balanced for several variables. An equal number of texts (8 per disciplinary domain) was included for the domains of Social Studies, Language and Literature, Chemistry, Biotechnology and Physics, Economics, and Mathematics and Informatics. Only Medicine has less texts (only 4). In CAR, Mathematics and Informatics have a considerably smaller number of words than Economy and Physics. Physics (with Biotechnology) as well as Mathematics and Informatics are all considered as "hard" sciences and have generally a considerable focus on numbers. Despite this similarity, Mathematics and Informatics have the lowest number of words from all "hard" sciences. It is interesting to observe how writers of Languages and Literature have used more words to convey their ideas than the ones from Social Studies. It can be seen that females (indicated as f in *Tables 2 and 3*) have used slightly more words than males (indicated as m in *Tables 2 and 3*). However, in Languages and Literature, males have used 349,466 words in total, while females have only used 256,090 words.

The compatibility of CARE with CAR and its internal balance are limited (see *Table 3*). This is also true for the different disciplinary domains, where there is only one PhD thesis in each one of the disciplinary domains of Chemistry, Physics, Mathematics and Informatics. While ranking papers according to different disciplinary domains such as Physics and Chemistry,

I took a record of the specific disciplinary domain or subdomain where they belonged to.

Table 2. Disciplinary domains in CAR including their respective number of papers and word totals per gender type (AntConc)

CAR						
Disciplin. domain	**# text**	**# words**	**# text m**	**# words m**	**# text f**	**# words f**
Lang. & Lit.	8	605,556	4	**349,466**	4	**256,090**
Social Stud.	8	483,872	3	185,435	5	298,437
Medicine	4	103,037	2	50,734	2	52,303
Chemistry	8	214,619	4	100,821	4	113,798
Biotechno. & Physics	8	334,607	3	125,470	5	209,137
Economics	8	361,906	4	170,547	4	191,359
Math. & Inf.	8	181,901	6	126,364	2	55,537
Total	**52**	**2,285,498**	**26**	**1,108,837**	**26**	**1,176,661**

Table 3. Disciplinary domains in CARE including their respective number of texts and word totals per gender type according to AntConc

CARE						
Disciplin. domain	**# text**	**# words**	**# text m**	**# words m**	**# texts f**	**# words f**
Lang. & Lit.	33	293,899	20	166,634	13	127,265
Social Stud.	3	127,883	3	127,883	0	0
Chemistry	1	69,513	1	69,513	0	0
Physics	1	14,979	1	14,979	0	0
Economics	2	75,173	2	75,173	0	0
Math. & Inf.	1	34,850	1	34,850	0	0
Total	**41**	**616,297**	**28**	**489,032**	**13**	**127,265**

3.2. Data selection and preparation for analysis

The following paragraphs will concentrate on the general framework of my quantitative comparison as well as the stages of preparing and analysing the data. The stages include selecting the occurrences for the analysis,

copying them to Excel, preparing them for the statistical test and analyzing them according to different variables.

The general framework of my study includes a comparison between the academic writing in L1 (Albanian) and the academic writing in L2 (English). The data from the two corpora will be investigated and compared in different parts of my analysis.

For this paper, I used the concordance program AntConc 3.4.4 [Anthony 2014], which enabled me to search and retrieve the instances of usage of the selected lexemes and their equivalents. After inserting all TXT files (separately for each corpus), I mostly made use of the KeyWord in Context (KWIC) function, which allowed me to see and check all instances.

Since some of the selected lexemes had more than 1,000, 2,000 or even 3,000 occurrences, I used a system that enabled me to analyse large numbers of lexemes and instances. The system that I created consists of specific rules for copying the occurrences from AntConc to the Excel table:

1) until 479 instances per lexeme and corpus, all instances are copied and analyzed,
2) if the total number of instances per lexeme exceeds 479 instances, only every second instance is copied and analyzed,
3) if the total number of instances per lexeme is between 750 and 1,500, only every 3rd instance is copied and analyzed,
4) if the total number of instances per lexeme is between 1,501 and 2,000, only every 5th is copied and analyzed,
5) if the total number of instances per lexeme is between 2,000 and 2,500, only every 6th of the instances is copied and analyzed,
6) if the total number of instances per lexeme is between 2,501 and 3,000, only every 7th instance is copied and analyzed,
7) if the total number of instances per lexeme is between 3,001 and 3,500, only every 8th instance is copied and analyzed.

While preparing the data for the analysis, I manually copied every single clause complex (also referred to as sentence). At all, I copied approximately 15,000 occurrences of hedges and boosters from AntConc to Excel.

Two statistical tests were used for the quantitative analysis. The broadest test, the logistic regression, was conducted through the program Rbrul 3.1.1 [Johnson 2009]. Gelman and Hill [2007: 79] refer to the widely used logistic regression as "the standard way to model binary outcomes (that is,

data *yi* that take on the values 0 or 1)". I opted for this statistical test due to the binary nature of my dependent variables, hedges or boosters.

The results are represented as log odds values, proportions, and *n* values. One valid way to interpret logistic regression coefficients is by using odds ratios. The ratio of two odds, (p1/ (1-p1)) / (p2/ (1-p2)), is referred to as the odds ratio [Gelman, Hill 2007: 82]. Using the log odds enables us to present infinite +/- values. The log odds can be easily updated with new data. The n value represents the total number of tokens for hedges and boosters for a specific level of a variable such as hedges and boosters in CARE. The proportion shows the fraction of the total sum that contains a certain attribute. It can be also interpreted in terms of percentages. To prepare the data for the logistic regression through Rbrul, empty cells, non-applicable slots and categories of the included independent variables with insufficient or no data were excluded. They mostly belonged to the CAR corpus. This ensured accurate results from the test.

Another relevant test that I used to measure differences in the usage of specific hedges and boosters across the Albanian L1 and L2 student academic writing corpora is the log-likelihood and effect size calculator [Rayson, Garside 2000]. It provided several values. For this paper, I only present log likelihood (henceforth LL) and odds ratio (henceforth OR) values. The OR effect size shows the statistical impact on this significance. The LL value indicates the significance of the difference. These tests provided valuable results, which are presented in *Section 4.*

My quantitative analysis will concentrate on the following comparisons:

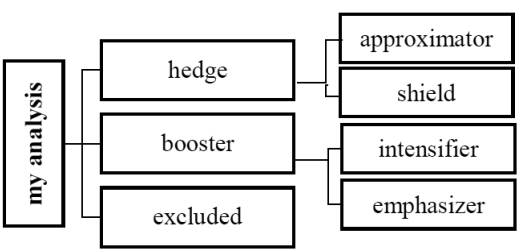

Figure 2. A scheme of my categories for the analysis

My aim is to compare the frequencies of these relevant categories and test their statistical significance. The following subsection will focus on an essential element for scientific research, namely the research question.

3.3. Research question

This subsection introduces the research question, which aims at comparing attitudes of Albanian students found in their academic writings:

What are the differences in the frequency of hedges, boosters and their author commitment categories across the corpora of Albanian student academic writings in L1 (Albanian) and L2 (English)?

The research question focuses on hedges, boosters and their author commitment categories. These categories can be pragmatic or authorial, such as shields and emphasizers, as well as semantic or propositional, such as approximators and emphasizers. To answer this research question, several statistical tests and quantitative comparisons will be presented (see *Section 4*). After presenting the corpora and the research question, I proceed to the discussion of the results of the quantitative analysis.

4. Quantitative analysis

4.1. The distribution of hedges and boosters in CAR

This subsection will focus on the usage of hedges and boosters in CAR, which was measured through the overarching statistical test logistic regression. The widely used logistic regression was used due to the binary nature of my dependent variables, hedges or boosters. I only reveal the results for hedges, which allow inferences on boosters as well. About 15 English lexemes (mostly adverbs) and circa 35 Albanian equivalents were analyzed (see *Appendix*).

The first aspect that will be discussed is corpus. Since several categories, e.g. fronted, afterthought etc., were unevenly distributed and had either zero (empty cells) or very low occurrences for many words, excluding them was the only way to ensure accurate results from the logistic regression through Rbrul [Johnson 2009]. Moreover, any kind of interaction between the categories was excluded from the analysis. These problems were particularly prominent in CARE. The CARE corpus had to be excluded from the further analysis due to the uneven results for categories that could not be used for the statistical test. Hence, the resulting data about hedges (and boosters) in CAR will be compared.

Before discussing the results, it is necessary to explain briefly the data types included in the following *Table 4*. First, the table includes the log odds (log [p/(1-p)]), which is the logarithm of the odds ratio of hedges. Positive values represent the higher occurrence of hedges, negative values — lower occurrence of hedges as compared to boosters. The benefits of using the log odds are that they present infinite +/- values and can be easily updated with new data. Second, the *n* value indicates the total number of tokens for both, hedges and boosters. Third, the proportion shows the fraction of the total sum that contains a certain attribute. It can be also interpreted in terms of percentages (see the details in [Gelman, Hill 2007; Chatterjee, Hadi 2006]).

Table 4. Hedges (and boosters) in CAR

Corpus	Logodds	N	Proportion
CAR	0.412	2445	0.536

The results in *Table 4* clearly show that hedges were favored in CAR. Out of 2445 hedges and boosters in CAR, 53.6 % of them were hedges. Moreover, the log odds show a positive value of 0.412. This shows that Albanian students prefer to appear less committed or more approximate in their academic texts in Albanian. The result is statistically significant. While appearing confident does not necessary mean having a confident personality, it does show how authors want to project themselves in their writings. It is one of the most important results of my study.

4.2. The pairwise comparison between CAR and CARE in their occurrences of hedges and boosters

Table 5 shows the results of a brief pairwise comparison between Albanian (CAR) and Albanian English (CARE). In this comparison, there are two opposing sets of the binary results. Various meanings will be compared between the two corpora. In this section, meanings such as PROBABLY and SEEM, that refer to the same semantic set across Albanian (e.g. (a) *ndoshta*, (b) *qartësisht*, *në mënyrë të* / *të tregosh qartë*) and English ((a) *probably*, (b) *clearly*) are always written with capitalized letters. The examples or lexemes referring to only one language are written in italics.

While the meanings like PROBABLY, SEEM and CLEARLY show a lower use than expected in CAR in comparison to CARE, the other

meanings show the opposite. These differences are proven to be statistically significant by their log-likelihood (henceforth LL) values, which are generally higher than the 95th percentile or the critical value of 3.84. Furthermore, KIND OF, ENTIRELY, SURELY and CERTAINLY show high odds ratio (henceforth OR) values (more than 1), which establish a strong association between these words in Albanian and English. Out of this collection of words, PROBABLY is the only "outlier" since it has an LL value of only -2.28. This, added to the low size effect expressed by the OR value of 0.82, demonstrates an insignificant difference and association in the use of PROBABLY across the two corpora. Since the negative LL values of CLEARLY and SEEM are very high, it is surprising that their OR results are very low. This might indicate an error of the calculator or simply a low effect of CAR on CARE.

Table 5. Hedges and boosters in CAR and CARE showing their log-likelihood and size effects

Hedge	**O1**	**%1**	**O2**	**%2**	**LL**	**OR**
KIND OF	273	0.01	32	0.01 +	**24.70**	**2.30**
PROBABLY	230	0.01	76	0.01 −	**2.28**	**0.82**
SEEM	207	0.01	184	0.03 −	**128.32**	**0.30**
Booster						
ENTIRELY	185	0.01	18	0.00 +	**22.54**	**2.77**
SURELY	194	0.01	8	0.00 +	**50.08**	**6.54**
CERTAINLY	103	0.00	17	0.00 +	**3.95**	**1.63**
CLEARLY	35	0.00	109	0.02 −	**194.75**	**0.09**

There are three meanings, namely SURELY, CERTAINLY and KIND OF, which were used significantly more often in the mother tongue than in English and had relatively high OR values. It is interesting how the English words expressing the two similar meanings CERTAINLY and SURELY were employed much less than their Albanian counterparts. There is no convincing argument on the reasons for the low use in English. In this case, I would attribute it to the writers' idiosyncratic preference for certain lexemes and rejection to others. This may be conscious in the sense that they purposively opt for a different adverb with a similar meaning. They may have even been at some point exposed to a certain linguistic element and decided to use it without thinking much of its semantic and pragmatic aspects. Indeed, writers preferred to employ CLEARLY as a booster in their texts in English, but not SURELY.

4.3. The distribution of hedges and boosters according to their propositional and authorial categories

The last variable that was analyzed is author's commitment, including author-related usages (indicated as authorial, including emphasizers and shields) and proposition-related usages (indicated as propositional, including intensifiers and approximators). Definitions of these usages and contextualized examples were provided in the *subsection 2.3*. A complete list of analysed propositional and authorial hedges and boosters is provided in *Appendix*. The results are summarized in *Table 6*.

Table 6. The variable of author's commitment influencing the usage of hedges (and boosters)

Author's commitment	Logodds	N	Proportion
Propositional	**0.332**	**4716**	**0.508**
Authorial	−0.332	3372	0.305

On the one hand, hedges were significantly more frequent in the proposition-related category. The higher proportion of the proposition-related category demonstrates that the majority of propositional meanings consisted of hedges. This is also shown by the positive log odds value of 0.332. On the other hand, hedges were less frequent in the author-related level. This can be seen from their low proportion of only 0.305, which shows that only 30.5 % of authorial usages were hedges and the rest were boosters. It is also demonstrated by the negative value of -0.332, which is the exact opposite of the odds value of propositional usages which was 0.332. The analysis of author's commitment shows that Albanians prefer to establish a direct connection to their writing while boosting and mostly hedge on the propositional level. Hedging the results of their studies, general quantities and the intensity or usuality of various lexemes is a preferred practice by Albanians. Showing a complete level of commitment and a direct author-proposition relation through boosters is a prominent phenomenon in my corpora.

As a final point about *Table 6*, I would like to mention that the n-values of propositional usages were considerably higher than the authorial ones. This is an outstanding result, considering the presence of many typical authorial usages (OF COURSE, OBVIOUSLY, CERTAINLY), in particular of boosters. However, it needs to be mentioned that the exclusion of the

fronted bi-clausals (initial clauses such as BELIEVE, SUGGEST, SEEM, DEMONSTRATE and PROVE belonging to two clausal relations), which are exclusively authorial usages, influences this result.

Testing the variable of author's commitment revealed that Albanian writers show complete commitment to their writing while boosting (by using author-related boosters) and show lack of commitment (hedge) on the propositional level (by using proposition-related approximators). This is one of the most important findings of this paper. It leads to the conclusions, limitations and suggestions for further research.

5. Conclusions

This quantitative research contributed to two widely unexplored areas of research within the Albanian academic context, namely academic writing and the persuasive devices called hedges and boosters. The research question posed in the paper was: What are the differences in the frequency of hedges, boosters and their author commitment categories across the corpora of Albanian student academic writings? The comparison CAR and CARE demonstrated that PROBABLY, SEEM and CLEARLY had a significantly lower occurrence than expected in CAR in comparison to CARE. Meanwhile, ENTIRELY, SURELY, CERTAINLY and KIND OF showed the opposite. The most striking result is the similarity between CAR and CARE regarding the use of SURELY, CERTAINLY and KIND OF. Both comparisons showed that these three meanings were used significantly more often in the mother tongue than in English. Albanian does not provide an equal form for CERTAINLY, but it offers an equal form for SURELY. Therefore, it is surprising that the English versions of these two items were used significantly less frequent than their Albanian equivalents. The writers' low familiarity with CERTAINLY appeared as a possible factor influencing this difference. However, no convincing argument was found about the difference between CAR and CARE for *surely*. I attribute it to the writers' idiosyncratic choices of certain items and rejections to others. The analysis of author's commitment revealed that Albanians establish a direct connection to their writing while boosting (by using author-related boosters) and mainly hedge on the propositional level (by using proposition-related approximators).

In summary, boosters were more explicit, authorial and initial elements of the clause complex whereas hedges were more implicit, propositional and

located in-between the clause complex. The findings on the usage of proposition-related hedges and author-related boosters, the significantly lower frequency of PROBABLY, SEEM and CLEARLY in CAR as compared to CARE and the higher frequency of ENTIRELY, SURELY, CERTAINLY and KIND OF in CAR in comparison to CARE enabled me to answer the paper's research question.

Finally, a few limitations and suggestions for further research need to be emphasized. Some limitations of the paper were the unbalance and small size of the CARE corpus as well as the limited discussion on dependency, differences in disciplinary domains and student academic writing genres. In any case, compiling and analysing Albanian and Albanian English corpora represents a valuable contribution, which is worth pursuing in further research on hedges and boosters across different disciplinary domains and student academic writing genres.

List of abbreviations

ACD — Albanian Corpus of Dissertations; ADC — Albanian Dissertation Corpus; BA — Bachelor's level (studies); CAR — Corpus of Albanian Research; CARE — Corpus of Albanian Research in English; LL — Log Likelihood; L1 — First Language; L2 — Second Language; MA — Master's level (studies); OR — Odds Ratio; SFG — Systemic Functional Grammar.

References

Agalliu et al. 2002 — F. Agalliu, E. Angoni, Sh. Demiraj, A. Dhrimo, E. Hysa, E. Lafe, E. Likaj. Gramatika e gjuhës shqipe [Grammar of the Albanian Language]. Vol. 1. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë, 2002.

ANC — M. Morozova, A. Rusakov, T. Arkhangelskiy. Albanian National Corpus. Available at: http://albanian.web-corpora.net/ (accessed on 01.12.2019).

Anthony 2014 — L. Anthony. AntConc (Version 3.4.4) [Computer Software]. Waseda University. Tokyo, Japan. Available at: http://www.laurenceanthony.net/ (accessed on 10.09.2017).

Bondi 2008 — M. Bondi. Emphatics in academic discourse: Integrating corpus and discourse tools in the study of cross-disciplinary variation. A. Ädel, R. Reppen (eds.). *Corpora and Discourse: The Challenges of Different Settings*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 31–55.

Breu 2009 — W. Breu. Modals in Albanian. B. Hansen, F. de Haan (eds.). Modals in the Languages of Europe: A Reference Work. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 229–266.

Chatterjee, Hadi 2006 — S. Chatterjee, A. S. Hadi. Regression Analysis by Example. 4th edition. New Jersey: John Wiley and Sons, 2006.

Çeliku et al. 2002 — M. Çeliku, M. Domi, S. Floqi, S. Mansaku, R. Përnaska, S. Prifti, M. Totoni. Gramatika e gjuhës shqipe [Grammar of the Albanian Language]. Vol. 2. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë, 2002.

Dheskali n. d. — V. Dheskali. A Corpus-based Comparison of Albanian and Italian Student Writings in L1 and English as an L2: Hedges and Boosters as Modalization by Degree. PhD thesis. Chemnitz: University of Chemnitz, n. d.

Edusei 2015 — J. Edusei. Code glosses in student writing: A comparative study of Albanian and German BA theses. J. Schmied (ed.). *Academic Writing for South Eastern Europe: Practical and Theoretical Perspectives*. Göttingen: Cuvillier Verlag, 2015. P. 119–131.

Fraser 2010 — B. Fraser. Pragmatic competence: The case of hedging. G. Kaltenböck, W. Mihatsch, S. Schneider (eds.). *New Approaches to Hedging*. (Studies in Pragmatics 9). North America: Emerald Group Publishing Limited, 2010. P. 15–34.

Friginal 2018 — E. Friginal. Corpus Linguistics for English Teachers: New Tools, Online Resources, and Classroom Activities. New York: Routledge, 2018.

Gelman, Hill 2007 — A. Gelman, J. Hill. Data Analysis Using Regression and Multilevel / Hierarchical Models. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Halliday 1985 — M. A. K. Halliday. An Introduction to Functional Grammar. 1st Edition. London: Edward Arnold, 1985.

Halliday, Matthiessen 2014 — M. A. K. Halliday, C. M. I. M. Matthiessen. An Introduction to Functional Grammar. 4th Edition. London: Routledge, 2014.

Holmes 1990 — J. Holmes. Hedges and boosters in women's and men's speech. *Language and Communication*. 1990. Vol. 10. Iss. 3. P. 185–205.

Huddleston 2002 — R. Huddleston. Mood and modality. R. Huddleston, G. K. Pullum (eds.). *The Cambridge Grammar of the English Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 172–208.

Hyland 1998a — K. Hyland. Hedging in Scientific Research Articles. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1998.

Hyland 1998b — K. Hyland. Boosting, hedging and the negotiation of academic knowledge. *Text*. 1998. Vol. 18. Iss. 3. P. 349–382.

Hyland 2003 — K. Hyland. Second Language Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Hyland 2017 — K. Hyland. Metadiscourse: What is it and where is it going? *Journal of Pragmatics*. 2017. Vol. 113. P. 16–29.

Johnson 2009 — D. E. Johnson. Getting off the goldvarb standard: Introducing Rbrul for mixed-effects variable rule analysis. *Language and Linguistics Compass.* 2009. Vol 3. Iss. 1. P. 359–383.

Johnson 2017 — D. E. Johnson. Getting off the goldvarb standard: Introducing Rbrul for mixed-effects variable rule analysis. *Language and Linguistics Compass*. 2017. Vol. 3. Iss. 1. P. 359–383.

Kabashi 2016 — B. Kabashi. Building an Albanian text corpus for linguistic research. Paper presented at the international conference "Corpus-Based Approaches to the

Balkan Languages and Dialects", Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, December 5–7, 2016.

Kabashi 2018 — B. Kabashi. The neologisms in the AlCo. Paper presented at the international conference "Balkan Languages and Dialects: Corpus-based and Quantitative Studies", Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Russia, October 18–20, 2018.

Lafuente Millán 2008 — E. Lafuente Millán. Epistemic and approximative meaning revisited: The use of hedges, boosters and approximators when writing research indifferent disciplines. S. Burgess, P. Martín-Martín (eds.). *English as an Additional Language in Research Publication and Communication*. Bern: Peter Lang, 2008. P. 65–82.

McEnery, Hardie 2012 — T. McEnery, A. Hardie. Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Morozova, Rusakov 2013 — M. Morozova, A. Rusakov. Korpusi elektronik i shqipes: përpunimi, përmbajtja dhe përdorimi. B. Rugova (kryered.). *Materialet e punimeve të Seminarit XXXII Ndërkombëtar për Gjuhën, Letërsinë dhe Kulturën Shqiptare. Prishtinë, 19–30 gusht 2013* [Proceedings from The International Seminar for Albanian Language, Literature, and Culture XXXII. Prishtina, August 19–30, 2013]. Prishtinë: KOHA Print; Fakulteti i Filologjisë, 2013. F. 85–96.

Toska 2012 — B. Toska. Studim përqasës i konektorëve në tekstet argumentuese të gjuhës angleze dhe asaj shqipe [A study on connectors in argumentative texts in English and Albanian]. PhD. Tirana: University of Tirana, 2012. Available at: http://www.doktoratura.unitir.edu.al (accessed on 03.05.2018).

Toska 2015 — B. Toska. Structural, textual and commentary linkers in Albanian PhD dissertations: a pilot study. J. Schmied (ed.). *Academic Writing for South Eastern Europe: Practical and Theoretical Perspectives*. Göttingen: Cuvillier Verlag, 2015. P. 163–177.

Panajoti 2015 — A. Panajoti. Authorial identity in PhD theses in Albania(n). J. Schmied (ed.). *Academic Writing for South Eastern Europe: Practical and Theoretical Perspectives*. Göttingen: Cuvillier Verlag, 2015. P. 177–187.

Prince et al. 1980 — E. F. Prince, J. Frader, C. Bosk. On hedging in physician-physician discourse. Paper presented at the AAAL Symposium on Applied Linguistics in Medicine. University of Pennsylvania, Pennsylvania, December, 1980.

Quirk et al. 1985 — R. Quirk, R. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. A Comprehensive Grammar of the English Language. London: Longman, 1985.

Rayson, Garside 2000 — P. Rayson, R. Garside. Comparing corpora using frequency profiling. A. Kilgarriff, T. Berber Sardinha (eds.). *Proceedings of the workshop on Comparing Corpora, held in conjunction with the 38th annual meeting of the Association for Computational Linguistics (ACL 2000). Hong Kong, October 1–8, 2000*. Hong Kong: Association for Computational Linguistics, 2000. P. 1–6.

Schmied 2015 — J. Schmied. Graduate academic writing in Europe in comparison: a research-based approach to metalanguage and genre. J. Schmied (ed.). *Academic Writing for South Eastern Europe: Practical and Theoretical Perspectives*. Göttingen: Cuvillier Verlag, 2015. P. 1–24.

Schmied 2018 — J. Schmied. A global view on writing research articles for international journals. J. Schmied, M. Hofmann, A. Esimaje (eds.). *Academic Writing for Africa: The Journal Article*. Göttingen: Cuvillier Verlag, 2018. P. 1–18.
Stefanllari 1999/2007 — I. Stefanllari. English-Albanian Dictionary. Reprint. Kent: Bay Foreign Language Books, 2007. (Original work published in 1999).

Appendix. The list of the hedging and boosting equivalents in Albanian and Albanian English

Note 1. The main principles of selection were high frequency in my corpora, pragmatic similarity, semantic similarity according to dictionaries (COD, LDOCE, and the Oxford Dictionary (for English) and FGJSSH and QEP for Albanian), previous literature e.g. [Fraser 2010: 22ff; Hyland 1998a: 154–177; Prince et al. 1980: 6ff; Toska 2012; Trajkova 2015: 145ff] and suggestions by experts (Memushaj, Kabashi, personal communication, December 6–7, 2016).

Note 2. The lexemes that are in **bold** indicate the lexemes selected on the basis of my perception/competence, while the ones that are not in bold refer to the ones added from previously mentioned literature sources. The words in *italics* are additional equivalents, which I did not include in this study.

Table 7. Hedging epistemic adverbs in Albanian and English

Hedge: epistemic adverb	
English lexeme	**Albanian equivalent / translation**
approximately, *nearly*, *almost*, *generally*, *relatively*, *roughly*, *about*, *around*, *more or less*, *circa*, *loosely*	**afërsisht**, **afersisht**, **përafersisht**, **perafersisht**, *në mënyrë të përafërt*, *me afërsi*, *pak a shumë*, *rreth*, *nja*, *afër*
almost, *nearly*, *very nearly*, *about*, *around*, *approximately*, *essentially*, *not far from*, *in the vicinity of*, *substantially*, *near to*	**thuajse**, **pothuajse**, **pothuaj**, **po thuajse**, *me përafërsi*, *gati-gati*, *afërsisht*, *gati*, *rreth*
nearly, *almost*, *approximately*, *roughly*, *practically*, *virtually*, *roundly*, *in essence/effect/substance*, *closely*, *just about*, *circa*	**gati**, gati-gati (rare, spoken), *shumë afër*, *pothuajse*
kind of, *sort of*, *somewhat*, *rather*, *moderately*, *to some extent*	**një lloj**, **disi**, ***njëfarë***

Hedge: epistemic adverb	
English lexeme	**Albanian equivalent / translation**
possibly, *conceivably*, *likely*, *perhaps*, *probably*, *maybe*, *not impossibly*	ka mundësi, **ka mundesi**, **është e mundshsme**, **eshte e mundshme**, mundet, **mundësisht**, **mundesisht**, ka të ngjarë, ***ka te ngjare*** (not found), ***është e mundur*** (*it is possible*), *po të jetë e mundur*
probably, *presumably*, *seemingly*, *apparently*, *perhaps*, *in all likelihood*, *in all probability*	ndoshta, ***me/ka shumë mundësi***, ***me/ka shume mundesi***, ***ka shumë të ngjarë***, ***ka shume te ngjare*** (not found), *mbase*, *ka mundësi*, *ka të ngjarë*, *kushedi*

Table 8. Boosting epistemic adverbs (emphasizers) in Albanian and English

Booster: epistemic (emphasizing) adverb	
English lexeme	**Albanian equivalent**
clearly, *without any doubt*, *apparently*, *certainly*, *definitely*, *distinctly*, *evidently*, *obviously*, *audibly*, *incontestably*, *incontrovertibly*	**qartësisht**, në mënyrë të/të tregosh **qartë**, *me qartësi qartas*, *qartazi*
of course, *as expected*, *by all means*, *certainly*, *definitely*, *indeed*, *indubitably*, *naturally*	patjetër, **patjeter**, *medoemos*, *në mënyrë të detyrueshme/padiskutueshme; me çdo kusht*, *me siguri*
definitely, *certainly*, *absolutely*, *clearly*, *decidedly*, *doubtless*, *obviously*, *unequivocally*, *undeniably*, *unquestionably*, *without doubt*, *surely*	**absolutisht**, në mënyrë absolute, **ne menyre absolute** (not found), *pa asnjë përjashtim*, *plotësisht*, *krejt*
obviously, *unmistakably*, *apparently*, *certainly*, *clearly*, *definitely*, *evidently*, *noticeably*, *visibly*, *surely*	**dukshëm**, **dukshem**, **duket qartë**, **duket qarte** (not found), *natyrisht*, (*në mënyrë të*) ***dukshme***
surely, *without doubt*, *absolutely*, *assuredly*, *certainly*, *indeed*, *inevitably*	**sigurisht**, *me siguri*
certainly, *without doubt*, *absolutely*, *assuredly*, *exactly*, *of course*, *unquestionably*, *surely*	**natyrisht**, *siç është e natyrshme*, *sigurisht*, *pa dyshim*

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 77–101
DOI 10.30842/alp2306573716204

Употребление и лексико-грамматические изменения идиом с соматическими компонентами *glava* ‘голова’, *vrat* ‘шея’ в сербском и хорватском языках: корпусное исследование*

П. С. Дронов
Институт языкознания РАН, Москва; dronov@iling-ran.ru

Аннотация. Статья посвящена кинетическим идиомам (идиомам, образная составляющая которых связана с движением и положением в пространстве) в сербском и хорватском языках. На материале двух корпусов исследуются метафорические модели, особенности употребления и лексико-грамматические изменения идиом с компонентами-соматизмами *glava* ‘голова’ и *vrat* ‘шея’, возможность варьирования и модификаций идиом. В целом, для этих идиом характерно относительно слабое варьирование порядка слов. Это объясняется сохранением связи с прототипическими свободными словосочетаниями и номинациями жестов и движений, а также с наличием идиом с близким компонентным составом, но с иной образной составляющей. Наиболее распространенными являются метафоры эмоционального воздействия, экспериенцера как поверхности и контейнера, движения по направлению к ним или, наоборот, в направлении от них.

Ключевые слова: фразеология, кинетические идиомы, соматизмы, метафорические модели, сербский и хорватский языки, лексико-грамматические изменения, корпусы текстов.

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-012-00335А, Институт языкознания РАН.

Usage and lexical-grammatical modifications of idioms with the somatic components *glava* 'head' and *vrat* 'neck' in Serbian and Croatian: A corpus-based study

P. S. Dronov
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow;
dronov@iling-ran.ru

Abstract. The article deals with kinetic and somatic idioms (i.e., somatic idioms whose underlying metaphors are associated with movement and spatial orientation), in Serbian and Croatian. Based on two corpora, the Corpus of the Contemporary Serbian Language of the School of Mathematics (University of Belgrade), and the Croatian Language Repository of the Institute of the Croatian Language and Linguistics, the paper addresses the metaphorical patterns, peculiarities of usage, and possible modifications of idioms with the constituents *glava* 'head' and *vrat* 'neck'. These idioms generally appear to have few modifications, which may be explained by their close ties with prototypical word groups naming gestures and movements, as well as by the fact that some idioms may have similar structure but different underlying metaphors. For instance, changing instrumental-case constructions with the preposition *među* 'between' into genitive constructions with *između* 'between' would break an idiom and create a free word group or a phrase with limited idiomaticity (e.g., nominating gestures, movements, or positions). Meanwhile, variability of a verb phrase is possible where it is not relevant for depicting the subject's static position, e.g. *sedeti* / *sjediti* vs. *stajati za vratom* 'watch sb. carefully, threaten sb.' (lit. "stand / sit behind the neck"). Some differences are found in the use of certain Serbian and Croatian idioms. On the one hand, not all idioms occuring in text corpora can be found in academic lexicographical sources, and vice versa. On the other hand, the Croatian corpus includes idioms, not found in the Serbian corpus; e.g., *stati komu na vrh glave* 'destroy' (lit. "stand on the top of sb.'s head"). In some contexts, idioms may change their figurative meaning and have their underlying metaphor altered (e.g., *stajati za vratom* would mean 'owe sb.'), with their figurative meaning becoming closer to those of *sesti kome na vrat* 'become dependent on sb.' (lit. "sit down on sb.'s neck") and *visiti kome oko vrata* 'ditto' (lit. "hang around sb.'s neck"). The most widespread metaphors appear to be those of emotional impact and those depicting the experiencer as a surface / a container and the movement to / from the experiencer.

Keywords: phraseology, kinetic idioms, somatisms, metaphorical models, Serbian and Croatian, idiom modifications, text corpora.

1. Введение

При рассмотрении фразеологии мы неизбежно должны обращать внимание на то, как в идиомах и пословицах отражается положение говорящего (или объектов, на которые он указывает) в пространстве. Согласно В. Г. Гаку, пространство — «одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосмоса» [Гак 2000: 127]. Е. С. Кубрякова пишет, что пространство есть «обобщенное представление о целостном образовании между небом и землей (целостность), которое наблюдаемо, видимо и осязаемо (имеет чувственную основу), частью которого себя ощущает сам человек и внутри которого он относительно свободно перемещается или же перемещает подчиненные ему объекты» [Кубрякова 2004: 466].

В сущности, к пространству, телу, жесту можно свести значительную часть фразеологии, поскольку в образной составляющей любой идиомы[1] (по крайней мере, типа VP + NP) заложен субъект (как правило, человек), производящий некое движение в некоем пространстве. В дальнейшем те идиомы, где это движение эксплицировано (*поднимать голову*, *палец о палец не ударить*), мы будем называть кинетическими.

Основными типами соматизмов, представленных во фразеологии, являются: тело как таковое; части тела (*голова*, *рука*); части частей тела (*нос*, *палец*); органы (*сердце*, *мозг*); кости; телесные жидкости (*кровь*, *моча*); отверстия (*рот*, *ноздря*); определенные участки или места (*макушка*, *брюхо*); покровы (волосяной, кожный, роговой, т. е. *ногти*); чужеродные образования (например, *соль* в *сыпать соль на раны*) [Козеренко, Крейдлин 2011: 59].

В данной статье рассматриваются ориентационные метафоры в сербских и хорватских кинетических идиомах с компонентами-соматизмами *glava* ‘голова’ и *vrat* ‘шея’. Частично этот материал рассматривался сербскими и хорватскими лингвистами в когнитивной парадигме: так, *голова* и ее части (*щеки*, *нос* и пр.) рассматривались в [Штрбац,

[1] Под идиомой в данной работе понимаются словосочетания, характеризующиеся высокой степенью воспроизводимости, устойчивости и идиоматичности (т. е. сочетания переинтерпретации, непрозрачности и усложнения способа указания на денотат; см. [Баранов, Добровольский 2008: 30–50]).

Штасни 2017], голова и иные части тела (ср. вынесенную в заглавие идиому *od glave do pete* ‘с головы до пят’) изучались в [Kovačević 2012]. Ср. также небольшую работу [Marmelić 2013]. В данной статье анализируются особенности употребления и лексико-грамматические изменения кинетических и соматических идиом.

Идиомы отобраны нами из словарей [РМС; Matešić 1982][2] и сгруппированы по метафорическим моделям; в качестве образца для последних взяты метафорические модели Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980]. Анализировался материал Корпуса современного сербского языка (математический факультет Белградского университета) [KSSJ-MF] и хорватского корпуса «Hrvatska jezička riznica» (Институт хорватского языка и языкознания, Задарский университет) [Riznica]. Первый содержит около 122 млн словоупотреблений, второй — 101 млн словоупотреблений. В силу недостаточно четкой границы (не считая маркеров и шибболетов наподобие экавицы или морфологической орфографии «korijensko pisanje») между литературными языками, возникшими на базе сербохорватского, в данной работе сербскими примерами называются примеры, полученные из сербского корпуса, а хорватскими — примеры, полученные из хорватского; разумеется, при этом нельзя исключать пересекающихся данных (например, появления в хорватском корпусе сербского текста или, наоборот, в сербском хорватского, или появления в обоих корпусах текстов боснийских авторов). Употребление в хорватских и сербских примерах латиницы продиктовано тем, что в обоих анализируемых корпусах используется именно она. В следующих разделах рассматривается значение идиом с компонентами-соматизмами *glava* ‘голова’ (*2*) и *vrat* ‘шея’ (*3*).

2. Идиомы с соматизмом *glava* ‘голова’

Первым анализируемым соматизмом является *glava* ‘голова’. Целый ряд идиом с этим компонентом может быть описан с помощью ориентационной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона СЧАСТЬЕ ОРИЕНТИРОВАНО ВВЕРХ, НЕСЧАСТЬЕ ОРИЕНТИРОВАНО ВНИЗ (HAPPY IS UP, UNHAPPY IS DOWN [Lakoff, Johnson 1980: 15]),

[2] Дефиниции взяты нами из словарей, однако форма идиом приведена в соответствие с примерами в обоих корпусах.

а также УВЕРЕННОСТЬ ОРИЕНТИРОВАНА ВВЕРХ[3]. К таким устойчивым словосочетаниям относятся: *dignuti glavu* ‘поднять голову’, *ne dizati glave (od nečega)* ‘не поднимать головы (от / из-за чего-л.)’, *klonuti glavom* ‘наклонить голову’, *spustiti glavu* ‘опустить голову’, *glavu gore* ‘выше голову’, *mahati* / *omahivati glavom* ‘качать / покачивать головой’.

Во всех перечисленных словосочетаниях очевидна связь с позой и жестом (см. нашу работу [Dronov 2017]). В случае с *dizati* / *dignuti* / *dići glavu* (*«осмелити се, погрдити се, узохолити се»* ‘осмелеть, возгордиться, стать надменным’ [РМС I: 484]), помимо идиом, в корпусах обоих языков встречаются омонимичные свободные словосочетания (1а), (1b). Как правило, глагол в них имеет иную валентностную структуру, ср. *dignuti mu glavu* ‘поднять ему голову’ (1а):

(1а) *Mrzle mi ruke osjetiše, da mu je tijelo još toplo. Srce mu je još kucalo. Klekoh.* ***Pokušah dignuti mu glavu****…* (пытаться:AOR.1SG поднять:INF он:DAT голова:ACC.SG).
‘Мои замерзшие руки почувствовали, что его тело еще теплое. Его сердце еще билось. Я опустился на колени. Попытался поднять ему голову…’ [Riznica: Vladimir Nazor. Priče s ostrva, iz grada i sa planine (Matica hrvatska, Zagreb, 1927))]

(1б) *Starac je ovu rečenicu pročitao više od deset puta, i onda ostavi hartije na stranu,* ***diže glavu*** (поднять:AOR.3SG голова:ACC.SG)*, zažmiri malo i poče napamet: „Gospodo poslanici, posle poštovanog druga u kome su…“*
‘Старик прочитал это предложение больше десяти раз, а затем отложил бумаги в сторону, поднял голову, слегка зажмурил глаза и начал наизусть: «Господа депутаты, после уважаемого товарища, в котором…»’. [KSSJ-MF: Radoje Domanović. Stradija. Izabrane satire)]

Сокращенная валентностная схема, как в (1б), характерна и для свободного сочетания, и для идиомы (2а, 2б, 2в), тогда как полная — для свободного сочетания (1а).

Видовая пара *dizati* / *dići glavu* употребляется также в значении ‘начать активно действовать’ (см. выше толкование *«осмелити се»*

[3] По аналогии с описанной у Дж. Лакоффа и М. Джонсона метафорой СОЗНАНИЕ ОРИЕНТИРОВАНО ВВЕРХ, БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ ОРИЕНТИРОВАНО ВНИЗ / CONSCIOUS IS UP, LACK OF CONSCIOUS IS DOWN [Lakoff, Johnson 1980: 15].

в Словаре Матицы сербской [РМС]), причем семантика инхоативности содержится как в форме совершенного вида, так и в форме несовершенного. Ср. в сербском корпусе (2а), (2б) и в хорватском корпусе (2в).

(2а) *On [Perec] je uzvratio da* ***će*** (FUT.3PL)*, ukoliko se ofanziva zaustavi, „ekstremisti ponovo* ***dići glave****“* (поднять:INF голова:ACC.PL)*, a opasnost koju oni oličavaju neće biti uklonjena*.
‘Он [Шимон Перес] возразил, что, если наступление остановится, «экстремисты снова поднимут головы», а опасность, которую они олицетворяют, не будет устранена’. [KSSJ-MF: Politika (01.08.2006.)]

(2б) *Krvavi bilans za samo nekoliko dana je — više od trideset sanduka. „Kurdski pobunjenici opet* ***dižu glavu****“* (поднимать:PRS.3PL голова.ACC.SG)*, upozoravaju u policiji i armiji*.
‘Больше тридцати ящиков [т. е. гробов] — вот кровавый баланс всего нескольких дней. «Курдские повстанцы опять поднимают голову», — предупреждают в полиции и армии’. [KSSJ-MF: Politika (02.06.2007.)]

(2в) *Netko je, samo usput, primijetio da stranka SHPT (Stranka hrvatskih potlačenih tehničara) nikako ne bi bila na odmet. I dodao je da od potlačenosti* ***nisu imali vremena dignuti glavu*** (не.иметь:PRS.3PL иметь:PTCP.M.PL время:GEN.SG поднять:INF голова:ACC.SG).
‘Кто-то мимоходом заметил, что совсем не лишней была бы партия ПХУТ — хорватских угнетенных техников. И добавил, что из-за угнетения у них «не было времени поднять голову». [Riznica: Vjesnik Online (2006)]

Если субъект идиомы употреблен во множественном числе, возможна морфологическая трансформация идиомы: *dići glave*, ср. (2а). В сербском и хорватском корпусе фиксируются различия в частоте употребления формы множественного числа: в [KSSJ-MF] *dižu* / *će dići glavu* встречается 29 раз, а *dižu* / *će dići glave* — девять; в [Riznica] первая форма употреблена 10 раз, а вторая — двенадцать.

Форма с отрицанием *ne dići* / *dizati glave*, помимо словарного значения *«бити у великом послу»* ‘быть сильно занятым’ [РМС I: 485] (3а), в сербском корпусе зафиксирована также в значении ‘быть униженным’ (3б). Очевидно, что образная составляющая словосочетаний (3а) и (3б) различна: если в первом случае речь идет о позе человека, сосредоточившегося на какой-либо работе, то во втором случае речь

идет о позе униженного и подавленного человека, не поднимающего голову из страха или стеснения.

(3а) *Čuvenoj kuvarici bilo je krivo što Petra, koji* ***ne diže glavu s projekata*** (не поднимать:PRS.3SG голова:ACC.SG с проект:GEN.PL) *i ne ustaje s bezbrojnih sastanaka, nije uspela da dovede na tanjir čorbastog pasulja, i da mu, tom prilikom, otvori zaslepljene oči: da njegova izabranica nosi, kao oblaci kišu, samo nesreću i zlo.*
‘Знаменитой поварихе было жаль, что она не смогла принести Петару, который не поднимает головы от проектов и не встает после бесчисленных заседаний, даже тарелку фасолевой похлебки и при этом раскрыть ему ослепленные глаза: его избранница, как тучи дождь, приносит только несчастье и зло’. [KSSJ-MF: Milisav Savić. Odbrana varoši od veštica, u: Ujak naše varoši]

(3б) *Prokleću vas, što veru i obraz u krv pretvarate. Prokleću vas, da vam ni čukun-unuci* ***glavu ne dignu*** (голова:ACC.SG не поднять:PRS.3PL), *u crkvu ne uđu, u stolove ne sednu.*
‘Прокляну вас за то, что веру и образ святой в кровь превращаете. Прокляну вас, чтоб и ваши праправнуки голову не подняли, в церковь не вошли, за столы не сели’. [KSSJ-MF: Borisav Stanković. Tašana]

Словосочетание *klonuti glavom* обнаружено в одном хорватском примере (4) в значении ‘быть униженным’, аналогичном (3б). Ср. близкую по форме идиому *klonuti duhom*, аналог рус. *пасть духом*. В сербском корпусе подобные примеры употребления не найдены, за исключением свободных словосочетаний типа *kloni mu glava*.

(4) *Gospodarstvena samostalnost, nezavisnost i posvemašnja obezbjedjenost pojedinca čini smjelijim, da svagdje odlučno brani i svoju slobodnu misao, i za takova je — osim slaba prirodjena značaja — nemoguće, da će pred svakom prvom šušom* ***klonuti glavom*** (опустить:INF голова:INSTR.SG) *i zavezati usta.*
‘Хозяйственная самостоятельность, независимость и полная безопасность делает индивида смелее, чтобы он повсюду решительно защищал свою свободную мысль, и для такого человека — если не считать природной малой значимости, — немыслимо опустить голову и завязать рот перед первым встречным мерзавцем’. [Riznica: Osman-Aziz (Osman Nuri Hadžić, Ivan Miličević). Bez svrhe. Slika iz života (1897)]

Словосочетание с квазисинонимом *spustiti glavu* (в отличие от *spustiti*, *kloniti* означает не только ‘опустить’, но и ‘устать, обессилеть’; это значение является основным) употребляется или как свободное словосочетание, или как номинация жеста — опускания головы от смущения, унижения или подавленности (5).

(5) *Sasvim izdaleka ga tek pitaju da li mu što treba. „Zaradim, dosta.“ Majka i otac* ***spuste glavu*** (опустить:PRS.3PL голова:ACC.SG)*: muči ih „zarađivanje“ Srećkovo. A Srećko je vedar.*
‘Лишь совсем издалека они его спрашивают, не нужно ли ему что-нибудь. «Достаточно, заработаю». Мать и отец опускают голову: их мучает «заработок» Сречко. А сам Сречко сияет’. [KSSJ-MF: Sekulić, Isidora. Kronika Palanačkog Groblja]

Очевидно, что опускание головы может быть осмыслено и как засыпание и как остановка на ночлег вследствие этого, ср. *skloniti*, *zakloniti glavu* (букв. «склонить / спрятать голову», ср. рус. *приклонить голову*) в примере (6).

(6) *Mnogi pripremaju, u najvećoj tajnosti, nekakav zaklon gdje* ***će skloniti glavu*** (FUT.3PL склонить:INF голова:ACC.SG) *»dok ne protutnji« (jer to će protutnjiti brzo, i glavno je izgurati prvi nalet).*
‘Многие в строжайшей тайне готовят какое-нибудь укрытие, где приклонят голову, «пока не отгремит» (ведь отгремит быстро, главное — отбить первую атаку)’. [Riznica: Vladan Desnica. Olupine na suncu (1952)].

Mahati glavom (букв. «качать головой») *«čuditi se; negodovati; ne mariti»* ‘удивляться; сердиться; безразлично относиться’ [Matešić 1982: 142] встречается в обоих корпусах в качестве номинации жеста (т. е. не ‘удивляться’, а ‘качать головой в знак удивления’, см. (7а)) или свободного сочетания (как правило, с дополнительным указанием на признак действия (7б)):

(7а) *On* ***maše glavom*** (качать:PRS.3SG голова:INSTR.SG)*: nije dobro — veli — ninch nije dobro.*
‘Он качает головой: нехорошо — очень — *нинч* [венг. *nincs* ‘ничего’] не хорошо’. [KSSJ-MF: Borislav Pekić. Odbrana i poslednji dani]

(7б) *Tužno* ***maše glavom*** (качать:PRS.3SG голова:INSTR.SG) *i s blagim prijekorom mjeri suca.*
‘Грустно качает головой и с легким упреком меряет судью взглядом’. [Riznica: Jakša Kušan. U procijepu]

Среди ориентационных метафор мы встречаем метафорические модели типа ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ — ЭТО ДВИЖЕНИЕ К ПОВЕРХНОСТИ ГОЛОВЫ. Подобные метафоры рассматривались нами ранее — см. ДВИЖЕНИЕ К ЭКСПЕРИЕНЦЕРУ и ЭКСПЕРИЕНЦЕР — ЭТО ПОВЕРХНОСТЬ в [Дронов, Полян 2015], ДВИЖЕНИЕ ОТ ЭКСПЕРИЕНЦЕРА в [Дронов, Кротова 2019]. В последнем случае перед нами не столько ориентационная, сколько онтологическая и структурная метафора — см. наше пояснение: «Исследуемые нами концепты можно было бы отнести к ориентационным метафорам по Дж. Лакоффу и М. Джонсону. ⟨…⟩ Однако есть заметное отличие: в ориентационных метафорах Лакоффа и Джонсона экспериенцер не имеет постоянной принадлежности к верху или низу, но движется в этом направлении. В нашем же случае, наоборот, экспериенцер неподвижен, а эмоции движутся к нему» [Дронов, Полян 2015: 5]. Эмоции, «движущиеся» к экспериенцеру (или «движущийся» источник этих эмоций), можно сопоставить с моделью *REČI SU PREDMETI U POKRETU* ‘СЛОВА — ЭТО ДВИЖУЩИЕСЯ ОБЪЕКТЫ’ у Д. Кликовац [Klikovac 2000: 183]).

Izići komu / *kome na vrh glave* (букв. «выйти у кого-л. на макушку / вершину головы») получает в [РМС I: 485] толкования *«досадити (коме)»* ‘надоесть, наскучить кому-л.’ и *«пресести (шта коме)»* ‘застрять в горле у кого-л.’. В словаре Й. Матешича отмечено широкое варьирование глагольного и именного компонентов идиомы: *penjati se* / *popeti se komu na glavu* / *vrh glave* (букв. «подниматься / подняться кому-л. на голову / вершину головы») [Matešić 1982: 145]. В сербском и хорватском корпусах, как правило, *na vrh glave* встречается в свободных словосочетаниях типа [*kosa*] *smotana u jajastu punđu na vrh glave* ‘[волосы,] замотанные в яйцеобразный пучок на макушке’. В сербском материале фиксируется только глагольный компонент *popeti se* (шесть примеров), ср. (8).

(8) *Zapažam nekoliko kategorija — jedni pljuju Srbiju, drugi pljuju druge zemlje, jer im je drugih zemalja i lažnog sjaja preko glave i ne mogu više da vide te druge, koji su prema Srbima bili nepravedni, bombe im bacali na glave, Kosovo oteli itd…. a ima u velikom broju onih kojima* ***se i ova današnja Srbija popela na vrh glave*** (REFL и этот:F.SG современный:F.SG Сербия подняться:PTCP.F.SG на вершина:ACC.SG голова:GEN.SG) *pa bi da promene mesto boravka pod hitno, a to je malo teže i neizvodljivije…*

‘Я замечаю несколько категорий: одни оплевывают Сербию, другие оплевывают другие страны, потому что по горло сыты [букв. «у них выше головы» — см. ниже] другими землями и фальшивым блеском и видеть больше не могут тех, кто были несправедливы к сербам, бомбы им бросали на головы, Косово отняли и т. д.… А есть много таких, которые и этой современной Сербией сыты по горло и срочно бы поменяли место жительства, но это довольно-таки тяжело и не очень достижимо’. [KSSJ-MF: Politika (09.04.2008.)]

Для идиомы нехарактерны лексико-грамматические изменения; замена предлога превращает ее в другую идиому — *u vrh glave* ‘как максимум, самое большее’ (букв. «в макушку / вершину головы»); ср. употребление в сербском (9а) и хорватском (9б) корпусах.

(9а) *A onda, kada konačno stignu do podnožja Brankovog mosta, očekuje ih naizgled beskrajno, a u stvari svega nekih pola sata,* ***u vrh glave*** (в вершина:ACC.SG голова:GEN.SG) *45 minuta dugo klackanje preko betonske grdosije, uz onaj neprijatan osećaj podrhtavanja konstrukcije pod ogromnim teretom*.
‘А затем, когда наконец доберутся до подножия Бранкова моста, их ожидает на первый взгляд бесконечное, а на самом деле длящееся каких-то полчаса — максимум 45 минут — раскачивание на бетонном колоссе с этим неприятным ощущением дрожания конструкции под огромным грузом’. [KSSJ-MF: Politika (21.01.2008.)]

(9б) *Pregovaračka taktika je, također, da se u ovoj godini odigra* ***u vrh glave*** (в вершина:ACC.SG голова:GEN.SG) *jedna utakmica, po mogućnosti početkom rujna sa San Marinom*.
‘Тактика переговоров такая же: в этом году отыграть максимум один матч, по возможности в начале сентября с командой Сан-Марино’. [Riznica: Vjesnik Online (2001)]

В хорватском материале не найдено примеров употребления *izići komu na vrh glave*. В то же время в [Riznica] зафиксировано иное устойчивое сочетание — *stati komu vrh glave*, букв. «встать у кого-л. над головой» (10а), означающее, судя по контексту употребления, ‘победить кого-л.’ или ‘совершить против кого-л. насильственные действия’; ср. также *na vrh glave stati* в (10б).

(10a) *Uviek sam se bojao, — govoraše ban sam sobom, — da će mi ti kusturaši praviti najvećih neprilika… Nu ništa za to;* ***ja ću im već vrh glave stati*** (я:NOM FUT.1SG они:DAT уже над голова:GEN.SG встать:INF)…

‘Я всегда боялся, — говорил бан самому себе, — что эти бандиты устроят мне больше всего неприятностей… Ну, ничего: ужо я их одолею’. [Riznica: Josip Eugen Tomić. Za kralja — za dom: historička pripoviest iz XVIII. vieka; Dio drugi. Žrtve zablude (1895)]

(10b) *Razorit ću vaše // Ognjište. Tebe svladat* ***ću*** (FUT.1SG)*, ponizit, //* ***Na vrh ti glave stati*** (на вершина:ACC.SG ты:DAT голова:GEN.SG встать:INF)*, kano crva // Tom nogom zgazit.*

‘Разорю ваш // Очаг. Тебя одолею, унижу, // Раздавлю тебя (букв. «на макушку тебе стану»), как червя, // Этой ногой растопчу’ [Riznica: Franjo Marković. Kohan i Vlasta: Epska pjesan (1901)]

Эти выражения основаны на оппозиции верха и низа: победитель осмысляется как тот, кто стоит над головой или на голове у побежденного, — ср. цепочку квазисинонимов в (9б): *tebe svladat ću, ponizit, // Na vrh ti glave stati, kano crva // Tom nogom zgazit*.

На том же образе основана идиома *padati na nečiju glavu*, букв. «падать на чью-л. голову» (*«бити одговоран за нешто»* ‘быть ответственным за что-л.’ [РМС I: 485]). Подобное осмысление ответственности посредством модели ЭКСПЕРИЕНЦЕР — ЭТО ПОВЕРХНОСТЬ встречается и в других языках, например, в иврите [Дронов, Полян 2015]. Возможно библейское происхождение: ср. хорватский перевод «Книги премудростей Иисуса, сына Сирахова»: *Milostinja čovjekova njemu je kao pečat, i na dobročinstvo pazi kao na zjenicu oka. Jednoga će se dana dići i platiti im, svakomu će plaća pasti na vlastitu glavu* [Sirah 17: 22–23] (рус. *Милостыня человека — как печать у Него, и благодеяние человека сохранит Он, как зеницу ока. Потом Он восстанет и воздаст им, и даяние их на голову их возвратит* [Сирах 17: 18–19]). Ср. (11).

(11) *Povjerit ćemo ga samo jednomu povjerljivomu i vjernomu stražaru i nitko osim tebe i mene i njega ne će znati za tajnu, da je Hešam el Movaijed billah jošte na životu. Tako* ***ne će smrt njegova pasti na tvoju i moju glavu*** (не FUT.3SG смерть:NOM его:NOM.F.SG упасть:INF на твой:ACC.F.SG и мой:ACC.F.SG голова:ACC.SG)

‘Доверим его только одному надежному и верному стражнику, и никто, кроме тебя, меня и его не будет знать тайны, что

Хишам аль-Муайяд милостью Аллаха еще жив. Так никто не обвинит тебя и меня в его погибели (букв. «не падет смерть его на твою и мою голову»)'. [Riznica: Velimir Deželić. U službi kalifa. Historijski roman iz dobe hrvatske straže u Španiji (1907)].

В словарях фиксируется также близкая по форме, но основанная на совершенно другой метафоре идиома *pasti na glavu*, букв. «упасть на голову» (*«полудети»* 'сойти с ума' [РМС I: 485]). При этом в обоих корпусах преимущественно употребляются омонимичные свободные словосочетания (ср. *kad ti može recimo cigla pasti na glavu* 'когда тебе, скажем, может кирпич упасть на голову') или оригинальные метафоры наподобие:

(12а) *Naivci, nisu razmišljali o tome da giljotina revanšizma* ***može*** *jednoga dana* ***pasti i na njihovu glavu*** (мочь:PRS.3SG один:GEN.M.SG день:-GEN.SG упасть:INF и на их:ACC.F.SG голова:ACC.SG).
'Наивные, они не задумывались о том, что гильотина реваншизма однажды может упасть и им на голову'. [Riznica: Vjesnik Online (2003)]

(12б) *A zašto da se čovjek bavi tuđom sudbinom? Ne zanima je, kako je s Ivanom, pa ni Evu ne treba zanimati, kako je na Podbrežju. Neka radije opere i okrpi brata. Sad* ***će sigurno koja bedasta psovka pasti na Jožinu glavu*** (FUT.3SG точно какой-то:NOM.F.SG глуповатый:NOM.F.SG ругательство:NOM.SG упасть:INF на Йожин:ACC.F.SG голова:ACC.SG).
'А зачем человеку заниматься чужой судьбой? Ее не интересует, как там Иван, да и Эве не надо интересоваться, как там на Подбрежье. Пусть лучше умоет брата и заштопает ему одежду. Теперь точно Йожу по-глупому отругают'. [Riznica: Sida Košutić. S naših njiva (plodovi zemlje) (1937)]

В этих хорватских примерах идиома употреблена не в словарном значении, а в значении, описанном нами в [Дронов, Полян 2015], как в устойчивых сочетаниях, так и в оригинальных метафорах (например, рус. *позор на мою седую голову* или *слова падали на голову, как пудовые гири*; *падающие ему на голову несчастья*, идиш *a shvarts* / *finster yor af emetsn* 'будь проклят кто-л.', букв. «черный / мрачный год на кого-л.»). Здесь мы видим метафору ЭКСПЕРИЕНЦЕР КАК ПОВЕРХНОСТЬ, а также, по Д. Кликовац, СЛОВА — ЭТО ДВИЖУЩИЕСЯ ОБЪЕКТЫ (REČI SU PREDMETI U POKRETU [Klikovac 2000]:

183). В (11б, 11в) вероятные неприятные события (обвинение в убийстве и грубый выговор, соответственно) уподобляются объекту, падающему на экспериенцера-поверхность.

Очевидно, что не все соматические идиомы являются кинетическими. Так, метафора контейнера[4] представлена моделью МЫСЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — ЭТО ПРЕДМЕТ, НАХОДЯЩИЙСЯ В КОНТЕЙНЕРЕ: *imati što* / *soli u glavi* (букв. «иметь что-то / соль в голове»); *imati (nešto) u glavi* ‘иметь что-то в голове’, в которой концептуализируется не движение, а статика. Дериватом этой модели является модель МЫСЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — ЭТО ИЗВЛЕЧЕНИЕ ПРЕДМЕТА ИЗ КОНТЕЙНЕРА, описывающая забывание (*izbaciti nešto iz glave* ‘выбросить что-л. из головы’) и спонтанную мыслительную деятельность и / или передачу данных (*izmisliti iz glave* ‘выдумать из головы’, *reći iz glave* ‘говорить без подготовки’, букв. «говорить из головы»). С нею связана модель НАРУШЕНИЯ МЫШЛЕНИЯ — ЭТО ИНОРОДНОЕ ТЕЛО, НАХОДЯЩЕЕСЯ В КОНТЕЙНЕРЕ: *imati bubu* / *bube* / *mušicu* / *crva u glavi («imati nastrane* / *lude misli* / *kakvu maniju, biti luckast* / *lud»)* ‘иметь странные / глупые мысли / какую-л. манию, быть придурковатым / глупым’ (букв. «иметь жука / жуков / мушку / червя в голове») [Matešić 1982: 46]. Кроме того, одна идиома основана не только на метафоре контейнера, но и на гастрономической метафоре: *još kome* / *komu vri u glavi* ‘кто-л. еще сохранил здравый рассудок’ (букв. «еще у кого-л. кипит / бурлит в голове»; о гастрономических метафорах см., например, [Иоанесян 2018]).

В сербском корпусе одинаково представлены варианты *imati nešto u glavi* (3 примера, ср. (12а)) и *imati soli u glavi* (3 примера, ср. (13б)); в хорватском корпусе, помимо *imati nešto u glavi* (один пример, ср. (13в)) найдено 22 контекста употребления *imati soli u glavi* (13г).

(13а) „*Da bi mi se svideo, muškarac* ***mora*** (долженствовать:PRS.3SG) *da ima sve što ja nemam, da je smiren, fleksibilan*, ***da ima nešto u glavi***“ (COMP иметь:PRS.3SG что-то:ACC в голова:LOC.SG).
‘Чтобы мне нравиться, мужчина должен иметь все, чего нет у меня, быть спокойным, гибким, иметь что-то в голове. [KSSJ-MF: Maja Nikolić. Politika (06.07.2008.)]

[4] О метафоре контейнера в семантике см., например, [Падучева 2004; Рахилина 2004; Kövecses 1990; Partee, Borschev 2012].

(13б) *Da su hteli i* ***da su imali soli u glavi*** (COMP быть:PRS.3PL иметь:PTCP.M.3PL соль:GEN.SG в голова:LOC.SG), *danas bi živeli u konfederaciji, Ujedinjenoj državi Jugoslaviji, koja bi bila, siguran sam, jedna od najbogatijih zemalja Evropske unije*.
'Если бы они этого хотели и у них была голова на плечах, они сейчас жили бы в конфедерации, в Соединенном государстве Югославия, которое, я уверен, было бы одной из богатейших стран Евросоюза'. [KSSJ-MF: Politika (14.07.2007.)]

(13в) *Osim ugodne vanjštine one bi, dakako, htjele da gospodin Savršeni* ***ima nešto u glavi*** (иметь:PRS.3SG что-то:ACC в голова:LOC.SG)*, te da je pun razumijevanja. Najviše ispitanica, njih 87 posto, izjasnilo se da pravi muškarac mora biti tamnokos, njih 12 privlače plavokosi, a samo jedan posto dalo je glas riđokosim momcima*.
'Кроме предпочтительного иностранного происхождения они бы, конечно, хотели, чтобы господин Совершенство [букв. «Совершенный»] имел что-то в голове и был человеком понимающим [букв. «полон понимания»]. Больше всего респондентов — 87 % — сообщило, что настоящий мужчина должен быть брюнетом, 12 % привлекают блондины, а рыжим парням свой голос отдал всего один процент'. [Riznica: Vjesnik Online (2007)]

(13г) *Kad je Hamilkar navršio dvadeset i četvrtu i Lukčec mu predao upravu imanja, nije bilo više spasa. Došlo sve na bubanj. „***Nema soli u glavi!***"* (не.иметь:PRS.3SG соль:GEN.SG в голова:LOC.SG) — *vikao Lukčec, a medjutim je on na dražbi kupio Hrašćicu, i Hamilkara prvi dan skupa s materom sa imanja iztjerao.*
'Когда Гамилькару исполнилось двадцать четыре года и Лукчец передал ему право управлять имением, спасения уже не было. Все ушло с молотка. «Вот дурак!» [букв. «У него нет соли в голове!»] — кричал Лукчец, а сам тем временем купил на аукционе Храшчицу и в первый же день выставил Гамилькара из имения вместе с матерью'. [Riznica: Gjalski, Ksaver Šandor. Biedne price (1888)]

Рассмотрим такую метафорическую модель, как ОПАСНОСТЬ — ПОМЕЩЕНИЕ ГОЛОВЫ В КОНТЕЙНЕР. Прежде всего, она представлена в кинетической идиоме *metati* / *bacati* / *staviti glavu u torbu* (*«izlagati se* / *izložiti se velikoj* / *smrtnoj opasnosti, riskirati život»* 'подвергать / подвергнуть себя большой / смертельной опасности, рисковать

жизнью’, букв. «бросать / класть голову в мешок» [Matešić 1982: 141]). Очевидна связь этой метафоры с таким видом казни, как отрубание головы. У идиомы есть два коррелята, связанных отношениями актантной деривации (см. [Добровольский 2011]): *nositi (živu) glavu [u torbi]* (букв. «носить голову в мешке») и *izneti* (хорв. *iznijeti*) / *izvući živu* / *čitavu glavu*. Идиомы обнаруживаются в обоих корпусах, но частотность их различна. *Metati… glavu u torbu* встречается в 19 примерах из сербского корпуса и 4 примерах из [Riznica], *nositi glavu u torbi* — в восьми сербских примерах и тридцати двух хорватских. У идиомы *izvući živu glavu* глагольный компонент *izvući* (51) встречается чаще, чем *iznijeti* (18) *iz torbe*. Ср. также 11 примеров *kome je glava u torbi* в [KSSJ-MF]. Примеров *izvući čitavu glavu* не обнаружено, хотя в хорватском корпусе найден один пример употребления синонимичной идиомы *iznesti čitavu glavu* (букв. «унести целую голову»), основанной на метафоре отсечения головы.

(14) *Tek polovica banovih vojnika* ***iznese čitavu glavu*** (унести:AOR.3SG целый:ACC.F.SG голова:ACC.SG).
‘Только половина воинов бана ушла живой’. [Riznica: Milan Šenoa. Iz kobnih dana: historijski roman (1914)]

3. Идиомы с соматизмом *vrat* ‘шея’

При анализе идиом с компонентом *vrat* следует указать на определенную близость их значения к значению идиом, имеющих компонент *leđa* ‘спина’: в обоих случаях речь идет о нахождении вне поля зрения. Впрочем, *za vratom* понимается как нахождение в непосредственной близости — в отличие, например, от *za leđima* в идиоме *biti Bogu za leđima* / *za božjim leđima* / *iza božjih leđa «bestraga daleko, u vrlo zabitnom, zabačenom kraju»* ‘у черта на куличках, в забытом, заброшенном месте’ [Matešić 1982: 307] (букв. «быть у Бога за спиной / за Божьей спиной»).

УГРОЗА КАК НАХОЖДЕНИЕ ЗА ШЕЕЙ или НА ШЕЕ; ПРИСТАЛЬНОЕ ВНИМАНИЕ КАК НАХОЖДЕНИЕ ЗА ШЕЕЙ или НА ШЕЕ: *sedeti (sjediti)* / *biti* / *stajati za vratom* / *na vrat (kome* / *komu)*, букв. «сидеть / быть / стоять за шеей» (*«goniti* / *ugrožavati* / *nagledavati koga, prijetiti komu»* ‘преследовать кого-л., угрожать кому-л., надзирать

за кем-л.' [Matešić 1982: 758]); к этой модели следует также отнести идиомы со значением 'находиться в непосредственной опасности'; в эта опасность осмысляется как нахождение за или под шеей оружия (ножа, сабли) или иного потенциального орудия убийства: *imati nož pod vratom* (букв. «иметь нож под шеей»), *kome* / *komu je nož pod vratom* (букв. «у кого-л. нож под шеей»), *imati konop za vratom* (букв. «иметь веревку за шеей»), *nije kome* / *komu sablja za vratom* 'нет непосредственной опасности; не нужно бояться' (букв. «у кого-л. нет сабли за шеей»).

ПОРАЖЕНИЕ или УНИЖЕНИЕ КАК ДВИЖЕНИЕ ШЕИ ВНИЗ: *saviti vrat*, букв. «склонить шею» (*«покорити се, признати се поражен»* 'подчиниться, признать поражение' [РМС I: 424]), *savi(ja)ti* / *sagnuti* / *sagibati vrat pred kim* (*«понизити се, понижавати се пред ким»* 'унизиться, унижаться перед кем-л.' [Там же]).

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ НА БЛИЗКОЙ ДИСТАНЦИИ КАК НАХОЖДЕНИЕ ЗА ШЕЕЙ: *dahtati* / *disati za vrat (kome* / *komu)* (*«biti nekome za petama, pratiti ga u stopu»* 'следовать за кем-л. по пятам' [Vukajlija], букв. «тяжело дышать / дышать кому-л. за шеей», ср. рус. *дышать в затылок*).

ЗАВИСИМОСТЬ КАК МАНУАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ШЕЮ: *držati za vrat (koga)*, букв. «держать кого-л. за шею» (*«imati koga u vlasti* / *u zavisnosti»* 'иметь власть над кем-л., держать кого-л. в зависимости' [Matešić 1982: 757]).

ЗАБОТА / ЗАВИСИМОСТЬ / ОБЯЗАТЕЛЬСТВО КАК НАХОЖДЕНИЕ ГРУЗА НА ШЕЕ: *uzeti brigu na vrat*, букв. «взять заботу на шею» (*«starati se* / *brinuti se za koga, opteretiti se brigama»* 'заботиться / беспокоиться о ком-л., нагрузить себя заботами' [Matešić 1982: 43]); ср. также *staviti bedu* / *brigu na vrat* (*«преузети тешке обавезе»* 'взять на себя тяжелые обязательства' [РМС I: 424]); *visiti* / *visjeti kome* / *komu o vratu* / *oko vrata*, букв. «висеть у кого-л. у шеи / около шеи» (*«biti na čijoj brizi, biti komu na teretu, zavisiti od koga»* 'быть предметом чьих-л. забот, быть кому-л. обузой, зависеть от кого-л.' [Ibid.]) и близкие по фразеологическому значению и форме идиомы *skinuti s vrata (koga)* (букв. «сбросить с шеи кого-л.»), *obesiti (objesiti) se na* / *o vrat (kome* / *komu)* (букв. «повеситься на шею кому-л.»), *baciti (nešto) na vrat kome* / *komu* (букв. «бросать кому-л. что-л. на шею»), *tovariti* / *natovariti* / *staviti kome* / *komu što na vrat* (букв. «нагрузить кому-л. что-л. на шею»); ср. также *sesti* / *sjesti kome* / *komu na vrat* (*«nametnuti se komu, pasti komu na teret»* 'навязаться кому-л., стать чьей-л. обузой' [Ibid.], букв. «сесть кому-л. на шею»); *najahati (kome* / *komu) za vrat* (*«ne dati komu mira, dovesti koga u težak*

položaj» ‘не дать кому-л. покоя, довести кого-л. до тяжелого положения’ [Ibid.], букв. «сесть верхом кому-л. за шею»).

Эти идиомы характеризуются большой семантической близостью, и их можно разделить на корреляты, связанные отношениями актантной деривации, например, *obesiti* / *objesiti se na vrat — visiti na vratu — skinuti s vrata*; ср. выше *metati… glavu u torbu — nositi glavu u torbi — izvući živu glavu* (‘бросать голову в мешок — носить голову в мешке — вытащить живую голову’, метафорическая модель ОПАСНОСТЬ — ПОМЕЩЕНИЕ ГОЛОВЫ В КОНТЕЙНЕР). Как отмечает Д. О. Добровольский, актантная деривация характерна для сравнительно малого числа близких семантических полей — прежде всего, ФИЗИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (и производных — КОНФЛИКТ, КРИТИКА, УКОР, СОПРОТИВЛЕНИЕ, АГРЕССИЯ и пр.; иначе говоря, эмоционального воздействия) [Добровольский 2011]. Заметим, что идиома *biti* / *stajati za vratom* в словаре Й. Матешича зафиксирована в двух разных словарных статьях, и в значении угрозы, и в значении заботы / зависимости.

Эти идиомы сохраняют связь с прототипическими свободными сочетаниями. Как в сербском, так и в хорватском корпусах встречаются близкие по форме номинации жестов *obesiti se* / *pasti kome oko vrata* / *glave* (ср. рус. *вешаться на шею*). Возможно, именно это объясняет слабое варьирование этих идиом. В частности, в *stajati za vratom* невозможна замена предложной группы с инструменталисом на предложную группу с генитивом (**iza vrata*). Кроме того, существует близкая по форме, но основанная на несколько иной модели (УНИЧТОЖЕНИЕ КАК СТОЯНИЕ НА ШЕЕ): *stati za vrat (kome* / *komu)*, букв. «стать кому-л. за шею» (*«uništiti, onesposobiti koga»* ‘уничтожить, обезвредить кого-л.’ [Matešić 1982: 759], ср. также *staviti nogu za vrat (kome* / *komu)*, букв. «стать кому-л. ногой за шею» и *stati zmiji na vrat*, букв. «стать змее на шею» — *«otkloniti opasnost, izvući se iz nerilike (nevolje)»* ‘устранить опасность, избегнуть неприятности, несчастья’ [RHAF]; в [Оташевић 2007] отмечено также варьирование именного компонента: *стати змији на врат* / *главу*, т. е. ‘на голову’):

(15) *Epidemiolog, doktor medicinskih nauka čovek koji* ***je velikim boginjama stao za vrat*** (быть:PRS.3SG великий:DAT.PL богиня:DAT.PL стать:PTCP.M.SG за шея:ACC.SG)*, Stevan Litvinjenko se, po odlasku u penziju 1987. godine, počeo baviti drugim stvarima*.
‘Стеван Литвиненко, эпидемиолог, доктор медицинских наук, человек, который победил эпидемию оспы [букв. «встал оспе

за шею»], после выхода на пенсию в 1987 г. начал заниматься другими вещами'. [KSSJ-MF: Politika (20.01.2007.)]

Ср. также пример употребления *disati za vrat* в [KSSJ-MF] (16).

(16) *Na spisku je 55 fudbalera, a Španija, svetski i evropski prvak ima najviše igrača na njemu, čak deset. Brazilci im „**dišu za vrat**“* (дышать:PRS.3PL за шея:ACC.SG)*, ima ih devetorica, a osmorica dolaze iz Argentine.*
'В списке 55 футболистов, и у Испании, чемпиона мира и Европы, в нем больше всего игроков — целых десять. Бразильцы «дышат им в затылок», их девятеро, а восемь человек родом из Аргентины'. [KSSJ-MF: www.rts.rs (25.11.2010.)]

Кавычки в примере указывают на метаязыковое употребление, или *hedge* по Дж. Лакоффу; см. [Dobrovol'skij, Lûbimova 1993; Lakoff 1973].

У идиомы *sedeti* / *sjediti* / *stajati za vratom* изменение глагольного компонента не влияет на значение (т. е. перед нами варианты идиомы в чистом виде), ср. (17а), (17б). В примере (17в) мы видим метаязыковое употребление *stajati za vratom*: с помощью кавычек пишущий указывает на то, что это словосочетание является именно идиомой, а не номинацией положения в пространстве. В (17б) происходит изменение фразеологического значения: идиома обозначает уже не пристальное внимание, а зависимость или обязательство.

(17а) *Da li će Javni servis imati toliko mudrosti i snage da batali nepotrebnu jurnjavu za rejtingom i da bude brend nove Srbije? Tu **bih*** (быть.AOR.1SG)*, da sam Cekić, **sedeo Javnom servisu za vratom*** (сидеть:PTCP.M.SG общественный:DAT.M.SG служба:DAT.SG за шея:INSTR.SG).
'Будет ли у Общественной службы [Радио и Телевидения Сербии] столько мудрости и силы, чтобы прекратить ненужную погоню за рейтингом и стать брендом новой Сербии. Тут бы я, будь я Ненадом Цекичем, тщательно контролировал Общественную службу'. [KSSJ-MF: Politika (25.07.2007.)]

(17б) *Kupac će morati i da izmiri obaveze koje godinama **stoje za vratom*** (стоять.PRS.3PL за шея:INSTR.SG) *bilećkoj „Kovnici“: treba platiti tri miliona i osamsto hiljada maraka fondovima*
'Покупателю также придется исполнить обязательства, которые годами висят на заводе [букв. «стоят за шеей у завода»]

по производству арматуры «Ковница» в Билече: нужно выплатить 3 миллиона 800 тысяч марок фондам’. [KSSJ-MF: Politika (15.11.2007)]

(17в) *…autorka i ne krije da joj je dok piše njena ćerka Milica najstroži kritičar. — Milica* ***mi stoji „za vratom“*** (я:DAT стоять.PRS.3SG за шея:INSTR.SG)*, naručuje stvari i ruga se svemu što joj se čini lažnim…* ‘Автор и не скрывает, что пока она пишет, самым строгим ее критиком является дочка Милица: «Милица стоит у меня за спиной, дает разные поручения и ругает все, что ей кажется лживым»…’ [KSSJ-MF: Politika (11.10.2009)]

4. Заключение

Для сербских и хорватских кинетических идиом, содержащих компоненты-соматизмы и основанных на ориентационных метафорах, характерны относительно фиксированный порядок слов и малое число лексико-грамматических изменений. Это объясняется сохранением связи со свободными словосочетаниями и номинациями жестов (кинем), а также наличием идиом с близким компонентным составом, но с иной образной составляющей. Так, замена инструментальных предложных конструкций (например, *među* + INSTR) на генитивные (*između* + GEN) может привести к образованию свободных словосочетаний или слабоидиоматичных устойчивых сочетаний (в том числе номинаций жестов, кинем и положения в пространстве). В то же время замечена возможность варьирования глагольного компонента, если он нерелевантен для описания статичного положения в пространстве (*sedeti* / *stajati za vratom*).

Выявляются некоторые различия в употреблении отдельных идиом в сербском и хорватском корпусах. С одной стороны, не все идиомы, фиксируемые в академических источниках, обнаруживаются в корпусах, и наоборот (например, *u vrh glave* со значением ‘самое большее, как максимум’). С другой стороны, в хорватском корпусе нами найдены идиомы, которые не выявлены в сербском (*stati komu na vrh glave* со значением ‘уничтожить’).

В отдельных контекстах употребления идиомы меняют фразеологическое значение и метафорическую модель — например, *stajati*

za vratom (17б) начинает означать ‘иметь обязательство перед кем-л.’, т. е. сближается с идиомами типа *sesti kome na vrat*, *visiti kome oko vrata*. Это можно объяснить тем, что несмотря на разные метафорические модели, эти идиомы обладают близким компонентным составом. Кроме того, сами метафорические модели оказываются близки друг к другу, поскольку их, в целом, можно представить как метафоры эмоционального воздействия и свести к метафорам экспериенцера как поверхности или контейнера (ср. рус. *на тебе ответственность за что-л.*, *что на него нашло*, *прийти в голову* [Дронов, Полян 2015]).

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо глаголов; ACC — аккузатив; AOR — аорист; COMP — комплементайзер (союз или частица *да*); DAT — датив; F — женский род; FUT — футурум; GEN — генитив; INSTR — инструменталис; LOC — локатив; M — мужской род; N — средний род; NOM — номинатив; PL —множественное число; PRS — презенс; PTCP — причастие; REFL — показатель возвратности; SG — единственное число.

Литература

Баранов, Добровольский 2008 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.

Гак 2000 — В. Г. Гак. Пространство вне пространства // Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина (отв. ред.). Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 127–134.

Добровольский 2011 — Д. О. Добровольский. Конверсия и актантная деривация во фразеологии // И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (отв. ред.). Слово и язык: Сб. статей к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 207–227.

Дронов, Кротова 2019 — П. С. Дронов, Е. Б. Кротова. Движение от экспериенцера: об одной ориентационной метафоре в славянской, германской и кельтской фразеологии // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2019. Вып. 11. С. 111–122 (электронный ресурс). URL: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2019_11/5.pdf (дата обращения: 01.12.2019).

Дронов, Полян 2015 — П. С. Дронов, А. Л. Полян. Пространственная концептуализация ментального и эмоционального воздействия: модель ЭКСПЕРИЕНЦЕР КАК ПОВЕРХНОСТЬ во фразеологии // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2015. № 6 (38). С. 5–19.

Иоанесян 2018 — Е. Р. Иоанесян. Концептуальная метафора: опыт сопоставления метафорических моделей в разных языках. М.: Институт языкознания РАН, 2018.

Козеренко, Крейдлин 2011 — А. Д. Козеренко, Г. Е. Крейдлин. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания. 2011. № 6. С. 54–66.

Кубрякова 2004 — Е. С. Кубрякова. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Рахилина 2004 — Е. В. Рахилина. Контейнер и содержимое в русском языке: наивная топология // Языковые значения. Методы исследования и принципы описания. Памяти О. Н. Селиверстовой. М.: Московский городской педагогический университет, 2004. С. 233–257.

Штрбац, Штасни 2017 — Г. Штрбац, Г. Штасни. Соматизми и концептуализација стварности у српском језику (глава и њени делови). Нови Сад: Филозофски факултет Универзитета у Новом Саду, 2017.

Čermák 1998 — F. Čermák. Somatic idioms revisited // W. Eismann (Hrsg.). EUROPHRAS 95 Europäische Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt. (Studien zur Phraseologie und Parömiologie 15). Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 1998. S. 109–119.

Dobrovol'skij, Lûbimova 1993 — D. Dobrovol'skij, N. Lûbimova. «Wie man so schön sagt, kommt das gar nicht in die Tüte». Zur metakommunikativen Umrahmung von Idiomen // Deutsch als Fremdsprache. 1993. № 30 (3). S. 151–156.

Dronov 2017 — P. Dronov. *Raising* and *holding one's head high*: a corpus-based study of stylistic, pragmatic and lexical variability of the idiom in Russian, Serbian, English, and German // K. Bankov (ed. in ch.). New Semiotics Between Tradition and Innovation / Nueva Semiótica entre tradición e innovación / La Nouvelle Sémiotique entre tradition et innovation: Proceedings of the 12th World Congress of the International Association for Semiotic Studies (IASS/AIS). Sofia 2014, 16–20 September, New Bulgarian University. Sofia: IASS Publications & NBU Publishing House, 2017. P. 1189–1200.

Klikovac 2000 — D. Klikovac. Semantika predloga. Studija iz kognitivne lingvistike. Beograd: Filološki fakultet, 2000.

Kovačević 2012 — B. Kovačević. Hrvatski frazemi od glave do pete. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2012.

Kövecses 1990 — Z. Kövecses. The Concept of Emotion: The Container Metaphor // Z. Kövcses. Emotion Concepts. New York: Springer-Verlag New York Inc., 1990. P. 144–159.

Lakoff, Johnson 1980 — G. Lakoff, M. Johnson. Metaphors We Live By. Chicago and London: University of Chicago Press, 1980.

Lakoff 1973 — G. Lakoff. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Journal of philosophical logic. 1973. № 2. P. 458–508.

Marmelić 2013 — H. Marmelić. Kognitivnolingvistički pristup hrvatskim somatskim frazemima sa sastavnicom *glava*. Diplomski rad. Zagreb: Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu, 2013.

Partee, Borschev 2012 — B. H. Partee, V. Borschev. *Dva stakana moloka*: Substances and Containers in Genitive of Measure Constructions in Russian // Русский язык в научном освещении. 2012. № 24 (2). С. 140–166.

Источники

Оташевић 2007 — Ђ. Оташевић. Мали српски фразеолошки речник. Београд: Алма, 2007.

РМС (= Речник Матице Српске) — Речник српскохрватскога књижевног језика. 6 књ. 2. фототипско издање. Нови Сад: Матица Српска, 1990.

РМС I — Речник српскохрватскога књижевног језика. Књига прва. А—Е. 2. фототипско издање. Нови Сад, 1990.

РМС IV — Речник српскохрватскога књижевног језика. Књига четврта. О—П (*ограшје—претња*). 2. фототипско издање. Нови Сад: Матица Српска, 1990.

KSSJ-MF — Korpus savremenog srpskog jezika — Matematički fakultet Univerziteta u Beogradu (электронный ресурс). URL: http://www.korpus.matf.bg.ac.rs/prezentacija/korpus.html (дата обращения: 15.09.2019).

Matešić 1982 — J. Matešić. Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika. Zagreb: Školska knjiga, 1982.

RHAF — I. Vidović Bolt, B. Barčot, Ž. Fink Arsovski, B. Kovačević, N. Pintarić, A. Vasung. Rječnik hrvatskih animalističnih frazema. Zagreb: Školska knjiga, 2017.

Riznica — Hrvatska jezična riznica. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje(электронный ресурс). URL: http://riznica.ihjj.hr/ (дата обращения: 15.09.2019).

Vukajlija — Vukajlija. Rečnik slenga (электронный ресурс). URL: https://vukajlija.com (дата обращения: 15.09.2019).

References

Baranov, Dobrovolskiy 2008 — A. N. Baranov, D. O. Dobrovolskiy. Aspekty teorii frazeologii [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow: Znak, 2008.

Čermák 1998 — F. Čermák. Somatic idioms revisited. W. Eismann (Hrsg.). *EUROPHRAS 95 Europäische Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt*. (Studien zur Phraseologie und Parömiologie 15). Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 1998. S. 109–119.

Dobrovolskiy 2011 — D. O. Dobrovolskiy. Konversiya i aktantnaya derivatsiya vo frazeologii [Conversion and actant derivation in phraseology]. I. M. Boguslavskiy, L. L. Iomdin, L. P. Krysin (eds.). *Slovo i yazyk: Sb. Statey k vosmidesyatiletiyu Yu. D. Apresyana* [Word and language: Essays in honour of Yuri D. Apresyan]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2011. P. 207–227.

Dobrovol'skij, Lûbimova 1993 — D. Dobrovol'skij, N. Lûbimova. «Wie man so schön sagt, kommt das gar nicht in die Tüte». Zur metakommunikativen Umrahmung von Idiomen. *Deutsch als Fremdsprache*. 1993. No. 30 (3). P. 151–156.

Dronov 2017 — P. Dronov. *Raising* and *holding one's head high*: a corpus-based study of stylistic, pragmatic and lexical variability of the idiom in Russian, Serbian, English, and German. K. Bankov (ed. in ch.). *New Semiotics Between Trad*ition and Innovation / *Nueva Semiótica entre tradición e innovación* / *La Nouvelle Sémiotique entre tradition et innovation: Proceedings of the 12th World Congress of the International Association for Semiotic Studies (IASS/AIS)*. *Sofia, 2014, 16–20 September, New Bulgarian University*. Sofia: IASS Publications & NBU Publishing House, 2017. P. 1189–1200.

Dronov, Krotova 2019 — P. S. Dronov, E. B. Krotova. Dvizhenie ot ėksperientsera: ob odnoy orientatsionnoy metafore v slavyanskoy, germanskoy i keltskoy frazeologii [Moving away from experiencer: on one orientation metaphor in Slavic, Germanic, and Celtic phraseology]. *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Linguistics and methods of language education]. 2019. Iss. 11. P. 111–122. Available at: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2019_11/5.pdf (accessed on: 01.12.2019).

Dronov, Polyan 2015 — P. S. Dronov, A. L. Polyan. Prostranstvennaya kontseptualizatsiya mentalnogo i emotsionalnogo vzaimodeystviya: model EKSPERIENTSER KAK POVERKHNOST vo frazeologii [Spatial conceptualization of mental and emotional impact: EXPERIENCER AS A SURFACE model in phraseology]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2015. No. 6 (38). P. 5–19.

Gak 2000 — V. G. Gak. Prostranstvo vne prostranstva [Space outside space]. N. D. Arutyunova, I. B. Levontina (eds.). *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical analysis of language. Languages of spaces]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2000. P. 127–134.

Ioanesyan 2018 — E. R. Ioanesyan. Kontseptualnaya metafora: opyt sopostavleniya metaforicheskikh modeley v raznykh yazykakh [Conceptual metaphor: essays on comparison of metaphorical models in different languages]. Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2018.

Klikovac 2000 — D. Klikovac. Semantika predloga. Studija iz kognitivne lingvistike [The semantics of preposition. Studies in cognitive linguistics]. Belgrade: Faculty of Philology, 2000.

Kovačević 2012 — B. Kovačević. *Hrvatski frazemi* od glave do pete [Croatian Phrasemes *from Head to Heels*]. Zagreb: Institute of Croatian Language and Linguistics, 2012.

Kövecses 1990 — Z. Kövecses. The Concept of Emotion: The Container Metaphor. Z. Kövcses. *Emotion Concepts*. New York: Springer-Verlag New York Inc., 1990. P. 144–159.

Kozerenko, Kreydlin 2011 — A. D. Kozerenko, G. E. Kreydlin. Frazeologicheskie somatizmy i semioticheskaya kontseptualizatsiya tela [Somatic figurative units and semiotic conceptualisation of body]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2011. No. 6. P. 54–66.

Kubryakova 2004 — E. S. Kubryakova. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol yazyka v poznanii mira [Language and knowledge: Gathering knowledge on language: Lexical classes from

the cognitive standpoints. Role of language in world cognition]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004.

Lakoff, Johnson 1980 — G. Lakoff, M. Johnson. Metaphors We Live By. Chicago and London: University of Chicago Press, 1980.

Lakoff 1973 — G. Lakoff. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of philosophical logic.* 1973. No. 2. P. 458–508.

Marmelić 2013 — H. Marmelić. Kognitivnolingvistički pristup hrvatskim somatskim frazemima sa sastavnicom *glava*. Diplomski rad [A cognitive-linguistic approach towards Croatian somatic phrasemes with the constituent *glava* 'head'. Graduation paper]. Zagreb: Faculty of Philosophy in Zagreb, 2013.

Paducheva 2004 — E. V. Paducheva. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki [Dynamic Models in Lexical Semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004.

Partee, Borschev 2012 — B. H. Partee, V. Borschev. *Dva stakana moloka*: Substances and Containers in Genitive of Measure Constructions in Russian. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory]. 2012. No. 24 (2). P. 140–166.

Rakhilina 2004 — E. V. Rakhilina. Konteyner i soderzhimoe v russkom yazyke: naivnaya topologiya [Container and contained in Russian: the naïve topology]. *Yazykovye znacheniya. Metody issledovaniya i printsipy opisaniya. Pamyati O. N. Seliverstovoy* [Linguistic meanings. Research methods and principles of description. In memoriam Olga N. Seliverstova]. Moscow: Moscow City University, 2004. P. 233–257.

Štrbac, Štasni 2017 — G. Štrbac, G. Štasni. Somatizmi i konceptualizacija stvarnosti u srpskom jeziku (glava i njeni delovi) [Somatisms and conceptualisation of reality in Serbian: *head* and the parts thereof]. Novi Sad: Faculty of Philosophy of the Novi Sad University, 2017.

Sources

KSSJ-MF — Korpus savremenog srpskog jezika — Matematički fakultet Univerziteta u Beogradu [Corpus of contemporary Serbian language. Faculty of Mathematics, University of Belgrade]. Available at: http://www.korpus.matf.bg.ac.rs/prezentacija/korpus.html (accessed on 15.09.2019).

Matešić 1982 — J. Matešić. Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika [Phraseological Ddictionary of the Croatian or Serbian language]. Zagreb: Školska knjiga, 1982.

Otašević 2007 — Đ. Otašević. Mali srpski frazeološki rečnik [An abridged Serbian dictionary of idioms]. Belgrade: Alma, 2007.

RHAF — I. Vidović Bolt, B. Barčot, Ž. Fink Arsovski, B. Kovačević, N. Pintarić, A. Vasung. Rječnik hrvatskih animalističnih frazema [Dictionary of Croatian animalistic phrasemes]. Zagreb: Školska knjiga, 2017.

Riznica — Hrvatska jezična riznica. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje [Croatian Language Repository. Institute of Croatian Language and Linguistics]. Available at: http://riznica.ihjj.hr/ (accessed on 15.09.2019).

RMS (= Rečnik Matice Srpske) — Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika. 6 knj. [Dictionary of the standard Serbo-Croatian language. 6 vols.]. 2. fototipsko izdanje. Novi Sad: Matica Srpska, 1990.

RMS I — Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika. Knjiga prva. *A–E.* [Dictionary of the standard Serbo-Croatian language. Vol. 1: A–E]. 2. fototipsko izdanje. Novi Sad: Matica Srpska, 1990.

RMS IV — Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika. Knjiga četvrta. O–P *(*ograšje—pretnja*)*. [Dictionary of the standard Serbo-Croatian language. Vol. 4. O–P (*ograšje—pretnja*)]. 2. fototipsko izdanje. Novi Sad: Matica Srpska, 1990.

Vukajlija — Vukajlija: Rečnik slenga [Vukajlija: A dictionary of slang]. Available at: https://vukajlija.com (accessed on 15.09.2019).

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 102–126
DOI 10.30842/alp2306573716205

Предлог απο с номинативом в новогреческом языке: об одной особенности падежного управления*

Ф. А. Елоева

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург;
fatimaeloeva@yandex.ru

М. Л. Кисилиер

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург;
m.kisilier@spbu.ru

Аннотация. Από́ — один из основных предлогов на протяжении всей истории греческого языка. В древнегреческом он управлял генитивом, а в Средние века с ним начинает употребляться и аккузатив, который к XX в. практически полностью вытесняет генитив после από́. В новогреческом языке к этим конструкциям добавляется еще одна — «από́ + номинатив». Анализ примеров, взятых преимущественно из Корпуса греческого языка (http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/?interface_language=ru), во-первых, позволил сформулировать основные отличия этой конструкции от сочетания από́ с другими падежами, а во-вторых, выделить на основании семантических особенностей и синтаксической роли несколько типов конструкции «από́ + номинатив».

Ключевые слова: новогреческий язык, падежное управление, новогреческие предлоги, корпусная лингвистика, Корпус греческого языка, семантика предлогов, синтаксис, актанты.

---

* При подготовке статьи были использованы материалы, полученные в ходе исследования по проекту «Грамматические категории в структуре клаузы» (грант РФФИ № 17-04-00444-ОГН). Авторы благодарят за ценные советы и комментарии М. С. Морозову, А. Ю. Русакова, Н. Н. Казанского, М. Д. Воейкову, а также анонимных рецензентов. Отдельная благодарность — Стратигуле Рига и Иоанне Куми, без помощи которых не удалось бы в полной мере провести опросы носителей новогреческого языка. Все неточности и ошибки в статье остаются исключительно на совести авторов.

Preposition *apo* (από) in Modern Greek: About one peculiarity of case government

F. A. Eloeva
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg;
fatimaeloeva@yandex.ru

M. L. Kisilier
St. Petersburg State University,
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg;
m.kisilier@spbu.ru

Abstract. Από is one of the main Greek prepositions which can be combined with several cases: the genitive since antiquity and the accusative as of the 11th–12th centuries and onwards. In the 20th century the accusative became the main and the most frequent case after από. In Modern Greek, however, από can be also found with the nominative case. This contribution compares different combinations of από with the nominative against those with the accusative. The majority of our examples and all the quantitative data come from the Corpus of Modern Greek (http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/?interface_language=en) with approximately 35.7 million tokens; some problematic cases have been checked with 15 native speakers of Modern Greek.

Our analysis reveals some semantic and formal differences between "από + nominative" and "από + any other case (primarily accusative)" constructions. Thus, από may be followed by the nominative without an article or with the indefinite article, while NPs with the accusative can also take the definite article, with combinations with the accusative more frequent than those with the nominative. Sometimes (though quite rarely), both can have the same meaning where από with the accusative may have more bookish colouring.

Our analysis of the syntactic peculiarities of "από + nominative" made it possible to regard the usage of nominative as a kind of agreement with the subject. It also shows that in certain combinations with the nominative the preposition από can serve as a distinctive marker of different syntactic ranks in phrases such as από γιος έγινε πατέρας '[he] became the father of a son' to avoid any potential ambiguity.

Unfortunately, this paper has left some problems un solved; for example, the origin of the combination "από + nominative" remains unclear. It is undoubtedly a result of the reanalysis of one or even several ellyptical constructions. In the future, it would be interesting to look for parallels in other Balkan languages in a comparative study.

Keywords: Modern Greek, case government, Modern Greek prepositions, corpus linguistics, Corpus of Modern Greek, semantics of prepositions, syntax, arguments.

1. Постановка проблемы

У греческого предлога ἀπό длительная история: он восходит к праи.-е. **apo* [Walde, Hofmann 1938: 1] и имеет параллели в других индоевропейских языках[1]. В древнегреческом языке этот предлог широко употреблялся для обозначения пространственных отношений со значением ‘от, из’:

(1) ἀπὸ τοῦ στρατοπέδ-ου
от DEF.NF.SG.GEN военный.лагерь-SG.GEN
‘из военного лагеря’ [Th. 3. 112][2]

Как следствие, он мог служить и для указания времени — ‘после, вслед за’:

(2) ἀπὸ μέσ-ων νυκτ-ῶν
от средний-PL.GEN ночь-PL.GEN
‘после середины ночи’ [Ar. *V.* 218]

Во всех своих значениях (о прочих значениях см. [Liddell et al. 1996: 192]), древнегреческий предлог ἀπό по большей части требовал генитива. Иногда, впрочем, он мог встречаться в плеонастических конструкциях, где его значение дублировалось частицей -θεν со значением аблатива:

(3) ἀπ’ Τροιή-θεν
от Троя-от
‘из Трои’ [Il. 24. 492][3]

---

[1] Ср.: санскр. *ápa* ‘от, из, вон’, лат. *ab*, готск. *af* [Frisk 1960: 122], алб. *pa* ‘без’ [Orel 1998: 307] и др.

[2] Здесь и далее древнегреческие и средневековые греческие примеры цит. по [TLG], если не указан иной источник цитирования.

[3] Подобные плеонастические конструкции встречаются и в византийскую эпоху, причем в текстах, связанных не с ученой, а с так называемой «народной» традицией, например, в «Стихотворениях» Птохопродрома (XII в.) в одной из рукописей фиксируется следующее чтение:

ἀπὸ μικρό-θεν
от маленький-от
‘с малых лет’ [Eideneier 1991: 119].

Уже в XII в. обнаруживаются случаи, когда ἀπό управляет не генитивом, а аккузативом, например, в поэме «Спаней» (O 53):

(4) **ἀπὸ** **πορνεί-αν** φεῦγ-ε
от блуд-SG.ACC убегать.IPFV-IMP.2SG
‘от продажной любви беги’ [Κριαράς 1973: 3]

Постепенно генитив после предлога από вытесняется аккузативом, и в современном языке употребление конструкций с генитивом в большинстве случаев можно считать признаком высокого стиля (ср. *Табл. 1* ниже). Помимо традиционных конструкций с аккузативом и генитивом, встречается и, на первый взгляд, крайне необычное, но достаточно употребительное сочетание предлога από с номинативом:

(5а) από μικρ-ός
от маленький-M.SG.NOM
‘с малых лет’

(5б) **από** **μόν-ος** μου
от одинокий-M.SG.NOM =POSS.1SG
‘самостоятельно (т. е. «я сам»)’

На эту конструкцию и прежде обращали внимание в работах, посвященных грамматике и синтаксису новогреческого языка (ср. [Τζάρτζανος 1946: 185; Тресорукова 2018: 195]), однако настоящая статья — это первая комплексная попытка ее лингвистического описания. В *Разделе 2* представлен краткий обзор того, как сочетание από с номинативом интерпретируется в основных словарях новогреческого языка; *Раздел 3* описывает результаты и проблематику корпусного исследования; в *Разделе 4* изучается возможное происхождение конструкции «από + номинатив», а также анализируются ее семантические особенности и синтаксическая роль.

2. Лексикографические данные

В словарях новогреческого языка при лексикографическом описании предлога από иногда упоминается, что он может управлять не только аккузативом, но и номинативом. Так, ориентированный на афинскую норму словарь [Μπαμπινιώτης 1998: 239] указывает лишь устойчивые выражения типа (5б). Созданный в Салониках и более ориентированный на димотику словарь [Τριανταφυλλίδης 2009: 166]

подробнее описывает некоторые случаи употребления από с номинативом, выделяя, в частности, темпоральное значение (6а–б):

(6а) Τέτοι-α ζω-ή κάν-ει
такой-F.SG.NGEN жизнь-SG.NGEN делать-PRS.3SG
από νέ-ος
от молодой-M.SG.NOM
'Такую жизнь [он] ведет смолоду'

(6б) Αυτ-ή τη συνήθει-α
этот-F.SG.NGEN DEF.F.SG.NGEN привычка-SG.NGEN
την έχ-ουν
3.F.SG.ACC= иметь.PRS-PRS.3PL
από αρραβωνιασ-μέν-οι
от совершать.помолвку.PFV-PTCP.PASS-M.PL.NOM
'Эта привычка у них с помолвки'

По нашему мнению, в современном языке большинство словосочетаний «από + номинатив», приводимых авторами словаря, можно трактовать как устойчивые выражения, имеющие некомпозициональный характер (ср. также (5а), (5б) и (6а)):

(7) να μπαίν-ουν μέσα **από** **έν-ας**
SBJV= входить.IPFV-PRS.3PL внутрь от один.NF.NGEN-M.SG.NOM
'пусть входят внутрь по одному'

Как представляется, далеко не все примеры из [Τριανταφυλλίδης 2009: 166] удачны. Так, в примерах (8а–в) по-настоящему непонятно, в каком падеже стоит существительное / прилагательное после από — в номинативе или в аккузативе, поскольку в современном новогреческом флексии этих падежей в женском (кроме отдельных исключений) и среднем роде совпадают:

(8а) έ-γιν-ε **από** **σπίτι-∅** μνήμα-∅
PST-становиться.PFV-PST.3SG от дом-SG.NGEN могила-SG.NGEN
'дом стал могилой (букв. «из дома стала могила»)'

(8б) από παιδί-∅
от ребенок-SG.NGEN

(8в) από μικρ-ή
от маленький-F.SG.NGEN
'с детства'

3. Корпусные данные

Эмпирический опыт авторов статьи подсказывает, что данные словарей не вполне объективно отражают реальную ситуацию, и главное — словари даже не предпринимают попытки хоть как-нибудь последовательно описать, в каких ситуациях предлог вдруг начинает управлять номинативом. Чтобы расширить свой материал и не ориентироваться исключительно на мнения отдельных (пусть даже и очень компетентных) информантов, авторы статьи решили предпринять корпусное исследование. На данный момент существуют несколько корпусов новогреческого языка (подробнее см. [Архангельский, Кисилиер 2018]), однако для настоящего исследования был выбран один — «Корпус греческого языка» [КГЯ], созданный при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Корпусная лингвистика» в 2011 г. Это не самый большой из существующих корпусов (он насчитывает 37,5 млн словоупотреблений), однако лишь он позволяет проводить грамматический поиск, а также поиск группы слов[4], не расположенных контактно друг к другу.

Благодаря [КГЯ] удалось получить количественные показатели использования предлога από с разными падежами (номинативом, генитивом и аккузативом) в новогреческом языке XIX–XXI вв. (см. *Табл. 1*).

Таблица 1. Количественные данные из [КГЯ]

Table 1. Quantitative data from [CMG]

από +	**NOM**	**GEN**	**ACC**
	173 000	6450	407 000

Как и ожидалось, чаще всего употребляется аккузатив, а генитив встречается все реже и реже — часто генитив после από фиксируется в недимотических текстах, ориентированных на архаическую или церковную традицию, например, в переводах «Илиады» или у знаменитого писателя второй половины XIX в. Александроса Пападиамандиса, традиционно именуемого греческим Достоевским[5]. Впрочем, очевидно,

[4] Термин «слово» использован здесь в орфографическом понимании, то есть как последовательность символов от пробела до пробела.

[5] Язык Пападиамандиса отличает высокая степень вариативности. В нем наблюдаются и очевидные диалектные черты, и ориентированность на школьную

что количественные данные по сочетанию από с номинативом и аккузативом неточны из-за уже упомянутых выше (8а–в) особенностей современной новогреческой грамматики, когда у существительных и прилагательных среднего и женского родов номинатив и аккузатив в обоих числах совпадают друг с другом. Различимы эти падежи только в мужском роде (см. *Табл. 2*).

Таблица 2. Склонение мужского рода

Table 2. Masculine declension

	SG	**PL**
NOM	φίλ-**ος** ‘друг’	φίλ-**οι**
ACC	φίλ-**ο**	φίλ-**ους**

Однако и в мужском роде все не так просто: у существительных на -[έ]ας/-ης во множественном числе флексии номинатива и аккузатива совпадают (см. *Табл. 3*).

Таблица 3. Склонение мужского рода на -[ε]ας/-ης

Table 3. Declension of masculine nouns in -[ε]ας/-ης

	SG	**PL**
NOM	συγγραφ-**έας** ‘писатель’	συγγραφ-**είς**
ACC	συγγραφ-**έα**	συγγραφ-**είς**

Для обнаруженной проблемы в рамках корпуса возможны три решения. Во-первых, снятие грамматической омонимии, когда в корпусе различимы, в частности, совпадающие падежные окончания. Хотя теоретически данный путь представляется оптимальным, на данный момент не существует ни одного корпуса новогреческого языка со снятой грамматической омонимией. Поэтому, учитывая тот факт, что во многих случаях грамматическая омонимия не может быть снята автоматически (ср. [Kuzmenko, Mustakimova 2015]), а требует «ручного» труда, едва ли стоит надеяться на решение проблемы подобным способом в ближайшем будущем. Во-вторых, добавление в параметры поиска по корпусу поиска с учетом типов парадигмы. Такой возможности на данный момент тоже нет ни в одном из известных нам корпусов новогреческого языка, однако в [КГЯ] подобный инструмент может быть

кафаревусную грамматику, и несомненное влияние церковной литературы; подробнее см. [Кисилиер, Федченко 2011: 433–435].

добавлен, поскольку каждая лемма в грамматике корпуса приписана к определенному типу парадигмы. В связи с указанными трудностями наиболее оптимальным решением представляется ограничение поиска единственным числом мужского рода. Тогда количественные данные окажутся более точными (см. *Табл. 4*).

Таблица 4. Количественные данные из [КГЯ] по мужскому роду
Table 4. Quantitative data from [CMG] on masculine

από +	**NOM**	**GEN**	**ACC**
	884	2557	119 000

Изучение примеров из [КГЯ] позволяет предположить, что конструкции «από + номинатив» и «από + генитив» крайне редко встречаются в одном тексте[6], поскольку отражают различные языковые предпочтения и, вероятно, могут быть близки и по значению:

(9а) **Από** **έφηβ-ος** ⟨…⟩ έ-παιζα
от подросток-SG.NOM PST-играть.IPFV-PST.1SG
‘С подросткового возраста ⟨…⟩ [я] играл’ [Ελευθεροτυπία (06.08.2011)]

(9б) **από** **αρχ-ής** του Χριστιανισμ-ού
от начало-SG.GEN DEF.NF.SG.GEN христианство-SG.GEN
‘от начала христианства’ [Ιωάννης ο Χρυσόστομος. Wikipedia (03.09.2011)]

Обе конструкции могут употребляться с неопределенным артиклем:

(10а) Κάθε Αράπ-ης είναι και
каждый арап-SG.NOM быть.PRS.3 и

[6] Практически единственным «надежным» примером сосуществования обеих конструкций оказываются «Рассказы» Александроса Мораитидиса (1850–1929), который, как и его родственник и современник Александрос Пападиамандис, во многом ориентировался на язык церкви и на школьную кафаревусную грамматику. В этих рассказах, согласно [КГЯ], 4 раза встречается από с номинативом (повторяется разговорное выражение από μικρός, см. пример (5а)) и 168 раз — από с генитивом. Интересно, что конструкция «από + аккузатив» фиксируется у Мораитидиса еще чаще — 213 раз. Различие между конструкциями «από + генитив» и «από + аккузатив» в новогреческой литературе конца XIX — первой половины XX вв. требует отдельного исследования, и здесь этот вопрос рассмотрен не будет.

από **έν-ας** **κλέφτ-ης**,
от INDF.NF.SG-M.SG.NOM вор-SG.NOM

και **από** **έν-ας** **παλιάνθρωπ-ος**
и от INDF.NF.SG-M.SG.NOM негодяй-SG.NOM

‘В каждом арапе есть [нечто] и от вора, и от негодяя’ [Πηνελόπη Δέλτα. Μάγκας (1937)]

(10б) Δὲν ἤ-θελ-α νὰ σὲ
NEG PST-хотеть-PST.1SG SBJV= 2SG.ACC=

τρομάξ-ω **ἀπὸ** **μι-ᾶς** **ἀρχ-ῆς**
пугать.PFV-PRS.1SG от INDF.F-F.SG.GEN начало-SG.GEN

‘[Я] не хотел тебя пугать с самого начала’ [Ἀλέξανδρος Παπαδιαμάντης. Ἡ Γυφτοπούλα (1884)]

Однако между обеими конструкциями наблюдается одно принципиальное различие: в «από + номинатив» нельзя употребить определенный артикль (11а), а в «από + генитив» можно (11б):

(11а) *Από **ο** έφηβ-ος
от DEF.M.SG.NOM подросток-SG.NOM

(11б) Ἀπὸ **τῶν** ἡμερ-ῶν Ἀλεξάνδρ-ου τοῦ
от DEF.PL.GEN день-PL.GEN Александр-GEN DEF.M.SG.GEN

Μεγάλ-ου
великий-SG.GEN

‘Со времен Александра Великого…’ [Φρειδερίκος Φάρραρ (μτφρ. Ἀλέξανδρος Παπαδιαμάντης). Ὁ βίος τοῦ Χριστοῦ (1898)]

Конструкция «από + аккузатив» употребляется как без артикля, так и с определенным и неопределенным артиклем. Это можно продемонстрировать на примере сочетания предлога από с прилагательным μικρός (ср. (5а)) в разных падежах (см. *Табл. 5*).

Детальное рассмотрение примеров, представленных в *Табл. 5*, показывает, что их можно разделить на два типа: сочетания с артиклем (*3.1*) и сочетания без артикля (*3.2*).

Таблица 5. Сочетание από + μικρός (мужской род) в [КГЯ]: количественные данные

Table 5. The construction από + μικρός (masculine) in [CMG]: quantitative data

από μικρ-ός от маленький-M.SG.NOM	88

από от	μικρ-ό маленький-NF.SG.NGEN			6[7]
από от	τον DEF.M.SG.ACC	μικρ-ό маленький-NF.SG.NGEN		2
από от	έν-αν INDF.NF.SG-M.SG.ACC		μικρ-ό маленький-NF.SG.NGEN	3
από от	μικρ-οί маленький-M.PL.NOM			13
από от	μικρ-ούς маленький-M.PL.ACC			15
από от	τους DEF.M.PL.ACC	μικρ-ούς маленький-M.PL.ACC		16

3.1. Сочетания с артиклем

Предлог από может управлять сочетаниями с артиклем в разных падежах: в номинативе (3.1.1), в генитиве[8] и в аккузативе (3.1.2).

3.1.1. «από + артикль + номинатив»

В конструкциях «από + номинатив» не употребляется определенный артикль, то есть выражения типа (12а–б) в новогреческом языке невозможны (ср. (11а)):

(12а) *από **ο** **μικρ-ός**
от DEF.M.SG.NOM маленький-M.SG.NOM

(12б) *από **οι** **μικρ-οί**
от DEF.M.PL.NOM маленький-M.PL.NOM

Сложнее обстоит ситуация с неопределенным артиклем. Он не употребляется с прилагательным в номинативе, при отсутствии определяемого существительного:

---

[7] В [КГЯ] было обнаружено 77 примеров с από μικρό, но в 2 случаях род прилагательного μικρός неочевиден (выражения из заголовков), а в 69 — прилагательное согласовано с существительным среднего рода, где невозможно определить, стоит ли оно в номинативе или аккузативе. Поэтому в *Табл. 5* эти примеры не учитывались.

[8] Сочетания από с генитивом можно считать архаизмом, поэтому здесь они не рассматриваются (ср. (9б), (10б) и (11б)).

(13) *από **έν-ας** **μικρ-ός**
от INDF.NF.SG-M.SG.NOM маленький-M.SG.NOM

Однако неопределенный артикль встречается в сочетании από с существительным в номинативе, например, από **ένας κλέφτης** (10а), или с именной группой в номинативе[9]:

(14) δεν ήταν τίποτα άλλ-ο
NEG быть.PST.3 ничто другой-NF.SG.NGEN
από **ένας** **ανέμελ-ος** **νεαρ-ός**
от INDF.NF.SG-M.SG.NOM беззаботный-M.SG.NOM юноша-SG.NOM
'[Фома] был лишь беззаботным юношей' [Γιώργος Χατζηκυριάκος. Το Τραγούδι του Χρόνου (2011)]

Рассмотренные в *подразделе 3.1.1* примеры не зафиксированы в *Табл. 5* — (12а–б) и (13) невозможны, а сочетаний с именной группой наподобие (14), в которую входило бы прилагательное μικρός, обнаружить не удалось. Тем не менее сочетания предлога από с неопределенным артиклем и существительным / именной группой в номинативе будут учтены при дальнейшем анализе в настоящей статье.

3.1.2. «από + артикль + аккузатив»

Конструкция «από + аккузатив» возможна как с неопределенным (15а), так и с определенным артиклем (15б). Она наиболее типична для современного новогреческого языка и не требует специального исследования:

(15а) ζήτ-ησ-ε από **έν-αν** πελάτ-η
просить-PFV-PST.3SG от INDF.NF.SG-M.SG.ACC покупатель-OBL.SG
'[женщина] попросила у покупателя' [Λευτέρης Κρητικός. Το οροπέδιο ύψος των μυρμηγκιών (2012)]

(15б) κληρονόμ-ησ-ε από **τον**
наследовать-PFV-PST.3SG от DEF.M.SG.ACC
πατέρ-α του
отец-OBL.SG =POSS.3SG
'[он] унаследовал от своего отца' [Ελευθεροτυπία (30.07.2011)]

[9] Всего в [КГЯ] встречается 33 примера сочетания από ένας + существительное / именная группа.

Если после από с артиклем следует прилагательное или причастие в аккузативе, оно обязательно входит в состав именной группы и согласовано с определяемым существительным. При этом возможны оба артикля — и неопределенный (16а), и определенный (16б):

(16а) από **έν-αν** μικρ-ό **παραγωγ-ό**
от INDF.NF.SG-M.SG.ACC маленький-NF.SG.NGEN производитель-SG.ACC
‘от одного маленького производителя’ [Το Βήμα (01.06.2012)]

(16б) από **τον** μικρ-ό **εκδοτικ-ό** **οίκ-ο**
от DEF.M.SG.ACC маленький-NF.SG.NGEN издательский-NF.SG.NGEN дом-SG.ACC
‘из маленького издательства’ [Το Βήμα (12.06.2011)]

Теоретически возможна эллиптическая конструкция, при которой определяемое существительное опускается, однако обнаружить такие примеры пока не удалось.

3.1.3. Субстантивация

Тем не менее есть случаи, когда в конструкции «από + определенный артикль + прилагательное / причастие в аккузативе» не предполагается наличие определяемого существительного. Речь идет о субстантивации прилагательного:

(17) δεν μπορ-ώ να απαιτ-ήσ-ω
NEG мочь-PRS.1SG SBJV= требовать-PFV-PRS.1SG
από **τον** **μικρ-ό** μου
от DEF.M.SG.ACC маленький-(NF)SG.ACC =POSS.1SG
‘не могу требовать от моего малыша’ [Η Καθημερινή (25.10.2009)]

Вероятно, возможна и субстантивация с помощью неопределенного артикля. Поскольку найти подходящих примеров ни в [КГЯ], ни в интернете не удалось, мы сами придумали предложение и показали его пяти носителям новогреческого языка[10]:

[10] К опросу были привлечены 4 женщины и 1 мужчина из Афин, Нафплиона, Астроса, Леонидио (Греция) и Никосии (Кипр).

(18) *το ά̀κου-σ-α από **έν-αν**
3SG.N.NGEN слышать-PFV-PST.1SG от INDF.NF.SG-M.SG.ACC
μικρ-ό̀
маленький-SG.ACC
‘[я] это услышал от какого-то малыша’

Три информанта признали этот пример правильным и употребимым, у одного информанта он вызвал сомнения, а еще один информант посчитал, что подобное высказывание невозможно. Так или иначе, случаи субстантивации не исследуются в настоящей статье и не учитываются при подсчетах в *Табл. 5*.

3.2. Сочетания без артикля

Предлог από без артикля может управлять как существительным (9а), так и прилагательным. В этом разделе будут рассмотрены сочетания с прилагательными / причастиями.

Согласно количественным данным в *Табл. 5*, наиболее употребительным из всех вариантов оказывается από μικρός, который, скорее всего, является устойчивым выражением. Вероятно, и από μικροί следует считать устойчивым выражением, однако оно значительно менее частотно.

Согласно [КГЯ] в сочетание από с номинативом прилагательного иногда может быть включено наречие πολύ ‘очень’:

(19а) Είχ-α την τύχ-η από **πολύ**
иметь.PST-PST.1SG DEF.F.SG.ACC удача-SG.ACC от очень
νέ-ος
молодой-M.SG.NOM
‘[Мне] довелось [еще] с самой ранней юности’ [Ελευθεροτυπία (06.08.2011)]

(19б) έ-παιζ-α από **πολύ** μικρ-ός
PST-играть.IPFV-PST.1SG от очень маленький-M.SG.NOM
‘[я] играл с самого раннего детства’ [Μακεδονία (14.09.2012)]

[КГЯ] не дает примеров сочетания «από + πολύ + аккузатив», однако такой пример обнаружился у знаменитого греческого прозаика из Салоник Йоргоса Иоанну (1927–1985):

(20) Από **πολύ** νεαρ-όν τα
от очень молодой-M.SG.ACC DEF.N.PL.NGEN
ρέ-οντ-α από επεισόδι-ο
течь-PTCP.OBL-N.PL.NGEN от эпизод-SG.NGEN
σε επεισόδι-ο συμβατικ-ά πεζογραφήμα-τα
в эпизод-SG.NGEN традиционный-N.PL.NGEN проза-PL.NGEN
σου προκαλ-ούσ-αν βαρ-ιά ανί-α
2SG.GEN= вызывать-IPF-PST.3SG тяжелый-F.SG.NGEN скука-SG.NGEN
'С ранней юности классическая проза, где эпизоды перетекали один в другой, нагоняла на тебя глубокую скуку' (пример и перевод цит. по [Варганова 2016: 15])

В отличие от сочетания с номинативом, конструкция «από + прилагательное в аккузативе» требует наличие референта, определяющего число и род прилагательного. Регулярно таким референтом оказывается местоименная клитика в аккузативе:

(21) **Με** χάρισ-αν από **μικρ-ό**
1.SG.ACC= дарить.PFV-PST.3PL от маленький-NF.SG.NGEN
σε ξέν-α χέρι-α
в чужой-N.PL.NGEN рука-PL.NGEN
'Меня отдали с малых лет в чужие руки' [Πηνελόπη Δέλτα. Μάγκας (1937)]

Интересно, что в (20) местоименная клитика σου 'на тебя', выступающая референтом к прилагательному νεαρός 'юный', стоит в генитиве, а не в аккузативе. Правда, других подобных примеров пока обнаружить не удалось.

В качестве референта часто выступает и существительное. В этом случае можно говорить об эллипсисе — определяемое существительное восстанавливается либо из ближайшего контекста (22а), либо на основании общей логики (22б):

(22а) οι μεγάλ-οι **νευρών-ες**
DEF.M.PL.NOM большой-M.PL.NOM нейрон-PL.NGEN
αντικαταστάθ-ηκ-αν **από** **μικρούς**
заменять.PFV.PASS-AOR.PASS-PST.3PL от маленький-M.PL.ACC
'большие нейроны были заменены маленькими' [Αλέξανδρος Σταυρόπουλος. Η Ζωή σε Επίπεδο Μορίων — τόμος 1 (2007)]

(22б) Τα βιβλιοπωλεί-α ⟨…⟩ πλημμύρισ-αν
DEF.N.PL.NGEN книжный.магазин-PL.NGEN наводнить.PFV-PST.3PL
από **μικρ-ούς** και **μεγάλ-ους**
от маленький-M.PL.ACC и большой-M.PL.ACC
'Книжные магазины ⟨…⟩ наполнились и детьми (букв. «маленькими»), и взрослыми (букв. «большими»)' [Μακεδονία (28.12.2010)]

4. Попытка интерпретации

Сочетание предлога από с номинативом не может не вызвать целого ряда вопросов, по крайней мере, в связи с происхождением этой конструкции (*4.1*), ее семантикой (*4.2*) и синтаксической ролью (*4.3*).

4.1. Происхождение

В древнегреческих и византийских текстах, ориентированных на древнегреческую традицию, не удается обнаружить сочетания предлога από с номинативом. Скорее всего, это одна из черт «нового» новогреческого языка. Впрочем, вопрос о датировке остается открытым и мог бы стать темой отдельного исследования.

Происхождение сочетания από с номинативом тоже не вполне очевидно. Пожалуй, самым логичным было бы предположить, что это застывшая эллиптическая конструкция. Например, από μικρός 'с малых лет' (5а) могло произойти из выражения наподобие (23а), а από αρραβωνιασμένοι 'с помолвки' (6б) — из (23б) или чего-то подобного (примеры (23а–б) придуманы авторами статьи).

(23а) από **τότε** **που** **ήμουν** μικρ-ός
от тогда что быть.PST.1SG маленький-M.SG.NOM
'с тех пор, когда [я] был маленьким'

(23б) από **τότε** **που** **ήμασταν**
от тогда что быть.PST.1PL
αρραβωνιασ-μέν-οι
совершать.помолвку.PFV-PTCP.PASS-M.PL.NOM
'с тех пор, когда [мы] были помолвлены'

Подобное объяснение годится далеко не для всех случаев. Так, από μόνος μου ‘[я] сам’ (5б) или από ένας ‘по одному’ (7) трудно интерпретировать как эллиптические варианты выражений типа (23а–б).

4.2. Семантика

У конструкций «από + номинатив» удается выделить два типа значений.

Первая группа значений связана с состоянием, качеством или родом деятельности субъекта, которые начались в его определенном возрасте (*маленький*) или в определенный момент жизни (*помолвка*), обычно не имеют четкого момента завершения и выходят за рамки указанного «начального» возраста или жизненного периода:

(24) Ο Γρέγ-ος ⟨…⟩ ήταν
DEF.M.SG.NOM Грег-SG.NOM быть.PST.3
ανυπότακτ-ος **από** **μικρ-ός**
непослушный-M.SG.NOM от маленький-M.SG.NOM
‘Грег ⟨…⟩ был непослушным с малых лет’ [Πηνελόπη Δέλτα. Στα μυστικά του βάλτου (1937)]

Можно утверждать, что в подобных случаях благодаря конструкции «από + номинатив» действие / состояние / качество, описываемое в группе сказуемого, приобретает континуальность. То есть в примере (24) *Грегос был непослушным, пока был маленьким и продолжил быть непослушным, уже перестав быть маленьким*, ср. с примерами (6а–б), (9а), (19а–б).

Вторая группа значений отражает переход из одного состояния в другое:

(25) Κι εγώ εξάλλου **από** **εργάτ-ης** ξεκίνησ-α
и 1SG.NOM ведь от рабочий-SG.NOM начинать.PFV-PST.1SG
‘И я ведь с рабочего начал’ [Μακεδονία (01.03.2010)]

В примерах типа (25) тоже выражена континуальность, но она ограничена во времени и носит, скорее, экспериенциальный характер (*я успел побыть рабочим, перед тем как моя карьера пошла вверх*).

4.3. Синтаксическая роль

Наиболее интересным представляется рассмотрение конструкций «από + номинатив» с учетом их синтаксической роли. В этом случае

оказывается, что одна часть конструкций входит в группу подлежащего — и таких примеров явное большинство: (6а–б), (9а), (19а–б), (24), а другая относится к группе сказуемого (14), (25).

4.3.1. «από + номинатив» в группе подлежащего

Конструкция «από + номинатив», входящая в группу подлежащего, выполняет роль своего рода определения при субъекте:

(26) **Από** **μικροί** μαθαίν-ουμε
от маленький-M.PL.NOM учиться.IPFV.PRS.1PL

τα «πρέπει» και τα «μη»
DEF.N.PL.NGEN должно.PRS и DEF.N.PL.NGEN NEG

‘С малых лет [мы] узнаем, что такое «нужно» и что такое «нельзя»’ [Το Βήμα (05.05.2011)]

Этим и объясняется появление номинатива после από — его можно считать результатом согласования с подлежащим, причем неважно, есть ли подлежащее в предложении или оно опущено, как в подавляющем большинстве приведенных выше примеров[11]. Более того, если после από стоит прилагательное, как в (26), оно согласуется не только по падежу, но и по числу и роду. Чарльз Филлмор, изучавший разные не вполне типичные случаи употребления падежей, предлагал вводить новые падежные категории, которые выделялись бы с учетом семантических особенностей [Fillmore 2003: 115]. И действительно — для номинатива, управляемого предлогом, сразу хочется придумать какое-то иное название. Так мы смогли бы создать несколько новых падежей, один для примеров типа (26), другие для случаев наподобие (28), (30), (31). Однако такой путь представляется бесперспективным, и применительно к конструкции «από + номинатив» следует говорить не об особой семантике номинатива, а о сдвиге в семантике предлога, в результате которого он утратил в определенных ситуациях привычные принципы управления и «позволил» сохранить согласование

[11] Новогреческий относится к языкам типа Pro-Drop, причем даже не в широком понимании Брайана Джозефа: «In a NON-pro-drop language ⟨…⟩ every finite verb which can have a subject must have a subject (thus a pro-drop language is a one that is not a NON-pro-drop language)» [Joseph 1994: 27], а в самом строгом определении данного явления, поскольку в новогреческом употребление местоименного подлежащего маркировано.

с подлежащим. Данное предположение отчасти подтверждается примером (27), написанным на кафаревусе (то есть на языковом варианте, в целом ориентированном на древнегреческую традицию), где από управляет генитивом:

(27) Πόσον δι-ε-τάραξ-ε τὰς καρδί-ας
как вз-PST-волновать.PFV-PST.3SG DEF.F.PL.ACC сердце-PL.ACC

οὐ μόνον τῶν ἐκκλησιαστικ-ῶν, ἀλλὰ καὶ
NEG только DEF.PL.GEN церковник-PL.GEN но и

πάντ-ων τῶν ἐν τῇ βασιλευ-ούσ-ῃ
весь-PL.GEN DEF.PL.GEN в DEF.F.SG.DAT править.IPFV-PTCP.PRS.F-F.SG.DAT

κατοίκ-ων ὁμογεν-ῶν **ἀπὸ μικρ-οῦ**
житель-PL.GEN соотечественник-PL.GEN от маленький-NF.SG.GEN

ἕως μεγάλ-ου τὸ ἀπροσδόκητ-ον
до большой-NF.SG.GEN DEF.N.SG.NGEN неожиданный-NF.SG.NGEN

ἀποστατικ-ὸν αὐτόθι κίνημα-∅
повстанческий-NF.SG.NGEN этот движение-SG.NGEN

‘Как взволновало сердца́ не только священнослужителей, но и всех живущих в Константинополе соотечественников, от мала до велика, это неожиданное революционное движение’ [Σπυρίδων Τρικούπης. Ἱστορία τῆς Ἑλληνικῆς Ἐπαναστάσεως (1888)]

Пример (27) принципиально отличается от отмеченных выше случаев, когда предлог από управлял генитивом (9б), (10б), (11б). Здесь, как и в сочетаниях с номинативом, можно усматривать согласование по падежу: …καρδίας … **τῶν ἐκκλησιαστικῶν** … καὶ **πάντων τῶν** … **κατοίκων ὁμογενῶν** ἀπὸ **μικροῦ** ἕως **μεγάλου**… ‘…сердца́ … **священнослужителей** … и **всех** …**живущих соотечественников** от **маленького** до **большого** [жителя]…’, то есть генитивы μικροῦ и μεγάλου зависят не столько от предлогов ἀπό и ἕως, сколько от существительного καρδίας, как и прочие (выделенные полужирным) генитивы.

4.3.2. «από + номинатив» в группе сказуемого

В группе сказуемого конструкция «από + номинатив» встречается значительно реже. Как и в случаях, разобранных в *подразделе 4.3.1*, появление номинатива обусловлено согласованием с подлежащим. Эта структура в каком-то смысле напоминает *Nominativus Duplex*:

(28) **Από** **γι-ος** έ-γιν-ε πατέρ-ας
от сын-SG.NOM PST-становиться.PFV-PST.3SG отец-SG.NOM
‘Из сына [он] стал отцом’ [Η Καθημερινή (10.18.2009)]

Поскольку для новогреческого языка характерен Pro-Drop (ср. сн. 11), в (28) отсутствует синтаксически выраженное подлежащее. Легко представить себе аналогичное предложение без предлога από:

(29) γι-ος έ-γιν-ε πατέρ-ας
сын-SG.NOM PST-становиться.PFV-PST.3SG отец-SG.NOM

Пример (29) можно интерпретировать двояко. При одной интерпретации γιος — это подлежащее, а πατέρας — часть предиката, и тогда предложение следует понимать так: *сын стал отцом*. При другой интерпретации в примере (29) следует говорить об инверсии (например, в поэтическом тексте или при эмфазе). В этом случае подлежащим оказывается πατέρας, а частью предиката — γιος, то есть значение предложения коренным образом меняется: *сыном стал отец*. В (28) благодаря предлогу από невозможна двоякая интерпретация. Следовательно, можно отметить, что предлог από, главным образом, помимо определенной семантической функции, позволяет однозначно различать синтаксические ранги членов предложения в номинативе в случаях типа (28)[12].

Иногда перед обеими частями конструкции могут стоять предлоги:

(30) **από** **χώρ-ος** νηπιαγωγεί-ου
от участок-SG.NOM детский.сад-SG.GEN
μετατράπ-ηκ-ε
превращать.PFV.PASS-AOR.PASS-PST.3SG
σε οικοδομήσιμ-ος **χώρ-ος**
в годный.для.застройки-M.SG.NOM участок-SG.NOM
‘…из участка для детского сада [он] превратился в участок, предназначенный для застройки’ [Μακεδονία (28.09.2010)]

[12] Вероятно, в подобных примерах собственно лексическое значение предлога фактически исчезает. Интересно, что, по мнению опрошенных носителей новогреческого языка (см. сн. 10), если в (21) — Με χάρισαν από μικρό ‘меня отдали с малых лет (букв. «с маленького»)’ — убрать предлог από перед аккузативом, значение предложения, скорее всего, не изменится, разве что высказывание приобретет более просторечный или даже диалектный вид.

Очевидно, что разные предлоги маркируют разные синтаксические ранги. Впрочем, пример (30) нетипичен, и после предлога σε в подобных ситуациях обычно стоит аккузатив:

(31) ο Ηρακλ-ής από πρωταγωνιστ-ής
DEF.M.SG.NOM Геракл-SG.NOM от протагонист-SG.NOM
θα μεταλλαχθ-εί **σε κομπάρσ-ο**
FUT= превращаться.PFV.PASS-PRS.3SG в актер.второго.плана-SG.ACC
'Геракл из главного действующего лица станет второстепенным' [Μακεδονία (04.05.2008)]

5. Выводы и перспективы исследования

Сочетание предлога από с номинативом, по-видимому, является инновацией, развившейся уже в новогреческом языке. Впрочем, вопрос о его происхождении пока остается открытым и требует отдельного изучения. Сейчас уместно лишь предположить, что оно произошло не из какой-то одной конструкции, а имеет несколько источников.

Очень перспективным оказывается сравнение конструкции «από + номинатив» и сочетаний предлога από с другими падежами (прежде всего — с аккузативом) как на семантическом уровне, так и на формальном. Так, в частности, выясняется, что сочетание с номинативом возможно либо без артикля (32а), либо с неопределенным артиклем (32б), но не встречается с определенным артиклем (32в) в отличие от сочетания с аккузативом, где возможны все перечисленные варианты (32г–е):

(32а) έ-μειν-ε λιγότερο **από χρόν-ος**
PST.оставаться.PVF.PST.3SG меньше от год-SG.NOM
'осталось менее года' [Ελευθεροτυπία (13.04.2011)]

(32б) Λιγότερο **από έν-ας χρόν-ος**
меньше от INDF.NF.SG-M.SG.NOM год-SG.NOM
'Менее одного года' [Ελευθεροτυπία (29.03.2011)]

(32в) *λιγότερο **από ο χρόν-ος**
меньше от DEF.M.SG.NOM год-SG.NOM

(32г) ήδη λιγότερο **από χρόν-ο**
уже меньше от год-SG.ACC
'уже меньше года' [Μακεδονία (13.06.2009]

(32д) 120 φόν-οι σε λιγότερο **από** **έν-α**
120 убийство-PL.NOM в менее от INDF.NF.SG-NF.SG.NGEN
χρόν-ο
год-SG.ACC
‘120 убийств менее чем за год’ [https://www.tovima.gr/2018/06/22/world/meksiko-nea-dolofonia-politikoy-120-fonoi-se-ligotero-apo-ena-xrono/, дата обращения 06.07.2019]

(32е) νωρίτερα **από** **τον** **χρόν-ο**
меньше от DEF.M.SG.NOM год-SG.NOM
‘раньше времени’ [Ελευθεροτυπία (01.03.2011)]

При этом сочетания с аккузативом в целом значительно более частотны (см. *Табл. 6*).

Таблица 6. Сочетание από + χρόνος в [КГЯ]: количественные данные

Table 6. The construction από + χρόνος in [CMG]: quantitative data

από от	χρόν-ος год-SG.NOM		1
από от	έν-ας INDF.NF.SG-M.SG.NOM	χρόν-ος год-SG.NOM	4
από от	χρόν-ο год-SG.ACC		1
από от	έν-α INDF.NF.SG-NF.SG.NGEN	χρόν-ο год-SG.ACC	266
από от	τον DEF.M.SG.ACC	χρόν-ο год-SG.ACC	59

В похожей конструкции с союзом σαν ‘как, в качестве’, где также наблюдается вариативное употребление номинатива (33а) и аккузатива (33б), в отличие от сочетаний с από с обоими падежами вполне употребим определенный артикль, а неопределенный, напротив, по-видимому, невозможен:

(33а) Τρώ-ει **σαν** **ο** **βασιλι-άς**
есть.IPFV-PRS.3SG как DEF.M.SG.NOM царь-SG.NOM

(33б) Τρώ-ει **σαν** **τον** **βασιλι-ά**
есть.IPFV-PRS.3SG как DEF.M.SG.ACC царь-SG.ACC
‘[Он] ест как царь’ [Федченко 2013: 178]

Несомненно, существуют контексты, при которых конструкции «από + номинатив» и «από + аккузатив» идентичны:

(34а)	Τον	αγαπ-ώ	**από**	**μικρ-ός**
	3SG.ACC=	любить.IPFV-PRS.1SG	от	маленький-M.PL.NOM
(34б)	Τον	αγαπ-ώ	**από**	**μικρ-ό**
	3SG.ACC=	любить.IPFV-PRS.1SG	от	маленький-M.PL.ACC

‘[Я] его люблю с детства’

Опрос носителей новогреческого языка[13] продемонстрировал, что и (34а), и (34б) можно понять двояко — в обоих случаях речь может идти как о детстве субъекта (*я люблю его со **своего** детства*), так и о детстве объекта (*я люблю его с **его** детства*), и лишь контекст позволяет устранить двусмысленность интерпретации. Вероятно, вариант с номинативом является более разговорным, однако данное предположение требует дополнительного изучения.

Рассмотрение конструкции «από + номинатив» с точки зрения ее синтаксической функции позволило, с одной стороны, интерпретировать появление номинатива как результат согласования с подлежащим, а с другой — выдвинуть предположение о том, что предлог από важен для различения синтаксических рангов у членов предложения в номинативе, снимая таким образом потенциальную неоднозначность. При дальнейшем исследовании было бы целесообразно рассмотреть конструкции с предлогом από в балканском контексте.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо у глаголов и местоимений; алб. — албанский язык; готск. — готский язык; лат. — латинский язык; праи.-е. — праиндоевропейский язык; санскр. — санскрит; ACC — аккузатив; AOR — аорист; Ar. *V.* — Aristophanes Comicus. *Vespae*; DAT — датив; DEF — определенная форма / показатель определенности; F — женский род; FUT — будущее время; GEN — генитив; Il. — Homeri *Ilias*; IMP — императив; INDF — неопределенная форма/показатель неопределенности; IPF — имперфект; IPFV — имперфектив; M — мужской род; N — средний род; NEG — отрицание; NF — неженский род; NGEN — негенитив; NOM — номинатив; OBL — косвенный падеж; PASS — неактивный залог; PFV — перфектив; PL — множественное число;

[13] К опросу было привлечено 10 информантов из Афин и Патр (Греция) от 25 до 40 лет (6 женщин и 4 мужчины).

POSS — поссессивность (притяжательное местоимение); PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; SBJV — конъюнктив; SG — единственное число; Th. — Thucydides Historicus.

Активный залог и индикатив в строке глоссирования не отмечаются. Знак = является показателем клитики.

Литература

Архангельский, Кисилиер 2018 — Т. А. Архангельский, М. Л. Кисилиер. Корпуса греческого языка: достижения, цели и задачи // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2018. Т. XXII. Ч. 1. С. 50–59.

Варганова 2016 — Е. С. Варганова. Особенности языка произведений Георгия Иоанну. Магистерская диссертация. СПб.: СПбГУ, Кафедра общего языкознания, 2016.

Кисилиер, Федченко 2011 — М. Л. Кисилиер, В. В. Федченко. О языке новогреческой литературы // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2011. Т. VII. Ч. 1. С. 409–444.

КГЯ — Корпус греческого языка. URL: http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения 30.04.2020).

Тресорукова 2018 — И. В. Тресорукова. Предлоги новогреческого языка. М.: Ленанд, 2018.

Федченко 2013 — В. В. Федченко. Греческая грамматика в таблицах и схемах. СПб.: КАРО, 2013.

Eideneier 1991 — H. Eideneier. Ptochoprodromos. Köln: Romiosini, 1991. (H. Eideneier (hrsg.). Neograeca Medii Aevi. Vol. V).

Fillmore 2003 — C. J. Fillmore. The case for case (Ch. 2) // C. J. Fillmore. Form and meaning in language. Vol. 1: Papers on semantic roles. (Lecture Notes 121). Stanford: CSLI Publications, 2003. P. 21–119.

Frisk 1960 — H. Frisk. Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. I: A–Ko. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1960.

Joseph 1994 — B. D. Joseph. On weak subjects and Pro-Drop in Greek // I. Philippaki-Warburton, K. Nicolaidis, M. Sifianou (eds.). Themes in Greek linguistics: Papers from the First international conference on Greek linguistics, Reading, September 1993 (Current Issues in Linguistic Theory 117). Amsterdam: John Benjamins, 1994. P. 21–32.

Kuzmenko, Mustakimova 2015 — E. Kuzmenko, E. Mustakimova. Automatic disambiguation in the Corpora of Modern Greek and Yiddish // В. П. Селегей, А. В. Байтин, В. И. Беликов, И. М. Богуславский, Б. В. Добров, Д. О. Добровольский, Л. М. Захаров, Л. Л. Иомдин, И. М. Кобозева, Е. Б. Козеренко, М. А. Кронгауз, Н. И. Лауфер, Н. В. Лукашевич, Д. Маккарти, Й. Нивре, Г. С. Осипов, В. Раскин, Э. Хови, С. А. Шаров, Т. Е. Янко (ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2015). Т. 1. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2015. С. 388–397.

Liddell et al. 1996 — H. G. Liddell, R. Scott, H. S. Jones, R. McKenzie. A Greek-English lexicon. With a revised supplement. Oxford: Clarendon Press, 1996.

Orel 1998 — V. Orel. Albanian etymological dictionary. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1998.

TLG — Thesaurus Linguae Graecae. URL: http://stephanus.tlg.uci.edu (дата обращения 10.06.2019).

Walde, Hofmann 1938 — A. Walde, J. B. Hofmann. Lateinisches etymologisches Worterbuch. Bd. 1: A–L. 3. Aufl. Heidelberg: Carl Winter's Universitatsbuchhandlung, 1938.

Κριαράς 1973 — Ἐ. Κριαράς. Λεξικὸ τῆς μεσαιωνικῆς ἑλληνικῆς δημώδους γραμματείας (1100–1669). Τ. Γ΄. Θεσσαλονίκη: Κέντρο Ἑλληνικῆς Γλώσσας, 1973.

Μπαμπινιώτης 1998 — Γ. Μπαμπινιώτης. Λεξικό της Νέας Ελληνικής γλώσσας με σχόλια για τη σωστή σχέση των λέξεων. 2 έκδ. Αθήνα: Κέντρο γλωσσολογίας Ε.Π.Ε., 1998.

Τζάρτζανος 1946 — Ἀ. Ἀ. Τζάρτζανος. Νεοελληνικὴ σύνταξις (τῆς κοινῆς Δημοτικῆς). Δεύτερη ἔκδ. Τ. Α΄. Ἐν Ἀθήναις: Ὀργανισμὸς Ἐκδόσεως Σχολικῶν Βιβλίων, 1946.

Τριανταφυλλίδης 2009 — Μ. Τριανταφυλλίδης. Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής. 8 έκδ. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης; Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών [Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη], 2009.

References

Arkhangelskiy, Kisilier 2018 — T. A. Arkhangelskiy, M. L. Kisilier. Korpusa grecheskogo yazyka: dostizheniya, tseli i zadachi [Corpora of Modern Greek: achievements and goals]. *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. 2018. Vol. XXII. Pt. 1. P. 50–59.

Babiniotis 1998 — G. Babiniotis. Lexiko tes Neas Ellenikes glossas me scholia gia te soste schese ton lexeon [Dictionary of Modern Greek with commentaries on the correct usage of words]. 2nd edn. Athens: Center for Lexicography, 1998.

CMG — Corpus of Modern Greek. Available at: http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/?interface_language=en (accessed on 30.04.2020).

Eideneier 1991 — H. Eideneier. Ptochoprodromos. Köln: Romiosini, 1991. (H. Eideneier (hrsg.). Neograeca Medii Aevi. Vol. V).

Fedchenko 2013 — V. V. Fedchenko. Grecheskaya grammatika v tablitsakh i skhemakh [Modern Greek grammar of in tables and schemas]. St. Petersburg: KARO, 2013.

Fillmore 2003 — C. J. Fillmore. The case for case (Ch. 2). C. J. Fillmore. *Form and meaning in language*. Vol. 1: Papers on semantic roles. (Lecture Notes 121). Stanford: CSLI Publications, 2003. P. 21–119.

Frisk 1960 — H. Frisk. Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. I: A–Ko. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1960.

Joseph 1994 — B. D. Joseph. On weak subjects and Pro-Drop in Greek. I. Philippaki-Warburton, K. Nicolaidis, M. Sifianou (eds.). *Themes in Greek linguistics: Papers from the First international conference on Greek linguistics, Reading, September*

1993. (Current Issues in Linguistic Theory 117). Amsterdam: John Benjamins, 1994. P. 21–32.

Kisilier, Fedchenko 2011 — M. L. Kisilier, V. V. Fedchenko. O yazyke novogrecheskoy literatury [Some Remarks on the language of Modern Greek literature]. *Acta Linguistica Petropolitana*. *Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy.* 2011. Vol. VII. Pt. 1. P. 409–444.

Kriaras 1973 — E. Kriaras. Lexikó tes mesaionikes ellenikes demodous grammateias (1100–1669) [A lexicon of mediaeval vernacular literature]. Vol. 3. Thessaloniki: Centre for the Greek Language, 1973.

Kuzmenko, Mustakimova 2015 — E. Kuzmenko, E. Mustakimova. Automatic disambiguation in the Corpora of Modern Greek and Yiddish. V. P. Selegey, A. V. Baytin, V. I. Belikov, I. M. Boguslavsky, B. V. Dobrov, D. O. Dobrovolsky, L. M. Zakharov, L. L. Iomdin, I. M. Kobozeva, E. B. Kozerenko, M. A. Krongauz, N. I. Laufer, N. V. Lukashevich, D. McCarthy, J. Nivre, G. S. Osipov, V. Raskin, E. Hovy, S. A. Sharoff, T. E. Yanko (eds.). *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: papers from the Annual conference "Dialogue"] (2015). Vol. 1. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2015. P. 388–397.

Liddell et al. 1996 — H. G. Liddell, R. Scott, H. S. Jones, R. McKenzie. A Greek-English lexicon. With a revised supplement. Oxford: Clarendon Press, 1996.

Orel 1998 — V. Orel. Albanian etymological dictionary. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1998.

TLG — Thesaurus Linguae Graecae. Available at: http://stephanus.tlg.uci.edu (accessed on 10.06.2019).

Tresorukova 2018 — I. V. Tresorukova. Predlogi novogrecheskogo yazyka [Modern Greek prepositions]. Moscow: Lenand, 2018.

Triantaphyllidis 2009 — M. Triantaphyllidis. Lexiko tes Koines Neoellenikes [Dictionary of Modern Greek]. 8th edn. Thessaloniki: Aristotle University of Thessaloniki. Institute of Modern Greek Studies [Manolis Triandafyllidis Foundation], 2009.

Tzartzanos 1946 — A. A. Tzartzanos. Neoellenike syntaxis (tes koines Demotikes) [Modern Greek syntax (Demotic Greek)]. 2nd edn. Vol. 1. Athens: School Books Publishers, 1946.

Varganova 2016 — E. S. Varganova. Osobennosti yazyka proizvedeniy Georgiya Ioannu [The language of Giorgos Ioannou's works]. Master's thesis. St. Petersburg: St. Petersburg State University, Department of General Linguistics., 2016.

Walde, Hofmann 1938 — A. Walde, J. B. Hofmann. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1: A–L. 3. Aufl. Heidelberg: Carl Winter's Universitatsbuchhandlung, 1938.

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 127–159
DOI 10.30842/alp2306573716206

Глаголы движения *shkoj* ‘идти’ и *vij* ‘приходить’ в албанском языке: корпусное исследование

К. С. Клименок
Санкт-Петербургский государственный университет; ksenchenk@yandex.ru

Аннотация. В работе рассматриваются особенности лексической семантики и способы выражения цели и источника при основных албанских глаголах движения *shkoj* ‘идти’ и *vij* ‘приходить’. Исследование проведено на материале Албанского национального корпуса (АНК) с применением подходов, используемых в работах по лингвистической типологии, грамматической и лексической семантике глаголов движения.

Глаголы *shkoj* и *vij* анализируются с точки зрения их ориентации на цель или источник (goal-oriented, source-oriented) и с учетом общетипологической тенденции к эксплицитному заполнению валентности цели (goal-bias). Способы заполнения валентностей цели и источника при этих глаголах рассматриваются как на примере их сочетаний с предложными конструкциями, кодирующими разные компоненты маршрута (в частности, с наиболее частотными пространственными предлогами албанского языка *nga* ‘от, из; в, к’, *te(k)* ‘к’, *në* ‘в’), так и в конструкциях без соответствующих аргументов на поверхностно-синтаксическом уровне. Отдельно рассматриваются конструкции с глаголами *shkoj* / *vij* и предлогом *nga*, который способен кодировать и цель и источник (source / goal ambuguity). В этой части исследования особенности употребления глаголов *shkoj* и *vij* описываются с учетом позиции в ситуации говорящего / наблюдателя.

Ключевые слова: албанский язык, корпусное исследование, глаголы движения, лексическая семантика, аргументная структура, цель, источник, валентность, режим интерпретации.

Verbs of motion *shkoj* ‘go’ and *vij* ‘come’ in Albanian: A corpus study

K. S. Klimenok
St. Petersburg State University; ksenchenk@yandex.ru

Abstract. The paper examines the lexical semantics and the patterns of encoding the goal and source of motion with the main Albanian motion verbs, *shkoj* ‘go’ and

vij ‘come’. The research was based on the Albanian National Corpus (ANC) using approaches applied in linguistic typology and in works on the grammatical and lexical semantics of motion verbs.

The verbs *shkoj* and *vij* are analyzed in terms of their orientation on the goal or source of motion (goal-oriented, source-oriented) and with the consideration of the general typological tendency to explicitly fill the goal valency, known as goal-bias. The ways of filling in the goal and source valencies of these verbs are considered both in combinations with prepositional constructions expressing the different components of path (in particular, with the most frequent spatial prepositions of the Albanian language: *nga* ‘from; to’, *te(k)* ‘to’, and *në* ‘in’) and in constructions without the corresponding arguments at the surface level. Special attention is paid to the constructions with the verbs *shkoj* / *vij* and the preposition *nga*, which can encode both the goal and the source of motion (source / goal ambuguity). In this part of the study, the use of the verbs *shkoj* and *vij* is described considering the position of the speaker / observer in the situation.

Keywords: Albanian language, corpus study, motion verbs, lexical semantics, argument structure, goal, source, valency, interpretation mode.

1. Введение

В настоящей статье представлены некоторые результаты исследования, посвященного особенностям семантики и актантной структуры глаголов движения в албанском языке. В широком смысле к глаголам движения или перемещения принято относить любые лексемы, которые обозначают изменение местоположения субъекта в пространстве[1]. В русском языке примерами таких лексем могут послужить слова типа *идти*, *бежать*, *плыть* и т. д. [Майсак 2005: 101–117]. В албанском языке в качестве примера можно привести глаголы *fluturoj* ‘лететь’, *vrapoj* ‘бежать’, *shkoj* ‘идти / ехать’, *vij* ‘приходить / приезжать’ и др. В нашей статье мы подробно остановимся на рассмотрении двух последних, *vij* и *shkoj*, которые являются базовыми глаголами

[1] В традиционной русистике глаголами движения принято называть пары глаголов типа *бежать — бегать*, *идти — ходить*, которые противопоставлены по однократности / многократности движения или по его (разно)направленности [Левонтина, Шмелев 2005: 78]. Вопросы, связанные с данной спецификой, в статье не рассматриваются.

перемещения в албанском языке, подобно глаголам *come* и *go* в английском, а также *приходить* и *идти* в русском.

В языках мира в употреблении глаголов типа алб. *vij* и *shkoj*, англ. *come* и *go*, рус. *приходить* и *идти* обнаруживается значительная вариативность с точки зрения того, как учитывается позиция в ситуации говорящего (или наблюдателя) и адресата сообщения. Зачастую эти глаголы являются дейктически ориентированными. Так, английский глагол *come*, как показано в исследовании Ч. Филлмора, требует, чтобы один из участников ситуации находился на момент совершения действия в точке отсчета; в противном случае должен быть использован глагол *go* [Fillmore 1971/1983: 221]. Русский глагол *приходить* менее чувствителен к позиции говорящего и адресата, чем английский *come*, и в целом русские глаголы *приходить* и *идти*, по всей видимости, менее ориентированы на положение говорящего или наблюдателя, хотя при глаголе *идти* наблюдатель иногда может выступать в качестве ориентира [Майсак 2005: 112–113; Рахилина 2008: 316–317].

Кроме того, глаголы такого типа различаются между собой (и неодинаково ведут себя в разных языках) на основании того, на какую точку маршрута — начальную или конечную — они ориентированы в большей степени и, соответственно, какая из валентностей — начальной или конечной точки — чаще оказывается заполненной. В частности, при употреблении английского глагола *go* пункт отправления, как правило, известен и требуется дополнительная информация о конечной точке, а глагол *come*, напротив, требует указания на источник прибытия. Два соответствующих класса глаголов названы «ориентированными на начальную точку движения» (англ. source-oriented) и «ориентированными на конечную точку движения» (англ. goal-oriented) [Fillmore 1971/1983: 220]. Помимо этого, выделяются так называемые глаголы «чистого перемещения», например русский глагол *идти*, для которых обе валентности являются факультативными [Майсак 2005: 114; Рахилина 2008: 315].

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы описать особенности лексической семантики албанских глаголов *vij* и *shkoj* (ориентация на начальную или конечную точку маршрута, употребление в зависимости от положения говорящего или наблюдателя), а также изучить способы кодирования цели и источника и стратегии заполнения соответствующих валентностей при данных глаголах.

Исследование выполнено на материале Албанского национального корпуса [АНК 2011–2016] (далее в тексте и при указании источника

примеров — АНК), который, по состоянию на 25.05.2019, содержит 31,12 млн словоупотреблений. АНК включает несколько подкорпусов с текстами различных типов и жанров на современном литературном языке: пресса (газеты Zëri, Koha, Gazeta shqiptare), художественные тексты (романы, рассказы), нехудожественные тексты (мемуарная проза, эссеистика, религиозные тексты, учебники и научные тексты, официальные документы), поэзия.

Используя АНК, мы составили две случайные выборки по 100 примеров с глаголами *shkoj* и *vij*, выполнив последовательный поиск каждого из них по лемме, без указания на наличие или отсутствие аргумента при глаголе. В полученных выборках 3 примера с глаголом *shkoj* и 16 с глаголом *vij* были интерпретированы как «шум» и далее не рассматривались[2]. Соответственно, конечный размер анализируемых выборок составил 97 и 84 примера.

Для более детального изучения особенностей конструкций с предлогом *nga* дополнительно были собраны и проанализированы две выборки примеров из АНК: 238 примеров с сочетанием «*shkoj* + *nga*» и 90 — с сочетанием «*vij* + *nga*».

Примеры из вышеописанных выборок анализируются в нижеследующих разделах статьи. В *Разделе 2* обсуждается семантика глаголов *shkoj* и *vij* и влияние, которое она оказывает на аргументную структуру данных глаголов с точки зрения выражения аргументов «цель» и «источник» (*2.2*), а также описываются и анализируются возможные способы заполнения соответствующих валентностей этих глаголов (*2.3*). В *Разделе 3* рассматриваются конструкции с предлогом *nga* ‘от, из; в, к’, послужившие диагностическим контекстом для данной работы. Анализ этого материала позволяет дополнить заключения предыдущего раздела. *Раздел 4* содержит общие выводы, сделанные на основе проанализированного материала.

---

[2] В эту категорию попали случаи омонимии с формами других глаголов или существительных. Например, формы глагола *vë* ‘класть, ставить’, омонимичные формам *vij* (IPF.3PL *vinin*), а также употребления прилагательного *i/e shkuar* ‘прошлый’, образованного от причастия глагола *shkoj*. К «шуму» мы отнесли и фрагмент включенного в АНК текста грамматики албанского языка, где приводилась парадигма спряжения глагола *vij*, а также примеры типа *vi-nte e dobëso-hej* (приходить-IPF.3SG и ослабевать-INACT.IPF.3SG) ‘постепенно ослабевал’, где *vij* употребляется в составе конструкции, обозначающей постепенное нарастание признака [Жугра 1986].

2. Особенности употребления албанских глаголов движения *shkoj* и *vij*

2.1. Анализ материала исследования

В ходе анализа материала примеры из двух случайных выборок с глаголами *shkoj* и *vij* были охарактеризованы по таким параметрам, как 1) тип употребления, 2) способ оформления аргументов «цель» и «источник», 3) значение предлога (в предложных конструкциях), наречия или местоимения, кодирующего цель или источник, 4) способ заполнения валентностей цели и источника при глаголе.

Тип употребления определялся в соответствии с значением глаголов *shkoj* и *vij* в полученных примерах. В зависимости от того, описывают ли эти глаголы ситуацию перемещения в пространстве[3] или выражают иное значение, основанное на метафоре движения[4], мы разделили примеры на два типа, условно обозначенные как «пространственные» и «непространственные», или переносные употребления (см. примеры (1) и (2) ниже). Распределение примеров в выборках по указанным типам представлено в *Таблице 1* (с. 132).

(1) *Unë* *ja-m* *gazetar,*
1SG.NOM быть-PRS.1SG журналист.NOM.SG.INDF
ka-m ***ardhur*** ***nga*** ***Kosov-a***.
иметь-PRS.1SG приходить.PTCP PREP Косово-NOM.SG.DEF
‘Я — журналист, прибыл из Косово’. [АНК: Ibrahim Kadriu, Spirale muzgu. 2002]

---

[3] «Типичная ситуация движения / перемещения состоит в том, что основной участник ситуации последовательно изменяет свое положение в пространстве, двигаясь сам либо под воздействием внешнего каузатора. ⟨…⟩ Основного участника такой ситуации мы будем в дальнейшем называть субъектом движения. ⟨…⟩ Участки пространства, занимаемые субъектом в ходе движения, образуют определенный маршрут, или путь (path) перемещения» [Майсак 2005: 102–103].

[4] Основными и наиболее детально изученными типами метафорических переносов являются представление временны́х отношений и описание изменений состояния в терминах пространственных отношений: ВРЕМЯ — ЭТО ДВИЖЕНИЕ, ИЗМЕНЕНИЕ — ЭТО ДВИЖЕНИЕ [Майсак 2005: 115].

Таблица 1. Распределение примеров с глаголами *shkoj* и *vij* по типу употребления

Table 1. Distribution of examples with the verbs *shkoj* and *vij* by type of use

Тип употребления	**Количество примеров**		
	shkoj	***vij***	**Всего**
Конструкции с пространственным значением («пространственные»)	50	45	95
Конструкции с переносным, непространственным значением («непространственные»)	47	39	86
Всего	97	84	181

(2) *Vler-a* *e* *këtyre*
стоимость-NOM.SG.DEF F.NOM.SG этот.GEN.PL
pajisje-ve *të* *vjedhur-a* ***shko-n***
устройство-GEN.PL GEN.PL украденный-F.PL идти-PRS.3SG
në ***rreth*** ***200*** ***mijë*** ***euro***.
PREP PREP 200 тысяча евро.ACC.PL.INDF
'Стоимость этих украденных устройств доходит примерно до 200 тысяч евро'. [АНК: Zëri. 2013]

Поскольку, согласно одной из распространенных точек зрения на семантическое описание, пространственные значения глаголов, предлогов и наречий являются семантически базовыми по отношению к непространственным, описание непространственных употреблений может опираться на пространственные употребления [Рахилина 2008: 290–291]. В нашей выборке между пространственными и непространственными конструкциями не было обнаружено различий с точки зрения остальных параметров, поэтому далее мы будем использовать примеры обоих типов в нашем анализе[5].

С точки зрения **способа оформления аргументов**, в случайных выборках были обнаружены следующие типы конструкций с глаголами *vij* и *shkoj*: 1) без синтаксически выраженных аргументов «цель»

[5] В более раннем исследовании [Клименок 2018], посвященном употреблению предлога *nga* в конструкциях с глаголами движения *shkoj* и *vij* и глаголов зрительного восприятия, этот параметр специально проверялся и также не было обнаружено различий в употреблении пространственных и непространственных конструкций.

и «источник» при глаголе, 2) с одним или двумя аргументами, которые вводятся различными предлогами, 3) с одним или двумя аргументами, выраженными дейктическими наречиями, а также 4) с одним представленным на поверхностно-синтаксическом уровне дативным аргументом «цель», который может быть выражен существительным или местоимением. Подробнее соотношение этих способов рассмотрено в *подразделе 2.2*.

В настоящей работе не будут подробно рассмотрены все встретившиеся в выборках пространственные конструкции с предлогами (ср., например, предлоги, способные оформлять конечный пункт: *për* ‘для, к’, *drejt* ‘к’, *mbi* ‘над, к’, *ndër* ‘среди, к’, *pranë* ‘рядом, возле, к’). Мы сосредоточимся на наиболее частотных: *nga* ‘от, из; в, к’, *te(k)* ‘к’ и *në* ‘в, к’. Согласно «Словарю современного албанского языка» [FGjSSh 1980], все три предлога многозначны и, наряду с основными пространственными, могут выражать ряд периферийных, непространственных значений. Интересующие нас значения начального и конечного пункта при глаголах движения кодируются этими предлогами следующим образом. Предлог *në* указывает на место, где субъект оказывается в результате движения или действия: *u= ngjit-ën* ***në*** *majë* (INACT= поднять-AOR.3PL **PREP** вершина.ACC.SG.INDF) ‘поднялись **на** вершину’. Посредством *te(k)* также может описываться указание на конечную точку: *erdh-i* ***te*** *gjysh-i* (приходить.AOR-AOR.3SG **PREP** дедушка-NOM.SG.DEF) ‘пришел **к** дедушке’. Для *nga* характерно указание как на пункт отправления или источник движения (*erdh-ën* ***nga*** *Durrës-i* (приходить.AOR-AOR.3SG **PREP** Дуррес-NOM.SG.DEF) ‘приехали **из** Дурреса’), так и на пункт назначения или цель (*shkua-n* ***nga*** *lum-i* (идти-AOR.3PL **PREP** река-NOM.SG.DEF) ‘пришли **к** реке’), причем источник в албанском языке может выражаться только с помощью двух предлогов: упомянутого выше *nga* и предлога *prej* ‘из, от’, который имеет исключительно значение источника и является менее частотным. Типологически ситуация с предлогом *nga* представляет собой хороший пример характерной для некоторых языков мира омонимии цели и источника (англ. source / goal ambiguity) [Nikitina 2009: 1116], и, судя по этой особенности употребления *nga*, албанский является одним из тех языков, где цель и источник (а иногда и местонахождение) могут маркироваться одинаково.

О распространенности предлогов *nga*, *në* и *te(k)* в сочетании с глаголами движения *shkoj* и *vij* в албанском языке можно судить по их употреблению в текстах АНК, которое показано в *Таблице 2* (с. 134).

Для получения данных, представленных в *Таблице 2*, мы выполнили поиск по корпусу конструкций с глаголами *shkoj* / *vij* и предлогами *nga* / *në* / *te(k)*, где указанные предлоги расположены на расстоянии «от одного до двух слов» от глагола, т. е. непосредственно после глагола или через одно слово от него (бóльшая отдаленность предполагает увеличение количества «шума»), и оценили их общее количество (левая часть таблицы). Далее мы выполнили поиск только глаголов *shkoj* и *vij* по лемме, чтобы оценить общее число употреблений данных глаголов во всем корпусе. Общее число употреблений глагола *shkoj* в АНК составляет 17 630, глагола *vij* — 25 862 (всего 43 492 словоупотребления). В правой части таблицы показано, какой процент от общего числа употреблений каждого глагола составляют сочетания с изучаемыми предлогами.

Таблица 2. Конструкции с глаголами *shkoj* / *vij* и предлогами *në* / *nga* / *te(k)*

Table 2. Constructions with the verbs *shkoj* / *vij* and the prepositions *në* / *nga* / *te(k)*

Предлог	**Количество**			**% от общего числа употреблений *shkoj* / *vij* в АНК**	
	shkoj	***vij***	**Всего**	***shkoj***	***vij***
në	5479	4692	10 171	31,08 %	18,14 %
nga	270	2760	3 030	1,53 %	10,67 %
te(k)	929	742	1 671	5,26 %	2,86 %
Все три предлога	6678	8194	14 872	37,87 %	31,67 %

Из *Таблицы 2* видно, что предлог *në* обладает наиболее высокой частотностью в сочетании с глаголами *shkoj* и *vij*: контексты с этим предлогом составляют около трети от общего числа употреблений глагола *shkoj* и более 18 % от общего числа примеров с глаголом *vij* в АНК. Кроме того, таблица показывает, что суммарно на долю конструкций с предлогами *nga*, *në* и *te(k)* приходится примерно третья часть от общего числа контекстов как с глаголом *shkoj* (37,87 %), так и с глаголом *vij* (31,67 %).

По **способу заполнения валентностей цели и источника при глаголе** можно выделить следующие типы конструкций: 1) с двумя заполненными валентностями, 2) с одной заполненной валентностью и 3) без указания на цель и источник. Для их описания мы использовали терминологию работы Е. В. Рахилиной, где предлагается различать эксплицитное заполнение исходной или конечной точки (конструкцией с предлогом) и анафорическое заполнение, когда начальная или

конечная точка не выражена в предложении на поверхностном уровне, но известна из предыдущего текста [Рахилина 2008: 318]. К последнему, наряду с заполнением из контекста, мы причисляли также собственно анафору, т. е. случаи, когда дейктические наречия или местоимения (местоимения третьего лица, указательные местоимения) употребляются в типичной для них функции замещения слов и словосочетаний, упомянутых в тексте ранее. Нужно признать, что использование такого признака в корпусном исследовании осложнено тем, что информация может быть в разной степени доступна из предыдущего текста (например, находиться на большом расстоянии от конкретного употребления) и мнение о ее доступности может в некоторой степени определяться компетенциями читателя текста[6]. В этом мы несколько выходим за рамки корпусного подхода. Тем не менее мы считаем, что подобное решение может быть обосновано следующим образом. Во-первых, в большинстве случаев для понимания контекста перемещения при интерпретации примеров нашей выборки нам было достаточно расширить его не более чем на семь предложений в обе стороны (максимальное расширение, допустимое в АНК), что не является большим расстоянием. Во-вторых, мы предполагаем, что автор выбирает средства для описания движения и, как следствие, способ заполнения валентностей при глаголе движения, опираясь на то, что читатель ознакомился с предшествующим текстом.

На первом этапе исследования глаголов *shkoj* и *vij* мы проверили предположение о том, что особенности лексической семантики данных глаголов могут отражаться в различном характере поверхностного (синтаксического) оформления аргументов цели и источника. Для этого мы проанализировали по нашим выборкам частотность конструкций с одним или двумя аргументами, а также конструкций, которые не содержат аргументов, указывающих на цель или источник. Далее проверялась гипотеза о том, что изучаемые глаголы могут различаться по способу заполнения валентностей начальной и конечной точек, т. к. указание на тот или иной компонент маршрута может содержаться непосредственно в семантике глагола. Соответственно, нами была предпринята попытка установить, какой способ заполнения является наиболее характерным для каждого из двух глаголов и какая именно валентность, начальной или конечной точки, должна быть заполнена

[6] Мы выражаем благодарность анонимному рецензенту, который обратил внимание на данную проблему.

в первую очередь. Средства выражения цели и источника и способы оформления соответствующих аргументов при глаголах *shkoj* и *vij* мы рассматриваем в *подразделе 2.2*, а далее, в *подразделе 2.3*, переходим к обсуждению конструкций с этими глаголами с точки зрения их валентностной структуры.

2.2. Глаголы *shkoj* и *vij*: аргументная структура и семантика

Вначале мы рассмотрели полученные примеры с точки зрения наличия или отсутствия при глаголе синтаксически выраженных аргументов, обозначающих только источник и/или цель: предложных конструкций со значением объекта-ориентира, к которому (цель) или от которого (источник) движется субъект, дейктических пространственных наречий, существительных или местоимений в дативе. Для всех примеров с синтаксически выраженными аргументами определялось значение предлогов, дейктических наречий и местоимений. Заметим, что аргументы, оформляемые предлогами, были разнообразными с точки зрения семантики и не всегда обозначали компоненты маршрута, ср., например, употребление предлога *pas* ‘после, (вслед) за’ для обозначения временнóй последовательности (3).

(3) ***Erdh-ën*** ***pas*** ***nesh*** *një* *pjesë*
приходить.AOR-AOR.3PL PREP 1PL.ABL один часть.NOM.SG.INDF
e *admiratorë-ve* *të* *Zimerman-it*.
F.NOM.SG почитатель.PL-GEN.PL GEN.PL Цимерман-GEN.SG.DEF
‘После нас пришла часть почитателей Цимермана’. [АНК: Ismail Kadare. Hija. 1994]

Такие конструкции, наряду с примерами, где встречались только непространственные аргументы (субъект, объект и др.), мы относили к «безаргументным» ввиду отсутствия аргументов, указывающих на цель или источник. Количественные данные о распределении примеров приводятся в *Таблице 3*.

Меньше всего — лишь 2 % от общего количества примеров в двух выборках и в каждой отдельно взятой выборке — встретилось примеров с двумя синтаксически выраженными аргументами, которые оформлялись сочетаниями с предлогом (4). В таких конструкциях в целом неоднозначный предлог *nga* всегда выполняет функцию маркера источника (как было сказано выше, в албанском языке невозможно

Таблица 3. Распределение конструкций с глаголами *shkoj* и *vij* по способу оформления аргументов «источник» (FROM [7]) и «цель» (TO)

Table 3. Distribution of constructions with the verbs *shkoj* and *vij* according to the expression of arguments “source” (FROM) and “target” (TO)

Конструкция	***shkoj***		***vij***		**Всего**	
	Кол-во	**%**	**Кол-во**	**%**	**Кол-во**	**%**
Без аргументов	35	36 %	20	23,8 %	55	30,4 %
С одним аргументом (а) FROM (б) TO	60 0 60	62 %	62 16 46	73,8 %	122 16 106	67,6 %
С двумя аргументами	2	2 %	2	2,4 %	4	2 %
Всего	97	100 %	84	100,0 %	181	100 %

кодировать источник иначе). Примеры без аргументов (5) более частотны: их доля во всей выборке составляет 30,4 %. Более подробный разбор таких конструкций будет приведен далее.

Большинство конструкций (67,6 % от общего числа примеров) содержали только один синтаксически выраженный аргумент (6). Исходя из этого, можно предположить, что в албанском языке наиболее типичной стратегией является эксплицитное указание только на один компонент маршрута.

(4) *Zonj-a* *Avdyli* ***ka*** ***ardhur***
госпожа-NOM.SG.DEF Авдюли иметь.PRS.3SG приходить.PTCP
nga ***qytet-i*** ***i*** ***Mitrovicë-s***
PREP город-NOM.SG.DEF M.NOM.SG Митровица-GEN.SG.DEF
në ***Prishtinë***.
PREP Приштина.ACC.SG.INDF
‘Госпожа Авдюли приехала из города Митровицы в Приштину’. [АНК: Zëri. 2013]

[7] В ходе первичного анализа примеров возникли затруднения при указании значений предлогов, кодирующих цель и источник. Русский язык использует в соответствующих контекстах большое количество синонимичных предлогов (ср. *войти **в** комнату*, *взойти **на** гору*; *уехать **из** города*, *уйти **со** станции* и т. д.), и использование русского в качестве метаязыка в дальнейшем осложнило бы описание албанского материала и выявление закономерностей. По этой причине в качестве метаязыка описания был выбран английский, и основные значения предлогов помечались как FROM (источник) или TO (цель).

(5) *Po* *të* *dua-sh* ***nuk*** ***shko-jmë,*** — *tha-shë.*
COMP SBJV хотеть-SBJV.PRS.2SG NEG идти-PRS.1PL сказать-AOR.1SG
‘Если хочешь, мы не поедем, — сказал я’. [АНК: Nasi Lera. Ana Zh. 1995]

(6) *Kjo* *nuk* *do* *të* *tho-të* *që* *të*
этот.F.SG.NOM NEG FUT SBJV сказать-PRS.3SG COMP SBJV
shko-jmë ***atje*** *me* *flamur* *të* *bardhë.*
идти-PRS.1PL туда PREP флаг.ACC.SG.INDF ACC.SG.INDF белый
‘Это не значит, что мы пойдем туда с белым флагом’. [АНК: Zëri. 2013]

Примеры с единственным синтаксическим аргументом, обозначающим цель движения, в случае обоих глаголов оказались более многочисленными, чем примеры с источником. В частности, с *vij* встретилось 46 подобных конструкций (из 62 примеров с одним аргументом). В выборке с глаголом *shkoj* полностью отсутствовали примеры с одиночным аргументом, указывающим на источник, хотя в целом такие конструкции обнаруживаются в словарях албанского языка и содержатся в АНК, но не являются частотными. Возможно, таким образом в албанском проявляется общий когнитивный принцип асимметрии начальной и конечной точек движения. Эта близкая к универсальной тенденция к преобладанию цели над источником, называемая «сдвигом в сторону конечной точки» (англ. goal-bias), предполагает, что конечный пункт перемещения выражается эксплицитно чаще, чем начальный. С когнитивной точки зрения это явление может быть объяснено тем, что, поскольку «целью перемещения является достижение нового местоположения субъекта, ⟨…⟩ именно оно нуждается в наиболее эксплицитном обозначении» [Майсак 2005: 115; о goal-bias см. также Walchli, Zúñiga 2006; Beavers et al. 2010; Nikitina 2009, с библиографией].

Как правило, аргументы глаголов *shkoj* и *vij* в рассмотренных примерах оформляются с помощью предлогов (7), хотя возможно и указание на компонент маршрута с помощью дативного дополнения со значением адресата действия или сообщения (8), а также дейктического наречия (9). Все контексты, где выражена только начальная точка, относятся к случаям употребления при глаголе *vij* (16 примеров), и во всех случаях этот аргумент *vij* оформлялся конструкцией с предлогом *nga*. В контекстах, где выражен один аргумент со значением цели, или конечной точки движения, предлоги *në* и *te(k)* оказались самыми частотными маркерами цели как в сочетании с *vij*, так и с глаголом *shkoj*.

Примеров, где конечная точка маркировалась бы предлогом *nga*, не оказалось ни в одной из выборок, несмотря на то, что такое сочетание возможно: *U= drejtua-n nga tribun-a* (INACT= направить-AOR.3PL PREP трибуна-NOM.SG.DEF) ‘направились к трибуне’ [FGjSSh 1980]. Возможно, отсутствие *nga* связано, с одной стороны, с небольшим размером выборок, а с другой — с более низкой общей частотностью *nga*[8] в сочетании с изучаемыми глаголами по сравнению с *në* и *te(k)* (см. *Таблицу 2* в *подразделе 2.1*).

(7) *Më* *8 shtator* ***shko-i*** ***në*** ***Prizren***.
PREP 8 сентябрь.ACC.SG.INDF идти-AOR.3SG PREP Призрен.ACC.SG.INDF
‘8 сентября он отправился в Призрен’. [АНК: Historia e popullit shqiptar. Rilindja kombëtare. Vitet 30 të shek. XIX — 1912. 2002]

(8) *materiale-t* *që* ***u=*** ***shko-jnë*** ***deputetë-ve***
материал.PL-NOM.PL.DEF COMP 3PL.DAT= идти-PRS.3PL депутат.PL-DAT.PL
‘материалы, которые поступают депутатам’ [АНК: Zëri. 2013]

(9) *Po* *si* *të* ***shko-jmë*** ***atje***?
PTCL как SBJV идти-PRS.1PL туда
‘Но как же мы пойдем туда?’ [АНК: Kim Mehmeti. Vitet e urithit. 2000–2009]

Наблюдения о наличии / отсутствии синтаксически выраженных аргументов при *shkoj* и *vij*, как представляется, могут быть интерпретированы с точки зрения семантических свойств этих глаголов, а именно наличия или отсутствия у них ориентированности на цель или источник. При глаголе *shkoj*, как показано в *Таблице 3*, преобладают конструкции с эксплицитно выраженной конечной точкой (7), но относительно часто встречаются и употребления без аргументов (см. пример (5) выше). Число примеров этих двух типов составляет 35 и 60 соответственно. Конструкций с эксплицитным обозначением только начальной точки (FROM) в нашей выборке не оказалось, и, как уже было сказано выше, это может косвенно указывать на общую тенденцию к преобладанию конечной точки над начальной точкой маршрута (goal-bias).

В «безаргументном» примере (5) герои обсуждают возможную поездку в Дельфы, однако высказывание, несмотря на то что конечная точка известна из предыдущего контекста, отсылает, по всей видимости, к самой необходимости начинать движение и совершать поездку.

[8] Более подробно о конструкциях с предлогом *nga* см. в *Разделе 3*.

В этом контексте конкретные исходный и конечный пункты факультативны, соответственно, они никаким образом не оформляются, и в самом глаголе направление движения также не выражается. Когда при ненаправленном глаголе *shkoj* появляется эксплицитное указание на цель, как в примере (7), описываемое движение закономерным образом становится направленным.

Кроме того, интересно то, что в «безаргументных» контекстах глагол *shkoj* может употребляться в значении «уходить». По-видимому, такое поведение *shkoj* в албанском языке является следствием тех же «системных» соображений, по выражению Е. В. Рахилиной, в силу которых глагол *go* в английском, для создания симметричной пары с *come*, начинает осмысляться как глагол удаления [Рахилина 2008: 320]. Тем не менее употребление албанского глагола *shkoj* в качестве глагола удаления является редким и наблюдается в нашем материале только в конструкциях типа *vij e shkoj* (приходить.PRS.1SG и идти. PRS.1SG), где *shkoj* встречается непосредственно в сочетании с глаголом *vij* и означает «уходить» (3), (10). Контекстов, где *shkoj* без аргументов «цель» и «источник» употреблялся бы самостоятельно и обозначал удаление, в нашей выборке обнаружено не было. Таким образом, можно сказать, что данный глагол, в терминологии [Майсак 2005], является глаголом «чистого перемещения», который зачастую употребляется без аргументов и не требует при себе эксплицитного указания на тот или иной компонент маршрута.

(10) *Në* *Pasha* *Liman* *ushtarë-t*
PREP Паша Лиман.ACC.SG.INDF военные.PL-NOM.PL.DEF
e *huaj,* *prapë* ***vi-jnë*** ***e*** ***shko-jnë.***
NOM.PL.DEF чужой снова приходить- PRS.3PL и идти-PRS.3PL
‘В заливе Паша-Лиман чужие военные, снова приходят и уходят’. [АНК: Rexhep Ferri. Atdheu im torzo. 1997]

В выборке примеров с глаголом *vij*, так же как и в случае с глаголом *shkoj*, наблюдается численное преобладание контекстов с одним аргументом (11), (12) по сравнению с контекстами без синтаксически выраженных аргументов (13). Количественные различия здесь более значительны (см. *Таблицу 3*): число примеров с одним аргументом при *vij* в три раза превышает число примеров без аргументов (20 и 62 примера соответственно), в то время как *shkoj* в нашей выборке употреблялся с одним аргументом в два раза чаще, чем без каких-либо аргументов. В 46 из 84 примеров с *vij* единственный аргумент обозначает

цель движения (12) и лишь в 16 из 84 примеров выборки был встречен аргумент со значением источника (11).

(11) *Ndi-hej* *një* *erë* ⟨…⟩ *që*
чувствовать-INACT.IPF.3SG INDF запах.NOM.SG.INDF COMP
vi-nte ***nga*** ***dollap-i*** *i* *lartë*
приходить-IPF.3SG PREP шкаф-NOM.SG.DEF M.NOM.SG высокий
prej *lis-i,* *i* *vendosur* *përballë*
PREP дуб-ABL.SG.INDF M.NOM.SG размещенный.M.SG PREP
dritare-s.
окно-ABL.SG.DEF
‘Чувствовался запах ⟨…⟩, который приходил из высокого дубового шкафа, установленного напротив окна’. [АНК: Gustave Flaubert. Zonja Bovari. 2002]

(12) *krejt* *me* *faj-in* *e* *femra-ve*
именно PREP вина-ACC.SG.DEF ACC.SG.DEF женщина.PL-GEN.PL
asambleiste *që* *nuk* ***kish-in*** ***ardhur***
заседательница.UM.PL COMP NEG иметь.IPF-IPF.3PL приходить.PTCP
fare ***në*** ***seancë***
совсем PREP заседание.ACC.SG.INDF
‘именно по вине женщин-заседательниц, которые совсем не пришли на заседание’ [АНК: Zëri. 2013] (Говорящий здесь — один из депутатов, которые присутствовали на заседании.)

(13) *Andaj* *kish-te* *kërkuar* *nga* *i*
тогда иметь.IPF-IPF.3SG просить.PTCP PREP POSS.3SG
shoq-i *të* *thërris-te* *Sheh-un* *e*
муж-NOM.SG.DEF SBJV звать-IPF.3SG шейх-ACC.SG.DEF ACC.SG.DEF
Shkup-it, *që* *ai* *vetë* ***të*** ***vi-nte***
Скопье-GEN.SG.DEF COMP 3SG.M.NOM сам SBJV приходить-IPF.3SG
e *të* *trego-nte* *se* *ç’=* *ish-te*
и SBJV рассказать-IPF.3SG COMP что= быть.IPF-IPF.3SG
ajo *dhembje* *që* *e=* *mundo-nte*
тот.F.NOM.SG боль.NOM.SG.INDF COMP 3SG.ACC= мучать-IPF.3SG
fëmijë-n.
ребенок-ACC.SG.DEF
‘Тогда она попросила своего мужа позвать Шейха Скопье, чтобы он сам пришел и рассказал, что за боль мучает ребенка’. [АНК: Kim Mehmeti. Vitet e urithit. 2000–2009]

Здесь мы видим, что, во-первых, судя по примеру (11), *vij* может проявлять себя как дейктический глагол, в какой-то мере ориентированный на позицию говорящего и/или наблюдателя. Запах «приходил» из шкафа к тому, кто мог его почувствовать, т. е. конечной точкой этого движения являлся говорящий или тот, кто его замещает (ср. употребление глагола *идти*, но не *приходить* в аналогичных контекстах в русском языке, согласно [Рахилина 2008: 319]: *<от цветов> идет приятный запах*). Похожую интерпретацию можно усмотреть в примере (12) — рассказ об отсутствующих заседательницах в какой-то мере отсылает нас к позиции того, кто наблюдал за заседанием.

Во-вторых, примечательно, что, в отличие от примеров (5) и (10) с глаголом *shkoj*, где в отсутствие аргументов глагол приобретает значение «чистого перемещения», в примере (13) с *vij*, несмотря на отсутствие аргументов, обозначающих исходный и конечный пункты, речь очевидным образом идет о направленном движении. Пример может быть интерпретирован как ситуация прибытия: Шейх из Скопье придет туда, где находятся герой и его дети. Вероятно, это стоит отнести на счет собственной лексической семантики глагола *vij* и охарактеризовать его как глагол прибытия, ориентированный на конечную точку (goal-oriented).

Таким образом, вышеприведенные количественные данные и проведенный анализ позволяют предположить, что на наличие синтаксически выраженных аргументов, кодирующих цель и источник движения, в некоторой степени влияет семантика изучаемых глаголов. Глагол *vij* можно считать ориентированным на конечную точку (goal-oriented, типа английского *come*). Глагол *shkoj* в албанском языке не является ориентированным на источник (source-oriented) «глаголом удаления» и, соответственно, не может считаться полноценным «дейктическим антонимом» *vij*. В сравнении с *vij*, *shkoj* демонстрирует более сильную тенденцию к употреблению без указания на компоненты маршрута: доля «безаргументных» контекстов с глаголом *shkoj* составляет 36 % соответствующей выборки, тогда как в выборке с глаголом *vij* конструкции такого типа составляют около 24 %. В связи с этим представляется, что албанский глагол *shkoj* можно отнести к глаголам «чистого перемещения» (типа русского *идти*).

2.3. Способы заполнения валентностей «цель» и «источник» при глаголах *shkoj* и *vij*

С точки зрения способа заполнения валентностей глаголов *shkoj* и *vij*, количественное распределение полученных результатов выглядит несколько иначе, так как к числу примеров, которые могут рассматриваться как имеющие две заполненных валентности, относятся не только те контексты, где они заполнены эксплицитно (как в *подразделе 2.3*), но и те, в которых вторая валентность заполняется анафорически. Распределение проанализированных примеров согласно способу заполнения валентностей представлено *в Таблицах 4* и *5*.

Таблица 4. Распределение конструкций с глаголом *shkoj* по способу заполнения валентностей

Table 4. Distribution of constructions with the verb *shkoj* by way of filling its valencies

Цель / **Источник**	**Не заполнена**	**Дативное дополнение**	**Анафорическое заполнение**	**Предлог**
Не заполнена	34	5	5	**40**
Дативное дополнение	—	—	—	—
Анафорическое заполнение	—	—	3	8
Предлог	—	—	—	2

Таблица 5. Распределение конструкций с глаголом *vij* по способу заполнения валентностей

Table 5. Distribution of constructions with the verb *vij* by way of filling its valencies

Цель / **Источник**	**Не заполнена**	**Дативное дополнение**	**Анафорическое заполнение**	**Предлог**
Не заполнена	17	1	22	**18**
Дативное дополнение	—	—	—	—
Анафорическое заполнение	—	—	2	7
Предлог	9	—	7	1

Общее количество примеров с двумя заполненными тем или иным способом валентностями составляет 13 для глагола *shkoj* и 17 — для *vij* (соответственно, 13,4 % и 20,2 % от общего числа примеров в выборке). В таких контекстах наиболее частотным способом заполнения для обоих глаголов является анафорическое заполнение валентности источника и предложное заполнение валентности цели. Среди таких примеров выделяются собственно анафора, когда источник упоминается в ближайшем контексте (непосредственно в том же или в предыдущем предложении) и кодируется при исследуемом глаголе, например, дейктическим наречием (14), и случаи, когда источник известен из дальнего контекста или же непосредственно из познаний читателя (15а) либо в этом контексте не указан, поскольку эта информация, по мнению автора текста, несущественна для читателя (15б).

(14) *Do* *të* *merr-nin* *kështjellë-n* *e*
FUT SBJV брать-IPF.3PL крепость-ACC.SG.DEF ACC.SG.DEF
Shkodr-ës *e* ***prej*** ***andej*** ***do*** ***të*** ***shko-nin***
Шкодра-GEN.SG.DEF и PREP оттуда FUT SBJV идти-IPF.3PL
drejt ***Sofje-s***.
PREP София-ABL.SG.DEF
‘Они возьмут крепость Шкодры и оттуда пойдут в направлении Софии’. [АНК: Historia e popullit shqiptar. Shqipëria nën Perandorinë Osmane gjatë shek. XVI — vitet 20 të shek. XIX. 2002]

(15а) *Një* *i* *ri* *kosovar* *që* *po*
INDF M.NOM.SG молодой.M.SG косовар COMP PROG
merr *pjesë* *në* *luft-ën*
брать.PRS.3SG часть.ACC.SG.INDF PREP война-ACC.SG.DEF
qytetar-e *të* *Siri-së* ⟨…⟩ *Ai*
гражданский-F ACC.SG.DIST Сирия-GEN.SG.DEF 3SG.M.NOM
mes *tjera-sh* *tho-të* *se* ***ka***
PREP другой.F.PL-ABL2 сказать-PRS.3SG COMP иметь.PRS.3SG
shkuar ***në*** ***Siri*** *për* *të*
идти.PTCP PREP Сирия.ACC.SG.INDF PREP ACC.SG.INDF
mbrojtur *nder-in* *e* *«motra-ve*
защищать.PTCP честь-ACC.SG.DEF ACC.SG.DEF сестра-GEN.PL
musliman-e».
мусульманский-F

‘Молодой косовар, который принимает участие в гражданской войне в Сирии ⟨…⟩. Он среди прочего говорит, что поехал в Сирию, чтобы защищать честь мусульманских сестер’. [АНК: Zëri. 2013]

(15б) ***Kish-te*** ***ardhur*** ***në*** ***Amerikë***
иметь.IPF-IPF.3SG приходить.PTCP PREP Америка.ACC.SG.INDF

për *të* *dytë-n* *herë* *më* *1920.*
PREP ACC.SG.DIST второй-ACC.SG.DEF раз.UM.SG PREP 1920

‘Он приехал в Америку второй раз в 1920 году’. [АНК: Ilir Ikonomi. Faik Konica. Jeta në Uashington. 2011] (Из контекста известно, что герой — албанец, который работает в итальянском консульстве в Нью-Йорке. Откуда именно он прибыл, не указано, несмотря на то, что жанр биографии, к которому принадлежит данный текст, предполагает фактографическую точность).

Особый интерес представляют случаи, когда одна из валентностей не заполнена. Таких контекстов одинаковое количество при обоих глаголах (50 примеров из 97 с *shkoj* и из 84 — с *vij*). Преобладают примеры с одной заполненной валентностью цели (все 50 примеров с глаголом *shkoj* и 41 пример из 50 — с *vij*), которая чаще всего заполняется сочетанием с предлогом. Данные наблюдения в целом соответствуют результатам, полученным при подсчете конструкций с синтаксически выраженными аргументами в *подразделе 2.2*.

Оба глагола демонстрируют тенденцию к заполнению валентности цели предложной конструкцией при незаполненной валентности источника (при *vij* доля таких конструкций составляет 21 %, а при глаголе *shkoj* — 41 %). Анафорическое заполнение валентности цели при незаполненной валентности источника (16) более характерно для глагола *vij* (доля такого рода употреблений составляет 26 %, или 31 пример из 84), чем для *shkoj* (5 %, или 8 примеров из 97). Вероятно, это связано с тем, что *vij* дейктически ориентирован на говорящего или на иного значимого участника ситуации, как в примере (13) выше, и на конечную точку легко указать, исходя из его положения. И если в ситуации прибытия конечная точка уже определяется как позиция говорящего / наблюдателя, то исходя из этого можно определить и начальную точку как некоторый пункт, не совпадающий с этой позицией [Рахилина 2008: 319]. Более точное определение начального пункта при этом не всегда возможно: информация о нем может полностью отсутствовать в тексте, будучи известной автору и несущественной для

читателя, как показывает пример (15а), либо быть неважной в принципе, как в примере (15б).

Заполнение валентности цели с помощью дативного дополнения (при незаполненном источнике) при глаголе *vij* встречается реже, чем при *shkoj* (1 и 5 примеров соответственно). Во всех случаях это непространственные конструкции, в которых дополнение, выраженное существительным в дативе и дублируемое местоименной клитикой, обозначает реципиента / адресата (16), (17).

(16) *Por,* *ti* ***s'*** ***ke*** ***me*** ***më=*** ***ardhë***
COMP 2SG.NOM NEG иметь.PRS.2SG INF 1SG.DAT= приходить.PTCP
ma!
больше
'Но ты ко мне больше не придешь!' [АНК: Rushit Ramabaja, Rrëmbimi i vajzës së këngës. 2001]

(17) *Falënderim-i* ***u=*** ***shko-n*** ***SHBA-ve***
благодарность-NOM.SG.DEF 3PL.DAT= идти-PRS.3SG США-DAT.PL
dhe ***Union-it*** ***Evropian***.
и союз-DAT.SG.DEF европейский
'Благодарность отправляется [букв. «идет»] США и Европейскому союзу'. [АНК: Koha.mk. 2012]

В целом, можно заметить, что даже с учетом анафорического заполнения валентностей при обоих глаголах (чего не делалось в *подразделе 2.2*) случаев, когда валентность цели, или конечной точки оставалась бы незаполненной, меньше, чем тех, где не выражен источник, или исходная точка. При глаголе *shkoj* валентность исходной точки не заполняется в 84 случаях из 97 (примерно 87 % от общего числа примеров), а при *vij* — в 58 из 84 (примерно 69 %). Валентность конечной точки оказывается незаполненной только в 26 примерах (30 %) с глаголом *vij*, а с *shkoj* таких примеров 34 (35 %). В случае с глаголом *vij* можно предположить, что аргумент «источник» не является существенным в плане выражения идеи прибытия, которая, как мы упоминали выше, заложена в семантике глагола. Большое же количество примеров, содержащих эксплицитное указание на цель, но не описывающих источник, при глаголе «чистого перемещения» *shkoj* может указывать на то, что в албанском языке реализуется общий когнитивный принцип ориентации на цель движения (goal-bias).

3. Глаголы *shkoj* и *vij* в конструкциях с предлогом *nga*

Полезным диагностическим контекстом для изучения свойств глаголов *shkoj* и *vij* стали конструкции с предлогом *nga* ‘от, из; в, к’, который способен кодировать как цель, так и источник. Мы предположили, что выбор значения предлога *nga* зависит от того, в каком порядке заполняются валентности цели и источника при глаголе (и, соответственно, от контекста и в какой-то степени от свойств самого глагола), а значит, распределение употреблений *nga* в разных значениях в итоге будет следовать закономерностям, описанным в *2.3*. Чтобы проверить это предположение, мы дополнительно собрали и проанализировали две выборки из 238 конструкций с глаголом *shkoj* и предлогом *nga*, а также 90 конструкций вида «*vij* + *nga*»[9].

Как было показано во *Введении*, в семантике глаголов движения типа *come* и *go* присутствует дейктический компонент, и при указании на исходный или конечный пункты определенную роль может играть позиция участников ситуации. В связи с этим мы использовали в анализе некоторые элементы дейктического подхода и классифицировали полученные примеры по типу дискурса, разделяя их на примеры диалога и нарратива. При этом мы опирались на исследования Е. В. Падучевой и Ю. Д. Апресяна на материале русского языка. Описание движения связано с определенными ориентирами, которые в контексте речевой ситуации зачастую зависят от положения ее участников, что подводит нас к понятию говорящего и коммуникативной ситуации. Нормальная коммуникативная ситуация — это, как правило, диалог двух людей, один из которых, говорящий, сообщает некую информацию своему собеседнику — слушающему. Относительно говорящего и его восприятия организуется пространство в высказывании. Используя терминологию Дж. Лайонза, Е. В. Падучева в своей работе называет такую ситуацию канонической, отмечая, что именно здесь наблюдается нормальное функционирование языка [Падучева 2010: 259], но предлагает различать различные *режимы интерпретации* дейктических элементов: речевой, или диалогический, (первичный дейксис в терминах Ю. Д. Апресяна), нарративный и синтаксический [Падучева 2010: 265]. Так, согласно этой классификации, любой разговор, даже если он

[9] Количество примеров указано за вычетом «шума».

не вполне соответствует условиям каноничности (например, разговор по телефону, когда говорящий и слушающий находятся в разных местах), считается примером диалогического режима, так как здесь все равно присутствует реальный говорящий. В нарративном режиме, напротив, не может быть полноценной фигуры говорящего за отсутствием канонической речевой ситуации [Падучева 2010: 265]. В нарративе, где говорящий отсутствует либо выступает как объект наблюдения, субъектом, относительно которого ориентирована описываемая ситуация в пространстве, является другое лицо — наблюдатель, референциально не совпадающий с говорящим [Апресян 1986/1997: 277–278].

Кроме того, при анализе примеров учитывались параметры, упомянутые в *Разделе 2*: способ оформления аргументов, значение предлога и тип употребления. Преимущественное внимание в этой части исследования уделялось пространственным конструкциям с предлогом *nga* (116 из 238 примеров с глаголом *shkoj* и 30 из 90 — с глаголом *vij*). В *Таблицах 6* и *7* отражено распределение конструкций по указанным параметрам.

Таблица 6. Распределение пространственных употреблений *nga* при глаголе *shkoj* ‘идти’ по способу оформления аргументов «источник» (FROM) и «цель» (TO), значению предлога и режиму интерпретации

Table 6. Distribution of spatial usages of *nga* with the verb *shkoj* ‘go’, based on the way of expression of the arguments “source” (FROM) and “goal” (TO), the meaning of the preposition, and the mode of interpretation

Конструкция	**Значение *nga***	**Режим интерпретации**		**Всего**
		Диал.	**Нарр.**	
С одним аргументом	TO	18	25	43
	FROM	2	14	16
	FROM / TO (с *vij e shkoj*)	0	4	4
	VIA	1	0	1
С двумя аргументами (‘from… to’)	FROM	0	52	52
		21	95	116

Около половины примеров (52 употребления из 116) составляют конструкции с выражением пространственного предела, где обе валентности глагола *shkoj* заполнены словосочетаниями с предлогами (FROM… TO): *nga… (deri) në* ‘от… до’, *nga… te(k)* ‘от… к’, *nga… për në*

‘от… в’. В таких случаях *nga* всегда кодирует отправную точку. Примеры, в которых на поверхностном уровне (сочетанием с предлогом *nga* в пространственном значении) выражен только один аргумент, составляют 64 из 116 контекстов, представленных в нашей выборке. В 43 из 64 примеров предлог употреблен в значении TO (цель) и только в 16 — в значении FROM (источник). Один из 64 примеров с одним аргументом содержит предлог *nga* в значении, которое можно охарактеризовать как ‘VIA’ (18). В четырех примерах предложная группа с *nga* является единственным аргументом конструкции *vij e shkoj* ‘приходить и уходить’ (19)[10].

(18) *sikur* *të* *na=* *du-hej* *të* *shko-nim*
COMP SBJV 1PL.DAT= хотеть.INACT-INACT.IPF.3SG SBJV идти-IPF.1PL
nga ***Qafë*** ***Than-a***
PREP перевал.UM.SG.INDF Сан-NOM.SG.DEF
‘если бы нам пришлось проходить через перевал Сан’ [АНК: Zëri. 2013] (Речь идет о дороге, которая проходит в удачно расположенном месте.)

(19) ⟨…⟩ *pak* *nga* *ata* *që* *çdo*
немного PREP 3PL.M.NOM COMP каждый
ditë *vi-jnë* *e* *shko-jnë*
день.ACC.SG.INDF приходить-PRS.3PL и идти-PRS.3PL
nga ***kryeqendr-a*** *ta=* *hedh-in*
PREP столица-NOM.SG.DEF SBJV:3SG.ACC= кидать-PRS.3PL
një *sy* *e* *një* *frymë* *andej*
INDF глаз.ACC.SG.INDF и INDF вздох.ACC.SG.INDF туда
‘⟨…⟩ немногие из тех, кто каждый день приезжает и уезжает из столицы, чтобы заглянуть туда [В музей. — *К. К.*]’ [АНК: Zëri. 2013]

В русском языке глаголы *приходить* / *приезжать* и *уходить* / *уезжать* имеют разное предложное управление, и в высказываниях типа

[10] Порядок глаголов в конструкции может быть другим (*shkoj e vij* ‘уходить и приходить’), и в таких случаях она чаще употребляется без предложных аргументов, либо с предлогом *në*, кодирующим цель: *shko-jnë e vi-jnë në Tiranë* (приходить-PRS.3PL и идти-PRS.3PL PREP Тирана-ACC.SG.DEF) ‘уезжают и приезжают в Тирану’ [АНК: Panorama. 2016]. Примеров с *nga* обнаружено не было, поэтому конструкции с таким порядком глаголов здесь не рассматриваются.

(19) с помощью предлога *из* кодируется только источник движения при последнем. В албанском языке оба соответствующих глагола — глагол прибытия *vij* и глагол *shkoj*, который в данном контексте функционирует как глагол удаления, — могут управлять конструкцией с *nga*. Значение предлога при этом зависит, как показано выше, от способа заполнения валентностей начальной и конечной точек маршрута и, вероятно, в какой-то мере от типа дискурса и позиции в ситуации говорящего или наблюдателя. В частности, в примере (19) столица, где находится наблюдатель, является и конечной точкой маршрута, по которому наблюдаемые субъекты прибывают (*vijnë*), и начальной точкой траектории, по которой они удаляются (*shkojnë*). Можно сказать, что конструкция с предлогом *nga*, способным выражать оба значения, заполняет соответствующие валентности и у глагола *vij*, и у глагола *shkoj*.

Количественные данные об употреблении конструкций с одним аргументом при *shkoj* в разных типах дискурса показывают, что в диалогическом режиме преобладают примеры, в которых предлог *nga* принимает значение то (18 из 21 примера, т. е. примерно 86 %), то есть в нормальной диалогической ситуации *nga* при глаголе *shkoj* скорее проявляет тенденцию к кодированию цели. В нарративном режиме контексты с оформлением цели с помощью *nga* также оказываются несколько частотнее, чем контексты, где этот предлог кодирует источник, и составляют больше половины всех случаев (25 из 43 примеров, или 58 %). Таким образом, в нарративном режиме также можно усмотреть тенденцию к кодированию цели при глаголе *shkoj* с помощью конструкции с *nga*, которая, тем не менее, ярче проявляется в диалогической ситуации, где пространственные отношения между говорящим и слушающим могут быть визуально оценены (см. Таблицу 7, с. 151).

При глаголе *vij* предлог *nga* в подавляющем большинстве примеров выборки — как в диалогическом, так и в нарративном режиме — употребляется в значении FROM (источник). Значение TO почти не встречается (всего один пример). Помимо этого, нужно отметить, что в нашей выборке встретилось существенно меньше примеров с двумя синтаксически выраженными аргументами, чем примеров с одним аргументом, выраженным конструкцией с *nga* (3 и 26 соответственно). В трех примерах с двумя аргументами, попавших в выборку с глаголом *vij*, «источник» и «цель» оформляются предложными конструкциями (20); как можно заметить, в этом отношении *vij* сильно отличается от глагола *shkoj*.

Таблица 7. Распределение пространственных употреблений *nga* при глаголе *vij* ‘приходить’ по способу оформления аргументов «источник» (FROM) и «цель» (TO), значению предлога и режиму интерпретации

Table 7. Distribution of spatial usages of *nga* with the verb *vij* ‘come’, based on the way of expression of the arguments “source” (FROM) and “goal” (TO), the meaning of the preposition, and the mode of interpretation

Конструкция	**Значение *nga***	**Режим интерпретации**		**Всего**
		Диал.	**Нарр.**	
С одним аргументом	TO	1	0	1
	FROM	0	26	26
	FROM / TO (с *vij e shkoj*)	0	4	4
С двумя аргументами (FROM… TO)	FROM	0	3	3
		1	33	34

(20) *flamur-i* *që* ***erdh-i*** *dje* ***nga*** ***UEFA***
флаг-NOM.SG.DEF COMP приходить.AOR-AOR.3SG вчера PREP УЕФА
në ***adresë*** ***të*** ***Federatë-s*** ***Shqiptar-e***
PREP адрес.ACC.SG.INDF ACC.SG.INDF Федерация-GEN.SG.DEF албанский-F
‘флаг, который прибыл вчера из УЕФА на адрес албанской Федерации’ [АНК: Gazeta Shqiptare. 2006]

Можно отметить, что, в сущности, уже на этапе анализа количественных данных гипотеза о том, что выбор значения предлога может зависеть от способа заполнения валентностей цели и источника при глаголе, находит некоторое подтверждение. В составе конструкций с двумя эксплицитно заполненными валентностями предлог *nga* выступает в четко определенном значении: выражается значение источника, т. к. в албанском языке практически невозможно кодировать источник иначе (как было указано в *подразделе 2.1*, альтернативой *nga* является менее частотный предлог *prej* ‘из, от’), а использование предложных групп, включающих в себя два предлога *nga*, невозможно [АНК].

То же справедливо и для случаев, когда эксплицитно (конструкцией с предлогом *nga*) заполнена только одна валентность глагола, а вторая становится известной из контекста. В примере (21) используется глагол *shkoj*, который, как мы определили в *2.2*, является глаголом «чистого перемещения». Это означает, что обе валентности данного

глагола — цели и источника — факультативны и могут не заполняться, в отличие от ориентированного на цель движения *vij*. Из этого же предложения, которое является, в терминах Е. В. Падучевой, примером неканонической коммуникативной ситуации — нарратива с повествователем, замещающим «канонического» говорящего / наблюдателя, становится известно, что Нести в конечном итоге оказывается в Тиране (Албания). Наличие этой информации, по-видимому, «заставляет» *nga* играть роль маркера исходной точки при *shkoj*.

(21) *Nesti* ***do*** ***të*** ***shko-nte*** *që* ***nga***
Нести.NOM.SG FUT SBJV идти-IPF.3SG COMP PREP
Amerik-a *e* *do* *rri-nte* *dy*
Америка-NOM.SG.DEF и FUT сидеть-IPF.3SG два
javë *në* *Tiranë.*
неделя.ACC.SG.INDF PREP Тирана.ACC.SG.INDF
'Нести поедет аж из Америки и проведет две недели в Тиране'.
[АНК: Pëllumb Kulla. Rrëfenja nga Amerika. 2003]

Выбор глагола в (21), вероятно, обусловлен дейктическими характеристиками текста. Было бы закономерно употребить глагол *vij*, который содержит в своей семантике идею прибытия и является дейктическим, если бы наблюдатель (повествователь) находился в Тиране и там ждал прибытия героя из Америки. Однако местоположение наблюдателя неопределенно (и, по всей видимости, это не Тирана), а значит, *vij* не вполне подходит и нужно использовать *shkoj* для описания данной ситуации движения.

Аналогичным образом можно интерпретировать и примеры (22) и (23), где не вполне очевидно, совершалось ли движение по направлению к востоку (22) / к северу (23) или же, наоборот, эти стороны света являлись пунктом отправления. Поскольку предлог *nga* способен оформлять как начальную, так и конечную точку маршрута, и то и другое вполне вероятно. В обоих примерах глаголу *shkoj* предпочитается глагол *vij*, который является глаголом, ориентированным на конечную точку (goal-oriented). Неизвестным компонентом маршрута, на который указывает предложный аргумент глагола, в этом случае должен быть источник. С учетом этого факта примерам (22) и (23) можно дать вполне однозначную интерпретацию («с востока», «с севера»).

Действительно, при изучении предшествующего контекста в первом случае (22) становится ясно, что речь идет о захвате Крита турками, которые напали не с востока, а с запада («если бы турки пришли

с востока» — контрафактическое условие, которое не было выполнено). Во втором случае (23) из предшествующего контекста трудно установить, как живущий в Македонии рассказчик, который является наблюдателем, расположен по отношению к прибытию птиц. Но в следующем за этим предложении указано, что они прибыли со стороны Косова, т. е. с севера.

(22) *në* *qo-ftë* *se* *turq-it*
PREP быть.OPT-OPT.PRS.3SG COMP турок.PL-NOM.PL.DEF
do ***të*** ***vi-nin*** ***nga*** ***lindj-a***
FUT SBJV приходить-IPF.3PL PREP восток-NOM.SG.DEF
‘если бы турки пришли с востока’ [АНК: Ben Blushi. Të jetosh në ishull. 2008]

(23) ⟨…⟩ *plima* *të* *dendur-a* *të*
стая.NOM.PL.INDF INDF.PL густой-F.PL PL.INDF
korba-ve *që* ***vi-nin*** ***nga*** ***veri-u***.
ворона.PL-GEN.PL REL приходить-IPF.3SG PREP север-NOM.SG.DEF
Vi-nin *atje* *nga*[11] *pasmale-t*
приходить-IPF.3SG туда PREP загорье.PL-NOM.PL.DEF
ku *shtri-hej* *Kosov-a.*
где простирать-INACT.IPF.3SG Косово-NOM.SG.DEF
‘⟨…⟩ плотные стаи ворон, которые прибывали с севера. Они прибывали туда из-за гор [досл. «из загорья»], где простиралось Косово’. [АНК: Kim Mehmeti. Fshati pa varreza. 2002]

Если нет необходимости указывать источник (что особенно типично для контекстов с глаголом *shkoj*), то, возможно, нет и ограничений для выбора предлога при заполнении валентности цели, и нередко таким предлогом становится *nga*. Это предположение подтверждается примерами с *shkoj* в диалогическом режиме интерпретации (24), (25), где сочетанием с *nga* заполнена только одна валентность глагола, а именно валентность цели.

(24) ***Shko*** *nesër* ***nga*** ***babazot-i***.
ходить.IMP.2SG завтра PREP дедушка-NOM.SG.DEF
‘Пойди завтра к дедушке’. [АНК: Ismail Kadare. Kronikë në gur. 1963]

[11] Здесь предлог имеет ясное значение «из», т. к. валентность цели заполняется дейктическим наречием *atje* ‘туда’, отсылающим к месту, где находится наблюдающий за воронами персонаж.

(25) *Më=* *tha-në* *se* ***ke*** ***shkuar***
1SG.DAT= сказать.AOR-AOR.3PL COMP иметь.PRS.2SG ходить.PTCP
nga ***pyje-t***.
PREP лес.PL-NOM.PL.DEF
'Мне сказали, что ты ходил в леса'. [АНК: Dritëro Agolli. Trëndafili në gotë. 1979]

В примере (24) мы видим каноническую ситуацию общения, в которой говорящий и слушающий находятся в одной точке. Валентность начальной точки, таким образом, заполнена дейктически (она определяется позицией говорящего), а на конечную точку указывает конструкция с предлогом [12].

В примере (25) некоторые люди могли наблюдать героя выходящим из леса либо входящим в него (обе ситуации в албанском языке могут быть описаны конструкцией с *nga*), но мы можем полагать, что *nga* ведет себя так же, как в (24), где собеседники находились в одной точке, и обозначает цель. Хотя в (25) не содержится никаких пояснений на этот счет [13], *nga* вполне естественно воспринимается как маркер цели. По всей видимости, определенную роль здесь играет, с одной стороны, тенденция к преобладанию конечной точки над начальной (goal-bias) и, соответственно, эксплицитному выражению цели, а с другой — то, что глагол *shkoj* не имеет ориентации на определенную точку маршрута. Вероятно, имеет значение и то, что для движущегося субъекта целью было посещение леса; в результате именно валентность цели при *shkoj* оказывается заполненной конструкцией с *nga*.

К диалогическому режиму относится и единственный пример в нашей выборке, в котором употребляется глагол *vij* и одна из валентностей глагола оказывается эксплицитно заполненной предлогом *nga* в значении цели (26).

(26) ***Mos*** ***erdh-i*** *këtej* ***nga*** ***fshat-i***,
NEG приходить.AOR-AOR.3SG туда PREP деревня-NOM.SG.DEF

[12] При этом объект-ориентир «дом», который очевидным образом является конечной точкой движения героя, подменяется его обладателем (в дом дедушки = к дедушке). Дедушка здесь выступает в качестве т. н. локативного посессора [Даниэль 2001: 224; Ганенков 2002: 21].

[13] Информация о том, что речь идет именно о походе в лес обнаруживается очень далеко в предшествующем контексте: герой (писатель) посещает там могилы партизан, т. к. пишет текст о войне.

xhaxha?
дядя.nom.sg.indf

‘Он не приходил туда, в деревню, дядя?’ [АНК: Jakov Xoxa. Lumi i vdekur. 1967]

Здесь говорящий рассказывает о событиях, произошедших в албанском городе Фиер перед приходом партизан, и спрашивает своего собеседника («дядя») о судьбе третьего лица. Беседа происходит в Фиере, о чем можно узнать из предшествующего контекста, и говорящий интересуется, не заходил ли этот человек в деревню, о которой известно собеседнику. Необходимость эксплицитного кодирования цели при глаголе *vij* в данном случае обусловлена тем, что оба участника сейчас находятся не в селе. Если бы они были там, необходимую информацию о цели можно было бы извлечь из их непосредственного местонахождения и семантики глагола. Можно сказать, что здесь отчасти подтверждается предположение о том, что в диалогическом режиме наиболее ярко проявляется общая тенденция к маркированию цели, а не источника при глаголах движения (goal-bias). Вместе с тем, именно расположение говорящего и слушающего, которое в примере (27) принимается за точку отсчета, является первичным фактором для выбора предлога и способа заполнения валентностей при глаголе *vij*, который в большинстве случаев ведет себя как типичный глагол прибытия.

4. Заключение

По результатам нашего исследования лексической семантики двух основных глаголов движения в албанском языке, *shkoj* ‘идти’ и *vij* ‘приходить’, и анализа особенностей кодирования цели и источника при данных глаголах, который проводился с преимущественным вниманием к предложному заполнению этих валентностей, мы можем сформулировать следующие выводы:

1) Основными предлогами, кодирующими конечную точку маршрута, являются *në* и *te(k)*. Предлог *nga* может оформлять как начальную, так и конечную точки маршрута, проявляя склонность к неоднозначности в кодировании цели и источника (source-goal ambiguity), за исключением контекстов, в которых обе валентности заполняются предложными конструкциями и *nga* с необходимостью кодирует источник.

2) В результате анализа двух случайных выборок, включающих конструкции с различным оформлением аргументов и разными способами заполнения валентностей при глаголах *shkoj* и *vij*, было замечено, что в албанском языке наблюдается тенденция к эксплицитному заполнению валентности цели (goal-bias), средства оформления которой в албанском более разнообразны и многочисленны, чем средства для обозначения источника. При этом чаще всего на валентность цели указывают предлоги. Аналогичные наблюдения были сделаны на материале дополнительных выборок с предлогом *nga*, способным кодировать и цель и источник.

3) Характер заполнения валентностей цели и источника при глаголах *shkoj* и *vij* определяется семантикой глагола. В случайных выборках (в особенности в примерах без аргументов), а также в дополнительных выборках примеров с предлогом *nga*, было видно, что глагол *vij* содержит в своем значении указание на движение в сторону определенной точки и, таким образом, может быть охарактеризован как глагол прибытия, или глагол, ориентированный на конечную точку (goal-oriented). Глагол *shkoj*, в отличие от *vij*, может употребляться как глагол ненаправленного перемещения (*ходить*). Этот глагол редко встречается в значении глагола удаления, ориентированного на начальную точку (source-oriented), и не может считаться «дейктическим антонимом» *vij*. Судя по примерам случайной выборки, при *shkoj* часто не кодируется ни одна из валентностей, либо кодируется одна из двух с примерно одинаковой частотой, что позволяет считать этот албанский глагол глаголом «чистого перемещения». Таким образом, он типологически более близок к русскому глаголу *идти*, чем к английскому *go*, представляющему собой глагол удаления [Майсак 2005; Рахилина 2008].

4) Анализ примеров с глаголами *shkoj* и *vij* в сочетании с *nga* с учетом режима интерпретации показал, что тенденция к кодированию цели (goal-bias) ярче всего проявляется при глаголе «чистого перемещения» *shkoj* в нормальной коммуникативной ситуации («диалогический режим»), когда положение говорящего и/или наблюдателя известно и пространственные отношения между объектами могут быть визуально оценены. В нарративном режиме предлог *nga* при обоих глаголах, как правило, указывает на источник.

Дальнейшее исследование с расширением списка глаголов и с использованием не только корпусных, но и экспериментальных методов позволит углубить наши знания о том, какие факторы (семантика глагола, семантика предлога, тип объекта в предложной конструкции и др.)

определяют способ заполнения валентностей «цель» и «источник» при глаголе в целом и выбор той или иной конструкции при предложном заполнении, в частности.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо глаголов и местоимений, ABL — аблатив, ACC — аккузатив, AOR — аорист, COMP — комплементайзер, GEN — генитив, DAT — датив, DEF — показатель определенной формы, DIST — дистантная позиция артикля, F — женский род, FUT — будущее время, INACT — показатель неактивного залога, INDF — показатель неопределенной формы, IMP — императив, IPF — имперфект, M — мужской род, NEG — показатель отрицания, NOM — номинатив, PL — множественное число, PROG — прогрессив, PRS — настоящее время, PTCP — причастие, PREP — предлог, REL — показатель релятивизации, SBJV — конъюнктив, SG — единственное число, UM — немаркированный падеж.

Литература

Апресян 1986/1997 — Ю. Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика: Opera selecta. М.: Русские словари, 1997. Вып. 35. С. 272–298. (Впервые опубликовано в: Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28. С. 5–33).

Ганенков 2002 — Д. С. Ганенков. Модели полисемии пространственных показателей. Дипломная работа. М.: МГУ, 2002.

Даниэль 2001 — М. А. Даниэль. Падеж и локализация // А. Е. Кибрик (ред.). Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М.: Наследие, 2001. С. 203–230.

Жугра 1986 — А. В. Жугра. Аспектуальное значение конструкций с глаголом *vij* ‘приходить’ в албанском языке // А. В. Десницкая (отв. ред.). Вопросы языка и литературы народов балканских стран. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 54–61.

Клименок 2018 — К. С. Клименок. Пространственный дейксис в конструкциях с предлогом *nga* в литературном албанском языке: корпусное исследование. Курсовая работа. СПб.: СПбГУ, 2018.

Левонтина, Шмелев 2005 — И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. *На своих двоих*: лексика пешего перемещения в русском языке // А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 76–96.

Майсак 2005 — Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкции с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.

Падучева 2010 — Е. В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М: Языки славянской культуры, 2010.

Рахилина 2008 — Е. В. Рахилина. Когнитивный анализ предметных имен. М.: Русские словари, 2008.

Beavers et al. 2010 — J. Beavers, B. Levin, S. W. Tham. The typology of motion expressions revisited // Journal of Linguistics. 2010. № 46 (3). P. 331–377. DOI: 10.1017/S0022226709990272.

Nikitina 2009 — T. Nikitina. Subcategorization pattern and lexical meaning of motion verbs: a study of the source/goal ambiguity // Linguistics. 2009. № 47 (5). P. 1113–1141.

Fillmore 1971/1983 — C. J. Fillmore. How to know whether you're coming or going // G. Rauh (ed.). Essays on deixis. Tübingen: Narr, 1983. P. 219–227. (Впервые опубликовано в: K. Hyldgard-Jensen (ed.). Linguistik. Frankfurt a. M.: Athenäum Verlag, 1971. P. 369–379).

Walchli, Zúñiga 2006 — B. Walchli, F. Zúñiga. Source-Goal (in)difference and the typology of motion events in the clause // Sprachtypologie und Universalienforschhung. 2006. № 59 (3). P. 284–303.

Источники

АНК 2016 — М. С. Морозова, А. Ю. Русаков, Т. А. Архангельский. Албанский национальный корпус (версия 2011–2016 гг.) (электронный ресурс). URL: http://web-corpora.net/AlbanianCorpus (дата обращения: 09.05.2019).

FGjSSh 1980 — A. Kostallari (kryered.). Fjalori i gjuhës së sotme shqipe: me rreth 41.000 fjalë. Tiranë: Akademia e Shkencave e RP të Shqipërisë, 1980. Version online (электронный ресурс). URL: http://www.fjalori.shkenca.org (дата обращения: 25.05.2019).

References

Apresyan 1986/1997 — Yu. D. Apresyan. Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model mira [Deixis in vocabulary and grammar and the naive model of the world]. *Semiotika i informatika: Opera Selecta* [Semiotics and informatics: Opera Selecta]. Iss. 35. Moscow: Russkie slovari, 1997. P. 272–298. (First published in: *Semiotika i informatika* [Semiotics and informatics]. 1986. Iss. 28. P. 5–33).

Beavers et al. 2010 — J. Beavers, B. Levin, S. W. Tham. The typology of motion expressions revisited. *Journal of Linguistics*. 2010. Vol. 46. No. 3. P. 331–377. DOI: 10.1017/S0022226709990272.

Daniel 2001 — M. A. Daniel. Padezh i lokalizatsiya [Case and localization]. A. E. Kibrik (ed.). *Bagvalinskiy yazyk. Grammatika. Teksty. Slovari*. [The Bagvalin language. Grammar. Texts. Dictionaries]. Moscow: Nasledie, 2001. P. 203–230.

Fillmore 1971/1983 — C. J. Fillmore. How to know whether you're coming or going. G. Rauh (ed.). *Essays on deixis*. Tübingen: Narr, 1983. P. 219–227. (First published as: C. J. Fillmore. How to know whether you're coming or going. K. Hyldgard-Jensen (ed.). *Linguistik*. Frankfurt a. M.: Athenäum Verlag, 1971. P. 369–379).

Ganenkov 2002 — D. S. Ganenkov. Modeli polisemii prostranstvennykh pokazateley [Models of polysemy of spatial grammemes]. Unpublished graduation paper. Moscow: Moscow State University, 2002.

Klimenok 2018 — K. S. Klimenok. Prostranstvennyy deyksis v konstruktsiyakh s predlogom *nga* v literaturnom albanskom yazyke: korpusnoe issledovanie [Spatial deixis in constructions with the preposition *nga* in literary Albanian: A corpus study]. Unpublished course paper. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2018.

Levontina, Shmelev 2005 — I. B. Levontina, A. D. Shmelev. *Na svoikh dvoikh*: leksika peshego peremeshcheniya v russkom yazyke [*Na svoikh dvoikh* ‘on one’s foot’: Lexics of motion on foot in Russian]. A. A. Zaliznyak, I. B. Levontina, A. D. Shmelev. *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key ideas of the Russian language picture of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2005. P. 76–96.

Majsak 2005 — T. A. Majsak. Tipologiya grammatikalizatsii konstruktsiy s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii [Typology of grammaticalization of constructions with verbs of motion and position]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2005.

Nikitina 2009 — T. Nikitina. Subcategorization pattern and lexical meaning of motion verbs: a study of the source / goal ambiguity. *Linguistics.* 2009. Vol. 47. No. 5. P. 1113–1141.

Paducheva 2010 — E. V. Paducheva. Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa [Semantic studies: Semantics of tense and aspect in Russian. Semantics of narrative]. 2nd edn. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2010.

Rakhilina 2008 — E. V. Rakhilina. Kognitivnyy analiz predmetnykh imen [Cognitive analysis of object names]. Moscow: Russkie slovari, 2008.

Walchli, Zúñiga 2006 — B. Walchli, F. Zúñiga. Source-Goal (in)difference and the typology of motion events in the clause. *Sprachtypologie und Universalienforschhung*. 2006. Vol. 59. No. 3. P. 284–303.

Zhugra 1986 — A. V. Zhugra. Aspektualnoe znachenie konstruktsiy s glagolom *vij* ‘prikhodit’ v albanskom yazyke [Aspectual meaning of constructions with the verb *vij* ‘come’ in Albanian]. A. V. Desnitskaya (ed.). *Voprosy yazyka i literatury narodov balkanskikh stran* [Issues of language and literature of the peoples of the Balkan countries]. Leningrad: Leningrad State University Publishing House, 1986. P. 54–61.

Sources

ANC 2011–2016 — M. Morozova, A. Rusakov, T. Arkhangelskiy. *Albanian National Corpus* (version 2011–2016). Available at: http://web-corpora.net/AlbanianCorpus (accessed on: 09.05.2019).

FGjSSh 1980 — A. Kostallari (kryered.) Fjalori i gjuhës së sotme shqipe: me rreth 41.000 fjalë [Dictionary of the Modern Albanian Language]. Tiranë: Akademia e Shkencave e RP të Shqipërisë, 1980. Version online. Available at: http://www.fjalori.shkenca.org (accessed on: 09.05.2019).

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 160–180
DOI 10.30842/alp2306573716207

Автоматический метод языкового профилирования носителя диалекта (на материале восточносербского идиома села Берчиновац)*

А. Л. Макарова
Цюрихский университет (Швейцария); anastasia.makarova@uzh.ch

Д. В. Конёр
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург; dsuetina@yandex.ru

Т. Вукович
Цюрихский университет (Швейцария); teodora.vukovic2@uzh.ch

А. Н. Соболев
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург; sobolev@staff.uni-marburg.de

О. Винисторфер
Цюрихский университет (Швейцария); olivier-andreas.winistoerfer@uzh.ch

Аннотация. В настоящей статье представлен метод (полу)автоматического анализа фонетических и морфосинтаксических особенностей диалектного текста, который в перспективе может быть применен на большом объеме диалектных данных. Метод представлен на примере анализа индивидуального идиома носительницы тимокского говора села Берчиновац в районе города Княжевац Заечарского округа в Восточной Сербии. Приводится алгоритм поиска таких диалектных явлений, как наличие / отсутствие специфических (для данной диалектной зоны) фонем, удвоение прямого и косвенного объекта, способ выражения значений периферийных падежей, наличие постпозитивного артикля и т. д. Выявляются преимущества

* Публикация выполнена при поддержке следующих фондов: РФФИ 18-512-76002 ЭРА_а «Изучение дивергенции и конвергенции традиций Центральных Балкан: реализация и перцепция», EraNet Rus Plus grant/Swiss National Science Foundation IZRPZ0_177557/1 (TraCeBa project, https://traceba.net/); SNF100015_176378/1 (‘Ill-bred sons’, family and friends: tracing the multiple affiliations of Balkan Slavic).

и ограничения компьютерного анализа (по сравнению с «ручным») при попытке автоматизировать исторический и структурный лингвистический анализ.

Ключевые слова: автоматический анализ текста, языковое профилирование, носитель диалекта, балканославянские языки, сербские диалекты, тимокский диалект, идиолект носителя говора, село Берчиновац, Восточная Сербия.

Automatic language profiling of a dialect speaker: the case of the Timok variety spoken in the village of Berčinovac (Eastern Serbia)

A. L. Makarova
University of Zurich (Switzerland); anastasia.makarova@uzh.ch

D. V. Konior
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; dsuetina@yandex.ru

T. Vuković
University of Zurich (Switzerland); teodora.vukovic2@uzh.ch

A. N. Sobolev
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; sobolev@staff.uni-marburg.de

O. Winistörfer
University of Zurich (Switzerland); olivier-andreas.winistoerfer@uzh.ch

Abstract. In a previously published paper [Konior et al. 2019], which thematically led up to the present article, we explored the possibility of developing a quantitative tool for assessing the intrasystemic dialectal coherence and the degree of dialectal authenticity (preservation) for a particular variety of Slavic (and more broadly Balkan) dialectal speech. In order to do so, we analysed and manually counted all cases of presence or absence of specific phonemes, direct and indirect object reduplication, ways of expressing peripheral cases meaning, presence of a postpositive article, and some other language features. The data used for that purpose was extracted from “Linguistic Atlas of Eastern Serbia and Western Bulgaria” [SAOSWB]; an idiolect of a native speaker of the Timok dialect spoken in the village of Berčinovac (near the town of Knjaževac in the Zaječar district, Eastern Serbia) was chosen for analysis. Subsequently, the following question arose: how can the use of modern technologies for automatic text processing increase the efficiency of dialectologists’ work, and what technical obstacles must be overcome in this regard? In the article, we present a method of (semi-)automatic analysis

of phonetic and morphosyntactic features in a dialect text with the use of morphological annotation (the tagger model is based on the ReLDI tagger [Ljubešić et al. 2016] and user Python scripts). An algorithm searching for some important dialect features is described and exemplified. Trying to imitate and automate historical and structural linguistic analysis, we open a discussion about the advantages and disadvantages of computer analysis of dialect data as compared with the manual analysis. In the future, the automatic method is expected to be helpful in managing larger amounts of dialect data.

Keywords: statistical methods in linguistics, machine text analysis, linguistic profiling, dialect speakers, Balkan Slavic languages, Serbian dialects, Timok dialect, idiolect of dialect speaker, village of Berčinovac, Eastern Serbia.

1. Введение

Данное исследование связано с двумя важными вопросами современной диалектологии — лингвистического свойства (классификация диалектов в свете глобальных языковых изменений, ведущих к «перерождению» традиционных местных идиомов в «региональные койне»)[1] и технического характера (перспективы машинной обработки диалектной речи).

Приступая к написанию статьи [Конёр и др. 2019], предваряющей настоящий текст, мы стремились понять, возможна ли разработка количественного инструмента для оценки внутрисистемной диалектной когерентности и «степени диалектной аутентичности» (или «сохранности») для того или иного варианта славянской (и шире — балканской) диалектной речи. Придя к выводу о том, что работа в этом направлении дает свои результаты [Конёр и др. 2019: 30–31], мы задались следующими вопросами: как применение современных технологий автоматической обработки текста может повысить эффективность работы диалектолога, а также какие препятствия технического характера необходимо преодолеть ради достижения этой цели? В настоящей статье мы постараемся приблизиться к ответам на эти вопросы. Структуру работы можно кратко охарактеризовать следующим образом: во *Введении* раскрывается проблематика и методы исследования, приводятся основные

[1] Об этих процессах в пограничных областях Восточной Сербии и Западной Болгарии подробнее см. в [Сикимич, Соболев 2020].

черты тимокских говоров, один из которых служит материалом для статьи. В *Разделе 2* обосновывается выбранный нами способ записи диалектных текстов, там же охарактеризована их аннотация; в *Разделе 3* речь идет об автоматизации извлечения данных из диалектного корпуса, а также о преимуществах и ограничениях компьютерного поиска примеров языковых черт в сравнении с ручным. В *Разделе 4*, посвященном языковому профилированию информанта, визуализированы и сопоставлены результаты автоматического и ручного анализа диалектных черт в идиолекте носителя говора с. Берчиновац. В *Заключении* обсуждаются результаты, перспективы и ограничения дальнейшей работы.

На конференции «Балканские языки и диалекты: корпусные и квантитативные исследования» (18–20 октября 2018 г., ИЛИ РАН) в докладе «Количественные методы исследования сербского тимокского диалектного текста» авторами настоящей публикации был представлен метод установления частотности и правил дистрибуции различительных диалектных признаков в речи носителя нестандартного южнославянского идиома. Данный метод был опробован на примере идиолекта Драгини Милкич (1906 г. р.), носительницы тимокского говора[2] с. Берчиновац в районе г. Княжевац Заечарского округа в Восточной Сербии [Конёр и др. 2019]. Нарратив Д. Милкич, записанный в 1990-е гг., был опубликован в третьем томе «Диалектологического атласа говоров Восточной Сербии и Западной Болгарии» [Соболев 1998] (далее — SAOSWB или Атлас). Поскольку на первом этапе исследования мы не располагали дигитализированным аннотированным текстом, извлечение данных для анализа осуществлялось вручную, что, впрочем, не повлекло за собой существенных временных затрат в связи со сравнительно небольшим объемом текста (4453 словоформы). Однако если перед исследователем будет поставлена задача провести подобный эксперимент на большем (от 20 тыс. словоформ) объеме данных, то неавтоматизированный поиск информации будет затруднен ограниченностью временного ресурса. Автоматизация этого процесса должна способствовать:

---

[2] Тимокский говор относится к торлакскому наречию — группе диалектов в Юго-Восточной Сербии, Западной Болгарии и северной части Северной Македонии. Эти диалекты принадлежат по своим историко-фонетическим характеристикам к сербскому диалектному континууму, а по морфосинтаксическим особенностям (приобретенным в результате контактного влияния балканизированных южнославянских диалектов и неславянских балканских языков) — к ареальной группе балканских языков.

1) обработке больших объемов данных; 2) снижению количества ошибок, вызванных «человеческим фактором»; 3) снижению влияния субъективной интерпретации языковых явлений при принятии решений о включении того или иного примера в выборку; 4) сбережению временного ресурса исследователей.

В связи с этим, вторым этапом нашей работы над методом языкового (диалектного) профилирования стала попытка его автоматизации с помощью морфологической аннотации[3] (модель таггера была разработана Теодорой Вукович [Vuković et al. 2019] на основе ReLDI-таггера [Ljubešić et al. 2016]; ниже аннотация будет описана более подробно) и пользовательских Python-скриптов. Тексты SAOSWB были аннотированы для включения в «Тимокский корпус»[4], изначально состоявший из диалектных текстов, записанных, в основном, в 2015–2017 гг.

Приведем в сокращенном виде список исследованных признаков — черт прототипического («идеального») тимокского говора[5]:

1) рефлекс прасл. **tj* реализован как *č*: **vętje > veče* ‘больше’, **světja > sveča* ‘свеча’, футуральная частица *če*;
2) рефлекс прасл. **dj* реализован исключительно как *ǯ*: **medja > meǯa* ‘межа’, **tjudje > čuǯo* ‘чужое’, **vidj- > viǯ-* ‘вид-’;
3) совпавшие рефлексы первичных и вторичных редуцированных реализованы как гласный среднего ряда среднего подъема *ə*: **sъn > sən* ‘сон’, **vъšъ > vəška* ‘вошь’, **dъsky > dəska* ‘доска’; в суффиксе **-ъvъ* (*takəv* ‘так(ов)ой’); **dьnь > dən* ‘день’;
4) аналитическое маркирование:
   a. косвенного объекта (IO) и именного посессора (POSS): *i* ***na tuj ovcu*** (IO тот.OBL.SG овца.OBL.SG) *se toj dade prvo i venəc*

[3] Обращение только к морфологическому уровню продиктовано неразработанностью на сегодняшний день машинной аннотации южнославянской диалектной фонетики, синтаксиса и лексики.

[4] Описание корпуса, а также интерактивная карта пунктов с примерами аудио- или видеозаписей и фотоматериалами находятся на сайте Института балканистики Сербской академии наук и искусств: http://balksrv2012.sanu.ac.rs/webdict/timok/index.

[5] Разъяснение причин принятия тех или иных априорных решений в связи с грамматическими и прагматическими особенностями некоторых различительных диалектных признаков, а также итоговая лингвистическая характеристика исследуемого говора представлены в [Конёр и др. 2019].

‘и этой овце вначале надевают (букв. «дают») венок’; *təg u moje znaṅe i* ***na mojega tatu*** (IO мой.OBL.SG отец.OBL.SG) *odnela vodenicu* ‘тогда, насколько я знаю, [вода] унесла и мельницу моего отца’;

б. периферийных падежных отношений при имени существительном: ***ot sviṅu*** (от свинья.OBL.SG) *ostala samo glava* ‘от свиньи осталась только голова’, *orala sam səs pluk* (с плуг.NOM.SG) ‘я пахала плугом’, *on bil* ***u vojsku*** (в армия.OBL.SG) ‘он был в армии’;

в. косвенного объекта (IO) и местоименного посессора (POSS): *toj* ***na nas*** (IO 1PL.ACC) *pričala baba jedna* ‘это нам рассказывала одна пожилая женщина’;

г. периферийных падежных отношений при личном местоимении: *pokraj ṅu* (рядом F. 3SG.ACC) ‘рядом с ней’, *səs ṅega* (с M.3SG.ACC) ‘с ним’, *da pečemo leb* ***u ṅu*** (в F. 3SG.ACC) ‘чтобы печь хлеб в ней’;

5) наличие постпозитивного артикля в именной группе: *dojde do nas voda-**ta*** (вода-F.SG.DEF) *do ovdeka* ‘дошла до нас вода досюда’;

6) аналитический компаратив прилагательных. Употребление частицы компаратива *po* и отсутствие суффикса компаратива: ***po**mlad* ‘моложе, более молодой, младший’;

7) местоименная редупликация:

а. прямого объекта: *tebe **te**= stra* (2SG.ACC 2SG.ACC= страх.NOM.SG) ‘тебе страшно’;

б. косвенного объекта: *tep **ti**= je dobro* (2SG.DAT 2SG.DAT= быть.PRS.3SG хорошо) ‘тебе хорошо’;

8) отсутствие частицы конъюнктива в конструкциях с модальными глаголами и в формах футура: *sad ču # pričam* (сейчас FUT.1SG # говорить.PRS.1SG) ‘сейчас расскажу’, ср. *sad ču* ***da*** *pričam* (сейчас FUT.1SG SBJV говорить.PRS.1SG) [Конёр и др. 2019: 21–22].

При попытке автоматического анализа был обнаружен ряд существенных ограничений, возникающих в результате автоматизации аннотирования и поиска данных. При этом было установлено, что автоматизация извлечения лингвистически релевантных данных может существенно повысить эффективность работы исследователя, но не может заменить экспертную деятельность.

2. Языковой материал. Транскрипция и аннотация

2.1. Обработка транскрибированных текстов

Оригинальная транскрипция диалектных текстов из Восточной Сербии и Западной Болгарии в SAOSWB выполнена максимально детально: обозначены места ударений и использованы специальные символы, отсутствующие в алфавитах соответствующих литературных языков, что позволяет анализировать тексты с точки зрения синхронной и исторической фонетики и фонологии. Такая транскрипция передает и внутреннюю вариативность: некоторые фонемы в одном и том же идиолекте могут реализовываться в одинаковых контекстах с помощью разных аллофонов (например, *dan* / *dəᵃn* / *daᵊn* / *dən* ‘день’). Печатный текст из Атласа был дигитализирован и переведен в формат .txt при помощи программы OCR Transkribus; транскрипция была несколько упрощена. Символы ударения были замещены верхним регистром, иные сложные (составные) знаки были заменены символами из стандартного сербского алфавита (например, палатальные согласные) или пропущены, если обозначаемые ими фонетические явления не имеют различительной функции (см. второй столбец *Таблицы 1*).

2.2. Аннотация

Анализируемый в настоящей статье материал из с. Берчиновац содержит диалектные тексты, снабженные дополнительной информацией о морфологических характеристиках каждого токена (морфологическая аннотация) и его основной форме (лемматизация). Лемматизация проводилась на базе стандартного сербского языка. В частности, в качестве «начальной формы» любого глагола был реконструирован инфинитив, несмотря на то что в южных сербских диалектах эта форма утрачена.

Данная информация была добавлена автоматически при помощи модели таггера ReLDI, специально обученной на образце диалектного материала[6]. Этот таггер использует аннотацию, разработанную на базе морфосинтаксического кодирования MULTEXT-East V5, в которой каждый символ в ряду обозначений кодирует часть речи токена

[6] https://github.com/bravethea/Torlak-ReLDI-Tagger-2019

и граммемы различных грамматических категорий: например, слово *žena* ‘женщина, жена’ аннотировано как Ncfsny: Noun, common, feminine, singular, nominative, animate (yes). Оригинальная кодировка была расширена позицией для постпозитивного артикля, который может быть кодирован как -v, -t или -n (в зависимости от облика самого артикля). Например, токен *ženata* ‘[эта] женщина’ будет аннотирован как Ncfsny-t, где последний символ (-t) отражает присутствие постпозитивного артикля *-ta*. В *Таблице 1* ниже приведены примеры исходной и упрощенной транскрипции.

Таблица 1. Пример всех слоев транскрипции и дополнительной аннотации

Table 1. Examples of the transcription and additional annotation

Исходная транскрипция	**Упрощенная транскрипция**	**Аннотация**	**Лемма**
pa	pa	Cc	*pa*
dójde	dOjde	Vma3s	*doći*
na	na	Sa	*ma*
nás	nAs	Pp1-pa	*mi*
vodáta	vodAta	Npmsa-t	*voda*
doovdéka	doovdEka	Rgp	*dovde*

3. Автоматизация извлечения данных. Преимущества и ограничения

Поиск языковых явлений может быть в значительной степени автоматизирован, если предметом этого поиска является видимый облик слова и дополнительная (лингвистическая) информация, аннотированная в данном тексте. В случае «Тимокского корпуса», частью которого должны стать тексты Атласа, такой информацией является морфосинтаксическая аннотация и лемматизация. Проблемной для автоматизированного поиска является задача найти информацию, которая не выражена эксплицитно в тексте. Особенно это касается фонетических исследований: известно, что корпусы в принципе редко используются для подобных целей, равно как и для поиска / изучения редких явлений [Birkner 2015; Dash 2018]. Рассмотрим процесс обработки каждого из выбранных для анализа диалектных признаков.

Диалектные различия 1 (рефлекс прасл. **tj*), 2 (рефлекс прасл. **dj*), 3 (совпадение рефлексов первичных и вторичных редуцированных в гласном среднего ряда среднего подъема *ə*). Данные признаки объединены в одну группу, поскольку с ними связано одно существенное ограничение автоматизированного поиска. Все они являются результатом исторического развития фонем, и для их ручного поиска в тексте исследователь должен обладать знаниями в области славянской этимологии. Для полной автоматизации поиска слов с тем или иным рефлексом какой-либо праславянской фонемы или сочетания фонем необходимо, чтобы корпус, в который входит данный текст, располагал не только морфологической аннотацией, но также аннотацией для каждого токена в виде некой предполагаемой праформы или формы в языке-доноре в случае заимствования. «Тимокский корпус» диалектных текстов содержит слои морфосинтаксической аннотации на базе системы MULTEXT-east для сербского языка [Erjavec et al. 2003][7]. Отметим, что создание слоя этимологической аннотации не является невыполнимой задачей [Dash, Hussain 2013], однако это потребовало бы намного больше ресурсов и времени, поэтому не входило в изначальный план исследования.

Без этимологической аннотации, как в нашем случае, автоматизация извлечения данных заключается в поиске по тексту всех единиц, содержащих интересующие нас фонетические элементы *č*, *ć*, *dž*, *đ*, что в конечном итоге возвращает нас к необходимости их последующего этимологического анализа и установления, происходят ли эти элементы от праславянских **tj* и **dj* в случае каждого токена, а также удаления тех единиц, которые не подходят для анализа. Приведем в пример поиск лексем с рефлексом праславянского **dj*. Известно, что в данной диалектной области возможны два варианта: *đ* (стандартноязыковой вариант) и *dž* (прототипический тимокский вариант). Ниже, в *Таблице 2*, содержится небольшой фрагмент (несколько показательных примеров) вывода данных. Доли диалектной и стандартноязыковой реализации признака рассчитываются от общего числа полученных примеров обоих типов.

На материале небольшого текста из Берчиновца и таких нечастотных фонем, как *đ*/*dž*, подобный поиск может в некоторой степени облегчить процесс извлечения данных. Однако уже в случае рефлексов **tj* автоматизированный поиск (без наличия автоматической аннотации)

[7] http://nl.ijs.si/ME/V6/msd/html/msd-hbs.html

Таблица 2. Рефлексы **dj*: диалектная и стандартноязыковая реализация

Table 2. Reflexes of **dj*: dialect vs standard realization

Диалектная реализация	**Стандартноязыковая реализация**
**dj* > *dž*	**dj* > *đ*
lédža ‘спина’ *prédžu* ‘прядут’	*róđena* ‘рожденная’ *govéđe* ‘говяжье’
80 %	20 %

незначительно оптимизировал бы ручную работу. Фонемы *ć*/*č* (ожидаемые рефлексы **tj*) намного более частотны в данном диалекте, а значит, последующая обработка результатов автоматизированного поиска заняла бы значительно больше времени.

Кроме того, если бы наш текст был в несколько раз больше, можно было бы применить другой подход[8]: не искать абсолютно все лексемы с этимологическим **tj*, **dj* или любым другим диалектным признаком, а выбирать из ряда заведомо наиболее частотных в данных текстах и анализировать их варьирование в корпусе. В случае SAOSWB такими частотными лексемами могли бы оказаться все производные (в том числе клитики футура) от глагола **хъtěti* для анализа рефлекса **tj* или **sъnъ* и **dьnь* для проверки признака «совпадение рефлекса редуцированных» (для проверки вторичных редуцированных — **došьlъ* и **jedьnъ*[9]).

В *Таблице 3* представлены результаты применения данного подхода к третьему диалектному признаку «совпадение рефлексов редуцированных»: мы проанализировали лексему со значением «день» (**dьnь*, лемма *dan*) и — для проверки рефлексов вторичных редуцированных — глагол движения «идти» (лемма *ići*) в форме причастия на *-l* м. р. ед. ч., с использованием лемматизации и морфологической аннотации.

---

[8] Подобный подход для анализа частотности слов с диалектной (vs стандартноязыковой) акцентуацией был реализован в [Vuković et al. 2020].

[9] Следует отметить, что случай с данным признаком — намного сложнее, чем с первыми двумя, следовательно, автоматический поиск по тексту не сможет оптимизировать работу исследователя, которому пришлось бы искать все возможные варианты рефлексов редуцированных *а*, *о*, *у* и *ə*, ведь эти гласные есть практически в каждом слове.

Таблица 3. Рефлексы редуцированных:
диалектная и стандартноязыковая реализация

Table 3. Reflexes of the reduced vowels:
dialect vs standard realization

Диалектная реализация		**Стандартноязыковая реализация**	
Корневой редуцированный	**Вторичный редуцированный**	**Корневой редуцированный**	**Вторичный редуцированный**
('vəzdƏn', 'RGP', 'vəzdan') ('dəna', 'Ncmsa', 'dan')	('dOšo', 'Vmp-sm', 'doći') ('dOšo', 'Vmp-sm', 'doći') ('dOšəl', 'Vmp-sm', 'doći')	('dAn', 'Ncmsn', 'dan')	('Išal', 'Vmp-sm', 'ići')
88 %		12 %	

В итоге по выбранным лексемам стандартноязыковая реализация составила 12 %, диалектная — 88 %. Это отличается от результата подсчета абсолютно всех слов с рефлексами редуцированных (37 % и 63 % соответственно), однако, как нам представляется, описанный выше подход — единственное решение для действительно большого объема данных.

Извлечение морфосинтаксических признаков было значительно оптимизировано (по сравнению с ручным поиском) после аннотации и лемматизации текста. В *Таблице 4* приведены результаты автоматизированного поиска в сравнении с результатами, полученными на предыдущем этапе исследования (до аннотации).

Диалектное различие 4а. Аналитическое маркирование косвенного объекта[10] и именного посессора.

Диалектное различие 4б. Аналитическое маркирование периферийных падежных отношений при имени существительном. Рассматриваются только те предлоги, которые в стандартном языке употребляются с генитивом (но не одновременно с аккузативом), локативом и инструменталисом.

[10] «Любой косвенный объект, выраженный именем существительным, будет считаться потенциально маркируемым аналитическим показателем *na* ‘на, к’ (все такие обнаруженные в тексте объекты принимаются за 100 % реализации в „каноническом“ говоре)» [Конёр и др. 2019: 22].

Таблица 4. Аналитическое маркирование

Table 4. Analytic case-marking

	Диалектная реализация	Стандартноязыковая реализация
4а.	tƏg u mojE znAnje i **na mojEga tAtu** (IO мой.OBL отец.OBL) odnEla vodenIcu ‘Тогда, насколько я знаю, [вода] унесла и мельницу моего отца’.	В тексте отсутствуют синтетические формы косвенного объекта и посессора, выраженного существительным.
	100 %	0 %
4б.	boluvAla sam nEšto **u glAvu** (в голова.OBL.SG) ‘У меня что-то болела голова’. a mI smo si **u selO** (в село.NOM.SG) ‘Мы живем себе в селе’.	ne znAm **kOje gOdine** (какой.F.GEN.SG год.GEN.SG) bIlo ‘Не знаю, в каком году это было’.
	99 %	1 %
4в.	pa dOjde **na nAs** (IO 1PL.ACC) vodAta doovdEka ‘и вода поднялась к нам досюда’ tOj **na nAs** (IO 1PL.ACC) pričAla bAba jednA ‘Нам это рассказывала одна пожилая женщина’.	pə nIšta, On dadE mEne[11] parU, jA **njEmu** (M.3SG.DAT) nEšto ‘и ничего, он дал мне монетку, и я ему что-то’
	80 %	20 %
4г.	s njU / səs njU (с F. 3SG.ACC) ‘с ней’ pOkraj njU (рядом F. 3SG.ACC) ‘рядом с ней’ s njEga / səs njEga (с M.3SG.ACC) ‘с ним’ s nAs (с 1PL.ACC) ‘с нами’ səs njI (с 3PL.ACC) ‘с ними’	В тексте отсутствуют синтетические формы местоимений в генитиве, инструменталисе и локативе.
	100 %	0 %

[11] Форма *mEne* в данном случае должна быть идентифицирована как датив (экавский рефлекс **mene* > *mene* в противоположность новоштокавскому исключению из общего экавизма **mene* > *meni*), однако таггер интерпретировал эту форму как аккузатив: *mEne* — Pp1-s**a** 'ja'.

Диалектное различие 4в. Аналитическое маркирование косвенного объекта (IO) и местоименного посессора (POSS)[12].

Диалектное различие 4г. Аналитическое маркирование периферийных падежных отношений при местоимении. Рассматриваются только те предлоги, которые в стандартном языке употребляются с генитивом (но не одновременно с аккузативом), локативом и инструменталисом.

Диалектное различие 5. Наличие постпозитивного артикля в именной группе. Поиск примеров, отличающихся этим признаком, — несложная задача, если текст снабжен морфосинтаксической аннотацией. Однако одним из ограничений автоматизированного поиска на данном этапе является нахождение тех примеров, которые открывают позицию для определенного артикля. Ручной анализ выявил, что в тексте имеется 115 таких именных групп (ИГ). Однако без дополнительного слоя специальной синтаксической аннотации («разметка кореференции», англ. coreference annotation [Deemter, Kibble 1999]), сообщающей о том, является та или иная группа определенной или нет, подобный поиск невозможен.

Диалектное различие 6. Аналитический компаратив (наличие частицы компаратива *po* и отсутствие суффиксов компаратива).

В тексте встретилась только одна форма компаратива: *'pOmladu'*. Синтетический (суффиксальный) компаратив не обнаружен.

Диалектное различие 7а. Местоименная редупликация прямого объекта (рассматриваются случаи именно удвоения объекта, а не любого иного употребления кратких местоимений при глаголе, например, в анафорической функции).

Этот и следующие признаки также вызывают некоторые трудности при применении нашего метода лингвистического профилирования информанта. Анализ примеров удвоения объекта в репрезентативных тимокских текстах [Escher 2021] показал, что этот феномен в принципе нерегулярен в данном идиоме и всегда связан с прагматическими характеристиками высказывания. Очевидно, что мы не можем назвать «потенциально удваиваемыми» абсолютно все прямые / косвенные объекты. Удваиваться, как правило, могут (но не должны) топикализированные объекты. Более того, значительная часть примеров местоименного удвоения в репрезентативных источниках представляет

[12] В данном различии учитываются только полные (полноударные) формы местоимений.

собой скорее аккузатив / датив темы, а не грамматическое средство указания на синтаксическую роль объекта (индексирование). В связи с этим задача найти в тексте все потенциально удвоенные объекты становится исключительно сложной не только для машинного, но и для экспертного поиска. Следует не только найти все прямые / косвенные объекты, но и проанализировать широкий контекст и прагматические особенности их употребления и принять решение, может ли объект в данном высказывании быть удвоенным. Единственный пример местоименного удвоения прямого объекта, выраженного именем существительным в анализируемом тексте — *jA* ***ga****= vIdim tUj mOjega čIču* (1SG.NOM M.SG.ACC= видеть.PRS.1SG здесь мой.M.ACC.SG дядя.ACC.SG) ‘я увидела (досл. «вижу») здесь моего дядю’ — далеко не очевидный случай. Нельзя быть полностью уверенными в том, что данное удвоение представляет собой именно индексирование, а не аккузатив темы.

Диалектное различие 7б. Местоименная редупликация косвенного объекта.

В тексте не встречается удвоение косвенного объекта.

Диалектное различие 8. Отсутствие частицы конъюнктива при модальных глаголах и в формах будущего времени (*Таблица 5*).

Таблица 5. Частица конъюнктива: диалектная и стандартноязыковая реализация

Table 5. Conjuntive particle: dialect vs. standard realization

Диалектная реализация	Стандартноязыковая реализация
čEkaj sAd **ču prIčam** (сейчас FUT.1SG говорить.PRS.1SG) ‘Подожди, сейчас буду говорить’.	on če da poglEda (M.3SG.NOM FUT.3SG SBJV смотреть.PRS.3SG) ‘он посмотрит’
37 %	63 %

4. Языковой профиль информанта

В данном разделе мы визуализируем итог исследования в виде графика, отображающего языковой профиль информанта (соотношение диалектной и инодиалектной реализации различительных признаков) в сравнении с профилем, полученным на предыдущем этапе исследования, т. е. при ручной обработке текста. Напомним, что для построения графика по итогам автоматического анализа соотношение различных рефлексов редуцированных рассчитывалось исходя из поиска

Рисунок 1. Языковой профиль информанта
по результатам автоматического анализа

Figure 1. Dialect profile of the informant
based on the results of the automatic analysis

нескольких частотных слов, а в случае с признаком «наличия постпозитивного артикля в референтной ИГ» мы использовали результаты ручного подсчета всех референтных ИГ в группе, потенциально открывающих позицию для определенного артикля.

Самые значительные различия в результатах анализа относятся к признаку «рефлексы редуцированных». Использование иного метода и отказ от подсчета абсолютно всех слов с данным рефлексом в тексте несколько исказили реальную картину. Однако, как уже упоминалось в *Разделе 3*, ввиду отсутствия этимологической аннотации, поиск абсолютно всех лексем с интересующим нас историко-фонетическим феноменом невозможен. Для больших объемов данных неизбежно придется принять описанный выше метод.

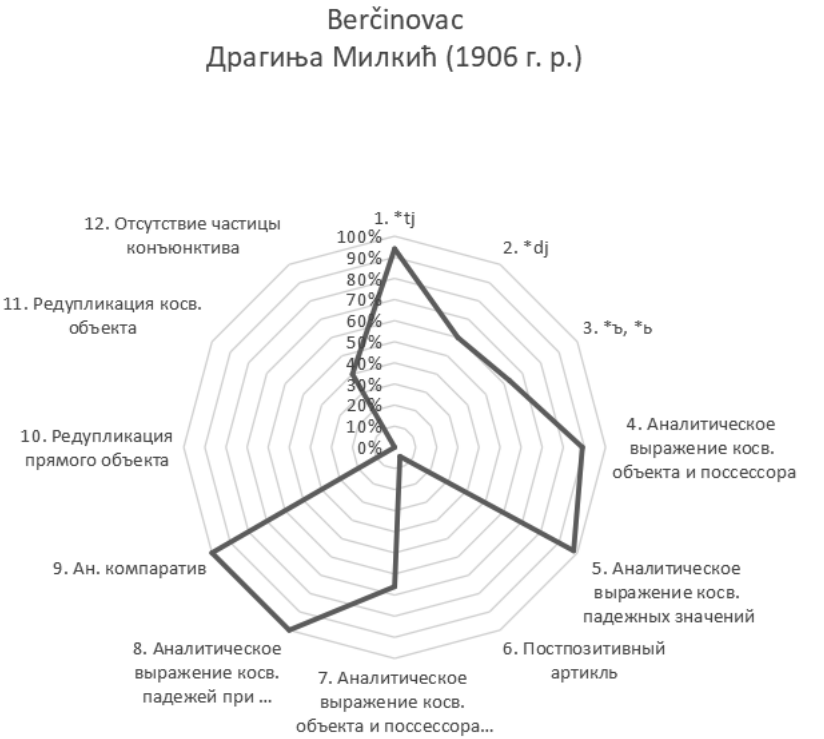

Рисунок 2. Языковой профиль информанта по результатам ручного анализа

Figure 2. Dialect profile of the informant based on the results of the manual analysis

5. Заключение

Известно, что корпусная лингвистика и автоматическая обработка / автоматический поиск по тексту имеют свои преимущества и недостатки, которые следует иметь в виду, используя предлагаемые ими методы. Как правило, корпусы представляют собой большие собрания текстов. Их ценность основывается на ясно сформулированных принципах: относительно большой объем включенных текстов, репрезентативность и наличие аннотации (дополнительной лингвистической и/или металингвистической информации, которая оптимизирует поиск). Объем корпуса чрезвычайно важен: чем он больше, тем

выше вероятность появления интересующих исследователя языковых явлений и тем правомернее будут выводы об их частотности и контекстных условиях употребления тех или иных форм. Репрезентативность, помимо того что она тесно связана с объемом корпуса, подразумевает наличие в нем аутентичных образцов текста на данном языке. Что касается аннотации, то корпусы, как правило, содержат информацию о частеречной принадлежности токенов и лемматизацию. Некоторые корпусы также содержат информацию о синтаксической структуре и (существенно реже) о других языковых уровнях — фонологии или прагматике.

Изначально «Тимокский корпус» [Vuković et al. 2019], частью которого стали и тексты из SAOSWB, разрабатывался с целью морфосинтаксического анализа отдельных языковых явлений («балканизмов»), характерных для южных диалектов Сербии, и не подразумевал наличие синтаксической и прагматической аннотации. Этим объясняются отдельные ограничения машинного анализа, показанные нами на примере текста из Берчиновца (например, невозможность автоматически найти все ИГ, открывающие позицию для определенного артикля).

Ситуация с историко-фонетическими языковыми признаками усложняется следующими обстоятельствами. Абсолютное большинство корпусов — это собрания письменных текстов, которые легко доступны в дигитализированном виде. Разработка диалектных корпусов и корпусов разговорного языка подразумевает намного больше усилий по сравнению с письменными корпусами, и именно поэтому они сравнительно немногочисленны[13]. В то же время они представляют собой исключительно ценный ресурс для исследования реального и естественного употребления языка. Корпусы разговорной речи базируются на фонетических или орфографических транскрипциях аудиозаписей, расшифровка которых редко бывает выполнена с максимальной детальностью, поскольку это требует высокой квалификации и значительных временных затрат транскрибирующего. Существует метод полу-орфографической (полуфонетической) транскрипции [Goedertier et al. 2000], который часто применяется для корпусов диалектной или разговорной речи, где нестандартные фонетические явления отображаются при помощи знаков стандартного алфавита. По причине упрощенной транскрипции диалектные корпусы редко используются для глубокого исследования

[13] Разнообразные корпусы устной речи представлены, например, на портале https://www.clarin.eu/resource-families/spoken-corpora.

фонетики и фонологии. Если это и происходит, то необходимым является принятие определенных допущений, как было показано на примере признака «рефлексы редуцированных».

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо у глаголов и местоимений, ACC — аккузатив, DAT — датив, F — женский род, FUT — будущее время, GEN — генитив, IO — косвенный объект, M — мужской род, NOM — номинатив, OBL — косвенный падеж, PL — множественное число, POSS — местоименный посессор, PRS — настоящее время, SAOSWB — Диалектологический атлас Восточной Сербии и Западной Болгарии, SG — единственное число, SBJV — показатель зависимой глагольной формы, ИГ — именная группа.

Литература

Конёр и др. 2019 — Д. В. Конёр, А. Л. Макарова, А. Н. Соболев. Статистический метод языкового профилирования носителя диалекта (на материале восточносербского идиома села Берчиновац) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 58. С. 17–33. DOI: 10.17223/19986645/58/2.

Сикимич, Соболев 2020 — Б. Сикимич, А. Н. Соболев. Процессы дивергенции в разделенном государственной границей западноюжнославянском диалекте (на материале современной диалектной речи Восточной Сербии и Западной Болгарии) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 66. С. 158–176. DOI: 10.17223/19986645/66/9.

Соболев 1998 — А. Н. Соболев. О диалектологическом атласе Восточной Сербии и Западной Болгарии // Г. П. Клепикова (отв. ред.). Исследования по славянской диалектологии. Вып. 5. М.: Институт славяноведения РАН, 1998. С. 106–167.

Birkner 2015 — V. Birkner. The advantages and disadvantages of employing corpus evidence in sociolinguistic studies // The Teacher Magazine. 2015. Vol. 2. P. 11–17.

Dash 2012 — N. S. Dash. Etymological Annotation: a New Concept of Corpus Annotation // Proceedings of the 34th All India Conference of Linguists (34-AICL). Shillong, India, 2012. P. 100–104.

Dash, Arulmozi 2018 — N. S. Dash, S. Arulmozi. Limitations of language corpora // N. Dash, S. Arulmozi. History, features, and typology of language corpora. Singapore: Springer Singapore, 2018. P. 259–272.

Dash, Hussain 2013 — N. S. Dash, M. M. Hussain. Designing a Generic Scheme for Etymological Annotation: a New Type of Language Corpora Annotation // P. Bhattacharayya, K.-S. Choi (eds.). Proceedings of the 11th Workshop on Asian Language Resources. Nagoya: Asian Federation of Natural Language Processing, 2013. P. 64–71.

Deemter, Kibble 1999 — K. van Deemter, R. Kibble. What is coreference, and what should coreference annotation be? // A. Bagga, B. Baldwin, S. Shelton (eds.).

Proceedings of the Workshop on Coreference and Its Applications. Stroudsburg, PA: Association for Computational Linguistics, 1999. P. 90–96.

Erjavec et al. 2003 — T. Erjavec, C. Krstev, V. Petkevic, K. Simov, M. Tadic, D. Vitas. The MULTEXT-east morphosyntactic specifications for Slavic languages // T. Erjavec, D. Vitas (eds.). Proceedings of the Workshop on Morphological Processing of Slavic Languages, EACL 2003. Stroudsburg, PA: Association for Computational Linguistics, 2003. P. 25–32.

Escher 2021 — A. L. Escher. Double argument marking in Timok dialect texts (in Balkan Slavic context). Zeitschrift für Slawistik. Forthcoming.

Goedertier et al. 2000 — W. Goedertier, S. Goddijn, J.-P. Martens. Orthographic transcription of the spoken Dutch corpus // M. Gavrilidou, G. Carayannis, S. Markantonatou, S. Piperidis, G. Stainhouer (eds.). Proceedings of the Second International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2000), Athens, Greece. Athens: National Technical University of Athens Press, 2000. P. 909–914.

Ljubešić et al. 2016 — N. Ljubešić, F. Klubička, Ž. Agić, I.-P. Jazbec. New Inflectional Lexicons and Training Corpora for Improved Morphosyntactic Annotation of Croatian and Serbian // N. Calzolari, Kh. Choukri, Th. Declerck, S. Goggi, M. Grobelnik, B. Maegaard, J. Mariani, H. Mazo, A. Moreno, J. Odijk, S. Piperidis (eds.). Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2016). Paris: European Language Resources Association, 2016. P. 4264–4270.

Vuković et al. 2019 — T. Vuković, N. Muheim, O. Winistörfer, I. Simko, A. Makarova, S. Bradjan. Corpora and Processing Tools for Non-Standard Contemporary and Diachronic Balkan Slavic // I. Temnikova, I. Nikolova, N. Konstantinova (eds.). Proceedings of the Student Research Workshop associated with The 12th International Conference on Recent Advances in Natural Language Processing (RANLP 2019). Shoumen: Incoma, 2019. P. 62–68.

Vuković et al. 2020 — T. Vuković, B. Sonnenhauser, A. Escher. Degrees of non-standardness. Feature-based analysis of variation in a Torlak dialect corpus. Manuscript.

Источники

SAOSWB — A. N. Sobolev. Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens. Bd. I. Problemstellung, Materialen und Kommentare, Kartenanalyse. Bd. II. Sprachkarten. Bd. III. Texte. Marburg; Lahn: Biblion Verlag, 1998.

References

Birkner 2015 — V. Birkner. The advantages and disadvantages of employing corpus evidence in sociolinguistic studies. *The Teacher Magazine*. 2015. Vol. 2. P. 11–17.

Dash 2012 — N. S. Dash. Etymological Annotation: a New Concept of Corpus Annotation. *Proceedings of the 34th All India Conference of Linguists (34-AICL)*. Shillong, India, 2012. P. 100–104.

Dash, Arulmozi 2018 — N. S. Dash, S. Arulmozi. Limitations of language corpora. N. Dash, S. Arulmozi. *History, features, and typology of language corpora*. Singapore: Springer Singapore, 2018. P. 259–272.

Dash, Hussain 2013 — N. S. Dash, M. M. Hussain. Designing a Generic Scheme for Etymological Annotation: a New Type of Language Corpora Annotation. P. Bhattacharayya, K.-S. Choi (eds.). *Proceedings of the 11th Workshop on Asian Language Resources*. Nagoya: Asian Federation of Natural Language Processing, 2013. P. 64–71.

Deemter, Kibble 1999 — K. van Deemter, R. Kibble. What is coreference, and what should coreference annotation be? A. Bagga, B. Baldwin, S. Shelton (eds.). *Proceedings of the Workshop on Coreference and Its Applications*. Stroudsburg, PA: Association for Computational Linguistics, 1999. P. 90–96.

Erjavec et al. 2003 — T. Erjavec, C. Krstev, V. Petkevic, K. Simov, M. Tadic, D. Vitas. The MULTEXT-east morphosyntactic specifications for Slavic languages. T. Erjavec, D. Vitas (eds.). *Proceedings of the Workshop on Morphological Processing of Slavic Languages, EACL 2003*. Stroudsburg, PA: Association for Computational Linguistics, 2003. P. 25–32.

Escher 2021 — A. L. Escher. Double argument marking in Timok dialect texts (in Balkan Slavic context). *Zeitschrift für Slawistik.* Forthcoming.

Goedertier et al. 2000 — W. Goedertier, S. Goddijn, J.-P. Martens. Orthographic transcription of the spoken Dutch corpus. M. Gavrilidou, G. Carayannis, S. Markantonatou, S. Piperidis, G. Stainhouer (eds.). *Proceedings of the Second International Conference on Language Resources and Evaluation* (LREC 2000), Athens, Greece. Athens: National Technical University of Athens Press, 2000. P. 909–914.

Konior et al. 2019 — D. V. Konior, A. L. Makarova, A. N. Sobolev. Statisticheskiy metod yazykovogo profilirovaniya nositelya dialekta (na materiale vostochnoserbskogo idioma sela Berchinovats) [Quantitative method of language profiling of a dialect speaker (based on the material of the East Serbian idiom of the village of Bercinovac)]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2019. No. 58. P. 17–33.

Ljubešić et al. 2016 — N. Ljubešić, F. Klubička, Ž. Agić, I.-P. Jazbec. New Inflectional Lexicons and Training Corpora for Improved Morphosyntactic Annotation of Croatian and Serbian. N. Calzolari, Kh. Choukri, Th. Declerck, S. Goggi, M. Grobelnik, B. Maegaard, J. Mariani, H. Mazo, A. Moreno, J. Odijk, S. Piperidis (eds.). *Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2016).* Paris: European Language Resources Association, 2016. P. 4264–4270.

Sikimić, Sobolev 2020 — B. Sikimić, A. N. Sobolev. Processy divergentcii v razdelennom gosudarstvennoy granitcey zapadnoyuzhnoslavyanskom dialekte (na materiale sovremennoy dialektnoy rechi Vostochnoy Serbii i Zapadnoy Bolgarii) [Divergence Processes in the West South Slavic Dialect Divided by the State Border (Based on the Modern Dialect Speech of Eastern Serbia and Western Bulgaria)]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2020. No. 66. P. 158–176. DOI: 10.17223/19986645/66/9.

Sobolev 1998 — A. N. Sobolev. O dialektologicheskom atlase Vostochnoy Serbii i Zapadnoy Bolgarii [On the dialectological atlas of Eastern Serbia and Western

Bulgaria]. G. P. Klepikova (ed.). *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii* [Studies in Slavic Dialectology]. Iss. 5. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS, 1998. P. 106–167.

Vuković et al. 2019 — T. Vuković, N. Muheim, O. Winistörfer, I. Simko, A. Makarova, S. Bradjan. Corpora and Processing Tools for Non-Standard Contemporary and Diachronic Balkan Slavic. I. Temnikova, I. Nikolova, N. Konstantinova (eds.). *Proceedings of the Student Research Workshop associated with The 12th International Conference on Recent Advances in Natural Language Processing (RANLP 2019)*. Shoumen: Incoma, 2019. P. 62–68.

Vuković et al. 2020 — T. Vuković, B. Sonnenhauser, A. Escher. Degrees of non-standardness. Feature-based analysis of variation in a Torlak dialect corpus. Manuscript.

Sources

SAOSWB — A. N. Sobolev. Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens. Bd. I. Problemstellung, Materialen und Kommentare, Kartenanalyse. Bd. II. Sprachkarten. Bd. III. Texte. Marburg; Lahn: Biblion Verlag, 1998.

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 181–213
DOI 10.30842/alp2306573716208

Факультативное *se* в албанских придаточных изъяснительных: опыт корпусного исследования*

М. М. Макарцев
Институт славяноведения РАН, Москва (Россия);
Институт славистики, Университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург (Германия); maxim.makartsev@uni-oldenburg.de

Аннотация. В албанском языке формально различаются комплементы-факты (комплементатор *që* или *se*), комплементы действия (комплементатор *si*, омонимичный союзному слову *si* ‘как’) и комплементы потенциала (комплементатор *(që) të*). В данной статье рассматривается факультативное употребление албанского комплементатора факта *se* совместно с союзными словами (матричные предикаты: глагол речи *them* ‘сказать’, глагол психической деятельности *di* ‘знать’ и глагол прямого вопроса *pyes* ‘спрашивать’; союзные слова: *çfarë* ‘что́’, *ku* ‘где, куда’, *kur* ‘когда’, *kush* ‘кто’, *sa* ‘сколько’, *si* ‘как’). Использование комплементатора вместе с союзными словами позволяет говорить о дублированном маркировании синтаксической связи между главным предложением и комплементом, что трактуется как унифицирование оформления албанских комплементов-фактов. При этом если комплементы потенциала четко противопоставляются комплементам-фактам, то комплементы-действия дифференцируются от фактов недостаточно: в частности, с ними также может использоваться факультативный комплементатор факта *se*. Статистический анализ данных из Албанского национального корпуса показывает ряд тенденций в использовании комплементатора *se* в албанских придаточных изъяснительных, вводимых при помощи союзных слов. На использование комплементатора может влиять ближний контекст (сочетание матричного глагола и союзного слова) — например, положительно на него влияют *di (se) çfarë* и *di (se) kur*, а отрицательно — *di (se) si*. В диахроническом плане (при всех ограничениях, налагаемых непропорциональной представленностью в АНК текстов до 1989 г.)

* Исследование проведено в рамках проекта «Корпусные и полевые исследования сентенциальных дополнений в балканских языках и диалектах» (грант РФФИ № 18-012-00607). Выражаю глубокую благодарность Платору Гаши (Университет Приштины) за помощь в обработке материалов Албанского национального корпуса (см. далее), Олесе Палинськой, Екатерине Даниловой и Иштвану Фекете (Институт славистики, Университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург) за консультации по статистическому анализу данных.

значительных изменений не прослеживается. Показаны различия между регионами (наиболее похожи Албания и Косово; менее — Албания и Северная Македония; меньше всего — Косово и Северная Македония). Учет смешанных эффектов (дерево решений) позволяет также говорить о влиянии жанра текстов. Кроме того, при квазипрономинальном употреблении фразеологизмов с глаголом *di* ‘знать’ факультативное *se* используется значительно реже, чем после свободных сочетаний с этим же глаголом.

Ключевые слова: синтаксис албанского языка, албанский языковой корпус, комплементация, придаточные изъяснительные, языковая вариация и изменения языка.

The facultative *se* in Albanian complement clauses: A corpus study

M. M. Makartsev

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);
Institute of Slavic Studies, Carl von Ossietzky University of Oldenburg (Germany);
maxim.makartsev@uni-oldenburg.de

Abstract. Albanian formally differentiates between the following types of complements: Facts (complementizer *që* or *se* ‘that’), Activities (*si* ‘how’), and Potential (*(që) të* ‘(in order) to’). The article focuses on the facultative use of the Albanian complementizer of fact *se* in contexts with connective words (*çfarë* ‘that’, *ku* ‘where’, *kur* ‘when’, *kush* ‘who’, *sa* ‘how much; how many’, *si* ‘how’) after matrix predicates of non-visual access to information (a verb of speech *them* ‘say’, psychic activity *di* ‘know’, and a verb introducing direct questions *pyes* ‘ask’). Since the complementizer *se* in these contexts can be used together with connective words, it allows us to speak of double marking of the syntactic connection between the matrix clause and the complement or of unification of Albanian complements of Fact. While Fact-type complements in Albanian are clearly opposed to Potential-type complements, they are not fully differentiated from Activities. In particular, both Facts and Activities can be introduced by the facultative *se*. A statistical analysis of the Albanian National Corpus demonstrates several tendencies in the use of the facultative *se* with complements including connective words. One of the factors influencing the use of *se* is the closer context. Thus, *di (se) çfarë* and *di (se) kur* support while *di (se) si* suppresses the use of *se*. Diachronically (however limited a diachronic analysis on the basis of ANC can be, considering the disproportional representation of texts published before 1989), no significant developments were found. The paper demonstrates the differences between regions. The most similar in the use of the facultative *se* are Albania and Kosovo, while the most dissimilar are Kosovo and North

Macedonia. My mixed effects (condition tree) analysis shows text genres to be another factor in its distribution. Notably, in quasipronominal uses of phraseological units with the verb *di* ‘know’, the facultative *se* is much less frequent then after free word combinations with the same verb.

Keywords: Albanian syntax, Albanian language corpus, complementation, complement clauses, language variation and change.

1. Введение

В исследованиях по албанскому синтаксису, сделанных из албанской национальной лингвистической перспективы, виды предложений, обычно относимых в общетипологических исследованиях к комплементам (сентенциальным актантам), рассматриваются как частный случай придаточных предложений, внутренняя классификация которых проводится на основе не синтаксического, а семантического критерия. Например, так выглядит фрагмент оглавления грамматики албанского языка [Domi et al. 2002]: «Сложные предложения с зависимыми предложениями в функции подлежащего», «…сказуемого», «…дополнения», «…определения», «…обстоятельства места», «…обстоятельства времени»; «…с зависимым предложением с модальным значением», «…со значением цели», «…причины», «…следствия», «…условия», «…уступки», «…сравнения» [1]. Явление, которое в общетипологических исследованиях обычно описывается как комплементация («предикация в позиции аргумента» [2] [Horie, Comrie 2000: 1]), в албанской грамматике рассматривается как несколько подвидов «сложных

[1] «Periudha me fjali të varur kryefjalore», «…kallëzuesore», «…kundrinore», «…përcaktore», «…vendore», «…kohore», «…mënyrore», «…qëllimore», «…shkakore», «…rrjedhimore», «…kushtore», «…lejore», «…krahasore». Рассматриваемые в настоящей статье работы на албанском языке терминологически и концептуально сильно отличаются как от общетипологических работ, так и от современных исследований по русистике. Поэтому при переводах с албанского языка я сохраняю внутреннюю форму терминов, привожу их также в оригинале и, если это не очевидно из предыдущего изложения, указываю, какое именно грамматическое явление имеется в виду.

[2] «Predication manifested in argument slots» (Здесь и далее перевод мой; курсив оригинала сохраняется. — *М. М.*).

предложений с придаточным дополнительным» («periudha me fjali të varur kundrinore»).

В то же время в общетипологических исследованиях последних десятилетий комплементации отводится важная роль на уровне таксономии. Она рассматривается как особый тип синтаксической связи в сложном предложении — наравне с координацией (coordination), придаточными, относящимися к одной из составляющих предложения и не имеющими обязательного характера (relative clauses), и другими типами (см. [Dixon 2006; Shopen 2007], см. также обсуждение и библиографию вопроса о месте комплементации среди прочих типов синтаксической связи [Schmidtke-Bode 2004: 21–26]).

Р. Диксон [Dixon 2006: 23–26] отмечает, что самыми распространенными типами придаточных-комплементов являются следующие: факт («Fact»), деятельность («Activity»)[3], потенциал («Potential»). Эти типы выделяются на основе семантики комплемента, однако представляется возможным указать некоторые типологические тенденции в их структурном оформлении: референция по времени у **комплементов-фактов** обычно независима от референции главного предложения, как правило, такие придаточные вводятся при помощи специального союза-комплементатора (наподобие английского *that*); **комплементы деятельности** структурно часто похожи на именную фразу, возможны ограничения по времени, аспекту, модальности или возможности негирования, референция по времени может отличаться от референции главного предложения; **комплементы потенциала** меньше похожи на предложение, чем комплементы-факты, и меньше похожи на именную фразу, чем комплементы деятельности, обычно имеют ограничения по времени, аспекту и т. д., они имеют ту же референцию по времени, что и главное предложение, а глагол обычно стоит в особой форме (например, в инфинитиве).

На первый взгляд, в албанском структурно разграничиваются все три основных типа комплементов: факты (1), комплементы деятельности (2), комплементы потенциала (3), и для каждого из них можно было бы указать свой тип комплементатора.

---

[3] В [Hansen et al. 2016] для соответствующих русского и болгарского типов комплементов (вводимых при помощи рус. *как* / болг. *как* ‘то же’) используется более удачная формулировка *immediate perception* ‘непосредственное восприятие’, которую можно было бы ввести в обозначение таких комплементов: комплементы непосредственного восприятия. Но для простоты изложения в настоящей работе я буду придерживаться классической схемы Р. Диксона.

Комплементы-факты (COMP.F), комплементатор *se* ‘что’:

(1) *Kryeparlamentari* *Krasniqi* *tha* ***se***
спикер.парламента.NOM.SG.DEF Красники сказать.AOR.3SG COMP.F
me *kryeministrin* *Thaçi* *komunikon*
с премьер.министр.ACC.SG.DEF Тачи общаться.PRS.3SG
vetëm *zyrtarisht.*
только официально
‘Спикер парламента Красники рассказал, что с премьер-министром Тачи он общается только по официальным каналам’. [АНК: Zëri. 2013][4]

Комплементы деятельности (COMP.A), комплементатор ***si*** ‘как’:

(2) *Ai* *e=* *pa* ***si*** *shkëputi*
M.3SG.NOM 3SG.ACC= видеть.AOR.3SG COMP.A сорвать.AOR.3SG
nga *gjerdani* *bombën* *e*
от гранатный.подсумок.NOM.SG.DEF бомба.ACC.SG.DEF и
si *u=* *vërsul* *përpjetë* *me*
COMP.A NACT= броситься.AOR.3SG вверх.по.склону с
grushtin *lartë.*
кулак.ACC.SG.DEF наверх
‘Он увидел, как тот выхватил гранату из подсумка и как бросился вверх по склону, [сжимая ее] в кулаке над головой’. [Domi et al. 2002: 517]

Комплементы потенциала (COMP.P), комплементатор (***që***) ***të*** ‘чтобы’:

(3) *Në* *këshillin* *e* *luftës* *Gjergj*
в совет.ACC.SG.DEF AGR война.GEN.SG.DEF Гергь.NOM.SG.INDF
Kastrioti *propozoi* ***që***
Кастриоти.NOM.SG.DEF предложить.AOR.3SG COMP.F
t’u *binin* *turqve* *natën.*
COMP.P:3PL.DAT ударить.IPF.3PL турки.DAT.PL ночь.ACC.SG.DEF
‘На военном совете Гергь Кастриоти предложил напасть на турок ночью (досл. «чтобы они напали»)’. [Domi et al. 2002: 518–519]

---

[4] Если не указано иное, языковые примеры в настоящей статье взяты из Албанского национального корпуса, версия 2011–2016 гг. [АНК 2011–2016] (см. далее).

В таком виде описание албанской комплементации, пусть и с оговорками, соответствовало бы общетипологической схеме, предложенной Р. Диксоном (конечно, комплементы деятельности в албанском никак не похожи на именную фразу, но, с другой стороны, комплементы потенциала, как и следовало ожидать, показывают ограничения по аспекту и времени, глагол стоит в особой форме конъюнктива, и это вполне укладывается в схему Р. Диксона).

Однако в функционировании албанских комплементаторов довольно много неясного.

Так, *që* является избыточным средством маркирования, поскольку в предложениях типа (3) он легко может быть опущен и комплемент связывается с глаголом в главном предложении при помощи т. н. показателя балканского конъюнктива *të* (см. подробнее в статье [Морозова, настоящий сборник])[5]. Кроме того, *që* может использоваться и как комплементатор факта (в предложениях типа (1)).

В то же время комплементатор *se* неочевидным образом взаимодействует с другими средствами связи в албанских сложноподчиненных предложениях. *Se* не только может употребляться с союзными словами (см. далее), но и с *si*, который по крайней мере в отдельных контекстах семантически следовало бы считать комплементатором действия. Семантическая основа для этого варьирования не установлена (см. далее).

Корпусный анализ позволяет рассмотреть вопрос о возможной структурной обусловленности отсутствия / наличия комплементатора *se*. В настоящей статье я рассмотрю основные тенденции в структурной вариативности *se*, которые можно подтвердить статистически. Для этого я провел пилотное корпусное исследование на основе Албанского национального корпуса [АНК 2018], рассмотрев связь факультативного *se* с ближайшим контекстом в диахроническом и ареальном аспекте.

---

[5] Аналогичный показатель с похожим набором функций используется в других балканских языках; В. Фридман предложил назвать его «дентальным модальным субординатором», dental modal subordinator, или DMS, поскольку такие показатели «начинаются на дентальный или альвеолярный согласный и используются для введения глагольных форм в модальных конструкциях» [Friedman 1986: 381]. См. подробнее в [Joseph 2016; Manzini, Savoia 2018]. В последней работе описание балканской комплементации ограничивается комплементами потенциала — т. е. авторы имплицитно исходят из узкого толкования комплементации.

Таким образом, настоящая статья является опытом корпусного изучения албанского комплементатора *se* и преследует две основных цели. С одной стороны — изучение синтаксиса албанского сложного предложения. С другой — это попытка показать, насколько албанский комплементатор факта (не) вписывается в общетипологические ожидания.

Далее я рассмотрю проблематику факультативности *se* при совместном использовании с союзными словами (*Раздел 2*) и факторы, которые, возможно, влияют на использование *se* в описанных выше контекстах. Сначала я рассмотрю эти факторы как независимые переменные (*Раздел 3*), а потом опишу возможные смешанные эффекты (*Раздел 4*). *Разделы 5* и *6* посвящены двум частным вопросам, связанным с факультативным *se*: его взаимодействию с комплементатором действия *si* ‘как’ и проблеме фразеологизмов в функции матричного предиката. Таблицы и графики вынесены в *Приложения* к статье.

2. Факультативное *se* с союзными словами в грамматических описаниях

В современном албанском языке есть два основных способа оформления подчинительной связи[6] между главным предложением и придаточным изъяснительным (complement clauses, «Objektsätze im engeren Sinn» [Buchholz, Fiedler 1987: 513–515; «periudha me fjali të varur kundrinore» [Domi et al. 2002: 515–524; Rushiti 2015: 58–90])[7]:

1) при помощи союзов-комплементаторов *se*, *që*[8], *si*[9];

---

[6] Бессоюзные предложения в настоящей статье не рассматриваются.

[7] Р. Рушити приводит следующий список названий, под которыми описываемый тип упоминался в грамматических описаниях албанского языка: *fjali e caktimit* ‘определительное предложение’, *fjali e objektit* и *fjali objektore* ‘объектное предложение’, *fjali kundrinore ose objektore* ‘дополнительное или объектное предложение’, *fjali e nënrenditur kundrinore* ‘дополнительное придаточное предложение’ [Rushiti 2015: 58].

[8] Проблематика противопоставления *se* и *që* в настоящем исследовании рассматриваться не будет. Отмечу только, что в случае, который интересует меня, эта синонимия отсутствует. Когда комплементатор *që* употребляется перед *çfarë*, *kush*, *kur*, *ku*, *sa*, *si*, эти союзные слова обычно входят в относительное придаточное с опущенной вершиной в составе комплемента, соответственно, здесь нельзя

2) при помощи союзных слов (*çfarë* ‘что’, *ku* ‘где, куда’, *kur* ‘когда’, *kush* ‘кто’, *sa* ‘сколько’, *si* ‘как’ и др.)[10].

Союз-комплементатор *se* может также факультативно ставиться в начале придаточного перед союзным словом во втором случае. Обычно это трактуется как плеонастическое использование («das pleonastische *se*» ‘плеонастическое *se*’ [Buchholz, Fiedler 1987: 514], или «mjet plotësues pleonastik» ‘дополнительное плеонастическое средство’ [Domi et al. 2002: 520]), поскольку союзные слова выполняют двойную функцию: они одновременно выступают и как союзы-комплементаторы, и как один из членов изъяснительного придаточного[11]. Таким образом, плеонастичность факультативного *se* можно было бы усматривать в том, что оно эксплицирует уже выраженную союзным словом синтаксическую связь придаточного с главным.

Однако это эксплицирование приводит к унификации оформления изъяснительных придаточных, что, строго говоря, упрощает понимание текста реципиентом. Это вполне можно трактовать как самостоятельную функцию, поэтому вряд ли уместно говорить о плеонастичности *se* в предложениях такого типа. Литература о факультативном *se*

говорить о совместном употреблении *që* и одного из союзных слов для введения комплемента:

Të gjithë e dimë
[***që*** [***ku*** *është* *ai*]
COMP.F где быть.PRS.3SG M.3SG.NOM
[*ka festë*], [*ka gëzim*], [*ka njerëz* [*që brohorasin e që këndojnë bashkë me atë*]].
‘Все мы знаем, [что там [где он], там [праздник], там [радость], там [люди, [которые аплодируют и поют вместе с ним]]’. [АНК: Koha.mk. 2012]

Такие случаи я не рассматриваю.

[9] В албанской грамматике это слово толкуется и как союз, и как союзное слово. Поэтому я включил его для простоты изложения в обе группы, принимая в качестве исходного пункта описание в [Domi et al. 2002: 515–524]. Ниже этот вопрос обсуждается более подробно.

[10] Грамматика [Domi et al. 2002: 515–524] предлагает опыт более подробной классификации, которая нерелевантна для конструкции, рассматриваемой в этой статье.

[11] Процитирую здесь соответствующий раздел албанской грамматики, к которому нам предстоит еще вернуться: «[союзные слова *çfarë*, *ku*, *kur*, *kush*, *sa*, *si* и другие] одновременно выступают и как средство связи (они функционируют как союзы), и как член зависимого предложения» [Domi et al. 2002: 520].

достаточно легко обозрима: помимо двух изданий — албанской грамматики [Domi et al. 2002] и немецкоязычной грамматики албанского языка [Buchholz, Fiedler 1987], основной не-албаноязычной работы, откуда можно получить сведения о грамматической структуре албанского языка — есть также монография Р. Рушити «Союзные предложения в албанском языке (связь сказуемых составляющих с союзами *që* и *se*)» [Rushiti 2015], которая содержит опыт описания албанских придаточных предложений с союзами *që* и *se*.

Примеры (4) и (5) иллюстрируют факультативность *se* перед союзным словом *kush* ‘кто’ в двух придаточных изъяснительных предложениях, максимально близких структурно:

(4) *Ministri* *Hamza* *tregon* ***kush***
министр.NOM.SG.DEF Хамза рассказывать.PRS.3SG кто.NOM
do *të* *përfitojë* *nga* *rritja*
FUT COMP.P получить.выгоду.SBJV.PRS.3SG от рост.NOM.SG.DEF
e *pagave.*
AGR зарплата.GEN.PL
‘Министр Хамза рассказывает, кому выгоден рост зарплат’. [Bota Sot. 2017]

(5) *Ragip* *Behrami* *tregon* ***se*** ***kush***
Рагип.NOM.SG.INDF Бехрами рассказывать.PRS.3SG COMP кто.NOM
do *ta* *shoqërojë* *Valonin*
FUT COMP.P:3SG.ACC сопровождать.SBJV.PRS.3SG Валён.ACC.SG.DEF
në *botëror.*
на чемпионат.мира.ACC.SG.INDF
‘Рагип Бехрами рассказывает, [что] кто поедет с Валёном на чемпионат мира’. [Telegrafi.com. 2018]

Отмечу, что Р. Рушити, которая посвятила значительную часть своего исследования разбору случаев с отсутствующим комплементатором (прежде всего *që*, вопрос об отсутствии *se* в изъяснительном придаточном поднимается, но ему уделяется несопоставимо меньше внимания), считает, что союзные слова не выражают связь между главным предложением и изъяснительным придаточным, и единственным носителем этой связи является комплементатор [Rushiti 2015: 109–114]). Для интерпретации случаев типа (4) Р. Рушити вводит понятие *lidhëza zero se* / *që* ‘нулевой союз *se* / *që*’. Иными словами, подчинительную связь между главным и изъяснительным придаточным, по ее мнению, всегда

оформляет комплементатор, который может быть выраженным или иметь нулевую форму. Такая интерпретация удачно соответствовала бы концепции Р. Диксона — это позволило бы считать, что албанские комплементы-факты вводятся единообразным способом (при помощи комплементатора, который может иметь нулевую форму), т. е. показывают структурное единство.

Наличию / отсутствию комплементатора *se* можно дать и более мягкую интерпретацию, связанную с общетипологической концептуальной рамкой, но не вводящую идею «нулевого союза», для которой Р. Рушити не приводит достаточных оснований[12]. По моему мнению, присутствие или возможность употребления *se* для введения комплементов-фактов (независимо от наличия других средств синтаксической связи, т. е. союзных слов) оправданы тем, что комплементы-факты можно трактовать на семантическом уровне как некий единый класс (четко противопоставленный по ряду параметров, скажем, комплементам потенциала). При этом *se* можно интерпретировать как факультативное средство подчеркивания этой синтаксической связи. В мягкой формулировке факультативность этого средства не исключает его корреляции, или статистической взаимосвязи без жесткого причинно-следственного характера, с некоторыми контекстуальными параметрами (структурными или семантическими). В этом случае факультативное *se* можно считать одним из второстепенных — но не обязательных — признаков албанских комплементов-фактов.

---

[12] Аргументом в пользу выделения нулевого комплементатора могло бы служить его «значащее отсутствие», т. е. существование примеров, которые бы меняли значение в зависимости от наличия / отсутствия комплементатора *se*. Так, по мнению Р. Рушити, вариация в использовании *se* зависит от актуального членения предложения. Если изъяснительное придаточное в постпозиции, то вариант с *se*, по ее мнению, выражает тему, а вариант без него — рему. К сожалению, она не рассматривает параллельно структурно идентичные предложения наподобие (4) и (5), которые бы различались только наличием / отсутствием *se*, поэтому остается непонятным, на чем именно основано ее утверждение (к которому она возвращается несколько раз: [Rushiti 2015: 65, 75, 111]). В то же время наличие такого типа изоструктурных предложений, в которых статус придаточного не меняется (например, как в (4), так и в (5) оно является ремой), свидетельствует о том, что *se* нельзя считать средством выражения актуального членения.

3. Ближайший контекст и метаданные из АНК как независимые переменные

Поиск в Албанском национальном корпусе осуществлялся в конце 2018 — первой половине 2019 г., до его расширения и перехода на новую платформу (АНК 2019). Его параметры на тот момент описаны в [Морозова и др. 2016]. Эта версия АНК поддерживается на старой платформе до сих пор, но не пополняется. Она включает в себя литературные, публицистические, научные, официально-деловые и религиозные письменные тексты на стандартном албанском языке или в близких к нему формах общим объемом 19719338 словоупотреблений.

Область происхождения текстов — Албания, Косово или Северная Македония — к сожалению, нельзя учитывать при поиске (но ее, как правило, можно установить на основе места публикации текста для каждого отдельного примера, что и было сделано).

Я рассматриваю два периода — тексты, созданные до 1989 г. и с 1990 г. Этот рубеж установлен условно и связан с периодом затяжного общественно-политического кризиса в СФРЮ и НР Албании. Более дробное деление по периодам представляется нецелесообразным, поскольку это оставит слишком мало данных для каждого периода и статистический анализ не будет возможным (далее будет показано, что при комбинации некоторых параметров данных недостаточно даже при выбранном способе членения).

Жанр текстов, область происхождения (далее для простоты «регион») и период — независимые переменные, влияние которых на наличие / отсутствие факультативного *se* проверяется и интерпретируется в настоящей статье. В *Таблице 1* (см. *Приложение 1*) приводятся сведения об объеме подкорпусов по жанрам и по годам. Выбраны только те подкорпуса, поиск по которым дал придаточные изъяснительные с союзными словами (параметры поиска см. далее; первоначально поиск проводился по всему АНК, но в ряде подкорпусов не было найдено ни одного примера). В соответствующих ячейках таблицы указывается общее количество словоформ для подкорпусов и отношение к общему объему АНК. При анализе материала корпуса некоторые подкорпуса были объединены (см. столбец «Категории анализа»).

Данные подкорпусов очень неравномерны. В частности, для периода до 1989 г. пресса и религиозные тексты не представлены вовсе, а научные тексты представлены в минимальном объеме, из чего

следует, что диахронический анализ изменений в употреблении факультативного *se* по этим подкорпусам невозможен. Иными словами, в диахронии (периоды до 1989 г. и с 1990 г.) можно рассматривать только материал художественной литературы и научные тексты из Албании. Сопоставительное исследование по регионам возможно только на уровне синхронии (с 1990 г.).

Неравномерность данных по подкорпусам можно сгладить, если пересчитывать выдачу в количество словоформ на миллион (ipm). Отмечу, впрочем, что это не всегда необходимо и возможно. Во-первых, если я учитываю подкорпус как независимую переменную, меня интересует вероятность того или иного значения бинарной переменной «наличие / отсутствие факультативного *se*» внутри каждого подкорпуса исходя из общего количества примеров по этому подкорпусу. Существенно, что здесь я говорю о конечном количестве реальных примеров в корпусе и модель носит описательный характер. Во-вторых, пересчитать выдачу в ipm не всегда возможно технически, например, при анализе данных по регионам[13]. В-третьих, работа с ipm не всегда возможна при ряде статистических тестов, не только при построении дерева решений (Conditional Inference Tree, или ctree, см. далее), но даже и при расчете χ^2, поскольку в большинстве случаев при пересчете в ipm мои данные не достигают необходимых пороговых значений (см. далее). Кроме того, оба применяемых в настоящей статье теста (χ^2 и точный критерий Фишера) оперируют только целыми числами, соответственно, пересчет в ipm потребует округления, что будет снижать точность подсчетов. Поэтому далее, по возможности, я привожу данные как в ipm, так и в абсолютном количестве словоупотреблений, но все статистические расчеты делаю по реальным словоупотреблениям.

Ближайший контекст факультативного *se* включает в себя предикат в главном предложении, для которого изъяснительное придаточное выступает в роли дополнения (далее — глагол, управляющий комплементом) — левый контекст, а также союзное слово — правый контекст. Одним из условий моего поиска в корпусе было непосредственное соседство глагола, факультативного *se* (если есть) и союзного слова[14].

---

[13] Хотя принципиальная возможность провести в АНК поиск по регионам есть, но он крайне трудозатратна и подразумевает ручной подбор авторов для каждого региона.

[14] Иными словами, поиск осуществлялся по следующим параметрам (приводятся леммы): (*them* ∨ *di* ∨ *pyes*) ∧ *se* ∧ (*çfarë* ∨ *ku* ∨ *kur* ∨ *kush* ∨ *sa* ∨ *si*); (*them* ∨ *di* ∨ *pyes*) ∧

При отборе глаголов, управляющих комплементом, я опирался на грамматику О. Бухольц и В. Фидлера [Buchholz, Fiedler 1987: 513 и далее][15]. С точки зрения семантики, я исходил из глаголов не-визуального доступа к информации, т. е. потенциально связанных с широкой зоной незасвидетельствованности. Таким образом было отобрано три семантических класса, для каждого из которых было выбрано по одному глаголу: глаголы **речи** (нем. Verben des Sagens: *them* ‘сказать’); глаголы **психической деятельности** (Verben der psychischen Tätigkeit: *di* ‘знать’) и глагол, вводящий косвенный **вопрос** (Verwendung in der indirekten Frage: *pyes* ‘спрашивать’). В поиске учитывались следующие союзные слова: *çfarë* ‘что’, *ku* ‘где, куда’, *kur* ‘когда’, *kush* ‘кто’, *sa* ‘сколько’, *si* ‘как’. Зависимой переменной является отсутствие / наличие комплементатора *se* (эта переменная бинарная), а независимыми переменными — помимо метаданных корпуса — глагол *them* / *di* / *pyes* и союзное слово *çfarë* / *kush* / *kur* / *ku* / *sa* / *si*[16].

По этим критериям было найдено 1528 предложений без *se* и 1598 предложений с *se*. Такое практически равное (48,9 % против 51,1 %) соотношение представляет собой кумулятивный эффект от действия перечисленных переменных. Далее в тексте статьи я сначала описываю результаты статистического анализа этих переменных по отдельности. Затем я предлагаю модель описания, основанную на методе дерева решений (ctree). Большое преимущество этой модели — учет смешанных эффектов, т. е. совместного вклада нескольких независимых переменных в употребление факультативного *se*. Найденные в корпусе 3126 предложений были сведены в таблицу данных в SPSS[17], и описа-

---

(*çfarë* ∨ *ku* ∨ *kur* ∨ *kush* ∨ *sa* ∨ *si*). Комплемент может также выноситься в позицию, предшествующую матричному глаголу, что обычно связано с эмфазой:

Se	*kush*	*i=*	*zotëron*	*këto*		
COMP.F	КТО.NOM	3PL.ACC=	ВЛАДЕТЬ.PRS.3SG	ЭТИ.F.ACC.PL		
puse		*ne*	*nuk*	*dimë*	*gjë.*	
КОЛОДЕЦ.ACC.PL.INDF		1PL.NOM	NEG	ЗНАТЬ.PRS.1PL	ВЕЩЬ.ACC.SG.INDF	

‘Мы не знаем, кто владеет этими колодцами’. [Sot.com.al. 2017]

В настоящей статье такие случаи не рассматриваются.

[15] Аналогичный список можно эксцерпировать из примеров, приведенных в албанской грамматике [Domi et al. 2002: 515–524] и в монографии Р. Рушити [Rushiti 2015].

[16] Как было указано выше, *si* может выступать и как комплементатор и как союзное слово. Далее эта проблема будет разобрана на корпусном материале.

[17] Программа IBM SPSS Statistics, выпуск 26.0.0.0 (2020).

тельные статистики выполнялись на основе этого датасета. Для удобства чтения статьи таблицы и иллюстрации, отражающие ход анализа и содержащие статистические показатели для разных переменных, перенесены в *Приложения*.

Ближайший контекст для комплементатора — это матричный предикат (в настоящей статье один из глаголов *them* ‘сказать’, *di* ‘знать’ и *pyes* ‘спрашивать’) и одно из союзных слов (*çfarë* ‘что́’, *kush* ‘кто’, *kur* ‘когда’, *ku* ‘где, куда’, *sa* ‘сколько’, *si* ‘как’). В этом разделе я проверяю, насколько похоже использование комплементатора в одинаковых контекстах в зависимости от таких параметров, как ареал и период. Как было указано выше, сравнение по регионам возможно только для текстов, опубликованных после 1990 г., а сравнение по периодам только для художественной литературы и научных текстов из Албании.

К сожалению, выборки неравнозначные: самым частотным является глагол *di*, в то время как *them* и *pyes* фиксируются в корпусе значительно реже (см. описательную статистику в *Таблице 2*); по союзным словам разброс не такой большой (*Таблице 3*).

Распределение комплементатора в зависимости от ближнего контекста представлено в *Таблице 4*. В столбцах АЛ, КС и СМ показаны абсолютные значения для Албании, Косова и Северной Македонии (здесь и далее цифра до косой черты — количество предложений для соответствующего матричного предиката и союзного слова, в которых отсутствует комплементатор *se*; цифра после косой черты — предложения, в которых используется комплементатор *se*). Это распределение сравнивается для каждой пары регионов в столбцах АЛ/КС, АЛ/СМ и КС/СМ с использованием точного текста Фишера (двустороннего) для выборок малого размера[18] и критерия χ^2 Пирсона для выборок бо́льшего размера. Основным параметром является p-критерий ($p \leq 0{,}05$ — различие статистически значимо, такие случаи выделяются цветом; $p > 0{,}05$ — различие статистически не значимо)[19].

Данные, представленные в *Таблице 4*, показывают, что для глагола *them* с союзными словами нельзя говорить о региональной специфике (употребление факультативного *se* в этом контексте не показывает различий между регионами). Для глагола *pyes* региональные различия минимальны (комплементатор при матричном предикате *pyes* и союзном

[18] Если величина выборки $n \leq 20$ или если значения в одной из ячеек $n \leq 5$.

[19] Степень свободы (degree of freedom) во всех случаях равна единице, поскольку наличие / отсутствие *se* является бинарной переменной.

слове *çfarë* значительно чаще используется в Албании, чем в Косово, но по остальным союзным словам никаких значимых различий не наблюдается). Возможно, это связано с относительно малым количеством предложений, найденных в корпусе. Глагол *di* показывает бóльшее региональное разнообразие: стратегии использования комплементатора с этим глаголом наиболее похожи в Албании и Косово (они различаются всего по одному параметру), менее похожи в Албании и Северной Македонии (различия по трем союзным словам) и скорее различаются, чем похожи, стратегии в Косово и Северной Македонии (различия по четырем союзным словам).

При этом глагол *pyes* более или менее выраженно фаворизирует варианты с комплементатором во всех регионах, глагол *them* показывает некоторое разнообразие (*çfarë*, *kush*, *kur* при этом глаголе скорее фаворизируют вариант с комплементатором, для *ku* четких предпочтений не прослеживается, а *sa* и *si* ведут себя по-разному в разных регионах). *Di* показывает наибольшее разнообразие. При этом глаголе однозначно фаворизируют комплементатор *çfarë* и *kur*. *Si* фаворизирует вариант без комплементатора. Для *ku* варианты распределяются почти одинаковым образом (с тенденцией к предпочтению комплементатора в Северной Македонии). *Sa* и *kush* показывают разнонаправленные тенденции в разных регионах: *kush* поддерживает вариант с комплементатором в Албании и Северной Македонии и без комплементатора в Косово, а *sa* — вариант без комплементатора в Албании и Косово (в Северной Македонии количество вариантов достаточно близко к равному с тенденцией к фаворизации комплементатора).

В диахроническом плане ситуация почти не изменилась (*Табл. 5*)[20]. Только для двух контекстов можно говорить об изменениях: у *di (se) çfarë* и *pyes (se) si* значительно возросла частота вариантов с комплементатором.

4. Учет смешанных эффектов при помощи дерева решений

Деревья решений (Conditional Inference Trees, или ctrees) позволяют учитывать сразу несколько независимых параметров и узнавать

[20] Напомню, что расчеты возможно провести только для научных и художественных текстов из Албании.

вклад каждого из них в итоговое распределение результатов. Этот метод был впервые опробован для лингвистического описания вариативности *was* / *were* в английском языке г. Йорка [Tagliamonte, Baayen 2012]. Я применяю его, следуя методологии, уточненной в статье [Hentschel et al. (в печати)]. Статистическая модель, лежащая в основе этого метода моделирования, обоснована в [Hothorn et al. 2006]. Это метод регрессивного анализа данных, основанный на классификации через бинарное рекурсивное деление [Levshina 2015: 291–300]: алгоритм выбирает ту независимую переменную, которая имеет наибольшую корреляцию с зависимой переменной, делит набор данных на два подмножества (обусловленное независимой переменной на заданном уровне p-критерия и не обусловленное на заданном уровне). Данные итерации повторяются для каждого подмножества, пока для всех конечных подмножеств не будет достигнут заданный уровень p-критерия.

При интерпретации результатов используется древовидный алгоритм: вклад каждого параметра соотносится с его иерархией в дереве (чем выше, тем больше вклад; параметр, находящийся на одной из ветвей, релевантен только при выполнении ближайшего параметра, находящегося выше по иерархии). Что важно, деревья решений позволяют работать с неполными данными (с отсутствующими значениями независимых переменных — например, когда примеру не сопоставлен период или ареал происхождения текста). Если какой-то параметр не появляется в дереве решений, это значит, что его релевантность для выбора зависимой переменной ниже, чем у отображенных параметров. Дерево решений также учитывает p-критерий (в моей модели я ввожу поправку Бонферрони для устранения эффекта множественных сравнений). Дерево решений для албанского факультативного *se* на материале АНК[21] (*Рисунок 1*) было построено средствами программной среды Rstudio 3.6.1 [Rstudio 2019] с использованием пакета *partykit* [Hothorn, Zeileis 2006]. Для построения модели было использовано 60 % данных. Затем прогностические свойства модели были протестированы на оставшихся 40 % при помощи матрицы ошибок (см. далее).

Модель интерпретируется следующим образом:

[21] Для того чтобы не перегружать модель, я использую только данные с 1990 г., поскольку в ином случае были бы внесены искажения из-за корреляции между ареалом (Албания) и периодом (до 1989 г.).

1) Стратегии выбора между наличием *se* (далее se^{+}) и его отсутствием (se^{-}) в албанском зависят прежде всего от жанра.
2) В литературных и религиозных текстах релевантен глагол *pyes* ‘спрашивать’, который фаворизует se^{+} (узел 3, *Рис. 1*), что согласуется с расчетом по индивидуальным переменным (см. *Раздел 3*).
3) Союзные слова *ku* ‘где, куда’, *sa* ‘сколько’, *si* ‘как’ при глаголах *them* ‘сказать’ или *di* ‘знать’ в литературных и религиозных текстах фаворизуют se^{-} (узел 6, *Рис. 1*), при этом регион оказывается не важен. Это дополняет наблюдения, полученные при анализе отдельных переменных из ближнего контекста, где жанровую специфику нельзя было учесть из-за неравномерности выборки.
4) В газетных и научных текстах значимым параметром является союзное слово. При этом *çfarë* и *kur* независимо от матричного глагола фаворизуют вариант с se^{+} (см. узел 8 на *Рис. 1*).

Алгоритм расчета показывает также, что для части групп (узел 5: союзные слова *çfarë*, *kush*, *kur* после глагола *them* или *di* в литературных и религиозных текстах; узел 9: союзные слова *kush*, *ku*, *sa*, *si* в газетах и научных текстах) выделить устойчивое предпочтение в (не)использовании факультативного *se* не представляется возможным.

Дерево решений показывает, что влияние ареала не является определяющим фактором при поиске самых устойчивых паттернов в использовании факультативного *se* (хотя в части контекстов это влияние просматривается очень хорошо, см. *Раздел 3*). Однако важен жанр текста, и для каждого жанра существует своя иерархия.

Эта модель была протестирована на остальных 40 % корпуса: с использованием пакета *caret* [Kuhn 2008, 2018] была рассчитана матрица ошибок (confusion matrix, см. *Рис. 2*). Матрица показывает верные и неверные предсказания (в 212 случаях верно предсказано se^{-}; в 435 случаях верно предсказано se^{+}; в 129 случаях неверно предсказано se^{+}; в 253 случаях неверно предсказано se^{-}). Матрица показывает, что дерево решений в два раза лучше предсказывает наличие комплементатора, чем его отсутствие. Точность предсказаний составляет 63 % (в интервале доверия [0,60; 0,66], p-критерий для сопоставления со случайным распределением по тесту МакНемара $< 0{,}001$, $\kappa \approx 0{,}23$). Отмечу, что на точности отрицательно сказывается большое количество примеров, попавших в узлы 5 и 9 дерева решений, для которых распределение примеров с факультативным *se* не отличается от случайного.

В то же время дерево решений, благодаря возможности учитывать множество факторов, показывает случаи, которые было бы затруднительно найти, комбинируя анализ одной или нескольких переменных.

5. Факультативное *se* и проблема комплементов деятельности в албанском языке

Говоря о соответствии албанской системы комплементации общетипологической рамке, предложенной Р. Диксоном, нельзя обойти вниманием проблему комплементов деятельности[22] (ср. пример (2)). Выше уже упоминалось, что *si* ‘как’ в албанских придаточных изъяснительных может иметь две функции.

С одной стороны, это слово выступает как комплементатор деятельности: «Достаточно часто зависимое предложение, присоединяемое к главному посредством слова *si*, имеет целью не показать способ осуществления действия, а подчеркнуть, привлечь внимание к факту осуществления действия, к сказуемому зависимого предложения. В этом случае *si* является союзом, значение которого сильно приближается к значению союзов *se* и *që*. Это особенно часто происходит, когда зависимое предложение относится к глаголу зрительной перцепции (обычно *shoh* ‘видеть, смотреть’) или говорения (обычно *tregoj* ‘рассказывать’, *shpjegoj* ‘объяснять’)» ([Domi et al. 2002: 517]. Отличие комплементатора деятельности от комплементатора факта, как отмечают [Hansen et al. 2016: 186] на основе наблюдений над русскими *как* и *что*, состоит в том, что пропозиция в сфере действия комплементатора деятельности не может оцениваться с точки зрения истинности / ложности, в то время как для пропозиции в сфере действия комплементатора факта это вполне возможно (ср. *Я слышал, что он уехал, но это неправда* vs **Я слышал, как он уезжал, но это неправда*).

С другой стороны, это слово может выступать и как союзное слово (алб. *ndajfolje përemërore pyetëse* ‘местоименное вопросительное наречие’ [Idem: 520]), вводящее косвенный вопрос:

(6)	*Për*	*fat*	*të*	*keq*	*ne*	*nuk*
	для	судьба.ACC.SG.INDF	AGR	плохой	1PL.NOM	NEG

[22] Или «непосредственного восприятия» [Hansen et al. 2016].

dinim	*se*	***si***	*bëhet*	*lufta.*
знать.IPF.3PL	COMP	как	делать.NACT.PRS.3SG	война.NOM.SG.DEF

‘К сожалению, мы не знали, как вести войну [досл. «как ведется война»]’[23] [АНК: Rexhep Ferri. Njeriu, po kush tjetër. 1999–2001].

В качестве теста для различения *как*-комплементатора и *как* — союзного слова в статье [Hansen et al. 2016: 216] на болгарском материале предлагается модификатор «именно» (англ. *precisely*, болг. *точно*), поскольку «в конструкции с непрямым вопросом его [*как*, выступающего в качестве союзного слова — *М. М.*] семантическая функция такая же, как и в собственно вопросах: оно относится к „способу“, к „образу действия“, как именно происходила описываемая ситуация (…). В отличие от этого, в конструкции непосредственного восприятия *как* выступает в качестве комплементатора без компонента „способ осуществления“». Этот тест работает и в албанском языке: *si* в примере (2) нельзя модифицировать наречием *saktësisht* ‘точно, именно’ без значительного изменения значения (ср. (2а)), в то время как в примере (6) это вполне возможно (ср. (6а)). Таким образом, если в (2) *si* является союзным словом, то в (6) — комплементатором.

(2а)

Ai	*e=*	*pa*	*si*	***saktësisht***
M.3SG.NOM	3SG.ACC=	видеть.AOR.3SG	COMP.A	именно

shkëputi	*nga*	*gjerdani*	*bombën.*
сорвать.AOR.3SG	от	гранатный.подсумок.NOM.SG.DEF	бомба.DEF.ACC.SG

‘Он увидел, как именно [тот] выхватил гранату из подсумка’.

(6а)

Ne	*nuk*	*dinim*	*se*	*si*	***saktësisht***
1PL.NOM	NEG	знать.IPF.3PL	COMP	как	именно

bëhet	*lufta.*
делать.NACT.PRS.3SG	война.NOM.SG.DEF

‘Мы не знали, как именно вести войну’.

Второй тест на различение — подстановка комплементатора факта. С комплементатором действия такая подстановка работает без изменения значения (2б), в то время как с союзным словом такая подстановка без изменения значения невозможна (6б).

---

[23] Ср. болгарский пример из статьи [Hansen et al. 2016: 215]: *Знам как работи тази система* (знать.PRS.1SG как работать.PRS.3SG этот.F.SG система.SG) ‘Я знаю, как работает эта система’.

(2б) *Ai* *e=* *pa* ***se*** *shkëputi*
M.3SG.NOM 3SG.ACC= видеть.AOR.3SG COMP.A сорвать.AOR.3SG
nga *gjerdani* *bombën.*
от гранатный.подсумок.NOM.SG.DEF бомба.DEF.ACC.SG
'Он увидел, что [тот] выхватил гранату из подсумка'.

(6б) *Ne* *nuk* *dinim* ***se*** *bëhet*
1PL.NOM NEG знать.IPF.3PL COMP делать.NACT.PRS.3SG
lufta.
война.NOM.SG.DEF
'Мы не знали, что ведется война'.

Кроме того, есть и структурные ограничения: *si*-комплементатор не может вводить придаточные с конъюнктивом в качестве сказуемого, поскольку любой пример такого рода однозначно трактуется как придаточное образа действия:

(7) *Më=* *thuaj* ***si*** *t'ia* *bëjmë*
1SG.DAT= сказать.IMP.2SG как COMP.P:3SG.DAT:3SG.ACC делать.PRS.1PL
me *punën* *e* *këtyre* *festave…*
с работа.ACC.SG.DEF AGR этот.GEN.PL праздник.GEN.PL
'Скажи мне, как нам поступить с этими праздниками…' [АНК: Lebit Murtishi. Vargu magjik. 2009]

Факультативное *se* возможно как с *si*-комплементатором, так и с *si*-союзным словом, ср. примеры (2) (комплементатор без факультативного *se*) vs (8) (комплементатор с *se*), (6) (союзное слово без *se*) vs (9) (союзное слово с *se*):

(8) *Do* *të* *shohësh,* *xhaxha,* ***se*** ***si*** *nuk*
FUT COMP.P видеть.SBJV.PRS.2SG дядя COMP.F COMP.A NEG
do *të* *lëmë* *këmbë* *fashisti.*
FUT COMP.P разрешить.PRS.1PL нога.ACC.SG.INDF фашист.ABL.SG.INDF
'Ты увидишь, дядя, что мы не дадим фашисту ступить и шагу'. [Domi et al. 2002: 517]

(9) *Në* *muajin* *maj* *kanë* *caktua[r]*
в месяц.ACC.SG.DEF май иметь.PRS.3PL определить.PTCP
zgjedhje *lokale,* *por* *kush*
выборы.ACC.PL.INDF местный.F.PL но кто.NOM
me *siguri* *nuk* *mund* *të* *thotë*
с уверенность.ACC.SG.INDF NEG PSB COMP.P сказать.PRS.3SG

se	***si***	*do*	*të*	*mbarojnë*	*ato.*
COMP.F	как	FUT	COMP.P	закончиться.PRS.3PL	F.3PL.NOM

‘В мае определили [дату] местных выборов, но кто же может быть уверен, что не знает их исхода’ (= все знают исход выборов). [АНК: Koha.mk. 2011]

Si-комплементатор оказывается довольно редким явлением в современном албанском языке (во всяком случае, в контекстах после трех указанных глаголов), всего в корпусе зафиксировано 14 (0,73 ipm) таких случаев. В основном ($N = 813$) *si* используется как союзное слово.

Сравнение этих двух групп при помощи таблицы сопряженности (*Таблица 6*) показывает два разнонаправленных тренда. Так, перед *si*-комплементатором в большинстве случаев ставится *se* (11 случаев из 14), в то время как перед *si*-союзным словом наоборот, в большинстве случаев *se* не ставится (p (точный тест Фишера[24]) < 0,05). Можно предположить, что это противопоставление основано на стремлении избежать омонимии двух типов придаточных изъяснительных: комплементативная функция *si* дублируется при помощи *se*; при *si*-союзном слове дублирование избегается.

Возможность дублирования *si*-комплементатора при помощи *se* (более того, его предпочтение) позволяет предположить, что в албанском языке можно говорить о слабой дифференциации комплементов действия и комплементов факта. Употребление факультативного *se* с обоими типами комплементов (с комплементами-фактами и с комплементами действия) показывает их структурную близость в албанском языке, противопоставляя их комплементам потенциала. Впрочем, поскольку *si*-комплементатор для глаголов невизуального доступа к информации является периферийным, подробное описание того, как с ним используется факультативное *se*, не входит в задачи настоящей статьи.

6. Факультативное *se* после фразеологизмов с компонентом-глаголом *di*

В ряде случаев главное предложение, структурно требующее комплемента, по сути представляет собой фразеологизированное сочетание.

[24] Поскольку в одной из ячеек таблицы значение меньше 5, χ^2 рассчитать нельзя.

В моей выборке к таким случаям относятся *zoti (një zot) e di* ‘(один) бог знает’, *dreqi (një dreq) e di* ‘(один) черт знает’, *kush e di* ‘кто (это, его) знает’ (возможен вариант со слитным написанием *kushedi*), *ku ta dish (ku ta di*, *ku me ditë)* ‘где (тебе, мне) это знать’ (глагол может стоять во втором или первом лице конъюнктива, а также в форме так называемого североалбанского инфинитива)[25].

(9) *Historinë* *tonë* *edhe* *ashtu* *po* *e=*
история.ACC.SG.DEF наш.ACC.SG и так PROG 3SG.ACC=
shkruajnë *të* *tjerët,* ***zoti***
писать.PRS.3PL AGR другой.M.NOM.PL.DEF господь.NOM.SG.DEF
e= ***di*** *ku* *mbesim.*
3SG.ACC= знать.PRS.3SG где оставаться.PRS.1PL
‘Нашу историю и так пишут другие, мы бог весть где уже находимся’. [АНК: Zëri. 2013]

В современном албанском языке приведенные сочетания слов трактуются по-разному. Например, *kush e di* считается наречием или частицей (и пишется слитно: *kushedi*), модифицирующей союзное слово, к которому оно относится [Rushiti 2015: 76–77], а *zoti* / *një zot e di*, *dreqi* / *një dreq e di* — фразеологизмами. Для унификации я называю все сочетания такого рода фразеологизированными. Эти фразеологизмы допускают некоторую свободу (могут употребляться формы с артиклем и без, глагол в составе фразеологизма может спрягаться и так далее), которая теоретически может распространяться и на выбор лексики (ср. русск. *Аллах* / *Перун* / *Один его знает* и под.). Отмечу, что в данном случае следует отличать фразеологизмы от свободных сочетаний слов, ср. следующие примеры:

(10) *Sigurisht,* ***Allahu*** ***e=*** ***di*** *se* *çfarë*
несомненно Аллах.NOM.SG.DEF 3SG.ACC= знать.PRS.3SG COMP.F что
adhurojnë *ata* *në* *vend* *të* *Tij.*
почитать.PRS.3PL они.M.NOM в место.ACC.SG.INDF AGR его
‘Несомненно, Аллах ведает, что́ почитают они вместо него’. [АНК: Kur’ani. Surja 29. Merimanga. 2006][26]

---

[25] Ср. русские *бог весть*, *(один) бог знает*, *(один) черт знает*, *черт-те-* (напр. *черт-те что*, *черт-те где* и другие подобные).

[26] «Поистине, Аллах знает всякую вещь, которую они призывают помимо него» (Коран в переводе И. Ю. Крачковского).

(11) ***Zoti*** ***e***= ***di*** *si* *t'i*
господь.NOM.SG.DEF 3SG.ACC= знать.PRS.3SG как COMP.P:3PL.ACC
shpëtojë *të* *përshpirtshmit* *nga*
спасти.SBJV.PRS.3SG AGR благочестивый.ACC.PL.DEF от
tundimi.
искушение.NOM.SG.DEF
'Господь знает, как избавить благочестивых от искушения'. [АНК: Dhjata e Re. 2 Pjetri. 1994[27]]

Таблица сопряженности (*Табл. 7*) показывает, что с фразеологизмами *se* употребляется почти в два раза реже, чем с омонимичными им свободными сочетаниями (χ^2 (1, N = 2574) ≈ 5,13; p < 0,05). Это вполне ожидаемо, поскольку, строго говоря, при фразеологическом употреблении таких сочетаний «придаточное изъяснительное» фактически становится главным предложением, а статус «главного» предложения понижается (например, в (9) *zoti e di ku* можно трактовать как обстоятельство места).

7. Заключение

Факультативный комплементатор *se* в албанском языке унифицирует оформление изъяснительных придаточных и эксплицирует их синтаксическую связь с главным предложением. Как показывает анализ материала Албанского национального корпуса (*Разделы 3–4*), вариативность в его использовании может быть связана как с ближайшим контекстом, так и с жанром текста; кроме того, наблюдаются некоторые незначительные изменения в диахронии. Из трех рассмотренных глаголов (глагол речи *them* 'сказать', глагол психической деятельности *di* 'знать' и глагол прямого вопроса *pyes* 'спрашивать') *them* показывает некоторое разнообразие (*çfarë*, *kush*, *kur* при этом глаголе скорее фаворизируют вариант с комплементатором, для *ku* четких предпочтений не прослеживается, а *sa* и *si* ведут себя по-разному в разных регионах); *pyes* фаворизирует комплементатор; а *di* сильно варьирует по ареалам. Контексты *di (se) çfarë* и *di (se) kur* фаворизируют комплементатор

[27] «Знает Господь, как избавлять благочестивых от искушения» (Синодальный перевод, 2 Пет., 2:9).

во всех регионах; *di (se) ku* не показывает четких предпочтений (хотя в Северной Македонии намечается тенденция к использованию комплементатора в этом контексте); *di (se) sa* и *di (se) kush* показывают разнонаправленные тенденции по регионам. На основе наблюдаемых тенденций регионы можно кластеризировать: больше всего похожи стратегии употребления факультативного комплементатора в Албании и Косово, менее похожи — в Албании и Северной Македонии (различия по трем союзным словам) и скорее различаются, чем похожи стратегии в Косово и Северной Македонии (различия по четырем союзным словам).

Диахронические изменения минимальны (у *di (se) çfarë* и *pyes (se) si* значительно возросла частота вариантов с комплементатором). В то же время, как показывает моделирование дерева решений (*Раздел 5*), использование комплементатора имеет жанровую специфику: литературные тексты показывают тенденции к отсутствию комплементатора, а газетные — к его использованию (что, возможно, связано с большей консервативностью языка в художественной литературе по сравнению с языком СМИ).

Разные модели взаимодействия факультативного *se* с ближним контекстом дополняют друг друга. Так, многофакторная модель дерева решений, согласуясь с расчетами по индивидуальным переменным, позволяет найти такие случаи, которые могли бы пройти мимо оптики, нацеленной только на индивидуальные переменные. В то же время, внимание к индивидуальным переменным позволяет увидеть частные тенденции, которые не попадают в комплексную модель.

Ожидаемым образом у явлений, на синтаксическом уровне связанных с комплементацией, но имеющих глубокие семантические различия, наблюдаются различия в функционировании факультативного *se*. Так, после фразеологизмов, которые используются в квазипрономинальной функции после глагола *di*, *se* употребляется почти в два раза реже, чем с омонимичными им свободными сочетаниями (*Раздел 7*).

На материале Албанского национального корпуса просматриваются различия между комплементатором действия *si* ‘как’ и союзным словом *si*. *Si*-комплементатор (с тремя рассмотренными глаголами невизуального доступа к информации) обычно используется с факультативным *se*, а союзное слово — без. Дублирование комплементатора действия при помощи комплементатора факта, более того, функционирующее как предпочитаемая стратегия, является свидетельством слабой дифференциации комплементов действия и комплементов факта в албанском языке.

Список условных сокращений

алб. — албанский; англ. — английский; болг. — болгарский, рус. — русский; 1, 2, 3 — лицо глаголов и местоимений; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; AGR — маркер согласования; AOR — аорист; COMP.A — комплементатор деятельности; COMP.F — комплементатор факта; COMP.P — комплементатор потенциала; SBJV — конъюнктив; DAT — датив; DEF — определенная форма; FUT — будущее; INDF — неопределенная форма; IPF — имперфект; NACT — неактивный залог; NEG — отрицание; NOM — номинатив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PROG — прогрессив; PSB — поссибилитив; SG — единственное число.

Литература

Морозова, настоящий сборник — М. С. Морозова. Конструкции с комплементайзером *që* и конъюнктивом в албанском языке: корпусное исследование // Настоящий сборник.

Морозова и др. 2016 — М. С. Морозова, Т. А. Архангельский, М. А. Даниэль, А. Ю. Русаков. Албанский национальный корпус: основные направления работы // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. XII. Ч. 3. С. 169–189.

Buchholz, Fiedler 1987 — O. Buchholz, W. Fiedler. Albanische Grammatik. Leipzig: Enzyklopädie, 1987.

Dixon 2006 — R. M. W. Dixon. Complement clauses and complementation strategies // R. M. W. Dixon, A. Yu. Aikhenvald (eds.). Complementation (A cross-linguistic typology). Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 1–48.

Domi et al. 2002 — M. Domi (kryered.), M. Çeliku, S. Floqi, S. Mansaku, R. Përnaska, S. Prifti, M. Totoni. Gramatika e gjuhës shqipe. V. II. Sintaksa. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë, 2002.

Friedman 1986 — V. Friedman. Balkan Romani modality and other Balkan languages // H. I. Aronson (ed.). *Da*, *ná*, *să*, *të*, *te*: Constructions with subordinating complementizers in the Balkans. Columbus: Slavica Publishers, 1986. P. 381–389.

Hansen et al. 2016 — B. Hansen, A. Letuchiy, I. Błaszczyk. Complementizers in Slavonic (Russian, Polish, and Bulgarian) // K. Boye, P. Kehayov (eds.). Complementizer Semantics in European Languages. (Empirical Approaches to Language Typology 57). Berlin, Boston: De Gruyter, 2016. P. 175–224.

Hentschel et al. (в печати) — G. Hentschel, O. Palinska, I. Fekete. Dialect-levelling or colonial hybridization: On determining the impact of various donor codes on mixed subvarieties — The infinitive in Ukrainian-Russian “Suržyk” // *Language Variation and Change*.

Horie, Comrie 2000 — K. Horie, B. Comrie. Introduction // K. Horie, B. Comrie (eds.). Complementation (Cognitive and functional perspectives). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2000. P. 1–10.

Hothorn et al. 2006 — T. Hothorn, K. Hornik, A. Zeileis. Unbiased recursive partitioning: A conditional inference framework // Journal of Computational and Graphical Statistics. 2006. Vol. 3. № 15. P. 651–674.

Hothorn, Zeileis 2006 — T. Hothorn, A. Zeileis. partykit: A modular toolkit for recursive partitioning in R // Journal of Machine Learning Research. 2006. Vol. 16. P. 3905–3909.

Joseph 2016 — B. D. Joseph. The semantics and syntax of complementation markers as an areal phenomenon in the Balkans, with special attention to Albanian // K. Boye, P. Kehayov (eds.). Complementizer Semantics in European Languages. (Empirical Approaches to Language Typology 57). Berlin; Boston: De Gruyter, 2016. P. 265–292.

Kuhn 2008 — M. Kuhn. Building predictive models in R using the caret package // Journal of Statistical Software. 2008. Vol. 28. № 5. P. 1–26. DOI: 10.11649/ch.2018.010.

Kuhn 2018 — M. Kuhn. The caret package. Available at http://CRAN.R-project.org/package=caret (accessed on 18.12.2019).

Levshina 2015 — N. Levshina. How to do linguistics with R. Data exploration and statistical analysis. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2015.

Manzini, Savoia 2018 — M. R. Manzini, L. M. Savoia. The Morphosyntax of Albanian and Aromanian Varieties: Case, Agreement, Complementation. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2018.

RStudio 2019 — RStudio: Integrated development environment for R (Version 3.6.1). Boston, MA. Available at: http://www.rstudio.com/ (accessed on 18.12.2019).

Rushiti 2015 — R. Rushiti. Frazat lidhëzore në gjuhën shqipe (lidhja e përbërësve kallëzuesore me lidhëzat *që* dhe *se*). Tiranë: Classic Print, 2015.

Schmidtke-Bode 2014 — K. Schmidtke-Bode. Complement Clauses and Complementation Systems: A Cross-Linguistic Study of Grammatical Organization. PhD dissertation, University of Jena, 2014.

Shopen 2007 — T. Shopen. Language typology and syntactic description. Vol. II: Complex constructions. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Tagliamonte, Baayen 2012 — S. A. Tagliamonte, R. H. Baayen. Models, forests and trees of York English: Was / were variation as a case study for statistical practice // Language Variation and Change. 2012. Vol. 24. P. 135–178.

Источники

АНК 2016 — М. С. Морозова, А. Ю. Русаков, Т. А. Архангельский. Албанский национальный корпус (версия 2011–2016 гг.) (электронный ресурс). URL: http://web-corpora.net/AlbanianCorpus (дата обращения 29.11.2019).

АНК 2019 — М. С. Морозова, А. Ю. Русаков, Т. А. Архангельский. Албанский национальный корпус (электронный ресурс). URL: albanian.web-corpora.net (дата обращения 29.11.2019).

Bota Sot — Bota Sot (электронный ресурс). URL: botasot.info (дата обращения 29.11.2019).

Sot.com.al — Sot (электронный ресурс). URL: sot.com.al (дата обращения 29.11.2019).
Telegrafi.com — Telegrafi.com (электронный ресурс). URL: telegrafi.com (дата обращения 29.11.2019).

References

Buchholz, Fiedler 1987 — O. Buchholz, W. Fiedler. Albanische Grammatik. Leipzig: Enzyklopädie, 1987.

Dixon 2006 — R. M. W. Dixon. Complement clauses and complementation strategies. R. M. W. Dixon, A. Yu. Aikhenvald (eds.). *Complementation (A cross-linguistic typology).* Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 1–48.

Domi et al. 2002 — M. Domi (kryered.), M. Çeliku, S. Floqi, S. Mansaku, R. Përnaska, S. Prifti, M. Totoni. Gramatika e gjuhës shqipe. Vëll. II. Sintaksa [Grammar of Albanian. Vol. II. Syntax]. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë, 2002.

Friedman 1986 — V. Friedman. Balkan Romani modality and other Balkan languages. H. I. Aronson (ed.). *Da*, *ná*, *să*, *të*, *te*: *Constructions with subordinating complementizers in the Balkans.* Columbus: Slavica Publishers, 1986. P. 381–389.

Hansen et al. 2016 — B. Hansen, A. Letuchiy, I. Błaszczyk. Complementizers in Slavonic (Russian, Polish, and Bulgarian). K. Boye, P. Kehayov (eds.). *Complementizer Semantics in European Languages.* (Empirical Approaches to Language Typology 57). Berlin, Boston: De Gruyter, 2016. P. 175–224.

Hentschel et al. (forthcoming) — G. Hentschel, O. Palinska, I. Fekete. Dialect-levelling or colonial hybridization: On determining the impact of various donor codes on mixed subvarieties — The infinitive in Ukrainian-Russian “Suržyk”. *Language Variation and Change.*

Horie, Comrie 2000 — K. Horie, B. Comrie. Introduction. K. Horie, B. Comrie (eds.). *Complementation (Cognitive and functional perspectives).* Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2000. P. 1–10.

Hothorn et al. 2006 — T. Hothorn, K. Hornik, A. Zeileis. Unbiased recursive partitioning: A conditional inference framework. *Journal of Computational and Graphical Statistics.* 2006. Vol. 3. No. 15. P. 651–674.

Hothorn, Zeileis 2006 — T. Hothorn, A. Zeileis. partykit: A modular toolkit for recursive partitioning in R. *Journal of Machine Learning Research.* 2006. Vol. 16. P. 3905–3909.

Joseph 2016 — B. D. Joseph. The semantics and syntax of complementation markers as an areal phenomenon in the Balkans, with special attention to Albanian. K. Boye, P. Kehayov (eds.). *Complementizer Semantics in European Language*s. (Empirical Approaches to Language Typology 57). Berlin; Boston: De Gruyter, 2016. P. 265–292.

Kuhn 2008 — M. Kuhn. Building predictive models in R using the caret package. *Journal of Statistical Software*. 2008. Vol. 28. No. 5. P. 1–26. DOI: 10.11649/ch.2018.010.

Kuhn 2018 — M. Kuhn. The caret package. Available at: http://CRAN.R-project.org/package=caret (accessed on 18.12.2019).

Levshina 2015 — N. Levshina. How to do linguistics with R. Data exploration and statistical analysis. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2015.

Manzini, Savoia 2018 — M. R. Manzini, L. M. Savoia. The Morphosyntax of Albanian and Aromanian Varieties: Case, Agreement, Complementation. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2018.

Morozova, this volume — M. S. Morozova. Konstruktsii s komplementayzerom *që* i konyunktivom v albanskom yazyke: korpusnoe issledovanie [Constructions with complementizer *që* and subjunctive in Albanian: A corpus study]. This volume.

Morozova et al. 2016 — M. S. Morozova, T. A. Arkhangelskiy, M. A. Daniel, A. Yu. Rusakov. Albanskiy nacionalnyy korpus: osnovnye napravleniya raboty [Albanian National Corpus: main areas of work]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2016. Vol. XII. Pt. 3. P. 169–189.

RStudio 2019 — RStudio: Integrated development environment for R (Version 3.6.1). Boston, MA. Available at: http://www.rstudio.com/ (accessed on 18.12.2019).

Rushiti 2015 — R. Rushiti. Frazat lidhëzore në gjuhën shqipe (lidhja e përbërësve kallëzuesore me lidhëzat *që* dhe *se*) [Conjunction clauses in Albanian (sentential complements with conjunctions *që* and *se*)]. Tiranë: Shkronjë pas Shkronje, 2015.

Schmidtke-Bode 2014 — K. Schmidtke-Bode. Complement Clauses and Complementation Systems: A Cross-Linguistic Study of Grammatical Organization. PhD dissertation, University of Jena, 2014.

Shopen 2007 — T. Shopen. Language typology and syntactic description. Vol. II: Complex constructions. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Tagliamonte, Baayen 2012 — S. A. Tagliamonte, R. H. Baayen. Models, forests and trees of York English: Was / were variation as a case study for statistical practice. *Language Variation and Change*. 2012. Vol. 24. P. 135–178.

Sources

ANC 2011–2016 — M. Morozova, A. Rusakov, T. Arkhangelskiy. Albanian National Corpus (version 2011–2016). Available at: http://web-corpora.net/AlbanianCorpus (accessed on 29.11.2019).

ANC 2019 — M. Morozova, A. Rusakov, T. Arkhangelskiy. Albanian National Corpus. Available at: albanian.web-corpora.net (accessed on 29.11.2019).

Bota Sot — Bota Sot [The World Today]. Available at: botasot.info (accessed on 29.11.2019).

Sot.com.al — Sot [Today]. Available at: sot.com.al (accessed on 29.11.2019).

Telegrafi.com — Telegrafi.com. Available at: telegrafi.com (accessed on 29.11.2019).

Приложение 1. Таблицы

Таблица 1. Объем АНК по подкорпусам

Table 1. Albanian National Corpus size by subcorpora

Подкорпусы	**Категории анализа**	**до 1989**	**с 1990**
Художественные тексты: рассказы, романы, пьесы, песни, народные, для детей	литература	913 512; 4,63 %	1 753 333; 8,89 %
Пресса	пресса	0	12 230 215; 62,02 %
Нехудожественные тексты: научные тексты	научные тексты	17 082; 0,09 %	1 917 650; 9,72 %
Нехудожественные тексты: религиозные тексты	религиозные тексты	0	588 595; 2,98 %
Нет информации		0	432 109; 2,19 %
Общий объем корпуса по периодам [28]:		1 462 246; 7,42 %	17 352 771; 88,00 %

Таблица 2. Комплементатор vs глагол

Table 2. Complementizer vs. Verb

	them **‘сказать’**	***di*** **‘знать’**	***pyes*** **‘спрашивать’**	**Итого:**
se⁻	111 (5,63 ipm)	1323 (67,17 ipm)	94 (4,77 ipm)	1528 (77,56 ipm)
se⁺	129 (6,55 ipm)	1251 (63,5 ipm)	218 (11,07 ipm)	1598 (81,12 ipm)
Итого:	240 (12,8 ipm)	2574 (130,66 ipm)	312 (15,84 ipm)	3126 (158,68 ipm)

[28] Поскольку у части текстов, вошедших в корпус, нет метаданных о годе публикации, сумма слов по периодам не дает ста процентов корпуса. Объем таких текстов: 904321 словоупотреблений или 4,58 % АНК.

Таблица 3. Комплементатор vs союзное слово

Table 3. Complementizer vs. connecting pronoun or adverb

	***se*⁻**	***se*⁺**	**Итого:**
çfarë ‘что’	227 (11,95 ipm)	426 (22,42 ipm)	653 (34,37 ipm)
kush ‘кто’	218 (11,47 ipm)	267 (14,05 ipm)	485 (25,53 ipm)
kur ‘когда’	34 (1,79 ipm)	118 (6,21 ipm)	152 (8,00 ipm)
ku ‘где, куда’	288 (15,16 ipm)	278 (14,63 ipm)	566 (29,79 ipm)
sa ‘сколько’	244 (12,84 ipm)	183 (9,63 ipm)	427 (22,47 ipm)
si ‘как’	517 (27,21 ipm)	326 (17,16 ipm)	843 (44,37 ipm)
Итого:	1528 (77,56 ipm)	1598 (81,12 ipm)	3126 (158,68 ipm)

Таблица 4. Одновременное употребление глагола и союзного слова: сравнение данных по регионам (после 1990)[29]

Table 4. Verbs and connective words: a comparison of the regions (after 1990)

		АЛ	**КС**	**СМ**	**АЛ/КС**	**АЛ/СМ**	**КС/СМ**
them	*çfarë*	8/10	11/17	3/7	0,766; p>0,05	0,688; p>0,05	0,715; p>0,05
	kush	6/7	1/6	0/3	0,328; p>0,05	1,000; p>0,05	0,250; p>0,05
	kur	1/3	0/4	0/3	0,500; p>0,05	1,000; p>0,05	1,000; p>0,05
	ku	6/5	6/5	2/2	1,000; p>0,05	1,000; p>0,05	1,000; p>0,05
	sa	7/9	7/5	1/5	0,477; p>0,05	0,351; p>0,05	0,151; p>0,05
	si	6/5	6/11	6/4	0,440; p>0,05	1,000; p>0,05	0,256; p>0,05
di	*çfarë*	73/107	65/79	30/109	χ^2 = 0,687; p>0,05	χ^2 = 12,913; p<0,05	χ^2 = 17,599; p<0,05
	kush	52/88	52/31	34/73	χ^2 = 13,623; p<0,05	χ^2 = 0,769; p>0,05	χ^2 = 17,984; p<0,05
	kur	3/22	7/25	9/25	0,486; p>0,05	0,207; p>0,05	0,776; p>0,05
	ku	78/74	58/46	40/55	χ^2 = 0,491; p>0,05	χ^2 = 1,987; p>0,05	χ^2 = 3,708; p<0,05

[29] Поскольку здесь учитываются только те примеры, для которых есть привязка по регионам и по ареалам, общее количество меньше 3126. Это же относится и к ряду последующих таблиц: при введении любого параметра, относящегося к метаинформации, не учитываются данные, для которых этот параметр не отражен в АНК (например, отсутствует год издания).

		АЛ	КС	СМ	АЛ/КС	АЛ/СМ	КС/СМ
di	*sa*	75/53	54/22	41/52	$\chi^2 = 3{,}183$; $p>0{,}05$	$\chi^2 = 4{,}546$; $p<0{,}05$	$\chi^2 = 12{,}356$; $p<0{,}05$
	si	163/95	66/37	98/87	$\chi^2 = 0{,}025$; $p>0{,}05$	$\chi^2 = 4{,}635$; $p<0{,}05$	$\chi^2 = 3{,}327$; $p>0{,}05$
pyes	*çfarë*	1/31	3/8	3/23	0,045; $p<0{,}05$	0,316; $p>0{,}05$	0,335; $p>0{,}05$
	kush	5/13	2/4	2/10	1,000; $p>0{,}05$	0,669; $p>0{,}05$	0,568; $p>0{,}05$
	kur	1/9	2/5	1/4	0,536; $p>0{,}05$	1,000; $p>0{,}05$	1,000; $p>0{,}05$
	ku	10/13	0/7	3/14	0,063; $p>0{,}05$	0,102; $p>0{,}05$	0,529; $p>0{,}05$
	sa	1/4	1/2	2/7	1,000; $p>0{,}05$	1,000; $p>0{,}05$	1,000; $p>0{,}05$
	si	15/18	5/5	8/12	1,000; $p>0{,}05$	0,779; $p>0{,}05$	0,705; $p>0{,}05$

Таблица 5. Одновременное употребление глагола и союзного слова: сравнение данных по периодам (Албания, литературные и научные тексты)

Table 5. Verbs and connective words: a comparison of the periods (Albania, belles-letres and academic texts)

		до 1989	после 1990	
them	*çfarë*	0/1	5/8	1,000; $p>0{,}05$
	kush	6/1	4/3	0,314; $p>0{,}05$
	kur	0/1	0/1	1,000; $p>0{,}05$
	ku	1/2	5/4	0,590; $p>0{,}05$
	sa	2/1	4/5	0,590; $p>0{,}05$
	si	11/4	6/2	1,000; $p>0{,}05$
di	*çfarë*	16/6	28/31	$\chi^2 = 4{,}123$; $p<0{,}05$
	kush	26/11	23/15	$\chi^2 = 0{,}785$; $p>0{,}05$
	kur	4/5	1/8	0,161; $p>0{,}05$
	ku	30/27	43/35	$\chi^2 = 0{,}082$; $p>0{,}05$
	sa	21/13	29/18	$\chi^2 = 3{,}270$; $p>0{,}05$
	si	45/24	83/34	$\chi^2 = 0{,}662$; $p>0{,}05$
pyes	*çfarë*	0/5	1/15	1,000; $p>0{,}05$
	kush	3/1	1/6	0,087; $p>0{,}05$
	kur	0/3	1/2	0,500; $p>0{,}05$
	ku	2/3	5/11	1,000; $p>0{,}05$
	sa	1/1	0/1	1,000; $p>0{,}05$
	si	12/2	9/11	0,030; $p<0{,}05$

Таблица 6. Таблица сопряженности для *si* в функции комплементатора и союзного слова

Table 6. Cross table for *si* as a complementizer and a connective word

	***se*⁻**	***se*⁺**	**Всего**
Комплементатор	3 (0,16 ipm)	11 (0,58 ipm)	14 (0,74 ipm)
Союзное слово	503 (26,47 ipm)	310 (16,32 ipm)	813 (42,79 ipm)

Таблица 7. Таблица сопряженности для *se* после фразеологизмов с компонентом-глаголом *di*

Table 7. Cross table for *se* after phraseologisms with *di* as a component

	***se*⁻**	***se*⁺**	**Всего**
Свободное сочетание	1280 (67,37 ipm)	1228 (64,63 ipm)	2508 (132,00 ipm)
Фразеологизм	43 (2,26 ipm)	23 (1,21 ipm)	66 (3,47 ipm)

Приложение 2. Рисунки

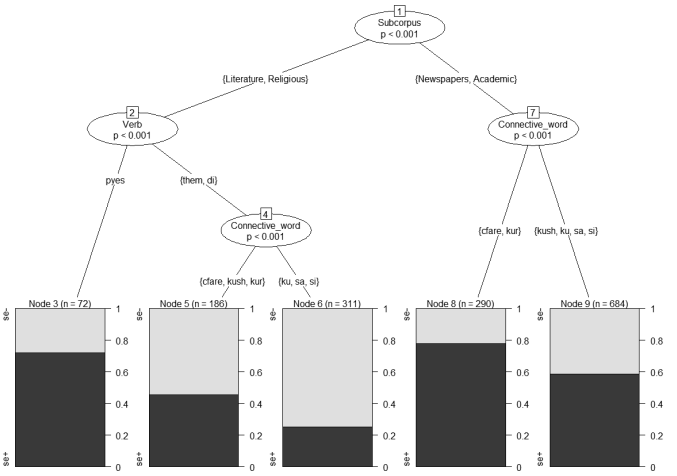

Рисунок 1. Дерево решений для выбора комплементатора (1990–)

Figure 1. Decision tree for the choice of complementizer (1990–)

Примечание к рисунку. При импорте данных в Rstudio я использую английский язык: *Verb* — глагол; *Connective_word* — союзное слово; *Subcorpus*: *Academic*, *Literature*, *Newspapers*, *Religious* — Подкорпус (научные тексты, литература, газета, религиозные тексты).

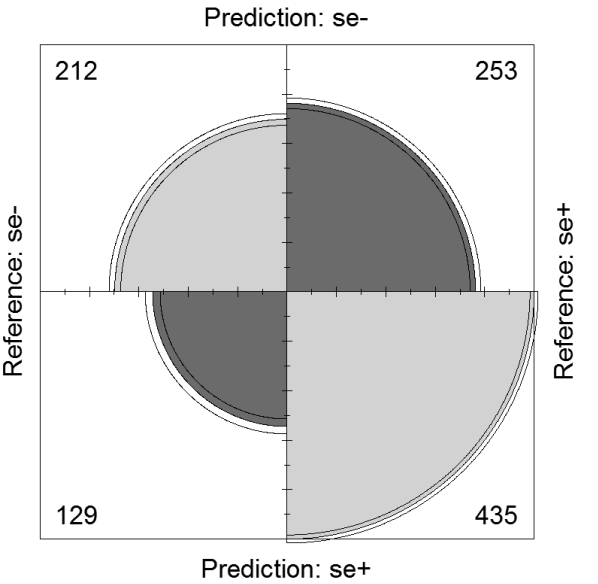

Рисунок 2. Матрица ошибок для дерева решений

Figure 2. Confusion matrix for the ctree

Примечание: *Prediction* — предсказано, *Reference* — зафиксировано.

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 214–274
DOI 10.30842/alp2306573716209

Конструкции с комплементайзером *që* и конъюнктивом в албанском языке: корпусное исследование*

М. С. Морозова
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург;
morozovamaria86@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты корпусного исследования конструкций с сентенциальными актантами (СА), оформленными (1) конъюнктивом с комплементайзером *që*, (2) конъюнктивом без *që* и (3) индикативом, в литературном албанском языке. Особое внимание уделяется конструкции «*që* + конъюнктив», которая практически не описана в существующей литературе. Предпринимается попытка установить, какие семантические классы матричных предикатов могут присоединять конструкцию «*që* + конъюнктив», а также выяснить, чем определяется выбор этого типа СА на фоне СА с индикативом и с конъюнктивом без комплементайзера.

Материал для исследования получен из Албанского национального корпуса (АНК) и анализируется с применением подходов к конструкциям с СА, предлагаемых в работах М. Нунэна, Т. Гивона, К. Бойе и П. Кехайова, Н. Р. Добрушиной, А. А. Зализняк, а также с учетом сведений об албанских конструкциях с СА, полученных из албанских грамматик и работ по албанскому синтаксису и балканистике (П. Асенова, Б. Джозеф, Р. Рушити).

Ключевые слова: албанский язык, Албанский национальный корпус (АНК), комплементайзер, сентенциальный актант, матричный предикат, индикатив, конъюнктив, конструкция «*që* + конъюнктив».

---

* Исследование проведено в рамках проекта «Корпусные и полевые исследования сентенциальных дополнений в балканских языках и диалектах» (грант РФФИ № 18-012-00607). Автор выражает глубокую благодарность редактору тома, д. ф. н. А. Ю. Русакову, и анонимному рецензенту за ценные советы и замечания к статье.

Constructions with the complementizer *që* and subjunctive mood in Albanian: A corpus study

M. S. Morozova
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg;
morozovamaria86@gmail.com

Abstract. The article presents the results of a corpus study of constructions with sentential complements in literary Albanian including: (1) subjunctives with the complementizer *që*, (2) subjunctives without *që*, and (3) indicatives. Special attention is paid to the construction "*që* + subjunctive" which is practically not described in the existing literature. We make an attempt to find out which semantic classes of matrix predicates can combine with "*që* + subjunctive" and what determines the choice of this complement type against a background of complements with indicatives and subjunctives without a complementizer.

The study is based on the material from the Albanian National Corpus (ANC). Our analysis follows the approaches to complementation proposed by M. Noonan, T. Givon, K. Boye & P. Kehayov, N. R. Dobrushina, and A. A. Zaliznyak, while taking into account the information about complementation and complementizers in Albanian, found in Albanian grammars, papers on Albanian syntax, and studies in Balkan linguistics (P. Asenova, B. Joseph, R. Rushiti). The variability of the three complement types with different matrix predicates is described on the basis of such parameters as time reference dependency of complements, epistemic dependency (truth-valued and non-truth-valued complements), relation of complements to reality (realis and irrealis), equi-relation between notional subjects of matrix and complement clauses, and the degree of control the main clause subject has over the situation and/or the subject of the complement.

Keywords: Albanian language, Albanian National Corpus (ANC), complementizer, sentential argument, matrix predicate, indicative, subjunctive, "*që* + subjunctive" construction.

1. Введение

Настоящая статья является частью исследования конструкций с сентенциальными актантами в албанском языке и посвящена изучению свойств одной из таких конструкций, состоящей из комплементайзера *që* и глагола в конъюнктиве (далее — «*që* + конъюнктив»).

В классической работе М. Нунэна комплементайзером называется элемент (слово, частица, клитика или аффикс), оформляющий сентенциальные актанты (англ. complements), к числу которых относятся предикации, выступающие в качестве подлежащих или дополнений других предикатов[1] [Noonan 2007: 52, 55]. В этой функции во многих языках используются подчинительные союзы, часто способные употребляться и в относительных или обстоятельственных зависимых клаузах, а также выполнять иные функции, в частности прагматические [Boye, Kehayov 2016, с библиографией].

В роли сентенциальных актантов (СА) в языках мира выступают как финитные, так и нефинитные конструкции. С точки зрения морфологического оформления финитных СА, для многих языков характерно противопоставление конструкций с индикативом, с одной стороны, и с формами других наклонений, выражающими то или иное модальное значение (оптатив, ирреалис, потенциалис и др.), — с другой. В [Noonan 2007] в качестве обобщающего для не-индикативных конструкций используется термин «конъюнктив», англ. Subjunctive.

Выбор синтаксического оформления СА в значительной степени зависит от семантики матричного предиката (МП). В литературе, посвященной конструкциям с СА в конкретных языках и в типологическом освещении, имеются примеры более или менее дробных семантических классификаций предикатов, которые совпадают в общих чертах, но могут различаться наборами выделяемых классов и глаголов, включаемых в тот или иной класс. См., в частности, классификации МП, используемые в [Noonan 2007; Joseph 2016; Сердобольская и др. 2012; Добрушина 2016], а также обзор классификаций предикатов внутреннего состояния в [Зализняк 1992]. Следует отметить, что многие предикаты в конкретных языках многозначны, и с семантической структурой каждого значения могут быть связаны определенные ограничения на тип субъекта и объекта и их оформление, особенности действия отрицания и т. д. Примером могут служить русские глаголы «внутреннего состояния» *бояться*, *надеяться*, *сожалеть* и *подозревать*, которые «находятся в „промежуточной области“ между чисто эмоциональными и чисто ментальными состояниями — они включают, в различном соотношении, элементы того и другого» [Зализняк 1992: 78]. От того, какой компонент значения многозначного МП актуализируется в конкретном

[1] В нашей статье рассматриваются только сентенциальные дополнения; к ним применяется общий термин «сентенциальный актант».

высказывании, в известной степени зависит оформление СА. Например, по замечанию М. Нунэна, многие английские глаголы речи, обозначающие передачу информации (*say*, *tell*, *report*, *promise*, *ask* и др.), могут употребляться и как манипулятивные предикаты. На синтаксическом уровне различие отражается в выборе разных типов СА: индикативной конструкции с комплементайзером *that* (s[entence]-like complement) в первом случае и инфинитива во втором [Noonan 2007: 121].

Для описания отношений между семантикой главного предиката и синтаксической структурой подчиненной предикации Т. Гивон [Givón 1980] вводит понятие «связанности» (англ. binding). Матричные предикаты располагаются выше или ниже по шкале связанности в зависимости от того, большее или меньшее влияние субъект МП оказывает на субъекта СА. Согласно основному принципу «иерархии связанности» (binding hierarchy) Т. Гивона, «чем выше глагол находится на шкале связанности, тем меньше вероятность того, что его СА будет оформлен независимой / главной клаузой» [Givón 1980: 337]. В семантической структуре матричных предикатов Т. Гивон выделяет эпистемический, эмотивный и импликативный компоненты, которые в разной степени присутствуют в семантике МП. Глаголы, выражающие эпистемическую оценку (*say*, *tell*, *think*, *believe*), находятся ниже других в иерархии связывания и регулярно присоединяют СА, оформленные придаточными. Импликативные МП (фазовые глаголы; МП типа *make*, *force*, *cause*) занимают в этой иерархии верхнюю позицию и чаще всего сочетаются с СА, которые сильнее связаны с главным предложением, например с инфинитивом или номинализациями [Givón 1980: 369].

По наблюдениям М. Нунэна, в языках, для которых характерно противопоставление индикатива и конъюнктива в финитных СА, подчиненный предикат употребляется в конъюнктиве в случае, если СА зависим от МП, т. е. какая-либо часть значения или интерпретации СА следует из информации, содержащейся в МП. М. Нунэн выделяет три основных типа такой зависимости:

1) зависимость временно́й референции (англ. time reference dependency), которая подразумевает, что ситуация, описанная в СА, (а) следует за ситуацией, обозначенной МП (future time reference, характерная для СА при глаголах желания, просьбы, приказа), (б) совпадает с ней во времени (например, СА фазовых глаголов) или (в) не имеет конкретной временно́й отнесенности

(вневременные ситуации и состояния, описываемые, к примеру, СА предикатов типа «нравиться»);

2) эпистемическая зависимость (truth-value / epistemic dependency), при которой предложение с СА содержит оценку истинности подчиненной предикации;
3) зависимость от дискурса (discourse dependency) — если информация, содержащаяся в СА, общедоступна или является частью фоновых знаний участников дискурса.

Первый тип зависимости наиболее распространен в языках с противопоставлением индикативных и конъюнктивных СА; вложенные предикации с конъюнктивом в этих языках практически всегда имеют зависимую временну́ю референцию [Noonan 2007: 102–104]. Тем не менее распределение разных типов СА в конкретном языке может быть устроено иначе. Так, в [Dobrushina 2012] случаи употребления *чтобы* (союз, содержащий в себе частицу сослагательного наклонения *бы*) в дополнительных придаточных разделены на два неравных класса — «целевого типа» (употребления с предикатами желания, манипуляции, деонтической необходимости и возможности и др.) и «эпистемического типа» (сочетания некоторых МП с отрицанием, вопросом, наречиями малой вероятности). Свойствами последних являются выражение низкой эпистемической оценки и отсутствие зависимой временно́й референции; субъекты главного и зависимого предложений могут быть кореферентны, вовлеченность субъекта МП в ситуацию, описываемую СА, не обязательна. Употребления целевого типа, напротив, не имеют истинностного статуса и обладают зависимой временно́й референцией; обозначаемая ими ситуация контролируется субъектом главного предложения, не допускается кореферентность субъектов главного и придаточного предложений. Этим они напоминают придаточные цели; «[м]ожно предположить, что именно близость к целевым конструкциям является основной причиной употребления сослагательного наклонения в этих придаточных предложениях» [Добрушина 2016: 302].

В нашем исследовании, которое проводилось на базе Албанского национального корпуса (АНК), мы попытаемся установить, какие албанские предикаты могут присоединять конструкцию вида «*që* + конъюнктив», а также выяснить, чем определяется выбор этой конструкции на фоне СА с индикативом и СА с конъюнктивом без комплементайзера в современном литературном албанском языке. Вариативность трех рассматриваемых типов СА в сочетании с различными МП будет

описываться с учетом следующих параметров (список составлен на основе упомянутых выше теоретических работ о конструкциях с СА и с опорой на обзор параметров, определяющих семантику комплементайзеров в разных языках мира, в [Kehayov, Boye 2016]):

1) зависимость временнóй референции СА;
2) оценка истинности высказывания, выраженного СА (наличие / отсутствие эпистемической зависимости СА, в терминах М. Нунэна): употребление трех изучаемых конструкций в СА, которые могут быть оценены говорящим как истинные / ложные, и в СА, которые не охарактеризованы по параметру истинности. В дальнейшем изложении будут использоваться введенные З. Вендлером в [Vendler 1967] понятия «факт» (применительно к СА первого типа) и «событие» (СА второго типа), содержание которых в целом соответствует содержанию широко используемых в лингвистической литературе понятий «пропозиция» (англ. proposition) и «положение дел» (англ. state-of-affairs) [Kehayov, Boye 2016: 812];
3) выражение неэпистемической модальности в СА: отношение содержания СА к реальному миру (ирреальная модальность), значение желания[2];
4) контроль со стороны субъекта главной предикации, т. е. влияние, которое он оказывает на субъекта подчиненной предикации и/или на ситуацию, описанную в ней (ср. с понятием «связанности» у Т. Гивона). Высокая степень контроля отличает, к примеру, контексты, где субъект главной предикации каузирует (в том числе вербально) ситуацию, описываемую в СА;
5) (не)кореферентность субъектов главной и подчиненной предикаций.

Конструкции с СА в албанском языке рассматриваются в ряде работ в области албановедения и балканистики, а также описаны в албанских грамматиках (наименее изученной и описанной является

[2] По мнению В. А. Плунгяна, в семантической зоне желания объединяются значения ирреальности и оценки; желание, таким образом, «является в некотором смысле центральным модальным значением, поскольку содержит все основные компоненты модальности» [Плунгян 2011: 321]. Для целей нашего описания мы противопоставляем значения эпистемической модальности (эпистемическая оценка) и неэпистемические модальные значения, к числу которых относим и желание.

конструкция «*që* + конъюнктив»). Сведения об этих конструкциях, известные из существующей литературы, кратко излагаются в *Разделе 2.* В *2.1* обсуждаются основные типы СА в албанском и других балканских языках, а в *2.2* дается характеристика албанских финитных СА, рассматриваемых в статье, и албанских комплементайзеров *që* и *se*, которые в них употребляются. Наше исследование представляет собой первую попытку изучения нескольких албанских конструкций, используемых в качестве СА, на корпусном материале. Описание процедуры исследования (список матричных предикатов и типы поисковых запросов в АНК) содержится в *Разделе 3*. В *Разделе 4* даны количественные данные об употреблении СА с конъюнктивом, «*që* + конъюнктив» и с индикативом в сочетании с различными МП. В *Разделе 5* материал, полученный из АНК, анализируется с учетом семантических свойств МП и иных параметров, которыми может определяться выбор оформления СА в конкретном контексте. *Заключение* содержит выводы о закономерностях в употреблении трех изучаемых типов СА в албанском языке, с преимущественным вниманием к конструкциям с комплементайзером *që* и конъюнктивом. В *Приложении* приведена таблица с количественными данными об использовании индикатива, конъюнктива и «*që* + конъюнктив» после рассмотренных МП.

2. Конструкции с сентенциальными актантами в албанском языке

2.1. СА в албанском и других балканских языках

Балканские языки отличаются разнообразием конструкций, используемых в качестве СА. «Существует одна морфосинтаксическая параллель, общая для всех [балканских] языков, которая особенно удивительна, а в европейском контексте еще и в высшей степени необычна. В каждом из этих языков большинство, если не все типы сентенциальных актантов, под которыми подразумеваются клаузы, выполняющие в предложении функцию аргумента, включают финитные клаузы, вводимые каким-либо подчинительным элементом, и, что немаловажно, содержащие глагольные формы, которые маркированы во всех

языках по лицу и числу, в некоторых — по аспекту, а также по времени» [Joseph 2016: 265]. В некоторых балканских языках — болгарском, румынском и албанском — СА могут оформляться также нефинитными формами и конструкциями (ср., к примеру, конструкции на основе неизменяемого причастия в албанском языке [Newmark et al. 1982: 92–101; Domi 2002a: 333–342]), в то время как в арумынском, греческом, македонском и цыганском таких конструкций нет [Joseph 2016: 266]. Нельзя не заметить, что яркой конвергентной особенностью основных балканских языков является утрата инфинитива и его замена финитными конструкциями. В частности, в литературном албанском и в его южном (тоскском) диалекте все функции инфинитива выполняет конъюнктив (алб. *mënyra lidhore*) — аналитическая форма, которая состоит из частицы конъюнктива *të* и финитной глагольной формы и присоединяется к глаголу, выступающему в качестве матричного предиката. Так называемый «новый инфинитив» в тоскском (изначально целевая конструкция с предлогом *për* ‘для’ и отглагольным артиклевым существительным среднего рода) значительно менее частотен и имеет ограниченное употребление. В северном (гегском) диалекте албанского языка имеется аналитическая форма инфинитива, представляющая собой сочетание предлога *me* ‘с’ и краткого причастия, которая употребляется регулярно и выполняет все основные инфинитивные функции [Demiraj 1988: 1004]. Нефинитные конструкции литературного языка, а также употребления разных типов СА в гегском в данной статье не изучаются.

В балканских финитных СА встречаются два основных типа подчинительных элементов:

1) маркеры вложенных глагольных предикатов обычно описываются в грамматиках как показатели наклонения (конъюнктив в албанском и румынском языках) или зависимой глагольной формы (так называемая *да*-конструкция в болгарском и македонском): алб. *të*, болг. и мак. *да*, гр. *να*, рум. *să*;
2) «канонические» комплементайзеры вводят СА, где вложенный предикат используется в индикативе (некоторые из них могут употребляться и в качестве показателя релятивизации ‘который, кто’): алб. *që* ‘что; который, кто’, *se* ‘что’; болг. *че* ‘что’, *що* ‘что, который’; мак. *дека*, (диал.) *оти*; гр. *ὅτι* ‘что’, *πώς* ‘что’, *πού* ‘что, который’; рум. *că* ‘что’, *ce* ‘что, который’, *dacă* ‘если, когда’, *de* ‘что, который’ [Асенова 1989: 112; Joseph 2016: 266].

При этом во всех балканских языках элементы двух указанных типов могут комбинироваться следующим образом: алб. *që të*, болг. *че да* (юго-зап. диал. болг. *ще да*), мак. (диал.) *оти да*, гр. *ὅτι να*, рум. (диал.), арум. и мегленорум. *că să* [Асенова 1989: 130]. Иными словами, в албанском языке «канонический» комплементайзер *që* сочетается с вложенным предикатом не только в индикативе, но и в конъюнктиве. В болгарском языке возможно употребление комплементайзера *че* как с индикативом, так и в комбинации с зависимой *да*-конструкцией. Греческий и балканороманские языки тоже допускают употребление комплементайзера с вложенным предикатом в индикативной и неиндикативной формах.

2.2. Финитные СА в албанском языке. Комплементайзеры *se* и *që*

Ниже показаны основные типы финитных СА в албанском языке, которые рассматриваются в настоящей статье. Как видно из примеров (1)–(4), разные СА могут употребляться после одного и того же МП, в данном случае — глагола *kujtoj*/*kujtohem* ‘помнить; вспоминать’. Примеры (1) и (2) иллюстрируют употребление этого предиката в сочетании с придаточными дополнительными предложениями, которые вводятся комплементайзерами *se* и *që* и содержат глагол в индикативе. В примере (3) показано оформление зависимого предиката конъюнктивом. Наконец, пример (4) включает конструкцию с комплементайзером *që* и зависимым предикатом в конъюнктиве.

Субъекты матричного и вложенного предикатов могут быть кореферентны (примеры (1), (3а), (4а)) или некореферентны (примеры (2), (3б), (4б)). В конструкциях с «*që* + конъюнктив» допускается постановка любых составляющих подчиненной предикации, включающих одно или несколько слов, между комплементайзером *që* и конъюнктивом (4б).

СА в примерах (3а), (4а) относятся к моменту, который следует за ситуацией МП, а в (3б), (4б) — к предшествующему моменту. Можно заключить, что в албанском языке СА с конъюнктивом — по крайней мере, после МП типа *kujtoj*/*kujtohem* — способны иметь независимую временну́ю референцию, т. е. их отнесенность во времени может быть не связанной логически с референцией МП [Noonan 2007: 103].

Индикатив с комплементайзером *se*

(1) *Ai* *u* *kujtua* ***se*** *këto* *dy*
он.NOM NACT помнить.NACT.AOR.3SG COMP этот.F.ACC.PL два
ditë-t *e* *fund-it* *po*
день-ACC.PL.DEF ACC.PL.DEF конец-GEN.SG.DEF PROG
thosh-te *shumë* *herë* *"faleminderit".*
сказать.IPF-IPF.3SG много раз.ACC.PL.INDF спасибо

'Он вспомнил, что в эти последние два дня часто говорил «спасибо»'. [АНК: Ismail Kadare. Gjenerali i ushtrisë së vdekur. 1963]

Индикатив с комплементайзером *QË*

(2) *I=* *vu-në* *pranga-t,*
3SG.DAT= ставить.AOR-AOR.3PL кандалы.PL-ACC.PL.DEF
ashtu *si* *qe,* *në* *operacion* *e* *sipër,*
так как быть.AOR.3SG в операция.ACC.SG.INDF и сверху
pastaj *u* *kujtua-n* ***që*** *du-hej*
потом NACT помнить-AOR.3PL COMP хотеть.NACT-NACT.IPF.3SG
të *la-nte* *gjak-un.*
SBJV мыть-IPF.3SG кровь-ACC.SG.DEF

'Они надели на него кандалы прямо во время операции и только потом вспомнили, что ему нужно смыть кровь'. [АНК: Ismail Kadare. Darka e gabuar. 2008]

Конъюнктив

(3а) *Dikush* *u* *kujtua* ***të*** *më=* *thërris-te*
кто.то.NOM NACT помнить.NACT.AOR.3SG SBJV 1SG.ACC= звать-IPF.3SG
mua.
я.ACC

'Кто-то вспомнил о том, чтобы меня позвать'. [АНК: Adem Gashi. Rrëfim me intrigue. 2001]

(3б) *Avni-u* *nuk* *kujto-n* ***të*** *ke-të*
Авни-NOM.SG.DEF NEG помнить-PRS.3SG SBJV иметь-SBJV.PRS.3SG
ardhur *dikush* *nga* *pjesëtarë-t*
приходить.PTCP кто.то.NOM из участник.PL-NOM.PL.DEF
e *FSK-së* *në* *fshat.*
NOM.PL.DEF СБК-GEN.SG.DEF в село.ACC.SG.INDF

‘Авни не помнит, чтобы кто-то из представителей СБК [*Forca e Sigurisë së Kosovës* ‘Силы безопасности Косово’] приезжал в село’. [АНК: Zëri. 2013]

Конъюнктив с комплементайзером *QË*

(4а) *Dhe*, *vetëm* *pas* *paraqitje-s*,
и только после представление-ABL.SG.DEF
protokollim-it *të* *atij* *raport-i*,
регистрация-ABL.SG.DEF M.ABL.SG.DEF TOT.M.GEN.SG отчет-GEN.SG.INDF
dikush *u* *kujtua* ***që*** ***të***
кто.то.NOM NACT помнить.AOR.3SG COMP SBJV
shëno-nte *mbi* *të.*
подписывать-IPF.3SG на он.ACC
‘И только после представления и регистрации отчета кто-то вспомнил о том, чтобы поставить на нем подпись’. [АНК: Gazeta Shqiptare. 2006]

(4б) *Ish-te* *në* *modë* *në* *atë*
быть.IPF-IPF.3SG в мода.ACC.SG.INDF в тот.ACC.SG
kohë, *në* *darka-t* *studentesk-e,* *ndonëse*
время.ACC.SG.INDF в вечер.PL-ACC.PL.DEF студенческий-F хотя
nuk *i=* *kujto-hej* ***që*** *Fritz von Schwabe*
NEG 3SG.DAT= помнить-NACT.IPF.3SG COMP Фриц фон Швабе
ta= *kish-te* *atë* *zakon.*
SBJV:3SG.ACC= иметь.IPF-IPF.3SG тот.ACC.SG привычка.ACC.SG.INDF
‘Тогда это было модно на студенческих вечеринках, хотя он не помнил, чтобы у Фрица фон Швабе была такая привычка’. [АНК: Ismail Kadare. Darka e gabuar. 1988]

В грамматических описаниях албанского языка эти конструкции с СА не рассматриваются как единый класс. Как правило, употребления конъюнктива типа (3) и (4) обсуждаются в рамках соответствующего раздела морфологии и в разделе синтаксиса «Составное сказуемое» [Domi 2002a: 320–329, 2002b: 183–188], а предложения (1) и (2) — в разделе «Сложное предложение» [Domi 2002b: 503–621]. Албанские союзы *se* и *që*, которые в примерах (1) и (2) вводят придаточные дополнительные предложения, многофункциональны и, помимо дополнительных придаточных, могут использоваться и в других типах предложений. В частности, *se* вводит придаточные субъектные,

предикативные, дополнительные и определительные предложения, а также обстоятельственные придаточные со значением причины; во всех случаях он сочетается только с вложенным предикатом в индикативе[3]. Комплементайзер *që*, как было сказано выше, употребляется и с индикативом и с конъюнктивом. Этот союз используется в субъектных, предикативных, дополнительных, определительных и в разных видах обстоятельственных придаточных: времени и места (в разговорной речи, вместо союзных слов *kur* ‘когда’ и *ku* ‘где’), причины, цели, следствия; стоит подчеркнуть, что в целевых конструкциях *që* сочетается только с конъюнктивом (см. пример (24) ниже) [Newmark et al. 1982: 305–309; FShS 2002: 1075, 1167–1168]. Важным различием между двумя союзами в современном албанском является отсутствие у *se* целевого значения, которое наблюдалось в ранних текстах, но было впоследствии утрачено [Rushiti 2015: 297], а также неспособность употребляться в качестве показателя релятивизации ‘который’. Проблема выбора союза *se* в дополнительных придаточных предложениях заслуживает отдельного рассмотрения, однако в этой статье она затрагиваться не будет.

Конструкция «*që* + конъюнктив» подробно не анализируется в литературе. Что касается выбора наклонения в СА в сочетании с различными комплементайзерами, исследователи указывают на наличие в албанском двух основных типов конструкций: с индикативными («реальными», «немодальными») и конъюнктивными («ирреальными», «модальными») СА [Асенова 1989; Joseph 2016]. По определению П. Асеновой, немодальный комплементайзер *se* вводит реальные СА с индикативом. Тем самым конструкции с *se* противопоставляются модальной форме конъюнктива, которая обозначает ирреальные действия. Союз *që* занимает промежуточное положение и способен вводить как реальные СА (с индикативом), так и ирреальные СА (с индикативом и конъюнктивом) [Асенова 1989: 117]. Б. Джозеф замечает, что, как правило, в индикативных конструкциях содержатся пропозиции, а модальные (конъюнктивные) обозначают положения дел. К числу МП, которые чаще других сочетаются с конъюнктивом, он относит глаголы долженствования, манипуляции, желания, а также предикаты состояния [Joseph 2016: 280–281].

---

[3] Об употреблении «плеонастического» *se* в придаточных предложениях с союзными словами типа *çfarë* ‘что’, *ku* ‘куда, где’, *kush* ‘когда’ см. [Макарцев, настоящий сборник]. В нашем исследовании такие примеры не учитывались.

3. Процедура исследования

3.1. Список матричных предикатов

Мы предположили, что выбор конструкции с комплементайзером *që* и конъюнктивом в албанском языке может — по крайней мере, отчасти — определяться семантикой матричного предиката, и для проверки этого предположения отобрали для исследования предикаты разных типов. Первоначальный список МП был составлен с опорой на классификацию из работы [Сердобольская и др. 2012], посвященной способам оформления СА в финно-угорских языках, где использовался формат описания, разработанный на базе типологических исследований В. П. Недялкова, В. С. Храковского, Р. Диксона и М. Нунэна, а также описаний конкретных языков.

В наш список вошли 40 предикатов, отнесенных к следующим семантическим типам:

1) фазовые предикаты: *filloj* ‘начинать(ся)’, *nis* ‘начинать(ся)’ / *nisem* ‘начинаться’, *vazhdoj* ‘продолжать(ся)’, *mbaroj* ‘заканчивать(ся)’, *përfundoj* ‘заканчивать(ся)’;
2) модальные предикаты: *duhet* ‘надо, нужно, необходимо; должен; нужен’ (безл., 3 лицо, ед. ч.), *di* ‘уметь’ (первое значение «знать»), *dua* ‘хотеть, желать; любить’, *mund* ‘мочь’ (безл., неизм.), *ka mundësi* <иметь.PRS.3SG возможность.ACC.SG.INDF> ‘возможно’ (безл., 3 лицо, ед. ч.), *është e mundur* <быть.PRS.3SG F.NOM.SG возможный> ‘возможно’ (безл., 3 лицо, ед. ч.);
3) оценочные предикаты: *është mirë* <быть.PRS.3SG хорошо> ‘хорошо’ (безл., 3 лицо, ед. ч.), *është vështirë* <быть.PRS.3SG трудно> ‘трудно’ (безл., 3 лицо, ед. ч.);
4) эмотивные предикаты: *çuditem* ‘удивляться, поражаться’, *ka-m frikë* <иметь-PRS.1SG страх.ACC.SG.INDF> ‘бояться’, *frikësohem* ‘пугаться, страшиться’, *pëlqej* ‘одобрять, находить приятным что-л.; нравиться, быть приятным’;
5) предикаты восприятия: *dëgjoj* ‘слушать, слышать’, *shikoj* ‘(о)смотреть, (у)видеть’, *shoh* ‘(у)видеть, (по)смотреть’;
6) ментальные предикаты: *besoj* ‘верить, доверять; думать, полагать’, *di* ‘знать’, *dyshoj* ‘сомневаться; подозревать’, *harroj* ‘забывать’, *kujtoj* ‘помнить, вспоминать’, *kuptoj* ‘понимать’, *mendoj* ‘думать, полагать’;

7) предикаты каузации и/или потенциальной ситуации: *bie dakord* (*dakort*) <падать.PRS.1SG в.согласии> ‘согласиться, договориться’, *bind* ‘убеждать’, *ndihmoj* ‘помогать’, *përpiqem* ‘пытаться’, *pres* ‘ждать’, *shpresoj* ‘надеяться’, *vendos* ‘решать’;
8) предикаты речи: *flas* ‘говорить’, *kërkoj* ‘требовать, просить’, *lejoj* ‘разрешать, позволять’, *lutem* ‘просить, умолять’, *premtoj* ‘обещать’, *them* ‘говорить, сказать’.

3.2. Поиск в Албанском национальном корпусе

Наше исследование основано на Албанском национальном корпусе (АНК). Это грамматически аннотированный корпус с неснятой омонимией, который содержит более 30 млн словоупотреблений (по состоянию на 21.07.2020) и включает преимущественно тексты на литературном албанском языке, написанные в период с 1970-х годов по настоящее время. Это оригинальные и переводные прозаические тексты (художественная литература, нехудожественные тексты научного, официально-делового и публицистического стилей, пресса), созданные авторами из разных частей албаноязычного ареала (Албания, Косово, Северная Македония), а также албанская поэзия (подкорпус албанской поэзии охватывает период с конца XIX по начало XXI в.).

Для всех 40 матричных предикатов списка, приведенного в *3.1*, был выполнен поиск в АНК и подсчитано количество примеров с комплементайзером *se*, с *që* в сочетании с индикативом и конъюнктивом и с формой конъюнктива без комплементайзера. С каждым предикатом создавались следующие поисковые запросы:

1) конструкции с *se*: МП (лемма) [расстояние от 1 до 2] союз *se*;
2) конструкции с *që* с индикативом и конъюнктивом: МП (лемма) [расстояние от 1 до 2] союз *që*;
3) конструкции с конъюнктивом: МП (лемма) [расстояние от 1 до 2] частица конъюнктива *të* (вернее, «слово» *t** в сочетании с пометами VB_PART | CLIT_PRO, поскольку *të* может сливаться с расположенной после нее местоименной клитикой, как в примере (5) ниже) [расстояние от 1 до 3] грамматический тег для глагола (V), включающий любой вложенный предикат в результаты поиска.

Поиск с интервалом расстояний не менее трех до второго глагола при составлении выборки примеров с конъюнктивом использовался из-за того, что между частицей конъюнктива и глагольной словоформой может располагаться отрицательная частица *mos*, а также одна или две местоименные клитики.

(5) ⟨…⟩ *i* *lut-ej* *të* ***mos*** ***i***=
3SG.DAT= просить-NACT.IPF.3SG SBJV NEG 3SG.DAT=
thosh-te *ato* *fjalë.*
говорить.IPF-IPF.3SG тот.F.ACC.PL слово.ACC.PL.INDF
'⟨…⟩ она просила его не говорить ей тех слов'. [АНК: Panorama. 2016]

Расстояние от 1 до 2 между МП и СА было предусмотрено из-за того, что элементы изучаемых конструкций (матричный предикат, вложенный предикат, комплементайзер) не всегда непосредственно следуют друг за другом, как в приводившихся ранее примерах (3) и (4). Между МП и зависимой предикацией могут находиться: подлежащее матричного или — при кореферентности субъектов — матричного и вложенного предикатов, другое дополнение матричного предиката, обстоятельственные слова (6).

(6) *Kjo* *më=* *ndihmo-i* ***shumë*** *që* *të*
этот.F.NOM.SG 1SG.ACC= помогать-AOR.3SG много COMP SBJV
lexo-ja *me* *lehtësi* *shumë* *libra.*
читать-IPF.1SG с легкость.ACC.SG.INDF много книга.ACC.PL.INDF
'Это очень помогло мне с легкостью прочесть много книг'. [АНК: Enver Hoxha. Vite të vegjëlisë. 1983]

Следует отметить, что между МП и СА любого из указанных типов могут находиться словосочетания и целые предложения. Для поиска таких примеров необходимо задавать расстояние, большее чем «от 1 до 2», между элементами поискового запроса. Но с увеличением дистанции растет и количество «шума» в результатах поиска, поэтому конструкции с расстоянием больше двух слов нами не проверялись.

Все примеры в полученных выборках обрабатывались вручную, поскольку необходимо было исключить из них контексты, содержащие поисковый «шум» (порой довольно многочисленные). Если количество примеров в выборке превышало 1000, то проверялись только первые 500, а общее число анализируемых примеров определялось с учетом процента «шума», обнаруженного при обработке этих 500 примеров.

4. Количественное распределение СА с индикативом, конъюнктивом и «*që* + конъюнктив»

На *Рис. 1* показано количественное распределение трех основных типов СА, рассматриваемых в статье (дополнительные придаточные с индикативом и комплементайзером *se* / *që*, конъюнктив, конструкция «*që* + конъюнктив»), в сочетании с МП выделенных нами семантических групп. Группы МП распределены на горизонтальной оси по убыванию доли СА с конъюнктивом.

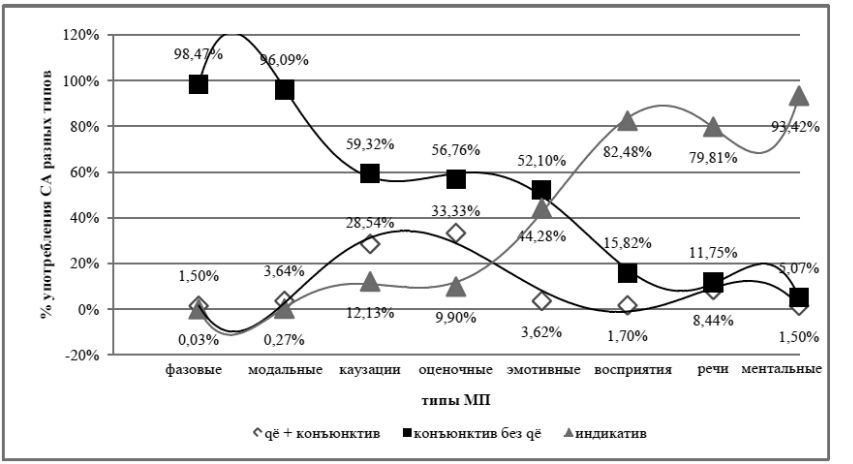

Рис. 1. СА с конъюнктивом и индикативом при разных типах МП

Fig. 1. Subjunctive and Indicative complements following different MP types

Из диаграммы видно, что уменьшение доли конъюнктива без *që* коррелирует с увеличением доли индикатива (для удобства тенденция показана на диаграмме с помощью линий тренда). Явное преобладание конъюнктива над индикативом наблюдается после фазовых, модальных и оценочных МП, а также после предикатов каузации (и потенциальной ситуации). Менее выражено преобладание конъюнктива в конструкциях с эмотивными предикатами. Остальные — ментальные МП, предикаты восприятия и речи — чаще сочетаются с СА в индикативе, чем с конъюнктивом.

Конструкция «*që* + конъюнктив» встречается с большинством предикатов менее чем в 4 % примеров. Среди них есть как предикаты,

регулярно присоединяющие конъюнктив без *që* (модальные, эмотивные и фазовые МП), так и глаголы, которые обычно сочетаются с СА в индикативе (эмотивные, ментальные). Конструкцию «*që* + конъюнктив» чаще других присоединяют «конъюнктивные» оценочные МП (33,33 %) и МП каузации (28,54 %). Данные на *Рис. 1* позволяют заключить, что конструкция «*që* + конъюнктив» представляет собой особый тип СА, распределение которого не совпадает с распределением как чисто конъюнктивных, так и индикативных СА.

Диаграмма на *Рис. 2* иллюстрирует соотношение употреблений «*që* + конъюнктив», конъюнктива и индикатива в сочетании с разными МП нашего списка. Предикаты сгруппированы по семантическим типам (их порядок на *Рис. 2* соответствует порядку на *Рис. 1*) и ранжированы внутри каждого типа по убыванию доли конъюнктива без *që*. Исходные данные для диаграммы см. в Приложении.

Как видно из диаграммы, внутри некоторых семантических групп частотность употребления с «*që* + конъюнктив» неодинакова у разных глаголов. Доля таких употреблений для МП восприятия, ментальных и фазовых глаголов начала и продолжения действия (*filloj* и *nis* / *nisem* ‘начинать(ся)’, *vazhdoj* ‘продолжать(ся)’) не превышает медианного значения, составляющего 3,78 %. Глагол завершения действия *mbaroj* ‘заканчивать(ся)’ не присоединяет ни один из рассматриваемых типов СА. Глагол *përfundoj* ‘заканчивать(ся)’ сочетается с «*që* + конъюнктив» в 18,18 % случаев, однако малое число примеров (7 с конъюнктивом, по 2 примера с индикативом и с «*që* + конъюнктив») не позволяет считать этот результат показательным[4].

Эмотивный МП *kam frikë* ‘бояться’ присоединяет конструкцию «*që* + конъюнктив» в 1,59 % случаев, в то время как с остальными МП этой группы данный тип СА встречается несколько чаще. Для глагола *çuditem* ‘удивляться’ доля примеров с «*që* + конъюнктив» составила 10,61 % (7 из 66 случаев), однако, как и в случае с *përfundoj*, общее число примеров невелико и, возможно, недостаточно репрезентативно. Среди эмотивных МП, большинство которых сочетается с СА в индикативе, обращает на себя внимание глагол *pëlqej* ‘любить, нравиться’,

[4] Основным (для *përfundoj*) или единственным (для *mbaroj*) синтаксическим типом СА, который может употребляться с терминативными фазовыми глаголами, является нефинитная конструкция, исторически представляющая собой аблатив отглагольного существительного среднего рода вида *së bëri* (ABL.SG делание.ABL.SG.INDF) [Морозова 2015].

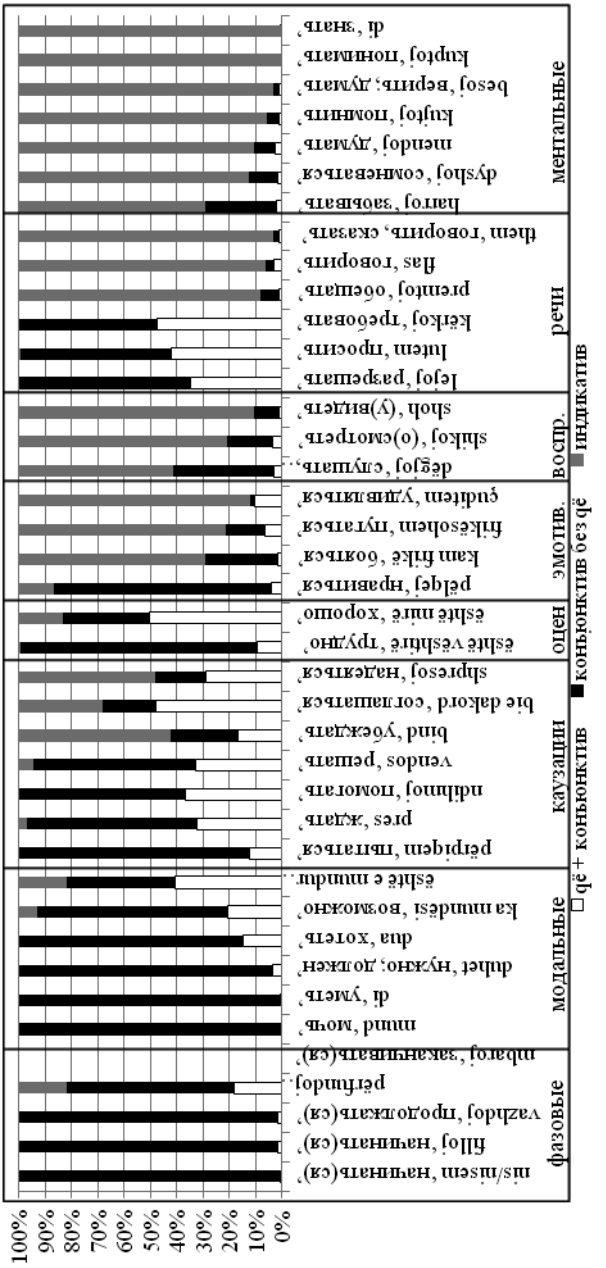

Рис. 2. Конструкция «*që* + конъюнктив» и другие типы СА при разных МП

Fig. 2. Subjunctive with *që* and other complements following different MPs

для которого употребление с индикативом нехарактерно (13,02 % примеров).

С МП каузации и потенциальной ситуации «*që* + конъюнктив» встречается в 29–47 % примеров (кроме глаголов *bind* ‘убеждать’ и *përpiqem* ‘пытаться’, которые употребляются с «*që* + конъюнктив» в 16,73 % и 12,15 % случаев соответственно). Глаголы, объединенные в эту группу, неодинаково употребляются с двумя другими типами СА: при одних преобладает индикатив, при других — конъюнктив.

Частотность употребления с «*që* + конъюнктив» модальных МП варьирует от <1 % до 41 %, оценочных — от 9,36 % (*është vështirë* ‘трудно’) до 50,21 % (*është mirë* ‘хорошо’). Как представляется, в случае этих МП на диаграмме усматривается корреляция между повышением частотности «*që* + конъюнктив» и возможностью использования того или иного МП в сочетании с СА в индикативе[5].

МП речи образуют две противопоставленные группы. В первую входят глаголы *kërkoj* ‘требовать, просить’, *lutem* ‘просить’ и *lejoj* ‘разрешать’, после которых «*që* + конъюнктив» встречается часто (35–47 %), а во вторую — глаголы *flas* ‘говорить’, *premtoj* ‘обещать’ и *them* ‘говорить, сказать’, в сочетании с которыми эта конструкция почти не употребляется (1–3 % случаев). Это разделение коррелирует с выбором индикатива / конъюнктива: глаголы *kërkoj*, *lutem* и *lejoj* присоединяют только конъюнктив, а *flas*, *premtoj* и *them*, напротив, редко сочетаются с СА в конъюнктиве (3,51 %, 6,8 % и 2,19 % примеров соответственно). Заметим, что поведение МП первой группы, основным значением которых является побуждение адресата речи к действию, сближается с МП каузации (и потенциальной ситуации), в то время как предикаты второй сопоставимы с ментальными МП и предикатами восприятия.

Наблюдаемые отличия в употреблении предикатов с разными типами СА могут быть обусловлены, с одной стороны, особенностями значения самих глагольных лексем и актуализацией различных его компонентов в конкретных контекстах, а с другой — свойствами этих контекстов. В следующем разделе мы рассмотрим выделенные группы предикатов и сравним контексты, в которых при них употребляются

---

[5] В выборке нет примеров с индикативными СА после модальных МП *di* ‘уметь’, *mund* ‘мочь’ и оценочного МП *është vështirë* ‘трудно’. Употребление модальных МП *duhet* ‘нужно, должен’ и *dua* ‘хотеть’ с индикативом отмечено менее чем в 1 % случаев (20 из 43978 примеров и 23 из 12531 примера).

СА с индикативом, конъюнктивом без *që* и «*që* + конъюнктив». Вначале будут рассмотрены предикаты каузации и потенциальной ситуации, при которых «*që* + конъюнктив» встречается чаще всего, и примыкающие к ним МП речи. Затем мы проанализируем предикаты, для которых более характерно употребление с индикативом (ментальные, эмотивные, МП восприятия) и с конъюнктивом (фазовые, модальные, оценочные).

5. СА с конъюнктивом, индикативом и «*që* + конъюнктив» при разных типах МП

5.1. МП каузации и потенциальной ситуации

К группе «МП каузации и потенциальной ситуации» мы отнесли предикаты, которые в основном значении подразумевают, что ситуация, описываемая СА, не относится к реальному миру (потенциальна) и агенс МП каузирует ее или иным образом вовлечен в ее возникновение: *bie dakord (dakort)* ‘согласиться’, *bind* ‘убеждать’, *ndihmoj* ‘помогать’, *përpiqem* ‘пытаться’, *pres* ‘ждать’, *shpresoj* ‘надеяться’, *vendos* ‘решать’. Предполагается, что СА имеют зависимую временну́ю референцию и описывают события, наступающие (или не наступающие, как в случае «пытаться») после ситуации главного предиката; в таких контекстах ожидается оформление СА конъюнктивом.

По данным нашей выборки, *ndihmoj* и *përpiqem* не сочетаются с СА в индикативе, но при этом могут присоединять не только «чистый» конъюнктив (63,42 % и 87,85 %), но и конструкцию «*që* + конъюнктив» (36,58 % и 12,15 % примеров соответственно). Глагол *pres* сочетается с индикативом в 3,05 %, *vendos* — в 5,56 % примеров. При других МП этой группы индикатив употребляется чаще (*bie dakord* — 32,32 % примеров) или незначительно преобладает над двумя другими типами СА (*shpresoj* и *bind* — 51,91 % и 57,77 % примеров). Как и глаголы *ndihmoj* и *përpiqem*, остальные предикаты каузации и потенциальной ситуации сочетаются также с обоими типами «конъюнктивных» СА.

На распределение трех рассматриваемых типов СА может влиять несколько факторов, которые удобно рассмотреть на примере глаголов типа «надеяться». Во-первых, в семантике самого глагола выделяются

два компонента, эпистемический и желательный. Первый преобладает в высказываниях *Я надеюсь, что он приедет* (т. е. считаю вероятность его приезда высокой), второй — в случаях типа *Я надеюсь на его приезд* (желаю его приезда и воспринимаю как нечто позитивное) [Зализняк 1992: 96, 102]. У русского *надеяться* эпистемическое значение является основным, что подтверждается корпусными данными [Добрушина 2016: 279]. Во-вторых, на оформление СА влияет степень контроля над объектом — ситуацией СА — со стороны субъекта главного предиката. При русском *надеяться* объект обычно «представляет собой единичную неконтролируемую ситуацию, относящуюся к будущему или к миру мнений субъекта», и СА в таком случае оформляется изъявительным наклонением [Зализняк 1992: 100]. Однако «при совпадении субъекта состояния с главным участником ситуации, описываемой подчиненной предикацией» после *надеяться* чаще используется инфинитив (*Надеюсь тебя убедить*, т. е. собираюсь предпринять контролируемые действия для этого, но не уверен в результате) [Там же]. В-третьих, по замечанию М. Нунэна, дезидеративный предикат типа *hope* ‘надеяться’ обычно присоединяет придаточные предложения в качестве СА (non-reduced complements), но когда субъекты главной и зависимой предикаций кореферентны, может сочетаться с конъюнктивом или с инфинитивом, который в языках мира сильнее всего ассоциируется с кореферентностью субъектов, как другие дезидеративные глаголы (*want* ‘хотеть’) [Noonan 2007: 133–134].

Албанский глагол *shpresoj* ‘надеяться’, который мы рассмотрим первым, может присоединять СА, имеющие референцию к прошлому, в индикативе (7) и в конъюнктиве (8), Такие примеры, впрочем, не были частотны в нашей выборке; в большинстве случаев глагол *shpresoj* был ориентирован проспективно.

(7) ⟨…⟩ *shpreso-n* *që* *gjysm-a* *e*
надеяться-PRS.3SG COMP половина-NOM.SG.DEF F.SG.NOM
qeveri-së *nuk* ***ka*** ***ardhur***
правительство-GEN.SG.DEF NEG иметь.PRS.3SG приходить.PTCP
me *fjalime* *të* *gatshm-e* *kundër* *tij.*
с выступление.ACC.PL.INDF PL.INDF готовый-F против он.ABL
‘…он надеется, что половина членов правительства не пришла с подготовленными речами против него’. [АНК: Panorama. 2017]

(8) ⟨…⟩ *në* *terren* *shpreso-j* ***të***
в площадка.ACC.SG.INDF надеяться-PRS.1SG SBJV

ke-në ***filluar*** *punime-t.*
иметь-SBJV.PRS.3PL начинаться.PTCP работа.PL-NOM.PL.DEF
‘…надеюсь, что на площадке уже начались работы’. [АНК: Panorama. 2016]

На базе выборки, в которую вошло по 100 случайных примеров с МП *shpresoj* в сочетании с каждым из трех изучаемых типов албанских СА, мы рассмотрели употребление конструкций с кореферентными и некореферентными субъектами. Результаты представлены в *Таблице 1* (расхождение между распределениями статистически значимо согласно критерию Пирсона χ^2, p<<0,01).

Таблица 1. Кореферентность субъектов в конструкциях с МП *shpresoj* ‘надеяться’

Table 1. Equi-relation between notional subjects in constructions with *shpresoj* ‘hope’

	С кореферентными субъектами	**С некореферентными субъектами**
Индикатив (с *që*)	4	96
që + конъюнктив	39	61
Конъюнктив	54	46

Из *Таблицы 1* видно, что в подавляющем большинстве примеров с СА в индикативе субъекты главной и подчиненной предикаций не кореферентны. Конструкции с конъюнктивом чаще кореферентны, но количественные различия не так велики, как в случае с индикативом. Конструкция «*që* + конъюнктив» занимает промежуточное положение и встречается в конструкциях с некореферентными субъектами реже, чем индикатив, но чаще, чем конъюнктив без *që*.

Рассмотрев отдельно примеры с некореферентными субъектами, мы отметили, что разное оформление СА в этих примерах может быть отчасти обусловлено актуализацией разных компонентов значения МП *shpresoj*. В конструкциях с индикативом глагол выражает скорее оценку вероятности подчиненной ситуации, а в сочетаниях с конъюнктивом сильнее выражен желательный компонент значения. Так, в примере (9) желание говорящего явно выражено глаголом *dëshiroj* ‘хотеть, желать’, в то время как *shpresoj* указывает на высокую вероятность осуществления сказанного. В примере (10) подразумевается, что говорящий «хотел, чтобы Разиу опьянел» (зная, что Разиу не пьянеет, говорящий не мог считать это высоковероятным).

(9) *Dëshiro-j* *dhe* *shumë* *shpreso-j* ***që***
желать-PRS.1SG и много надеяться-PRS.1SG COMP
gjenerata-t *më* *të* *re-ja* *në*
поколение.PL-ACC.PL.DEF COMPR PL.DIST молодой-F.PL в
këtë *drejtim* *do* *të* *bë-jnë*
этот.ACC.SG направление.ACC.SG.INDF FUT SBJV делать-PRS.3PL
progres *edhe* *më* *të* *madh.*
прогресс.ACC.SG.INDF еще COMPR ACC.SG.DIST большой.M.SG
'Я хочу и очень надеюсь, что более молодые поколения добьются еще большего прогресса в этом направлении'. [АНК: Koha.mk. 2012]

(10) *Shpreso-ja* ***të*** *deh-ej* *Razi-u*
надеяться-IPF.1SG SBJV пьянеть-INACT.IPF.3SG Разиу-NOM.SG
për *të* *dëgjuar* *ndonjë* *gjë*
для ACC.SG.DIST слышать.PTCP какой.нибудь вещь.ACC.SG.INDF
më *të* *çuditshm-e,* *që* *nuk* *thu-hen*
COMPR ACC.SG.DIST удивительный-F REL NEG сказать-INACT.PRS.3SG
kurrë *esëll,* *por* *ai* *nuk* *deh-ej* *kurrë.*
никогда трезво но он.NOM NEG пьянеть-INACT.IPF.3SG никогда
'Я надеялся, что Разиу опьянеет, чтобы услышать что-нибудь особенное, что никогда не говорится на трезвую голову, но он никогда не пьянел'. [АНК: Visar Zhiti. Të burgosur, të paburgosur, të tjerë larg. 2000-e]

Пример (11) иллюстрирует употребление «*që* + конъюнктив». Как и в примере (9) с индикативом, значение МП *shpresoj* подразумевает оценку вероятности ситуации, описанной в СА (именно такую оценку просит дать собеседник говорящего, см. первое предложение примера). Однако употребление конъюнктива после *që*, на наш взгляд, вносит в высказывание модальный оттенок желания: говорящий хотел бы, чтобы победил Йоса.

(11) *<Josa apo Starova, kush del i fituar? — Të dy i njoh mjaft mirë, pasi si me Mirelin dhe Sulën kam punuar me vite. Janë trajnerët më të mirë pa dyshim.>*
Por *unë* *këtë* *herë* *ano-j*
но я.NOM этот.ACC.SG раз.ACC.SG.INDF склоняться-PRS.1SG
nga *Josa,* *shpreso-j* ***që*** ***të***
к Йоса.NOM.SG надеяться-PRS.1SG COMP SBJV

fito-jë *ai*.
побеждать-SBJV.PRS.3SG OH.NOM

‘<Йоса или Старова, кто выйдет победителем? — Я достаточно хорошо знаю обоих, поскольку по много лет работал и с Мирелем, и с Сулем [Сулейманом]. Без сомнения, это самые лучшие тренеры.> Но я в этот раз на стороне Йосы, надеюсь, что он победит’. [АНК: Panorama. 2017]

МП потенциальной ситуации *pres* ‘ждать’, близкий по значению *shpresoj* ‘надеяться’, отличается от него тем, что «область возможной оценки вероятности у ‘ждать’ смещена в сторону большей уверенности по сравнению с ‘надеяться’» [Зализняк 1992: 97]. В русском *ждать* присоединяет сослагательное наклонение, когда указывает на желание субъекта («хотеть, чтобы нечто произошло»), и изъявительное — когда означает «думать, что нечто произойдет» [Добрушина 2016: 280].

В нашей выборке *pres* ‘ждать’, в отличие от *shpresoj* ‘надеяться’, почти не употребляется с индикативом. Индикатив встречается в 3,05 % примеров с *pres*, в 32,16 % случаев употребляется «*që* + конъюнктив» и в 64,79 % — конъюнктив без *që*. Результаты анализа трех выборок по 100 примеров с *pres* ‘ждать’ с точки зрения кореферентности главной и зависимой предикаций показаны в *Таблице 2*. Различие статистически значимо, χ^2, p<<0,01[6]. Результат в целом совпадает с распределением, полученным для МП *shpresoj* (см. *Таблицу 1*).

Таблица 2. Кореферентность субъектов в конструкциях с МП *pres* ‘ждать’

Table 2. Equi-relation between notional subjects in constructions with *pres* ‘wait’

	с кореферентными субъектами	**с некореферентными субъектами**
индикатив (с *që*/*se*)	7	93
që + конъюнктив	26	74
конъюнктив	52	48

На примере выражения *mezi pres* (едва ждать.PRS.1SG), близкого рус. *жду не дождусь* и подразумевающего сильное желание субъекта МП, чтобы ситуация СА имела место, можно наблюдать различия в употреблении трех изучаемых типов СА. По данным нашей выборки, в сочетании с этим выражением невозможны СА в индикативе, который,

[6] В выборки не вошли примеры с *pritet* ‘ожидается’, о которых см. ниже.

как и в случае с *shpresoj* ‘надеяться’ и с русским *ждать*, используется в контекстах, содержащих эпистемическую оценку ситуации СА, но не указание на желание субъекта. Конъюнктив присоединяется к *mezi pres* в контекстах, в которых выражается желательный компонент, в то время как о вероятности ситуации, описываемой СА, ничего не известно (см. пример (12) — ученица не знает, дадут ей разрешение уйти или нет). Примеры, где *mezi pres* сочетается с конструкцией «*që* + конъюнктив», помимо компонента желания, содержат оценку вероятности ситуации, описываемой подчиненной предикацией. Так, в (13) героине точно известно, что она поедет в Дивьяку (см. предшествующий контекст), и она с нетерпением ждет этого события.

(12) *Han-a* *mbet-i* *në* *këmbë* *si*
Хана-NOM.SG оставаться-AOR.3SG в нога.ACC.PL.INDF как
një *nxënëse* *që* *mezi* *pret* ***të***
INDF ученица.NOM.SG.INDF REL едва ждать.PRS.3SG SBJV
largo-het *me* *vrap* *për* *në*
удаляться-INACT.PRS.3SG с бег.ACC.SG.INDF для в
shtëpi, *pasi* *t’i=* *ke-në*
дом.ACC.SG.INDF после.того.как SBJV:3SG.DAT= иметь-SBJV.PRS.3PL
dhënë *leje.*
давать.PTCP разрешение.ACC.SG.INDF
‘Хана стояла, как ученица, которая ждет не дождется, чтобы убежать домой, как только ей разрешат’. [АНК: Ben Blushi. Të jetosh në ishull. 2008]

(13) *<Mina, — shkruante ajo, — unë në fund të kësaj javе do të nisem për në Divjakë. Atje do të xhirojmë një film.>* ⟨…⟩
Mezi *pres* ***që*** ***të*** *nis-em*
едва ждать.PRS.1SG COMP SBJV отправлять-INACT.PRS.1SG
në *Divjakë.*
в Дивьяка.ACC.SG.INDF
‘<Мина, — писала она, — я в конце недели отправляюсь в Дивьяку. Там мы будем снимать фильм.> ⟨…⟩ Жду не дождусь, когда [букв. «что»] отправлюсь в Дивьяку’. [АНК: Dritëro Agolli. Trëndafili në gotë. 1980]

Более чем в половине примеров с «*që* + конъюнктив» глагол *pres* употребляется в форме 3-го лица ед. ч. неактивного залога (*pritet* ‘ожидается’), в то время как конъюнктив и индикатив реже встречаются

в таких конструкциях. Употребление индикатива возможно в контекстах с безличным *pritet*, где субъекты главной и зависимой предикаций, соответственно, не могут быть кореферентными (14а). Среди примеров с конъюнктивом и «*që* + конъюнктив» преобладают конструкции с подъемом субъекта подчиненной предикации в позицию подлежащего главной предикации (Subject–Subject raising, см. [Noonan 2007: 81]). Это приводит к тому, что вся конструкция становится кореферентной (14б). Примеров с подъемом субъекта и индикативом в подчиненной предикации в АНК не обнаружено.

(14а) *Prit-et* ***që*** *Shkumbin* *Sherifi* *dhe* *Aly*
ждать-INACT.PRS.3SG COMP Шкумбин Шерифи.NOM.SG и Али
Elshiekh *do* *të* *paraqit-en* *për*
Эль-Шейх.NOM.SG FUT SBJV представлять-INACT.PRS.3PL для
të *parë-n* *herë* *në* *gjyq*
ACC.SG.DIST первый-ACC.SG.DEF раз.UM.SG в суд.ACC.SG.INDF
këtë *të* *premte.*
этот.ACC.SG ACC.SG.DIST пятница.ACC.SG.INDF
'Ожидается, что Шкумбин Шерифи и Али Эль-Шейх впервые предстанут перед судом в эту пятницу'. [АНК: Koha.mk. 2012]

(14б) *Milanovski* *prit-et* ***që*** ***të***
Милановски ждать-INACT.PRS.3SG COMP SBJV
debuto-jë *menjëherë* *në* *dy* *ndeshje-t*
дебютировать-SBJV.PRS.3SG сразу в два матч-ACC.PL.DEF
miqësor-e.
дружеский-F
'Ожидается, что Милановски будет дебютировать сразу в двух товарищеских матчах'. [АНК: Zëri. 2013]

После предикатов *ndihmoj* 'помогать', *vendos* 'решать' и *përpiqem* 'пытаться', в отличие от *shpresoj* 'надеяться', не встречается или почти не встречается индикатив. Это объясняется не только наличием у СА таких предикатов (зависимой временно́й) референции к будущему, но и высокой степенью единства событий, обозначаемых МП и предикатом в составе СА. В языках мира такие МП занимают высокую позицию в иерархии связанности и могут сочетаться с инфинитивом (ср. англ. *try* 'пытаться') [Givon 1980]; в албанском единственной возможностью оказывается употребление «связанного» наклонения — конъюнктива.

МП *ndihmoj* ‘помогать’, *vendos* ‘решать’ и *përpiqem* ‘пытаться’ накладывают определенные ограничения на кореферентность субъектов конструкций. Очевидно, что субъекты *ndihmoj* (в абсолютном большинстве случаев, кроме «помочь себе») некореферентны, субъект *përpiqem* — кореферентен субъекту подчиненной предикации, в то время как субъекты глагола *vendos* и подчиненной ему предикации могут быть как кореферентными, так и некореферентными. Выбор разных типов СА в контекстах с этими глаголами может определяться различиями в степени контроля над ситуацией СА со стороны субъекта МП, которые, в свою очередь, могут зависеть от разных факторов, к примеру (не)одушевленности субъекта МП. В *Таблице 3* представлены результаты анализа конструкций с одушевленными и неодушевленными субъектами МП в двух выборках по 100 примеров: *ndihmoj* в сочетании с «*që* + конъюнктив» и с конъюнктивом без *që*. Различие, отраженное в таблице, статистически значимо, χ^2, $p<<0{,}01$.

Таблица 3. Типы субъектов и конструкций с МП *ndihmoj* ‘помогать’

Table 3. Types of notional subjects and constructions with *ndihmoj* ‘help’

	Одушевленный субъект		**Неодушевленный субъект**	
	Действие	**Ситуация**	**Действие**	**Ситуация**
që + конъюнктив	13	24	17	46
Конъюнктив	49	2	37	12

В примерах с «*që* + конъюнктив» преобладают неодушевленные субъекты (всего 63 из 100 примеров), а в контекстах с конъюнктивом одушевленных и неодушевленных почти поровну (51 и 49 примеров). Обращают на себя внимание два типа конструкций. К первому типу, помеченному в таблице как «действие», относятся примеры, в которых трехместный предикат *ndihmoj* ‘помогать’ имеет объект, выраженный существительным или (кратким) местоимением в аккузативе, который совпадает с действующим субъектом СА (т. е. «субъект МП помогает субъекту СА совершить действие»); субъект СА при этом не выражен вследствие «устранения при совпадении» (англ. equi-deletion, см. [Noonan 2007: 80]). В таких, собственно каузативных контекстах преобладают СА с конъюнктивом, предполагающим высокую степень контроля и связанности ситуаций СА и МП (15а), (15б). Второй тип, «ситуация», включает примеры, где глагол *ndihmoj* не имеет актантов, кроме подчиненной предикации, описывающей ситуацию («субъект

МП воздействует на ситуацию, в которой участвует субъект СА»). В таких случаях чаще используется «*që* + конъюнктив» (16а), (16б).

(15а) *Me* *kujdes* *e=* *ndihmo-n* ***të***
с забота.ACC.SG.INDF 3SG.ACC= помогать-PRS.3SG SBJV
ul-et *mbi* *bar-in* *e* *thatë.*
сажать-INACT.PRS.3SG на трава-ACC.SG.DEF ACC.SG.DEF сухой
'Он осторожно помогает ей сесть на сухую траву'. [АНК: Panorama. 2015]

(15б) *«Instagram»* *ju=* *ndihmo-n* ***të***
Инстаграм.NOM.SG 2PL.ACC= помогать-PRS.3SG SBJV
planifiko-ni *pushime-t* *tuaj.*
планировать-PRS.2PL отдых.PL-ACC.PL.DEF ваш.ACC
'«Инстаграм» помогает вам планировать свой отпуск'. [АНК: ATSh. 2016]

(16а) *Edhe* *ti,* *edhe* *Demk-a,* *ndihmua-t* ***që***
и ты.NOM и Демка-NOM.SG помогать-PRS.2PL COMP
raport-i ***të*** *përpilo-hej* *mirë*
отчет-NOM.SG.DEF SBJV составлять-INACT.IPF.3SG хорошо
dhe *saktë.*
и точно
'И ты, и Демка способствовали тому, что отчет был составлен хорошо и точно'. [АНК: Dritëro Agolli. Shkëlqimi dhe rënia e shokut Zylo. 1972]

(16б) ⟨…⟩ *gjoba-t* *ndihmo-jnë* ***që*** ***të***
штраф.PL-NOM.PL.DEF помогать-PRS.3PL COMP SBJV
dal-ë *vend-i* *nga* *kriz-a.*
выходить-SBJV.PRS.3SG страна-NOM.SG.DEF из кризис-NOM.SG.DEF
'…штрафы способствуют тому, что страна выходит из кризиса'. [Naqo Thani. Murmashët. 2010]

С глаголом *përpiqem* 'пытаться' (также «предпринимать усилия», «стараться»), который регулярно присоединяет СА в конъюнктиве, «*që* + конъюнктив» встречается в 12,15 % примеров. Бóльшую часть этих примеров составляют контексты с некореферентными субъектами (17а), в которых «*që* + конъюнктив» имеет целевое значение (об употреблении *që* в целевых конструкциях см. *2.2*). Мы полагаем, что таким же образом можно интерпретировать и более редкие примеры

с кореферентными субъектами (17б) или, во всяком случае, объяснить использование в них конструкции «*që* + конъюнктив» аналогическим влиянием.

(17а) *Të* *gjithë* *ja-në* *përpjekur* ***që***
PL.DIST все быть-PRS.3PL пытаться.PTCP COMP
Shqipëri-a ***të*** *ec-ë* *përpara.*
Албания-NOM.SG.DEF SBJV идти-SBJV.PRS.3SG вперед
'Все предпринимали усилия [для того], чтобы Албания двигалась вперед'. [АНК: Zëri. 2013]

(17б) *Përpiq-ej* ***që*** ***të*** *mba-nte*
пытаться-NACT.IPF.3SG COMP SBJV держать-IPF.3SG
kal-in *në* *vend.*
конь-ACC.SG.DEF в место.ACC.SG.INDF
'Он предпринимал усилия [для того], чтобы удержать коня на месте'. [АНК: Jakov Xoxa. Lumi i vdekur. 1971]

Глагол *bind* 'убеждать' выступает в активной форме как глагол речевого воздействия («заставить поверить чему-л., уверить в чем-л.»), а в неактивной — в основном как ментальный глагол («поверить во что-л., приобрести уверенность в чем-л.»). В исследовании учитывались только примеры с активной формой.

Индикатив (57,77 %) употребляется в сочетании с *bind* в основном в случаях, когда субъект этого глагола убеждает участника, который не является субъектом подчиненной ему предикации, в вероятности факта, описываемого подчиненной предикацией (18). Конъюнктив встречается преимущественно в собственно каузативных контекстах, когда субъект МП убеждает субъекта СА совершить некоторое действие (19). Что касается употреблений «*që* + конъюнктив», в них, как представляется, можно усмотреть попытку убедить субъекта подчиненной предикации в необходимости / желательности обозначенного в СА факта или ситуации (20). Такое распределение конъюнктива и «*që* + конъюнктив» сравнимо с употреблением этих двух типов СА с обсуждавшимся выше глаголом *ndihmoj*, который предполагает некореферентность субъектов МП и СА и имеет сильный каузативный компонент в значении.

(18) *Baba-i* *e=* *bind-te* ***që*** *kjo*
отец-NOM.SG.DEF 3SG.ACC= убеждать-IPF.3SG COMP этот.F.SG.NOM

ish-te *e* *mundur*.
быть.IPF-IPF.3SG F.SG.NOM возможный

‘Отец убеждал его в том, что это возможно’. [АНК: Luan Starova. Koha e dhive. 1993]

(19) *Mehmet* *Shehu* *qëndro-nte* *në* *studio-n*
Мехмет.UM Шеху.NOM находиться-IPF.3SG в кабинет-ACC.SG.DEF
e *tij,* *në* *atë* *studio* *ku*
ACC.SG.DEF его в тот.ACC.SG кабинет.ACC.SG.INDF где
kish-te *bindur* *të* *bir-in* ***të***
иметь.IPF-IPF.3SG убеждать.PTCP POSS.3SG сын-ACC.SG.DEF SBJV
nda-hej *nga* *e* *fejuar-a*.
отделить-NACT.IPF.3SG из F.NOM.SG.DIST невеста-NOM.PL.DEF

‘Мехмет Шеху находился в своем кабинете — в том кабинете, где он убеждал своего сына расторгнуть помолвку’. [АНК: Panorama. 2017]

(20) *Kahraman-i* *e=* *bind-i* ***që*** ***të***
Караман-NOM.SG.INDF 3SG.ACC= убеждать-AOR.3SG COMP SBJV
shko-nte *për* *Letërsi*.
идти-IPF.3SG для литература.ACC.SG.INDF

‘Караман убедил его поступать на литературу’. [АНК: Panorama. 2017]

5.2. МП речи

Предикаты речи в нашей выборке демонстрируют неодинаковую способность присоединять СА с конъюнктивом и индикативом. Чем сильнее выражен каузативный компонент в семантике глагола, тем чаще он присоединяет СА с конъюнктивом. Этим отличаются глаголы *kërkoj* ‘требовать’, *lutem* ‘просить’ и *lejoj* ‘разрешать’, которые, по данным нашей выборки, не сочетаются с индикативом. Сходным образом в русском языке, по наблюдению Н. Р. Добрушиной [2016: 283], глаголы речевой манипуляции *требовать*, *приказать* и *просить* присоединяют только придаточные с сослагательным наклонением.

Различие в употреблении конъюнктива и конструкции «*që* + конъюнктив» отражают примеры (21) и (22) с МП *kërkoj*. Конъюнктив без *që* как «связанное» наклонение употребляется в контекстах с более

сильной связанностью ситуаций, описываемых главной и подчиненной предикациями, а именно при совпадении адресата сообщения (дативный актант МП) с действующим субъектом СА (21). В русском, как видно из перевода, в таких контекстах допустим инфинитив в качестве СА.

(21) *Ajo* *i=* *kërko-i* *Nokë-s*
она.NOM 3SG.DAT= требовать-AOR.1SG Нока-DAT.SG.DEF
të *lë-rë* *seancë-n.*
SBJV оставить-SBJV.PRS.3SG заседание-ACC.SG.DEF
'Она потребовала от Ноки покинуть [букв. «чтобы он покинул»] заседание'. [АНК: Panorama. 2017]

Конструкция «*që* + конъюнктив» встречается преимущественно в контекстах, в которых субъект СА и адресат сообщения, указанный в главной предикации, не совпадают (22а), либо субъект СА / адресат сообщения не обозначен (22б). И в том, и в другом случае субъект МП требует реализации ситуации, обозначенной в СА, а не конкретного действия со стороны другого субъекта / адресата сообщения. Модальная форма конъюнктива в составе конструкции при этом подчеркивает скорее желание субъекта МП, чтобы требование было выполнено.

(22а) ⟨…⟩ *ka-m* *vendosur* *t'i=* *kërko-j*
иметь-PRS.1SG решать.PTCP SBJV:3SG.DAT= просить-PRS.1SG
pleqësi-së ***që*** *Ibrahim-in*
совет.старейшин-DAT.SG.DEF COMP Ибрагим-ACC.PL.DEF
ta= *prano-jmë* *si* *mysliman*
SBJV:3SG.ACC= принимать-PRS.1PL как мусульманин.ACC.SG.INDF
në *fshat-in* *tonë.*
в село-ACC.SG.DEF наш.ACC
'…я решил просить совет старейшин, чтобы мы приняли Ибрагима как мусульманина в нашем селе'. [АНК: Ben Blushi. Të jetosh në ishull. 2008]

(22б) *Më* *pas* *kërkuan* ***që*** *në* *tren*
COMPR после требовать-AOR.3PL COMP в поезд.ACC.SG.INDF
të *ke-të* *mjekë,* *infermierë*
SBJV иметь-SBJV.PRS.3SG врач.ACC.PL.INDF санитар.ACC.PL.INDF
e përkthyes.
и переводчик.ACC.SG/PL.INDF
'Позже потребовали, чтобы в поезде были врачи, санитары и переводчик(и)'. [АНК: Panorama. 2016]

Следует заметить, что глагол *kërkoj*, означающий также «искать», может употребляться (подобно рус. *искать*) в значении «стремиться, стараться сделать что-л.». При этом он допускает только кореферентные конструкции и присоединяет только СА с конъюнктивом (23) — ср. с глаголом *përpiqem* ‘пытаться’, описанным в *5.1*.

(23) *Sidomos* *mbi* *individë-t* *dhe* *subjekte-t*
особенно на индивид.PL-ACC.PL.DEF и субъект.PL-ACC.PL.DEF
zgjedhor-e *që* *kërko-jnë* ***të*** *përfaqëso-jnë*
выборный-F REL стремиться-PRS.3PL SBJV представлять-PRS.3PL
vullnet-in *e* *zgjedhës-ve.*
воля-ACC.SG.DEF ACC.SG.DEF субъект-GEN.PL

‘Особенно над индивидами и избирательными субъектами, которые стремятся выражать волю избирателей’. [АНК: Panorama. 2017]

В числе предикатов речи в наш список были включены основные албанские глаголы речи, *them* ‘говорить; сказать’ и *flas* ‘говорить’. В подавляющем большинстве случаев они употребляются как глаголы говорения и передачи информации и сочетаются с СА в индикативе. Доля употреблений с конъюнктивом и с «*që* + конъюнктив» довольно мала (1–4 %, см. *Приложение*). В таких примерах оба глагола могут функционировать: а) в прямом значении — как глаголы речи со значением «говорить»; б) как глаголы речевой каузации «велеть, приказать; требовать»; в) как глаголы сообщения. В контекстах первого типа встречается только конструкция «*që* + конъюнктив» с целевым значением, не являющаяся актантом глагола речи (24). В каузативных контекстах преобладают СА с конъюнктивом без *që* (25а). Употребление «*që* + конъюнктив» в СА (25б), вероятно, можно интерпретировать как менее контролируемую говорящим субъектом ситуацию — своего рода устное сообщение с оттенком (по)желания. Наконец, глаголы *them* и *flas* сравнительно часто сочетаются с «*që* + конъюнктив» либо с индикативом в безличном употреблении: *flit-et* / *thu-het* (говорить-NACT.PRS.3SG) ‘говорится’. Если в примерах с индикативом *flitet* / *thuhet* можно считать скорее указанием на источник сообщения (26а), то «*që* + конъюнктив» выступает как противопоставленная индикативу конструкция, передающая низкую истинностную оценку подчиненной предикации (26б).

(24) *Gjeneral-i* *flis-te* *vazhdimisht* ***që*** ***të***
генерал-NOM.SG.DEF говорить-IPF.3SG постоянно COMP SBJV

mos *bë-hej* *heshtje.*
NEG делать-NACT.IPF.3SG молчание.ACC.SG.INDF

‘Генерал постоянно говорил [для того], чтобы не повисало молчание’. [АНК: Ismail Kadare. Gjenerali i ushtrisë së vdekur. 1963]

(25а) *Llaz-i* *u=* ***fol-i*** *qe-ve*
Лаз-NOM.SG.DEF 3PL.DAT= говорить-AOR.3SG бык.PL-DAT.PL

të *ndalo-jnë.*
SBJV брать-PRS.3SG

‘Лаз велел быкам остановиться’. [АНК: Jakov Xoxa. Lumi i vdekur. 1971]

(25б) *U* *kthye* *e* *i=* ***fol-i***
NACT поворачивать.NACT.AOR.3SG и 3SG.DAT= говорить-AOR.3SG

grua-s ***që*** ***të*** *merr-te* *rrugë-n*
жена-DAT.SG.DEF COMP SBJV брать-IPF.3SG дорога-ACC.SG.DEF

për *në* *shtëpi.*
для в дом.ACC.SG.INDF

‘Он повернулся и сказал своей жене, чтобы она шла домой’. [АНК: Jakov Xoxa. Lumi i vdekur. 1971]

(26а) *Thu-het* ***që*** *histori-a* *gjyko-n,*
сказать-NACT.PRS.3SG COMP история-NOM.SG.DEF судить-PRS.3SG

por *jo* *historian-i.*
но NEG историк-NOM.SG.DEF

‘Говорят, что судит история, а не историк’. [АНК: Panorama. 2016]

(26б) *Thu-het* ***që*** ***të*** *ke-në* *punuar*
сказать-NACT.PRS.3SG COMP SBJV иметь-SBJV.PRS.3PL работать.PTCP

në *materiale* *të* *vjetr-a.*
в материал.ACC.PL.INDF PL.INDF старый-F.PL

‘Говорят, они [будто бы] работали над старыми материалами’. [АНК: Koha.mk. 2012]

Глагол *premtoj* ‘обещать’ отличается от глаголов речи *flas* и *them* тем, что несколько чаще употребляется в сочетании с конъюнктивом (6,8 % примеров). Во всех подобных примерах субъекты МП и СА кореферентны. Употребление в этом контексте конъюнктива (в ряде языков — инфинитива, см. об англ. *promise* [Noonan 2007: 112–113]) обеспечивается высокой степенью контролируемости ситуации: акт давания обещания, обозначенный с помощью МП, и его выполнение,

описанное в СА, имеют одного субъекта и обязательно следуют друг за другом, что выражается временно́й отнесенностью СА.

(27) *Nano* *premto-i* ***të*** *lë-rë*
Нано.NOM.SG обещать-AOR.3SG SBJV оставлять-SBJV.PRS.3SG
Ramë-n *rehat.*
Рама-ACC.SG.DEF спокойствие.ACC.SG.INDF
'Нано пообещал оставить Раму в покое'. [АНК: Gazeta Shqiptare. 2007]

5.3. Ментальные МП

Данные о ментальных МП, отраженные на *Рис. 2*, показали, что большинство предикатов этой группы редко сочетается или вовсе не сочетается как с конъюнктивом, так и с «*që* + конъюнктив». С точки зрения распределения индикатива и конъюнктива, можно выделить предикаты, которые а) почти всегда употребляются с СА в индикативе: *di* 'знать' (99,76 %) и *kuptoj* 'понимать' (99,68 %); б) могут сочетаться с конъюнктивом: *besoj* 'верить; считать' (97,16 % примеров с индикативом), *kujtoj* 'помнить, вспоминать' (94,17 %), *mendoj* 'думать, полагать' (89,56 %), *dyshoj* 'сомневаться; подозревать' (87,33 %), *harroj* 'забывать' (70,62 %). Что касается употребления «*që* + конъюнктив», со всеми этими МП данная конструкция встречается лишь 2,63 % от общего числа примеров.

Глагол «знать» (алб. *di*) — типичный фактивный глагол, который обеспечивает истинность суждения, выраженного подчиненной предикацией, и отсутствие употреблений в сочетании с формой конъюнктива ожидаемо. Тем не менее в АНК было обнаружено 17 примеров с «*që* + конъюнктив», в которых *di* 'знать' употребляется с отрицанием, а значение СА напоминает рус. косвенновопросительные конструкции с *ли* (28). Наличие отрицания указывает, что истинностный статус ситуации в СА не может быть установлен, и обусловливает использование конъюнктива.

(28) *<— A ka një libër që ju e konsideroni si Librin Total?>*
— Nuk *di* ***që*** ***të*** *ekzisto-jë*
NEG знать.PRS.1SG COMP SBJV существовать-SBJV.PRS.3SG
një *libër* *i* *tillë.*
INDF книга.NOM.SG.INDF M.NOM.SG такой

<Ose është vetëm ëndërr, ëndrra ime dhe e të tjerë shkrimtarëve për ta shkruar atë.>
‘<— Есть ли книга, которую Вы считаете идеальной?> — Я не знаю, существует ли такая книга. <Или написать ее — это только мечта, моя и других писателей>’. [АНК: Panorama. 2017]

Фактивный глагол «понимать» (алб. *kuptoj*) может «утрачивать фактивную презумпцию» и в этом случае «не имеет никаких импликаций относительно истинности ПП [пропозиции]» [Зализняк 1992: 141]. В нескольких примерах с нефактивным употреблением *kuptoj* ‘понимать’, как и вышеописанный *di*, допускает присоединение СА с конъюнктивом в сочетании с *që* (29).

(29) *<Si ju duket kjo lëvizje?>*
Unë *e=* *kupto-va* ***që*** ***të***
я.NOM 1SG.ACC= понимать-AOR.1SG COMP SBJV
bashko-hen *këto* *forca* *dhe* *të*
объединять-NACT.PRS.3PL этот.F.NOM.PL сила.NOM.PL.INDF и SBJV
ndërro-het *qeveri-a.*
менять-NACT.PRS.3SG правительство-NOM.SG.DEF
‘<Как вам кажется это движение?> Я понял, что эти силы объединятся и сменится правительство’. [АНК: Panorama. 2017] (т. е. «я понял так, но я могу ошибаться»)

Примеры с фактивным глаголом *kujtoj* ‘помнить’ приводились в *подразделе 2.2*. В примерах (1) и (2) подчиненная предикация, оформленная индикативом, истинна, а описываемая ею ситуация предшествует или совпадает во времени с ситуацией МП: «вспомнил, что в эти последние два дня часто говорил „спасибо“» (герой вспоминает о собственных поступках), «вспомнили, что ему нужно смыть кровь» (хирург был в крови после операции). Употребление конъюнктива (4,85 % примеров) наблюдалось, во-первых, при наличии отрицания у главного предиката (см. (3б): «не помнит, чтобы кто-то приезжал» = «не считает вероятным то, что кто-то приезжал»). Во-вторых, СА с конъюнктивом встречались в кореферентных примерах типа (3а), которые предполагают бóльшую степень контроля над ситуацией в СА со стороны субъекта МП, чем в пропозициональных СА с индикативом, которые в сочетании с *kujtoj* ‘помнить’ описывают «положение дел» (state-of-affairs, см. пример (2)). В языках типа английского это различие выражается

дополнительным придаточным (30а) и инфинитивом (30б); в албанском языке функцию инфинитива выполняет конъюнктив.

(30a) *I remembered that I closed the door*.
‘Я вспомнил, что я закрыл дверь’.

(30b) *I remembered to close the door*.
‘Я вспомнил о том, чтобы закрыть дверь’ [Noonan 2007: 113].

Конструкция «*që* + конъюнктив» редко присоединяется к МП *kujtoj* (0,98 % примеров). В части случаев (см. примеры (4а) и (4б)) она синонимична конъюнктиву: условия употребления «*që* + конъюнктив» совпадают с условиями, которые указаны для конъюнктива в (3а) и (3б). В другой части случаев наблюдается конкуренция с индикативом; *kujtoj* при этом употребляется как манипулятивный глагол, означающий «напоминать», и сочетается с «*që* + конъюнктив», когда в его семантике присутствует каузативный компонент (31), и с индикативом — когда каузация отсутствует и речь идет скорее о сообщении некоторого факта (32).

(31) *Rregullisht, i= kujto-ni fëmijë-ve*
регулярно *3PL.DAT= напоминать-IMP.PL ребенок-DAT.PL
që ***të*** *bë-jnë ushtrime fizik-e*.
COMP SBJV делать-PRS.3PL упражнение.ACC.PL.INDF физический-F
‘Регулярно напоминайте детям, чтобы делали физические упражнения’. [АНК: ATSh. 2017]

(32) *Baba-i i= dëgjo-nte i qetë*
отец-NOM.SG.DEF 3PL.ACC= слушать-IPF.3SG M.NOM.SG тихий
fjalë-t e regjistrues-it, i
слово-ACC.PL.DEF ACC.PL.DEF регистратор-GEN.SG.DEF M.NOM.SG
cili ia= kujto-nte vazhdimisht ***që***
REL 3SG.DAT:3SG.ACC= напоминать-IPF.3SG постоянно COMP
du-het të jep-eshin të
хотеть-INACT.PRS.3SG SBJV давать-INACT.IPF.3SG NOM.PL.DIST
dhëna të sakt-a për
данные.NOM.PL.INDF PL.INDF точный-F.PL для
regjistrim-in.
регистрация-ACC.SG.DEF
‘Отец молча слушал слова регистратора, который постоянно напоминал ему, что для регистрации должны быть предоставлены точные данные’. [АНК: Luan Starova. Koha e dhive. 1993]

Ментальные глаголы мнения типа «думать», «считать» относятся к числу типичных нефактивных глаголов [Зализняк 1992: 142]. В албанском языке в этом значении могут употребляться глаголы *mendoj* и *besoj*. Основным для первого глагола является значение мыслительного процесса, а второй употребляется также в значениях, свойственных, например, рус. *верить* (*верить в бога*, *верить словам*, *верить друзьям*).

Глагол *mendoj* чаще, чем *besoj* сочетается с конъюнктивом (7,81 % и 2,2 % примеров соответственно) и «*që* + конъюнктив» (2,63 % и 0,62 % примеров). При этом *mendoj* не обозначает эпистемическую оценку (в отличие от сочетаний с более типичными для него СА с индикативом (33)), а выражает значение намерения или принятия решения, примыкая таким образом к глаголам желания (34), (35); ср. рус. *(по)думать о том, чтобы*. В контекстах с кореферентными субъектами используются оба типа СА с конъюнктивом; когда субъекты некореферентны — только «*që* + конъюнктив».

(33) *Një* *pjesë* *tjetër* *mendo-nin* ***se*** *ai*
один часть.NOM.SG.INDF другой.SG думать-IPF.3PL COMP он.NOM
do *të* *merr-te* *post-in* *e*
FUT SBJV брать-IPF.3SG пост-ACC.SG.DEF ACC.SG.DEF
zëvendësministr-it.
заместитель.министра-GEN.SG.DEF
'Другие думали, что он получит пост заместителя министра'. [АНК: Dritero Agolli. Shkëlqimi dhe rënia e shokut Zylo. 1972]

(34) *Mendo-va* ***të*** *të* *pris-ja* *mirë.*
думать-AOR.1SG SBJV 2SG.ACC= ждать-IPF.1SG хорошо
'Я думал тебя хорошо принять'. [АНК: Dritëro Agolli. Trëndafili në gotë. 1980]

(35) *Prandaj* *ne* *mendo-jmë* ***që*** *ai* ***të***
поэтому мы.NOM думать-PRS.1PL COMP он.NOM SBJV
vendos-et *prapë* *në* *punë*
помещать-NACT.PRS.3SG снова в работа.ACC.SG.INDF
në *profesion-in* *e* *tij.*
в профессия-ACC.SG.DEF ACC.SG.DEF его
'Поэтому мы думаем поставить его [букв. «думаем о том, чтобы он был поставлен»] на работу по профессии'. [АНК: Maks Velo. Kohë antishenjë. 1990–1999]

Глагол *besoj*, который при употреблении с индикативными СА выражает высокую степень уверенности говорящего, присоединяет СА с конъюнктивом и «*që* + конъюнктив» в тех случаях, когда необходимо, наоборот, указать на более низкую степень вероятности подчиненной ситуации. Сюда входят контексты с отрицанием при главном предикате, в которых употребляются оба типа конъюнктивных СА (36), (37). Выделяются примеры с безличным *besohet* ‘считается; полагают’ (букв. «верится», ср. англ. *it is believed*), который предполагает более низкую эпистемическую оценку, чем *besoj* ‘верить; считать’ (38). В большей части примеров с *besohet* и конъюнктивом происходит подъем субъекта СА в позицию подлежащего МП — как в случае с предикатом потенциальной ситуации *pritet* ‘ожидается’ (см. пример (14б) выше). Но если в сочетании с глаголом *pritet*, выражающим высокую эпистемическую оценку говорящим содержания СА, преобладала конструкция «*që* + конъюнктив», то с *besohet* она почти не сочетается.

(36) *Këtë* *nuk* *beso-j* ***ta***=
этот.ACC.SG NEG верить-PRS.1SG SBJV:3SG.ACC=
ke-të *thënë* *Çili.*
иметь-SBJV.PRS.3SG сказать.PTCP Чили.NOM.SG
‘Не думаю, что это сказал Чили’. [АНК: Panorama. 2017]

(37) *Nuk* *beso-j* ***që*** ***të*** *ke-mi* *një*
NEG верить-PRS.1SG COMP SBJV иметь-PRS.1PL INDF
koalicion PS-LSI.
коалиция.ACC.SG.INDF PS-LSI
‘Не думаю, что у нас будет коалиция PS-LSI’. [АНК: Panorama. 2017]

(38) *Dafina* *Zeqiri* *beso-het* ***të***
Дафина.NOM.SG Зекири.NOM.SG верить-NACT.PRS.3SG SBJV
je-të *ndarë* *nga* *i*
быть-SBJV.PRS.3SG отделять.PTCP от M.NOM.SG.DIST
dashur-i *i* *saj.*
любимый-NOM.SG.DEF M.NOM.SG ее
‘Полагают, что Дафина Зекири рассталась со своим возлюбленным’. [АНК: Koha.mk. 2011]

Большинство употреблений конъюнктивных СА с МП *dyshoj* ‘сомневаться; подозревать’ — 147 из 148 примеров с конъюнктивом без *që* и 16 из 20 с «*që* + конъюнктив» — представляют контексты, где этот

глагол означает «подозревать» и используется как безличный (*dyshohet* ‘подозревается’). Распределение двух типов СА при этом совпадает с распределением при *besohet*: конъюнктив преобладает в конструкциях с подъемом субъекта (39а), а «*që* + конъюнктив» в них не встречается (39б). В значении «сомневаться» *dyshoj* присоединяет СА с индикативом.

(39а) *Ky* *i* *fund-it* *dysho-het*
этот.M.SG.NOM M.SG.NOM конец-GEN.SG.DEF подозревать-INACT.PRS.3SG
të *ke-të* *qenë* *shofer* *i*
SBJV иметь-SBJV.PRS.3SG быть.PTCP шофер.NOM.SG.INDF M.SG.NOM
Bandë-s *së* *Lushnjë-s.*
банда-GEN.SG.DEF F.SG.GEN.DEF Люшня-GEN.SG.DEF
‘Подозревают, что этот последний был шофером Банды из Люшни’. [АНК: Gazeta Shqiptare. 2007]

(39б) *Dysho-het* ***që*** *ngjarj-a*
подозревать-INACT.PRS.3SG COMP происшествие-NOM.SG.DEF
të *ke-të* *pasur* *si* *motiv*
SBJV иметь-SBJV.PRS.3SG иметь.PTCP как мотив.ACC.SG.INDF
konflikte-t *për* *pronësi.*
конфликт.PL-ACC.PL.DEF для собственность.ACC.SG.DEF
‘Подозревают, что происшествие имело мотивом конфликты по поводу собственности’. [АНК: Gazeta Shqiptare. 2007]

Наконец, глагол отрицательной импликации *harroj* ‘забывать’, сравнительно часто сочетается с конъюнктивом (27,11 %) и в некоторых случаях может присоединять «*që* + конъюнктив» (2,27 %). Во всех этих случаях он обозначает «забыть сделать что-то» и, по классификации М. Нунэна, в этом значении может быть отнесен не к ментальным МП (predicates of knowledge and acquisition of knowledge ‘предикаты знания и приобретения знания’), а скорее к предикатам недостижения (negative achievement), к которым принадлежит также «пытаться» [Noonan 2007: 139]. СА с конъюнктивом используются в сочетании с МП *harroj*, когда СА означает действие (40), а «*që* + конъюнктив» — когда речь идет о существовании некоторой ситуации (41), как в случае МП каузации типа *bind* ‘убеждать’.

(40) *Mos* *harro-ni* *kurrë* ***të*** *vendos-ni*
NEG забывать-IMP.PL никогда SBJV помещать-PRS.2PL

krem *kundër* *diell-it.*
крем-ACC.SG.INDF против солнце-ABL.SG.DEF

‘Никогда не забывайте наносить крем против солнца’. [АНК: ATSh. 2017]

(41) *Mos* *harro-ni* ***që*** ***të*** *bë-heni*
NEG забывать-IMP.PL COMP SBJV делать-INACT.PRS.2PL
bamirës *midis* *jush!*
благотворитель.ACC.PL.INDF среди ВЫ.ABL

‘Не забывайте о том, чтобы быть благотворителями друг для друга’. [АНК: Kur’ani. Surja 2. Mështjerra. 2006]

5.4. Эмотивные МП и МП восприятия

Предикаты зрительного и слухового восприятия (*dëgjoj* ‘слушать, слышать’, *shikoj* ‘(о)смотреть, (у)видеть’, *shoh* ‘(у)видеть’) и предикаты эмоционального состояния (*çuditem* ‘удивляться’, *kam frikë* и *frikësohem* ‘бояться’) принадлежат к числу глаголов, присоединяющих в основном индикативные СА (см. таблицу в *Приложении*). Исключение составляет *pëlqej* ‘любить, нравиться’, с которым преобладают СА в конъюнктиве (82,72 % примеров). Конструкция «*që* + конъюнктив» относительно часто встречается в сочетании с *frikësohem* (6,62 %) и *çuditem* (10,61 %, или 7 из 66 примеров), в то время как остальные МП присоединяют ее в 1–4 % случаев.

Эмотивный предикат *kam frikë* ‘бояться’ может употребляться в прямом значении («испытывать страх») или в качестве глагола мнения. «Ментальное» значение сопряжено с неконтролируемостью ситуации-объекта [Зализняк 1992: 69], и в этом значении МП *kam frikë* сочетается только с СА в индикативе (42).

(42) *Madje* *ka-m* *frikë* ***që*** *është*
более.того иметь-PRS.1SG страх.ACC.SG.INDF COMP быть.PRS.3SG
e *kundërt-a.*
F.NOM.SG противоположность-NOM.SG.DEF

‘Более того, боюсь, что все наоборот’. [АНК: Panorama. 2017]

В прямом значении *kam frikë* может сочетаться с любыми типами СА, всегда имеющими зависимую временну́ю референцию (ситуация в будущем относительно главного предиката или совпадающая с ним

во времени). В конструкциях с *kam frikë* и конъюнктивом субъекты главной и подчиненной предикаций всегда кореферентны; подчиненная предикация описывает контролируемую ситуацию (43).

(43) *Djal-i* *im* *ka* *frikë*
мальчик-NOM.SG.DEF мой.NOM иметь.PRS.3SG страх.ACC.SG.INDF
të *shko-jë* *në* *shkollë.*
SBJV вредить-SBJV.PRS.3SG в школа.ACC.SG.INDF
'Мой сын боится ходить в школу'. [АНК: Panorama. 2017]

В числе немногочисленных примеров с *kam frikë* и конструкцией «*që* + конъюнктив» выделяются контексты, в которых эта конструкция содержит эксплетивное отрицание и выражает апрехенсивное значение (см. пример (44); аналогичные конструкции с конъюнктивом без *që* не обнаружены). Степень уверенности субъекта в том, что ситуация, описанная в СА, будет реализована, в этом случае ниже, чем в примерах с индикативом типа (45). Это противопоставление подобно рус. *Я боюсь, как бы он не пришел* (с сослагательным наклонением) и *Я боюсь, что он придет* (с изъявительным), которое в русском, по мнению М. Нунэна, основано на оппозиции реалиса / ирреалиса [Noonan 2007: 131].

(44) ⟨…⟩ *kish-te* *frikë* ***që*** ***të*** *mos*
иметь.IPF-IPF.3SG страх.ACC.SG.INDF COMP SBJV NEG
më= *dëmto-nte.*
1SG.DAT= вредить-IPF.3SG
'⟨…⟩ он боялся, как бы не навредить мне'. [АНК: Panorama, 2016]

(45) *Ka-m* *frikë* ***që*** *do* *të* *më=*
иметь-PRS.1SG страх.ACC.SG.INDF COMP FUT SBJV 1SG.ACC=
ha-jë *ndonjë* *mi.*
есть-SBJV.PRS.3SG какой.нибудь мышь.NOM.SG.INDF
'Я боюсь, что меня съест какая-нибудь мышь'. [АНК: Beqë Cufaj. Shkëlqimi i huaj. 2003]

Глагол эмоциональной оценки *pëlqej* 'любить, нравиться' сочетается в основном с СА в конъюнктиве (82,73 %), описывающими вневременные ситуации и состояния (общее свойство предикатов типа «нравиться», по [Noonan 2007: 103]).

В албанском языке существует две конструкции с *pëlqej*: в одной субъекты МП и СА кореферентны (ср. рус. *люблю*), а в другой (гораздо

более частотной) *pëlqej* используется в 3-м лице ед. числа и имеет дативное дополнение (ср. рус. *мне нравится*). СА в индикативе (13,02 % примеров) и «*që* + конъюнктив» (4,26 %) сочетаются преимущественно с конструкцией второго типа (46), а конъюнктив может присоединяться к конструкциям обоих типов (47а), (47б).

(46) *I=* *pëlqe-nte* ***që*** *gjatë* *bisedë-s*
3SG.DAT= нравиться-IPF.3SG COMP во.время разговор-ABL.SG.DEF
të *ndalo-nte* *e* ***të*** *pozo-nte.*
SBJV останавливать-IPF.3SG и SBJV позировать-IPF.3SG
'Ему нравилось во время разговора останавливаться и принимать позу'. [АНК: Maks Velo. Kohë antishenjë. 1990–1999]

(47а) *Nuk* *të=* *pëlqe-n* ***të*** *rri-sh*
NEG 2SG.DAT= нравиться-PRS.3SG SBJV сидеть-SBJV.PRS.2SG
me *mua?*
с я.ACC
'Тебе не нравится со мной сидеть?' [Fatos Kongoli. Ne të tre. 1985]

(47б) *Eliz-a* *pëlqe-n* ***të*** *gatua-jë.*
Элиза-NOM.SG любить-PRS.3SG SBJV готовить-SBJV.PRS.3SG
'Элиза любит готовить'. [АНК: Koha.mk. 2012]

Можно предположить, что разные типы СА в сочетании с *pëlqej* имеют — или, по крайней мере, имели изначально — разный уровень контролируемости ситуации, которая в них описывается. Наименьшим уровнем контроля отличается индикатив, а наибольшей связанностью (и степенью контроля) обладают конструкции с СА в конъюнктиве.

Глаголы «видеть» и «слышать» являются фактивными в своем прямом значении (непосредственное визуальное и слуховое восприятие информации). «Утрата фактивной презумпции — характерное явление в классе глаголов восприятия; при этом меняется лексическое значение глагола — от восприятия к мнению, основанному на чувственных данных» [Зализняк 1992: 141]. В таком значении глаголы «видеть» и «слышать» примыкают к классу предикатов «знания и приобретения знания» (knowledge and acquisition of knowledge, KAK predicates), СА которых, как правило, оформляются индикативом и оцениваются как истинные, поскольку говорящий субъект обычно утверждает то, что принимается им как факт [Noonan 2007: 129].

Албанские глаголы восприятия *dëgjoj* 'слушать, слышать', *shoh* '(у)видеть, (по)смотреть' и *shikoj* '(о)смотреть, (у)видеть' сочетаются

с индикативом в обоих значениях, между которыми иногда затруднительно провести границу.

(48) *Por* *vëllezër-it* *e* *tij,* *duke* *parë*
но брат.PL-NOM.PL.DEF NOM.PL.DEF его GRND видеть.PTCP
që *i* *at-i* *i* *tyre* *e=*
COMP POSS.3SG отец-NOM.SG.DEF M.NOM.SG их 3SG.ACC=
do-nte *më* *tepër…*
любить-IPF.3SG COMPR слишком
‘Но его братья, видя, что их отец любит его больше…’ [АНК: Dhjata e Vjetër. Zanafilla. 1994] (братья наблюдают знаки внимания к объекту либо имеют такое мнение о нем; в первом случае «видеть» — глагол зрительного восприятия, а во втором — показатель пропозициональной установки)

Употребления в сочетании с конъюнктивом также неоднородны. В частности, *dëgjoj* и *shoh* способны сочетаться с конъюнктивом (всего 38,34 % и 9,65 % от общего количества примеров) не только как глаголы мнения, но и как фактивные глаголы восприятия. В примерах (49) и (50) между употреблениями *dëgjoj* в качестве глагола слухового восприятия с индикативом и с конъюнктивом, тем не менее, можно обнаружить различие, которое проявляется в противопоставлении «ситуация (**как**) — факт (**что**)» [Зализняк 1992: 38] в семантике зависимой предикации. Факт констатируется в (49), где *dëgjoj* присоединяет СА с индикативом, в то время как конъюнктив в (50) описывает ситуацию.

(49) *<«Ku na çoni, o tradhtarë?!», thërrisnin ata.>*
Dëgjo-va ***që*** *thërris-te* *dhe* *kunat-i.*
слышать-AOR.1SG COMP кричать-IPF.3SG и свояк-NOM.SG.DEF
‘<«Куда вы ведете нас, предатели?!» — кричали они.> Я услышал, что кричал и свояк’. [АНК: Panorama. 2016]

(50) ⟨…⟩ *kur* *dëgjo-jnë* ***të*** *pëllas-ë*
когда слышать-PRS.3PL SBJV реветь-SBJV.PRS.3SG
ndonjë *mëshqerrë.*
какой.нибудь телка.NOM.SG.INDF
‘⟨…⟩ когда слышат, как мычит какая-нибудь телка’. [АНК: Jakov Xoxa. Lumi i vdekur. 1971]

Помимо этого, конъюнктив распространен в контекстах, которые обладают высокой степенью связанности за счет того, что в ситуации,

описываемые главной и подчиненной предикациями, вовлечен один и тот же участник (“shared participant”). Многие языки допускают в таких контекстах нефинитные СА (инфинитив или причастие), ср. англ. *Gurt saw Burt leaving the room* ‘Герт увидел Берта выходящим из комнаты’, где Берт является субъектом зависимой и объектом главной предикации [Noonan 2007: 119]. Приведенный ниже пример (51) с конъюнктивом, в котором этот участник кодируется прямым дополнением при главном предикате, может быть интерпретирован сходным образом: «увидела их возвращающимися»; индикатив в таких контекстах не используется.

(51) —*E?…* *u* *ngrit* *më* *këmbë*
INTJ INACT поднимать.INACT.AOR.3SG в нога.ACC.PL.INDF
plak-a, *kur* *i=* *pa* ***të***
старуха-NOM.SG.DEF когда 3PL.ACC= видеть.AOR.3SG SBJV
kthe-heshin.
вернуть-INACT.IPF.3PL
‘— Э? — приподнялась старуха, когда увидела, что они возвращаются’. [АНК: Jakov Xoxa. Lumi i vdekur. 1971]

Немногочисленные примеры с конструкцией «*që* + конъюнктив», обнаруженные нами в АНК, содержат МП *dëgjoj* и *shoh* исключительно в переносном значении. В этих примерах информация о существовании подчиненной ситуации, содержащаяся в СА, либо отрицается (52), либо ставится под сомнение (53). Ср. сходные наблюдения об употреблении *чтобы* с русскими глаголами восприятия [Добрушина 2016: 295].

(52) *Nuk* *shoh* ***që*** *opozit-a* ***të***
NEG видеть.PRS.1SG COMP оппозиция-NOM.SG.DEF SBJV
ndrysho-jë *qëndrim.*
менять-SBJV.PRS.3SG позиция.ACC.SG.INDF
‘Я не вижу, чтобы оппозиция изменила точку зрения’. [АНК: Panorama. 2017]

(53) *Ku* *është* *dëgjua-r* ***që*** ***të***
где быть.PRS.3SG слышать-PTCP COMP SBJV
digj-et *uj-i?!*
гореть-SBJV.PRS.3SG вода-NOM.SG.DEF
‘Где это слыхано, чтобы вода горела?!’ [АНК: Zëri. 2013]

5.5. Модальные и оценочные МП

СА модальных предикатов, как правило, описывают ситуации, которые следуют за моментом МП («надо сделать» — ближайшее будущее) или не относятся к конкретной точке на временной оси («надо уважать старших» — всегда), а также потенциальные ситуации («может сделать»). Таким образом, как и предикаты каузации и потенциальной ситуации, модальные МП присоединяют СА с зависимой временно́й референцией, нередко оформляемые в разных языках конъюнктивом и инфинитивом [Noonan 2007: 138]. Албанский не является исключением: в отсутствие в литературном языке инфинитива, СА при модальных МП в большинстве случае оформляются конъюнктивом. Среди МП нашего списка глагол *di* ‘уметь’, модальный глагол *duhet* ‘нужно, должен’ и неизменяемый модальный глагол (по сути, модальная частица, как предполагается в [Buchholz, Fiedler 1987: 160]) *mund* ‘мочь’ употребляются с конъюнктивом почти в 100 % примеров (см. таблицу в *Приложении*). Как и во многих других языках, *duhet* и *mund* в албанском выражают и деонтическую, и эпистемическую возможность и необходимость, что не влияет на распределение разных типов СА.

Глагол необходимости и долженствования *duhet* (3-е л. ед. числа презенса неактивного залога от глагола *dua* ‘хотеть’) употребляется в конструкциях: а) с единственным актантом, оформленным конъюнктивом; б) с субъектом-подлежащим, который совпадает с субъектом СА; в) с дополнением в дативе, обозначающим участника, который является субъектом СА. В конструкциях первого и второго типов допускается использование как конъюнктива, так и — менее частотной (3,79 % от общего числа примеров) — конструкции «*që* + конъюнктив» (54), (55).

(54а) — *Du-hej* ***të*** *kish-it* *folur* *që*
хотеть-NACT.IPF.3SG SBJV иметь.IPF-IPF.2PL говорить.PTCP еще
për *së* *largu!* — *i=* *bërtit-i* *ai.*
PREP ABL.SG далеко 3SG.DAT= кричать-AOR.3SG он.NOM
‘—Надо было окликнуть меня издали! — крикнул он ей’. [АНК: Gustave Flaubert. Zonja Bovari. 2008]

(54б) *Du-het* ***që*** ***të*** *qëndro-jmë* *së* *bashku*
хотеть-NACT.PRS.3SG COMP SBJV находиться-PRS.1PL ABL.SG вместе

dhe *të* *përkrah-emi.*
и SBJV поддерживать-NACT.PRS.1PL

‘Нужно, чтобы мы были вместе и поддерживали друг друга’. [АНК: Koha.mk. 2013]

(55а) *Bash-a* *kësaj* *her-e* *nuk* *du-het*
Баша-NOM.SG этот.F.SG.ABL раз-ABL.SG.INDF NEG хотеть-NACT.PRS.3SG
kurrsesi ***të*** *kthe-jë* *faqe-n*
ни.за.что SBJV поворачивать-SBJV.PRS.3SG страница-ACC.SG.DEF
tjetër.
другой

‘Баше на этот раз ни за что не следует переворачивать страницу’. [АНК: Panorama. 2017]

(55б) *Ata* *du-het* ***që*** ***të***
они.M.NOM хотеть-NACT.PRS.3SG COMP SBJV
kthe-hen *në* *vend-in* *e* *tyre*
поворачивать-INACT.PRS.3PL в место-ACC.SG.DEF ACC.SG.DEF их
të *punë-s.*
ACC.SG.DIST работа-GEN.SG.DEF

‘Надо, чтобы они вернулись на свое место работы’. [АНК: Panorama. 2016]

Третий тип конструкций включает только СА с конъюнктивом. Значение *duhet* в них предполагает внутреннее долженствование или необходимость, и ситуация, описываемая в СА, в большей степени контролируется субъектом, чем в примерах (54б) и (55б), в которых МП выражает внешнее долженствование и в СА используется с «*që* + конъюнктив».

(56) *Më=* *du-het* *vetëm* ***ta=***
1SG.DAT= хотеть-NACT.PRS.3SG только SBJV:3SG.ACC=
analizo-j *gjendje-n* *sa* *më*
анализировать-PRS.1SG положение-ACC.SG.DEF сколько COMPR
mirë.
хорошо

‘[Мне] стоит только хорошенько проанализировать положение’. [АНК: Mikhail Bulgakov. Mjeshtri dhe Margarita. 2015]

Вспомогательный глагол *mund* употребляется в современном литературном языке только в неизменяемой форме (спрягаемый глагол

mund имеет значение «одолевать»). Сочетания с «*që* + конъюнктив» типа (54а), где *mund* функционировал бы как двухместный предикат, практически невозможны[7].

С предикатом *ka mundësi* в нашей выборке оказалось два типа примеров: «X имеет возможность» (глагол *kam* ‘иметь’ употребляется в различных лично-числовых формах) и «есть возможность» (безличные конструкции с глаголом *kam* ‘иметь’ в 3-м лице единственного числа). В примерах первого типа, где речь идет о деонтической возможности и субъект МП контролирует ситуацию СА, употребляется исключительно конъюнктив (57), а в примерах второго типа, которые описывают, наоборот, эпистемическую возможность, — индикатив (58). Первый тип примеров оказался более частотным, чем второй, и этим определяется соотношение конъюнктива / индикатива (72,44 % и 6,69 %) в полученных данных.

(57) *Ata* *nuk* *ka-në* *pasur* *mundësi*
они.m.nom neg иметь-prs.3pl иметь.ptcp возможность.acc.sg.indf
ta= *bë-jnë* *këtë* *gjë.*
sbjv:3sg.acc= делать-prs.3pl этот.acc.sg вещь.acc.sg.indf
‘Они не имели возможности сделать это’. [АНК: Panorama. 2013]

(58) *Si* *ka* *mundësi* ***që*** *unë*
как иметь.prs.3sg возможность.acc.sg.indf comp я.nom
ja-m *dhe* *nuk* *jeto-j?*
быть-prs.1sg и neg жить-prs.1sg
‘Как это возможно, что я существую и не живу?’ [АНК: Ben Blushi. Të jetosh në ishull. 2008]

Конструкция «*që* + конъюнктив» (20,86 % примеров) встречается в контекстах обоих типов. Примеры с кореферентными субъектами

[7] В выборке имеется 60 примеров с «*që* + конъюнктив», которые взяты в основном из албаноязычной прессы Косово и Северной Македонии, напр.: *Kam kontratë të punës, po që nuk e cakton afatin deri kur* ***mund që të punoj***. ‘У меня есть трудовой договор, но в нем не определен срок, до которого я могу работать.’ [АНК: Zëri. 2013]. Употребление типа *mund që të puno-j* (мочь comp sbjv работать-prs.1sg) нехарактерно для литературного языка. Вероятно, оно возникает в этих примерах под влиянием модального глагола *mundem* ‘мочь’ (неактивная форма от *mund*), который используется как спрягаемый глагол, более частотный, чем неизменяемый *mund*, в гегском диалекте албанского языка на территории Косова и Северной Македонии.

МП и СА (59), подобные примеру (57) с конъюнктивом, как представляется, отличаются от него наличием целевого компонента в значении СА и большей свободой элементов сочетания *ka mundësi*, функционирующего скорее как идиоматическое выражение с значением, близким русскому *получить возможность*. Это предположение подтверждается наличием примеров, в которых существительное *mundësi* имеет определение (60).

(59) *Nxënës-it* *e* *kryeqytet-it* *do* *të*
ученик-NOM.PL.DEF NOM.PL.DEF столица-GEN.SG.DEF FUT SBJV
ke-në *mundësi* ***që*** ***të***
иметь-SBJV.PRS.3PL возможность.ACC.SG.INDF COMP SBJV
studio-jnë *në* *kushte* *të* *denj-a.*
учиться-PRS.3PL в условие.ACC.PL.INDF PL.INDF достойный-F.PL
'Школьники столицы получат [букв. «будут иметь»] возможность [для того], чтобы учиться в достойных условиях'. [АНК: Panorama. 2017]

(60) *Më* *nuk* *ki-sha* *mundësi*
COMPR NEG иметь.IPF-IPF.1SG возможность.ACC.SG.INDF
financiar-e ***që*** ***ta=*** *mba-ja.*
финансовый-F COMP SBJV:3SG.ACC= держать-IPF.1SG
'У меня больше не было финансовой возможности, чтобы ее содержать'. [АНК: Zëri. 2013]

Ярким отличием конструкции «*që* + конъюнктив» от индикатива является употребление в сочетании с МП с отрицанием (61). В выборке не было обнаружено ни одного подобного примера с индикативом. Ср. с употреблением сослагательного наклонения «эпистемического типа» в сочетании с рус. *невероятно*, *маловероятно* [Добрушина 2016: 292].

(61) *Jo,* *nuk* *ka* *mundësi* ***që*** *qind-ra*
нет NEG иметь.PRS.3SG возможность.ACC.SG.INDF COMP сто-PL
vetë ***të*** *ke-në* *të*
лицо.NOM.PL.INDF SBJV иметь-SBJV.PRS.3PL ACC.SG.DIST
njëjtë-n *mendje.*
одинаковый-ACC.SG.DEF мнение.ACC.SG.INDF
'Нет, невозможно, чтобы сотни людей имели одинаковое мнение'. [АНК: Zëri. 2013]

Глагол *dua* ‘хотеть’ присоединяет два типа конъюнктивных СА: конъюнктив без *që* (84,73 %) и «*që* + конъюнктив» (15 % случаев). Среди примеров с «*që* + конъюнктив» можно отметить небольшой процент контекстов с кореферентными субъектами МП и СА, в которых СА имеет целевое значение (62), но преобладают в выборке контексты с некореферентными субъектами, предполагающие, что субъект МП не контролирует ситуацию, описанную в СА (63).

(62) *Ai* *do* *plumb* ***që*** ***të***
он.NOM хотеть.PRS.3SG пуля.ACC.SG.INDF COMP SBJV
ngordh-ë.
умирать-SBJV.PRS.3SG
‘Он хочет пулю [для того], чтобы сдохнуть.’ [АНК: Enver Hoxha. Kur lindi partia. 1981]

(63) *Dua* ***që*** ***të*** *varros-et*
хотеть.PRS.1SG COMP SBJV хоронить-NACT.PRS.3SG
me *fustan-in* *e* *nusëri-së.*
с платье-ACC.SG.DEF ACC.SG.DEF состояние.невесты-GEN.SG.DEF
‘Я хочу, чтобы ее похоронили в свадебном платье’. [АНК: Gustave Flaubert. Zonja Bovari. 2008]

Оценочные МП *është mirë* ‘хорошо’ и *është vështirë* ‘трудно’, как и модальные, чаще сочетаются с конъюнктивными СА. Так, при *është vështirë* доля конъюнктива составляет 90,06 %; «*që* + конъюнктив» — 9,36 %. Конъюнктив используется по большей части в безличных (64) и обобщенно-личных конструкциях (65), для которых характерна высокая степень связанности главной и подчиненной предикаций и зависимость временно́й референции СА. В таких конструкциях выражается значение эмоциональной оценки (X считает, что описываемое в СА хорошо / плохо). Примеры с «*që* + конъюнктив» имеют независимую временну́ю референцию и выражают эпистемическую оценку факта, описываемого подчиненной предикацией, ср. рус. *маловероятно*, *вряд ли* (66).

(64) ⟨…⟩ *është* *vështirë* ***të*** *shko-het* *diku*
быть.PRS.3SG трудно SBJV идти-INACT.PRS.3SG куда.то
tjetër *për* *shkak* *të* *viza-ve.*
другой для причина.ACC.SG.INDF ACC.SG.INDF виза.PL-GEN.PL
‘…трудно поехать куда-то еще из-за виз [т. е. проблем с визами]’. [АНК: Zëri. 2013]

(65) *Në* *luftë,* *është* *vështirë* ***ta***=
в война.ACC.SG.INDF быть.PRS.3SG трудно SBJV:3SG.ACC=
nda-sh *tragjike-n* *nga* *qesharak-ja*
отделять-SBJV.PRS.2SG трагическое-ACC.SG.DEF от смешное-NOM.SG.DEF
dhe *heroike-n* *nga* *e* *trishtueshm-ja.*
и героическое-ACC.SG.DEF от F.SG.NOM печальное-NOM.SG.DEF
'На войне [«тебе», обобщенно-личное] трудно отделить трагическое от смешного и героическое от печального'. [АНК: Ismail Kadare. Gjenerali i ushtrisë së vdekur. 1963]

(66) *Ish-te* *vështirë* ***që*** *kryezot-i* *ynë*
быть.IPF-IPF.3SG трудно COMP хозяин-NOM.SG.DEF наш.M.SG.NOM
të *kthe-nte* *qo-ftë* *edhe* *një*
SBJV возвращать-IPF.3SG быть-OPT.PRS.3SG и один
përqindje *të* *vogël* *të*
процент.ACC.SG.INDF ACC.SG.INDF маленький ACC.SG.DIST
para-ve *të* *marr-a.*
деньги-GEN.PL GEN.PL взятый.F.PL
'Вряд ли наш господин вернул бы хоть малую толику полученных денег'. [Ismail Kadare. Ura me tri harqe. 1978]

МП *është mirë* чаще, чем любые другие предикаты нашего списка, употребляется с «*që* + конъюнктив» (50,21 % примеров). Сравнение этих контекстов с СА в индикативе (16,46 %) и конъюнктиве без *që* (33,33 %) показывает следующее. Подчиненная предикация в индикативе всегда указывает на факт, к которому говорящий выражает свое позитивное или негативное отношение (67). Конструкции с конъюнктивом описывают, как правило, ирреальные гипотетические ситуации, осуществление которых желательно для говорящего, ср. рус. *хорошо (бы), чтобы* (68). Конструкции с «*që* + конъюнктив» сочетают в себе указание на ирреальную ситуацию / факт, который оценивается субъектом, но без желательного компонента, ср. рус. *хорошо, если* (79).

(67) *Sidoqoftë,* *është* *mirë* ***që*** *shko-n.*
как.бы.то.ни.было быть.PRS.3SG хорошо COMP идти-PRS.2SG
'Как бы то ни было, хорошо, что ты едешь'. [АНК: Ismail Kadare. Hija. 1984–1986]

(68) *Është* *mirë* ***të*** *më*= *gje-ni*
быть.PRS.3SG хорошо SBJV 1SG.DAT= находить-PRS.2PL

bajame *të* *hidhur-a* *që* *rrit-en*
миндаль.ACC.PL PL.INDF горький-F.PL REL расти-INACT.PRS.3PL
male-ve!
гора.PL-ABL.PL
‘Хорошо бы, чтобы вы нашли мне горький миндаль, что растет в горах’. [Kim Mehmeti. Ritet e Nishanes. 2004]

(69) *Është* *mirë* *që* *në* *padi* *të*
быть.PRS.3SG хорошо COMP в иск.ACC.SG.INDF SBJV
regjistro-het *edhe* *numr-i* *i*
регистрировать-INACT.PRS.3SG и номер-NOM.SG.DEF M.NOM.SG
veprë-s penal-e të të dënuar-it.
‘Хорошо, если в иске регистрируется и номер уголовного дела осужденного’. [АНК: Koha.mk. 2012]

5.6. Фазовые МП

Фазовые глаголы начала и продолжения действия (*filloj*, *nis(em)* ‘начинать(ся)’, *vazhdoj* ‘продолжать(ся)’) присоединяют только СА с конъюнктивом, который обладает зависимой временно́й референцией и описывает ситуацию, совпадающую во времени с ситуацией МП. Вследствие утраты инфинитива в албанском, конъюнктив в этом случае замещает нефинитную конструкцию (англ. reduced complement, «любой тип СА, имеющий меньше синтаксических и словоизменительных возможностей, чем индикативная клауза») [Noonan 2007: 83, 146].

В редких случаях с этими глаголами употребляется конструкция «*që* + конъюнктив». Доля таких примеров не превышает 2 % от общего количества (см. *Приложение*). Все они обнаружены в газетных текстах АНК, что позволяет считать эти употребления явлением последних десятилетий, характерным для языка албанской прессы. Использование *që* в таких примерах, вероятно, обусловлено смещением акцента с обозначенного в СА действия на его продолжение, т. е. на матричный предикат, который в этом случае становится коммуникативно более значимым.

(70) *Të* *dy* *parti-të* *do* *të*
NOM.PL.DIST два партия-NOM.PL.DEF FUT SBJV
vazhdo-jnë ***që*** ***të*** *bashkëpuno-jnë* *ngushtë*
продолжать-PRS.3PL COMP SBJV сотрудничать-PRS.3PL тесно

sa	*i=*	*tako-n*	*reformë-s*	*zgjedhor-e.*
COMP	3SG.DAT=	встречать-PRS.3SG	реформа-DAT.SG.DEF	выборный-F

‘Обе партии продолжат тесно сотрудничать в том, что касается избирательной реформы’. [АНК: Zëri. 2013]

Глагол завершения действия *mbaroj* ‘заканчиваться’ в албанском не сочетается с СА в индикативе и конъюнктиве и присоединяет только нефинитные конструкции на основе причастия. Другой глагол, *përfundoj* употребляется с конъюнктивом в нескольких примерах, обнаруженных в АНК, в значении «прекращать, переставать». Ср. с англ. *finish* (может присоединять только СА, оформленные герундием) и *cease* (сочетается как с герундием, так и с инфинитивом), первый из которых выражает собственно завершение действия, а второй — «прекращение вовлечения субъекта в деятельность» [Noonan 2007: 141].

(71)

Më=	*vje-n*	*shumë*	*mirë*	*që*	*në*
1SG.ACC=	приходить-PRS.3SG	очень	хорошо	COMP	в

fund	*fare*	*përfundo-n*	***të***
конец.ACC.SG.INDF	совсем	заканчивать-PRS.2SG	SBJV

bë-sh	*ato*	*që*	*ke-mi*	*thë-në*
делать-SBJV.PRS.2SG	тот.F.NOM.PL	COMP	иметь-PRS.3SG	говорить.PTCP

ne.
MЫ.NOM

‘Я очень рад, что в конце концов ты прекращаешь делать те вещи, о которых мы говорили’. [АНК: Panorama. 2017]

6. Заключение

6.1. Выбор способа оформления СА в албанском языке

Исследование показало, что использование трех рассмотренных нами стратегий оформления СА в литературном албанском языке — индикатива, конъюнктива и «*që* + конъюнктив» — определяется рядом характеристик матричного предиката и подчиненной предикации. Кроме этого, определенное влияние на их распределение оказывает утрата инфинитива в албанском, как и в ряде других балканских языков, благодаря которой функции конъюнктива как «связанного» наклонения

значительно расширились. Можно предположить, что возникновение и распространение в балканских языках особого типа сентенциальных актантов с конъюнктивом и комплементайзером, подобных алб. «*që* + конъюнктив», также связано с утратой инфинитива и изменением функций конъюнктива и подобных ему финитных глагольных форм.

Для понимания того, как в современном литературном албанском языке распределены разные способы оформления СА, важны следующие наблюдения. Во-первых, отсутствие инфинитива в литературном языке обусловливает выбор конъюнктива в контекстах, в которых в других языках предпочитаются нефинитные конструкции, например инфинитив. Сюда относится употребление с фазовыми, модальными, оценочными, эмотивными и манипулятивными предикатами (семантическая группа, обозначенная нами «МП каузации и потенциальной ситуации», а также предикаты речевой каузации). Эти контексты характеризует зависимая временна́я референция СА, каузативный или модальный желательный компонент в семантике МП и контроль ситуации, описываемой в СА, со стороны субъекта МП (как при некореферентности субъектов МП и СА, например в типичных каузативных контекстах, в которых субъект МП побуждает субъекта СА совершить действие, так и в кореферентных конструкциях, также подразумевающих контролируемость СА). В свою очередь, индикатив употребляется в основном с ментальными МП и МП речи, для которых характерна независимая временна́я референция СА и несущественность таких факторов, как (не)кореферентность субъектов и контроль ситуации, описываемой в СА.

Во-вторых, «запрет» присоединять СА с индикативом действует последовательно только в случае фазовых, некоторых модальных и каузативных МП, а с конъюнктивом — в случае некоторых ментальных МП. Остальные предикаты могут присоединять оба типа СА в разных соотношениях. Например, распределение индикатива и конъюнктива в конструкциях с МП каузации и потенциальной ситуации, как показано в *5.1*, не зависит от временно́й референции: обе разновидности СА могут быть ориентированы как проспективно, так и ретроспективно. Более значимым оказывается фактор эпистемической зависимости: в конструкциях с индикативом выражается оценка истинности подчиненной пропозиции, а конъюнктив употребляется, напротив, в контекстах с выраженным модальным (желательным) или каузативным компонентом. Кроме того, для выбора оформления СА при конкретном предикате важно противопоставление в СА действия, совершаемого

субъектом, и ситуации, в которой субъект СА может не участвовать. Например, с МП типа *ndihmoj* ‘помогать’ и *bind* ‘убеждать’ первый тип СА оформляется индикативом («убедить / помочь субъекту СА совершить действие»), а второй — «*që* + конъюнктив» («убедить субъекта СА, что ситуация, описанная в СА, вероятна»).

В-третьих, как неоднократно отмечалось в литературе (см., например, [Зализняк 2002; Noonan 2007]), многозначные предикаты могут следовать разным стратегиям выбора СА в зависимости от того, в каком значении они употребляются в конкретном контексте. Так, в *5.2* показано, что типичные глаголы передачи информации *them* ‘сказать’ и *flas* ‘говорить; сказать’ употребляются преимущественно с индикативом в своем основном значении и с конъюнктивными СА — когда выражают значение речевой каузации.

6.2. Свойства конструкции «*që* + конъюнктив»

Как по структуре, так и по своим семантическим свойствам конструкция «*që* + конъюнктив» занимает промежуточное положение между двумя основными типами сентенциальных актантов албанского языка — индикативом с комплементайзером и конъюнктивом. При этом особенности ее употребления определяются свойствами конкретных предикатов. Так, для контекстов с МП каузации типа *bind* ‘убеждать’ и *shpresoj* ‘надеяться’, присоединяющих «*që* + конъюнктив», характерно сочетание эпистемической оценки, обычно выражаемой в контекстах с индикативом, и модального оттенка, свойственного конъюнктиву. МП с сильным каузативным компонентом в семантике (*ndihmoj* ‘помогать’), которые не употребляются с индикативом, как уже было сказано выше, присоединяют «*që* + конъюнктив», когда в СА описывается ситуация, не контролируемая в полной мере субъектом МП, и «чистый» конъюнктив — в собственно каузативных контекстах, где субъект МП контролирует действия субъекта СА. Ментальные МП, которые, напротив, обычно не употребляются с конъюнктивом, присоединяют «*që* + конъюнктив» в характерных для конъюнктива без *që* контекстах, ср. например выбор этой конструкции в сочетании с *kujtoj* ‘напоминать’ при наличии объекта («напоминать кому-л. о чем-л.») и индикатива — в остальных случаях («напоминать о чем-л.»). В контекстах с эмотивными и МП восприятия индикатив и «*që* + конъюнктив» оказываются противопоставленными по параметру высокой / низкой

эпистемической оценки (когда при МП есть отрицание, используется конъюнктив с *që*), а различие между конъюнктивом и «*që* + конъюнктив» состоит в высокой / низкой степени контроля над ситуацией, описываемой в СА, со стороны субъекта МП.

С некоторыми МП потенциальной ситуации, например с глаголом желания *dua* ‘хотеть’ и глаголом недостижения *përpiqem* ‘пытаться’, «*që* + конъюнктив» может употребляться в целевом значении. Это значение является исходным для конструкции; в нем она сочетается в том числе с глаголами, которые не могут присоединять сентенциальные дополнения (например, *punoj* ‘работать’). Можно предположить, что распределение «*që* + конъюнктив» в современном албанском языке, в том числе неодинаковая частотность употребления этой конструкции с разными группами МП, отражает путь ее распространения и развития значения: целевые употребления > употребление при глаголах желания и каузации (предикаты манипуляции) > употребление с модальными и оценочными предикатами, включая глаголы эмоциональной оценки > употребление с ментальными предикатами. Интересно, что эта последовательность в целом напоминает схему грамматикализации инфинитива в языках мира (в представлении М. Хаспельмата [Haspelmath 1989]). Подтверждение высказанных предположений об эволюции «*që* + конъюнктив», а также о связи между развитием этого типа конструкций и процессом утраты инфинитива в албанском языке, требует выхода за рамки изучения СА в литературном языке и обращения к диалектному материалу. В первую очередь, необходимо изучить функционирование «инфинитива» в гегском диалекте албанского языка, его соотношение с описанными в данной статье типами СА и употребление в литературном языке и диалектах остальных нефинитных конструкций, оставшихся за рамками настоящего исследования.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо у глаголов и местоимений; ABL — аблатив; ABL2 — аблатив 2 (неопр. форма аблатива мн. ч. сущ. с окончанием *-sh*); ACC — аккузатив; AOR — аорист; COMP — комплементайзер; COMPR — показатель степени сравнения; GEN — генитив; DAT — датив; DEF — показатель определенности; DIST — дистантная позиция артикля; F — женский род; FUT — будущее время; GRND — герундий; IMP — императив; IND — индикатив; INDF — показатель неопределенности; INTJ — междометие; IPF — имперфект; M — мужской род; N — средний род; NACT — показатель

неактивного залога; NEG — показатель отрицания; NOM — номинатив; OPT — оптатив; PL — множественное число; POSS — притяжательное местоимение; PROG — прогрессив; PRS — настоящее время; PSB — поссибилитив; PTCP — причастие; REL — показатель релятивизации; SBJV — конъюнктив; SG — единственное число; UM — немаркированный падеж.

Литература

Асенова 1989 — П. Асенова. Балканско езикознание: Основни проблеми на балкански езиков съюз. София: Наука и изкуство, 1989.

Добрушина 2016 — Н. Р. Добрушина. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики. Прага: Animedia Company, 2016.

Зализняк 1992 — А. А. Зализняк. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München: Verlag Otto Sagner, 1992.

Макарцев, настоящий сборник — М. М. Макарцев. Факультативное *se* в албанских придаточных изъяснительных: опыт корпусного исследования.

Морозова 2015 — М. С. Морозова. *Filloj së bëri*: аблатив отглагольного имени в конструкциях с фазовыми глаголами // М. М. Макарцев, И. А. Седакова, Т. В. Цивьян (ред.). Балканский тезаурус: начало. (Балканские чтения 13. Тезисы и материалы). М.: ПРИНТ ПРО, 2015. С. 105–111.

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2011.

Сердобольская и др. 2012 — Н. В. Сердобольская, А. А. Ильевская, С. А. Минор, П. С. Митева, А. В. Файнвейц, Н. С. Матвеева. Конструкции с сентенциальными актантами в финно-угорских языках // А. И. Кузнецова, С. Ю. Толдова (ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 382–476.

Boye, Kehayov 2016 — K. Boye, P. Kehayov (eds.). Complementizer Semantics in European Languages. (Empirical Approaches to Language Typology 57). Berlin: Mouton de Gruyter, 2016.

Buchholz, Fiedler 1987 — O. Buchholz, W. Fiedler. Albanische Grammatik. Leipzig: Biblion Verlag, 1987.

Demiraj 1988 — Sh. Demiraj. Gramatika historike e gjuhës shqipe. Prishtinë: Rilindja, 1988.

Dobrushina 2012 — N. Dobrushina. Subjunctive complement clauses in Russian // Russian linguistics. 2012. Vol. 36. № 2. P. 121–156.

Domi 2002a — M. Domi (red.). Gramatika e gjuhës shqipe. Vëll. 1. Morfologjia. Botimi i tretë. Tiranë: Botim i Akademisë së Shkencave, 2002.

Domi 2002b — M. Domi (red.). Gramatika e gjuhës shqipe. Vëll. 2. Sintaksa. Botimi i tretë. Tiranë: Botim i Akademisë së Shkencave, 2002.

FShS 2002 — J. Thomai, M. Samara, J. Kole, P. Haxhillazi, H. Shehu, Th. Feka, K. Sima. Fjalor i shqipes së sotme: me rreth 35,000 fjalë. Botim i dytë i ripunuar. Tiranë: Botimet Toena, 2002.

Givón 1980 — T. Givón. The Binding Hierarchy and the Typology of Complements // Studies in Language. 1980. Vol. 4. P. 333–377.

Haspelmath 1989 — M. Haspelmath. From purpositive to infinitive — a universal path of grammaticization // Folia Linguistica Historica. 1989. Vol. 10. P. 287–310.

Joseph 2016 — B. Joseph. The semantics and syntax of complementation markers as an areal phenomenon in the Balkans, with special attention to Albanian // K. Boye, P. Kehayov (eds.). Complementizer Semantics in European Languages. (Empirical Approaches to Language Typology 57). Berlin: Mouton de Gruyter, 2016. P. 265–293.

Kehayov, Boye 2016 — P. Kehayov, K Boye. Complementizer semantics in European languages: Overview and generalizations. K. Boye, P. Kehayov (eds.). Complementizer Semantics in European Languages. (Empirical Approaches to Language Typology 57). Berlin: Mouton de Gruyter, 2016. P. 809–878.

Newmark 2000 — L. Newmark (ed.). Oxford Albanian-English Dictionary. Cary, North Carolina, USA: Oxford University Press, 2000.

Newmark et al. 1982 — L. Newmark, Ph. Hubbard, P. Prifti. Standard Albanian. A reference grammar for students. Stanford: Stanford University Press, 1982.

Noonan 2007 — M. Noonan. Complementation // T. Shopen (ed.). Language Typology and Syntactic Description. Vol. 2: Complex Constructions. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 52–150.

Rushiti 2015 — R. Rushiti. Frazat lidhëzore në gjuhën shqipe. Lidhja e përbërësve kallëzuesore me lidhëzat *që* dhe *se.* Tiranë: Shkronjë pas shkronje, 2015.

Vendler 1967 — Z. Vendler. Linguistics in philosophy. Ithaca & New York: Cornell University Press, 1967.

Источники

АНК — М. С. Морозова, А. Ю. Русаков, Т. А. Архангельский. Албанский национальный корпус (электронный ресурс). URL: albanian.web-corpora.net (дата обращения 21.07.2020).

References

Asenova 1989 — P. Asenova. Balkansko ezikoznanie: Osnovni problemi na balkanski ezikov sŭuz [Balkan linguistics: Basic problems of the Balkan linguistic league]. Sofia: Nauka i izkustvo, 1989.

Boye, Kehayov 2016 — K. Boye, P. Kehayov (eds.). Complementizer Semantics in European Languages. (Empirical Approaches to Language Typology 57). Berlin: Mouton de Gruyter, 2016.

Buchholz, Fiedler 1987 — O. Buchholz, W. Fiedler. Albanische Grammatik. Leipzig: Biblion Verlag, 1987.

Demiraj 1988 — Sh. Demiraj. Gramatika historike e gjuhës shqipe [Historical grammar of Albanian language]. Prishtinë: Rilindja, 1988.

Dobrushina 2012 — N. Dobrushina. Subjunctive complement clauses in Russian. *Russian linguistics*. 2012. Vol. 36. No. 2. P. 121–156.

Dobrushina 2016 — N. R. Dobrushina. Soslagatelnoe naklonenie v russkom yazyke: opyt issledovaniya grammaticheskoy semantiki [Subjunctive mood in Russian: a study of grammatical semantics]. Prague: Animedia Company, 2016.

Domi 2002a — M. Domi (red.). Gramatika e gjuhës shqipe. Vëll. 1. Morfologjia [Grammar of the Albanian language. Vol. 1. Morphology]. Botimi i tretë. Tiranë: Botim i Akademisë së Shkencave, 2002.

Domi 2002b — M. Domi (red.). Gramatika e gjuhës shqipe. Vëll. 2. Sintaksa [Albanian grammar. Vol. 2. Syntax]. Tiranë: Botim i Akademisë së Shkencave, 2002.

FShS 2002 — J. Thomai, M. Samara, J. Kole, P. Haxhillazi, H. Shehu, Th. Feka, K. Sima. Fjalor i shqipes së sotme: me rreth 35,000 fjalë [Dictionary of Modern Albanian: Around 35,000 words]. Botim i dytë i ripunuar. Tiranë: Botimet Toena, 2002.

Givón 1980 — T. Givón. The Binding Hierarchy and the Typology of Complements. *Studies in Language*. 1980. Vol. 4. P. 333–377.

Haspelmath 1989 — M. Haspelmath. From purpositive to infinitive — a universal path of grammaticization. *Folia Linguistica Historica.* 1989. Vol. 10. P. 287–310.

Joseph 2016 — B. Joseph. The semantics and syntax of complementation markers as an areal phenomenon in the Balkans, with special attention to Albanian. K. Boye, P. Kehayov (eds.). *Complementizer Semantics in European Languages*. (Empirical Approaches to Language Typology 57). Berlin: Mouton de Gruyter, 2016. P. 265–293.

Kehayov, Boye 2016 — P. Kehayov, K Boye. Complementizer semantics in European languages: Overview and generalizations K. Boye, P. Kehayov (eds.). *Complementizer Semantics in European Languages*. (Empirical Approaches to Language Typology 57). Berlin: Mouton de Gruyter, 2016. P. 809–878.

Makartsev, this volume — M. M. Makartsev. Fakultativnoe *se* v albanskikh pridatochnykh izyasnitelnykh: opyt korpusnogo issledovaniya [The facultative *se* in Albanian complement clauses: A corpus study].

Morozova 2015 — M. S. Morozova. *Filloj së bëri*: ablativ otglagolnogo imeni v konstruktsiyakh s fazovimi glagolami [*Filloj së bëri*: Ablative of deverbal substantives in constructions with phasal verbs]. M. M. Makartsev, I. A. Sedakova, T. V. Tsivian (eds.). *Balkanskiy tezaurus: nachalo* ["The Balkan Thesaurus": Beginning and Beginnings]. (Balkanskie chteniya 13. Tezisi i materiali). Moscow: PRINT PRO, 2015. P. 105–111.

Newmark 2000 — L. Newmark (ed.). Oxford Albanian-English Dictionary. Cary, North Carolina, USA: Oxford University Press, 2000.

Newmark et al. 1982 — L. Newmark, Ph. Hubbard, P. Prifti. Standard Albanian. A reference grammar for students. Stanford: Stanford University Press, 1982.

Noonan 2007 — M. Noonan. Complementation. T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. 2: Complex Constructions. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 52–150.

Plungyan 2011 — V. A. Plungyan. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira [Introduction

to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world]. Moscow: Russian State Univerisity for the Humanities, 2011.

Rushiti 2015 — R. Rushiti. Frazat lidhëzore në gjuhën shqipe [Conjunction clauses in Albanian]. Tiranë: Shkronjë pas shkronje, 2015.

Serdobolskaya et al. 2012 — N. V. Serdobolskaya, A. A. Ilyevskaya, S. A. Minor, P. S. Miteva, A. V. Fainveits, N. S. Matveeva. Konstruktsii s sententsialnymi aktantami v finno-ugorskikh yazykakh [Constructions with sentential actants in Finno-Ugric languages]. A. I. Kuznetsova, S. Y. Toldova (eds.). *Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formalnyy i funktsionalnyy podkhody* [Finno-Ugric languages: Fragments of grammatical description. Formal and functional approaches]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2012. P. 382–476.

Vendler 1967 — Z. Vendler. Linguistics in philosophy. Ithaca & New York: Cornell University Press, 1967.

Zaliznyak 1992 — A. A. Zaliznyak. Issledovaniya po semantike predikatov vnutrennego sostoyaniya [Investigations in the Semantics of Inner State Predicates]. München: Verlag Otto Sagner, 1992.

Sources

ANK — M. Morozova, A. Rusakov, T. Arkhangelskiy. Albanian National Corpus. Available at: albanian.web-corpora.net (accessed on 21.07.2020).

Приложение

Албанские предикаты в сочетании с разными типами СА (данные АНК)

Albanian predicates in combination with different complements (data from ANC)

Тип МП	**Матричный предикат**	**Тип СА**					
		të		***që të***		**IND (*****q*****ë, *****se*****)**	
		к-во	**%**	**к-во**	**%**	**к-во**	**%**
Фазовые	*filloj* ‘начинать(ся)’	5673	98,42	91	1,58	0	0,0
	nis/*nisem* ‘начинать(ся)’	2670	99,18	21	0,78	1	0,04
	vazhdoj ‘продолжать(ся)’	7373	98,31	126	1,68	1	0,01
	mbaroj ‘заканчивать(ся)’	0	0,0	0	0,0	0	0,0
	përfundoj ‘заканчивать(ся)’	7	63,64	2	18,18	2	18,18

Тип МП	Матричный предикат	Тип СА					
		të		*që të*		IND (*që*, *se*)	
		к-во	%	к-во	%	к-во	%
Модальные	*duhet* ‘нужно; должен’	42 291	96,16	1666	3,79	20	0,05
	di ‘уметь’	2 035	99,27	15	0,73	0	0,0
	dua ‘хотеть; любить’	10 617	84,73	1880	15,0	34	0,27
	mund ‘мочь’	57 988	99,89	60	0,1	3	0,01
	ka mundësi ‘возможно’	1 559	72,44	449	20,86	144	6,69
	është e mundur ‘возможно’	286	41,39	281	40,67	124	17,95
Оценки	*është mirë* ‘хорошо’	162	33,33	244	50,21	80	16,46
	është vështirë ‘трудно’	308	90,06	32	9,36	2	0,58
Эмотивные	*çuditem* ‘удивляться’	1	1,51	7	10,61	58	87,88
	frikësohem ‘бояться’	20	14,71	9	6,62	107	78,67
	kam frikë ‘бояться’	192	27,83	11	1,59	487	70,58
	pëlqej ‘любить, нравиться’	680	82,72	35	4,26	107	13,02
Восприятия	*dëgjoj* ‘слушать, слышать’	360	38,34	31	3,3	548	58,36
	shikoj ‘(о)смотреть, (у)видеть’	50	17,12	11	3,77	231	79,11
	shoh ‘(у)видеть, (по)смотреть’	337	9,65	38	1,1	3 116	89,25
Ментальные	*besoj* ‘верить; считать’	147	2,2	41	0,62	6 441	97,16
	di ‘знать’	0	0,0	17	0,24	6 945	99,76
	dyshoj ‘сомневаться’	148	11,16	20	1,51	1 158	87,33
	harroj ‘забывать’	359	27,11	30	2,27	935	70,62
	kujtoj ‘помнить, вспоминать’	109	4,85	22	0,98	2 118	94,17
	kuptoj ‘понимать’	5	0,14	6	0,18	3 592	99,68
	mendoj ‘думать, полагать’	1 011	7,81	340	2,63	11 585	89,56
Каузации и пот. ситуации	*bie dakord* ‘согласиться’	60	20,48	140	47,78	93	31,74
	bind ‘убеждать’	64	25,5	42	16,73	145	57,77
	ndihmoj ‘помогать’	735	63,42	424	36,58	0	0,0
	përpiqem ‘пытаться’	3 204	87,85	443	12,15	0	0,0
	pres ‘ждать’	5 584	64,79	2771	32,16	263	3,05
	shpresoj ‘надеяться’	563	19,01	861	29,08	1 537	51,91
	vendos ‘решать’	3 188	61,35	1719	33,09	289	5,56

Тип МП	**Матричный предикат**	**Тип СА**					
		të		***që të***		**IND (*që*, *se*)**	
		к-во	**%**	**к-во**	**%**	**к-во**	**%**
Речи	*flas* ‘говорить’	19	3,51	16	2,96	506	93,53
	kërkoj ‘требовать, просить’	3914	52,62	3516	47,28	7	0,1
	lejoj ‘разрешать, позволять’	1965	64,88	1059	34,97	4	0,15
	lutem ‘просить, умолять’	376	57,67	274	42,02	2	0,31
	premtoj ‘обещать’	89	6,8	16	1,22	1 204	91,98
	them ‘говорить, сказать’	1110	2,19	488	0,96	49 051	96,85

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 275–305
DOI 10.30842/alp2306573716210

Albanian dialects in the light of language contact: A quantitative study of loanwords*

M. S. Morozova
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg;
morozovamaria86@gmail.com

M. A. Ovsjannikova
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg;
masha.ovsjannikova@gmail.com

A. Y. Rusakov
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg;
ayurusakov@gmail.com

Abstract. The article presents the results of a quantitative study of lexical borrowings in the Albanian dialects based on the material from the Dialectological Atlas of the Albanian language (DAAL). This study is a stage in the investigation of Albanian dialects by the methods of areal typology and dialectometry aiming to clarify the existing ideas about the development of the Albanian dialectal landscape and to reconstruct the contact history of the Albanian language area.

The article analyzes the overall sample of lexical borrowings and the borrowings of different origins (Balkan Slavic, Medieval and Modern Greek, Ottoman Turkish, Eastern and Western Romance) found in Albanian dialectal varieties. Within the Albanian language area, we identify zones more or less affected by borrowing, and microareas characterized by various degrees of contact, isolation, exposure to the general Albanian linguistic development tendencies, etc. Using distance calculation and multidimensional scaling, we measure and map the closeness of Albanian varieties based on certain groups of borrowings and verify the existing views on the Albanian dialect classification and on the areal distribution of loanwords across the traditionally defined zones of Albanian-Slavic, Albanian-Romance, and Albanian-Greek contact.

Our quantitative analysis of the closeness of Albanian varieties shows that the results based on the overall sample of borrowings better correspond to the traditional dialectal classification than those based on any of the specific subgroups of borrowings. Some long-established subdialects of Gheg and Tosk demonstrate lack of internal homogeneity.

* The research was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00244 “Balkan bilingualism in dominant and equilibrium contact situation in diatopy, diachrony and diastraty”).

Central Gheg varieties of North Macedonia, for example, clearly stand out in the Central Gheg subdialect, and tentative subdivisions are evident within Northern and Southern Tosk in the Tosk dialect area.

The quantitative distribution of loanwords shows a clear areal pattern, with the intensity of borrowing (and language contact) increasing from the center to the periphery of the Albanian-speaking area. While certain micro-areas differ in the number of borrowings from Slavic, Greek, or Arumanian lexis, no clear areal patterns are observable for the distribution of Turkish loanwords. As to Western Romance loanwords, relatively high numbers of these are not only, quite expectedly, found in the coastal Northwestern and Central Gheg varieties, but also in the most isolated Central Gheg varieties — a fact that may throw light on the early history of these dialects.

Keywords: Albanian, dialect, Gheg, Tosk, loanwords, Balkan Slavic, Ottoman Turkish, Greek, Eastern (Balkan) Romance, Western Romance, quantitative analysis, closeness, language contact.

Албанские диалекты в свете языкового контакта: количественное исследование заимствований

М. С. Морозова

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург;
morozovamaria86@gmail.com

М. А. Овсянникова

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург;
masha.ovsjannikova@gmail.com

А. Ю. Русаков

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
ayurusakov@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты количественного исследования лексических заимствований в албанских диалектах, основанного на материале Диалектологического атласа албанского языка (ДААЯ). Это исследование является одним из этапов изучения албанских диалектов методами, используемыми в ареальной типологии и диалектометрии, с тем чтобы верифицировать существующие представления о формировании албанского диалектного ландшафта и реконструировать контактную историю албаноязычного ареала.

В статье анализируются лексические заимствования различного происхождения (из балканославянских языков, средневекового греческого и новогреческого, османского турецкого, западнороманских и восточнороманских языков), которые

обнаруживаются в албанских говорах. Мы выявляем внутри албаноязычного ареала зоны с большей или меньшей интенсивностью заимствования лексики, и микрорегионы, которые характеризуются разной степенью интенсивности контакта, уровнем изолированности, проявлением общеалбанских тенденций языкового развития и др. Путем подсчета расстояний и последующего анализа и визуализации данных методом многомерного шкалирования мы измеряем и отражаем на карте степень близости албанских говоров, основанной на присутствии в них тех или иных групп заимствований, и предпринимаем попытку верифицировать существующие представления об албанской диалектной классификации и об ареальной дистрибуции заимствований в традиционно выделяемых зонах албанско-славянского, албанско-романского и албанско-греческого контакта.

Количественный анализ близости албанских говоров показал, что результаты, полученные на основе выборки из всех заимствований, более точно соответствуют общепринятой диалектной классификации, чем данные о близости говоров, основанные на анализе отдельных групп заимствований. Некоторые группы говоров отличаются внутренней неоднородностью. Например, в среднегегской диалектной зоне четко выделяются среднегегские говоры Северной Македонии. Различия обнаруживаются и между отдельными районами внутри севернотоскского и южнотоскского ареалов.

В распределении заимствований наблюдается хорошо различимая тенденция к повышению интенсивности заимствования (и языкового контакта) в говорах, расположенных на периферии албаноязычного ареала. Выделяются отдельные микроареалы с большим или меньшим числом заимствований разного происхождения — славянских, греческих, арумынских. В дистрибуции турцизмов, напротив, не удалось выявить четкого ареального распределения. Заимствования из западнороманских языков сравнительно многочисленны в прибрежных среднегегских и северо-западных гегских говоров, но также и в наиболее изолированных среднегегских говорах материковой части Албании, что позволяет пролить свет на раннюю историю этих диалектных групп.

Ключевые слова: албанский язык, диалект, гегский, тоскский, балканославянский, османский турецкий, греческий, восточнороманский (балканороманский), западнороманский, количественный анализ, близость, языковой контакт.

1. Introduction

Lexical borrowings, or loanwords, are recognized as the most commonly attested language contact phenomena. One of the questions arising in a study of loanwords is what their spatial and quantitative distribution in a given language tells us about the history, intensity, and setting of language contact in the area where it is spoken.

This article examines loanwords in Albanian dialects against a background of the "contact history" of Albanian. This study is a part of a larger research project investigating the Albanian dialect continuum by quantitative methods (see [Rusakov, Morozova 2017, 2018] on the linguistic complexity and closeness of Albanian dialectal varieties based on the grammatical features; [Rusakov et al. 2018] on the closeness based on the lexicon). Our goal here is to quantitatively assess closeness between the Albanian varieties based on the loanwords attested in them and to interpret the findings in the light of the "contact history" of Albanian. To this end, we survey the loanwords of various origin, i.e. Balkan Slavic, (Medieval and Modern) Greek, (Ottoman) Turkish, and (Western and Balkan) Romance, found in the Dialectological Atlas of the Albanian Language (DAAL) [Gjinari et al. 2008].

In the next section, we give an overview of Albanian dialects and of the diachronic layers of loanwords in modern Albanian. *Section 3* describes the data extracted from the Atlas and discusses several methodological and technical solutions for their processing. *Section 4* describes the quantitative analysis methods used in our study. In *Section 5*, we present and discuss the results obtained for each of the aforementioned sets of loanwords by origin. The last section gives a summary of our findings and proposes directions for further research.

2. Background

2.1. The traditional classification of Albanian dialects

The Albanian language area falls into two large dialectal zones, the Northern zone, or Gheg (Alb. *gegë* 'of or pertaining to Gegëria, an ethnographic region encompassing central and northern Albania, or its inhabitants'), and the Southern zone, or Tosk (Alb. *toskë* 'of or pertaining to Toskëria, an ethnographic region including southern Albania, or its inhabitants'). The dialectal varieties spoken in Northern Albania, Kosovo, Montenegro, and Southern Serbia, as well as the majority of Albanian varieties of North Macedonia belong to the Gheg zone, while the varieties of Southern Albania, Greece, and the Ohrid-Prespa area in North Macedonia are Tosk[1].

[1] The Albanian language also has several historical diaspora varieties. The variety of Zadar (Croatia) belongs to the Gheg dialect. The Arbëresh variety of Italy, the variety

The Shkumbin river that crosses Albania from east to west forms the dividing line between the two zones, with Gheg spoken north and Tosk, together with a narrow strip of the so-called transitional varieties, south of the river.

Both Gheg and Tosk comprise several subdialects shown in *Figure 1* from [Rusakov 2013: 165], based on [Gjinari et al. 2007: 56, Map C] and [Gjinari, Shkurtaj 2000: 185]. Gheg includes Northern Gheg, which is further subdivided into western and eastern subdialects, Central Gheg, and Southern Gheg (called "Central Albania Gheg" in most Albanian dialect

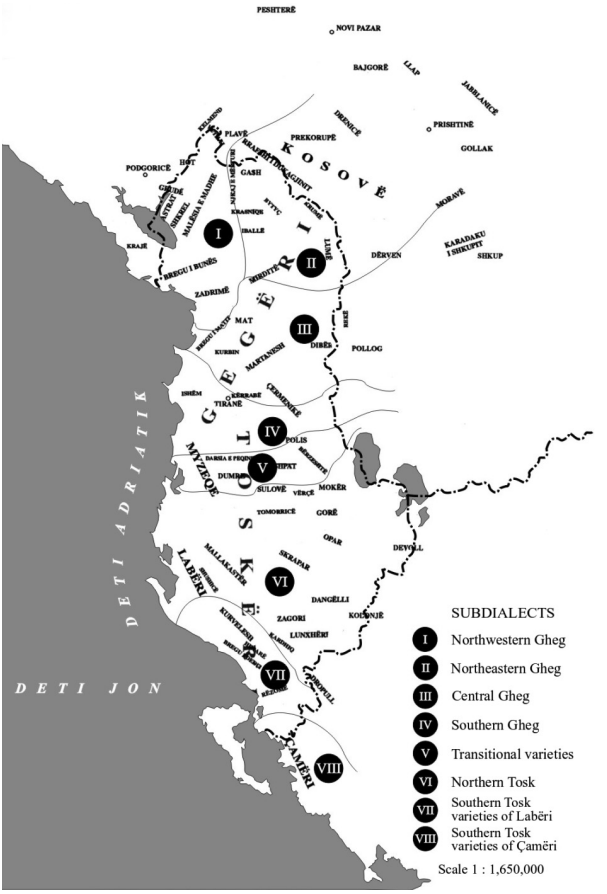

Figure 1. Classification of Albanian dialects

of the village of Mandritsa (Bulgaria), and the variety of Albanian spoken in Ukraine pertain to the Tosk dialect.

descriptions; see, for example, [Gjinari, Shkurtaj 2000: 186]). Tosk is divided into Northern Tosk with western and eastern subdialects, and Southern Tosk including Labëria and Çamëria subdialects.

The modern Gheg and Tosk dialects show mostly phonological and, to a lesser extent, morphosyntactic distinctions (see the full list in [Desnitskaya 1968a: 39–45; Gjinari, Shkurtaj 2000: 176–179]) that emerged at various stages of the Albanian language history. Though the initial dialectal split between Gheg and Tosk developed in the 8th–10th centuries, most features forming the present-day Albanian dialect landscape pertain to the first three centuries following the Ottoman invasion, i.e. the 16th–18th centuries [Gjinari, Shkurtaj 2000: 170–174; Rusakov 2013: 164]. Notably, the Tosk dialect is generally more balkanized than the Gheg dialect, probably as a result of the intensive multilingual contacts in the area south of the lakes Prespa and Ohrid where the local Tosk varieties of Albanian interacted with Greek, Macedonian, Arumanian, and Romani dialects throughout the second millennium AD [Lindstedt 2000: 234].

2.2. Loanwords in Albanian

Albanian belongs to languages with a large amount of lexical borrowings representing several chronological layers (see a detailed overview in [Demiraj 2013]). The earliest layer comprises words borrowed from **Ancient Greek** and **Latin**. There are slightly more than 30 Ancient Greek borrowings in Albanian (for example, *tym* 'smoke' < Gr. *thymos*) [Ölberg 1972], while the Latin borrowings are very substantial in number. According to various lists, the number of Latin etymons in Albanian shall be no less than 600 [Mihăescu 1966; Haarmann 1972; Landi 1989; Vătăşescu 1997; Bonnet 1998]. Latin loanwords entered the Albanian lexicon within the period of intensive Albanian-Latin language contacts, which might have started at the beginning of the 1st century AD, after the final incorporation of the Western Balkans into the Roman state, and lasted until the 5th–6th centuries AD, eventually taking the form of Albanian-(Proto)Rumanian contacts [Rusakov 2017: 125]. The Latin borrowings in Albanian penetrated into virtually all semantic fields, and most part of these borrowings can be found in all Albanian dialectal varieties. Cf. *gjyq* 'trial, court' < Lat. *iūdicum*, *mjek* 'physician' < Lat. *medicus*, *vij* 'come' < Lat. *venio*, and many others.

Slavic loanwords in Albanian, which have been the object of numerous studies such as [Selishchev 1931; Jokl 1934; Desnitskaya 1968b; Svane

1992; Ylli 1997; Sobolev 2012] and many others, are a result of language contacts between Albanian and South Slavic that, having started after the Slavic expansion into the Balkans in the 6th and 7th centuries, in a sense continue until now. Historical-phonetic criteria only make it possible to determine the time of borrowing for a small group (ca. twenty) of Slavic words that entered Albanian before the 10th–11th centuries, whereas the time of borrowing remains unclear for the majority of Slavisms. Unlike Latin borrowings, many Slavic loanwords show a clear dialectal distribution. Xhelal Ylli [1997] suggests that only a quarter of some 1000 Slavic borrowings are spread among all or almost all Albanian dialectal varieties (e.g. *oborr* 'yard', cf. Bg./Mc. and Srb. *обор*; *zakon* 'custom', cf. Srb. *закон*). The main source of Slavic loanwords for the southern Albanian varieties were Eastern South Slavic (Macedonian-Bulgarian) dialects, and for the northern varieties, Western South Slavic (Serbo-Croatian) dialects.

Middle Greek borrowings first penetrated Albanian in the early medieval period. Although they are attested mostly in the southern varieties of Albanian, some common Albanian words of Greek origin, such as *trëndafil* 'rose' < Gr. *triandafyllo*, are found in the north as well. Though the process of borrowing still continues in modern times through the ongoing contacts of Albanian with **Modern Greek**, such loanwords as, e.g. *fole* 'nest' < Gr. *folia*, occur almost exclusively in the Tosk varieties of Southern Albania and Northern Greece [Demiraj 2013: 166].

Italian loanwords, e.g. *barkë* 'boat' < It. *barca*, date back to the beginning of active contacts between Italian states and the coastal Albanian territories in the 11th century. Many of the early Italian borrowings came from the Venetian dialect (on Italian borrowings, see [Helbig 1903]). The few **Arumanian** borrowings attested in Albanian (for example, *milor* 'lamb' < Arum. *milior*) have mostly dialectal distribution. They result from contacts between Albanians and Arumanians that took place in both urban settlements in the Central and Southern Albania such as Elbasan and Voskopoja, and the surrounding rural areas, where people from the two ethnic groups would drive their livestock between grazing pastures.

After the Ottoman invasion of Albania in the late 14th — early 15th centuries, Albanian took a great influx of loanwords from Ottoman Turkish (words of Turkic origin, as well as Arabic and Persian borrowings in Turkish). **Turkish** loanwords in Albanian belong to various semantic fields and include terms related to economy, administrative activities, social and spiritual life, interjections and discourse markers, as well as some basic vocabulary words [Boretzky 1975, 1976; Dizdari 2005]. Cf. *bajrak* 'banner,

an administrative district in Albanian mountains' < Tr. *bayrak*, *borxh* 'debt' < Tr. *borç*, *sevda* 'love' < Tr. *sevda*, and many others.

3. Data: the source and processing

3.1. Data used in the study

The data used in the study come from the Dialectological Atlas of the Albanian Language, or DAAL [Gjinari et al. 2007, 2008], a two-volume atlas with 131 locations, or points (villages and some towns), in the Albanian language area and 14 points in the historical diaspora (Pešter in Serbia, Zadar in Croatia, Peloponnesus and islands in Greece, and Italy)[2]. The first volume [Gjinari et al. 2007] contains phonological and grammatical data collected in the 1970–1980s using a questionnaire with 65 questions on phonology and 80 questions on morphology and syntax [Idem: 437–453]. The second volume [Gjinari et al. 2008] maps the local terms for 260 lexical items belonging to 19 semantic fields (astronomic and meteorological terms, names of trees and plants, wild and domestic animals, household, kinship, body-part terms, names of material culture objects, etc.).

In our study, we focused on the Albanian varieties of the main area and chose 131 points, 93 of which are located in the Republic of Albania and in the adjacent part of Greece (Çamëria), 25 in Kosovo and in the south-western part of the Republic of Serbia (Preševo), seven in the Republic of North Macedonia, and six in the Republic of Montenegro. Diaspora varieties were not taken into consideration in the study.

For the subsequent analysis, we selected 218 of the 260 lexical maps from the second volume of the Atlas [Gjinari et al. 2008]. Excluded from further analysis were (1) maps capturing no lexical differences between the varieties as, e.g., map 412 showing a common Albanian lexeme *dhi* 'goat' [Gjinari et al. 2008: 112]; (2) maps with significant part of data missing, such as map 580 *bodec* 'metal tip of a goad' [Idem: 448]; and (3) maps with the predominance

[2] One speaker was interviewed for each point except point 17, the town of Shkodra, where two speakers were interviewed; the existing dialectal descriptions were used for points 24 (Vushtrri / Vučitrn) and 56 (Preševo). For some points situated in Greece and in the former Yugoslavia, speakers who had earlier migrated to the Republic of Albania were interviewed [Gjinari et al. 2007: 22].

of periphrastic descriptions, e.g. map 457 for ‘pregnant woman’, which, depending on the variety, is called *grua me bar* (woman.NOM.SG.INDF with burden.ACC.SG.INDF) ‘woman with burden’, *grua e ngarkuar* (woman.NOM.SG.INDF F.NOM.SG loaded.F.SG) ‘loaded woman’, *grua e lig* (woman.NOM.SG.INDF F.NOM.SG evil.F.SG) ‘sick (lit. “evil”) woman’, or *grue e rãn* (woman.NOM.SG.INDF F.NOM.SG heavy.F.SG) ‘heavy woman’ [Idem: 202].

3.2. Data processing

At the next step, we entered data from the selected 218 maps into an Excel table where each of the 131 dialectal varieties (rows) was characterized by 218 lexical features (columns). Each feature was represented by a word and its etymology (see a fragment in *Table 1* below).

Our study focused on the very fact of borrowing rather than on the subsequent development of the borrowed lexeme in the recipient variety. In the framework of this approach, we only considered etymologically distinct lexemes as different items and did not distinguish between phonetic variants and derivatives attested in the varieties. For example, the phonetic variants *mraul*, *mragəl*, and *muravəl* ‘ant’ [Gjinari et al. 2008: 182–183] were treated as one lexeme *mraul* in our table. In the same way, we treated the word *kłap* ‘trap, snare’ and its derivative *kłapei͡tskə* [Idem: 542–543], both referred to as *kllape* in the table. The elimination of phonetic variants is methodologically legitimate, given that in the majority of cases phonetic differences emerge by force of general phonetic processes independent of the words where they manifest (for example, a change of a single phonological feature may account for differences in a multitude of words). The situation is more complicated for derived words. On the one hand, where a loanword exhibits a certain derivational pattern in some varieties but not in others, this may reflect the degree of closeness between these groups of varieties. On the other hand, the choice of a derivational pattern may have more or less random character in any variety (“option selection”, according to [Matras 2005]), and in this case the occurrence of similar or different derived words in several varieties may provide no essential information about their degree of closeness.

Along with phonetic variants and derivatives, in the course of data processing we picked out (most of) periphrastic descriptions registered in the DAAL maps and excluded them from further analysis. For example, for map 483 *thjeshtër* ‘stepchild (stepson, stepdaughter)’, we had to mark as NA

("not available") all points where this notion was described as follows: *djalë i burrit* / *çun i burrit* (boy.NOM.SG.INDF M.NOM.SG.INDF husband:GEN.SG.DEF) 'son of husband', *gocë e burrit* (girl.NOM.SG.INDF F.NOM.SG.INDF husband:-GEN.SG.DEF) 'daughter of husband', *fëmijë i burrit* (child.NOM.SG.INDF M.NOM.SG.INDF husband:GEN.SG.DEF) 'child of husband' [Gjinari et al. 2008: 254–255].

3.3. Etymologization

After the selection of maps and lexemes, we established the etymologies of words attested in the varieties using etymological dictionaries of Albanian [Çabej 1976, 1996, 2002, 2006, 2014, 1987/2017; Orel 1998; Topalli 2017], as well as dictionaries and monographs on loanwords in Albanian [Papahagi 1963; Svane 1992; Ylli 1997; Domosiletskaya 2002; Dizdari 2005]. A fragment of the data set is shown in *Table 1* (p. 285). All lexemes were divided into "inherited words", i. e., words of Albanian origin and old loanwords from Ancient Greek and Latin (labeled "alb")[3], and "borrowings". The borrowings were labeled by their origin as either Balkan Slavic ("slav"), Medieval and Modern Greek ("greek"), Ottoman Turkish ("turk"), or Romance. The words borrowed from Romance languages were split into two groups, those from Eastern Romance (from Arumanian, "arum") and from Western Romance (from Italian, Venetian, Dalmatian, etc., all referred to as "rom"). Several words, such as *kokomone* 'potato' in point 89 (Reka e Dibrës) or *zigur* 'young ram' in several points, were marked as NA, because we could not establish their etymologies.

In some cases, it was not possible to determine the immediate etymological source of a word. For instance, *flojer*(*e*) (*e këmbës*) 'shinbone', attested in some Albanian dialectal varieties, may be borrowed from either Greek or Arumanian. In such cases we had to make a decision on our own, sometimes in a more or less arbitrary way. In particular, *flojer*(*e*) was labeled as "greek" based on the occurrence of this lexeme only in the Albanian varieties spoken in Northern Greece; see [Gjinari et al. 2007: 298–299].

In a few cases we had to differentiate two words represented as one etymon in etymological dictionaries, such as *capë* and *çapë* 'hoe' [Gjinari et al. 2007: 442–443]. According to [Çabej 1987/2017: 10], *capë* may be "a native lexeme blended with some homophone foreign word", namely the Venetian

[3] The distribution of Ancient Greek and Latin borrowings does not essentially differ from that of genuine "inherited" words.

Table 1. Etymologization and labeling of lexical borrowings in the Albanian dialectal varieties

Point	Subdialect	Country, region	Lexeme_410	Etymology_410
			'young ram'	
2	NEG[4]	Kosovo	*rrundzak*	slav
3	NWG	Montenegro	*sheleg*	turk
17	NWG	Shkodër (Albania)	*qengj*	alb
80	SG	Kavajë (Albania)	*milor*	arum
135	NT	Skrapar (Albania)	*zigur*	NA
139	ST	Zagori (Albania)	*milor / sheleg*	arum/turk

zapa or Italian *zappa* 'hoe', also borrowed in Western South Slavic as *capa*. The second lexeme, *çapë*, is connected by some etymologists with Bg./Mc. *чапа* '(small) hoe' but Çabej supposes that this word could have emerged in Albanian as a phonetic variant of *capë* through alternation of affricates *c* and *ç* [Idem: 87]. We believe *capë* and *çapë* to most probably have different origins, the former being a Romance loanword (labeled as "rom") and the latter a Slavism ("slav").

3.4. Some source data problems

Some of the problems we confronted in the analysis of borrowings involved those of data representation (and representativeness) in DAAL that seem to be common for data sources such as dialect atlases in general.

The first point to make here is that our analysis is based on the limited, though rich and diverse, material of DAAL rather than on the Albanian lexicon in general. It is well known that words from different semantic fields demonstrate different degrees of borrowability [Tadmor 2009: 64–65]. Besides, the semantic distribution of loanwords depends on the social circumstances of the contact. According to [Svane 1992], for example, the majority of Slavic loanwords in Albanian belong to the semantic fields "Material culture", "Plants", "Animals", "Environment", and "Human body". These borrowings reflect the character of the cultural interaction between the

[4] Hereafter, we use the following abbreviations for the main subdialects of Albanian: NEG — Northeastern Gheg, NWG — Northwestern Gheg, CG — Central Gheg, SG — Southern Gheg, NT — Northern Tosk, ST — Southern Tosk.

Albanians and the Slavs after the latter arrived to the Balkans and suggest that this interaction mostly took place in agrarian communities. On the other hand, the politically and culturally dominant languages such as Greek and Ottoman Turkish contributed more to the semantic fields "Material culture", "Urban culture", "Administration", "Religion", etc. [Desnitskaya 1987; Demiraj 2013]. As DAAL does not cover the latter three semantic fields, this inevitably affects the overall distribution of loanwords in the Atlas. In addition, the very classification of words into semantic fields used in DAAL has its weaknesses. In a lexicon, some semantic fields contain only closed or nearly closed sets of lexemes ("Kinship") or relatively few words ("Time"), while other semantic fields ("Agriculture", "Vegetation") may include hundreds of words. DAAL, however, tends to present all semantic fields in a roughly the same way and gives practically equal numbers of maps for fields such as "Kinship" and "Agriculture".

Another problem of DAAL (or any other dialect atlas) data involves representation of semantic shifts. For example, map 413 'male goat' [Gjinari et al. 2008: 114] shows a "unique" lexeme *përç* (from Bg./Mc. *прч*, *прчи*; Srb. *прч*, *прчити*) in point 132 (Devoll) unattested in the other points. In Standard Albanian, however, *përç* means 'uncastrated male goat' and, according to Xhelal Ylli's study of Slavic loanwords in Albanian [1997: 189], this lexeme exists in most Tosk and some Gheg varieties. Obviously, 'male goat' and 'uncastrated male goat' are semantically close and figure as a more general and a more specific concept, respectively, while DAAL only provides a single map for the more general concept.

Finally, a more technical problem we faced was that in some cases the same word appeared in two different maps. For example, *bretkosë*, standing for 'frog' in Standard Albanian and in most Albanian varieties (map 444 in DAAL [Gjinari et al. 2008: 176–177]), also stands for 'toad' in several points on map 445 [Idem: 178–179]. Although frogs and toads pertain to different species, the similarity of their appearance may lead speakers to either generalize one of the terms for a generic-species category (as, for example, *лягушка* and *жаба* in colloquial Russian, according to [Russo 2016]), or mix the terms so that they can substitute each another in some varieties (see *Table 2*, p. 287).

For such cases, we decided that the very presence of a particular word (*bretkosë*, *zhabë*, *thithëlopë*, etc.) in a given variety is more important for our study, while registering two different features in cases like 'frog' and 'toad' would produce largely artificial distinctions between varieties. Thus, we opted for merging such words (and maps), as shown in *Table 3*.

Table 2. Words for ‘frog’ and ‘toad’ in DAAL [Gjinari et al. 2008: 176–179]

Point	‘frog’		‘toad’	
72	*bretkosë*	alb	*bretkosë*	alb
89	*zhabë*	slav	*zhabë*	slav
95	*bretkosë*	alb	*zhabë*	slav
121	*bretkosë*	alb	*thithëlopë*	alb
137	*zhabë*	slav	*bretkosë*	alb

Table 3. Words for ‘frog / toad’ in the final data set

Point	‘frog / toad’	
72	*bretkosë*	alb
89	*zhabë*	slav
95	*bretkosë*/*zhabë*	alb/slav
121	*bretkosë*/*thithëlopë*	alb/alb
137	*zhabë*/*bretkosë*	slav/alb

Six pairs of maps were merged in this way[5] bringing our final data set to a total of 212 lexical features.

4. Methods of quantitative analysis

4.1. Lexical closeness of varieties: calculating the distances

As the first step of our quantitative analysis, we measured the differences between the 131 varieties documented in DAAL in terms of the sets of borrowed lexemes attested. These differences were expressed as distances between variety pairs. The data were processed using ExcelVBA and R [R Core Team 2019].

The general principle of distance estimation for a pair of varieties was the following. For each of the concepts mapped in the Atlas we checked whether the two varieties employ the same or different lexemes. We counted

[5] Maps 444/445 ‘frog / toad’, 450/451 ‘wasp/bumblebee’, 459/460 ‘suckling / small child’, 487/489 ‘niece / granddaughter’, 494/495 ‘bone / bones (in the grave)’, 536/537 ‘tongs / small scoop used to shovel cinders and ashes’.

the number of matches and mismatches in the attested lexemes and divided the number of mismatches by the sum of matches and mismatches. Let us consider the data given in *Table 4*, where the symbols ✗ and ✓ correspond to mismatches and matches, respectively. In the table, there are three cases where the varieties employ different lexemes (3 mismatches), one case where the same lexeme is attested (1 match), and one case of a partial match (with 0.5 added to both matches and mismatches). As the sum of matches and mismatches equals 5, these data yield the distance equalling $3.5 \div (1.5 + 3.5) = 3.5 \div 5 = 0.7$[6].

Table 4. Measuring the distances between Albanian varieties based on lexicon

Meaning	**Variety 1**	**Variety 2**	**(Mis)matches**
'grapevine'	*hardhi*	*pjergull*	✗
'corn'	*drith / kalamboq*	*drith / misër*	✓/ ✗
'spike'	*karabush*	*kalli*	✗
'bunch of grape'	*vesh*	*verige*	✗
'awns'	*hala*	*hala*	✓

In our previous study [Rusakov et al. 2018], we used this method to estimate the degree of closeness between Albanian varieties based on all the lexemes mapped in DAAL, irrespective of their origin. In this study, we only consider borrowings and subgroups of borrowings rather than the entire set of lexical items. Obviously, the subsets of meanings corresponding to borrowed lexemes or to borrowings of a specific group in a pair of dialects will usually coincide only partially. For instance, there may be meanings expressed by a borrowed lexeme in one variety and by a lexeme of Albanian origin, in the other.

[6] Measures based on the proportion or number of (mis)matches between the two sets under comparison are widely used for distance estimation. In particular, a similar procedure is commonly employed to calculate the so-called lexico-statictical percentages to assess the closeness of presumably related languages based on the data gathered by wordlists [Dyen et al. 1992]. In dialectometry, a measure of this kind was first used in the classical paper by Séguy [1971] and now it is often referred to as the "relative identity value", a term introduced by Goebl, see, e.g., [Goebl 1993]. More generally, this type of distance measure can be said to be based on the so-called simple matching coefficient, which is equal to the number of matches divided by the total number of the variables compared. The distance measure we use in this study can be calculated by subtracting the simple matching coefficient from 1.

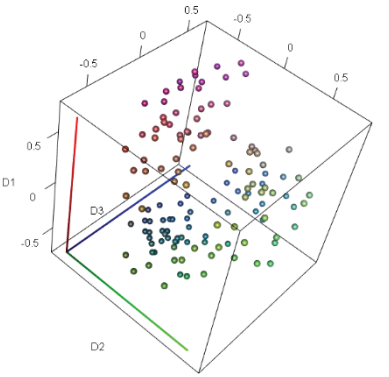

Figure 2. A three-dimensional MDS plot of distances between Albanian varieties colored using the RGB-scheme

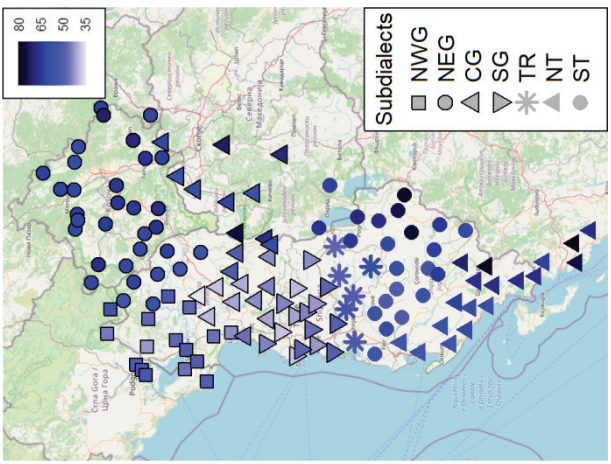

Figure 3. The overall number of loanwords in Albanian varieties

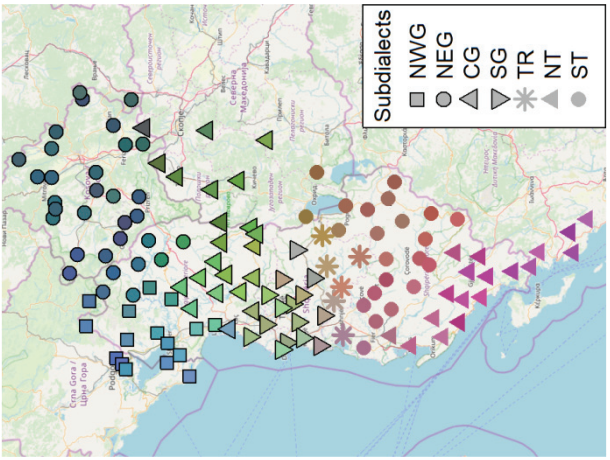

Figure 4. Closeness between Albanian varieties (based on the total sample of loanwords)

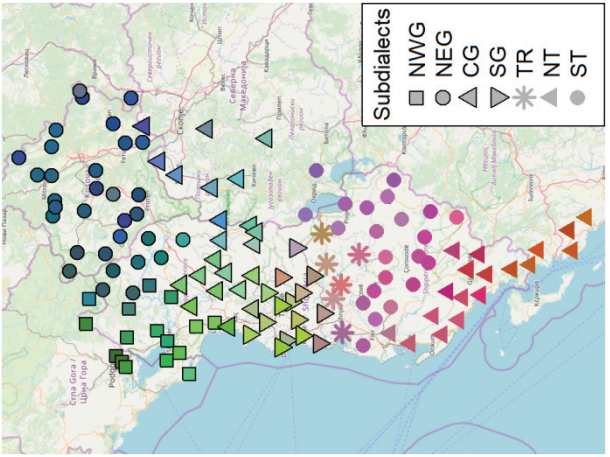

Figure 6. Closeness between Albanian varieties (based on Slavic loanwords)

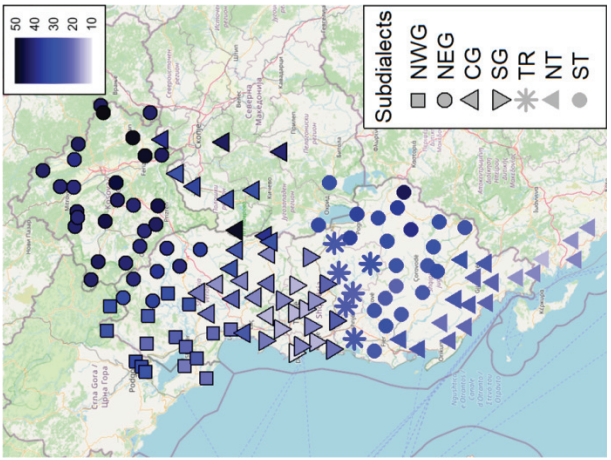

Figure 5. Slavic loanwords in Albanian varieties

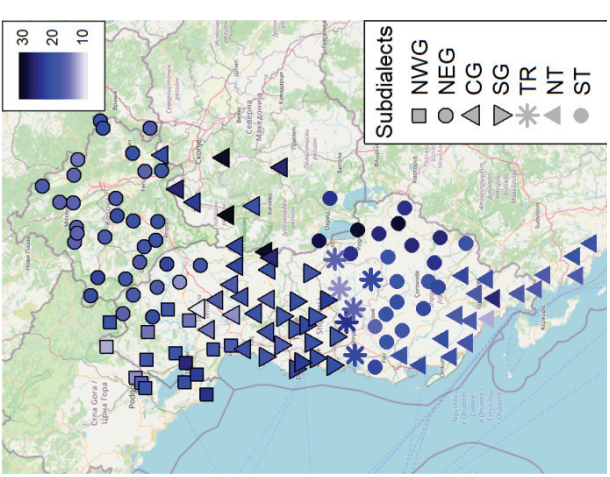

Figure 7. Turkish loanwords in Albanian varieties

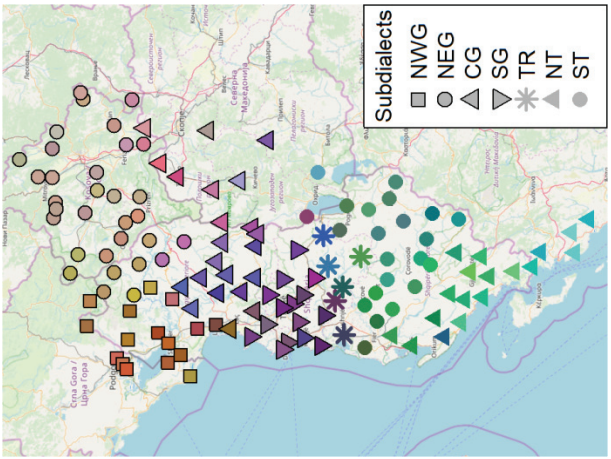

Figure 8. Closeness between varieties (based on Turkish loanwords)

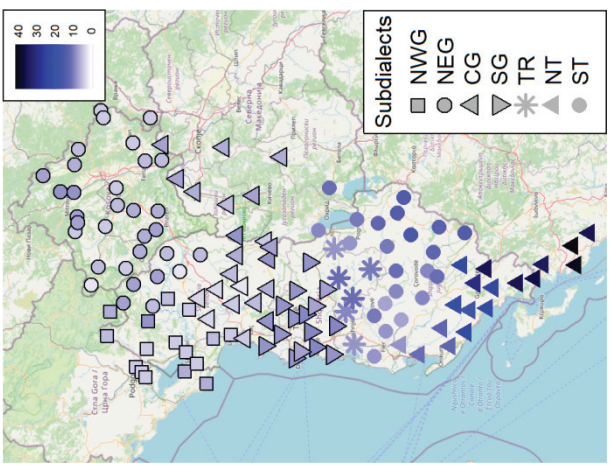

Figure 9. Greek loanwords in Albanian varieties: number of lexemes

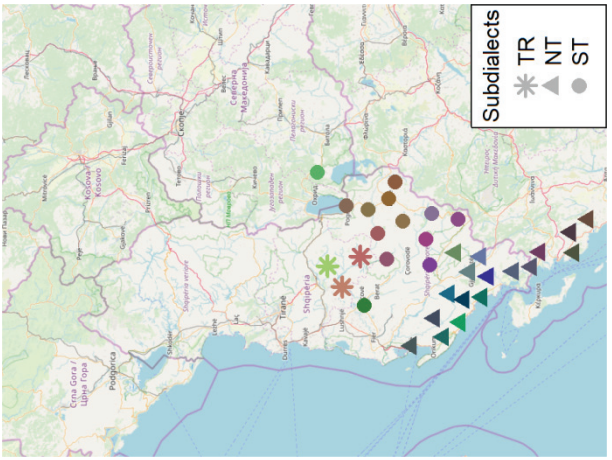

Figure 10. Closeness between Albanian varieties (based on Greek loanwords)

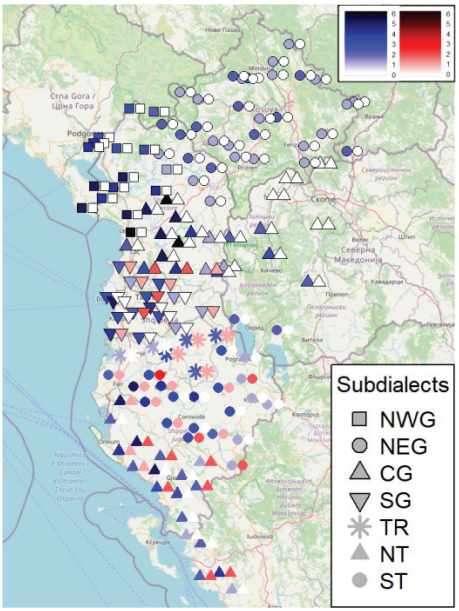

Figure 11. Romance loanwords in Albanian varieties

There are two possible approaches to calculating distances based on borrowings and their subgroups. The first is to consider only meanings expressed by a borrowed lexeme in both varieties and count matches and mismatches among borrowed lexemes only. The second approach is to take into account the meanings expressed by borrowings in either of the two varieties, i.e. also include the cases where one of the varieties uses a borrowing and the other, a lexeme of Albanian origin.

In essence, the two approaches address two different research questions. The first shows the differences between the dialects in terms of the set of borrowings (all borrowings or those of a specific origin) attested. The second reveals the differences both in the sets of borrowings (or their subgroups) and in the extent of their spread across the dialects. The latter approach inevitably results in larger distances between the dialects compared to the former, because the number of matching lexical items always remains the same while the number of mismatches is necessarily higher under the second approach.

In this study, we have chosen the second approach to distance estimation; given that distances of this type are calculated using a wider range of lexemes, they are more reliable, can be calculated for more variety pairs, and thus ensure a more comprehensive picture of lexical correspondences between the varieties. The result of such calculations is a distance matrix with pairwise distances between the points (dialectal varieties) in the data set. A fragment of the matrix is shown in *Table 5*.

Table 5. Distance matrix for the Albanian varieties in DAAL

	Point 1	**Point 2**	**Point 3**	**…**	**Point 131**
Point 1	0.0	0.5	0.3	…	0.6
Point 2	0.5	0.0	0.2	…	0.4
Point 3	0.3	0.2	0.0	…	0.1
…	…	…	…	…	…
Point 131	0.6	0.4	0.1	…	0.0

4.2. MDS plotting and geographic data mapping

At the second step, we visualized the distances between varieties for further qualitative interpretation. For visualization, we used the multidimensional scaling (MDS) algorithm that allows plotting the distances between

object pairs in two- or three-dimensional space aiming at minimal distortion of the original distances (see [Nerbonne, Wieling 2018] on the application of MDS in dialectometry). We performed the MDS-analysis and visualized its results using the packages *smacof* [de Leeuw, Mair 2009] and *rgl* [Adler, Murdoch et al. 2018] for R. We used the ratio MDS, which is the default option for the mds() function in *smacof*; in MDS models of this type, the ratios of the original distances "correspond to the ratios of the distances in the MDS space" [Mair et al. 2015: 4].

We used the MDS algorithm for computing coordinates of the varieties to plot them in a three-dimensional space. We opted for a three-dimensional solution, as it affords rendering the original distances with more precision compared to the two-dimensional solution while allowing for visual representation. The resulting MDS plot for distances between the varieties based on all the borrowings is shown in *Figure 2* (see the color insert). The colors of the points correspond to their position on the plot rendered using the RGB-scheme, with the red, green, and blue colors corresponding to the first, second, and third dimensions, respectively; see [Nerbonne et al. 1999] for a similar visualization method. The closer are the points on the plot, the more similar are their colors. As the next step, using the packages *rosm* and *prettymapr* [Dunnington 2017a; 2017b] for R, we plotted the points on the geographic map using the colors that correspond to their closeness on the MDS plot, see *5.1*. This way, we can assess the relation between the geographical proximity of the varieties and their similarity in terms of borrowings.

Four geographic maps were created using this technique: a general map of lexical borrowings and maps for the three groups of borrowings based on their etymology, i. e. Slavic, Turkish, and Modern Greek loanwords (see *Figures 4*, *6*, *8*, and *10* in the color insert). The quality of MDS-models is usually assessed by the stress value that corresponds to the degree of the original distances distortion with respect to the distances plotted. The stress values for the models used to plot the maps below equal 0.15 for all and for Slavic borrowings, 0.16 for Turkish, and 0.19 for Greek borrowings. With the traditionally accepted borderline stress value of 0.20, the above values indicate that the correspondence between the original and the plotted distances is tolerable but far from perfect, while the results for Greek borrowings should be interpreted with special caution.

Our maps use different symbols for Albanian subdialects, defined in *2.1* above in accordance with the traditional dialectological descriptions [Desnitskaya 1968; Gjinari 1989; Gjinari, Shkurtaj 2000] (in particular,

symbols with borders were chosen for Gheg and without borders, for Tosk). Thus, these maps allow analyzing the relationships between the three aspects of Albanian dialects' distribution: geographic proximity, affiliation in terms of dialect classification, and linguistic closeness in terms of the sets of borrowings[7]. Still, at this stage, our generalizations will only be of a preliminary and exploratory nature, with their statistical validity to be tested in the future.

In addition to the quantitative analysis performed in R, we calculated the absolute number of borrowings (i.e., all borrowed lexemes and loanwords from different etymological groups) to produce five maps showing the overall number of loanwords and the numbers of borrowings from Slavic, Turkish, Greek, and the Romance languages (see *Figures 3*, *5*, *7*, *9*, and *11* in the color insert). This makes it possible to identify the varieties, more and less subject to lexical borrowing, and visualize the spread of loanwords from different languages over the Albanian-speaking area. The numbers of borrowings are shown with gradations of blue, and the same symbols as in the MDS maps were used to distinguish between the subdialects.

5. Loanwords in Albanian varieties: analysis and results

5.1. The overall number of loanwords and the closeness between Albanian varieties

This subsection considers the numbers and distribution of lexical borrowings across Albanian varieties irrespective of their origin to assess the degree of closeness between the varieties by means of the quantitative analysis described in *4.1*. The number of borrowings in each variety is shown in *Figure 3* (see the color insert) as a percentage of the total number of 212 words, or lexical features, while the results of the quantitative study are plotted on the geographical map in *Figure 4* (see the color insert).

The total number of loanwords in our sample of 212 words varies from 38 to 83. There are no varieties lacking or showing very small numbers

[7] Another method often used to visualize and explore distances is hierarchical agglomerative clustering, see the discussion of this method from the perspective of dialectometry in [Nerbonne, Wieling 2018: 401–402]. This method facilitates analysis of linguistic closeness against dialect classification but does not allow for a straightforward comparison of these two facets with the spatial proximity.

of loanwords, which agrees well with the general knowledge about the rich contact history of Albanian as a whole.

A more or less significant increase in the number of loanwords is observed in the peripheral varieties spoken in areas with ongoing or recent language contact. These include the Central Gheg varieties in North Macedonia (especially those on the Albanian-Macedonian state border), the Northeastern Gheg varieties spoken in Kosovo and the neighboring parts of Albania, the Northwestern Gheg of Montenegro, the Southern Tosk varieties of Çamëria and to some extent Labëria, and the Northern Tosk varieties of the regions of Korça and Devoll in the southeast of Albania. An opposite picture is characteristic of the Northwestern Gheg in Albania, inland and coastal Northwestern Tosk varieties, and especially of the Central Gheg and Southern Gheg varieties spoken in Albania that show a moderate number of lexical borrowings.

Our calculation of the median number of borrowings in each dialectal subgroup reflects this center vs. periphery distinction even more vividly. Thus, the median number of borrowings in the Central Gheg varieties in Albania is 46 against 65 for those in North Macedonia. At the same time, the median value distribution shows considerable differences in the number of loanwords between the varieties spoken in Albanian areas remote from the actual contact zones. These differences are correlative with the traditional dialect classification, mostly based on the phonetic and grammatical isoglosses. In particular, the median numbers of borrowings in Northern Tosk varieties are 68.5 for the Northeastern and 56 for the Northwestern Tosk area. A similar, though less pronounced, difference is observed in Northern Gheg: Northeastern Gheg varieties (both in and outside Albania) show higher median numbers of borrowings than Northwestern varieties (Northeastern Gheg: 66 in Kosovo and 60 in Albania; Northwestern Gheg: 54 in Montenegro and 50 in Albania). These differences, presumably, may be traced to a relatively deep chronological level, namely to the time when the modern Albanian dialect landscape was being formed. One of the very likely factors in the process may have been the (lack of) contacts with other languages.

Our comparison of the median values for the number of borrowings in Gheg and Tosk shows these two dialect zones differing in the number of loanwords. While most of the ongoing contact areas (Kosovo, the larger part of North Macedonia, and Montenegro) lie in the Gheg zone, the Tosk zone attests more loanwords (the difference between the Gheg and Tosk varieties is statistically significant; Wilcoxon-Mann-Whitney Test, W = 857,

$p < 0.001$): the median for the Gheg zone is 56 against 66 for the Tosk zone. On the one hand, this difference reflects the presence of several Gheg zone areas with relatively low numbers of loanwords (specifically, m=46 for the Central Gheg spoken in Albania and 47, for the Southern Gheg). On the other hand, it supports the idea of more intensive language contacts in the history of the Tosk Albanian; see *2.1* on a stronger balkanization of Tosk and [Rusakov et al. 2018] on the contact-induced grammatical and phonetic simplicity of Tosk varieties.

An interesting question that arises in connection with the contact history of Albanian is whether the amount of loanwords in Albanian varieties or groups thereof reflects the type of bilingual situation in the corresponding areas. Compare, for example, a relatively low count of loanwords in Montenegro (m=54) against much higher rates in Çamëria (m=71). In the south of Montenegro, situations of balanced Slavic-Albanian bilingualism, with a relative equality of both languages, could have existed in the recent past and can still be found in some rural communities [Morozova, Rusakov 2018], while the situation in the Greek part of Çamëria, on the contrary, has always been unbalanced with a strong Greek dominance.

The map in *Figure 4* (see the color insert), based on the results of the three-dimensional MDS analysis (see *Figure 2* in the color insert), provides a closer look at the traditionally defined Albanian subdialects as regards their homogeneity or diversity.

Figure 4 shows the Northeastern Gheg subdialect as a very homogenous group of varieties. The points marked by closely matching colors represent varieties with (almost) equal numbers and similar sets of lexical borrowings. A part of the explanation may lie in the common contact history of the Northeastern Gheg zone involving a strong influence of Serbian dialects (see *5.2*) that resulted in a common borrowed vocabulary in the different local varieties of Albanian.

The Central Gheg subdialect falls into two parts as was already observed in *Figure 3* and shown by our median-value estimation of the number of borrowings in Albanian subdialects. The eastern part covers North Macedonia with its continuous Slavic-Albanian contacts and the western part, isolated inland zones in Albania. A tentative grouping including some Northwestern and Central Gheg varieties can be observed close to the seacoast. The Southern Gheg subdialect shows less homogeneity than any other group.

The Tosk dialect zone reveals certain differences between the western (especially coastal) and eastern parts of the Northern Tosk. The Southern Tosk subdialect zone shows distinctions between the varieties spoken in the

northern and the southern parts of the Labëria area (see *Figure 1*), close to the neighboring Northern Tosk and Çamëria varieties, respectively.

In general, both the distribution of the numbers of borrowings and the closeness of the varieties support and further specify rather than contradict the traditional Albanian dialect classification. Our data confirm the majority of the established dialect subgroups, often showing the gradual nature of the borderline varieties and in some cases suggest additional areal distinctions within the traditional subgroups.

5.2. Slavic loanwords

The number of Slavic loanwords, as seen from *Figure 5* (see the color insert), varied from 10 (in the town of Durrës, Southern Gheg) to 50 (in the Northeastern Gheg variety of Hogosht in Kosovo). The medians calculated for the main dialect areas ranged from 17 (Çamëri) to 43 (Kosovo).

Figure 4 (see the color insert) shows the smallest number of Slavisms in areas with the modest loanword numbers overall[8] (Northwestern and Central Gheg, the western part of Northern Tosk), as well as in contact areas with languages or dialects other than Slavic (Labëria and especially Çamëria in Southern Albania and Northern Greece, see *5.4*). This indicates that Slavic loanwords' distribution is determined by an areal factor, i.e. by the intensity of contact between Albanians and Slavs who inhabit(ed) certain parts of the main geographic area of Albanian (as distinct from the distribution of Turkish borrowings that do not cluster geographically; see *4.3*).

It is also of note that the amount of Slavic lexical borrowings in Albanian varieties of Montenegro is quite moderate, while the varieties of the other areas of ongoing Albanian-Slavic contact, such as Kosovo or North Macedonia, show the highest rates of Slavisms. This difference may point to the different types of contact situations in the eastern (Kosovo and North Macedonia) and western (Montenegro) parts of the historical Albanian-Slavic contact area, just as in the clearer case of distinctions between Montenegro and the Greek part of Çamëria, discussed in *5.1*.

Our quantitative analysis of closeness between Albanian dialect varieties based on Slavic loanwords (*Figure 6* in the color insert) produced

[8] This effect is in part explained by the fact that Slavic borrowings are more numerous than those of the other etymological groups, and their distribution largely determines the distribution of borrowings in general.

results largely similar to those obtained for borrowings in general; see *Figure 4* in the insert. Some differences can be only noticed in the southern and central parts of the Albanian geographic area. First, Labëria in the Southern Tosk zone is more distinct from Çamëria and appears to be closer to Northern Tosk varieties. This means that the inventory of Slavic borrowings in the Tosk varieties south of the present-day border of Albania and Greece, where the larger part of Çamëria lies, differs from that in the main part of the Tosk dialect zone, located in Albania. Second, a number of the Southern Gheg varieties share some Slavic loanwords with the neighboring Northern Tosk and transitional varieties and thus appear to be closer to them than in *Figure 4*. Finally, a more or less discrete "Montenegrin" group can be distinguished within the traditional Northwestern Gheg subdialect encompassing the varieties spoken in Montenegro and in the northwest of Albania.

In general, we may postulate four distinct areas of stronger Slavic influence on Albanian that include Montenegro (where it is less evident than in the other three areas), Kosovo, the northwestern part of North Macedonia, and the Southeastern Albania together with the southwestern part of North Macedonia (the Ohrid and Prespa lakes area where Tosk varieties are spoken). This distinction may be attributed to contacts with different Slavic dialects of the Eastern and Western South Slavic dialect continua (also see *2.2*) and to the different time depth of contact in particular areas. The Albanian varieties spoken in Montenegro and Kosovo owe a large part of their specific Slavic loanwords to contacts with speakers of various Serbo-Croatian dialects. The "Montenegrin" area crystallized as a result of the long-standing ethnic symbiosis of Albanian and Montenegrin tribes and more or less balanced Albanian-Slavic bilingualism [Morozova, Rusakov 2018]. In Kosovo, the Albanian-Slavic contacts began in the late medieval period and had an extremely complicated and diverse character. The source of the majority of Slavic loanwords in North Macedonia and Southern Albania are Bulgarian-Macedonian dialects. The presence of Albanian-speaking populations in the northwestern and western parts of the modern North Macedonia is mainly a result of the influx in the 18th–19th centuries [Selishchev 1931], although the earliest evidence of Albanian population in Macedonia is attested in medieval sources. Thus, large-scale Albanian-Slavic contacts in this area began late and must have been quite intensive. As for the southeast of Albania and the southwest of North Macedonia, this area belongs to the larger multilingual and multiethnic zone of intensive contact, located around the Ohrid and Prespa lakes (see *2.1*), and the mutual

influence of the local Albanian and Macedonian varieties, both in structure and lexicon, must have lasted here for some centuries.

In sum, the distribution of Slavic borrowings in terms of their number and the closeness of the varieties shows a strong areal pattern though, in contrast to borrowings in general, we observe several groupings of varieties cutting across the traditional dialectal divisions, in particular among the Central Gheg, Southern Gheg, and Southern Tosk subdialects.

5.3. Ottoman Turkish loanwords

The quantitative distribution of Ottoman Turkish borrowings across Albanian dialect varieties is shown in *Figure 7* (see the color insert). The number of Turkish loanwords varies from 10 in a Central Gheg point in Albania (Gojani i Epërm in Mirdita) to 27 in a Central Gheg variety in North Macedonia (the village of Ravenë in Pollog). The medians in the majority of the dialect groups vary from 16 to 18 with the exception of Central Gheg varieties in North Macedonia (m=23) and Northeastern Tosk varieties (m=22.5), which makes the distribution of Turkish loanwords across the subdialects more even than that of Slavic borrowings.

Figure 7 reveals no clear areal distribution of Turkish borrowings across Albanian varieties (in contrast to the Slavic borrowings in 5.2). More intensive borrowing is registered in the strongly balkanized Northeastern Tosk varieties spoken around and south of the lakes Ohrid and Prespa, as well as in the rural areas of North Macedonia and villages located in the borderline Central Gheg regions of Albania, Drimkoll and Golloborda. Modern towns such as Debar, Shkodra, Ulcinj, Korça, Pogradec, and Delvina, old Ottoman economic and cultural centers, also show relatively high rates of Turkish borrowing. This suggests that the degree of Turkish influence on the lexicon of Albanian varieties stems from historical and cultural rather than areal factors.

Our MDS analysis shows the closeness between varieties to roughly correspond to the traditional Albanian dialect classification. Notably, homogeneous (to various degree) clusters in *Figure 8* (see the color insert) include the varieties belonging to different dialect subgroups. One of such clusters comprises Kosovo varieties pertaining to Northeastern Gheg subdialect and several Central Gheg varieties spoken in the northern part of North Macedonia. Another group includes Tosk varieties without a clear differentiation between Northern and Southern Tosk and with a slight deviation of Çamëria

in the south from the rest of the area. With a rather homogeneous group of varieties in the western part of the Central Gheg area, the far western Central Gheg points seem to be closer to Northwestern Gheg. Lastly, a rather homogeneous group of the Northwestern Gheg varieties are spoken around the lake Skadar (in Montenegro and in the Shkodra area in Albania), while the rest of the Northwestern Gheg varieties show more similarity with the neighboring Northeastern Gheg area. Southern Gheg subgroups demonstrate several small groupings marked by the same color that nonetheless do not form a homogenous cluster. The transitional varieties and most Gheg and Tosk varieties spoken in North Macedonia are fairly diverse and sometimes stand apart from all their nearest neighbors.

The distribution of Turkish loanwords needs further analysis. We can only speak here of at least two big areas of Turkish influence: one in Kosovo, Northeastern Albania, and in the adjacent parts of North Macedonia, and the other in the Tosk zone. The lack of areality in the distribution of Turkish loanwords may be due to the fact that all these words entered Albanian varieties very late and their lexical "competition" with native words and alternative Ancient Greek, Latin, Balkan Slavic, Medieval Greek, and Western and Eastern Romance borrowings had different outcomes in different regions.

5.4. Medieval and Modern Greek loanwords

As mentioned in *3.3*, we marked a few Ancient Greek words attested in Albanian varieties as "native" ("alb"). Therefore, the maps below show only those lexemes of Greek origin that entered Albanian as of the Middle Ages and later.

The majority of Greek loanwords in Albanian expectedly belongs to Southern Tosk varieties that remain in contact with Greek. As seen in *Figure 9* (see the color insert), several distinct groups of Albanian varieties can be arranged in the following hierarchy in the order of the descending numbers of Greek borrowings: Çamëria > Labëria > Northern Tosk and transitional varieties > Southern Gheg > other Gheg varieties. The number of Greek loanwords visibly decreases in proportion to the spatial distancing from the Albanian-Greek border and the southern Albanian regions with Greek-speaking population.

Only the Southern Tosk (Çamëria and Labëria), three Northeastern Tosk and two transitional varieties have 10 or more Greek loanwords each. The largest number of Greek borrowings in Labëria is 35 (Nepravishtë

in the regjion of Gjirokastra, and Pandelejmon in the region of Saranda), while the maximum rate in Çamëria is 40 (the village of Karbunarë on the Albanian-Greek border). The median values for Labëria and Çamëria are 22 and 36, respectively. By contrast, the median value for all Gheg varieties is 6, and the maximal number of Greek borrowings (9) is found around urban centers such as Tirana, Elbasan, and Kavaja (all pertaining to Southern Gheg).

For our MDS analysis, we chose only those varieties where the number of Greek loanwords was equal to or more than 10[9]. As mentioned above, all these varieties belong to the Southern and Northern Tosk subdialects or to the group of transitional varieties. *Figure 10* (see the color insert) shows several vague groupings such as Çamëria, the northernmost part of Labëria, and the Pogradec — Korça — Devoll zone in the southeast of Albania. The results are rather preliminary due to the limited material analyzed.

5.5. Romance loanwords

As the number of lexical borrowings from Western and Eastern (or Balkan) Romance languages was very low in our sample, these data were insufficient for a quantitative analysis of closeness between Albanian varieties. However, the distribution of these borrowings across the Albanian geographic area (*Figure 11*, see the color insert) reveals some interesting features to be verified in the future based on a more representative data set.

The Balkan Romance (Arumanian) borrowings are insignificant in number (max=3) and are found in the Southern and Central Albania where a few representatives of the Arumanian minority still reside. They are not attested in most Northern Gheg and Central Gheg varieties (except in the three Central Gheg points situated along the "border" with the Southern Gheg subdialectal area), despite the fact that the Arumanian-speaking population existed in Kosovo and Montenegro in the Middle Ages and at the beginning of the modern times and still exists in North Macedonia.

Lexical borrowings from Western Romance languages can be found in almost all Albanian varieties. The majority of them show between 1 to 3

[9] This value was chosen as an arbitrary borderline to exclude the varieties where the number of Greek borrowings is too low to be analyzed and the distances may be less reliable. As *Figures 9* and *10* show, the analysis of this subset of borrowings was based only on varieties that are geographically closer to Greece.

borrowings each. A higher rate of Western Romance borrowings (4 to 6) is observed in a small group of Northwestern Gheg varieties spoken in Albania (the regions of Shkodra and Zadrima) and in the Southern Tosk varieties of Vlora and Mallakastra, i.e. in the seaside regions of Albania that hadcontacts with various Italian regions in the medieval times. Interestingly, a relatively high rate of Western Romance loanwords is attested in the most isolated parts of the Central Gheg zone such as Lura, Mat, and Mirdita. This fact may shed light on the origin of the Central Gheg group and probably points to their closer connection with the seaside parts of the Northern Albania in the period of their formation, which covers the Skanderbeg's time and the first centuries after the Ottoman invasion, according to [Beci 1965].

6. Conclusions

In this study, we have undertaken a quantitative analysis of the geographical distribution of borrowings in Albanian dialect varieties and proposed an interpretation of the results in the light of the contact history of Albanian. We focused on the borrowings in general, as well as on several subgroups of borrowings of different origins, i.e. Slavic, Turkish, Greek, and Romance borrowings. As our starting point, we took the traditional classification of Albanian dialects and the existing knowledge of the contact history of Albanian dialectal zones, see [Desnitskaya 1968; Gjinari 1989; Gjinari, Shkurtaj 2000; Rusakov 2013]. Using the Dialectological Atlas of the Albanian Language [Gijnari et al. 2008] as a data source, we analyzed the number of borrowings in dialect varieties and the degree of closeness between varieties in terms of the extent and sets of borrowings. The main findings of the study are as follows.

The quantitative distribution of borrowings shows a clear areal pattern where the periphery of the Albanian-speaking area is more prone to lexical borrowing than the center. Our data on the closeness between varieties based on the whole set of borrowings mostly coincides with the traditional dialect classification while adding a number of distinctions within the long-established groups. Thus, the Central Gheg varieties of North Macedonia appear to make a distinct group. Our data also suggest tentative subdivisions within the Northern and Southern Tosk subdialects in the Tosk dialect area.

The distribution of Slavic borrowings in terms of their number and the closeness between varieties largely coincides with the overall distribution

of borrowings and reveals a clear areal pattern. At the same time, several groupings of varieties cut across the traditional dialect classification, especially in the Central Gheg and in the Southern Tosk areas. Our analysis of closeness also discovered several well-distinguished zones of strong Slavic influence on Albanian, including Montenegro, Kosovo, North Macedonia, and the southeast of Albania.

Kosovo in general behaves as a very well-defined and closely-knit area, both from the point of view of the whole sample of borrowings and the different etymological groups. By contrast, the Southern Gheg zone is the least homogeneous area in the Albanian dialectal landscape. To a certain extent, it may be explained by the facts of the Albanian ethnic history. The Albanian-speaking communities of Kosovo, including those that arrived with the numerous waves of migration from the Northern Albania, adopted more or less identical sets of borrowings in their contacts with the homogeneous Slavic population of this territory. The Southern Gheg zone population largely also have a migrational background having arrived to these desolated lands after the Skanderbeg's wars. In this zone, however, they had no significant neighboring populations to interact with, and the contact history of the Southern Gheg subdialect throughout the Ottoman period was, in essence, limited to a rather superfluous influence of the high-prestige Turkish language.

In contrast to Slavic borrowings, (Ottoman) Turkish loanwords show no clear areal distribution. Their high concentration is observed in the Albanian varieties of North Macedonia and in several, mostly Southern Albanian, urban centers.

Greek loanwords are concentrated in the Southern Tosk dialect area (Labëri and Çamëri), though our analysis of closeness between these varieties does not show any clear groupings, probably due to the scarcity of the data.

The coastal Northwestern and Central Gheg varieties (jointly referred to as "Western Gheg" in [Gjinari 1989]) demonstrate more closeness to each other than to the other varieties of the corresponding subdialects, especially when it comes to the numbers of Western Romance borrowings. Relatively high numbers of Western Romance loanwords is also observed in the isolated Central Gheg varieties, which may throw light on the early history of these dialects. Arumanian borrowings can be found in the Central and Southern Albania.

An interesting empirical observation resulting from our analysis is that the closeness of the varieties based on the overall sample of borrowings corresponds to the traditional dialect classification to a higher degree than that

based on any of the specific subgroups of borrowings. As Slavic and Turkish borrowings are the two most numerous groups, the closeness based on the overall sample of borrowings may be a result of the superposition of the distributions observed for these two groups. The Slavic borrowings data often points to distinctions more fine-grained than the traditional dialectal division, whereas the distribution of Turkish borrowings in terms of closeness is too blurred for any clear distinctions to be detected. Therefore, the combination of these two distributions yields a picture that is in-between these two opposite effects and converges on the groupings that can be recognized as traditional dialectal subdivisions. More generally, this observation may suggest that while the distributions of specific groups of borrowings primarily reflect the particular contact scenarios, the cumulative effect of these distributions reveals variety groupings that share a common contact history, and it is these groups that are more likely to correspond to the traditional dialect groups defined on the basis of their grammatical and phonetic features.

List of abbreviations

Alb. — Albanian, Arum. — Arumanian, Bg. — Bulgarian, CG — Central Gheg, DEF — definite form, F — feminine, GEN — Genitive, Gr. — Greek, INDF — indefinite form, It. — Italian, Lat. — Latin, M — masculine, Mc. — Macedonian, NEG — Northeastern Gheg, NOM — Nominative, NT — Northern Tosk, NWG — Northwestern Gheg, SG — singular, SG — Southern Gheg, Srb. — Serbian, ST — Southern Tosk, Tr. — Turkish.

References

Adler, Murdoch et al. 2018 — D. Adler, D. Murdoch, O. Nenadic, S. Urbanek, M. Chen, A. Gebhardt, B. Bolker, G. Csardi, A. Strzelecki, A. Senger. rgl: 3D Visualization Using OpenGL. R package version 0.99.16. 2018. Available at: https://CRAN.R-project.org/package=rgl (accessed on 16.12.2019).

Beci 1965 — B. Beci. Mbi katër inovacione fonetike të të folmeve të Gegnisë së Mesme [On the four phonetic innovations in the varieties of the Central Gegni]. A. Kostallari (red.). *Konferenca e parë e studimeve albanologjike: Tiranë, 15–21 nëndor 1962* [First conference on Albanological studies, November 15–21, 1962]. Tiranë: Instituti i Historisë dhe i Gjuhësisë, 1965. F. 261–269.

Bonnet 1998 — G. Bonnet. Les mots latins de l'albanais. Paris: L'Harmattan, 1998.

Boretzky 1975 — N. Boretzky. Der türkische Einfluss auf das Albanische. Teil 1: Phonologie und Morphologie der albanischen Turzismen. (Albanische Forschungen 11). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1975.

Boretzky 1976 — N. Boretzky. Der türkische Einfluss auf das Albanische. Teil 2: Wörterbuch der albanischen Turzismen. (Albanische Forschungen 12). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1976.

Çabej 1976 — E. Çabej. Studime etimologjike në fushë të shqipes [Etymological studies in Albanian]. Bleu 2: A–B. Tiranë: Akademia e Shkencave e RP të Shqipërisë, Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë, 1976.

Çabej 1996 — E. Çabej. Studime etimologjike në fushë të shqipes [Etymological studies in Albanian]. Bleu 4: DH–J. Përgat. për shtyp dhe pajisur me treguesit e fjalëve nga S. Mansaku dhe A. Omari. Tiranë: Akademia e Shkencave e R.Sh., Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë, 1996.

Çabej 2002 — E. Çabej. Studime etimologjike në fushë të shqipes [Etymological studies in Albanian]. Bleu 6: N–RR. Përgat. për botim S. Mansaku, A. Omari dhe B. Çabej. Tiranë: Akademia e Shkencave e R.Sh., Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë, 2002.

Çabej 2006 — E. Çabej. Studime etimologjike në fushë të shqipes [Etymological studies in Albanian]. Bleu 7: S–ZH. Përgat. për botim S. Mansaku, A. Omari dhe B. Çabej. Tiranë: Akademia e Shkencave, 2006.

Çabej 2014 — E. Çabej. Studime etimologjike në fushë të shqipes [Etymological studies in Albanian]. Bleu 5: K–M. Përg. per botim B. Çabej, A. Omari, S. Mansaku. Tiranë: Botime Çabej, 2014.

Çabej 1987/2017 — E. Çabej. Studime etimologjike në fushë të shqipes [Etymological studies in Albanian]. Bleu 3: C–D. Përgat. S. Mansaku dhe A. Omari. Ribot. anastatik. Tiranë: Akademia e Shkencave, 2017. (First published as: E. Çabej. Studime etimologjike në fushë të shqipes [Etymological studies in Albanian]. Bleu 3: C–D. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS të Shqipërisë, Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë, 1987).

de Leeuw, Mair 2009 — J. de Leeuw, P. Mair. Multidimensional Scaling Using Majorization: SMACOF in R. *Journal of Statistical Software*. 2009. Vol. 31. Iss. 3. P. 1–30. Available at: http://www.jstatsoft.org/v31/i03/ (accessed on 16.12.2019).

Demiraj 2013 — Sh. Demiraj. Gjuha shqipe dhe historia e saj [Albanian and its history]. Botim i dytë i ripunuar. Përg. për botim B. Demiraj. Tiranë: Onufri, 2013.

Desnitskaya 1968a — A. V. Desnitskaya. Albanskiy yazik i ego dialekty [Albanian and its dialects]. Leningrad: Nauka, 1968.

Desnitskaya 1968b — A. V. Desnitskaya. Slavyanskie zaimstvovaniya v albanskom yazyke [Slavic loanwords in Albanian]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1968.

Desnitskaya 1987 — A. V. Desnitskaya. O stilisticheskoy funktsii turtsizmov v albanskoy poezii [On the stylistic function of Turkish loanwords in the Albanian poetry]. A. V. Desnitskaya. *Albanskiy yazik i albanskaya literatura* [Albanian language and Albanian literature]. Ed. by V. P. Neroznak. Leningrad: Nauka, 1987. P. 269–276.

Dizdari 2005 — T. N. Dizdari. Fjalor i orientalizmave në gjuhën shqipe [Dictionary of Orientalisms in Albanian]. Rreth 45.000 fjalë me prejardhje nga gjuhët turke, arabe dhe perse. Tiranë: Instituti Shqiptar i Mendimit dhe i Qytetërimit Islam, 2005.

Domosiletskaya 2002 — M. V. Domosiletskaya. Albansko-vostochnoromanskiy sopostavitelnyy ponyatijnyy slovar. Skotovodcheskaya leksika [The Albanian-Eastern

Romance comparative conceptual dictionary. Stock raising vocabulary]. St. Petersburg: Nauka, 2002.

Dunnington 2017a — D. Dunnington. rosm: Plot Raster Map Tiles from Open Street Map and Other Sources. R package version 0.2.2. 2017. Available at: https://CRAN.R-project.org/package=rosm (accessed on 16.12.2019).

Dunnington 2017b — D. Dunnington. prettymapr: Scale Bar, North Arrow, and Pretty Margins in R. R package version 0.2.2. 2017. Available at: https://CRAN.R-project.org/package=prettymapr (accessed on 16.12.2019).

Dyen et al. 1992 — I. Dyen, J. B. Kruskal, P. Black. An Indoeuropean classification: A lexicostatistical experiment. *Transactions of the American Philosophical Society*. 1992. Vol. 82. Part 5. P. iii–132.

Gjinari 1989 — J. Gjinari. Dialektet e gjuhës shqipe [Dialects of Albanian]. Tiranë: Akademia e Shkencave e RPS të Shqipërisë, Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë, 1989.

Gjinari et al. 2007 — J. Gjinari, B. Bahri, Gj. Shkurtaj, Xh. Gosturani. Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe [Dialectological Atlas of Albanian Language]. Vol. 1. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë, Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë; Napoli: Università degli Studi di Napoli L'Orientale, Dipartamento di Studi dell'Europa Orientale, 2007.

Gjinari et al. 2008 — J. Gjinari, B. Bahri, Gj. Shkurtaj, Xh. Gosturani. Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe [Dialectological Atlas of Albanian Language]. Vol. 2. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë, Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë; Napoli: Università degli Studi di Napoli L'Orientale, Dipartamento di Studi dell'Europa Orientale, 2008.

Gjinari, Shkurtaj 2000 — J. Gjinari, Gj. Shkurtaj. Dialektologjia [Dialectology]. Tiranë: ShBLU, 2000.

Goebl 1993 — H. Goebl. Dialectometry: A Short Overview of the Principles and Practice of Quantitative Classification of Linguistic Atlas Data. R. Köhler, B. B. Rieger (eds.). *Contributions to Quantitative Linguistics*. Dordrecht: Springer, 1993. P. 277–315.

Haarmann 1972 — H. Haarmann. Der lateinische Lehnwortschatz im Albanischen. Hamburg: Buske, 1972.

Helbig 1903 — R. Helbig. Die italienischen Elemente im Albanesischen. (Jahresberichte des Instituts für Rumänische Sprache X). Leipzig: Johann Ambrosius Barth, 1903.

Jokl 1934 — N. Jokl. Slaven und Albaner. *Slavia*. 1934. Ročnik XIII. S. 281–325.

Landi 1989 — A. Landi. Gli elementi latini nella lingua Albanese. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, 1989.

Lindstedt 2000 — J. Lindstedt. Linguistic Balkanization: contact-induced change by mutual reinforcement. D. G. Gilbers, J. Nerbonne, J. Schaeken (eds.). *Languages in Contact*. Amsterdam, Atlanta, GA: Rodopi, 2000. P. 231–246.

Matras 2005 — Y. Matras. The classification of Romani dialects: A geographic-historical perspective. B. Schrammel, D. W. Halwachs (eds.). *General and applied Romani linguistics*. Munich: Lincom Europa. 2005. P. 7–26.

Mair et al. 2015 — P. Mair, J. de Leeuw, P. J. F. Groenen. Multidimensional Scaling in R: SMACOF. Available at: https://klevas.mif.vu.lt/~tomukas/Knygos/MDS2.pdf (accessed 25 April 2020).

Mihăescu 1966 — H. Mihăescu. Les éléments latins de la langue albanaise. *Revue des études sud-est européennes*. 1966. Tome IV. No. 1–2. P. 5–33. No. 3–4. P. 323–353.

Morozova, Rusakov 2018 — M. S. Morozova, A. Y. Rusakov. Chernogorsko-albanskoe yazykovoe pogranichie: v poiskakh "sbalansirovannogo yazykovogo kontakta" [Montenegrin-Albanian linguistic border: In search of "balanced language contact"]. *Slověne*. 2018. Vol. 7. No. 2. P. 258–302. DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.10.

Nerbonne et al. 1999 — J. Nerbonne, W. Heeringa, P. Kleiweg. Edit distance and dialect proximity. D. Sankoff, J. Kruskal (eds.). *Time Warps, String Edits and Macromolecules: The Theory and Practice of Sequence Comparison*. Stanford: CSLI Press, 1999. P. v–xv.

Nerbonne, Wieling 2018 — J. Nerbonne, M. Wieling. Statistics for Aggregate Variationist Analyses. Ch. Boberg, J. Nerbonne, D. Watt (eds.). *The Handbook of Dialectology*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2018. P. 400–414.

Orel 1998 — V. Orel. Albanian etymological dictionary. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1998.

Ölberg 1972 — H. Ölberg. Untersuchungen zum indogermanischen Wortschatz des Albanischen und zur diachronen Phonologie aufgrund des Vokalsystems. Hrsg. von B. Demiraj. (Albanische Forschungen 35). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1972.

Papahagi 1963 — T. Papahagi. Dicționarul dialectului aromân, general și etimologic. Dictionnaire aroumain (macédo-roumain), général et étymologique. București: Ed. Academiei RPR, 1963.

R Core Team 2019 — R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria, 2019. Available at: https://www.R-project.org/ (accessed on 16.12.2019).

Rusakov 2013 — A. Y. Rusakov. Nekotorye izoglossy na albanskoy dialektnoy karte (k voprosu o vozniknovenii i rasprostranenii balkanizmov albanskogo yazyka) [Some isoglosses on the Albanian dialect map (towards the issue of development and expansion of Balkanisms in Albanian)]. V. V. Ivanov (ed.). *Issledovaniya po tipologii slavianskikh, baltiiskikh i balkanskikh yazykov (preimuschestvenno v svete yazykovykh kontaktov)* [Studies on typology of Slavic, Baltic, and Balkan languages (mainly in the light of language contacts)]. St. Petersburg: Aleteia, 2013. P. 113–174.

Rusakov 2017 — A. Y. Rusakov. Albanian. M. Kapović (ed). *The Indo-European Languages*. Second edition. New York: Routledge, 2017. P. 552–608.

Rusakov, Morozova 2017 — A. Y. Rusakov, M. S. Morozova. Linguistic complexity: What do Albanian dialects show? Paper presented at the Workshop on Balkan linguistics "Macro and micro variables across the Balkans". 26 October 2017, University of Helsinki, Finland.

Rusakov, Morozova 2018 — A. Y. Rusakov, M. S. Morozova. Linguistic complexity and (micro-)areal history: The case of Albanian. Paper presented at the 51st Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. 29 August — 1st September 2018, Tallinn University, Estonia.

Rusakov et al. 2018 — A. Y. Rusakov, M. S. Morozova, M. A. Ovsjannikova. Linguistic complexity and lexicon of Albanian dialects: An attempt of quantitative analysis.

Paper presented at the Workshop “First step towards an interactive map of Balkan linguistic features”. 26–27 November 2018, University of Zurich, Switzerland.

Russo 2016 — M. Russo. Differences and interactions between scientific and folk biological taxonomy. P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). *The Lexical Typology of Semantic Shifts*. De Gruyter Mouton, 2016. P. 493–531.

Séguy 1971 — J. Séguy. La relation entre la distance spatiale et la distance lexicale. *Revue de Linguistique Romane*. 1971. Vol. 35. P. 335–357.

Selishchev 1931 — A. M. Selishchev. Slavyanskoe naselenie v Albanii [Slavic population in Albania]. Sofia: Izdanie Makedonskogo nauchnogo instituta, 1931.

Sobolev 2012 — A. N. Sobolev. Slavische Lehnwörter in albanischen Dialekten. B. Demiraj (ed.). *Aktuelle Fragestellungen und Zukunftsperspektiven der Albanologie. Akten der 4. Deutsch-Albanischen kulturwissenschaftlichen Tagung “50 Jahre Albanologie an der Ludwig-Maximilians-Universität München” (23.–25. Juni 2011, Gut Schönwag bei Wessobrunn).* Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. S. 215–232.

Svane 1992 — G. Svane. Slavische Lehnwörter im Albanischen. Aarhus: Aarhus University Press, 1992.

Topalli 2017 — K. Topalli. Fjalor Etimologjik i Gjuhës Shqipe [Etymological dictionary of Albanian]. Durrës: Jozef, 2017.

Vătăşescu 1997 — C. Vătăşescu. Vocabularul de origine latină în limba albaneză din comparaţie cu româna [The vocabulary of Latin origin in Albanian in comparison with Rumanian]. Bucureşti: Vavila Edinf., 1997.

Ylli 1997 — Xh. Ylli. Das slavische Lehngut im Albanischen. 1. Teil. Lehnwörter. (Slavistische Beitrage 350). München: Verlag Otto Sagner, 1997.

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 306–328
DOI 10.30842/alp2306573716211

The Balkan sprachbund in typological-geographical space*

J. Nichols
University of California, Berkeley (USA); Higher School of Economics, Moscow (Russia); University of Helsinki (Finland); johanna@berkeley.edu

Abstract. The Balkan sprachbund is known to its specialists as distinctive and made up of languages that are closely similar, a view that can best be assessed by typological comparison. This paper compares three different western Eurasian sprachbunds — Balkan, Circum-Baltic, and the Avar sphere in the Caucasus — to each other and to the larger sets of western Eurasia, all of northern Eurasia, and all of the northern hemisphere. The typological properties compared are six complex typological macrofeatures each consisting of a set of related features. They capture some of the classic Balkan features and some deep-seated typological traits, and they enable us to place the Balkan area in the larger typological and linguistic-geographical map of Eurasia. Mapped in typological space, the Balkan languages prove to be discrete as a set and to form a compact cluster at or even beyond the edge of the European typological space. That is, the Balkan sprachbund occupies an apex position, hyper-European or even ultra-European, in a typological map of Eurasia. In these respects it differs from the Circum-Baltic area and in some respects resembles the Avar sphere, which is also very compact and often peripheral or extreme in the Caucasus. The Balkan-Avar similarities and differences can be accounted for by similarities and differences in the sociolinguistics of the two areas. The main general conclusion is that the Balkan sprachbund is essential to understanding the linguistic geography and typology of all of Europe. Issues for future research are testing the robustness of the hyper-European characterization by surveying more features, and determining whether the Balkan sprachbund is leading the evolution of a European linguistic profile or is a zone of peripheral archaisms in an evolutionary process trending in the opposite direction.

Keywords: sprachbund, language area, Balkan, Circum-Baltic, Avar sphere, linguistic typology, causative, causal-noncausal pair, inflectional person category, noun-based language, verb-based language, event structure, linguistic complexity, finite verb.

---

* Supported in part by a grant from the Russian Academic Excellence Project 5-100 to the Higher School of Economics, Moscow; and a Helsinki University Humanities Visiting Professorship, 2017–2019. I thank Andrew Dombrowski for carrying out much of the Balkan data collection.

Балканский языковой союз в типологическом и географическом пространстве

Дж. Николс

Университет Калифорнии, Беркли (США); Высшая школа экономики, Москва (Россия); Университет Хельсинки (Финляндия); johanna@berkeley.edu

Аннотация. Балканский языковой союз известен соответствующим специалистам как особый тип языковой общности, состоящей из языков, обнаруживающих значительное сходство. Эта точка зрения может быть наилучшим образом проверена с помощью типологического сравнения. В данной статье три западноевразийских языковых союза — балканский, циркумбалтийский и аварский на Кавказе — сравниваются между собой и с более обширными выборками языков Западной Евразии, всей Северной Евразии и всего северного полушария. Сравниваемыми типологическими характеристиками являются шесть сложных типологических макропризнаков, каждый из которых включает в себя набор связанных признаков. Они охватывают как некоторые классические балканизмы, так и глубинные типологические особенности и позволяют нам локализовать балканский ареал на более обширной типологической и лингвогеографической карте Евразии. В типологическом пространстве балканские языки занимают особое место как общность и образуют компактный кластер на периферии и даже за пределами европейского типологического пространства. Можно сказать, что балканский языковой союз на типологической карте Евразии занимает вершинную — «гипер-европейскую» или даже «ультраевропейскую» — позицию. В этом отношении от отличается от циркумбалтийского ареала, а в определенном плане напоминает аварский регион, который также очень компактен и занимает во многом периферийное положение в кавказском ареале. Балканско-аварские сходства и различия можно объяснить сходствами и различиями в социолингвистической ситуации в двух ареалах. Основной вывод заключается в том, что балканский языковой союз очень важен для понимания лингвогеографии и типологии всей Европы. Задачами для будущего исследования являются проверка надежности полученной гипереевропейской характеристики путем анализа большего количества признаков и выяснение того, возглавляет ли балканский языковой союз путь эволюции, характерный для языков европейского типа, или представляет собой зону периферийных архаизмов, сохранившихся в результате противоположно направленного эволюционного процесса.

Ключевые слова: языковой союз, языковой ареал, балканский, циркумбалтийский, аварский регион, лингвистическая типология, каузатив, каузативные и некаузативные глаголы, флективное выражение категории лица, язык именного типа, язык глагольного типа, лингвистическая сложность, финитный глагол.

1. Introduction

Typological properties are distributed non-randomly in space, and they figure in definitions of language areas and macroareas, the Balkan sprachbund being probably the first linguistic area to be so defined on the basis of structural features. This article addresses four questions about the linguistic geography of the Balkan sprachbund: 1) Where are the Balkan languages located in a typological map of Europe? A typological map plots structural features against each other and/or against geographical properties such as latitude-longitude coordinates, altitude, overland distance, etc. and draws typological, historical, and other conclusions from the distribution. Specifically for the Balkan languages, we want to know whether they are found at the edge or the center of the map, and thus whether they represent prototypical, extreme, or outlier members of the European and Eurasian linguistic populations. 2) In such a map, do the Balkan languages form a cluster? Areal linguistics focuses primarily on defining areas based on features that are unique to them or differ significantly in frequency between members and non-members of the area, and bona fide linguistic areas can be expected to show up as clusters in typological maps. 3) How do we define the diagnostic Balkan areal features to make them cross-linguistically surveyable? Here two commonly recognized Balkan features, loss of infinitives (or dispreference for their use) and clitic pronouns (especially those that can be doubled by independent arguments), are placed in a larger typological context. 4) What other typological features have distributions similar to those of the Balkan languages, and how do we interpret the distributions?

The overall message will be that the Balkan area is essential to understanding the linguistic geography of Europe. Typologically, it occupies an extreme position along each of several typological dimensions defining greater vs. lesser approximation to a European typological profile. As an extreme representative of an areal ideal, this can be called an **apex distribution** or **apex position** in a larger gradient. It is specifically **hyper-European** or **ultra-European** depending on whether it is at the edge or beyond it. The impetus for this approach comes from [Kortmann 1977: 225–231], where it is shown that, among European languages, the percentage of adverbial subordinators incorporating quantifying expressions like 'how much' (e.g. English *inasmuch as* 'since') is highest in Romance and Balkan languages, with Albanian at the highest position (e.g. Albanian *me sa* (with

how:much) 'since, inasmuch as, insofar as'); and adverbial subordinators specifically of degree incorporating 'how much' are highest in Balkan languages and peak in Albanian.

In what follows, *Section 2* describes the design and method of the survey. *Section 3* describes the results: the distributions of the typological features over the areas. *Section 4* is discussion and conclusions.

2. Survey design

2.1. Survey

This study surveys six complex (or multivariate) typological features and their distribution across Eurasia and more generally. A complex feature is one that involves not just a single variable and its values (e.g. presence vs. absence of an inclusive/exclusive distinction) but a larger number of subvariables and their values. The features described in *Section 3* have about 20 to 50 subfeatures, each subfeature with two or more values. They are tracked across Balkan languages, nearby languages, and two other European areas, the Circum-Baltic area and the Avar sphere (also sometimes other languages of the Caucasus). All of these surveys are still ongoing, but while not complete they still make firm conclusions possible.

2.2. Areas: their sociolinguistics and known histories

The three principal areas surveyed are the Balkan sprachbund, the Avar sphere, and the Circum-Baltic area. The Balkan area and Avar sphere are a good minimal pair for comparison as they are similar in traceable age, size, widespread adult multilingualism, and many avenues for copying and convergence. Both formed in larger high-diversity regions (the Balkan peninsula, the Caucasus) but are sociolinguistically and typologically distinctive in those areas. The distinctive traditional sociolinguistics and convergence are no longer active, having ended in the early 20th century with the rise of universal education, national languages, and mass media, but for both areas we have descriptions reaching back to the active period and/or describing the usage and language competence of the oldest generations. (See [Dobrushina 2013] for reconstructed sociolinguistics of the late 19th–early 20th

century using field interviews; also [Dobrushina et al. 2020]) All three are in accretion zones, regions where languages move in more often than out and diversity accumulates.

The Balkan area is not described in detail here as its history, sociolinguistics, and structural properties are presumed known to readers of this volume. The languages surveyed are standard Macedonian, standard Bulgarian, Greek, Torlak Serbian, Albanian, Arumanian, and Kalderaš Romani (data is often lacking for Torlak Serbian and Arumanian). (Also surveyed were near-Balkan languages around the Balkan area: Italian, BCS, Slovene, Romanian [standard], Italian, Turkish, Hungarian.) Language diversity and strong contact effects likely go back millennia, but the sprachbund as known to science probably took shape with the Ottoman conquest in the middle ages. The essentials of the traditional sociolinguistic situation include adult multilingualism, child monolingualism, situation-based language choice, limited code switching, discrete lexicons due to resistance to lexical borrowing, and partly convergent grammars where the convergent features are generally not native to any of the languages but often involve selection for analyticity [Friedman 2011; Joseph 2010; Lindstedt 2000, 2019; Lindstedt, Salmela in press]. Ethnic identity is fairly discrete and native language is part of it.

The Avar sphere (briefly described in [Nichols 2018]; fuller description underway; see also [Dobrushina et al. 2020]) approximately coincides with the area of the Avar khanate in the eastern Caucasus (the western part of today's republic of Daghestan). The Avar khanate arose in the 13th century when Avars took over the previous Sarir kingdom (5th–12th centuries CE), at which point Avar apparently began to spread at the expense of its close sister Andic languages. The khanate was a voluntary confederation of many small city-states each centering around a village or set of villages, each typically speaking its own language. The languages were all from the Nakh-Daghestanian (or East Caucasian) family: most languages of the Andic and Tsezic branches and most varieties of Avar. The Andic family is probably about 2000 years old, Tsezic somewhat older, and the split between the two still older; Avar is a sister language of all Andic, with considerable dialect divergence but reported mutual intelligibility of all Avar dialects. There is a good deal of adult bilingualism and multilingualism, varying from speaker to speaker, and Avar could generally be used as a lingua franca as it was widely known (since men served in the army where Avar was the language of command, and since the largest markets were in the Avar-speaking lowlands). The population was settled

farmers and herders, but the male population was transhumant as most working-age males spent the winter half of the year away from their home villages in lowland winter pastures or urban centers where they held jobs or owned businesses. The region was characterized by asymmetrical vertical bilingualism whereby highlanders often learned lowland languages but not vice versa (since highlanders traveled downhill for markets and work). As a consequence, vocabulary and structural traits, dialects, and even languages tended to spread uphill. At least in the lowlands there appears to have been vacillating dominance of Avar and Andic speech until Andi lost its military superiority in the 17th century. There was minimal language and ethnic identity; identity lay mostly with clan, village, and religious organizations. Code switching was not resisted and appears to have been common. Lexical borrowing was common and there was considerable grammatical convergence with distinctly lower grammatical complexity than in other Nakh-Daghestanian-speaking areas, for the most part involving not analyticity (as in the Balkans) but transparency, regularity, and reduction of allomorphy in inflectional paradigms. There was no language mixture, but a situation of linguistic symbiosis where two (or more) languages could function together in a single discourse or utterance (via easily tolerated code switching) while remaining discrete overall. Attractors (targets of universal bias) such as rhyming and alliterating pronouns, light verb constructions, and causativization, diffused and expanded in the sphere.

The Circum-Baltic area [Dahl & Koptjevskaya-Tamm eds. 2001; Seržant in press] comprises the languages bordering the Baltic Sea, a maritime contact zone going back to at least the Viking era. There is a good deal of contact, most of it commercial and involving ports and coastal trade colonies, with Finnic and Saami the initial and main donor languages. Bilingualism patterns were local, mostly individual, varied, and in many cases probably occasional or ephemeral. Recent linguistic impact is mostly lexical, especially involving written and commercial language; older patterns are grammatical. At various times one or another language dominated commerce and trade, and trading centers and forts were established, but there has been no area-wide language spreading. The languages surveyed here are (in clockwise order) Kildin Saami, North Saami, Swedish, Norwegian, Danish, German, Lower Sorbian, Polish, Russian, Lithuanian, Latvian, Estonian, Finnish. (Near-coastal vernaculars, such as varieties of Low German, Baltic High German, Novgorod Old Russian, and Livonian would probably be more revealing survey objects, but the survey features are not accessibly covered for enough of them.)

2.3. Method

The six typological features are described in *Section 3* together with the findings about their distributions. The survey tracks the features across those three areas, Europe more generally, and/or all of Eurasia, and a set of near-Balkan languages (Slovene, Bosnian/Croatian/Serbian, standard Romanian, Italian, Turkish, Hungarian). Plots of feature values against other feature values, and feature values against longitude, are used to determine whether, and to what extent, the languages of the three areas form clusters, whether they overlap with each other typologically or are discrete, and to what extent they are typical of Europe or Eurasia.

3. Results

3.1. Causal-noncausal pairings

These are pairs of verbs such as *fear: scare* or *break* intrans. vs. trans.), or triads such as *sitzen : sich setzen : setzen*, all involving one or two noncausal forms (continuous *fear*, *sitzen*, bounded *sich setzen*) and a causal form (*scare*, *setzen*), where within each set the lexical semantics is the same and the verbs differ in continuous/bounded/causative. The typological issue is which of the verb forms is base for the other(s) and which is derived, typologized as the proportion of the pairs that is causativizing, decausativizing, etc. For this approach see [Nedyalkov 1969; Nichols 1982; Haspelmath 1993; Nichols et al. 2004; Grünthal & Nichols 2018 and work in preparation]. (1) shows some of the values of the variable.

(1) Some illustrative causal-noncausal pairs from a larger worldwide sample. The relevant morphology is bold. (Hyphens and clitic boundaries are not orthographic.)

	Non-causal 'break'	**Causal 'break something'**	**Derivation type**
Czech	*lomit=**se***	*lomit*	Decausative
Spanish	*romper=**se***	*romper*	Decausative
Aymara	*p'aki-**si-***	*p'aki-**ña-***	Double
Kazakh	*syn-u*	*syn-**dyr**-u*	Causative
German	*brech-en*	*brech-en*	Ambitransitive

The survey uses the 18 causal-noncausal pairs of [Nichols et al. 2004] (wordlist and instructions available as [Nichols 2017a]). The counts here use only the first nine pairs (the verbs with animate S/O), as the inanimates are less well attested in dictionaries.

Figure 1 shows the worldwide distribution of high vs. low proportions of causativization. (The southern continents are not fully sampled yet.) Self-evidently, causativization is rare in Europe and frequent elsewhere. *Figure 2* plots percent (of the nine verb pairs) causativizing x percent decausativizing for the Balkan and Circum-Baltic areas, and *Figure 3* shows just the Balkan area in the sample for all of Europe. They show that the Balkan languages are at the extreme low range of causativization (horizontal axis) and fairly high in decausativization, and form a compact group, with the exception of outlier Kalderaš Romani, which is a relatively recent arrival in Europe and apparently not yet Europeanized in this respect. Thus low causativization defines Europe (*Figure 1*) and the Balkan languages form a compact cluster at the extreme European range (*Figures 2–3*, p. 314); put differently, the Balkan sprachbund is a compact prototype of Europe in this respect. The Circum-Baltic area, in contrast, is very diffuse and ranges from high to low in both causativization and decausativization. The Avar sphere (*Figure 4*, p. 320) is fairly compact and at the high causativizing edge. (Note the many languages in the Caucasus with zero incidence of decausativization.) *Figure 5* (p. 320) compares the fit of the two areas to their larger contexts: the Balkan sprachbund is within the European population (the lines marking the standard deviations overlap considerably) and extreme for that population, while the Avar sphere is entirely outside of the rest of its family and the overall Caucasus population.

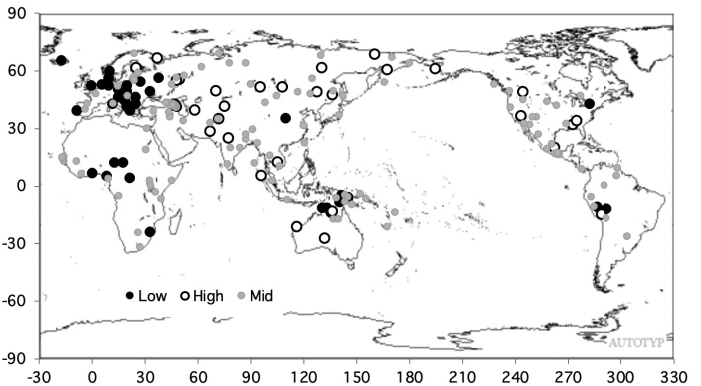

Figure 1. Languages with proportions 1 s. d. below (black) and above (white) the mean percent causativized. Gray = intermediate. ($N \sim 200$)

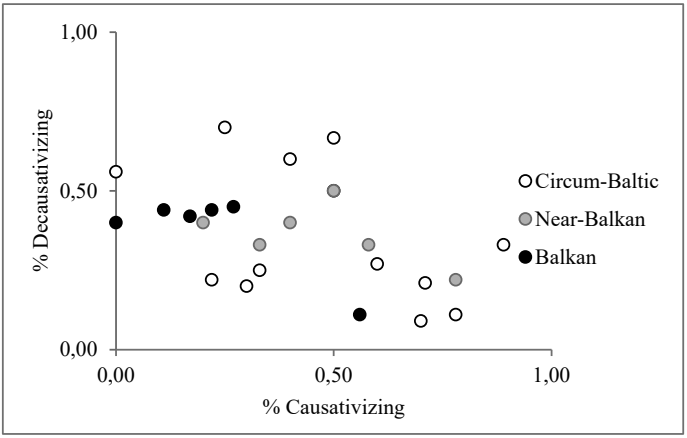

Figure 2. Percent decausativizing vs. percent causativizing: Balkan, Near-Balkan, and Circum-Baltic areas. Circles represent individual survey languages.

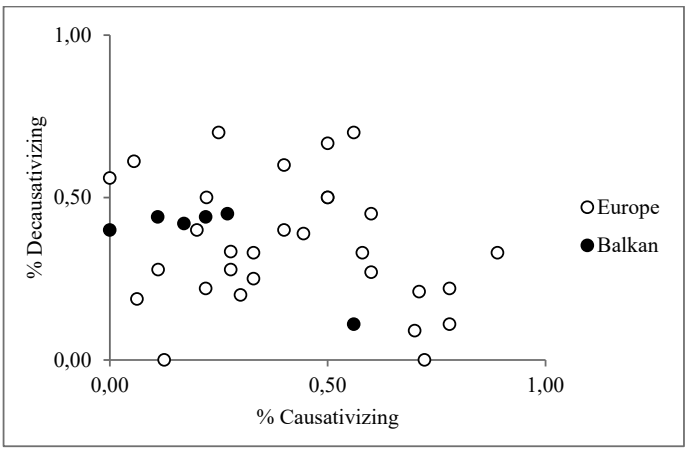

Figure 3. Percent decausativizing vs. percent causativizing: the Balkan area in Europe

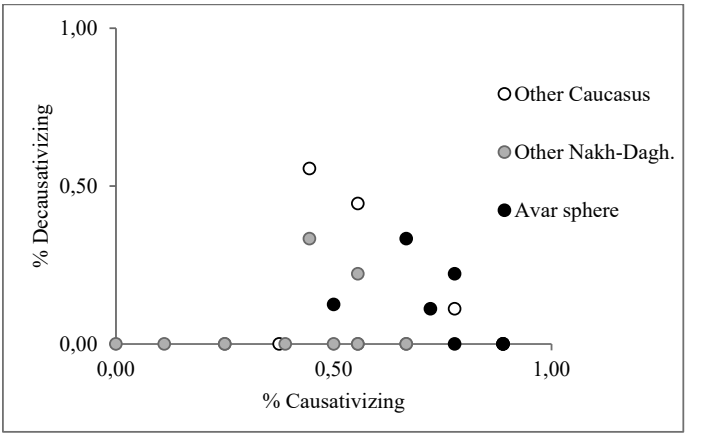

Figure 4. Percent decausativizing vs. percent causativizing in the Avar sphere

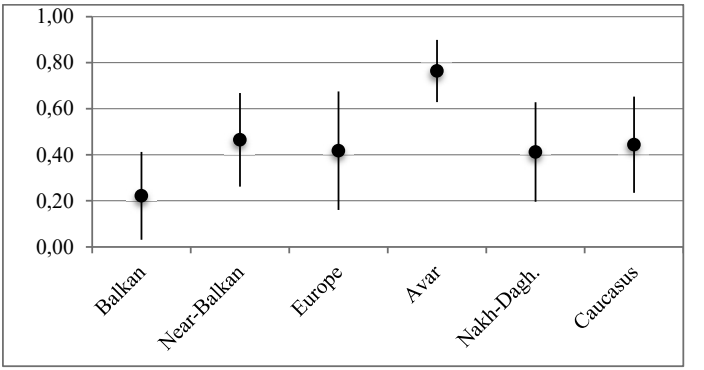

Figure 5. Mean percent causativized: Balkan sprachbund and Avar sphere in their larger areas

3.2. Lexical vs. inflectional person [1]

The category of person is borne by person markers (the term used in [Siewierska 2004, 2011]) such as independent pronouns, agreement affixes, and clitics and marked on other words (typically phrase heads) through

[1] This section is based on [Nichols 2017b].

agreement and other syntactic processes. In its various forms the person category may be more or less lexical or more or less inflectional. It is inflectional if it exhibits properties typical of inflection, such as agreement or pronominal argument marking on verbs or possessed nouns, appearance in outermost positions in inflected words, or formal marking in paradigms that share categories and/or structures with paradigms known to be inflectional. An example of the latter is the Turkish pronouns in (2).

(2) Turkish independent pronouns, singular and plural (nominative case):

1SG	2SG	1PL	2PL
ben	*sen*	*biz*	*siz*

The personal pronouns distinguish the same number categories as nouns and other pronouns, though *-iz* is not the regular plural ending and *-en* is not a singulative marker. Person behaves inflectionally in these respects in the Turkish paradigm, though of course it is also lexical as it is part of the basic meaning of each form.

Person is lexical if person markers have features of nouns such as inflecting in the same cases as nouns, using the same case morphology as nouns, exhibiting the same declension classes as nouns, or sharing other classification (e.g. gender) with nouns, and of course if it is inherent in lexemes (as it is in the Turkish pronouns of (2). The typology is based on the percent of items from a 50-item questionnaire that are inflectional or lexical. Here I track only inflectional person (the two are largely complementary, so either one gives much the same result).

Inflectional person displays the same kind of large-scale cline seen in most of the features surveyed here: extreme values appear in Europe (low in this case) and somewhere between North Asia and North America (high), with the cline especially clear in the higher latitudes of the Northern Hemisphere. *Figures 6* and *7* (p. 317) show the worldwide and northern higher-latitude distribution of inflectional person, with the percent inflectional person plotted against longitude[2]. Western Europe and west Africa are at the left and eastern America at right. There is a west-to-east upward trend in the worldwide plot (*Figure 6*), which is much steeper in the higher latitudes (*Figure 7*). There is a slight trend in the lower northern latitudes (not shown

[2] The trendline is for comparison only. It is calculated as a linear trendline, when in reality longitude lines are not parallel so correlations with longitude are not linear. Here and below, only the visible steepness is meaningfully comparable.

here; see [Nichols 2017b]) and next to none in the southern hemisphere. The Balkan languages are typically European. They are not at apex levels because they have increased their inflectional person marking by adding object agreement with person-marking clitics to the inherited subject agreement, but even with this innovation they are solidly within European values.

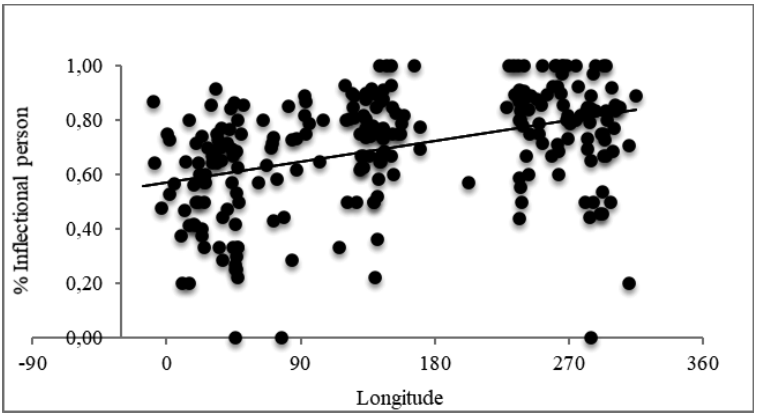

Figure 6. Inflectional person x longitude: World.
($N = 256$, $p < 000001$) [3]

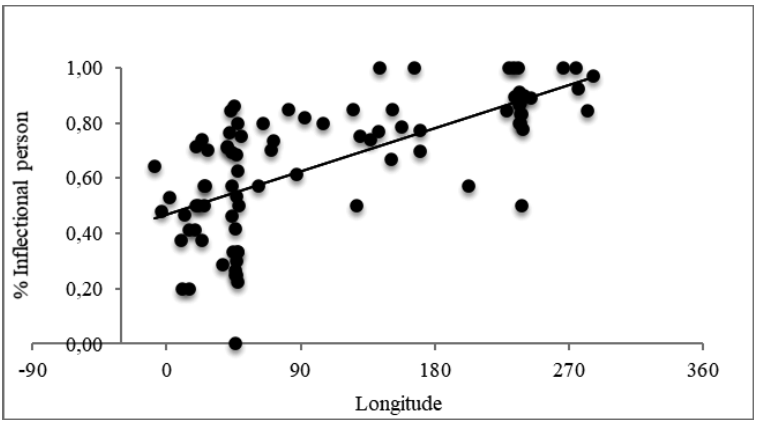

Figure 7. Inflectional person x longitude: Northern hemisphere above 40° N.
($n = 88$, $p < .000001$)

[3] Here and below, in plots against longitude significance is assessed with Spearman's rank correlation test.

Figures 8–9 show the distributions of the areas in the larger European contexts. The Balkan area is a tight cluster in the high range of inflectional person, with Arumanian a high outlier. The Circum-Baltic area, in contrast, is very wide-ranging and essentially identical to all of Europe. The Avar sphere stands out, in the Caucasus and in general, for its low inflectional person values. A distinctive trait of the languages of the Avar sphere is their lack of person indexation on verbs and on possessors; they have gender indexation on some verbs and no indexation on others. The Balkan area is fairly high, as are the Romance languages in general (not separately

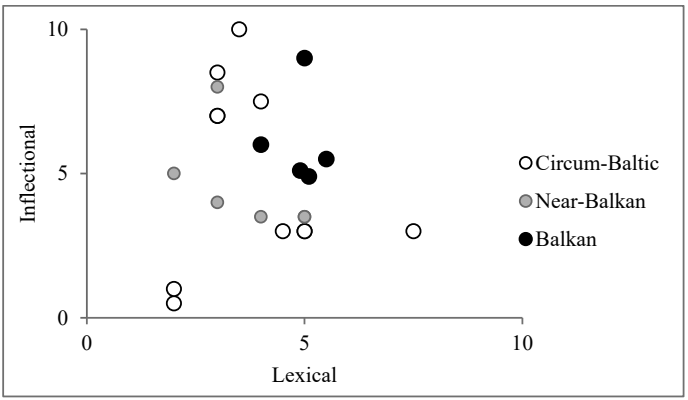

Figure 8. Number of lexical points x number of inflectional points: The Balkan and Circum-Baltic areas in Europe. The Balkan high outlier is Arumanian

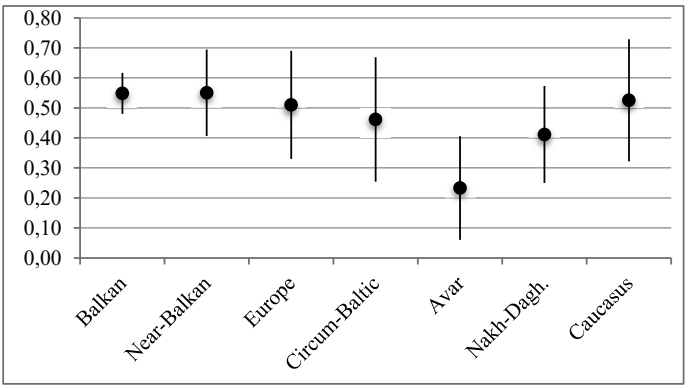

Figure 9. Mean percent inflectional: Three areas in context

identified in the graph), and it is no accident that the Balkan high outlier is Arumanian. The Balkan and Romance languages together are at the high edge of Europe, but this is not an apex distribution for Europe, where inflectional person is generally fairly low.

3.3. Noun-based vs. verb-based lexical type[4]

This feature concerns derivational sets like *fear : fright : frighten* or *white : whiten,* where one of the words represents the *base* which the others are derived from. In these examples *fear* and *white* are bases and the others derived from them by suffixation and (for *fear*, etc.) stem changes, chiefly vowel alternation. Late Proto-Slavic had the noun **strax-* (OCS *straxъ)* from which the verb *strax-i-* (OCS *strašiti*) was derived by suffixation. In German, however, the verb *fürcht-en* 'frighten' and the noun *Fürcht* 'fright, fear' are both basic (the verb ending *-en* is inflection and not part of the stem). In English the verb *sit* is basic and the noun *seat* derived from it by vowel change, and in Slavic **sěd-ě-*/ **sěd-* (OCS *sěděti, sěsti*) are basic and nouns such as modern Russian *siden'je* 'seat' are derived from the verb[5]. Thus individual paradigms differ in whether it is noun or verb (or adjective, adverb, etc., but noun and verb are most common) that is basic. Most languages have an overall favored type: in modern European languages nouns are more often basic and verbs more often derived, while in North America it is the reverse. The survey reported here used a wordlist of 50 such derivational sets, and the typology is based on the proportion that are verb-based, noun-based, adjective-based, flexible, etc. The survey is underway and the language coverage at this point is thin, but adequate to reveal a profile.

Here again there is a large west-to-east cline, with lower frequencies of the verb-based type in Europe and high frequencies in the Americas (*Figure 10*, p. 325), steeper in the northern hemisphere (*Figure 11*, p. 325).

Figure 12 (p. 326) shows the values for Europe. Of the three Balkan languages surveyed so far, Macedonian and Bulgarian are solidly European and Albanian is a conspicuous outlier with more verb-based sets. (This may

[4] This section is based on [Nichols 2016; Foley 2017], and unpublished work in progress.

[5] The *-ě- suffix of **sěd-ě-ti* is not derivation but a conjugation class marker, i.e. an extension.

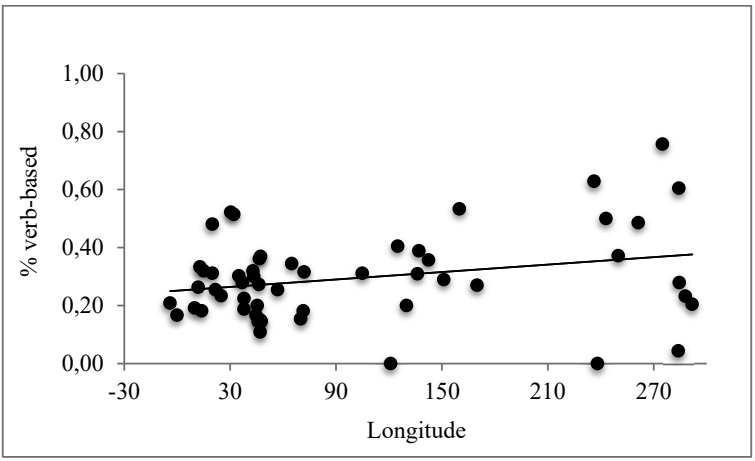

Figure 10. Proportion of verb-based sets plotted against longitude: Worldwide. ($N = 67$, not significant: $p = 0.134$)

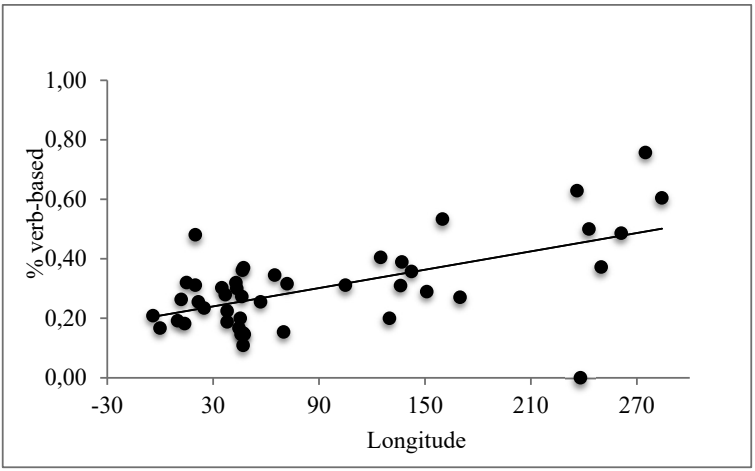

Figure 11. Proportion of verb-based sets plotted against longitude: Northern hemisphere. ($N = 60$, $p = 0.012$)

be an archaism in Albanian, since Proto-Indo-European was mostly verb-based, perhaps reflecting its origin farther east.) A major contributor to the European type is the high frequency of factitive morphology used to derive verbs from nouns in early Germanic and Slavic, as in Late Proto-Slavic **straši-i-ti* from **strax-ъ*[6]. Albanian evidently did not participate in this development. The Avar sphere is also not compact and is coextensive with the whole Caucasus. Overall it appears that both areas are typical of their larger regions, except for the outlier Albanian.

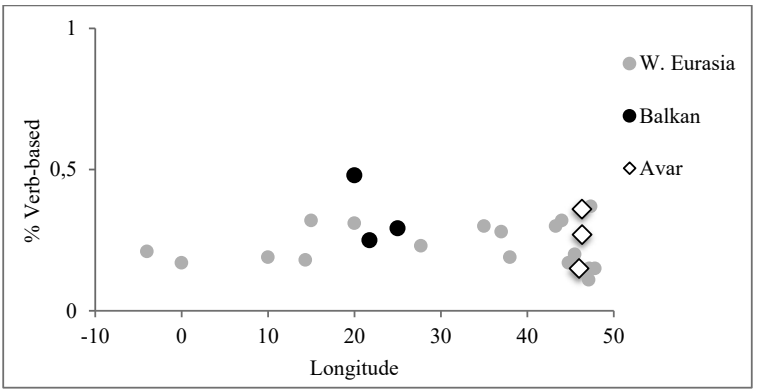

Figure 12. Proportion verb-based against longitude: Europe

3.4. Basic event structure

The distinction between verbs like Late Proto-Slavic **sěd-ě-ti* 'sit, be sitting' and ***sěd-ti* (> **sěsti*) 'sit down' will be termed *continuous* vs. *bounded* here, broad terms useful for cross-linguistic comparison where the distinctions in individual languages may be marked by language-specific actionality or aspect categories and may correspond to a variety of more specific event-structure categories such as (for continuous) state and activity, or (for bounded) telic, achievement, accomplishment, ingressive-stative, punctual, etc. Working at this broad level, for any continuous-bounded pair

[6] As is typical in such sets, the noun is itself deverbal, derived from **sterg-* 'freeze, wary; guard' (see [Vasmer 1971/1987: 772] for the Balto-Slavic intransitive verb and [Derksen 2008: 467] for the transitive). But the ultimate deverbal origin is not part of the Late Proto-Slavic derivational set **strax- : straš-i-*.

one or the other verb (or both, or neither) may be basic in one or another language, and languages may have a clear preference for treating one or another as basic. This section is based on work underway and still in an early stage, using a wordlist of 24 verb pairs and 90 languages. (3) shows different choices for 'sit' verbs. In Spanish the two intransitive verbs are both derived, i.e. neither is basic, and the reason is that the base form is the causal, which is outside of the continuous-bounded pair.

(3) Continuous, bounded, and causal forms in selected languages. Base forms are bold.

	Continuous (state)	**Bounded (telic)**	**Causal**
English	***sit***	*sit down*	*seat*
German	***sitz**-en*	*sich setz-en*	*setz-en*
Russian	*sid-e/i-*	***sed-***	*sad-i-*
Spanish	*est-ar sen-tad-o*	*sent-ar=se*	***sent**-ar*

(4) shows results for posture verbs in languages from northern Eurasia and North America, calculating the proportion of verbs of that event structure type in the set of all posture verbs surveyed from that area. The bounded base type has its peak in northern Asia and is well represented everywhere. The continuous base type has its peak in North America. The causal base type, very rare worldwide, has its peak in western Eurasia, but the peak is a weak one: unlike the other peaks, this one is only within the column and not within the row, and it is outnumbered two to one by both of the other two types in the row (for base causals see again *§1*). Those are peak frequencies for the event structure base types (peaks within columns). Peak frequencies for continents (within rows) are bounded for western Eurasia (a somewhat weak preference, with continuous a close second) and northern Asia (strong preference), and continuous for North America (weak, with bounded a close second). The strongest preference shows up in northern Asia, where a low frequency for continuous cooccurs with a high frequency for bounded.

(4) Proportions of posture verbs with various bases.

	Base: Continuous	**Bounded**	**Causal**
Western Eurasia	0.36	0.45	0.16
Northern Asia	0.16	0.83	0.02
North America	0.54	0.46	0.00

Figure 13 shows the areal distributions in western Eurasia, plotting the number of base continuous verbs against longitude. Languages in the lower vertical range visibly increase to the right (= east), and in the Caucasus, a number of languages are piled on top of each other at the lower right. The Circum-Baltic languages are not clustered, though there is a local subcluster in the upper left (= west). The Balkan sprachbund is not clustered, though its mean is low; Macedonian is at the extreme European-like edge (the uppermost row of symbols) and the rest are in the lower ranges. The three that are closest to each other, in the lower part of the continuous range, are not in the expected range for extreme European values. The Avar sphere is at the low extreme, and hyper-compact, a cluster of superimposed symbols. Here the Balkan sprachbund is at the less European edge of the range, unless the position of Macedonian at the extreme European edge is an early move in the hyper-European direction (as would be consistent with the status of Macedonian as most Balkan of the Balkan languages). These findings are suggestive, though they could change as the study is completed.

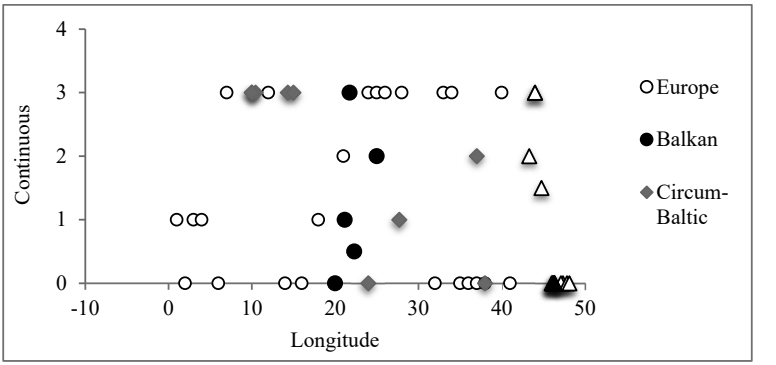

Figure 13. Numbers of posture verbs with continuous bases x longitude.
A shadow under the symbol indicates two or more superimposed symbols.

3.5. Enumerative complexity

Enumerative complexity (a.k.a. taxonomic complexity, inventory complexity, and other terms) measures complexity as the number of items in the inventory for some domain. The measure used here (from [Nichols 2019, 2009]) counts the numbers of contrastive manners of consonant articulation,

contrastive vowel qualities, tones, phonation types; syllable complexity (measured as the maximum number of consonants permitted in the syllable, whether at onset or coda); inflectional synthesis of the verb (number of categories marked on the verb: [Bickel & Nichols 2013]); and numbers of noun genders, classifiers, major or default alignments, and major or default word orders. The range for the languages covered so far in this survey runs from 9 to 27 enumerative complexity points.

Figure 14 plots the complexity levels against longitude for all four areas and the near-Balkan languages. The Balkan area is very compact, within Europe, and at an edge; the Circum-Baltic area is diffuse, extending the low-complexity range of Europe and reaching nearly to the highest range; and the Avar sphere is fairly compact and within the Caucasus. There is little overlap between Europe and the Caucasus. The complexity levels for western Eurasia are high compared to those of northern Asia, so the position of the Balkan languages at what appears in *Figure 14* to be the eastern range of western Eurasia is in fact still at the western edge of the overall range.

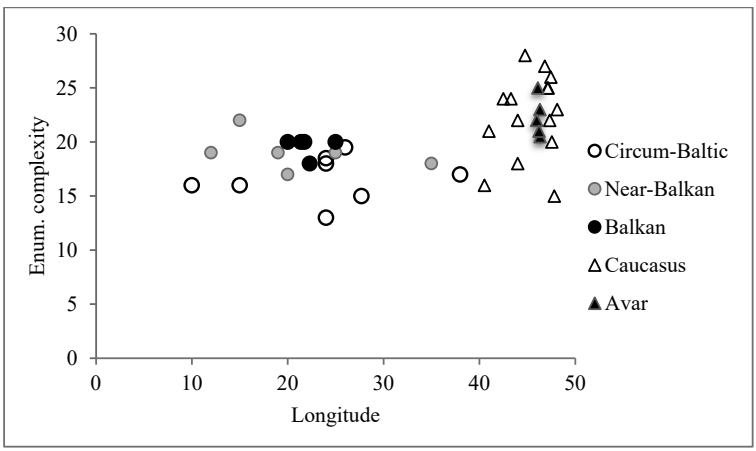

Figure 14. Enumerative complexity x longitude

3.6. Finiteness

[Shagal et al. 2019] survey whether verbs are finite or nonfinite in a number of exemplar constructions representing clause coordination, subordination, relativization, and complementation for various verb classes. They

find a very steep gradient within Eurasia, where western languages use finite verbs in many more constructions than Siberian languages. The Balkan languages represent the extreme European range, with most of them using finites in all of the constructions. The classic Balkan trait of loss or minimization of infinitives is one specific manifestation of the tendency toward finiteness in all clauses. Defining the typological feature as finiteness makes it possible to compare the Balkan development with morphologically very different phenomena elsewhere (while loss of the Indo-European infinitive, as the Balkan feature is commonly described, is not amenable to comparison outside the Indo-European family). Defined this way, finiteness shows that the Balkan sprachbund is again a very compact area, consistent with the traditional view, and hyper-European, consistent with the general proposal here.

4. Discussion and conclusions

In summary, in most of the features surveyed here the Balkan sprachbund forms a compact cluster in typological or typological-geographical space, clear evidence of strong areality. It lies within the larger European population, but often at an edge, and where well enough sampled those edges tend to be hyper-European; in one case, finiteness, the Balkan languages lie beyond the edge and mark the apex not just of Europe but of all Eurasia. The Avar sphere is also compact with clear areality and often at the edge of the Caucasus or beyond the edge, usually on the far side from Europe. The Circum-Baltic area, in contrast, is typologically very diffuse, showing almost no areality, and mostly within Europe. Though more features need to be surveyed in order to characterize the areas accurately, even these first results are enough to show that the three areas differ from each other, in both their areality and the extent to which they are typical of their larger contexts.

The sociolinguistics of Balkan and Avar-sphere multilingualism is similar in that both involve adult multilingualism in a high-diversity larger population, but different in that the Balkan sociolinguistics keeps languages discrete and links them to identity, while in the Avar sphere there is code switching and other short-term mingling and language is minimally connected to identity. The structural consequences for the Balkan languages involve increased analyticity but no appreciable decomplexification; in fact mean complexity of Balkan languages is much higher than

in Europe generally, and the standard deviations only barely overlap. This shows that decomplexification is not a necessary outcome of adult L2 learning and supports the claim of Lindstedt [2000, 2019] that analyticity, which makes morphemes easily identifiable and segmentable, can be more useful to L2 mastery than sheer non-complexity. The languages of the Avar sphere, in contrast, are decomplexified compared to their sisters [7], likely because easy code switching favors diffusion of selectively advantaged forms [Nichols 2018].

For purposes of cross-linguistic comparison, these various findings indicate that what is relevant to diachronic sociolinguistically-driven selection is not absolute feature values or yes/no distributions but the notions of peak vs. nonpeak or extreme vs. typical in a larger areal population of languages. What has not been shown is whether in its extreme placement the Balkan sprachbund is the cutting-edge leader in the evolution of a European linguistic profile, or a small cluster evolving locally. Either way, Balkan areal linguistics is essential to understanding the typology and evolutionary trends of all of Europe.

References

Bickel, Nichols 2013 — B. Bickel, J. Nichols. Inflectional synthesis of the verb. M. Haspelmath, M. Dryer, B. Comrie, D. Gil (eds.). *World atlas of language structures online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: http://wals.info/chapter/22 (accessed Feb. 7, 2020).

Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001 — Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). Circum-Baltic languages. Amsterdam: Benjamins, 2001.

Derksen 2008 — R. Derksen. Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon. Brill: Leiden, 2008.

Dobrushina 2013 — N. Dobrushina. How to study multilingualism of the past: Investigating traditional contact situations in Daghestan. *Journal of Sociolinguistics*. 2013. Vol. 17. Iss. 3. P. 376–393.

Dobrushina et al. 2020 — N. Dobrushina, M. Daniel, Y. Koryakov. Languages and sociolinguistics of the Caucasus. M. Polinsky (ed.). *Oxford handbook of languages of the Caucasus.* Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 163–192.

Foley 2017 — W. A. Foley. Structural and semantic dependencies in word class membership. N. Enfield (ed.). *Dependencies in language: On the causal ontology of linguistic systems*. Berlin: Language Science Press, 2017. P. 179–195.

[7] The difference is much stronger with the kind of complexity measure that considers transparency, consistency, and other biuniqueness properties [Nichols 2020].

Friedman 2011 — V. A. Friedman. The Balkan languages and Balkan linguistics. *Annual Review of Anthropology*. 2011. Vol. 40. P. 275–291.

Grünthal, Nichols 2018 — R. Grünthal, J. Nichols. Transitivizing/detransitivizing typology and language family history. *Lingua Posnaniensis*. 2018. Vol. 58. Iss. 2. P. 11–31.

Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. More on the typology of inchoative/causative verb alternations. B. Comrie, M. Polinsky (eds.). *Causatives and transitivity*. Amsterdam: Benjamins, 1993. P. 87–120.

Joseph 2010 — B. Joseph. Language contact in the Balkans. R. Hickey (ed.). *The handbook of language contact*. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010. P. 618–633.

Kortmann 1997 — B. Kortmann. Adverbial subordination: A typology and history of adverbial subordinators based on European languages. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997.

Lindstedt 2000 — J. Lindstedt. Linguistic Balkanization: Contact-induced change by mutual reinforcement. D. G. Gilbers, J. Nerbonne, J. Schaeken (eds.). *Languages in contact*. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 2000. P. 231–246.

Lindstedt 2019 — J. Lindstedt. Diachronic regularities explaining the tendency toward explicit analytic marking in Balkan syntax. B. Joseph, I. Krapova (eds.). *Balkan syntax and (universal) principles of grammar*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2019. P. 70–84.

Lindstedt, Salmela in press — J. Lindstedt, E. Salmela. Migrations and language shifts as components of the Slavic spread. T. Klír and V. Boček (eds.). *Language contact and the early Slavs*. Heidelberg: Winter, in press.

Nedyalkov 1969 — V. P. Nedyalkov. Nekotorye veroyatnostnye universalii v glagolnom slovoobrazovanii [Some probabilistic universals in verbal word formation]. F. Vardul (ed.). *Yazykovye universalii i lingvisticheskaya tipologiya* [Language universals and linguistic typology]. Moscow: Nauka, 1969. P. 106–114.

Nichols 1982 — J. Nichols. Ingush transitivization and detransitivization. *BLS*. 1982. Vol. 8. P. 445–462.

Nichols 2009 — J. Nichols. Linguistic complexity: A comprehensive definition and survey. G. Sampson, D. Gil, and P. Trudgill (eds.). *Language complexity as an evolving variable*. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 110–125.

Nichols 2016 — J. Nichols. Verb-based and noun-based languages. Presented at SLE 49, Leiden, 2016.

Nichols 2017a — J. Nichols. Realization of the causative alternation: Revised wordlist and examples. Manuscript. 2017. Available at: https://www.academia.edu/28861776/Causative_alternation_wordlist (accessed Feb. 7, 2020).

Nichols 2017b — J. Nichols. Person as an inflectional category. *Linguistic Typology*. 2017. Vol. 21. Iss. 3. P. 387–456.

Nichols 2018 — J. Nichols. Non-linguistic conditions for causativization as a linguistic attractor. *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 8. P. 23–56.

Nichols 2019 — J. Nichols. Why is gender so complex? New typological considerations. F. Di Garbo and B. Wälchli (eds.). *Grammatical gender and linguistic complexity*. Berlin: Language Sciences Press, 2019. P. 63–92.

Nichols 2020 — J. Nichols. Canonical complexity. P. Arkadiev and F. Gardani (eds.). *The complexities of morphology*. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 27–66.

Nichols et al. 2004 — J. Nichols, D. A. Peterson, and J. Barnes. Transitivizing and detransitivizing languages. *Linguistic Typology*. 2004. Vol. 8. Iss. 2. P. 149–211.

Seržant in press — I. A. Seržant. The Circum-Baltic area. J. Fellerer and N. Bermel (eds.). *The Slavonic languages*. (Oxford guides to the world's languages). Oxford: Oxford University Press, in press.

Shagal et al. 2019 — K. Shagal, M. Wahlström, J. Nichols. (Non)finiteness in clause combining: A typological survey. Presented at 13th Conference of the Association for Linguistic Typology, University of Pavia. 2019.

Siewierska 2004 — A. Siewierska. Person. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Siewierska 2011 — A. Siewierska. Person marking. J. J. Song (ed.). *Oxford handbook of linguistic typology*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 322–345.

Vasmer 1971/1987 — M. Vasmer [M. Fasmer]. Etimologičeskiy slovar russkogo yazyka [Etymological dictionary of Russian]. Translated and annotated by O. N. Trubačev. Vol. 3. Reprint. Moscow: Progress, 1987. (First published in 1971).

II. VARIA

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 331–365
DOI 10.30842/alp2306573716212

Этимологические связи поздних топонимов на *Ижор-* / *Ижер-*

Д. В. Верховцев
Санкт-Петербургский государственный университет; dverhovtcev@gmail.com

Аннотация. При рассмотрении топонимов на *Ижор-* / *Ижер-* показано отсутствие связи между топонимами на *Ижор-* и *Изор-*. Для названия реки Ижоры предлагается новая, северно-финская этимология. Делается вывод, что топонимы Нового времени связаны либо с рекой Ижорой, либо с ижорами, проживавшими в селении. Высказано предположение, что возникновение этнотопонимов на *Ижор-* в XVIII–XIX вв. связано с актуализацией этнических категорий в России в связи с распространением научного сознания и идей национального романтизма.

Ключевые слова: ижора, топонимия, этнотопонимы, этимология, Ингерманландия.

Etymological connections of *Izhor-* / *Izher-* toponyms

D. V. Verkhovtsev
St. Petersburg State University; dverhovtcev@gmail.com

Abstract. The article discusses the origins of toponyms in *Izhor-* / *Izher-*. A review of works on the toponyms of the Leningrad region has been undertaken, showing the lack of comprehensive studies of the Neva region. It also provides an overview of research methods for ethnotoponyms, and also considers the limitations on the interpretation of this type of toponyms associated with the specifics of the phenomenon of ethnicity in different historical epochs. Early toponyms in *Izhor-* / *Izher-* are represented mainly by the names of the Izhor River, the Izhora tribe and Izhora land, which are discussed in detail in the literature. It proposes Northern-Finnish origins for the name of the river Izhora which confirms the greatest antiquity of this toponym. The paper demonstrates a lack of any connection between early toponyms in *Izhor-* / *Izher-* and the toponyms in *Izor-*. Place names in *Izhor-* / *Izher-* form a compact area

in the Neva region, but are also found in other regions of European Russia, as well as in Latvia, without forming compact areas. The identified toponyms of the Neva region that emerged in modern times are mainly divided into two etymological groups: names associated with the Izhora River, and names associated with the Izhora people. As a rule, ethnographic data contain information about the Izhora residence in these villages in the 18th–19th centuries for the second group's places of residence. Place names outside the Neva region are usually not directly related to the Izhora people, with their etymology often remaining unclear. It is suggested that the massive emergence of ethnotoponyms in *Izhor-* occuring in the 18th–19th centuries has to do with the actualization of ethnic categories in Russia. The reasons behind the actualization of ethnic categories was probably development of science and, later, emergence of national romanticism that increased attention to the ethnic differences of the peasant population.

Keywords: Izhora, toponyms, ethnotoponyms, ethymology, Ingermanland.

1. Изучение ижорской топонимии и постановка проблемы

В Ленинградской области, преимущественно к югу от Невы, до настоящего времени существует группа топонимов, имеющих основу *Ижор-*. Обратившись к историческим источникам (с учетом старой формы основы *Ижер-*) и топонимам, прекратившим свое бытование, можно насчитать свыше трех десятков названий, начинающихся на эти основы. Их совокупное рассмотрение ни в историческом, ни в лингвистическом контексте прежде не производилось, как не рассматривался комплексно и весь корпус ижорской топонимии (топонимии, связанную с современной народностью ижора и ижорским языком) [Конькова 2009: 215].

Лишь топонимы *Ижора* (*Ижорская земля*) и река *Ижора*, известные в письменных источниках с XIII в., неоднократно рассматривались лингвистами и историками в совокупности с названием племени *ижора*. Исследователи пытались определить, какой из членов этой ономастической триады возник раньше и стал этимоном для двух других; эти изыскания обычно не затрагивали более позднюю топонимию. Ниже, рассматривая древнейшие топонимы *Ижор-* / *Ижер-*, мы остановимся на этих дискуссиях подробнее.

Если говорить о более широком рассмотрении топонимии Ленинградской области, в сферу которого могли бы попасть названия *Ижор-* / *Ижер-*, то пока производились исследования лишь отдельных регионов. Только по восточным районам вышли комплексные работы И. И. Муллонен (с соавторами) по местной гидронимии [Муллонен 2002; Муллонен 1988; Муллонен и др. 1997] и топонимии, связанной с прибалтийско-финским населением [Муллонен 1994]. Западным и центральным районам (в границах исторической области Ингерманландии) посвящены отдельные работы Н. О. Кирсанова [Кирсанов 2004; Кирсанов 2007 и др], А. В. Дмитриева [Дмитриев 2007; Дмитриев 2016 и др.], А. В. Крюкова [Крюков 2012] и П. Амбросиани [Амбросиани 2008; Амбросиани 2003 и др.], которые рассматривали частные аспекты топонимической проблематики и не затрагивали проблему топонимов на *Ижор-* / *Ижер-;* исключение составляют работы А. В. Дмитриева по этимологии названия *Ингерманландия* / *Ingermanland*. Много лет идет работа над капитальным Словарем топонимии Ингерманландии, основанным на материалах топонимических экспедиций и архивных изысканиях кафедры математической лингвистики СПбГУ, однако этот проект пока еще не завершен [Николаев, Герд 2015: 112–113]. Гораздо лучше в топонимическом отношении исследован север Ленинградской области (Карельский перешеек), благодаря усилиям финских топонимистов. Во времена подробного изучения ими данного региона (XIX — начало XX вв.) он фактически не имел русскоязычной топонимии, русские топонимы из средневековых источников рассматривались финскими учеными лишь как этимоны. Сплошная зона русскоязычной топонимии появилась на Карельском перешейке лишь в середине XX в. в результате целенаправленной замены финских топонимов на русские; этому пласту посвящена специальная работа Е. А. Балашова [Балашов 2009].

Таким образом, комплексное рассмотрение топонимов на *Ижор-* / *Ижер-* могло бы прояснить историю этой группы, установить ее связи с наиболее ранними онимами реки, земли и племени. Отметим, что большая часть названий на *Ижор-* стала известна довольно поздно, начиная с XVIII в, тогда же, когда стали появляться этнографические описания народности ижора в Петербургской губернии. Предполагая связь между этими явлениями, поздние топонимы на *Ижор-* можно исследовать как потенциальные этнотопонимы, подходы к рассмотрению которых достаточно проработаны в отечественной ономастике.

2. Этнотопонимия и подходы к ее рассмотрению

Топонимы, созвучные этнонимам, современным или известным по древним источникам, много лет воспринимаются как свидетельства прежнего проживания в данном регионе соответствующей этнической общности. Говоря о топонимии Русского Севера, А. К. Матвеев указывал, что этнотопонимы — «наиболее очевидные и подчас предельно конкретные указания на дорусское население» [Матвеев 2001: 66]. В то же время это — источник, требующий тщательного анализа, так как во многих случаях связь этнонима и топонима может быть опосредована антропонимом или вовсе отсутствовать, на что многократно указывали исследователи-топонимисты. А. И. Попов обращал внимание на распространение в прошлом у русских личных имен, образованных от этнонимов, таких как Чудин, Русин, Мордвин и пр., от которых вполне могли образовываться топонимы [Попов 1965: 83]. А. К. Матвеев предлагал более точное название для таких онимов — этноантропотопонимы — и считал, что их доля в этнотопонимическом материале весьма значительна, а роль в изучении истории распространения языков и этнических групп — мала [Матвеев 2001: 66–67].

К перечисленным проблемам в рассмотрении этнотопонимов стоит добавить и другие, лежащие уже в области этнонимики. Ведь основа топонима, внешне напоминающая этноним, может быть с ним только созвучна; пример такого совпадения будет рассмотрен ниже. Кроме того, история знает много случаев, когда одни и те же этнонимы в разные исторические эпохи обозначали группы населения, не имеющие генетических, языковых или культурных связей между собой. Внешние именования и самоназвания (экзо- и эндоэтнонимы) зачастую по-разному очерчивают границу именуемой общности; причем экзоэтнонимы могут обозначать общность, к которой сами ее предполагаемые члены себя не относят[1].

Зависимость понятия этнонима от концепта этничности еще больше запутывает дело. За последние полвека (начиная с работы Ф. Барта об этнических границах [Барт 2006]) значительно усложнились взгляды на этничность, что в общем привело к смещению акцентов в ее оценке от «объективных» эссенциалистских характеристик

[1] Довольно много примеров релятивности значений этнонимов приведено в работе [Никонов 1970: 5–30].

(язык, культура, религия и т. п.) к когнитивным явлениям, таким как этническая идентификация [Jenkins 2008: 49–50] (или, что ближе к русскоязычной терминологии, — этническое самосознание). Таким образом, в русле этих представлений, языковая карта древности, которую обычно и маркировали топонимические слои, оказывается обособлена от этнических явлений, а связь этнотопонимов с этническими группами древности требует еще более серьезных доказательств, если для данной исторической эпохи и региона вообще может идти речь об этничности.

Указанные вопросы прежде всего затрудняют интерпретацию потенциальных этнотопонимов, относящихся к бесписьменным эпохам или эпохам с небольшим количеством письменных источников. Однако эпоха Нового времени даёт больше возможностей по привлечению нетопонимических источников для прояснения значения этимонов, особенно если речь идет о категории населения, выделяемой внешними акторами. Теперь, когда особенности топонимического материала, с которым мы будем иметь дело, обрисованы, можно приступить непосредственно к его анализу.

3. Ижорская триада: река, земля, племя

Начиная с XIII в. в письменных источниках появляются упоминания онима *ижора* в нескольких значениях: река, земля (территория) и племя. Во всех трех значениях оним появляется практически одновременно, что не позволяет говорить однозначно о более древнем происхождении одного из них. При этом значения онима, перечисленные выше, расположены в порядке уменьшения ясности семантики; если река Ижора может быть идентифицирована однозначно, то какая именно территория называлась средневековыми источниками *Ижорской* землей и по какому критерию выделялась эта земля современниками — понять сложно. Хуже всего дело обстоит с «племенем» ижора, так как термин «племя» принадлежит к современному языку описания, а источники (с XIII по XIV в.) сообщают лишь о действиях ижоры, но не о природе этого социального образования.

Из-за ограниченности источников ижорская триада породила в науке дискуссии, первая из которых лежит в области историографии и касается границ Ижорской земли и статуса этого территориального

образования. Подробный обзор гипотез дан в работе Е. А. Рябинина, который, подводя итог, указывает, что вопрос о границах *Ижорской земли* остается нерешённым [Рябинин 1997: 63]. О. И. Конькова характеризует результат многолетних дискуссий еще более радикально — она считает, что границы Ижорской земли XIII в. не могут быть определены даже приблизительно [Конькова 2009: 54]. Наиболее часто повторяемым мнением на эту тему остается локализация Ижоры XIII–XIV вв. в районе Приневья.

Другая дискуссия развернулась вокруг хронологического приоритета одного из значений онима, что автоматически делает его этимоном для двух других. Она во многом пересекается с прениями по другому вопросу — об этимологии онима *ижора*, его связи с иноязычными вариантами на *inger-* / *inker-, ingar-* и др. Обзор этимологических гипотез был дан М. Фасмером; все попытки поиска финской и германской этимологии он признал неудачными, а наиболее аргументированной назвал версию А. Шегрена о первичности гидронима и его происхождении от имени супруги Ярослава Мудрого Ingegerdr. Сам Фасмер склонялся к этимологии Мягисте от фин. *Inkeri* — извилистая речка [Фасмер 1986: 119], таким образом также принимая версию первичности гидронима в ижорской триаде. Более подробно происхождение ранних топонимов на *Ижор-* / *Inger-* рассмотрено в относительно недавней монографии Р. Грюнталя [Grünthal 1997: 177–183]. Грюнталь выделяет версию Шегрена и версию первичности в триаде финно-угорского по происхождению гидронима как наиболее предпочтительные, однако ни одну из рассмотренных этимологий не признает достаточной.

Приведем некоторые новые гипотезы, не упомянутые у Фасмера и Грюнталя. Две совершенно неожиданных этимологии гидронима *Ижора* появились в течение последнего десятилетия. Согласно Р. М. Козловой, прибалтийско-финские версии происхождения названия не обоснованы в связи с трудностями реконструкции перехода форм на *Inger-* в *Ижер-*. Она полагает, что этимоном гидронима стало русское слово *жора*, не объясняя причины исключения начальной гласной [Козлова 2013: 51]. Оставив в стороне лингвистическую правомерность таких построений, обратим внимание, что Р. М. Козлова довольно безапелляционно относит к «исконно славянским» и этноним *ижора*. В подтверждение она ссылается на статью из Словаря Брокгауза и Ефрона, где указывается что ижоряне «редко сами себя могут отличить от коренного русского населения» [Козлова 2013: 56]. Здесь

позиция автора предстает крайне поверхностной и игнорирует целый корпус литературы по этнографии и истории ижор. Вторая, столь же неожиданная этимология гидронима высказана А. И. Кирьяненом, который производит его «от древне-саамского (лапландского) слова „ижа“, что означало „отец“» [Кирьянен 2010: 14–15]. По мнению автора, древние саамы дали *Ижоре* такое название, так как это самая длинная река в регионе.

Рассматривая фонетические сложности в выведении *ижера* из *inkeri* (*ingeri)* или *ingrer,* Н. В. Кабинина предположила, что в русском языке первичен этноним (так считал и один из первых исследователей топонимии Северо-Запада А. И. Попов [Попов 1981: 101]) в форме *ижерянин*, который довольно закономерно может произойти от финск. диалектного *yysyrjäinen* ‘грубый, неприветливый’ [Кабинина 2003а]. Она же в дальнейшем этимологизировала обнаруженное в архангельских говорах и топонимии слово *ижора (ижера)*, происхождение которого не связано с народностью *ижора* в Приневье. В архангельских материалах *ижора* — ‘отходы от обработки льна или конопли’, ‘двойная нить, свитая из льняной (конопляной) пеньки и шерсти’, из которой вязали рабочие рукавицы и особенно прочные рыболовные сети — *ижорки* или *ижерки* [Кабинина 2003а: 51–52]. Именно это диалектное слово, по мнению автора, стало апеллятивом к архангельским топонимам с основой *Ижер-* (ручей *Ижеренский*, урочище *Ижера*), что подтверждается их географической сопряженностью с другими топонимами, связанными с прядением. Описанный случай показывает, что топоним, с первого взгляда кажущийся очевидно происходящим от этнонима, при более глубоком анализе оказывается не связан с этнонимом.

Как видно, большинство исследователей указывало, что гидроним Ижора — наиболее древний и послужил основой для топонима *Ижорская земля* и наименования племени, что согласуется с давно устоявшимся мнением топонимистов о гидронимии как наиболее древнем пласте топонимии региона, особенно если речь идет о гидронимах крупнейших водных объектов [Агеева 2004: 121–122]. В целом, мы не будем подвергать пересмотру этимологии ранних топонимов на *Ижор-* / *Ижер-*, так как главной целью исследования является рассмотрение топонимов более позднего времени. Однако со времени выхода основных работ по этой теме в оборот были введены материалы, позволяющие дополнить гипотезу финно-угорского происхождения гидронима *Ижора* и уточнить финно-угорский язык этимона.

4. Ижора — севернофинский или мерянский гидроним?

В начале XX в. А. С. Орлов, полемизируя с этимологической легендой о происхождении названия *Ижора* от имени Ингегерд, привел ряд «финских» топонимов, которые, по его мнению, можно было считать образованными от той же основы. И хотя в этот ряд были включены довольно разнородные гидронимы (Онг, Унга, Унг, Онгоер и др.), часть из них (Ингырь, Ингер) действительно внешне близка к финскому и шведскому вариантам гидронима р. *Ижоры*. В этой связи Орлов считает гидронимы *Ингер* или *Ингера* «вполне обыкновенными для русской территории» и, хотя своей этимологии он не предлагает, указывает, что «русские, смягчая в финских названиях *г* перед *е* в *ж*, стали называть реку Ижера» [Орлов 1907: 214–215].

Эти параллели не остались без внимания в дальнейшем, их рассматривали М. Фасмер, В. Ниссиля и П. Равила. В частности, Ниссиля сравнивал оним фин. *Inkeri* с марийским словом *энӻе́р* (в горномарийском — *а́нгӹр*) — ‘река’, а также с гидронимом *Inger*, который предположительно считается мерянским. Равила был настроен более критически и даже предлагал для *энӻе́р* тюркскую этимологию, однако возможность связи *Inkeri* и марийского аппелятива окончательно не отвергал [Grünthal 1997: 182]. Грюнталь не считает эту гипотезу удачной, но, возможно, она окажется более обоснованной с привлечением новых аргументов.

Допустим, вслед за многими рассмотренными авторами, что гидроним в своей прибалтийско-финской форме **ingeri* или **ingere* имеет более древнее происхождение, чем аналогичные хороним и этноним. В этом случае мы действительно можем поставить его в один ряд с достаточно распространенными в Костромском Заволжье и Волгоокском междуречье топонимами -*Vн(ь)гирь* (в том числе собственно *Ингирь*, *Ингарь*, *Ингерь*), некоторые из них упомянул А. С. Орлов. А.К. Матвеев, вслед за М. Фасмером, сопоставил их с марийскими лексемами для обозначения водотоков и сделал вывод о мерянском происхождении гидронимов, лишь для некоторых допустив позднее непосредственно марийское влияние [Матвеев 2015: 123–128].

В. С. Кулешов, рассмотрев ряд гидронимов в среднем Поволховье (в том числе название ручья *Ингорь*, который он отнес к гидронимам с топоформантом —*Vн(ь)гирь*), посчитал более верным

характеризовать этот пласт топонимии как «севернофинский» [Кулешов 2002]. Термином «севернофинская группа языков» А. К. Матвеев называл языки «первой волны финно-угорского населения… которое заселило в неолите огромную территорию от Финляндии до Волго-Окского междуречья и от Днепра до Вятки». Мерянский язык при таком рассмотрении являлся «остатком» этой древней волны [Матвеев 2015: 226]. Хотя основной ареал севернофинской топонимии (то есть отличной и от финно-волжской, в т. ч. мерянской, и от прибалтийско-финской топонимии) занимает, по Матвееву, территорию к востоку от Белого озера, топонимы с севернофинскими топоформантами идентифицированы исследователем и западнее — в бассейне Свири [Матвеев 1999: 84].

Таким образом, гидроним **ingere*, хоть и весьма отдален от основного ареала топонимов *-Vн(ь)гирь*, однако не единичен в Северо-Западном регионе, и даже соседствует с относительно плотной группой севернофинских (по Матвееву) топонимов в Посвирье. Не исключено, что он маркирует крайне западную границу продвижения носителей севернофинских или волжско-финских диалектов, оставивших в Северо-Западном регионе крайне разреженный, но все еще заметный пласт топонимии.

Отметим, прежде чем рассмотреть прочие топонимы на *Ижор-* и *Ижер-*, что с рекой *Ижорой* связана относительно многочисленная группа топонимов, восходящая к наименованию реки: это притоки и рукава главного водотока *Большая, Малая* и *Попова Ижорка, Большой Ижорец;* разлив *Ижоры*, получивший название *Ижорский пруд*; находящиеся на берегах реки селения *Усть-Ижора* и *Ям-Ижора*, а также железнодорожная станция *Ижоры*. Список, вероятно, можно продолжить, однако, так как происхождение этих названий в целом ясно, а с другими топонимами на *Ижор-* они связаны лишь опосредованно, далее мы их рассматривать не будем.

5. Хоронимы на *Ижор-* / *Ижер-* в средневековых источниках

Как уже было сказано, помимо реки, онимом Ижора обозначалась некая территория, точная локализация которой затруднена из-за скудности источников. И хотя последнее время А. В. Дмитриев ввел

в оборот новые источники о местоположении границы между Ижорской и Водской землями — по крайней мере по представлениям конца XVI в. [Дмитриев 2016: 173], здесь мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе. Перечислим лишь хоронимы, известные по средневековым источникам, и рассмотрим их возможные этимологические связи.

В иноязычных источниках варианты *Ingaria*, *Ingria*, *Engera* и пр. встречаются достаточно часто, однако в данном случае мы рассматриваем хоронимы именно на *Ижор-* / *Ижер-*, которых в русскоязычных источниках гораздо меньше. Хороним *Ижорская земля* впервые упоминается в рассказе о Невской битве 1240 г. [ПСРЛ, т. 1, вып. 2, 1927: 479], здесь он явно связан с Приневьем. Также есть упоминание 1444 г. *ижорских бояр* (наряду с водскими и лужскими сельниками) [ПСРЛ, т. 3, 2000: 424], но однозначно связать прилагательное *ижорский* именно с хоронимом контекст не позволяет. В проекте договора Новгорода с королем Казимиром 1470 г., наряду с другими областями Новгородского государства, упоминается область *ЫЖора*, с которой король мог бы получать два рубля за проезжий суд [ГВНП 1949: 132]. Это последнее упоминание хоронима *Ижора* (*Ижорская земля*) в дошведский период его бытования. Но есть и другие хоронимы, которые имеют основу *Ижор-* / *Ижер-*.

В 1478 г. в описании устройства Новгородской земли упоминается *Ижорская пятина*, наряду с Водской и Чудской [Неволин 1853: 48]. К. А. Неволин считал этот хороним ошибкой, связанной с иноземным происхождением автора описания. Известное по более поздним источникам пятинное деление Новгородской земли, действительно, не содержало упоминания Ижорской пятины, а территория Приневья относилась к Водской пятине.

Первый массовый материал по топонимии Приневья содержался в писцовой книге Водской пятины 1500 г. В ней упоминается множество топонимов *на Ижере* (т. е. расположенные на реке), но всего два топонима на *Ижор-* / *Ижер-*, с рекой прямо не связанных. Первый — *Ижерский погост*, центр его локализуется на берегу одноименной реки [Переписная окладная книга 1851: 341]. Указать однозначно, с какой частью ижорской онимической триады связано название погоста, сложно: и река, и племя, и земля близки к нему территориально.

Второй топоним — деревня *Ижора Паринское на Охте* [Переписная окладная книга 1851: 210] Корбосельского погоста. Это почти единственный ойконим средневековых источников, имеющий основу

ижор-; подавляющее большинство известных ойконимов этой основы появляются более чем на два столетия позднее. Этимология ойконима от племенного названия труднодоказуема, жители этой деревни имеют обычные православные имена, и лишь в соседней деревне Морошкино на Охте записан Лучка с прозвищем *Ижерянин*. Больше аргументов можно привести в пользу этимологизации от гидронима *Ижора*, так как *Парица* — один из ижорских притоков. Вероятно, это селение основано выходцами с реки Парицы.

Единично встречается упоминание деревни Ижора Копорского уезда, в отписке головы Тёсовской заставы П. С. Обольянинова от 6 декабря 1629 г. [Селин 2016: 388], однако более точная локализация этого топонима затруднена. В источниках XVIII в. названия на *Ижор-* в Копорском уезде неизвестны, и только в XIX в. появляется второе название Новой Бури «*Ижорская*», а также второе название селения Собинка — *Ингере*. Оба случая сложно связать с известием отписки.

На протяжении четырех веков существовала деревня *Ижорина* (*Ижерская*) Гора в Пиркиничском погосте Обонежской пятины, сейчас это — Лодейнопольский район Ленинградской области, расположенный достаточно далеко от Приневья. Впервые она фиксируется в грамоте 1572 г. как деревня *Ижерская Гора* [Материалы 1941: 220], затем в грамоте 1596 г. [Материалы 1941: 348] как *деревня в Варбиничах Якимково на Ижереной Горе*. На карте 1875 г. [Карта 1875], и в списках населенных мест конца XIX — начала XX в. название передается как *Ижорина гора*, а на карте 1941 г. — как *Ижорова Гора* [Карта 1941]. Удаленность от основного ареала топонимии на *Ижор-* / *Ижер-* и наибольшая частота формы *Ижорина Гора* позволяет предполагать происхождение этого названия от антропомнима *Ижорин*. Сотник с таким именем был известен относительно недалеко — в Олонце, правда лишь в 1693 г., он еще будет упоминаться ниже.

Ижорская земля не упоминается ни в писцовой книге 1500 г., ни в более поздних, и вновь этот топоним начинает употребляться лишь в XVII в., когда Приневье будет захвачено Швецией и войдет в состав провинции Ингерманландия. Именно как синоним шведского Ingermanland в русские источники вновь вернется понятие Ижорская земля, но его значение уже будет другим, географически гораздо более широким, чем *Ижора* XIII– XIV вв. Так как этимология данной группы топонимов, ограниченной источниками XVII–XVIII вв., в общем ясна, подробно мы их рассматривать не будем.

6. Топонимы на *Изор-*

Отдельно следует остановится на категории топонимов, имеющих основу *изор-* и связываемых некоторыми исследователями с онимом *Ижора*. Впервые в пользу такой связи высказался Б. Б. Кафенгауз, исследователь Псковской судной грамоты (ПСГ). Пытаясь определить содержание термина ПСГ «изорник», он обратился к топонимике и насчитал в Новгородских писцовых книгах XV–XVI вв. 14 топонимов, связанных с термином *изорник*[2]. Из них в Водской пятине Кафенгауз локализовал более трети — пять названий, что и послужило поводом представить ижорскую гипотезу как более предпочтительную, по сравнению с древнеславянской этимологией от *изор* ‘хлеб в оплату за оранье’, т. е. пахоту [Кафенгауз 1952: 136–138]. В более поздней работе автор уже не считал необходимым выделять ижорскую гипотезу и упоминал ее в ряду других, самой распространенной все же называя славянскую этимологию [Кафенгауз 1969: 35].

Топонимы Новгородской земли с основой *изор-* также связываются с ижорой в работах О. И. Коньковой, однако без посредства изорников ПСГ. По мнению исследовательницы, этимология этого топонима такова: этноним *ингере* преобразовался в русском языке в *ижору*, а затем вернулся в ижорский язык в форме *изора,* дав название ижорским селениям. При этом указывается на 6 топонимов с основой *Изор-* в южной части Водской пятины и отмечается, что «подобные топонимы в других местах Северо-Запада не встречены» [Конькова 2009: 56–58]. Последнее утверждение легко оспорить, обратившись к списку Кафенгауза; А. А. Селин также указал на гораздо более широкое распространение топонимов на *Изор-* [Селин 2016: 476].

Также в качестве свидетельства равнозначности основ *Изор-* и *Ижор-* Коньковой приводятся интересные случаи, когда селение, известное по писцовым книгам как *Изори над озером Белым*, единично было обозначено на карте Ингерманландии и Карелии 1721 г. как *Ижерики*, а *Изори у монастыря* описаны в шведских документах XVII в. как *Inkere*. Здесь мы должны уточнить, что указанная карта Ингерманландии и Карелии не охватывала территорию Будковского погоста, где располагались *Изори над озером Белым*, а указанное в ней поселение *Ижерики*

[2] Некоторые из них несколько выпадают из топонимического ряда, например, топоним *Изониха*.

сейчас — деревня *Изора* Дружногорского городского поселения Гатчинского района. Но для этой деревни топоним на *Ижер-* более ранний, чем на *Изер-*, так как начиная с указанной карты начала XVIII в. более века фиксируется исключительно он. Лишь в пояснениях к этнографической карте П. Кеппена указано два названия: *Isero* и *Ижерка*; на карте при этом она обозначена как населенная финнами-савакотами [Köppen 1867: 67]. Наиболее вероятно, что название, данное латиницей, восходит к финскому говору жителей деревни. Лишь к началу XX в. финский вариант проник в официальную картографию [Карта 1915], вытеснив русский. Таким образом, считать этот случай свидетельством связи средневековых топонимов на *Изор-* с *ижорой* невозможно.

Среди современных исследователей существуют разные мнения о справедливости гипотезы Кафенгауза и Коньковой. Отчасти поддерживает гипотезу связи *ижоры* и топонимии на *Изор-* Б. И. Чибисов, относя последнюю к этническому типу номинации, но не аргументируя свою позицию. Только для топонима *Изорники* исследователь делает исключение, предполагая социальную, а не этническую этимологию [Чибисов 2018: 170–171]. А. А. Селин, критикуя версию О. И. Коньковой, напротив, отрицает связь названий на *Изор-* с ижорским этническим ареалом, склоняясь к русской этимологии *изорать*, т. е. ‘вспахать’ [Селин 2016: 476].

Гипотезы о связи изорской топонимии и *ижоры* обращают внимание на важные проблемы ономастики Северо-Запада, но имеют свои слабости. Ведь из допущения, что топонимия на *Изор-* производится от этнонима, возникнет несколько вопросов, которые пока остаются без ответа. Перечислим их:

1) Почему термин ПСГ имеет в источнике лишь социальные коннотации, но не культурные, этнические и т. п.?
2) Может ли вообще суффикс *-ник* входить в состав (этн)онима?
3) Почему известие ПСГ об изорниках касается Псковской земли, а изорская топонимика имеется лишь за ее пределами? И наоборот, почему упоминание изорников пока не найдено источниках, не связанных с Псковом?
4) Если топонимы на *Изор-* восходят к этнониму *ижора*, почему в Водской пятине они существовали параллельно с топонимами и антропонимами на *Ижор-* и *Ижер-*?
5) Почему топонимы на *Изор-* были распространены далеко за границами расселения летописной *ижоры*, в отличие от топонимии и антропонимии на *Ижор-* / *Ижер-*?

О. И. Конькова не связывает изорские топонимы с изорниками ПСГ, точнее, не упоминает о последних. Б. Б. Кафенгауз считал изорников потомками летописной *ижоры*, однако других свидетельств о столь значительном проникновении переселенцев из Приневья на Псковщину не имеется. Текст ПСГ говорит о социально-экономических, но не о культурных отличиях изорников от псковских крестьян. Даже если принять, что топонимы на *Изор-* и изорники ПСГ не связаны (хотя оба автора указывают на селение *Изорники* под Копорьем), то остается много вопросов, связанных с законами функционирования топонимов. Одного случая перехода топонима *Изор-* на основу *Inker-*, приведенного О. И. Коньковой, кажется недостаточно, чтобы говорить о связи этих топооснов.

Во времена, когда Б. Б. Кафенгауз писал свои работы, дополнительным аргументом против славянской этимологии слова *изорник* служила его редкость и приуроченность исключительно к псковским источникам, а также отсутствие аналогий в других региональных русских говорах. Однако в 1987 г. вышла статья Л. Ю. Астахиной, в которой приводилось еще несколько диалектных слов с корнем *Изор-*, известных в различных регионах бывшей Псковской земли и широко за ее пределами [Астахина 1987]. Эти данные определенно склоняют дискуссию в пользу отсутствия прямых влияний онимов *Ижор-* на изорскую топонимию.

Конечно, топонимы на *Изор-* требуют более внимательного рассмотрения, и из приведенного материала предложить их точную этимологию затруднительно. Во всяком случае, наиболее вероятным нам кажется поиск этимона среди славянских апеллятивов, связанных с глаголом *изорать* ‘вспахать’. Из материалов, приведенных Астахиной, можно предложить варианты: *изорь* (псковское диалектное) ‘запущенная полоса, пустырь’; *изоры*, *изорные десятины*, *изорье* (документы Суздальского Покровского монастыря) ‘земли, отдаваемые под барщину’ [Астахина 1987: 15–18]. Не исключено, что названия на *Изор-* и *Изорник-* необходимо рассматривать отдельно. Связь последних с какой-то социально-экономической категорией зависимых крестьян-изорников, выходцев из Псковской земли, кажется бесспорной. Такая версия позволяет объяснить отсутствие изорских топонимов вокруг Пскова, где земледельцы-изорники составляли большинство или их отличия от других категорий земледельцев не считались разительными. Характерно, что именно топонимы на *Изорник-* преобладают в Водской пятине, а за ее пределами чаще встречается топооснова без суффикса *-ник*.

7. *Ижоры* Нового времени

В XIX–XX вв. на карте России появляется относительно много названий с основами *Ижор-* и *Ижер-*, не связанных напрямую с рекой *Ижорой*, некоторые из них даже составляют топонимические группы. Впервые одна из таких групп появляется на картах Ингерманландии в XVIII в. и локализуется на южном побережье Финского залива: это селения *Большая* и *Малая Ижоры* и расположенное поблизости *Ижорское* озеро.

Ранее *Большая Ижора* была известна в источниках с начала XVII в. как *Гаизявязи* или *Haisevesi* [Амбросиани 2003: 10], Малая Ижора на шведской карте 1676 г., видимо, показана как *Terikola* [Карта 1827]. Только на карте Кириллова 1727 г. впервые появляется топоним «*д. Ижорска*», хотя первая и предпоследняя буквы плохо читаемы [Карта 1727]. На карте 1770 г. снова показаны оба селения под названиями *Ижоры* и *Ижора* соответственно [Карта 1770], в дальнейшем — *Большая Ижорская* и *Малая Ижорская*. По данным Кеппена, на середину XIX в. ижоры являются основным населением *Большой* и *Малой Ижор* [Кеппен 1853: 417], что во многом проясняет причины смены названия указанных селений.

Здесь мы должны сделать некоторое отступление, связанное с необходимостью прояснить, кто такие *ижоры* Кеппена и какие проблемы несет нам вышеупомянутая этимологизация топонима. К сожалению, критерии, по которым ученый относил то или иное население к ижорам, не были им описаны в соответствующих работах; вероятно, чаще всего он доверялся своим корреспондентам — лютеранским пасторам и православным священникам. Какие критерии использовали они — еще более проблематичный вопрос, требующий отдельного исследования[3]. Так или иначе, существование единой народности под названием *ижора* в середине XIX в. на обширных территориях, закрашенных Кеппеном *ижорским* цветом на своих этнографических картах, оказывается под сомнением[4]. Поэтому мы должны понимать *ижор* Кеппена как население, отнесенное к этой категории внешними акторами, однако о самосознании и самоназвании этого населения, его языке и культуре это отнесение нам ничего не скажет.

---

[3] Первые шаги в этом направлении намечены в докладе [Верховцев 2017].

[4] Справедливую критику этой концепции см. [Крюков 2014].

К счастью, в топонимии не имеет значения, используется ли для образования топонима самоназвание или экзоэтноним, и если современники считали население деревни *ижорой* (не принимая возможные возражения самой *ижоры*, что они карелы, финны, сойкинцы или кто-либо еще), то и само селение они также могли бы недолго думая называть *Ижорой*.

Осталось рассмотреть гидроним *Ижорское озеро*, составляющий одну топонимическую группу с селениями *Большая* и *Малая Ижора*. Как мы видели, эти селения получили названия, связанные с основой *Ижор-*, только в XVIII в., хотя существовали гораздо дольше. То же, вероятно, можно сказать и об *Ижорском озере*. Впервые оно поименовано на карте Ингерманландии 1727 г. как *Большое*, восточнее более мелкого озера с названием *Малое* (ныне, видимо, не существует) [Карта 1727]. На карте 1734 г. те же озера подписаны как *Bolszszsc*[5] *i. e. Magnus* и *Maloe i. e. Parvus* [Tabula 1734]. Кажется, самый ранний картографический материал, где показано название *Ижорское озеро*, — это План генерального межевания Петергофского уезда 1790 г. [План 1790], но даже если найдутся чуть более ранние источники, очевидно, что гидроним вторичен по сравнению с ойконимом расположенного рядом селения, именно селение хронологически первым обрело ижорский топоним, тогда как озеро на тех же самых картах еще называлось *Большое*.

Другие названия на *Ижор-* появились уже в XIX в. Чаще всего это были новые именования уже существовавших деревень или их частей. Например, на карте 1825 г. [Карта 1825] селение *Новая Буря* вдруг было обозначено как *Ижорская*. На чуть более поздней и более подробной карте Шуберта 1831 г. уже даются оба названия — *Ижорская* и *Новая Буря* [Карта 1831]. В дальнейшем на различных картах приводится одно из этих двух названий или оба сразу, и лишь на топографической карте 1933 г. топоним *Ижорская* относится к юго-западной части населенного пункта, а Новая Буря — к восточной [Карта 1933]. Однако, видимо, это — последнее упоминание *Ижорской*, и в более поздних источниках до настоящего времени населенный пункт вновь носит название *Новая Буря*. Учитывая информацию Кеппена о полностью ижорском населении деревни [Кеппен 1853: 416], появление ее второго названия легко объяснимо, как и смещение его со временем в один из концов деревни, где, скорее всего, как минимум до 1930-х годов проживали ижоры.

---

[5] Так в источнике.

До настоящего времени существует деревня *Ижора* Елизаветинского сельского поселения Гатчинского района, известная с первой половины XIX в. как деревня *Ижоры* [Карта 1831]. Согласно Кеппену, деревня *Ижора*, относившаяся тогда к Дылицкому приходу Ораниенбаумского уезда, была компактно населена ижорами [Кеппен 1853: 415].

В настоящее время в Гатчинском районе есть еще одно селение с названием *Ижора*, в Веревском сельском поселении. Однако достоверные сведения о существовании этой деревни относятся только к середине XX в. Лишь на схеме Петербургского железнодорожного узла 1910 г. ближайшая железнодорожная станция носит такое же название *Ижора* [План 1910] (сейчас — Верево). Причины, по которым было дано такое название станции, еще предстоит выяснить; вполне возможно, что по какому-то стечению обстоятельств номинация произошла по протекающей в нескольких километрах реке Ижоре. Во всяком случае, в ближайшем поселении — деревне Коммолово, — по данным Кеппена, на середину XIX в. проживали исключительно финны-савакоты [Köppen 1867: 57]. Здесь стоит признать первенство названия станции, которое позже было перенесено на деревню.

Современная деревня Тиммолово, расположенная к югу от Петербурга в Аннинском сельском поселении, в некоторых источниках первой половины XIX в. обозначалась как *Ижора* [Карта 1831; Карта 1810]. Судя по данным Кеппена, население этой деревни в середине XIX в. составляли почти исключительно ижоры [Кеппен 1853: 415], что делает прозрачными причины такого именования. При этом стоит отметить актуализацию наименования деревни по этническому составу лишь для XIX в., потому что до и после этого времени она называлась *Ушкюля* или *Ускюля* [Списки 1864: 140], то есть ‘новая деревня’ (первый вариант отражает, видимо, ижорскую фонетику, а второй — финскую) или *Тимолова* [Карта 1860]. На карте 1676 г. в том же районе показана деревня *Nyby* (что по-шведски также ‘новая деревня’) [Карта 1827].

Кеппен упоминает в Ораниенбаумском уезде к западу от Стрельны деревню *Ижорскую* (другие названия — *Mielis(?)*, *Мелизи*, *Кикенка(?)*), компактно населенную ижорами [Кеппен 1853: 417]. На планах генерального межевания второй половины XVIII в. у этой деревни указано только название *Мелюза Кикенка* [План 1790]. После Кеппена Кикенка более не упоминается как *Ижорская*. Интересно, что также в районе Стрельны, но уже к востоку, на картах с 1810 г. можно увидеть название *Ижоры или Канузи* [Карта 1810], впоследствии *Ижорская или Канузи* [Карта 1831], *Ижорская Виккол.[ово]* [Карта 1860],

а также на многих картах после середины XIX в. *Ижорская* и *Ижорка*. Исчез топоним видимо только в середине XX в., когда соответствующий населенный пункт вошел в состав Стрельны, однако память о нем сохранилась: ручей, протекающий на месте исчезнувшей деревни, и сейчас неформально именуется *река Ижорка*. Несмотря на столь устойчиво бытовавшее название, о проживании ижор в *Ижорке-Канузи* Кеппен не упоминает. Не исключено, что здесь в его данных кроется ошибка, и ижоры, описанные им в Мелизи-Кикенке, на самом деле жили не к востоку, а к западу от Стрельны, в *Ижорке-Канузи*.

На Топографической карте частей Санкт-Петербургской и Выборгской губерний 1860 г. мы встречаем второе название деревни *Старожиловки*, ныне входящей в состав Парголова: она подписана также как *Ижора* [Карта 1860]. Ни до, ни после этой даты подобное название не встречается на картах, однако оно коррелирует с сообщениями Кеппена, что в этой деревне проживают исключительно ижоры [Кеппен 1853: 418].

За пределами юга Ленинградской области названия на *Ижор-* встречаются только эпизодически, почти без образования скоплений, хотя в целом число случаев достаточно велико. До настоящего времени существует деревня *Ижорино* в Жарковском районе Тверской области, причем составитель «Тверского топонимического словаря» В. М. Воробьёв этимологизирует это название от мужского личного имени *Ижора*, хотя такое имя не встречается в источниках. Более вероятно происхождение этого топонима от фамилии *Ижорин*, причем сведения о Никите Ижорине, олонецком стрелецком сотнике, известном по источнику 1693 г., также приводятся в статье словаря [Воробьёв 2005: 159]. С другой стороны, этот топоним может быть примером мимикрии под топонимию на *Ижор-*, так как на планах генерального межевания Поречского уезда Смоленской губернии конца XVIII в. (к нему тогда административно относилась деревня) селение подписано как *д. Жорина* [План 1780], а на карте Шуберта 1832 г. — как *д. Жерина* [Шуберт 1832].

В Парфеньевском районе Костромской области известны три топонима с основой *ижор-*: *Ижорское болото*, *болото Ижоры* и *бывшая деревня Ижоры* [Электронная база 2008]. К сожалению, из других источников почерпнуть информацию об этой топонимической группе не удалось.

Р. М. Козлова приводит сведения из списка населенных мест Вятской губернии 1859–1873 гг. о топониме *Ижоровцы* в Орловском

уезде Вятской губернии [Козлова 2013: 50], однако определенное фонетическое сходство с другим названием этого населенного пункта — *Ежевский* и с названием речки, на которой он находится, — *Ежевки* [Список 1876: 493], вероятно, свидетельствует о позднем характере топонима, эволюционировавшего в сторону созвучия с приневскими топонимами на *Ижор-*.

У того же автора приводятся сведения о топониме *Ижоры* в Двинском уезде Витебской губернии [Козлова 2013: 50]. Попытка этимологизировать топоним встречается еще у Ю. Ю. Трусмана, он возводил ее к латышскому слову *aizara* ‘вспаханный участок поля’ [Трусман 1897: 117]. Эта попытка этимологии кажется натянутой, тем более что на карте Шуберта 1832 г. деревня показана как *Ижорска* [Шуберт 1832]. Кроме того, следует учесть, что данный район — Капинская волость — это настоящее скопление этнотопонимов. На той же карте с запада мы видим деревню *Чухны*, есть она и в списке населенных мест Витебской губернии [Список 1906: 111]; недалеко к востоку на карте Шуберта обозначена деревня *Литвяны*. Также в непосредственной близости от *Ижор* — деревня *Корелово* [Список 1906: 109]. Такое соседство вряд ли является случайным, однако без глубокого погружения в микроисторию Капинской волости мы не беремся комментировать его природу. Во всяком случае можно заключить, что происхождение топонима, столь далекого от основного ареала названий с основой *Ижор-*, скорее связано с этим ареалом, а отнюдь не с латышскими или славянскими апеллятивами.

Отметим, что на современных картах Латвии рядом с селением *Ižori* находится почти одноименное озеро *Ižoru* [Google Maps 2019]. И хотя на карте Генерального штаба 1985 г. название селения передается как *Ижора*, название озера уже имеет вид «Ижару» [Карта 1985]. На военно-топографической карте Шуберта съемки 1846–1863 гг. озеро называется *Зерьколо*, а ойконим имеет стандартный вид — *Ижора* [Карта 1917]. Несмотря на то что в данной местности еще в XIX в. наблюдалась традиция называть небольшие озера по имени лежащих на их берегах селений (например, в той же Капинской волости *деревня Пустошка при озере Пустошка* [Список 1906: 111]), неясно, какие этимологические отношения связывают ойконим с гидронимом. С известной осторожностью можно предположить, что гидроним, возможно, имеет балтское или какое-то иное происхождение, не связанное с топонимией на *ижор-*; но версия эта, видимо, может рассматриваться только после прояснения причин обилия этнотопонимов в Капинской волости.

8. Обсуждение и выводы

Итак, выше собраны и проанализированы все обнаруженные топонимы, имеющие основу *Ижор-* / *Ижер-*. Для наглядности они также собраны в *Таблицу 1* (всего 37 топонимов). Лишь небольшая часть из них достоверно бытовала до XVIII в., остальные же впервые зафиксированы документами в XVIII–XIX вв. Именно последней, самой многочисленной группе мы уделили основное внимание. Оказалось, что большая часть топонимов на *Ижор-*, известных по источникам Нового времени, в основном делятся на две этимологические группы: восходящие к гидрониму *Ижора* (притоки и рукава, селения, расположенные на берегах, 9 топонимов) и ойконимы селений (с примкнувшими к этой группе двумя гидронимами, образованными от ойконимов), в которых зафиксировано проживание ижор (9 топонимов), все они относятся к территории современной Ленинградской области.

Топонимы, этимология которых осталась неясна или оказалась не связана с древней ижорской триадой, как правило, располагаются далеко за пределами основного ареала топонимов *Ижор-* / *Ижер-*. Группа микротопонимов на территории Архангельской области этимологизируется от русского диалектного слова *ижора*; возможно, по географическому принципу к этой же этимологической группе можно отнести группу топонимов на территории Костромской области. Топонимы *Ижорино* в Тверской области и *Ижоровцы*, вероятно, изначально имели названия с другими основами и обрели «ижорский» облик по созвучию с топонимами Приневья. Особый случай — *Ижоры* на территории современной Латвии, топонимический контекст которого позволяет связывать его с Приневьем, однако для установления точной этимологии требуется более глубокое изучение случая.

Попробуем поставить эти результаты в контекст дискуссионных вопросов истории Северо-Запада, которые упоминались в начале статьи. Во-первых, однозначно можно утверждать, что ни один из топонимов на *Ижор-* Нового времени не связан напрямую с Ижорской (Ижерской) землей и не может служить маркером ее древней территории.

Во-вторых, важным результатом стало наблюдение, что большинство топонимов на *Ижор-*, возникших в Новое время, связаны с ижорами, в то время как ни один древний топоним не может быть связан однозначно с какой-либо этнической категорией населения. Причем это заключение обсуловлено вовсе не недостаточностью наших знаний

о средневековой топонимии Приневья: писцовые книги с конца XV в. ведут почти сплошную фиксацию ойконимии и гидронимии, однако топонимы на *Ижор-* / *Ижер-* среди ойконимов почти не встречаются. Единственный подходящий случай относится к относительно позднему времени (1629), а случай фиксации ойконима *Ижора Паринское* (1500) неоднозначен и, возможно, указывает на бассейн р. *Ижоры*.

По всей вероятности, деление населения Приневья на категории в XVI–XVII вв. не повторяло современную нам этническую классификацию. Онимы, которые представляются нам этническими наименованиями из-за созвучия с современными этнонимами, на самом деле имели другую природу — социальную, политическую или географическую. Например, прозвища крестьян в той же писцовой книге Водской пятины 1500 г., такие как *Ижерянин, Чудин, Лопин* долгое время рассматривались (да и рассматриваются сейчас) как этнические, однако А. Г. Новожилов показал, что, скорее, они обозначали выходцев из определенных регионов, т. е. жителей бассейна р. Ижоры, области Чудца и волости Лопца [Новожилов 2004: 88–90]. Не обладая тем значением, каким для нас представляется этническая принадлежность, эти местные категории не отражались в топонимии или отражались крайне редко. Делая обзор внешних именований ижор в других прибалтийско-финских языках, Р. Грюнталь приходит к выводу, что они, как правило, образованы от наименования местности (как в финском) или являются поздним заимствованием из русского (как в эстонском) [Grünthal 1997: 174]. Это означает, что корни современных этнонимов прибалтийско-финских этнических групп Северо-Запада вряд ли стоит искать глубже XVII–XVIII вв.

Стоит также рассмотреть аргумент, что появление в XVIII–XIX вв. ойконимов на *Ижор-* связано с сокращением (ассимиляцией) ижорского населения и образованием ижорских этнических анклавов, которые и меняли свои прежние названия на этнотопонимы. Но трудно представить, что ситуация после присоединения Ингрии к России в 1703 г. каким-то разительным образом отличалась от ситуации предыдущих столетий. Еще писцовыми книгами с конца XV в. фиксируется соседство в Приневье прибалтийско-финской антропонимии со славянскими некалендарными именами, однако эта поликультурность не находила своего широкого отражения в этноойконимах. То же самое можно сказать про период шведского владычества, когда происходил отток православного населения из края, а из Финляндии прибывали новые поселенцы.

Скорее всего, ситуация начала меняться с конца XVII в. В силу разных обстоятельств культура и язык населения Ингерманландии стали

все больше занимать управляющих провинцией чиновников, представителей государства Нового времени. Еще в период шведского владычества нарвский суперинтендант Иоганн Гелезиус-младший различал среди местного православного населения три категории: русских, водь и ижору (хотя язык последних он называл финским) [Шлыгина 2003: 102]. В дальнейшем, уже после завоевания Ингрии войсками Петра I, нужды учета различных категорий населения по критерию давности проживания, языка и конфессии породили деление на русских-старожилов, ижерян-старожилов, латышей-старожилов и русских-переведенцев [Троицкий 1970: 118–119]. Немецкие ученые, приехавшие в Россию в первой половине XVIII в., положили начало распространению нового научного мировозрения, основанного на рационализме, и создали первые этнографические описания [Slezkine 1994: 170–171], а в середине XIX в. процесс уточнения критериев этнической категоризации населения был завершен, и из-под пера П. Кеппена в серии работ вышла известная нам и сегодня этническая классификация населения Петербургской губернии[6].

Неудивительно, что именно в это время происходит наполнение карт ойконимами, маркирующими проживание в этих селениях ижор, даже если ранее они носили другие названия, не имевшие этнонимических коннотаций. Научное сознание, а позже — интерес к народной культуре в эпоху романтизма актуализируют те аспекты в описании крестьянского населения Петербургской губернии, которые раньше не были критериями для выделения их в особые категории.

Вероятнее всего, на рассмотренном материале ойконимии с основой *Ижор-* мы видим, как в названиях отражались изменения в мышлении людей эпохи Нового времени, их отношение к категоризации окружающего населения. В дальнейшем эти тенденции усиливались по мере развития идей национализма и обращения к народной культуре как к «корням» нации: попав в зоны влияния сразу двух национальных проектов (российского и финского), ижоры рассматривались то как часть финской нации, то как отдельная народность. Это даже привело в первой половине XX в. к наделению их номинальной политической субъектностью в ходе политики коренизации. Однако эти процессы не стали причиной возникновения новых топонимов с основой *Ижор-*, поэтому здесь наше топонимическое исследование завершается.

---

[6] В законченном виде она представлена на карте [Koeppen 1849].

Таблица 1. Топонимы на *Ижор-* / *Ижер*

Table 1. Toponyms with *Izhor-* / *Izher-*

№	Топоним	Тип	Подтвержденный период бытования
1	Ижора, Ижера	река	1240 — по наст. в.
2	Большая Ижорка	река	наст. в.
3	Большой Ижорец	река	наст. в.
4	Малая Ижорка	река	наст. в.
5	Попова Ижорка	река	наст. в.
6	Ижорский	пруд	наст. в.
7	Ям-Ижора	селение	наст. в.
8	Усть-Ижора	селение	наст. в.
9	Ижоры	станция	наст. в.
10	Ижорская (Ижерская) земля	местность, административная единица	XIII–XVIII вв.
11	Ижорская	пятина	1478 г.
12	Ижорский	погост	1500 г. — XVIII в.
13	Ижора Паринское	селение	1500 г.
14	Ижерская, Ижерена, Ижорина, Ижорова Гора	селение	1572 — сер. XX в.
15	Ижора, Копорский уезд	селение	1629 г. (?)
16	Большая Ижора, Большеижорское городское поселение	селение	1727 г. — по наст. в.
17	Малая Ижора, Большеижорское городское поселение	селение	1727 г. — по наст. в.
18	Ижорское	озеро	1790 г. — по наст. в.
19	Ижерики, Ижерка (Изора), Дружногорское городское поселение	селение	1727 г. — наст. XIX в.
20	Ижорская (Новая Буря), Лопухинское сельское поселение	селение	1825 г. — 1933 гг.
21	Ижора, Елизаветинское сельское поселение	селение	1831 г. — по наст. в.
22	Ижора (Тиммолово, Ушкюля, Ускюля), Аннинское сельское поселение	селение	1853 г.
23	Ижора (Кикенка), муниципальное образование Стрельня	селение	1853 г.

24	Ижоры, Ижорская, Ижорка, Ижорская Викколово (Канузи) муниципальное образование Стрельна	селение	1810 г. — сер. XX в.
25	Ижорка	ручей	наст. в.
26	Ижора, Веревское сельское поселение	станция	1910–1970 гг.
27	Ижора, Веревское сельское поселение	селение	сер. XX в. — по наст. в.
28	Ижора, муниципальное образование Парголово	селение	сер. XIX в.
29	Ижорино, Тверская область	селение	кон. XIX в. — по наст. в.
30	Ижоровцы, Кировская область	селение	втор. пол. XIX в.
31	Ижоры, Латвия (терр. б. Витебской губернии)	селение	1832 г. — по наст. в.
32	Ижора, Ижара, Латвия (терр. б. Витебской губернии)	озеро	XIX в. — по наст. в.
33	Ижоры, Костромская область	селение	XX в.(?)
34	Ижоры, Костромская область	болото	XX в.(?)
35	Ижорское, Костромская область	болото	XX в.(?)
36	Ижеренский, Архангельская область	ручей	XX в.
37	Ижера, Архангельская область	урочище	нач. XVII в.

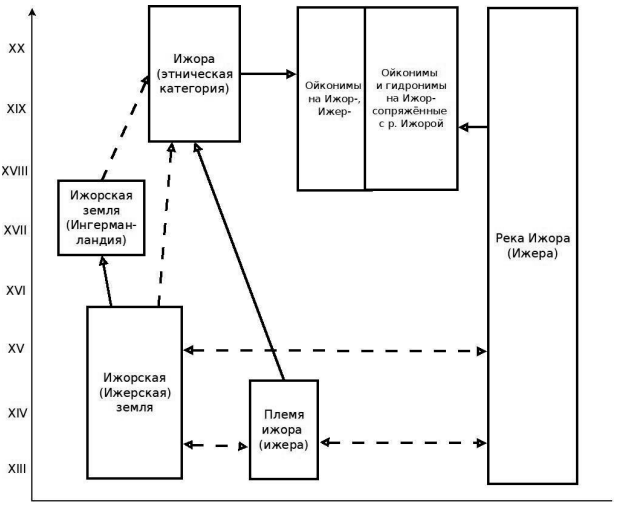

Рисунок 1. Схема этимологических связей онимов на *Ижор-* / *Ижер-*

Figure 1. Scheme of etymological connections of onyms with *Izhor-* / *Izher-*

Литература

Агеева 2004 — Р. А. Агеева. Гидронимия русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Амбросиани 2003 — П. Амбросиани. Топонимика Новгородской земли в Новгородском оккупационном архиве г. Стокгольма: Дудоровский погост // B. Englund, A. Pereswetoff-Morath (eds.). Swedish Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists, Ljubljana, 15–21 August 2003. (= Slavica Lundensia Supplementa, 2). Lund: Lund University, 2003. P. 7–20.

Амбросиани 2008 — П. Амбросиани. Параллельные названия в прибалтийско-финской и русской ойконимии Ингерманландии // Вопросы ономастики. 2008. № 6. С. 83–92.

Астахина 1987 — Л. Ю. Астахина. Группа слов с начальным изор- в русском языке // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М.: Наука, 1987. С. 13–20.

Балашов 2009 — Е. А. Балашов. Метаморфозы топонимики Карельского перешейка. СПб.: ИКО Карелия, 2009.

Барт 2006 — Ф. Барт. Введение // Ф. Барт (ред.). Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М.: Новое издательство, 2006. С. 9–48.

Верховцев 2017 — Д. В. Верховцев. Участие православной церкви в формировании этнических категорий на Северо-Западе России в XVIII в. // В. М. Грусман, Е. Е. Герасименко (ред.). Этнокультурные процессы в многонациональном государстве (к 100-летию Революции 1917 года в России): Материалы Шестнадцатых международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского университета промышленных технологий и дизайна, 2017. С. 86–89.

Воробьёв 2005 — В. М. Воробьёв. Тверской топонимический словарь. М.: Русский путь, 2005.

Дмитриев 2007 — А. В. Дмитриев. Водская топонимика в историко-культурном аспекте // Псковский регионологический журнал. 2007. № 4. С. 110–118.

Дмитриев 2016 — А. В. Дмитриев. Ижора, Inkeri, Ingermanland. Еще раз об историко-топонимических связях // Linguistica uralica. 2016. Vol. 52. № 3. С. 168–178.

Кабинина 2003a — Н. В. Кабинина. Ижора: к проблеме этимологизации // Т. Г. Иванова (отв. ред.). Рябининские чтения — 2003. Музей-заповедник «Кижи». Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2003. URL: http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/76.html (дата обращения: 27.11.2020)

Кабинина 2003b — Н. В. Кабинина. Об этимологических истоках русского диалектного ижора // Е. Л. Березович (ред.) Этимологические исследования: сб. науч. тр. Вып. 8. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. С. 47–52.

Кафенгауз 1952 — Б. Б. Кафенгауз. О псковских крестьянах XV–XVI вв. // В. П. Волгин (ред.). Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 132–139.

Кафенгауз 1969 — Б. Б. Кафенгауз. Древний Псков. Очерки по истории феодальной республики. М.: Наука, 1969.

Кеппен 1853 — П. Кеппен. Селения, обитаемые ижорами в С.-Петербургской губернии // Ученые записки императорской Академии наук по I и III отделениям. Т. II. Вып. 3. СПб. Типография Императорской Академии наук, 1853. С. 412–422.

Кирсанов 2004 — Н. О. Кирсанов. Названия ингерманландских деревень, содержащих сибилянты и аффрикаты // Bulletin des Phonetischen Fonds der russischen Sprache. 2004. № 9. С. 65–77.

Кирсанов 2007 — Н. О. Кирсанов. Предшественники ы в русской топонимии Ингерманландии // Linguistica uralica. 2007. Vol. 43. № 3. С. 211–217.

Кирьянен 2010 — А. И. Кирьянен. Ингерманландские финны и финский язык в Петербурге и Ленинградской области — современное положение // Е. И. Клементьев (ред.). Материалы межрегиональной научной конференции «Российские финны: вчера, сегодня, завтра». Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 14–24.

Козлова 2013 — Р. М. Козлова. Очерки по славянской ономастике (русск. Ижора, белорусск. Ідолта) // Одеський лінгвістичний вісник. 2013. № 1. С. 49–61.

Конькова 2009 — О. И. Конькова. Ижора. Очерки истории и культуры. [Izhora. Sketches of history and culture]. СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2009.

Крюков 2012 — А. В. Крюков. Соматическая лексика в финской географической терминологии и топонимии Ингерманландии // Acta Linguistica Petropolitana. 2012. Т. VIII. Ч. 1. С. 289–329.

Крюков 2014 — А. В. Крюков. Что стоит за этнонимом «ижоры»? // Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен (ред.). V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России». Материалы. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г. Петрозаводск: б. и., 2014. С. 36–39.

Кулешов 2002 — В. С. Кулешов. О гидронимах Ингорь и Шарья в Среднем Поволховье // Д. А. Мачинский (ред.). Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 2001 г. Сб. статей. СПб.: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, 2002. С. 98–101.

Матвеев 1999 — А. К. Матвеев. Древнее население Севера Европейской России. Опыт лингвоэтнической карты I // Известия Уральского гос. ун-та. 1999. № 13. С. 80–88.

Матвеев 2001 — А. К. Матвеев. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001.

Матвеев 2015 — А. К. Матвеев. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. IV. Топонимия мерянского типа. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та , 2015.

Муллонен 1988 — И. И. Муллонен. Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск: Карелия, 1988.

Муллонен 1994 — И. И. Муллонен. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994.

Муллонен 2002 — И. И. Муллонен. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 2002.

Муллонен и др. 1997 — И. И. Муллонен, И. В. Азарова, А. С. Герд. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн р. Свирь). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.

Неволин 1853 — К. А. Неволин. О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1853.

Никонов 1970 — В. А. Никонов. Этнонимия // Этнонимы. М.: Наука, 1970.

Николаев, Герд 2015 — И. С. Николаев, А. С. Герд. Словарь топонимии и микротопонимии Ингерманландии // А. С. Герд (ред.). Севернорусские говоры. Вып. 14. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. С. 112–119.

Новожилов 2004 — А. Г. Новожилов Этническая ситуация на северо-западе Новгородской земли XV–XVI вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2004. Вып. 1–2. С. 79–92.

Орлов 1907 — А. С. Орлов. Происхождение названий русских и некоторых западно-европейских рек, городов, племен и местностей. Вельск: Тип. М. П. Киснемского, 1907.

Попов 1965 — А. И. Попов. Географические названия (введение в топонимику). М.; Л.: Наука, 1965.

Попов 1981 — А. И. Попов. Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л.: Наука, 1981.

Рябинин 1997 — Е. А. Рябинин. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.

Троицкий 1970 — С. М. Троицкий. О некоторых источниках по истории землевладения в Ингерманландии в первой половине XVIII в. // М. И. Козинс (ред.). Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига: Зинатне, 1970.

Трусман 1897 — Ю. Ю. Трусман. Этимология местных названий Витебской губернии. Ревель: Тип. Г. Матизена, 1897.

Фасмер 1986 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М.: Прогресс, 1986.

Чибисов 2018 — Б. И. Чибисов. Этническая картина Новгородской земли в XV веке (неславянские этнические группы). Дисс. … канд. ист. наук. М.: Институт Российской истории РАН, 2018.

Шлыгина 2003 — Н. В. Шлыгина. Религиозная ситуация в Ингерманландии в конце XVII в. (по материалам дневника Ю. Гезеллиуса) // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 100–109.

Grünthal 1997 — R. Grünthal. Livvistä liiviin. Itämerensuomalaiset etnonyymit. [From Livviks to Livonians. Baltic-Finnic ethninyms] Helsinki: Hakapaina Oy, 1997.

Jenkins 2008 — R. Jenkins. Rethinking Ethnicity. London: SAGE Publications, 2008.

Koeppen 1849 — P. von Koeppen Ethnographische Karte des St.-Petersburgischen Gouvernements [Ethnographic Map of the St. Petersburg Governjrate]. St. Petersburg: S. n., 1849.

Köppen 1867 — P. von Köppen. Erklarender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements. [Explanatory text to the ethnographic map

of St. Petersburg governorate.] St. Petersburg: Commissionare der Kaiserlichen Akademie der Wissenschhaften, 1867.

Slezkine 1994 — Y. Slezkine. Naturalists Versus Nations: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity // Representations. 1994. No. 47. Special Issue: National Cultures before Nationalism. P. 170–195.

Источники

ГВНП 1949 — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: АН СССР, 1949.

Карта 1727 — Карта Ингерманландии Кириллова. СПб.: б. и., 1727.

Карта 1770 — Карта Санкт-Петербургской губернии содержащая Ингерманландию, часть Новгородской и Выборгской губернии. Сочин. Я. Ф. Шмидт, Б. м.: б. и., 1770.

Карта 1810 — Часть семитопографической карты, включающая окружность С.-Петербурга. Б. м.: б. и. 1810.

Карта 1831 — Топографическая карта окрестностей Санкт-Петербурга, снята под руководством генерал-лейтенанта Шуберта и гравирована при военнотопографическом депо. Б. м.: б. и., 1831.

Карта 1827 — Карта бывших губерний Иван-города, Яма, Капорья, Нэтеборга, составленная по масштабу 1:210000 1827 года под присмотром Генерал-Майора Шуберта Генерального Штаба Штабс-Капитаном Бергенгеймом 1м из материалов, найденных в Шведских Архивах, показывающая разделение и состояние онаго края в 1676 году. Б. м.: б. и., 1827.

Карта 1860 — Топографическая карта частей Санкт-Петербургской и Выборгской губерний. Б. м.: б. и., 1860.

Карта 1875 — Специальная карта Европейской России. СПб.: Изд. воен. топогр. отдела Главного Штаба, 1875. Лист 40.

Карта 1915 — Специальная карта Европейской России. Пг.: Литография картографического заведения Военно-топографического отдела Петрограда, 1915.

Карта 1933 —Управление военных топографов. Масштаб 1:25000, О-35-11-Г-г (Муховицы). Б. м.: б. и., 1933.

Карта 1941 — Управление военных топографов. Б. м.: б. и., 1941.

Карта 1985 — Топографическая карта Генерального штаба. Квадрат О-35-11. Б. м.: б. и., 1985.

Карта 1917 — Военно-топографическая карта Российской империи 1846–1863. Ряд X, лист 6. Б. м.: б. и., 1917.

Материалы 1941 — Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1941.

Переписная окладная книга 1851 — Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины. 7008 года (вторая половина) // Временник Императорского московского общества истории и древностей российских. Книга одиннадцатая. М.: Унив. тип., 1851.

План 1790 — План генерального межевания Петергофского уезда Петербургской губернии. Б. м.: б. и., 1790.

План 1780 — План генерального межевания Поречьского уезда Смоленской губернии. Ч. 4, л. 4. Б. м.: б. и., 1780–1790.

ПСРЛ, т. 1, в. 2, 1927 — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 2. Лаврентьевская летопись. М.; Л.: Наука, 1927.

ПСРЛ, т. 3, 2000 — Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000.

Списки 1864 — Списки населенных мест Российской Империи, составленные и издаваемые центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. XXXVII Санкт-Петербургская губерния. По состоянию на 1862 год. СПб.: Центр. стат. ком. Мин-ва внутр. дел, 1864.

Список 1876 — Вятская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859–1873 годов. СПб. : Изд. Центр. стат. ком. Мин-ва внутр. дел, 1876.

Список 1906 — Список населенных мест Витебской губернии. Витебск: Губернская типо-литография, 1906.

План 1910 — Схематический план расположения путей Санкт-Петербургского узла. Б. м.: б. и., 1910.

Шуберт 1832 — Ф. Ф. Шуберт. Специальная карта Западной части Российской Империи. Б. м.: б. и., 1832.

Электронная база 2008 — Электронная база данных «Топонимия Костромской области». 2008 (электронный ресурс). URL: https://lexrus.ru/default.aspx?p=2844 (дата обращения: 28.11.2020).

Google Maps 2019 — Google Maps. 2019. URL: https://goo.gl/maps/qBiVrsURQZ82 (дата обращения: 28.11.2020).

Tabula 1734 — Ingermanlandiae feu Ingriae. Novissima Tabula luci Tradita [Ingermanlandia, otherwise Ingria, the newest map, clearly presented] Per Homannianos Heredes Norib. A. MDCCXXXIV. Cum privil. S. Caes (comp.). 1734.

References

Ageeva 2004 — R. A. Ageeva. Gidronimiya russkogo Severo-Zapada kak istochnik kulturno-istoricheskoy informatsii [Hydronymics of the Russian North-West as a source of cultural and historical information]. Moscow: Editorial URSS, 2004.

Ambrosiani 2003 — P. Ambrosiani. Toponimika Novgorodskoy zemli v Novgorodskom okkupatsionnom arkhive g. Stokgolma: Dudorovskiy pogost [Toponymics of the Novgorod Land in the Novgorod Occupation Archive of the City of Stockholm: Dudorovsky Pogost]. B. Englund, A. Pereswetoff-Morath (eds.). *Swedish Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists, Ljubljana, 15–21 August 2003.* (= Slavica Lundensia Supplementa, 2). Lund: Lund University, 2003. P. 7–20.

Ambrosiani 2008 — P. Ambrosiani. Parallelnye nazvaniya v pribaltiisko-finskoy i russkoy oykonimii Ingermanlandii [Parallel names in Baltic-Finnish and Russian oykonymy of Ingermanland]. *Voprosy onomastiki*. 2008. No. 6. P. 83–92.

Astakhina 1987 — L. Iu. Astakhina. Gruppa slov s nachalnym izor- v russkom yazyke [Group of words with initial izor- in Russian]. *Istoriya russkogo yazyka i lingvisticheskoe istochnikovedenie* [History of the Russian language and linguistic source studies]. Moscow: Nauka, 1987. P. 13–20.

Balashov 2009 — E. A. Balashov. Metamorfozy toponimiki karelskogo peresheika [Metamorphoses of the Karelian isthmus toponyms]. St. Petersburg: IKO Kareliya, 2009.

Bart 2006 — F. Bart. Vvedenie [Introduction]. F. Bart (ed.). *Etnicheskie gruppy i sotsialnye granitsy. Sotsialnaia organizatsiia kulturnykh razlichii* [Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference]. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2006. P. 9–48.

Chibisov 2018 — B. I. Chibisov. Etnicheskaia kartina novgorodskoy zemli v XV veke (neslavianskie etnicheskie gruppy). Diss. … kand. ist. nauk [Ethnic picture of the Novgorod land in the XV century (non-Slavic ethnic groups). Hist. cand. diss.]. Moscow: Institute of Russian History of RAS Press, 2018.

Dmitriev 2007 — A. V. Dmitriev. Vodskaya toponimika v istoriko-kulturnom aspekte [Votian toponyms in historical and cultural aspect]. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal*. 2007. No. 4. P. 110–118.

Dmitriev 2016 — A. V. Dmitriev. Izhora, Inkeri, Ingermanland. Eshche raz ob istoriko-toponimicheskikh svyaziakh [Izhora, Inkeri, Ingermanland. Once again about historical toponymic relations]. *Linguistica uralica.* 2016. Vol. 52. No. 3. P. 168–178.

Grünthal 1997 — R. Grünthal. Livvistä liiviin. Itämerensuomalaiset etnonyymit. [From Livviks to Livonians. Baltic-Finnic ethninyms] Helsinki: Hakapaina Oy, 1997.

Jenkins 2008 — R. Jenkins. Rethinking Ethnicity. London: SAGE Publications, 2008.

Kabinina 2003a — N. V. Kabinina. Izhora: k probleme etimologizatsii [Izhora: the problem of etymologization]. T. G. Ivanova (ed.) *Riabininskie chteniya — 2003. Muzei-zapovednik "Kizhi"* [Ryabinin Readings — 2003. Museum-Reserve "Kizhi"]. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center RAS, 2003. URL: http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/76.html (дата обращения 27.11.2020).

Kabinina 2003b — N. V. Kabinina. Ob etimologicheskikh istokakh russkogo dialektnogo izhora [On the etymological origins of Russian dialect Izhora]. E. L. Berezovich (ed.) *Etimologicheskie issledovaniya: sbornik nauchnich trudov* [Etymological research: collection of scientific papers]. Iss. 8. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2003. P. 47–52.

Kafengauz 1952 — B. B. Kafengauz. O pskovskikh krestyanakh XV–XVI vv. [About the Pskov peasants of the XV–XVI centuries]. V. P. Volgin (ed.). *Akademiku Borisu Dmitrievichu Grekovu ko dnyu semidesiatiletiya* [Academician Boris Dmitrievich Grekov on his seventieth birthday]. Moscow: Academy of Sciences of USSR Publishing House, 1952. P. 132–139.

Kafengauz 1969 — B. B. Kafengauz. Drevniy Pskov. Ocherki po istorii feodalnoy respubliki [Ancient Pskov. Essays on the history of the feudal republic]. Moscow: Nauka, 1969.

Keppen 1953 — P. Keppen. Seleniya, obitaemye izhorami v S.-Peterburgskoy gubernii [Settlements inhabited by Izhoras in the St. Petersburg province]. *Uchenye zapiski*

Imperatorskoy Akademii Nauk po I i III otdeleniyam [Scientific notes of the Imperial Academy of Sciences on I and III departments]. Vol. II. Iss. 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Printing House, 1853. P. 412–422.

Kir'ianen 2010 — A. I. Kir'ianen. Ingermanlandskie finny i finskiy yazyk v Peterburge i Leningradskoy oblasti — sovremennoe polozhenie [The Ingermanland Finns and Finnish in St. Petersburg and the Leningrad Region are a current situation]. E. I. Klement'ev (ed.) *Materialy mezhregionalnoy nauchnoy konferentsii «Rossiyskie finny: vchera, segodnya, zavtra»* [Materials of the interregional scientific conference "Russian Finns: yesterday, today, tomorrow"]. Petrozavodsk: Publishing House of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2010. P. 14–24.

Kirsanov 2004 — N. O. Kirsanov. Nazvaniya ingermanlandskikh dereven, soderzhashchikh sibilianty i affrikaty [Names of Ingermanland villages containing sibilants and affricates]. *Bulletin des Phonetischen Fonds der russischen Sprache*. 2004. No. 9. P. 65–77.

Kirsanov 2007 — N. O. Kirsanov. Predshestvenniki "ы" v russkoy toponimii Ingermanlandii [Predecessors "ы" in Russian toponyms of Ingermanland]. *Linguistica uralica*. 2007. Vol. 43. No. 3. P. 211–217.Koeppen 1849 — P. von Koeppen. Ethnographische Karte des St.-Petersburgischen Gouvernements [Ethnographic Map of the St. Petersburg Governjrate.] St. Petersburg: s. n., 1849.

Köppen 1867 — P. von Köppen. Erklarender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements [Explanatory text to the ethnographic map of St. Petersburg governorate]. St. Petersburg: Commissionare der Kaiserlichen Akademie der Wissenschhaften, 1867.

Kon'kova 2009 — O. I. Kon'kova. Izhora. Ocherki istorii i kultury [Izhora. Issues of History and Culture]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography RAS, 2009.

Kozlova 2013 — R. M. Kozlova. Ocherki po slavianskoy onomastike (russk. Izhora, belorussk. Idolta) [Essays on Slavic onomastics (Russian Izhora, Belarusian Idolta)]. *Odeskiy lingvistichniy visnik*. 2013. Iss. 1. P. 49–61.

Kriukov 2012 — A. V. Kriukov. Somaticheskaya leksika v finskoy geograficheskoy terminologii i toponimii Ingermanlandii [Somatic vocabulary in Finnish geographical terminology and toponyms of Ingermanlandia]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy.* 2012. Vol. VIII. Pt. 1. P. 289–329.

Kriukov 2014 — A. V. Kriukov. Chto stoit za etnonimom «izhory»? [What is behind the ethnonym "Izhora"?]. N. G. Zaitseva, I. I. Mullonen (eds.). *V Vserossiyskaya konferentsiya finno-ugrovedov «Finno-ugorskie yazyki i kultury v sotsiokulturnom landshafte Rossii». Materialy. Petrozavodsk, 25–28 iiunia 2014 g*. [V All-Russian Conference of Finno-Ugric Studies "Finno-Ugric languages and cultures in the socio-cultural landscape of Russia" . Materials. Petrozavodsk, June 25–28, 2014] Petrozavodsk: n. p., 2014. P. 36–39.

Kulesov 2001 — V. S. Kuleshov. O gidronimakh Ingor i Sharia v Srednem Povolkhove [About hydronyms Ingor and Sharya in Middle Volkhovye]. D. A. Machinskiy (ed.). *Ladoga i Severnaya Evraziya ot Baikala do La-Mansha. Svyazuyushchie puti i organizuyushchie tsentry. Shestye chteniiya pamyati Anny Machinskoy. Staraya Ladoga,*

21–23 dekabrya 2001 g. Sbornik statei [Ladoga and Northern Eurasia on Baikal to the English Channel. Linking paths and organizing centers. Sixth readings in memory of Anna Machinskaya. Staraya Ladoga, December 21–23, 2001 Collection of articles]. St. Petersburg: Staraya Ladoga Museum-Reserve, 2002. P. 98–101.

Matveev 1999 — A. K. Matveev. Drevnee naselenie severa Evropeiskoy Rossii. Opyt lingvoetnicheskoy karty I. [The ancient population of the north of European Russia. Experience of the lingvo-ethnic map I.]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta.* 1999. No. 13. P. 80–88.

Matveev 2001 — A. K. Matveev. Substratnaya toponimiya Russkogo Severa. Chast I [Substrate toponyms of the Russian North. Pt. I]. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2001.

Matveev 2015 — A. K. Matveev. Substratnaya toponimiya Russkogo Severa. Chast IV. Toponimiya merianskogo tipa [Substrate toponyms of the Russian North. Pt. IV. Toponymy of the Merya type]. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2015.

Mullonen 1988 — I. I. Mullonen. Gidronimiya basseina reki Oyati [Hydronims of the Oyati River Basin]. Petrozavodsk: Kareliya, 1988.

Mullonen 1994 — I. I. Mullonen. Ocherki vepsskoy toponimii [Essays on Vepsian toponyms]. St. Petersburg: Nauka, 1994.

Mullonen 2007 — I. I. Mullonen. Toponimiya Prisvirya: Problemy etnoyazykovogo kontaktirovaniya [Toponyms of Svir Region: Problems of ethno-linguistic contacting]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Press, 2002.

Mullonen et all. 1997 — I. I. Mullonen, I. V. Azarova, A. S. Gerd. Slovar gidronimov Yugo-Vostochnogo Priladozhya (bassein r. Svir) [Dictionary of hydronyms of the South-Eastern Ladoga area (Svir river basin).] St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 1997.

Nevolin 1853 — K. A. Nevolin. O pyatinakh i pogostakh Novgorodskikh v XVI veke [On the pyatins and pogosts of the Novgorod in the XVI century.] St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Printing House, 1853.

Nikonov 1970 — V. A. Nikonov. Etnonimiya [Ethnonyms]. Etnonimy [Ethnonyms]. Moscow: Nauka, 1970.

Nikolaev, Gerd 2015 — I. S. Nikolaev, A. S. Gerd. Slovar toponimii i mikrotoponimii Ingermanlandii [Dictionary of toponyms and microtoponyms of Ingermanlandia].A. S. Gerd (ed.). *Severnorusskie govory*. [North Russian dialects] Iss. 14. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2015. P. 112–119.

Novozhilov 2004 — A. G. Novozhilov. Etnicheskaya situatsiya na severo-zapade Novgorodskoy zemli XV–XVI vv. [Ethnic situation in the north-west of Novgorod land XV–XVI centuries]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2 Istoriya*. 2004. Iss. 1–2. P. 79–92.

Popov 1965 — A. I. Popov. Geograficheskie nazvaniya (vvedenie v toponimiku) [Place names (introduction to toponymics)]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965.

Popov 1981 — A. I. Popov. Sledy vremen minuvshikh. Iz istorii geograficheskikh nazvaniy Leningradskoy, Pskovskoy i Novgorodskoy oblastey [Traces of past times. From the history of geographical names of the Leningrad, Pskov and Novgorod regions]. Leningrad: Nauka, 1981.

Orlov 1907 — A. S. Orlov. Proiskhozhdenie nazvaniy russkikh i nekotorykh zapadno-evropeyskikh rek, gorodov, plemen i mestnostey [The origin of the names of Russian and some Western European rivers, cities, tribes and localities.] Velsk: Printing House M. P. Kisnemsky, 1907.

Riabinin 1997 — E. A. Riabinin. Finno-ugorskie plemena v sostave Drevney Rusi, [Finno-Ugric tribes in the composition of ancient Russia]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 1997.

Shlygina 2003 — N. V. Shlygina. Religioznaya situatsiya v Ingermanlandii v kontse XVII v. (po materialam dnevnika Iu. Gezelliusa) [Religious situation in Ingermanlandiya at the end of the XVII century (based on diary of Y. Gezellius)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2003. No. 5. P. 100–109.

Slezkine 1994 — Y. Slezkine. Naturalists Versus Nations: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity. *Representations.* 1994. No. 47, Special Issue: National Cultures before Nationalism. P. 170–195.

Troitskii 1970 — S. M. Troitskii. O nekotorykh istochnikakh po istorii zemlevladeniya v Ingermanlandii v pervoy polovine XVIII v. [On some sources on the history of land tenure in Ingermanlandiya in the first half of the 18th century]. M. I. Kozins (ed.). Istochnikovedcheskie problemy istorii narodov Pribaltiki [Source Study Problems of the History of the Baltic Peoples]. Riga: Zinatne, 1970.

Trusman 1897 — Iu. Iu. Trusman. Etimologiya mestnykh nazvaniy Vitebskoy gubernii. [Etymology of local names of the Vitebsk governorate]. Revel: G. Matizen's Printing House, 1897.

Vasmer 1986 — M. Vasmer. Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. II. Moscow: Progress, 1986.

Verkhovtsev 2017 — D. V. Verkhovtsev. Uchastie pravoslavnoy tserkvi v formirovanii etnicheskikh kategoriy na Severo-Zapade Rossii v XVIII v. [Participation of the Orthodox Church in the creation of ethnic categories in the North-West of Russia in the XVIII century]. V. M. Grusman, E. E. Gerasimenko (eds.). *Etnokulturnye protsessy v mnogonatsionalnom gosudarstve (k 100-letiyu Revoliutsii 1917 goda v Rossii): Materialy Shestnadtsatykh Mezhdunarodnykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chteniy, 2017* [Ethnocultural processes in a multinational state (to the 100th anniversary of the 1917 Revolution in Russia): Materials of the Sixteenth International St. Petersburg Ethnographic Readings, 2017]. St. Petersburg**:** Publishing and Printing Center of St. Petersburg University of Industrial Technologies and Design**,** 2017. P. 86–89.

Vorob'ev 2005 — V. M. Vorob'ev. Tverskoy toponimicheskiy slovar. [Tver toponymic dictionary.] Moscow: Russkiy put, 2005.

Sources

Elektronnaya baza 2008 — Elektronnaya baza dannykh "Toponimiya Kostromskoy oblasti" [Online database "Toponyms of the Kostroma region"]. 2008. (https://lexrus.ru/default.aspx?s=0&p=2844&0p3=80 (accessed on: 27.11.2020)

Google Maps 2019 — Google Maps. 2019. Available at: https://goo.gl/maps/qBiVrsURQZ82 (accessed on: 27.11.2020).

GVNP 1949 — Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Letters of Novgorod and Pskov.]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR Publishing House, 1949.

Karta 1727 — Karta Ingermanlandii Kirillova [Kirillov Map of Ingermanland]. 1727.

Karta 1770 — Karta Sankt-Peterburgskoy gubernii soderzhashchey Ingermanlandiyu, chast Novgorodskoy i Vyborgskoy gubernii [Map of St. Petersburg Province containing Ingermanland, a part of Novgorod and Vyborg Province], S. l.: S. n., 1770.

Karta 1810 — Chast semitopograficheskoy karty vklyuchayushchaya okruzhnost St-Peterburga [Part of the topographic map including the circumference of St. Petersburg]. S. l.: S. n., 1810.

Karta 1827 — Karta byvshikh guberniy Ivan-goroda, Iama, Kaporya, Neteborga, sostavlennaya po masshtabu 1:210000 1827 goda pod prismotrom General-Mayora Shuberta Generalnogo Shtaba Shtabs-Kapitanom Bergengeymom 1m iz materialov, naydennykh v Shvedskikh Arkhivakh pokazyvayushchaya razdelenie i sostoyanie onago kraya v 1676 godu. [The map of the former provinces of Ivan-city, Yama, Kaporye, Neteborg compiled on a scale of 1: 210000 in 1827. under the supervision of General-Major Schubert of the General Staff of the Headquarters-Captain Bergenheim 1m from materials found in the Swedish Archives showing the division and state of the region in 1676.

Karta 1831 — Topograficheskaya karta okrestnostey Sankt-Peterburga, snyata pod rukovodstvom general-leitenanta Shuberta i gravirovana pri voennotopograficheskom depo [Topographic map of the vicinity of St. Petersburg, was taken under the direction of Lieutenant General Schubert and engraved at the military graphic depot]. S. l.: S. n., 1831.

Karta 1860 — Topograficheskaya karta chastey Sankt-Peterburgskoy i Vyborgskoy gubernii [Topographic map of parts of St. Petersburg and Vyborg provinces]. S. l.: S. n., 1860.

Karta 1875 — Specialnaya karta Evropeyskoy Rossii [Special map of the European part of Russia]. St. Petersburg: Publication of the military topographic department of the General Staff, 1851. S. l.: S. n., 1875. P. 40.

Karta 1915 — Specialnaya karta Evropeyskoy Rossii [Special map of European Russia]. Petrograd: Lithograph of the cartographic institution of the Military Topographic Department of Petrograd, 1915.

Karta 1917 — Voenno-topograficheskaya karta Rossiyskoy imperii 1846—1863. Ryad X. List 6. [Military Topographic Map of the Russian Empire 1846–1863. Row X. Sheet 6]. S. l.: S. n., 1917.

Karta 1933 — Upravlenie voennyh topografov. Masshtab 1:25000 [Office of military topographers. Scale 1: 25000], O-35-11-G-g, S. l.: S. n., 1933.

Karta 1941 —Upravlenie voennyh topografov [Office of military topographers], S. l.: S. n., 1941.

Karta 1985 — Topograficheskaya karta Generalnogo shtaba/ Kvadrat O-35. [Topographic map of the General Staff / Square O-35.]. S. l.: S. n., 1985.

Materialy 1941 — Materialy po istorii Karelii XII–XVI vv. [Materials on the history of Kareliya XII–XVI cc.]. Petrozavodsk: State Publishing House of the Karelo-Finnish SSR, 1941.

Perepisnaya okladnaya kniga 1851 — Perepisnaya okladnaya kniga po Novugorodu Votskoy pyatiny 7008 goda. (Vtoraya polovina) [Census loan book for Novogorod Votskaya pyatina. 7008 years (second half)]. Vremennik Imperatorskogo moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh. Kniga odinnadtsataya. Moscow: University Printing House, 1851.

Plan 1790 — Plan generalnogo mezhevaniya Petergofskogo uezda Peterburgskoy gebernii [Plan of the General Survey of the Peterhof County of St. Petersburg governorate]. S. l.: S. n.,1790.

Plan 1780 — Plan generalnogo mezhevaniya Porechskogo uezda Smolenskoy gubernii. Ch. 4, l. 4. [Plan of the General Survey of the Porechsky County of Smolensk governorate, Parts 4. S. 4.] 1780–1790.

Plan 1910 — Skhematicheskiy plan raspolozheniya putey Sankt-Peterburgskogo uzla [Schematic plan of the location of the paths of the St. Petersburg hub]. S. l.: S. n., 1910.

PSRL 1927 — Polnoe sobranie russkikh letopisey. Tom 1. Vyp. 2. Lavrentevskaya letopis [The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 1. Iss. 2. Laurentian Chronicle]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1927.

PSRL 2000 — Polnoe sobranie russkikh letopisey. Tom 3. Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshego izvodov. [The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 3. Novgorod first chronicle of the senior and junior redaction] Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000.

Shubert 1832 — F. F. Shubert. Spetsyalnaya karta Zapadnoy chasti Rossiyskoy Imperii [Special map of the Western part of the Russian Empire]. S. l.: S. n., 1832.

Spiski 1864 — Spiski naselennykh mest Rossiyskoy Imperii, sostavlennye i izdavaemye tsentralnym statisticheskim komitetom ministerstva vnutrennikh del. XXXVII Sankt-Peterburgskaya guberniya. Po sostoyaniyu na 1862 god. [Lists of populated areas of the Russian Empire compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of the Interior. XXXVII St. Petersburg Province. As of 1862.] St. Petersburg: Ministry of the Interior Central Statistical Committee Publishing House, 1864.

Spisok 1876 — Vyatskaya guberniya. Spisok naselennykh mest po svedeniyam 1859–1873 godov [Vyatka Province. List of populated places according to the data of 1859–1873]. St. Petersburg: Ministry of the Interior Central Statistical Committee Publishing House, 1876.

Spisok 1906 — Spisok naselennykh mest Vitebskoy gubernii [List of populated places of the Vitebsk province.]. Vitebsk: Provincial Tipo-lithography, 1906.

Tabula 1734 — Ingermanlandiae feu Ingriae. Novissima Tabula luci Tradita [Ingermanlandia, otherwise Ingria, the newest map, clearly presented] Per Homannianos Heredes Norib. A. MDCCXXXIV. Cum privil. S. Caes (comp.). S. l.: S. n., 1734.

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 366–396
DOI 10.30842/alp2306573716213

Изменения в предложно-падежном управлении при финско-русском двуязычии: корпусный анализ

Е. А. Власова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва; Хельсинкский университет (Финляндия); je.vlasova@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится корпусный анализ предложно-падежных нарушений в речи эритажных носителей финско-русского двуязычия, то есть принадлежащих второму поколению русских эмигрантов, проживающих в Финляндии. Показано, что при интенсивном языковом контакте двух флективных языков с развитыми системами падежного маркирования полной утраты управления в предложных группах и развития аналитизма почти не происходит, а недоосвоение морфосинтаксиса проявляется в широкой вариантивности корректных и аномальных форм косвенных падежей, обусловленных влиянием доминантного языка.

Ключевые слова: предложно-падежные группы, русский учебный корпус, эритажный русский, двуязычие, билингвизм, финский язык.

Morphosyntactic tendencies of Russian bilinguals in Finland: Corpus-based analysis of errors in prepositional phrases

Ye. A. Vlasova
National Research University Higher School of Economics; University of Helsinki (Finland); je.vlasova@yandex.ru

Abstract. This paper presents a corpus-based analysis of morphosyntactic errors made by Finnish Russian heritage speakers belonging to the second generation of Russian emigrants in Finland. This study focuses on the Russian prepositional phrase government, which is reportedly an unstable syntactic phenomenon in Russian varieties across the world. The research literature reports two regular contact-induced tendencies concerning violation of Russian grammatical rules after prepositions: a) a loss of case government and an overuse of the Nominative, which is a common non-standard

phenomenon among foreign language learners of Russian b) a mixture of oblique case forms, which is typical for Russian dialects and spoken language. This study identifies the regular changes, detected in a group of Russian heritage speakers in Finland, and explores to what extent the non-standard government originates from the structural properties of the dominant Finnish language. The data covers written production of university students, which are high-proficient Russian-Finnish bilinguals. The corpus-based approach combines basic statistical metrics and linguistic analysis of non-standard prepositional phrases. The results indicate strong tendency to overuse the Genitive instead of the Prepositional and the Instrumental, meanwhile the Nominative, manifesting the loss of government, occurs rarely in the prepositional phrase. The study reveals that the speech of bilingual speakers of two inflecting languages with ramified systems of case marking practically does not develop analyticity and attrition of case government in prepositional phrases. The incomplete acquisition of government manifests itself as a mixture of correct and incorrect forms of oblique cases induced by the prepositional pattern of the dominant language.

Keywords: prepositional phrases, Russian Learner Corpus, heritage Russian, bilingualism, Finnish language.

1. Вступительные замечания

В современной лингвистике активно исследуется речь русских эмигрантов второго поколения, оказавшихся в специфической языковой ситуации — в иноязычном окружении, в условиях раннего двуязычия и ограниченной коммуникации на русском языке, в отрыве от системы образования и культурного контекста. Особенности формирования языковой компетенции билингвов в иноязычной среде описаны в сборниках и монографиях [Цейтлин 2011; Юрков и др. 2012; Polinsky 2018]. Следствием перечисленных социолингвистических условий становится недоосвоение русского языка и устойчивое влияние на его систему доминантного языка окружения — указанные факторы приводят к появлению в речи билингвов специфических языковых инноваций. В лингвистике уже сложилась традиция рассматривать речь второго поколения эмигрантов как отдельный вариант — эритажный, или унаследованный язык [Рахилина 2014; Выренкова и др. 2014], который отличается рядом устойчивых черт от других региональных разновидностей русского языка, см. [Гловинская 2004; Вахтин и др. 2010].

Одним из нестабильных грамматических сегментов в речи эритажных носителей оказывается русское падежное управление [Мустайоки 1992; Протасова 2014; Никунласси, Протасова 2014]. По наблюдениям преподавателей, морфосинтаксические нарушения сохраняются даже после интенсивного обучения [Протасова 2012: 302, 305]. Известно, что в условиях языкового контакта падежное управление в предложных группах и вовсе утрачивается, а при предлоге используется форма именительного падежа, ср. примеры из монографии о таджикско-русском билингвизме: *принял решение о субботник* [Хашимов 2018: 238, 252–253]. Указанное явление задокументировано в большом количестве работ, описывающих контакт русского языка с языками аналитического строя, см. обзоры литературы [Polinsky 2018: 177–180; Rubinstein 1995: 409–410]. Настоящая статья содержит новые данные о нарушениях, возникающих в предложно-падежных сочетаниях при финско-русском двуязычии. Поставлена задача провести корпусное исследование и раскрыть особенности и механизмы изменения предложно-падежного управления у финско-русских студентов-билингвов в условиях контакта двух языков, в каждом из которых развита система падежного маркирования.

2. Корпусный метод исследования

В качестве инструмента исследования использован Русский учебный корпус RLC (Russian Learner Corpus), разработанный в Школе лингвистики под руководством Е. В. Рахилиной и А. С. Выренковой [Rakhilina et al. 2016]. Материал для анализа собран и подготовлен сотрудниками Хельсинкского университета Е. Ю. Протасовой и А. Никунласси: финско-русский эритажный корпус общим объемом 110 577 словоформ содержит 322 сочинения. Тексты для исследования собирались анонимно на протяжении нескольких лет в рамках университетских курсов в группах для студентов-билингвов с «домашним» русским, владеющих языком на высоком уровне. Количество сочинений на одну и ту же тему свидетельствует о том, что материал поступил от 23 информантов: в корпусе зарегистрировано 14 разных авторов в 2015–2016 гг. и 9 разных авторов в 2016–2017 гг. Сочинения представляют собой письменные неакадемические тесты, включающие рецензии на документальные и художественные фильмы (27 работ),

14 рассказов — описаний картинок по изданию [Протасова, Салатов 2015], а также несколько эссе о путешествиях, учебе, работе и отдыхе, спорте, временах года, жизни в городе, чтении и книгах, друзьях, одежде и моде, праздниках, семье, животных, различиях между финнами и русскими. Коллекция текстов также содержит несколько сочинений об истории, политике, обществе, мультикультурализме, растительном и животном мире.

Процедура анализа включала ручную разметку ошибок, проводившуюся автором статьи и аспиранткой Хельсинкского университета Марией Хокканен, проект поддержан фондом Kone Foundation (Финляндия). Анонимное авторство работ значительно ограничивает возможности исследования, так как не позволяет отличать индивидуально-авторские инновации от общегрупповых тенденций. Русский учебный корпус, однако, решает задачи, которые ранее не ставились при описании нестандартных вариантов русского языка: появляется возможность не только документировать наблюдаемые нарушения, но и определить среди них регулярные и редкие явления, а также оценить направление и интенсивность языковых изменений на основании количественных данных. Далее при цитировании примеров сохраняется орфография и пунктуация авторов сочинений, в скобках указывается номер текста в корпусе.

3. Особенности нарушений и процедура разметки

Процедура выявления и классификации нарушений состояла из двух этапов. Сначала проведена сплошная вычитка и первичная разметка аномальных форм. На данном этапе выявлено несколько важных особенностей нарушений предложно-падежного управления.

Во-первых, в корпусе есть тексты, не содержащие ошибок в управлении, в том числе в предложно-падежных группах, то есть недоосвоение морфосинтаксиса свойственно не всем исследуемым носителям финско-русского двуязычия, ср. пример, не содержащий грамматических ошибок:

(1) Это, наверное, самое лучшее в моей квартире, потому что у меня очень много одежды и обуви, и раньше, когда я жила с родителями, вся моя одежда весела на стенах в моей комнате (4139).

Во-вторых, у тех носителей, у которых наблюдаются нарушения в предложно-падежных сочетаниях, аномалии возникают непоследовательно, ср.:

(2) Всё-таки, тема документального фильма знакомая и это помогает следить за событиями. Во второй части было очень интересно рассказано о отношения *между Екатерины Великой и Петра…* Смерть Павела I-ого потрясло, кажется, потому что про Павела я мало знала. Несомненно, всё о Наполеоне было очень интересно. Это был самый сложный документальный фильм. В нём было интересно рассказано *о Хаджи Мурата.* Я узнала много нового о Транссибе. Очень интересная часть, много культуры и исскуства. Информация *о писателей,* например *о Бунина* очень интересная, но мне больше всех понравился Распутин (4174).

Пример (2) интересен тем, что морфосинтаксические нарушения встречаются регулярно, при этом в пределах одного текста при одном и том же предлоге наблюдаются как правильные формы (*о Наполеоне*, *о Транссибе*), так и аномальные (**о писателей*, **о Бунина*, **о Хаджи Мурата* и др.). Правильные и некорректные словоформы часто появляются даже внутри одной предложно-падежной группы, ср.:

(3) и люди толпятся *на платформах и остоновок* (4324)

Проанализированные примеры свидетельствуют о том, что у исследуемых эритажных носителей базовый механизм падежного формообразования и управления сформирован, однако нестабилен в письменной речи, предполагающей возможность самокоррекции. Наблюдаемое варьирование аномальных и корректных форм в идиолекте одного носителя — известное явление, зарегистрированное и в других нестандартных вариантах русского языка, например, в детской речи [Цейтлин, Абабкова 2011: 180−183] и диалектах [Пожарицкая 2005: 11].

Исследовательский вопрос состоит в том, чтобы выяснить, носят ли нарушения случайный характер или же подчиняются системным языковым тенденциям. Для этого проведена вторичная разметка текстов, состоявшая из двух процедур: 1) из корпуса выгружены все предложно-падежные сочетания при помощи функций «Поиск по частям речи», «Предлог»; 2) произведена классификация нарушений в предложно-падежных сочетаниях и вторичная разметка с целью устранить «шумы»: контексты, не поддающиеся однозначной интерпретации, объединены в три группы.

В первую группу вошли слова, у которых фонетически слабо различаются флексии. Для эритажных носителей, как правило, характерно не только неполное освоение литературной орфографической нормы, но и отражение на письме фонетических особенностей доминантного языка. В исследуемых работах финско-русских студентов наблюдается регулярная путаница окончаний *-ии* и *-ий* у слов с j-основами, например:

(4) не имеют представление какого это было жить в мире *без развлечении* в виде разной *технологий* (4132)

(5) в статье описываются наглые финны, жёны которых знают *об их увлечений* (4236)

Фонетическое и графическое неразличение *-ии* и *ий* затемняет грамматическую интерпретацию словоформы и препятствует однозначной лингвистической классификации нарушений. Например, слово *увлечений* может быть размечено либо как аномальная с точки зрения управления форма мн. ч. родительного падежа на месте предложного (**об их увлечений*), либо как синтаксически корректная форма ед. ч. (*об их увлечении*), содержащая орфографическую ошибку *-ий* вместо *ии*. Примеры с безударными окончаниями и j-основами отмечены тегом {Infl, Ortho} как орфографическая ошибка в окончании и не учитывались при подсчетах.

Вторая группа неинформативных контекстов связана с нарушениями в синтезе словоформы — это случаи, когда студент использовал существующее падежное окончание, не соответствующее типу основы:

(6) В XVII веке актёров считали людьми, которые живут *без правилов* (4287).

В примере (6) нарушено формообразование родительного падежа мн. ч.: окончание *-ов* для твердых основ мужского рода (*кот — котов*), присоединяется к основе среднего рода вместо нулевого окончания. Важно, что в данном примере нет нарушения правила синтаксического управления: окончание *-ов* маркирует родительный падеж, соответствующий управлению предлога *без*. Данный тип аномалий отмечен тегами {Infl, Morph} как некорректное формообразование — указанные контексты исключены из рассмотрения, кроме одного случая, в котором аномальное формообразование привело к нарушению падежного управления.

Третья группа неинформативных примеров — это слова с омофоничными окончаниями, которые противопоставлены орфографически,

но не различимы в произношении. Например, у эритажного носителя, слабо владеющего орфографической нормой и ориентированного в первую очередь на произношение, написание **между Ладоги* (4176) может быть интерпретировано как РОД-ДАТ-ПРЕДЛ, поскольку в устной речи формы РОД *у Ладоги*, ДАТ *к Ладоге* и ПРЕДЛ *о Ладоге* звучат одинаково: *у / к / о Ладог[и]*. Словоформы с омофонией падежных окончаний также не учитывались в количественном анализе.

Таким образом, в результате вторичной разметки значительно сужен состав выборки. Объектом исследования стали предложно-падежные сочетания, удовлетворяющие двум условиям: а) падежная словоформа поддается однозначной грамматической интерпретации и исключает омофонию с формой другого падежа; б) падежная словоформа не соответствует управлению предлога. Соответствующие контексты отмечены тегами {Gov, AgrCase}.

На этапе вторичной разметки проанализировано 6450 предложно-падежных групп, всего выявлено 129 надежных примеров аномального управления, то есть около 2 %. Доля показательных примеров недоосвоения падежного управления в общей выборке незначительна, однако важно учитывать, что информанты владеют русским языком на высоком уровне и проходят обучение в университете.

4. Процедура лингвистического анализа

Лингвистический анализ основан на традиционной классификации, выделяющей шесть падежей [Кустова 2011]: именительный (ИМЕН), винительный (ВИН), родительный (РОД), дательный (ДАТ), творительный (ТВОР) и предложный (ПРЕДЛ). При исследовании падежного управления необходимо принять во внимание синкретизм русского словоизменения: в зависимости от типа основы, количество формально противопоставленных словоформ варьируется от 3 до 5 [Якобсон 1958/1985; Зализняк 2002: 31]. Методологическая проблема состоит в том, что у разных основ синкретизм возникает в разных падежах. У слов мужского и среднего рода 2-го склонения, а также во мн. ч. нет специфической формы ВИН падежа: у одушевленных существительных ВИН=РОД, у неодушевленных ВИН=ИМЕН. У основ женского и мужского рода 1-го склонения есть самостоятельная форма ВИН падежа (*семья,* ВИН *семью*), однако наблюдается синкретизм

ДАТ = ПРЕДЛ (*к семье, о семье*). У слов 3-го склонения (*жизнь*) и разносклоняемых существительных (*время*) синкретизм возникает в трех падежах РОД=ДАТ=ПРЕДЛ: *для жизни — к жизни — о жизни*, *для времени — ко времени — о времени*. Синкретизм влияет на грамматическую интерпретацию словоформ в аномальных предложно-падежных группах. Например, в сочетании **для этой женщине* (4277) использована форма ДАТ-ПРЕДЛ на месте РОД. Контекст **с их частной жизни* (4324) содержит некорректную форму РОД-ДАТ-ПРЕДЛ на месте ТВОР. Выборка, состоящая из слов разных типов склонения, привела бы к искажению результатов квантитативного анализа, так как подсчеты отразили бы не столько число аномальных словоформ, сколько количество словоизменительных типов. Дальнейший анализ основан на принципе, согласно которому в выборку включены слова с одинаковым устройством падежного синкретизма.

Предварительный анализ системы русского словоизменения, основанный на Грамматическом словаре [Зализняк 1980: 26–27], показывает, что при исследовании предложно-падежных сочетаний однозначной интерпретации поддаются слова мн. ч., так как все флексии косвенных падежей различаются графически и фонетически за счет наличия согласных в окончании косвенных падежей (*-ей*, *-ам*, *-ами*, *-ах*). Различия словоформ внутри словоизменительной парадигмы мн. ч. проиллюстрированы в *Таблицах 1* и *2*, содержащих базовые графические типы основ [Зализняк 1980: 26].

Таблица 1. Субстантивная падежная парадигма
во мн. ч., одушевленные существительные

Table 1. Nominal case declension in plural, animate nouns

	ИМЕН	**РОД=ВИН**	**ДАТ**	**ТВОР**	**ПРЕДЛ**
мама	мам-ы	мам-□	мам-ам	мам-ами	мам-ах
тётя	тёт-и	тёть-□	тёт-ям	тёт-ями	тёт-ях
мать	матер-и	матер-ей	матер-ям	матер-ями	матер-ях
кот	кот-ы	кот-ов	кот-ам	кот-ами	кот-ах
гость	гост-и	гост-ей	гост-ям	гост-ями	гост-ях
герой	геро-и	геро-ев	геро-ям	геро-ями	геро-ях
лицо	лиц-а	лиц-□	лиц-ам	лиц-ами	лиц-ах
дитя	дет-и	дет-ей	дет-ям	дет-ями	дет-ях

Таблица 2. Субстантивная падежная парадигма во мн.ч., неодушевленные существительные

Table 2. Nominal case declension in plural, inanimate nouns

	ИМЕН=ВИН	**РОД**	**ДАТ**	**ТВОР**	**ПРЕДЛ**
газета	газет-ы	газет-□	газет-ам	газет-ами	газет-ах
земля	земл-и	земель-□	земл-ям	земл-ями	земл-ях
жизнь	жизн-и	жизн-ей	жизн-ям	жизн-ями	жизн-ях
стол	стол-ы	стол-ов	стол-ам	стол-ами	стол-ах
рояль	роял-и	роял-ей	роял-ям	роял-ями	роял-ях
музей	музе-и	музе-ев	музе-ям	музе-ями	музе-ях
окно	окн-а	окон-□	окн-ам	окн-ами	окн-ах
поле	пол-я	пол-ей	пол-ям	пол-ями	пол-ях
j-основы					
сценарий	сценари-и	сценари-ев	сценари-ям	сценари-ями	сценари-ях
лекция	лекци-и	лекций-□	лекци-ям	лекци-ями	лекци-ях
растение	растени-я	растений-□	растени-ям	растени-ями	растени-ях

В исследуемом материале наблюдается проблема графического различения j-основ на *-ий*, *-ия*, *-ие*, ср. примеры в *Таблице 2*. Правила орфографии ориентированы на противопоставление всех словоформ в парадигме мн. ч., между тем у j-основ фонетически слабо различаются формы ИМЕН, а также ВИН и РОД падежей в женском и среднем роде, ср. *лекции* и *лекций*, *растения* и *растений*. Указанное явление приводит к путанице на письме окончаний *-ии* и *-ий* (см. примеры выше), поэтому j-основы не учитывались в квантитативном анализе.

Класс слов с таким же устройством синкретизма, как в парадигме мн. ч., есть и среди имен в ед. ч. В него входят существительные мужского рода с твердой основой независимо от ударения, существительные мужского и среднего рода с ударным окончанием, а также субстантивированные существительные, личные местоимения 3 л. мужского и среднего рода, см. примеры в *Таблице 3* (с. 375).

У основ, перечисленных в *Таблице 3*, оппозиция падежных словоформ построена на единых принципах: нет самостоятельной формы ВИН падежа, ВИН=ИМЕН у неодушевленных существительных и ВИН=РОД у одушевленных имен, нет синкретизма косвенных падежей и не возникает омофонии падежных словоформ в условиях фонетической редукции. У каждого типа основы различается 5 словоформ.

Таблица 3. Парадигма слов мужского и среднего рода

Table 3. The declension of masculine and neuter words

ИМЕН	РОД	ДАТ	ТВОР	ПРЕДЛ
журнал	журнала	журналу	журналом	журнале
человек	человека	человеку	человеком	человеке
день	дня́	дню́	днём	дне́
окно	окна́	окну́	окно́м	окне́
он, оно	его	ему	им	нём
другой, другое	друго́го	друго́му	други́м	друго́м
тот, то	того́	тому́	тем	том

Предварительный анализ русской именной парадигмы показал, что объективную картину развития вариативности в предложно-падежном управлении можно получить при исследовании слов следующих типов:

— мн.ч., кроме существительных с j-основами;
— мужского и среднего рода с ударными флексиями;
— всех слов мужского рода с твердой основой;
— других имен мужского и среднего рода: субстантивированных прилагательных, указательных и личных местоимений 3 л.

Аномальные предложно-падежные сочетания, содержащие имена перечисленных типов, включены в финальную выборку, на основе которой проводился квантитативный анализ.

5. Результаты квантитативного анализа

Исследованная выборка содержала 59 словоформ из 38 текстов — 23 формы ед. ч. и 36 форм мн. ч. Для каждого нарушения определена словоформа, употребленная аномально, и отмечен падеж, соответствующий правилам управления. Образец разметки представлен в *Таблице 4* (с. 376).

Предложенная процедура анализа позволяет собрать количественные данные о развитии вариативности в управлении и определить направление изменений: например, как часто используется РОД вместо ПРЕДЛ и наоборот. Поскольку у слов мужского и среднего рода ед. ч.,

Таблица 4. Образец разметки нарушений

Table 4. The sample of error annotation

номер текста	**пример**	**аномальная форма**	**корректная форма**	**предлог**
4174	В нем было интересно рассказано *о Хаджи Мурата*	РОД	ПРЕДЛ	о

а также в парадигме мн. ч. самостоятельная форма ВИН отсутствует, при разметке аномальных словоформ использовалась словоизменительная классификация, состоящая из 5 падежей: ИМЕН, ДАТ, РОД, ТВОР и ПРЕДЛ. В разделе «корректная форма» использовалась синтаксическая классификация из 6 падежей ИМЕН, РОД, ДАТ, ТВОР, ВИН и ПРЕДЛ в соответствии с репертуаром предложно-падежных сочетаний русского языка [Золотова 1988: 440–441; Сичинава 2018]. Отметка ИМЕН использована в тех случаях, когда при предлоге употреблена начальная форма.

Поскольку размер выборки небольшой (59 контекстов), проведена проверка того, что все зафиксированные нарушения равномерно распределены по текстам, а не сконцентрированы в нескольких работах. *Таблица 5* содержит данные о том, какое количество предложно-падежных аномалий зафиксировано в каждом тексте.

Статистический анализ, проведенный на основе *Таблицы 5*, показал, что среднее количество нарушений в тексте составляет 1,55 со стандартным отклонением 1,09, дисперсия выборки 1,22, дисперсия генеральной совокупности 1,19. На *Рисунке 1* представлена диаграмма размаха, отражающая частотность и распределенность по текстам аномальных предложно-падежных словоформ.

Таблица 5. Распределение предложно-падежных нарушений

Table 5. The distribution of case errors in prepositional phrases

номер текста	**ДАТ**	**РОД**	**ТВОР**	**ИМЕН**	**ПРЕДЛ**	**всего**
4143	0	1	0	0	0	1
4172	0	1	0	0	0	1
4174	0	5	0	0	0	5
4176	0	1	1	0	0	2

номер текста	ДАТ	РОД	ТВОР	ИМЕН	ПРЕДЛ	всего
4233	0	0	0	1	0	1
4236	1	1	0	0	0	2
4246	1	0	0	0	0	1
4250	0	0	0	0	1	1
4253	0	0	1	0	0	1
4255	1	3	0	0	0	4
4256	0	1	0	0	0	1
4258	0	0	0	0	1	1
4261	0	0	1	0	0	1
4266	0	0	0	0	1	1
4267	0	2	0	0	0	2
4270	0	1	0	0	1	2
4271	0	1	0	0	0	1
4272	0	4	0	0	0	4
4275	1	1	0	0	0	2
4277	1	1	0	0	0	2
4278	0	1	0	0	0	1
4284	0	2	0	0	0	2
4287	1	0	0	0	0	1
4294	0	1	0	0	0	1
4320	1	0	0	0	0	1
4322	0	0	0	1	0	1
4324	0	2	1	2	0	5
4331	0	1	0	0	0	1
4340	0	0	0	1	0	1
4353	0	1	0	0	0	1
4371	0	0	0	0	1	1
4385	0	0	1	0	0	1
4428	0	1	0	0	0	1
4438	1	0	0	0	0	1
4451	0	1	0	0	0	1
6012	0	1	0	0	0	1
6035	0	1	0	0	0	1
6038	0	1	0	0	0	1
всего	8	36	5	5	5	59

Данные на *Рисунке 1* указывают на устойчивую экспансию РОД внутри предложно-падежных сочетаний. Аномальные употребления остальных словоформ носят характер случайных выбросов и не формируют статистически значимых различий между собой.

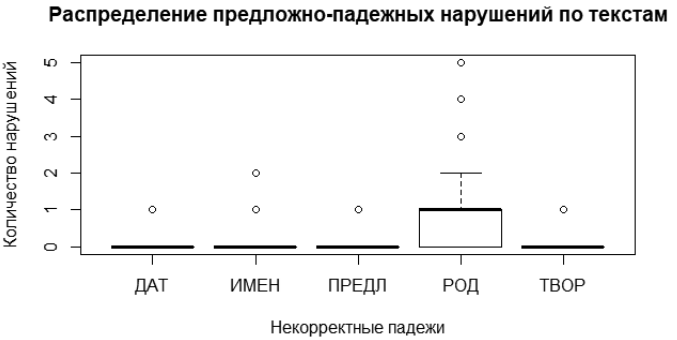

Рисунок 1. Распределение предложно-падежных нарушений по текстам
Figure 1. The distribution of case errors in prepositional phrases

Далее определены направления изменений внутри предложных групп и собраны данные о том, на месте каких падежей чаще всего наблюдается экспансия аномальных падежных словоформ. *Таблица 6* (с. 379) отражает две крупные тенденции: РОД используется вместо ПРЕДЛ и вместо ТВОР, 41 % и 17 % соответственно.

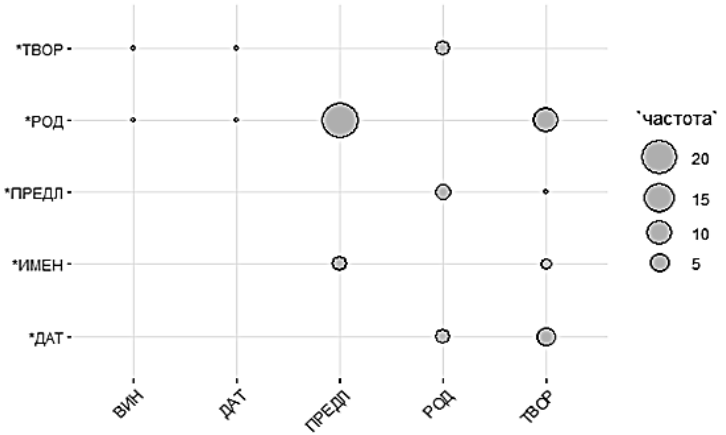

Рисунок 2. Направление изменений в управлении
Figure 2. The direction of change in preposition phrase government

Таблица 6. Направление изменений в управлении

Table 6. The direction of change in prepositional phrase government

аномальная форма	**корректная форма**	**абсолютная частота**	**%**
РОД	ПРЕДЛ	24	41 %
РОД	ТВОР	10	17 %
ДАТ	ТВОР	5	8 %
ПРЕДЛ	РОД	4	7 %
ДАТ	РОД	3	5 %
ТВОР	РОД	3	5 %
ИМЕН	ПРЕДЛ	3	5 %
ИМЕН	ТВОР	2	3 %
РОД	ДАТ	1	2 %
РОД	ВИН	1	2 %
ТВОР	ВИН	1	2 %
ТВОР	ДАТ	1	2 %
ПРЕДЛ	ТВОР	1	2 %
всего		59	100 %

Направление и интенсивность изменений в предложно-падежном управлении можно оценить на *Рисунке 2*, основанном на данных из *Таблицы 6*. Вертикальная ось показывает количество аномальных падежных словоформ со знаком *, на горизонтальной оси отмечены корректные словоформы, соответствующие стандартному управлению. Точка, лежащая на пересечении *РОД и ПРЕДЛ, отражает долю аномальных употреблений РОД вместо ПРЕДЛ. На *Рисунке 2* видно, что интенсивная экспансия форм РОД наблюдается в предложно-падежных группах с ПРЕДЛ и ТВОР, при этом нарушения в обратном направлении, то есть ПРЕДЛ вместо РОД, а также ТВОР вместо РОД появляются в единичных случаях. На *Рисунке 2* выделяется также аномальное употребление ДАТ вместо ТВОР, однако важно отметить, что количество таких примеров в выборке небольшое — всего 5 случаев. Наконец, распространенное при билингвизме употребление номинатива вместо косвенных падежей относится к редким явлениям в исследуемых текстах: ИМЕН отмечен вместо ПРЕДЛ и ТВОР в 1–2 случаях. Все примеры, вошедшие в финальную выборку, подробно проанализированы в следующем разделе.

6. Анализ примеров

6.1. Перестановки РОД и ПРЕДЛ падежей

Употребление РОД вместо ПРЕДЛ и наоборот — одна из распространенных падежных перестановок в вариантах русского языка, независимо от влияния иноязычного окружения. Это явление отмечено как в речи образованных носителей стандартного языка [Гловинская 1996; Гловинская 2012; Русакова 2013], так и в просторечиях и региональных вариантах [Вепрева, Михайлова 2014; Лаптева 1999/2014], а также в диалектах, исторических текстах, в речи первого поколения мигрантов, ср. примеры М. Я. Гловинской [2004: 15]: *закон о выбор-ов, на Сахалине без осадк-ах, о новой Настасье Филипповн-ы*.

Направление указанной тенденции у финско-русских двуязычных студентов — это активная экспансия РОД на контексты с ПРЕДЛ. Аномальные употребления РОД вместо ПРЕДЛ встречаются преимущественно у слов мн.ч. — всего 19 случаев из 24. Важно, что примеры с нарушениями содержат основы с разными типами ударных и безударных окончаний, см. примеры с флексиями *-ов* и *-ей*:

(7) после переезда, первые впечатления *о финнов* были у Т. хорошие (4271)

(8) они жили на северном японском острове Хоккайдо, *Курильских островов* и Сахалине (4451)

(9) так что бы ни одна буква не переходила еи назначиного места ни чуть, и ещё всё *в трёх ручно переписанных экземпляров* (4255)

(10) клиенты видели меня *в разных моих жизненных моментов* (6035)

(11) *на разных форумов* можно свободно практиковать своим общением (4277)

(12) либо речь шёл бы *о разных видов* спорта (4278)

(13) в фильмах, которые я посмотрела, рассказывалось — в каждом из них — *о москвичей*, у которых денег куры не клюют (4272)

(14) но строгое воспитание происходило *в других частей* жизни (4324)

(15) следы этих времён до сих пор видны — например *в тех людей*, которые переехали в XVI-XVII-ых веках (4255)

(16) Информация *о писателей…* очень интересная (4174)

Следующие два контекста требуют отдельного комментария.

(17) но прочитая этот статус стала сразу составлять в голове список *о друзей* которым должна купить подарок (4143)

Пример (17) содержит нарушение двух типов. Во-первых, некорректно используется предложно-падежное сочетание *о друзей* со значением темы при слове *список*. Во-вторых, наблюдается аномальное управление предлога *о* формой РОД, а не ПРЕДЛ.

(18) Но если я бы могла изменить что-нибудь в русском менталитете, то я бы перевела внимание чиновников вместео (sic!) букв *на анкетов* на более важные проблемы (4255)

В случае (18) нарушено формообразование: окончание твердой основы мужского рода *-ов* присоединяется к слову женского рода вместо нулевого окончания. Однако использование словоформы с флексией РОД мн. ч. противоречит не только правилам синтеза, но и правилам управления, требующим словоформу ПРЕДЛ с окончанием *-ах*.

Исследователи предполагают, что путаница РОД и ПРЕДЛ может возникать по фонетическим причинам в результате слабого различения в произношении флексий *-ов* [ъф] и *-ах* [ъх], заканчивающихся на фрикативный звук [Русакова 2013: 125−126]. Между тем в исследуемом материале есть достаточное количество примеров некорректного использования слов с нулевыми флексиями, которые не содержат фонетических предпосылок для путаницы словоформ РОД и ПРЕДЛ:

(19) в которых их как будто старают подталкивать к опыту говорить более открыто *о своих чувств* (4324)

(20) остоновилась я на том, как расказывали *о жен* Петра первого (4267)

(21) тем же самом забыть *о своих проблем* на какое-то время (4428)

Интересно, что эритажные носители злоупотребляют РОД даже в тех случаях, когда словоформа РОД устроена с точки зрения формообразования более сложно, чем форма ПРЕДЛ, ср. контексты, содержащие слова с беглым гласным и нулевым окончанием:

(22) Что можно сказать *о бабушек и дедушек*? (4284)

(23) я как-то сразу начинаю думать о бабочках или *о почтовых марок* (4275)

(24) и люди толпятся *на платформах и остоновок*, словно пингвины (4172)

В исследуемом материале путаница РОД и ПРЕДЛ наблюдается также у слов ед. ч.:

(25) Информация о писателей, *например о Бунина* очень интересная (4174)

(26) В нём было интересно рассказано *о Хаджи Мурата* (4174)

(27) Он рассказывал о молодой, влюбленной паре, *о Жене и Романа*, которые решили переехать в Москву (4270)

(28) *На света* осталось очень мало неизведанных мест куда не вступала нога человека (4331)

Примеры (23), (24) и (27) содержат однородные зависимые, при этом первый компонент сочетания употреблен в корректной форме, а второй — в форме РОД, аномальной с точки зрения управления. Данные контексты свидетельствуют о том, что экспансия РОД падежа проявляется в ситуациях, вызывающих ослабление синтаксического контроля, в данном случае — в дистантной позиции при наличии однородных зависимых.

Отдельный интерес представляет контекст с прилагательным:

(29) Много рассказывалось *о Николае второго*, но это естественно, так как он был последним из Романовых и про него осталось много документов (4267)

Пример (29) содержит рассогласование: используется корректная морфологическая и орфографическая форма существительного в ПРЕДЛ и соотносительное прилагательное в форме РОД в постпозиции.

Важно отметить, что аномальное появление РОД на месте ПРЕДЛ наблюдается преимущественно в сочетаниях с предлогом *о* — 15 примеров, реже нарушения встречаются и в локативных группах с предлогами *в* и *на* — 4 и 5 случаев соответственно.

Обратная тенденция, то есть употребление ПРЕДЛ вместо РОД, выражена слабо, отмечено всего 4 примера с предлогами *у, с, вокруг*, среди них есть как формы мн. ч., так и ед. ч.:

(30) *у разных народах* сложились свои правилы социального поведения (4258)

(31) *у финнах* к тому же приятный логический склад ума (4266)

(32) листья желтеют и подают *с деревьях* (4371)

(33) их покупал *вокруг мире* например из Швеции, России и Эспании (4250).

Таким образом, путаница РОД и ПРЕДЛ, свойственная современному русскому языку, в исследуемых текстах эритажных носителей с доминантным финским развивается в предложно-падежных сочетаниях преимущественно как экспансия РОД на контексты с ПРЕДЛ. Указанное явление устроено в структурном отношении иначе, чем соответствующее варьирование в стандартном русском. У обследуемых носителей финско-русского двуязычия оно охватывает не только формы мн. ч., но и ед. ч. Во мн. ч. не наблюдается предпосылок для фонетического смешения словоформ. Установлено, что благоприятными условиями для появления аномального управления РОД являются дистантные позиции, вызывающие ослабление синтаксического контроля.

6.2. Перестановки РОД и ТВОР

Путаница РОД и ТВОР в предложно-падежных сочетаниях относится к регулярным морфосинтаксическим инновациям в исследуемых текстах и проявляется как экспансия РОД на контексты, в которых требуется ТВОР. Доля указанных нарушений составляет 17 %, среди них встречаются как формы ед. ч. (6 примеров), так и формы мн. ч (4 примера). Всего зафиксировано 10 аномальных падежных словоформ, 9 из них употреблены при предлоге *между*:

(34) во второй части было очень интересно рассказано о отношения *между Екатерины Великой и Петра* (4174)

(35) главный сюжет фильма любовь *между Колгана* [Колчака — прим. Е. В.] *и жены* его друга (4256)

(36) мне пришлось стараться найти какой-нибудь баланс *между своей игры и оркестра* (4294)

(37) Ингерманандия — эта *часть между Ладоги, и Финского залива* (4176)

(38) Спор о природном газе *между Россиией* [sic! — прим. Е. В.] *и других стран* — тема сегодняшних разговоров (4236)

(39) и какие вообще связи *вежду* [sic! между — прим. Е. В.] *членов семьи и родственников* (4274)

(40) и узнаю кто я на самом деле, перестану быть что-то *между того*, что моя мать хочет, что мой отец хочет (6012)

(41) все еще — не смотря на то, что отношения *между стран* являются теперь хорошими (4272)

Отмечен всего 1 случай аномального употребления РОД вместо ТВОР в контексте с предлогом *с:*

(42) спорт — хорошее средство для борбы *со стресса* (6038)

Употребление РОД на месте ТВОР встречается не только в исследуемых текстах, но и в речи финско-русских общин по записям XX вв. [Leisiö 2004: 181−183]. Механизм данного явления не вполне ясен, в статье [Leisiö 2004: 182] предложено два объяснения. В качестве основной причины указывается перенос правил управления финского языка: двуязычные носители используют аномальные предложно-падежные группы *между+РОД* как эквивалент финских адпозитивных сочетаний с серией послелогов välillä / välissä ‘между’, управляющих генитивом. Исследователь считает, что в русском языке имеются и внутренние структурно-семантические предпосылки для указанного нарушения [Leisiö 2004: 181], в частности, управление *между+РОД* встречается в литературных текстах XVIII–XIX вв., см. примеры [Филиппова 1964: 78−83].

Отметим, что предложно-падежное сочетание *между+РОД* допустимо и в современном русском литературном языке, однако его употребление ограничено синтаксическими и семантическими факторами. Во-первых, у предлога должно быть одно зависимое. Во-вторых, все сочетание должно описывать положение между предметами, модель *между + РОД* не допустима при обозначении лиц, промежутка времени или пространственной ориентации между группой объектов

[Кириченко 2002: 186]. Данные положения проиллюстрированы в примере (43), который содержит корректное предложение из НКРЯ (а) и грамматически неприемлемый вариант (б):

(43а) Это — мост, переброшенный между двух половинок космоса [Александр Волков. Миры Стивена Хоукинга // «Знание — сила», 2003].

(43б) *между родителей и детей

Важно, что большая часть нарушений с РОД вместо ТВОР наблюдается, как правило, при предлоге *между*, который управляет двумя синтаксическими зависимыми, см. (34)−(40), то есть игнорируются синтаксические ограничения. В примере (41) наблюдается семантическое нарушение: *между+РОД* используется с однокомпонентным зависимым, описывающим отношения и абстрактные понятия. Наконец, случай (42) с предлогом *с* показывает, что путаница РОД вместо ТВОР распространяется и на другие предложно-падежные сочетания, однако данный процесс выражен очень слабо.

Как и в случае с путаницей РОД и ПРЕДЛ, экспансия РОД на контексты с ТВОР приводит к симметричным нарушениям — появлению ТВОР на месте РОД, однако такие случаи крайне редки, всего 3 примера:

(44) У нас есть язык, и это очень большой дар который разделяет нас *от остальных обитателями* этой большой планеты, которая зовется землею (4385)

(45) Многие семья иммигрировали в Финляндии не только *из-за финскими корнями* (4324)

(46) Решится это само по себе, *в зависимости от* желаний прусудствующих в серце человека *и совершенным им трудом* (4261).

Проведенный анализ выявил сходство между основными тенденциями в предложно-падежном управлении, то есть перестановках РОД и ПРЕДЛ, а также РОД и ТВОР. В обоих случаях наблюдается широкая экспансия РОД, при этом симметричные замены встречаются в единичных случаях. Отличие между указанными тенденциями состоит в том, что аномальное управление РОД вместо ТВОР наблюдается в узком круге контекстов: количество нарушений меньше, они сконцентрированы в контекстах с предлогом *между* (за одним исключением), преимущественно в предложных группах с двумя зависимыми,

соединенными однородной связью. Между тем экспансия РОД на контексты с ПРЕДЛ отмечена в большом числе контекстов, при разных предлогах (*о, на, в*), преимущественно в предложных сочетаниях с одним зависимым, реже в группах с однородной связью в позиции второго, более дистантного зависимого. Экспансию РОД при финско-русском двуязычии исследователи связывают с межъязыковым переносом грамматической структуры адпозитивного сочетания в финском языке, в котором именная группа употребляется в форме партитива или генитива [Leisiö 2004; Hakulinen, Karlsson 1995: 154] — указанные падежные формы имеют функциональное пересечение с русским родительным падежом [Мустайоки 1984: 80–81].

6.3. Перестановки ДАТ и ТВОР

К редким нестандартным явлениям аномального управления относится путаница форм ДАТ и ТВОР: данное явление встречается в севернорусских диалектах только в парадигме мн. ч. [Пожарицкая 2005: 120], его причиной считается фонетическая близость флексий ДАТ *-ам* и ТВОР *-ами,* наиболее распространенный вариант нарушения — формы ДАТ на месте ТВОР. В этом же направлении указанное явление развивается в исследованной выборке. Отмечено 5 аномальных контекстов с ДАТ вместо ТВОР (47)–(51) и всего 1 пример (52) с путаницей ТВОР вместо ДАТ, ср:

(47) не многие справились бы *с абсолютно любым ролям* (4287)

(48) меня встретили два усатых старика*, с обветренными лицам* (4320)

(49) общяетесь ли Вы часто *с русским* в Финляндии? (4255)

(50) Россия жёшче стала относиться к положению *с Армянскому газу* (4236)

(51) но мотивацию таких любей можно увидеть уже *перед переходу* к кассе (4277)

(52) мы вместе ходили *по лесами* и веселились (4253)

В отличие от диалектных вариантов русского языка, путаница ДАТ и ТВОР в исследуемых текстах эритажных студентов наблюдается как в парадигме мн. ч., так и в парадигме ед. ч.

6.4. Перестановки ДАТ и РОД

Аномальные употребления форм РОД и ДАТ и развитие их синкретизма — известное диахроническое явление, свойственное русскому языку и наблюдаемое в диалектных вариантах, главным образом у слов женского рода [Пожарицкая 2005: 110–113]. В исследованной выборке, состоящей из форм мужского рода ед. ч. и мн. ч., путаница ДАТ и РОД относится к редким явлениям, всего зафиксировано 3 случая, в 1 из них употребляется РОД на месте ДАТ:

(53) конечно, трудно понять каждую факту *благодаря быстрого темпа* (4174)

ДАТ на месте РОД отмечен в 2 примерах:

(54) но *для кому-то другому* это может быть вся жизнь (4275)

(55) я надеюсь, что война Афгана русским то же, что и Вьетнам *для американцем* (4246),

где словоформа *американцем* интерпретирована как подходящая по смыслу ДАТ мн.ч. (*американцам*), содержащая орфографическую ошибку.

Интересно, что аномальные употребления ДАТ вместо РОД наблюдаются только при предлоге *для*. Причиной путаницы этих форм могут быть не только структурные, но и семантические факторы. В русском языке наблюдается конкуренция ДАТ и предложно-падежной группы *для+РОД*, ср. пример: *Давай, Надя, примем знакомую для человечества позу* вместо *знакомую человечеству* [Лаптева 1999/2014: 230–233]. Существующая вариативность и семантическая близость формы ДАТ и группы *для+РОД* при маркировании адресата и бенефактива создают предпосылки для развития контаминированных предложно-падежных групп **для+ДАТ.* Данная аномалия интересна тем, что вместо упрощения управления наблюдается усложнение формальной структуры: в предложной группе используются два средства выражения одного и того же значения — предлог и форма ДАТ.

6.5. Формы ИМЕН в предложно-падежных группах

Важный показатель освоения предложно-падежного управления — это количество аномалий, связанных с использованием начальной

формы ИМЕН вместо косвенных падежей: указанные нарушения свидетельствуют об утрате словоизменения внутри предложно-падежных групп и тенденции к аналитизму, предлог становится единственным средством выражения грамматических и семантических отношений [Polinsky 2018: 178–180]. Данный феномен встречается на протоморфологическом этапе в детской речи и речи иностранцев [Цейтлин, Абабкова 2011: 183]. В исследованной выборке ИМЕН в предложно-падежных сочетаниях отмечен всего в 5 случаях:

(56) еще сто лет тому назад, не говоря *о более древние времена*, путешествовать было очень опасно (4340)

(57) и различии *между странами*, и их *гражданин* неизбежны (4324)

Интересно, что в ряде случаев предложно-падежная группа содержит прилагательное, которое употребляется в корректной форме, а сбой управления затрагивает только форму существительного:

(58) *с таким человек* может быть неприятно (4322)

(59) а *после первого год* ещё лучше, особенно после лета в Твери (6027)

В другом примере корректная и аномальная форма указательного местоимения *тот* встретились внутри одного предложения, ср:

(60) Значит проблема финнов в том, что они боятся людей, которые говорят плохо — в этом случае на финксом [sic! — Прим. Е. В.], или просто *в тот*, что другой человек родился в другой культуре? (4233)

Таким образом, употребление начальной формы в предложно-падежных сочетаниях довольно редко представлено у исследуемых взрослых носителей финско-русского двуязычия. Последние четыре примера свидетельствуют о том, что утрата словоизменения в предложных сочетаниях проявляется как сбой в речевом автоматизме, а не как массовое и системное нарушение.

6.6. Другие единичные нарушения

В данном разделе собраны единичные нарушения, не образующие системных тенденций. В одном случае зафиксировано использование ТВОР вместо ПРЕДЛ у личного местоимения 3 л.:

(61) этот фильм я выбрала потому, что *под нем* было много интересных комментарий (4270)

В одном примере использован ТВОР на месте ВИН:

(62) потому-что новый закон принимает их *за финнами* (4176)

Случай (62) не является в чистом виде синтаксическим нарушением предложного управления, аномалия также связана с моделью управления слова *принимать* в значении ‘считать’.

Наконец, всего в одном примере некорректно используется форма РОД вместо ВИН=ИМЕН:

(63) Уже в Древней Греции философы искали истину и старались объяснить *через наук* как всё происходит (4353).

Важно, что в исследованной выборке, основанной на письменных текстах эритажных студентов, предложные группы с ВИН оказываются устойчивыми перед экспансией РОД. Например, в других вариантах финско-русского двуязычия задокументировано значительное число примеров, содержащих РОД на месте ВИН [Leisiö 2004: 182−183].

Таким образом, в группе редких явлений, связанных с аномальным употреблением форм внутри предложных групп, выявлено несколько специфических морфосинтаксических тенденций. Первая особенность состоит в том, что утрата управления внутри предложных групп и распространение ИМЕН у финско-русских двуязычных носителей проявляется слабо. Второй чертой является сравнительная устойчивость формы ДАТ, которая не только не вытесняется другими формами, но и используется в некоторых аномальных, формально усложненных предложно-падежных группах с предлогом **для+ДАТ* на основании семантического сходства беспредложного ДАТ и *для+РОД*. Третья особенность — устойчивость предложных групп, содержащих ВИН, перед общей экспансией РОД.

7. Заключение

Корпусный анализ предложно-падежных нарушений, содержащих словоформы мн. ч. и ед. ч. мужского и среднего рода, выявил несколько

регулярных явлений в развитии управления у эритажных носителей финско-русского двуязычия.

1. Появление аномальных форм внутри предложно-падежных групп носит не хаотичный, а системный характер. Во-первых, широко представлена путаница родительного и предложного падежей. Во-вторых, наблюдается регулярная путаница родительного и творительного падежей. О системности данных тенденций свидетельствуют сходные явления в других нестандартных вариантах русского языка — просторечиях, территориальных диалектах и речи финско-русских общин.

2. Нестандартное предложное управление развивается как экспансия формы родительного падежа внутри предложных групп. Полученные данные подтверждают ранее высказанные предположения о межъязыковом переносе и влиянии со стороны финского языка, в котором управление в адпозитивных сочетаниях более унифицировано, чем в русском: при предлогах и послелогах используются формы партитива или генитива, которые имеют функциональное сходство с русским родительным падежом.

3. Наиболее устойчивыми перед экспансией родительного оказываются предложные группы с винительным и дательным падежом. Наблюдаются редкие случаи усложнения формальной структуры в виде контаминированных предложно-падежных групп **для+ДАТ*, в которых маркирование аргументной структуры осуществляется за счет предлога и падежной формы с тем же значением.

4. Данные, полученные от эритажных носителей финско-русского двуязычия, показывают, что при интенсивном языковом контакте двух языков с развитыми системами падежного маркирования экспансия начальной формы, свидетельствующая о развитии аналитизма, наблюдается довольно редко.

В целом, недоосвоение морфосинтаксиса проявляется в широкой вариативности корректных и аномальных форм, имеющих характер спонтанных сбоев речевого автоматизма, часто в условиях ослабления синтаксического контроля. Указанные выводы описывают только управление в предложно-падежных группах и не учитывают явления, наблюдаемые в других синтаксических позициях.

Список сокращений

ИМЕН — именительный, ВИН — винительный, ДАТ — дательный, ПРЕДЛ — предложный, РОД — родительный, ТВОР — творительный.

Литература

Вахтин и др. 2010 — Н. Б. Вахтин, А. Мустайоки, Е. Протасова. Русские языки // Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. Slavica Helsingiensia. 2010. № 40. С. 5−16.

Вепрева, Михайлова 2014 — И. Вепрева, О. Михайлова. Грамматические ошибки в региональных СМИ // А. Никунласси, Е. Ю. Протасова (ред.). Инструментарий русистики: ошибки и многоязычие. Slavica Helsingiensia. Т. 45. Helsinki: Helsinki University Press, 2014. С. 21−34.

Выренкова и др. 2014 — А. С. Выренкова, М. С. Полинская, Е. В. Рахилина. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопросы языкознания. 2014. № 3. С. 3−19.

Гловинская 1996 — М. Я. Гловинская. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Е. А. Земская (отв. ред.). Русский язык конца XX столетия (1985−1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 237−304.

Гловинская 2004 — М. Я. Гловинская. Общие типы изменений в языке первого поколения эмиграции // А. Мустайоки, Е. Протасова (ред.). Русский человек в иноязычном окружении. Slavica Helsingiensia. Т. 24. Helsinki: Helsinki University Press, 2004. С. 13−20.

Гловинская 2012 — М. Я. Гловинская. О чём свидетельствует реакция носителей языка на грамматические инновации // А. Д. Шмелёв (отв. ред.). Вопросы культуры речи. Вып. XI. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 178–185.

Зализняк 1980 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1980.

Зализняк 2002 — А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение: с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Золотова 1988 — Г. А. Золотова. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского языка. М.: Наука, 1988.

Кириченко 2002 — А. С. Кириченко. Семантическая структура предлога «между» // Исследования по теории грамматики - 2. Грамматикализация пространственных значений. М.: Русские словари, 2002. С. 183−198.

Кустова 2011 — Г. И. Кустова. Падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (http://rusgram.ru). На правах рукописи. М., 2011.

Лаптева 1999/2014 — О. А. Лаптева. Живая русская речь с телеэкрана: разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. Изд. 7-е. М.: ЛЕНАНД, 2014.

Мустайоки 1984 — А. Мустайоки. О разных степенях соответствия глагольного управления в русском и финском языках // Studia Slavica Finlandensia I. Helsinki: Neuvostoliittoinstituutti, 1984. P. 73−87.

Мустайоки 1992 — А. Мустайоки (ред.). Наши ошибки. Классификация ошибок в речи студентов русского языка Хельсинкского университета // Helsingin

yliopiston Slaavilaisten kielten laitoksen raportteja. Vol. 15. Helsinki: Helsingin yliopisto, 1992.

Никунласси, Протасова 2014 — А. О. Никунласси, Е. Ю. Протасова. О важности ошибок для исследования многоязычия // А. О. Никунласси, Е. Ю. Протасова. Инструментарий русистики: ошибки и многоязычие. Slavica Helsingiensia. Т. 45. Helsinki: Helsinki University Press, 2014. С. 5–13.

Пожарицкая 2005 — С. К. Пожарицкая. Русская диалектология. М.: Академический проект; Парадигма, 2005.

Протасова 2012 — Е. Ю. Протасова. Языковая компетенция студентов-билингвов // Е. Е. Юрков, Е. Ю. Протасова, Т. И. Попова, А. Никунласси (ред.). Формирование и оценка коммуникативной компетенции билингвов в процессе двуязычного образования. СПб.: МИРС, 2012. С. 294–311.

Протасова 2014 — Е. Ю. Протасова (ред.). Многоязычие и ошибки. Берлин: Retorika, 2014.

Протасова, Салатов 2015 — Е. Ю. Протасова, И. Салатов. Карты, карточки, картинки. Вып. 7. Вот как-то так: жизнь в картинках. СПб.: Златоуст, 2015.

Рахилина 2014 — Е. В. Рахилина. Грамматика ошибок: в поисках констант // В. А. Плунгян (ред.). Язык. Константы. Переменные. СПб.: Алетейя, 2014. С. 87–95.

Русакова 2013 — М. В. Русакова. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Сичинава 2018 — Д. В. Сичинава. Предлог. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (http://rusgram.ru). На правах рукописи. М., 2018.

Филиппова 1964 — В. М. Филиппова. Изменения в глагольных словосочетаниях // Н. Ю. Шведова (ред.). Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX в. М.: Наука, 1964.

Хашимов 2018 — Р. И. Хашимов. Двуязычие и интерференция: сущность, типология и функционирование. М.: Флинта; Наука, 2018.

Цейтлин 2011 — С. Н. Цейтлин (ред.). Путь в язык. Одноязычие и двуязычие. М.: Языки славянской культуры, 2011.

Цейтлин, Абабкова 2011 — С. Н. Цейтлин, М. И. Абабкова. Освоение субстантивных синтаксем русскоязычным ребенком и инофоном // С. Н. Цейтлин (ред.). Путь в язык. Одноязычие и двуязычие. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 164–190.

Юрков и др. 2012 — Е. Е. Юрков, Е. Ю. Протасова, Т. И. Попова, А. Никунласси. Формирование и оценка коммуникативной компетенции билингвов в процессе двуязычного образования. СПб.: МИРС, 2012.

Якобсон 1958/1985 — Р. О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением: состав русских падежных форм // Р. О. Якобсон. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.

Hakulinen, Karlsson 1995 — A. Hakulinen, F. Karlsson. Nykysuomen lauseoppia. 3. painos. Jyväskylä: Gummerus, 1995.

Leisiö 2004 — Leisiö L. Sijamuotojen käytöstä Suomen venäjässä // Virittäjä. 2004. № 2. S. 162–199.

Polinsky 2018 — M. Polinsky. Heritage Languages and Their Speakers. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

Rakhilina et al. 2016 — E. Rakhilina, A. Vyrenkova, E. Mustakimova, A. Ladygina, I. Smirnov. Building a learner corpus for Russian // E. Volodina,G. Grigonytė, I. Pilán, K. N. Björkenstam, L. Borin (eds). Proceedings of the joint workshop on NLP for Computer Assisted Language Learning and NLP for Language Acquisition. 2016. Umea: LiU Electronic Press, 2016. P. 66−75.

Rubinstein 1995 — G. Rubinstein. On Case Errors Made in Oral Speech by American Learners of Russian // The Slavic and East European Journal. 1995. № 39 (3). P. 408−429. doi:10.2307/308241

Источники

RLC = Russian Learner Corpus. URL: http://web-corpora.net/RLC (дата обращения 11.01.2020)

НКРЯ = Национальный корпус русского языка URL: http://www.ruscorpora.ru/old/search-main.html (дата обращения 11.01.2020)

References

Filippova 1964 — V. M. Filippova. Izmeneniya v glagolnykh slovosochetaniyakh [Changes in verb phrases]. N. Yu. Shvedova (ed.). *Izmeneniya v sisteme slovosochetaniy russkogo literaturnogo yazyka XIX veka* [Changes in the system of phrases of the Russian literary language of the 19th century]. Moscow**:** Nauka,1964.

Glovinskaya 1996 — M. Ya. Glovinskaia. Aktivnye protsessy v grammatike (na materiale innovatsiy i massovykh yazykovykh oshibok) [Active processes in grammar (based on linguistic innovations and frequent errors)]. E. A. Zemskaya (ed.). *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985−1995)* [The Russian language in the end of the 20th century (1985−1995)]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1996. P. 237−304.

Glovinskaya 2004 — M. Ya. Glovinskaya. Obshchie tipy izmeneniy v yazyke pervogo pokoleniya emigratsii [General types of changes in the language of the first-generation emigrants]. A. Mustajoki, E. Protasova (eds.). *Russkiy chelovek v inoyazychnom okruzhenii* [Russian person in foreign language environment]. *Slavica Helsingiensia*. Vol. 24. Helsinki: Helsinki University Press, 2004. P. 13−20.

Glovinskaya 2012 — M. Ya. Glovinskaya. O chem svidetel'stvuet reaktsiya nositelei yazyka na grammaticheskie innovatsii [What does native speakers reaction to grammatical innovations tell us about]. A. D. Shmelev (otv. red.). *Voprosy kul'tury rechi* [Issues on Speech Culture]. Iss. XI. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2012. P. 178−185.

Hakulinen, Karlsson 1995 — A. Hakulinen, F. Karlsson. Nykysuomen lauseoppia [Syntax of Modern Finnish]. 3. painos. Jyväskylä: Gummerus, 1995.

Khashimov 2018 — R. I. Khashimov. Dvuyazychie i interferentsiya: sushchnost, tipologiya i funktsionirovanie [Bilingualism and interference: nature, typology, and functioning]. Moscow: Flinta; Nauka, 2018.

Kirichenko 2002 — A. S. Kirichenko. Semanticheskaya struktura predloga «mezhdu» [Semantic structure of the preposition mezhdu]. V. A. Plungyan (ed.). *Issledovaniya po teorii grammatiki 2. Grammatikalizatsiya prostranstvennykh znacheniy* [Studies on grammar theory-2. Grammaticalization of spatial meanings]. Moscow: Russkie slovari, 2002. P. 183–198.

Kustova 2011 — G. I. Kustova. Padezh. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki [The Case. Materials for the project of corpus-based description of the Russian grammar (http://rusgram.ru)]. [Published as a manuscript]. Moscow, 2011.

Leisiö 2004 — L. Leisiö. Sijamuotojen käytöstä Suomen venäjässä [The use of case forms in Russian vernaculars in Finland]. *Virittäjä*. 2004. No. 2. S. 162–199.

Lapteva 1999/2014 — O. A. Lapteva. Zhivaya russkaya rech s teleekrana: razgovornyy plast televizionnoy rechi v normativnom aspekte [Live Russian speech on television: normative approach to the spoken layer of television language]. 7th edition. Moscow: LENAND, 2014.

Mustajoki 1984 — A. Mustajoki. O raznykh stepenyakh sootvetstviya glagol'nogo upravleniya v russkom i finskom yazykakh [On different equivalency degree of verb government in Russian and Finnish]. *Studia Slavica Finlandensia*. Vol. I. Helsinki: Neuvostoliittoinstituutti, 1984. P. 73–87.

Mustajoki 1992 — A. Mustajoki (ed.). Nashi oshibki. Klassifikatsiya oshibok v rechi studentov russkogo yazyka Khelsinkskogo universiteta [Our errors: classification of errors made by Russian language students from the Helsinki University]. *Helsingin yliopiston Slaavilaisten kielten laitoksen raportteja.* Vol. 15.Helsinki: Helsingin yliopisto, 1992.

Nikunlassi, Protasova 2014 — A. Nikunlassi, E. Yu. Protasova (eds.). O vazhnosti oshibok dlya issledovaniya mnogoyazychiya [On importance of errors in research of multilingualism]. A. Nikunlassi, E. Yu. Protasova (eds.). *Instrumentariy rusistiki: oshibki i mnogoyazychie* [Instrumentarium of Russian studies: errors and multilingualism]. *Slavica Helsingiensia.* Vol. 45. Helsinki: Helsinki University Press, 2014. P. 5–13.

Polinsky 2018 — M. Polinsky. Heritage Languages and Their Speakers. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

Pozharitskaya 2005 — S. K. Pozharitskaya. Russkaya dialektologiya [Russian dialectology]. Moscow: Akademicheskiy proekt: Paradigma, 2005.

Protasova 2012 — E. Yu. Protasova. Yazykovaya kompetentsiya studentov-bilingvov [Language competence of bilungual students]. E. E. Yurkov, E. Yu. Protasova, T. I. Popova, A. Nikunlassi. *Formirovanie i otsenka kommunikativnoy kompetentsii bilingvov v protsesse dvuyazychnogo obrazovaniya* [Formation and evaluation of communicative competence of bilinguals in bilingual education]. Saint-Petersburg: MIRS, 2012. P. 294–311.

Protasova 2014 — E. Yu. Protasova. Mnogoyazychie i oshibki [Multilingualism and errors]. Berlin: Retorika, 2014.

Protasova, Salatov 2015 — E. Yu. Protasova, I. Salatov. Karty, kartochki, kartinki. Vyp. 7. Vot kak-to tak [Cards, tiny cards, and pictures. Iss. 7. Vot kak-to tak]. Saint-Petersburg: Zlatoust, 2015.

Rakhilina 2014 — E. V. Rakhilina. Grammatika oshibok: v poiskakh konstant [Grammar of errors: looking for constants]. V. A. Plungyan (ed.). *Yazyk. Konstanty. Peremennye.* Saint-Petersburg: Aleteiya, 2014. P. 87−95.

Rakhilina et al. 2016 — E. Rakhilina, A. Vyrenkova, E. Mustakimova, A. Ladygina, I. Smirnov. Building a learner corpus for Russian. *Proceedings of the joint workshop on NLP for Computer Assisted Language Learning and NLP for Language Acquisition.* 2016. P. 66−75.

Rubinstein 1995— G. Rubinstein. On Case Errors Made in Oral Speech by American Learners of Russian. *The Slavic and East European Journal*. 1995. No. 39 (3). P. 408−429. doi:10.2307/308241

Rusakova 2013 — M. V. Rusakova. Elementy antropotsentricheskoy grammatiki russkogo yazyka [Elements of anthropocentric grammar of the Russian language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2013.

Sichinava 2018 — D. V. Sichinava. Predlog. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki [Preposition. Materials for the project of corpus-based description of the Russian grammar] (http://rusgram.ru). (Published as a manuscript) Moscow, 2018.

Tseitlin 2011 — S. N. Tseitlin (ed.). Put v yazyk. Odnoyazychie i dvuyazychie [A path to language. Monolingualism and bilingualism]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2011.

Tseitlin, Ababkova 2011 — S. N. Tseitlin, M. I. Ababkova. Osvoenie substantivnykh sintaksem russkoyazychnym rebenkom i inofonom [Acquisition of substantive syntaxemes by a monilingual child and a foreign learner]. S. N. Tseitlin (ed.). *Put v yazyk. Odnoyazychie i dvuyazychie* [A path to language. Monolingualism and bilingualism]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2011.

Vakhtin et al 2010 — N. B. Vakhtin, A. Mustajoki, E. Protasova. Russkie yazyki [Russian languages]. *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. Slavica Helsingiensia. 2010. № 40. P. 5−16.

Vepreva, Mikhailova 2014 — I. Vepreva, O. Mikhailova. Grammaticheskie oshibki v regionalnykh SMI [Grammatical errors in regional media]. A. Nikunlassi, E.Yu. Protasova (eds.). *Instrumentariy rusistiki: oshibki i mnogoyazychie* [Instrumentarium of Russian studies: errors and multilingualism]. *Slavica Helsingiensia.* Vol. 45. Helsinki: Helsinki University Press, 2014. P. 21−34.

Vyrenkova et al 2014 — A. S. Vyrenkova, M. S. Polinskaya, E. V. Rakhilina. Grammatika oshibok i grammatika konstruktsiy: «eritazhnyy» («unasledovannyy») russkiy yazyk [Grammar of errors and construction grammar: the «heritage» («inherited») Russian language]. *Voprosy yazykoznaniya.* 2014. No 3. P. 3−19.

Zaliznyak 1980 — A. A. Zaliznyak. Grammaticheskiy slovar russkogo yazyka [Grammatical repertoire of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk,1980.

Zaliznyak 2002 — A. A. Zaliznyak. Russkoe imennoe slovoizmenenie: s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu

[Russian nominal inflection with a supplement of selected papers on Modern Russian and general linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2002.

Zolotova 1988 — G. A. Zolotova. Sintaksicheskiy slovar: repertuar elementarnykh edinits russkogo yazyka [Syntactic dictionary: repertoire of elementary units of the Russian language]. Moscow: Nauka, 1988.

Yakobson 1958/1985 — R. O. Yakobson. Morfologicheskie nablyudeniya nad slavyanskim skloneniem: sostav russkikh padezhnykh form [Morphological explorations of Slavic inflection: structure of Russian case forms]. R. O. Yakobson. *Izbrannye raboty.* Moscow: Progress, 1985.

Yurkov et al. 2012 — E. E. Yurkov, E. Yu. Protasova, T. I. Popova, A. Nikunlassi. Formirovanie i otsenka kommunikativnoy kompetentsii bilingvov v protsesse dvuyazychnogo obrazovaniya [Formation and evaluation of communicative competence of bilinguals in bilingual education]. Saint-Petersburg: MIRS, 2012.

Resources

RLC = Russian Learner Corpus. Available at: http://web-corpora.net/RLC (**accessed on 11.01.2020**)

NKRYa = Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus] Available at: http://www.ruscorpora.ru/old/search-main.html (**accessed on 11.01.2020**)

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 397–419
DOI 10.30842/alp2306573716214

Показатель причинного значения *pruh* в кхмерском языке*

С. Ю. Дмитренко
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург;
dmitrserg@mail.ru

Н. М. Спатарь
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург;
natalia.spatar@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается самый частотный показатель причинного значения в современном кхмерском языке — служебное слово *pruh*. Данный показатель может употребляться для маркирования как причинной клаузы, так и именной группы, которая интерпретируется как причина. Конструкции с именным выражением причины рассматриваются как производные от конструкций с клаузальным выражением причины. Описываемый показатель может функционировать как в простой форме (*pruh*), так и в нескольких составных (*pi-pruh, pruh-tae, pi-pruh-tae*). Клаузы или именные группы, маркируемые показателем *pruh*, занимают постпозицию по отношению к клаузе, обозначающей ситуацию-следствие. Препозиция клаузы или именной группы с *pruh* возможна, но является маркированной. При этом такой порядок часто сопровождается наличием в структуре главной клаузы маркера следствия (показатели *trːp* и *baːn-ciə*). Вероятный источник слова *pruh* — древнекхмерское существительное с основным значением ‘путь, способ, метод’, встречающееся в ранних (доангкорских) эпиграфических памятниках

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда № 18-18-00472 «Причинные конструкции в языках мира: семантика и типология», который реализуется в ИЛИ РАН. Примеры, приводимые в работе, взяты из авторской картотеки, состоящей главным образом из текстов художественной литературы и периодических изданий. Примеры, входящие в эту картотеку, в большинстве случаев подверглись предварительной элицитации и приводятся без ссылки на первоначальный источник. Значительная часть примеров получена во время работы с носителями языка. Мы выражаем огромную благодарность за помощь в работе д-ру Миак Боура и д-ру Би Сокконгу. Авторы также чрезвычайно признательны Н. М. Заике и В. С. Храковскому, которые прочитали первую версию статьи и сделали ряд важных замечаний. Все возможные ошибки и недочеты полностью остаются на совести авторов.

(начиная с VII в. н. э., где оно зафиксировано в формах *roḥ* / *roḥh* / *roh*). Префиксальный дериват от этого существительного, употребляемый в функции маркера причины, по имеющимся данным, появляется только в среднекхмерском языке (XV–XVIII вв.). Вероятно, в этот же период этот маркер заимствуется в тайский и лаосский языки. Основным маркером причинного значения *pruh* становится только в современном языке. Какая бы то ни было специфика, связанная с выражением объективной или субъективной причины, а также причины, оцениваемой говорящим положительно или отрицательно, у данного показателя отсутствует. С другой стороны, *pruh* может маркировать не только собственно причинное значение, но и различные значения «причинного спектра». Как и служебное слово *daoj-sa:*, другой частотный кхмерский показатель причины, *pruh* может сочетаться с показателем каузатива *thvɤ:-aoj*, который занимает позицию между находящейся в препозиции причинной клаузой или именной группой и главной клаузой. Также *pruh* может употребляться вместе с другими показателями причины, прежде всего *daoj-sa:* и *tbət.*

Ключевые слова: кхмерский язык, синтаксис, показатель причины.

Causal marker *pruh* in Cambodian

S. Yu. Dmitrenko

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg;
dmitrserg@mail.ru

N. M. Spatari

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg;
natalia.spatar@gmail.com

Abstract. The paper describes the most frequent causal marker in modern Cambodian, the function word *pruh*. It can mark clauses describing situations the speaker views as causing some other situations or introduce noun phrases also interpreted as a cause. The paper qualifies constructions with nominal expression of cause as derived from clausal cause constructions. The marker addressed can occur in its simple form (*pruh*) or in a range of compound forms (*pi-pruh, pruh-tae, pi-pruh-tae*). Clauses or noun phrases with *pruh* follow consequence clauses. Where preposition of clauses or noun phrases with *pruh* does take place, it is invariably marked and is often accompanied by a consequence marker (*tɤ:p* or *ba:n-ciə*) in the main clause. A plausible source for *pruh* is the ancient Cambodian noun with the basic meaning of ‘way, mode, method’ found as early as in pre-Angkor epigraphic monuments (as of VII A.D. in *roḥ* / *roḥh* / *roh* forms). According to the available evidence, the prefixal, functional use of the noun as a causal marker dates back to the Middle Cambodian period (XV-XVIII centuries) when it was probably borrowed by Tai and Laotian. It is only in Modern Cambodian

that *pruh* comes to be used as the basic neutral causal marker that carries no specific overtones like those of subjective/objective or positive/negative cause. On the other hand, *pruh* can mark not only the cause proper, but also express other "causal range" meanings. Similarly to the function word *thvɤ:-aoj*, another frequent causal marker in Cambodian, *pruh* can co-occur with the causative marker *thvɤ:-aoj* found between preposed causal clauses/noun phrases and the main clause. Notably, *pruh* also can co-occur with other causal markers — in the first place, with *daoj-sa:* and *tbət*.

Keywords: Cambodian, syntax, causal marker.

1. Предварительные замечания

В кхмерском языке причинное значение чаще всего выражается при помощи полипредикативных конструкций, в которых зависимая клауза вводится тем или иным показателем (маркером причинного значения). Эти же показатели могут вводить и именные группы, соответствующие участнику ситуации, интерпретируемому как Причина. Причинные конструкции с зависимыми именными группами следует, вероятно, описывать как производные от стандартных полипредикативных конструкций (именная группа, обозначающая причину, может рассматриваться как свернутая причинная клауза)[1]. В современном языке насчитывается значительное количество маркеров причинного значения (от восьми до десяти по разным подсчетам), различающихся по частотности, семантике, коннотациям (*pruh*, *daoj-sa*, *maok-pi:*, *tbət* и т. д.). При этом многие из них являются синонимичными, взаимозаменимыми[2], а также могут употребляться совместно.

Показатель *pruh* (вариант транскрипции — *prʊəh*) 'потому что, поскольку, так как, из-за' — самый частотный причинный маркер в современном кхмерском языке. Этот показатель способен выражать

[1] В кхмерском языке именная группа, обозначающая причину, практически всегда может быть развернута в зависимую причинную клаузу путем вставки глагола. См., например, *duəl rɔlum daoj-sa: khjɒl khlaŋ* (упасть упасть из-за ветер сильный) '…упал из-за сильного ветра' → *duəl rɔlum daoj-sa: khjɒl* ***bɒk*** *khlaŋ* (упасть упасть из-за ветер **дуть** сильный) '…упал из-за сильного ветра'.

[2] См., впрочем, рассуждения в [Haiman 2011: 92–95] о возможной разнице в употреблении *pruh* и *daoj-sa:*.

практически весь спектр причинных значений [Заика 2019] и нейтрален по стилю: он характерен как для разговорного языка, так и для письменного. Между тем в существующих комплексных грамматических описаниях кхмерского языка (см., например, [Еловков 2006, Khin Sok 1999, Haiman 2011]) семантика и функционирование данного показателя, как, впрочем, и других показателей причины, описывается исключительно кратко. Так, в весьма подробной грамматике Кхин Сока ему уделено меньше страницы [Khin Sok 1999: 482–483], а в грамматике Д. И. Еловкова — несколько строк [Еловков 2006: 360].

В статье будут рассмотрены основные особенности кхмерских причинных конструкций с *pruh*. В *Разделе 2* представлена информация о вариантах, в которых показатель может выступать. В *Разделе 3* делается попытка проследить историю этого показателя, *Раздел 4* посвящен формальным особенностям конструкций с *pruh*, *Раздел 5* — частным значениям, которые может маркировать данный показатель. В *Разделе 6* обсуждаются случаи сочетаемости показателя *pruh* с другими служебными словами, в том числе, с другими показателями причины.

2. Варианты показателя

Рассматриваемый показатель встречается в двух основных формах: однокомпонентной *pruh* и двухкомпонентной *piː-pruh* (компонент *piː* совпадает с кхмерским предлогом ‘с, из, от, о’ и, вероятно, имеет общее с ним происхождение, восходя к древнекхмерской форме *ʼamvī*[3] с гипотетическим значением ‘источник, начало’ (http://sealang.net/oldkhmer/)). В большинстве случаев формы *pruh* и *piː-pruh* свободно взаимозаменимы:

(1a) *mae rəːk mcaːh cəɲciən nih mɯn khɤːɲ tęː* ***pruh***
мама искать хозяин кольцо DEM NEG видеть NEG REAS
miən mənuh crawn nɤw taːm phləw
иметь человек много находиться следовать дорога
‘Мама, (ты) не сможешь найти хозяина этого кольца, потому что здесь (*букв*. на дороге) очень много людей’.

[3] Согласно Ф. Дженнеру, доангкорские (VII–VIII вв.) орфографические формы этого слова в транслитерации выглядят как *ʼaṃvi* / *ʼamvi* / *ʼamvī*, а ангкорские (IX–XIV вв.) — как *ʼaṃvi*/ *ʼaṃvī* / *ʼaṃviy* / *ʼamvi* / *ʼaṃbi* (http://sealang.net/oldkhmer/). См. также [Pou 1992: 22].

(1б) *mae rɔːk mcaːh cəɲciən nih mɯn khɤːɲ tẹː* ***pi-pruh*** *miən mənuh craɯn nɤw taːm phləw.*
(Перевод тот же)

Информанты указывают, что двухкомпонентная форма *piː-pruh* больше характерна для письменного языка, но никаких семантических различий между ней и однокомпонентной формой нет. На одно важное различие в дистрибуции двух форм все же необходимо указать. В вопросительной конструкции может функционировать только двухкомпонентная форма *piː-pruh.* В этом случае она выступает вместе с вопросительным словом *əvəj*.

(2а) ***piː-pruh*** *əvəj baːn-ciə kẹː dəŋ thaː niəŋ nuh mɯn thae-tɔam bawpriəw*
REAS Q(что) CONS 3SG/PL знать что девочка DEM NEG заботиться слуга
‘Откуда (*букв*. почему) известно, что девочка не заботилась о слугах?’

(2б) ****pruh*** *əvəj baːn-ciə kẹː dəŋ thaː niəŋ nuh mɯn thae-tɔam bawpriəw*
Ожидаемый перевод: ‘Откуда (*букв*. почему) известно, что девочка не заботилась о слугах?’

К обоим вариантам показателя может присоединяться частица *tae*. У этой частицы имеются и другие употребления: она функционирует с различными предглагольными видо-временными показателями как дополнительный элемент (часто, скорее, асемантичный, ср., например, варианты показателя прогрессива *kɒmpuŋ* и *kɒmpuŋ-tae*, показателя экспериентива *thlɔap* и *thlɔap-tae* и др.), а также как противительный союз ‘но’ в позиции между клаузами и слово со значением ‘только’:

(3а) *khɲom* *maok*$_1$ *jɯːt*$_2$ ***pruh-tae*** *khɲom* *mɯn* *lɯː* *sou* *niələ̯ʔkaː*$_3$ *rọː*$_4$
1SG опаздывать$_{1,2}$ REAS 1SG NEG слышать звук будильник$_{3,4}$
‘Я опоздал, только потому что не услышал будильник’

(3б) *khɲom maok jɯːt* ***piː-pruh-tae*** *khɲom mɯn lɯː sou niələ̯ʔkaː rọː*
(Перевод тот же).

Таким образом, встречаются следующие варианты показателя: *pruh*, *piː-pruh*, *pruh-tae*, *piː-pruh-tae*.

Кхмерский грамматист и историк языка Кхин Сок отдельно указывает на еще один вариант показателя: *pruh-tha:* [Khin Sok 1999: 482–483], где одна из форм показателя сочетается с компонентом *tha:* ‘говорить’ (< санскр. *kathā* ‘речь, история’), который широко употребляется в современном языке и как показатель прямой и косвенной речи, и как союз, вводящий изъяснительные придаточные предложения. Представляется, однако, что *tha:* не является здесь частью причинного показателя, а маркирует отдельное значение, близкое к цитативу. Говорящий указывает, что причиной ситуации P является ситуация Q, о которой он узнал со слов других людей (при этом ЗЧ причинной конструкции всегда представляет собой клаузу). Именно в этом, по словам информанта, заключается различие между (4а) и (4б):

(4а) [*daoj-sa: əvəj prɒpʊən va:j sɒmlap pdəj* ?]

pi:-pruh-tae	*kɔat*	*srɒvɯŋ*	*taeŋ-tae*	*rɔ:k*$_1$ *rɯəŋ*$_2$	*chlʊəh*	
REAS	3	быть.пьяным	ITER	ссориться$_{1,2}$	ссориться	

prɒkaek	*ciə-muəj-nɯŋ*	*prɒpʊən*	*tɤ:p*	*prɒpʊən*	*va:j*
перечить	PREP	жена	CONS	жена	бить

sɒmlap	*kɔat*
убить	3

[‘Почему жена убила мужа?] — Она его убила, потому что он часто напивался и ссорился с ней’.

(4б) [*daoj-sa: əvəj prɒpʊən va:j sɒmlap pdəj* ?]

pi:-pruh-tae	***tha:***	*kɔat*	*srɒvɯŋ*	*taeŋ-tae*	*rɔ:k*$_1$ *rɯəŋ*$_2$
REAS	говорить	3	быть.пьяным	ITER	ссориться$_{1,2}$

chlʊəh	*prɒkaek*	*ciə-muəj-nɯŋ*	*prɒpʊən*	*tɤ:p*	*prɒpʊən*
ссориться	перечить	PREP	жена	CONS	жена

va:j	*sɒmlap*	*kɔat*
бить	убить	3

[‘Почему жена убила мужа?] — Она его убила, потому что, **как говорят**, он часто напивался и ссорился с ней’.

3. История показателя

По мнению кхмерских ученых, вероятный источник слова *pruh* — древнекхмерское существительное с основным значением ‘путь, способ, метод’ (проф. Миак Боура — личное сообщение). Данное слово

многократно встречается в ранних (доангкорских) эпиграфических памятниках, начиная с VII в. н. э., где оно зафиксировано в формах *roḥ* / *roḥh* / *roh.* В текстах IX–XIV вв. (ангкорский период) оно представлено в орфографических формах *roḥ* / *roḥh* / *roh* / *roha* / *rah* [http://sealang.net/oldkhmer/]. См., в частности, следующий пример из надписи, предположительно датируемой VII в. (K.689B: 6):

(5) *neḥ* *gi* ***roḥ*** *veda* *nu* *tatām* *carū* *kṣīra*
этот COP способ Веды PREP варить чару молоко
'Вот (идущий от) Вед способ, чтобы сварить молочную чару́'[4].

Также отмечаются более редкие случаи употребления *roḥ* в составе служебного слова (в интерпретации Ф. Дженнера — союза) *roḥ man*, где компонент *man* связан, возможно, с древнеяванским союзом *mon* [http://sealang.net/oldkhmer/]. В древнекхмерском *man* употребляется в качестве относительного служебного слова или союза с не вполне очевидным значением (возможно, именно причинным). Такое употребление демонстрирует, в частности, надпись K566, относящаяся к X в. н. э.

(6) *vāp* *jinendrānanda* *pandval*$_1$ *vraḥ*$_2$ *śāsana*$_3$ {B2} *ta* *vāp*
титул PN передать.королевский.указ$_{1-3}$ PREP титул
vrahma ***roḥh***$_4$ ***man***$_5$ *ti* *kaṃsteṅ* *pandval* *oy* *sre*
PN CONJ$_{4-5}$ PASS титул приказать давать поле
neḥ *ta* *vāp* *vrahma* *siddhi* *vvaṃ*$_6$ {B3} *tel*$_7$ *mān*
этот PREP господин PN право никогда$_{6,7}$ иметь
'apavāda
оспорить
'Вап Джинендрананда передал вап Врахме королевский указ. Ибо (?) Господином было приказано передать это поле вап Врахме и право (его на поле) никогда не (будет) оспорено' (*vāp* — титул, употребляемый с именами чиновников среднего или низшего уровней, *kaṃsteṅ* — титул, употребляемый с именами королей, а также лиц, принадлежащих к высшей чиновничьей или духовной иерархии).

[4] Чару (*carū*) — пища из риса, молока, масла для подношений Шиве; глоссирование и перевод примеров (5) и (6) опираются на чтение Ф. Дженнера, представленное в электронном корпусе древнекхмерских текстов (http://sealang.net/ok/corpus.htm).

Если высказанные выше соображения относительно генезиса показателя *pruh* верны, то путь, проделанный этим словом, напоминает грамматикализацию древнекхмерского глагола *toy* ‘следовать (по пути, за кем-то / чем-то и т. д.)’, восходящего к протомонкхмерскому глаголу *$t_l$uy/*$t_l$uuy/*t_luəy ‘следовать, сопровождать’ [Shorto 2006: 395]. Из этого древнекхмерского глагола впоследствии развилось современное служебное слово *daoj* (которое может иметь в том числе причинное значение), а также специализированный показатель *причины daoj-sa:* [Дмитренко, Спатарь 2018; Paillard 2013].

Интересно, что древнекхмерские лексемы, ставшие базовыми для развития самых частотных показателей причины в кхмерском языке (*pruh* и *daoj-sa:*), оказываются семантически близкими, различаясь скорее частеречной принадлежностью: *roḥ* ‘путь, способ, метод’, *doy* ‘следовать (по пути)’.

Словарь среднекхмерского языка Пэу Саверос фиксирует интересующий нас показатель в формах *broḥ* и *bībroḥ* [Pou 2017: 207], не уточняя при этом времени первой фиксации слова. К сожалению, нам также не удалось установить, к какому именно периоду относится появление данного показателя. Просмотр значительного количества среднекхмерских эпиграфических текстов не выявил случаев его употребления. Что касается классических кхмерских дидактических поэм (*тьбап*), основная часть которых создавалась в XVII–XVIII вв., то этот показатель в них также не употребляется (причинными показателем в эту эпоху, вероятно, являлись слово *ṭbit* (совр. *tbət*), а также унаследованное от древнекхмерского языка слово *hetu*, заимствованное из санскрита).

Когнаты кхмерского показателя *pruh* мы обнаруживаем в тайском и лаосском языках, активно заимствовавших в Средние века древнекхмерскую лексику. См., например, следующие тайский (7) и лаосский (8) примеры:

(7) *raw* *khon* *thaj* *rîak* *man* *wa:̂* *ka:* ***phrɔ́ʔ***
1PL человек тайский называть 3 что ворона REAS
wâ: *rɔ́:ŋ* *ka: ka:*
что кричать ONOM

‘Мы, тайцы, называем ее (птицу) *ка*, потому что она кричит *ка-ка!*’ (речь идет о тайском названии вороны) (http://sealang.net/thai/bitext.htm)

(8) *khaw3* *ja:k5* *fang2* ***phòq1*** *khaw* *ja:k5* *hu:4* *va:1*
3PL хотеть слушать REAS 3PL хотеть знать COMP
satha:n3aka:n3 *man2* *pian1-pèng3* *paj3* *ja:ng1* *daj3*
ситуация 3 меняться удаляться способ INDEF
‘Они хотели послушать (радио), потому что хотели узнать, как изменилась ситуация’. [Enfield 2007: 428]

Мнения о том, что данное слово было заимствовано в тайский и лаосский из кхмерского, придерживалась, в частности, авторитетная тайская исследовательница Урайси Варасарин, подчеркивавшая, что эта единица присутствует в тайском и лаосском, но отсутствует при этом в других языках тайской ветви таи-кадайской семьи [Uraisi Varasarin 1984: 294]. Последнее не совсем верно. Так, например, в языке тай лы (распространен на территории Китая, Мьянмы, Лаоса, Таиланда и Вьетнама) имеется причинный показатель *phɔʔ*^{5} того же происхождения (вероятно, он был заимствован из тайского или лаосского) [Hanna 2012: 255].

Аналогичный показатель также обнаруживается в мон-кхмерском языке касонг (чхонг), носители которого живут в таиландской провинции Трат. Данный идиом, относящийся к пеарической группе мон-кхмерских языков, испытал значительное влияние тайского языка, поэтому можно предположить, что этот показатель здесь является именно тайским, а не древнекхмерским / среднекхмерским заимствованием (об этом же пишет автор грамматического описания касонг [Sunee Kamnuansin 2002], подчеркивающий кроме того, что для речи старшего поколения носителей более типичен другой причинный показатель — *mɔ:ŋ*).

(9) *khané:w* *ja:m* ***prɔ̀h*** *tɔ̀:n* *tu:*
ребенок плакать REAS PASS бить
‘Ребенок плачет, потому что его побили’

Согласно данным, полученным в 1941 г. Р. Барада, причинный показатель *pi:pro:h* фиксируется также в диалекте языка пеар (пор, поа) провинции Кампонгтхом (в настоящее время данный диалект, по-видимому, является исчезнувшим) [Baradat 1941]. Здесь, несомненно, речь идет о заимствовании из кхмерского. В других мон-кхмерских языках когнаты *pruh*, насколько нам известно, не представлены. Интересно, также, что пеар является, по-видимому, единственным языком, заимствовавшим именно двухкомпонентный вариант показателя.

4. Формальные особенности конструкций с *pruh*

В кхмерском языке стандартной и не маркированной является конструкция, в которой зависимая клауза или именная группа, вводимая словом *pruh*, следует за главной клаузой.

(10) *khɲom* *təw* *phsa:* ***pruh*** *khɲom* *cɒŋ* *tɯɲ* *trəj*
1SG удаляться рынок REAS 1SG хотеть купить рыба
'Я ходил на рынок, потому что хотел купить рыбы'.

При этом, как уже было сказано, ЗЧ может представлять собой не только клаузу, как в (10), но и именную группу, как в (11) и (12), хотя в целом *pruh* реже используется для ввода ЗЧ — именных групп, чем упомянутый выше причинный показатель *daoj-sa:*.

(11) *daɯmbəj* *kom* *aoj* *cɔ:n$_1$ bɒrɒtẹh$_2$* *kẹ:* *rih-kʊən* *dɒl*
CONJ PROH CAUS иностранец$_{1,2}$ 3SG/PL критиковать PREP
sɒŋkum *niəri:* *khmae* ***pruh-tae*** *oun*
общество девушка кхмерский REAS младший.сиблинг
aeŋ *mneak*
2SG один-CLF
'… чтобы не давать повода иностранцам осуждать всех кхмерских девушек лишь из-за тебя (одной)' (то есть из-за того, как ты одеваешься и ведешь себя — брат делает замечание сестре).

(12) *niəŋ* *nɯŋ* *cɒmna:j* *pẹ:l* *rəap* *maoŋ* *kɒ:* ***pruh-tae***
девушка IRR тратить время считать час NARR REAS
rɯəŋ *nih*
тема DEM
'…девушки будут тратить часы только из-за этого' (из-за того, что не знают основных правил макияжа).

В обоих этих примерах причинный показатель сопровождается частицей *tae* (см. выше), которая не только маркирует Причину, как единственную из существующих, но и, вероятно, «расширяет» дистрибуцию *pruh* («подкрепляя» способность показателя сочетаться с именными группами). Так, например, пример (13а), где причина представлена именной группой, был оценен нашими информантами как неприемлемый. Его трансформация в конструкцию с зависимой клаузой (13б) выглядит уже нормально. С другой стороны, (13в) и (13г) информанты

расценивают как вполне грамматичные, хотя (13г) и выглядит предпочтительным.

(13а) **jɤ:ŋ* *təw* *phu:m* *nih* *ɒt* *ba:n* *tẹ:* ***pruh***
1PL удаляться деревня DEM NEG мочь NEG REAS
tɯk$_1$ *cɔmnʊn*$_2$
наводнение$_{1,2}$
‘Мы не можем поехать в эту деревню из-за наводнения’

(13б) ᵒᵏ*jɤ:ŋ* *təw* *phu:m* *nih* *ɒt* *ba:n* *tẹ:* ***pruh***
1PL удаляться деревня DEM NEG мочь NEG REAS
tɯk$_1$ *cɔmnʊn*$_2$ *cʊən* *ləc*
наводнение$_{1,2}$ затапливать погрузиться.под.воду
‘Мы не можем поехать в эту деревню из-за наводнения’

(13в) ᵒᵏ*jɤ:ŋ* *təw* *phu:m* *nih* *ɒt* *ba:n* *tẹ:* ***pruh-tae***
1PL удаляться деревня DEM NEG мочь NEG REAS
tɯk$_1$ *cɔmnʊən*$_2$
наводнение$_{1,2}$
‘Мы не можем поехать в эту деревню лишь из-за наводнения’

(13г) ᵒᵏ*jɤ:ŋ* *təw* *phu:m* *nih* *ɒt* *ba:n* *tẹ:* ***pruh-tae***
1PL удаляться деревня DEM NEG мочь NEG REAS
tɯk$_1$ *cɔmnʊən*$_2$ *cʊən* *ləc*
наводнение$_{1,2}$ затапливать погрузиться.под.воду
‘Мы не можем поехать в эту деревню лишь из-за наводнения’

Тем не менее в некоторых случаях категорического запрета на сочетание *pruh* (без *tae*) с именной группой все же нет.

(14а) ᵒᵏ*kɔat* *ɒh* *kɒmlaŋ* ***pruh*** *ka:* *riən*$_2$ *sout*$_2$
3 исчерпать сила REAS NMNLZ учиться$_{1,2}$
‘Он устал из-за учебы’

(14б) ᵒᵏ*kɔat ɒh kɒmlaŋ* ***pruh-tae*** *ka: riən sout*
‘Он устал из-за учебы’

Гораздо реже ЗЧ, вводимая словом *pruh*, находится в препозиции к ГЧ. Например, в (15) в препозиции находится именная группа, а в (16) — зависимая клауза. Такой порядок является маркированным и служит для дополнительного акцента именно на Причине. По нашим наблюдениям, в случае препозиции ЗЧ, она будет скорее вводится вариантом показателя *pruh-tae*, хотя вариант *pruh* также возможен, см. (20).

(15) ***pruh-tae*** *ciːveaphiəp* *krəi-krɒː* *rɔbɒh* *lo̤ːk-taː* *tɤːp*
REAS жизнь бедный POSS старик CONS
lo̤ːk-taː *khət-khɒm* *kmiən* *pẹːl* *sɒmraːk* *lawj*
старик стараться не.иметь время отдыхать AT.ALL
‘(Это) из-за своей бедной жизни старик работал без передышки (*букв.* стараясь не оставлять времени на отдыхать)’.

(16) ***pruh-tae*** *miən* *phliəŋ* *thleak* *klaŋ* *tɤːp* *thvɤː-aoj*
REAS иметь дождь падать сильный CONS CAUS
kɒmrət *tɯk* *lawŋ* *khpuh* *bɒmphot*
уровень вода подниматься высокий самый
‘Именно из-за того, что шли сильные дожди, вода поднялась до самого высокого уровня’.

Отметим, что причинные конструкции с другим частотным показателем причины — *daoj-saː* —, одинаково свободно допускают как порядок ЗЧ — ГЧ, так и порядок ГЧ — ЗЧ. При этом нельзя сказать, что какой-то из них является нейтральным, а какой-то маркированным.

С другой стороны, начальная позиция *pruh* не является маркированной в вопросах (17) и кратких ответах на вопросы (18), причем это может быть ответ не только на вопрос *почему?* Так, в (19) отвечающий по собственной инициативе объясняет причины своего утвердительного ответа.

(17) ***piː-pruh*** *əvəi* *prɒpʊən* *viəj* *sɒmlap* *pdəj?*
REAS Q(что) жена бить убить муж
‘Почему жена убила (своего) мужа?’

(18) ***pruh*** *pẹːl* *(kɔat)* *phək* *srɒvəŋ* *taeŋ-tae* *rɔːk* *rɯəŋ*
REAS время 3 пить пьяный ITER искать повод
chluh
ссориться
‘Потому что, когда (он) напивался, (он) всегда затевал скандалы’.

(19) *baːt* *mɛːn* *əw!* ***pruh*** *khɲom* *aːnət* *viə* *nah*
да действительный отец REAS 1SG жалеть 3 очень
‘Да, это так, отец! Потому что мне очень жаль ее’ (ответ на вопрос *Я слышал, ты приехал, чтобы забрать сестру, да?*)

В том случае, если ЗЧ занимает позицию перед ГЧ, в составе конструкции может появляться показатель следствия *tɤːp*. Именно это мы наблюдаем и в следующем примере (20), а также в примерах (15)

и (16). В аналогичной функции употребляется также показатель *baːn-ciə* (см. *6.1*).

(20) ***pruh*** *jʊəl* *piː* *tuk*$_1$ *lumbaːk*$_2$ *neak*$_3$ *krɒː*$_4$ ***tɤːp***
REAS понимать PREP тяготы$_{1,2}$ бедняк$_{3,4}$ CONS

thaw-kae *toup* *aːhaː* *muəj* *nəw* *thaj* *lʊək*
хозяин лавка еда один находиться.в Таиланд продавать

baːj *sɒmlɒː* *nɯŋ* *bɒŋʔaem* *tɒmlaj* *10* *baːt*
вареный.рис похлебка CONJ сладости цена 10 бат

(https://khmernote.tv/news/50592)

‘Хозяин одной закусочной в Таиланде продает рис, похлебку и сладости по 10 бат, поскольку понимает тяжелую долю бедняков’.

5. Частные значения конструкций с *pruh*

В соответствии с классификацией значений причинных конструкций, принятой в рамках проекта «Причинные конструкции в языках мира: семантика и типология», реализуемого в настоящее время в Лаборатории типологического изучения языков ИЛИ РАН, у конструкций с *pruh* фиксируются следующие частные значения.

а) ***Собственно причинное*** значение, см., например, (15).

б) Значение ***повода*** («фактора, обусловливающего поведение агенса в главной клаузе» [Заика 2019: 18]).

(21) *kɔat* *tɯŋ* *kadou* *cuːn* *mdaːj* ***piː-pruh*** *thŋaj* *nih*
3 купить подарок вручать мать REAS день DEM

ciə *thŋaj* *kɒmnaɯt* *rəbɒh* *mdaːj* *kɔat*
COP день рождаться POSS мать 3

‘Он купил матери подарок, потому что у нее день рождения’ [5].

в) ***Иллокутивное*** значение, которое отмечается в том случае, если показатель маркирует «связь между пропозициональным содержанием одной клаузы в составе сложного предложения и иллокутивной модальностью другой» [Пекелис 2015]:

[5] Судя по словам наших информантов, в примерах (21)–(25) возможны все четыре варианта показателя: *pruh, piːpruh, pruh-tae, piː-pruh-tae.*

(22) *kmuəj* *aːc* *cam* *koŋ* *baːn* *rɯː-tẹː ?* ***pruh*** *khɲom*
племяник мочь ждать дед мочь Q REAS 1SG

cɒŋ *daɯ*$_1$ *lẹːŋ*$_2$ *taːm* *mɔat* *tɔnlẹː* *bɒntəc*
хотеть гулять$_{1,2}$ PREP берег река немного

‘Ты можешь меня подождать? Потому что я хочу немного прогуляться вдоль берега реки’ (*пожилой человек обращается к водителю мототакси*).

(23) *bɒːŋ!* *kom* *laɯŋ* *cɔndaɯ* *nih* ***pruh*** *viə*
старший.сиблинг PROH подниматься лестница DEM REAS 3

cah *trut-trọːm* *haɯj*
старый ветхий IAM

‘Не поднимайся по этой лестнице! Она уже очень старая’.

г) ***Инферентивное*** значение («говорящий может сделать утверждение P, потому что Q» [Пекелис 2015]).

(24) *kɔat* *(prɒhael*$_1$ *ciə*$_2$*)* *mɯn* *nɤw* *phteah* *tẹː* ***pruh***
3 наверное$_{1,2}$ NEG находиться дом NEG REAS

khɲom *ɒt* *khɤːɲ* *moutou* *rɔbɒh* *kɔat* *phɒːŋ*
1SG NEG видеть мотоцикл POSS 3 PTCL

‘(Наверное,) его нет дома, потому что я не вижу его мотоцикла’.

д) ***Логико-семантическое*** значение, которое фиксируется в конструкциях, представляющих собой заключения, выводимые из суждений.

(25) *khɲom* *ciə* *caw* *rɔbɒh* *kɔat* ***pruh*** *kɔat* *ciə* *puk*
1SG COP внук POSS 3 REAS 3 COP отец

rɔbɒh *mdaːj* *khɲom*
POSS мать 1SG

‘Я его внук, потому что он — отец моей матери’.

У показателя *pruh* отсутствует какая бы то ни было специфика, связанная с выражением объективной или субъективной причины, а также причины, оцениваемой положительно или отрицательно. Из примеров также видно, что кхмерские причинные конструкции могут быть как однореферентными (3), (10), так и разнореферентными (24), (25). В этом смысле интерес представляет пример (26), где *pruh* вводит сразу две причинные клаузы. Субъект первой кореферентен субъекту главной клаузы, а субъект второй — нет. Также первом случае речь идет о субъективной причине, а во втором — об объективной.

(26) *dɒmbouŋ*$_1$ *lawj*$_2$ *kɔat* *hak*$_3$ *douc*$_4$ *ciə*$_5$ *kmiən* *cɒmnap*$_6$ *aːrɒm*$_7$
поначалу$_{1,2}$ 3 словно.бы$_{3,4,5}$ не.иметь интерес$_{6,7}$

avəj *nɯŋ* *kaː* *phdɒl*$_8$ *pɔadɒmiən*$_9$ *nuh* *tẹː* ***pruh***
какой.либо PREP NMNLZ делиться.информацией$_{8,9}$ DEM NEG REAS

kɔat *cɔap*$_{10}$ *rɔvɒl*$_{11}$ *lʊək*$_{12}$*dou*$_{13}$ *naː*$_{14}$ *muəj*$_{15}$ *mẹːk* *cit*
3 быть.занятым торговля да.и$_{14,15}$ небо близко

jup *tiət* *phɒːŋ*
ночь еще к.тому.же

‘Поначалу она ничего не хотела нам рассказывать, поскольку была занята (своей) торговлей, да, к тому же, и смеркалось уже’ (https://kohsantepheapdaily.com.kh)

6. Сочетаемость *pruh* с некоторыми служебными словами

В рамках причинной конструкции слово *pruh* может сочетаться с достаточно широким списком служебных слов.

6.1. Показатели следствия

Как было сказано выше, в том случае, если ЗЧ конструкции, вводимая показателем *pruh*, предшествует ГЧ, в структуре конструкции может появляться показатель следствия *tɤːp* (15), (16). В этого типа конструкциях употребляется еще один показатель следствия — *baːn-ciə*.

(27) ***pruh-tae*** *bɒːŋ* *krɒː* ***baːn-ciə***
REAS старший.сиблинг быть.бедным CONS

oun *chup* *srɒlaŋ* *bɒːŋ*
младший.сиблинг переставать любить старший.сиблинг

‘Лишь потому, что я беден, ты разлюбила меня’ [6]

Следующий пример интересен тем, что в нем стандартный порядок частей: ГЧ предшествует ЗЧ, при этом в составе ЗЧ все равно имеется маркер следствия:

[6] Слова *bɒːŋ* ‘старший сиблинг’ и *oun* ‘младший сиблинг’ употребляются в данном случае как аналоги личных местоимений 1 и 2 лица: такое употребление терминов родства, названий должностей, титулов и т. п. — обычная для кхмерского языка практика.

(28) ***baːn-ciə*** *viə* *jum* *miən* *sɒmleːŋ* *khlaŋ* *jaːŋ* *nih*
CONS 3 кричать иметь голос громкий вид DEM
pruh *viə* *miən* *kɒː* *vɛːŋ-vɛːŋ*
REAS 3 иметь шея длинный
‘Он (журавль) потому кричит так громко, что шея у него очень длинная’.

Существование подобных конструкций с препозицией показателя следствия (см. также пример (41)) отмечено и в грамматике [Khin Sok 1999: 483].

6.2. Показатель отрицания

Показатель *pruh* может свободно сочетаться с отрицанием. Это происходит в том случае, если говорящий хочет сообщить, что ситуация P не является причиной ситуации Q. Интересно, что показатель причины может сочетаться как с глагольным (29), так и с именным (30) отрицанием:

(29) *neak* *riən* *pruh* *neak* *cɒŋ* *riən* ***mɯn***
2 учиться потому.что 2 хотеть учиться NEG
pruh-tae *kɯt* *thaː* *neak* *kuə-tae* *riən*
REAS думать что 2 следовать учиться
‘Ты учишься, потому, что хочешь учиться, а вовсе не потому, что полагаешь, что тебе следует учиться’ (https://www.bizkhmer.com).

(30) *kaː* *chlaɯj* *baep* *nih* ***mɯn-mɛːn*** ***pruh*** *khlaːc*
NMNLZ отвечать тип DEM NEG REAS бояться
kaː *riə*$_1$ *reaŋ*$_2$ *rəbɒh* *kəat* *laɯj*
NMNLZ запрещать$_{1,2}$ POSS 3 AT.ALL
‘Такой ответ был (дан) вовсе не потому, что я боялся его запрета’ (https://khmernovel69.blogspot.com)

Кроме того, показатель отрицания может находиться в ЗЧ (31) или ГЧ (32) причинных конструкций.

(31) *kęː* *pruəj* ***pruh*** ***mɯn*** *dəŋ* *nɯŋ* *rəːk* *vithiː*
3SG/PL волноваться REAS NEG знать IRR искать средство
naː *aːc* *kae* *baːn*
какой мочь исправлять мочь
‘Она волновалась, волновалась, потому что не знала, какое найти средство, чтобы суметь (все) исправить’.

(32) *mɯn* *trəw* *riəp-cɒm* *bac* *phka:* *phɲaɯ* *cu:n*
NEG должен организовывать букет цветок посылать давать
kę: ... ***pi:-pruh*** *pɔpuək* *bakterəi* *a:c* *lu:t-lɔah* *ba:n*
3SG/PL REAS группа бактерия мочь развиваться мочь
nɤw *knoŋ* *tɯk*
находиться.в внутри вода
'Не нужно посылать им (пациентам больницы) букеты цветов, потому что в воде могут развиться бактерии'.

6.3. Показатель каузатива

Достаточно редко *pruh* (всегда вместе с частицей *tae*) употребляется в особой конструкции (сама по себе в литературном кхмерском эта конструкция достаточно частотна), которая может быть описана как своеобразное «совмещение» причинной (чаще всего с показателем причины *daoj-sa:* (33), но в этой позиции возможны и другие причинные показатели) и каузативной конструкций (показатель каузатива *thvɤ:-aoj*). Показатель *pruh* (видимо, только в форме *pruh-tae*) может появляться в составе подобной конструкции лишь при условии препозиции ЗЧ[7]. См. (34а) и (35).

(33) ***daoj-sa:*** *cʊək* *craɯn* *nɯŋ* *phək* *klaŋ* ***thvɤ:-aoj***
REAS курить много и пить сильный CAUS
viətna:m *miən* *a:tra:* *slap* *daoj-sa:* *cɔmŋɯ:*
Вьетнам иметь показатель умереть REAS болезнь
ma:ha:ri:k *thlaɯm* *ti:* *4* *lɤ:* *piʔphɔ:p$_1$ lo̤k$_2$*
рак печень ORD PREP мир$_{1,2}$
(https://www.lookingtoday.com/health/38206.html)
'Из-за того, что (жители Вьетнама) много курят и пьют, Вьетнам занимает четвертое место в мире по смертности от рака печени'.

(34а) ***pruh-tae*** *koun* *mneak* *nih* ***tɤ:p*** ***thvɤ:-aoj*** *mda:j*
REAS ребенок один-CLF DEM CONS CAUS мать
pruəj *ba:rɔ:m* *khlaŋ* *nah*
беспокоиться беспокоиться сильный очень
'Мать очень сильно переживает из-за этого сына'.

---

[7] Поскольку ЗЧ в конструкциях с *pruh* достаточно редко предшествует ГЧ, конструкции обсуждаемого типа с *pruh* относительно редки.

(35) ***pruh-tae*** *əw-puk* *kɔ:* *nɯŋ* *thlɒŋ* *ba:n*
REAS отец быть.немым CONJ быть.глухим PRF

thvɤ:-aoj *niəŋ* *kɯt* *tha:* *kɔat* *mɯn* *ba:n* *srɒlaŋ*
CAUS девушка думать что 3 NEG PRF любить

niəŋ
девушка

‘Только потому, что отец был нем и глух, девушка думала, что он ее не любит’ (www.cambopost.net).

Конструкции такого рода в большинстве случаев легко трансформируются в обычные каузативные (34б) или причинные (34в) конструкции. В первом случае это достигается путем удаления показателей причины и следствия, а во втором — путем удаления маркера каузатива и перестановки ГЧ и ЗЧ (в результате автоматически пропадает маркер следствия). При этом носители языка затрудняются уверенно прокомментировать разницу между (34а), (34б) и (34в).

(34б) *koun* *mneak* *nih* ***thvɤ:-aoj*** *mda:j* *pruəj*
ребенок один-CLF DEM CAUS мать беспокоиться

ba:rɔ:m *khlaŋ* *nah*
беспокоиться сильный очень

‘Этот сын заставляет мать очень сильно волноваться’

(34в) *mda:j* *pruəj* *ba:rɔ:m* *khlaŋ* *nah* ***pruh-tae***
мать беспокоиться беспокоиться сильный очень REAS

koun *mneak* *nih*
ребенок один-CLF DEM

‘Мать очень сильно переживает из-за этого сына’.

6.4. Временные, условные или уступительные союзы

Достаточно часто встречаются конструкции, в которых *pruh* употребляется вместе с временным, условным или уступительным союзом. В таких случаях зависимая часть причинной конструкции представляет собой полноценное сложноподчиненное предложение с придаточным относительного времени (36), условия (37) или уступки (38), вводимым соответствующим союзом:

(36) *məja:ŋ*$_1$ *tiət*$_2$ *kuə-aoj* *cɒmlaek*$_3$ *ɒhca:*$_4$ ***pruh*** ***nɤw***$_5$ ***pę:l***$_6$ ***dael***$_7$
к.тому.же$_{1,2}$ следовать удивляться$_{3,4}$ REAS когда$_{5,6,7}$

poːliːh *kuh* *thviə* *kot* *lǫːk* *baɯk* *thviə*
полиция стучать дверь келья господин открывать дверь

laɯŋ
подниматься

‘С другой стороны, достойно удивления, что (*букв.* потому что), когда полиция постучала в дверь кельи, он открыл дверь’.

(37) *pum-səw* *miən* *pęːl* *tumnęː* *tęː* ***pruh*** ***baɯ*** *khɲom*
не.очень иметь время свободный NEG REAS COND 1SG

miən *kaː-ŋiə* *thvɤː* *khɲom* *trəw* *thvɤː* *jaːŋ*
иметь работа делать 1SG быть.должным делать вид

pɯɲ *tiː*
полный место

‘(У меня) не очень-то есть свободное время, потому что, если у меня есть работа, я должна выкладываться полностью’.

(38) *niəŋ…* *tɒː* *tʊəl* *nɯŋ* *ɒmpɤː*$_1$ *okrət*$_2$ *nih* ***pruh***
девушка продолжать упираться PREP преступление$_{1,2}$ DEM REAS

tuh-bəi *niəŋ* *khɒm* *ɒŋvɒː* *nijiəj* *luəŋ-lǫːm*
CONC девушка стараться умолять говорить успокаивать

puː *niəŋ* *jaːŋ* *naː* *kɒː* *puː* *səm* *pum* *sdap*
дядя девушка вид какой NARR дядя PN NEG слушать

sɒh
совсем

‘Девушка продолжала сопротивляться этому насилию, потому что, как бы она ни умоляла своего дядю, дядя Сэм ничего не слушал’.

6.5. Другие показатели причины

В кхмерском языке возможны конструкции, в которых две причинные клаузы следуют одна за другой, вторая подчиняется первой. Эти клаузы могут вводиться одним и тем же показателем *pruh* (39) или разными показателями, одним из которых является *pruh* (40).

(39) *sokhaː* *mɯn* *prɔːm* *laɯj* ***pruh*** *sokhaː* *baːn*
PN NEG соглашаться AT.ALL REAS PN PRF

sɒmrec$_1$ *cət*$_2$ *nɯŋ* *bəi-bac* *niəŋ …* ***pruh*** *niəŋ* *miən*
решить$_{1,2}$ IRR заботиться девушка REAS девушка иметь

careja:$_3$ *sɒmbat*$_4$ *nɯŋ* *ru:p*$_5$ *sɒmbat*$_6$ *lɔɒ:* *na:h*
поведение$_{3,4}$ CONJ внешность$_{5,6}$ хороший очень

‘Сокха не соглашался (расстаться с девушкой), потому что он решил заботиться о ней, так как девушка была очень хороша собой и воспитана’.

(40) *sokha* *kɒ:* *nɔam* *niəŋ* *tɤw* *nɤw* *phteah*
PN NARR вести девушка уходить находиться дом

ciə-muəj ***nɤw***$_1$ ***oka:h***$_2$ ***dael***$_3$ *əwpuk* *məda:j* *anuŋa:t* *aoj*
вместе благодаря$_{1,2,3}$ отец мать разрешать BNF

pruh *lo̯:k-jiəj* *kɒ:* *cuəj* *som* *aoj* *niəŋ*
REAS бабушка NARR помогать просить CAUS девушка

maok *nɤw* *dae*
приходить находиться тоже

‘Сокха привел девушку в свой дом, благодаря тому, что родители ему (это) разрешили, потому что и бабушка тоже попросила за нее’.

Показатель *pruh* может сочетаться с некоторыми другими показателями причины в рамках одной клаузы. Такие сочетания следует рассматривать в контексте общей тенденции, наблюдаемой в литературном письменном кхмерском языке, суть которой состоит в одновременном употреблении синонимичных или квазисинонимичных знаменательных и служебных слов. Так, в примере (41) *pruh* употреблен вместе с другим частотным показателем причины — *daoj-sa:*, а в примере (42) с показателем причины *tbət,* имеющим в современном языке несколько архаичный оттенок (пример, однако, заимствован из традиционной народной сказки, где этот показатель обычен).

(41) *ba:n-ciə* *ke̯:* *mɯn* *hiən* *daɯ* *kat* ***pruh*** ***daoj-sa:***
CONS 3 NEG сметь идти резать REAS REAS

miən *khmaoc* *lɔ:ŋ* *tae-mdɒ:ŋ*
иметь призрак являться PTCL

‘Потому никто не смел проходить (через монастырское кладбище), что там (часто) показывались призраки’.

(42) *borɒh* *kra:p* *tu:l* *tha:* *“tu:l*$_1$ *preah*$_2$ *bɒŋkum*$_3$
мужчина падать.ниц говорить что 1SG$_{1,2,3}$

kohɒ:k *prɒpʊən* *cɒŋ* *dəŋ* *cət* ***pruh*** ***tbət***
обманывать жена хотеть знать сердце REAS REAS

khɤ:ɲ *trɔap* *craɯn*
видеть богатство много

‘Я, Ваше Величество, обманул жену, желая узнать ее нрав, ибо увидел (телегу с) огромными богатствами’.

7. Выводы

Служебное слово *pruh* является самым частотным показателем причины в современном кхмерском языке. Как и большинство других показателей причины в кхмерском, оно может вводить как причинные клаузы (т. е. употребляться в функции союза), так и именные группы, обозначающие Причину. Особенность *pruh* заключается в том, что вводимая им зависимая часть (клауза или именная группа) стандартно помещается после главной части. Обратный порядок следования частей возможен, но он является маркированным и встречается гораздо реже. Причинные конструкции с *pruh* допускают широкий круг прочтений: собственно причина, мотив, инферентивное, иллокутивное, логико-семантическое. В рамках конструкции *pruh* может сочетаться с показателями следствия, отрицания, каузатива, условия, уступки, таксиса, а также с другими показателями причины.

Список условных обозначений

DEM — указательное местоимение; NEG — отрицание; CONS — следствие; SG — единственное число; PL — множественное число; Q — вопрос; ITER — итеративность; PREP — предлог; COP — связка; PN — имя собственное; PASS — пассив; CONJ — союз; ONOM — ономатоп; COMP — комлементайзер; COND — условие; CONC — уступка; INDEF — неопределенное местоимение; CLF — классификатор; CAUS — каузатив; PROH — прохибитив; NARR — нарративный показатель; NMNLZ — номинализатор; PTCL — частица; POSS — посессивность; IRR — ирреалис; ORD — порядковое числительное; PRF — перфект.

Литература

Дмитренко, Спатарь 2018 — С. Ю. Дмитренко, Н. М. Спатарь. Союз *daoj-sa:* в кхмерском языке: история и функционирование // Е. Н. Колпачкова (отв. ред.). Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки.

Материалы XIII Международной научной конференции. СПб.: ЦСО, 2018. С. 65–73.

Еловков 2006 — Д. И. Еловков. Структура кхмерского языка. Фонетика, фонология, грамматика, лексика, семантика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.

Заика 2019 — Н. М. Заика. Полипредикативные причинные конструкции в языках мира: пространство типологических возможностей // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 7–32.

Пекелис 2015 — О. Е. Пекелис. Причинные придаточные. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2015.

Baradat 1941 — R. Baradat. Les dialectes des tribus sâmrê. Manuscrit de l'Ecole Française d'Extrême-Orient, Paris. 1941 [рукопись].

Enfield 2007 — N. J. Enfield. A Grammar of Lao. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007.

Haiman 2011 — J. Haiman. Cambodian. Khmer. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2011.

Hanna 2012 — W. J. Hanna. Dai-Lue — English Dictionary. Chiang Mai: Silkworm Books, 2012.

Kamnuansin 2002 — Sunee Kamnuansin. Kasong Syntax. Nakhon Pathom: Mahidol University, 2002.

Khin 1999 — Khin Sok. La grammaire du Khmer moderne. Paris : Editions You-Feng, 1999.

Paillard 2013 — D. Paillard. About polyfunctionality in Khmer: The case of daoy. [2013] URL: http://www.jseals.org/seals23/paillard2013polyfunctionnalityh.pdf (дата обращения: 01.08.2020)

Pou 1992 — Pou Saveros. Dictionnaire vieux khmer-français-anglais. Paris : Cedoreck, 1992.

Pou 2017 — Pou Saveros. Un Dictionnaire du Khmer-Moyen. Phnom Penh: Institut Bouddique, 2017.

Varasarin 1984 — Uraisi Varasarin. Les élements khmers dans la formation de la langue siamoise. Paris : SELAF, 1984.

References

Dmitrenko, Spatari 2018 – S. Yu. Dmitrenko, N. M. Spatari. Soyuz daoj-sa: v khmerskom yazyke: istoriya i funktsionirovanie [Conjunction daoj-sa: in Cambodian: history and functions. E. N. Kolpachkova (ed). Languages of Far East, Southeast Asia and West Africa. Proceedings of the XIII International Conference]. St. Petersburg: CSO, 2018. P. 65–73.

Elovkov 2006 – D. I. Elovkov. Struktura khmerskogo yazyka. Fonetika, fonologiya, grammatika, leksika, semantika [Structure of Cambodian: Phonetics, Phonology, Grammar, Vocabulary, Semantics]. St Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University Press, 2006.

Hanna 2012 – W. J. Hanna. Dai-Lue — English Dictionary. Chiang Mai: Silkworm Books, 2012.

Pekelis 2015 – O. N. Pekelis. Prichinnye pridatochnye. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki. Na pravakh rukopisi [Reason Clauses. Materials for the Project of Corpus Description of Russian Grammar. As a manuscript]. Moscow, 2015.

Zaika 2019 – N. M. Zaika. Polipredikativnye prichinnye konstruktsii v yazykakh mira: prostranstvo tipologicheskikh vozmozhnostey [Polypredicative reason constructions in the world's languages: Typological parameters]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2019. No. 4. P. 7–32.

Baradat 1941 – R. Baradat. Les dialectes des tribus sâmrê. Manuscrit de l'Ecole Française d'Extrême-Orient. Paris, 1941 [unpublished manuscript].

Enfield 2007 – N. J. Enfield. A grammar of Lao. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007.

Haiman 2011 – J. Haiman. Cambodian. Khmer. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2011.

Kamnuansin 2002 – Sunee Kamnuansin. Kasong Syntax. Nakhon Pathom**:** Mahidol University, 2002.

Khin 1999 – Khin Sok. La grammaire du Khmer moderne. Paris : Editions You-Feng, 1999.

Paillard 2013 – D. Paillard About polyfunctionnality in Khmer: The case of daoy. [2013]. Available at: http://www.jseals.org/seals23/paillard2013polyfunctionnalityh.pdf (accessed on: 01.08.2020)

Pou 1992 – Pou Saveros. Dictionnaire vieux khmer-français-anglais. Paris : Cedoreck, 1992.

Pou 2017 – Pou Saveros. Un Dictionnaire du Khmer-Moyen. Phnom Penh: Institut Bouddique, 2017.

Varasarin 1984 – Uraisi Varasarin. Les élements khmers dans la formation de la langue siamoise. Paris: SELAF, 1984.

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 420–452
DOI 10.30842/alp2306573716215

Семантические и синтаксические свойства показателей глагольной множественности в горномарийском языке*

В. В. Дьячков
Институт языкознания РАН, Москва; hyppocentaurus@mail.ru

М. О. Стрыгина
Независимый исследователь, Москва; heyitsmaria@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются семантические свойства нескольких показателей глагольной множественности в горномарийском языке. Целью исследования является определение семантических различий между ними с опорой на типологически релевантные параметры описания глагольной множественности. Особое внимание уделяется показателям *-al-* и *-kal-*, которые могут модифицировать сразу несколько семантических компонентов глагола. Для них предлагается анализ, базирующийся на идеях семантической декомпозиции глагола в терминах структуры события Дж. Рэмчанд.

Ключевые слова: глагольная множественность, аспект, теория акциональности, структура события, финно-угорские языки, горномарийский язык.

Pluractionality in Hill Mari: semantic and syntactic features

V. V. Dyachkov
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow; hyppocentaurus@mail.ru

M. O. Strygina
Independent researcher, Moscow; heyitsmaria@yandex.ru

Abstract. The article deals with the semantic properties of several pluractionality markers in the Hill Mari language. The aim of the study is to identify their semantic differences against the typologically relevant pluractionality pa-rameters (see [Cusic

* Исследование поддержано грантом РФФИ 19-012-00627.

1981], [Khrakovskiy 1989], [Shluinskiy 2006], [Wood 2007] inter alia). We will show that the Hill Mari pluractionality markers can be subdivided into those that express iterative meanings and those that can be regarded as measure operators modifying both single and plural events.

The latter set of markers (namely, the attenuative -al- and the discontinuative -kal-), considered in greater detail, can modify several semantic components of a verb. We analyze these based on the ideas of predicate decomposition in terms of the Ramchand's event structure theory. We will show that these markers can modify independently the initial, the progressing, and the resulting subevents of the event denoted by a given verb. With the event structure of a predicate established, one can predict a given predicate's reading emerging in combination with a given pluractionality marker. Thus, achievements modified by the attenuative can only produce a resulting-state reading, while in combination with the degree marker achievements denote situations with a reduced degree of the action's performance, etc. We will also show that, in some cases, the attenuative and the discontinuative can modify an iterative (often implicit) operator putting it into a special position in the syntactic tree (iterative phrase head).

Another hypothesis of this paper is that all pluractionality markers include quantized events in their semantic representation, that is, pluractionality markers can be viewed as operators over quantized events, which makes it possible to draw some parallels between nominal plurality and pluractionality.

Keywords: verbal pluractionality, aspect, aktionsart theory, event structure, Finno-Ugric languages, Hill Mari language.

1. Введение

В статье предлагается описание показателей предикатной (глагольной) множественности горномарийского языка, исследование которых проводилось в рамках экспедиции 2017 г. в с. Кузнецово Горномарийского р-на Республики Марий Эл. Основная цель работы — разграничение значений показателей и создание модели, позволяющей формализовать наблюдаемые различия. Структура работы устроена следующим образом. В *Разделе 2* вводятся необходимые термины. В *Разделе 3* рассматривается инвентарь суффиксов со значением множественности в горномарийском языке и дается их характеристика, основанная на материале предшествующих исследований и собственных полевых данных авторов. В *Разделе 4* предлагается формальный анализ, при помощи которого мы попробуем объяснить наличие в языке

нескольких показателей с идентичным или похожим значением и их сочетаемость друг с другом.

2. Подходы к анализу глагольной множественности

В качестве теоретической базы были использованы фундаментальные исследования, посвященные организации семантической зоны глагольной множественности, — это [Dressler 1968; Cusic 1981; Храковский 1989; Шлуинский 2006; Wood 2007]. Ниже мы обсудим идеи, связанные с семантикой значений сферы глагольной множественности, которые, на наш взгляд, являются существенными для данного исследования.

В указанных работах вводится несколько основных параметров, в зависимости от которых предлагаются различные классификации частных значений сферы предикатной множественности. Мы остановимся на некоторых из этих параметров, представляющихся нам наиболее важными для нашего исследования.

Прежде всего, среди типов значения предикатной множественности противопоставлены внутрисобытийный и внесобытийный (в терминологии работ [Cusic 1981; Шлуинский 2006], соответствующие мультипликативному и итеративному типам в терминологии В. С. Храковского), а также итеративный и дистрибутивный типы множественности. Внутрисобытийный тип предполагает повторение сходных фаз одного события, внесобытийный — повторение сходных, но отдельных событий в отдельные периоды времени. Итеративный тип описывает повторяющуюся ситуацию с одним и тем же набором участников (‘X делает V много раз’), дистрибутивный — ситуацию, повторение которой обусловлено появлением новых участников (‘разные X делают V’ или ‘X делает разные V’).

Другой важный параметр, который играет большую роль, в частности, для исчисления типов глагольной множественности в [Храковский 1989], — параметр счета ситуаций, обозначаемых тем или иным показателем. Множественность может быть определенной и неопределенной. Неопределенная множественность представлена бинарной оппозицией: ‘один предмет / ситуация’ ~ ‘множество таких же предметов / ситуаций’, что может быть проиллюстрировано следующей парой примеров на русском языке, где во втором случае число повторений ситуаций не характеризуется численно:

(1а) *Студент* ***пришел*** *на лекцию вовремя.*

(1б) *Студент* ***приходил*** *на лекции вовремя.*

Определенная множественность, наоборот, является средством охарактеризовать ситуации количественно в пределах натурального ряда чисел. Счет ситуаций при определенной множественности, в свою очередь, делится на точный, неточный и приблизительный. Приведем примеры показателей счета ситуаций в русском языке:

a. точный счет: счетный комплекс из количественного числительного и счетного слова *раз*; количественные наречия, образованные от соответствующих количественных числительных (*упал один раз, дважды*);
b. неточный счет: счетный комплекс с «неопределенным числительным», которое оценивает количество считаемого как большое или небольшое; неопределенно-количественные наречия; счетный комплекс с «круглым» количественным числительным (*упал несколько раз, падал неоднократно, сто раз напоминал*);
c. приблизительный счет: особые обстоятельственные слова; обратный порядок элементов счетного комплекса (*падал приблизительно пять раз, раз пять*).

Наконец, исходя из характера описаний действия показателями множественности, возможно дальнейшее дробление рассматриваемой семантической зоны. Для описания семантики показателей могут иметь значение такие параметры, как интенсивность действия, характер промежутков между отдельными событиями (‘редко / с частыми паузами’ и т. д.). Среди частных значений, которые входят в семантическую зону глагольной множественности, в работе [Шлуинский 2006] выделяются, к примеру, мультипликатив (‘серия повторяющихся одинаковых квантов события’: *Вода капает из крана*), дисконтинуатив (‘повторение кратковременной ситуации рассматривается как единая ситуация с перерывами’: *Вася посматривает в окно*), аттенуатив (‘ситуация повторяется с пониженной интенсивностью’: *Вася поглаживает Машину руку*) и т. д.

Отметим также, что для характеристики показателей глагольной множественности важна семантика глаголов, к которым присоединяются данные показатели. На это указывает [Храковский 1989], говоря о смысловых классах предикатов, сочетающихся со значением признака множественности. Так, хорошо сочетаются с показателями

множественности глаголы, обозначающие предельные процессы, временные состояния и непредельные процессы (*строить (дом)*, *лежать*, *работать*). Напротив, не сочетаются или с трудом сочетаются с ними глаголы, обозначающие постоянные свойства и отношения и устойчивые состояния (*дышать, находиться, знать французский*).

Основываясь на исследованиях предшественников и собственных данных, мы попытаемся ниже дать характеристику показателей глагольной множественности в горномарийском языке.

3. Инвентарь и семантическая характеристика суффиксов

В горномарийском языке исследователи выделяют разное количество морфологических показателей предикатной множественности. В данной работе мы будем опираться на описания глагольных суффиксов со значением множественности, предложенные в работах [Серебренников 1960; Саваткова 2002].

На основе исследований [Храковский 1989; Шлуинский 2006] мы предпримем попытку дать типологически ориентированные описания исследуемых суффиксов. Мы присвоим суффиксам типологические ярлыки (которые призваны главным образом идентифицировать суффикс, но не дать его исчерпывающее описание), а ниже попробуем выявить наиболее существенные семантические свойства суффиксов множественности. Наряду с последними будет также рассмотрен показатель *-alt-,* который может быть охарактеризован в терминах В. С. Храковского как семельфактив. Значение семельфактива логически дополняет понятие мультипликативной множественности: последнее указывает «на серию повторяющихся (микро)действий, тесно взаимодействует с семельфактивным значением, указывающим на одно из (микро)действий, входящих в серию» ([Храковский 1989: 25], см. также [Храковский 1998] о типологии явления).

В горномарийском языке есть не менее семи различных морфологических показателей глагольной множественности, которые кратко были описаны в [Серебренников 1960; Саваткова 2002] (см. также [Пенгитов 1961] о родственном луговом марийском языке). Неточность подсчета количества алломорфов связана с проблемой алломорфии, которой мы кратко коснемся далее. В *Таблице 1* обобщены данные о семантике

показателей, имеющиеся в работах [Серебренников 1960; Саваткова 2002], а также наши собственные данные.

Таблица 1. Семантические инварианты показателей множественности

Table 1. Semantic invariants of the pluractionality markers

№	Суфф.	Ярлык	[Саваткова 2002]	[Серебренников 1960]	Формулировка значения
1	*-alt-/-ât-*	Пунктив	*-alt-* образует «однократные глаголы быстрого действия» , *-ât-* — «многократные глаголы длительного, неорганизованного действия»	«однократное, быстро совершающееся действие или маломерное действие»	одна из N одинаковых повторяющихся ситуаций (N ≥ 1), каждая из которых представляется как мгновенная; семельфактив
2	*-âl-*	Семельфактив / Итератив 1	«однократные глаголы мгновенного действия», «многократные глаголы прерывающегося, беспорядочно совершающегося действия»	«придает самый обычный вид повторения действия или состояния»	квант действия, обозначаемого исходной основой (Семельфактив) / событие повторяется N раз (Итератив 1)
3	*-edəəl-*	Итератив 2	«образует многократные глаголы беспорядочного действия»	контаминация суффиксов *-ed-* (см. ниже) и *-âl-*	событие повторяется N раз
4	*-âšt-*	Итератив 3	«многократные глаголы прерывающегося действия»	«многократное действие»	событие повторяетсяN раз
5	*-ed-*	(непродуктивный показатель итератива)	«многократные глаголы незначительного, но ритмичного действия»	«обычная многократность»	(признается носителями как устаревший и неиспользуемый показатель)

№	Суфф.	Ярлык	[Саваткова 2002]	[Серебренников 1960]	Формулировка значения
6	*-al-/-alal-/-edäl-/-ə̂ndal-*	Аттенуатив	*-al-* образует «однократно-моментальные глаголы с уменьшительно-ласкательным значением», *-ə̂ldal-* / *-ldäl-* (в исследуемом нами говоре *-ə̂ndal-*) — «многократные глаголы незначительного действия»	«однократное, быстро совершающееся действие и маломерное действие, продолжавшееся в течение небольшого промежутка времени»	сниженная интенсивность действия
7	*-kal-*	Дисконтинуатив	«глаголы незначительного беспрерывного действия», может придавать «уничижительное значение»	«многократное действие, чаще всего не сосредоточенное в одном месте, разбросанное или совершаемое в разные периоды времени»	ситуация имеет место на протяжении промежутка времени t, в течение которого есть подынтервалы, когда она не имеет места

Ниже мы несколько более подробно охарактеризуем семантику исследуемых показателей.

3.2.1. *-alt-* (Пунктив)

Суффикс, сочетаясь с мультипликативными глаголами, образует от них семельфактивы. В то же время сочетаемость показателя не ограничена только мультипликативными глаголами — сочетаясь с глаголами деятельности, суффикс обозначает единичные ситуации, происходящие от начала до конца:

(2) *pet'a* *kaxə̂r**-alt-**en*
П. кашлять-PUN-PRET
'Петя два раза кашлянул'.

(3) *vas'a* *kok* *gänä* *sanatori-štə̂* *kän-**ält-**en*
В. два раз санаторий-IN отдыхать-PUN-PRET
'Вася два раза отдохнул в санатории'.

(4) *kat'a* ***iziš*** *mâr-**alt**-en* *dä* *vara* *cärn-en*
К. немного петь-PUN-PRET а потом перестать-PRET
'Катя немного попела (а потом перестала)'.

Глаголы, содержащие суффикс Пунктива, сочетаются с адвербиалами однократности, точного и неточного счета:

(5) *mən'-ən* *əzä-m* *täng-žə̈-län* *dokâ*
я-GEN ст.брат-P.1SG друг-P.3SG-DAT к
ik ***gänä*** / ***kok*** ***gänä*** / ***šukâ*** ***gänä***
один раз два раз много раз
*zvon'-**alt**-en*
звонить-PUN-PRET
'Мой брат один / два / много раз позвонил другу'.

3.2.2. *-âl-* (Итератив 1)

В горномарийском языке традиционно выделяется два суффикса *-âl-* с моментальным и многократным значением (см., в частности, [Галкин 1966: 90–92]). В указанной работе предполагается, что суффикс с моментальным значением восходит к прафинноугорскому моментальному *-л*-овому суффиксу, в то время как суффикс с многократным значением — к финно-угорскому многократному *-л*-овому суффиксу.

Суффикс с однократным значением может быть охарактеризован как семельфактивный показатель. Он выделяет один квант действия, обозначаемого соответствующим бессуффиксным глаголом:

(6) *mükš* *mən'-ə̈m* *pâšk-**âl-**ân*
пчела я-ACC жалить-ITER1-PRET
'Пчела меня жалила [много раз]'.

(7) *mükš* *mən'-ə̈m* *pâšk-**âl-**ân*
пчела я-ACC жалить-SEM-PRET
'Пчела меня ужалила один раз'.

Суффикс с многократным значением указывает на простую итерацию события. Если исходная основа глагола не охарактеризована по способу действия (однократному или многократному), то формы

без *-âl-* и с ним могут быть синонимичны и употребляться в одних и тех же контекстах множественности:

(8) *kogo* *mardež* *paštek* *kenvaz-(-**âl**-)ân-ât*
большой ветер из-за падать-ITER1-PRET-PL
‘После урагана много деревьев упало’.

Точное указание на количество раз совершения действия не является частью семантики рассматриваемого суффикса, поскольку он сочетается также и с наречиями, обозначающими неточный промежуток времени:

(9) *vas’a* *kânam-žâ* *šädešk-**äl**-än*
В. когда-P.3SG сердиться-ITER1-PRET
‘Вася иногда сердился (на жену)’.

3.2.3. *-edäl-* (Итератив 2)

Представляется, что главный семантический компонент Итератива 2 — наличие большого количества кратковременных квантов ситуации. В некоторых случаях глаголы с данным показателем имеют семантический компонент ‘сделать V плохо или не до конца’ (см., в частности, пример (12)):

(10) *vas’a* *olma-m* *šu-**edäl**-eš*
В. яблоко-ACC бросить-ITER2-NPST.3SG
‘Вася кидается яблоками’.

(11) *t’et’ä* *telefon* *dono* *mad-**edäl**-eš*
ребенок телефон с играть-ITER2-NPST.3SG
‘Ребенок играется с телефоном’.

(12) *järän-äštä* *rokolma-m* *pet’a* *pog-**edäl**-än*
грядка-IN картошка-ACC П. собрать-ITER2-PRET
kâ-štâ *ti-štâ* *vele*
какой-IN этот-IN только
‘Петя собрал картошку только местами’.

Семантический компонент многократности значения суффикса приводит к интересным эффектам и в некоторых случаях меняет семантику глагола. Так, в сочетании с некоторыми глаголами движения Итератив 2 обозначает многократное разнонаправленное действие:

(13) *kek-vlä* *pušängə* *gəc* *pušängə-š* *vəs-**edəl**-ət*
птица-PL дерево от дерево-ILL летать-ITER2-NPST.3PL
‘Птицы летают с дерева на дерево’.

Данный показатель Итератива не сочетается с адвербиалами, обозначающими однократность, однако сочетается с адвербиалами неточной множественности:

(14) **vas’a* *mešäk-əm* ***ik*** ***gänä*** / ***šukə̂*** ***gänä***
В. мешок-ACC один раз много раз
*pišt-**edəl**-ən*
класть-ITER2-PRET
‘Вася мешок поднял один раз / много раз’.

Также отметим, что показатель Семельфактива *-ə̂l-* и Итератив 2 зачастую взаимозаменимы (можно даже говорить о разделении стратегий — некоторые носители языка явно предпочитают первый суффикс, другие — второй):

(15) *vas’a* *kerem-əm* *jašt-**ə̂l**-ə̂n* / *jašt-**edəl**-ən*
В. веревка-ACC связать-ITER2-PRET связать-ITER2-PRET
‘Вася веревку завязал (связывал то тут, то там)’.

3.2.4. *-ə̂št-* (Итератив 3)

В наших данных обнаружено, что данный показатель присоединяется как минимум к 7 основам: *ə̂ltalaš* ‘обманывать’, *jadaš* ‘просить, спрашивать’, *kolaš* ‘слышать’, *namalaš* ‘нести’, *tergäš* ‘проверять, выспрашивать’, *tərgäš* ‘прыгать’, *kə̂dalaš* ‘ехать’. При этом тесты на возможность присоединения к другим 33 основам дали отрицательный результат, из чего мы делаем предположение, что суффикс *-ə̂št-* является непродуктивным.

Помимо простого итеративного значения, у этого показателя зафиксировано значение разнонаправленного действия, или альтернатива (см. [Шлуинский 2006: 49]):

(16) *ərvezäš* *kə̂dal-**ə̂št-**ən* *pos’olok* *mə̂čkə̂*
мальчик ходить-ITER3-PRET поселок по
‘Мальчик ездил по поселку туда-сюда’.

(17) *vas'a* *sumka-m* *namal-**âšt**-eš*
В. сумка-ACC нести-ITER3-NPST.3SG
'Вася сумку носит туда-сюда'.

На наш взгляд, для характеристики семантики суффикса указание на какие-либо дополнительные параметры итерации (временные или частотные) не являются существенными. Глагольные формы с этим суффиксом могут употребляться с адвербиалами точного и неточного счета. Сочетаясь с адвербиалами однократности, они все равно обозначают множественную ситуацию.

(18) *vas'a* *pet'a-m* *maša* *gišän* *kok* *minut* / *šŭkâ* *zĕp* /
В. П.-ACC М. о два минута / много время
šukâ *gänä* / *ik* *gänä* *jad-**âšt**-ân*
много раз один раз спросить-ITER3-PRET
'Вася Петю о Маше расспрашивал две минуты / долгое время / много раз / один раз'.

3.2.5. *-ed-* (Итератив 4)

В наших данных показатель *-ed-* встречается только в нескольких примерах, где выражает значение многократного повторения ситуации:

(19) *pet'a* *šären* *ät'ä-ävä-žə̂-m* *altal-**ed**-en*
П. часто отец-мать-P.3SG-ACC обманывать-ITER4-PRET
'Петя часто обманывал своих родителей'.

Мы не рассматриваем этот суффикс отдельно, поскольку он является непродуктивным в исследуемом говоре.

3.2.6. *-al-* / *-alal-* / *-endäl-* / *-ândal-* (Аттенуатив)

Как было сказано ранее, суффикс Аттенуатива обозначает ситуацию, которая реализуется в меньшей степени, чем при нормальных условиях. Приведем примеры употребления:

(20) *mən'* *əngəž-əm* *pog-**alal**-aš* *läkt-əm*
я малина-ACC собирать-ATT-INF выйти-AOR.1SG
'Я вышла чуть-чуть пособирать малину'.

(21) *vas'a* *šoen* *tol-**ə̂ndal**-eš*
В. изредка приходить-ATT-NPST.3SG
'Вася изредка приходит'.

3.2.7. *-kal-* (Дисконтинуатив)

Согласно нашим данным, семантика Дисконтинуатива сводится к обозначению прерывистого действия, которое осуществляется с паузами в течение времени наблюдения, причем необходимо, чтобы между паузами осуществлялось поддержание ситуации, обозначаемой глаголом:

(22) *ti* *edem* *anž-**ə̂kal**-aš* *pogodə-m* *sə̂ren=ok*
этот человек смотреть-DISC-INF погода-ACC часто=EMPH
päl-əkäl-ä
знать-DISC-NPST.3SG
'Этот человек частенько погоду угадывает'.

(23) *pet'a* *knigä-m* *lə̂d-**ə̂kal**-en*
П. книга-ACC читать-DISC-PRET
'Петя почитывал книгу'.

(24) *püergə* *ke-ä* *sola* *mə̂čkə̂* *veremä-n* *veremän*
мужчина идти-NPST.3SG село по время-GEN время-GEN
*kenvaz-**ə̂kal**-a*
падать-DISC-NPST.3SG
'Мужик идет по деревне, время от времени падает'.

(25) *t'ot'a* *tokə̂-žə̂* *kornə̂-m* *mond-**ə̂kal**-aš* *tə̂ngal-ə̂n*
дед дом-P.3SG путь-ACC забыть-DISC-INF начать-PRET
'Дедушка начал временами забывать дорогу домой'.

Глаголы с суффиксом *-kal-* обозначают многократные действия, и из этого следует, что они не должны сочетаться с наречиями однократности. Суффикс также не сочетается с другими адвербиалами точной кратности:

(26) **pet'a* *ik* / *kok* *gänä* *pušängə-š* *kuzə̂-**kal**-ə̂n*
П. один два раз дерево-ILL лазать-DISC-PRET
'Петя один / два раза на дерево лазал'.

Однако этот показатель хорошо совмещается с семантикой неточного счета:

(27) *pet'a* *šə̑re-n* / *každə̑j* *kečə̑-n* *kuz-**ə̑kal**-a*
П. частый-GEN каждый день-GEN лазать-DISC-NPST.3SG
'Петя каждый день на дерево лазит'.

Итак, мы привели краткую характеристику рассматриваемых суффиксов по нескольким параметрам. *Таблица 2,* обобщающая сведения об исследуемых семантических характеристиках, представлена ниже, и в нее включены сведения о пяти суффиксах (показатель Аттенуатива ввиду его особенностей будет подробно рассмотрен в следующих разделах).

Из примеров, приведенных в *Разделах 3.2.1–3.2.2*, видно, что глаголы с показателями множественности могут обозначать действия, производимые как с одним объектом, так и с разными. Иными словами, для характеризации действия, обозначаемого глаголом с суффиксом множественности в горномарийском языке, не требуется указывать, с каким количеством объектов производится действие, а значит, в общем случае, эта характеристика множественного действия не входит в семантику суффикса, что соответствующим образом отмечено в таблице. Вместе с тем, из простого сопоставления суффиксов видно, что такой параметр, как сочетаемость с наречиями кратности разных видов, позволяет даже на первом этапе исследования провести различия между разными суффиксами.

Таблица 2. Семантические свойства показателей множественности

Table 2. Semantic properties of the pluractionality markers

	-alt- **(Пунктив)**	***-ə̑l-*** **(Итератив 1)**	***-ə̑št-*** **(Итератив 2)**	*-edə̑l-* **(Итератив 3)**	***-kal-*** **(Дискон-тинуатив)**
множественные ситуации с разными объектами	—	да	да	да	да
множественные ситуации с одним и тем же объектом	—	да	да	да	(да) [1]

[1] Скобки в таблице обозначают данные, полученные на нескольких примерах и, следовательно, обладающие меньшей степенью надежности.

	-alt- **(Пунктив)**	***-ə̂l-*** **(Итератив 1)**	***-ə̂št-*** **(Итератив 2)**	*-edə̈l-* **(Итератив 3)**	***-kal-*** **(Дискон-тинуатив)**
однократное действие	да	нет	нет	нет	нет
адверби-алы точ-ного счета (‘N раз’)	да	да	да	да	(нет)
адверби-алы неточ-ного счета (‘много раз’, ‘посто-янно’)	да	да	да	да	да

4. Сочетаемость суффиксов друг с другом

Как было отмечено и в предыдущих исследованиях марийских языков (см., в частности, [Серебренников 1960: 187–188]), суффиксы множественности могут сочетаться друг с другом. К сожалению, в данной работе не описываются данные конкретно горномарийского языка, поэтому представляется затруднительным определить, какова общая картина сочетаемости именно в горномарийском языке. Для вынесения суждений мы опираемся в первую очередь на собственный материал и кратко суммируем наши наблюдения в *Таблице 3*.

В ячейках *Таблицы 3* представлены сведения обо всех логически возможных комбинациях суффиксов (в столбцах и строчках для краткости представлены только глоссы для каждого суффикса). Серым цветом закрашены ячейки, соответствующие комбинациям, зафиксированным в [Серебренников 1960: 187–188], но не зафиксированным в наших данных (при проверке данных сочетаний на грамматичность в исследуемом идиоме наши консультанты категорически отвергли их). Остальные комбинации помечены астериском, в случае если они в изучаемом нами идиоме не зафиксированы (при этом скобки в записи означают, что для данных сочетаний получено меньше количественных данных, чем для других сочетаний).

Таблица 3. Сочетаемость показателей множественности друг с другом

Table 3. Compatibility of the pluractionality markers with each other

	PUN	**ITER1**	**ITER2**	**ITER3**	**DISC**	**ATT**
PUN	*	(**alt-âl*)	(**alt-edəəl*)	**alt-âšt*	**alt-kal*	***alt-al***
ITER1	(**âl-alt*)	*	**âl-edəl*	(**âl-âšt*)	(**âl-âkal*)	**âl-al*
ITER2	**edəl-alt*	**edəl-âl*	*	**edəl-âšt*	(**edəl-âkal*)	(**edəl-al*)
ITER3	(**âšt-alt*)	***âšt-âl***	(**âšt-edəl*)	*	***âšt-âkal***	***âšt-al***
DISC	(**kal-alt*)	(**kal-âl*)	(**kal-edəl*)	**kal-âšt*	*	**kal-al*
ATT	**al-alt*	**al-âl*	(**al-edəl*)	(**al-âšt*)	**al-âkal*	*

Из таблицы видно, что в [Серебренников 1960: 187–188] отмечено гораздо большее количество возможных комбинаций суффиксов множественности, чем наблюдаем мы в исследуемом идиоме горномарийского языка (при этом отметим, что в работе [Серебренников 1960: 187–188] для большинства комбинаций также приведены лишь единичные случаи их употребления). В исследуемом говоре, по-видимому, способность суффиксов сочетаться друг с другом ограничена, но все же присутствует. Нами были зафиксированы сочетания Итератива 3 и Дисконтинуатива:

(28) *vas'a* *každâj* *paškudâ-m* *ikgänä* *jad-âštâ-kal-ân*
В. каждый сосед-ACC 1 раз спросить-ITER3-DISC-PRET
'Вася каждого соседа порасспросил'.

(29) *vas'a* *šudâ-m* *namal-âštâ-kal-ân*
В. сено-ACC нести-ITER3-DISC-PRET
'Вася помаленьку носил сено'.

Что касается других возможных комбинаций, то спорадически мы фиксировали некоторые другие сочетания суффиксов, которые обычно большинством носителей не признавались:

Итератив 2 + Итератив 3
(30) *lükt-edəl-əšt-äš* *a-k* *kel*
поднимать-ITER2-ITER3-INF NEG.NPST-3 быть.нужным
'Постоянно поднимать не надо'.

Дисконтинуатив + Итератив 3
(31) *vas'a* *šudâ-m* *namalâ-kal-âšt-ân*
В. сено-ACC нести-DISC-ITER3-PRET
'Вася потихоньку носил сено'.

Среди других зафиксированных нами глаголов более чем с одним суффиксом мы можем назвать *jad-ə̂št-edəl-äš* ‘расспрашивать время от времени’ (‘спросить-ITER3-ITER2-INF’), *kədal-ə̂št-edəl-äš* ‘ездить туда-сюда’ (‘ехать-ITER3-ITER2-INF’), *jadə̂-kal-ə̂št-aš* ‘помаленьку выспрашивать’ (‘спросить-DISC-ITER3-INF’), *altal-ə̂l-ə̂št-aš* ‘обманывать’ (‘обмануть-ITER1-ITER3-INF’), *jad-ə̂štə̂-kal-ə̂št-aš* ‘осторожно, потихоньку выспрашивать’ (‘спрашивать-ITER3-DISC-ITER3-INF’). Факт существования данных глаголов подтверждался лишь отдельными носителями, поэтому мы ограничимся лишь констатацией факта обнаружения, а в таблице соответствующие сочетания, не признающиеся большинством носителей, отмечаем символом *.

Итак, при комбинации суффиксов наблюдаются следующие тенденции:

— Дисконтинуатив *-kal-* и Аттенуатив *-al-* исключают друг друга и присоединяются всегда после остальных суффиксов.
— Суффиксы *-alt-*, *-ə̂št-* и *-edəl-* исключают друг друга, но при этом два последних не могут обозначать единичные ситуации (см. *Таблицу 2*).
— Позиция итеративного суффикса *-ə̂l-* менее всего фиксирована: он может появляться как до, так и после остальных суффиксов (кроме Дисконтинуатива и Аттенуатива).

Итак, хотя сочетаемость суффиксов друг с другом в горномарийском языке ограничена, она все же не исключена. Невозможность сочетаемости одного суффикса с другим может быть обусловлена, во-первых, тем, что они занимают одну и ту же структурную позицию в словоформе (т. е. являются заполнителями одного и того же слота), а во-вторых, их принципиальной семантической несовместимостью. Примером второго теоретически может быть, например, запрет на одновременное употребление в словоформе суффиксов *-alt-* и *-ə̂l-*: если первый из этих суффиксов выделяет кратковременный квант ситуации, то второй, присоединяясь к первому, согласно принципу композициональности должен выделять квант ситуации кванта ситуации, что невозможно. В нашу задачу на данный момент не входит детальное описание причин несочетаемости суффиксов, поскольку не все свойства исследуемых суффиксов описаны достаточно подробно, чтобы формализовать возможные семантические конфликты. Вместо этого мы предложим модель в терминах дерева составляющих, которая позволит формализовать нашу интуицию о семантических различиях между исследуемыми суффиксами и отчасти объяснить возможность комбинаций некоторых суффиксов.

5. Анализ

В работах по генеративному синтаксису и формальной семантике показатели множественности обычно анализировались как модификаторы уровня VP (этот подход восходит в первую очередь к [Lasersohn 1995]). Возникает вопрос: каков статус таких показателей? Если аффиксы множественности анализировать как адъюнкты, присоединяющиеся на уровне VP, то следует допустить, что они присоединяются в произвольном порядке; и все наблюдаемые в каком-либо языке комбинации показателей множественности должны быть объяснены, исходя из принципов композициональности. С опорой на наш собственный материал мы, однако, приведем некоторые аргументы в пользу того, что в горномарийском аффиксы образуют иерархичную структуру, которая предопределяет порядок их появления в словоформе.

Наше предположение строится на двух важных фактах. Первый из них заключается в наблюдаемых семантических различиях между исследуемыми аффиксами, которые отражены в *Таблице 2*. По этой таблице видно, что суффиксы *-alt-* и *-ə̂l-* могут обозначать однократное действие, в то время как все остальные — не могут. Именно этот параметр на самом деле является главным параметром отличия и, как видно из описаний предшественников, предопределяет различия в его трактовке («однократные глаголы» — «многократные глаголы»). Суффиксы *-edəl-*, *-ə̂št-* и *-kal-* однократные действия обозначать не могут, а суффикс *-al-* вообще индифферентен к параметру единичности / множественности ситуации.

Второй важный факт состоит в том, что с точки зрения семантики исследуемые суффиксы не образуют собой гомогенное множество. Мы покажем, что сфера действия суффиксов множественности на самом деле разная, и разные суффиксы по-разному чувствительны к акциональной структуре глагола.

5.1. Структуры события Рэмченд

Для формализации нашей интуиции мы будем использовать модель Дж. Рэмченд, известную как теория структуры события (см. [Ramchand 2008]). Мы кратко изложим ее основные положения. Основная идея декомпозиции глагола в теории Рэмченд состоит

в том, что значение глагола создается в синтаксисе и может включать в себя минимум один и максимум три компонента — проекции initP, procP и resP. Проекция procP отвечает за подсобытие, обозначающее процесс, происходящий с его участником, initP — за подсобытие, каузирующее этот процесс, а resP — за результирующее подсобытие, происходящее в результате деятельности и включающее в себя участника, претерпевающего изменение и являющегося носителем нового состояния. Максимально возможная структура глагола выглядит следующим образом:

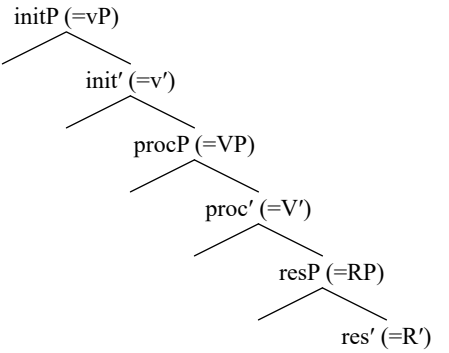

Схема 1. Структура события Дж. Рэмченд

Scheme 1. Ramchandian event structure

В теории Рэмченд глагол может встраиваться в одну или несколько проекций в зависимости от того, какие семантические признаки имеются в его семантическом представлении. Всего этих признаков три — [init], [proc] и [res], и положительное значение каждого из них позволяет глаголу встраиваться в одноименную проекцию. Мы не будем досконально описывать механизм деривации глаголов в теории Рэмченд и отсылаем читателя за подробностями к цитируемой работе [Ramchand 2008].

Для нашего рассуждения важен, однако, способ представления глаголов разных акциональных классов (в терминологии [Татевосов 2015; 2016]) в теории структуры события. Упрощая картину, можно сказать, что глаголы, которые могут встраиваются в проекцию resP, — это вендлеровские достижения, или свершения, имеющие в своем значении результирующее подсобытие, — проще говоря, любые глаголы, имеющие в своей перфективной форме интерпретацию ‘вхождение в состояние’.

Вендлеровские деятельности, соответственно, не имеют в своем синтаксическом представлении проекции resP.

Наиболее неординарный случай представляют собой глаголы градуального изменения состояния (в данной работе мы также будем называть их градативами). Данные глаголы являются предметом обширной дискуссии в западной лингвистической науке (см. в первую очередь [Kennedy, McNally 1999; Hay et al. 1999; Kennedy, McNally 1999; Harley 2005; Piñon 2008; Kearns 2007; Kennedy, Levin 2008; Kriz 2011; Deo et al. 2013]) благодаря своим нетривальным свойствам, которые состоят в следующем. Градативы (‘расти’, ‘расширяться’, ‘сушиться’ и т. д.) отличаются от остальных глаголов тем, что предельность данных глаголов (а следовательно, и принадлежность к классу свершений / достижений, с одной стороны, или деятельностей, с другой) обусловлена многими факторами, в том числе контекстными. Наиболее ярко это проявляется у деадъективных глаголов, аспектуальные свойства которых напрямую зависят от т. н. скалярных свойств прилагательных. Самое известное свойство — это наличие у глагола спектра интерпретаций в зависимости от семантических свойств прилагательных, а именно от способности признака, обозначаемого прилагательным, иметь максимальное значение. Это можно проиллюстрировать следующими примерами на английском языке:

(32) *The room emptied in/*for 15 minutes*.
‘Комната опустела за 15 минут’ /
*‘Комната пустела 15 минут’.

(33) *The rope lengthened *in/for an hour*.
*‘Веревка удлинилась за час’ /
‘Веревка удлинялась [понемногу] в течение часа’.

Для настоящего исследования важно, что в теории Рэмченд градативные (если быть точнее, деадъективные) глаголы не встраиваются в проекцию resP. Чтобы объяснить тот факт, что такие глаголы могут быть свершениями или достижениями, Рэмченд предлагает для этих глаголов следующую структуру, в которой адъективные корни являются комплементами procP, а предельность, которая у других глаголов вводится проекцией resP, вводится этими корнями. Иными словами, у градативных глаголов нет в структуре resP, но семантический признак [+res] может быть введен в клаузу адъективным корнем:

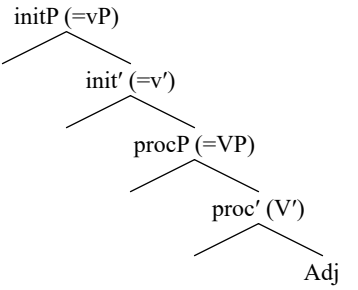

Схема 2. Структура градативных глаголов

Scheme 2. Structure of gradative (change-of-state) verbs

Для класса стативных глаголов в работе Рэмченд делается предположение, что они имеют в своей структуре только initP. Итак, имея в распоряжении описания событийных структур для основных акциональных типов глаголов, мы можем показать, что в горномарийском языке есть такие суффиксы глагольной множественности, которые чувствительны к структуре события, обозначаемого глаголом. Этими суффиксами являются Аттенуатив и Дисконтинуатив.

Дисконтинуатив, как мы отмечали выше, помимо своего основного значения, может иметь дополнительное — ‘немного V’. Это значение наблюдается в следующих примерах:

(34) *ti* *mexanizm-əm* *törl-äš* *manə̂n* *ma-šon-ə̂m*
этот механизм-ACC выпрямить-INF чтобы что-INDEF-ACC
päl-əkäl-äš *kel-eš*
знать-DISC-INF быть.нужным-NPST.3SG
‘Чтобы этот механизм починить, надо кое-что знать’.

(35) *ti* *edem* *anž-ə̂kə̂l-aš* *pogodə̂-m* *šəren=ok*
этот человек смотреть-DISC-INF погода-ACC часто=EMPH
päl-əkäl-ä
знать-DISC-NPST.3SG
‘Этот человек частенько погоду угадывает’.

Очевидно, что как минимум значение (35) не может быть сведено к инварианту ‘делать много V с перерывами’ — глагол с показателем множественности здесь означает скорее ‘знать некоторые X, а другие Y не знать’. В то же время значение, иллюстрируемое в (35), близко к инвариантному: в (35) утверждается, что обозначаемое действие

происходит с некоторой регулярностью, время от времени. Учитывая, что глагол *päläš*, будучи стативом, не должен иметь в своем синтаксическом представлении проекцию procP, можно предположить, что показатель Дисконтинуатива может быть чувствителен к синтаксической структуре, которую модифицирует.

Отметим, что в (34) и (35) модифицируются разные компоненты значения: в первом случае модифицируется значение глагольной группы (‘знать X’), и, если принять подход Рэмченд, initP — единственный компонент структуры события у этого глагола. В случае (35) модифицируется уже скорее итеративный или даже, возможно, хабитуальный компонент события (‘угадывает.ITER погоду’ ⇒ ‘время от времени угадывает. ITER погоду’). Таким образом, оператор Дисконтинуатива можно мыслить как адъюнкт, который может присоединяться на разных уровнях. В первом случае этот адъюнкт модифицирует непосредственно структуру вида initP. Во втором случае модифицируется итеративный компонент, который мы формализуем в виде отдельной проекции, названной IterP. Обе возможные конфигурации представлены на *Схемах 3* и *4*.

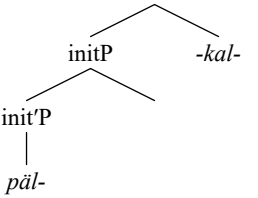

Схема 3. Модификация Дисконтинуативом: структура 1

Scheme 3. Modification by Discontinuative: structure 1

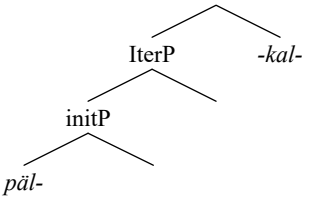

Схема 4. Модификация Дисконтинуативом: структура 2

Scheme 4. Modification by Discontinuative: structure 2

Мы предполагаем, что суффикс Дисконтинуатива может присоединяться на разных уровнях структуры события, следствием чего

являются разные значения показателя, наблюдаемые в наших данных. Ниже мы покажем, что в случае Аттенуатива при помощи данной модели можно предсказать значение любого глагола, если знать его акциональность и, соответственно, структуру события. Рассмотрим этот случай подробнее.

В случае если в структуре глагола есть результирующее подсобытие (т. е. он может встраиваться в проекцию resP), то Аттенуатив модифицирует его, ограничивая результирующее подсобытие во времени (‘находиться в состоянии / привести в состояние, обозначаемое resP, недолго’). Это значение может быть проиллюстрировано следующим примером:

(36) *čüc-ändäl-dä* *knigä-vlä-m*
закрыть-ATT-IMP.2PL книга-PL-ACC
‘Закройте книги (на время)’.

Пример модификации процессуального подсобытия представлен в (37) — в этом случае словоформа, содержащая Аттенуатив, означает ‘заниматься V недолгое время’. Исходный глагол должен относиться к классу деятельностей, т. е. встраиваться в проекцию procP:

(37) *mən’* *öngäž-äm* *pog-alal-aš* *läkt-äm*
я малина-ACC собирать-ATT-INF выйти-AOR.1SG
‘Я вышла чуть-чуть пособирать малину’.

У градативных глаголов Аттенуатив модифицирует степень проявления признака, что лучше всего видно на примере некоторых деадъективных глаголов (38)). К подобным примерам примыкают случаи глаголов, обозначающих вхождение в состояние, которое может быть градуировано. Скажем, ситуация ‘поднять’ может иметь разные степени выраженности в зависимости от высоты поднятия объекта, а ситуация ‘испугать’ — разные степени выраженности в зависимости от степени испуга. В случае всех этих глаголах форма, содержащая Аттенуатив, означает ‘привести / быть приведенным в состояние V в небольшой степени’:

(38) *olma* *olma-vu-štâ* *jakšar-g-al-ân*
яблоко яблоко-дерево-IN красный-DETR-ATT-PRET
‘Яблоко на дереве чуть-чуть покраснело’.

(39) *mən’* *xanga-m* *lükt-äl-äm*
я доска-ACC поднять-ATT-AOR.1SG
‘Я (при)поднял доску’.

(40) *vas'a* *pet'a-m* *lüd-əkt-äl-ən*
В. П.-ACC поднять-ATT-PRET

'Вася Петю припугнул [Петя испугался не сильно]'.

Итак, Аттенуатив может модифицировать либо procP, либо initP в зависимости от того, какое из подсобытий имеется в структуре глагола: в случае глаголов, имеющих результирующее подсобытие, модифицируется именно оно, в случае глаголов, его не имеющих, модифицируется процессуальное подсобытие, в случае градативов — степень выраженности признака, обозначаемого глаголом. Наша модель предсказывает, что если глагол можно интерпретировать и как процессуальный, и как предельный (т. е. либо как деятельность, либо как свершение), то у глагола возможна двоякая интерпретация — Аттенуатив может модифицировать и результирующее, и процессуальное подсобытие (либо также все событие целиком). Это наблюдается в действительности, ср. следующие примеры:

(41) *mən'* *sirmäš-əm* *sir-äläl-əm*
я письмо-ACC писать-ATT-AOR.3SG

'Я небольшое письмо написал / немного пописал' [2].

(42) *kagəl'-əm* *kü-kt-äläl-əmə*
пирог-ACC печься-CAUS-ATT-PTCP

'Пирог недолго пекли [и испекли] / Пирог недолго пекли'.

Кроме того, у нашей модели есть еще одно важное следствие. Интуитивно очевидно, что если процессуальное подсобытие не является длительным, то Аттенуативом оно модифицироваться не может — поскольку Аттенуатив выделяет некоторый внутренний его подынтервал, — и выделить подынтервал у мгновенного события невозможно. Из этого следует, что у глаголов-достижений модифицироваться может только результирующее подсобытие, и это соответствует действительности:

---

[2] В действительности, как несложно заметить, данный пример, в отличие от следующего, не обозначает, строго говоря, небольшой длительности ситуации 'писать'. Интерпретация 'Я небольшое письмо написал' — это, тем не менее, такая интерпретация, которая обозначает вхождение в результирующее состояние, и предложение обозначает 'Я занимался писанием недолго, результатом чего стало написанное письмо'. По нашему убеждению, интерпретация 'маленькое письмо' возникает из-за инкрементального характера клаузы (заметим, что смысл 'маленький' в предложении не выражен лексически), что мы в рамках данной статьи формализовать не будем.

(43) *vas'a* *oksa-m* *jamd-alal-ə̂n*
В. деньги-ACC терять-ATT-PRET
'Вася ненадолго потерял деньги'.

Кроме того, Аттенуатив может модифицировать, по-видимому, также итеративный оператор. Предположение о его наличии позволяет объяснить случаи, когда Аттенуатив означает сниженную периодичность действия ('делать V изредка'):

(44) *ə̂vas'a* *kə̂nam-tinäm* *lə̂də̂š-ə̂m* *sir-(äläl)-ə̈n*
В. иногда стихи-ACC писать-ATT-PRET
'Вася иногда стихи писал (пописывал)'.

В этих случаях декомпозиция предиката устроена следующим образом. Итеративный оператор модифицирует, например, глагол 'приходить', образуя предикат 'приходить много раз'. Затем к нему присоединяется оператор Аттенуатива, который выделяет некоторое подмножество ситуаций из множества одинаковых ситуаций, обозначаемого итерированным глаголом, в результате чего получается интерпретация 'приходить изредка'. Стоит сказать, что подобное решение не является логически единственным — можно, например, предположить, что никакого хабитуального или итеративного оператора нет и что раритивная интерпретация ('делать V изредка') получается из непосредственного присоединения оператора Аттенуатива к глаголу 'приходить', который может обозначать и единственные, и множественные ситуации. Введение итеративного оператора, однако, позволяет формализовать регулярно наблюдаемую полисемию, когда один и тот же глагол, как в (41) и (44), может иметь два прочтения. В рамках данной статьи мы не имеем возможности разрабатывать формальный механизм взаимодействия акциональной структуры и значения Аттенуатива, поэтому оставляем решение этого вопроса на будущее. Для текущего состояния исследования важно, однако, что наиболее экономным будет анализ, согласно которому Аттенуатив располагается поверх дерева, содержащего структуру уровня vP (и, возможно, также IterP, если мы признаем существование такой проекции), и может модифицировать те составляющие, которыми он с-командует, причем для каждого типа акциональной структуры модификации доступны только определенные уровни этого дерева. Схематически это можно изобразить следующим образом (на дереве отмечены только составляющие того уровня, которые могут модифицироваться Аттенуативом):

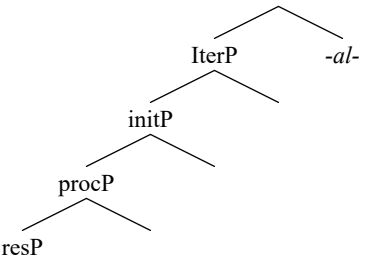

Схема 5. Уровни событийной структуры,
доступные для модификации Аттенуативом

Scheme 5. Levels of events structure
which are accessible for modification by Attenuative

В отличие от Дисконтинуатива и Аттенуатива, все остальные рассмотренные нами суффиксы глагольной множественности, видимо, стоит признать адвербиалами, которые модифицируют структуру уровня VP: аргументом в пользу этого может послужить тот факт, что они могут, хотя и весьма ограниченно, встречаться в комбинациях друг с другом, в том числе в обратном порядке, как мы это показали выше. Сфера действия этих суффиксов, по нашим данным, не простирается дальше VP — ею может быть либо глагольная группа с прямым объектом (45) либо только глагол, что обуславливает возможность сочетаемости с единичным объектом (46):

(45) *vas'a* *kərpəc-əm* *lükt-əl-ən*
В. кирпич-ACC поднять-ITER1-PRET
'Вася много кирпичей поднял'.

(46) *vas'a* *kerem-əm* *jašt-əl-ən* / *jašt-edəl-ən*
В. веревка-ACC связать-ITER1-PRET связать-ITER-PRET
'Вася веревку завязал (связывал то тут, то там)'.

Однако данный подход к проблеме сталкивается с некоторыми трудностями. Эти трудности связаны с тем, что как минимум Пунктив регулярно многозначен. В отсутствие адвербиалов кратности может обозначать не единичность, а множественность квантов ситуации:

(47) *vas'a* *kogo-n* *kaxər-alt-a*
В. большой-GEN кашлять-PUN-NPST.3SG
'Вася кашляет редко и сильно'.

В связи с этим возникает вопрос, каковы механизмы подобной неоднозначности. Решение этого вопроса значительно расширило бы статью, поэтому мы выскажем лишь некоторые общие соображения.

Первое из них связано с тем, что, по мнению некоторых авторов, предназначение аффиксов множественности — не «умножать» событие, а выделять т. н. атомные события из денотатов глаголов (см. теоретическое обсуждение в [Ferreira 2005; Rothstein 2008] и, например, анализ данных языка каритиана в [Sanchez-Mendes, Müller 2007]). Не углубляясь в формальное описание понятия атомного события, скажем лишь, что семантическая операция, которая производится при добавлении показателя множественности, — это выделение отдельных квантов, обозначаемых исходной глагольной основой. В примере (47) такими квантами являются отдельные покашливания. Предполагается, что форма, содержащая показатель множественности, специфицирует множества квантов, в отличие от исходной основы, которая никак не охарактеризована ни по единичности / множественности, ни по наличию отдельных квантов. В теоретической литературе различие между исходной и производной основами известно как противопоставление кумулятивных и квантованных предикатов (см. в первую очередь [Krifka 1998]).

Если наше предположение верно, тогда суффикс Пунктива или Семельфактива (*-ə̑l-* в единичном значении) в горномарийском языке исходно должен обозначать просто кванты событий, а семантический компонент ‘множественность’ вводится некоторыми дополнительными средствами (в нашем случае — например, адвербиалами точного счета типа ‘N раз’). Как мы видим, это похоже на правду, поскольку оба данных суффикса могут обозначать как единичные, так и множественные события, и задача дальнейшего исследования — обосновать механизм подобной полисемии (в качестве ориентира мы можем указать на работу [Rothstein 2008], в которой приводятся рассуждения о причинах того, что делает такую многозначность возможной).

В некоторых родственных горномарийскому языках когнаты рассматриваемых суффиксов имеют значения не множественного, а единичного события, что может служить косвенным аргументом в пользу первичности значения единичности, а не множественности. Так, в бесермянском языке суффикс *-ə̑l-* (с алломорфом *-l’l’a*), который, возможно, является когнатом горномарийского Семельфактива, демонстрирует значения из зоны множественности (итеративное, хабитуальное, экспериентивное), а также, например, делимитативное [Сердобольская 2012]:

(48) *mon-e* *pə̂nə̂* *kurč'-**ə̂l**-i-z*
я-ACC собака кусать-ITER-PRT-3

'Меня собака покусала (укусила несколько раз)'. [Сердобольская 2012: 763]

(49) *mon* *və̂d-**ə̂l**-o* *ken'a-ke*
я лежать-ITER-FUT сколько-INDEF

'Я полежу чуть-чуть'. [Сердобольская 2012: 767]

Кроме того, несмотря на то что в горномарийском языке суффикс Итератива 3 не может обозначать единичное событие, его потенциальные когнаты могут быть охарактеризованы именно как семельфактивы. Так, в удмуртском, коми-зырянском и коми-пермяцком языках есть суффикс *-ышт-*, обозначающий глаголы «однократного» вида: *копапы* 'копать' — *копыштыцы* 'копнуть', *нюлыны* 'лизать' — *нюлыштыны* 'лизнуть' (удмуртский), см. [Лыткин и др. 1976: 183], а также [Кузнецова и др. 2010].

Напоследок стоит сказать о возможном направлении анализа суффиксов, подобных *-alt-*, *-ə̂l-* и *-ə̂sť-*. Если соображения, высказанные выше, верны, то описание глагольной множественности должно включать в себя и описание того, как именно операторы множественности выделяют кванты событий, обозначаемых исходной глагольной основой. Мы оставили это обсуждение за рамками данной статьи, предположив, что суффиксы являются модификаторами уровня vP или VP. Между тем не исключено, что они представляют собой расширенную глагольную проекцию подобную той, которая предполагается исследователями для именной группы (см., в частности, [Borer 2005; Acquaviva 2008; Wiltschko 2008; Alexiadou 2011]).

В работах этих авторов предполагается, что над NP может надстраиваться некоторый фиксированный набор проекций, включающий, в частности, ClassP и QP. Первая из них ответственна за выделение квантованных сущностей из исходных (собирательных) существительных (*горох* — *горошина*, картофель — *картофелина* и т. д.). В разных языках в этой проекции могут размещаться такие единицы, как классификаторы, сингулятивы и диминутивы. Проекция QP описывает множества таких квантованных сущностей, и в ней располагаются, как правило, числительные и некоторые другие показатели вроде 'много').

Мы предполагаем, что суффиксы, подобные горномарийскому Семельфактиву, на семантических основаниях можно соотнести с сингулятивами, находящимися на уровне ClassP: точно так же как, скажем, 'горошина' является некоторым минимальным квантом сущности,

обозначаемой словом ‘горох’, ситуация ‘кашлянуть’ является минимальным квантом ситуации ‘кашлять’. При таком подходе суффиксы, которые обозначают только множественные события, можно соотнести с QP. Однако для диахронического анализа это представляет собой определенную проблему, поскольку требуется объяснить, почему в разных языках, например, Итератив 3 и его когнаты занимают разные проекции — ClassP в языках, подобных удмуртскому или коми-зырянскому, и QP в горномарийском, а также почему один и тот же суффикс Семельфактива в горномарийском может занимать как проекцию уровня ClassP (обозначая единичное событие), так и проекцию уровня QP (обозначая множественное событие). Особо отметим, что данный вариант анализа позволил бы упорядочить наше понимание регулярности семантических переходов, однако мы не можем на данный момент привести доказательств в пользу его правомерности и ограничимся всего лишь констатацией его логической возможности.

6. Заключение

В данной работе мы рассмотрели показатели множественности в горномарийском языке, предприняв некоторую попытку выявить существенные различия между ними. Мы применили семантические тесты, релевантные для различения разных видов множественности, и показали, что как минимум сочетаемость с адвербиалами кратности позволяет выявить разницу между суффиксами *-alt-* и *-əl-*, с одной стороны, и суффиксами *-edəl-*, *-ə̂št-* и *-kal-*, с другой. Кроме того, мы показали, как суффиксы *-kal-* и особенно *-al-* по-разному взаимодействуют с глаголами разной акциональной структуры, что позволяет выделить их в отдельную подгруппу суффиксов множественности. По нашему мнению, их семантические свойства, а также их структурная позиция в словоформе позволяет предположить, что они находятся на более высоком уровне в дереве составляющих по сравнению с остальными показателями множественности. Что касается показателей *-alt-*, *-əl-*, *-edəl-* и *-ə̂št-*, их структурные свойства на данный момент изучены нами не до конца, поэтому мы предлагаем два возможных варианта анализа для них: либо как адъюнктов к VP, либо как отдельных вершин. Разработка любого варианта анализа требует в первую очередь более подробного описания семантики ситуаций, обозначаемых

глаголами с показателями множественности, а также независимых от эмпирических данных описаний механизмов возможных передвижений в структуре. Именно разработка полного анализа для всех показателей множественности является нашей исследовательской программой на ближайшее будущее.

Список условных сокращений

1, 3 — лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; AOR — аорист; ATT — аттенуатив; CAUS — каузатив; CVB — конверб; DAT — датив; DETR — дисконтинуатив; DISC — дисконтинуатив; EMPH — эмфатическая частица; FUT — футурум; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; IMP.PTCL — императивная частица; IN — инэссив; INDEF — неопределенное местоимение; INF — инфинитив; ITER1 — итератив 1; ITER2 — итератив 2; ITER3 — итератив 3; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; P — посессивный показатель; PRET — претерит; PROP — проприетив; PTCP — активное причастие; PUN — пунктив; SEM — семельфактив; SG — единственное число.

Литература

Галкин 1966 — И. С. Галкин. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. II. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1966.

Кузнецова и др. 2010 — А. И. Кузнецова, О. Л. Бирюк, Е. В. Кашкин, М. Н. Усачева. Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка. Екатеринбург: Баско, 2010.

Лыткин и др. 1976 — В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Рéдей. Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976.

Пенгитов 1961 — Н. Т. Пенгитов (ред.) Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1961.

Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка. Savariae: Szombathely, 2002.

Сердобольская 2012 — Н. В. Сердобольская. Глагольная множественность и аспект в удмуртском бесермянском: множественность показателей множественности // В. А. Плунгян (отв. ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 5. СПб.: Наука, 2012.

Серебренников 1960 — Б. А. Серебренников. Категории времени и вида в финно-угорских языках. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Татевосов 2015 — С. Г. Татевосов. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Татевосов 2016 — С. Г. Татевосов. Глагольные классы и типология акциональности. М.: Языки славянской культуры, 2016.

Храковский 1989 — В. С. Храковский. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // В. С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989.

Храковский 1998 — В. С. Храковский. Типология семельфактива // М. Ю. Черткова (ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 485–489.

Шлуинский 2005 — А. Б. Шлуинский. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Дисс… канд. филол. наук. М.: МГУ, 2005.

Acquaviva 2008 — P. Acquaviva. Lexical plurals. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Alexiadou 2011 — A. Alexiadou. Plural mass nouns and the morphosyntax of number // M. Byram-Washburn, K. McKinney-Bock, E. Varis, A. Sawyer, B. Tomaszewicz (eds.). Proceedings of the 28th West Coast Conference on Formal Linguistics. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2011. P. 33–41.

Borer 2005 — H. Borer. In name only. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Carlson 1977 — G. Carlson. Reference to kinds in English. Ph.D., University of Massachusetts, 1977.

Deo et al. 2013 — A. Deo, I. Francez, A. Koontz-Garboden. From change to value difference in degree achievements. Proceedings of SALT. 2013. Iss. 23. P. 97–115.

Dressler 1968 — W. Dressler. Studien zur verbalen Pluralität. Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik. Lateinischen und Hethitischen. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1968.

Ferreira 2005 — M. Ferreira. Event quantification and plurality. Ph.D. thesis, Massachusets Institute of Technology, 2005.

Harley 2005 — H. Harley. How do verbs get their names? Denominal verbs, manner incorporation, and the ontology of verb roots in English. The syntax of aspect. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Hay et al. 1999 — J. Hay, C. Kennedy, B. Levin. Scalar structure underlies telicity in “degree achievements” // Proceedings of SALT. 1999. Iss. 9. P. 127–144.

Kearns 2007 — K. Kearns. Telic senses of deadjectival verbs. Lingua. 2007. Vol. 117. Iss. 1. P. 26–66.

Kennedy, Levin 2008 — C. Kennedy, B. Levin. Measure of change: The adjectival core of degree achievements // L. McNally, C. Kennedy (eds.). Adjectives and adverbs: Syntax, semantics and discourse. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 156–182.

Kennedy, McNally 1999 — C. Kennedy, L. McNally. From event structure to scale structure: Degree modification in deverbal adjectives // Proceedings of SALT. 1999. Iss. 9. P. 163–180.

Krifka 1998 — M. Krifka. The origins of telicity // S. Rothstein (ed.). Events and Grammar. Dordrecht: Kluwer, 1998.

Kriz 2011 — M. Kriz. Issues in the semantics of degree achievements. Diploma thesis. Vienna: University of Vienna, 2011.

Lasersohn 1995 — P. Lasersohn. Plurality, conjunction and events. Dordrecht: Kluwer, 1995.

Piñon 2008 — C. Piñon. Aspectual composition with degrees // L. McNally, C. Kennedy (eds.). Adjectives and Adverbs: Syntax, Semantics and Discourse. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 183–219.

Ramchand 2008 — G. Ramchand. Verb Meaning and the Lexicon. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Rothstein 2008 — S. Rothstein. Two puzzles for a theory of lexical aspect: semelfactives and degree achievements // J. Dölling, T. Heyde-Zybatow, M. Schäfer (eds.). Event Structures in Linguistic Form and Interpretation. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2008. P. 175–198.

Sanchez-Mendes, Müller 2007 — L. Sanchez-Mendes, A. Müller. The meaning of pluractionality in Karitiana // A. R. Deal (ed.). Proceedings of the Semantics of Under-represented languages in the Americas. Vol. 4. Amherst: University of Massachusetts, 2007. P. 247–258.

Wiltschko 2008 — M. Wiltschko. The syntax of non-inflectional plural marking // Natural Language and Linguistic Theory, 2008. Vol. 26. Iss. 3. P. 639–694.

Wood 2007 — E. Wood. The semantic typology of pluractionality. PhD thesis. Berkeley: University of California, 2007.

References

Acquaviva 2008 – P. Acquaviva. Lexical plurals. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Alexiadou 2011 – A. A. Alexiadou. Plural mass nouns and the morphosyntax of number. M. Byram-Washburn, K. McKinney-Bock, E. Varis, A. Sawyer, B. Tomaszewicz (eds.). *Proceedings of the 28th West Coast Conference on Formal Linguistics*. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2011. P. 33–41.

Borer 2005 – H. Borer. In name only. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Carlson 1977 – G. Carlson. Reference to kinds in English. Ph.D., University of Massachusetts, 1977.

Deo et al. 2013 – A. Deo, I. Francez, A. Koontz-Garboden. From change to value difference in degree achievements. *Proceedings of SALT.* 2013. Iss. 23. P. 97–115.

Dressler 1968 – W. Dressler. Studien zur verbalen Pluralität. Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik. Lateinischen und Hethitischen. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1968.

Ferreira 2005 – M. Ferreira. Event quantification and plurality. Ph.D. thesis, Massachusets Institute of Technology, 2005.

Galkin 1966 – I. S. Galkin. Istoricheskaya grammatika mariyskogo yazyka. Morfologiya. Chast II. [Historical grammar of Mari language. Morphology. Pt. II] Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House, 1966.

Harley 2005 – H. Harley. How do verbs get their names? Denominal verbs, manner incorporation, and the ontology of verb roots in English. The syntax of aspect. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Hay et al. 1999 – J. Hay, C. Kennedy, B. Levin. Scalar structure underlies telicity in “degree achievements”. *Proceedings of SALT*. 1999. Iss. 9. P. 127–144.

Kearns 2007 — K. Kearns. Telic senses of deadjectival verbs. *Lingua.* 2007. Vol. 117. Iss. 1. P. 26–66.

Kennedy, Levin 2008 – C. Kennedy, B. Levin. Measure of change: The adjectival core of degree achievements. L. McNally, C. Kennedy (eds.). *Adjectives and adverbs: Syntax, semantics and discourse*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 156–182.

Kennedy, McNally 1999 – C. Kennedy, L. McNally. From event structure to scale structure: Degree modification in deverbal adjectives. T. Matthews, D. Strolovitch (eds.). *Proceedings of SALT*. 1999. Iss. 9. P. 163–180.

Khrakovskiy 1989 – V. S. Khrakovskiy. Semanticheskiye tipy mnozhestva situatsiy i ikh yestestvennaya klassifikatsiya [Semantic types of situation plurality and their natural classification]. V. S. Khrakovskiy (ed.). *Tipologiya iterativnykh konstruktsiy*. [Typology of iterative constructions]. Leningrad: Nauka, 1989.

Khrakovskiy 1998 – V. S. Khrakovskiy. Tipologiya semelfaktiva [Typology of semelfactives]. M. Yu. Chertkova (ed.). *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya* [Typology of aspect: problems, searches, solutions]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1998. P. 485–489.

Krifka 1998 – M. Krifka. The origins of telicity. S. Rothstein (ed.). *Events and Grammar*. Dordrecht: Kluwer, 1998.

Kriz 2011 – M. Kriz. Issues in the semantics of degree achievements. Diploma thesis, University of Vienna, 2011.

Kuznetsova et al. 2010 – A. I. Kuznetsova, O. L. Biryuk, E. V. Kashkin, M. N. Usachyova. Slovar muzhevskogo govora izhemskogo dialekta komi-zyryanskogo yazyka [A dictionary of Muzhy Izhma dialect of Komi Zyryan language]. Yekaterinburg: Basco, 2010.

Lasersohn 1995 – P. Lasersohn. Plurality, conjunction and events. Dordrecht: Kluwer, 1995.

Lytkin et al. 1976 – V. I. Lytkin, K. E. Maytinskaya, K. Rédey. Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya. Mariyskiy, permskiye i ugorskiye yazyki [Introduction to Finno-Ugric linguistics. Mari, Permic and Ugric languages]. Moscow: Nauka, 1976.

Pengitov 1961 – N. T. Pengitov (ed.). Sovremennyy mariyskiy yazyk. Morfologiya. [Modern Mari language. Morphology]. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House, 1961.

Piñon 2008 — C. Piñon. Aspectual composition with degrees. L. McNally, C. Kennedy (eds.) *Adjectives and Adverbs: Syntax, Semantics and Discourse*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 183–219.

Ramchand 2008 – G. Ramchand. Verb Meaning and the Lexicon. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Rothstein 2008 – S. Rothstein. Two puzzles for a theory of lexical aspect: semelfactives and degree achievements. J. Dölling, T. Heyde-Zybatow, M. Schäfer (eds.). *Event Structures in Linguistic Form and Interpretation*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2008. P. 175–198.

Sanchez-Mendes, Müller 2007 – L. Sanchez-Mendes, A. Müller. The meaning of pluractionality in Karitiana. A. R. Deal (ed.). *Proceedings of the Semantics*

of Underrepresented languages in the Americas. Vol. 4. Amherst: University of Massachusetts, 2007. P. 247–258.

Savatkova 2002 – A. A. Savatkova. *Gornoye narechiye mariyskogo yazyka*. [Hill dialect of Mari language.] Savariaye: Szombathely, 2002.

Serdobolskaya 2012 – N. V. Serdobolskaya. Glagolnaya mnozhestvennost i aspekt v udmurtskom besermyanskom: mnozhe-stvennost pokazateley mnozhestvennosti [Pluractionality and aspect in Udmurt Besermyan: plurality of plurality markers]. V. A. Plungyan (ed.). *Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 5*. [Studies in grammatical theory. Iss. 5]. St.-Petersburg: Nauka, 2012.

Serebrennikov 1960 – B. A. Serebrennikov. Kategorii vremeni i vida v finno-ugorskikh yazykakh [Temporal and aspectual categories in Finno-Ugric languages]. Moscow: Academy of Science of USSR Publishing House, 1960.

Shluinskiy 2005 – A. B. Shluinskiy. Tipologiya predikatnoy mnozhestvennosti: kolichestvennyye aspektualnyye znacheniya. Diss… kand. filol. nauk. [Typology of pluractionality: quantificational aspectual meanings. P.h.D. thesis]. Moscow: Moscow State University, 2005.

Tatevosov 2015 – S. G. Tatevosov. Aktsionalnost v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya [Aktionsart in lexicon and grammar. Verb and event structure]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2015.

Tatevosov 2016 – S. G. Tatevosov. Glagolnyye klassy i tipologiya aktsionalnosti [Verb classes and typology of aktionsart] Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2016.

Wiltschko 2008 – M. Wiltschko. The syntax of non-inflectional plural marking. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2008. Vol. 26. Iss. 3. P. 639–694.

Wood 2007 – E. Wood. The semantic typology of pluractionality. PhD thesis. Berkeley: University of California, 2007.

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 453–478
DOI 10.30842/alp2306573716216

О тибетских лексиконах Д. Г. Мессершмидта в связи с вопросом об авторстве «Harmonia linguarum»

А. В. Зорин
Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург; kawi@yandex.ru

Аннотация. Данная статья продолжает — на базе изучения тибетского лингвистического материала — тему сравнения двух лексикографических таблиц Д. Г. Мессершмидта и Ф. И. Страленберга, начатую в публикации А. Манастера Рамера и Л. Д. Бондарь (2018). Углубленный анализ тибетской лексики, проведенный с привлечением других документов из фонда Мессершмидта в СПбФ АРАН, подтвердил наличие связи между двумя таблицами, однако выявил наличие некоторых уникальных особенностей таблицы Страленберга, у которого, очевидно, имелся еще один источник базовой тибетской лексики.

Ключевые слова: история лингвистики, Д. Г. Мессершмидт, Ф. И. Страленберг, лексикографические таблицы, тибетская лексика, числительные.

D. Messerschmidt's Tibetan lexicons and the "Harmonia Linguarum" authorship problem

A. V. Zorin
Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; kawi@yandex.ru

Abstract. Analyzing Tibetan linguistic materials, this paper continues the discussion of the comparison between the two lexicographic tables by D. G. Messerschmidt and Ph. J. Strahlenberg initiated in [A. Manaster Ramer, L. D. Bondar', 2018]. While corroborating the idea of a link between the two tables, the detailed study of Tibetan lexis based on additional documents from D. Messerschmidt's personal collection (deposited at the St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences) shows some unique features of Strahlenberg's table that hint at an additional source for its basic Tibetan vocabulary. The Tibetan part of the table, described as an appendix to Messcerschmidt's official report of 1720, can hardly come from the time, because Messerschmidt

only started learning Tibetan several years later while travelling through Transbaikalia. Thus it remains a mystery when exactly it was compiled and why it contains a few words of the basic lexis not found in the vocabularies recorded by Messerschmidt from 1724 to 1725, the period when he was actively engaged in Tibetan. Certain draft materials found in Messerschmidt's archive, however, can explain some peculiar features of the first part of the table containing a series of Tibetan numerals. The presence of the same peculiarities in Strahlenberg's table seems to be the main proof of a link between the two tables. Several common mistakes in recording Tibetan words cannot be a coincidence, either. At the same time, there are some other words that Strahlenberg could not have borrowed from Messerschmidt. A most clear example is the entry *Ky* which represents the Central Tibetan articulation of the word *khyi* 'dog', while Messerschmidt, following the Mongolian tradition, recorded it as *Thzÿ* in his table and as *Tschi* in his main Tibetan vocabulary, dated 1725.

Keywords: history of linguistics, D. G. Messerschmidt, Ph. J. Strahlenberg, lexicographic tables, Tibetan lexis, numeral adjectives

1. Введение

В 2018 г. вышла в свет статья А. Манастера Рамера и Л. Д. Бондарь[1] «Об авторстве „Harmonia linguarum“, опубликованной Ф. И. Страленбергом» [Манастер Рамер, Бондарь 2018], в которой авторы привели убедительные доводы в пользу того, что автором первой научной концепции по систематике неиндоевропейских языков Северо-Восточной Евразии, опубликованной в книге Ф. И. фон Страленберга «Северная и восточная часть Европы и Азии» [Strahlenberg 1730], был в действительности его друг и руководитель во время их совместного путешествия по Сибири в 1721–1722 гг. Д. Г. Мессершмидт, медик и ученый-натуралист из Данцига[2]. По поручению Петра I он совер-

[1] Я хотел бы поблагодарить А. Манастера Рамера и Л. Д. Бондарь за то, что они познакомили меня с текстом своей статьи еще до ее публикации, и за плодотворное обсуждение связанных с ней вопросов, касающихся тибетской лексики. Именно этому обсуждению я обязан идеей написания данной статьи и отдельным использованным в ней деталям. Хотелось бы также поблагодарить А. А. Сизову за некоторые дополнительные сведения, учтенные при работе над статьей.

[2] Как отмечено в статье, впервые авторство Ф. И. Страленберга, по крайней мере в части, касающейся языковедческих вопросов, было поставлено под сомнение еще

шил первую научную экспедицию по Сибири, заложив основы многих аспектов изучения восточных территорий России. По возвращении в Петербург он оказался связан письменным обязательством, данным Академии наук, не публиковать ничего из собранных им материалов[3]. Авторы статьи предполагают (на мой взгляд, обоснованно), что Мессершмидт мог решить, что лучше будет передать право на публикацию части своих наработок человеку, которому он доверял, чем похоронить их в безвестности.

То, что сам Страленберг был не компетентен в обсуждаемом вопросе, следует из одновременной публикации в книге двух концепций, отражающих разные этапы теоретизирования, но воспринимаемых им как равнозначные: более продуманная помещена непосредственно в тексте книги, а устаревшая, методологически дефектная — в приложении в виде таблицы, которая имеет заглавие «Gentium boreo-orientalium vulgo tatarorum harmonia linguarum», или просто «Harmonia linguarum» (HL). Авторы статьи сравнивают ее с другой таблицей, найденной в фонде Д. Г. Мессершмидта в СПбФ АРАН и обозначаемой ими SZS (от «Specimen der Zahlen und Sprache einiger Orientalischen und Siberischen Völcker…»)[4]. На основе сравнения двух таблиц авторами статьи делается вывод, что HL в основном (исключая некоторые дополнения, которые могли принадлежать Страленбергу) восходит к SZS (чьим автором, судя по почерку, определенно является Мессершмидт), но не напрямую, а через некий промежуточный вариант, пока не выявленный [Манастер Рамер, Бондарь 2018: 409–410].

В обеих таблицах среди прочего представлен ряд числительных и несколько существительных базовой лексики тибетского языка. И одна из *общих* ошибок, наблюдаемых в SZS и HL, а именно неверное написание числительного ‘девять’, используется авторами статьи как один из основных аргументов в пользу того, что HL опирается на SZS или ее более позднюю модификацию [там же: 417]. Важное предположение авторов статьи состоит в том, что SZS, хотя и обозначена немецким путешественником как приложение к его официальному IV рапорту от 1720 г., была составлена им полностью или в основном уже

в 1997 г. в работе А. Манастера Рамера и П. Сидвелла [Манастер Рамер, Бондарь 2018: 397].

[3] По крайней мере, так принято считать [Тункина, Савинов 2017: 136].

[4] Факсимильное издание таблицы SZS (ранее не публиковавшейся) содержится в статье на с. 404–407.

после возвращения в Петербург. Некоторые ошибки в написании слов кажутся необъяснимыми, если считать, что автор имел возможность пользоваться своим путевым дневником, а также иными рабочими материалами. Вероятно, к тому моменту он либо уже лишился своих путевых записей и восстанавливал слова по памяти, либо у него было очень мало времени на копирование и сверку [там же: 418]. Этим же могут объясняться существенные различия в орфографии отдельных немецких слов из путевого дневника и SZS. К сожалению, оригинальный текст IV рапорта в настоящий момент не выявлен, в распоряжении исследователей имеется только его копия, созданная самим Мессершмидтом, а SZS — приложение к рапорту — хранится отдельно и, по всей вероятности, также является не оригинальным документом, а его копией или даже поздней версией. На последнее указывает то, что для некоторых языков, включая тибетский, даны как числительные, так и иные слова, между тем как в тексте рапорта говорится: «приведены в отдельной таблице главные числа двадцати народов, из которой явствует разность их языков и наречий» [Басаргина 2019: 257].

Задачей статьи является более подробный анализ тибетских словников, представленных в HL и SZS, в сопоставлении с некоторыми другими лексикографическими записями, имеющимися среди документов фонда Мессершмидта в СПбФ АРАН, с целью проверки выводов А. Манастера Рамера и Л. Д. Бондарь касательно времени и обстоятельств составления SZS и авторства тибетской части HL. Интересующие нас дополнительные записи имеются в двух единицах хранения фонда: 1) в путевом дневнике Д. Г. Мессершмидта, содержащем довольно обширные словники тибетской и монгольской лексики, которые не вошли в издание дневника, осуществленное в ГДР в 1960–1970-х гг.; 2) в папке под названием «Collectanea Messerschmidtiana ad linguas populorum Sibiriae pertinentia» (CM), содержащей рабочие записи, которые в основном касаются письменных систем и языков народов Азии.

2. Анализ перечней числительных

Начнем с темы числительных, представленных в семи вариантах: SZS, HL и пяти дополнительных, содержащихся в сводном списке в путевом дневнике (в блоке числительных и в блоке названий месяцев) и в CM (лист с двумя отличающимися таблицами числительных

от ‘одного’ до ‘четырнадцати’ и лист с числительными от ‘одного’ до ‘ста’) (см. *Таблицу 1*).

В своей совпадающей части SZS и HL содержат латинские транскрипции числительных от ‘одного’ до ‘двенадцати’, а также ‘двадцати’, ‘двадцати одного’, ‘двадцати двух’ и ‘тридцати’ в случае SZS и ‘двадцати’ и ‘тридцати’ в случае HL. В отличие от SZS, HL содержит также остальные обозначения десятков и, кроме того, слова ‘сто’ и ‘тысяча’. Списки содержат одинаковые (хотя немного отличающиеся в конкретной форме записи латинскими буквами) ошибки: 1) к слову ‘девять’ присоединен формант, использующийся для обозначения десятков, сотен и т. д. — тиб. *tham pa* ‘ровно’ (переданное как *tomba*): *Dhgütomba* (SZS) / *Dsgu-tomba* (HL); 2) вместо ‘десяти’ написано ‘двенадцать’, причем то же самое слово, хотя в немного иной форме, дано через одну строку и для ‘двенадцати’: *Dgzÿ=ni* и *Dgzu=ni* (SZS) / *Dsgyn* и *Dsgu-Ny* (HL); 3) вместо ‘тридцати’ в обеих таблицах приводится числительное ‘двадцать девять’ с тем же показателем *tomba*, что и выше: *Nÿr=dhgu tomba* (SZS) / *Nyr-dsgu-tomba* (HL). Во всех последующих обозначениях десятков HL использует слово ‘девять’ вместо ‘десяти’, но не использует формант *tomba*. Отметим также, что для ‘двадцати’ в SZS приводится ‘двадцать девять’ (*Nÿr=dhgu*), а в HL — ‘двадцать один’ (*Nyr-Dschyk*).

Очевидно, что происходит замещение словом ‘девять’ числительного ‘десять’ как в самостоятельной роли последнего, так и при обозначении им последующих десятков. В SZS и HL собственно ‘десять’ словно бы выпадает: после ложной десятки в виде *Dhgü tomba* (букв. ‘девять ровно’) следует повтор числительного ‘двенадцать’: *Dgzu=ni* (SZS) / *Dsgu-Ny* (HL). Ошибку такого рода едва ли могли совершить два человека независимо друг от друга. Затем в SZS происходит смешение ‘двадцати’ (*Nÿr=dhgu*, букв. ‘двадцать девять’) с ‘тридцатью’ (*Nÿr=dhgu tomba*, букв. ‘двадцать девять ровно’). Поскольку список заканчивается на ‘тридцати’, нам неизвестно, как позднее, в период составления SZS, Мессершмидт представлял себе обозначения десятков. Но тенденция с заменой ‘десяти’ на ‘девять’ очевидна. В HL после сбоя на ‘двадцати’, где дано ‘двадцать один’, далее для обозначения десятков последовательно используется числительное ‘девять’, причем с ‘сорока’ до ‘восьмидесяти’ — без форманта *tomba*. Формант этот не является обязательным, но, кажется, издатель таблицы Страленберг едва ли мог знать об этом и если бы он конструировал данные числительные самостоятельно, то, скорее всего, прибавил бы к ним *tomba*.

Заключительные три числительных в списке HL представляют собой удивительное зрелище: ‘девяносто’ образовано как *Dsgü-tomba-Dsgu* (букв. ‘девять-ровно-девять’), ‘сто’ — как *Dsgü-Dsgu* (букв. ‘девять-девять’), ‘тысяча’ — как *Yreen*, что не может быть ничем иным, как *монгольским* числительным *yeren* ‘девяносто’. В первом из них, очевидно, *tomba* надо переставить на последнее место, так что, если принять *Dsgu* за обозначение десятка, в этой выдуманной парадигме и правда получится ‘девяносто’. Во втором случае, возможно, имелось в виду реальное тибетское числительное в краткой форме тиб. *go dgu* (‘девяносто девять’). Что касается фальшивой ‘тысячи’, то она явно была заимствована из другого лексического блока — монгольского[5]. Возможно, это стало следствием спешки или невнимательности, хотя наличие других монгольских слов во второй части словника может говорить об иной причине (см. ниже). Но именно спешкой или невнимательностью объясняются, вероятно, еще две ошибки HL: ‘двадцать один’ на месте ‘двадцати’, и предположительные ‘девяносто девять’ на месте ‘ста’. Логично было бы допустить, что автором этих ошибок был Мессершмидт (как человек, поставленный в жесткие условия копирования или восстановления информации по памяти, в отличие от «вольного» Страленберга, у которого было достаточно времени на вычитывание текста), но в SZS на месте ‘двадцати’ значится иной вариант. Гипотеза о промежуточной версии между SZS и HL позволяет надеяться, что решение ответа на вопрос об авторстве данных ошибок еще будет найдено.

Что касается путаницы между ‘девятью’ и ‘десятью’, то имеющиеся у нас дополнительные списки числительных в рабочих материалах Мессершмидта проливают свет на этот вопрос. Для начала, однако, следует сказать несколько слов об этапах изучения Мессершмидтом тибетской письменности, о которых можно узнать из его путевого дневника. Из IV рапорта 1720 г. следует, что уже в Тобольске Мессершмидт должен был от кого-то записать (вероятно, на слух) основные тибетские числительные, но в отсутствие оригинала составленной им таблицы и каких-либо иных подробностей нельзя сказать ничего определенного об этом гипотетическом начальном этапе. Первое документированное упоминание его тибетских штудий относится к началу 1722 г. 15 января Страленберг отмечает в дневнике экспедиции, который он тогда

[5] Отметим, что эта лексема и именно в написании *yreen* имеется в монгольском словнике в дневнике Мессершмидта.

вел: «… господин Доктор выписывал сегодня буквы из тангутских[6] письмен»[7]. Очевидно, дальше первых черновых выписок дело тогда не пошло, поскольку, прибыв в Иркутск в феврале 1724 г., Мессершмидт пытался найти себе тибетского учителя. Ему представили некоего «молодого тибетского слугу, долго путешествовавшего по Индии, бывавшего также в Китае и говорившего на семи языках»[8]. От него Мессершмидт записал в дневник несколько псевдотибетских слов, которые пока не поддаются внятной идентификации. К этой записи добавлена приписка с пометкой ‘NB’ (лат. *nota bene*, букв. ‘заметь хорошо’) о том, что «парень ненадежен во всех отношениях»[9]. В аналогичной приписке с той же пометкой ‘NB’ к записи от 28 февраля прямо говорится, что все полученные от него слова «были неправильными и выдуманными»[10]. Тибетцем этот человек, очевидно, не был, но показательно, что Мессершмидт понял это далеко не сразу.

Начальные сведения о тибетской грамоте Мессершмидт получил чуть позже от некоего ламы в Селенгинске (ныне Новоселенгинск, Республика Бурятия), куда он наведался ненадолго из Удинска (ныне Улан-Удэ) в марте 1724 г. По итогам первого занятия он отмечал в дневнике, что тибетский язык существенно отличается от «народного индийского»[11] (которым он активно стал заниматься еще в Иркутске с осевшим в России индийским купцом), но в написании букв и т. п. есть некоторые сходства[12]. Лама показывал ему некоторые свои ру-

---

[6] То есть тибетских: в XVIII в. европейцы, как правило, называли тибетцев тангутами.

[7] «Der Herr Doktor extrahierte [exzerpierte] heute aus den tangutischen Schriften die Buchstaben» [Messerschmidt 1962: 172].

[8] «…einen tangutischen Sklaven, so lange in Indien gereiset, auch in China gewesen und 7 Sprachen reden konnte» [Messerschmidt 1964: 212].

[9] «Dieser Kerl ist betriegerisch in allen seinen relationibus gewesen» [Там же: 213].

[10] «Alle seine Benennungen falsch und fingiert befunden» [Там же: 216].

[11] Похоже, речь идет о диалекте мултани западноиндийского языка ленди (лахнда), но этот вопрос требует дополнительного изучения.

[12] «Ich hatte diesen ganzen Vormittag mit der tangutischen Sprachen (welches indica lingua extra Gangem ist) zu schaffen und observierte, daß sie von der Indica vulgar intra Gangem ganz und gar abgeschieden, außer daß die figura litterarum quadratica, vocalium suffixio et scriptionis modus (a sinistris scilicet ad dextras, in foliolis singularibus, ipso vertice in libri formam compingendis) einige Verwandtschaft mit derselben zu haben schiene» [Messerschmidt 1964: 231].

кописи и, вероятно, позволил с ними поработать, но отказался уступить. Также отказался он сопровождать Мессершмидта в Удинск, куда немецкий ученый вернулся в конце марта [Messerschmidt 1964: 230, 232].

К счастью для Мессершмидта, в Удинске при посредстве местного чиновника Ф. А. Бейтона 14 апреля 1724 г. ему был предоставлен другой учитель — якобы тибетский лама Кара-Банди, который, скорее всего, в действительности был ойратом[13]. Мессершмидт тотчас активно принялся за изучение тибетской письменности, причем общение шло через толмача, также предоставленного Бейтоном. Кара-Банди подарил своему визави небольшую рукопись для занятий, а в одну из последующих встреч еще и ксилограф, которым, вероятно, была санскритская азбука, напечатанная тремя видами письма: индийским *ранджана, или ланьца* (тиб. *la+nydza, la+nytsha, lan dza и т. д.*), тибетским и монгольским[14]. Общение с Кара-Банди происходило как в этот первый период пребывания Мессершмидта в Удинске, так и на других этапах экспедиции — по пути немецкого ученого в глубь Даурии и по возвращении в Удинск. В путевом дневнике педантично фиксируются встречи с Кара-Банди, которые в основном посвящены были изучению тибетской письменности (в двух основных вариантах: уставного письма *учен* и полууставного *умэ*) и лексики [Messerschmidt 1964: 253–255; Messerschmidt 1966: 22, 24–26, 28–29; Messerschmidt 1968: 18–20, 22, 24–25, 28, 31, 33–35].

---

[13] В папке CM имеется лист с записанным на нем тибетским алфавитом, датированный 14 апреля 1724 г. и содержащий приписку с именем: «ཞི་ཏན་ཆེན Ürentschen, nomen Lamas» (л. 129). На монгольское происхождение информатора красноречиво указывает тот факт, что он, как следует из этой записи, произносил свое имя (Ринчен), прибавляя к началу гласный (ср. монг. *орос* —‘русский’). Прозвище «Кара-Банди», которым Мессершмидт его обычно называет в дневнике, состоит из двух монгольских компонентов: *кара* (монг. *хар* ‘черный’) и *банди* (монг. *банди* ‘послушник в монастыре’). На то, что это мог быть именно ойрат, указывает его альтернативное именование — Кара-Манджи [Messerschmidt 1964: 249], поскольку *манджи* является ойратским эквивалентом монгольского *банди* [Музраева, Бурыкин, 2015: 119].

В связи с монголизированной передачей имени «Ринчен» стоит отметить и тот факт, что в SZS и в HL чтение числительного тиб. *drug* (‘шесть’) дано как *Uruk* / *Uruch*, что также может свидетельствовать о влиянии первой таблицы на вторую.

[14] Эта азбука была воспроизведена Т. З. Байером в статье, состоявшей из 2 частей [Bayer 1732; 1735]; английский перевод и анализ первой из них (наиболее существенной для истории тибетологии), а также сам ксилограф из коллекции Д. Г. Мессершмидта, выявленный в ИВР РАН, были опубликованы в статье [Walravens, Zorin 2017].

Сводный список тибетских слов и отдельных выражений, которые Мессершмидт узнал во время своего пребывания на землях, населенных бурятами, был зафиксирован им на полях четвертого тома путевого дневника[15]. Каждое слово дано в тибетском написании, латинской транскрипции и в переводе на латынь и/или немецкий. В этом списке содержится и большое количество числительных: от ‘одного’ до ‘двадцати двух’, далее ‘тридцать’, ‘тридцать три’, ‘сорок’, ‘сорок четыре’ и в таком же ключе до ‘ста’, затем отдельные трехзначные и четырехзначные числительные и, наконец, ‘десять тысяч’. Важно подчеркнуть, что данный список, относящийся к финальной стадии занятий Мессершмидтом тибетской лексикографией, на тибетском письме записан практически безошибочно. Единственная существенная ошибка содержится в написании слов ‘восемьдесят’ и ‘восемьдесят восемь’: *brgyed bcu tham pa* и *rgyed brgyed* вместо *brgyad bcu tham pa* и *gya brgyad* соответственно. В остальных случаях, где встречается компонент *brgyad* (а именно в словах ‘восемь’, ‘восемнадцать’ и ‘восемьсот восемьдесят’), он написан правильно.

В том же сводном списке в следующем за числительными набором обозначений различных периодов времени приведены названия месяцев, которые по-тибетски строятся путем прибавления порядковых числительных к существительному *zla ba* ‘месяц’ (т. е. *zla ba dang po* ‘первый месяц’, *zla ba gnyis pa* ‘второй месяц’ и т. д.). У Мессершмидта слово *zla ba* везде опущено и даны только порядковые числительные от ‘первого’ до ‘одиннадцатого’, для двенадцатого месяца использовано название (ошибочное) иного типа. Часть слов здесь записана корректно,

[15] СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 4. Л. 41об-86 об. На этих листах содержатся записи за период времени с 5 по 26 марта 1725 г., относящиеся к путешествию обратно в Удинск и второму пребыванию в нем. На то, что словник был начат именно 5 марта, указывает запись в дневнике от этой даты, в которой Мессершмидт сообщает, что он стал заносить на поля дневника слова тибетского вокабулярия: «Ich extrahierte nach dem einige tangutische Vokabulen, so ich auch ad marginem hier beigefget [habe], und dimittierte ihn endlich gegen 8 Uhrabends…» [Messerscmhidt 1968: 18]. Работа продолжалась две недели (см. записи от 7, 9, 15 и 16 марта) вплоть до расставания с Кара-Банди 19 марта [Там же: 35]. То, что тибетский словник завершается на листе с записью, относящейся к 26 марта, разумеется, говорит только о том, что словник записывался на полях с пустыми листами, а дневниковые записи добавлялись потом. Добавим, что после тибетского словника следует монгольский, также записанный на полях (информатором по монгольскому языку для Мессершмидта выступил другой лама).

часть — с грубыми искажениями: например, *phyi* вместо тиб. *bzhi* (‘четыре’)[16]. Наиболее важным примером явной ошибки служит запись *rgyed* вместо тиб. *brgyad* — что аналогично двум случаям из предыдущего списка! Это говорит о том, что в памяти Мессершмидта данное слово вполне могло закрепиться именно в такой форме. Рассмотренный сводный список был составлен Мессершмидтом в течение одной «сессии», длившейся несколько дней (см. сн. 17). Это дает возможность сделать вывод, что он копировал отложившиеся у него старые записи более-менее механически и сам не мог отличить корректное написание числительных от ошибочного.

По всей видимости, оба перечня числительных в сводном списке отражают сведения, полученные Мессершмидтом от Кара-Банди. Такая атрибуция вызвана тем, что, как следует из дневника, кроме селенгинского ламы и Кара-Банди у него не было других информаторов по части тибетской лексики, а при помощи первого из них, скорее всего, были составлены более ранние списки числительных, по счастью, сохранившиеся в составе папки СМ.

Речь идет о двух документах. Рассмотрим прежде всего страницу с двумя параллельными столбцами числительных от ‘одного’ до ‘четырнадцати’, записанных тибетской графикой без латинской транскрипции (за исключением слова ‘семь’). Они имеют подзаголовки: первый обозначен как «Series paginaru libri impressi» с припиской «NB. genuina», второй — как «Series Numerica Silinginskiensis». Первое обозначение и сама форма записи числительных (с характерной для тибетцев склонностью к «стянутому» написанию слов — в данном случае числительных от ‘одиннадцати’ до ‘четырнадцати’[17]) ясно указывают на источник — некий ксилограф, который, по-видимому, состоял из четырнадцати листов, нумерованных по тибетской традиции на полях

---

[16] Кроме того, для слова ‘первый’ дано понятное, но не употребляемое в данном контексте образование от числительного «один», причем в неверной орфографии — *gyig pa* (вместо *gcig pa*); правильное же тибетское слово здесь иное — *dang po* (*gcig pa* входит в состав *bcu gcig pa* ‘одиннадцатый’ и т. д.).

[17] При «стянутом», или «сжатом», написании (тиб. *bskun yig*, *bsdus yig*) обычно сохраняются начальные и финальные элементы слов и выражений, а промежуточные целиком или частично «выпадают». В данном случае ср. написание བཅུགཅི (так у Мессершмидта, более правильно བཅུཅི) вместо стандартного བཅུ་གཅིག ‘одиннадцать’ и т. д. Также характерно в рассматриваемом документе и не совсем верное написание числительного *lnga* ‘пять’ с префиксом *b-* («предписной буквой» *ba*) — *blnga*, которое иногда действительно встречается в тибетских рукописях, хотя и является неверным.

лицевой страницы слева от текста[18]. Очевидно, что название второго столбца отсылает к занятиям с селенгинским ламой, однако в нем отсутствуют числительные ‘восемь’ и, что немаловажно для нас, ‘десять’ (вместо них стоят прочерки), а числительное ‘девять’ дано в ошибочном написании с предписной буквой *ba* вместо *da* (*bgu*), между тем как *ba* присуща числительному ‘десять’ (*bcu*). Более того, это написание отмечено знаком ‘NB’ — видимо, потому, что оно противоречит стоящему в соседнем столбце правильному варианту. Трудно сказать, почему в списке оказались пропущены два слова: едва ли селенгинский лама их забыл. Быть может, список был основан на принадлежавшем ему тексте, в котором отсутствовали эти листы, или же прочерки следует трактовать не как пропуск, а как указание на то, что вместо них можно подставить слова из первого столбца (правда, непонятно тогда, почему таких прочерков нет в других случаях, где слова в двух столбцах даны одинаково).

Последний документ, который необходимо рассмотреть, представляет собой лист, на котором с двух сторон написаны числительные от ‘одного’ до ‘ста’, а также ‘тысяча’. Данный список, судя по почерку, был написан не самим немецким ученым, но кем-то другим, не очень красиво писавшим по-тибетски, но, очевидно, имевшим познания в тибетской письменности. В нем используется заимствованный из индийской письменности знак *анусвара* (выглядит как кружок[19] над соответствующей буквой) вместо буквы *ma* в слогах *gsum* (‘три’; в данном документе — в числительных 53, 63, 83, 93) и *tham ba*[20] (только в слове ‘сто’; в остальных случаях *анусвара* или буква *ma* отсутствует, т. е. написано просто *tha ba*). В этом списке, в основном корректном, содержится некоторое количество ошибок. Самая заметная из них состоит в том, что писец поменял местами числительные 61–69 и 71–79[21]. Но наиболее важным для нас является последовательное написание

---

[18] Наиболее характерный для тибетских книг способ фолиации — с использованием именно числительных, хотя иногда для той же цели применяются тибетские цифры, буквенные обозначения и т. д. Иногда нумерация листов дублируется на оборотной стороне (обычно тибетскими цифрами).

[19] Например, གསུ (*gsuṃ*). В тибетском полууставном письме *умэ* вместо кружка пишется иной знак — две небольших соприкасающихся дужки, например ﾝ (*gsuṃ*).

[20] Более правильно *tham pa*, но вместо *pa* нередко пишут *ba*.

[21] Кроме того, числительные 71–79 записаны с неверным показателем соответствующего десятка — *de* вместо *don* (ср. с *re*, являющимся показателем чисел 61–69).

слова ‘девять’ с предписной *ba*, т. е. *bgu* вместо *dgu*. При самом беглом взгляде на документ видно, что список подвергался последующей редактуре: часть ошибок была исправлена непосредственно в тексте. В качестве гипотезы можно предположить, что список был получен Мессершмидтом от Кара-Банди, но впоследствии он приобрел какие-то новые материалы, пока остающиеся неизвестными нам, и использовал их для сводного словника в путевом дневнике. При этом наличие более ранних списков в распоряжении Мессершмидта могло привести к тому, что он повторил бы некоторые из них, если бы был вынужден писать числительные по памяти.

С высокой степенью вероятности можно полагать, что ошибка в написании слова *dgu*, восходящая к селенгинскому периоду, закрепилась в сознании Мессершмидта и впоследствии, при составлении им SZS, привела к вытеснению из памяти и выпадению из списка слова *bcu* ‘десять’. Произойти это, конечно же, могло только в том случае, если немецкий ученый был уже лишен своих записей или если очень спешил и не мог тратить время на сверку.

3. Анализ перечней остальной базовой лексики и заключение

Приведенный выше анализ тибетских числительных в словниках Д. Г. Мессершмидта подтверждает предположения, выдвинутые А. Манастером Рамером и Л. Д. Бондарь. Однако изучение второй части тибетских словников из SZS и HL с привлечением материала сводного списка из путевого дневника рисует несколько более сложную картину (см. *Таблицу 2*). Прежде всего, стоит отметить принципиальное отличие двух таблиц: в SZS словники для разных языков отличаются как в отношении количества, так и в отношении их последовательности, между тем как в HL словники для всех языков организованы одинаково. Там, где соответствующие слова неизвестны, в HL стоят прочерки: в тибетской части из тридцати пяти заявленных во второй части слов отсутствуют десять: ‘море’, ‘нос’, ‘рука’, ‘борода’, ‘волосы’, ‘лось’, ‘день’, ‘скала’, ‘стрела’, ‘лук’. Первые восемь из этих слов есть в сводном словнике Мессершмидта, и их отсутствие в HL говорит о том, что точный состав лексикона, скорее всего, определялся не им, а Страленбергом. Это подтверждается и тем, что из двадцати восьми лексем, которые

имеются во второй части SZS, в HL вообще нет десяти слов, а еще два (*Dgha* ‘нос’, *Lappa* ‘рука’) принадлежат к той группе, в которой в тибетской части HL стоит прочерк.

Четырнадцать слов, которые есть и в SZS, и в HL, можно поделить на несколько групп по принципу сходства / различия.

1) Полностью идентичны пять транскрипций: слова *Dawa* ‘луна’, *Tha* ‘лошадь’, *Long* ‘ветер’ (также ‘воздух’), *Thgi* ‘язык’, *Cha* ‘рот’; из них особенно важны *Thgi* и *Cha* (соответствующие тиб. *lce* и *kha*), которые практически невозможно объяснить простым совпадением (в первом случае — по причине удивительного написания, во втором — монголизированной или ошибочной фонетической интерпретации, зафиксированной в этой записи[22]); в сводном словнике только *Long* записано точно так же, как здесь; в остальных случаях имеются существенные отличия, в частности для *kha* вместо *Cha* указывается почти правильный вариант *Ka* («почти» — потому что не отражена аспирация).

2) Для пяти слов в HL приводится по два эквивалента, один из них в каждой паре имеет идентичный или почти идентичный эквивалент в SZS: *Pha* и *Abba* — *Pha* ‘отец’; *Mha*[23] и *Amma* — *Mah* ‘мать’; *Nara* и *Nima* — *Nima* ‘солнце’; *Sirr* и *Kinsa* — *Sir* ‘золото’; *Mui* и *Insa* — *Mui* ‘серебро’. Первые два слова (‘отец’, ‘мать’) представлены в простом (*Pha*, *Mha*) и «вежливом» вариантах (*Abba*, *Amma*)[24], тогда как в сводном словнике Мессершмидта «вежливые» варианты (тиб. *a pha*, *a ma*) отсутствуют. Для третьего слова (‘солнце’) в HL наряду с тибетской лексемой (*Nima*) приводится монгольский эквивалент (*Nara*). Варианты *Kinsa* (для ‘золота’) и *Insa* (для ‘серебра’), очевидно, не имеют никакого отношения к тибетскому языку[25]. Стоит отметить форму *Mui*

---

[22] Тибетский аспирированный *k*^{h}*a* в монгольском произношении может превращаться в *xa*; например, тиб. имя Mkhas grub (К^{х}эдруп) часто произносится как Хайдуб.

[23] Написание *Mha* вместо *Mah* (в транслитерации соответствует *ma*), скорее всего, является нелегитимным исправлением, внесенным Страленбергом (?) по аналогии с *pha*.

[24] В тибетском языке принято использование особой вежливой речи в отношении уважаемых или вышестоящих персон: иногда соответствующая лексика принципиально отличается от обычной (например, *chab* вместо *chu* ‘вода’), иногда образуется от нее путем прибавления различных показателей вежливости (например, *phyag dpe* вместо *dpe* ‘книга’).

[25] Тиб. *gser* и *dngul*, соответственно. Ср. с китайским 金 *jin* (‘золото’) и 银 *yin* (‘серебро’). Второй слог в словах *Kinsa* и *Insa* (*sa*), возможно, происходит от кит. 色 *sè* (‘цвет’).

как еще один случай, когда практически невозможно допустить случайное совпадение необычной записи слова (от тиб. *dngul*) в двух списках; в сводном словнике эквивалентом служит намного более точное *ngu*.

3) Между транскрипциями еще пяти слов имеются небольшие отличия, но они не очень существенны и могут не противоречить гипотезе о генетической связи между SZS и HL: *May* — *Maj* ‘огонь’; *Tza* — *Tsa* ‘земля’; *Mngo* — *Mgo* ‘голова’; *Myhi* — *Mÿ* ‘глаз’; *Kangwa* — *Kangawa* ‘нога’. В сводном списке Мессершмидта нет ни одного точного совпадения с данными вариантами написания: *Mnii*; *Ssa*; *Ggo*; *Niig*; *Gangnga*; для первого, четвертого и пятого слов эти отличия имеют фундаментальный характер. Интересно, что в случае с пятым словом ближе всех к правильному варианту (тиб. *rkangpa*, [kāŋpa] или [kāŋba]) находится *Kangwa* из HL.

4) Наконец, два варианта транскрибирования одного исходного тибетского слова *khyi* ‘собака’ — *Ky* в HL и *Thzÿ* в SZS — передают два принципиально различных способа его произнесения: по правилам произношения центральнотибетского диалекта (только без передачи аспирации), т. е. [kʰyī], и по правилам восточнотибетского, а также монголизированного произношения, т. е. [tɕʰī]; в сводном словнике Мессершмидта также отражен второй способ произнесения, но латинская запись слова иная: *Tschi*.

Из слов, имеющихся в HL, но отсутствующих в SZS, стоит отметить слова *Pungu* ‘брат’, *Poima* ‘сестра’ и *Dsgymæ* ‘жена’: для них использована иная лексика, нежели та, что представлена в сводном словнике, причем в последнем нет нейтральных терминов родства для именования брата и сестры (как в HL), а даны более узкие термины, обозначающие старших и младших братьев и сестер. Еще два слова в HL приводятся в двух вариантах: 1) ‘железо’— *Tscha и Tawar*, из которых первый отсылает к тибетскому *lcags* (в сводном словнике *Gschag*), а второй похож на искаженное монгольское *төмөр*; 2) ‘вода’ — *Tzu* и *Loo*, из которых первое слово передает самое обычное тибетское слово *chu* ‘вода’ (в сводном словнике *Tshu*), а второе, возможно, отсылает к названию духов воды *лу* (тиб. *klu*), аналогичных индийским *нага*, причем тибетское слово было заимствовано и монголами, так что этот второй вариант мог быть заимствован из монгольской лексики; отметим также, что имеется еще тибетское слово *lu ma* ‘ручей, родник’.

Что касается слов, содержащихся в SZS и отсутствующих в HL, при этом имеющих параллели в сводном словнике, то в большинстве случаев между ними имеются расхождения в транскрипции, но они

не носят фундаментального характера: теоретически можно допустить, что разночтения вызваны записью слов в SZS по памяти. Тем не менее выше были упомянуты такие случаи расхождений между сводным словником и SZS, что трудно поверить в их общее происхождение. Кроме того, два слова из списка SZS отсутствуют в сводном словнике[26]. Поскольку оба списка записаны рукой Мессершмидта, остается только гадать, как в более поздний (как представляется на данный момент) SZS проникли существенные отличия в написании, а также новые (по крайней мере, по отношению к дневнику) лексемы. Трудно поверить в то, что все изменения в написании слов могли быть следствием аберраций памяти. Но не менее трудно поверить в то, что у Мессершмидта на обратном пути в Петербург или же в самом Петербурге могли появиться какие-то дополнительные источники сведений о тибетском языке. Этот вопрос остается открытым.

Открытым остается и вопрос о точном соотношении вклада Мессершмидта и Страленберга в составление HL. С одной стороны, не подлежит сомнению использование Страленбергом SZS или ее модификации (остающейся гипотетической): некоторые отмеченные выше совпадения не могут быть объяснены иначе, как прямым заимствованием. Во всяком случае, я полагаю, что набор числительных (включая ошибочную ‘тысячу’) действительно восходит к Мессершмидту. С другой стороны, складывается ощущение, что в отношении другой лексики у Страленберга был еще какой-то источник информации. Целая группа слов — как присущих только HL лексических единиц (например, *Abba*

---

[26] Оба представляют собой некоторую проблему: 1) нем. *Mahl* (‘еда, трапеза’) переводится в SZS как *Ssamba*, что ближе всего к тибетскому *tsampa*, обозначающему жареную ячменную муку, любимую еду тибетцев; универсальное слово для ‘еды, приема пищи’ — это *za ba*, что тоже звучит до некоторой степени похоже, хотя и не имеет носового звука в середине; 2) к сожалению, левый край на той странице SZS, где находится столбец с тибетскими словами (расположенный как раз слева), поврежден, так что начало немецких слов иногда приходится угадывать; в единственном случае, где невозможно определить, какое именно слово имеется в виду, речь идет о лексеме, заканчивающейся на *-he* и имеющей впереди одну, самое большее две буквы; тибетским эквивалентом здесь выступает *notzu*, которому не удалось подобрать истолкование; рабочая версия состоит в том, что по-немецки было написано *Zehe* (‘палец (стопы)’), поскольку ему предшествуют обозначения частей тела и непосредственно перед ним стоит слово *Fuß* (‘нога’); эквивалентом слова ‘*Zehe*’ является тиб. *rkang mdzub*, однако если слог *mdzub* похож на искаженное *tzu*, то в отношении слога *rkang* сложно сказать, мог ли он превратиться в искаженное *no* (*tzu*).

и *Amma* для ‘отца’ и ‘матери’), так и способы транскрибирования некоторых общих с SZS слов (прежде всего, *Ky* для ‘собаки’, а не *Thzÿ* или *Tschi*) — едва ли может восходить к Мессершмидту (его информатор произносил тибетские слова на монгольский манер). Этот же гипотетический дополнительный источник мог, вероятно, послужить причиной добавления группы искаженных монгольских слов[27]. Их количество, пожалуй, слишком велико, чтобы списать их на погрешности памяти Мессершмидта или на спешку, в которой он работал. Трудно поверить и в то, что такое количество ошибок мог совершить Страленберг при подготовке таблицы в достаточно комфортных для него условиях. Впрочем, ничего исключать нельзя, пока не найдены новые факты, способные пролить свет на создание как SZS, так и HL.

Список условных сокращений

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН; CM — Collectanea Messerschmidtiana; HL — Harmonia linguarum; SZS — Specimen der Zahlen…

Литература

Басаргина 2019 — Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / Составители: Е. Ю. Басаргина, С. И. Зенкевич, В. Лефельдт, А. Л. Хосроев; под общей редакцией Е. Ю. Басаргиной. (Ad fontes.

[27] В данный момент не представляется возможным предположить, кто именно мог выступить в роли этого источника. Имевшийся к тому времени в Европе (но едва ли доступный Страленбергу) сравнительно большой тибетско-итальянский словарь иезуита де Фано* содержит упоминаемые в статье как проблемные слова *a pha* (‘отец’), *a ma* (‘мать’), *khyi* (‘собака’), но их транскрипции совершенно не похожи на варианты HL (у де Фано использованы нормы итальянской орфографии). Известный шведский военнопленный И. Г. Ренат, проживший много лет в плену у джунгар, мог знать какое-то количество тибетских слов (и путать их с монгольскими), но он вернулся в Европу на несколько лет позже выхода книги Страленберга. Впрочем, он был не единственным шведом, попавшим из российского плена в плен джунгарский [Бородаев, Контев 2010: 388, 391]. Не исключено, что именно здесь может крыться разгадка немессершмидтовского пласта тибетской лексики HL.

* Словарь де Фано хранится в Национальной библиотеке Франции (шифр Tibétain 542), его цифровая копия доступна в электронной библиотеке Gallica: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b541005425 (дата обращения 27.02.2020).

Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 7). СПб.: Нестор-История, 2019.

Бородаев, Контев 2010 — В. Б. Бородаев, А. В. Контев. Шведский артиллерист И. Г. Ренат и его ойратские карты // Ч. Мөнхбаяр (отв. ред.). Туухийн Товчоон. T. V. Fasc. 31. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2010. С. 386–403.

Манастер Рамер, Бондарь 2018 — А. Манастер Рамер, Л. Д. Бондарь. Об авторстве «Harmonia linguarum», опубликованной Ф. И. Страленбергом // И. В. Тункина (отв. ред.). Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: Материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург. СПб.: Реноме, 2018. С. 395–427.

Музраева, Бурыкин 2015 — Д. Н. Музраева, А. А. Бурыкин. К проблематике изучения ойратско-калмыцкой лексики // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 118–123.

Тункина, Савинов 2017 — И. В. Тункина, Д. Г. Савинов. Даниил Готлиб Мессершмидт: у истоков сибирской археологии. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 6). СПб.: ЭлекСис, 2017.

Bayer 1732 — Th. S. Bayer. Elementa litteraturae brahmanicae, tangutanae, mungalicae // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae, T. III. C. 389–422.

Bayer 1735 — Th. S. Bayer. Elementa litteraturae brahmanicae, tangutanae, mungalicae // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae, T. IV. C. 289–(296, 241–)245. (сбой в пагинации.)

Messerschmidt 1962 — D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Teil 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722 / Hrsg. von E. Winter und N. A. Figurovskij. Zum Druck vorbereitet von G. Jarosch. Berlin: Akademie Verlag, 1962.

Messerschmidt 1964 — D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Teil 2: Tagebuchaufzeichnungen Januar 1723 – Mai 1724 / Hrsg. von E. Winter. Zum Druck vorbereitet von G. Jarosch. Berlin: Akademie Verlag, 1964.

Messerschmidt 1966 — D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Teil 3: Tagebuchaufzeichnungen Mai 1724 – Februar 1725 / Hrsg. von E. Winter. Zum Druck vorbereitet von G. Jarosch. Berlin: Akademie Verlag, 1966.

Messerschmidt 1968 — D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Teil 4: Tagebuchaufzeichnungen Februar 1725 – November 1725 / Hrsg. von E. Winter und H. Lemke. Berlin: Akademie Verlag, 1968.

Strahlenberg 1730 — Ph. J. Strahlenberg. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze Russische Reich mit Siberien und der grossen Ttarey in sich begreiffet in einer historisch-geografischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten und vielen andern unbekannten Nachrichten vorgestellet, nebst einer, noch niemals ans Licht gegebenen Tabula polyglotta von zwei und dreissigerley Arten Tatarischer Volcker, Sprachen und einem Kalmuckischen Vocabulario. Stockholm: S. n., 1730.

Walravens, Zorin 2017 — H. Walravens, A. Zorin. The Āli-kāli Trilingual Syllabary Brought by D. G. Messerschmidt from Siberia and Edited by G. S. Bayer in the

1720s // Journal of the International College for Postgraduate Buddhist Studies, XXI. Tokyo: ICPBS, 2017. P. 183–241.

References

Basargina 2019 – Ye. Yu. Basargina (ed.). Pervyy issledovatel' Sibiri D. G. Messershmidt: Pis'ma i dokumenty. 1716–1721 [The First Explorer of Siberia D. G. Messerschmidt: Letters and Documents. 1716–1721] (compiled by Ye. Yu. Basargina, S. I. Zenkevich, W. Lehfeldt, A. L. Khosroyev).. (Ad fontes. Materialy i issledovaniya po istorii nauki [Materials and Researches on the History of Science]. Supplementum 7). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019.

Bayer 1732 – Th. S. Bayer. Elementa litteraturae brahmanicae, tangutanae, mungalicae. *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. T. III. P. 389–422.

Bayer 1735 – Th. S. Bayer. Elementa litteraturae brahmanicae, tangutanae, mungalicae. *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. T. IV. P. 289–(296, 241–)245. (The pagination is defected.)

Borodayev, Kontev 2010 – V. B. Borodayev, A. V. Kontev. Shvedskiy artillerist I. G. Renat i ego oyratskiye karty [The Swedish artilleriman J. G. Renat and his Oirat maps]. Ch. Munkhbayar (ed.). *Tuukhiin Tovchoon*. T. V. Fasc. 31. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2010. P. 386–403.

Manaster Ramer, Bondar' 2018 – A. Manaster Ramer, L. D. Bondar'. Ob avtorstve «Harmonia linguarum», opublikovannoy F. I. Stralenbergom [About the authorship of "Harmonia Linguarum" published by Ph. J. Strahlenberg]. I. V. Tunkina (ed.). *Millerovskiye chteniya — 2018: Preyemstvennost' i traditisii v sokhranenii i izuchenii dokumenatlnogo akademicheskogo naslediya: Materialy II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 24–26 maya 2018 g., Sankt-Peterburg* [Continuity and traditions in regard of preservation and study of documental legacy of the Academy of Sciences: Proceedings of the 2nd International Conference, March 24–26, 2018, St. Petersburg]. St. Petersburg: Renome, 2018. P. 395–427.

Messerschmidt 1962 – D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Teil 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722. Hrsg. von E. Winter und N. A. Figurovskij. Zum Druck vorbereitet von G. Jarosch. Berlin: Akademie Verlag, 1962.

Messerschmidt 1964 – D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Teil 2: Tagebuchaufzeichnungen Januar 1723 – Mai 1724. Hrsg. von E. Winter. Zum Druck vorbereitet von G. Jarosch. Berlin: Akademie Verlag, 1964.

Messerschmidt 1966 – D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Teil 3: Tagebuchaufzeichnungen Mai 1724 – Februar 1725. Hrsg. von E. Winter. Zum Druck vorbereitet von G. Jarosch. Berlin: Akademie Verlag, 1966.

Messerschmidt 1968 – D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Teil 4: Tagebuchaufzeichnungen Februar 1725 – November 1725. Hrsg. von E. Winter und H. Lemke. Berlin: Akademie Verlag, 1968.

Muzrayeva, Burykin 2015 – D. N. Muzrayeva, A. A. Burykin. K problematike izucheniya oyratsko-kalmytskoy leksiki [On the issues of the study of Oirat-Kalmyk lexis]. Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN. 2015. No 2. P. 118–123.

Strahlenberg 1730 – Ph. J. Strahlenberg. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze Russische Reich mit Siberien und der grossen Ttarey in sich begreiffet in einer historisch-geografischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten und vielen andern unbekannten Nachrichten vorgestellet, nebst einer, noch niemals ans Licht gegebenen Tabula polyglotta von zwei und dreissigerley Arten Tatarischer Volcker, Sprachen und einem Kalmuckischen Vocabulario. Stockholm: S. n., 1730.

Tunkina, Savinov 2017 – I. V. Tunkina, D. G. Savinov. Daniil Gotlib Messershmidt: u istokov sibirskoy arkheologii [Daniel Gottlieb Messerschmidt: at the Source of Siberian Archaeology]. St. Petersburg: ElekSis, 2017. (Ad fontes. Materialy i issledovaniya po istorii nauki. [Materials and Researches on the History of Science] Supplementum 6.)

Walravens, Zorin 2017 – H. Walravens, A. Zorin. The Āli-kāli Trilingual Syllabary Brought by D. G. Messerschmidt from Siberia and Edited by G. S. Bayer in the 1720s. *Journal of the International College for Postgraduate Buddhist Studies*. Vol. XXI. Tokyo: ICPBS, 2017. P. 183–241.

Приложение

Для удобства читателей привожу здесь датировки источников, использованных в таблицах: SZS — приложение к IV рапорту 1720 г., но в известном нам виде может датироваться существенно более поздним годом; HL — 1730 г.; сводный список в путевом дневнике — март 1725 г.; CM: документ с таблицами «Series paginaru libri impressi» и «Series Numerica Silinginskiensis» — предположительно март 1724 г. (по время посещения Селенгинска) или вскоре после него; CM: отдельный лист с числительными — предположительно апрель 1724 г. (начало общения с Кара-Банди) или вскоре после него.

Таблица 1. Списки числительных

Table 1. Lists of numerals

	SZS	HL	Сводный список в путевом дневнике: числительные (выдержки) [28]	Сводный список в путевом дневнике: названия месяцев	CM: Series paginaru libri impressi	CM: Series Numerica Silinginskiensis	CM: отдельный лист
1	Dgÿk	Dschyk	གཅིག Gtshigg.	ལྕི་ག་པ་ Gschig-bah	གཅིག	ཀཅིག	ཀ{ཅ}[29] KTschi
2	Ni	Nyoder Na	གཉིས Gni.	གཉི་པ Gnii-bah	གཉིས	ཀཉིས	ཀ{ཉ}ས Kni
3	Ssuum	Ssuum	གསུམ Gssum.	གསུམ་པ Gssum-Bah	གསུམ	ཀསུམ	ཀ{ས}ས KSsum
4	Dshgi	Dscysz	བཞི Wshi.	ལྕི་བ Bschi-Wah	བཞི	ལཞི	ལ{ཞ}ི Wschi
5	Dnga	Dnga	ལྔ Lnga.	ལྔ་བ Lnga-Wah	ལྔ	ལ	ལ{ཁ} Nga(?)[30]
6	Uruk	Uruch	ལྕ{ག} Dschugg	ལྕ{ག}ཁ Dschug-Bah	ལྕ{ག}	ལ{ཅ}ཀ	ལ{ཅ}{ཀ} Ttu / Tu_k
7	Diun	Dhun	བདུན Wdun.	ལྡན་པ (sic) Wdun-Bah	བདུན	ལ{ད}ན Wdun	ལ{ད}ན Wtun / uthun

[28] Материал этого и следующего за ним столбца подготовлен в рамках проекта по изданию тибетского и монгольского сводных словников из путевого дневника Д. Г. Мессершмидта (совместно с Л. Д. Бондарь и А. А. Сизовой).

[29] Фигурными скобками помечены элементы, дописанные к тексту справа сверху.

[30] Пометка в рукописи.

	SZS	HL	Сводный список в путевом дневнике: числительные (выдержки)	Сводный список в путевом дневнике: названия месяцев	CM: Series paginaru libri impressi	CM: Series Numerica Silinginskiensis	CM: отдельный лист
8	Dgiähd	Dsguat	བཀྱེད Wgyed.	ཕྱེད་པ Rgsched-Bah	བཀྱེད	—	བཀྱེད Wshet / Dsche
9	Dhgütomba	Dsgu-tomba	དགུ Dgu.	ཀྱུ་པ Ggu-Wah	དགུ	NBདགུNB.	⟨ད⟩ཏུ[31] Wghu / Tku
10	Dgzÿ=ni	Dsgyn	བཅུ་ཐམ་པ Wdshutamba;	བཅུ་པ Bdschu-Wah	བཅུ	—	བཅུ Gtschu
11	Dgzu=dgÿk	Dsgu-Dschyk	བཅུ་གཅིག Wdshu-gdschik	བཅུ་ཀྱིག་པ Bdshu-gschig-Bah	བཅུགཅི	བཅུ་གཅིག	བཅུ་ཀྱི Tschu-tschi
12	Dgzu=ni	Dsgu-Ny	བཅུ་གཉིས Wdshu-gnÿ.		བཅུགཉི	བཅུ་ཀྱིས	བཅུ་ཀྱིས Tschu-ni
13			བཅུ་གསུམ Wdshu-gssum.		བཅུགསུམ	བཅུ་གསུམ	ཀྱུ་གསུམ Tschu-ssum
14			བཅུ་བཞི Wdshu-wschÿ		བཅུ་བཞི	བཅུ་བཞི	བཅུ་བཞི Tschu-shi
20	Nÿr=dhgu	Nyr-Dschyk	ཉེ་ཏུ་ཐམ་པ Nüschu-tamba.				ཉ་ཏུ་ཐ་བ Nyschu-tamba
21	Nÿr=dgÿk		ཉེ་ར་གཅིག Nier-gdschik;				ཉ་ཀ Ner-tschi

[31] Угловыми скобками помечены зачеркнутые элементы в тексте.

	SZS	HL	Сводный список в путевом дневнике: числительные (выдержки)	Сводный список в путевом дневнике: названия месяцев	CM: Series paginaru libri impressi	CM: Series Numerica Silingins-kiensis	CM: отдельный лист
22	Nÿr=nÿ		ཉེ་གཉིས Nier-gnii.				ཉེ་གཉི Ner-nÿ
30	Nÿr=dhgu tomba	Nyr-dsgu-tomba	གསུམ་བཅུ་ཐམ་པ་ Gssum-wdshu-tamba				གསུམ་བཅུ་ཐ་བ Su^{m}tschuta⟨m⟩ba
40		Dschyack-Dsgu	བཞི་བཅུ་ཐམ་པ Wshi-wdschu-tamba				བཞི་བཅུ་ཐ་ཀ Hwshi-wzhu-tamba
50		Dnga-Dsgu	ལྔ་བཅུ་ཐམ་པ Lnga-wdschu-tamba				ལྔ་བཅུ་ཐ་ཀ Nga-tschu-tamba
60		Uruck-Dsgu	དྲུག་བཅུ་ཐམ་པ Dschug-wsdchu-tamba				⟨ལྔ་བཅུ་ཐ་ཀ⟩བདུན་བཅུ་ཐ་ཀ Tu-gtschu-tamba
70		Dhiun-Dsgu	བདུན་བཅུ་ཐམ་པ Wdun-wdschu-tamba				བདུན་བཅུ་ཐ་ཀ Ding-tschu-tamba
80		Dsgüat-Dsgu	བཀྲེད་བཅུ་ཐམ་པ Wrgsched-wdschu-tamba				ཤྲ་བཅུ་ཐ་ཀ Dshatschu tamba
90		Dsgü-tomba-Dsgu	དགུ་བཅུ་ཐམ་པ Dgu-wdschu-tamba				བཀུ་བཅུ་ཐ་ཀ Ggutschu tamba
100		Dsgü-Dsgu	བཅུ་ཐམ་པ Wgscha-tamba				ཤྲ་ཐ་ཀ gdschat-tamba
1000		Yreen	སྟོང་རྩོ stong-tzo				བཐོང་ཀ་མཛོ Wthonk tzo

Таблица 2. Другая базовая лексика[32]

Table 2. The other basic lexis

HL (нем.) (в скобках русский перевод А. З.)	HL (тиб.)	SZS (нем.) (в скобках русский перевод А. З.)	SZS (тиб.)	Путевой дневник (лат. / нем.) (в скобках русский перевод А. З.)	Путевой дневник (тиб.)	Словарное тибетское написание
[10000 Vater (отец)	Pha oder Abba	[15] Vater (отец)	Pha	Pater / Vater[33] (отец)	པ་ Pa.	པ། ཨ་པ།
[2] Mutter (мать)	Mha oder Amma	[16] Mutter (мать)	Mah	Mater / Mutter (мать)	ཨ་ Ma	ཨ། ཨ་ཨ།
[3] Bruder (брат)	Pungu					ཕུན་ལྷ། (?)[34] ཕུན་ནན། (?)
[4] Schwester (сестра)	Poima					ཕུ་ཀུ་མ། (?)
[5] Weib (жена)	Dsgymæ			Foemina / Weib (жена)	རྒྱ་མོ Nagmo	སྐྱེས་བུ་མཏེ། ནུ་ཀ་མོ།
[6] Feuer (ogонь)	May	[20] Feuer (огонь)	Maj	Ignis elementaris / Feuer (огонь)	མཉི་ Mnii	མེ།
[7] Wasser (вода)	Tzu oder Loo			Aqva / Waßer (вода)	ཚུ་ Tschu	ཆུ། ཟླུ།
[8] Erde (земля)	Tza	[18] Erde (земля)	Tsa	Terra / Erde (земля)	ས་ Ssa	ས།
[9] Berg (гора)	La oder Rhe			Mons / Berg (гора)	རི་ Ri	ལ[35]། རི།

[32] Нумерация слов в квадратных скобках отсутствует в оригинальных таблицах, приводится исключительно для удобства соотнесения HL и SZS.

[33] Материал этого и следующего за ним столбца подготовлен в рамках проекта по изданию тибетского и монгольского сводных словников из путевого дневника Д. Г. Мессершмидта (совместно с Л. Д. Бондарь и А. А. Сизовой).

[34] Здесь и далее вопросительные знаки помечают варианты, которые не со всей очевидностью соотносятся с латинскими транскрипциями из HL.

[35] Слово *la* (из HL) означает ‘горный перевал’ и поэтому здесь не приводится.

HL (нем.) (в скобках русский перевод А. З.)	HL (тиб.)	SZS (нем.) (в скобках русский перевод А. З.)	SZS (тиб.)	Путевой дневник (лат. / нем.) (в скобках русский перевод А. З.)	Путевой дневник (тиб.)	Словарное тибетское написание
[10] Sonne (солнце)	Nara oder Nima	[11] Sonne (солнце)	Nima	Sol / Sonne (солнце)	ཉི་མ Niima	ཉི་མ
[11] Mond (луна)	Dawa	[12] Mond (луна)	Dawa	Luna / Mondt (луна)	རྡ་བ་ Rdshawa	ཟླ་བ
[12] Pferd (лошадь)	Tha	[27] Pferd (лошадь)	Tha	Eqvus castratus / Wallach; Bachmatt (мерин; бахмат (низкорослая лошадь))	ཐཱ Sta	ཐཱ
[13] Hund (собака)	Ky	[28] ⟨H⟩und[36] (собака)	Thzÿ	Canis / Hund (собака)	ཚ Tschi	ཁྱི
[14] Kopf (голова)	Mngo	[2] ⟨K⟩opf (голова)	Mgo	Kaput / Kopff (голова)	གོ Ggo	མགོ
[15] See (озеро, море)	- - -			Lacus / See (озеро, море)	རྒྱ་མཚོ Rgschamtzo	རྒྱ་མཚོ
[16] Strohm (река)	Tzu					ཆུ
[17] Wind (ветер)	Long	[14] Wind (ветер)	Long	Aër. Ventus / Lüft; Windt (воздух, ветер)
Long.	ལུང
[18] Nase (нос)	- - -	[5] ⟨N⟩aase (нос)	Dgha	Nasus / Nase (нос)	ན Rna	ཨ
[19] Mensch (человек)	My			Homo / Mensch (человек)	མཛི Mnii	མི

[36] В этом столбце угловыми скобками помечены буквы, которые оказались утрачены из-за деформации левого края листа.

HL (нем.) (в скобках русский перевод А. З.)	HL (тиб.)	SZS (нем.) (в скобках русский перевод А. З.)	SZS (тиб.)	Путевой дневник (лат. / нем.) (в скобках русский перевод А. З.)	Путевой дневник (тиб.)	Словарное тибетское написание
[20] Hand (рука)	- - -	[7] Hand (рука)	Lappa	Artus superiores / Handt; Vorderfuß (рука, передняя лапа)	ལག་པ་ Lagba	ལག་པ།
[21] Bart (борода)	- - -			Barba / Bart (борода)	བུ་ Bu	བུ།
[22] Auge (глаз)	Myhi	[3] Augen (глаз)	Mÿ	Oculus / Auge (глаз)	ཉིག་ Niig	ཡིག
[23] Zunge (язык)	Thgi	[4] ⟨Z⟩unge (язык)	Thgi	Lingua / Zunge (язык)	ལྕེ་ Ggschi	ལྕེ
[24] Haar (волосы)	- - -			Pilus / Haar (волосы)	རྩ་ Rdscha	རྩ།
[25] Elend-Thier (лось)	- - -			Alce (лось)	ཤ་བ་ར་ལེད་ Schavharaleth	ཤ་བ་ཏུ་ལེད།
[26] Mund (рот)	Cha	[8] Mund (рот)	Cha	Ost / Mundt (рот)	ཁ་ Ka	ཁ།
[27] Haus (дом)	Tungwa			Domus / Haus (дом)	ཁང་བ་ Kangwa	ཁང་བ།
[28] Tag (день)	- - -			Dies (vel Sol) (день)	ཉི་མ་ Niima	ཉི་མ།
[29] Felsen (скала)	- - -			Petra. Rupes / Felß (скала)	འདྲག་ ’Drag	བྲག
[30] Eisen (лед)	Tscha oder Tawar			Ferrum / Eÿsen (лед)	བྱག་ Gschag	ལྕགས།
[31] Gold (золото)	Sirr oder Kinsa	[21] Gold (sic!) (золото)	Sir (sic!)	Aurum / Goldt (золото)	སེར་ Sser	གསེར།
[32] Silber (серебро)	Mui oder Insa	[22] Silber (серебро)	Mui	Argentum / Silber; Geldt (серебро, деньги)	ངུ་ Ngu	དངུལ།
[33] Pfeil (стрела)	- - -					

HL (нем.) (в скобках русский перевод А. З.)	HL (тиб.)	SZS (нем.) (в скобках русский перевод А. З.)	SZS (тиб.)	Путевой дневник (лат. / нем.) (в скобках русский перевод А. З.)	Путевой дневник (тиб.)	Словарное тибетское написание
[34] Pflitz-Bogen (лук)	- - -					
[35] Fuss (нога)	Kangwa	[9] ⟨F⟩uß (нога)	Kangawa	Artus inferiores / Fuß; Hinterfuß (нога, задняя лапа)	གང་ངུ་ Gangnga	ཀང་ངུ།
		[1] ⟨Go⟩tt (бог)	Nam	Celum, Firmamentum (небо, небосвод)	རྣམ་ Rnam	གནམ།
		[6] Zähne (зуб)	Sso	Dens / Zahn (зуб)	ས་ Sso.	སོ།
		[10] ⟨Ze?⟩he (палец (стопы))	Notzu			མཛུག་མོ། (?)
		[13] Stern (звезда)	Karma	Stella / Stern (камень)	གར་མ་ Garma.	སྐར་མ།
		[17] Mahl (еда)	Ssamba			ཚམ་པ། ཟ་བ། (?)
		[19] Saltz (соль)	Tza	Sal commune / Saltz (соль)	ཚ་ Tza	ཚྭ།
		[23] Ein Kuh (корова)	Nor	Armentum bubulum / Rindt=Vieh (крупный рогатый скот)	ནོར་ Nor	ནོར།
		[24] Schaaf (овца)	Luuk	Ovis / Schaff (овца)	ལུག་ Lugg	ལུག
		[25] Pappier ((лист) бумаги)	Schugu	Charta / Papier ((лист) бумаги)	ཆོ་ཅུ་ Schochu	ཤོག་བུ
		[26] Ein Buch (книга)	Jgä	Liber/ Buch (книга)	ཇི་ཀི་ Jiggi	ཡི་གེ

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 479–508
DOI 10.30842/alp2306573716217

«Немецкая грамматика» М. Шванвица (1730): исторический контекст, предшествующая традиция, современная рецепция

Н. В. Карева
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург; natasha.titova@gmail.com.

Е. Г. Пивоваров
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург; pivovaro@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена «Немецкой грамматике» М. Шванвица (1730). Анализируется исторический контекст, в котором создавалась книга, и конкретизируются детали биографии ее автора. Лингвистическая терминология учебника рассматривается в связи с особенностями учебной программы Академической гимназии. Исследуются значимые различия в текстах «Немецкой грамматики» и ее основного источника — анонимной «Die deutsche Grammatica ⟨…⟩ von Charmyntes» (1713). Изучаются существующие версии и формулируется еще одно предположение, кто мог быть автором этой книги. Указываются другие сочинения, повлиявшие на Шванвица, — 1-е и 2-е издания грамматики Й. Бёдикера (1690, 1723) и, возможно, польская учебная литература. В заключении делается вывод о том, что неоднозначная оценка Шванвица отечественными и зарубежными филологами связана с недостаточной изученностью источников его грамматики, а также со спецификой социокультурной и лингвистической ситуации, в которой она создавалась.

Ключевые слова: грамматика немецкого языка, Шванвиц, Академия наук, лингвистическая терминология, лингвистические источники.

“Die Teutsche Grammatica” by M. Schwanwitz (1730): historical context, preceding tradition, modern reception

N. V. Kareva

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; natasha.titova@gmail.com.

E. G. Pivovarov

St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Natural Sciences and Technology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; pivovaro@mail.ru.

Abstract. The article is devoted to “Die Teutsche Grammatica” by M. Schwanwitz (St. Petersburg, 1730), the first German-language textbook, printed in Russia. The bilingual manual, originally written for Academic gymnasium students, was also used at the Land Gentry Cadet Corps, and other Empire’s educational institutions. The authors specify the details of Schwanwitz’s biography, analyze the historical context of his book creation, examine its Russian and German segments. The paper interprets specific linguistic terminology representing a mixture of Latinized and Russian lexical components that apparently reflects the gymnasium teaching practices. Schwanwitz used trilingual terms to compare conceptual systems and indicate a common set of categories for three tongues. He offered his students German grammar explanations and simultaneously developed their linguistic abilities necessary to learn several foreign languages in a short time. Particular attention is paid to the German section of the grammar. We have tried to determine “Die Teutsche Grammatica” sources and conclude, that Schwanwitz compiled “Die deutsche Grammatica ⟨…⟩ von Charmyntes” (Berlin, 1713), the editions of J. Bödiker’s grammar (Cöln an der Spree, 1690; Berlin, 1723), and Polish textbooks. Differences from Charmyntes’s work included redefinition of several grammatical categories (person and article); besides, the ablative case was removed from the paradigm. Natural science and heretical examples were omitted, while a number of Russian words were added. A new conjecture about the Berlin manual authorship is formulated. Although the version, that “Die deutsche Grammatica ⟨…⟩ von Charmyntes” creator was J. L. Frisch, seems to be generally accepted, the XVIIIth century reference books suggested a “Junker” be the one. The authors discuss which of Junkers could have been a composer of the manual. The article discusses why contemporary scholars (H. Keipert, B. Uspensky, D. Zakharyin) were disputing upon Schwanwitz’s role in grammatical discourse development. We conclude that his ambiguous assessment has resulted from insufficient knowledge of his grammar sources, and specifics of the socio-cultural and linguistic situation in which it was created.

Keywords. German grammar, Schwanwitz, Academy of Sciences, linguistic terminology, linguistic sources.

1. Введение. Преподавание немецкого языка в России XVIII в.: учебные пособия и их авторы

В допетровскую эпоху знатоков немецкого языка в России было немного. Однако в первой трети XVIII в. его стали изучать столь интенсивно, что уже к 1730-м гг. сотни, если не тысячи русских людей свободно на нем читали, писали и говорили [Хотеев 2011: 85]. Дипломатия, административная и военная сферы настоятельно требовали квалифицированных специалистов, знающих европейские языки. При Петре I и его преемниках массовое овладение ими стало задачей государственной важности. За несколько десятилетий «образовательный ландшафт» Российской империи существенным образом изменился [Кусбер 2018: 46–92]. В Москве, Санкт-Петербурге и других городах были открыты учебные заведения, в которых преподавали французский, шведский, голландский и итальянский [Rjéoutski 2019; Рамазанова 2019 и др.]. Однако наибольшее внимание уделялось именно немецкому языку [Хотеев 2008: 64–84].

Открывшаяся в 1726 г. в Петербурге Академическая гимназия стала первым крупным центром по его изучению в России. Для ее питомцев и было в 1730 г. напечатано первое издание учебника «Die Teutsche Grammatica. Aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen und der Russischen Jugend zum Besten heraus gegeben von dem Informatore der Teutschen Sprache bey dem St. Petersburgischen Gymnasio. Нѣмецкая грамматика изъ разныхъ авторовъ собрана и россiискои юности въ пользу издана отъ учителя нѣмецкаго языка при Санктъ Петербургскои гѵмназiи». Автором книги был уроженец г. Торуни Мартин Шванвиц (?–1740). С 1725 г. он работал в Академии наук «информатором» (преподавателем) немецкого языка; позже служил гофмейстером (1732–1734 гг.) и «профессором русского языка» (до 1735 г.) в Рыцарской академии (Сухопутном кадетском корпусе) [Лузанов 1907: 24–25].

Составленная Шванвицем для своих занятий «Немецкая грамматика» стала популярнейшим учебным пособием в XVIII столетии. Она выдержала пять переизданий (в 1734, 1745, 1762, 1791, 1802 гг.), выходила значительными для того времени тиражами [СК 1962–1976: 3, 373] и на протяжении тридцати лет оставалась единственным напечатанным в России руководством по изучению немецкого языка. По этой книге учились во всех классах Академической гимназии, в Сухопутном кадетском корпусе и в других учебных заведениях империи [Кох

1998: 40; Koch 2002: 224–225; Кирикова, Костина 2018: 199]. Только в 1760-м г. появилась подготовленная И. М. Гречем (1709–1760) «Немецкая грамматика» [Греч 1760; СК 1962–1976: 1, 255–256], основанная на работе И. К. Готтшеда (1700–1766), а двумя годами позже — учебник М. И. Агентова (1740–1769) [Агентов 1762; СК 1962–1976: 1, 22].

Авторы этих пособий, так или иначе, были связаны с И. К. Готтшедом. Шванвиц прибыл в Россию из Польши в 1718 г. в качестве секретаря Э. К. фон Мантейфеля (1676–1749)[1] — известного политического деятеля и мецената, покровителя германских пиетистов, корреспондента Х. Вольфа (1679–1754) и супругов Готтшедов [Döring 2012]. Вольф и Готтшед вполне могли быть наставниками Греча в Лейпцигском и Марбургском университетах[2]. Агентов, в свою очередь, был пансионером в Кёнигсбергском университете, в котором немецкий классик начинал свою научную карьеру.

Шванвиц — единственный из перечисленных выше грамматистов — не учился в университете. По всей видимости, в родном городе он успел окончить только среднюю школу[3]. По замечанию учившегося все в том же Лейпциге Г. Ф. Миллера, он был «пруссак без образования» («ein preusse, der nicht studirt hatte» [МАН: 6, 170]). Не вдаваясь в причины подобного отношения к Шванвицу (о них см. [Keipert 1983:

---

[1] См. «О присяге иноземцев, принятых в русскую службу при Петре Великом (составлено по подлинным документам, хранящимся в Архиве Министерства Юстиции)» [Русский Архив 1869: 11, стлб. 1747].

[2] Почти век спустя Н. И. Греч писал, что его дед, будучи студентом, обратил на себя внимание профессора Иоанна Якова Маскоу, который «рекомендовал его в репетиторы к знаменитым молодым людям, учившимся в Лейпциге. Несколько времени провел он и в Марбурге. В обоих городах познакомился он с русскими студентами и стал заниматься русским языком, как будто предчувствуя свое будущее назначение» [Греч 1886: 5–6]. И действительно, «в начале 1738 года магистр философии Iohann Ernst Gretsch, переименованный Иваном Михайловичем Гречем, поступил профессором истории и нравоучения, и так называемых *humaniorum*, в верхние классы Сухопутного Шляхетского кадетского корпуса, называвшиеся тогда Рыцарскою Академиею» [Там же: 6].

[3] Несмотря на то, что биография Шванвица достаточно хорошо исследована [Блок 1940: 10, 208–209; Копелевич 1977: 100, 151; Московкин 2009; Хотеев 2008: 72–73; Keipert 1983: 81–82; Schröder 1987–1999: 4, 141–143; Schruba 1992 ; Московкин 2019: 125–127], о раннем периоде его жизни известно немного. По собственному его признанию, на родине он занимал должность почт-директора [Русский Архив 1869: 11, стлб. 1747] и, вероятно, был уже не молод, когда приехал в Россию.

87]), отметим, что создатель первого в России учебника немецкого языка являл собой классический пример ученого-автодидакта. Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что он был, прежде всего, практиком — чиновником[4], переводчиком[5], преподавателем[6], корректором[7]. Его теоретические воззрения формировались в процессе работы. Этим, возможно, и объясняется популярность его грамматики в XVIII в. Шванвиц был близок к учащимся, он не только знал действительный уровень их знаний, умений и навыков, но и хорошо представлял условия быта академических студентов и кадетов Шляхетского корпуса.

Бросающийся в глаза «непрофессионализм» его как грамматиста стал, тем не менее, причиной того, что последующие поколения читателей давали его работе неоднозначные оценки. И несмотря на то, что к «Немецкой грамматике» Шванвица обращались такие выдающиеся филологи как В. М. Живов [Живов 1996: 166–168, 204–205; Живов 2004: 215–217, 370–371, 486–487, 579; Живов 2017: 1000, 1016, 1062], Г. Кайперт [Keipert 1983; Keipert 1984 и др.], Д. Б. Захарьин [Захарьин 1995: 179, 225–226] и другие, некоторые вопросы еще предстоит решить.

---

[4] См. подписанный Петром I «Патент Мартыну Шванвицу, определенному ундер-камериором в Камер-коллегии» (11 июня 1718 г.) [Отдел рукописей РНБ. Ф. 650. Романовы. Ед. хр. 29] — авторы благодарят С. В. Власова за указание на этот документ.

[5] В «Апшите переводчику Мартину Шванвицу, служившему в государственной Камор-коллегии» указано, что «⟨…⟩ Мартын Шванвиц был ея Императорского Величества в Государственнои Камор колегии переводчиком и в онои должности своеи поступал исправно» [СПбФ АРАН. Ф. 916. Оп. 3. Ед. хр. 42].

[6] В «Промеморіи. Изъ канцеляріи шляхетнаго кадетскаго корпуса въ академію наукъ» указано, что уволившийся в 1735 г. и снова перешедший на работу в Академию Шванвиц «в штилѣ россійскаго и нѣмецкаго языковъ» был искусен [МАН: 2, 800].

[7] В «unterthänigstes memorial» («покорнейшей промемории») в Академию наук от 18 января 1734 г. Шванвиц так перечислял свои обязанности: «⟨…⟩ die ehre gehabt, der kayserlichen academie der wissenschaften von dem 1-sten september des verflossenen 1725-sten jahres bis d. 22-sten januarii 1728 als informator in der teutschen sprache, bis an d. 13-ten februarii 1732 aber als corrector zu dienen ⟨…⟩» [МАН: 2, 435] (‘⟨…⟩ Я имел честь служить в Императорской Академии наук с 1 сентября прошедшего 1725-го года до 22 января 1728-го в качестве информатора немецкого языка, а до 13 февраля 1732-го года в качестве корректора ⟨…⟩’ — здесь и далее перевод наш, Н. К., Е. П.).

Они связаны, во-первых, с новаторским характером метаязыка русской части «Немецкой грамматики». В ней использованы латинизированные термины, сопровождаемые традиционными аналогами. Чем обусловлено это решение, критиковавшееся другими грамматистами? Хотел ли Шванвиц воссоздать свойственное немецким учебникам терминологическое двуязычие или особенности преподавания в Академической гимназии сами диктовали ему столь специфический метод подачи материала?

Во-вторых, в научной литературе недостаточно освещена степень зависимости сочинения Шванвица от других учебников немецкого языка конца XVII — начала XVIII веков. Постулируемая в монографии К. Кох вторичность «Немецкой грамматики» по отношению к анонимной «Die deutsche Grammatica» была оспорена в статье [Карева, Пивоваров 2019a]. Однако дальнейший анализ и изучение источников петербургской грамматики представляется актуальной задачей, поскольку грамматисты XVIII века — в их числе В. Е. Адодуров (1709–1780) — во многом ориентировались на «Немецкую грамматику» [Keipert 1983: 101–108]. Выявление текстов, к которым восходят как целые разделы, так и отдельные формулировки Шванвица, позволяет получить представление о том «срезе» европейской лингвистической мысли, который благодаря его книге оказал влияние на формирующиеся стандарты описания русского языка.

Наконец, третья группа вопросов связана с основным источником учебника Шванвица — анонимной «Die deutsche Grammatica», вышедшей в Берлине в 1713 г. Попав в Россию в первой трети XVIII века, эта книга, судя по пометам на одном из сохранившихся экземпляров, использовалась как руководство по немецкому языку в некоторых учебных заведениях империи [Карева, Пивоваров 2019b]. Тем не менее в трудах XVIII века и современных исследованиях можно найти противоречивые сведения о том, кто являлся ее автором. В статье мы проанализируем существующие версии и выскажем еще одно предположение относительно того, кто мог быть создателем этого текста.

К сожалению, источники «Немецкой грамматики» — важного труда для истории филологической мысли в нашей стране — исследованы недостаточно. Не в полной мере изучены и сложные лингвистические и социокультурные обстоятельства, в которых она создавалась. По нашему мнению, это стало основной причиной того, что в научной литературе — как современной, так и предшествующего периода — можно встретить противоречивые суждения о Шванвице

как о филологе. Краткий обзор полярных мнений мы представим в заключении.

2. «Немецкая грамматика» Шванвица и особенности преподавания языков в Академической гимназии

«Немецкая грамматика» Шванвица была двуязычной: расположенный слева немецкий текст сопровождался переводом на русский, данным справа. Особенности орфографии кириллической части учебника исследовались в работах В. М. Живова, наиболее подробно — в «Очерках исторической морфологии русского языка XVII–XVIII вв.» [Живов 2004: 215–217, 370–371, 486–487, 579]. Первое издание «Немецкой грамматики» отразило «пестроту» письменного языка 1720–1730-х гг. [Живов 1996: 168; Живов 2017: 996, 1000, 1008], в котором старые формы соседствовали с новыми, и логика распределения языковых вариантов была не всегда очевидна.

Однако русская часть «Немецкой грамматики» замечательна не только гибридным характером своего языка, но и оригинальной системой специальных наименований [Карева, Пивоваров 2019а: 20]. Для обозначения грамматических категорий Шванвиц транслитерировал латинские термины, а в скобках дал русские соответствия — частью они были заимствованы из церковнославянских грамматик, частью представляли собой новации автора. См., например, *сравнителный степень* в качестве аналога *градусъ компаративусъ* вместо *разсудителныи степень* у Мелетия Смотрицкого [Кузьминова, Ремнева 2000: 158; Keipert 1983: 110–111]:

(1) Адѣктива имѣютъ три градуса компараціонісъ, [:степени сравненія:] которые суть слѣдующіе: 1. Позитивусъ [:полагателныи:] *der schöne*, или *ein schöner*, *изрядныи*. 2. Компаративусъ [:сравнителныи:] когда на концѣ сѵллаба *re*, или *er* прилагается, яко: *der schönere*, или *ein schönerer изряднѣишіи*. 3. Суперлативусъ [:превосходителныи:] когда на концѣ сѵллаба *ste* прилагается, яко: *der schönste* / *всѣхъ преизряднѣишіи* [Шванвиц 1730: 151].

Метаязыковые решения Шванвица были не всеми поняты. С. К. Булич писал, что «учебник отличается неуклюжестью русского текста и свидетельствует о незнакомстве автора с русской школьной

грамматической терминологией» [Булич 2018: 321; также Baumann 1973: 650]. А П. А. Клубков отмечал, что «Немецкая грамматика» на первый взгляд «производит… впечатление курьеза» [Клубков 2011: 76].

В Европе XVI–XVII вв. латинская терминология воспринималась как необходимый элемент языка лингвистической рефлексии. На территории Германии в учебниках родного языка для обозначения грамматических категорий часто использовались латинские наименования, а немецкие вводились в пояснениях [Дюбо 2001: 52–64]. Можно предположить [Карева, Пивоваров 2019а: 20], что Шванвиц при создании своего труда ориентировался на европейскую дидактическую традицию — тем более что для значительной части учеников и преподавателей Академической гимназии немецкий язык был родным [Rjéoutski 2018: 696, 698; Костина 2019: 194].

Апелляция сразу к нескольким терминологическим системам была, по всей видимости, связана и со спецификой образовательной программы этого учебного заведения [Keipert 1987: 70–71; Keipert 2009: 394]. С самого начала углубленное изучение иностранных языков рассматривалось как ее основная составляющая [Костина 2019: 191]. Представленный на утверждение в 1725 г. «Регламент» Л. Л. Блюментроста [Копелевич 1977: 83–88; Копелевич 2003: 126–129] предполагал обучение латыни и немецкому с первого класса, позже вводились греческий, французский и итальянский: «въ первомъ классѣ ученіе будетъ: по латински и по нѣмецки читати и обоихъ языковъ письмена изображати ⟨…⟩ Такожде и греческаго, и французскаго, и италіанскаго языковъ рачительство да не пренебрежется» [МАН: 1, 319, 320].

Неизвестно, соблюдались ли на практике все положения этого документа. Однако в гимназии с самых первых дней ее существования учили немецкий и латынь. Об этом свидетельствуют, в частности, отметки об уровне подготовки и результаты распределения по классам в «Генеральном списке учеников», принятых в 1726 и в 1727 гг. [МАН: 1, 217–232, 325–343; Костина 2019: 192–193].

В свете этих задач становится понятен замысел Шванвица — использовать на своих уроках одновременно латинские, немецкие и русские термины, чтобы сопоставить понятийные системы и указать общий для трех языков набор категорий. Очевидно, он не только предлагал своим ученикам «изъяснение» немецкой грамматики, но и стремился развить в них лингвистические способности, необходимые для того, чтобы в короткий срок овладеть несколькими иностранными языками.

3. Источники «Немецкой грамматики», специфика заимствования материала

Если орфография и метаязык русской части грамматики Шванвица хорошо изучены, то немецкий текст учебника мало привлекал к себе внимание исследователей. Вплоть до начала 2000-х гг. связи учебника Шванвица с европейской лингвистической традицией не изучались. В 2002 г. К. Кох в монографии «Deutsch als Fremdsprache in Russland des 18. Jahrhunderts» предположила, что источником грамматики Шванвица был анонимный учебник немецкого языка, изданный в Берлине в 1713 г. для русских студентов: «Die deutsche Grammatica, Aus Unterschiedenen Autoribus zusammen gebracht / Und Der in Deutschland Studierenden Rußischen Nation zum besten / In einem Compendio herausgegeben von Charmyntes» [Koch 2002: 326].

Сохранилось три экземпляра «Die deutsche Grammatica». Два находятся в Санкт-Петербурге (БАН, РНБ) [Карева, Пивоваров 2019b], один — в Ростоке (Universitätsbibliothek Rostock). Известно, что еще одна копия хранилась в Берлине (Staatsbibliothek Preußischer Kulturbesitz Berlin), однако была утрачена во время войны [Glück, Pörzgen 2009: 164]. В Россию экземпляры этого труда попали в первой половине XVIII в. — об этом свидетельствует тот факт, что грамматика фигурирует в «Камерном каталоге» Академической библиотеки [Bibl. Imp. Petr. 1742: 233, 246].

Пользуясь экземпляром БАН, мы сличили тексты первого издания труда Шванвица и «Die deutsche Grammatica» и обнаружили значительный объем текстуальных совпадений [Карева, Пивоваров 2019a]. Повторим лишь некоторые выводы, привлекая внимание к не отмеченным ранее особенностям двух текстов.

Как справедливо указала К. Кох [Koch 2002: 223, 326, 328], Шванвиц действительно заимствовал многие формулировки из «Die deutsche Grammatica». Однако между текстами есть и существенные отличия, касающиеся систематизации языкового материала. Например, в «Die deutsche Grammatica» категория лица рассматривается как свойственная всем изменяемым частям речи, в том числе именам [Charmyntes 1713: 6][8]. Шванвиц отказался от этого решения, полагая,

[8] Из немецких грамматистов лицо как именную категорию рассматривал только Х. Гвейнц (1592–1650) [Gueintz 1641: 26–27; Jellinek 1914: 180].

что лицо присуще только личным местоимениям и глаголам [Шванвиц 1730: 188–189, 212–213]. Также в «Die deutsche Grammatica» выделено два вида артикля — (1) *articulus definitus* (*der*, *die*, *das*) и (2) *articulus unitatis* (*ein*, *eine*, *ein*); при этом сделано добавление, что в «разговорной речи» («in gemeiner Redens=Art») используется также (3) *articulus indefinitus* (*von*, например, *Gebet mir vom Bier*) [Charmyntes 1713: 7–9]. В своем учебнике Шванвиц устранил это нехарактерное для грамматик немецкого противопоставление[9]. Сохранив терминологию, он заменил трехчленную систему артиклей на двучленную: «Артикулъ есть двоякій: дефинитусъ [:совершенныи:] и унитатисъ [:несовершенныи:]» [Шванвиц 1730: 143]. Наконец, еще одним ярким примером, к которому мы уже привлекали внимание [Карева, Пивоваров 2019: 22] является сокращение именной парадигмы в «Немецкой грамматике» по сравнению с берлинским учебником. Если Кармint выделил шесть падежей (*Nom.*, *Gen.*, *Dat.*, *Acc.*, *Abl., Voc.*), то Шванвиц — пять (*Nom.*, *Gen.*, *Dat.*, *Acc.*, *Voc.*), так как *Ablativus*, по его мнению, «съ дативомъ ⟨…⟩ ни какои разности не имѣетъ» [Шванвиц 1730: 143][10].

В главе о глаголе Шванвиц дополнил краткие правила из «Die deutsche Grammatica» развернутыми семантическими дефинициями. Главы о предлоге и синтаксисе имени он расширил, а часть о просодии и параграфы, посвященные синтаксису наречий и предлогов, — сократил. Наконец, в его работе есть отсутствующие в берлинском учебнике разделы — главы о произношении, знаках препинания и список слов-омофонов.

Заимствуя из берлинского учебника корпус примеров, Шванвиц дополнил его словами, связанными с русскими реалиями [Keipert 1983: 98; Карева, Пивоваров 2019: 22–24]. Так, *Rubel* и *Altin* даны как примеры существительных мужского рода; имена членов царской семьи *Peter*, *Catharina* и топонимы *Moscau*, *Riga*, *Newa* — как примеры имен

---

[9] Три артикля — *der*, *ein* и *es* — рассматривал только Л. Альбрехт (ок. 1540–1583) [Albertus 1573: N. P.]; другие грамматисты вслед за Й. Клаем (1535–1592) выделяли два артикля — *articulus indefinitus* (*ein*, *eine*, *ein*) и *articulus finitus* (*der*, *die*, *das*) [Meier (Hrg.) 1895: 19–20; Jellinek 1914: 193].

[10] Различия, по всей видимости, были связаны с двумя подходами к падежной классификации в немецких грамматиках XVI–XVII вв. Приверженцы т. н. семантического направления, ориентируясь на латинскую традицию, выделяли шесть падежей, представители формального подхода отказывались от не выраженного в немецком *Ablativus* [Jellinek 1914: 190–193; Дюбо 2001: 221–234].

собственных [Шванвиц 1730: 134–135, 184–185]. Однако естественнонаучные термины — *Jacobstab* (‘палка или посох Якоба’ [11]) и четыре элемента (*Erde* ‘земля’, *Lufft* ‘воздух’, *Wasser* ‘вода’, *Feuer* ‘огонь’), иллюстрирующие в «Die deutsche Grammatica» существительные *singularia tantum* [Charmyntes 1713: 32], — были исключены [Шванвиц 1730: 184–187]. Кроме того, Шванвиц не использовал в своем сочинении примеры, которые могли быть сочтены еретическими в России, — в том числе упоминание Люцифера как одного из ангелов при перечислении существительных мужского рода:

(2) Masculina sind alle Nahmen: ⟨…⟩ 4. Der Engel / als: Gabriel / Michael / Lucifer [Charmyntes 1713: 12].
(‘Мужского рода все имена ⟨…⟩ 4. Ангелов / как Гавриил / Михаил / Люцифер’).

Ср. Masculina sind alle Nahmen: ⟨…⟩ 4. Der Engel / als: Gabriel / Michael … Маскулина суть имяна: ⟨…⟩ 4. Ангеловъ, яко: Gabriel, Гавріилъ, Michael, Михаилъ [Шванвиц 1730: 134–135].

Изданная в Берлине в 1713 г. «Die deutsche Grammatica» была основным, но не единственным источником появившейся почти два десятилетия спустя в Петербурге книги Шванвица. Он обращался и к другим известным ему учебным руководствам по немецкому языку. Некоторые фрагменты из «фонетической» части «Немецкой грамматики» повторяют соответствующие строки из первого издания 1690 г. «Grundsätze der teutschen Sprache» Й. Бёдикера (1641–1695) [12]. Другие — заимствуют формулировки [13] из переиздания этой грамматики 1723 г., подготовленного И. Л. Фришем (1666–1743) [14].

---

[11] Подробное описание этого измерительного прибора см. [Бобынин 1904].

[12] См., например, текстуально близкие фрагменты у Бёдикера и Шванвица о произношении буквы *H* [Bödiker 1690: N. P.; Шванвиц 1730: 18], в более поздних переизданиях грамматики Бёдикера формулировка изменена [Bödiker, Frisch 1723: 18].

[13] См. фрагменты из переиздания грамматики Бёдикера 1723 г. [Bödiker, Frisch 1723: 18] и «Немецкой грамматики», описывающие особенности употребления буквы *X* [Шванвиц 1730: 26] (в издании 1690 г. отсутствуют примеры).

[14] Грамматика Иоганна Бёдикера переиздавалась 6 раз в течение 57 лет, с 1690 и до 1747 г., спрос на нее был огромен. После смерти автора второе и третье издания грамматики — 1700 и 1709 гг. — осуществил его сын, К. Э. Бёдикер (? — 1738); четвертое и пятое — 1723 и 1729 гг. — были подготовлены Фришем; шестое — 1746 г. — вышло в редакции И. Я. Виппеля (1714–1765) [Кусова 1966: 112–113].

Наконец, можно предположить, что на него повлияла и польская учебная традиция [15].

4. Основной источник Шванвица — «Die deutsche Grammatica ⟨…⟩ von Charmyntes»: проблемы атрибуции текста

Основной источник «Немецкой грамматика» Шванвица — берлинская «Die deutsche Grammatica» — вышла без указания имени автора. Упоминаемый в заглавии Карминт («in einem Compendio herausgegeben von Charmyntes») — это, по всей видимости, псевдоним; немецкий грамматист с таким именем неизвестен. Форма псевдонима указывает на его греческое происхождение, однако в древнегреческом языке такого имени собственного или нарицательного не было. По-видимому, это искусственное образование от *χάρμα* ‘радость’ или *χάρμη* ‘пыл сражения’ по типу отглагольных обозначений деятеля на *-υντης* (например, *λαμπρυντής*, *φαιδρυντής* и т. д.) [16].

К. Кох предположила [Koch 2002: 218–221], что создателем этого труда был упомянутый выше Фриш, в 1723 г. подготовивший переиздание грамматики Бёдикера. Он поддерживал контакты с Россией, написал ряд трактатов об истории славянской письменности (среди них «Historia linguae slavonicae», см. о ней [Булич 1893: 63–64]) и принадлежал к группе педагогов, создателей серии учебных пособий, использовавшихся на территории графства Бранденбург, — в том числе, известной в Европе и России «Grammatica Marchica» [Schröder 1987–1999: 2, 117–120; Stammerjohann (ed.) 2009: 1, 492–493].

Однако, как уже было отмечено [Карева, Пивоваров 2019b: 43], в справочных изданиях XVIII в. можно найти другие сведения об авторе берлинской грамматики. В «Versuch einer Historie der deutschen Sprachkunst» Э. К. Райхарда (1714–1791) автором «Die deutsche Grammatica» называется некий Юнкер:

---

[15] Г. Кайперт обратил внимание на то, что в «Немецкой грамматике» *участие* (а не *причастие*) переводит термин *Participium*. Возможно, наименование *участие* появилось под влиянием термина *uczestnik*, использованного преподавателем Торунской гимназии М. Гутхэтером-Добрацким (1625–1681) [Keipert, Huterer (Hrg.) 2002: 40].

[16] Авторы благодарят М. Л. Сергеева за это наблюдение.

> «Der Verfasser hat sich nicht genannt. Sichern Nachrichten aber zufolge ist es Herr Juncker Kayserl. Hof-Camerrath, der in seiner Jugend in der Schulpforte von geschickten Lehrern Unterricht empfangen hat»[17] [Reichard 1747: 491].

Этому сообщению у Райхарда предшествует упоминание о напечатанном в Санкт-Петербурге вторым изданием в 1734 г. двуязычном учебнике «Die deutsche Grammatik, aus unterschiedenen Auctoribus zusammengetragen». Речь, несомненно, шла о следующем «тиснении» грамматики Шванвица, т. к. других учебников в это время в Петербурге не выходило [СК 1962–1976: 5, 8].

Сумбурная заметка Райхарда стала причиной путаницы в указаниях авторства в последующих справочных изданиях и словарях. Уже в составленных И. К. Аделунгом (1732–1806) дополнениях к биографическому словарю «Allgemeines Gelehrten=Lexicon» Х. Г. Йёхера (1694–1758) мы находим статью, в которой со ссылкой на Райхарда утверждается, что Юнкер был автором немецкой грамматики, вышедшей вторым изданием в 1734 г.:

> «Iunker, ( ) Russisch-kaiserlicher Hof=Kammerrath, studierte in seiner Jugend in der Schule zu Pforta, und ist Herrn Reichard in der Gesch. der Deutschen Sprachk. S. 491 zu Folge, Verfasser von der Deutschen Grammatik, welche zum Gebrauch des S. Petersburgischen Gymnasii, zum zweyten Mahle zu Petersburg, 1734, in 8 heraus kam»[18] [Adelung 1784–1819: 2, 2348].

Ту же информацию мы находим в «Deutsches Anonymen–Lexikon» М. Хольцмана и Х. Бохатта [Holzman, Bohatta 1902–1926: 2, 237].

Ни в одном из справочников не указаны ни имя предполагаемого автора грамматики, ни даты его жизни. Сообщается лишь, что Юнкер учился в саксонской школе Пфорта и был камерным советником при

---

[17] ‘Составитель не назвал себя. Однако согласно проверенным сведениям, это господин Юнкер, камерный советник, в юности обучавшийся в школе Пфорта у опытных учителей’.

[18] ‘Юнкер, ( ) камерный советник при русском дворе, учился в юности в школе Пфорта и, согласно «Истории немецкого языка» господина Райхарда (см. с. 491) составил немецкую грамматику, бывшую в употреблении в Санкт-Петербургской гимназии и вышедшую вторым изданием октавой в Санкт-Петербурге в 1734 г.’.

русском дворе. Эти биографические сведения указывают на еще одного бывшего студента Лейпцигского университета, однокашника и товарища Миллера — немецкого поэта Готлоба Фридриха Вильгельма Юнкера (1703–1746). В 1731 г. он переехал в Санкт-Петербург и быстро сделал карьеру в Академии наук [Алексеева 2002; Казарцев 2013; Waysband 2014]. Вряд ли в десять лет Юнкер мог написать учебник. Тем не менее сведения о том, что он составил немецкую грамматику, имевшую хождение в академических кругах, можно найти как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях [Тюличев 1988: 16; Döring 2002: 140; Metzger et al. (Hrg.) 1991: XXIII].

Ситуация с атрибуцией грамматики осложняется тем, что XVIII столетие знало нескольких грамматистов по фамилии Юнкер. Один из них, Георг Адам Юнкер (1720–1805), составил для учащихся Королевской военной академии в Париже популярную грамматику немецкого языка [Juncker 1762], выдержавшую пять переизданий. Последнее, как и труд Шванвица, вышло в 1802 г. (см. о ней [Caravolas 2000: 93–95; Glück 2013: 379–380]). Он не мог быть составителем вышедшей за несколько лет до его рождения берлинской «Die deutsche Grammatica», однако в каталоге РГБ именно он указан как ее автор.

Еще один Юнкер — Иоганн (1679–1759), вошедший в историю науки как знаменитый физик, химик и врач, — составил грамматику греческого языка, напечатанную в Галле в 1705 г. [Griechische Grammatica 1705]. Сведения об этом издании и его авторе можно найти в «Historia Poetarum Graecorum Germaniae» Г. Литцела [Litzel 1730: 317]. Ученик А. Г. Франке (1663–1727), Иоганн в юности интересовался филологией и был связан с галльским кружком пиетистов [Gawthrop 1993: 171–173], с которым, в свою очередь, состояли в тесном контакте составители первых учебников русского языка — Г. В. Лудольф (1655–1712), И. Э. Глюк (1652–1705) и И. В. Паус (1670–1735). В настоящее время мы не располагаем сведениями ни о знакомстве Юнкера с этими грамматистами, ни о его интересе к русскому языку или общении со студентами из России. Известно, тем не менее, что из 23 236 студентов, зачисленных в Галльский университет в период с 1696 по 1730 гг., 903 были иностранцами; в свою очередь, из них около 300 человек были выходцами из Российской империи, Королевства Польского и разных областей Прибалтики [Geyer-Kardesch 1995: 106]. Возможно, именно об И. Юнкере шла речь в сообщении Райхарда и он является автором берлинского учебника, однако это предположение нуждается в дальнейшей верификации.

5. Переиздания «Немецкой грамматики», другие работы Шванвица

К 1732 г. отпечатанных экземпляров академической «Немецкой грамматики» стало не хватать. Было решено исправить и переиздать книгу. Второй, в значительной степени переработанный вариант был подготовлен Адодуровым и вышел в 1734 г. В этом издании была регламентирована орфография и устранено терминологическое двуязычие [Baumann 1973: 649–652]. Например, цитированный выше фрагмент из издания грамматики 1730 г. для второго «тиснения» был исправлен следующим образом:

(3) Имена прилагательныя имѣютъ три степеня уравненія, которые суть слѣдующіе: 1. Степень положительныи *der schöne*, или *ein schöner*, *изрядныи*. 2. Уравнительныи, когда на концѣ прилагается слогъ *re*, или *er*, *der schönere*, или *ein schönerer*, *изряднѣишіи*. 3. Превосходительныи, когда на концѣ прилагается слогъ *ste*, яко: *der schönste*, *преизряднѣишіи* [Шванвиц 1734: 93].

В 1745 г. вышло третье издание, в подготовке которого участвовал Якоб Штелин (1709–1785), однако оно мало отличалось от второго ([Keipert 1983: 92–93], о немногих значимых отличиях см. [Koch 2002: 339]).

Что же касается других филологических работ Шванвица, то он принял участие в подготовке «Веисманнова лексикона» — в его обязанности входило редактирование немецких словарных статей [Keipert 1983: 87]. Вместе с Адодуровым и другими сотрудниками Академии наук он составил первую грамматику русского языка «Compendium grammaticae russicae», датируемую 1731 г. [Keipert, Huterer (Hrg.) 2002]. Она осталась неопубликованной — до нас дошла лишь доведенная до середины рукопись, выправленная разными почерками. Однако, как показали исследования Г. Кайперта [Keipert 1983: 101–120 и др.], Адодуров в «Anfangs-Gründe der Russische Sprache» (1731) и грамматисты послеломоносовского периода во многом ориентировались на «Compendium grammaticae russicae», как, впрочем, и на «Немецкую грамматику».

6. Заключение. Шванвиц — ученый-теоретик или мастер компиляции?

В статье мы указали на зависимость «Немецкой грамматики» от европейской лингвистической традиции XVII–XVIII вв. Учебник Шванвица наследовал трактатам Бёдикера, польской учебной литературе и опубликованной под псевдонимом Карминт загадочной грамматике, атрибуция которой затрудняла даже специалистов XVIII столетия. На взаимосвязь перечисленных текстов указывают одинаковые формулировки правил, во многом сходные наборы примеров и терминов. При этом анализ исключенного Шванвицем теоретического и иллюстративного материала показал, что заимствованные из других грамматик сведения критически переосмыслялись учителем «нѣмецкаго языка при Санктъ Петербургскои гѵмназіи». Очевидно, он стремился создать пособие, которое, помимо изложения собственно немецкой грамматики, подготовило бы гимназистов к последующим занятиям другими иностранными языками. В свете этих задач следует рассматривать и его метаязыковые эксперименты, не вполне понятые последующими поколениями филологов.

В современных работах также можно встретить противоречивые суждения о Шванвице как лингвисте. В цитированных выше исследованиях Г. Кайперта он предстает ключевой фигурой для развития отечественной грамматикографии. При этом в трудах других ученых можно найти противоположные оценки. Д. Б. Захарьин, отметив, что Адодуров заимствовал из «Немецкой грамматики» способ представления плюсквамперфекта, сформулировал следующий вывод:

> «Нельзя ⟨…⟩ не усомниться в том, что именно Шванвиц является автором методической системы описания лингвистических фактов, примененной позднее и в русской грамматике ⟨…⟩. Попытка Кайперта реабилитировать Шванвица как профессионала-лингвиста не представляется убедительной; при том, что Шванвиц вполне может быть признан мастером компиляции, ему едва ли может быть приписан и статус ученого-теоретика» [Захарьин 1995: 225].

Д. Б. Захарьин цитирует также высказывание Б. А. Успенского на конференции в Фагеруде в мае 1989 г. Подводя итог имевшей место дискуссии о шведско-русской грамматике М. Гренинга (1750) и ее отношении к работам Шванвица и Адодурова, он отметил:

> «⟨…⟩ есть два разных мнения — профессора Кайперта и мое. Мы сходимся в том, что… Адодуров и Шванвиц работали вместе, и кто на кого оказывал влияние, очень трудно определить. Бессмысленно и определять, т. к. явно, что они работали в тесном контакте» [Захарьин 1995: 225].

Не будем оспаривать ни одну из точек зрения, высказанных уважаемыми специалистами. Хотим лишь отметить, что Шванвиц — лютеранин, призванный на службу Петром из католической Польши, — создавал свои труды в период, когда язык светской культуры и науки в России только вырабатывался, его нормы не были определены. Орфографическая «пестрота» русской части «Немецкой грамматики», ее оригинальная терминология, даже колебания в написании фамилии автора (Шваневитц, Шванович, Шванвич, Чванвич) прекрасно это иллюстрируют. С. М. Соловьёв дал такую выразительную характеристику положения вещей в момент, когда наш герой делал свои первые шаги в филологических «штудиях» на благо новой родины:

> «Хаос усиливался, но не умирало и стремление выйти из него, не умирало то чувство, которое заставляло русского человека оскорбляться печальным состоянием родного языка ⟨…⟩. Все русские люди, считавшие просвещение необходимым, должны были страшно тяготиться неустройством родного языка, видя, как то, что так легко выразить на чужом языке, с таким трудом передается на русском ⟨…⟩. Понятно, что Академия должна была отозваться на требование устройства русского языка, тем более что это требование шло сверху» [Соловьев 1999: 580–581].

И действительно, руководство ведущего научного центра страны придавало огромное значение созданию строгой научной терминологии, изданию словарей — «лексиконов», грамматик, учебных пособий для собственных гимназии и университета. 14 марта 1735 г. недавно назначенный его «главным командиром» И. А. Корф открыл Российское собрание [СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 430. Л. 226]:

> «⟨…⟩ сходиться в Академию два раза в неделю, а именно: в среду и субботу (т. е. когда не было общих собраний АН — *Н. К.*, *Е. П.*), поутру и после обеда, и иметь между собою конференцию, снося и прочитывая все, кто что перевел, и иметь тщание в исправлении российского языка в случающихся переводах. Чего ради в оных конференциях присутствовать секретарю Тредиаковскому,

адъюнкту Адодурову и ректору немецкого класса Шванвичу, а о тех конференциях журнал содержать Тауберту» [МАН: 2, 633; Пекарский 1873: 50].

Шванвицу — вместе с В. К. Тредиаковским и Адодуровым — надлежало стать активным участником деятельности этого собрания. В середине 1730-х гг. в стране не было иных центров, которые целенаправленно, хотя и по приказу свыше, занимались «чистотой» речи, изучали строй и возможности разных языков, формировали традицию перевода светских книг и научной литературы. Попасть в этот престижный академический «институт» мог только человек, научные заслуги которого были общепризнаны. Российское собрание не смогло завершить ни одного из крупных проектов, заявленных при его открытии. Это произошло не по вине входивших в него ученых и переводчиков. Малочисленность, недофинансирование, загруженность рутинной работой — самые очевидные, хотя и не единственные причины малой научной продуктивности первого официального объединения отечественных лингвистов.

Создание двуязычной грамматики было вдвойне обременительно для одного автора. Говоря о «пестроте» русского литературного языка в 1730-е гг., мы не должны забывать о том, что и немецкий тогда тоже не был унифицирован. Вспомним, что попытки Готтшеда создать общенациональный стандарт на основе одного диалекта (ostmitteldeutsches Sächsisch) встретили яростное противодействие современных ему филологов, живших в других землях этой разъединенной страны. Одновременно происходила и смена вех в мировоззрении германских ученых. Пиетизм, которому явно симпатизировали авторы первых учебников русского языка (Лудольф, Глюк и Паус), уступал место рационализму, представителями которого стали учителя «русских студентов» в Лейпцигском и Марбургском университетах.

Остается только удивляться, что созданная в таких сложных условиях «Немецкая грамматика» продолжала служить одним из основных учебных пособий в России вплоть до начала следующего столетия. Полагаем, именно этим и объясняется продолжающаяся уже не один век антиномия в восприятии Шванвица.

В заключение хотим привести выдержку из письма Г. П. Блока далекому потомку нашего героя — энтомологу Б. Н. Шванвичу. Изучая «внутренний быт» XVIII столетия, он собирал исторические материалы о первых представителях рода Шванвичей — Мартине, «птенце гнезда

Петрова», его сыне Александре, сыгравшем зловещую роль в дворцовом перевороте, который возвел Екатерину II на престол, и внуке Михаиле, примкнувшем к Пугачевскому восстанию. Позднее эти сведения были обобщены в статье «Путь в Берду» [Блок 1940]. 27 ноября 1939 г. Блок писал следующее:

> «На судьбу трех ее (семьи Шванвичей — *Н. К., Е. П.*) поколений наш XVIII век, бестолковый, шумный и жестокий, очень уж тяжело наложил свою руку и оставил такой резкий отпечаток, что его можно сравнить с теми оттисками вымерших растений, какие находят в пластах горных пород» [СПбФ АРАН. Ф. 916. Оп. 3. Ед. хр. 52. Л. 1].

Авторам статьи близко это восприятие масштабов личности первых представителей рода Шванвичей — и в том числе Мартина Шванвица, автора «Немецкой грамматики», являющейся, на наш взгляд, уникальным документом периода становления норм русского литературного языка и немецко-русского двуязычия 1730-х гг.

Список сокращений

БАН — Библиотека Академии наук (Санкт-Петербург); РГБ — Российская государственная библиотека (Москва); РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург); СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук.

Литература

Алексеева 2002 — Н. Ю. Алексеева. Петербургский немецкий поэт Г. В. Фр. Юнкер // Н. Д. Кочеткова (ред.). XVIII век. Сб. 22. СПб.: Наука, 2002. С. 8–27.

Блок 1940 — Г. П. Блок. Путь в Берду (Пушкин и Шванвичи) // Звезда. 1940. № 10. С. 208–217; 1940. № 11. С. 139–149.

Бобынин 1904 — В. В. Бобынин. Якобштаб // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XLIa: Яйцепроводъ — V. СПб., 1904. С. 605–606.

Булич 1893 — С. К. Булич. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. Ч. 1. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1893.

Булич 2018 — С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России XIII–XIX вв. Издание стереотипное. М.: Либроком, 2018.

Греч 1886 — Н. И. Греч. Записки о моей жизни. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1886.

Дюбо 2001 — Б. А. Дюбо. Рационализм и эмпиризм в немецких грамматических трудах XVI–XVIII вв. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2001.

Захарьин 1995 — Д. Б. Захарьин. Европейские научные методы в традиции старинных русских грамматик (XV — сер. XVIII в.). München: Verlag Otto Sagner, 1995.

Живов 1996 — В. М. Живов. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Живов 2004 — В. М. Живов. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Живов 2017 — В. М. Живов. История языка русской письменности. В 2 т. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2017.

Казарцев 2013 — Е. В. Казарцев. «Die gekrönte Hoffnung des Russischen Keisertums…» Готлоба Юнкера в переводе М. В. Ломоносова // Русская литература. 2013. № 3. С. 99–111.

Карева, Пивоваров 2019a — Н. В. Карева, Е. Г. Пивоваров. Первая в России грамматика немецкого языка: история создания и источники // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2, Языкознание. 2019. Вып. 4. С. 18–28.

Карева, Пивоваров 2019b — Н. В. Карева, Е. Г. Пивоваров. Редкая книга из коллекций Российской национальной библиотеки и Библиотеки Академии наук: «Die deutsche Grammatica» Шарминта (1713) // Петербургская библиотечная школа. 2019. Вып. 4. С. 41–46.

Кирикова, Костина 2018 — О. А. Кирикова, Т. В. Костина. Учебные книги в гимназии Академии наук в 1730-е гг. // Детские чтения. 2018. № 1. С. 194–219.

Клубков 2011 — П. А. Клубков. Формирование петербургской традиции лингвистической русистики (XVIII — начало XIX в.). СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2011.

Копелевич 1977 — Ю. Х. Копелевич. Основание Петербургской Академии наук. Л.: Наука, 1977.

Копелевич 2003 — Ю. Х. Копелевич. Санкт-Петербургская Академия наук и власть в XVIII веке // Э. И. Колчинский (ред.). Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 122–156.

Костина 2019 — Т. В. Костина. «О Академии ученья языкам»: преподавание и изучение языков в Академической гимназии 1726–1727 гг. // В. В. Мещеряков, И. В. Саверкина (ред.). Труды Государственного Эрмитажа. Т. 101: Петровское время в лицах — 2019. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. С. 191–197.

Кох 1998 — К. Кох. Преподавание немецкого языка как иностранного в России XVIII в. // Г. И. Смагина (ред.). Немцы и развитие образования в России. СПб.: БАН, 1998. С. 35–46.

Кусбер 2018 — Я. Кусбер. Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII — первой половины XIX века. Дискурс, законодательство, реальность. М.: Политическая энциклопедия, 2018.

Кусова 1966 — Р. И. Кусова. Место Бёдикера в развитии немецкой грамматической мысли // Ученые записки Северо-Осетинского государственного педагогического института. Орджоникидзе, 1966. Т. XXVII. Вып. III. Ч. 2. С. 105–113.

Лузанов 1907 — П. Ф. Лузанов. Сухопутный шляхетный кадетский корпус (ныне 1-й Кадетский корпус) при графе Минихе: исторический очерк. Вып. 1: Период графа Миниха: с 1732 по 1741. СПб.: книгопечатня Шмидт, 1907.

МАН — Материалы для истории Императорской Академии наук. В 10 т. 1885–1900. СПб.: Типография Императорской Академии наук. а) Т. 1. 1885; б) Т. 2. 1886; в) Т. 6. 1890.

Московкин 2009 — Л. В. Московкин. Из истории преподавания иностранных языков в XVIII веке: Мартин Шванвиц // Проблемы современной филологии и лингводидактики. 2009. Вып. 3. СПб.: Изд-во Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. С. 172–176.

Московкин 2019 — Л. В. Московкин. Языковое образование в Академическом университете и гимназии в XVIII веке. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2019.

Пекарский 1873 — П. П. Пекарский. История Императорской Академии наук. СПб.: Издание отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1873. Т. 2.

Рамазанова 2019 — Д. Н. Рамазанова. Итальянская школа братьев Лихудов в Москве (1697–1700 гг.). 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.

Русский архив 1869 — Русский архив. Историко-литературный сборник. Выпуски 7–12. М.: Тип. Т. Рис, 1869.

Соловьев 1999 — С. М. Соловьев. Сочинения: В 18 книгах. Книга 10: История России с древнейших времен. Т. 19–20. М.: Голос; Колокол-Пресс, 1999.

СК 1962–1976 — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. В 6 т. М.: Изд. Гос. библиотеки СССР им. В.И. Ленина, 1962–1976.

Тюличев 1988 — Д. В. Тюличев. Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и М. В. Ломоносов. Л.: Наука, 1988.

Хотеев 2008 — П. И. Хотеев. Немецкая книга и русский читатель в первой половине XVIII века. СПб.: БАН, 2008.

Хотеев 2011 — П. И. Хотеев. О знакомстве русских читателей первой половины XVIII века с немецкой художественной литературой // Н. Д. Кочеткова (ред.). XVIII век. Сб. 26. СПб.: Наука, 2011. С. 85–94.

Adelung 1784–1819 — J. Ch. Adelung. Fortsessung und Ergänzungen zu Christian Gottlieb Jöchers allgemeinen Gelehrten=Lexico. In 6 Bdn. Leipzig: Gleditschens Buchhandlung, 1784–1819.

Baumann 1973 — H. Baumann. Adodurovs Bedeutung für Entwicklung der russischen Literatursprache // Zeitschrift für Slavistik. 1973. № 18. S. 646–652.

Bibl. Imp. Petr. 1742 — Bibliothecae Imperialis Petropolitanae. Pars quarta quae continet libros philosophicos, etc. Vol. 1. St. Pet.: Typis Academiae Imperialis Scient., 1742.

Caravolas 2000 — J. A. Caravolas. Histoire de la didactique des langues au siècle des Lumières. Montréal: Presses de l'Université de Montréal, 2000.

Döring 2002 — D. Döring. Die Geschichte der Deutschen Gesellschaft in Leipzig. Von der Gründung bis in die ersten Jahre des Seniorats Johann Christoph Gottscheds. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2002.

Döring 2012 — D. Döring. Ernst Christoph von Manteuffel und die Leipziger «Wahrheitsliebenden» um Johann Christoph Gottsched // Denkströme. Journal der Sächstischen Akademie der Wissenschaften. 2012. Heft 8. S. 64–73.

Gawthrop 1993 — R. L. Gawthrop. Pietism and the making of eighteenth-century Prussia. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Geyer-Kardesch 1995 — J. Geyer-Kardesch. Comparative Difficulties: Scottish Medical Education in the European Context (c. 1690–1830) // V. Nutton, R. Porter (eds.). The history of medical education in Britain. Amsterdam, Atlanta: Brill, Rodopi, 1995. P. 94–115.

Glück 2013 — H. Glück. Die Fremdsprache Deutsch im Zeitalter der Aufklärung, der Klassik und der Romantik. Grundzüge der deutschen Sprachgeschichte in Europa. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2013.

Glück, Pörzgen 2009 — H. Glück, Y. Pörzgen. Deutschlernen in Russland und in den baltischen Ländern vom 17. Jahrhundert bis 1941. Eine teilkommentierte Bibliographie. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2009.

Holzman, Bohatta 1902–1926 — M. Holzman, H. Bohatta. Deutsches Anonymen-Lexicon 1501–1850. In 7 Bdn. Weimar: Gesellschaft der Bibliophilen, 1902–1926.

Jellinek 1914 — M. H. Jellinek. Geschichte der neuhochdeutschen Grammatik von dem Anfängen bis auf Adelung. Zweiter Halbband. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1914.

Keipert 1983 — H. Keipert. Die Peterburger «Teutsche Grammatica» und die Anfänge der Russistik in Russland // G. Freidhof, P. Kosta, M. Schütrumpf (Hrg.). Studia Slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch. Teil 3: Lomonosov und grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert. München: O. Sagner, 1983. S. 77–140.

Keipert 1984 — H. Keipert. Die lateinisch-russische Terminologie der Petersburger «Teutschen Grammatica» von 1730 // Festschrift für Gerta Hüttl-Folter zum sechzigsten Geburtstag (= Wiener slavistischer Almanach. Bd. 13). Wien, 1984. S. 121–139.

Keipert 1987 — H. Keipert. Der Fremdsprachunterricht in der Frühzeit der Petersburger Akademie-Gymnasiums // Polata Knigopisnaya. 1987. Vol. 16. S. 68–82.

Keipert 2009 — H. Keipert. Die Latinisierung der grammatischen Terminologie des Russischen // J. Besters-Dilger, A. Rabus (Hrg.). Text — Sprache — Grammatik. Slavisches Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiher. München, Berlin: O. Sagner, 2009. S. 387–400.

Koch 2002 — K. Koch. Deutsch als Fremdsprache in Russland des 18. Jahrhunderts. Berlin, New York: de Gruyter, 2002.

Litzel 1730 — G. M. Litzel. Georgii Lizelii Historia Poetarum Graecorum Germaniae: a Renatis Literis ad nostra usque tempora. Ubi eorum vitae, poemata et in priscos poetas graecos merita recensentur. Francofurti et Lipsiae: apud Io. Paulum Rothius, 1730.

Metzger et al. (Hrg.) 1991 — E. A. Metzger, M. M. Metzger (Hrg.). Anthologie. Herrn von Hoffmannswaldau und andrer Deutschen auserlesener und bissher ungedruckter Gedichte. Siebender Theil. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1991.

Reichard 1747 — E. C. Reichard. Versuch einer Historie der deutschen Sprachkunst. Hamburg: Bey Johann Adolph Martini, 1747.

Rjéoutski 2018 — V. Rjéoutski. Migrants and language learning in Russia (late seventeenth — first part of eighteenth century) // Paedagogica historica. 2018. Vol. 54. № 6. P. 691–703.

Rjéoutski 2019 — V. Rjéoutski. Die französische Sprache in der Adelserziehung der Regierungszeit Peters I.: Professionelle Sprache oder Charakteristikum der sozialen Identität // H. Glück, M. Häberlein und A. Flurschütz da Cruz (Hrg.). Adel und Mehrsprachigkeit in der Frühen Neuzeit. Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen. Wiesbaden: Harrassovitz Verlag, 2019. S. 179–202.

Schröder 1987–1999 — K. Schröder. Biographisches und bibliographisches Lexicon der Fremdsprachenlehrer des deutschsprachigen Raumes, Spätmittelalter bis 1800. In 6 Bdn. Augsburg: Augsburger I & I Schriften.

Schruba 1992 — M. Schruba. Martin Schwanwitz und seine Ode an Peter II. Zeitschrift für Slavische Philologie. 1992. Bd. 52. Heft 1. S. 23–32.

Stammerjohann (ed.) 2009 — H. Stammerjohann (ed.). Lexicon grammaticorum: a bio-bibliographical companion to the history of linguistics. In 2 vol. Tübingen: Niemeyer, 2009.

Waysband 2014 — E. Waysband. К истории русской мусической оды (В. К. Тредиаковский, А. Д. Кантемир, Г. Ф. В. Юнкер, М. В. Ломоносов) // Toronto Slavic Quaterly. 2014. № 47. P. 38–54.

Источники

Агентов 1762 — М. И. Агентов. Краткая немецкая грамматика, собранная из разных авторов, в пользу российскаго юношества, переводчиком Михайлом Агентовым, обучающим в Гимназии Имп. Московскаго университета немецкой синтаксической класс. М.: Унив. тип., 1762.

Греч 1760 — И. М. Греч. Немецкая грамматика сочиненная в пользу и употребление благороднаго юношества при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе. СПб.: печ. тип. онагож Корпуса, 1760.

Кузьминова, Ремнева 2000 — Е. А. Кузьминова, М. Л. Ремнева (ред.) Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2000.

Шванвиц 1730 — [М. Шванвиц]. Die Teutsche Grammatica. Aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen und Der Russischen Jugend zum Besten heraus gegeben von dem Informatore der Teutschen Sprache bey dem St. Petersburgischen Gymnasio. Немецкая грамматика из разных авторов собрана и российскои юности в пользу издана от учителя немецкого языка при Санктъ Петербургскои гимназіи. СПб.: напечатана в типографии Академии наук, 1730.

Albertus 1573 — [L. Albertus]. Teutsch Grammatik oder Sprach-Kunst: Certissima Ratio discendae, augendae, ornandae, propaganda conseruandae(que) linguae Alemanorum siue Germanorum, Grammaticis Regulis Et exemplis comprehensa & conscripta per Laurentium Albertum Ostrofrancum. Michael Manger, 1573.

Bödiker 1690 — [J. Bödiker]. Grund-Sätze der Deutschen Sprachen im Reden und Schreiben. Samt einem Bericht vom rechten Gebrauch der Vorwörter. Der studierenden Jugend und allen Deutschliebenden zum Bersten vorgestellt von Johanne Bödikero, P. Gymn. Svevo-Colon. Rectore. Cöln an der Spree: Druckts Ulrich Liebpert, 1690.

Bödiker, Frisch 1723 — [J. Bödiker, J. L. Frisch]. Joh. Bödikeri Grundsätze der teutschen Sprache, meistens mit ganz anderen Anmerkungen und einem völligen Register der Wörter, die in der teutschen Ű̈bersetzung der Bibel einige Erläuterung erfordern, auch zum Anhange mit einem Entwurf und Muster eines teutschen Haupt-Wörter-Buchs verbessert und vermehrt von J. L. Frisch. Berlin: Christoph Gottlieb Nicolai, 1723.

Charmyntes 1713 — [Charmyntes]. Die deutsche Grammatica, Aus Unterschiedenen Autoribus zusammen gebracht / Und Der in Deutschland Studierenden Rußischen Nation zum besten / In einem Compendio herausgegeben von Charmyntes. Berlin: s. n., 1713.

Griechische Grammatica 1705 — Griechische Grammatica, nebst einem Anhang vom Syntaxi: in teutschen Sprache denenjenigen fürnehmlich zum besten auffgesetzet, welche ohne mühsame Erlernung des Lateinischen des N. Testament in seiner Grund-Sprache wollen verstehen lernen. Halle: Weisenhaus, 1705.

Gueinz 1641 — Ch. Gueinz. Deutscher Sprachlehre Entwurf. Cöthen: [Fürstliche Druckerei], 1641.

Juncker 1762 — G. A. Juncker. Nouveaux principes de la langue allemande pour l'usage de l'école royale militaire. 2 vol. Paris: Musier fils, 1762.

Keipert, Huterer (Hrg.) 2002 — H. Keipert, A. Huterer (Hrg.). Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache. München: Verlag der Bayerische Akademie der Wissenschaft, 2002.

Meier (Hrg.) 1895 — J. Meier (Hrg.). Ältere deutsche Grammatiken in Neudrucken. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1895.

References

Adelung 1784–1819 — J. Ch. Adelung. Fortsessung und Ergänzungen zu Christian Gottlieb Jöchers allgemeinen Gelehrten=Lexico. In 6 Bdn. Leipzig: Gleditschens Buchhandlung, 1784–1819.

Alekseeva 2002 — N. Yu. Alekseeva. Peterburgskiy nemetskiy poet G. V. Fr. Yunker [Petersburg German poet G. V. F. Junker]. N. D. Kochetkova (ed.). *XVIII vek* [XVIIIth century]. St. Petersburg: Nauka, 2002. P. 8–27.

Baumann 1973 — H. Baumann. Adodurovs Bedeutung für Entwicklung der russischen Literatursprache. *Zeitschrift für Slavistik*. 1973. No. 18. S. 646–652.

Bibl. Imp. Petr. 1742 — Bibliothecae Imperialis Petropolitanae. Pars quarta quae continet libros philosophicos, etc. Vol. 1. St. Pet.: Typis Academiae Imperialis Scient., 1742.

Blok 1940 — G. P. Blok. Put v Berdu (Pushkin i Shvanvichi) [The way to Byrda (Pushkin and the Shvanvichy)]. *Zvezda*. 1940. No. 10. P. 208–217; No. 11. P. 139–149.

Bobynin 1904 — V. V. Bobynin. Jakobstab. Entsiklopedicheskiy slovar Brokgauza i Yefrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. XLIa: Yaytseprovod — V'. St. Petersburg, 1904. P. 605–606.

Bulich 1893 — S. K. Bulich. Tserkovnoslavyanskie elementy v sovremennom literaturnom i narodnom russkom yazyke [Church Slavonic elements in the modern literary and popular Russian language]. Part 1. St. Petersburg: I. N. Skorohodov Publ., 1893.

Bulich 2018 — S. K. Bulich. Ocherk istorii yazykoznaniya v Rossii XIII–XIX vv. Izdanie stereotipnoe [The essay on history of linguistics in Russia. Reprint]. Moscow: Librokom, 2018.

Caravolas 2000 — J. A. Caravolas. Histoire de la didactique des langues au siècle des Lumières. Montréal: Presses de l'Université de Montréal, 2000.

Grech 1886 — N. I. Grech. Zapiski o moey zhizni [Notes about my life]. St. Petersburg: A. S. Suvorin Publishing House, 1886.

Djubo 2001 — B. A. Djubo. Racionalizm i yempirizm v nemetskikh grammaticheskikh trudakh XVI–XVIII vv. [Rationalism and empiricism in German grammatical treaties of 16–18th centuries]. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg University Publishing House, 2018.

Döring 2002 — D. Döring. Die Geschichte der Deutschen Gesellschaft in Leipzig. Von der Gründung bis in die ersten Jahre des Seniorats Johann Christoph Gottscheds. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2002.

Döring 2012 — D. Döring. Ernst Christoph von Manteuffel und die Leipziger «Wahrheitsliebenden» um Johann Christoph Gottsched. *Denkströme. Journal der Sächstischen Akademie der Wissenschaften*. 2012. Heft 8. S. 64–73.

Gawthrop 1993 — R. L. Gawthrop. Pietism and the making of eighteenth-century Prussia. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Geyer-Kardesch 1995 — J. Geyer-Kardesch. Comparative Difficulties: Scottish Medical Education in the European Context (c. 1690–1830). V. Nutton, R. Porter (eds.). *The history of medical education in Britain*. Amsterdam, Atlanta: Brill, Rodopi, 1995. P. 94–115.

Glück 2013 — H. Glück. Die Fremdsprache Deutsch im Zeitalter der Aufklärung, der Klassik und der Romantik. Grundzüge der deutschen Sprachgeschichte in Europa. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2013.

Glück, Pörzgen 2009 — H. Glück, Y. Pörzgen. Deutschlernen in Russland und in den baltischen Ländern vom 17. Jahrhundert bis 1941. Eine teilkommentierte Bibliographie. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2009.

Holzman, Bohatta 1902–1926 — M. Holzman, H. Bohatta. Deutsches Anonymen-Lexicon 1501–1850. In 7 Bdn. Weimar: Gesellschaft der Bibliophilen, 1902–1926.

Jellinek 1914 — M. H. Jellinek. Geschichte der neuhochdeutschen Grammatik von dem Anfängen bis auf Adelung. Zweiter Halbband. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1914.

Kareva, Pivovarov 2019a — N. V. Kareva, E. G. Pivovarov. Pervaya v Rossii grammatika nemetskogo yazyka: istoriya sozdaniya i istochniki [The first German grammar in Russia: creation and sources]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie.* 2019. Vol. 18. No. 4. P. 18–28.

Kareva, Pivovarov 2019b — N. V. Kareva, E. G. Pivovarov. Redkaya kniga iz kollektsii Rossiyskoy nacionalnoy biblioteki i Biblioteki Akademii nauk: «Die deutsche Grammatica» Sharminta (1713) [A rare book from the collections of the Russian National Library and the Library of the Academy of Sciences: "Die deutsche Grammatica" by Charmyntes (1713)]. *Peterburgskaya bibliotechnaya shkola*. 2019. Iss. 4. P. 41–46.

Kazarcev 2013 — E. V Kazarcev. «Die gekrönte Hoffnung des Russischen Keisertums…» Gotloba Yunkera v perevode M. V. Lomonosova [«Die gekrönte Hoffnung des Russischen Keisertums…» by Gotlob Juncker translated by M. V. Lomonosov]. *Russkaya literatura*. St. Petersburg: Nauka, 2013. No. 3. P. 99–111.

Keipert 1983 — H. Keipert. Die Peterburger «Teutsche Grammatica» und die Anfänge der Russistik in Russland. G. Freidhof, P. Kosta, M. Schütrumpf (Hrg.). *Studia Slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch*. Teil 3: Lomonosov und grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert. München: O. Sagner, 1983. S. 77–140.

Keipert 1984 — H. Keipert. Die lateinisch-russische Terminologie der Petersburger «Teutschen Grammatica» von 1730. *Festschrift für Gerta Hüttl-Folter zum sechzigsten Geburtstag* (= *Wiener slavistischer Almanach*. Bd. 13). Wien, 1984. S. 121–139.

Keipert 1987 — H. Keipert. Der Fremdsprachunterricht in der Frühzeit der Petersburger Akademie-Gymnasiums. *Polata Knigopisnaya*. 1987. Vol. 16. S. 68–82.

Keipert 2009 — H. Keipert. Die Latinisierung der grammatischen Terminologie des Russischen. J. Besters-Dilger, A. Rabus (Hrg.). *Text — Sprache — Grammatik. Slavisches Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiher*. München: Berlin: O. Sagner, 2009. S. 387–400.

Kirikova, Kostina 2018 — O. A. Kirikova, T. V. Kostina. Uchebnye knigi v gimnazii Akademii nauk v 1730-e gg. [Gymnasium Instructional Materials at the Russian Academy of Science]. *Detskie chteniya*. 2018. № 1. P. 194–219.

Khoteyev 2008 — P. I. Khoteyev. Nemetskaya kniga i russkiy chitatel v pervoy polovine XVIII veka [German book and Russian reader in the first half of the XVIIIth century]. Saint-Petersburg: Academy of Science Library Press, 2008.

Khoteyev 2011 — P. I. Khoteyev. O znakomstve russkich chitateley pervoy poloviny XVIII veka s nemetskoy khudozhestvennoy literaturoy [On the acquaintance of Russian readers of the first half of the XVIII century with German literature]. N. D. Kochetkova (ed.). *XVIII vek* [XVIIIth century]. Vol. 26. St. Petersburg: Nauka, 2011. P. 85–94.

Klubkov 2011 — P. A. Klubkov. Formirovanie peterburgskoy traditsii lingvisticheskoy rusistiki (XVIII — nachalo XIX v.) [Forming of Petersburg tradition of the Russian linguistics (XVIII — the early XIXth centuries)]. St. Petersburg: Saint-Petersburg University Publishing House, 2011.

Koch 1998 — K. Koch. Prepodavanie nemetskogo yazyka kak inostrannogo v Rossii XVIII v. [Teaching German as a Foreign Language in Russia in the 18th Century]. G. I. Smagina (ed.). *Nemtsy i razvitie obrazovaniya v Rossii* [Germans and the development of education in Russia]. St. Petersburg: Academy of Science Library Publ., 1998. P. 35–46.

Koch 2002 — K. Koch. Deutsch als Fremdsprache in Russland des 18. Jahrhunderts. Berlin, New York: de Gruyter, 2002.

Kopelevich 1977 — Ju. H. Kopelevich. Osnovanie Peterburgskoy Akademii nauk [The foundation of St.-Petersburg Academy of Sciences]. Leningrad: Nauka, 1977.

Kopelevich 2003 — Ju. H. Kopelevich. Sankt-Peterburgskaya Akademiya nauk i vlast v XVIII veke [St. Petersburg Academy of Sciences and Power in the XVIII century]. E. I. Kolchinskij (ed.). *Nauka i krizisy. Istoriko-sravnitelnye ocherki* [Science and Crises. Historical and comparative essays]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publishing House, 2003. P. 122–156.

Kostina 2019 — T. V. Kostina. «O Akademii uchenya yazykam»: prepodavanie i izuchenie yazykov v Akademicheskoy gimnazii 1726–1727 gg. ["Learning Languages in the Academy": teaching and learning languages at the Academic Gymnasium in 1726–1727]. V. V. Meshcheryakov, I. V. Saverkina (ed.). *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. Vol. 101: Petrovskoe vremya v licah — 2019 [Peter's the Great time in faces — 2019]. СПб.: State Hermitage Publ., 2019. P. 191–197.

Kusber 2018 — Ya. Kusber. Vospitanie elit i narodnoe obrazovanie v Rossiyskoy imperii XVIII — pervoy poloviny XIX veka. Diskurs, zakonodatelstvo, realnost [Education of elites and public education in the Russian Empire of the XVIIIth — the first half of XXth century. Discourse, legislation, reality]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, 2018.

Kusova 1966 — R. I. Kusova. Mesto Byodikera v razvitii nemetskoy grammaticheskoy mysli [Bödiker's place in the development of German grammatical thought]. *Uchenye zapiski Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta.* Ordzhonikidze, 1966. Vol. XXVII. Iss. III. Part 2. P. 105–113.

Litzel 1730 — G. M. Litzel. Georgii Lizelii Historia Poetarum Graecorum Germaniae: a Renatis Literis ad nostra usque tempora. Ubi eorum vitae, poemata et in priscos poetas graecos merita recensentur. Francofurti et Lipsiae: apud Io. Paulum Rothius, 1730.

Luzanov 1907 — P. F. Luzanov. Suhoputnyy shlyahetnyy kadetskiy korpus (nyne 1-y Kadetskiy korpus) pri grafe Minihe: istoricheskiy ocherk [The Land Gentry Cadet Corps (now the 1st Cadet Corps) under Count Minich: historical outline]. Iss. 1: Period grafa Miniha: s 1732 po 1741 [Count Minih's time: from 1732 till 1741]. St. Petersburg: Shmidt Publ., 1907.

MAN — Materialy dlya istorii Imperatorskoyi Akademii nauk [Materials for the Imperial Academy of Sciences history]. In 10 vol. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1885–1900. a) vol. 1. 1885; b) vol. 2 1886; c) vol. 6, 1890.

Metzger et al. (Hrg.) 1991 — E. A. Metzger, M. M. Metzger (Hrg.). Anthologie. Herrn von Hoffmannswaldau und andrer Deutschen auserlesener und bissher ungedruckter Gedichte. 7er Theil. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1991.

Moskovkin 2009 — Moskovkin L. V. Iz istorii prepodavaniya inostrannych yazykov v XVIII veke: Martin Shvanvic [From the history of teaching foreign languages in Russia in the 18th century: Martin Schwanwitz]. *Problemy sovremennoy filologii i lingvodidaktiki*. 2009. No. 3. P. 172–176.

Moskovkin 2019 — Moskovkin L. V. Language education of the Academic University and Gymnasium at the 18th century. St.-Petersburg: St.-Petersburg University Publishing House, 2019.

Pekarskij 1873 — P. P. Pekarskij. Istoriya Imperatorskoy Akademii nauk. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1873. Vol. 2.

Ramazanova 2019 — D. N. Ramazanova. Italyanskaya shkola bratev Lihudov v Moskve *(1697–1700 gg.)* [Italian School of brothers Likhud in Moscow (1697–1700)]. 2nd edition. Moscow: Izdatel'skij dom YASK, 2019.

Reichard 1747 — E. C. Reichard. *Versuch einer Historie der deutschen Sprachkunst*. Hamburg: Bey Johann Adolph Martini, 1747.

Rjéoutski 2018 — V. Rjéoutski. Migrants and language learning in Russia (late seventeenth — first part of eighteenth century). *Paedagogica historica*. 2018. Vol. 54. No. 6. P. 691–703.

Rjéoutski 2019 — V. Rjéoutski. Die französische Sprache in der Adelserziehung der Regierungszeit Peters I.: Professionelle Sprache oder Charakteristikum der sozialen Identität. H. Glück, M. Häberlein, A. Flurschütz da Cruz (Hrg.). *Adel und Mehrsprachigkeit in der Frühen Neuzeit. Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen*. Wiesbaden: Harrassovitz Verlag, 2019. S. 179–202.

Russkiy archiv 1869 — Russkiy arkhiv. Istoriko-literaturnyy sbornik [Russian arkhive. Historical and literary collection]. Iss. 7–12. Moscow: T. Ris Publ., 1869.

Schruba 1992 — M. Schruba. Martin Schwanwitz und seine Ode an Peter II. *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 1992. Bd. 52. Heft 1. S. 23–32.

Schröder 1987–1999 — K. Schröder. Biographisches und bibliographisches Lexicon der Fremdsprachenlehrer des deutschsprachigen Raumes, Spätmittelalter bis 1800. In 6 Bdn. Augsburg: Augsburger I & I Schriften, 1987–1999.

SK 1962–1976 — Svodnyy katalog russkoy knigi grazhdanskoy pechati XVIII veka. 1725–1800 [Union catalogue of Russian books Civil print of the XVIIIth century. 1725–1800]. In 6 vol. Moscow, USSR Lenin State Library Publ., 1962–1976.

Solov'ev 1999 — S. M. Solov'ev. Sochineniya: V 18 knigah [Works: In 18 books]. Book 10: Istoriya Rossii s drevneyshih vremen [History of Russia since ancient times.]. Vol. 19–20. Moscow: Golos; Kolokol-Press, 1999.

Stammerjohann (ed.) 2009 — H. Stammerjohann (ed.). Lexicon grammaticorum: a bio-bibliographical companion to the history of linguistics. In 2 vol. Tübingen: Niemeyer, 2009.

Tyulichev 1988 — D. V. Tyulichev. Knigoizdatelskaya deyatelnost Peterburgskoy Akademii nauk i M. V. Lomonosov [Publishing at St. Petersburg Academy of Sciences and M. V. Lomonosov]. Leningrad: Nauka, 1988.

Waysband 2014 — E. Waysband. K istorii russkoy musicheskoy ody (V. K. Trediakovskij, A. D. Kantemir, G. F. V. Yunker, M. V. Lomonosov) [To the history of Russian ode (V. K. Trediakovskij, A. D. Kantemir, G. F. V. Yunker, M. V. Lomonosov)]. *Toronto Slavic Quaterly*. 2014. No. 47. P. 38–54.

Zakharine 1995 — D. B. Zakharine. Evropeyskie nauchnye metody v traditsii starinnykh russkikh grammatik (XV — ser. XVIII v.) [European scientific methods in the tradition of ancient Russian grammars (XV– middle of the XVIIIth century)]. München: Verlag Otto Sagner, 1995.

Zhivov 1996 — V. M. Zhivov. Yazyk i kultura v Rossii XVIII veka [Language and culture in 18th century Russia]. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1996.

Zhivov 2004 — V. M. Zhivov. Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka XVII–XVIII vekov [Essays on the historical morphology of the Russian language of the 17th–18th centuries]. Moscow: Languages of Slavic Culture Publ., 2004.

Zhivov 2017 — V. M. Zhivov. Istoriya yazyka russkoy pismennosti [The history of the language of Russian writing system]. In 2 vol. Moscow, Dmitry Pozharsky University Publ., 2017.

Sources

Agentov 1762 — M. I. Agentov. Kratkaya nemetskaya grammatika, sobrannaya iz raznykh avtorov, v polzu rossiyskago yunoshestva, perevodchikom Mihaylom Agentovym, obuchayushchim v Gimnazii Imp. Moskovskago universiteta nemetskoy sintaksicheskoy klass [A brief German grammar, compiled from various authors, in favor of the Russian youth, by translator Mikhail Agentov, teaching at the Imperial Moscow University Gymnasium German syntactic class]. Moscow: University Press, 1762.

Albertus 1573 — [L. Albertus]. Teutsch Grammatik oder Sprach-Kunst: Certissima Ratio discendae, augendae, ornandae, propaganda conseruandae(que) linguae Alemanorum siue Germanorum, Grammaticis Regulis Et exemplis comprehensa & conscripta per Laurentium Albertum Ostrofrancum. Michael Manger, 1573.

Bödiker 1690 — [J. Bödiker]. Grund-Sätze der Deutschen Sprachen im Reden und Schreiben. Samt einem Bericht vom rechten Gebrauch der Vorwörter. Der studierenden Jugend und allen Deutschliebenden zum Bersten vorgestellt von Johanne Bödikero, P. Gymn. Svevo-Colon. Rectore. Cöln an der Spree: Druckts Ulrich Liebpert, 1690.

Bödiker, Frisch 1723 — [J. Bödiker, J. L. Frisch]. Joh. Bödikeri Grundsätze der teutschen Sprache, meistens mit ganz anderen Anmerkungen und einem völligen Register der Wörter, die in der teutschen Ű̈bersetzung der Bibel einige Erläuterung erfordern, auch zum Anhange mit einem Entwurf und Muster eines teutschen Haupt-Wörter-Buchs verbessert und vermehrt von J. L. Frisch. Berlin: Christoph Gottlieb Nicolai, 1723.

Charmyntes 1713 — [Charmyntes]. Die deutsche Grammatica, Aus Unterschiedenen Autoribus zusammen gebracht. Und Der in Deutschland Studierenden Rußischen Nation zum besten. In einem Compendio herausgegeben von Charmyntes. Berlin: s. n., 1713.

Grech 1760 — I. M. Grech. Nemetskaya grammatika sochinennaya v pol'zu i upotreblenie blagorodnago yunoshestva pri Suhoputnom shlyahetnom kadetskom korpuse [German grammar composed in favor and use of a noble youth at the Land Gentry Cadet Corps]. St. Petersburg: Land Gentry Cadet Corps Typography, 1760.

Griechische Grammatica 1705 — Griechische Grammatica, nebst einem Anhang vom Syntaxi: in teutschen Sprache denenjenigen fürnehmlich zum besten auffgesetzet, welche ohne mühsame Erlernung des Lateinischen des N. Testament in seiner Grund-Sprache wollen verstehen lernen. Halle: Weisenhaus, 1705.

Gueinz 1641 — Ch. Gueinz. Deutscher Sprachlehre Entwurf. Cöthen: [Fürstliche Druckerei], 1641.

Juncker 1762 — G. A. Juncker. Nouveaux principes de la langue allemande pour l'usage de l'école royale militaire. 2 vol. Paris: Musier fils, 1762.

Keipert, Huterer (Hrg.) 2002 — H. Keipert, A. Huterer (Hrg.). Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache. München: Verlag der Bayerische Akademie der Wissenschaft, 2002.

Kuzminova, Remneva 2000 — E. A. Kuzminova, M. L. Remneva (eds.). Grammatiki Lavrentiya Zizaniya i Meletiya Smotritskogo [Lavrentiy Zizaniy's and Meletiy Smotritskiy's Grammars]. Moscow: Moscow State University Press, 2000.

Meier 1895 — J. Meier (Hrg.). Ältere deutsche Grammatiken in Neudrucken. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1895.

Schwanwitz 1730 — [M. Schwanwitz]. Die Teutsche Grammatica. Aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen und Der Russischen Jugend zum Besten heraus gegeben von dem Informatore der Teutschen Sprache bey dem St. Petersburgischen Gymnasio. Nemetskaya grammatika iz raznykh avtorov sobrana i rossiyskoy yunosti v polzu izdana ot uchitelya nemetskago yazyka pri Sankt Peterburgskoy gimnazii [German Grammar Compiled from Works of Different Authors and Published for the Benefit of the Russian Youth by a Teacher of German in St. Petersburg Gymnasium]. St. Petersburg: Academy of Sciences Press, 1730.

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 509–543
DOI 10.30842/alp2306573716218

Ментальные глаголы: валентностный таксис (на материале французского языка)

Е. Е. Корди
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург;
kordi2005@mail.ru

Аннотация. Настоящее исследование описывает группы, на которые делятся ментальные глаголы по их темпоральной ориентации, проявляющейся прежде всего в таксисных конструкциях, образуемых этими глаголами полипредикативных предложений. Выделяются три группы ментальных глаголов: 1. Глаголы мнения, которые представляют множество ментальных глаголов, имеющих самую широкую темпоральную ориентацию; выражаемая ими мысль может относиться к любому времени: прошедшему, настоящему и будущему. Полипредикативные предложения, образованные этими глаголами, содержат таксисные конструкции одновременности, предшествования и следования. 2. Глаголы памяти, направленные на события прошлого. Полипредикативные предложения с ними содержат таксисную конструкцию предшествования. 3. Глаголы, выражающие предвидение, ожидание, надежду, имеющие темпоральную направленность на будущее. Полипредикативные предложения, образованные этими глаголами, содержат таксисную конструкцию следования.

В описание семантической структуры глаголов, имеющих узкую темпоральную ориентацию на прошедшее или на будущее время, предлагается включать соответствующую информацию.

Ключевые слова: ментальные глаголы, темпоральная ориентация (направленность), полипредикативное предложение, таксисная конструкция, предшествование, одновременность, следование, глаголы мнения, глаголы памяти, глаголы, выражающие предвидение, ожидание, надежду, семантическая структура.

Mental verbs: valency taxis (French evidence)

E. E. Kordi
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg;
kordi2005@mail.ru

Abstract. Abstract. This paper describes mental verb groups, distinguished based on their temporal orientation manifested in the first place in taxis multi-clause constructions. Three groups of mental verbs are identified: 1. Opinion verbs comprising

a large number of mental verbs with broad temporal orientation, i. e. ability to refer to any temporal plane: the past, the present, or the future (this paper only considers two of them, penser ‘think’ and croir ‘believe’). Complex sentences with these verbs can comprise taxis constructions of simultaneity, anteriority, or posteriority. 2. Memory verbs reflecting past events (se rappeler ‘recollect, remember’, se souvenir ‘remember, recall’, oublier ‘forget’). Complex sentences with these verbs comprise anteriority taxis constructions, with anteriority expressed in dependent clauses by finite perfect forms or by perfective infinitives. 3. Verbs with future orientation (prévoir ‘foresee’, attendre ‘wait’, espérer ‘hope’) expressing anticipation, expectation, or hope. Complex sentences with these verbs comprise taxis constructions of posteriority expressed in dependent clauses by finite verbs in future / future-in-the-past forms or by present / imperfect subjunctives (also in posteriority meaning), or by dependent telic-verb infinitives. Tables 1 — 3 summarize the findings and reflect the logical options for taxis construction generation with verbs of each of the above groups. The paper suggests that all semantic descriptions of verbs with narrow temporal orientation to the past or to the future should reflect this fact.

Keywords: mental verbs, temporal orientation, multi-clause sentence, taxis construction, anteriority, simultaneity, posteriority, opinion verbs, memory verbs, anticipation verbs, expectation verbs, hope verbs, semantic structure.

1. Введение

Ментальные глаголы обозначают разные виды умственной деятельности (мышление, мнение, знание, память, понимание, ожидание, предвидение), но в то же время они имеют ряд общих свойств: в частности, общим является наличие двух обязательных участников мыслительного процесса: мыслящего субъекта (человека или другого мыслящего существа) и объекта. Субъекту, в зависимости от активности мыслительного процесса, можно приписать роль Агенса или Эсперинцера, а объекту — роль Содержания [Апресян 1974; Зализняк 1992; Храковский 2016].

Ментальные глаголы активно изучаются в последние несколько десятилетий. В монографии Анны А. Зализняк дается подробный анализ значения и употребления ментальных глаголов вместе с глаголами эмоционального состояния в составе множества предикатов внутреннего состояния на материале русского и французского языков [Зализняк 1992].

В. С. Храковский в статье [Храковский 2016] анализирует семантическую структуру и грамматические свойства глаголов памяти в русском языке.

Детальный семантический анализ ментальных предикатов группы *считать* дается в статье Ю. Д. Апресяна в сборнике [Арутюнова, Рябцева 1993], общий анализ лексики пространства мысли представлен в статье В. Г. Гака, опубликованной в том же сборнике.

В этой работе В. Г. Гак называет одним из критериев классификации предикатов ментального поля временной аспект: «а) направленность в прошлое, ретроспективный процесс: *вспомнить, узнавать*; б) направленность в будущее, проспективный процесс: *предвидеть, предусматривать*» [Гак 1993: 28].

2. Постановка задачи

В настоящей статье развиваются идеи В. Г. Гака и ставится цель исследовать темпоральную ориентацию ментальных глаголов. Но мы выделяем не две, а три группы глаголов по их темпоральной ориентации, включая в классификацию группу ментальных глаголов, которые не имеют ограничения по своей темпоральной направленности.

Темпоральная ориентация ментальных глаголов рассматривается на французском материале. Во французском языке, где очень развиты таксисные конструкции, темпоральная направленность ментальных предикатов обязательно получает свое выражение в таксисе полипредикативных предложений, образованных ментальными глаголами.

До того как Р. Якобсон ввел в употребление термин «таксис», это понятие обозначалось как «относительное время», которое противопоставляется абсолютному времени. Но понятие таксиса [Jakobson 1957; Якобсон 1972] шире, чем понятие относительного времени. Понятие относительного времени охватывает только темпоральные отношения между личными формами глаголов в составе сложного предложения, тогда как понятие таксиса охватывает также темпоральные отношения между личными и неличными глагольными формами (причастием, герундием, инфнитивом) в составе осложненного предложения.

В 2009 г. была опубликована коллективная монография Лаборатории типологического изучения языков ИЛИ РАН [Храковский 2009], где В. С. Храковский анализирует понятие таксиса, прототипическими

значениями которого являются предшествование, одновременность и следование, и дает классификацию таксисных конструкций. Он говорит о том, что таксис подразумевает наличие таксисной пары: основного (независимого, матричного) и зависимого глагола. По типу зависимости он различает валентностный и невалентностный таксис [Храковский 2009].

В конструкциях валентностного таксиса зависимый глагол заполняет одну валентность матричного глагола. Невалентностный таксис является обстоятельственным, например, когда зависимый глагол имеет форму деепричастия и является в предложении обстоятельством образа действия или сочетается с другими грамматическими значениями (причины, условия, уступки и т. д.), выраженными в сложноподчиненном предложении. В последнем случае он определяется как фоновый таксис [Храковский 2009].

В случае с ментальными глаголами речь идет о валентностном таксисе, зависимый глагол чаще всего входит в придаточное предложение, занимающее при матричном глаголе позицию прямого или косвенного дополнения.

По названному выше критерию выделяются три группы ментальных глаголов с целью выяснить, как темпоральная направленность отражается на синтаксисе предложения:

1) Глаголы мнения: *penser 1.* ‘думать’ [Ганшина 1977: 622]; *croire 1.* ‘считать’, ‘думать’, ‘полагать’ [там же: 212]. Группа глаголов мнения включает и другие глаголы: *trouver 4.* ‘находить’, ‘считать’, ‘полагать’ [там же: 856], *voir 4.* ‘судить о…’, ‘считать’ [там же: 883] и др. Мы остановимся только на двух глаголах, являющихся, как кажется, самыми частотными. Они представляют в этом исследовании множество ментальных предикатов, не имеющих ограничений по своей темпоральной направленности, к которому принадлежит большинство ментальных глаголов.

2) Глаголы памяти: *se rappeler* ‘помнить’, ‘вспоминать’, ‘припоминать’ [там же: 705], *se souvenir* ‘помнить’, ‘припоминать’, ‘вспоминать’ [там же: 798], *oublier1* ‘забывать’ [там же: 695]. К этой группе относится также более редкий глагол *se remémorer* ‘вспоминать’, но мы рассматриваем три самых употребительных глагола. Глаголы этой группы называют мыслительный процесс, направленный на прошлое.

3) Глаголы, выражающие предвидение, ожидание, надежду: *prévoir* ‘предвидеть’, ‘предусматривать’ [Ганшина 1977: 674]; *attendre* ‘ждать’, ‘ожидать’ [там же: 69]; *espérer 1.* ‘надеяться’, ‘ожидать чего-либо’ [там же: 330]. Глаголы третьей группы называют мыслительный процесс, направленный на будущее время.

Ментальные глаголы могут управлять предикатными актантами [Храковский 1985] и иметь своим содержанием событие, выражаемое при помощи финитных глаголов, входящих в придаточное предложение, или при помощи инфинитива, зависящего от ментального глагола. Полипредикативные конструкции являются основным материалом для данного исследования.

3. Темпоральная ориентация глаголов первой группы

Начнем с анализа таксисных конструкций, образованных глаголами *penser* и *croire.* Оба глагола *penser* ‘думать’ и *croire* ‘считать’ выражают мнение. Но мнения бывают разного рода. Анна А. Зализняк пишет, что глагол *думать* выражает мнение-предположение, а глагол *считать* — мнение-оценку [Зализняк, 1992: 52]. Ю. Д. Апресян формулирует это различие немного иначе: он считает, что эти глаголы противопоставлены по признаку «предположение» — «уверенность» [Апресян 1993]. Эти глаголы принадлежат к первой группе ментальных глаголов, не ограниченных в своей темпоральной направленности.

Для таких глаголов В. С. Храковский предлагает следующее исчисление конструкций валентностного таксиса: матричный глагол может быть в настоящем, прошедшем или будущем времени, и во всех этих формах он может управлять зависимым глаголом, образуя таксисные конструкции одновременности, предшествования и следования. Это дает девять логических возможностей, которые ниже представлены в *Таблице 1* (с. 514) (это исчисление было предложено В. С. Храковским в частной беседе).

Далее, на примерах из литературы посмотрим, как эти девять возможностей воплощаются во французских сложных и осложненных предложениях. С этой целью мы проанализируем полипредикативные предложения с ментальными глаголами *penser* ‘думать’ и *croire*

Таблица 1. Грамматические значения таксисных конструкций глаголов первой группы

Table 1. Grammatical meanings of taxis constructions with Group 1 verbs

V_0	V_1
Настоящее время	Предшествование
	Одновременность
	Следование
Прошедшее время	Предшествование
	Одновременность
	Следование
Будущее время	Предшествование
	Одновременность
	Следование

‘считать’ и рассмотрим образуемые в них таксисные конструкции [Корди 2009].

Глаголы первой группы образуют следующие таксисные конструкции:

1. Матричный глагол в настоящем времени, конструкция одновременности.

В примерах (1)–(2) глаголы мнения и зависящие от них глаголы в придаточном предложении стоят в настоящем времени и образуют таксисную конструкцию одновременности.

(1) *J’avais usé de ma petite provision de tabac avec la prodigalité d’un fils de famille* ***qui croit que les cantines suivent le soldat dans toutes ses aventures***. (A. Achard. Récits d’un soldat)
‘Я использовал мой небольшой запас табака с расточительностью маменькиного сынка, который считает, что полевые кухни следуют за солдатом повсюду’.[1]

(2) *Au demeurant,* ***ne pensez-vous pas que vous vous exagérez l’efficace*** ⟨…⟩ ***des francs-maçons dans l’occurence?*** (A. Gide. Les caves du Vatican)
‘Впрочем, не думаете ли вы, что вы преувеличиваете роль масонов в этом деле?’

[1] Здесь и далее перевод примеров мой. — *Е. К.*

2. Матричный глагол в настоящем времени, конструкция предшествования. Во французском языке предшествование по отношению к настоящему времени обычно выражается сложным прошедшим временем (passé composé). В (3)–(4) матричный глагол в настоящем времени, а зависимый в сложном прошедшем (passé composé) образуют конструкцию предшествования:

(3) ***Je pense qu'elle a renoncé à cet espoir***. (H. Bataille. Maman Colibri)
'Я думаю, что она отказалась от этой надежды'.

(4) *Mon dieu, madame,* ***je crois que j'ai été une excellente mère.*** *On n'en aurait pas trouvé de meilleure, pas Colette?* (H. Bataille. Maman Colibri)
'Боже мой, мадам, я считаю, что была прекрасной матерью. Лучше, чем можно было бы найти, не так ли, Колет?'

Грамматическое значение предшествования может выражаться и в осложненных предложениях. Употребление зависимого глагола в инфинитиве возможно, если субъект обоих глаголов совпадает. Этот субъект в примере (5) выражается личным местоимением 1 л. ед. ч.:

(5) ***Je crois avoir observé plus haut qu'il faisait une jolie journée.*** (A. Allais. À se tordre. Histoires chatnoiresques)
'Я думаю, я отметил выше, что был прекрасный день'.

3. Матричный глагол в настоящем времени, конструкция следования.

В нашем материале этот случай представлен двумя осложненными предложениями (6), (7). В примере (6) зависимый инфинитив предельного глагола выражает будущее действие, матричный и зависимый глаголы имеют одного субъекта[2].

(6) *Je pus remarquer l'effroyable dose de férocité qui se réveille dans le coeur de l'homme quand il a une arme dans les mains. On a soif de sang humain;* ***on ne pense plus qu'à tuer.*** (A. Achard. Récits d'un soldat)
'Я смог наблюдать ужасную жестокость, которая пробуждается в сердце мужчины, когда у него в руках оружие. Появляется жажда крови; думают лишь о том, чтобы убивать'.

---

[2] Предельность / непредельность играет важную роль для выражения грамматических значений одновременности и следования. Зависимый инфинитив непредельного глагола выражает одновременность, а зависимый инфинитив предельного глагола — следование.

В (7) сочетание зависимого инфинитива модального глагола *pouvoir* и инфинитива предельного глагола *enfoncer* относит называемое ими действие к будущему времени.

(7) *… montrez un précipice a un Polonais, il s'y jette aussitôt. Ce peuple a surtout le génie de la cavalerie,* ***il croit pouvoir enfoncer tous les obstacles et en sortir victorieux.*** (H. de Balzac. La cousine Bette)
'…Покажите пропасть поляку, и он сразу же бросится в нее. Этот народ имеет особую склонность к кавалерии, он считает, что сможет преодолеть любое препятствие и выйти победителем'.

4. Матричный глагол в прошедшем времени, конструкция одновременности.

Значение одновременности по отношению к любому прошедшему времени выражается в придаточном предложении формой имперфекта (imparfait), как мы это видим в примерах (8), (9):

(8) *Pendant toute la matinée,* ***on avait cru dans Sédan que nous étions vainqueurs;*** *c'était moins cependant une croyance qu'un espoir.* (A. Achard. Récits d'un soldat)
'Все утро мы в Седане думали, что победители — мы; однако это была скорее не вера, а надежда'.

(9) ***J'ai toujours pensé que ma nouvelle connaissance était de cette famille de parisiens qui, leur patrimoine croqué, s'arrangent d'un sabre pour avoir un cheval.*** **(**A. Achard. Récits d'un soldat)
'Я всегда думал, что мой новый знакомый принадлежит к той семье парижан, которые, если их наследство растранжирено, берут в руки саблю, чтобы получить коня'.

В примере (10), который иллюстрирует выражение одновременности в осложненном предложении, глагол мысли употреблен в имперфекте, зависящий от него непредельный глагол «видеть» — в пассивном инфинитиве, который обозначает состояние, одновременное с мыслительным процессом.

(10) Les habitants nous regardaient passer d'un air morne. **Quand ils pensaient n'être pas vus par nos gardiens,** quelques-uns d'entre eux s'approchaient de nous pour nous donner du pain ou des morceaux de viande, aumône de la ruine à la misère (A. Achard. Récits d'un soldat)

‘Жители смотрели на нас угрюмо. Когда они думали, что наши надсмотрщики их не видят, некоторые из них подходили, чтобы дать нам хлеба или мяса, милостыню нищете от бедности’.

В примере (11), который представляет собой предложение, осложненное причастным оборотом, причастие настоящего времени обозначает действие, одновременное действию ментального глагола [Корди 2009].

(11) *Les examinateurs avaient eu pitié du pauvre jeune homme.* ***Ils avaient pensé, peut-être, aux parents de province, besogneux, se saignant aux quatre veines pour payer les études du garçon à Paris.*** (A. Allais. À se tordre. Histoires chatnoiresques)
‘Экзаменаторы пожалели бедного юношу. Они подумали, может быть, о его родителях в провинции, трудящихся, выбивающихся из сил, чтобы оплатить обучение сына в Париже’.

5. Матричный глагол в прошедшем времени, конструкция предшествования.

Таксисное значение предшествования по отношению к прошедшему времени в придаточных предложениях выражается формой плюсквамперфекта (plus-que-parfait), как в примерах (12)–(13):

(12) *Son visage était d’un rouge sombre; mais, comme je n’y voyais pas de boutons,* ***je croyais que le docteur s’était trompé.*** (A. Achard. Récits d’un soldat)
‘Его лицо было темно-красным, но, поскольку я не видел на нем сыпи, я думал, что врач ошибся’.

(13) ***Et je pensais à mon pauvre pays qui avait donné tant de preuves d’imprévoyance****!* (A. Achard. Récits d’un soldat)
‘И я думал о своей бедной стране, которая дала так много доказательств своей непредусмотрительности!’

В примере (14), иллюстрирующем выражение предшествования в осложненном предложении, зависимый глагол употреблен в перфектном инфинитиве. Оба глагола имеют одного и того же субъекта:

(14) *Amédée se dressa debout sur son lit. Mais comment écraser l’insecte contre un tissu fuyant, vaporeux?… N’importe! il donna du plat de la main, si fort, si vite, qu’* ***il crut avoir crevé la moustiquaire.*** (A. Gide. Les caves du Vatican)

‘Амедей встал на кровать. Но как раздавить насекомое на мягкой, воздушной ткани? … Все равно! Он ударил ладонью так сильно, так быстро, что подумал, что порвал занавеску’.

6. Матричный глагол в прошедшем времени, конструкция следования.

Таксисное значение следования по отношению к ситуации прошедшего времени в придаточных предложениях выражается глаголом в форме будущего в прошедшем (futur dans le passé). См. (15):

(15) ***J’ ai pensé que ça ne t’ ennuierait pas d’ accepter l’ invitation de Miss Deacon.*** (H. Bataille. Maman Colibri)
‘Я подумал, что ты согласишься принять приглашение мисс Дикон’.

В примерах (16)–(17) матричный глагол употреблен в простом прошедшем времени (passé simple), а значение следования выражается в придаточных предложениях формами ближайшего будущего в прошедшем (futur immédiat dans le passé).

(16) ***Je crus un instant qu’il allait me chercher querelle;*** *il me regardait avec des yeux furibonds.* (A. Achard. Récits d’un soldat)
‘В какой-то момент я подумал, что он затеет ссору со мной: он смотрел на меня бешеными глазами’.

(17) ***Un jour vint cependant, le 16 octobre, où le bataillon crut qu’on allait avoir quelque chose à faire;*** *quelque chose à faire, en langage de zouave, signifiait qu’on avait l’espérance d’un combat.* (A. Achard. Récits d’un soldat)
‘Между тем, пришел день, когда батальон подумал, что у нас будет дело; иметь дело на языке зуавов значило, что есть надежда на сражение’.

В примере (18), который представляет собой сложное предложение, осложненное герундиальным оборотом, в главном предложении употреблено простое прошедшее (passé simple), матричный глагол имеет форму герундия, а зависимый — форму ближайшего будущего в прошедшем (futur immédiat dans le passé):

(18) *Quand je partis pour Paris, j’eus, à travers la peine de quitter mon pays et mes parents, un grand serrement de coeur* ***en pensant que je n’allais plus voir Mam’zelle Miss,*** *et je ne l’oubliai jamais.* (A. Allais. À se tordre. Histoires chatnoiresques)

‘Когда я поехал в Париж, полный грусти от расставания с родной страной и со своими родителями, я чувствовал, как сжимается сердце, когда я думал, что не увижу больше Мамзель Мисс; и я не забыл ее’.

В примере (19), который иллюстрирует выражение следования в осложненном предложении, следование выражается зависимым инфинитивом предельного глагола:

(19) ***Je croyais me trouver heureuse en épousant un artiste aussi supérieur par ses talents que par ses moyens personnels,*** *également grand et comme caractère et comme esprit.* (H. de Balzac. Etudes analytiques Petites misères de la vie conjugale)
‘Я думала, что буду счастлива, выйдя замуж за артиста, выдающегося по своим талантам и своим личным качествам, по своему характеру и уму’.

7. Матричный глагол в будущем времени, конструкция одновременности.

Таксисное значение одновременности по отношению к будущей ситуации выражается зависимым глаголом в настоящем времени:

(20) *C’est égal, si jamais je deviens réellement diabétique,* ***je croirai que c’est le dieu des english chemists qui se venge.*** (A. Allais. À se tordre. Histoires chatnoiresques)
‘Все равно, если я когда-нибудь на самом деле стану диабетиком, я буду считать, что это мне мстит бог английских химиков’.

(21) *Si je suis à l’église quand Adolphe arrivera,* á…ñ ***il pensera que je lui préfère une messe…*** (H. de Balzac. Etudes analytiques Petites misères de la vie conjugale)
‘Если я буду в церкви, когда приедет Адольф, á…ñ он подумает, что я предпочитаю ему мессу’.

8. Матричный глагол в простом будущем (futur simple), конструкция предшествования. В придаточном предложении предшествование выражается зависимым глаголом в одном из прошедших времен. В примере (22) глагол — сказуемое придаточного предложения имеет форму имперфекта (imparfait):

(22) ***On croira peut-être que cette froideur*** ⟨…⟩ ***était un fait accidentel, personnel au visiteur inattendu de 1861.*** (E. Caro. George Sand).

‘Может быть, все подумают, что эта холодность ⟨…⟩ была случайным явлением, обращенным к неожиданному визитеру, появившемуся в 1861 году’.

9. Матричный глагол в будущем времени, конструкция следования.

Одним из способов выражения следования является употребление модальных глаголов с инфинитивом основного глагола. В (23) значение следования выражается сочетанием модального глагола *devoir* и инфинитива зависимого глагола.

(23) *Que me demandez-vous?*
Ce que vous croirez devoir me donner. (H. de Balzac. La cousine Bette)
‘Что вы хотите получить?
То, что вы сочтете нужным мне заплатить’.

Примеры показывают, что темпоральная направленность ментальных глаголов, относящихся к первой группе, не ограничена: они могут обозначать мысль, направленную на прошлое, настоящее и будущее, что выражается в таксисных конструкциях предшествования, одновременности и следования, представленных в предложениях, образованных этими глаголами.

4. Темпоральная ориентация глаголов второй группы

В отличие от ментальных глаголов первой группы, глаголы памяти направлены на прошлое. Поэтому, употребляясь в любом времени (настоящем, прошедшем, будущем), они, как правило, образуют с зависимым глаголом таксисную конструкцию предшествования.

Глаголу ‘помнить’ В. С. Храковский дает следующее толкование:

«*X помнит Y*» = ‘X (стандартно человек, но и живое существо или артефакт с долговременной памятью) хранит информацию Y в своей памяти’ [Храковский 2016: 11].

Это толкование можно применить и к французским глаголам памяти *se souvenir* ‘помнить’, ‘припоминать’, ‘вспоминать’ [Ганшина 1977: 798] и *se rappeler* ‘помнить’, ‘вспоминать’, ‘припоминать’ [там же: 705].

Обращаясь к синтаксису, рассмотрим конструкции, образуемые глаголами памяти во французском языке. Начнем с глагола *se souvenir*. Он употребляется в настоящем (24)–(26), (28)–(29), прошедшем (27) и будущем (30) времени. Он может управлять придаточным дополнительным (24)–(25) или инфинитивным оборотом (26)–(27), выражающими Содержание воспоминания. Инфинитивный оборот употребляется в том случае, если субъект зависимого глагола совпадает с субъектом матричного.

При глаголе *se souvenir* Содержание обычно относится к прошлому, и два глагола (главный и зависимый) образуют таксисную конструкцию предшествования. В (24) предшествование выражается сочетанием презенса (présent) в главном предложении и имперфекта (imparfait) в придаточном, в (25) — сочетанием презенса (présent) и плюсквамперфекта (plus-que-parfait).

(24) ***Je me souviens qu'elle se tenait sur le perron,*** *agitant gaiement,comme un mouchoir, l'ordonnance du docteur Pomié.* (Colette. La maison de Claudine)
'Я помню, что она стояла на крыльце, весело размахивая, как платком, рецептом доктора Помье'.

(25) *La dernière fois que j'avais rencontré Boisflambard, c'était un matin, de très bonne heure* ***(je ne me souviens plus quelle mouche m'avait piqué de me lever si tôt),*** *au coin du boulevard Saint-michel et de la rue Racine.* (A. Allais. À se tordre. Histoires chatnoir-esques)
'Последний раз, когда я встретил Буафламбара, это было утром, очень рано (я не помню, какая муха меня укусила встать так рано), на углу бульвара Сен-Мишель и улицы Расина'.

В инфинитивном обороте предшествование выражается перфектным инфинитивом, причем инфинитив присоединяется к ментальному глаголу при помощи предлога *de* (26) или без предлога (27).

(26) ***Je me souviens d'avoir fait un voyage en coucou de Paris à Ville-Parisis:*** *distance sept lieues; voiture très-lourde, cheval boiteux; cocher, enfant de onze ans.* (H. de Balzac. Etudes analytiques. Petites misères de la vie conjugale)
'Я помню, как я совершил путешествие на «кукушке» из Парижа до Виль-Паризи: расстояние семь лье, повозка очень тяжелая, лошадь хромая; кучер — одиннадцатилетний ребенок'.

(27) *...**il ne se souvenait pas avoir jamais rencontré une plus jolie fille,** lui qui en avait tant vu et qui les aimait tant.* (A. Allais. À se tordre. Histoires chatnoiresques)
'… Он не помнил, что когда-либо встречал девушку красивее, хотя он видел их очень много и так их любил'.

Глагол *se souvenir* может также присоединять косвенное дополнение, выраженное существительным с предлогом *de:*

(28) ***Tu ne te souviens plus de nos conventions?*** (H. de Balzac. Etudes analytiques. Petites misères de la vie conjugale)
'Ты уже не помнишь о нашем договоре?'

В данном случае темпоральная направленность ментального глагола не выражается в синтаксисе предложения. Но к этому дополнению может относиться определительное придаточное, в котором формой глагола-сказуемого выражается предшествование по отношению к ментальному глаголу (29), (30). В (29) матричный глагол стоит в настоящем времени, а зависимый — в имперфекте (imparfait). В этом предложении предшествование выражается также обстоятельством времени.

(29) Pour votre malheur, vous vous souvenez de la joyeuse et perverse fille qui avait un petit chapeau rose et qui frétillait dans votre tilbury quand, six ans auparavant, vous aviez passé par là pour aller manger une matelote. (H. de Balzac. Etudes analytiques. Petites misères de la vie conjugale)
'К своему несчастью, вы помните веселую и порочную девицу в маленькой розовой шляпке, которая резвилась в вашем тильбюри, когда, шесть лет тому назад, вы приезжали туда, чтобы поесть матлот'.

В (30) матричный глагол употреблен в простом будущем (futur simple), а глагол в придаточном предложении — в простом прошедшем времени (passé simple). Сочетание будущего и прошедшего времен образует таксисную конструкцию предшествования.

(30) ***Je me souviendrai longtemps de la première chasse au sanglier que j'eus l'honneur de faire avec le comte.*** (Erckmann-Chatrian. Contes de la Montagne)
'Я долго буду помнить первую охоту на кабана, на которую я удостоился отправиться вместе с графом'.

Помимо глагола *se souvenir* употребляется безличный оборот *il lui souvient* ‘ему помнится, ему вспоминается’ [Ганшина 1977: 798]. Возвратный глагол *se souvenir* и безличный оборот *il lui souvient* имеют разные диатезы. Исходной или лексикографической [Мельчук 2004; Храковский 2016] нужно считать диатезу возвратного, а производной — диатезу безличного глагола, потому что невозвратный глагол существует только в безличной (производной) конструкции. В исходной диатезе субъекту соответствует подлежащее, а объекту — косвенное дополнение с предлогом *de* или предикатный актант (придаточное предложение или зависимый инфинитив). В производной диатезе объекту также соответствует предикатный актант или косвенное дополнение с предлогом *de*, а субъекту — косвенное дополнение, выраженное именем с предлогом *à* (31) или местоимением в дательном падеже (32)–(33):

(31) ***Et il souvenait encore au vieux Brotteaux de la princesse Mondragone, à qui il eût bien laissé entendre ses soupirs,*** *sans le comte Altieri qui ne la quittait pas plus que son ombre.* (A. France. Les dieux ont soif)
‘Еще вспоминалась старому Бротто принцесса Мондрагон, которой он бы обязательно дал понять свою влюбленность, если бы не граф Альтиери, который ходил за ней как тень’.

(32) ***Il lui souvenait aussi du jour où Joseph Gamelin, coutelier de son état, l’ avait demandée en mariage.*** (A. France. Les dieux ont soif)
‘Ей вспоминался также день, когда Жозеф Гамелен, по профессии ножовщик, сделал ей предложение’.

В этих примерах косвенное дополнение сопровождается определительным придаточным. Имперфект в главном предложении и плюсквамперфект в придаточном образуют таксисную конструкцию предшествования.

В примере (33) Содержание выражено перфектным инфинитивом от предельного глагола, который также выражает предшествование:

(33) *Quant à Brotteaux qui, en l’an II de la liberté, vivait de châtaignes et croûtons de pain,* ***il lui souvenait d’ avoir soupé chez Grimod De La Reynière, à l’ entrée des Champs-élysées.*** (A. France. Les dieux ont soif)
‘Что касается Бротто, который на втором году свободы питался каштанами и корками хлеба, ему вспоминалось, что он обедал у Гримо де ля Реньера при въезде на Елисейские поля’.

Безличный глагол образует конверсивную конструкцию, в которой субъект занимает позицию косвенного дативного дополнения. Про подобную конструкцию в русском языке (с возвратными безличными глаголами *помниться*, *вспоминаться* В. С. Храковский пишет, что она отличается от исходной прагматически: информация, которая хранится в памяти, подается как не принадлежащая тому, кто ее хранит, а как существующая независимо от него, и поэтому он не несет за нее ответственность. Но есть и семантическое отличие: субъект, выраженный дативным дополнением, воспринимается как менее активный, меняет роль Агенса на роль Эксперименцера [Храковский 2016].

Множество употреблений глагола *(se) souvenir* с зависимым глаголом, выражающим предшествование, говорит о том, что обычно этот глагол ориентирован на события и дела прошлого.

Направленность на события прошлого характерна и для синонимичного глагола *se rappeler,* который также обычно образует с зависимыми глаголами конструкцию предшествования. Глагол *se rappeler* употребляется в настоящем, прошедшем и будущем времени.

В (34) матричный глагол употреблен в настоящем времени, а зависимый — в сложном прошедшем времени (passé composé) выражает предшествование по отношению к ситуации настоящего времени:

(34) *Ecoute, Charles, tu connais M. B***;* ***te rappelles-tu comme il s'est moqué de nous, quand tu lui as parlé de ton projet?*** (Ph.-A. de Gaspé. L'influence d'un livre)
'Послушай, Шарль, ты знаешь господина Б***; помнишь ли ты, как он посмеялся над нами, когда ты ему сказал о нашем проекте?'

В осложненном предложении предшествование может выражаться сложным перфектным инфинитивом, при однореферентности субъектов матричного и зависимого глаголов (35):

(35) ***… je me rappelle d'avoir entendu dire à mon grand-père qu'un seigneur qui passait pour très riche était mort dans cette paroisse*** *et que, malgré toutes les recherches qu'on a pu faire, on n'a jamais trouvé un sol chez lui* (Ph.-A. de Gaspé. L'influence d'un livre)
'…Я помню, что я слышал, как мой дед говорил, что в их приходе умер один сеньор, который считался очень богатым, и что, несмотря на все поиски, в его доме не нашли ни одного су'.

В (36) имперфект (imparfait) ментального глагола и плюсквамперфект (plus-que-parfait) зависимого образуют конструкцию предшествования:

(36) ***Je me rappelais en effet que, dans la matinée, un officier supérieur, général ou colonel ⟨…⟩, était passé dans nos rangs.*** (A. Achard. Récits d'un soldat)
'Я действительно помнил, что утром один из старших офицеров, генерал или полковник, ⟨…⟩ появился в наших рядах'.

Иногда глагол *se rappeler* управляет прямым дополнением. В том случае, если оно сопровождается придаточным определительным, его глагол-сказуемое выражает предшествование по отношению к ментальному глаголу. Так, в примере (37) матричный глагол в имперфекте (imparfait) и зависимый в плюсквамперфекте (plus-que-parfait) образуют конструкцию предшествования:

(37) ***Elle se rappelait fort bien le moment où le doute lui était venu sur l'existence du père Noël.*** (E. Caro. George Sand)
'Она очень хорошо помнила момент, когда у нее появилось сомнение в существовании Деда Мороза'.

В (38) матричный глагол употреблен в простом будущем времени (futur simple), а зависимый в плюсквамперфекте (plus-que-parfait), образуя таксисную конструкцию предшествования:

(38) ***Je me rappellerai mille ans la figure du capucin Johannes, qui s'était fait jour avec son grand bâton.*** (Erckmann-Chatrian. Contes de la Montagne)
'Я буду вспоминать тысячу лет лицо капуцинского монаха Иоанна, который появился со своим тяжелым посохом'.

В примере (39) глагол *se rappeler* употреблен в императиве, а зависимый глагол — в сложном прошедшем (passé composé):

(39) — ***Rappelle-toi ce que tu as dit.*** (Ph.-A. de Gaspé. L'influence d'un livre)
'— Вспомни, что ты сказал'.

Однако глаголы памяти *se souvenir* и *se rappeler* отражают не только прошлые события. Вспоминать можно и о настоящем положении дел, одновременном процессу памяти. В примере (40) глагол *se souvenir* образует с зависимым глаголом *avoir* таксисную конструкцию одновременности: простое прошедшее (passé simple) и имперфект (imparfait), но далее употребление плюсквамперфекта (plus-que-parfait) говорит о том, что воспоминание берет свое начало в прошлом и зафиксированное в прошлом положение дел сохраняется до настоящего момента.

Настоящий момент (момент речи) является той чертой, которая ограничивает область воспоминания.

(40) *À la hauteur du pont Royal,* ***Raoul se souvint qu'il avait tout près, dans le faubourg Saint-germain, une brave tante qu'il avait désolée par ses jeunes débordements.*** (A. Allais. À se tordre. Histoires chatnoiresques)
'Поблизости от Королевского моста Рауль вспомнил, что совсем недалеко, в предместье Сен-Жермен у него есть славная тетушка, которую он приводил в отчаяние своими молодыми выходками'.

В примере (41) глагол *se rappeler* употребляется в конструкции одновременности, содержащей имперфект модального глагола с инфинитивом ментального и имперфект зависимого глагола:

(41) *Pour se rendre compte de cette facilité presque incroyable d'écrire,* ***il fallait se rappeler qu'il y avait en elle, avec le don naturel que rien ne remplace, ce fonds d'expérience et de connaissances acquises*** (E. Caro. George Sand)
'Чтобы понять эту почти невероятную легкость, с которой она писала, надо было вспомнить, что вместе с природным даром, который незаменим, у нее был большой жизненный опыт и знания'.

Местоименный глагол *se rappeler* является производным от переходного глагола *rappeler 3* 'напоминать' [Ганшина 1977: 705]. Морфологическая производность в данном случае не совпадает с семантической. Семантически исходным является глагол *se rappeler,* а глагол *rappeler 3* по отношению к нему является каузативом. Трехвалентный глагол *rappeler 3* сочетается с одушевленным личным именем в позиции подлежащего, личным именем в позиции дативного дополнения и с прямым дополнением (42) или придаточным дополнительным (43), (44). В его семантической структуре подлежащее соответствует Агенсу, косвенное дополнение Пациенсу, а прямое дополнение или придаточное предложение — Содержанию. Матричный и зависимый глаголы образуют таксисную конструкцию предшествования (43) или одновременности (44), как и с другими глаголами памяти.

(42) ***Evariste, auprès d' Elodie, lui rappelait en souriant les souvenirs de leurs premières rencontres***. (A. France. Les dieux ont soif)
'Эварист, сидя рядом с Элоди, с улыбкой напоминал ей обстоятельства их первых встреч'.

(43) ***Ce qu'il ne rappelait point, par sagesse et bon goût, c'est qu'il avait possédé une galerie de tableaux hollandais*** *que le seul cabinet de M. De Choiseul égalait pour le nombre et le choix des peintures.* (A. France. Les dieux ont soif)
'О чем он, обладая мудростью и хорошим вкусом, совсем не напоминал, было то, что он владел (раньше) галереей голландских картин, с которой, по числу и выбору художников, мог сравниться только кабинет месье де Шуазеля'.

(44) ***Nous rappelons aux riches que les dons patriotiques sont pour eux la meilleure des assurances.*** (A. France. Les dieux ont soif)
'Мы напоминаем богачам, что патриотические пожертвования для них — лучшая гарантия безопасности'.

Подлежащее при глаголе *rappeler 3* может соответствовать в его семантической структуре также Причине, а не Агенсу. В таком случае оно может быть выражено и неодушевленным (45)–(46), и одушевленным именем (47).

Диатеза и семантика глагола *rappeler 3* в этом случае меняются. Подлежащее соответствует в семантической структуре глагола *rappeler 3* Причине, вызывающей воспоминания субъекта, косвенное дативное дополнение соответствует субъекту глагола памяти, а прямое дополнение (45) или придаточное предложение (46) выражают Содержание. Субъект в этом случае неактивен, ему можно приписать роль Экспериенцера.

(45) *Et quelle douceur inaccoutumée dans cette voix et dans ces yeux!* ***Intonations et regards rappelaient à Laurent l'accent et le sourire de Jacques Paridael.*** (G. Eekhoud. La nouvelle Cartage)
'И какая необычная мягкость в этом голосе и этих глазах! Интонация и взгляд напоминали Лорану акцент и улыбку Жака Паридаэля'.

В (46)–(47) предшествование по отношению к ситуациям прошедшего времени в ЗЧ выражается плюсквамперфектом (plus-que-parfait):

(46) *Au fond de la haute salle se trouvait l'alcôve en demi-voûte, avec ses grands rideaux rouges et son lit à baldaquin…* ***Cette vue me rappela que j'avais couru six heures à cheval,*** *et me déshabillant avec un sourire de satisfaction indicible: «C'est pourtant la première fois, me dis-je, que je vais dormir dans mon propre lit.»* (Erckmann-Chatrian. Contes de la Montagne)

‘В глубине высокого зала находился альков в виде свода с большими красными портьерами и кроватью с балдахином… Этот вид напомнил мне, что я целых шесть часов ехал верхом, и я, раздеваясь с довольной улыбкой, сказал себе: «Ведь это первый раз, что я буду спать в своей собственной постели»‘.

(47) ***Sperver*** *⟨…⟩* ***me rappelait ces fameux Baskirs, que j’avais vus traverser l’Allemagne dans mon enfance,*** *et son grand cheval, maigre, sec, musculeux… , le corsage svelte comme un lévrier, complétait l’illusion.* (Erckmann-Chatrian. Contes de la Montagne)
‘Шпервер ⟨…⟩ напоминал мне этих пресловутых башкир, галопирующих по Германии, которых я видел в детстве, и его огромная лошадь, худая, мускулистая, стройная, как борзая, дополняла иллюзию’.

К глаголам памяти относятся также глагол *oublier 1* забывать, забыть [Ганшина 1977: 595]. Глаголу ‘забыть’ в статье [Храковский 2016: 18] дается следующее толкование: ‘X забыл Y’ = ‘X (человек) утратил информацию Y из своей долговременной памяти’.

Глагол *oublier* имеет это значение при употреблении с придаточным дополнительным. Два глагола (в ГЧ и ЗЧ), обычно образуют таксисную конструкцию предшествования, потому что в придаточном предложении речь идет о событиях, которые происходили в прошлом (48), (49).

(48) — ***Vous oubliez, mes amis,*** *dit alors Cyrus Smith,* ***qu’Ayrton n’avait plus sa raison pendant les dernières années de son séjour.*** (J. Verne. L’île mystérieuse)
‘— Вы забываете, друзья мои, — сказал тогда Сайрус Смит, — что Айртон был уже не в своем уме в последние годы своего пребывания (на острове. — *Е. К.*)’.

(49) ***En effet, il ne fallait pas oublier que les six hommes dont le canot s’était brisé sur les roches avaient pris pied à la pointe de l’épave.*** (J. Verne. L’île mystérieuse)
‘В самом деле, нельзя было забывать, что шесть человек, лодка которых разбилась о скалы, были выброшены на землю вместе с обломками лодки’.

В (50) глагол-сказуемое входящего в состав предложения определительного придаточного образует с ментальным глаголом конструкцию предшествования (имперфект-плюсквамперфект):

(50) ***Les misères de cette épouvantable route devaient presque me faire oublier les misères de mon séjour dans l'île que j'avais maudite.*** (A. Achard. Récits d'un soldat)
'Несчастья этой ужасной дороги почти заставили меня забыть о несчастьях моего пребывания на острове, который я проклял'.

Примеры показывают, что глаголы памяти ориентированы на прошедшее и отчасти настоящее время — все, что предшествует моменту речи.

Примечание 1. Признавая тот факт, что Содержанием глаголов памяти являются положения дел и события прошлого, мы должны, однако, объяснить наличие некоторых языковых явлений, которые, на первый взгляд, опровергают это мнение. Рассмотрим два вполне правильных предложения, образованных глаголами памяти:

(51) *Pierre a oublié que son chef arriverait demain et qu'il devrait lui faire un rapport* (пример сконструирован автором)
'Пьер забыл, что его начальник приезжает завтра и что он должен будет представить ему доклад'.

(52) *Pierre s'est rappelé que son chef arriverait demain et qu'il devrait lui faire un rapport* (пример сконструирован автором)
'Пьер вспомнил, что его начальник приезжает завтра и что он должен будет представить ему доклад'.

В (51) и (52) глаголы памяти управляют придаточными предложениями, в которых употребляется будущее в прошедшем времени, так что главный и зависимый глаголы образуют таксисную конструкцию следования.

Дело в том, что эти примеры представляют собой эллиптические предложения [Зеликов 2005], где пропущено среднее звено, сообщающее, что субъект знал о том, что должно произойти. В полном виде эти предложения могли бы иметь следующий вид:

(51′) *Pierre a oublié qu'il savait que son chef arriverait demain et qu'il devrait lui faire un rapport* (пример сконструирован автором)
'Пьер забыл о том, что он знал, что его начальник приезжает завтра и что он должен будет представить ему доклад'.

(52′) *Pierre s'est rappelé qu'il savait que son chef arriverait demain et qu'il devrait lui faire un rapport* (пример сконструирован автором)
'Пьер вспомнил о том, что он знал, что его начальник приезжает завтра и что он должен представить ему доклад'.

Употребление будущего времени в придаточных предложениях, зависящих от глаголов памяти, по нашему мнению, всегда является результатом эллипсиса.

Другое объяснение этому явлению (глаголу памяти с подчиненным предикатом в будущем времени) дано в монографии [Зализняк 1992: 38]. Автор пишет, что

в предложении *Ты помнишь, что мы сегодня идем к Васе* имеет место *информационная* интерпретация подчиненной пропозиции.

Мы полагаем, что указание на темпоральную направленность должно быть включено в толкование семантической структуры глаголов памяти, потому что это выделяет их из множества ментальных глаголов, и предлагаем следующее толкование глаголов памяти.

‘X помнит Y’
‘X (человек) хранит информацию Y о прошлом в своей памяти’,

Глагол *oublier* ‘забыть’ получает также изменение толкования:

‘X забыл Y’
‘X (человек) утратил информацию Y о прошлом из своей памяти’.

Таблица 2. Значения таксисных конструкций глаголов второй группы

Table 2. Grammatical meanings of taxis constructions with Group 2 verbs

V_0	V_1
Настоящее время	Предшествование Одновременность
Прошедшее время	Предшествование Одновременность
Будущее время	Предшествование Одновременность

5. Темпоральная ориентация глаголов третьей группы

Переходим к анализу предложений, образованных глаголами третьей группы. К этой группе принадлежат ментальные глаголы, сфера действия которых относится к будущему времени. Из этой группы мы рассмотрим три лексемы: *prévoir* ‘предвидеть’, *espérer 1* ‘надеяться’. *attendre* ‘ждать, ожидать’.

Глаголу *prévoir* ‘предвидеть’ можно дать толкование, состоящее из двух частей (ассерции и презумпции), как это предложено для принадлежащих к данной группе глаголов *attendre* ‘ждать’ и *espérer* ‘надеяться’ в работе [Зализняк 1992]. В ассерции должно содержаться мнение субъекта X о высокой вероятности события Y в будущем, в презумпции — информация о контролируемости или неконтролируемости Y для X:

‘X предвидит Y’
Презумпция ‘Y неконтролируемо для X’
Ассерция: ‘X (человек) считает Y вероятным в будущем’.

Это ментальный предикат, не содержащий ни оценочного, ни эмоционального компонента, в отличие от глаголов *espérer* ‘надеяться’ и *attendre* ‘ждать, ожидать’.

Участниками ситуации предвидения являются Агенс (личное имя в позиции подлежащего) и Содержание (имя существительное в позиции прямого дополнения или придаточное дополнительное). Особенность этого глагола состоит в том, что он не сочетается с конкретными именами, он управляет прямым дополнением, которое всегда выражается предикатным именем. См., например, (53), (54):

(53) ***Bah! qui prévoirait tous les risques, le jeu perdrait tout intérêt!*** (A. Gide. Les caves du Vatican)
‘Ба! Если бы кто-нибудь предвидел все риски, игра потеряла бы всякий интерес!’

(54) ***Malheureusement, ce mouvement qui faisait prévoir une attaque avait été vu par les Prussiens; leurs batteries commencèrent à tirer.*** (A. Achard. Récits d’un soldat)
‘К несчастью, это движение, которое наводило на мысль об атаке (позволяло предвидеть атаку), было замечено пруссаками; их батареи начали стрелять’.

Само строение слова *prévoir* (префикс *pré-*) говорит о том, что этот глагол отсылает к событиям будущим. Если прямое дополнение к глаголу *prévoir* сопровождается определительным придаточным предложением, то в нем употребляется будущее время (55):

(55) *Ne crois pas, Lamia, que je nourrisse des rancunes impuissantes et des colères séniles contre ce peuple* ⟨…⟩. ***Mais je prévois l’extrémité où ils nous réduiront tôt ou tard»*** (A. France. L’Etui de nacre)

‘Не думай, Ламиа, что я питаю бессильный гнев и старческую злобу против этого народа ⟨…⟩. Но я предвижу бедственное положение, в которое они нас поставят рано или поздно’.

В придаточном дополнительном, зависящем от этого глагола также употребляется будущее время, так что матричный и зависимый глаголы образуют таксисную конструкцию следования:

(56) *Le texte que j’ai suivi n’est pas de la main du diacre Georges. Je ne sais s’il est complet.* ***Je prévois qu’on signalera des lacunes et des interpolations.*** (A. France. L’Etui de nacre)
‘Текст, который я прочел, написан не рукой дьякона Георгия. Я не знаю, полный он или нет. Предвижу, что обнаружат лакуны и вставки’.

Значение следования может также выражаться при помощи употребления в придаточном предложении модального глагола перед инфинитивом основного глагола:

(57) *Cette existence, irritée par la misère, commençait à me peser lourdement.* ***Rien ne me faisait prévoir qu’elle dut bientôt prendre fin.*** (A. Achard. Récits d’un soldat)
‘Это существование, отягощенное нищетой, начинало подавлять меня. И ничто не позволяло предвидеть, что оно скоро должно кончиться’.

Близок по значению к *prévoir* глагол *attendre* ‘ждать, ожидать’. Участниками ситуации ожидания также являются Агенс (личное имя в позиции подлежащего) и Содержание (чаще всего имя существительное или предикатный актант в позиции дополнения).

Семантический анализ ситуации ожидания и предиката ‘ждать’ дан в монографии [Зализняк 1992].

Значение глагола ‘ждать’ как одного из предикатов внутреннего состояния Анна А. Зализняк характеризует следующим образом: «‘ждать’ охватывает весь диапазон состояний от расчета, т. е. крайней ментальной точки, до желания, расположенного среди эмоций» [Зализняк 1992: 105].

Толкование глагола ‘ждать’, согласно анализу автора, содержит в презумпции компонент положительной оценки, а в ассерции — высокую оценку вероятности. Что касается компонента положительной оценки, то он является у этого глагола нестабильным. Глагол *attendre*

включает в свое значение компонент положительной оценки в нейтральном или положительном контексте, но этот компонент может исчезать под влиянием отрицательного контекста, потому что возможны такие сочетания: *J'attends un malheur / une mauvaise nouvelle* 'Я жду беды / жду плохой новости'.

В примерах (58)–(61) в семантике глагола *attendre* присутствует компонент положительной оценки:

(58) ***L'apôtre attendait les moines d'Yvern, chargés d'amener une cargaison de tissus et de peaux, pour v êtir les habitants de l'île d'Alca.*** (A. France. L'Ile des Pinguins)
'Апостол ждал монахов из Иверна, которым было поручено доставить груз тканей и кож, чтобы одеть жителей острова Алька'.

(59) ***A la station de Reims, où l'on n'attendait pas encore le roi Guillaume,*** *tous mes compagnons de route descendirent.* **(**A. Achard. Récits d'un soldat)
'На станции Реймс, где еще не ждали короля Вильгельма, все мои попутчики вышли'.

(60) *⟨…⟩ la pitié me prenait à la gorge à la vue de ces malheureux,* ***dont plusieurs attendaient encore un premier pansement)*** **(**A. Achard. Récits d'un soldat)
'⟨…⟩ Жалость овладевала мной при виде этих несчастных, многие из которых ожидали еще первой перевязки'.

(61) *Il pressait de toutes ses forces la conclusion d'un mariage* ***dont il attendait le bonheur de sa fille et le repos de sa vieillesse.*** (A. France. L'Etui de nacre)
'Он изо всех сил ускорял заключение брачного контракта, от которого он ожидал счастья для своей дочери и спокойной старости для себя'.

В отличие от глагола *prévoir*, у глагола *attendre* отсутствует презумпция неконтролируемости Y.

Прямое дополнение при глаголе *attendre* может быть выражено предикатным именем или именем лица.

В том случае, если оно выражается именем лица, мы имеем дело с эллипсисом [Зеликов 2005], так как имеется в виду, что ожидается прибытие или появление этого лица, как мы видим это в примере (62).

(62) ***Je résolus d'attendre l'arrivée de mes camarades inconnus.*** (A. Achard. Récits d'un soldat)
'Я решил дождаться прибытия своих новых товарищей'.

Глагол *attendre* может также управлять придаточным предложением, причем зависимый глагол употребляется в сюбжонктиве (63)–(64). В этих примерах в главных предложениях употреблены формы прошедшего времени индикатива: имперфект (imparfait) (63) и простое прошедшее (passé simple) (64), а в придаточных — форма имперфекта сюбжонктива, которая имеет два грамматических значения: она может обозначать одновременность по отношению к ситуации прошедшего времени или следование. В этом заключается трудность анализа. В данном случае она выражает следование.

(63) *On ne pourrait avoir l'explication de ce fait que de la bouche de l'ingénieur.* ***Il fallait pour cela attendre que la parole lui fût revenue.*** (J. Verne. L'île mystérieuse)
'Получить объяснение этого факта можно было только из уст инженера. Но для этого нужно было ждать, чтобы к нему вернулась речь'.

(64) *Bertha, de son côté, avait aimé George tout de suite, mais* […] ***elle voulut attendre que George lui fasse la cour le premier.*** (A. Allais. À se tordre. Histoires chatnoiresques)
'Берта, со своей стороны, сразу полюбила Жоржа, но […] она хотела подождать, чтобы Жорж первый стал ухаживать за ней'.

Мы считаем, что семантическая структура этого глагола *ждать* должна содержать указание на его ориентацию на будущее время. В результате получается следующая семантическая структура:

'X ждет Y'
Презумпция: 'X считает, что Y хорошо' (оценка не стабильна)
Ассерция: 'X считает, что Y вероятно в будущем'.

Примечание 2. В предложениях с глаголом *attendre* допустима также синтаксическая конструкция, в которой имя лица (или личное местоимение) выступает в позиции прямого дополнения, а в позиции подлежащего употребляется конкретное (65) или абстрактное (66) неодушевленное имя:

(65) ***Deux lits seulement attendaient les convives.*** (A France. L'Etui de nacre)
'Всего две кровати ждали гостей'.

(66) ***Une cruelle désillusion m'attendait à Andouilly***. (A. Allais. À se tordre. Histoires chatnoiresques)
'Жестокое разочарование ждало меня в Андуйи'.

В этом случае глагол *attendre* не может относиться к числу глаголов мысли, потому что он не имеет личного субъекта [Зализняк 1992]. На первый план в значении лексемы выступает направленность на будущее время, которая характерна для ментального глагола третьей группы.

Кроме переходного глагола *attendre,* во французском языке существует возвратный косвенно-переходный глагол *s'attendre à* 'ожидать чего-либо, готовиться к чему-либо'. Он может иметь косвенное дополнение, выраженное предикатным именем:

(67) *Faire le bien, mon cher Crevel, reprit la baronne, ce n'est pas prendre l'argent dans une bourse qui en regorge! c'est endurer des privations à cause de sa générosité, c'est souffrir de son bienfait!* ***c'est s'attendre à l'ingratitude!*** *La charité qui ne coûte rien, le Ciel l'ignore.* (H. de Balzac. La cousine Bette)
'Делать добро, мой дорогой Кревель, — продолжала баронесса, — это не значит взять деньги из переполненного кошелька! Это значит терпеть лишения из-за своей щедрости, страдать в результате своей доброты, ожидать неблагодарности! Небо не знает милосердия, которое ничего не стоит'.

(68) *Le Brésilien resta grave comme un homme de bronze. Ce sang-froid irrita Carabine. Elle savait parfaitement que Montes aimait Mme Marneffe;* ***mais elle ne s'attendait pas à cette foi brutale, à ce silence obstiné de l'homme convaincu.*** (H. de Balzac. La cousine Bette)
'Бразилец остался серьезным, как бронзовая статуя. Это хладнокровие раздражало Карабину. Она отлично знала, что Монтес любит мадам Марнеф, но не готова была встретить такое доверие и прямолинейность, такое упорное молчание человека, убежденного в своей правоте'.

Глагол *s'attendre* может присоединять инфинитив с предлогом *à,* чаще всего инфинитив глагола *voir* (69), но возможны и другие глаголы (70):

(69) Adéline pensa que Josepha Mirah, dont le portrait, dû au pinceau de Joseph Bridap, brillait dans le boudoir voisin, était une cantatrice de génie ⟨…⟩ ***et elle s'attendait a voir une vraie lionne.*** (H. de Balzac. La cousine Bette)

‘Аделина подумала, что Жозефа Мира, чей портрет кисти Жозефа Брида блистал в соседнем будуаре, — гениальная певица ⟨…⟩ и ожидала увидеть настоящую светскую львицу’.

(70) ***Attendez-vous à lire quelque jour le nom de mon pauvre cousin à l’article Tribunaux.*** (H. de Balzac. La cousine Bette)
‘Готовьтесь к тому, что прочитаете имя моего бедного кузена в судебной хронике’.

Глагол *s’attendre* может присоединять также придаточное предложение. В (71) презенс сюбжонктива от предельного глагола *répondre* ‘отвечать’ выражает будущее время:

(71) ***Au reste, ne vous attendez pas à ce que je vous réponde :*** *Dieu ne m’a donné, pour refuter vos erreurs, ni la chaleur du langage ni la force de l’esprit* (A. France. Les dieux ont soif)
‘Впрочем, не ждите, что я вам отвечу: Бог не дал мне ни красноречия, ни остроты ума, чтобы опровергнуть ваши ошибочные мнения’.

Глагол *s’attendre,* таким образом, управляет или косвенным дополнением или инфинитивом или придаточным предложением, выражающим событие или положение дел, которое является будущим по отношению к моменту речи[3].

Рассмотрим далее употребление глагола *espérer* ‘надеяться’.

Глагол *espérer,* так же, как глаголы *prévoir* и *attendre,* может присоединять дополнительное придаточное, выражающее Содержание (мысли). Если в главном предложении употреблен презенс *(présent)*, то в придаточном употребляется будущее время индикатива *(futur simple)* (72)–(73):

(72) *Bonne nuit, Crevel, dit alors Marneffe;* ***j’espère que vous ne resterez pas longtemps avec Valérie.*** (H. de Balzac. La cousine Bette)
‘Доброй ночи, Кревель, — сказал тогда Марнефф, — надеюсь, что вы не надолго останетесь с Валери’.

[3] Глаголы *attendre* и *s’attendre* в отличие от других глаголов третьей группы требуют употребления в придаточном предложении сюбжонктива. Презенс сюбжонктива (71), так же как и имперфект (63)–(64), может выражать одновременность и следование. Формальным признаком того, что он имеет значение следования, может служить сочетаемость с обстоятельством времени, обозначающим будущее время. Например: *J’attends que tu viennes me voir demain*/*ce soir*. ‘Я жду, что ты меня навестишь завтра / сегодня вечером’.

(73) — ***J'espère alors que tu travailleras, mon chérubin?*** *dit Hortense.*
— *Ah! répondit l'artiste, dès demain.* (H. de Balzac. La cousine Bette)
'— Тогда я надеюсь, мой ангел, что ты будешь работать?
— Ах! — ответил артист. — Начну завтра же'.

Если в главном предложении употребляется ментальный глагол в любом прошедшем времени, глагол придаточного предложения принимает форму будущего в прошедшем (futur dans le passé):

(74) ***Chacun de nous espérait qu'on marcherait en avant*** *et nous battions en retraite!* **(**A. Achard. Récits d'un soldat)
'Каждый из нас надеялся, что мы будем наступать, а мы отступали'.

Если главный и зависимый глаголы имеют однореферентного субъекта, ментальный глагол присоединяет зависимый инфинитив без предлога (75) или с предлогом *de* (76):

(75) ***Ce rival de Bernadotte avait espéré se reposer sur un trône.*** (H. de Balzac. La cousine Bette)
'Этот соперник Бернадотта надеялся отдохнуть на троне'.

(76) ***Comment pouviez-vous donc espérer de cacher un vol pendant longtemps?*** (H. de Balzac. La cousine Bette)
'Как вы могли надеяться скрывать воровство так долго?'

Инфинитив, зависящий от глагола *espérer*, всегда обозначает будущее действие. Ориентация на будущее время может выражаться также сочетанием инфинитивов модального и зависимого глаголов:

(77) *Le czar recompensa magnifiquement le général Hulot* ⟨…⟩, ***et lui dit qu'il espérait pouvoir un jour avoir la même courtoisie pour l'empereur des Français*** (H. de Balzac. La cousine Bette)
'Царь щедро наградил генерала Юло ⟨…⟩ и сказал ему, что он надеется, что сможет однажды ответить императору французов такой же любезностью'.

Согласно мнению Анны А. Зализняк, семантическая структура глагола *надеяться* (*espérer)* может быть представлена следующим образом:

'X надеется на Y'
(презумпция) 'X считает (ощущает), что Y хорошо'.
'Y неконтролируемо для X'.
(ассерция) 'X считает Y вероятным'
(редко: наличие переживания) [Зализняк 1992: 94].

Семантическая структура глагола *espérer* отличается от структуры глагола *attendre* презумпцией неконтролируемости ожидаемого события, которой нет в структуре глагола *attendre.* Компонент положительной оценки у этого глагола является стабильным, что также отличает его от глагола *attendre.*

Кроме того, мы бы внесли в эту формулу одно изменение: оно касается ориентированности действия глагола *espérer* на будущее время. Учитывая это изменение, можно предложить следующее толкование глагола *espérer:*

‘X надеется на Y’;
(презумпция) ‘X считает (ощущает), что Y хорошо’
‘Y неконтролируемо для X’
(ассерция) ‘X считает Y вероятным в будущем’
(редко: наличие переживания).

Однако Содержание мысли глагола *espérer* не всегда направлено на будущее, Анна А. Зализняк, анализируя семантику глагола ‘надеяться’, пишет: «Объект при ‘надеяться’ представляет собой единичную не контролируемую ситуацию, относящуюся к будущему или к миру мнений субъекта о состоянии мира на настоящий момент» [Зализняк 1992: 100].

В последнем случае мнение и желание субъекта может касаться прошлого и настоящего, при условии, что он не знает точного положения дел. В примерах с глаголом *espérer* (78) и (79), заимствованных из цитируемой работы [Зализняк 1992], Объект (или Содержание) выражен придаточным предложением:

(78) *Elle avait les yeux très battus ;* ***j’espère qu’elle avait aussi mal dormi que moi*** (пример из [Зализняк 1992]).
‘У нее был измученный вид; я надеюсь, что она так же плохо спала, как я’.

(79) ***J’espère qu’à présent vous n’êtes plus fâchée*** пример из [Зализняк 1992]).
‘Я надеюсь, что сейчас вы больше не сердитесь’.

Таким образом, темпоральная ориентация глагола *espérer* не совпадает полностью с ориентацией глаголов *prévoir* и *attendre.* Однако примеры употребления этого глагола, ориентированные на прошлое и настоящее время, очень редки. Возможно, в данном случае имеет место другое значение глагола *espérer.*

В цитируемой монографии [Зализняк 1992] поставлен вопрос о принципах выделения значений многозначных лексем. Автор, принимая критерий, предложенный в работах [Курилович 1962; Вейнрейх 1982], приходит к выводу, что если в языке находится слово, синонимичное одному из значений лексемы, то это значение может быть выделено как отдельное [Зализняк 1992: 30].

Рассмотрим с этой точки зрения глагол *espérer.* При употреблении, ориентированном на будущее время, он имеет не очень точным синонимом глагол *attendre,* действие которого также относится к будущему.

Особенно явно близость значения этих двух глаголов, а также и семантическое различие между ними обнаруживается, когда они встречаются вместе, в одном предложении (80):

(80) ***Dans certains jours, cependant, un tel bien-être de la vie la pénétrait qu'elle se reprenait à rêvasser, à espérer, à attendre*** (пример из [Зализняк 1992]).
'Иногда, однако, ее охватывало такое ощущение полноты жизни, что она снова начинала мечтать, надеяться, ждать'.

Такая синонимия существует между глаголами *attendre* и *espérer,* если последний имеет своей темпоральной сферой действия будущее время. Представляется, что это является основанием для того, чтобы выделить данное значение глагола *espérer 1* как основное и включить его в третью группу ментальных глаголов.

Таким образом, можно прийти к выводу, что Содержание ментальных глаголов 3 группы направлено на будущее время, что отражено в *Таблице 3*.

Таблица 3. Значения таксисных конструкций глаголов третьей группы

Table 3. Grammatical meanings of taxis constructions with Group 3 verbs

V_0	V_1
Настоящее время	Следование
Прошедшее время	Следование
Будущее время	Следование

6. Выводы

1) В семантике ментальных глаголов общим свойством является наличие двух партиципантов ситуации: мыслящего субъекта, которому в зависимости от активности мыслительного процесса можно приписать роль Агенса или Эспериенцера, и объекта, которому при глаголах мысли мы приписываем роль Содержания.

2) Одним из критериев семантической классификации ментальных глаголов является их темпоральная ориентация, направленность их содержания на события того или иного времени.

3) Настоящее исследование описывает группы, на которые делятся ментальные глаголы в зависимости от их темпоральной ориентации. По этому критерию ментальные глаголы можно разделить на три группы. Синтаксические конструкции, образованные глаголами каждой из групп, имеют различия, что в первую очередь сказывается на таксисе полипредикативных предложений.

4) Первая группа — глаголы мнения, из которых мы рассматриваем два: *penser* ‘думать’, *croire* ‘считать’, ‘полагать’, которые представляют множество ментальных глаголов, имеющих самую широкую темпоральную ориентацию; выражаемая ими мысль может относиться к любому времени: прошедшему, настоящему и будущему. Полипредикативные предложения, образованные этими глаголами, содержат таксисные конструкции одновременности, предшествования и следования.

5) Вторая группа включает глаголы памяти *se rappeler* ‘помнить’, ‘вспоминать’, *se souvenir* ‘помнить’, ‘припоминать’, ‘вспоминать’, *oublier* ‘забывать’. Они направлены на события прошлого.

Полипредикативные предложения с глаголами памяти содержат таксисную конструкцию предшествования, которое выражается перфектной формой финитного глагола в придаточном предложении или формой перфектного инфинитива.

6) В третью группу входят глаголы, выражающие предвидение, ожидание, надежду: *prévoir* ‘предвидеть’, ‘предусматривать’ *attendre* ‘ждать’, ‘ожидать’, esp*érer* ‘надеяться’. Глаголы третьей группы имеют темпоральную ориентацию, направленную на будущее. Полипредикативные предложения, образованные этими глаголами, содержат таксисную конструкцию следования, которое в придаточных предложениях выражается финитным глаголом в формах будущего, или будущего в прошедшем, либо презенса или имперфекта сюбжонктива, также

в значении следования; следование может также выражаться зависимым инфинитивом от предельного глагола.

7) Результаты нашего исследования отражены в *Таблицах 1–3*. Эти таблицы отражают логические возможности образования таксисных конструкций, характеризующие каждую группу.

8) В описание семантической структуры глаголов, имеющих узкую темпоральную ориентацию, предлагается включить информацию об их темпоральной ориентации.

Литература

Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.

Апресян 1993 — Ю. Д. Апресян. Синонимия ментальных предикатов: группа *считать* // Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева (ред.). Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 7–22.

Арутюнова, Рябцева 1993 — Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева (ред.). Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993.

Вейнрейх 1981 — У. Вейнрейх. Опыт семантической теории // В. А. Звегинцев (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лексическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 50–176.

Гак 1993 — В. Г. Гак. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева (ред.). Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 22–30.

Ганшина 1977 — К. А. Ганшина. Французско-русский словарь. М.: Русский язык, 1977.

Зализняк 1992 — Анна А. Зализняк. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München: Verlag Otto Sagner, 1992.

Зеликов 2005 — М. В. Зеликов. Компрессия как фактор структуры и функционирования ибero-романских языков. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.

Корди 2009 — Е. Е. Корди. Таксис во французском языке // В. С. Храковский (отв. ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009. С. 217–268.

Курилович 1962 — Е. Курилович. Заметки о значении слова // Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М.: Издательство иностранной литературы, 1962.

Мельчук 2004 — И. А. Мельчук. Определение категории залога и исчисление возможных залогов // В. С. Храковский, А. Л. Мальчуков, С. Ю. Дмитренко (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 2004. С. 286–314.

Храковский 1985 — В. С. Храковский (отв. ред.). Типология конструкций с предикатными актантами. Л.: Наука, 1985.

Храковский 2009 — В. С. Храковский (отв. ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009.

Храковский 2016 — В. С. Храковский. Глаголы памяти: семантика, прагматика, синтаксис // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2 (32). С. 9–31.

Источники

Achard A. Récits d'un soldat [А. Ашар. Рассказы солдата] (Document électronique)
Allais A. À se tordre [А. Алле. Ухохотаться] (Document électronique)
Balzac H. (de) Etudes analytiques (О. де Бальзак. Аналитические этюды) (Document électronique).
Balzac H. (de) La cousine Bette [О. де Бальзак. Кузина Бетта] (Document électronique)
Bataille H. Maman Colibri.Comédie en quatre actes [А. Батай. Мамаша Колибри. Комедия в 5 актах] (Document électronique)
Caro E. George Sand (Э. Каро. Жорж Санд) (Document électronique)
Colette. La maison de Claudine [Колетт. Дом Клодин] (Document électronique)
Eekhoud G. La nouvelle Carthage [Ж. Экхоуд. Новый Карфаген] (Document électronique)
Erckmann-Chatrian. Contes de la Montagne [Эркман-Шатриан. Рассказы горы] (Document électronique)
France A. Les dieux ont soif [А, Франс. Боги жаждут] (Document électronique)
France A. L'Etui de nacre [А. Франс. Перламутровый ларец] (Document électronique)
France A. L'Ile des Pinguins [А, Франс. Остров пингвинов] (Document électronique)
Gaspé Ph.-A. (de) L'influence d'un livre [Ф.-А. де Гаспе. Влияние книги] (Document électronique)
Verne J. L'île mystérieuse [Ж. Верн. Таинственный остров] (Document électronique).

References

Apresyan 1974 — Yu. D. Apresyan. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskiye sredstva yazyka [Lexical Semantics. Language Synonymy Devices]. Moscow: Nauka, 1974.
Apresyan 1993 —Yu. D. Apresyan. Sinonimiya mentalnykh predikatov: gruppa schitat [Synonymy of mental predicates: *schitat'* ('count') group]. N. D. Arutyunova, N. K. Ryabtseva (eds.). *Logicheskiy Analiz Yazyka. Mentalnyye Deystviya* [Logical Analysis of Language: Mental Activities]. Moscow: Nauka, 1993. P. 7–22.
Arutyunova, Ryabtseva 1993 — Arutyunova, N. K. Ryabtseva (eds.). Logicheskiy Analiz Yazyka. Mentalnyye Deystviya [Logical Analysis of Language: Mental Activities]. Moscow: Nauka, 1993.
Gak 1993 — V. G. Gak. Prostranstvo mysli (opyt sistematizatsii slov mentalnogo polya) [Space of thought (Tentative systematization of the mental domain lexis)]. N. D. Arutyunova, N. K. Ryabtseva (eds.). *Logicheskiy Analiz Yazyka. Mentalnyye Deystviya* [Logical Analysis of Language: Mental Activities]. Moscow: Nauka, 1993. P. 22–30.
Ganshina 1977 — K. A. Ganshina. Frantsuzsko-Russkiy Slovar [French-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk, 1977.
Kordi 2009 — E. E. Kordi. Taxis in French. V. S. Xrakovskij (ed.). *Tipologiya taksisnykh konstruktsiy* [Typology of Taxis Constructions]. Moscow: Znak, 2009. P. 217–268.

Kuryłowicz 1962 — J. Kuryłowicz. Zametki o znachenii slova [Notes on word meaning]. *Ocherki po Lingvistike* [Essays on Linguistics]. Moscow: Foreign Languages Publishing House , 1962.

Mel'čuk 2004 — I. A. Mel'čuk. Opredeleniye kategorii zaloga i ischisleniye vozmozhnykh zalogov [A definition of the category of voice and a calculus of grammatical possible voices]. V. S. Xrakovskij, A. L. Mal'chukov, S. Yu. Dmitrenko (eds.). 40 let Sankt-Peterburgskoy Tipologicheskoy Shkole [40 Years of the St Petersburg School of Linguistic Typology]. Moscow: Znak, 2004. P. 286–314.

Weinreich 1981 — U. Weinreich. Opyt semanticheskoy teorii [Explorations in Semantic Theory]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. X. Lingvisticheskaya semantika* [V. A. Zvegincev (ed.). New Trends in Foreign Linguistics. Iss. X. Linguistic Semantics]. Moscow: Progress, 1981. P. 50–176.

Xrakovskij 1985 — V. S. Xrakovskij (ed.). Tipologiya konstruktsiy s predikatnymi aktantami [Typology of Constructions with Predicate Arguments]. Leningrad: Nauka, 1985.

Xrakovskij 2009 — V. S. Xrakovskij (ed.). Tipologiya Taksisnykh Konstruktsiy [Typology of Taxis Constructions]. Moscow: Znak, 2009.

Xrakovskij 2016 — V. S. Xrakovskij. Glagoly pamyati: semantika, pragmatika, sintaksis [Verbs of remembrance: semantics, pragmatics, syntax]. *Russian Language and Linguistic Theory.* 2016. No. 2 (32). P. 9–31.

Zaliznyak 1992 — Anna A. Zaliznyak. Issledovaniya po Semantike Predikatov Vnutrennego Sostoyaniya [Studies on the Semantics of Inner State Predicates]. München: Verlag Otto Sagner,, 1992.

Zelikov 2005 — M. V. Zelikov. Kompressiya kak faktor struktury i funktsionirovaniya ibero-romanskikh yazykov [Compression as a Factor of the Structure and Functioning of the Ibero-Romanian Languages]. St Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University Press, 2005.

Sources

Achard A. Récits d'un soldat (Document électronique)
Allais A. À se tordre. Histoires chatnoiresques (Document électronique)
Balzac H. (de) Etudes analytiques [Document électronique)
Balzac H. (de) La cousine Bette [Document électronique)
Bataille H. Maman Colibri: [théâtre] [Document électronique)
Caro E. George Sand [Document électronique)
Colette. La maison de Claudine [Document électronique)
Eekhoud G. La nouvelle Carthage [Document électronique)
Erckmann-Chatrian. Contes de la Montagne [Document électronique)
France A. Les dieux ont soif [Document électronique)
France A. L'Etui de nacre [Document électronique)
France A. L'Ile des Pinguins [Document électronique)
Gaspé Ph.-A. (de) L'influence d'un livre [Document électronique)
Verne J. L'île mystérieuse [Document électronique)

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 544–564
DOI 10.30842/alp2306573716219

Греческое ἔπος μέγα и древнеиндийское *vaco mahat ~ mahad vacaḥ*[*]

А. В. Логинов
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА); avloginov@msal.ru

А. А. Трофимов
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва; artemii.trofimov@gmail.com

Аннотация. Цель статьи — исследование и сравнение древнегреческого поэтического выражения μέγα ἔπος и древнеиндийского *vaco mahat ~ mahad vacaḥ* ‘великое слово’ в свете их возможного происхождения от одной праиндоевропейской поэтической формулы. Первое встречается именно в таком виде впервые у Феогнида (Theogn. 159–160). Тем не менее в «Илиаде» и «Одиссее» встречается формульное выражение μέγα εἰπεῖν, которое на основании контекстов переводится в лексикографических источниках как ‘говорить высокомерные речи, могущие вызвать гнев богов’. В статье рассматриваются места из гомеровского эпоса в их связи с отрывком из Феогнида. Наблюдение за употреблением этого выражения в «Илиаде» и «Одиссее» и более поздних памятниках позволяет предполагать следующую схему развития его значения: ‘говорить важное’ > ‘говорить дерзкие, высокомерные слова’ (соответственно, ‘важное слово’ > ‘дерзкое, высокомерное слово’).

На наш взгляд, не исключено, что именно μέγα ἔπος может являться исходной формой, которая по случайности не сохранилась в гомеровском корпусе и была преобразована в выражение μέγα εἰπεῖν.

Такое предположение дополнительно подтверждается древнеиндийской параллелью греч. μέγα ἔπος, а именно *vaco mahat ~ mahad vacaḥ*. Оба слова родственны греческим, что позволяет реконструировать праформу *vek^{w}os meǵh$_2$ ‘великое слово’. Как показывают контексты из «Махабхараты» и «Рамаяны», данное формульное выражение обычно употребляется для обозначения какой-то важной информации, часто в форме предсказания или прогноза, иногда приказания. Максимально по значению к *vaco mahat ~ mahad vacaḥ* из древнеиндийского эпоса приближается гомеровский контекст Il. 17. 333–334. Дальнейшее семантическое развитие в древнегреческом в свете этих данных логично признать вторичным.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-312-00148.

Несмотря на не совсем полное совпадение по форме (прямым когнатом греч. μέγα является более архаичное и реже употребляемое др.-инд. *máhi-*) и разную устойчивость в двух традициях (слова μέγα и ἔπος в древнегреческом могут располагаться дистантно, а древнеиндийское формульное выражение *vaco mahat ~ mahad vacaḥ* располагается в определенной позиции в стихе), рассматриваемые формульные выражения отражают единые мифопоэтические представления и с большой долей вероятности являются общим поэтическим наследием еще праиндоевропейской эпохи.

Ключевые слова: древнегреческая поэзия, поэтические формулы, индоевропейская поэтическая традиция, древнегреческая религия, «Махабхарата», «Авеста», Гомер, Феогнид, «Рамаяна», «Ригведа».

Greek ἔπος μέγα and Sanskrit *vaco mahat ~ mahad vacaḥ*

A. V. Loginov
Kutafin Moscow State Law University; avloginov@msal.ru

A. A. Trofimov
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow; artemii.trofimov@gmail.com

Abstract. The aim of this paper is to research and compare the ancient Greek poetic formulaic expression μέγα ἔπος and Sanskrit *vaco mahat ~ mahad vacaḥ* which can be derived from one Indo-European poetic formula. The Greek one is found in this shape only in a Theognis' fragment (Theogn. 159–160). Nevertheless, in the Iliad and the Odyssey the formulaic expression μέγα εἰπεῖν is found. The dictionaries translate it as 'to speak big, and so provoke divine wrath'. In this paper, Homeric passages and their relation to Theognis' context are studied. The use of the expression in the Homeric poems and later sources gives an opportunity to assume the following semantic development: 'to say important things' > 'to speak big, and so provoke divine wrath' ('an important utterance' > 'an impertinent, arrogant word').

It is not excluded that μέγα ἔπος represents a primary form not preserved in Homeric poems due to chance and transformed in expression μέγα εἰπεῖν.

This suggestion is additionally supported by the Old Indian parallel of Greek μέγα ἔπος, namely *vaco mahat ~ mahad vacaḥ*. Both words containing in these phrases are cognates and this fact allows to reconstruct the protoform *wek^{w}os meǵh$_2$ 'the great word'. The contexts in the Mahabharata and the Ramayana demonstrate that this formulaic expression usually refers to the important information, often in the form of prediction or command. The Homeric context Il. 17. 333–334 is close to those of Sanskrit epics. The further semantic development in Greek tradition is to be secondary.

Despite not the full agreement in form (the counterpart of Greek μέγα is more archaic and less frequent OInd. *máhi*) and instability in Greek tradition (the words μέγα and ἔπος can be placed distantly in Greek), these formulaic expressions reflect common conceptions and with a high probability represent remnants of the common PIE poetic heritage.

Keywords: Ancient Greek poetry, poetic formulas, Indo-European poetic tradition, Ancient Greek religion, Mahabharata, Avesta, Homer, Theognis, Ramayana, Rigveda.

1. Введение

Исследование индоевропейской поэтики и мифологии с привлечением лингвистического аппарата имеет долгую традицию. Заслуживает внимания тот факт, что первое поэтическое выражение, которое может быть реконструировано на уровне индоевропейской поэтики, было открыто А. Куном в 1853 г. на основании сравнения текстов «Вед» и Гомера [Kuhn 1853]. Именно греческая, древнеиранская и древнеиндийская традиции дают материал для реконструкции большинства индоевропейских поэтических выражений [Watkins 2001: 13–16]. Правда, нельзя не отметить, что многие подобные выражения, обнаруживаемые только в древнегреческой и индоиранской традициях, могут носить ареальный или диалектный характер; тем не менее в данной работе мы придерживаемся точки зрения, согласно которой греко-индоиранское совпадение в употребляемых поэтических выражениях, мотивах или других приемах со значительной долей вероятности является именно праязыковым явлением, поскольку остальные древние индоевропейские языки обладают более поздними корпусами текстов, часто подвергавшихся значительному внешнему влиянию, а соответствия отдельных греко-индоиранских формул и мотивов засвидетельствованы в других традициях [Schmitt 1967: 103–141; Watkins 2001: 15–16].

Древнегреческая элегия эпохи архаики в связи с возможными реликтами текстовых особенностей еще праиндоевропейского периода, которые могут в ней сохраняться или употребляться тем или иным образом в трансформированном виде, мало привлекала внимание ученых. Во-первых, сохранность корпусов текстов древнегреческих элегиков является

фрагментарной[1], в то время как, например, от Пиндара сохранилось значительное количество од, что и делает последнего более привлекательным для тех, кто старается проследить индоевропейское поэтическое наследие в древнегреческой литературе [Watkins 2002; Топоров 2012]. Во-вторых, греческие элегики неизбежно оказываются в тени гомеровских и гесиодовских текстов, с которыми их объединяют язык и значительное количество общих элементов поэтики [Küllenberg 1877: 7–29].

В свете этого обращает на себя внимание выражение ἔπος μέγα у Феогнида, которое имеет параллели в древнеиндийской литературе.

2. ἔπος μέγα

У Феогнида сказано:

(1) μήποτε Κύρν᾽ ἀγορᾶσθαι **ἔπος μέγα**· οἶδε γὰρ οὐδεὶς
ἀνθρώπων ὅτι νὺξ χἠμέρη ἀνδρὶ τελεῖ (159–160)[2].

«Никогда, Кирн, **высоких слов** не изрекать: никто не знает из людей, что будет назавтра»[3].

Комментатор Феогнида Б. А. Гронинген предлагал сравнивать значение ἔπος μέγα в этом месте со значениями μέγα εἰπεῖν, μεγάλα αὐδήσαντος в гомеровском эпосе, μέγα λέγειν у Платона и словом μεγαληγορία [Groningen 1966: 63–64].

Выражение ἔπος μέγα, именно в таком виде крайне редко встречающееся в древнегреческой традиции, можно назвать формульным. Тот факт, что лексема μέγας в μέγα ἔπος и μέγα εἰπεῖν имеет определенное фразеологическое значение, отмечен лексикографами: так, собственно μέγας в подобных контекстах переводится в «Греческо-английском словаре» Лидделла — Скотта как ‘with a bad sense, over-great’, а полностью μέγα εἰπεῖν — ‘to speak big, and so provoke divine wrath’ [Liddell, Scott 1996: 1088]. Из приводимых контекстов становится понятно, что μέγας в таком значении употребляется в основном с существительными, обозначающими речь, говорение (λόγοι, γλῶσσα,

[1] Это легко заметить, даже если просто посмотреть издание элегиков, например, М. Л. Веста [West (ed.) 1971; West (ed.) 1992].

[2] Текст цитируется по изданию [West 1971].

[3] Переводы фрагментов первой книги Феогнида А. К. Гаврилова [Гаврилов 1989].

βούλευμα), или с глаголами говорения-размышления (λέγω, φρονέω) [Liddell, Scott 1996: 1088]. Немногочисленными исключениями являются употребления с ἔργον, πνέω и πάσχω, однако данные случаи, очевидно, могут быть результатом вторичного перенесения.

Если говорить о μέγα εἰπεῖν, то в этом выражении интересно употребление прилагательного без существительного в адвербиальном значении. В «Греческо-английском словаре» Лидделла — Скотта не поясняется, считать μέγα в этом словосочетании прилагательным или наречием [Liddell, Scott 1996: 1088]. В «Lexikon der frügriechischen Epos» утверждается, что μέγα во фразе μέγα δ᾽ Ἕκτορα εἶπε βοήσας ‘крикнул он Гектору голосом звучным’ (Il. 17. 334) употребляется как наречие [Nordheider 1993: 76], а в выражении λίην μέγα εἰπεῖν ‘говорить слишком великое’ (Od. 3. 226; Od. 16. 243) μέγα является аккузативом [Nordheider 1993: 77].

Отдельно хотелось бы отметить один случай употребления μέγα в гомеровском эпосе. Согласно «Lexikon der frügriechischen Epos» μέγα вместе с глаголом εὔχομαι значило ‘громко, сильно молиться’ или ‘хвалиться, ликовать’ в зависимости от контекста [Nordheider 1993: 76]. На подобную амбивалентность значения μέγα εὔχομαι хотелось бы обратить внимание, так как мы имеем основания предполагать, что такой особенностью первоначально обладало и сочетание μέγα εἰπεῖν.

Для лучшего представления о значении рассматриваемого выражения μέγα ἔπος ~ μέγα εἰπεῖν обратимся к контекстам. У Гомера встречается четыре контекста (один в «Илиаде» и три в «Одиссее»), которые необходимо рассмотреть.

Контекст из «Илиады» является самым сложным. Там Эней обратился к Гектору (μέγα εἶπε), сообщая, что Аполлон поддерживает троянцев и призывает их снова пойти в атаку:

(2) ὣς ἔφατ᾽, Αἰνείας δ᾽ ἑκατηβόλον Ἀπόλλωνα
ἔγνω ἐσάντα ἰδών, **μέγα δ᾽ Ἕκτορα εἶπε βοήσας**[4] (Il. 17. 333–334)
‘Так провещал, — и Эней пред собою познал Аполлона,
В очи воззревший, и крикнул он Гектору голосом звучным’[5].

К сожалению, В. Лиф [Leaf 1900] и Э. В. Эдвардс [Edwards 2000: 94] в своих комментариях к 17-й песне «Илиады» обошли стороной

[4] Гомеровский текст цитируется по изданию Г. ван Тиля [Thiel (ed.) 1991; Thiel (ed.) 2010].

[5] Перевод Н. И. Гнедича.

вопрос, как понимать μέγα … εἶπε в рассматриваемом контексте. В схолиях к фразе μέγα δ᾽ Ἕκτορα εἶπε βοήσας сказано лишь, что речь обращена к Гектору [Erbse (ed.) 1975: 387]. На наш взгляд, вероятнее всего полагать, что μέγα относится к εἶπε, а не к βοήσας. В противном случае μέγα оказывается слишком оторванным от причастия. Соответственно, с наибольшей долей вероятности мы находим в этом месте выражение μέγα εἰπεῖν в значении ‘говорить важное’, так как после этого следует речь Энея к Гектору, в результате которой троянцы перестали отступать. Поэтому мы должны не согласиться с интерпретацией Х. В. Нордхайдера μέγα εἰπεῖν в этом месте. Он считал, что μέγα εἰπεῖν в этом контексте значит ‘кричать, звать, орать’ [Nordheider 1993: 76]. Поскольку μέγα должно относиться к εἶπε, было бы странно предполагать здесь μέγα в значении ‘громко’, то есть понимать μέγα δ᾽ Ἕκτορα εἶπε βοήσας как ‘громко сказал Гектору, закричав’. К тому же в греческом есть устойчивые сочетания μέγα ἔπος ~ μέγα εἰπεῖν, и можно предполагать, что в данном случае мы наблюдаем именно это словосочетание, правда, с необычным для позднейшего греческого значением: не ‘говорить речь, вызывающую гнев богов’ [Liddell, Scott 1996: 1088], а ‘говорить важное’. Также словоупотребление μέγα εἰπεῖν здесь близко тому, что мы видим у *vaco mahat ~ mahad vacaḥ* в древнеиндийском эпосе (см. ниже).

Рассмотрим контексты в «Одиссее». Раб Одиссея, пастух коров Филойтий, убив одного из женихов, говорит, что тот не должен был μέγα εἰπεῖν:

(3) ὦ Πολυθερσείδη φιλοκέρτομε, μή ποτε πάμπαν
εἴκων ἀφραδίῃς **μέγα εἰπεῖν**, ἀλλὰ θεοῖσι
μῦθον ἐπιτρέψαι, ἐπεὶ ἦ πολὺ φέρτεροί εἰσι (Od. 22. 287–289).

‘Сын Полиферсов, насмешник! Вперед не глупи и от громких
Слов воздержись! Не твое это дело совсем! Предоставь их
Вечным богам говорить. Ведь намного тебя они лучше’ [6].

Выражение μέγα εἰπεῖν здесь комментатор «Одиссеи» М. Фернандес-Гальяно понимает как ‘хвалиться, высокомерно говорить’ [Fernandez-Galiano 1992: 269]. Вероятно, в данном отрывке Филойтий вспоминает, как жених Ктесипп, сын Полиферса, оскорбил Одиссея в образе нищего, бросив в него коровью ногу (Od. 20. 292–302). Пастух использует в отношении речи Ктесиппа выражение μέγα εἰπεῖν

[6] Перевод фрагментов из Одиссеи В. В. Вересаева.

и указывает, что смертные должны предоставить (ἐπιτρέψαι) говорить подобные слова (μῦθον) богам.

Сходное значение μέγα εἰπεῖν прослеживается и в другом отрывке из «Одиссеи», в котором Телемах отвечает на предложение Нестора подумать об убийстве женихов. Для Телемаха в данной ситуации μέγα εἰπεῖν — это говорить об убийстве женихов (Od. 3. 226–228). Предложение Нестора вызывает в нем ἄγην ‘изумление, ужас’ [Authenrieth 1999: 3], правда, не уточняется, что именно испугало Телемаха. Причины страха Телемаха проясняет другой, сходный по смыслу отрывок, где Телемах на предложение Одиссея расправиться с женихами отвечает:

(4) ὦ πάτερ, ἦτοι σεῖο μέγα κλέος αἰὲν ἄκουον,
χεῖράς τ᾽ αἰχμητὴν ἔμεναι καὶ ἐπίφρονα βουλήν·
ἀλλὰ λίην **μέγα εἶπες**· ἄγη μ᾽ ἔχει· οὐδέ κεν εἴη
ἄνδρε δύω πολλοῖσι καὶ ἰφθίμοισι μάχεσθαι (Od. 16. 241–244).

‘Шла всегда о тебе, отец мой, великая слава,
Что и руками могуч ты в бою и в совете разумен.
Но о несбыточном ты говоришь. Берет меня ужас.
Как против множества сильных людей вдвоем нам сражаться?’

Телемах подчеркивает, что у Одиссея слава (κλέος) хорошего воина и мудрого советчика (χεῖράς τ᾽ αἰχμητὴν ἔμεναι καὶ ἐπίφρονα βουλήν), поэтому для него неожиданно безрассудное предложение отца, так как двое воинов не могут сражаться со множеством сильных противников (οὐδέ κεν εἴη ἄνδρε δύω πολλοῖσι καὶ ἰφθίμοισι μάχεσθαι). Кроме того, Телемах утверждает, что его ужасает, изумляет (ἄγη μ᾽ ἔχει) это предложение отца. Но чуть далее по тексту Одиссей обещает Телемаху помощь богов, Афины и Зевса, в битве с женихами: Od. 16. 259–261. На это Телемах отвечает, что эти два защитника (ἐπαμύντορε) хороши (ἐσθλώ), так как они сильнее других людей и богов: ἄλλοις ἀνδράσι τε κρατέουσι καὶ ἀθανάτοισι θεοῖσι (Od. 16. 263–265). Из текста явно следует, что Телемах согласился участвовать в убийстве женихов только после того, как Одиссей заверил его в том, что Зевс и Афина будут помогать им. Без этого предложение Одиссея казалось Телемаху μέγα εἰπεῖν.

Хотелось бы обратить внимание на то, что в рассматриваемом месте (Od. 16. 241 сл.), как и в Od. 3. 226–228, повторяется фраза λίην γὰρ μέγα εἶπες· ἄγη μ᾽ ἔχει, в которой слова μέγα и ἄγη стоят рядом. Последнее, если иметь в виду наиболее распространенную этимологию, может быть этимологически родственно μέγα и восходить к фонетическому

варианту *m̥ǵeh$_2$ [Chantraine 1968–1980: 5; Beekes 2010: 7–8], что позволяет увидеть игру слов, могущую восходить к более ранней эпохе.

Если обобщать результаты рассмотрения значения μέγα εἰπεῖν в гомеровском эпосе, хотелось бы отметить, что в значении μέγα εἰπεῖν можно выделить две стороны. Выражение μέγα εἰπεῖν, судя по всему, может значить ‘произносить важную речь’ (Il. 17. 333–334). Однако это значение переходит в более поздних текстах в ‘произносить горделивую, надменную речь’ (Od. 3. 226–228; Od. 16. 241–244; Od. 22. 287–289)[7]. Именно второе значение закрепилось за этим выражением в позднейшей литературе.

Если вернуться к рассмотрению собственно выражения μέγα ἔπος, то надо отметить, что после Феогнида оно появляется в трагедии «Аякс» Софокла. В молитве к реке Скамандр Аякс говорит, что произносит ἔπος μέγα ‘надменную, горделивую речь’, суть которой в утверждении, что Аякс был лучшим воином под Троей:

(5) ὦ Σκαμάνδριοι
γείτονες ῥοαί
εὔφρονες Ἀργείοις,
οὐκέτ᾽ ἄνδρα μὴ
τόνδ᾽ ἴδητ᾽ – **ἔπος**
ἐξερῶ **μέγα** –
οἷον οὔτινα
Τροία στρατοῦ
δέρχθη χθονὸς μολόντ᾽ ἀπὸ
Ἑλλανίδος[8] (Aj. 419a–427).

‘О Скамандровы струи ближние,
Милые данайцам!
Уж Аякса вам не видать вовек,
Лучшего — сказать ли **гордое слово**? —
Из всех, пришедших из Эллады в Трою’[9]

По мнению П. Дж. Финглэсса, чрезмерность этой похвальбы заключается в том, что Аякс традиционно считался у греков вторым по доблести воином под Троей после Ахилла [Finglass (ed.) 2011: 261].

---

[7] Ср.: сочетание μέγα и εὔχομαι у Гомера значит и ‘громко, сильно молиться’ и ‘хвалиться, ликовать’ [Nordheider 1993: 76].

[8] Цитируется по [Finglass (ed.) 2011].

[9] Перевод Ф. Ф. Зелинского.

См., например, указание Гомера: ἀνδρῶν αὖ μέγ᾽ ἄριστος ἔην Τελαμώνιος Αἴας // ὄφρ᾽ Ἀχιλεὺς μήνιεν ‘Мужем отличнейшим слыл Аякс Теламонид, доколе // Гневом Пелид сокрушался’ (Il. 2. 768–769); Αἴαντός θ᾽, ὃς ἄριστος ἔην εἶδός τε δέμας τε // τῶν ἄλλων Δαναῶν μετ᾽ ἀμύμονα Πηλείωνα ‘Также Аякса, который всех лучше и видом и ростом // После Пелида бесстрашного был среди прочих данайцев’ (Od. 11. 469–470); Αἴανθ᾽, ὃς πέρι μὲν εἶδος, πέρι δ᾽ ἔργα τέτυκτο // τῶν ἄλλων Δαναῶν μετ᾽ ἀμύμονα Πηλείωνα ‘Сын Теламонов Аякс, — и своими делами и видом // После Пелида бесстрашного всех превышавший данайцев’ (Od. 11. 550–551). См. также: Alc. 387 Voigt; Pi. N. 7. 27.

Наконец, выражение μέγα ἔπος встречается у Аристофана в «Птицах»:

(6) Πισθέταιρος
μὰ Δί᾽ ἀλλὰ λέγειν ζητῶ τι πάλαι **μέγα** καὶ λαρινὸν **ἔπος** τι,
ὅ τι τὴν τούτων θραύσει ψυχήν. οὕτως ὑμῶν ὑπεραλγῶ,
οἵτινες ὄντες πρότερον βασιλῆς

Χόρος
ἡμεῖς βασιλῆς; τίνος;

Πισθέταιρος
ὑμεῖς
πάντων ὁπόσ᾽ ἔστιν, ἐμοῦ πρῶτον, τουδί, καὶ τοῦ Διὸς αὐτοῦ,
ἀρχαιότεροι πρότεροί τε Κρόνου καὶ Τιτάνων ἐγένεσθε,
καὶ Γῆς; [10] (Arist. Av. 465–469)

‘Писфетер
Да нимало! Давно уж таю я в душе заповедное, веское слово,
Им я сердце пернатых до дна потрясу! О несчастные, как я жалею
Вас, что были когда-то царями!

Удод
Постой, мы — царями? Какого же царства?

Писфетер
Надо всем вы царили, что есть! Надо мной и над ним. Вы стариннее Зевса, вы маститого древнего Крона древней, вы начальней и старше титанов и Земли’ [11].

Н. Дунбар в своих комментариях к «Птицам» Аристофана понимает μέγα καὶ λαρινὸν ἔπος τι как «a large, well-fattened utterance» [Dunbar (ed.)

[10] Цитируется по изданию [Dunbar (ed.) 2002].

[11] Перевод А. И. Пиотровского.

2002: 225], с чем нельзя согласиться. Гораздо вероятней, что μέγα ἔπος обозначает здесь дерзкую речь, так как Писфетер заявляет, что птицы — цари всего и божества более древние, чем Зевс, Кронос, Гея и титаны. Правда, μέγα ἔπος употребляется здесь в ироничном контексте.

Если подводить итоги рассмотрения употребления выражения μέγα ἔπος ~ μέγα εἰπεῖν, то можно отметить, что практически во всех обсуждаемых отрывках прямо или косвенно упоминаются божественные силы: в Il. 17. 333–334, Od. 22. 287–289, Od. 3. 226–228 и Od. 16. 241–265 упоминаются боги, в комедии Аристофана Писфетер начинает свою речь с восклицания μὰ Δί' 'клянусь Зевсом', говорит о птицах как о древних божествах, упоминает Зевса, Кроноса, Гею и титанов, у Софокла μέγα ἔπος появляется в молитве к Скамандру. Двустишие Феогнида, как нам кажется, вписывается в рассмотренный ряд: явно намекается, что Кирн впоследствии может пострадать (οὐδεὶς // ἀνθρώπων ὅτι νὺξ χἠμέρη ἀνδρὶ τελεῖ «никто не знает из людей, что будет назавтра»), если будет ἀγορᾶσθαι ἔπος μέγα.

Значение μέγα εἰπεῖν как 'говорить важное' в «Илиаде» нам представляется первоначальным, в позднейших памятниках мы видим его развитие до 'произносить надменную речь'.

3. Древнеиндийское *vaco mahat* в «Махабхарате»

На наш взгляд, формула μέγα ἔπος может иметь индоевропейские истоки. Нам представляется, что наиболее близкое соответствие за пределами греческой традиции можно обнаружить в древнеиндийском эпосе. Словосочетание *vaco mahat* встречается в «Махабхарате» 7 раз в одной и той же ритмической позиции в конце стиха. Например:

MBh. 3.46.27–29:

(7) 27 āsāditam idaṁ ghoraṁ tumulaṁ lomaharṣaṇam
draupadīṁ parikarṣadbhiḥ kopayadbhiś ca pāṇḍavān
28 yatra visphuramāṇoṣṭho bhīmaḥ prāha **vaco mahat**
dṛṣṭvā duryodhanenorū draupadyā darśitāv ubhau
29 ūrū bhetsyāmi te pāpa gadayā vajrakalpayā
trayodaśānāṁ varṣāṇām ante durdyūtadevinaḥ [12]

[12] Транслитерация текста Махабхараты: https://bombay.indology.info/mahabharata/statement.html

‘Грянет (скоро) грозная, внушающая трепет битва с теми, кто силой влек (тогда) Драупади (в Дом собрания) и (этим) прогневил Пандавов. Видя, как Дурьодхана обнажил перед Драупади свои бедра, Бхима дрожащими (от гнева) губами прорек тогда **великое слово**: «Едва пройдет тринадцать лет, о злодей, бесчестный игрок, и я раздроблю твои бедра крепкой, как ваджра, палицей!»’ [13].

Здесь произносящий *vaco mahat* Бхима обещает по истечении 13 лет, на которые он и его братья проигрывают свою часть царства, победить Дурьодхану в битве на палицах, что он и сделает с помощью Кришны. Таким образом, мы имеем в данном случае обещание чего-то, что к тому же происходит с божественной помощью.

В MBh. 5.64.15 *vaco mahat* названы слова Кришны, переданные Дхананджаей Санджае и пересказанные Санджаей царю Дхритараштре. Речь Санджаи к Дхритараштре начинается с пересказа слов Кришны:

(8) yudhiṣṭhirasyāṁśam abhīpsitaṁ svakam
nayāmi vaḥ svāśvapadātikuñjarān; diśaṁ pitṝṇām aśivāṁ śitaiḥ śaraiḥ
15 tato ’ham āmantrya caturbhujaṁ hariṁ; dhanaṁjayaṁ caiva namasya satvaraḥ
javena saṁprāpta ihāmaradyute; tavāntikaṁ prāpayituṁ **vaco mahat**

‘Если вы в самом деле не отдадите Юдхиштхире, губителю врагов, его долю (царства), которую он требует (вернуть), тогда я при помощи острых стрел отправлю вас вместе с конницей, пехотинцами и слонами в неприглядную область усопших предков!». И вот, попрощавшись поспешно с четырехруким Хари и с Дхананджаей и поклонившись (обоим), я без промедления прибыл сюда к тебе, о наделенный богоподобным блеском, чтобы передать весьма **важные** для тебя **слова**!’ [14]

В данном контексте переданная Дхананджаей речь божества Кришны содержит обещание Кришны убить царей, если они не выполнят его условия. Это можно считать обещанием, подобным тому, что дает Бхима в контексте MBh. 3.46.28.

---

[13] Перевод Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой [Махабхарата 1987: 112].

[14] Перевод В. И. Кальянова [Махабхарата 1976: 152].

В MBh. 9.12.34–35 Санджая рассказывает Дхритараштре:

(9) 34 samācchannāṁs tatas tāṁs tu rājan vīkṣya sa sainikān
cintayām āsa samare dharmarājo yudhiṣṭhiraḥ
35 kathaṁ nu na bhavet satyaṁ tan mādhava**vaco mahat**

‘Видя, о царь, отряды своих войск, покрываемые (стрелами) в сражении, царь справедливости Юдхиштхира стал тогда размышлять так: «Как же (в самом деле) не может оказаться правдивым то **веское слово** Мадхавы?’ [15].

В этом контексте произнесшим ранее «великое слово» снова является бог Кришна, и опять идет речь о своеобразном обещании или предсказании им грядущих событий.

В MBh. 8.45.31 во время битвы Дурьодхана, видя бегство войска Кауравов, обратился к Карне с призывом помочь Кауравам. Ответ Карны был следующим:

(10) 31 etac chrutvā tu rādheyo duryodhana**vaco mahat**
madrarājam idaṁ vākyam abravīt sūtanandanaḥ
32 paśya me bhujayor vīryam astrāṇāṁ ca janeśvara
adya hanmi raṇe sarvān pāñcālān pāṇḍubhiḥ saha
vāhayāśvān naravyāghra bhadreṇaiva janeśvara

‘Радхея, сын суты, выслушав столь **значительные слова** Дурьодханы, так сказал царю мадров (Шалье): «Узри мощь моих рук и оружия, о владыка людей! Сейчас я уничтожу в сражении всех панчалов вместе с Пандавами! Направь же (туда) с миром своих коней, о муж-тигр, владыка людей!’ [16]

Этот пример в меньшей степени вписывается в общую картину: по сути, брат и соратник Карны просто призывал Карну вступить в бой с Пандавами. С другой стороны, после речи Дурьодханы Карна делает свойственное для подобных контекстов заявление: «Сейчас я уничтожу в сражении всех панчалов вместе с Пандавами!». Этот эпизод можно сравнить с Il. 17. 333–334, когда Эней обращается к Гектору (μέγα εἶπε) с призывом напасть на греков.

Стоит отметить, что в «Махабхарате» в большинстве случаев употребления *vaco mahat* речь идет о битве. В «Илиаде» же и два раза

[15] Перевод В. И. Кальянова [Махабхарата 1996: 43].

[16] Перевод Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой [Махабхарата 1990: 158].

в «Одиссее» μέγα εἰπεῖν также связано со сражением (в «Одиссее» Телемаха призывают вступить в сражение с женихами).

Хотелось бы обратить также внимание на то, что в «Махабхарате» *vaco mahat* упоминается в одном контексте с богами (кроме MBh. 8.45.31), как и большинство случаев с μέγα ἔπος ~ μέγα εἰπεῖν. Иногда выражение *vaco mahat* употребляется лишь в религиозном контексте без упоминания битвы. Например, MBh. 3.51.23: (11).

(11) tatas tac chuśruvuḥ sarve nāradasya **vaco mahat**
śrutvā caivābruvan hr̥ṣṭā gacchāmo vayam apy uta

‘От слова до слова выслушали они **высокую речь** Нарады и, воодушевившись, воскликнули: «Пойдем же и мы (на сваямвару)!’ [17].

В этом знаменитом отрывке из сказания о Нале произносящим «великое слово» является мудрец Нарада. В своей речи он обращается к богу Индре и сообщает ему важную новость из мира людей о том, что у Дамаянти состоится сваямвара, на которую направились все цари. Он служит, таким образом, своего рода медиумом, посредником между богами и людьми.

Можно отметить также то, что *vaco mahat* связано с обещанием или предсказанием каких-то великих событий. Помимо вышеприведенных примеров, см. MBh. 6.84.33, где Санджая говорит Дхритараштре:

(12) tad idaṁ samanuprāptaṁ vacanaṁ divyadarśinaḥ
33 lobhamohasamāviṣṭaḥ putraprītyā janādhipa
na budhyase purā yat tat tathyam uktaṁ **vaco mahat**

‘Ныне исполняется то слово чудного провидца, то **великое слово истины**, что не понял ты некогда, о людей повелитель, из-за алчности и безрассудства и из любви к сыновьям’ [18].

Этот контекст также в некотором смысле напоминает MBh. 3.46.28, потому что сказанное «великое слово» сбывается. В данном контексте речь идет о Видуре, в отношении которого употреблен эпитет *divyadarśin-* ‘видящий небесные / божественные вещи’ (‘der eine Einsicht in die himmlischen Dinge hat’) [Böhtlingk, Roth 1861: 626].

В MBh. 11.15.18 Гандхари, обращаясь к Притхе, говорит о «великом слове» Видуры, который предвидел неминуемую гибель Дурьодханы:

---

[17] Перевод Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой [Махабхарата 1987: 112].

[18] Перевод В. Г. Эрмана [Махабхарата 2009: 193].

(13) 18 idaṁ tat samanuprāptaṁ vidurasya **vaco mahat**
asiddhānunaye kr̥ṣṇe yad uvāca mahāmatiḥ

‘Вот и исполнилось то великое слово, которое изрек многомудрый Видура после того, как усилия Кришны достичь мира потерпели неудачу’ [19].

Наконец, и в этом контексте «великое слово» Видуры исполняется. Можно обратить внимание, что форма *samanuprāptaṁ* ‘сбывается’ употребляется дважды (см. выше MBh. 6.84.32–33), что позволяет уточнить семантику выражения *vaco mahat.*

4. Выражение *mahad vacaḥ* в «Рамаяне»

Еще один случай, любопытный в содержательном отношении, представляет инвертированное словосочетание *mahad vacaḥ* в 6 песне «Рамаяны»:

Ram. 6.94(82).30–32
(14) 30 pīḍyamānās tu balinā varadānena rakṣasā
dīptais tapobhir vibudhāḥ pitāmaham apūjayan
31 devatānāṁ hitārthāya mahātmā vai pitāmahaḥ
uvāca devatāḥ sarvā idaṁ tuṣṭo **mahad vacaḥ:**
32 a adya prabhr̥ti lokāṁs trīn sarve dānavarākṣasāḥ
bhayena prāvr̥tā nityaṁ vicariṣyanti śāśvatam [20]

‘Небесные боги, мучимые сильным ракшасом (демоном) Раваной почтили Брахму, владыку мира, серьезными обетами. Он, удовлетворенный, сказал великое слово (постановление) для выгоды этих божеств: «С сегодняшнего дня все ракшасы и данавы, все время охваченные страхом, будут постоянно бродить по трем мирам’ [21].

Данная речь принадлежит божеству, которое, по существу, отдает распоряжение, играющее значительную роль в судьбе богов и демонов.

---

[19] Перевод Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой [Махабхарата 1998: 73].

[20] Транслитерация текста: https://bombay.indology.info/ramayana/welcome.html.

[21] Перевод наш.

5. Выражение *mahad pravā́cana-* в «Ригведе»

Несколько дальше отстоит контекст из «Ригведы» со словом *pravā́cana-* ‘провозглашение’ вместо однокоренного *vácas-* ‘слово’:

RV 4.36.1:

(15) anaśvó jātó anabʰīśúr uktʰyò rátʰas tricakráḥ pári vartate rájaḥ | **mahát** tád vo devyàsya **pravā́canaṃ** dyā́m ṛbʰavaḥ pṛtʰivī́ṃ yác ca púṣyatʰa ||[22]

‘Рожденная без коней, без поводьев, достойная хвалы
Трехколесная колесница объезжает пространство.
Велико это провозглашение вашей божественной природы,
Что вы, о Рибху, даете процветание земле и небу’[23].

Здесь речь идет о провозглашении божественной природы Рибху в гимне и ритуале, который может подразумеваться под трехколесной колесницей [Brereton, Jamison 2014: 616]. Возможно, речь идет о видоизмененной формуле *vaco mahat* ~ *mahad vacaḥ* — как можно было убедиться из контекстов, она почти всегда имеет указание на обещание или предсказание.

Стоит отметить, что *vacanaṁ* употребляется вместе с ***vaco mahat*** в «Махабхарате»: MBh. 6.84.33.

6. Заключение

Итак, можно приступать к подведению итогов сравнения греческой формулы μέγα ἔπος ~ μέγα εἰπεῖν и древнеиндийской формулы *mahad vacaḥ* ~ *vaco mahat*. Древнеиндийское слово *mahánt-* ‘большой, великий и т. п.’ родственно греч. μέγας (хотя, безусловно, прямым эквивалентом является реже употребляемое *máhi-*), а *vácas-* — прямое этимологическое соответствие ἔπος, род. п. ἔπεος < и.-е. *wekʷ-os). С точки зрения содержания, напротив, сразу бросаются в глаза различия между древнегреческой и древнеиндийской традициями: в первой произнесение

[22] Транслитерация текста: http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/ind/aind/ved/rv/mt/rv.htm

[23] Перевод Т. Я. Елизаренковой [Ригведа 1989: 402].

μέγα ἔπος порицается, во второй же *vaco mahat ~ mahad vacaḥ* явно имеет положительную коннотацию. Однако появление отрицательного контекста у μέγα ἔπος ~ μέγα εἰπεῖν, вероятно, связано с развитием значения в эпоху после создания «Илиады». В «Илиаде» мы можем предполагать, что у μέγα εἰπεῖν еще нет отрицательных коннотаций[24].

Стоит отметить, что и в древнегреческой традиции, и в древнеиндийской часто речь идет о каком-то обещании, предсказании будущих событий, причем событий, действительно важных для действия целых эпических произведений. Интересно, что эти ситуации в значительной мере сходны: Нестор и Одиссей говорят об убийстве женихов его жены Пенелопы, а в «Махабхарате» Бхима обещает расправиться с Дурьодханой за надругательство над его женой Драупади, проигранной в кости (еще одна параллель между этими историями в содержательном плане — натягивание лука женихами в «Одиссее» и на сваямваре Драупади). При этом очевидно, что подобные события не могут совершиться без воли божеств и их помощи, поэтому практически во всех контекстах боги так или иначе присутствуют, а иногда собственно произносят «великое слово».

При всей привлекательности проводимого сравнения греч. ἔπος μέγα и др.-инд. *vaco mahat ~ mahad vacaḥ* нельзя не отметить, что присутствуют определенные затруднения.

Во-первых, тот факт, что словосочетания *vaco mahat ~ mahad vacaḥ* и ἔπος μέγα состоят из широко употребительных слов, как может показаться, ставит под сомнение их формульный характер как в древнеиндийской, так и в древнегреческой традициях. Однако со словами *meǵh$_2$ и *wek^{w}os в древних индоевропейских традициях существуют и другие достаточно употребительные формульные словосочетания. Хотелось бы обратить внимание в первую очередь на выражение *ḱlewos meǵh$_2$ ‘великая слава’, рефлексы которого представлены в древнеиндийском *máhi śrávaḥ* и, соответственно, в древнегреческом μέγα κλέος [Schmitt 1967: 77–80]. Также засвидетельствовано и формульное выражение *wek^{w}os sweh$_2$du ‘сладкое слово’, различные реликты которого засвидетельствованы в древнеиндийской и древнегреческой традиции [Schmitt 1967: 254–257]. В пределах индоиранской

[24] Возможно, подобное развитие значения в греческом связано с тем, что в Древней Греции было сформировано устойчивое отрицательное отношение к ὕβρις ‘беспричинному насилию, наглости, распутству’ [Liddell, Scott 1996: 1841], а для Индии подобное прослеживается в меньшей степени.

традиции др.-инд. *vácas-* и авест. *vacah-* имеют одинаковые эпитеты-когнаты или образуют идентичные по структуре композиты, состоящие из родственных корней: вед. *b̥rhant-* = авест. *bərəzant-* ‘высокий, возвышенный’; вед. *r̥tvíya-* = авест. *raθβiia-* ‘своевременный’; вед. *su-vacas-* = авест. *hu-vacah-* ‘(говорящий) хорошие слова’ и т. д. [Schmitt 1967: 255–256]. Эти данные позволяют предположить, что соединение реконструированных лексем *meǵh$_2$ и *wek^{w}os выглядит вполне естественным в свете данных об их употребительности в составе формульных выражений как в праиндоевропейском, так и в праиндоиранском. На наш взгляд, сочетание *wek^{w}os *meǵh$_2$ хорошо вписывается в ряд *ḱlewos megh$_2$ ‘великая слава’, *wek^{w}os sweh$_2$du ‘сладкое слово’ и т. д.

Еще одна проблема проводимого нами сближения состоит в том, что в древнегреческом ἔπος μέγα в таком виде встречается только у Феогнида, у Софокла два слова расположены дистантно, а в гомеровских поэмах вообще засвидетельствовано только сочетание с глаголом μέγα εἰπεῖν. Подобные обстоятельства могут заставить думать, что, во-первых, гомеровское выражение старше, а во-вторых, ἔπος μέγα само по себе относительно неустойчиво в противоположность *vaco mahat ~ mahad vacaḥ* (последнее в эпическом санскрите не разрывается и всегда находится в одной позиции в стихе). Но тот факт, что в гомеровском корпусе μέγα εἰπεῖν встречается не столь часто, может свидетельствовать и о том, что именно это словосочетание было образовано от не сохранившегося у Гомера ἔπος μέγα, или о том, что данные формульные выражения сосуществовали в греческой традиции и по случайности дошли до нас в различных текстах. Что касается неустойчивости ἔπος μέγα в отрывке из Софокла, нужно указать, что в греческой традиции разрыв подобного рода словосочетаний встречается достаточно регулярно: например, вышеприведенное сочетание μέγα κλέος ‘великая слава’ в одном случае употребляется у Гомера именно в таком виде (Il. 17. 131), а в другом μέγα отделяется от κλέος в стихе тремя словами (Il. 10. 212).

Наконец, замена в древнеиндийском *máhi-* на *mahánt-* может объясняться большей употребительностью последнего слова, в том числе в эпическом санскрите.

В связи с приведенными соображениями кажется более убедительным полагать, что ἔπος μέγα и *vaco mahat ~ mahad vacaḥ* являются рефлексами древнего индоевропейского формульного выражения, по-разному преобразованного в древнегреческой и древнеиндийской традиции.

Литература

Топоров 2012 — В. Н. Топоров. Пиндар и Ригведа. Гимны Пиндара и ведийские гимны как основа реконструкции индоевропейской гимновой традиции. М.: Российский гос. гуман. ун-т, 2012.

Authenrieth 1999 — G. Authenrieth. Wörterbuch zu den Homerischen Gedichten. Stuttgart und Leipzig: Teubner, 1999.

Beekes 2010 — R. S. P. Beekes. Etymological Dictionary of Greek. Leiden, Boston: Brill, 2010.

Böhtlingk, Roth 1861 — O. Böhtlingk, R. Roth. Sanskrit-Wörterbuch. 3 Theil. J — DH. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie des Wissenschaften, 1861.

Brereton, Jamison 2014 — J. P. Brereton, S. W. Jamison. The Rigveda. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Chantraine 1968–1980 — P. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. I–IV. Paris: Klincksieck, 1968, 1970, 1974, 1977, 1980.

Edwards 2000 — M. W. Edwards. The Iliad. The commentary. Vol. 5. Books 17–20. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Erbse (ed.) 1975 — H. Erbse (ed.). Scholia Graeca in Homeri Iliadem. Vol. IV: Scholia ad libros O–T. Berolini: W. de Gruyter, 1975.

Fernandez-Galiano 1992 — M. Fernandez-Galiano. Commentary on Book 21 // J. Russo, M. Fernandez-Galiano, A. Heubeck (eds.). A commentary on Homer's Odyssey. Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 148–206.

Groningen 1966 — B. A. Groningen. Theognis. Le premier livre édité avec un commentaire. Amsterdam: Noord-Hollandsche Uitgevers Maatschappij, 1966.

Kuhn 1853 — A. Kuhn. Über die durch nasale erweiterten verbalstämme // Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung. 1853. Bd. 2. S. 455–471.

Leaf 1900 — W. Leaf. Commentary on the Iliad. London: Macmillan, 1900.

Liddell, Scott 1996 — H. G. Liddell, R. Scott. A Greek-English lexicon. Oxford: Oxford University Press, 1996.

Nordheider 1993 — H. W. Nordheider. Mega // M. Meier-Brügger (red.) Lexikon der frügriechischen Epos. 15. Lief. Göttingen: Vandenhoeck-Ruprecht, 1993. P. 66–79.

Schmitt 1967 — R. Schmitt. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden: Harrassowitz, 1967.

Watkins 2001 — C. Watkins. How to kill a dragon. Aspects of Indo-European poetics. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Watkins 2002 — C. Watkins. Pindars Rig-Veda // Journal of the American Oriental Society. 2002. Vol. 122. No. 2. P. 432–435.

Источники

Гаврилов 1989 — А. К. Гаврилов. Феогнидов сборник. Кн. 1. Прозаич. пер. // А. И. Доватур. Феогнид и его время. Л.: Наука, 1989. С. 147–181.

Махабхарата 1976 — В. И. Кальянов. Махабхарата. Книга пятая. Удьйогапарва или Книга о старании / Пер. с санскрита и коммент. В. И. Кальянова. Л.: Наука, 1976.

Махабхарата 1987 — Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва). Пер. с санскрита, коммент. и предисл. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1987.

Махабхарата 1990 — Махабхарата. Книга восьмая. О Карне (Карнапарва). Пер. с санскрита, предисл. и коммент. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1990.

Махабхарата 1996 — Махабхарата. Книга девятая. Шальяпарва, или Книга о Шалье / Пер. с санскрита и коммент. В. И. Кальянова. М.: Ладомир, 1996.

Махабхарата 1998 — Махабхарата. Книга десятая. Сауптикапарва, или Книга об избиении спящих воинов. Книга одиннадцатая. Стрипарва, или Книга о женах. Пер. с санскрита, предисл. и коммент. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М.: Янус — К, 1998.

Махабхарата 2009 —Махабхарата. Книга шестая. Бхишмапарва, или Книга о Бхишме. Пер. с санскрита В. Г. Эрман. М.: Ладомир, 2009.

Ригведа 1999 — Ригведа: Мандалы I–IV / Пер. Т. Я. Елизаренковой. Отв. ред. П. А. Гринцер. М.: Наука, 1999.

Dunbar (ed.) 2002 — N. Dunbar (ed.). Aristophanes. Birds. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Finglass (ed.) 2011 — P. J. Finglass (ed.). Sophocles. Ajax. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Thiel (ed.) 1991 — H. van. Thiel (ed.). Homeri Odyssea. Hildesheim, Zürich, New York: Weidman, 1991.

Thiel (ed.) 2010 — H. van. Thiel (ed.). Homeri Ilias. Hildesheim, Zürich, New York: Weidman, 2010.

West (ed.) 1971 — M. L. West (ed.). Iambi et elegi Graeci ante Alexandrum cantati. Vol. 1. Oxonii: Clarendon, 1971.

West (ed.) 1992 — M. L. West (ed.). Iambi et elegi Graeci ante Alexandrum cantati. Vol. 2. Oxonii: Clarendon, 1992.

References

Authenrieth 1999 — G. Authenrieth. Wörterbuch zu den Homerischen Gedichten. Stuttgart und Leipzig: Teubner, 1999.

Beekes 2010 — R. Beekes. Etymological Dictionary of Greek. Leiden, Boston: Brill, 2010.

Böhtlingk, Roth 1861 — O. Böhtlingk, R. Roth. Sanskrit-Wörterbuch. 3 Theil. J — DH. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie des Wissenschaften, 1861.

Brereton, Jamison 2014 — J. P. Brereton, S. W. Jamison. The Rigveda. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Chantraine 1968–1980 — P. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. I–IV. Paris: Klincksieck, 1968, 1970, 1974, 1977, 1980.

Edwards 2000 — M. W. Edwards. The Iliad. The commentary. Vol. 5: books 17–20. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Erbse (ed.) 1975 — H. Erbse (ed.). Scholia Graeca in Homeri Iliadem. Vol. IV: Scholia ad libros O–T. Berolini: W. de Gruyter, 1975.

Fernandez-Galiano 1992 — M. Fernandez-Galiano. Commentary on Book 21. J. Russo, M. Fernandez-Galiano, A. Heubeck (eds.). *A commentary on Homer's Odyssey.* Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 148–206.

Groningen 1966 — B. A. Groningen. Theognis. Le premier livre édité avec un commentaire. Amsterdam: Noord-Hollandsche Uitgevers Maatschappij, 1966.

Kuhn 1853 — A. Kuhn. Über die durch nasale erweiterten verbalstämme. Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung. 1953. Bd. 2. P. 455–471.

Leaf 1900 — W. Leaf. Commentary on the Iliad. London: Macmillan, 1900.

Liddell, Scott 1996 — H. G. Liddell, R. Scott. A Greek-English lexicon. Oxford: Oxford University Press, 1996.

Nordheider 1993 — H. W. Nordheider. Mega. M. Meier-Brügger (red.). *Lexikon der frügriechischen Epos.* 15. Lief. Göttingen: Vandenhoeck-Ruprecht, 1993. P. 66–79.

Schmitt 1967 — R. Schmitt. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden: Harrassowitz, 1967.

Toporov 2012 — V. N. Toporov. Pindar i Rigveda. Gimny Pindara i vediyskie gimny kak osnova rekonstruktsii indoevropeyskoy gimnovoy traditsii. [Pindar and the Rig-Veda. Pindaric and Vedic hymns as a base for reconstructing Indo-European hymnic tradition]. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2012.

Watkins 2001 — C. Watkins. How to kill a dragon. Aspects of Indo-European poetics. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Watkins 2002 — C. Watkins. Pindars Rig-Veda. *Journal of the American Oriental Society.* Vol. 122. No. 2. P. 432–435.

Sources

Dunbar (ed.) 2002 — N. Dunbar (ed.). Aristophanes. Birds. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Finglass (ed.) 2011 — P. J. Finglass (ed.). Sophocles. Ajax. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Gavrilov 1989 — A. K. Gavrilov. Feognidov sbornik. Kn. 1. Prozaich. Per. [Theognidea. Book 1. Prose translation]. A. I. Dovatur. *Feognid i ego vremya* [Theognis and his time]. Leningrad: Nauka, 1989. P. 147–181.

Mahabharata 1976 — V. I. Kaljanov (trans.). Mahabharata. Kniga pyataya. Udyogaparva, ili Kniga o staranii [Mahabharata. Book five. Udyogaparva or the Book of endeavor]. Leningrad: Nauka, 1976.

Mahabharata 1987 — Ya. V. Vasil'kov, S. L. Neveleva (trans.). Mahabharata. Kniga tretya. Lesnaya (Aran'akaparva) [Mahabharata. Book three. Forest (Aranyakaparva)]. Moscow: Russian Academy of sciences "Vostochnaya literatura" Publishers, 1987.

Mahabharata 1990 — Ya. V. Vasil'kov, S. L. Neveleva (trans.). Mahabharata. Kniga vos'maya. O Karne (Karnaparva) [Mahabharata. Book eight. About Carne (Karnaparva)]. Moscow: Russian academy of sciences "Vostochnaya literatura" Publishers, 1990.

Mahabharata 1996 — V. I. Kaljanov (trans.). Mahabharata. Kniga devyataya. Shalyaparva, ili Kniga o Shalya [Mahabharata. Book nine. Shalyaparva or the Book of Shalya]. Moscow: Ladomir, 1996.

Mahabharata 1998 — Ya. V. Vasil'kov, S. L. Neveleva (trans.). Mahabharata. Kniga desyataya. Sauptikaparva, ili Kniga ob izbienii spyashchikh voinov. Kniga odinnadtsataya, ili Kniga o zhenakh. [Machabharata. Book ten. Sautikaparva or the Book of the sleeping warriors' slaying. Book eleven. The book of wives]. Moscow: Janus — K, 1998.

Mahabharata 2009 — V. G. Erman (trans.). Mahabharata. Kniga shestaya. Bhishmaparva, ili Kniga o Bhishme. [Mahabharata. Book six. Bhishmaparva or the Book of Bhishma]. Moscow: Ladomir, 2009.

Rigveda 1999 — T. Ya. Elizarenkova (trans.). Rigveda: Mandaly I–IV. [Rigveda: Mandalas I–IV]. Moscow: Nauka, 1999.

Thiel (ed.) 1991 — H. van. Thiel (ed.). Homeri Odyssea. Hildesheim, Zürich, New York: Weidman, 1991.

Thiel (ed.) 2010 — H. van. Thiel (ed.). Homeri Ilias. Hildesheim, Zürich, New York: Weidman, 2010.

West (ed.) 1971 — M. L. West (ed.) Iambi et elegi Graeci ante Alexandrum cantati. Vol. 1. Oxonii: Clarendon, 1971.

West (ed.) 1992 — M. L. West (ed.) Iambi et elegi Graeci ante Alexandrum cantati. Vol. 2. Oxonii: Clarendon, 1992.

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 565–581
DOI 10.30842/alp2306573716220

Наименования тропов и фигур речи в русских риториках: М. В. Ломоносов и его предшественники

Е. М. Матвеев
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург;
ematveev@list.ru

Аннотация. В статье в ходе сопоставления терминологии тропов и фигур в риторических трактатах М. В. Ломоносова и восточнославянских риторических трактатах XVII века выявлена уникальность «Краткого руководства к красноречию»: в его терминологии проводится строгая дифференциация греческих заимствований и русских по происхождению лексем, а также отсутствует терминологическая избыточность. Анализируются колебания, которые испытывал Ломоносов при номинации тропов и фигур; показано, как именно он творчески перерабатывал терминологическое наследие своих предшественников.

Ключевые слова: тропы, фигуры речи, риторическая терминология, Ломоносов, «Краткое руководство к красноречию».

Terms of tropes and figures of speech in Russian rhetorical treaties: M. V. Lomonosov and his predecessors

E. M. Matveev
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg;
ematveev@list.ru

Abstract. This article comprehends the materials of the dictionary “M. V. Lomonosov’s Rhetoric” which was prepared by the team of the department “The Dictionary of the Language of M. V. Lomonosov” of the Institute for Linguistic Studies (Russian Academy of Sciences) in collaboration with the seminar “Russian XVIIIth Century” (St Petersburg State University) and published in St Petersburg in 2017. The paper focuses on the comparison of the terminology of tropes and figures in the rhetorical treatises by M. Lomonosov (“Brief Guide to Rhetoric” and “Brief Guide to Eloquence”) and in the East Slavonic rhetorical treatises of the 17th century: “Rhetoric” of 1620, “Rhetoric”

by Sofroniy Lihud, translated from Greek by Kozma Afonoiversky (1698), “Rhetoric” by Mikhail Usachev (1699) and “Rhetorical hand” of Stefan Yavorsky, translated from Latin by Fedor Polikarpov (1705). We show that, unlike his predecessors, Lomonosov provides strict differentiation between Greek borrowings and lexemes which are Russian by origin: all terms of the section “Tropes” are Greek, and all terms of the section “Figures” are Russian. The uniqueness of Lomonosov’s “Brief Guide to Eloquence” lies in the fact that it tends to lack terminological redundancy and synonymy which was common in Russian rhetorical treaties of the 17th centuries. We analyze the oscillations that Lomonosov experienced during the nomination of tropes and figures. Changing the terminology of the “Figures” section, Lomonosov replaced Greek terms by Russian, replaced loan translations by new terms that better explain the concept, sought to use a single word-formation model and to abandon tautology. It demonstrates the diversity of Lomonosov’s creative approach to the terminological heritage of his predecessors: in some cases, he “borrows” existing terms, in others he invents terms of his own or varies those that already exist, yet in others, first using a new term he abandons it and opts for the original term.

Keywords: tropes, figures of speech, rhetorical terminology, Lomonosov, «A Brief Guide to Eloquence».

1. Словарь «Риторика М. В. Ломоносова. Тропы и фигуры»

В 2017 году в Санкт-Петербурге вышла подготовленная коллективом отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» Института лингвистических исследований РАН в сотрудничестве с семинаром «Русский XVIII век» (СПбГУ) книга «Риторика М. В. Ломоносова» [Риторика Ломоносова 2017]. Ее основная часть — это словарь «Риторика М. В. Ломоносова. Тропы и фигуры», в котором риторическая терминология М. В. Ломоносова рассмотрена в двух аспектах: лингвистическом и историческом. Словарь содержит лексикографическое описание риторической терминологии как особой части ломоносовского идиолекта. Кроме того, словарь обращен к истории европейской и русской риторики — словарное описание дополняется контекстами применения терминов М. В. Ломоносова и их аналогов в источниках, представляющих европейскую и русскую риторическую традицию. Собранные вместе в одной книге, эти фрагменты риторических трактатов наглядно демонстрируют развитие европейской и русской риторики, в частности, пути формирования русской риторической терминологии. Второй раздел словарного описания термина в словаре «Риторика

М. В. Ломоносова» — «Диахронический риторический контекст» — является своеобразным историко-научным комментарием и демонстрирует контексты применения риторических терминов М. В. Ломоносова и их аналогов в репрезентативных источниках, представляющих европейскую и русскую риторическую традицию.

В разделе «Диахронический риторический контекст» учтено 5 групп источников:

1. Античная риторическая традиция

1.1. Аристотель. «Риторика», «Поэтика», «Никомахова этика» (IV в. до н. э.)
1.2. Деметрий. «О стиле» (вероятно, II в. до н. э.)
1.3. «Риторика к Гереннию» (I в. до н. э.)
1.4. Марк Туллий Цицерон. «Учение академиков», «Письма к Аттику», «Об ораторе», «Оратор» (I в. до н. э.)
1.5. Марк Фабий Квинтилиан. «Двенадцать книг риторических наставлений» (I в. н. э.)

2. Европейская доломоносовская риторическая традиция

2.1. Н. Коссен. «О духовном и светском красноречии» (1619)
2.2. Ф. А. Помей. «Кандидат риторики» (1659)
2.3. И. К. Готтшед. «Ораторское искусство в подробном изложении» (1736)
2.4. Н. Буало. Перевод трактата Псевдо-Лонгина «О возвышенном» (1674)

3. Восточнославянская доломоносовская риторическая традиция

3.1. «Риторика» (1620)
3.2. Софроний Лихуд. «Риторика» (перевод Козмы Афоноиверского, 1698)
3.3. М. Усачев. «Риторика» (1699)
3.4. Стефан Яворский. «Риторическая рука» (перевод Федора Поликарпова, 1705).
3.5. Порфирий Крайский. «Лекции по риторике, читанные в Московской Славяно-греко-латинской академии» (конспект курса Порфирия Крайского, вероятно, принадлежащий М. В. Ломоносову, 1733–1734)

4. Русская послеломоносовская риторическая традиция

4.1. Амвросий Серебренников. «Краткое руководство к оратории российской» (1778)
4.2. И. С. Рижский. «Опыт риторики» (1796)
4.3. Н. Ф. Кошанский. «Общая реторика» (1829).

5. Словари

5.1. Словарь Академии Российской (1789–1794)

5.2. Н. М. Яновский. «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту» (1803–1806) [Риторика Ломоносова 2017: 25–26].

Цель настоящей статьи — пользуясь материалами словаря, сопоставить терминологию тропов и фигур в риторических трактатах Ломоносова — в «Кратком руководстве к риторике» (1744, КРР) и «Кратком руководстве к красноречию» (1748, КРК) — с терминологией, представленной в главных предшествующих восточнославянских риторических трактатах (в «Риторике» 1620 года, в «Риторике» Софрония Лихуда, переведенной с греческого Козмой Афоноиверским (1698), в «Риторике» Михаила Усачева (1699) и в «Риторической руке» Стефана Яворского, переведенной с латинского Федором Поликарповым (1705). Актуальность такого исследования обусловлена тем обстоятельством, что авторы работ, затрагивающих вопросы соотношения ломоносовской риторики с предшествующей риторической традицией [Будилович 1869: 103–111; Сухомлинов 1895; Аннушкин 2003: 197–210; Блок, Макеева 1952; Блок, Макеева, Сазонова 2011] и др., как правило, не уделяют пристального внимания терминологии тропов и фигур у ломоносовских предшественников и проблема формирования риторической терминологии Ломоносова в контексте трудов его восточнославянских предшественников относится к числу недостаточно изученных [1].

2. Система тропов и фигур в «Кратком руководстве к красноречию»

Как выглядит система тропов и фигур в итоговой ломоносовской риторике — в «Кратком руководстве к красноречию»? Ломоносов делит тропы на две группы: тропы речений (*метафора, синекдоха, метонимия, антономазия, катахресис, металепсис*) и тропы предложений (*аллегория, парафразис, эмфазис, ипербола, ирония*). На такие же две

[1] Исключением в данном аспекте можно считать лишь недавние статьи К. Н. Лемешева [Лемешев 2013; Лемешев 2014]. О концепции фигуры речи в русских риториках XVII — начала XVIII века см., в частности: [Маркасова 2002].

группы разделены фигуры: фигуры речений (*повторение, усугубление, единознаменование, восхождение, наклонение, многосоюзие, бессоюзие, согласование*) и фигуры предложений (*определение, изречение, вопрошение, ответствование, обращение, указание, заимословие, умедление, сообщение, поправление, расположение, уступление, вольность, прохождение, умолчание, сомнение, заятие, напряжение, пременение, присовокупление, желание, моление, восхищение, изображение, возвышение, восклицание*). Видно, что все термины раздела «Тропы» являются греческими заимствованиями, а все термины раздела «Фигуры» представляют собой русские по происхождению лексемы. В обеих ломоносовских «Риториках» эксплицирована связь между понятием «троп» и греческим языком. Ср. в «Кратком руководстве к риторике»: «Сим образом перемененные слова называются с *греческого* <курсив наш — *Е. М.*> языка тропы, то есть отвращения» [Ломоносов 1952: 50[2]]; в «Кратком руководстве к красноречию»: «Великолепием украшается слово чрез пренесение речений или предложений от собственного знаменования к другому, которые (пренесения) у греков называются тропами и разделяются на тропы речений и предложений» [237].

Как соотносится ломоносовская система наименований тропов и фигур с терминологическими системами предшественников? По словам Л. П. Рупосовой, для наименований специальных изобразительных средств языка «характерны отношения синонимии заимствований с соответствующими кальками; большинство калек выходит из употребления в XIX веке», а «наиболее устойчивыми ⟨…⟩ оказались интернациональные лексемы греческого происхождения» [Рупосова 1987: 13]. Исследователи уже обращали внимание на то, что «русскоязычные риторики XVII–XVIII вв. характеризуются не разветвленностью, но избыточностью терминологических обозначений — стилистической „пестротой“, смешением старых и новых слов, церковнославянизмов и лексических калек» [Богданов 2006: 77]. Такая картина действительно наблюдается во всех четырех риториках XVII века, вошедших в материал словаря «Риторика М. В. Ломоносова». Это касается как терминологии тропов, так и терминологии фигур; приведем примеры из раздела «Фигуры»: «Пременение есть егда сопротивными предлагается, яко же: недругом милостивым, другом же немилостивым уставися ⟨…⟩ потребно, чтоб еси жил, не жити, чтоб еси ел; грекове нарицают

[2] Далее ссылки на это издание оформляются сокращенно: в скобках указываются страницы.

антиметаволи и метафе́сис» [Риторика 1620, 86]; «Полисиндетон сиречь многосложное или многосоузное есть, егда мнози соузи собираются» [Лихуд, 47]; «Ексерга́сиа, выгла́живание или изъясне́ние есть, еже туюжде вещь отменнейшими сказании изъясняем: г<лаго>лы моя внуши, г<оспо>ди, разумеи звание мое, вонми гласу моления моего, псалом 7» [Усачев, 138 об.]; «Уступле́ние или мимоше́ствие: егда ритор глаголет мимо ити, или не знати, или не хотети вещати, обаче то самое глаголет» [Яворский, 360]. Отметим, что подобные «межъязыковые» терминологические дублирования (русский термин + греческий или латинский термин) характерны и для послеломоносовских риторических трактатов, в частности, они обнаруживаются в «Кратком руководстве к оратории российской» Амвросия Серебренникова (1778) и в «Общей реторике» Н. Ф. Кошанского (1829).

Уникальность «Краткого руководства к красноречию» Ломоносова состоит в том, что оно, напротив, тяготеет к отсутствию терминологической избыточности и синонимии. Полностью отсутствует «межъязыковое» дублирование: в окончательном тексте «Риторики» Ломоносов сохраняет в большинстве случае только один термин (греческого происхождения — для тропов, русский — для фигур[3]).

3. Колебания М. В. Ломоносова в выборе риторического термина

Анализ текстологических вариантов «Краткого руководства к красноречию» и текста ранней ломоносовской риторики, «Краткого руководства к риторике» (1743), показывает, что определенные колебания в выборе термина у Ломоносова были. В разделе «Тропы» терминологические колебания касаются наименования только одного тропа — гиперболы (в «Кратком руководстве к риторике», помимо термина *гипербола*, использован его русский аналог — *превышение*). Из 34 описанных в «Кратком руководстве к красноречию» фигур определенные колебания в выборе термина фиксируются в 13 случаях (см. таблицу):

[3] Для трех фигур сохраняются по два русских термина: *уступление* или *признание*, *умолчание* или *перерыв*, *моление* или *прошение* [Риторика М. В. Ломоносова 2017: 329, 357, 407].

Таблица. Колебания М. В. Ломоносова в выборе терминов фигур речи
Table. M. V. Lomonosov's Choice Oscillations
Concerning Terms of Figures of Speech

Термины в окончательном варианте «Краткого руководства к красноречию»	**Аналоги терминов в «Кратком руководстве к риторике» или в рукописи «Краткого руководства к красноречию», от которых Ломоносов в окончательном варианте «Краткого руководства к красноречию» отказался**
ипербола	гипербола (КРР), превышение (КРР)
единознаменование	соименство (рукопись КРК 1747), синонимия (рукопись КРК 1747)
восхождение	лествица (рукопись КРК 1747)
наклонение	преложение (рукопись КРК 1747)
согласование	отменение (рукопись КРК 1747)
изречение	учение (рукопись КРК 1747)
обращение	апостроф (рукопись КРК 1747)
заимословие	разговор (КРР), введение лица (?) (рукопись КРК 1747), отнесение речи (?) (рукопись КРК 1747)
умедление	одержание (КРР), удержание (КРР)
расположение	разделение (рукопись КРК 1747)
уступление или признание	позволение (?) (КРР)
вольность	позволение (рукопись КРК 1747)
умолчание или перерыв	прекращение (КРР)
моление или прошение	

С чем может быть связан отказ Ломоносова от того или иного использованного им ранее термина? Предполагаемых причин может быть несколько.

1) Выбор греческого термина вместо русского в разделе «Тропы»: *ипербола* вместо *превышение*. Выбор русского термина вместо греческого в разделе «Фигуры»: *обращение* вместо *апостроф*, *единознаменование* вместо *синонимия*.

2) Замена кальки новым термином, лучше объясняющим понятие: *единознаменование* вместо *соименство* (калька греческого *συνωνυμία*). Ср. ломоносовское определение этой фигуры: «Единознаменование есть соединение речений, то же или сродное и близкое знаменование имеющих: *Выступил, ушел, вырвался, убежал*» [260]. Возможно, по этой же причине Ломоносов заменил *удержание* (калька латинского *sustentatio*) на *умедление*, которое определяется следующим образом: «Умедление есть когда слово продолжается предложением меньших

идей и сверх того иногда оных отражением и потом предлагается самое настоящее великое дело, для того чтобы слушатели или читатели, долго ожидавши, вдруг нечаянным восхищены были» [271].

3) Тенденция к использованию в разделе «Фигуры» одной словообразовательной модели (с суффиксами -ениј-, -ниј-, -ијˇ-) — самой распространенной среди калек наименований изобразительных средств языка [Рупосова 1987: 13]. Эта модель используется Ломоносовым для наименований всех фигур, кроме одной (*вольность*)[4]. Стремясь использовать единую модель, Ломоносов мог отказаться от таких терминов, как *разговор, соименство, лествица*.

4) Стремление очистить текст «Краткого руководства к красноречию» от тавтологичности, от толкования риторических терминов с помощью однокоренных слов. Например:

> а) «Наклонение есть, когда то же речение повторяется, будучи **преложено** на другие времена или падежи» [260].
> КРК: **преложение** (зачеркнуто), наклонение
>
> б) «Согласование есть когда речение одно после другого полагается, звоном немного, а знаменованием много **отменное**» [261].
> КРК: **отменение** (зачеркнуто), согласование
>
> в) «Изречение, фигура, есть краткое и общее предложение идей, особливо до нраво**учения** надлежащих» [263].
> КРК: **учение** (в рукописи), изречение
>
> г) «Заимословие бывает когда то, что самому автору или представляемому от него лицу **говорить** должно, отдается другому лицу, живому, либо мертвому, или и бездушной вещи» [270].
> КРР: **разговор**
> КРК: **разговор** (зачеркнуто), заимословие[5].

---

[4] Также стоит отметить случай, когда у Ломоносова оставлены два терминологических обозначения одной фигуры. В этом случае термин среднего рода с соответствующим суффиксом поставлен первым: *умолчание или перерыв* [Риторика М. В. Ломоносова 2017: 357].

[5] Следует, однако, отметить, что в ряде случаев тавтологичность в определениях фигур сохраняется. Так, например, фигура *обращение* определяется через глагол *обращать*, *уступление* через глагол *уступать*, *единознаменование* через существительное *знаменование* [Риторика М. В. Ломоносова 2017: 262, 329, 176].

4. Соотношение терминов М. В. Ломоносова и терминов его предшественников

Какие данные можно извлечь при сопоставлении терминологии Ломоносова с предшествующими русскими риториками? Прежде всего, следует отметить, что цель такого сопоставления вовсе не состоит в установлении конкретных источников риторических трактатов Ломоносова. К. Н. Лемешев, сопоставлявший некоторые номинации фигур предложения в «Риторике» М. В. Ломоносова с предшествующими русскими риториками, отмечает: «Прямых свидетельств того, что Ломоносов пользовался ими <риториками — *Е. М.*> во время работы над своими трактатами нет. Не исключено, что о некоторых из этих текстов он ничего не знал. Однако их данные необходимо учитывать при изучении риторической терминологии независимо от того, являлись они источниками Ломоносова или нет. Дело в том, что все эти церковнославянские тексты являются переводными. И номинации, представленные в них, могут являться не индивидуальным переводческим решением ad hoc, но отражать определенный переводческий узус, который мог иметь относительную устойчивость и поддерживаться — в том числе в учебном процессе ⟨…⟩ Словоупотребление этих переводных текстов могло фиксировать неизвестные нам, но известные переводчикам и книжникам того времени лексические конвенции, которые могли сохранять свою актуальность — независимо от текстов, в которых они реализовывались — вплоть до середины 18 века» [Лемешев 2014: 631].

Почти все использованные в «Кратком руководстве к красноречию» термины раздела «Тропы» встречаются в риториках предшественников Ломоносова. Единственным исключением является термин *парафразис* («Представление многими речениями того, что однем или немногими изображено быть может» [252]) — во всех четырех рассмотренных риторических трактатах XVII века используется термин *перифрасис* [Риторика М. В. Ломоносова 2017: 113]. Здесь можно предполагать обращение Ломоносова к античной риторической традиции — термин *paraphrasis* встречается, например, у Квинтилиана [Риторика Ломоносова 2017: 115]. Еще один пример освоения античной традиции (в этом случае греческой) — это термин *синекдох**е***, использованный Ломоносовым в КРР (ср. греч. *συνεκδοχ**ή***). Во второй «Риторике» Ломоносов уже использует вариант этого слова, соответствующий морфологической системе русского языка (*синекдоха*) [Риторика М. В. Ломоносова 2017: 60–61].

Ломоносовские термины раздела «Фигуры» могут по-разному соотноситься с терминами предшественников.

1) Терминология Ломоносова совпадает с одним или с несколькими предшествующими риторическими трактатами:

повторение (КРК), ср. *повторение* (Риторика 1620, Лихуд, Усачев, Яворский)

усугубление (КРК), ср. *усугубление* (Лихуд, Усачев, Яворский)

обращение (КРК), ср. *обращение* (Яворский)

сообщение (КРК), ср. *сообщение* (Лихуд)

расположение (КРК), ср. *расположение* (Усачев)

уступление или *признание* (КРК), ср. *уступление* (Яворский)

умолчание или *перерыв* (КРК), ср. умолчание (Лихуд, Яворский)

сомнение (КРК), ср. *сомнение* (Яворский)

пременение (КРК), ср. *пременение* (Риторика 1620, Яворский)

желание (КРК), ср. *желание* (Усачев)

моление или *прошение* (КРК), ср. *моление* (Лихуд), *умилное прошение* (Усачев)

изображение (КРК), ср. *изображение* (Лихуд, Яворский)

восклицание (КРК), ср. *восклицание* (Лихуд)

2) Терминология Ломоносова не совпадает с рассмотренными предшествующими риторическими трактатами: *бессоюзие, согласование, изречение, присовокупление, вольность, напряжение, возвышение.* Каков статус этих слов? 5 из 7 лексем зафиксированы в Сл. РЯ XI–XVII вв. в нетерминологических значениях: *изречение* ‘приговор; постановление, решение’ [Сл. РЯ XI–XVII 6, 204]; *присовокупление* ‘присоединение, соединение’ [Сл. РЯ XI–XVII 20, 23]; *вольность* ‘1. желание, охота; 2. неограниченная власть; 3. свобода, отсутствие ограничений’ [Сл. РЯ XI–XVII 3, 17]; *напряжение* ‘действие по глаголу напрящи, напрящися ⟨…⟩ приготовиться, сосредоточиться, напрячь силы’ [Сл. РЯ XI–XVII 10, 200–201]; *возвышение* ‘действие по глаголу возвысити, возвышати ⟨…⟩ возвеличить, поставить выше других’ [Сл. РЯ XI–XVII 2, 277]. В картотеке Сл. РЯ XVIII века ИЛИ РАН зафиксирован один пример употребления слова *согласование* в доломоносовское время: «Для доказательства их от луннаго движения происходящих действий ссылаются они не токмо на свидетельство физиков и медиков, но и на согласование деревенских и пахотных людей, которые безчисленное

множество примеров о том объявить могут» (О силе от звезд происходящей // Примеч. на Вед. 1735. Ч. 33. С. 123) [Картотека Сл. РЯ XVIII]. Видно, что Ломоносов использует для риторической терминологии уже существующие русские слова, которые ранее, во всей вероятности, терминологического значения не имели. Только одна лексема (*бессоюзие*) может быть отнесена к числу вероятных новаций Ломоносова: Сл. РЯ XVIII в. иллюстрирует этот термин примером из «Краткого руководства к красноречию» Ломоносова и со знаком вхождения в употребление [Сл. РЯ XVIII 2, 10]. Вероятно, Ломоносов сконструировал этот термин по аналогии с *многосоюзием* (термин *многосоузное* уже использовался в «Риторике» Софрония Лихуда).

3) Окончательный ломоносовский термин не совпадает с терминами предшественников, однако «промежуточный» аналог, от которого Ломоносов отказался, с ними совпадает или является их словообразовательной вариацией (лексемой сходной морфемной структуры):

лествица (КРК) → *восхождение* (КРК), ср. *лествица* (Риторика 1620, Яворский);

преложение (КРК) → *наклонение* (КРК), ср. *приложение* (Лихуд), *предложение* (Усачев)

разговор (КРР, КРК) → *заимословие* (КРК), ср. *разговорение* (Риторика 1620)

одержание, удержание (КРР) → *умедление* (КРК), ср. *задержание, нижа* (Яворский)

оставление (КРР) → *прохождение* (КРК), ср. *оставление* (Усачев)

4) Окончательный ломоносовский термин буквально не совпадает с терминами предшественников, однако является их словообразовательной вариацией (лексемой сходной морфемной структуры):

тожде знамение (Усачев) → *однознаменовательные слова* (КРР) → *единознаменование* (КРК)

многосоузное (Лихуд) → *многосоюзие* (КРК)

отвещание (Яворский) → *ответствование* (КРК)

исправление (Риторика 1620, Усачев, Яворский), *исправение* (Лихуд) → *поправление* (КРК)

объятие, приятие (Риторика 1620) → *заятие* (КРР, КРК)

5. Итоги

Статистика точных совпадений терминологии Ломоносова с наименованиями фигур у предшественников такова: с «Риторикой» 1620 — 7, с Лихудом — 11, с Усачевым — 9, с Яворским — 11; при учете словообразовательных вариаций: с «Риторикой» 1620 — 11, с Лихудом — 17, с Усачевым — 18, с Яворским — 17. Таким образом, однозначно ответить на вопрос о том, кто из авторов восточнославянских риторик XVII века повлиял на формирование риторической терминологии М. В. Ломоносова, невозможно, но, как было указано выше, решение этого вопроса и не входило в задачи настоящей статьи. Наш материал, однако, показывает, что М. В. Ломоносов, создавая в «Кратком руководстве к красноречию» свою ясную и лаконичную риторическую терминологическую систему, лишенную терминологической избыточности, творчески использует и перерабатывает восточнославянское риторическое наследие. При этом он не руководствуется неким единым принципом работы с терминологией предшественников: в одних случаях он «заимствует» уже существующий термин, в других — изобретает свой, в третьих — варьирует имеющийся, в четвертых — сначала использует существующий термин, но впоследствии, редактируя свой текст, отказывается от него в пользу оригинального термина. Анализ нашего материала также показывает, что к середине XVIII века в русской риторической традиции терминология тропов уже была устоявшейся, в отличие от терминологии фигур. Ломоносов пытается создать терминосистему фигур с опорой на русскую терминологию[6]. Большинство предложенных им наименований фигур использовались еще в первой половине

[6] Любопытной параллелью к этому может служить последовательная и целенаправленная замена Ломоносовым слов иностранного происхождения русскими в имевшемся у него списке с печатного издания «Рассуждения» П. П. Шафирова о начале войны со Швецией. См. многочисленные примеры такой правки: [Библиотека Ломоносова 2010: 56–63 (№ 2)]. Интерпретируя лингвистические предпочтения Ломоносова, Р. Лахманн писала: «Ломоносов добился того, что латинский был вытеснен русским: как в обеих версиях его „Риторики“, так и в его грамматике и стилистике. Этот отказ от латыни можно, с одной стороны, оценивать как продолжение начавшейся в Европе замены латыни в некоторых ее функциях соответствующим национальным языком. С другой стороны, его можно отнести к контексту ⟨…⟩ все еще сохранившей злободневность оппозиции „своего“ и „чужого“» [Лахманн 2001: 157].

XIX века (как показывают материалы словаря «Риторика М. В. Ломоносова», они представлены в «Общей реторике» Н. Ф. Кошанского 1829 г.), однако впоследствии вышли из употребления.

В заключение отметим, что представленное в настоящей статье исследование освещает только одну сторону проблемы формирования риторической терминологии М. В. Ломоносова. Очевидно, что на ломоносовскую терминологическую риторическую систему, помимо рассмотренных восточнославянских риторик XVII века, могла влиять терминология европейских трудов по риторике, в частности, трактатов Н. Коссена, Ф. А. Помея и И. К. Готтшеда, которые, как известно, М. В. Ломоносов внимательно изучал и которые были в его библиотеке [Блок, Макеева, Сазонова 2011: 672; Коровин 1961: 306 (№ 2), 351–353 (№ 14), 359 (№ 30), 361–362 (№ 37)][7]. Материалы словаря «Риторика М. В. Ломоносова» позволяют увидеть, как соотносилась терминология тропов и фигур у Ломоносова и у его западноевропейских и античных предшественников. Анализ этого соотношения, дополняющий сделанные в настоящей статье выводы, мог бы стать предметом отдельного исследования.

Литература

Аннушкин 2003 — В. И. Аннушкин. Русская риторика: исторический аспект. М.: Высшая школа, 2003.

Библиотека Ломоносова 2010 — Библиотека М. В. Ломоносова. Научное описание рукописей и печатных книг / отв. ред. И. П. Беляева, сост. А. Е. Карначёв, И. Н. Лебедева, С. Хаву. М.: Ломоносовъ, 2010.

Блок, Макеева 1952 — Г. П. Блок, В. Н. Макеева. [Примечания к «Краткому руководству к риторике» и к «Краткому руководству к красноречию»] // М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 7: Труды по филологии, 1739–1758 гг. М.; Л.: Наука, 1952. С. 790–800, 805–838.

[7] Особенно любопытен в контексте обсуждаемой проблемы находившийся в библиотеке М. В. Ломоносова экземпляр издания риторического трактата Н. Коссена «De eloquentia sacra et humana libri XVI» (Кельн, 1626). Этот экземпляр содержит многочисленные пометы Ломоносова [Коровин 1961: 352 (№ 14); Библиотека Ломоносова 2010: 109–112 (№ 16)], причем в отношении фигур речи Ломоносов специально отмечает в приписке, что фигуры «разбираются им <т. е. Коссеном> с эрудицией редкостной и доставляют наслаждение» [Библиотека Ломоносова 2010: 111–112]. Кроме того, в книжном собрании Ломоносова находился экземпляр латинского издания А. Риккобони (Ганновер, 1606), содержащего пересказ «Риторики» Аристотеля [Библиотека Ломоносова 2010: 100 (№ 10)].

Блок, Макеева, Сазонова 2011 — Г. П. Блок, В. Н. Макеева, Л. И. Сазонова. [Примечания к «Краткому руководству к риторике» и к «Краткому руководству к красноречию»] // М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 7: Труды по филологии, 1739–1758 гг. М.; СПб.: Наука, 2011. С. 645–658, 662–718.

Богданов 2006 — К. А. Богданов. О крокодилах в России: Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Будилович 1869 — А. С. Будилович. М. В. Ломоносов как натуралист и филолог. СПб.: Печатня В. Головина, 1869.

Вомперский 1998 — В. П. Вомперский. Риторики в России XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1988.

Коровин 1961 — Г. М. Коровин. Библиотека Ломоносова: Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки: К 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова, 1711–1961. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.

Лахманн 2001 — Р. Лахманн. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического / перевод с немецкого Е. Аккерман и Ф. Полякова. СПб.: Академический проект, 2001.

Лемешев 2013 — К. Н. Лемешев. Фигуры повторения и усугубления в «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2013. Т. IX. Ч. 2. С. 367–375.

Лемешев 2014 — К. Н. Лемешев. Наименования фигур предложения в Риторике М. В. Ломоносова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2014. Т. X. Ч. 1. С. 629–663.

Маркасова 2002 — Е. В. Маркасова. Представления о фигурах речи в русских риториках XVII–XVIII века. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 2002.

Риторика Ломоносова 2017 — Риторика М. В. Ломоносова / П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, А. А. Ветушко-Калевич, Н. В. Карева, К. Н. Лемешев, Е. М. Матвеев, К. М. Номоконова, А. Н. Семихина, А. С. Смирнова, К. Ю. Тверьянович, А. К. Филиппов, М. Г. Шарихина / науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Нестор-История, 2017.

Рупосова 1987 — Л. П. Рупосова. Формирование терминологии гуманитарных наук в русском литературном языке. М.: Московский обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской, 1987.

Сухомлинов 1895 — М. И. Сухомлинов. Объяснительные примечания, варианты и приложения // Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова. Т. 3. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1895. С. 1–567 (втор. паг.).

Источники

Лихуд — Софроний Лихуд. Риторика / пер. Козмы Афоноиверского // М. Г. Мамонтова. «Риторика» Софрония Лихуда: история текста, содержание, терминология,

стиль. Дисс. … канд. филол. наук, М.: Гос. ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 2013. Приложение. С. 6–182 (2 паг.).

Ломоносов 1952 — М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Наука, 1952.

Риторика 1620 — «Риторика» 1620 г. // В. И. Аннушкин. Первая русская «Риторика» XVII века: Текст. Перевод. Исследование. М.: Добросвет, ЧеРо, 1999. С. 15–94.

Сл. РЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30–. М.: Наука, 1975–2015–.

Сл. РЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л.: Наука, 1984–1991. Вып. 7–22–. СПб.: Наука, 1992–2019–.

Усачев — М. Усачев. Риторика (1699 г.). Рукопись ГИМ, собрание П. И. Щукина, № 803.

Яворский — Стефан Яворский. Риторическая рука (перевод Федора Поликарпова, 1705) // В. И. Аннушкин. Русская риторика: исторический аспект. М.: Высшая школа, 2003. С. 348–367.

References

Annushkin 2003 — V. I. Annushkin. Russkaya ritorika: istoricheskiy aspect [Russian rhetoric: historical aspect]. Moscow: Vysshaya shkola, 2003.

Biblioteka Lomonosova 2010 — I. P. Belyaeva (ed.), A. E. Karnachev, I. N. Lebedeva, S. Havu. Biblioteka M. V. Lomonosova. Nauchnoe opisanie rukopisey i pechatnyh knig [Library of M. V. Lomonosov. Scientific Description of Manuscripts and Printed Books]. Moscow: Lomonosov, 2010.

Blok, Makeeva 1952 — G. P. Blok, V. N. Makeeva. Primechaniya [Notes]. M. V. Lomonosov. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. In 11 vol. Vol. 7: Proceedings in Philology, 1739–1758. Moscow; Leningrad: Nauka, 1952. P. 790–800, 805–838.

Blok, Makeeva, Sazonova 2011 — G. P. Blok, V. N. Makeeva, L. I. Sazonova. Primechaniya [Notes]. M. V. Lomonosov. *Polnoe sobranie sochineniy.* In 10 vol. Vol. 7: Proceedings in Philology, 1739–1758. Moscow; St. Petersburg: Nauka, 2011. P. 645–658, 662–718.

Bogdanov 2006 — K. A. Bogdanov. O krokodilakh v Rossii: Ocherki iz istorii zaimstvovaniy i ekzotizmov [On Crocodiles in Russia: Essays from the History of Borrowing and Exotisms]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006.

Budilovich 1869 — A. S. Budilovich. M. V. Lomonosov kak naturalist i filolog [M. V. Lomonosov as a naturalist and philologist]. St. Petersburg: Pechatnya V. Golovina, 1869.

Vompersky 1998 — V. P. Vompersky. Ritoriki v Rossii XVII–XVIII vv. [Rhetorics in XVII–XVIIIth century Russia]. Moscow: Nauka, 1988.

Korovin 1961 — G. M. Korovin. Biblioteka Lomonosova: Materialy dlya kharakteristiki literatury, ispolzovannoy Lomonosovym v ego trudakh, i catalog ego lichnoy biblioteki: k 250-letiyu so dnya rozhdeniya M. V. Lomonosova, 1711–1961

[Lomonosov Library: Materials for the characterization of the literature used by Lomonosov in his works and a catalog of his personal library: On the 250th anniversary of the birth of M. V. Lomonosov, 1711–1961]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publishing House, 1961.

Lachmann 2001 — R. Lachmann. Demontazh krasnorechiya. Riporicheskaya traditsiya i ponyatie poeticheskogo [Dismantling of eloquence. Rhetorical tradition and the concept of poetic]. E. Akkerman, F. Polyakova (trans.). St. Petersburg: Akademicheskiy proekt, 2001.

Lemeshev 2013 — K. N. Lemeshev. Figury povtoreniya i usugubleniya v "Kratkom rukovodstve k krasnorechiyu" M. V. Lomonosova [Figures *povtoreniye* and *usugubleniye* in the "Quick Guide to Eloquence" by M. V. Lomonosov. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2013. Vol. IX. Pt. 2. P. 367–375.

Lemeshev 2014 — K. N. Lemeshev. Naimenovaniya figure predlozheniya v Ritorike M. V. Lomonosova [Names of the sentence figures in the Rhetoric of M. V. Lomonosov]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2014. Vol. X. Pt. 1. P. 629–663.

Markasova 2002 — E. V. Markasova. Predstavleniya o figurah rechi v russkih ritorikakh XVII – nachala XVIII veka [Representations of the figures of speech in Russian rhetorics of the 17th – early 18th centuries]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publishing House, 2002.

Rhetoric of Lomonosov 2017 — P. E. Bukharkin, S. S. Volkov, A. A. Vetushko-Kalevich, N. V. Kareva, K. N. Lemeshev, E. M. Matveev, K. M. Nomokonova, A. N. Semikhina, A. S. Smirnov, K. Yu. Tveryanovich, A. K. Filippov, M. G. Sharikhina. Ritorika M. V. Lomonosova [Rhetoric of M. V. Lomonosov]. P. E. Bukharkin, S. S. Volkov, E. M. Matveev (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017.

Ruposova 1987 — L. P. Ruposova. Formirovaniye terminologii gumanitarnykh nauk v russkom literaturnom yazyke [Formation of the terminology of the humanities in the Russian literary language]. Moscow: Moscow Region State University Press, 1987.

Sukhomlinov 1895 — M. I. Sukhomlinov. Obyasnitelnye primechaniya, varianty i prilozheniya [Explanatory notes, options and applications]. *Sochineniya M. V. Lomonosova s obyasnitelny mi primechaniyami akademika M. I. Sukhomlinova*. [Works by M. V. Lomonosov with explanatory notes by academician M. I. Sukhomlinov]. Vol. 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publishing House, 1895. P. 1–567 (second pagination).

Sources

Lihud — Sofroniy Likhud. Ritorika [Rhetoric]. Kozma Afonoiverskiy (trans.). M. G. Mamontova. *"Ritorika" Sofroniya Likhuda: istoriya teksta, soderzhanie, terminologiya, stil'* ["Rhetoric" by Sofroniy Likhud: text history, content, terminology, style / Phil. cand. diss. Moscow: State Institute of the Russian Language named after A. S. Pushkin, 2013. Appendix. P. 6–182 (second pagination).

Lomonosov 1952 — M. V. Lomonosov. Polnoe sobranie sochineniy [Complete works]. In 11 vol. Vol. 7: Proceedings in Philology, 1739–1758. Moscow; Leningrad: Nauka, 1952.

Rhetoric of 1620 — “Ritorika” 1620 goda [“Rhetoric” of 1620]. V. I. Annushkin. *Pervaya russkaya “Ritorika” XVII veka: Tekst. Perevod. Issledovaniye* [The First Russian “Rhetoric” of the 17th Century: Text. Translation. Study]. Moscow: Dobrosvet, CheRo, 1999. P. 15–94.

Sl. RYa XI–XVII — Slovar russkigo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the XI–XVIIth centuries]. Vol. 1–30–. Moscow: Nauka, 1975–2015–.

Sl. RYa XVIII — Slovar russkigo yazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian language of the XVIIIth century]. Vol. 1–6. Leningrad: Nauka, 1984–1991. Vol. 7–22–. St. Petersburg: Nauka, 1992–2019–.

Usachev — M. Usachev. Ritorika [Rhetoric] (1699). Manuscript of State Historical Museum, Collection of P. I. Schukin. No. 803.

Yavorsky — Stefan Yavorsky. Ritoricheskaya ruka [Rhetorical hand]. T. Polikarpov (transl.). V. I. Annushkin. *Russkaya ritorika: istoricheskiy aspect* [Russian rhetoric: historical aspect]. Moscow: Vysshaya shkola, 2003. P. 348–367.

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 582–607
DOI 10.30842/alp2306573716221

Реализация переднеязычного щелевого /s/ в эвенкийском и орочонском языках

О. Н. Морозова
Амурский государственный университет, Благовещенск;
morozova_olga06@mail.ru

Н. Я. Булатова
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург;
bulatovany@gmail.com

С. В. Андросова
Амурский государственный университет, Благовещенск;
androsova_s@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме реализации акустических параметров переднеязычного щелевого /s/ на материале эвенкийского и орочонского языков. Результаты акустического эксперимента показали признаки шеканья в речи норских селемджинских эвенков, которые распространяются, главным образом, на позицию перед заднерядными гласными высокого подъема. В остальных случаях реализуется плоскощелевой аллофон фонемы /s/, что и создает общий эффект шепелявости. В речи других эвенков шеканья не обнаружено, но признаки плоскощелинности присутствуют. В орочонском материале реализации в препозиции к непереднерядным гласным носили преимущественно плоскощелевой характер, а в препозиции к переднерядным — круглощелевой у дикторов-женщин и плоскощелевой — у диктора-мужчины. Шеканье встретилось только в речи диктора-мужчины в виде свободного варьирования. Свободное варьирование у орочонов также предполагало звонкие реализации.

Ключевые слова: эвенкийский язык, орочонский язык, фрикативные согласные, плоскощелевые аллофоны, круглощелевые аллофоны, свободное варьирование

Realization of front fricative /s/ in the Evenki and Oroqen languages

O. N. Morozova
Amur State University, Blagoveshchensk; morozova_olga06@mail.ru

N. Ya. Bulatova
Institute for Linguistic Studies Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; bulatovany@gmail.com

S. V. Androsova
Amur State University, Blagoveshchensk; androsova_s@mail.ru

Abstract. Though the grouping of Evenki dialects depending on the *s~h~ʃ* correspondence is well known in Tungus studies, the phonological status of the three components remains ambiguous; they are defined as allophones of the same phoneme or as different phonemes. The Selemdzha local accent of Evenki is described as demonstrating the /s/-pattern word-initially, word-finally, and in word-internal consonant clusters, while the /h/-pattern is found in intervocalic positions. The accent of the Oroqen Autonomous Banner, described as the standard by Chinese researchers, has evolutionized by losing /ʃ/, now replaced by either /s/ or /ɕ/ depending on the subsequent vowel.

This article focuses on the acoustic features of the fricative /s/ in Evenki and Oroqen in the accents mentioned. We used Praat for acoustic measurements of sound duration and intensity, as well as to analyze the location of friction on the frequency scale. Our acoustic study revealed evidence of /ʃ/ replacing /s/ in the speech of Norsk Selemdzha Evenks — mostly before back closed vowels. In other cases, the dental lisping allophone of the phoneme /s/ was detected. In the speech of other Evenks, particularly of the Ivanovskoye Selemdzha Evenki, no /ʃ/-pattern was found, with only the lisping /s/-pattern used instead. The emerging /ʃ/-pattern in the Eastern dialect group can be attributed to migration processes that have rendered the boundaries of the Southern, Northern, and Eastern groups more transparent. In our Oroqen material, the lisping /s/ was characteristic of male subjects. Female subjects pronounced the lisping /s/ mostly before back and central vowels, and the hissing /s/, before front vowels. In male speech, /ʃ/ occurred rarely and as free variation. Our study also showed that intervocalic allophones in Oroqen demonstrated voicing by consistent F0 presence resulting in the [sʲ]-[ɕ]-[z] variation pattern.

Keywords: Evenki language, Oroqen language, fricative consonants, /s/-pattern, /ʃ/-pattern, lisping allophones, hissing allophones, free variation.

1. Введение

Несколько последних десятилетий ознаменовались повышенным интересом тунгусоведов к объективным артикуляционным и акустическим характеристикам фонологических единиц сегментного и супрасегментного уровней в исчезающих языках тунгусо-манчьжурской

языковой семьи. Артикуляционным особенностям эвенкийских согласных по данным рентгенографирования и МР-томографирования была посвящена работа И. Я. Селютиной и соавторов [Селютина и др. 2014], орочонским гласным и согласным говора Малого Хингана — работа Ю. П. Иванашко и соавторов [Иванашко и др. 2018]. Акустическими коррелятами ударения в эвенкийском языке занималась Т. Е. Андреева [Андреева 2001], акустическими характеристиками гласных полигусовского говора эвенкийского языка — Г. В. Гулимова [Гулимова 1982], баунтовского говора — М. Д. Симонов [Симонов 1976]. Однако таких работ по-прежнему сравнительно немного, если начинать отсчет от самого первого экспериментального артикуляционного исследования М. И. Матусевич [Матусевич 1960], а соответствие *s~h~ʃ* в центр внимания ученых в акустическом ракурсе не попадало, что и побудило нас к проведению настоящего исследования.

В среде тунгусоведов широко известно разделение на так называемые «секающие / шекающие» диалекты (южное наречие), «хакающие» диалекты (северное наречие), «секающе-хакающие» диалекты (восточное наречие) (см., напр., [Василевич 1958: 644]). В ходе сопоставления этих диалектов и входящих в них говоров в фонологии эвенкийского языка было выделено соответствие *s~h~ʃ*. **Объектом** настоящего исследования являются элементы данного соответствия в эвенкийском и орочонском языках. Наша **гипотеза** состоит в следующем. Во-первых, соответствие *s~h~ʃ* в разных говорах эвенкийского языка является соответствием не аллофонов как комбинаторно-позиционных вариантов одной фонемы, а самостоятельных фонем, находящихся в отношениях вариантности в разных говорах. Во-вторых, в данной точке пересечения систем согласных разных эвенкийских говоров границы между указанными наречиями нельзя назвать непроницаемыми в силу причин миграционного характера. В результате, элементы южного «шеканья» появились в речи одного из родов амурских эвенков. В-третьих, в речи одних и тех же эвенков можно встретить признаки свободного варьирования, причиной которого могут быть миграционные процессы и компактное проживание представителей разных родов — носителей разных говоров, не все из которых принадлежат одному наречию. В-четвертых, под влиянием доминирующего русского языка у эвенков Амурской области исконный плоскощелевой уклад практически полностью заменился на круглощелевой, но у возрастных эвенков плоскощелевой уклад еще сохранен. Наконец, у жителей Орочонского автономного хошуна (Внутренняя Монголия, КНР) соответствие *s~ɕ*

является соответствием комбинаторных аллофонов одной фонемы /s/, а в разных орочонских говорах на территории КНР соответствие *s~h* является соответствием фонем, находящихся в отношениях вариантности. Шеканье, подразумевающее наличие фонемы /ʃ/ или аллофона [ʃ], в орочонском языке отсутствует.

2. Теоретические основы исследования

2.1. Ключевые понятия

При рассмотрении обозначенного объекта исследования краеугольным камнем наших теоретических построений являются понятия вариативности, вариантности и свободного варьирования, системы и нормы. Кроме того, для эвенкийского и орочонского языков важны понятия наречия, диалектной группы, диалекта и говора.

Прежде всего, мы четко разграничиваем понятия вариативности и вариантности вслед за идеей Л. А. Вербицкой, выраженной ею в работе 1996 года [Вербицкая 1996], и не употребляем их как синонимичные. Под *вариативностью* мы будем понимать исключительно аллофонное варьирование — представленность фонемы теми или иными аллофонами в тех или иных комбинаторно-позиционных условиях, например, *хӯг* [huːk] ‘хищник’, *ахӣ* [aʕiː] ‘женщина’ (эвенк.), в данных примерах фарингальная фонема /h/ реализуется в анлауте аллофоном [h], в интервокальной позиции — аллофоном [ʕ] соответственно. Под *вариантностью* нами понимается представленность одной и той же языковой единицы несколькими вариантами, например, *иргичӣ*, *долбохик* ‘волк’ (эвенк.). В широком смысле вариантность — это представленность языка различными территориальными вариантами, диалектами, социолектами и т. п. [Караваева, Андросова 2017: 94]

К *свободному варьированию* в лингвистике обращаются довольно часто и в разных контекстах. Точки зрения разных ученых на сущность свободного варьирования не совпадают. Отметим два противоположных мнения. Первое состоит в том, что свободное варьирование возможно только среди аллофонов одной фонемы, например, фонетически слово *сэ̄п* ‘карман’ (эвенк.) может быть реализовано в вариантах [sɜːpʰ] и [sɜːp̚] соответственно [Кодзасов, Кривнова 2001: 333]; второе допускает использование одних фонем вместо других, например,

например, *авдӯн*, *абдӯн* ‘берлога’ (эвенк.) [McGregor 2009: 128; Yavaş 2016: 47]. Мы разделяем вторую точку зрения.

Понятия вариативности и вариантности напрямую связаны с понятиями *системы и нормы*, относительно которых тоже имеются разногласия. Не вдаваясь в излишние прения, отметим, что мы полностью разделяем мнения Э. Косериу и В. В. Наумова [Косериу 2010: 136; Наумов 2010: 20] о том, что система шире нормы и представляет собой совокупность возможностей, которые не реализованы полностью (как система химических элементов, созданная Д. И. Менделеевым); в свою очередь норма выступает как совокупность обязательных реализаций, принятых в данном языковом обществе. Мы не разделяем узкое понимание нормы как кодификации (см. об этом работы Р. И. Аванесова, Л. А. Вербицкой, Л. П. Крысина [Аванесов 1984 ; Вербицкая 1996 ; Крысин 2007]) и рассматриваем ее как общеязыковую категорию. Это означает, что норма свойственна литературному языку (если таковой имеется), диалектам, говорам, разным формам и стилям речи и может быть как некодифицированной (по разным причинам [1]), так и кодифицированной. При такой трактовке понятие узуса избыточно и в данной работе употребляться не будет. Норму и кодификацию можно иначе определить как дескриптивную (объективно существующую и не всегда кодифицированную) норму и прескриптивную норму соответственно.

Завершая данный теоретический параграф, определим понятия наречия, диалектной группы, диалекта и говора. При описании эвенкийского языка под наречием, вслед за Н. Я. Булатовой [Булатова 1987: 6], мы понимаем группу диалектов, объединенных общими фонологическими признаками, отличающими их от других групп диалектов. Отсюда следует, что понятия «наречие» и «диалектная группа» будут синонимичными. Понятие диалекта вполне традиционно. Внутри него выделяются локальные разновидности, которые эвенковеды называют говорами [Булатова 1987].

---

[1] Это могут быть неучтенные общеупотребительные явления связной речи, поскольку, например, стыки слов практически не попадают в словарь, отражающий орфоэпические и орфофонические особенности в основном отдельных слов; предпочтения создателей словарей тех или иных произносительных вариантов, не обязательно являющихся общеупотребительными; технические сложности создания произносительного словаря; недостаток или даже отсутствие информации для создания произносительного словаря и т. п.

Если иерархическая структура языковых образований внутри эвенкийского языка — не без изъянов, но все же достаточно четко — проработана, то об орочонском языке такого сказать никак нельзя. Ввиду нехватки информации по говорам, структура остается неясной. Ученым известно о наличии трех диалектов — Орочонского автономного хошуна, Большого Хингана и Малого Хингана [Han Youfeng, Meng Shuxian 2014], — которые, вероятно, представлены определенными говорами, локализованными внутри деревень, расположенных на указанных территориях. Фонетические особенности этих говоров нельзя назвать изученными. Также неясно, объединяются ли диалекты в более крупные группы — наречия.

Дисперсное проживание, изолированность друг от друга, отсутствие коммуникации в силу удаленности приводит, во-первых, к невозможности существования единой дескриптивной нормы при навязанной единой прескриптивной норме (кодификации). Во-вторых, эта же причина имеет следствием разницу фонологических систем. Это вполне допустимо для территориальных вариантов и диалектов одного и того же языка. Так и эвенкийские, и орочонские говоры имеют свои самостоятельные системы фонем и модели их реализации, в той или иной степени соприкасающиеся у разных говоров. Именно отталкиваясь от этого положения, следует рассматривать консонантизм и вокализм того или иного говора, и именно поэтому далеко не всегда можно описывать разницу между говорами в терминах аллофонного варьирования.

Перейдем к *объекту* исследования. Первое, что обращает на себя внимание в объекте нашего исследования, это терминологическая неопределенность. Один из бытующих терминов — это нейтральный термин «соответствие». Речь идет о соответствии s || h || ʃ (см. у В. И. Цинциус на кириллице «с || h || ш» [Цинциус 1949: 190–191]). При этом не вполне понятно, является ли это соответствием трех фонем или трех аллофонов фонемы /s/. На указанных страницах В. И. Цинциус говорит то о разных вариантах щелевого согласного /s/ при реализации (т. е. об аллофонах), то о разных фонемах (вариант *ш* как фонема в эвенкийском и эвенском языках; фонемы *с* и *ш* в маньчжурском языке, фигурирующие в одинаковых фонетических условиях).

М. И. Матусевич говорит о расщеплении одной фонемы /s/, которая существует в литературном эвенкийском языке, на две тесно связанные друг с другом фонемы — /s/ и /h/.

По мнению Е. Ф. Афанасьевой [Афанасьева 2010], [s], [ʃ], [h] относятся друг к другу как аллофоны одной фонемы (известный эвенковед,

скорее всего, определяет фонему через фонологическую систему полигусовского говора, принятого в качестве литературной нормы).

Границы между наречиями, диалектами и говорами в некоторых точках системы и ее реализации нельзя назвать непроницаемыми в силу ряда причин — прежде всего, миграционного характера. Один из примеров — граница между южными и восточными эвенками. Токминско-верхоленский диалект (иркутские эвенки), который примыкает к «шекающей» группе южного наречия, имеет особенности, которые можно найти в зейских и хинганских говорах, принадлежащих к восточному наречию, о чем в свое время писала Г. М. Василевич [Василевич 1958: 645].

2.2. Селемджинский говор эвенкийского языка

Селемджинский говор эвенкийского языка относится к восточному наречию, состоящему из секающе-хакающих диалектов, и входит в состав урмийско-буреинско-селемджинского диалекта [Булатова 1987]. Это определяет особенности дистрибуции соответствующих фонем.

Фонема /s/ употребляется в восточном наречии в следующих позициях: в начале и конце слова, в консонантных кластерах в середине слова, а именно, перед глухими и сонорными, а также после глухих и звонких [Андреева 1988: 97]. В словах эвенкийского происхождения селемджинские эвенки фонему /s/ в интервокальной позиции (между гласными) не реализуют; вместо нее в данной позиции реализуется фарингальная /h/ [Булатова et al. 2017: 8]. Однако в селемджинском говоре имеются слова, где фонема /s/ употребляется в интервокальной позиции. Это, главным образом, русские заимствования типа *болни**с**а* ‘больница’, *ка**с**има* ‘кошма, облук, ящик для ног (на передке оленьих нарт)’.

М. И. Матусевич в своем исследовании палатограмм на материале ербогачёнского говора эвенкийского языка зафиксировала «шепелявый» переднеязычный щелевой апикальный глухой согласный /s/, который произносится с плоской щелью. По ее мнению, его транскрибировать следовало бы знаком [θ]. По данным фонетиста, на палатограммах ербогочёнских эвенков, где были представлены рисунки /s/, видно, что язык касается нёба только по краям боковых зубов, доходя до вторых резцов и оставляя посередине широкую щель. Такая форма щели, по ее мнению, дает акустически шумный щелевой, производящий впечатление сильно шепелявого /s/. Кроме того, эвенкийский согласный /s/ был

также исследован М. И. Матусевич на кимограммах, рисунки кривых которых показали, что /s/ образуется очень широкой щелью и отличается очень слабой воздушностью, т. е. слабой силой выдоха воздушной струи [Матусевич 1960: 151–152].

В артикуляторных исследованиях Т. Е. Андреевой щель согласного /s/ в речи эвенков томмотского говора эвенкийского языка уже слабокруглая, не плоская (в отличие от эксперимента М. И. Матусевич), а почти плоская [Андреева, 1988: 59; Матусевич 1960: 151–152]. У одного диктора встретилась при произнесении анализируемого согласного /s/ круглая (как в русском языке) щель. Артикуляционный уклад /s/ также отличается от того, что выявлено в ходе исследований М. И. Матусевич: он уже не апикальный, а дорсальный[2], причем фокус, как правило, со стороны активного органа (передней части спинки языка) несколько отодвинут назад от его кончика. Пассивным органом при этом является гребень альвеол. На слух, как отмечает Т. Е. Андреева, аллофоны фонемы /s/ воспринимаются как свистящие с различной степенью шепелявости, но не очень большой [Андреева, 1988: 59]. Конфигурация щели фонемы /s/, по исследованиям Т. Е. Андреевой, в последовательности «согласный+гласный» под влиянием комбинаторики изменяется. Перед гласными /i/ и /u/ щель у фонемы /s/ относительно плоская, перед гласными /a/ и /a:/ имеется тенденция к образованию более круглой щели. В позиции после согласного щель фонемы /s/, по данным Т. Е. Андреевой, в речи одних дикторов слабокруглая, у других дикторов — почти плоская [Андреева 1988: 61].

По-видимому, данные Т. Е. Андреевой показывают разную степень для фонемы /s/ по признаку глухости-звонкости. Оттенки фонемы /s/ в позициях после гласных в начале слова и после согласных в середине слова полностью глухие. В финально-поствокальных позициях оттенки фонемы /s/ двухкомпонентные, состоящие из звонкой щелевой инициали и глухой щелевой финали, но встречаются и полностью глухие аллофоны. Относительная длительность звонких инициалей двухкомпонентных реализаций фонемы /s/ в определенных

[2] Современные экспериментально-фонетические исследования артикуляции селемджинского консонантизма эвенкийского языка методом МРТ показывают только дорсальный тип настройки переднеязычных согласных, к которым относится шумный /s/. Кончиковых апикальных согласных, регистрируемых в первой половине XX в. М. И. Матусевич [Матусевич 1960], в настоящее время в селемджинском эвенкийском не зафиксировано [Селютина и др. 2014: 190].

позициях по данным Т. Е. Андреевой, может быть значительной, варьируя от 6,6 % до 44,5 % общей длительности оттенков перед согласным в середине слова и от 18,9 % до 60,4 % общей длительности оттенков в позиции абсолютного конца слова [Андреева 1988: 60–61].

2.3. Диалект Орочонского автономного хошуна

Диалект Орочонского автономного хошуна, возможно, занимает особое положение и может претендовать на то, чтобы на его основе был выработан стандарт для орочонского языка, поэтому материалы по данному диалекту и попали в фокус нашего внимания. На данном диалекте выпущены учебники и учебно-методические пособия, на нем ведутся телепрограммы и радиопередачи. Между тем непонятно будущее такой стандартизации, ведь схожие попытки стандартизации эвенкийского языка (последний раз — на основе диалекта красноярских эвенков) оказались неудачными.

Диалект Орочонского автономного хошуна является сибилянтным. По данным Ху Цзэньи и Ли Шулань [2007: 2043, 2046], в диалекте Орочонского автономного хошуна присутствует только фонема /ʃ/. Отметим, что и в диалекте Малого Хингана фонема /ʃ/ в описании консонантизма также фигурирует с примерами соответствующих слов [Han Youfeng, Meng Shuxian 1993: 3–4]. Согласно новым данным Мэн Шусянь [Мэн Шусянь 2017: 78, 80], которые она распространяет на весь орочонский язык (возможно, под влиянием стандартизации, которая, вероятно, происходит на основе диалекта Орочонского автономного хошуна), ʃ уже не присутствует ни в качестве фонемы, ни в качестве аллофона. Имеются только два щелевых сибилянта, которые трактуются как отдельные фонемы: переднеязычный /s/ и средне-переднеязычный /ɕ/ — оба произносимые с небольшим округлением губ. Последний реализуется в препозиции к трем переднерядным гласным: долгому и краткому /iː/-/i/ и долгому /eː/. Округление губ, однако, не определяет характера щелинности в переднеязычном локусе. Можно предположить, что аллофон [s] как свистящий будет носить круглощелевой характер, а [ɕ] как разновидность шипящего — плоскощелевой. Дальнейшие экспериментальные исследования диалекта Орочонского автономного хошуна [Морозова и др. 2018: 20] показали, что аллофон [ɕ] действительно реализуется как среднеязычный плоскощелевой, например, [ɕilɜ] ‘суп’, [ɕiː] ‘ты’, [ɕiːxsɜ] ‘вечером’, [ɕeːn] ‘ухо’; второй

аллофон [s] — переднеязычный плоскощелевой, встречается в препозиции к гласным непереднего ряда: [su:] ‘вы’, [sɜlɜ:] ‘железо’, [sɜ:xsɜ] ‘кровь’, [saŋnʲan] ‘дым’, [ixsa:n] ‘иней’, [so:rɜ] ‘горный’. В данном диалекте конечный /s/ не зафиксирован, но он имеется в говоре орочонов Большого Хингана, например, [aramus] ‘длинные наколенники’ [Морозова и др. 2018: 20]. Указанные факты не могут не вызывать интерес и требуют проведения экспериментального исследования с использованием объективных методов анализа.

3. Эксперимент

3.1. Материал и методика исследования

Звуковой материал был записан в лаборатории экспериментально-фонетических исследований Амурского государственного университета с микрофона, закрепленного у рта испытуемого, на звуковую плату компьютера через микшерный пульт. В записи участвовали три носителя селемджинского говора эвенкийского языка (1 мужчина (SGAm) и 2 женщины (BNYaf, YaSSf), возраст 60–74 года) и три носителя диалекта Орочонского автономного хошуна (1 мужчина (HShm) и 2 женщины (HYf, GHf), возраст 65–74 года), вероятно, носители одного говора (все дикторы проживают в Алихэ — столице Орочонского автономного хошуна). Предположительно, в речи одной женщины-орочонки ожидалась определенная степень интерференции китайского языка в силу широкой коммуникативной практики, предполагаемой должностью, которую она занимала — партийной работой.

В качестве метода объективного анализа был выбран акустический анализ, который производился в программе PRAAT с использованием осциллограмм для сегментации и динамических спектрограмм для изучения временных и амплитудно-частотных характеристик наших объектов исследования. Были замерены следующие акустические параметры: длительность, интенсивность и нижняя граница пиковых составляющих шума. Последние имеют большое значение при определении свистящего или шепелявого характера интересующих согласных и при различении фрикативных аллофонов перед гласными разного ряда. Данные были занесены в электронные таблицы и подвергнуты дальнейшей обработке, в ходе которой были определены средние значения.

3.2. Обсуждение результатов

3.2.1. Длительность и интенсивность

Были получены данные по нескольким позициям (см. *Табл. 1*). В интервокальной позиции в эвенкийском материале /s/ встретилась только в заимствованиях, а у орочонов — в исконных словах. У одного из дикторов-эвенков одна позиция конца слова (после краткого гласного) не была представлена; у всех дикторов-орочонов не удалось получить позиции конца слова и начала консонанса (прочерки в *Табл. 1*).

Таблица 1. Средние значения длительности реализаций фонемы /s/ в разных позициях

Table 1. Mean duration of phoneme /s/ in different positions

Диктор	**Позиция**						
	Начало слова		**Конец слова**		**Начало консонанса**	**Конец консонанса**	**Интервокальная**
	перед кратким Г	**перед долгим Г**	**после краткого Г**	**после долгого Г**			
эвенки							
SGAm	75	116	339	246	89	142	135
BNYaf	112	152	361	267	169	136	154
YaSSf	124	113	—	150	94	175	112
орочоны							
HYf	148	176	—	—	—	105	120
GHf	176	203	—	—	—	117	115
HShm	174	139	—	—	—	96	100

Полученные данные говорят о значительном варьировании параметра длительности. В речи двух эвенков (мужчины и женщины), у которых были представлены все позиции, максимальной длительностью обладали согласные в конце слова, причем у обоих — после краткого гласного. Это полностью соответствует закону управления длительности гласного длительностью следующего согласного в закрытом слоге — сокращение длительности гласного приводит к увеличению длительности следующего гласного и наоборот, — так проявляется обратная зависимость в структуре ГС. В начале слова, помимо общей

тенденции, отмечалась междикторская вариантность: фрикативные аллофоны у двух эвенков (у этих же эвенков в конце слова наблюдалась обратная зависимость в структуре ГС) и двух орочонов в среднем оказались более длительными перед долгими гласными, проявляя, таким образом, прямую зависимость в структуре СГ. В интервокальной позиции эвенкийский фрикативный у двух дикторов был более длительным, чем в начальной (у YaSSf длительность начального перед долгим гласным и в интервокальной позиции оказалась одинаковой), а орочонский — наоборот (у всех орочонов). Длительность реализаций орочонской фрикативной фонемы в конце консонанса мало отличалась от длительности в интервокальной позиции; эти параметры были заметно ниже, чем в начале слова, а в эвенкийском — с точностью до наоборот.

Далее было проведено сопоставление средних значений длительности, интенсивности и средней нижней границы интенсивного шума (см. *Табл. 2*). Сопоставление первых двух параметров выявило междикторскую вариантность, которая действовала в одном направлении, как у эвенков, так и у орочонов. Более высокая средняя длительность неизменно сопровождалась более низкой интенсивностью и наоборот.

Таблица 2. Средние значения акустических параметров

Table 2. Mean values of acoustic parameters

Дикторы	**Средняя длительность фонемы /s/ в речи селемджинских эвенков и орочонов Хошуна (в мс)**	**Интенсивность (в дБ)**	**Средняя нижняя граница интенсивного шума фонемы /s/ (в Гц)**
SGAm	172	59	2530/4298*
BNYaf	161	66	3583/4151
YaSSf	117	72	1864/3340
HYf	139	68	2787/3381/5683
GHf	158	58	3097/2855/5154
HShm	112	70	2356

* Примечание к *Таблице 2*: в последнем столбце первая цифра — значение перед заднерядными гласными, вторая у эвенков — значение перед остальными гласными, а у двух орочонов — перед гласными верхнего подъема, третья цифра у орочонов — значение для мягкого/среднеязычного аллофона перед переднерядными гласными.

3.2.2. Спектральные характеристики

Перейдем к анализу спектральных характеристик. Прежде всего, сопоставляя речь китайских орочонов с речью приамурских эвенков, необходимо отметить, что в интервокальной позиции в словах типа *асӣ* ‘жена, женщина’, *усӣ* ‘уздечка’, *ēса* ‘глаз’, *ōса* ‘камус’ селемджинские эвенки артикулируют звонкий аллофон [ɦ] фарингального спиранта /h/ (см. *Рис. 1* между метками). На динамической спектрограмме в области до 500 Гц фиксируется полоса основного тона (F0); характерный слабый фрикативный шум концентрируется в средней области спектра и усиливается на уровнях формант окружающих гласных. В орочонском языке в идентичной позиции фонотактикой предусмотрено употребление переднеязычной щелевой фонемы /s/ (точнее, ее глухого палатализованного аллофона [ɕ] (см. *Рис.* 2)). Интенсивные составляющие (интенсивность значительно выше, чем у фарингального аллофона фонемы /h/) концентрируются также в среднечастотной области, но носят более компактный характер, а пики не привязаны к формантам окружающих гласных. Акустический эффект орочонского [ɕ] похож на смягченный русский постальвеолярный фрикативный глухой <*щ*> — [ʃʲ]. Таким образом, говор жителей Орочонского автономного хошуна отличается от говора амурских эвенков (селемджинского говора) так же, как отличаются друг от друга южное и восточное наречия эвенкийского языка. Говор жителей Орочонского автономного хошуна относится к сибилянтной группе северной подгруппы тунгусо-маньчжурских языков, говор селемджинских эвенков — к сибилянтно-спирантной.

Анализ амплитудно-частотных характеристик позволил выявить признаки южного «шеканья» — реализации фонемы /ʃ/ вместо /s/ в речи относящихся к селемджинскому говору норских эвенков (род Каŋāйи[3]),

---

[3] В классификации родов, представленной Г. М. Василевич, такое название не фигурирует. В ее работе имеется название Кангагир (фактически Каŋагир, но ограниченные типографские возможности в то время не позволяли использовать символ «ŋ»). Однако имеется веское основание считать, что это один и тот же род. Это позволяет сделать фонетическая реконструкция, предложенная В. И. Цинциус. Выстраиваемая последовательность *Каŋайи* < *Каŋаɦи* < *Кангагир* отвечает фонетическим закономерностям, свойственным восточным говорам эвенкийского языка, поскольку известно, что в говорах восточной диалектной группы, к коим относится говор селемджинских эвенков, имеется «озвонченный *ɦ*, иногда переходящий в проточный *ɧ* или … в среднеязычный проточный *j*», при этом образуется последовательность *ɦ*> *ɧ*>*j* [Цинциус 1949: 263].

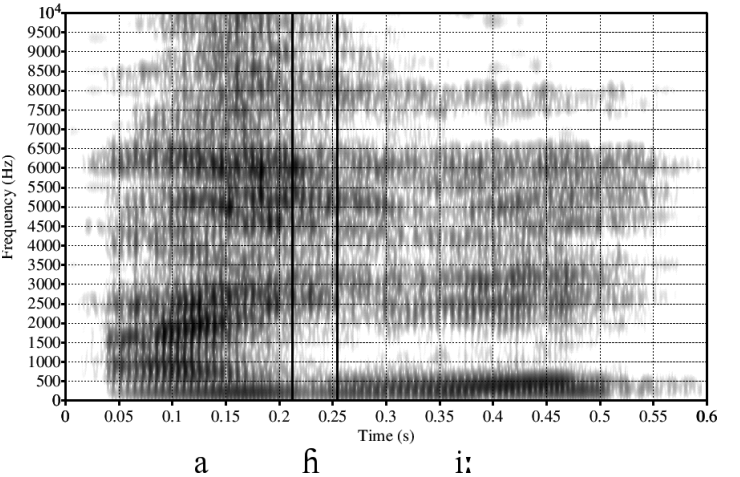

Рис. 1. Реализация слова [aɦiː] ‘женщина’ в произнесении диктора — носителя восточного наречия эвенкийского языка

Fig. 1. Sonogram of the word [aɦiː] ‘woman’ pronounced by eastern Evenki dialect speaker

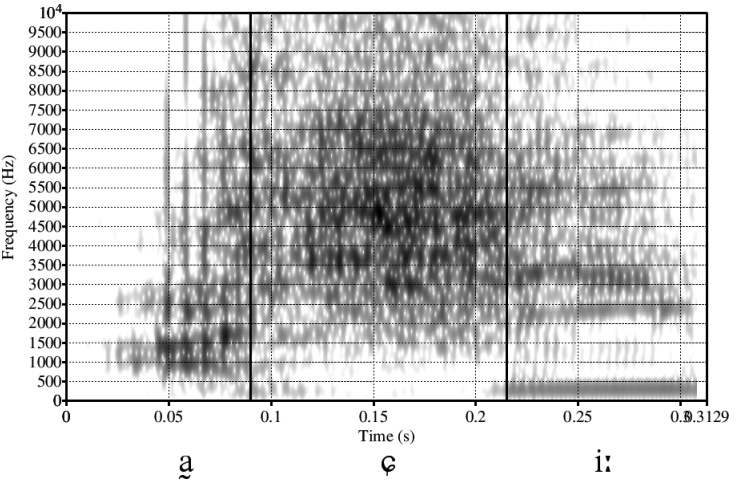

Рис. 2. Реализация слова [aɕiː] ‘женщина’ в произнесении диктора — носителя орочонского языка

Fig. 2. Sonogram of the word [aɕiː] ‘woman’ pronounced by Orochon speaker

совершенно не характерного для восточных эвенков вообще и селемджинского говора в частности. Эта особенность обнаружена в препозиции к гласным заднего ряда высокого подъема долгому и краткому /uː/, /u/; при этом заднерядные /oː/, /o/ такого эффекта не вызывали. В речи YaSSf — представительницы рода Каӈāйи — встретились следующие примеры: *суручо* [ʃuruʧoː] ‘пошел’, *сурудинэн* [ʃurudinʲæn] ‘напишет’, *сулинкэн чинирикэн* [ʃulinkan ʧinirikan] ‘крот’ и другие. По мнению представителей данного эвенкийского рода, речь членов их семьи отличается «шеканьем»: «Вот мы — шекающие эвенки. У нас ***ш****эӈкирэ̄* (лит. эвенк. *сэӈкирэ̄* ‘болотный багульник’), ***ш****эллик* (лит. эвенк. *сэллик* ‘туберкулез’), ***ш****уптылэ̄* (лит. эвенк. *суптылэ̄* ‘колючка, шип’) говорится через *ш*. Но очень большая часть эвенков говорит через *с*. Наш род, наши все четко говорят *ш*» [Яковлева 2011]. Сохранение особенностей, характерных для «шекающих», «секающих» и «хекающих» говоров в эвенкийских диалектах, распространенных на восток от Зеи, отмечала Г. М. Василевич [Василевич 1958: 646].

Фонологическая интерпретация данного явления в описанных условиях неоднозначна. С одной стороны, речь может идти об ограниченной дистрибуции двух фонем — /ʃ/ и /s/: первая встречается только перед /uː/, /u/, а вторая с другими гласными, в консонансах и в конце слов. Между тем речь может идти и об аллофонном варьировании внутри фонемы /s/: [ʃ] как аллофон /s/, а не /ʃ/. Не вдаваясь в дальнейшую дискуссию, будем считать его на данный момент аллофоном со спорной фонемной принадлежностью.

На *Рис. 3* показана реализация аллофона [ʃ] в слове суручō [ʃuruʧoː] ‘пошёл’. В спектре шумного согласного нижняя граница шума фиксируется в нижней области спектра начиная с 1341 Гц до 10^4 Гц (среднее значение нижней границы шума аллофона [ʃ] у данного диктора — 1450 Гц). Усиления (затемнения) спектра регистрируются в двух областях: в нижне-средней зоне от 2564 Гц до 3395 Гц и верхней зоне от 7284 Гц до 10^4 Гц. Общая длительность [ʃ] составляет 118 мс, что совпадает со средней длительностью аллофона [s] в речи данного диктора (117 мс).

Несмотря на утверждения носителя языка YaSSf о том, что реализация /ʃ/ вместо /s/ — общая тенденция для их рода, слуховой и акустический анализ реализаций не перед /uː/, /u/ этого не подтверждает. Сразу обращает на себя внимание разница нижней границы усиленного шума: перед /uː/, /u/ — она значительно ниже (не доходит до 2000 Гц),

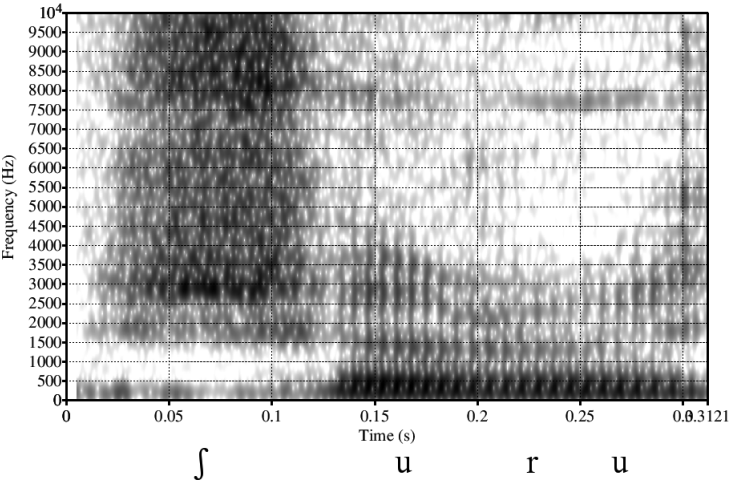

Рис. 3. Реализация [ʃ]-образного оттенка фонемы /s/ в слове [ʃurutʃoː] ‘пошёл’ (YaSSf)

Fig. 3. Sonogram of [ʃ]-like allophone of the phoneme /s/ in the word [ʃurutʃoː] ‘went’ (YaSSf)

чем перед другими гласными и в консонансах (превышает 3300 Гц), где очевидно реализуется /s/ в своей плоскощелевой разновидности, который М. И. Матусевич предлагала обозначать как [θ], что и создало общий эффект шепелявости, объединяющей два разных явления — шеканье как таковое и выраженный плоскощелевой уклад.

На *Рис. 4* показана реализация плоскощелевого (шепелявого) аллофона фонемы /s/ в слове *соŋорэн* ‘плачет’. Обращает на себя внимание характерная пониженная интенсивность, свидетельствующая о плоскощелевом характере реализации.

В речи других селемджинских эвенков реализации аллофона [ʃ] не зарегистрировано. Кроме того, в их речи плоскощелевые реализаций были обнаружены у двух носителей языка, третий реализовывал только круглощелевые аллофоны, что свидетельствует об эрозии плоскощелевого уклада у данного диктора. По мнению Л. Р. Зиндера, акустическое различие между круглощелевым и плоскощелевым укладом заключается в том, что круглощелевой /s/ характеризуется высокой интенсивностью шума, а плоскощелевой /s/ — низкой [Зиндер 1979: 144]. Пример из речи SGAm из слова *самалки* ‘зарубка на дереве’ наглядно это демонстрирует (*Рис. 5*).

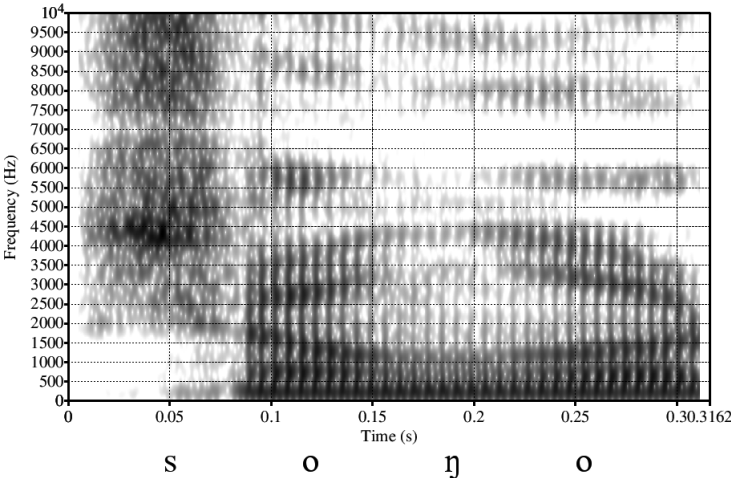

Рис. 4. Реализация плоскощелевого (шепелявого) аллофона фонемы /s/ в слове *соҥорэн* ‘плачет’ (YaSSf)

Fig. 4. Sonogram of the flat-slit (lisping) allophone of the phoneme /s/ in the word *соҥорэн* ‘cries’ (YaSSf)

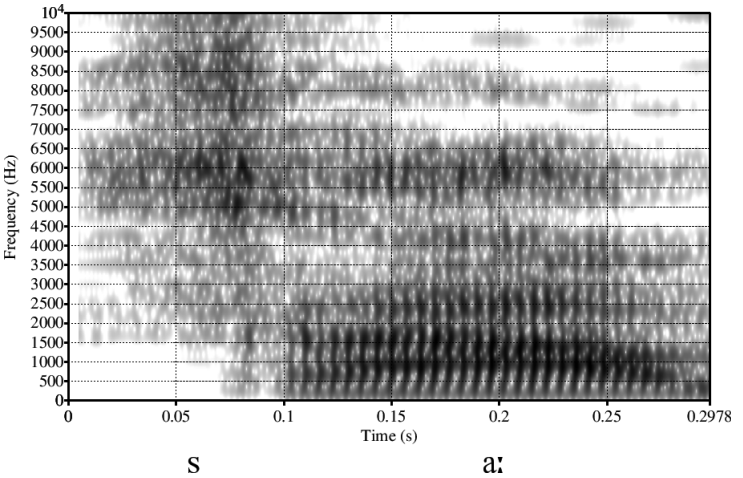

Рис. 5. Плоскощелевая реализация из слова *самалки* ‘зарубка на дереве’ (SGAm)

Fig. 5. Sonogram of the flat-slit /s/ in the word *самалки* ‘kerf’ (SGAm)

В речи орочонов все реализации перед гласными непереднего ряда были плоскощелевыми, о чем свидетельствуют как пониженная интенсивность, так и более низкое расположение составляющих по шкале частот (см., напр., *Рис. 6*). Перед гласными переднего ряда у двух орочонок преобладали мягкие свистящие круглощелевые реализации, а у диктора мужчины были реализованы только мягкие плоскощелевые (см., например, *Рис. 2*).

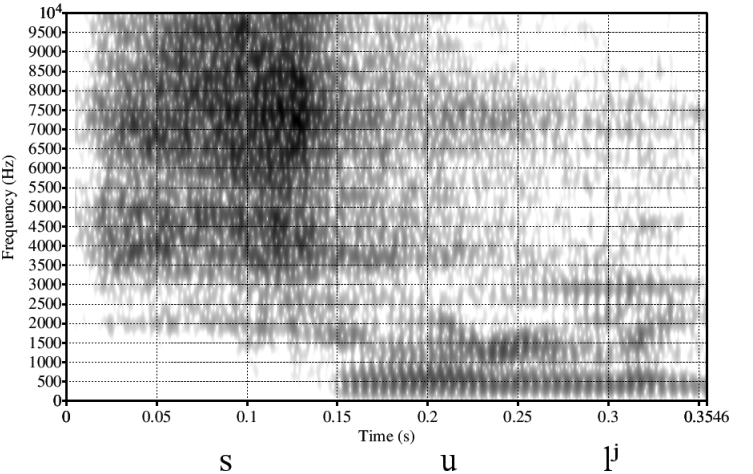

Рис. 6. Плоскощелевая реализация в орочонском (Hyf)

Fig. 6. Sonogram of the flat-slit /s/ in Orochon (Hyf)

У орочонов периодически встречались признаки свободного варьирования. Так, у Hyf в препозиции к краткому /i/ могли встречаться как мягкий свистящий переднеязычный [sʲ] с заметно более высокой нижней границей интенсивного шума (самый частотный), так и среднеязычный [ɕ] со значительно пониженной границей интенсивного шума (ср. *Рис. 7а* и *7б*). У Hshm в интервокальной позиции в разных повторениях одного и того же слова мог реализовываться то глухой аллофон [s], то звонкий [z] (оба плоскощелевых), например, в словах /teːsa/ ‘блюдце’ (*Рис. 8*), /sumusun/ ‘каша’ (первый глухой, а второй звонкий — см. присутствие F0 на графике основного тона) и других. Напомним, что фонемы /z/ ни в эвенкийском, ни орочонском нет, что открывает соответствующие возможности для аллофонного варьирования, в данном случае — свободного.

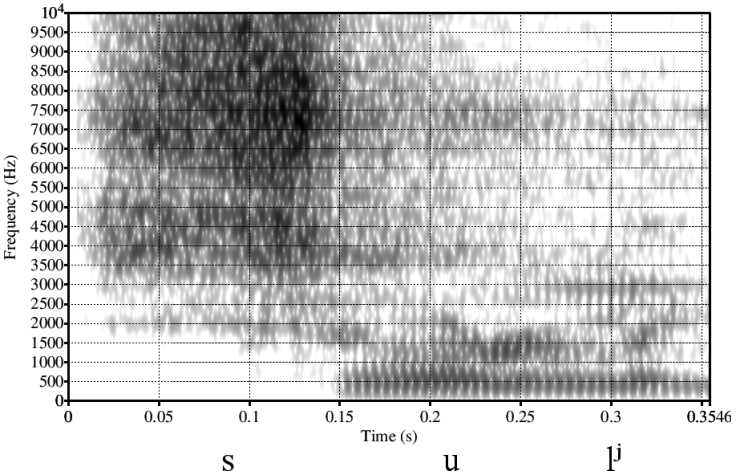

Рис. 7а

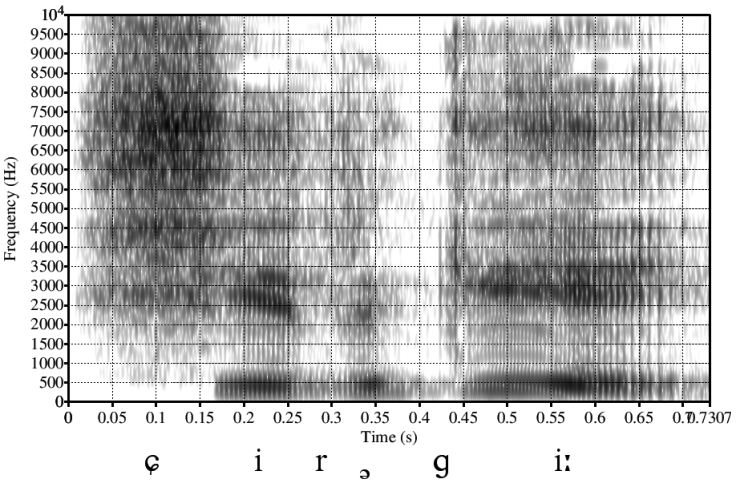

Рис. 7б

Рис. 7а, 7б. Варьирование [ɕ] и [sʲ] в слове /sirgiː/ ‘трещать от мороза’ (Hshm)

Fig. 7а, 7б. Variation of [ɕ] and [sʲ] in the word /sirgiː/ ‘crackle from frost’ (Hshm)

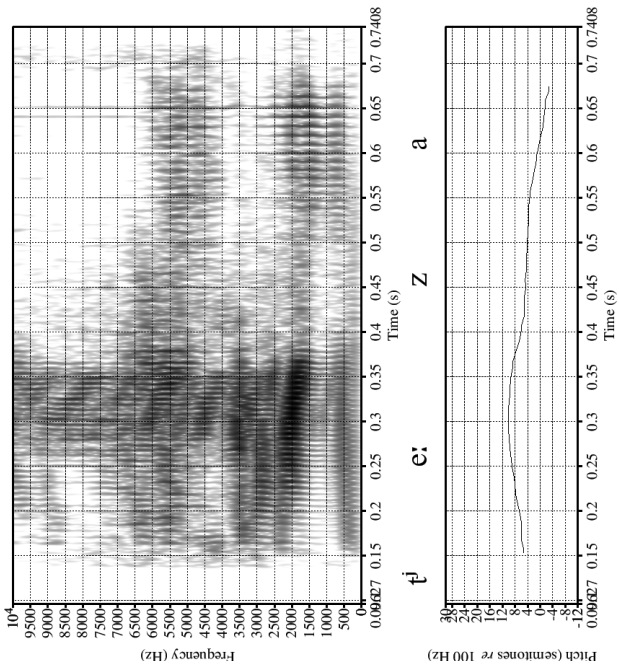

Рис. 8. Звонкий аллофон [z] в слове /teːsa/ ‘блюдце’ (Hshm)

Fig. 8. Voiced allophone [z] in the word /teːsa/ ‘saucer’ (Hshm)

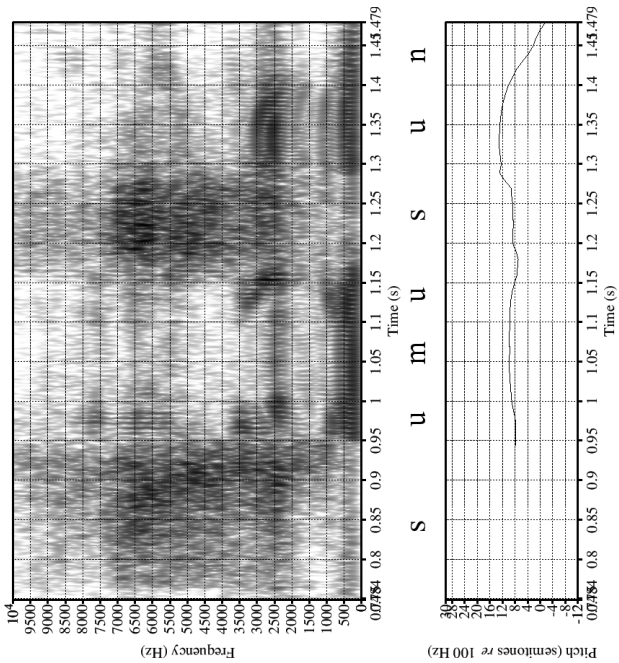

Рис. 9. Глухой аллофон и звонкий аллофоны фонемы /s/ в слове /sumusun/ ‘каша’ (Hshm)

Fig. 9. Voiceless and voiced allophones of the phoneme /s/ in the word /sumusun/ ‘cereal’ (Hshm)

У этого же диктора (Hshm) было отмечено свободное варьирование [ɕ] и [ʃ] в консонансе /ks/ в разных повторениях слова /sɜ:ksɜ/ ‘кровь’ и т. д. О реализации [ʃ] на *Рис. 10*б свидетельствует заметное усиление низкочастотных составляющих по сравнению с *Рис. 10а*, что создает эффект понижения нижней границы шума.

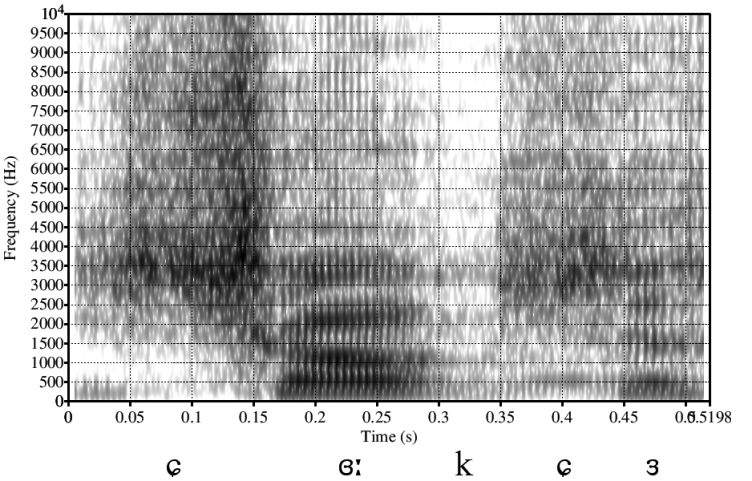

Рис. 10а

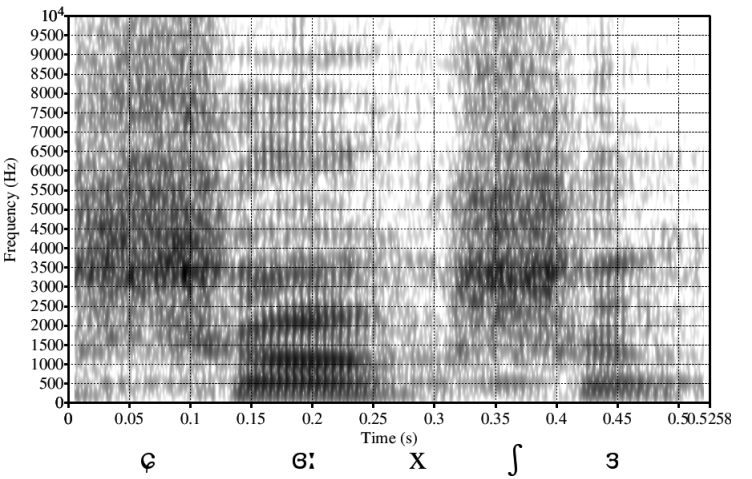

Рис. 10б

Рис. 10а, 10б. Варьирование [ɕ] и [ʃ] в кластере /ks/ в слове /sɜ:ksɜ/ ‘кровь’ (Hshm)

Fig. 10а, 10б. Variation of [ɕ] and [ʃ] in the cluster /ks/ in the word /sɜ:ksɜ/ ‘blood’ (Hshm)

4. Заключение

Проведенное исследование параметров длительности и интенсивности позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, варьирование параметра длительности эвенкийского /s/ в целом подчинялось универсальным законам фонетической организации речевого потока, который отражается и при произнесении изолированных слов. К значительному увеличению длительности приводила позиция в абсолютном конце слова, а интервокальная (стабильно у орочонов) и в начале консонанса зачастую вызывали ее сокращение. Здесь, однако, наблюдалась междикторская вариантность. Во-вторых, поведение исследуемых фрикативных принципиально отличалось в эвенкийском и орочонском материале в позиции начала слова по сравнению с позицией в конце консонанса и интервокальной позицией: в эвенкийском — в начале короче, а в орочонском — длиннее. В-третьих, междикторская вариантность отмечалась в стратегиях взаимодействия параметров длительности и интенсивности. Одни эвенки и орочоны отдавали предпочтение менее длительным, но более интенсивным реализациям, а другие — наоборот.

Признаки южного шеканья в речи норских селемджинских эвенков распространяются только на позицию перед заднерядными гласными высокого подъема, в остальных случаях реализуется плоскощелевой аллофон фонемы /s/, что и создает общий эффект шепелявости. В речи других эвенков шеканья не обнаружено, но признаки плоскощелинности присутствуют. В орочонском материале реализации в препозиции к непереднерядным гласным носили преимущественно плоскощелевой характер, а в препозиции к переднерядным — круглощелевой у дикторов-женщин и плоскощелевой — у диктора-мужчины. Шеканье встретилось только в речи диктора-мужчины в виде свободного варьирования. Свободное варьирование у орочонов также предполагало звонкие реализации.

Полученные результаты полностью подтверждают выдвинутую гипотезу об особенностях соответствия *s~h~ʃ*, характере вариативности исследуемого сибилянта и чертах междикторской и внутридикторской вариантности, включая свободное варьирование.

Литература

Аванесов 1984 — Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М.: Просвещение, 1984.

Андреева 1988 — Т. Е. Андреева. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, Сибирское отд-ние, 1988.

Андреева 2001 — Т. Е. Андреева. Словесное ударение в эвенкийском языке. Новосибирск: Наука, Сибирское отд-ние, 2001.

Афанасьева 2010 — Е. Ф. Афанасьева. Фонетика и фонология эвенкийского языка. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ун-та, 2010.

Булатова 1987 — Н. Я. Булатова. Говоры эвенков Амурской области. Материалы исследования. Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1987.

Булатова и др. 2017 — Н. Я. Булатова, О. Н. Морозова, Г. А. Стручков. Звуковой эвенкийско-русско-английский тематический словарь. Звуковой русско-эвенкийско-английский тематический словарь: на материале селемджинского говора эвенкийского языка / (Отв. ред. О. Н. Морозова, науч. ред. Н. Я. Булатова). Благовещенск: Одеон, 2017.

Василевич 1958 — Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.

Вербицкая 1996 — Л. А. Вербицкая. Орфоэпия и вопросы культуры речи / А. С. Герд (отв. ред.). Прикладное языкознание: учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербургского гос. ун-та, 1996. С. 34–54.

Гулимова 1982 — Г. В. Гулимова. Настройка гласных полигусовского говора эвенкийского языка (по данным рентгенографирования) // В. Н. Наделяев (отв. ред.). Экспериментальная фонетика сибирских языков: сб. научных трудов. Новосибирск: Наука, 1982. С. 96–135.

Зиндер 1979 — Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1979.

Иванашко и др. 2018 — Ю. П. Иванашко, О. Н. Морозова, С. В. Андросова, А. В. Ильин. Артикуляционное описание гласных и согласных звуков орочонского языка (по результатам МРТ) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4. № 4. С. 36–58.

Караваева, Андросова 2017 — В. Г. Караваева, С. В. Андросова. Проблема стандарта на фоне разнообразия диалектов в разных языках мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (76): в 3-х ч. Ч. 2. С. 94–97.

Кодзасов, Кривнова 2001 — С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. Общая фонетика. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001.

Косериу 2010 — Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история. М.: URSS, 2010.

Крысин 2007 — Л. П. Крысин. Русская литературная норма и современная речевая практика // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 5–17.

Матусевич 1960 — М. И. Матусевич. Очерк системы фонем ербогоченского говора эвенкийского языка на основе экспериментальных данных // Ученые записки ЛГУ. Сер. филол. наук. 1960. Вып. 40(237). С. 132–169.

Морозова и др. 2018 — О. Н. Морозова, Н. Я. Булатова, С. В. Андросова, В. С. Гибалин, Е. А. Процукович, Ю. П. Иванашко. Орочонский язык: материалы корпусного исследования звучащей речи орочонов КНР. Благовещенск: Одеон, 2018.

Мэн Шусянь 2017 — Мэн Шусянь. Общее описание орочонского языка в Китае // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3. № 1. С. 67–86.

Наумов 2010 — В. В. Наумов. Государство и язык. Формулы власти и безвластия. М.: КомКнига, 2010.

Селютина и др. 2014 — И. Я. Селютина, Н. С. Уртегешев, А. А. Добринина. Типологическая специфика эвенкийского консонантизма (по данным рентгенографирования и МР-томографирования) // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 186–191.

Симонов 1976 — М. Д. Симонов. Опыт спектрографического анализа эвенкийских гласных (на материале баунтовского говора) // Е. И. Убрятова (отв. ред.). Исследования по фонетике сибирских языков. Новосибирск: Изд-во Ротапринт ГПНТБ, 1976. С. 153–174.

Цинциус 1949 — В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Учпедгиз, Ленинградское отд-ние, 1949.

Яковлева 2011 — Н. А. Яковлева. Интервью. Фоноархив лаборатории экспериментально-фонетических исследований Амурского гос. ун-та. Благовещенск, 2011.

McGregor 2009 — W. B. McGregor. Linguistics: An Introduction. London; New Delhi; N. Y.; Sydney : Bloomsbury, 2009.

Yavaş 2016 — M. Yavaş. Applied English Phonology. 3d edition. West Sussex: Blackwell, 2016.

Han Youfeng, Meng Shuxian 1993 — 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 鄂伦春语汉语对照读本/ 北京. 中央民族学院出版社 出版. 1993年. 385页 [Han Youfeng (Kajier), Meng Shuxian, Elunchun yu hanyu duizhao duben / Beijing. Zhongyang minzu xueyuan chubanshe chuban. 1993 nian. 385 ye.

Han Youfeng, Meng Shuxian 2014 — 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤,中国鄂伦春语方言研究/大阪市：国立民族学博物館の人間文化研究機構，2014年，113页 [Han Youfeng (Kajier), Meng Shuxian, Zhongguo Elunchun yu fangyan yanjiu / daban shi: Kokuritsu minzokugaku hakubutsukan no ningen bunka kenkyū kikō, 2014 nian, 113 ye.

References

Afanasyeva 2010 – E. F. Afanasyeva. Fonetika i fonologiya yevenkiyskogo yazyka [Phonetics and phonology of the Evenki language]. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House, 2010.

Andreyeva 1988 – T. E. Andreyeva. Zvukovoy stroy tommotskogo govora yevenkiyskogo yazyka [Sound system of the Tommot local accent of the Evenki language]. Novosibirsk: Nauka, 1988.

Andreyeva 2001 —— T. E. Andreyeva. Slovesnoye udareniye v yevenkiyskom yazyke. [Word stress in the Yevenki language]. Novosibirsk: Nauka, 2001.

Avanesov 1984 – R. I. Avanesov. Russkoye literaturnoye proiznosheniye [Russian standard pronunciation]. Moscow: Prosveshcheniye, 1984.

Bulatova 1987 – N. Ya. Bulatova. Govory yevenkov Amurskoy oblasti. Materialy issledovaniya [Local accents of the Amur Evenks. Research materials]. Leningrad: Nauka, 1987.

Bulatova et al. 2017 – N. Ya. Bulatova, O. N. Morozova, G. A. Struchkov. Zvukovoy yevenkiysko-russko-angliyskiy tematicheskiy slovar. Zvukovoy russko-evenkiysko-angliyskiy tematicheskiy slovar: na materiale selemdzhinskogo govora yevenkiyskogo yazyka [Sound Evenki-Russian-English subject dictionary. Sound Russian-Evenki-English subject dictionary]. Blagoveshchensk: Odeon, 2017.

Coseriu 2010 – E. Coseriu. Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya [Synchrony, diachrony and history]. Moscow: URSS, 2010.

Gulimova 1982 – G. V. Gulimova. Nastroyka glasnykh poligusovskogo govora yevenkiyskogo yazyka (po dannym rentgenografirovaniya) [Articulation of Poligus Evenki vowels (Based on X-ray analysis)]. V. N. Nadelyaev (ed.). *Yeksperimentalnaya fonetika sibirskikh yazykov.* Sbornik nauchnykh trudov. [Experimental phonetics of Siberian languages. Collection of proceedings]. Novosibirsk: Nauka, 1982. P. 96–135.

Han Youfeng, Meng Shuxian 1993 – Han Youfeng (Kajier), Meng Shuxian. Elunchun yu hanyu duizhao duben [Comparative study of Orochen and Chinese]. Beijing: Zhongyang minzu xueyuan chubanshe chuban, 1993.

Han Youfeng, Meng Shuxian 2014 – Han Youfeng (Kajier), Meng Shuxian. Zhongguo Elunchun yu fangyan yanjiu [The study of Orochon dialects]. Osaka: National Museum of Ethnology, 2014.

Hu Zengyi, Li Shulan 2007 – Hu Zengyi, Li Shulan. Elunchun yu. Sun Hongkai, Zhongguo de yuyan [The Orochon language]: Shangwu yinshuguan [Languages of China]. Beijing : Commercial Press, 2007.

Ivanashko et al. 2018 – Yu. P. Ivanashko, O. N. Morozova, S. V. Androsova, A. V. Ilin. Artikulyatsionnoye opisaniye glasnykh i soglasnykh zvukov orochonskogo yazyka (po rezultatam MRT) [Articulatory description of the Orochon vowels and consonants (Based on MRI)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*. 2018. Iss. 4. No. (4). P. 36–58.

Karavayeva, Androsova 2017 – V. G. Karavayeva, S. V. Androsova. Problema standarta na fone raznoobraziya dialektov v raznykh yazykakh mira [The problem of standard against the background of dialects diversity in different languages of the world]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017. No. 10(76). Pt. 2. P. 94–97.

Kodzasov, Krivnova 2001 – S. V. Kodzasov O. F. Krivnova. Obshchaya fonetika [General phonetics]. Moscow: Russian University for Humanities Press, 2001.

Krysin 2007 – L. P. Krysin. Russkaya literaturnaya norma i sovremennaya rechevaya praktika [Russian language standard and modern speyech practices]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii.* 2007. No. 2 (14). P. 5–17.

Matusevich 1960 – M. I. Matusevich. Ocherk sistemy fonem yerbogochenskogo govora yevenkiyskogo yazyka na osnove yeksperimentalnykh dannykh [The outline of the phonemic system of the Erbogochen local accent of the Evenki Language based on experimental data]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya filologicheskikh nauk. Iss. 40 (237)*. P. 132–169.

McGregor 2009 – W. B. McGregor. Linguistics: An Introduction. London; New Delhi; N. Y.; Sydney : Bloomsbury, 2009.

Meng Shuxian 2017 – Meng Shuxian. Obshcheye opisaniye orochonskogo yazyka v Kitaye [General description of the Orochon language in China]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika.* Blagoveshchensk: The Amur State University Press., 2017. No. 3 (1). P. 67–86.

Morozova et al. 2018 – O. N. Morozova, N. Ya. Bulatova, S. V. Androsova, V. S. Gibalin, E. A. Protsukovich, Yu. P. Ivanashko. Orochonskiy yazyk: materialy korpusnogo issledovaniya zvuchashchey rechi orochonov KNR [The Orochon language: Oral Orochon speech corpus materials from the Orochon of China]. Blagoveshchensk: Odeon Press, 2018.

Naumov 2010 – V. V. Naumov. Gosudarstvo i yazyk. Formuly vlasti i bezvlastiya [State and language. The formulas of power and anarchy]. Moscow: KomKniga Press, 2010.

Selyutina et al. 2014 – I. Ya. Selyutina, N. S. Urtegeshev, A. A. Dobrinina. Tipologicheskaya spetsifika yevenkiyskogo konsonantizma (po dannym rentgenografirovaniya i MR-tomografirovaniya) [Typological specifics of the Evenk consonantism (according to the data of digital roentgenography and magnetic-resonance tomography)]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal.* 2014. No. 1. P. 186–191.

Simonov 1976 – M. D. Simonov. Opyt spektrograficheskogo analiza yevenkiyskikh glasnykh (na materiale bauntovskogo govora) [Essay of the spectrographic analysis of the Evenki vowels (based on Baunt Evenki)]. Ye. I. Ubryatova (ed.). *Issledovaniya po fonetike sibirskikh yazykov* [Research in Siberian languages phonetics]. Novosibirsk: Rotaprint GPNTB Press, 1976. P. 153–174.

Tsintsius 1949 – V. I. Tsintsius. Sravnitelnaya fonetika tunguso-manchzhurskikh yazykov [Comparative Phonetics of Tungus-Manchu Languages]. Leningrad: Uchpedgiz, 1949.

Verbitskaya 1996 – L. A. Verbitskaya. Orfoyepiya i voprosy kultury rechi [Orthoepy and the issues of speech culture]. A. S. Herd (ed.) *Prikladnoye yazykoznaniye: uchebnik* [Applied linguistics: A coursebook]. Saint-Petersburg State University Press, 1996. P. 34–54.

Yakovleva 2011 – N. A. Yakovleva. Intervyu [Interview]. Fonoarkhiv laboratorii yeksperimentalno-foneticheskikh issledovaniy Amurskogo gosudarstvennogo universiteta [Phonoarchive of the Experimental Phonetics Laboratory of the Amur State University]. Blagoveshchensk, 2011.

Yavaş 2016 – M. Yavaş. Applied English Phonology. 3d edition. West Sussex: Blackwell, 2016.

Zinder 1979 – L. R. Zinder. Obshchaya fonetika [General phonetics]. Moscow: Vysshaya shkola, 1979.

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 608–636
DOI 10.30842/alp2306573716222

Πιο X πεθαίνεις: случай заимствования фразеологизма-конструкции в новогреческом языке

Е. С. Онуфриева
Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова; lisa.onufrieva@gmail.com

Аннотация. В работе рассматривается случай заимствования новогреческим языком фразеологизма-конструкции Πιο X πεθαίνεις из французского и/или итальянского языка. На основании данных корпусов текстов и контекстов социальной сети Twitter проводится анализ структуры, наполнения и функционирования новогреческого ФК и его французского (Plus X que Y tu meurs) и итальянского (Più X di Y si muore) прототипов. Продемонстрировано, что в ходе заимствования фразеологизм сохраняет исходное типовое значение и семантические ограничения на заполнение пустого слота. При этом фразеологизм подвергается структурной редукции, а его продуктивность и способность вступать в соединения с другими языковыми единицами возрастают.

Ключевые слова*:* новогреческий язык, фразеологизмы-конструкции, заимствование конструкций, фразеологическое калькирование.

Πιο X πεθαίνεις: A case of constructional borrowing in the Modern Greek language

E. S. Onufrieva
Lomonosov Moscow State University; lisa.onufrieva@gmail.com

Abstract. This paper explores a case of constructional borrowing in the Modern Greek language — the Modern Greek constructional phraseme *Πιο X πεθαίνεις* (lit., “more X you die”), which is a phraseological calque of the respective French (*Plus X que Y, tu meurs*) and Italian constructions (*Più X di Y si muore*).

Constructional phrasemes (CPhs) constitute productive patterns consisting of an idiomatic fixed component and a non-idiomatic variable component. The fixed component is reproduced in speech as a prefabricated language unit and determines the typical meaning of the construction, while the variable component is not lexically specified

and is inserted into the construction depending on the context or the speaker's intention. Though the typical meaning of a CPh is only determined by its fixed component, a CPh can become a complete utterance to express a complete thought after its variable component position is filled. The fixed component imposes certain semantic constraints on the fillers of the open slot.

Based on the data of Modern Greek text corpora, internet texts, and social networks messages, we make an attempt to determine the time when the CPh *Πιο Χ πεθαίνεις* emerged in Modern Greek. In order to see if the construction has undergone any changes in the course of its migration to Greek from Italian and/or French, we separately analyze the structure, the open slot fillers, and the functioning of the construction in Modern Greek, French, and Italian.

It is demonstrated that the borrowed construction has retained its original typical meaning. In the three languages, it typically denotes a high degree of a quality or the maximum manifestation of a characteristic of an object/person/state. It has also retained the semantic restrictions set by its fixed component for open slot fillers. At the same time, in the course of its borrowing, the construction has been reduced formally while enhancing its productivity and ability to form combinations with other language units.

Keywords*:* Modern Greek language, constructional phrasemes, constructional borrowing, phraseological calquing.

1. Введение

Термин «фразеологизмы-конструкции» (англ. phraseme-constructions / constructional phrasemes, нем. Phrasem-Konstruktionen), предложенный Д. О. Добровольским [Dobrovol'skij 2011: 114], является, по мнению некоторых лингвистов [Mollica, Schafroth 2018: 104], наиболее удачным для описания структур, занимающих на шкале лексико-синтаксического континуума промежуточное место между фразеологизмами с фиксированным лексическим составом, традиционно изучаемыми в рамках фразеологии, и свободными синтаксическими конструкциями, являющимися объектом изучения в синтаксисе.

Фразеологизмы-конструкции (ФК) состоят из идиоматичного фиксированного (постоянного) компонента и свободного переменного компонента, т. е. частично воспроизводятся как готовые фразеологические единицы, частично строятся как синтаксические конструкции [Величко 2016: 60]. Типовое значение ФК определяется фиксированным компонентом, однако ФК становится законченным высказыванием

и выражает законченную мысль только после заполнения слота переменного компонента. При этом фиксированный компонент ФК накладывает на слот переменного компонента семантические ограничения: «слово может появиться в конструкции, если оно семантически совместимо со значением этой конструкции (или точнее, с тем значением, которым конструкция наделяет конкретный слот, где появляется слово)» [1] [Stefanowitsch, Gries 2003: 213].

ФК были включены во фразеологические классификации сравнительно недавно [Баранов, Добровольский 2016: 86–90] [2]. Д. О. Добровольский отмечает: «Единицы этого типа до сих пор не привлекали должного внимания фразеологов: семантика таких конструкций описывалась весьма приблизительно, а ограничения на заполнение „пустых мест“ и соответствующие селективные предпочтения практически не исследовались» [Добровольский 2016: 18].

Данная статья посвящена анализу новогреческого ФК *Πιο X πεθαίνεις* (букв. ‘более X умираешь’), представляющего собой фразеологическую кальку французской конструкции *Plus X que Y, tu meurs* и/или итальянской конструкции *Più X di Y si muore*.

В новогреческой лингвистике ФК еще не получили описания в качестве отдельного класса фразеологизмов, хотя многие из них обладают значимой частотностью употребления и фиксируются в академических словарях. Случаи заимствования такого типа фразеологизмов также не изучены.

Заимствование языковых конструкций исследуется лингвистами, работающими в парадигме Грамматики конструкций [Goldberg 1990; Van de Velde, Zenner 2010; Doğruöz, Gries 2012; Colleman 2016], однако лишь некоторые из структур, анализируемых в Грамматике конструкций, соотносятся с классом ФК [3], [4].

---

[1] Здесь и далее переводы выполнены автором статьи, за исключением особо оговоренных случаев.

[2] См. также «синтаксические фразеологизмы» в [Баранов, Добровольский 2008: 67] и «Phraseoschablonen» в [Fleischer 1982: 135].

[3] Так, А. Голдберг в одной из своих работ анализирует устойчивые синтаксические паттерны, заимствованные английским языком из идиша (например, *VOS IS TSU + INF* на идише → англ. *WHAT'S TO + INF*) [Goldberg 1990], а Ф. Ван де Велде и Э. Зеннер описывают случай заимствования нидерландским языком английской конструкции *Pimp my X* [Van de Velde, Zenner 2010].

[4] Автор благодарит редактора статьи, указавшего на то, что заимствование конструкций также часто обсуждается в исследованиях по древнерусскому языку

Исследуя новогреческие корпусы текстов, тексты в интернете и социальных сетях, мы предпринимаем попытку определить время появления конструкции *Πιο Χ πεθαίνεις* в новогреческом языке. Чтобы выявить возможные изменения, которым подверглась конструкция в процессе миграции в новогреческий язык из итальянского и/или французского, отдельно анализируется структура, наполнение и функционирование конструкции в новогреческом, французском и итальянском языках.

2. Новогреческий ФК *Πιο Χ πεθαίνεις*

На настоящий момент ФК *Πιο Χ πεθαίνεις* (букв. ‘более Χ умираешь’) не занесен в академические словари новогреческого языка и упоминается только в онлайн-словарях Βικιλεξικό и slang.gr, где имеет следующие толкования:

— фраза используется, «чтобы указать на то, что чье-либо качество / чья-либо характеристика выражены интенсивно» [5];
— «качество / характеристика / поведение кого-либо выходит за пределы возможного для человека», «суперлатив суперлатива» [6].

По всей видимости, ФК начинает использоваться в греческом языке в первом десятилетии 2000-х гг. [7] Наиболее ранний из найденных нами контекстов употребления конструкции в интернете — в социальной сети Facebook — датируется 2007 г. С 2007 по 2008 г. ФК встречается в Facebook три раза [8], а в 2009 г. появляется и в Twitter. С этого момента

в контексте заимствований еврейских и греческих конструкций в древний церковнославянский язык: в частности, в работах П. В. Петрухина, М. Г. Шарихиной, Е. В. Федоровой, А. А. Пичхадзе, Т. И. Афанасьевой и др.

[5] https://el.wiktionary.org/wiki/πιο_τάδε_πεθαίνεις (дата обращения — 21.09.2019).

[6] https://www.slang.gr/lemma/20864-pio-pethaineis (дата обращения — 21.09.2019).

[7] Поиск конструкции в поисковой системе Google и социальных сетях Facebook и Twitter не дал результатов ранее 2007 г. В Национальном корпусе греческого языка (ΕΘΕΓ) по состоянию на 21.09.2019 г. не содержится контекстов употребления конструкции (возможно, это объясняется сравнительно небольшим объемом корпуса — 47,1 млн слов).

[8] Все три раза ФК написан латиницей (т. е. на так называемом «greeklish»).

ФК становится «вирусным» и частота его использования начинает стремительно расти.

Мы проанализировали частотность употребления ФК Πιο X πεθαίνεις в Twitter в период с 2009 по 2012 г. Результаты подсчета показаны в *Таблице 1*[9].

Таблица 1. Частотность употребления ФК *Πιο X πεθαίνεις* в Twitter (2009–2012 гг.)

Table 1. Frequency of use of the constructional phraseme *Πιο X πεθαίνεις* on Twitter (2009–2012)

Год	**Количество использований в Twitter, раз**
2009	8
2010	1 034
2011	4 700
2012	14 772

Если в 2009 г. в Twitter регистрируется только 8 случаев употребления ФК, то в 2012 г. он имеет уже около 15 тысяч употреблений.

Основная доля употреблений ФК *Πιο X πεθαίνεις* в греческом интернете приходится на социальные сети, о чем свидетельствует тот факт, что конструкцию до сих пор включают в различные перечни «выражений Facebook» и описания «языка Twitter»[10].

Тем не менее социальными сетями сфера использования ФК не ограничивается. В июле 2012 г. в Греции появляется и становится популярной песня «Πιο έρωτας πεθαίνεις» (букв. ‘более любовь умираешь’, т. е. ‘самая что ни на есть любовь’)[11], а в 2017 г. — серия рекламных

[9] Частотность употребления ФК подсчитывалась автором статьи вручную с помощью поиска по ключевым словам внутри социальной сети Twitter (в качестве ключевого слова использовалась наиболее устойчивая часть конструкции — глагольная форма *πεθαίνεις*) и дальнейшей индивидуальной вычитки каждого контекста для исключения синтаксических омонимов.

[10] См., например, статью 2018 г. «14 χρόνια Facebook» ‘14 лет Facebook’ [Θεοχάρης 2018]. Статья представлена как «попытка перечислить слова и выражения, которые повторяются в Facebook настолько часто, что их невозможно (и нельзя) обойти вниманием».

[11] В связи с выходом песни пользователи Twitter пишут: *Εμφανής η επιρροή του twitter στην ελληνική μουσική σκηνή* ‘Заметно влияние Twitter на греческую

видеороликов сервиса по доставке еды под общим слоганом «Πιο εύκολο πεθαίνεις» (букв. ‘более просто умираешь’ — ‘проще не бывает’).

ФК можно услышать и в речи политиков. В качестве примера можно привести речь, которую в марте 2014 г. произнес в греческом парламенте Э. Цакалотос, до недавнего времени занимавший пост министра финансов Греции:

(1) *Και να μείνουμε σ’ αυτό το νομοσχέδιο που πιο μνημόνιο πεθαίνεις; Αυτό είναι το μνημόνιο, δεν είναι κάποια αφηρημένη σκέψη το μνημόνιο!* [12]
‘Остановимся и на этом законопроекте — самом что ни на есть меморандуме (букв. ‘более меморандум умираешь’)! Это и есть меморандум, меморандум — это не какая-то абстракция!’

Еще один пример — реплика Н. Тахиаоса, кандидата в мэры г. Салоники, прозвучавшая в интервью телеканалу ΣΚΑΪ в ноябре 2018 г.:

(2) *Πιο Μακεδόνας από μένα, πεθαίνεις…* [13]
‘Я македонец больше всех вас’ (букв. ‘более македонец, чем я, умираешь’).

В последние несколько лет ФК начинает употребляться и в греческих переводах иностранной литературы (см. примеры (3)–(5) ниже):

(3) *B-o-r-i-n-g* [Kennedy 2013: 239].
Πιο ανιαρό, πεθαίνεις! [Kennedy 2015].
‘Скукота!’ (букв. ‘более скучно, умираешь’).

(4) *That is so out of proportion* [Kinsella 2016a: 69].
Πιο υπερβολικό πεθαίνεις [Kinsella 2016b].
‘Это уж слишком!’ (букв. ‘более чрезмерно умираешь’).

(5) *… es cursi, cursi, cursi a morir!* [Giménez Bartlett 2004: 283].
… είναι τελείως κιτς, πιο κιτς πεθαίνεις! [Giménez Bartlett 2015].
‘… она абсолютно нелепа, нелепа до смерти!’ (букв. ‘более китч умираешь’).

музыку’. https://twitter.com/AmberP_/status/272023909921091584 (дата обращения 21.09.2019).

[12] https://www.youtube.com/watch?v=YKPnH_wMlys&t=38s (дата обращения 21.09.2019).

[13] https://www.youtube.com/watch?v=g-GQBU5RpkI (дата обращения 21.09.2019).

Неологизм вызывает неоднозначную реакцию носителей греческого языка: в период с 2010 по 2012 г. в Twitter ежегодно появляется около десятка сообщений, в которых критикуется ФК:

(6) *Τα 3 απάλευτα τουιτερικά κλισέ που με βάζουν σε πειρασμό για unfollow: 1) αυτό που… αυτό, 2) πιο… πεθαίνεις, 3) peste_na_me_fate*[14].
'Три невыносимых твиттер-клише, которые вызывают у меня желание отписаться: 1) αυτό που… αυτό, 2) πιο… πεθαίνεις, 3) peste_na_me_fate'.

(7) *Η εκφραση "πιο (κατι) πεθαινεις" εχει αρχισει και μου τη δινει…*[15]
'Фраза «πιο (что-либо) πεθαινεις» начала меня бесить…'

(8) *Ποτε θα σταματησει αυτο με τα "πιο…πεθαινεις";*[16]
'Когда прекратится это «πιο…πεθαινεις?»'

В конце 2014 г. греческое интернет-издание Lifo.gr включило ФК *Πιο Χ πεθαίνεις* в перечень фраз, употребление которых в 2015 г. «запрещается» (5-е место по результатам голосования читателей) [Δημοκίδης 2015].

Неприятие нового фразеологизма, по-видимому, частично объясняется «инородностью [его] грамматической структуры и сочетаемости слов-компонентов» [Солодухо 1982: 136]. Подтверждением этому являются высказывания в прессе и социальных сетях, демонстрирующие непонимание синтаксических связей в конструкции:

(9) *"Πιο έρωτας πεθαίνεις." Ποιός πεθαίνει. Εσύ ή ο έρωτας; Και πώς μπορεί να πεθαίνει ο έρωτας και να είναι πιο έρωτας;*
'«Более любовь умираешь». Кто умирает? Ты или любовь? И как может умирать любовь и быть более любовь?' [Σμυρνής 2013].

Это подтверждают и ошибки при письменном воспроизведении ФК — в 1021 случае употребления ФК *Πιο Χ πεθαίνεις* в Twitter за исследованный нами период (т. е. в 5 % случаев) допущена ошибка в слове *πιο*[17].

---

[14] https://twitter.com/v_emman/status/29179334958 (дата обращения 21.09.2019).

[15] https://twitter.com/eliaskazais/status/72348209166553089 (дата обращения 21.09.2019).

[16] https://twitter.com/byRevery/status/175293143288262656 (дата обращения 21.09.2019).

[17] Наиболее распространенная ошибка — замена наречия *πιο* ('более') полностью созвучным местоимением *ποιο* ('какое'), например *ποιο ψεύτικη είδηση πεθαίνεις*

3. Прототипы новогреческого ФК *Πιο Χ πεθαίνεις*

Н. Сарандакос считает, что ФК *Πιο Χ πεθαίνεις* имеет негреческое происхождение и обязан своим появлением французскому выражению *Plus X que Y, tu meurs* (букв. ‘более X чем Y, ты умираешь’ — ‘более X, чем Y, умереть можно’) [Σαραντάκος 2017]. Некоторые носители греческого языка, в частности, связывают появление ФК в греческом языке с серией комиксов на французском языке «Lucky Luke», длительное время издававшихся в Греции[18].

Французский аналог греческого ФК — *Plus X que Y, tu meurs* — занесен в словари французского языка. В словаре Larousse он указан в лемме глагола *mourir* в форме «plus + adjectif, tu meurs» со следующим определением: «ироническая реплика, которая означает, что качество, выраженное прилагательным в сравнительной степени, невозможно превзойти, что лучшего (или худшего) добиться невозможно» [Larousse].

По всей видимости, для французского языка ФК *Plus X que Y, tu meurs* также является заимствованием. В словаре «Dictionnaire du français argotique et populaire» он указывается в форме «plus (…) que (…) tu meurs!» с пометкой «pataouète» [Caradec, Pouy 2009: 167]. Во Введении к этому словарю Ф. Карадек поясняет значение термина «pataouète»: «привезенный во Францию франкоалжирцами (pieds-noirs) из Алжира в 60-х гг., вместе с их синтаксисом»[19] [Caradec, Pouy 2009: XVIII].

Фраза *Plus X que Y, tu meurs* приобрела во Франции особую популярность после выхода в 1982 г. комедии (и песни) «Plus beau que moi tu meurs!» (букв. ‘Более красивый, чем я, ты умираешь!’ — ‘Просто

(букв. ‘какое фейковая новость умираешь’). В некоторых случаях *ποιο* согласуется с последующим существительным, например, *ποιος πάγος πεθαίνεις* (букв. ‘какой лёд умираешь’) или даже *ποιοι επικοινωνιακοί τύποι πεθαίνεις* (букв. ‘какие коммуникабельные личности умираешь’).

[18] См. комментарии к словарной статье на slang.gr. https://www.slang.gr/lemma/20864-pio-pethaineis (дата обращения 21.09.2019).

[19] «que les pieds-noirs d’Algérie ont introduit en France dans les années 60, avec sa syntaxe». В качестве примера далее приводится фраза *Plus beau que moi, tu meurs* (букв. ‘более красивый, чем я, ты умираешь’ — ‘я невероятно красив’).

красавчик!’)[20]. В словаре «Dictionnaire du français branché» сообщается: «В то время как фильм был сомнительного качества, выражение «plus что-то que moi» (или «que lui») сделало неплохую карьеру». Там же указывается: «Если получится произнести его с франкоалжирским акцентом, так еще лучше!» [Merle, Duneton 1986: 147–148].

Некоторые исследователи, однако, считают, что прототипом французского фразеологизма *Plus X que Y, tu meurs* является итальянское выражение *Più X di Y si muore*. Так, Ф. Дурнон пишет: «Фильм под названием „Plus beau que moi, tu meurs!“ сделал известным во Франции это итальянское выражение» [Dournon 1994: 243][21]. Если учесть, что патауэт представляет собой «французский диалект, в который были перенесены лексика и синтаксические формы из испанского, итальянского, мальтийского и арабского языков» [Sivan 1979: 21], такое предположение выглядит вполне допустимым.

Итальянский ФК *Più X di Y si muore* встречается в текстах на итальянском языке уже в 1920-х гг. Авторство фразы приписывают римскому комику Э. Петролини (1886–1936). Так, 28 марта 1922 г. в итальянской ежедневной газете «Corriere della Sera» У. Ойетти пишет: «Петролини, во фраке, сделал последний пируэт, выдал последнюю шутку. Оркестр внезапно замолчал. Выпрямившись, посерьезнев, прижав цилиндр к животу, Петролини задирает крючковатый нос, распахивает черные большие глаза и произносит свою реплику: „Più stupido di così si muore“ (букв. ‘более глупый, чем это, умираешь’, т. е. ‘глупее – только помереть’). Публика аплодирует, аплодирует, аплодирует» [Ojetti 1922].

Итальянский ФК *Più X di Y si muore!* занесен в различные словари и сборники устойчивых выражений — например, в «Большой словарь итальянского языка» [GDLI X 1994: 914] и «Perché si dice così» [Provenzal 1958: 244] (в обоих случаях в форме *Più di così si muore*).

Французский и итальянский ФК также используются в Twitter, хотя частотность их употребления и различается (*Табл. 2*)[22].

---

[20] Режиссер фильма Ф. Клер известен во Франции как популяризатор юмора pied-noir [Bokobza 2016: 99].

[21] Главную роль в фильме «Plus beau que moi tu meurs!» исполнил актер итальянского происхождения А. Маччоне.

[22] Частотность употребления французской и итальянской конструкций также подсчитывалась вручную с помощью поиска по ключевым словам *tu meurs* / *si muore*.

Таблица 2. Частотность употребления анализируемых ФК в Twitter (2007–2012 гг.)

Table 2. Frequency of use of the constructional phrasemes under analysis on Twitter (2007–2012)

Год	**Количество использований в Twitter, раз**		
	Новогреч.	**Итал.**	**Франц.**
2007	0	4	11
2008	0	8	85
2009	8	39	488
2010	1 034	220	1 917
2011	4 700	678	6 328
2012	14 772	2 442	ок. 30 000 [23]

Как видно из таблицы, наибольшую частотность употребления имеет в Twitter французский ФК, употребляющийся примерно в два раза чаще новогреческого ФК. Однако если принять во внимание соотношение общего количества носителей французского, итальянского и новогреческого языков, можно говорить о том, что новогреческий ФК используется наиболее интенсивно.

Анализ контекстов в Twitter не выявил наличия какой-либо полемики, связанной с неприятием французского и итальянского фразеологизма носителями соответствующих языков.

Таким образом, у нас есть основания полагать, что новогреческий ФК *Πιο Χ πεθαίνεις* представляет собой кальку соответствующей французской и/или итальянской конструкции.

Наибольшее число калек, появившихся в новогреческом языке в период с сер. XVIII в. до сер. XX в. (в том числе фразеологических), имеет французское происхождение [Ζαφείρη 2015: 73–75]. Итальянский язык в основном послужил для новогреческого языка источником прямых лексических заимствований [Ζαφείρη 2015: 78], однако в то же время оказал большое влияние на некоторые греческие жаргоны [Minniti-Gonias 2009–2010] и диалекты.

[23] Количество употреблений французского ФК за 2012 г. указано на основании подсчета употребления конструкции за два месяца (ноябрь — декабрь) 2012 г., так как высокая частотность употребления ФК в 2012 г. значительно затрудняет ручную обработку контекстов.

4. Анализ ФК *Πιο Χ πεθαίνεις* и его прототипов

Мы провели анализ новогреческого ФК *Πιο Χ πεθαίνεις* и его французского и итальянского прототипов.

Основным материалом для работы послужили данные трех корпусов текстов:

— корпуса новогреческого языка elTenTen14 (1,67 млрд слов);
— корпуса французского языка frTenTen12 (9,89 млрд слов);
— корпуса итальянского языка itTenTen16 (4,99 млрд слов).

Для получения более полной картины также использовались контексты социальной сети Twitter за 2007–2012 гг. [24]

Анализ ФК включал в себя:

— определение структуры фиксированного компонента;
— определение того, какими лексемами заполняется слот переменного компонента, и подсчет частотности их использования;
— определение того, какими частями речи заполняется слот переменного компонента;
— определение типового значения конструкции на основании анализа множества контекстов;
— определение способа функционирования конструкции в контексте или предложении.

4.1. Анализ новогреческого ФК *Πιο Χ πεθαίνεις*

Фиксированная часть новогреческого ФК *Πιο Χ πεθαίνεις* (букв. ‘более X умираешь’) представлена двумя лексемами: наречием *πιο* (‘более’) и глаголом *πεθαίνεις* (‘умираешь’).

Всего в корпусе текстов elTenTen14 было найдено 498 случаев употребления рассматриваемой конструкции. В *Таблице 3* представлены наиболее частотные варианты заполнения слота переменного компонента X в корпусе.

[24] В случае с французским ФК в 2012 г. учитывались только ноябрь —декабрь 2012 г.

Таблица 3. Наиболее частотные варианты заполнения Χ в ФК *Πιο Χ πεθαίνεις* в корпусе

Table 3. Occurences of the most frequent fillers of X of *Πιο Χ πεθαίνεις* in corpus

Слово	**Перевод**	**Частота**
έρωτας	‘любовь’	30
κλισέ / *cliche*	‘клише’	16
βλάκας	‘дурак’	9
πολύ	‘много’	8
σέξι / *sexy*	‘сексуальный’	8
βαρετός, -ή, -ό	‘скучный’	6
μαλάκας	‘урод’	6
γελοίος, -α, -ο	‘смешной’	5
κουλ / *cool*	‘кул, клевый’	5
γραφικός, -ή, -ό	‘колоритный’	4
δεξιά	‘справа’	4
κιτς	‘китч’	4
ξενέρωτος, -η, -ο	‘нудный; с похмелья’	4
χαζός, -ή, -ό	‘тупой’	4
casual	‘повседневный, кэжуал’	3
ανεύθυνος, -η, -ο	‘безответственный’	3
άσχημος, -η, -ο	‘ужасный’	3
δεξιός, -ά, -ό	‘правый’	3
κλασσικός, -ή, -ό	‘классический’	3
κοντά	‘близко’	3
παρακμή	‘упадок’	3
ΠΑΣΟΚ	‘ПАСОК’	3
πρόβατο	‘овца’	3
τραμπούκος	‘провокатор’	3
φασίστας	‘фашист’	3

Согласно данным корпуса, Χ может быть выражен прилагательным (например, *βαρετός* ‘скучный’, *γραφικός* ‘колоритный’), причастием (*βαμμένη* ‘накрашенная’), наречием (*πολύ* ‘много’, *κάτω* ‘внизу’), существительным (*έρωτας* ‘любовь’, *πρόβατο* ‘овца’), числительным (*1984*) или словосочетанием (*νέα δημοσιογραφία* ‘новая журналистика’).

Приведем примеры употребления новогреческого ФК в корпусе:

(10) *Ίσως η χειρότερη,* ***πιο βαρετή πεθαίνεις****, ταινία του φεστιβάλ.*
‘Возможно, самый плохой, **самый скучный** фильм фестиваля’.

(11) *Γιατί τα άρθρα σας είναι ανυπόγραφα;* ***Πιο κίτρινος τύπος πεθαίνεις.***
‘Почему ваши статьи не подписаны? **Самая настоящая желтая пресса**’.

(12) *Πάνω από όλα όμως αυτό που είναι απίστευτο στον προτεινόμενο νόμο είναι αυτή η ιδέα ότι οι υπηρεσίες των Ηνομένων Πολιτειών μπορούν να παρεμβούν διεθνώς.* ***Πιο 1984 πεθαίνεις.***
‘Но самое невероятное в предлагаемом законе — это сама идея, что службы Соединенных Штатов могут осуществлять вмешательство во всем мире. **Это самый что ни на есть «1984»!**’.

Количество употреблений конструкции в корпусе значительно меньше количества ее употреблений в Twitter. Данные Twitter дают другой, отличный от данных корпуса, список лексем-фаворитов и более полное представление о заполнении слота переменного компонента.

Так, в Twitter было найдено 119 контекстов, в которых пустой слот конструкции заполняется отдельным глаголом или целым предложением (см. примеры (13)–(17)).

(13) ***Πιο νυστάζω, πεθαίνεις.***
‘**Я так спать хочу — умираю**’ (букв. ‘более хочу спать умираешь’).

(14) ***Πιο αποκλείεται πεθαίνεις.***
‘**Это абсолютно исключается**’ (букв. ‘более исключается умираешь’).

(15) ***Πιο «βαριέμαι την γενική στο σπίτι» πεθαίνεις.***
‘**Мне смертельно лень делать генеральную уборку в доме**’ (букв. ‘более «ленюсь делать генеральную уборку в доме» умираешь’).

(16) ***Πιο «λεφτά υπάρχουν» πεθαίνεις.***
‘**Денег просто завались**’ (букв. ‘более «деньги есть» умираешь’).

(17) ***Πιο πεταω-στα-συννεφα-αυτη-τη-στιγμη πεθαινεις.***
‘**Я сейчас просто на седьмом небе**’ (букв. ‘более летаю-в-облаках-в-эту-минуту умираешь’)

В тех случаях, когда X выражен предложением, он чаще всего обособляется знаками препинания — кавычками или дефисами, как

в примерах (15)–(17), или же предложение пишется в одно слово, как в примере (18) ниже.

(18) ***Πιο δενανεχομαιταρουχαμουτελησεπτεμβρη πεθαινεις.***
‘**Я терпеть не могу одежду, которую ношу в конце сентября**’
(букв. ‘более непереношусвоюодеждувконцесентября умираешь’).

Данные Twitter также показывают, что пустой слот конструкции может заполняться местоимениями (например, *εγώ* ‘я’), частицами (*δεν* / *not* ‘не’), междометиями (*πφφφ* ‘пффф’, *lol* ‘lol’) или даже символами (смайлами).

Семантическим ограничением для X, несмотря на его лексическое и частеречное разнообразие, является обозначение качества, признака предмета, лица или ситуации — т. е. выражение значения, обычно передаваемого прилагательным или причастием. При этом X может быть представлен частями речи, обыкновенно качество не обозначающими (глаголами, числительными, частицами, междометиями), или целыми предложениями.

Фиксированный компонент новогреческого ФК может демонстрировать некоторую вариативность: в некоторых случаях πιο заменяют другие наречия или прилагательные, обозначающие степень сравнения, например *περισσότερο* / *περισσότερος* (‘более’ / ‘больший’), *λιγότερο* / *λιγότερος* (‘менее’ / ‘меньший’) и др.

Редко (8 случаев из 498 в корпусе, т. е. 1,6 %) в ФК включается второй переменный компонент (Y), выраженный отдельным местоимением, существительным или словосочетанием, в результате чего конструкция приобретает следующий вид: *Πιο Χ από Υ πεθαίνεις* (букв. ‘более X, чем Y, умираешь’):

(19) ***Πιο βλάκας από τον σερβιτόρο πεθαίνεις.***
‘**Большего дурака, чем этот официант, не найти**’.

В большинстве случаев ФК занимает в тексте синтаксически автономное положение, реже — выполняет функцию какого-либо члена предложения, например, определения (см. пример (20)), обстоятельства (21) или именной части составного сказуемого (22):

(20) *Και καλύτερα που βάλανε την* ***πιο άχρωμη πεθαίνεις*** *ηθοποιό δίπλα του.*
‘И хорошо, что рядом с ним поставили **самую бесцветную** актрису’.

(21) *Γράφω post* ***πιο-γρήγορα-πεθαίνεις.***
‘Я пишу пост **невероятно быстро**’.

(22) *Το να πας να ψωνίσεις ρούχα είναι* ***πιο βαρετό πεθαίνεις.***
‘Ездить в магазин за одеждой — **ужасно скучно**’.

ФК может также формировать придаточное определительное предложение (22), при этом часто происходит опущение глагола-связки (23)–(24):

(22) *Συναντήσαμε 2 αστικά που ήταν* ***«πιο γεμάτα πεθαίνεις».***
‘Мы встретили 2 городских автобуса, которые были **битком набиты**’.

(23) *Κάνεις ερωτήσεις* ***που πιο αυτονόητες πεθαίνεις!***
‘Ты задаешь **абсолютно очевидные вопросы**’.

(24) *Η βόνταφον δεν έχει σήμα ούτε στην πλατεία αγίου μηνά,* ***που πιο κέντρο πεθαίνεις.***
‘Водафон не ловит даже на площади святого Мины, **в самом что ни на есть центре**’.

Исследование контекстов корпуса текстов и Twitter подтверждает приведенные в начале *Раздела 2* словарные толкования новогреческого ФК: его типовым значением является выражение максимально высокой степени проявления признака.

В Twitter нередки случаи дополнительного игрового усиления интенсифицирующего значения конструкции:

(26) *Πιο χαλια οχι απλα πεθαινεις αλλα πεθαινουν κ οι αλλοι τριγυρω.*
‘Такой кошмар, что не только сам помрешь, но и все остальные вокруг’.

(27) *Πιο γραφικός πεθαίνεις επανέρχεσαι με ηλεκτροσόκ και ξανά πεθαίνεις…*
‘Он такой колоритный — просто умрешь. Потом очнешься от электрошока и снова умрешь’.

Часто точкой опоры для языковой игры становится семантика лексемы, заполняющей пустой слот конструкции:

(28) *Πιο μικρός ο κόσμος, πεθαίνεις από ασφυξία.*
‘Мир настолько тесен, что можно задохнуться.

(29) *Πιο αδύνατη πεθαίνεις ή την βάζεις στο μουσείο της Αιγύπτου για μούμια.*
‘Худее быть нельзя — если только ты не египетская мумия в музее’.

(30) *Πιο πασόκος πεθαίνεις από σοσιαλισμό.*
‘Быть таким фанатиком ПАСОК невозможно — умрешь от социализма’.

4.2. Анализ французского ФК *Plus X (que Y) tu meurs*

Фиксированная часть французского ФК *Plus X tu meurs* (букв. ‘более X ты умираешь’) представлена тремя элементами: наречием *plus* (‘более’), местоимением *tu* (‘ты’) и глаголом *meurs* (‘умираешь’).

Всего в корпусе текстов frTenTen12 найдено 4383 случая употребления ФК. В *Таблице 4* представлены наиболее частотные варианты заполнения слота переменного компонента X в корпусе.

Таблица 4. Наиболее частотные варианты заполнения X в ФК *Plus X tu meurs* в корпусе
Table 4. Occurences of the most frequent fillers of X of *Plus X tu meurs* in corpus

Слово	**Перевод**	**Частота**
con	‘придурок’ *(обсц.)*	144
beau	‘красивый’	48
à gauche	‘слева’	47
écolo	‘«зеленый», активист экол. движения’	39
bête	‘глупый’	38
français	‘француз, -ский’	33
débile	‘дебил, -ьный’	29
faux cul	‘фальшивка’	29
cliché	‘клише’	28
cool	‘кул, клевый’	24
chiant	‘скучный, занудный’	21
fou	‘сумасшедший, псих’	17
démocrate	‘демократ, -ический’	16
cheap	‘дешевый’	14
classique	‘классический’	14
facile	‘легкий, простой’	14
clair	‘ясный’	13
cynique	‘циничный, циник’	13
démagogue	‘демагог’	13
geek	‘энтузиаст, гик’	13

X может быть выражен прилагательным (например, *agressif* ‘агрессивный’), причастием (*accroché* ‘привыкший, «подсевший»’),

существительным (*admirateur* ‘поклонник’) или различного типа словосочетаниями (*culte de la personnalité* ‘культ личности’, *égoïste et irresponsable* ‘эгоист и безответственный’), в том числе предложным (*à gauche* ‘слева’, *à droite* ‘справа’).

Приведем примеры употребления французского ФК в корпусе:

(31) *Une œuvre comme le Concerto de Brahms,* ***plus romantique tu meurs****.*
‘Произведение вроде концерта Брамса, **романтичней не бывает**’.

(32) *M. Moussa n’a rien révélé de ce que les Chefs des diplomaties arabes ont vraiment décidé et ses réponses sont restées énigmatiques.* ***Plus Sphinx que cela, tu meurs.***
‘Г-н Мусса ничего не рассказал о том, что на самом деле решили арабские лидеры, и его ответы остались загадкой. **Поистине Сфинкс**’.

(33) ***Plus socialiste que moi, plus à gauche que moi, tu meurs,*** *dirait Roland Dumas.*
‘**Большего социалиста, чем я, более «левого», чем я, вы не найдете,** сказал бы Ролан Дюма’.

Заполнение пустого слота отдельным глаголом или предложением для французской конструкции в целом не характерно — поиск по корпусу и по Twitter дает всего 3 таких результата[25]:

(34) ***Plus “je retourne ma veste” que lui tu meurs !***
‘**«Переобуваться» быстрее, чем он, просто невозможно!**”.

(35) ***Plus je fous rien tu meurs.***
‘**Он ни фига не делает**’.

По данным Twitter, пустой слот французской конструкции в редких случаях может также заполняться местоимением (*moi* ‘я’).

Фиксированный компонент французского ФК демонстрирует некоторую вариативность. В 66 случаях ФК был употреблен в корпусе в форме *Moins X (que Y) tu meurs* (букв. ‘менее X (чем Y) ты умираешь’), а в 58 случаях слово *plus* заменяется прилагательным или наречием в сравнительной степени — *pire / pis* (‘худший / хуже’), *meilleur / mieux* (‘лучший / лучше’). Кроме этого, *plus* часто заменяется на письме знаком «+».

[25] Не учитывались случаи явной орфографической ошибки в написании некоторых причастий (*plus connecter tu meurs* вместо *plus connecté tu meurs*).

Включение в конструкцию второго переменного компонента Y, как и в случае с новогреческим ФК, не является обязательным, однако наблюдается достаточно часто: из 4383 случаев употребления конструкции в корпусе Y присутствует в 2148 (49 %). Y может быть выражен местоимением (например, *moi* ‘я’), существительным (*musicien* ‘музыкант’) или именным словосочетанием (*langage diplomatique* ‘дипломатический язык’).

Французский ФК, как и новогреческий, в большинстве случаев занимает в тексте синтаксически автономное положение, однако может выполнять и функцию какого-либо члена предложения, например определения (36), обстоятельства (37) или именной части составного сказуемого (38), причем в последнем случае глагол-связка может опускаться (39)–(40).

(36) *Dans un bled* ***plus-rural-tu-meurs*** *comme le mien, c’était un gros obstacle.*
‘В **самой что ни на есть глухой провинции**, как у меня, это было большим препятствием’.

(37) *je mets #xfactor 2 secondes, la nana chante* ***plus-faux-tu-meurs…***
‘Включаю #xfactor на пару секунд, дамочка поет **вообще мимо нот**’.

(38) *Mes gouts musicaux sont* ***plus variés tu meurs****.*
‘Мои музыкальные вкусы невероятно разнообразны’.

(39) *Ma mère* ***plus Manipulatrice tu meurs.***
‘Моя мать — **мастер манипулировать**’.

(40) *Ma robe* ***plus “petite maison dans la prairie” tu meurs.***
‘У меня платье — ну в точности **как из сериала «Маленький домик в прериях»**’.

Глагол-связка может быть опущен и в тех случаях, когда ФК образует придаточное предложение:

(41) *Ma Copine ! Ou la meuf* ***qui plus solide tu meurs !***
‘Моя подружка! Или девушка, **надежней которой в мире нет**’.

Анализ контекстов показывает, что типовым значением французского ФК Plus X (que Y) tu meurs является выражение максимально высокой степени проявления признака, что соответствует словарному определению конструкции [Larousse].

Случаи языковой игры с французской конструкцией менее многочисленны и, на наш взгляд, менее оригинальны по сравнению с новогреческим ФК, однако также встречаются (см. примеры (42)–(43) из корпуса):

(42) *Plus écologiste que lui, tu meurs de faim.*
‘Быть большим борцом за экологию, чем он, нельзя — помрешь от голода’.

(43) *Plus expérimental que ce disque, tu meurs d’overdose !*
‘Этот диск настолько экспериментальный, что можно умереть от передозировки’.

4.3. Анализ итальянского ФК *Più X di Y si muore*

Фиксированная часть итальянского ФК *Più X di Y si muore* (букв. ‘более X, чем Y, умираешь’) представлена четырьмя элементами: наречием *più* (‘более’), предлогом *di* (‘чем’), возвратным местоимением *si* и глаголом *muore* (‘умирает’).

Всего в корпусе текстов itTenTen16 найдено 567 случаев употребления ФК. Наиболее частотные варианты заполнения слота переменного компонента X в корпусе представлены в *Таблице 5* (с. 627).

В большинстве случаев X выражен прилагательным (например, *diplomatico* ‘дипломатичный’), реже используются причастия (*soddisfatto* ‘удовлетворенный’), существительные (*fascismo* ‘фашизм’) или различного типа словосочетания (*primo livello* ‘первый уровень’, *di sinistra* ‘слева’).

Приведем примеры употребления итальянского ФК в корпусе:

(44) *Per preparare questa marmellata avrete bisogno di limoni biologici, i miei sono stati gentilmente forniti dalla zia di una delle ragazze che lavora con me, colti dall’albero di limoni che ha in giardino,* ***più bio di così si muore.***
‘Чтобы приготовить этот джем, вам понадобятся органические лимоны, мне их любезно дала тетя одной из девушек, которые со мной работают, они собраны с лимонного дерева у нее в саду, **самые что ни на есть «био»**’.

Таблица 5. Наиболее частотные варианты заполнения X в ФК *Più X di Y si muore* в корпусе
Table 5. Occurences of the most frequent fillers of X of *Più X di Y si muore* in corpus

Слово	**Перевод**	**Частота**
chiaro	‘ясный’	76
semplice	‘простой’	22
facile	‘легкий’	14
bello	‘красивый’	5
scemo	‘тупой’	5
veloce	‘быстрый’	5
centrale	‘центральный’	4
fresco	‘свежий’	4
assurdo	‘абсурдный’	3
bio	‘био’	3
classico	‘классический’	3
diretto	‘прямой’	3
esplicito	‘откровенный’	3
in basso	‘внизу’	3
inglese	‘английский’	3
leggero	‘легкий’	3
privato	‘личный’	3
reality	‘реалити’	3
romano	‘римский’	3
tipico	‘типичный’	3

(45) *I burger di ceci sono un piatto vegetariano, vegano e senza glutine:* ***più sano di così, si muore.***
‘Бургеры из нута — вегетарианское, веганское и безглютеновое блюдо: **самая что ни на есть здоровая еда**’.

Заполнение пустого слота отдельным глаголом или предложением для итальянского ФК не характерно. Лишь в одном контексте в Twitter пустой слот ФК заполняется инфинитивным оборотом:

(46) *Ecco penso a lui pure inconsciamente* ***più essere il mio bias di così si muore****.*
‘Ну вот, я думаю о нем, даже не осознавая этого, **большей пристрастности не представишь**’.

В Twitter также были найдены контексты, где пустой слот ФК заполняется числительным (*12*) и символом (смайлом).

Как и в случае с греческим и французским ФК, фиксированный компонент итальянской конструкции допускает некоторую вариативность, выражающуюся в замене наречия, образующего аналитическую степень сравнения (*più* ‘более’), наречием, образующим синтетическую. В 132 случаях (23 %) *più* заменяется другим наречием: *meglio* ‘лучше’ — 36, *peggio* ‘хуже’ — 34, *meno* ‘меньше’ — 6, *mejo* ‘лучше’ (венец.) — 2. Также *più* может быть заменено на письме знаком «+».

В 553 случаях (97 %) в конструкцию включается второй переменный компонент Y, выраженный местоимением: *così* ‘так’ — 537 раз, *questo* ‘это’ — 6 раз, и др. Столь высокая частотность употребления Y позволяет считать его включение в конструкцию обязательным.

В большинстве случаев итальянский ФК используется синтаксически автономно, и для него, в отличие от новогреческого и французского ФК, нехарактерна роль члена предложения. Однако периодически итальянский ФК может формировать придаточное определительное предложение, при этом какой-либо глагол-связка в придаточном отсутствует:

(47) *Sono andata in una città* ***che più scozzese di così si muore****.*
‘Я ездила в один город — **ну самый что ни на есть шотландский**’.

(48) *C’è talmente freddo che sembra di stare al polo nord, eppure sto nella parte* ***che più sud Italia di così, si muore****.*
‘Холодно, как на Северном полюсе, хоть я и нахожусь **в самой что ни на есть южной части Италии**’.

Согласно «Большому словарю итальянского языка» конструкция *Più di così si muore* обозначает «максимальность, высшую степень какого-либо положительного или отрицательного качества» [GDLI X 1994: 914]. Наш анализ контекстов из корпуса и Twitter подтверждает словарное определение ФК.

Как и новогреческая и французская конструкции, *Più di così si muore* подвергается языковой игре, выражающейся в дополнительном усилении интенсифицирующего значения ФК:

(49) *Più prudenti di così… si muore di paura.*
‘Осторожней и быть нельзя — помрешь от страха’.

(50) *Peggio di così non si muore ti prendono nel casting di The Walking Dead risparmiando sugli effetti speciali.*
‘Хуже этого быть можно — только тогда тебя сразу пригласят на кастинг в сериал «Ходячие мертвецы», чтобы сэкономить на спецэффектах’.

5. Сравнительный анализ ФК *Πιο X πεθαίνεις* / *Plus X (que Y) tu meurs* / *Più X di Y si muore*

Анализ структуры, наполнения и функционирования новогреческого, французского и итальянского ФК позволяет сделать следующие выводы.

1. Во всех трех языках ФК может иметь два переменных компонента — не только X, но и Y. Однако употребление Y варьируется от факультативного до обязательного в зависимости от языка.

Итальянский ФК имеет второй переменный компонент Y (наиболее часто выраженный местоимением *così* ‘так’) в 97 % случаев в корпусе, что позволяет считать включение Y в конструкцию обязательным. Об обязательности употребления Y свидетельствует и тот факт, что ФК занесен в словари и сборники устойчивых выражений в форме «più di così si muore» [GDLI X 1994: 914; GDLIM III 1999: 2343; Treccani; Provenzal 1958: 244].

Французский ФК имеет второй переменный компонент в 49 % случаев в корпусе, т. е. употребление Y факультативно. В словари французский ФК заносится как с двумя переменными компонентами (“plus (…) que (…) tu meurs!” [Caradec, Pouy 2009: 167]), так и с одним (“plus + adjectif, tu meurs” [Larousse]).

Новогреческий ФК употребляется с двумя переменными компонентами лишь в 1,6 % случаев и указывается в словарях без Y [Βικιλεξικό; slang.gr].

Так как у нас есть основания полагать, что итальянский ФК имеет более раннее происхождение, можно говорить о структурной редукции новогреческой конструкции (и в какой-то степени и французской) по сравнению с итальянским прототипом.

2. Во всех трех языках наблюдается частеречное разнообразие основного переменного компонента X. Наиболее часто X может быть выражен прилагательным, причастием или существительным, реже — числительным, местоимением, частицей или междометием.

Исследование контекстов в корпусе текстов и Twitter показало, что для итальянского и французского ФК нехарактерно заполнение слота X глаголом (1 случай в итальянском, 3 — во французском). На этом фоне заметно выделяется новогреческий ФК, пустой слот которого заполняется отдельным глаголом или предложением в 119 случаях. Таким образом, по сравнению с итальянским и французским ФК новогреческий ФК обладает большей продуктивностью.

3. Во всех трех языках ФК имеет тождественное типовое значение — значение высокой степени проявления признака, обозначаемого переменной X. Фиксированная часть ФК накладывает на X идентичные семантические ограничения: X должен обозначать качество / признак предмета, лица, ситуации. В тех случаях, когда пустой слот заполняется частями речи, обычно качество не обозначающими (глагол), или даже целыми предложениями, конструкция «принуждает» содержимое пустого слота обозначать качество.

4. Во всех трех языках ФК в большинстве случаев занимает в тексте синтаксически автономное положение, однако новогреческий и французский ФК также могут выполнять функцию члена предложения (определения, обстоятельства, именной части составного сказуемого), что не характерно для итальянской конструкции. В новогреческом и французском языке возрастает способность конструкции вступать в соединения с другими языковыми единицами.

5. Наконец, можно также обратить внимание на различное восприятие ФК носителями разных языков. В итальянском и французском языках ФК занесен в авторитетные словари и, судя по контекстам корпуса и Twitter, нет никакой полемики, связанной с неприятием фразеологизма носителями языка. В новогреческом языке рассматриваемый ФК, несмотря на высокую частотность употребления, пока не занесен в академические словари[26] и вызывает неоднозначную реакцию носителей языка (например, включается в перечень фраз, которые необходимо запретить)[27]. Случаи языковой игры с ФК во французском и итальян-

---

[26] Последняя дата обращения к одному из двух онлайн-словарей, куда занесен ФК *Πιο X πεθαίνεις*, (Βικιλεξικό, 21.09.2019) совпала с появлением на странице с фразеологизмом сообщения о предлагаемом удалении словарной статьи с формулировкой «ανύπαρκτος όρος» ‘несуществующий термин’. По состоянию на 01.10.2019 словарная статья удалена.

[27] Такую же судьбу имеет пока в новогреческом языке и выражение *Δεν υπάρχει!* (букв. ‘не существует’), которое, по всей видимости, представляет собой кальку

ском не слишком многочисленны, в то время как в новогреческом — распространены и, на наш взгляд, более оригинальны.

6. Заключение

Мы описали случай заимствования новогреческим языком фразеологизма-конструкции *Πιο Χ πεθαίνεις* из итальянского и/или французского языка. Мы проследили время появления конструкции в новогреческом языке и проанализировали те изменения, которым конструкция подверглась в ходе заимствования. Было продемонстрировано, что заимствованный фразеологизм сохранил исходное типовое значение и семантические ограничения, накладываемые фиксированным компонентом на заполнение пустого слота. В процессе заимствования конструкция подверглась структурной редукции, а ее продуктивность и способность вступать в соединения с другими языковыми единицами возросли.

Литература

Баранов, Добровольский 2008 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.

с итальянского *Non esiste!*, выражающего отрицательную или положительную оценку какого-либо объекта или ситуации: см. такие контексты, как итал. *Questa ragazza non esiste. È perfetta* (букв. ‘эта девушка не существует. Она совершенна’ — ‘эта девушка — само совершенство’), и новогреч. *Το άγχος για να βάλεις τα ψώνια στις σακούλες γρήγορα στο ταμείο του σουπερμάρκετ δεν υπάρχει* ‘Стресс, который ты испытываешь, пытаясь быстро разложить покупки по сумкам на кассе в супермаркете, просто не поддается описанию’, букв. ‘не существует’. https://twitter.com/i_louko/status/7170224551 (дата обращения 21.09.2019). Примечательно, что пользователи Twitter сравнивают ФК *Πιο Χ πεθαίνεις* с фразой *Δεν υπάρχει*: *Το ‘πιο + (συμπλήρωσε επίθετο), πεθαίνεις’ είναι το νέο ‘δεν υπάρχει’* ‘Фраза ‘*πιο + (вставить прилагательное), πεθαίνεις’ — это новое ‘δεν υπάρχει’*”. https://twitter.com/TheRealEltsiko/status/16250826378 (дата обращения 21.09.2019).

В качестве отправной точки для дальнейших сопоставлений отметим вышеупомянутую статью [Van de Velde, Zenner 2010], где описана полемика, возникшая в голландских СМИ в связи с распространением в нидерландском языке английской конструкции *Pimp my X* ‘прокачай мой X’ на фоне высокой популярности телешоу «Pimp my Ride» ‘Прокачай мою тачку’.

Баранов, Добровольский 2016 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Основы фразеологии (краткий курс). М.: Флинта, 2016.

Величко 2016 — А. В. Величко. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке: структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование. М.: МАКС Пресс, 2016.

Добровольский 2016 — Д. О. Добровольский. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 7–21.

Солодухо 1982 — Э. М. Солодухо. Проблемы интернациональной фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1982.

Bokobza 2016 — S. Bokobza. Jewish identity in French cinema (1950–2010). Newcastle upon Tyne: CSP, 2016.

Colleman 2016 — T. Colleman. A reflection on constructionalization and constructional borrowing, inspired by an emerging Dutch replica of the ‘time’-away construction // Belgian Journal of Linguistics. 2016. Vol. 30. № 1. P. 91–113.

Dobrovol’skij 2011 — D. Dobrovol’skij. Phraseologie und Konstruktionsgrammatik // A. Lasch, A. Ziem (eds.). Konstruktionsgrammatik III: Aktuelle Fragen und Lösungsansätze. Tübingen: Stauffenburg Linguistik, 2011. S. 110–130.

Doğruöz, Gries 2012 — A. S. Doğruöz, S. Th. Gries. Spread of on-going changes in an immigrant language // Review of Cognitive Linguistics. 2012. Vol. 10. № 2. P. 401–426.

Fleischer 1982 — W. Fleischer. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982.

Goldberg 1990 — A. Goldberg. Constructional borrowing and the process of factorization. URL: https://www.princeton.edu/~adele/papers/Papers/Finished/Yiddish.doc (дата обращения 21.09.2019).

Minniti-Gonias 2009–2010 — D. Minniti-Gonias. Ιταλικές και επτανησιακές λέξεις στην ελληνική αργκό // Επιστημονική Επετηρίς της Φιλοσοφικής Σχολής του Πανεπιστημίου Αθηνών. 2009–2010. № 41. Σ. 85–127.

Mollica, Schafroth 2018 — F. Mollica, E. Schafroth. Der Ausdruck der Intensivierung in komparativen Phrasem-Konstruktionen im Deutschen und im Italienischen: eine konstruktionsgrammatische Untersuchung // K. Steyer (ed.). Sprachliche Verfestigung. Wortverbindungen, Muster, Phrasem-Konstruktionen. Tübingen: Narr, 2018. S. 103–136.

Ojetti 1922 — U. Ojetti. Cose viste // Corriere della Sera. 28.03.1922.

Sivan 1979 — E. Sivan. Colonialism and Popular Culture in Algeria // Journal of Contemporary History. 1979. Vol. 14. № 1. P. 21–53.

Stefanowitsch, Gries 2003 — A. Stefanowitsch, S. Th. Gries. Collostructions: Investigating the interaction of words and constructions // International Journal of Corpus Linguistics. 2003. Vol. 8. № 2. P. 209–243.

Van de Velde, Zenner 2010 — F. Van de Velde, E. Zenner. Pimp my Lexis: het nut van corpusonderzoek in normatief taaladvies // E. Hendrickx, K. Hendrickx, W. Martin, H. Smessaert, W. Van Belle, J. Van der Horst (eds.). Liever meer of juist minder? Over normen en variatie in taal. Gent: Academia press, 2010. P. 51–68.

Δημοκίδης 2015 — Α. Δημοκίδης. Μικροπράγματα. Η λέξη και η φράση που ψηφίσατε να μην ξανακουστούν το 2015. URL: https://www.lifo.gr/team/bitsandpieces/54280 (дата обращения 21.09.2019).

Ζαφείρη 2015 — Σ. Ζαφείρη. Τα μεταφραστικά δάνεια της νέας ελληνικής. Διδακτορική διατριβή. Αθήνα: ΕΚΠΑ, 2015. URL: http://thesis.ekt.gr/thesisBookReader/id/37943#page/1/mode/2up (дата обращения 21.09.2019).

Θεοχάρης 2018 — Γ. Θεοχάρης. Χρηστικό γλωσσάρι _v.4. URL: https://dimartblog.com/2018/02/04/facebook-14y/ (дата обращения 21.09.2019).

Σαραντάκος 2017 — Ν. Σαραντάκος. Τι είναι ο χιονοκλώνος; URL: https://sarantakos.wordpress.com/2017/09/08/clone/ (дата обращения 21.09.2019).

Σμυρνής 2013 — Γ. Σμυρνής. Τι θέλει να πει ο ποιητής; «Πιο έρωτας πεθαίνεις» — Ελένη Φουρέιρα. URL: https://www.monopoli.gr/2013/01/23/istories/117305/ti-thelei-na-pei-o-poihths-pio-erwtas-pethaineis-elenh-foyreira/ (дата обращения 21.09.2019).

Источники

Caradec, Pouy 2009 — F. Caradec, J.-B. Pouy. Dictionnaire du Français argotique et populaire. Paris : Larousse, 2009.

Dournon 1994 — F. Dournon. Dictionnaire des mots et formules célèbres. Paris : Le Robert, 1994.

elTenTen14 — Modern Greek Web Corpus. URL: https://www.sketchengine.eu/ (дата обращения 21.09.2019).

frTenTen12 — French Web Corpus. URL: https://www.sketchengine.eu/ (дата обращения 21.09.2019).

GDLI X 1994 — Grande dizionario della lingua italiana. A cura di S. Battaglia. Vol. X. Torino: UTET, 1994. URL: http://www.gdli.it/sala-lettura/vol-x/10 (дата обращения 21.09.2019).

GDLIM III — Grande dizionario della lingua italiana moderna. A cura di L. Serianni. Vol. III. Milano: Garzanti, 1999.

Giménez Bartlett 2004 — A. Giménez Bartlett. Un barco cargado de arroz. Barcelona: Editorial Planeta, 2004. URL: https://books.google.com/ (дата обращения 21.09.2019).

Giménez Bartlett 2015 — A. Giménez Bartlett. Η σκοτεινή καρδιά της Βαρκελώνης. Μετάφρ. Α. Βασιλάκου. Αθήνα: Μεταίχμιο, 2015. URL: https://books.google.com/ (дата обращения 21.09.2019).

itTenTen16 — Italian Web Corpus. URL: https://www.sketchengine.eu/ (дата обращения 21.09.2019).

Kennedy 2013 — D. Kennedy. Five Days. London: Hutchinson, 2013. URL: https://books.google.com/ (дата обращения 21.09.2019).

Kennedy 2015 — D. Kennedy. Η ζωή ξεκινά σήμερα. Μετάφρ. Α. Μαντόγλου. Αθήνα: Μεταίχμιο, 2015. URL: https://books.google.com/ (дата обращения 21.09.2019).

Kinsella 2016a — S. Kinsella. Finding Audrey. London: Corgi Books, 2016. URL: https://books.google.com/ (дата обращения 21.09.2019).

Kinsella 2016b — S. Kinsella. Αναζητώντας την Όντρεϋ. Μετάφρ. Σ. Κάσδαγλη. Αθήνα: Εκδόσεις Πατάκη, 2016. URL: https://books.google.com/ (дата обращения 21.09.2019).
Larousse — Dictionnaire Larousse français monolingue et bilingue en ligne. URL : https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais (дата обращения 21.09.2019).
Merle, Duneton 1986 — P. Merle, C. Duneton. Dictionnaire du français branché. Paris: Éditions du Seuil, 1986.
Provenzal 1958 — D. Provenzal. Perché si dice così? Origine dei modi di dire, delle locuzioni proverbiali, di tante frasi dell'uso commune. Milano: Hoepli, 1958.
slang.gr — Slang.gr. URL: www.slang.gr (дата обращения 21.09.2019).
Treccani — Vocabolario Treccani on line. URL: www.treccani.it (дата обращения 21.09.2019).
Twitter — Twitter. URL: www.twitter.com (дата обращения 21.09.2019).
youtube.com — YouTube. URL: www.youtube.com (дата обращения 21.09.2019).
Βικιλεξικό — Βικιλεξικό. URL: https://el.wiktionary.org (дата обращения 21.09.2019).

References

Baranov, Dobrovol'skij 2008 — A. N. Baranov, D. O. Dobrovol'skij. Aspekty teorii frazeologii [Aspects of Theory of Phraseology]. Moscow: Znak, 2008.
Baranov, Dobrovol'skij 2016 A. N. Baranov, D. O. Dobrovol'skij. Osnovy frazeologii (kratkiy kurs) [Basics of Phraseology (a concise course)]. Moscow: Flinta, 2016.
Bokobza 2016 — S. Bokobza. Jewish identity in French cinema (1950–2010). Newcastle upon Tyne: CSP, 2016.
Colleman 2016 — T. Colleman. A reflection on constructionalization and constructional borrowing, inspired by an emerging Dutch replica of the 'time'-away construction. *Belgian Journal of Linguistics.* 2016. Vol. 30. No. 1. P. 91–113.
Dimokidis 2015 — A. Dimokidis. Mikropragmata. I leksi ke i frasi pu psifisate na min ksanakustun to 2015 [Little things. The word and the phrase that you have voted not to be heard again in 2015]. Available at: https://www.lifo.gr/team/bitsandpieces/54280 (accessed on 21.09.2019).
Dobrovol'skij 2011 — D. Dobrovol'skij. Phraseologie und Konstruktionsgrammatik. A. Lasch, A. Ziem (eds.). *Konstruktionsgrammatik III: Aktuelle Fragen und Lösungsansätze.* Tübingen: Stauffenburg Linguistik, 2011. S. 110–130.
Dobrovol'skij 2016 — D. Dobrovol'skij. Grammatika konstruktsiy i frazeologiya [Construction Grammar and Phraseology]. *Voprosy yazykoznaniya.* 2016. No. 3. P. 7–21.
Doğruöz, Gries 2012 — A. S. Doğruöz, S. Th. Gries. Spread of on-going changes in an immigrant language. *Review of Cognitive Linguistics*. 2012. Vol. 10. No. 2. P. 401–426.
Fleischer 1982 — W. Fleischer. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982.
Goldberg 1990 — A. Goldberg. Constructional borrowing and the process of factorization. Available at: https://www.princeton.edu/~adele/papers/Papers/Finished/Yiddish.doc (accessed on 21.09.2019).

Minniti-Gonias 2009–2010 — D. Minniti-Gonias. Italikes ke eptanisiakes leksis stin elliniki argo [Italian and Heptanese words in the Greek argot]. *Epistimoniki Epetiris tis Filosofikis Skholis tu Panepistimiu Athinon*. 2009–2010. No. 41. P. 85–127.

Mollica, Schafroth 2018 — F. Mollica, E. Schafroth. Der Ausdruck der Intensivierung in komparativen Phrasem-Konstruktionen im Deutschen und im Italienischen: eine konstruktionsgrammatische Untersuchung. K. Steyer (ed.). *Sprachliche Verfestigung. Wortverbindungen, Muster, Phrasem-Konstruktionen.* Tübingen: Narr, 2018. S. 103–136.

Ojetti 1922 — U. Ojetti. Cose viste. *Corriere della Sera*. 28.03.1922.

Sarantakos 2017 –N. Sarantakos. Ti ine o khionoklonos; [What is a snowclone?]. Available at: https://sarantakos.wordpress.com/2017/09/08/clone/ (accessed on 21.09.2019).

Sivan 1979 — E. Sivan. Colonialism and popular culture in Algeria. *Journal of Contemporary History*. 1979. Vol. 14. No. 1. P. 21–53.

Smirnis 2013 — G. Smirnis. Ti theli na pi o piitis; “Pio erotas pethenis” — Eleni Fureira [What does the poet want to say? “More love you die” — Eleni Fureira. Available at: https://www.monopoli.gr/2013/01/23/istories/117305/ti-thelei-na-pei-o-poihths-pio-erwtas-pethaineis-elenh-foyreira/ (accessed on 21.09.2019).

Solodukho 1982 — E. M. Solodukho. Problemy internatsionalnoy frazeologii (na materiale yazykov slavyanskoy, germanskoy i romanskoy grupp) [The problems of international phraseologie (as shown by Slavic, Germanic and Romance languages)]. Kazan: Kazan University Publishing House, 1982.

Stefanowitsch, Gries 2003 — A. Stefanowitsch, S. Th. Gries. Collostructions: Investigating the interaction of words and constructions. *International Journal of Corpus Linguistics*. 2003. Vol. 8. No. 2. P. 209–243.

Theokharis 2018 — G. Theokharis. Christiko glossary_v. 4 [Practical glossary_v. 4]. Available at: https://dimartblog.com/2018/02/04/facebook-14y/ (accessed on 21.09.2019).

Van de Velde, Zenner 2010 — F. Van de Velde, E. Zenner. Pimp my Lexis: het nut van corpusonderzoek in normatief taaladvies. E. Hendrickx, K. Hendrickx, W. Martin, H. Smessaert, W. Van Belle, J. Van der Horst (eds.). *Liever meer of juist minder? Over normen en variatie in taal.* Gent: Academia press, 2010. P. 51–68.

Velichko 2016 — A. V. Velichko. Predlozheniya frazeologizirovannoy struktury v russkom yazyke: strukturno-semanticheskoye i funktsionalno-kommunikativnoye issledovaniye [Sentences of phraseologized structure in Russian language: a structural semantic and functional-communicative study]. Moscow: MAKS Press, 2016.

Zafiri 2015 — S. Zafiri. Ta metafrastika dania tis neas ellinikis [Loan translations of Modern Greek]. Doctoral thesis. National and Kapodistrian University of Athens, Athens, 2015. Available at: http://thesis.ekt.gr/thesisBookReader/id/37943#page/1/mode/2up (accessed on 21.09.2019).

Sources

Caradec, Pouy 2009 — F. Caradec, J.-B. Pouy. Dictionnaire du Français argotique et populaire. Paris : Larousse, 2009.

Dournon 1994 — F. Dournon. Dictionnaire des mots et formules célèbres. Paris : Le Robert, 1994.

elTenTen14 — Modern Greek Web Corpus. Available at: https://www.sketchengine.eu/ (accessed on 21.09.2019).

frTenTen12 — French Web Corpus. Available at: https://www.sketchengine.eu/ (accessed on 21.09.2019).

GDLI X 1994 — Grande dizionario della lingua italiana. A cura di S. Battaglia. Vol. X. Torino: UTET, 1994. Available at: http://www.gdli.it/sala-lettura/vol-x/10 (accessed on 21.09.2019).

GDLIM III — Grande dizionario della lingua italiana moderna. A cura di L. Serianni. Vol. III. Milano: Garzanti, 1999.

Giménez Bartlett 2004 — A. Giménez Bartlett. Un barco cargado de arroz. Barcelona: Editorial Planeta, 2004. Available at: https://books.google.com/ (accessed on 21.09.2019).

Giménez Bartlett 2015 — A. Giménez Bartlett. I skotini kardia tis Varkelonis [Un barco cargado de arroz]. Transl. A. Vasilaku. Athens: Metekhmio, 2015. Available at: https://books.google.com/ (accessed on 21.09.2019).

itTenTen16 — Italian Web Corpus. Available at: https://www.sketchengine.eu/ (accessed on 21.09.2019).

Kennedy 2013 — D. Kennedy. Five Days. London: Hutchinson, 2013. Available at: https://books.google.com/ (accessed on 21.09.2019).

Kennedy 2015 — D. Kennedy. I zoi ksekina simera [Five Days]. Transl. A. Mantoglu. Athens: Metekhmio, 2015. Available at: https://books.google.com/ (accessed on 21.09.2019).

Kinsella 2016a — S. Kinsella. Finding Audrey. London: Corgi Books, 2016. Available at: https://books.google.com/ (accessed on 21.09.2019).

Kinsella 2016b — S. Kinsella. Anazitontas tin Odrei [Finding Audrey]. Transl. S. Kasdagli. Athens: Patakis, 2016. Available at: https://books.google.com/ (accessed on 21.09.2019).

Larousse — Dictionnaire Larousse français monolingue et bilingue en ligne. Available at: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais (accessed on 21.09.2019).

Merle, Duneton 1986 — P. Merle, C. Duneton. Dictionnaire du français branché. Paris: Éditions du Seuil, 1986.

Provenzal 1958 — D. Provenzal. Perché si dice così? Origine dei modi di dire, delle locuzioni proverbiali, di tante frasi dell'uso commune. Milano: Hoepli, 1958.

slang.gr — Slang.gr. Available at: www.slang.gr (accessed on 21.09.2019).

Treccani — Vocabolario Treccani on line. Available at: www.treccani.it (accessed on 21.09.2019).

Twitter — Twitter. Available at: www.twitter.com (accessed on 21.09.2019).

Wikileksiko — Wikileksiko. Available at: https://el.wiktionary.org (accessed on 21.09.2019).

youtube.com — YouTube. Available at: www.youtube.com (accessed on 21.09.2019).

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 637–653
DOI 10.30842/alp2306573716223

К проблеме определения окончательного варианта текста газеты «Ведомости» 1720–1727 гг.

Е. В. Пак
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург;
ekaterina.v.pak@gmail.com

Аннотация. Первая печатная газета «Ведомости», учрежденная Петром I, представляет собой ценный памятник для изучения истории русского языка, так как отражает языковые изменения первой трети XVIII в. Однако, несмотря на интерес многих исследователей к газете, номера «Ведомостей» 1720–1727 гг. до сих пор не переиздавались и полностью не описывались. Лишь в 2004 г. к 300-летию газеты была выпущена коллекция сканированных копий номеров газеты 1703–1727 гг. При обращении к ним были обнаружены выпуски, сохранившиеся в двух или трех экземплярах. В подобных случаях определение окончательного варианта текста газеты представляет собой особую проблему. В статье рассматриваются выпуски «Ведомостей», сохранившиеся в трех экземплярах, на примере которых показаны сложности определения окончательного варианта текста.

Ключевые слова: русский язык, газета «Ведомости», XVIII век, источниковедение.

On the problem of determining the final version of the text: newspaper “Vedomosti” 1720–1727

E. V. Pak
Institute for Linguistic Studies of Russian Academy of Sciences;
ekaterina.v.pak@gmail.com

Abstract. The first printed newspaper “Vedomosti”, established by Peter the Great, has been a valuable source of history of the Russian language, as it reflects the language changes of the first third of the 18th century. However, though many researchers expressed interest in “Vedomosti”, the newspaper, originally published in 1720–1727, has not been reprinted or fully described yet. For the newspaper’s 300th anniversary, RSL and RNL published the full collection of scanned copies of “Vedomosti” 1703–1727

among which we discovered issues preserved in two or three copies. Such cases of determination of the final version of the text of a newspaper issue form particular problems. The article discusses the issues of "Vedomosti", preserved in triplicates, to show the difficulties of determining the final version of the text.

Keywords: Russian language, Vedomosti newspaper, 18th century, source study.

1. Из истории изучения петровских «Ведомостей»

Газета «Ведомости», учрежденная 16-го декабря 1702 г. и издававшаяся с 1703 по 1727 г., является ценным источником для изучения истории русского языка. Идея создания первой печатной газеты всецело принадлежит Петру I, который считается не только ее основателем, но и первым редактором: сохранились свидетельства, что император сам выбирал материалы для перевода и дальнейшей публикации, проверял корректуру и в целом уделял газете пристальное внимание [Неустроев 1874: 1]. Язык «Ведомостей», таким образом, может отражать языковую политику первой трети XVIII в., в частности, связанную с «упрощением» языка светских текстов. По мнению В. В. Виноградова, на материале текста газеты можно проследить процессы формирования и изменения норм языка в этот период [Виноградов 1982: 75–79].

Петровские «Ведомости» не раз привлекали внимание исследователей. Многие работы посвящены описанию газеты как периодического издания. Впервые сведения о выпусках «Ведомостей» были опубликованы в «Обстоятельном описании старопечатных книг славянских и российских графа Ф. А. Толстого», выполненном русским историком и археографом П. М. Строевым [Строев 1829]. Следующая попытка их описания была предпринята несколькими десятилетиями позднее П. П. Пекарским [Пекарский 1861–1862: 86–88, 101–107, 123–132 и др.]. Во втором томе его фундаментального труда «Наука и литература в России при Петре Великом» помещено «Описание славяно-русских книг и типографий», в котором автором впервые перечислены все издания, напечатанные в период с 1698 по 1725 г., в числе которых представлены и частично воспроизведены номера «Ведомостей» за 1703–1724 гг. Сведения о петровских «Ведомостях» также включены в большой труд по систематизации всех русских повременных изданий и сборников,

составленный А. Н. Неустроевым [Неустроев 1874: XII–XIII, 1–3]. Именно благодаря А. Н. Неустроеву было уточнено время появления «перваго ліста періодическихъ изданій» [Неустроев 1874: XIII], найдены полные экземпляры изданий, определены редакторы, издатели и сотрудники, участвовавшие в печати, прослежена судьба каждого из изданий и пр. Наиболее полный список выпусков газеты «Ведомости» с 1708–1725 гг. представлен в Описании изданий гражданской печати [Быкова, Гуревич 1955], а информацию об экземплярах газеты 1725–1727 гг. можно обнаружить в IV томе Сводного каталога книг гражданской печати XVIII в., посвященном периодическим изданиям 1725–1800 гг. В каталоге авторы не только перечисляют все сохранившиеся выпуски газеты, но также отмечают наличие корректурных экземпляров, выпусков, сохранившихся в нескольких вариантах, отмечают сохранность того или иного номера [Сводный каталог 1966].

К изучению «Ведомостей» также обращались исследователи русской журнальной периодики: газета включена в обзорные труды по истории русской журналистики [Балицкий 1908; Берков 1952; Западов (ред.) 1973; Жирков 2003] и др.

В 1903 г. в память двухсотлетия первой русской газеты было выпущено двухтомное издание «Ведомостей» 1703–1719 гг. с предисловием В. Погорелова и обширной исторической справкой А. Покровского [Погорелов 1903]. Полная же коллекция номеров «Ведомостей» 1703–1727 гг. была подготовлена и выпущена в электронном виде в рамках проекта РГБ и РНБ к трехсотлетию газеты в 2004 г. [Ведомости 1720–1727]. Она и послужила материалом данного исследования.

Текст «Ведомостей» привлекал внимание многих лингвистов. В частности, к текстам «Ведомостей» обращался Г. О. Винокур, разрабатывая проблему зарождения национального языка. Так, например, исследуя систему русских падежей, Г. О. Винокур приводит в пример употребление исконных форм существительных в текстах Петровской эпохи: *того ради ко всѣмъ курфірстомъ писано*, *была конференція съ депутаты генераловъ статъ*, *о уготовленіи воіны въ нідерландѣхъ*. Демонстрируя употребление падежных форм в выпусках «Ведомостей» 1711 г., Г. О. Винокур отмечает «старинные окончания -омъ, -и, -ѣхъ в новых, западноевропейского происхождения словах» [Винокур 1959: 40–41]. К «Ведомостям» он также обращается, иллюстрируя эволюцию нового «олитературенного делового языка». Ученый пишет, что в газете представлена «в относительно чистом виде традиция старой приказной речи ⟨…⟩, но и здесь оказались неизбежными некоторые книжные

черты языка и западноевропейские заимствования» [Винокур 1959: 68, 117]. Текст газеты исследовал В. В. Виноградов [Виноградов 1934], указывая на преемственность нового светско-литературного языка по отношению к деловой речи. Например, бессоюзные присоединительные разговорные конструкции и подобные им, связанные союзами *и*, *да*, *а*, *но,* получили широкое распространение именно в Петровскую эпоху, когда, по мнению В. В. Виноградова, литературный язык опирался на нормы, заимствованные из светско-деловых памятников [Виноградов 1934: 59, 63–64, 67]. Позднее к тексту «Ведомостей» обратился В. М. Живов. Анализируя употребление старых и новых форм инфинитива, ученый исследует вопрос развития и употребления новых флексий (а–экспансии) и приходит к выводу о том, что языковая политика Петра I начинает реализовываться только с появлением изданий, напечатанных гражданским шрифтом в 1708 г. [Живов 2004: 185, 320–322]. Для прояснения вопроса о времени появления новых норм и степени влияния приказного языка на процесс их образования язык «Ведомостей» анализировал В. М. Круглов. Рассматривая употребление конструкции с повтором существительного в придаточном относительном предложении с местоимением *который* в выпусках 1703–1709 гг., исследователь приходит к выводу о том, что «Ведомости» содержат следы приказного языка, а частотность употребления названной конструкции сближает текст газеты с переводными текстами, напечатанными гражданским шрифтом. Это подтверждает идею о том, что «Ведомости» могут быть отнесены к памятникам, написанным на «посредственном гражданском наречии», а формирование новых норм русского литературного языка начинается уже в первом десятилетии XVIII в. [Круглов 2017: 122–126].

Текст газеты также является ценным источником по истории словарного состава русского литературного языка. В частности, лексике «Ведомостей» посвящена специальная работа И. С. Хаустовой [Хаустова 1958]. Текст газеты 1709–1719 гг. является одним из основных источников в исследовании М. В. Поповой, посвященном морской терминологии германского происхождения [Попова 2000].

В XXI в. к материалу выпусков 1703–1719 и 1720–1727 гг. обращалась В. В. Каверина, проанализировавшая формирования орфографических норм русского языка XVIII–XIX вв. [Каверина 2010]. Из последних работ стоит также упомянуть статью И. Ю. Куксы, посвященную проблеме авторства газетного новостного текста в XVIII в., которая наглядно отражена в выпусках «Ведомостей» [Кукса 2019].

2. Цель настоящей работы

Несмотря на внимание к газете со стороны историков русского языка и неоднократное к ней обращение, «Ведомости» 1720–1727 гг. никогда не переиздавались и полностью подробно не описывались, в связи с чем введение данного источника в научный оборот по-прежнему остается актуальной научной проблемой. В частности, в разных источниках приводятся разные данные о количестве сохранившихся экземпляров, а некоторые выпуски газеты долгое время находились вне поля зрения исследователей. Сведения о количестве выпусков, известных в XIX в. и опубликованных П. П. Пекарским, отличаются от данных, имеющихся в Сводном каталоге, и от электронной коллекции, изданной к 300-летию газеты. Кроме того, периодизация истории газеты в разных источниках обнаруживает существенные отличия: в описании П. П. Пекарского отсутствуют сведения о печатных изданиях 1725 г., т. к. верхней временной границей своего описания он считает конец правления Петра I [Пекарский 1861–1862], в Сводном каталоге представлены только выпуски газеты с 1725 г. [Сводный каталог 1955], а в Описании изданий гражданской печати представлены номера до 1725 г. [Быкова, Гуревич 1966].

В данном исследовании рассматриваются выпуски 1720–1727 гг. из собраний Российской государственной библиотеки и Российской национальной библиотеки. Выбор нижней хронологической границы связан с тем, что в 1720 г. Посольский приказ был преобразован в Коллегию иностранных дел (такой периодизации придерживались, в частности, издатели, опубликовавшие текст «Ведомостей» в 1903–1906 гг.) [Погорелов 1903: 48]. Верхняя граница исследуемого периода обусловлена тем, что с 1727 г. издание газеты переносится в Академию наук. Всего сохранилось 350 экземпляров, опубликованных в указанный период, из которых 46 номеров представлено в двух экземплярах и 6 номеров — в трех экземплярах [Ведомости 1720–1727].

Большинство параллельных экземпляров — корректурные, с правками и пометками справщиков (см., например, № 55 от 24 сентября 1720 г., № 11 от 14 апреля 1725 г. и др.). Некоторые, сохранившиеся в двух или трех экземплярах, представляют собой варианты: корректурный экземпляр и экземпляр с реализованной корректурой (см., например, № 7 от 25 февраля 1724 г.); корректурный и чистовой с нереализованной корректурой (см., например, № 17 от 13 декабря 1723 г.); экземпляры одного номера, последовательно выходившие

в Санкт-Петербурге, а позже в Москве (см. № 1 от 9 сентября 1723 г. и № 1 от 17 сентября 1723 г.); два экземпляра, один из которых корректурный, а исправленный — дефектный с отсутствующими страницами (см., например, № 48 от 13 ноября 1725 г.); корректурные экземпляры, частично (до нескольких страниц) отличающиеся содержанием (см., напр., № 17 от апреля 1725 г.) и пр. В целом, разночтения, характерные для экземпляров газеты, как правило, представляют собой небольшие исправления, касающиеся опечаток, пунктуационных знаков, прописных и строчных букв, отдельных грамматических форм, орфографических вариантов, иногда правка могла состоять в добавлении или вычеркивании нескольких слов, фрагментов текста, их перестановке.

Цель настоящей статьи — показать, что для данного печатного источника в ряде случаев определение окончательного варианта текста представляет собой отдельную проблему. На примере трех номеров, сохранившихся в трех экземплярах, в которых представлены наиболее разнообразные случаи разночтений, делается попытка продемонстрировать решение данной проблемы.

3. Номера газеты, представленные тремя вариантами текста

Как правило, печатный характер текста предполагает отсутствие сложностей при определении его окончательного варианта. Однако в случае с петровскими «Ведомостями» в этой связи возникают определенные проблемы. Проиллюстрируем их на примере трех номеров «Ведомостей» за 1721 г., 1725 г. и 1726 г.

3.1. Номер за июнь — июль 1721 г.

В качестве первого примера рассмотрим реляцию, изданную под № 26 в Санкт-Петербурге и № 1 в Москве летом 1721 г. Номер газеты представляет собой донесение о военных событиях, происходивших в ходе Северной войны. В нем помещен подробный отчет об успехах военных действий. Номер представлен в трех экземплярах: два экземпляра под № 26 от 23 июня 1721 г. и один экземпляр под № 1 от 19 июля 1721 г. Экземпляры № 26а 1721 г. и № 26б 1721 г. напечатаны 23 июня

1721 г. в Петербурге, о чем свидетельствует указание на место издания в конце номера: *Печатано в Санкътпітербурхѣ в 1721 г. Іуніа 23 дня*. Более поздний экземпляр напечатан в Москве 19 июля 1721 г.: *Печатано в Санкъпітербурхѣ в 1721 г. Іуніа 23 дня. А въ Московскую получено и печатано, въ 19 день Іуліа*. Указание на дату и место публикации содержится в самом тексте. Все три экземпляра имеют одинаковый объем в 8 страниц, номера страниц расположены в правом верхнем углу. Во всех трех экземплярах отсутствуют рукописные исправления, однако в каждом имеются некоторые содержательные и менее значительные различия, поэтому можно утверждать, что все три экземпляра номера газеты представляют собой уникальные варианты одного текста. Остановимся на этих различиях подробнее.

Первая сложность заключается в наличии двух экземпляров, напечатанных в один день. Указания на хронологию печати этих экземпляров в тексте отсутствуют, однако есть единственное рукописное исправление: под № 26 в экземпляре № 26а рукой проставлен номер № 25, что, тем не менее, не может служить прямым доказательством того, что он был напечатан раньше. Сопоставление этих экземпляров обнаруживает, что № 26б 1721 г. является более полным. Ср.:

(1) *Прошедшаго Маіа 3 дня, по указу его царскаго велічества, отправленъ был изъ Фінляндіи, отъ корпуса генерала князя Голиціна, съ галерною эскадрою, генералъ Леітенантъ Лесіи, на швецкую сторону къ Гевелю и далѣе, для поіску непріятеля, и для разоренія ихъ жилищъ* (№ 26а 1721 г., с. 1).	(1) *Прошедшаго Маіа 3 дня, по указу его царскаго велічества, отправленъ был изъ Фінляндіи, отъ корпуса генерала князя Голиціна, съ галерною эскадрою, генералъ Леітенантъ Лесіи, на швецкую сторону къ Гевелю и далѣе,* ***въ 5000 салдатъ, да въ 370 нерегулярнои конніцы,*** *для поіску непріятеля, и для разоренія ихъ жилищъ* (№ 26б 1721 г., с. 1).
(2) *А сколко непріятелеи побіто и въ полонъ взято, и которые городки и кірхшпіли разорены, тому при семъ реэстръ…* (№ 26а 1721 г., с. 3).	(2) *А сколко непріятелеи побіто и въ полонъ взято, и которые городки и кірхшпіли разорены,* ***подъ обороною двухъ соединенныхъ флотовъ, Шведского, и Аглінского,*** *тому при семъ реэстръ…* (№ 26б 1721 г., с. 3).

Следовательно, первоначальный текст мог быть либо дополненным, либо, напротив, сокращенным: фрагменты *въ 5000 салдатъ, да въ 370 нерегулярнои конніцы …* и *… подъ обороною двухъ соединенныхъ флотовъ, Шведского, и Аглінского…* представлены только в экземпляре № 26б 1721 г. Однако первый фрагмент, отсутствующий в № 26а 1721 г., представлен и в более позднем экземпляре № 1 1721 г., но в измененном виде:

(3) *Прошедшаго Маіа 3 дня, по указу его царскаго велічества, отправленъ был изъ Фінляндіи, отъ корпуса генерала князя Голиціна, съ галерною эскадрою, генералъ Леітенантъ Лесіи, на швецкую сторону къ Гевелю и далѣе, въ 5000 салдатъ, да въ 370 нерегулярнои конніцы, для поіску непріятеля, и для разоренія ихъ жилищъ* (№ 26б 1721 г., с. 1).

(3) *Прошедшаго Маіа 3 дня, по указу его царскаго велічества, отправленъ был изъ Фінляндіи, отъ корпуса генерала князя Голиціна , съ галерною эскадрою, генералъ Леітенантъ Лесіи, на швецкую сторону къ Гевелю и далѣе, въ 5000* ***регулярного воіска и въ 370 человѣкахъ казаковъ****, для поіску непріятеля, и для разоренія ихъ жилищъ* (№ 1 1721 г., с. 1).

Также любопытно, что текст более позднего экземпляра № 1 1721 г. вновь сокращается: фрагмент … *подъ обороною двухъ соединенныхъ флотовъ, Шведского, и Аглінского…*, добавленный ранее в экземпляре № 26б 1721 г., отвергается при корректуре.

Менее значительные различия связаны с разным расположением текста в экземплярах № 26а, № 26б, № 1 1721 г.: реестр в № 26а 1721 г. располагается в одну колонку, а в № 26б и № 1 1721 г. — в два столбца. Других различий в тексте нет. Таким образом, сопоставление трех экземпляров дает возможность с некоторой долей вероятности восстановить хронологию печати: экземпляр № 26а 1721 г. был напечатан первым, далее был напечатан экземпляр № 26б 1721 г., а № 1 1721 г. был напечатан последним, т. е. окончательным вариантом текста номера газеты можно считать более поздний и полный экземпляр № 1 от 19 июля 1721 г.

3.2 Номер за июль — август 1725 г.

Рассмотрим еще один номер газеты, сохранившийся в трех экземплярах. Речь идет о ненумерованном выпуске газеты «Ведомости»,

напечатанном летом 1725 г. и изданном под названием «Реляція», в котором докладывают об успехах военных действий Персидского похода. Для определения окончательного варианта текста сопоставим экземпляры данного номера.

Во-первых, во всех экземплярах сохранились указания на дату: перед нами два экземпляра от 30 июля 1725 г. и один экземпляр от 20 августа 1725 г., что позволяет хотя бы частично определить хронологию их печати. Очевидно, что ненумерованный выпуск от 20 августа является более поздним. Также благодаря указанию на типографию, помещенному в конце каждого из номеров, нам известно, что оба экземпляра от 30 июля 1725 г. напечатаны в Санкт-Петербурге, а более поздний от 20 августа 1725 г. печатался в Москве. Объем экземпляров Рел. 30 июля 1725 г. и Рел. 20 авг. 1725 г. одинаков — 4 страницы. Дефектный экземпляр Реляции от 30 июля 1725 г. напечатан более мелким шрифтом, поэтому весь текст размещен на двух страницах. Выпуск, напечатанный 30 июля более мелким шрифтом, является дефектным, так как у экземпляра отрезана верхняя половина листов: отсутствуют заголовок, нумерация страниц и часть текста с реестром оружия.

Судя по отсутствию рукописных исправлений справщика, за исключением комментария на последнем листе в Рел. 20 августа 1725 г. *За умедленіем набора…*, все три представляют собой чистовые экземпляры. Рел. (д.) 30 июля 1725 г. и Рел. 20 августа 1725 г. практически полностью совпадают. Единственное различие, обнаруженное в сохранившихся фрагментах текста, — замена запятой на двоеточие при уточнении:

(4) *собрався со многіми непріятельскіми тамошніми воіски, а имянно, до десяти тысячь стоітъ въ мѣстечкѣ Лашемаданѣ …* (Рел. 30 июля 1725 г. с. 1–2)

(4) *собрався со многіми непріятельскіми тамошніми воіски, а имянно: до десяти тысячь стоітъ въ мѣстечкѣ Лашемаданѣ …* (Рел. 20 авг. 1725 г., с. 1).

Более существенные различия содержательного характера обнаруживаются при сопоставлении с экземпляром от 30 июля 1725 г. При сравнении выпусков было обнаружено, что в последнем отсутствует одно слово, т. е. текст был незначительно, но дополнен:

(5) *… собрався со многіми непріятельскіми воіски* (Рел. 30 июля 1725 г., с. 1)

(5) *… собрався со многіми непріятельскіми* ***тамошніми*** *воіски* (Рел. 20 авг. 1725 г., с. 2; Рел. (д.) 30 июля 1725 г., с. 1)

Также отмечены небольшие исправления орфографии:

(6) *... за которым**і** наша конн**и**ца гнала* (Рел. 30 июля 1725 г., с. 2)

(6) *... за которым**и** наша конн**і**ца гнала* (Рел. 20 авг. 1725 г., с. 2, Рел. (д.) 30 июля 1725 г., с. 1)

Для выявления хронологии появления экземпляров, напечатанных в один день, можно обратиться к одному косвенному свидетельству: расстановка знаков препинания в Рел. 30 июля 1725 г. идентична расстановке в дефектном экземпляре, следовательно, можно с некоторой долей вероятности утверждать, что Рел. 30 июля 1725 г. была напечатана раньше. Кроме того, можно предположить, что существовал по крайней мере еще один промежуточный корректурный вариант, в котором были отражены исправления, обнаруженные нами в чистовых экземплярах: Рел. (д.) 30 июля 1725 г. и Рел. 20 авг. 1725 г. Таким образом, за окончательный вариант текста можно принять текст от 20 августа 1725 г., так как он является более поздним, полным и исправленным.

3.3 Номер за январь 1726 г.

Наиболее интересный случай среди рассматриваемых нами номеров представляет собой № 3 1726 г. Перед нами три печатных варианта текста одного номера газеты, в котором описаны события, произошедшие при российском дворе зимой 1726 г., а также иностранные известия из Версаля, Гааги, Амстердама. Экземпляры номера газеты печатались в течение одной недели. Каждый экземпляр в тексте содержит указание на дату: 8 января 1726 г., 10 января 1726 г. и 11 января 1726 г., — что помогает установить хронологию появления данных экземпляров. Сохранившееся указание на типографию, помещенное на последней странице, также помогает установить место их печати. Благодаря наличию нумерации можно определить и объем текста, который изменялся от одного экземпляра к другому: объем № 3а 1726 г. составляет 11 страниц; объем № 3б 1726 г. — также 11 страниц, однако он является дефектным, и часть текста в сохранившемся варианте отсутствует: в наличии лишь три последних нумерованных страницы с 9 по 11; объем экземпляра от 11 января 1726 г. составляет 10 страниц.

№ 3а 1726 г. и № 3в 1726 г. являются корректурными: в них присутствуют рукописные исправления. В № 3б 1726 г. рукописных

исправлений нет. Часть изменений, предложенных корректором, нашла отражение как в № 3б 1726 г., так и в № 3в 1726 г. Рассмотрим их более детально.

Выпуск № 3а 1726 г. представляет собой корректурный экземпляр с многочисленными выделениями и исправлениями. Выделения часто представляют собой только подчеркивание, которое не всегда возможно интерпретировать: например, в выпуске № 3а подчеркнуты слова: *изволіла*, *образенскои*, *полки*, *по*, *Велічества* и др. (№ 3а 1726 г., с. 1), которые никак не комментируются. Исправления же часто предлагаются в самом тексте поверх напечатанного. См.:

(7) *зд**оро**вье* (исходный текст, с. 4)

(7) *зд**ра**віе* (исправлено от руки),

(8) *въ Астердамѣ* (исходный текст, с. 11)

(8) *въ **Ам**стердамѣ* (исправлено от руки)

(9) *… и она**же** его вдругъ задушіла …* (исходный текст, с. 9)

(9) *и она его вдругъ задушіла …* (исправлено от руки).

Сопоставление трех экземпляров № 3 1726 г. показало, что вся предложенная корректура была реализована. В выпуске № 3б 1726 г. исправляются опечатки:

(10) *въ Астердамѣ* (№ 3а 1726 г., с. 11)

(10) *въ **Ам**стердамѣ* (№ 3б 1726 г., с. 9)

Удаляются зачеркнутые частицы:

(11) *... и оные **же** поясы ни мало небезпокоятъ тѣхъ которые ихъ носятъ;* (№ 3а 1726 г., с. 11)

(11) *... и оные поясы ни мало небезпокоятъ тѣхъ которые ихъ носятъ;* (№ 3б 1726 г., с. 10)

Вносятся предложенные запятые:

(12) *сказываютъ что оная опухоль сталась отъ того что онъ прежде всего упалъ, ...* (№ 3а 1726 г., с. 9)

(12) *сказываютъ что оная опухоль сталась отъ того**,** что онъ прежде всего упалъ, …* (№ 3б 1726 г., с. 11).

Вероятно, между № 3а 1726 г. и № 3б 1726 г. существовал промежуточный корректурный экземпляр с отраженными в нем исправлениями, т. к. в тексте выпуска № 3б 1726 г. есть некоторые отличия от выпуска № 3а 1726 г., которые не были предложены корректурой: дважды меняется написание слов с *и* на *і*:

(13) ***И*** *Дестандо мастеръ цілюрікъ на уліцѣ dela Куръ въ Гагѣ продаетъ прошекъ златои сердечнои…* (№ 3а 1726 г., с. 10)

(13) ***І****: Дестандо мастеръ цілюрікъ на уліцѣ dela Куръ въ Гагѣ продаетъ прошекъ златои сердечнои…* (№ 3б 1726 г., с. 9)

(14) *блізко церкв**и*** (№ 3а 1726 г., с. 11)

(14) *блізко церкв**і*** (№ 3б 1726 г., с. 9)

Выпуск № 3в 1726 г. представляет собой последовательный корректурный экземпляр, предложенные в выпуске № 3а 1726 г. исправления внесены:

(15) *В**а**енкова* (№ 3а 1726 г., с. 6)

(15) *В**о**енкова* (№ 3в 1726 г., с. 6)

(16) ***П**олку* (№ 3а 1726 г., с 7)

(16) ***п**олку* (№ 3в 1726 г., с 7).

Также вносятся дополнительные правки (подчеркиваются слова: *Ѳедора* (№ 3в 1726 г., с. 7), *Вахтеіместеромъ* (№ 3в 1726 г., с. 6) и др.). Несмотря на то, что в основном корректуре подвергаются фрагменты текста, отсутствующие в предыдущих экземплярах: сообщение «Из Дублина» от 8 декабря (№ 3в 1726 г., с. 8–9), сообщение «Из Лейдена» от 25 декабря (№ 3в 1726 г., с. 9–10), есть случаи внесения корректуры в уже исправленный текст:

(17) *Шаховск**ого*** (исходный текст, с. 6)

(17) *Шаховск**аго*** (исправлено от руки)

(18) *Астраханск**ого*** (исходный текст, с. 7)

(18) *Астраханск**аго*** (исправлено от руки)

Исправленные слова подчеркнуты, дополнительного комментария не дается. Кроме того, в текст вносятся изменения, которые не были отражены в предыдущем корректурном экземпляре:

(19) *Смоленск**ого***

(19) *Смоленск**аго*** (№ 3в 1726 г., с. 7)

(20) *… и изволіла выкушать* ***Потронанцъ*** *или* ***здоровье*** *всѣхъ государеи*

(20) *… и изволіла выкушать* ***за здравіе*** *всѣхъ государеи* (№ 3в 1726 г., с. 4)

(21) *въ Санкт**ъ**петербургъ*

(21) *въ Санктпетербургъ* (№ 3в 1726 г., с. 10)

Это говорит о возможном существовании еще одного промежуточного корректурного экземпляра и, возможно, окончательного печатного экземпляра с реализованной корректурой. В связи с утерей экземпляра с реализованной финальной корректурой, за окончательный следует принять наиболее поздний, полный и исправленный № 3в 1726 г.

Определение окончательного варианта текста связано с решением еще одной проблемы. Дело в том, что при корректуре фрагменты текста номера могут быть удалены, добавлены или переставлены, т. е., делая выбор в пользу того или иного экземпляра, мы упускаем большое количество текстового материала. Например, сложность работы с выпуском № 3 1726 г. состоит в расхождении порядка следования опубликованных сообщений. Так, обнаруживается, что № 3а 1726 г. совпадает с № 3в 1726 г. сообщениями, опубликованными на первых восьми страницах, а в выпуске № 3б 1726 г. эти сообщения отсутствуют в связи с дефектностью сохранившегося экземпляра. Сообщение из Версаля от 13 декабря, опубликованное в № 3а 1726 г. на с. 8–9 и № 3б 1726 г. на с. 10–11 отсутствует в № 3в 1726 г. Сообщение из Амстердама от 21 декабря, опубликованное в № 3а 1726 г. на с. 9, присутствует в № 3б 1726 г. на с. 10–11 за исключением трех строк, отсутствующих по причине дефекта экземпляра. В № 3в 1726 г. это сообщение отсутствует. Зато сообщения из Дублина от 8 декабря (с. 8–9) и из Лейдена от 25 декабря (с. 9–10) присутствуют только в выпуске № 3б 1726 г. Соответственно, определяя № 3в 1726 г. как окончательный вариант, мы не учитываем значительный объем удаленного текста, но наличие других экземпляров предоставляет нам возможность дополнить материал этими уникальными фрагментами или реконструировать отсутствующие в дефектных номерах фрагменты текста с помощью других экземпляров.

4. Заключение

Итак, мы рассмотрели три номера газеты «Ведомости» (1721, 1725, и 1726 гг.), сохранившиеся в трех экземплярах. Описанные случаи демонстрируют, что, несмотря на печатный характер газеты, одна из основных сложностей работы с петровскими «Ведомостями» как лингвистическим источником связана с определением окончательного варианта текста.

В некоторых случаях каждый из сохранившихся экземпляров содержит уникальный вариант текста, требующий внимательного сопоставительного анализа. В статье, во-первых, показаны возможные разночтения, связанные с наличием дефектных номеров (т. е. номеров с отсутствующими фрагментами текста), с наличием разных экземпляров одного номера, напечатанных в один день, с отсутствием промежуточных корректурных экземпляров, с отсутствием экземпляров с реализованной в печати финальной корректурой и пр. Во-вторых, описаны варианты, связанные с внесением в текст содержательных изменений: дополнением материала, его сокращением, изменением следования фрагментов текста. В-третьих, отмечены различия, связанные с вариантностью норм графики, орфографии, грамматических форм того периода.

Кроме того, «Ведомости» 1720–1727 гг. не имели строгих издательских стандартов и допускали варьирование объема выпусков, непоследовательную их нумерацию, или вообще ее отсутствие, разную периодичность выпусков и т. д.

Таким образом, введение в научный оборот текста «Ведомостей» 1720–1727 гг. предполагает подробное исследование и описание всех сохранившихся экземпляров этого ценного источника по истории русского литературного языка.

Список сокращений

№ 26а 1721 г. — экземпляр № 26 от 23 июня 1721 г., № 26б 1721 г. — экземпляр № 26 от 23 июня 1721 г., № 1 1721 г. — экземпляр № 1 19 июля 1721 г.; Рел. 30 июля 1725 г. — первый ненумерованный экземпляр номера газеты от 30 июля 1725 г., Рел. (д.) 30 июля 1725 г. — второй (дефектный) ненумерованный экземпляр номера газеты от 30 июля, Рел. 20 авг. 1725 г. — третий ненумерованный экземпляр газеты от 20 августа 1725 г.; № 3а 1726 г. — экземпляр от 8 января 1726 г., № 3б 1726 г. — экземпляр от 10 января 1726 г., № 3в 1726 г. — экземпляр от 11 января 1726 г.

Литература

Балицкий 1908 — Г. В. Балицкий. Зарождение периодической печати в России. СПб.: Сенат. тип., 1908.

Берков 1952 — П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952.

Быкова, Гуревич 1955 — Т. А. Быкова, М. М. Гуревич (сост.). Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.

Виноградов 1934 — В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Учпедгиз, 1934.

Винокур 1959 — Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М.: Уч.-пед. гос. изд-во, 1959.

Живов 2004 — В. М. Живов. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Жирков 2003 — Г. В. Жирков. Эпоха Петра Великого: основание русской журналистики. СПб.: Роза мира, 2003.

Западов (ред.) 1973 — В. Г. Березина, А. Г. Дементьев, Б. И. Есин, А. В. Западов (ред.), Н. М. Сикорский. История русской журналистики XVIII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1973.

Каверина 2010 — В. В. Каверина. Становление русской орфографии в XVII—XIX вв.: правописный узус и кодификация: Автореф. дисс. … доктора филол. наук. М.: МГУ, 2010.

Круглов 2017 — В. М. Круглов. «Ведомости» эпохи Петра I как источник по истории русского литературного языка // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки, 2017. № 2. С. 118–128.

Кукса 2019 — И. Ю. Кукса. Коммуникативная специфика первой отечественной печатной газеты «Ведомости Петра Великого» // Научный диалог. 2019. № 8. С. 135–148.

Неустроев 1874 — А. Н. Неустроев. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных. СПб.: типография Товарищества «Общественная польза», 1874.

Пекарский 1861–1862 — П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом: исследование П. Пекарского. СПб: типография Товарищества «Общественная польза», 1861–1862.

Погорелов 1903 — В. Погорелов (ред.). Ведомости времени Петра Великого: В память 200-летия 1 рус. газ. М.: Синодальная типография, 1903–1906.

Попова 2000 — М. В. Попова. Германские заимствования в русской мореходной терминологии: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2000.

Сводный каталог 1966 — Сводный каталог книг гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 4. М.: Книга, 1966.

Строев 1829 — П. М. Строев. Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских графа Ф. А. Толстого. М.: Типография Семена Селиванского, 1829.

Хаустова 1958 — И. С. Хаустова. Лексика «Ведомостей» 1702–1703 гг. (Из истории формирования национального литературного языка и его стилей): Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1958.

Источник

Ведомости 1720–1727 — М. М. Панфилов (сост.). Первая русская газета «Ведомости» 1703—1727 гг. М.: Российская гос. б-ка ; СПб.: Российская нац. б-ка, 2010. URL: http://primo.nlr.ru/primo-explore/jsearch?vid=07NLR_VU1&lang=ru_RU (дата обращения 20.10.2019).

References

Balitskiy 1908 — G. V. Balitskiy. Zarozhdenie periodicheskoy pechati v Rossii [The emergence of periodicals in Russia]. St. Petersburg: Senate Publishing House, 1908.

Berkov 1952 — P. N. Berkov. Istoriya russkoy zhurnalistiki XVIII veka [The history of Russian periodical press of the XVIII century]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1952.

Bykova, Gurevich 1955 — T. A. Bykova, M. M. Gurevich (comps.), P. N. Berkov (ed.). Opisanie izdaniy grazhdanskoy pechati. 1708 — yanvar 1725 g. [Description of publications in Russian type. 1708 — January 1725] Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1955.

Vinogradov 1934 — V. V. Vinogradov. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov [Essays on the history of Russian literary language XVII–XIX centuries]. Moscow: Uchpedgiz, 1934.

Vinokur 1959 — G. O. Vinokur. Izbrannye raboty po russkomu yazyku [Selected papers on Russian language]. Moscow: Uchpedgiz, 1959.

Zapadov (ed.) 1973 — V. G. Berezina, A. G. Dementyev, B. I. Yesin, A. V. Zapadov (ed.), N. M. Sikorskiy. Istoriya russkoy zhurnalistiki XVIII–XIX vekov [The history of Russian periodical press XVIII–XIX centuries]. Moscow: Vysshaya shkola, 1973.

Zhivov 2004 — V. Zhivov. Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka XVII–XVIII vekov [Essays on historical morphology of the XVII–XVIII centuries]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004.

Zhirkov 2003 — G. V. Zhirkov. Epokha Petra Velikogo: osnovanie russkoy zhurnalistiki [The era of Peter the Great: the origins of Russian periodicals]. St. Petersburg: Roza mira, 2003.

Kaverina 2010 — V. V. Kaverina. Stanovlenie russkoy orfografii v XVII–XIX vv.: pravopisnyy uzus i kodifikatsiya [The formation of Russian orthography in XVII–XIX: spelling ad codification]: Author's abstract of doctorate thesis. Moscow: Moscow State University, 2010.

Kuksa 2019— I. Yu. Kuksa. Kommunikativnaya spetsifika pervoy otechestvennoy pechatnoy gazety «Vedomosti Petra Velikogo» [Communicative specificity of the first print newspaper Vedomosti of Peter the Great]. *Nauchnyy dialog*. 2019. No. 8. P. 135–148.

Kruglov 2017 — V. M. Kruglov. "Vedomosti" epokhi Petra I kak istochnik po istorii russkogo literaturnogo yazyka ["Vedomosti" Newspaper from the age of Peter I as a source

of the history of the Russian standard language]. *Vyestnik Russian foundation for basic research. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2017. No. 2. P. 118–128.

Neustroev 1874 — A. N. Neustroev. Istoricheskoe razyskanie o russkikh povremennykh izdaniyakh i sbornikakh za 1703–1802, bibliograficheski i v khronologicheskom poryadke opisannykh [A Historical investigation into Russian periodical publications and collections for 1703–1802, described bibliographically and in chronological ORder]. St. Petersburg: Tovarischestvo «Obshchestvennaya polza», 1874.

Pekarskiy 1861–1862 — P. P. Pekarskiy. Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom: issledovanie P. Pekarskogo [Science and literature in Russia in the reign of Peter the Great, by P. Pekarsky]. St. Petersburg: Tovarischestvo «Obshchestvennaya polza», 1861–1862.

Pogorelov 1903 — V. Pogorelov (ed.). Vedomosti vremeni Petra Velikogo: V pamyat 200-letiya 1 rus. gaz. ["Vedomosti" of the time of Peter the Great: In commemoration of the 200th anniversary of the 1st Russian newspaper]: Moscow: Synodal Publishing House, 1903–1906.

Popova 2000 — M. V. Popova. Germanskie zaimstvovaniya v russkoy morekhodnoy terminologii [Germanic borrowings in Russian nautical terminology]: Author's abstract of candidate thesis. Voronezh: Voronezh State University, 2000.

Svodnyy katalog 1966 — Svodnyy katalog knig grazhdanskoy pechati XVIII veka [The cumulative catalogue of the books in Russian type of XVIII]. 1725–1800. Iss. 4. Moscow: Kniga, 1966.

Stroev 1829 — P. M. Stroev. Obstoyatelnoe opisanie staropechatnykh knig slavyanskikh i rossiyskikh grafa F. A. Tolstogo [Description of old printed Slavic and Russian books being in the library of the count F. A. Tolstow]. Moscow: Semen Selivansky Typography, 1829.

Khaustova 1956 — I. S. Khaustova. Leksika «Vedomostey» 1702–1703 gg. (Iz istorii formirovaniya natsionalnogo literaturnogo yazyka i ego stiley) [Lexics of the newspaper «Vedomosti» 1702–1703 (On the history of formation of the national standard language and its styles)]: Author's abstract of candidate thesis. Leningrad, Leningrad State University, 1958.

Source

Vedomosti 1720–1727 — M. M. Panfilov (comp.). Pervaya russkaya gazeta "Vedomosti" 1703–1727 gg. [The first Russian newspaper "Vedomosti" 1703–1727]. Moscow: Russian State Library; St. Petersburg: Russian National Library, 2010. Available at: http://primo.nlr.ru/primo-explore/jsearch?vid=07NLR_VU1&lang=ru_RU (accessed on 20.10.2019).

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 654–689
DOI 10.30842/alp2306573716224

Маркирование актантов двухместных предикатов в новоарамейских идиомах села Урмия*

С. С. Сай
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург;
serjozhka@yahoo.com

Аннотация. На основе анкеты, включающей 130 двухместных предикатных выражений, очерчены валентностные классы новоарамейских идиомов, представленных в селе Урмия (Краснодарский край). Выявленная система классов демонстрирует ряд типологически необычных черт, включая наличие грамматикализованных конструкций с экстрапозицией немаркированного участника и систематический синкретизм аблативного и комитативного значений. Предположительно, система кодирования актантов новоарамейских идиомов Урмии отражает многочисленные контакты и находится в нестабильном состоянии.

Ключевые слова: новоарамейские языки, семитские языки, актантная структура, валентностные классы, переходность, дифференцированное маркирование объекта, предлоги, вершинное маркирование на глаголе, языковые контакты, многомерное шкалирование.

Bivalent predicates' argument encoding in Neo-Aramaic varieties spoken in Urmiya, Krasnodar Krai

S. S. Say
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg;
serjozhka@yahoo.com

---

* Исследование проводилось при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-012-00312 «Документация северо-восточных новоарамейских идиомов на территории России». Я глубоко признателен А. К. Лявданскому, М. А. Овсянниковой, Е. А. Забелиной, А. А. Кузнецову и двум анонимным рецензентам за замечания к первой версии, учтенные мною на этапе редактирования. Все ошибки и неточности остаются на моей совести.

Abstract. The aim of this study is to identify valency classes in Northeastern Neo-Aramaic (NENA; < Semitic) varieties spoken in Urmiya, Krasnodar Krai. These varieties' homelands are in the borderland of the present-day Iran, Turkey and Iraq. NENA speakers settled in Urmiya following several waves of migrations and multiple contacts with other languages (Iranic, Turkic, Russian, etc.).

This study is part of a broad typological project based on a questionnaire comprising 130 bivalent predicates. Language-particular valency classes are identified based on devices employed for encoding two predefined arguments.

In the NENA varieties of Urmiya, the main encoding devices are verb indexing for subjects and (direct) objects and prepositions employed for flagging oblique arguments.

Compared to other languages of Eurasia, including, e.g., Hebrew and Standard Arabic, the NENA varieties of Urmiya display a moderately-sized class of transitive verbs, which is typical of the languages of the Caucasus and Eastern Europe. This class covers a cross-linguistically predictable set of meanings, but displays an unusual pattern of differential object marking, which simultaneously includes optional object agreement and optional flagging by the dative-like preposition *ka*.

Individual intransitive classes are, by contrast, rather unpredictable in a typological perspective. Unusual features include a systematic ablative-comitative syncretism and idiosyncratic competition between *mən* and *bi* in source-like arguments and between *ka* and *+al* in goal-like arguments.

Finally, the NENA varieties display valency patterns with an extraposed noun phrase unindexed on the verb. These patterns reflect a transitory stage between discourse-motivated fronting and a nascent type of integrated argument structure.

There is both language-internal and cross-linguistic evidence to the effect that the valency class system in the NENA varieties of Urmiya is in a diachronically unstable state, which arguably reflects multiple contact situations and dialectal diversity.

Keywords: Neo-Aramaic languages, Semitic languages, argument structure, valency classes, transitivity, differential object marking, prepositions, verb indexing, language contacts, multidimensional scaling.

1. Постановка задачи

Задача настоящего исследования состоит в том, чтобы установить модели кодирования актантов двухместных предикатов в новоарамейских идиомах, представленных в селе Урмия (Краснодарский край), и выяснить, каким образом эти предикаты разбиваются на валентностные классы. Постановка такой задачи интересна по двум причинам.

Во-первых, село Урмия является единственным населенным пунктом на территории России, где носители новоарамейских идиомов,

идентифицирующие себя как ассирийцы, составляют большинство населения. Меж тем языковая ситуация в Урмии и возможные особенности идиомов, представленных в этом населенном пункте, на фоне различных (в целом более или менее хорошо описанных) новоарамейских языков и диалектов до сих пор систематически не изучались. Настоящее исследование — один из первых шагов в рамках проводимого в ИЛИ РАН проекта, нацеленного на решение этих задач.

Во-вторых, изучение маркирования актантов в новоарамейских идиомах продолжает типологический проект BivalTyp, посвященный валентностным классам (см. о нем в *Разделе 2.1*). Таким образом, собранные новоарамейские данные попали в обширный типологический контекст (в момент написания этого текста объем выборки составляет 83 языка), что позволило выявить необычные черты изучаемой языковой системы и в некоторой степени приблизиться к ареальной и исторической интерпретации наблюдаемых фактов.

Дальнейшее изложение в статье строится по следующей схеме. В *Разделе 2* обрисовывается методология исследования (*2.1*), приводятся базовые сведения об изучаемых идиомах (*2.2*) и описывается процедура сбора материала (*2.3*). В *Разделе 3* представлен основной эмпирический результат исследования: выявленные модели кодирования актантов и соответствующие классы предикатов. В *Разделе 4* предлагается попытка интерпретации полученных сведений в теоретическом и типологическом контексте.

2. Вводные сведения и процедура сбора материала

2.1. Теоретический и методологический контекст

Теоретические и методологические установки типологического проекта BivalTyp, посвященного изучению валентностных классов двухместных предикатов в языках мира, подробно изложены в [Сай (ред.) 2018; Say (ed.) 2020]. Вкратце они сводятся к тому, что сопоставимость собираемых данных обеспечивается наличием единой анкеты [Сай и др. 2018], которая включает 130 двухместных предикатов, использованных в определенном семантико-синтаксическом контексте. Для каждого контекста априорно (с опорой на семантические свойства проторолей [Dowty 1991]) определялось, какой из актантов будет

считаться первым (X), а какой — вторым (Y). Таким образом, стимульные предложения могли выглядеть как, например, ‘У П. (X) болит голова (Y)’, ‘П. (X) познакомился с М. (Y) год тому назад’ и т. д. Для каждого языка собирались переводы стимульных предложений, удовлетворявшие определенным критериям. Основной критерий состоял в том, чтобы в полученном предложении именные группы, соответствующие актантам X и Y, были выражены как зависимые уровня клаузы. Далее для соответствующих именных групп фиксировались средства кодирования: зависимостного (падежи и адлоги), вершинного (личные показатели на глаголе) или в редких случаях связанные с порядком слов. Два конкретноязыковых предикатных выражения V1 и V2 считались относящимися к одному валентностному классу в том случае, если X-актант при V1 кодировался так же, как X-актант при V2, а Y-актант при V1 — так же, как Y-актант при V2.

Описанные процедуры позволяют устанавливать на эмпирических основаниях, i) каким образом в конкретных языках соотносятся классы переходных и двухвалентных непереходных предикатных выражений и ii) какие семантические признаки стоят за распределением конкретных предикатных выражений по валентностным классам. Также собранные данные позволяют iii) измерять, насколько различные языки похожи или различаются по параметрам, связанным с системой валентностных классов. Это в свою очередь позволяет увидеть, насколько кодирование актантов отражает генеалогические и ареальные факторы, и в конечном счете оценить диахроническую стабильность систем такого кодирования.

В настоящей статье все эти вопросы ставятся применительно к новоарамейским идиомам, представленным в селе Урмия.

2.2. Общие сведения о новоарамейских идиомах села Урмия

Классификации новоарамейских идиомов, выделению в рамках этого пространства языков и диалектов посвящена обширная литература [Лявданский 2009; Murre-van der Berg 1999: 3–5]. Все идиомы, представленные в Урмии, относятся к северно-восточному новоарамейскому (Northeastern Neo-Aramaic, NENA) кластеру[1].

[1] Их носители идентифицируют себя как «ассирийцы». Определение содержания этого этнонима потребовало бы подробного обсуждения диалектологических,

Историческая область расселения носителей северо-восточных арамейских идиомов находится на стыке современной юго-восточной Турции, Ирана (территория к западу от озера Урмия) и северного Ирака. Именно здесь сформировались основные северо-восточные новоарамейские диалекты (большинство из них по-прежнему называется по местностям и населенным пунктам этого ареала). Однако исторические события XIX и особенно XX века привели к многочисленным миграциям носителей новоарамейских идиомов с территорий их исконного расселения. Многие христиане-ассирийцы в результате нескольких волн миграций оказались в Закавказье, а позднее и на юге России. В частности, в 1924 году ассирийские переселенцы основали село Урмия (в данный момент относится к Курганинскому району Краснодарского края), где этнические ассирийцы до сих пор составляют большинство населения.

Несмотря на огромную символическую значимость Урмии для ассирийцев России, лингвистический ландшафт этого села до сих пор изучен недостаточно. Большинство ассирийцев села Урмия говорят на урмийском диалекте и считают себя представителями группы «урмижна(я)». Урмийский диалект исторически связан с равнинной областью вокруг города Урмия на территории современного Ирана. Многие ассирийцы, переселившиеся в село Урмия из Закавказья после распада СССР, говорят на разновидности урмийского диалекта, очень близкой к разговорному идиому, подробно описанному Дж. Кханом в [Khan 2016b], и, следовательно, к «ассирийскому литературному языку», в основе которого лежат урмийские диалекты. Однако язык потомков тех урмижна, которые жили в Урмии с момента ее основания, имеет свои особенности, отличающие его от языка поздних переселенцев, — эти особенности еще только предстоит систематически описать.

Помимо количественно преобладающих урмижна, в Урмии представлены и другие группы ассирийцев, в первую очередь — носители, идентифицирующие себя как «шапытна». Шапытна в основном представлены потомками первых жителей Урмии (видимо, среди первых переселенцев они были соизмеримы по численности с урмижна). В диалектологическом смысле шапытна, проживающие в Урмии, почти не изучены (некоторые наблюдения над их языком представлены в [Ovsjannikova et al. in prep.]). Видимо, к этому условному объединению относят носителей целого конгломерата диалектов, связанных

этнографических и конфессиональных сведений, что было бы неуместно в рамках этой статьи.

с горными районами на юго-востоке современной Турции[2]. Разумеется, на современном этапе диалектная картина села Урмия осложняется многочисленными смешениями и в еще большей степени аттрицией.

Как бы то ни было, базовые факты грамматики, необходимые для анализа валентностных классов, во всех новоарамейских идиомах, представленных в селе Урмия, совпадают. В этих идиомах у имен отсутствует морфологический падеж. Зависимостное маркирование ограничено предлогами и префиксом *d-* (OBL), который присоединяется к некоторым указательным элементам в неподлежащных позициях. Основной способ различения ядерных актантов — вершинное маркирование. Подлежащее (всегда) и прямое дополнение (при определенных обстоятельствах) индексируется на глаголе при помощи показателей лица, числа и рода[3]. Однако выбор «ряда» показателей для подлежащих и дополнений осуществляется в разных фрагментах видо-временной системы по-разному. В *Таблице 1* приводятся сведения о выборе рядов показателей в зависимости от формы глагола, при этом показатели двух типов обозначаются традиционными для арамеистики терминами: «S-суффиксы» и «L-суффиксы».

Таблица 1. Ряды согласовательных показателей в зависимости от вида и времени

Table 1. The choice of subject and object person indices in tense and aspect subsystems

	подлежащее	**дополнение**
система инфекта (PRS)	S-суффиксы (SS)	L-суффиксы (LS)
претерит (PST)	L-суффиксы (LS)	S-суффиксы (SS)
прогрессив (PROG)	показатели, восходящие к копуле (1M, 1F и т. д.)	притяжательные показатели (P)
результатив (RES)		

Как можно видеть, S-суффиксам и L-суффиксам сложно приписать стабильное грамматическое значение, ср. «зеркальную» интерпретацию

[2] Понятие «шапытна» исторически связано с топонимом Шапут, но в Урмии оно расширительно закрепилось отчасти на «отрицательных» основаниях — это носители разных горских диалектов, противопоставленных урмийским разновидностям и часто с Шапутом никак не связанных.

[3] Также возможно индексирование непрямого дополнения при дитранзитивных глаголах типа ‘дать’, но здесь оно не будет рассматриваться.

S- и L-суффиксов в системе инфекта и претерита [Саркисов 2018]. Материальный облик основных алломорфов большинства рядов личных индексов представлен в *Таблице 2* (за рамками рассмотрения оставлены непрезентные формы копулы).

Таблица 2. Экспоненты показателей лица, числа и рода

Table 2. Exponents of person, number and gender indices

	S-суффиксы	**L-суффиксы**	**копула (PRS)**[4]	**притяжательные**
1M	*-ən*	*-li*	*=ən / =əna*	*-i*
1F	*-an*		*=an / =əna*	
2M	*-ət*	*-lux*	*=ət / =əta*	*-ux*
2F	*-at*	*-lax*	*=at / =əta*	*-ax*
3M	∅	*-lə*	*=əl(ə)*	*-u*
3F	*-a*	*-la*	*=əla*	*-o*
1PL	*-ax*	*-lan*	*=əx / =əxa*	*-an*
2PL	*-itun / -itux*	*-loxun*	*=ətun / =ətux*	*-oxun*
3PL	*-i // -e*[5]	*-lun / -le*	*=əna / =ən*	*-e*

Выбор между вариантами, разделенными в *Таблице 2* одной косой чертой, зависит от диалекта. Первым приводится основной урмийский вариант; варианты, приведенные после черты, можно условно считать «шапытнайскими», хотя их реальная идиолектная представленность в разных случаях различна.

Зеркальность систем использования личных индексов в инфекте и претерите проиллюстрирована в примерах (1а) и (1б). В примере (1в) проиллюстрировано употребление личных индексов в прогрессиве.

(1а) *+bət-kaṭl-a-li*
FUT-убить.PRS-SS.3F-LS.1SG
‘Она убьет меня.’

(1б) *+kṭəl-a-li*
убить.PST-SS.3F-LS.1SG
‘Я убил ее’.

(1в) *+bəkṭal-u=la*
убить.PROG-P.3M=3F
‘Она убивает его’.

[4] Связки приводятся в той форме, в которой они используются в качестве энклитик в составе глагольных форм. В самостоятельном употреблении формы, представленные здесь с начальным *ə*, начинаются с *i*.

[5] Выбор показателя зависит от синтаксической позиции: *-i* соответствует подлежащему, а *-e* — дополнению.

Порядок следования именных актантов — при их наличии — сам по себе не является средством выражения предикатно-актантных отношений (по частотности преобладают модели SOV и SVO).

2.3. Процедура сбора материала

Данные собирались летом 2019 года в селе Урмия. В общей сложности было собрано три полных версии анкеты, включающей 130 предложений (см. *Раздел 2.1*). Первая версия (консультант 1) получена от представителя «новых урмижна» (переселился из села Арзни в Армении в начале 1990-х годов); вторая (консультант 2) — от представителя группы «шапытна». Третья «сборная» версия анкеты получена от нескольких носителей (консультанты 3–8), представляющих несколько диалектных разновидностей.

Разбиение предикатов на валентностные классы представлено ниже в усредненном виде, без учета диалектных или идиолектных различий и других типов вариативности, однако примеры цитируются с сохранением диалектных особенностей. Вероятные диалектные различия при необходимости отражены в комментариях, особенно в *Разделе 4*. При записи[6] и глоссировании примеров используется система, разработанная в рамках проводимого в ИЛИ РАН проекта по документации северо-восточных новоарамейских идиомов на территории России.

3. Результаты

3.1. Общий обзор и сложности при сборе материала

В общей сложности при сборе данных по анкете, содержащей 130 предложений-стимулов, было получено 124 таких предикатных выражения, которые были «засчитаны» в качестве основного варианта, адекватного целям проекта. Еще в 6 случаях конструкции, удовлетворяющей необходимым критериям, получить не удалось. Сложности

[6] Используемая система транскрипции во многом следует конвенциям, принятым в [Khan 2016], в частности знак «+» в начале слова обозначает специфическую супрасегментную характеристику, «эмфатичность».

были связаны либо с тем, что консультанты затруднялись выразить необходимое значение на родном языке (‘влиять’, ‘зависеть’ и т. п.), либо с тем, что в предложенной структуре один из ожидаемых актантов кодировался как зависимое не клаузального, а более низкого уровня. Так, значение ‘мои руки пахнут бензином’ выражалось при помощи конструкции, где существительное со значением ‘бензин’ определенно занимало позицию внутри именной группы, возглавляемой существительным ‘запах’.

В полном виде собранные данные доступны для скачивания в [Say 2020]. Среди 124 засчитанных структур 49 были отнесены к классу переходных, а еще 14 попали в классы, где один из актантов обязательно кодируется предлогом *ka*, — их также есть смысл рассматривать в связи с проблемой переходности. Все эти 63 предиката обсуждаются в *Разделе 3.2*. Основную часть непереходных двухвалентных структур составляют конструкции, где один из актантов реализуется как каноническое подлежащее, а другой имеет косвенный статус и оформляется одним из предлогов. Семь классов такого типа (в общей сложности в них попадает 46 предикатов из анкеты) представлены в *Разделе 3.3*. Наконец, в *Разделе 3.4* обсуждаются особые структуры, в которых один из актантов имеет специфический «немаркированный» статус (5 классов такого типа покрывают 15 предикатов из анкеты).

3.2. Дифференцированное маркирование актантов, переходные глаголы и смежные валентностные классы

Переходные двухместные предикаты в новоарамейских идиомах Урмии в первую очередь характеризуются тем, что на них в принципе могут индексироваться оба актанта (см. *Раздел 2.2*). Однако если для подлежащего индексирование на предикате обязательно, то для прямого дополнения оно факультативно. Как следствие, при сборе данных по анкете для одного и того же стимула нередко фиксировались переводы, которые различались по наличию / отсутствию объектного согласования, как (2а) и (2б)[7].

[7] Конкретная пара примеров дополнительно различается оформлением третьего участника, ‘рук(и)’, что, вероятно, отражает возможность концептуализации руки как инструмента (2а) или контейнера (2б). Хотя вариативность в оформлении первых двух актантов также нередко встречалась в собранных данных, конкуренция

(2а) *brata* *ctava* *dvəkt-u=la* *ṗ* *id-o*
девочка(F) книга(M) схватить.RES.F-P.3M=3F с рука(F)-P.3F
‘Девочка держит книгу в руке’. (букв. ‘рукой’, консультант 1)

(2б) *brata* *dvəkt=əla* *ctava* *gu* *idat-o*
девочка(F) схватить.RES.F=3F книга(M) в рука(F).PL-P.3F
‘Девочка держит книгу в руках’. (консультант 2)

Ситуация, когда объектное согласование грамматически факультативно («дифференцированное индексирование объекта»), типологически распространена [Siewerska 1999; Iemmolo 2011; Haig 2018]. Видимо, в северо-восточных новоарамейских языках выбор стратегии зависит от определенности объекта и информационной структуры. Такая картина описывалась как для близкородственных новоарамейских идиомов [Coghill 2014] и [Khan 2008: 782], так и для некоторых других языков (например, иранских, уральских и банту, см. ссылки и примеры в [Coghill 2014; Haig 2018: 789]). Непосредственно для идиомов Урмии проблема факторов, влияющих на оформление прямого дополнения, пока подробно не изучалась, но в любом случае ее решение не влияет на определение границ класса переходных глаголов: для всех них объектное согласование возможно, хотя и не обязательно.

Некоторые северо-восточные новоарамейские идиомы примечательны тем, что в них наряду с дифференцированным индексированием объекта одновременно представлено и дифференцированное зависимостное маркирование объекта («differential object flagging») [Coghill 2014]. Чаще всего при дифференцированном зависимостном маркировании прямое дополнение альтернирует между немаркированной реализацией и маркированием таким предлогом, в круг значений которого входит оформление реципиента при дитранзитивных глаголах[8]. Такая конфигурация представляет собой стабильное явление в новоарамейских идиомах, но сами предлоги «дативной зоны» в разных идиомах могут быть неродственны друг другу [Coghill 2014: 340]. Единственный предлог, для которого подобная полифункциональность

между предлогами *bi*, алломорфом которого является *ṗ* в примере (2а), и *gu* в собранных материалах не фиксировалась.

[8] Возможно, самый известный пример подобной системы — факультативное использование предлога *a* для кодирования прямых дополнений в испанском языке. Однако аналогичные сценарии обнаружены во множестве языков [Bossong 1991].

зафиксирована в Урмии, — это предлог *ka*[9]. В примере (3) предлог *ka* оформляет непрямое дополнение (позицию прямого дополнения занимает ‘еда’), а в примере (4а) — прямое.

(3) *hí-la* *ğáldə* *kat* *+maxl-á-l*,
прийти.PST-LS.3F быстро COMP кормить.PRS-SS.3F-LS.3M
+xálta *ka* *xəmyán-o* *míyy-a*
еда(F) к свекор(M)-P.3F принести.PRS-SS.3F
‘Быстро пришла, чтобы накормить, принести еду своему свекру’. (тексты, записанные в Урмии)

(4а) *švava* *+kṭəl-lə* *ka* *švot-u*
сосед(M) убить.PST-LS.3M к соседка(F)-P.3M
‘Сосед убил соседку’. (консультант 1)

Основной аргумент за то, чтобы считать конструкцию в (4а) переходной, состоит в том, что тот же глагол (и иногда у того же носителя) может использоваться и в несомненной переходной конструкции, см. (4б).

(4б) *švava* *švot-u* *+kṭil-a-l*
сосед(M) соседка.(F)-P.3M убить.PST-SS.3F-LS.3M
‘Сосед убил соседку’. (консультант 1)

В собранных материалах прямое дополнение почти никогда не кодируется одновременно и предлогом *ka*, и объектным суффиксом. Такая дополнительная дистрибуция уже фиксировалась на урмийском материале [Khan 2016b, Vol. II: 256–257; Саркисов 2017: 364]. Интересно, что в диалекте тель-кепе (южная группа северно-восточных новоарамейских идиомов) зафиксирована обратная ситуация: «flagging is normally only used in conjunction with agreement on the verb» [Coghill 2014: 342].

Итак, в число переходных включались такие предикаты, которые могут использоваться в конструкциях с двумя актантами без предлогов, обязательным субъектным согласованием и факультативным объектным согласованием, как в (2), (3) и (4б), при этом некоторые из них

[9] Примерно та же картина наблюдается в литературных урмийских текстах XIX века [Murre-van der Berg 1999: 211–212]. В литературном ассирийском языке, использовавшемся в СССР, прямое дополнение также могло маркироваться предлогом *l-* [Саркисов 2017: 379–381, Церетели 1964: 85; Агассиев 2007: 157].

иногда также допускали и конструкцию с предлогом *ka*[10]. При таком подходе в класс переходных были отнесены 49 предикатов из анкеты[11]: [4] ‘бросить’ +*rappə*; [8] ‘взять’ *šakəl*; [9] ‘видеть’ *xazə*; [15] ‘гнать’ +*ṭarə*; [16] ‘гнуть’ +*ṭayəp*; [18] ‘держать’ *davək*; [20] ‘доить’ +*xaləv*; [26] ‘есть’ +*axəl*; [27] ‘жарить’ *kalə*; [29] ‘забыть’ *manšə*; [31] ‘звать’ +*karə*; [32] ‘знакомиться’ +*yaṭṭə*; [33] ‘знать’ +*yaṭṭə*; [36] ‘изготовить’ +*tarəs*; [40] ‘красить’ *maxə rang* (букв. ‘ударять краску’); [41] ‘кусать’ +*karəṭ*; [43] ‘ловить’ *davək*; [44] ‘ломать’ +*šaməṭ*; [46] ‘любить’ +*bayyə*; [47] ‘махать’ +*šayəš*; [49] ‘мыть’ +*xalləl*; [50] ‘надеть’ *lavəš*; [54] ‘наполняться’ *malə*; [55] ‘находить’ *mačəx*; [63] ‘открывать’ *patəx*; [66] ‘пахать’ +*ṭarə*; [68] ‘пересечь’ +*avər*; [69] ‘петь’ *zamər*; [70] ‘писать’ *catəv*; [71] ‘пить’ *šatə*; [72] *mapšər* ‘плавить’; [76] ‘помнить’ *taxər*; [78] ‘понимать’ +*ṗarmə*; [85] ‘родить’ *barə*; [86] ‘ронять’ *manpəl*; [91] ‘слушать’ +*šammə*; [93] ‘слышать’ +*šammə*; [96] ‘снять’ *šaləx*; [97] ‘сниться’ *xazə bi xulma* (букв. ‘видеть во сне’); [100] ‘стоить’ +*dakər*; [102] ‘насыпать’ *darə*; [103] ‘терять’ *talək*; [105] ‘убить’ +*kaṭəl*; [106] ‘ударить’ *maxə*; [107] ‘целовать’ *našək*; [108] ‘читать’ +*karə*; [109] ‘шевелить’ *maǧvəǧ*; [110] ‘уважать’ *maɣɣəb*; [121] ‘хотеть’ +*bayyə*.

В анкете встретились и предикатные выражения, при которых использование предлога *ka* для кодирования одного из актантов было обязательным: они могут использоваться в конструкции, проиллюстрированной в (4а), но не в конструкции, проиллюстрированной в (4б). Такие предикатные выражения не включались в класс переходных. Строго говоря, некоторые из них являются переходными, но их прямым дополнением является какой-то третий актант, а не актанты X и Y, заложенные в анкете. Так, при глаголе [17] ‘говорить’ *tanə* позицию прямого дополнения может занимать обозначение произнесенного текста (дополнения

---

[10] Верно ли это для всех глаголов, отнесенных к числу переходных, пока что систематически проверено не было: в основном предлог *ka* допускают объекты, занимающие высокое положение на иерархиях одушевленности и определенности, а для некоторых глаголов поиск употреблений в соответствующих контекстах составляет определенную трудность.

[11] Здесь и далее для каждого предиката приводится та модель, которая была идентифицирована как основная (о критериях выбора основной модели см. [Сай и др. 2018]), хотя на самом деле во многих случаях возможна вариативность управления. Номера в квадратных скобках соответствуют номеру предиката в анкете [ibid.], а приводимые значения — тем значениям, которые были заложены в анкете (реальные новоарамейские глаголы могут быть гораздо более многозначны, чем видно по приводимому переводу).

вроде ‘слова’, ‘глупость’), в то время как актанты X и Y соответствуют говорящему и слушающему — последний как раз и кодируется предлогом *ka*. В материалах встречаются и собственно двухместные предикаты, при которых один из актантов обязательно кодируется предлогом *ka*, как в (5).

(5) *a* *camar* *bəlxam=əl* *ka* *+oym-i*
DEM1.SG пояс(M[12]) подходить.PROG=3M к платье(F)-P.1SG
‘Этот пояс подходит к моему платью’. (консультант 1)

Предикатные выражения, требующие предлога *ka*, распадаются на два класса. В более обширном классе актант X занимает позицию подлежащего, а предлогом *ka* кодируется актант Y. В этот класс (он может быть обозначен как <SBJ; *ka*>) были отнесены 11 предикатов из анкеты: [13] ‘выиграть’ *+karəm*; [17] ‘говорить’ *tanə*; [19] ‘догнать’ *+maṭə*; [45] ‘льстить’ *maxə məšxa* (букв. ‘бить масло’); [52] ‘наказывать’ *+savər*[13]; [62] ‘отвечать’ *yavvəl +ǧuvvab* (букв. ‘ответ давать’); [73] ‘подходить’ *laxəm*, см. (5); [75] ‘покрывать’ *maccəs*; [77] ‘помогать’ *avəd comac* (букв. ‘делать помощь’); [82] ‘проиграть’ (кому) *+makrəm*; [92] ‘слушаться’ *+šammə*. Еще 3 предиката попали в класс <*ka*; SBJ>, где предлогом *ka* кодируется актант X, а актант Y занимает позицию подлежащего: [5] ‘хватать’ *xazə* (букв. ‘видеть’); [56] ‘недоставать’ NEG + *xazə* (букв. ‘не видеть’); [57] ‘нуждаться’ *+lazəm* (неглагольный предикат), см. (6).

(6) *ka* *ayya* *baxta* *+lazəm=ən* *zuzə*
к DEM2.F женщина(F) необходимый=3PL деньги.PL
‘Этой женщине нужны деньги’. (консультант 3, «шапытна»)

Противопоставление переходного класса и классов с предлогом *ka* представлено здесь как более отчетливое, чем, вероятно, оно является на самом деле[14]. Показательны в этом отношении переводы, полученные

---

[12] Род существительного *camar* ‘пояс’, видимо, подвержен колебаниям: он обозначен как женский в [Khan 2016b, Vol III: 116], но как мужской в [MacLean 1901: 135], что соответствует примеру (5).

[13] Основное значение этого глагола — ‘ругать’. Возможно, его семантика в речи части носителей расширяется, а возможно, речь идет о не вполне аккуратном переводе стимульного предложения. Глагол *+taləm* ‘наказать, проучить’ при элицитации зафиксирован не был.

[14] Так, для некоторых предикатных выражений, отнесенных к классу <SBJ; *ka*>, например для [19] ‘догнать’ *+maṭə* и [75] ‘покрывать’ *maccəs*, беспредложное

для стимулов с предикатами [91] ‘слушать’ и [92] ‘слушаться’. В них использовался один и тот же глагол — *+šamtə*, но в первом случае актант Y оставался немаркированным, а во втором — оформлялся предлогом *ka*. В результате эти два случая были отнесены к разным валентностным классам, хотя на самом деле здесь наблюдается лишь семантизация (возможно, и частичная лексикализация) тех контрастов, которые обычно ассоциируются с дифференцированным маркированием объекта.

Последний пример является частным случаем более широкой проблемы: актанты, которые маркируются предлогом *ka*, — это в подавляющем большинстве случаев одушевленные, личные участники (см. лексические списки чуть выше). Поскольку одушевленность — один из основных факторов, регулирующих дифференцированное маркирование актантов, получается, что в данном случае совсем не просто понять, идет ли речь на самом деле о двух разных валентностных классах предикатных выражений или всего лишь о выборе способа кодирования в рамках единого переходного класса.

3.3. Непереходные модели управления с предлогами

В большинстве непереходных двухместных моделей один из актантов является каноническим подлежащим, а второй оформляется одним из предлогов и никогда не индексируется на глаголе. По структуре все такие конструкции похожи на уже рассмотренные модели с предлогом *ka*. В качестве иллюстрации можно сравнить конструкцию с предлогом *+al* (7) и пример (5) с предлогом *ka*.

(7) *+avvo* *yala* *bədmay=əl* *+al* *savun-u*
DEM3.M мальчик(м) напоминать.PROG=3M на дедушка(м)-P.3M
‘Этот мальчик похож на своего дедушку’. (консультант 1)

В таких моделях позицию подлежащего почти всегда (45 случаев из 46) занимает первый из заданных в анкете актантов (X), а предлогом оформляется второй актант (Y), как в (7). Из-за структурного единообразия сами по себе эти модели дальше обсуждаться не будут. Интересны они в первую очередь тем, каким образом 45 предикатов

оформление второго актанта встречается в Корпусе христианского урмийского (http://neo-aramaic.web-corpora.net/) [А. К. Лявданский, л. с.] и иногда оценивалось как маргинально допустимое консультантами, живущими в Урмии.

разбиваются на 6 моделей с разными предлогами. Далее модели приводятся по убыванию частотности.

Второй актант оформляется предлогом *mən* (также имеет вариант *m*) при 15 предикатах: [3] ‘бояться’ +*zadə*; [11] ‘встретиться (случайно)’ *tapək*; [14] ‘выходить’ +*palət*; [23] ‘драться’ +*ṗaləš*; [24] ‘дружить’ *avəd* +*xorvayta* (букв. ‘делать дружбу’); [35] ‘избегать’ +*ṭašə gana* (букв. ‘прятать себя’); [64] ‘отличаться’ *parəš*; [65] ‘отставать’ *payəš* +*baray* (букв. ‘оставаться сзади’); [74] ‘покидать’ *azəl* (базовый андативный глагол, значение ‘покидать’ возникает в сочетании с предлогом *mən*); [84] ‘разговаривать’ *hamzəm*; [90] ‘слезать (с лошади)’ +*salə*; [98] ‘соглашаться’ *avə* +*razi* (букв. ‘быть согласным’); [99] ‘ссориться’ +*makrəs*; [111] ‘брезговать’ *gangəz*; [130] ‘стесняться’ *naxəp*.

Предлогом *bi* (имеет варианты *b*, *ṗ*, а также — как минимум у некоторых консультантов — *bət*, возможно, вследствие контаминации) второй актант оформляется при 11 предикатах: [2] ‘болеть’ (в контекстах типа ‘X болеет Y-ом’) +*marrə*; [22] ‘дотрагиваться’ *kayət*; [37] ‘издеваться’ *gaxəc*; [80] ‘порезаться’ *parəm gana* (букв. ‘порезать себя’); [83] ‘обрадоваться’ *xadə*; [94] ‘смешаться’ +*xavəṭ*; [112] ‘быть довольным’ *avə* +*razi* (букв. ‘быть довольным’); [114] ‘доверять’ *avə* +*ərxay* (букв. ‘быть надежным’; вероятно, диалектная реализация, ср. +*arxayən* в [Khan 2016b, Vol. III: 90]); [116] ‘завидовать’ *baxxəl*; [118] ‘удивиться’ +*ağğəb*; [120] ‘наслаждаться’ *avəd ceyp* (букв. ‘делать удовольствие’).

Предлогом +*al* оформляются вторые актанты при 10 предикатах: [6] ‘быть похожим’ *damə*, см. (7); [7] ‘верить’ *hammən*; [21] ‘достичь’ +*maṭə*; [28] ‘ждать’ *xaməl*; [34] ‘играть (на музыкальном инструменте)’ +*ṭavəl*; [53] ‘нападать’ *napəl* (букв. ‘падать’); [81] ‘прилипать’ +*šayyə*; [95] ‘смотреть’ *gašək*; [117] ‘злиться’= [122] ‘сердиться’ *carəb*.

Предлогом *gu* оформляется второй актант при 4 предикатах: [12] ‘войти’ +*avər*; [79] ‘попасть’ (ср. ‘молния попала в дом’) *maxə*; [101] ‘стрелять’ *čarət*; [104] ‘тонуть’ +*ṭabbə*.

Еще при 4 предикатах второй актант оформляется предлогом +*bar*: [25] ‘думать’ *taxmən*; [39] ‘искать’ +*ṭavvə*; [88] ‘скучать’ *maxnə*; [89] ‘следовать’ *azəl* (это базовый андативный глагол, значение ‘следовать’ возникает в контексте предлога +*bar*).

Особую модель можно усмотреть у предиката [42] ‘лишиться’ *payəš* (букв. ‘остаться’): при нем актант Y оформляется двухчастным маркером *la b* (показатель отрицания и алломорф предлога *bi*).

Наконец, фиксируются и модели, где позицию подлежащего занимает второй актант, заложенный в анкете, Y, а предлогом оформляется

первый актант, X. Помимо модели с предлогом *ka*, рассмотренной выше, см. (6), была зафиксирована и аналогичная конструкция с предлогом *cəs* — для предиката [61] ‘оставаться’ *payəš*, см. (8).

(8) *cəs* *yala* *sura* *pəš-lə* *əmma*
у мальчик(м) маленький.м остаться.PST-LS.3м сто
+manət *zuzə*
рубль(м) деньги.PL
‘У мальчика осталось сто рублей’. (консультант 4, «шапытна»)

3.4. Нестандартные валентностные классы

Последняя группа моделей объединяется тем, что в них как минимум один из актантов не получает предложного маркирования (как подлежащее или прямое дополнение), но при этом не может индексироваться на предикате (в отличие от подлежащего или прямого дополнения). Так, в примере (9) этот особый синтаксический статус имеет актант X, ‘девочка’ (актант Y, ‘голова’, занимает позицию подлежащего и вызывает индексирование на глаголе).

(9) *brata* *riš-o* *+mray=əl* / **+mray=əla*
девочка(F) голова(м)-P.3F болеть.PROG=3м / болеть.PROG=3F
‘У девочки болит голова’. (консультант 1)

Можно было бы предположить, что в примере (9) ‘девочка’ входит в состав именной группы, возглавляемой названием части тела. На самом деле это не так, о чем говорят как минимум три факта. Во-первых, последовательность *brata riš-o* не может реферировать к одному объекту — ‘голове девочки’ — в нейтральных контекстах, где ‘девочка’ заведомо не является топиком. Во-вторых, эта последовательность нарушает ожидаемые свойства единой именной группы, в частности может разрываться обстоятельствами уровня клаузы, например, *adiyya* ‘сейчас’. В-третьих, обычно приименные посессивные отношения, включая отношения части тела и обладателя, выражаются в изучаемых идиомах по-другому — при помощи «релятора» *ət*, как в (10):

(10) *riš=ət* *brata* *+mray=əl*
голова(м)-REL девочка(F) болеть.PROG-3м
‘У девочки болит голова’. (консультант 1)

При определенных обстоятельствах релятор может клитизироваться к посессору, менять облик или даже опускаться [Khan 2016b, II: 70–79], однако последовательность из примера (9) невозможно возвести к посессивной именной группе, в частности из-за порядка слов. Меж тем именно конструкция в (9) является нейтральным способом выразить значение ‘у X-а болит Y’ (по крайней мере для части носителей).

Возможная трактовка конструкций типа (9) в том, что синтаксическим актантом предиката здесь является посессивный суффикс, присоединенный к названию части тела, а именная группа *brata* ‘девочка’ лишь дублирует этот актант на левой периферии клаузы. При таком подходе эти конструкции можно трактовать как случаи «экстрапозиции» — дискурсивно обусловленного и грамматически факультативного вынесения топикальной составляющей налево. Экстрапозиция в урмийском новоарамейском, включая вынесение элемента, связанного с ядерным актантом клаузы посессивными отношениями, подробно проанализирована в [Khan 2016a; Khan 2016b, II: 385–400]. Дж. Кхан различает два типа экстрапозиции, противопоставленных по степени интеграции вынесенного элемента в состав клаузы. Отсутствие просодической границы в элицитированных примерах типа (9) говорит о высокой степени интеграции, т. е. позволяет отнести эти конструкции к тому типу, который Дж. Кхан обозначает «Ex1» [Khan 2016b, II: 386].

Дискурсивно обусловленная экстрапозиция фиксируется во многих языках мира, в частности она широко представлена в новоарамейских идиомах. Обычно ее нет смысла обсуждать в связи с выявлением валентностных классов предикатных выражений, потому что она используется для создания «производных» конструкций на базе нейтральных, лексически заданных. Типичный пример дискурсивной экстрапозиции посессора в конструкции с одноместным глаголом из диалекта телькепе представлен в (11).

(11) *xa-gorɒ* *məθ-lɒ* *baxt-e*
a-man died-3F.SG wife-his

‘A certain man, his wife died…’ [Coghill 2014: 339]

Однако в ходе сбора материала в Урмии обнаружилось, что для некоторых предикатных смыслов конструкция с экстрапозицией является **основным** способом передать необходимое значение, по крайней мере при условии, что двум заложенным в анкету актантам соответствовали

полноценные именные группы[15]. Использование конструкции с экстрапозицией в качестве основного переводного эквивалента стимула явно обусловливалось лексической семантикой конкретных предикатов, что типично для валентностных классов. Для иллюстрации различий между обычной дискурсивной экстрапозицией и лексически обусловленной экстрапозицией можно сравнить примеры (11) и (9). В (11) экстрапозиция связана с тем, что говорящему по каким-то причинам потребовалось референциально «привязать» умершую женщину к некоторому дискурсивно важному протагонисту, ‘мужчине’. Этот факт не имеет отношения к семантической структуре глагола ‘умереть’. Напротив, для глагола +*marrə* ‘болеть’ дискурсивная значимость экспериенцера (того лица, в некоторой части тела которого локализована боль) является **дефолтной** ситуацией[16]. Именно поэтому предикат [1] ‘болеть’ +*marrə* был отнесен к особому двухместному классу[17], обозначенному как <BARE; SBJ> — символом «BARE» обозначена немаркированная вынесенная именная группа, в данном случае так кодируется актант X (экспериенцер-посессор). Такое решение несколько произвольно, поскольку тот же предикат в принципе может использоваться и в обычной одноместной конструкции (10); выбор был сделан с опорой на бóльшую естественность модели <BARE; SBJ> при выражении нужного значения[18].

---

[15] Возможно, для части обсуждаемых в этом разделе предикатов использование с двумя участниками, каждый из которых выражен полноценной именной группой, не вполне типично. Так, беглый просмотр данных Корпуса христианского урмийского (http://neo-aramaic.web-corpora.net/) показывает, что в большинстве случаев глагол ‘болеть’ +*marrə* имеет один лексически выраженный актант, а экспериенцер выражается лишь притяжательным показателем. Однако если и экспериенцер выражается лексическими средствами, то он как раз оказывается в экстрапозиции, ср. *Serjozqa lівви mrьlь*, букв. ‘Сережка сердце-его заболело’ (сохранена орфография Корпуса).

[16] Такая картина типологически ожидаема для конструкций с названиями частей тела [Hopper, Thompson 1985: 167; Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001: 209]. См. также [Khan 2016b, II: 398] о том, как склонность к экстрапозиции различает разные типы глаголов, в частности, противопоставляет другим глаголам глаголы с экспериенцерами.

[17] В принципе предикаты со значением боли могут вести себя как одноместные, ср. (10), но типологически более распространены ситуации, когда и часть тела, и экспериенцер при таких предикатах реализуются как самостоятельные аргументы [Reznikova et al. 2012: 443–446].

[18] Именно конструкция с экстрапозицией предлагалась в качестве первой реакции на стимул, а конструкция без экстрапозиции порождалась (или одобрялась) лишь при дальнейшей элицитации.

Конструкции, где один из актантов имел статус «BARE», были засчитаны как основной способ кодирования для 15 предикатов из анкеты. Эти «нестандартные» случаи разнородны, а их разделение на валентностные классы того же уровня, что и классы, рассмотренные в *Разделах 2.2* и *2.3*, отчасти условно. В уже упомянутый класс <BARE; SBJ> попал еще один предикат: 129 ‘симпатизировать’ *+avər gu ləbba* (букв. ‘входить в сердце’). В конструкциях с этим предикатным выражением, как и в (9), первый актант (экспериенцер) индексируется с помощью посессивного показателя не на глагольной вершине, а на именном выражении (в данном случае *ləbba* ‘сердце’), с которым, однако, он не образует единую составляющую.

Последнее разобранное предикатное выражение имеет общие черты с выражениями, демонстрирующими самую частотную «нестандартную» модель — <BARE; *mən*>, см. (12).

(12) *+Ašur* *xoš-u* *bitay=əla*
Ашур(м) счастье(f)-p.3м приходить.prog=3f
mən *d-a* *+sudra*
от obl-dem1.sg рубашка(f)
‘Ашуру нравится эта рубашка’. (консультант 1)

Синтаксическое подлежащее здесь — абстрактное существительное *xoš* ‘счастье’, именно оно индексируется на глаголе[19]. Однако оно входит в идиоматическое выражение (букв. ‘счастье приходит’), имеющее значение ‘нравиться’. Экспериенцер кодируется здесь при помощи посессивного показателя на существительном *xoš* (и при необходимости дублируется вынесенной именной группой), а стимул — при помощи предлога *mən* (такое кодирование стимула характерно и для глаголов с моделью <SBJ; *mən*>, см. *2.3*). Как и в модели <BARE; SBJ>, в элицитированных структурах типа (12) не фиксировалась интонационная пауза после вынесенной именной группы. Таким образом, и здесь экстрапозиция — это базовый способ лексически выразить актант X.

Предпочтительность экстрапозиции для новоарамейских эквивалентов предикатов [129] ‘симпатизировать’ (*+avər gu ləbba*, букв. ‘входить в сердце’) и [58] ‘нравиться’ (*xoš atə*, букв. ‘счастье приходить’) тесно связана с их перифрастической природой. В этих случаях

[19] В словаре Дж. Кхана оно записано как существительное мужского рода [Khan 2016b, III: 331], но и в Урмии, и даже в материалах самого Дж. Кхана оно обычно выступает как существительное женского рода.

за приоритетную дискурсивную позицию конкурируют, с одной стороны, одушевленный экспериенцер, пусть и не вступающий с глаголом в непосредственные синтаксические отношения, и название части тела или абстрактное существительное, являющееся формальным подлежащим, но находящееся в нижней части иерархии индивидуированности / одушевленности [Comrie 1989: 185–200, Sasse 1993: 659, Jie, Liang 2018]. В таком «соревновании» побеждает обычно одушевленный участник — и регулярная экстрапозиция оказывается удобным способом решить конфликт между дискурсом и синтаксисом[20]. Показательно, что для всех 8 предикатов из анкеты, для которых была засчитана модель <BARE; *mən*>, зафиксированное предикатное выражение представляло собой перифрастическую структуру описанного типа: [57] ‘ненавидеть’ *ləbba ṗakkə* (букв. ‘сердце разрываться’), уже обсуждавшийся [58] ‘нравиться’ *xoš atə* (букв. ‘счастье приходить’) — это же выражение было засчитано в качестве эквивалента предикатам [113] ‘влюбиться’ и [119] ‘любить-2 (чай)’, [123] ‘обижаться’ *ceyp payəš* (букв. ‘настроение оставаться’); [126] ‘презирать’ *+aynə +paləṭ* (букв. ‘глаза выходить’); [127] ‘огорчаться’ *ləbba mapyəš* (букв. ‘сердце оставаться’); [128] ‘раздражаться’ *ləbba +sarəx* (букв. ‘сердце разгневаться’)[21]. Интересно, что в курдском языке для выражения большинства этих значений также используются перифрастические конструкции, часто дословно эквивалентные приведенным здесь (анонимный рецензент, л.с.); этот факт может быть релевантен для интерпретации полученных данных (см. ниже).

Дж. Кхан показывает, что вынесенные экспериенцеры в конструкциях типа Ex1 (то есть с высокой степенью интеграции) продвигаются по пути от топика к подлежащему [Khan 2016b, II: 385–400]. Его аргументы включают тот факт, что в таких конструкциях выносятся даже нереферентные именные группы, заведомо не претендующие на статус дискурсивного топика:

(13) *hə́č* *nə́ša* *lə́bb-u* *lé* *+ṭáləb*
никакой человек(м) сердце(м)-р.3м NEG2 просить.PRS

[20] О непригодности подлежащих типа ‘счастье’ или ‘доброта’ на роль топика и о том, что в подобных конструкциях экстрапозиция является нормой («is the norm»), см. [Khan 2016b, II: 395].

[21] Ср. «[i]n constructions containing experiencer arguments, the experiencer is sometimes not the immediate subject but rather the nominal expressing what is experienced» [Khan 2016b, II: 395].

šárva *kə̀šta*
суп(F) холодный.F

‘Никто не любит холодный суп’. [Khan 2016b, II: 389][22]

К уже рассмотренным актантным классам примыкают еще два. В одном из них (он может быть обозначен как <BARE; BARE>) оба ожидаемых актанта не индексируются на глаголе и не оформляются предлогами, см. (14), где на глаголе индексируется род существительного +*xṭita* ‘грех’.

(14) *aha* *naša* *+xṭit=ət* *yəmm-u* *bitay-əla*
DEM1.SG человек(M) грех(F)=REL мать(F)-P.3M прийти.PROG=3F

‘Этот человек жалеет свою мать’. (консультант 5, урмижна)

В этот класс было включено два предиката: [115] ‘жалеть’ +*xṭita atə* (букв. ‘грех приходить’), проиллюстрированный в (14), и [51] ‘называться’ *avə šəmma* (букв. ‘быть имя’), имеющий именную природу (различия между этими двумя типами предикатных выражений здесь обсуждаться не будут).

Еще один малый нестандартный класс имеет формулу <SBJ; BARE>: здесь X — синтаксическое подлежащее, а актант Y не маркируется предлогами, но и не индексируется на глаголе. Пример такой модели приведен в (15)[23], где снова используется перифрастическая конструкция с экспериенцером, но в этом случае выражается значение каузации эмоции.

(15) *a* *naša* *+raba* *ləbb=ət* *baxt-u*
DEM1.SG человек(M) очень сердце(M)=REL жена-P.3M

[22] Транскрипция и глоссы в этом примере незначительно отредактированы — в соответствии с конвенциями, принятыми при записи материалов из Урмии.

[23] Разумеется, сам глагол, использованный в (15), является переходным (позицию прямого дополнения занимает существительное *ləbba* ‘сердце’). Особое поведение этого глагола обсуждается лишь постольку, поскольку в рамках проекта принята установка рассматривать кодирование двух заранее определенных актантов, в данном случае это ‘человек’ (X) и ‘жена’ (Y). Вместе с тем собственно пример (15) не соответствует тому требованию, что оба актанта должны реализовываться как зависимые клаузального уровня, поскольку Y (‘жена’) занимает здесь позицию посессора, не подвергшегося экстрапозиции. Несмотря на это, было принято решение оставить этот предикат в выборке, поскольку в принципе при нем возможна экстрапозиция участника Y, пусть она и не настолько естественна, как в тех случаях, когда экспериенцер соответствует актанту X.

muppəš-lə
опустить.PST-LS.3M

‘Этот человек очень огорчил свою жену’. (консультант 6, ур-мижна)

В соответствующий класс, помимо [124] ‘огорчать’ *mapyəš ləbba* (букв. ‘опустить сердце’), попал [87] *avə +gura* ‘руководить’ (букв. ‘быть большой’).

Наконец, совершенно особым кодированием актантов характеризуется предикат [38] ‘иметь’ *ət*, см. (16).

(16) *švot-i* *ət-la* *suysvayə*
соседка(F)-P.1SG EXI-LS.3F лошадь(M).PL

‘У моей соседки есть лошади’. (консультант 1)

Посессор в предикативной посессивной конструкции индексируется на экзистенциальной копуле при помощи L-суффикса, но по синтаксическим свойствам скорее ведет себя как подлежащее [Khan 2016b, II: 396]. Судя по всему, эта конструкция подвеглась синтаксической реинтерпретации (reanalysis): она восходит к конструкции с вынесенным топиком, но синхронно экстрапозиция посессора обязательна и не связана с топикальностью напрямую (хотя посессор является наиболее естественным топиком в предикативных посессивных конструкциях) [ibid.]. Существенно, что обладаемое на предикативной вершине *ət* не индексируется; так, в примере (16) невозможно использование индексов множественного числа[24].

Посессивная конструкция с экзистенциальной копулой *ət* объединяет в себе черты сразу трех стратегий, выделенных в типологии предикативной посессивности Л. Стассена [Stassen 2009, 2013]. С одной стороны, она похожа на экзистенциальные конструкции, в которых посессор имеет тот или иной косвенный (дативный или локативный) статус, — такой макротип Стассен называет «Locational possessive» [Stassen 2013]. Действительно, по крайней мере исторически посессор в конструкциях типа (16) индексируется при помощи косвенного

[24] Отсутствие индексирования касается ожидаемых показателей рода и числа для обладаемых третьего лица, как в (16). При необходимости выразить маргинальные значения с обладаемыми 1-го или 2-го лица (‘У твоей мамы есть ты’ и т. п.) консультанты прибегают к структуре, основанной на комитативной стратегии (букв. ‘твоя мама с тобой’ и т. п.).

средства, восходящего к маркеру дативной зоны. С другой стороны, обязательная экстрапозиция посессора как минимум диахронически связана с его топикальным статусом, что сближает обсуждаемые структуры с тем типом, которые Л. Стассен называет «Topic possessive». Наконец, синхронно посессор приобретает синтаксические свойства подлежащего. Если мысленно довести процесс грамматикализации, проиллюстрированной в примере (16), до логического завершения, то необычность посессивной конструкции будет лишь в том, что подлежащее индексируется L-суффиксами, которые в системе инфекта обычно ассоциируются с дополнениями. Синтаксическая реинтерпретация («reanalysis») бывших дополнений хорошо задокументирована в истории новоарамейских языков: именно она лежит в основе используемой в формах претерита схемы индексирования, где подлежащее индексируется L-суффиксами [Khan 2016b, II: 397]. Таким образом, предикативная посессивная конструкция обладает и определенными чертами той стратегии, которую Л. Стассен обозначает как «‘Have’-possessive». Среди прочего, новоарамейские данные интересны тем, что показывают, как может осуществляться переход от одного типа стратегии к другому.

4. Обсуждение и ареально-типологический комментарий

Среди 124 предикатов, для которых были идентифицированы эквиваленты, удовлетворяющие заложенным в проекте критериям, переходных оказалось 49. Таким образом, по этим данным «индекс переходности» в новоарамейских идиомах Урмии равен 0,40 (= 49/124). На типологическом фоне это весьма низкое значение индекса (ср. обзор в [Say 2014: 135–137; Сай 2018: 576–579]): этот индекс имеет более высокие значения в большинстве других языков, вошедших в выборку[25], включая оба представленные в ней семитских языка — иврит (0,48) и литературный арабский (0,61) — и те немногочисленные языки

[25] Выборка не только ограничена по объему (83 языка), но и очень неравномерна в ареальном отношении: в ней преобладают языки (северной) Евразии. Как следствие, типологический комментарий к новоарамейским данным следует в основном понимать как сопоставление с (северно-)евразийским фоном.

выборки, с которыми контактировали новоарамейские идиомы Урмии, в частности, азербайджанский (0,46), турецкий (0,49) и армянский (0,50). Очень похожие показатели получены для осетинского (0,39), русского (0,42) и некоторых языков Восточной Европы, а более низкие показатели представлены почти исключительно среди языков автохтонных семей Кавказа — нахско-дагестанских, абхазо-адыгских и картвельских. Таким образом, полученный показатель косвенно указывает на вторичную природу широкого распространения непереходных моделей в новоарамейских идиомах Урмии. Развитие таких моделей может быть связано с контактами, но этот вопрос требует дополнительного изучения.

Индекс переходности — очень грубая характеристика системы валентностных классов. Более тонкий инструмент представляет собой «профиль переходности» [Сай 2018: 579–582]: лексический состав предикатных выражений, разделенных на переходные и все остальные (см. списки в *Разделах 2.2–2.3*). При изучении этого параметра было установлено, что, неформально говоря, новоарамейские идиомы Урмии более или менее похожи на все языки с близким индексом переходности, но при этом не похожи ни на какой из них в особенности[26].

Своеобразие новоарамейского профиля переходности отчасти связано с теми «нестандартными» классами, где ни один из заложенных в анкете актантов не кодируется как каноническое подлежащее и (в подавляющем большинстве случаев) ни один из актантов не кодируется также и как прямое дополнение. Предикатные выражения такого типа могут быть названы выражениями с «двойным локусом непереходности»: здесь и актант X, и актант Y кодируются не так, как в переходной конструкции. Типологически предикаты с двойным локусом непереходности крайне редки — этот факт давно обсуждается и объясняется в литературе [Tsunoda 1981; Malchukov 2006: 340–345]. Это же подтверждается и данными, собранными в рамках проекта BivalTyp [Say (ed.) 2020]: на данный момент лишь в трех языках выборки обнаружено

[26] Это наблюдение можно формализовать в терминах относительного расстояния Хэмминга. В данном случае оно равно доле тех предикатов, эквиваленты которых в двух языках расходятся по признаку переходности. Для 30 языков из 83 относительное расстояние Хэмминга от наших новоарамейских идиомов, определенное по признаку переходности, не превышает 0,2. В это множество входят иврит (но не литературный арабский), турецкий, азербайджанский, осетинский, русский и очень многие языки Восточной Европы. Однако ни для одного языка это расстояние не оказалось меньше 0,13 (с каждым языком выборки новоарамейский «разошелся» по переходности как минимум в 14 предикатах из анкеты).

более 7 предикатных выражений с двойным локусом непереходности. Новоарамейский показатель (10 предикатных выражений) уступает лишь показателям, полученным для гоо (< семья манде, 11 предикатов) и ирландского (14 предикатов).

Относительно широкая представленность конструкций с двойным локусом в материалах из Урмии связана с двумя фактами.

Во-первых, в урмийском новоарамейском многие предикатные значения экспериенциальной зоны выражаются перифрастическими конструкциями, где формальным подлежащим оказывается абстрактное имя или название части тела, см. [Khan 2016b, II, 354–355] и обсуждение в *Разделе 2.4*. Это объяснение действует и для других языков с широкой представленностью конструкций с двойным локусом — гоо, ирландского и некоторых нахско-дагестанских. Возможно, широкое распространение перифрастических выражений обсуждаемого типа в новоарамейских идиомах обусловлено контактами с несемитскими языками, включая персидский, курдский и азербайджанский [Khan 2016b, II: 355–359][27].

Во-вторых, многие конструкции с двойным локусом являются результатом рутинизации экстрапозиции. Для некоторых предикатов конструкция с участником, вынесенным на левую периферию (изначально по дискурсивным причинам), становится базовой, а сама вынесенная именная группа может переосмысляться как компонент грамматического ядра клаузы (см. *2.4*). Новоарамейская картина вряд ли является диахронически устойчивой — скорее она представляет собой переходное состояние между дискурсивными закономерностями и синтаксическими правилами [Khan 2016b, II: 398].

Наконец, если перейти на уровень конкретных валентностных классов, то, как и в случае с переходностью, самый общий вывод (ареально-)типологического плана состоит в том, что новоарамейская система не демонстрирует явного сходства ни с одной из систем, рассмотренных в рамках проекта до сих пор[28].

---

[27] Азербайджанские данные, собранные в рамках проекта, не противоречат такому предположению, хотя и не подтверждают его отчетливо. Принципиальную роль здесь сыграли бы персидские и курдские данные, но эти языки (пока) не представлены в выборке; см., впрочем, краткое упоминание параллелизма с курдским в *Разделе 3.4.*

[28] Для поиска ареального и генеалогического сигнала в данных использовались различные методы измерения и визуализации сходств и различий между

Для демонстрации ожидаемых и неожиданных черт новоарамейской системы на типологическом фоне будет использован следующий метод. Данные, доступные в рамках проекта по состоянию на 2020 год, были использованы для того, чтобы измерить попарную близость синтаксического поведения всех 130 изученных предикатов. В качестве меры расстояния использовалось относительное расстояние Хэмминга: для каждой пары предикатов устанавливалась доля тех языков, в которых их эквиваленты попадают в разные валентностные классы. Так, например, удовлетворительные данные для предикатов [3] ‘бояться’ и [35] ‘избегать’ были в общей сложности зафиксированы для 73 языков, при этом в 34 из них полученные эквиваленты входили в один и тот же класс, а в 39 — в разные классы. Следовательно, расстояние между предикатными значениями ‘бояться’ и ‘избегать’ можно оценить как 0,53 (= 39/73). Чем меньше расстояние между двумя предикатными значениями, тем чаще их эквиваленты синтаксически ведут себя одинаково. Полученная матрица расстояний не может быть визуализирована напрямую из-за своей громоздкости (130 на 130). Поэтому для ее визуализации был использован один из стандартных методов понижения мерности — многомерное шкалирование (MDS) с числом измерений, равным 2. Этот метод позволяет представить изучаемые объекты (в данном случае предикатные значения) в качестве точек на плоскости так, чтобы искажение расстояний между ними было минимально.

На полученной описанным методом визуализации точки соответствуют предикатным значениям, при этом их координаты отражают общетипологические сходства и различия в валентностном поведении предикатов. Однако в данном случае цель состояла в том, чтобы увидеть, насколько классы предикатов в новоарамейских идиомах Урмии соответствуют типологическим ожиданиям. Для достижения этой цели точки на визуализации были обозначены разными символами — в зависимости от того, в какой предикатный класс попадали собранные

системами валентностных классов (иерархическая кластеризация, алгоритм NeighborNet и т. д.). Хотя в некоторых отношениях новоарамейский демонстрирует сближение с азербайджанским, турецким и автохтонными языками Кавказа, эти сходства недостаточны для утверждения о надежных кластерах. По этой причине использованные методы и сами визуализации здесь подробно не обсуждаются (доступны по ссылке https://github.com/serjozhka/BivalTyp/tree/main/2020_NENA_paper).

эквиваленты в новоарамейских идиомах Урмии. На получившейся визуализации, см. *Рис. 1*, отражены только предикаты из тех шести валентностных классов, в которые входят не менее восьми предикатных выражений[29].

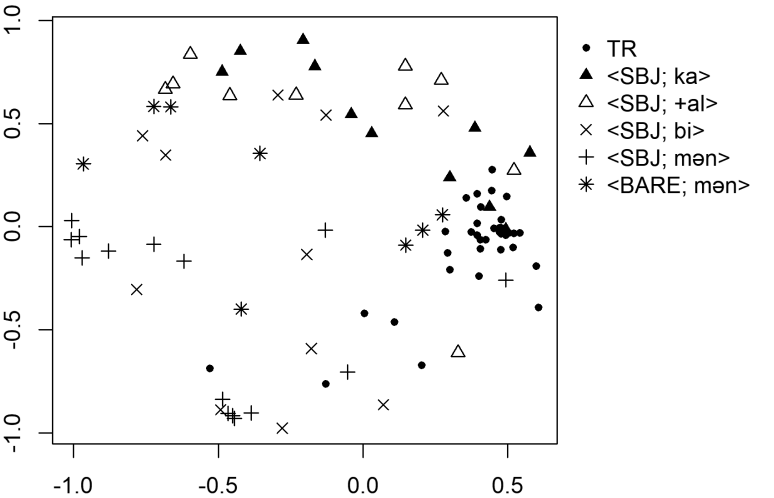

Рис. 1. Основные новоарамейские валентностные классы на типологическом фоне (MDS-визуализация)

Figure 1. Basic valency classes in NENA against a typological background (MDS-visualization)

Как можно видеть, новоарамейские переходные глаголы занимают компактную зону в правой части визуализации с единичными выбросами в смежные области. Содержательно это означает, что этот класс типологически тривиален: по преимуществу в него входят те значения, которые и в других языках группируются вместе и обычно кодируются переходными глаголами — [27] ‘жарить’, [41] ‘кусать’, [49] ‘мыть’, [107] ‘целовать’ и т. д.

К переходной зоне сверху и слева примыкает зона с высокой концентрацией глаголов с моделью <SBJ; *ka*>. По преимуществу это

[29] Необходимая статистическая обработка данных производилась в программной среде R [R Core Team 2019]. Многомерное шкалирование осуществлялось при помощи пакета ‘smacof’ [de Leeuw, Mair 2009]. Я благодарен М. А. Овсянниковой за помощь в создании визуализации.

контролируемые предикаты взаимодействия с одушевленным вторым участником, например [13] ‘выиграть’, [45] ‘льстить’, [62] ‘отвечать’. Второй участник в этих предикатах вовлечен (affected) в ситуацию меньше, чем при прототипических переходных предикатах, но зато из-за одушевленности с ним часто связана определенная степень эмпатии. В некоторых языках предикаты из этой зоны также попадают в класс переходных: это основная причина топологической близости двух зон на *Рис. 1*. Неслучайно и то, что в новоарамейских идиомах Урмии модель <SBJ; *ka*> участвует в дифференцированном маркировании актантов (см. *2.2*). Само противопоставление этих двух классов отчасти условно: возможно, следовало считать, что некоторые глаголы, отнесенные к классу <SBJ; *ka*>, — это такие переходные глаголы, которые теоретически демонстрируют дифференцированное маркирование объекта, но из-за высокого статуса второго актанта всегда выбирают модель с предлогом.

На *Рис. 1* глаголы с моделью <SBJ; *ka*> перемежаются с глаголами с моделью <SBJ; +*al*>, такими, как [6] ‘быть похожим’, [7] ‘верить’, [95] ‘смотреть’, [122] ‘сердиться’. В обеих моделях используемый предлог в какой-то мере связан с идеей конечной точки движения, что в первую очередь видно по контекстам, где этими предлогами оформляются сирконстанты, а не актанты. Различие между предлогами состоит в том, что для +*al* более характерны собственно пространственные значения (например, ‘идти к какому-то ориентиру’), а для *ka* — значения реципиента, цели или бенефактива. Разделение глаголов на два класса, видимо, во многом случайно: об этом говорят и колебания, зафиксированные при сборе данных, и сопоставление с типологическим фоном, отраженное на *Рис. 1*.

Общирный класс с моделью <SBJ; *mən*> интересен тем, что он покрывает две более или менее четко различимые области. С одной стороны, в него входят некоторые симметричные предикаты, например [23] ‘драться’, [84] ‘разговаривать’, [99] ‘ссориться’. На визуализации они расположены в компактной области со значениями по оси *y* около -1 и значениями по оси *x* около -0,5. С другой стороны, предлогом *mən* может оформляться начальная точка движения (или второй актант предикатов эмоций, осмысляемый как начальная точка), например [14] ‘выходить’, [90] ‘слезать’, [3] ‘бояться’, [111] ‘брезговать’, [130] ‘стесняться’. На визуализации соответствующие точки попадают в интервал от -0,5 до -1,0 по оси *x* и сосредоточены около 0 по оси *y*. Столь систематический синкретизм аблативного и комитативного значений

типологически редок, среди языков выборки он в какой-то мере представлен лишь в нанайском, в удинском и в атлантическом языке диолафоньи[30].

Аблативно-комитативный синкретизм — яркая черта новоарамейских идиомов Урмии. С исторической точки зрения он, по всей видимости, представляет собой результат контаминации двух разных предлогов: аблативного **min* и комитативного **ʿam* [Khan 2016, I: 583–584]. Показательно, что один из систематически опрошенных консультантов (консультант 2), представитель «шапытна», последовательно различает рефлексы этих предлогов. В ответах этого консультанта предлог *am* использовался для оформления второго актанта следующих симметричных предикатов: [12] ‘встретиться (случайно)’ *tapək*; [23] ‘драться’ *+ṗaləš*; [24] ‘дружить’ *avəd +xorvayta* (букв. ‘делать дружбу’); [84] ‘разговаривать’ *hamzəm*; [94] ‘смешаться’ *+xavəṭ*; [97] ‘соглашаться’ *avə +razi* (букв. ‘быть согласным’); [98] ‘ссориться’ *+makrəs*. Таким образом, как минимум у этого консультанта аблативно-комитативный синкретизм не наблюдается[31].

О вторичности и диахронической неустойчивости аблативно-комитативного синкретизма говорит тот факт, что предлог *mən* (а также *am* — в той мере, в какой он встречается в данных) находится в сложных отношениях с еще одним предлогом — *bi*. В ряде случаев консультанты допускали возможность использования обоих предлогов в одних и тех же контекстах. В других случаях предпочтения оказывались разными у разных консультантов. В итоговых данных (см. *Раздел 2.3*) отражена лишь усредненная картина, в рамках которой предлог *bi* не имеет отчетливой смысловой ниши, что видно и на *Рис. 1*.

Не менее случайную с типологической точки зрения картину демонстрирует и последний относительно большой валентностный

---

[30] Впрочем, модель синкретизма, покрывающего значения не только аблатива и комитатива, но и инструмента, что нехарактерно для предлога *mən* в новоарамейских идиомах Урмии, встречается в ряде языков Южной Азии — индоарийских и сино-тибетских, см. [Noonan, Mihas 2007: 11].

[31] Согласно личному сообщению А. К. Лявданского, арамейские идиомы относительно четко делятся на те, где сохраняется противопоставление рефлексов аблативного **min* и комитативного **ʿam* (например, христианские диалекты алкош, хертевин, нудез, еврейский диалект захо и т. д.), и на те, где они контаминировались (например, христианские диалекты джилу, каракош, барвар и собственно урмийский, описанный в [Khan 2016]).

класс, обозначенный здесь как <BARE; *mən*>. Судя по координатам соответствующих точек на *Рис. 1*, эти предикаты типологически нечасто оказываются в одном и том же валентностном классе и, вероятно, не образуют внятного семантического единства. Как уже говорилось в *Разделе 3.4*, единообразное валентностное поведение этих предикатных выражений в новоарамейских идиомах Урмии в основном определяется структурным фактором: тем, что это перифрастические конструкции, идущие по пути от дискурсивной экстрапозиции к собственно синтаксической модели[32].

Самый общий вывод, касающийся распределения предикатных выражений по валентностным классам в новоарамейских идиомах Урмии, состоит в том, что эта система демонстрирует типологически самобытную картину, при этом, возможно, неустойчивую. Интересно, что предлоги, используемые в выявленных валентностных классах, в основном имеют надежную семитскую этимологию, а их прямые когнаты встречаются в валентностных классах двух других семитских языков, привлеченных к проекту, — иврита и литературного арабского. Однако границы валентностных классов, в которых используются родственные предлоги в этих трех языках, в целом имеют мало общего — не больше, чем можно было бы ожидать для неродственных языков. Скорее всего, удаление современных новоарамейских идиомов, представленных в Урмии, от других семитских идиомов обусловлено их витиеватой историей и многочисленными контактами с неродственными языками (валентностное поведение предикатов легко подвергается контактному влиянию [Say 2014; Сай 2018; Grossman, Witzlack-Makarevich 2019]). Однако, возможно, именно многочисленность контактов с самыми разными языками (семитскими, иранскими, тюркскими, русским и в какой-то мере армянским) является причиной того, что синхронно система валентностных классов в новоарамейских идиомах Урмии не похожа в отдельности ни на какую другую систему и характеризуется рядом типологически необычных черт.

---

[32] Впрочем, в семантическом плане определенное сходство между этими предикатами также наблюдаются: так или иначе они связаны с ментальной и эмоциональной сферой. Теоретическую и типологическую значимость того факта, что именно в этих семантических зонах систематически используется перифраза и, как следствие, экстрапозиция, необходимо осмыслить при продолжении работы.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; BARE — немаркированное имя, не индексируемое на предикате; COMP — комплементайзер; DEM1, DEM2, DEM3 — указательные местоимения разных рядов; EXI — экзистенциальная копула; F — женский род; FUT — будущее время; LS — L-суффикс; M — мужской род; NEG — отрицание; P — притяжательность; PL — множественное число; PROG — прогрессив; PRS — настоящее время; PST — претерит; REL — релятор; RES — результатив; SBJ — подлежащее; SS — S-суффикс.

Литература

Агассиев 2007 — С. А. Агассиев. Грамматика современного ассирийского языка. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.

Лявданский 2009 — А. К. Лявданский. Новоарамейские языки // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 660–693.

Сай 2018 — С. С. Сай. Маркирование актантов двухместных предикатов: предварительные итоги типологического исследования // С. С. Сай (ред.). Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 557–616.

Сай (ред.) 2018 — С. С. Сай (ред.). Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках. СПб.: ИЛИ РАН, 2018.

Сай и др. 2018 — С. С. Сай, Д. В. Герасимов, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика, В. С. Храковский. Валентностные классы двухместных предикатов: типологическая анкета и инструкция исследователю // С. С. Сай (ред.). Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 25–46.

Саркисов 2017 — И. В. Саркисов. Дифференцированное маркирование объекта в христианском урмийском диалекте новоарамейского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2017. Т. XIII. Ч. 3. С. 371–392.

Саркисов 2018 — И. В. Саркисов. К вопросу об эргативности в новоарамейских языках // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. XIV. Ч. 2. С. 380–399.

Церетели 1964 — К. Г. Церетели. Современный ассирийский язык. М.: Наука, 1964.

Bossong 1991 — G. Bossong. Differential object marking in Romance and beyond // D. Wanner, D. A. Kibbee (eds.). New Analyses in Romance Linguistics. Selected Papers from the Linguistic Symposium on Romance Languages XVIII, Urbana-Campaign, April 7–9, 1988. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1991. P. 143–170.

Coghill 2014 — E. Coghill. Differential object marking in Neo-Aramaic // Linguistics. 2014. Vol. 52(2). P. 335–364.

Comrie 1989 — B. Comrie. Language Universals and Linguistic Typology. Syntax and morphology (2nd ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1989.

Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001 — Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm. Kinship in grammar // I. Baron, M. Herslund, F. Sørensen (eds.). Dimensions of Possession. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001. P. 201–225.

de Leeuw, Mair 2009 — J. de Leeuw, P. Mair. Multidimensional scaling using majorization: SMACOF in R // Journal of Statistical Software. 2009. Vol. 31(3). P. 1–30. (электронный ресурс). URL: http://www.jstatsoft.org/v31/i03/ (дата обращения: 03.08.2020).

Dowty 1991 — D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection // Language. 1991. Vol. 67. P. 547–619.

Grossman, Witzlack-Makarevich 2019 — E. Grossman, A. Witzlack-Makarevich. Valency and transitivity in contact: An overview // Journal of Language Contact. 2019. Vol. 12. P. 1–26.

Haig 2018 — G. Haig. The grammaticalization of object pronouns: Why differential object indexing is an attractor state // Linguistics. 2018. Vol. 56(4). P. 781–818.

Hopper, Thompson 1985 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. The iconicity of the universal categories ‘noun’ and ‘verb’ // J. Haiman (ed.). Iconicity in Syntax. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1985. P. 151–183.

Iemmolo 2011 — G. Iemmolo. Towards a Typological Study of Differential Object Marking and Differential Object Indexation. PhD thesis. Pavia: University of Pavia, 2011.

Jie, Liang 2018 — J. Jie, M. Liang. An animacy hierarchy within inanimate nouns: English corpus evidence from a prototypical perspective // Lingua. 2018. Vol. 205. P. 71–89.

Khan 2008 — G. Khan. The Neo-Aramaic Dialect of Barwar. Vol. I: Grammar. Leiden; Boston: Brill, 2008.

Khan 2016a — G. Khan. 2016. Left dislocation in North-Eastern Neo-Aramaic dialects // Stellenbosch Papers in Linguistics Plus. 2016. Vol. 50. P. 91–110.

Khan 2016b — G. Khan. 2016. The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Vols. 1–4. Leiden; Boston: Brill, 2016.

Maclean 1901 — A. J. Maclean. A Dictionary of the Dialects of Vernacular Syriac. Oxford: Clarendon, 1901.

Malchukov 2006 — A. Malchukov. Transitivity parameters and transitivity alternations: constraining co-variation // L. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart (eds.). Case, Valency and Transitivity. Amsterdam: John Benjamins, 2006. P. 329–359.

Murre-van der Berg 1999 — H. L. Murre-van der Berg. From a Spoken to a Written Language. The Introduction and Development of Literary Urmia Aramaic in the Nineteenth Century. Leiden: Nederlands instituut voor het nabije oosten, 1999.

Noonan, Mihas 2007 — M. Noonan, E. Mihas. Areal dimensions in case syncretisms: ablatives and genitives. Paper presented at the seventh biennial meeting of the Association for Linguistic Typology, Paris, 2007. (электронный ресурс). URL: http://crossasia-repository.ub.uni-heidelberg.de/view/themen/T15/2007.html (дата обращения: 15.08.2020).

Ovsjannikova et al. in prep. — M. Ovsjannikova, E. Zabelina, K. Kozhanov. Non-Urmi North-Eastern Neo-Aramaic varieties in the village of Urmiya, Russia. In preparation.

R Core Team 2019 — R Core Team. R: A Language and Environment for Statistical Computing. Vienna: R Foundation for Statistical Computing, 2019 (электронный ресурс). URL: https://www.R-project.org/ (дата обращения: 06.07.2020).

Reznikova et al. 2012 — T. Reznikova, E. Rakhilina, A. Bonch-Osmolovskaya. Towards a typology of pain predicates // Linguistics. 2012. Vol. 50(3). P. 421–465.

Sasse 1993 — H. J. Sasse. Syntactic phenomena in the world's languages I: Categories and relations // J. Jacobs, A. von Stechow, W. Sternefeld, Th. Vennemann (eds.). Syntax. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993. P. 646–686.

Say 2014 — S. Say. Bivalent verb classes in the languages of Europe: A quantitative typological study // Language Dynamics and Change. 2014. Vol. 4(1). P. 116–166.

Say 2020 — S. Say. Bivalent patterns in Assyrian Neo-Aramaic // S. Say (ed.). BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2020. (Data first published on August 19, 2020). (электронный ресурс). URL: https://www.bivaltyp.info (дата обращения: 21.09.2020).

Say (ed.) 2020 — S. Say (ed.). BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2020. (электронный ресурс). URL: https://www.bivaltyp.info (дата обращения: 21.09.2020).

Siewierska 1999 — A. Siewierska. From anaphoric pronoun to grammatical agreement marker: Why objects don't make it // Folia Linguistica. 1999. Vol. 33(1/2). P. 225–251.

Stassen 2009 — L. Stassen. Predicative Possession. Oxford: Oxford University Press, 2009.

Stassen 2013 — L. Stassen. Predicative possession // M. S. Dryer, M. Haspelmath, (eds.). The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013 (электронный ресурс). URL: http://wals.info/chapter/117 (дата обращения: 03.08.2020)

Tsunoda 1981 — T. Tsunoda. Split case-marking patterns in verb-types and tense/aspect/mood // Linguistics. 1981. Vol. 19. P. 389–438.

References

Agassiyev 2007 — S. A. Agassiyev. Grammatika sovremennogo assiriyskogo yazyka [A grammar of the modern Assyrian language]. St. Petersburg: The Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 2007.

Bossong 1991 — G. Bossong. Differential object marking in Romance and beyond. D. Wanner, D. A. Kibbee (eds.). *New Analyses in Romance Linguistics. Selected Papers from the Linguistic Symposium on Romance Languages XVIII,*

Urbana-Campaign, April 7–9, 1988. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1991. P. 143–170.

Coghill 2014 — E. Coghill. Differential object marking in Neo-Aramaic. *Linguistics*. 2014. Vol. 52(2). P. 335–364.

Comrie 1989 — B. Comrie. Language Universals and Linguistic Typology. Syntax and morphology (2nd ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1989.

Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001 — Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm. Kinship in grammar. I. Baron, M. Herslund, F. Sørensen (eds.). *Dimensions of Possession*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001. P. 201–225.

de Leeuw, Mair 2009 — J. de Leeuw, P. Mair. Multidimensional scaling using majorization: SMACOF in R. *Journal of Statistical Software*. 2009. Vol. 31(3). P. 1–30. Available at: http://www.jstatsoft.org/v31/i03/ (accessed on: 03.08.2020).

Dowty 1991 — D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection. *Language*. 1991. Vol. 67. P. 547–619.

Grossman, Witzlack-Makarevich 2019 — E. Grossman, A. Witzlack-Makarevich. Valency and transitivity in contact: An overview. *Journal of Language Contact*. 2019. Vol. 12. P. 1–26.

Haig 2018 — G. Haig. The grammaticalization of object pronouns: Why differential object indexing is an attractor state. *Linguistics*. 2018. Vol. 56(4). P. 781–818.

Hopper, Thompson 1985 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. The iconicity of the universal categories ‘noun’ and ‘verb’. J. Haiman (ed.). *Iconicity in Syntax*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1985. P. 151–183.

Iemmolo 2011 — G. Iemmolo. Towards a Typological Study of Differential Object Marking and Differential Object Indexation. PhD thesis. Pavia: University of Pavia, 2011.

Jie, Liang 2018 — J. Jie, M. Liang. An animacy hierarchy within inanimate nouns: English corpus evidence from a prototypical perspective. *Lingua*. 2018. Vol. 205. P. 71–89.

Khan 2008 — G. Khan. The Neo-Aramaic Dialect of Barwar. Vol. I: Grammar. Leiden; Boston: Brill, 2008.

Khan 2016a — G. Khan. 2016. Left dislocation in North-Eastern Neo-Aramaic dialects. *Stellenbosch Papers in Linguistics Plus*. 2016. Vol. 50. 91–110.

Khan 2016b — G. Khan. 2016. The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Vols. 1–4. Leiden; Boston: Brill, 2016.

Lyavdanskiy 2009 —A. K. Lyavdanskiy. Novoarameyskiye yazyki [Neo-Aramaic languages]. A. G. Belova, L. E. Kogan, S. V. Lezov, O. I. Romanova (eds.). *Yazyki mira: Semitskiye yazyki. Akkadskiy yazyk. Severozapadnosemitskiye yazyki* [Languages of the world. Akkadian language. Northwest Semitic languages]. Moscow: Academia, 2009. P. 660–693.

Maclean 1901 — A. J. Maclean. A Dictionary of the Dialects of Vernacular Syriac. Oxford: Clarendon, 1901.

Malchukov 2006 — A. Malchukov. Transitivity parameters and transitivity alternations: constraining co-variation. L. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart (eds.). *Case, Valency and Transitivity*. Amsterdam: John Benjamins, 2006. P. 329–359.

Murre-van der Berg 1999 — H. L. Murre-van der Berg. From a Spoken to a Written Language. The Introduction and Development of Literary Urmia Aramaic in the Nineteenth Century. Leiden: Nederlands instituut voor het nabije oosten, 1999.

Noonan, Mihas 2007 — M. Noonan, E. Mihas. Areal dimensions in case syncretisms: ablatives and genitives. Paper presented at the seventh biennial meeting of the Association for Linguistic Typology, Paris, 2007. Available at: http://crossasia-repository.ub.uni-heidelberg.de/view/themen/T15/2007.html (accessed on: 15.08.2020).

Ovsjannikova et al. in prep. — M. Ovsjannikova, E. Zabelina, K. Kozhanov. Non-Urmi North-Eastern Neo-Aramaic varieties in the village of Urmiya, Russia. In preparation.

R Core Team 2019 — R Core Team. R: A Language and Environment for Statistical Computing. Vienna: R Foundation for Statistical Computing, 2019. Available at: https://www.R-project.org/ (accessed on: 06.07.2020).

Reznikova et al. 2012 — T. Reznikova, E. Rakhilina, A. Bonch-Osmolovskaya. Towards a typology of pain predicates. *Linguistics*. 2012. Vol. 50(3). P. 421–465.

Sarkisov 2017 — I. V. Sarkisov. Differentsirovannoye markirovaniye obyekta v khristianskom urmiyskom dialekte novoarameyskogo yazyka [Differential object marking in the Christian Urmi dialect of the Neo-Aramaic language]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2017. Vol. XIII. Pt. 3. P. 371–392.

Sarkisov 2018 — I. V. Sarkisov. K voprosu ob ergativnosti v novoarameyskikh yazykakh [On the problem of ergativity in Neo-Aramaic languages]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. Vol. XIV. Pt. 2. P. 380–399.

Sasse 1993 — H. J. Sasse. Syntactic phenomena in the world's languages I: categories and relations. J. Jacobs, A. von Stechow, W. Sternefeld, Th. Vennemann (eds.). *Syntax. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993. P. 646–686.

Say 2014 — S. Say. Bivalent verb classes in the languages of Europe: A quantitative typological study. *Language Dynamics and Change*. 2014. Vol. 4(1). P. 116–166.

Say 2018 — S. S. Say. Markirovaniye aktantov dvukhmestnykh predikatov: predvaritelnyye itogi tipologicheskogo issledovaniya [Bivalent predicates' argument encoding: preliminary results of a typological study]. S. S. Say (ed.). *Valentnostnyye klassy dvukhmestnykh predikatov v raznostrukturnykh yazykakh* [Bivalent verb classes in structurally diverse languages]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2018. P. 557–616.

Say (ed.) 2018 — S. S. Say (ed.). *Valentnostnyye klassy dvukhmestnykh predikatov v raznostrukturnykh yazykakh* [Bivalent verb classes in structurally diverse languages]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2018.

Say 2020 — S. Say. Bivalent patterns in Assyrian Neo-Aramaic. In: Say, Sergey (ed.). *BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames*. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2020. (Data first published on August 19, 2020). Available at: https://www.bivaltyp.info (accessed on: 21.09.2020).

Say (ed.) 2020 — S. Say (ed.). *BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames*. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2020. Available at: https://www.bivaltyp.info (accessed on: 21.09.2020).

Say et al. 2018 — S. S. Say, D. V. Gerasimov, S. Yu. Dmitrenko, N. M. Zaika, V. S. Khrakovskiy. Valentnostnyye klassy dvukhmestnykh predikatov: tipologicheskaya anketa i instruktsiya issledovatelyu [Bivalent verb classes: a typological questionnaire and guidelines for researchers]. S. S. Say (ed.). *Valentnostnyye klassy dvukhmestnykh predikatov v raznostrukturnykh yazykakh* [Bivalent verb classes in structurally diverse languages]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2018. P. 25–46.

Siewierska 1999 — A. Siewierska. From anaphoric pronoun to grammatical agreement marker: Why objects don't make it. *Folia Linguistica*. 1999. Vol. 33(1/2). P. 225–251.

Stassen 2009 — L. Stassen. *Predicative Possession*. Oxford: Oxford University Press, 2009.

Stassen 2013 — L. Stassen. Predicative possession. M. S. Dryer, M. Haspelmath, (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: http://wals.info/chapter/117 (accessed on: 03.08.2020)

Tsereteli 1964 — K. G. Tsereteli. *Sovremennyy assiriyskiy yazyk* [Modern Assyrian languages]. Moscow: Nauka, 1964.

Tsunoda 1981 — T. Tsunoda. Split case-marking patterns in verb-types and tense/aspect/mood. *Linguistics*. 1981. Vol. 19. P. 389–438.

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 690–710
DOI 10.30842/alp2306573716225

Эллипсис, синтаксический синкретизм и конденсация правовой информации в языке новгородской скры (XIII–XIV в.)*

Е. Р. Сквайрс
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; skvayrs@gmail.com

Аннотация. Анализ правовых текстов Ганзы показал, что, несмотря на эллипсис и синтаксический синкретизм, сохраняющиеся на протяжении XIII–XIV вв. и препятствующие их однозначности, они успешно передают юридическую информацию, опираясь на традицию обычного права и интертекстуальный дискурс. Результаты важны для понимания и перевода источников по истории связей Ганзы с Новгородом.

Ключевые слова: средненижненемецкий синтаксис, язык права, синтаксический синкретизм, эллипсис, Новгород и Ганза, Любское право, Новгородская скра, средневековые грамоты.

Ellipsis and syntactic syncretism as compression of legal information in the Skra of Novgorod (13th–15th centuries)

C. R. Squires
Lomonosov Moscow State University; skvayrs@gmail.com

Abstract. Research on German historical syntax usually stresses the positive impact the development of medieval legal genres and the rising need for unambiguous rules and explicit definition of legal norms has on the improvement of linguistic means of expressing logical and syntactic relations in the Middle High/Low German sentence (Admoni). Our analysis of contexts containing legal penalty clauses (mostly pecuniary charges for disciplinary or criminal offences) was carried out on the basis of the *Skra of Novgorod* (statute of the Hanseatic merchants' yard in Novgorod). Text versions of the mid-XIII century and of the year of 1361 were compared; in several instances, evidence from the

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-012-00131.

1392 version and the municipal law of the city of Lubeck (Lübisches Recht) was used for a broader evaluation. The results show that, contrary to expectation, ellipsis and syntactic syncretism remained a typical feature of the Low German legal language during the whole period under analysis and was not corrected in the later (improved and modernized) versions. Legally meaningful parts of the clauses are regularly omitted, and homonymous (or syncretic) expressions occur, thus impairing clear understanding by modern scholars or correct translation for research use. The apparently successful functioning of syntactically compressed texts in the legal practices of the relevant period may be explained by contextual support on the part of (a) common legal knowledge of the tradition of the German habitual law (from before the introduction of the Roman law) and (b) intertextual discourse with basic legal codices (the Law of Lubeck).

The results obtained are essential for correct interpretation and translation of commercial and legal contexts found in numerous historical documents pertaining to relations between Russia and Hanseatic cities.

Keywords: Middle Low German syntax, legal language, syntactic syncretism, ellipsis, Novgorod and the Hansa, Lubeck Law, Skra of Novgorod, medieval charters.

1. Синтаксис языка и синтаксис права

Средненижненемецкий язык правовых текстов находится в поле внимания историков языка, на их материале наблюдающих его эволюцию, в том числе развитие грамматических средств организации информации. В этом динамическом процессе, связывающем развитие права и историю языка, можно, однако, заметить, что часто правовая информация передана не вполне точно и однозначно: она может не получать однозначного эксплицитного выражения вербальными средствами, оставаясь как бы скрытой в глубине культурно-правового контекста и традиционных обычаев и привычек.

Более того, для правовых памятников Средневековья даже характерна сокращенная реализация формулировок, сопровождаемая эллипсисом, приводящим к опущению важнейших обозначений и понятий юридических положений. По наблюдениям над языком дипломатики и правовых текстов, относящихся к сфере деятельности немецких городов Ганзы в Новгороде[1], есть целый класс различных язы-

[1] В публикации использован материал рукописных источников, собранный в рамках проекта РФФИ 20-09-00065.

ковых явлений эллиптического характера, типичных для правовых текстов и не вызванных, как иногда полагают, писцовыми ошибками или случайными проявлениями неоправданной в данном контексте разговорности. В этой связи встает вопрос о том, каким образом неточность и неэксплицированность языковой формы могли преодолеваться в правовой практике и какими средствами компенсироваться, чтобы правовые нормы, выраженные столь «несовершенным» образом, могли функционировать.

В числе важнейших юридических моментов, тесно связанных с логико-семантическими средствами языка, но в текстах права не всегда точно отраженных языковой формой, правоведы и историки языка отмечают следующие:

a) направление действия, описываемого в норме или предписанного санкцией;
b) точное обозначение участников юридической коллизии, в том числе истца, обвиняемого, соучастника, свидетеля, пострадавшего и т. д. (в терминологическом аспекте);
c) указание субъекта и объекта описываемого действия (языкового агенса и пациенса);
d) уточнительные пояснения (адъективные и номинативные атрибуты)[2].

В данной работе будут рассмотрены явления эллиптического сокращения языковой формы, соответствующие первому и третьему пунктам (*a*, *c*). В отличие от двух других групп, которые затрагивают сферы номинации (терминология и другие назывные средства вербального оформления правовых норм)[3], их объединяет то, что они касаются непосредственной связи языковой формы и логико-семантической структуры правового положения.

В качестве общей иллюстрации проблемы приведем два примера к пункту (c), взятых из Новгородской скры, устава общины немецких купцов, находившихся в Новгороде, в конторе общины — Петровом

[2] В этом перечислении обобщены данные из работ по проблеме точности юридического языка в сфере современного права [Исаков 2000; Петрова 2006; Пироженко 2016].

[3] Проблеме неточности и неэксплицированности назывных элементов языкового выражения правовых норм (субстантивных терминов и адъективных уточнений) посвящены исследования [Сквайрс 2019a; Сквайрс 2019b].

дворе. В положениях, регулирующих правила и порядок заселения приезжающих купцов в жилых помещениях Петрова двора, сказано:

(1) *Wateruare na ereme olden sede, also* ***se*** *hebbet gelotet vmbe dhe hus vnde comet in dhen hof, vindet* ***se*** *lantvare vor en, dhe solen* ***en*** *dhe hus rvmen, dhar* ***se*** *vmbe gelotet hebbet, vnde varen in andere hus,* (в буквальном переводе): ‘Зимние гости как **они** по своему старому обычаю бросали жребий насчет помещения, но прибывают на двор и видят [находящихся] там до них летних гостей, **они** должны **для них** освободить помещение, из-за которого **они** бросали жребий, и переместиться в другое помещение’ (Скра I, 2);[4]

(2) *Alle dhe stouen sunder dhen groten stouen dhe dhen winteruaren to behoret, dhe dhar sin in dheme houe, dhe solen sin gemein*.
‘Все помещения, кроме большой залы, которая принадлежит зимним гостям, которые находятся на дворе, должны быть общими’ (Скра I, 4).

Неоднозначность синтаксических связей между отдельными предложениями (которую мы попытались продемонстрировать намеренно буквальным переводом) оставляет в обоих положениях много неясностей в плане того, кто кому должен уступать помещение (не всегда ясна денотация референта местоимения ‘они’ в примере (1) или на что распространяется уточнение ‘которые находятся на дворе’ (в примере (2)).

В работах по историческому синтаксису немецкого языка немалое внимание уделяется способам выражения логической связи между высказываниями — предлогам, союзам и различным формальным способам уточнения семантики высказывания[5]. И все же авторы публикаций по синтаксису правового языка отмечают у правоведов отставание в осмыслении проблемы в этой области: «На уровне же синтаксиса требования сводятся лишь к констатации недопустимости в тексте закона конструкций, позволяющих неоднозначно толковать смысл правовой

[4] Здесь и далее в ссылках на текст Новгородской скры римская цифра обозначает номер ее редакции, за ним следует указание параграфа (раздела) в соответствии с изданием в книге [Мальков, Сквайрс 2020]. Из соображений удобства чтения текст цитируется здесь с упрощенной передачей особенностей письма и с нормализованной пунктуацией.

[5] В качестве важнейших работ по (нижне-) немецкому историческому синтаксису можно привести [Адмони 1963; Rösler 1997; Mähl 2014].

нормы, т. е. правовой синтаксис — проблема, обозначаемая в некоторых работах, но в общем не исследованная» [Петрова 2006]. По справедливому мнению автора этой оценки, обязанности синтаксиста, специализирующегося на языке современного права, не ограничиваются одним лишь достижением однозначности формулировок; в отличие от терминологии, в области синтаксиса требуется понимание глубинной структурной связи языковых форм с логической структурой самого права: «Правовой синтаксис — одно из средств юридической техники, поэтому синтаксический анализ при интерпретации правовых норм является самостоятельным элементом грамматического толкования, поскольку в синтаксических закономерностях юридического языка лежат логические основания правовых норм» (там же). И все же многозначность, аналогичная отмечаемой правоведами в связи с номинативными средствами языка, наблюдается и на уровне синтаксиса: например, она имеет форму правового синтаксического синкретизма (термин И. Л. Петровой), то есть представляет собой совмещение (синтез) в одной форме «значений двух или более элементов грамматической конструкции нормативно-правового акта» [Петрова 2006]. Признавая роль правового синтаксического синкретизма как способа конденсации смысла и экономии языковых средств, правоведы таким образом все же указывают на то, что он по своей сущности противоречит требованию однозначности — одному из главных требований к языку правовых норм.

2. Синтаксис правовых санкций

Проблема синтаксического эллипсиса и синтаксического синкретизма в языке средненижненемецких правовых текстов будет рассмотрена на материале Новгородской скры. Этот устав ганзейской конторы в Новгороде регулировал все стороны жизни внутри Петрова двора и его ежедневные взаимоотношения с местными жителями. Новгородская скра существовала на протяжении всей истории двора и неоднократно перерабатывалась. В статье использованы тексты первой редакции (сер. XIII в.) и четвертой, созданной в 1361 г.; их выбор обусловлен ключевым положением этих редакций, связанным с поворотными моментами в процессе развития правовых принципов работы Петрова двора[6].

[6] Подробней об этом см. в книге [Мальков, Сквайрс 2020].

Для ганзейцев, торговавших с Новгородом, характерно четкое понимание правовых основ, на которых они находятся в Новгороде и ведут с русскими торговлю. Согласно праву общины предписывалось выполнять положения устава *bi des houes reghte* ‘в соответствии с правом подворья’ [Скра IV, 82], то есть с теми дипломатическими соглашениями, торговыми привилегиями, конкретными договоренностями с новгородцами, которых добились города Ганзы и которые распространялись на Петров двор. Их нарушение каралось лишением этого права — то есть запретом жить в общине и торговать в рамках предоставляемых ею прав. Эта санкция — наказание лишением прав — удивительным образом формулировалась так же, как приведенная выше «позитивная» формулировка о пользовании всеми правами двора, ср.: *bi des houes reghte* ‘[лишением] права подворья’ [Скра IV, 82]. Практически противоположный смысл этих положений выражен омонимичными формулировками, и, учитывая высокое правосознание людей, которые жили по этому уставу, это явление вызывает удивление и требует объяснения.

Омонимичность двух норм может быть результатом формального совпадения двух положений в результате их сокращения — эллипсиса. для того чтобы выяснить генезис этих формулировок, прежде всего необходимо найти их полные прототипы. В Скре, из которой происходят наши контексты, таких полных формулировок не встречается. Поэтому следует обратиться к правовым кодексам, которые служили образцом и основой для конкретных уставов и соглашений граждан ганзейских городов. Для Новгородской скры такой основой в течение долгого времени служило муниципальное право города Любека (Любское право). В городском праве обычно заметное место отведено различным правонарушениям, определяется наказание за них, поэтому достаточно примеров того, как базовые законы формулируют эти нормы.

Прежде всего необходимо найти грамматически полные формулировки. Вот три примера из Любского права:

(3) *is de wunde an deme houede efte halze he mud dat* ***wedden mit*** *sostich marken*
‘если рана расположена на голове или на шее, то он должен за это ответить 60 марками’;

(4) *is id eyne lemede* ***de broke is*** *vertich mark*
‘если же привело к увечью, то наказание / компенсация 40 марок’;

(5) *dat* ***breke*** *de schal dat* ***beteren mit*** *XII marken*
‘[кто] это совершит, тот должен это компенсировать 12 марками’ [Hach 1839: 538].

Таким образом, в полных предложениях используются следующие глаголы для выражения значений:

‘совершить проступок / преступление’ — *breken*, переходный (с аккузативом),

‘компенсировать, понести наказание’ — *wedden, beteren*, при которых сумма / размер наказания формулируется в дательном падеже с предлогом *mit*, в инструментальном значении.

Кроме глагола, имеется термин для обозначения наказания / провинности: *broke*. В этом же значении в средненижненемецком языке права используется также общий европейский термин из lat. *poena*: сннем. *pene* ‘наказание, мера наказания’, например: *he dede dat* ⟨…⟩ *by pene, alse by virhundert gulden* [Köbler; Friese 1901: 157] ‘[то] он совершил, заслужив наказания, а именно: в четыреста гульденов’.

В контекстах из Скры эти термины юридического языка, содержащиеся в Любском праве и других основополагающих кодексах законов интересующей нас среды и эпохи, встречаются редко, так как в большинстве случаев именно они подверглись эллипсису. Однако есть несколько примеров, дающих представление о том, как выглядела бы полная, эксплицитная формулировка положений. Вот примеры таких норм, посвященных ограничивающим правилам и запретам:

(6) *dhe sal ime volgen oue* ***betere ene marc*** *cvnen*
‘тот должен за ним последовать или пусть платит одну марку кун’ [Скра I, 2];

(7) *verslepe oc ieman de steuene wan se gekundeget is, de* ***breke I marc***
‘Проспит же кто-либо собрание, когда оно объявлено, тот пусть платит / считается должным уплатить 1 марку [штрафа]’ [Скра IV, 19].

Предписанное в первой норме действие (в данном случае модальная конструкция *sal volgen* ‘должен следовать’) и наказание, установленное за его невыполнение (при помощи повелительного наклонения: *betere* ‘плати’), соединены прозрачной, однозначно выраженной связью при помощи союза *oue* ‘или’ (в данном контексте ‘в противоположном

случае’). Второй пример содержит описание проступка в условном придаточном предложении со сказуемым в сослагательном наклонении (*verslepe*), связь этой первой части со второй (называющей провинность / наказание с глаголом в сослагательном наклонении) также синтаксически прозрачна.

2.1. Предписывающая норма

Однако чаще в уставе встречаются варианты с глагольным эллипсисом, когда опущен глагол в части формулировки штрафа:

(8) *Vortmer welich man siluer weget, de henge dat bret weder up vnde brenge de klyen vnde de doke van denne bi I marc.*
‘Далее, кто взвешивает серебро, тот пусть повесит назад и уберет отруби и тряпье, [иначе] 1 марка [штрафа]’. [Скра I, 13]

В этом эллиптическом варианте буквально сказано только *bi I marc* ‘за одну марку’, но опущены те члены предложения, которые указывают на характер связи между поступком и названной суммой. В результате с формальной точки зрения остается неясным, является ли денежная норма штрафом, угрожающим за неисполнение действий (не убрал доску, отруби и тряпье), или же наградой за их исполнение (плата за уборку). Только общее знание текстов Новгородской скры подсказывает исследователю, что в ней не содержится норм поощрения за соблюдение правил общежития и пользования общим инвентарем (это, очевидно, разумелось само собой), но зато в ней множество предупреждений о штрафах, которые грозили за нарушения. Логика этих правил понятна: штрафы шли в казну общины и касались экономики Петрова двора, благополучие которой было необходимо для общего блага ганзейского купечества и находилось в центре и юридических, и хозяйственных усилий. По этой причине и сами правила, и текст Скры составлены несимметрично, с упором на интересы двора, а не отдельных купцов.

С точки зрения языковой формы следует признать, что в случае эллипсиса это правовое содержание не получает точного выражения. Эллипсис затрагивает два момента важнейшей части формулировки: не только самого опущенного глагола (‘заплати’ или, напротив, ‘получи’), но и направления штрафной санкции (‘плати в таком случае’ или ‘в противоположном случае’) — как наказание или поощрение за поступок. Неполнота языковой реализации затемняет связь

и взаимную направленность описанных действий (поступка и санкции). Для понимания конкретного правила — предписанного нормой обращения с дворовым инвентарем и помещением и предусмотренного в случае нарушения этой нормы наказания — требуется знание общего правового контекста, в котором действовали ганзейцы.

2.2. Ограничительная норма

Но и этот правовой контекст не всегда помогает прояснить направленность описанных действий, ср. два примера:

(9) *Vortmer en iuwelich merke sine kisten vnde sine tunnen des sunauendes bi I marc*
‘Далее, пусть каждый метит свои ящики и бочки в субботу, [иначе] 1 марку’ [Скра IV, 12];

(10) *Vortmer copper vnde bly dat scal men merken vnde vlient bi de muren bi I marc*
‘Далее, медь и свинец до́лжно метить и размещать у стен, [иначе] 1 марку’ [Скра IV, 8].

Здесь, как и в примере (8), действие, описанное в первой части, не содержит отрицательной характеристики; однако в данных положениях из текста не ясно, в чем именно заключается предписываемое ими поведение. Является ли норма поощрением за любое выполнение действия (хорошо, когда ящики метят по субботам, а медь и свинец хранят вдоль стен, но допустимо и иное), или же норма имеет ограничительный смысл и только в субботу разрешается метить свои ящики и только у стен размещать медь и свинец, а иное поведение карается штрафом? Лишь привлечение общего бытового контекста жизни двора позволяет додумать недостающее в каждом примере, и наше дополнение в переводе (‘[иначе]’) отражает наш выбор в пользу второй версии толкования.

2.3. Запретительная норма

В этих примерах первая часть содержала предписываемую норму, и штраф назначался за ее нарушение. Противоположную логику несут нормы, в которых первая часть содержит описание проступка,

нарушения или выражает запрет, сформулированный при помощи отрицательной конструкции:

— через императив с отрицанием:

(11) *Vortmer* ***neman ga*** *mit lichte ane luchten in de kerken bi I marc*.
‘Далее, никто не ходи в церковь со свечой без фонаря, [иначе штраф в] 1 марку’. [Скра IV, 3];

— через модальную конструкцию с отрицанием:

(12) :***Nen*** *mesterman* ***sal laten*** *slapen in der kerken twe knechte bi X marken*
‘Не до́лжно купцу посылать спать в церкви двух помощников, [иначе штраф в] 10 марок’ [Скра IV, 2].

Здесь к трудностям, связанным с неоднозначной направленностью оценки (поощрение или наказание) и ограничения (‘только так’ — ‘так, но можно и иначе’), добавляется еще одна ось синтаксического варьирования: в первой части действие описано с помощью отрицательной конструкции. Это дополнительно усиливает неоднозначность языковой формулировки, поскольку неясна зона отрицания в первой части: нельзя посылать помощников спать в церковь — или нельзя двоих, а по одному можно? совсем нельзя ходить со свечой (например, в темное время суток или самостоятельно) — или со свечей в фонаре можно? Правильное понимание этих положений опирается на общий контекст или знание обычаев жизни двора.

3. От эллипсиса к синкретизму

Во всех трех вариантах сокращенных норм — предписывающей, ограничительной и запретительной — проблема возникла в результате опущения глагола с семантикой ‘плати’ (или аналогичной) во второй части, который имелся в полных примерах (6) и (7): *betere, breke*. В результате возникает логическая проблема, которая усугубляется еще и тем, что отсутствует и термин, обозначающий санкцию (‘штраф’, ‘плата’, в примерах выше *broke, pene*, ср. *by pene, alse by virhundert gulden*). Вторая часть, содержащая санкцию и ее величину, теряет два важных элемента (глагол и характер наказания) и сохраняет только

величину (сумму). В результате сумма вводится одним лишь предлогом *bi*, без всяких намеков на то, является ли она наградой за выполнение действия, указанного в первой части, или штрафом, грозящим в противоположном случае.

Выше приводились еще два примера с той же предложной конструкцией и отмечалась та же противоречивость: *bi des houes reghte* ‘в соответствии с правом двора’ — *bi des houes reghte* ‘[под угрозой лишения] права двора’. Фактически в этих примерах одинаковое синтаксическое воплощение (при помощи конструкции с предлогом *bi*) несет противоположную логику: и подтверждение юридического права, и санкцию лишения этого права. Единственным способом развернуть скрытую этим эллипсисом информацию может оказаться анализ самой конструкции с данным предлогом.

Предлог *bi* имеет в средненижненемецком целый ряд значений, участвуя в предложных конструкциях с различными падежами [Schiller, Lübben 1875: I, 327–328]. Его полифункциональность и синтаксическая поливалентность рассматривается как результат развития правовых значений; В. Г. Адмони пишет об этом предлоге: «Массовая выработка специализированных предлогов с подобными логическими значениями в XIV–XV вв. связана с потребностями новых языковых жанров, ⟨…⟩ а именно, разного рода юридических документов, требующих крайней точности в выражении различных логических отношений… » [Адмони 1963: 117]. Как мы видим в наших источниках XIII и XIV в., предлог *bi* участвует в оформлении различных логических отношений, которые трудно различить, и до крайней точности — если иметь в виду форму — очень далеко.

В полученных эллиптических контекстах, как мы видим, вся смысловая синтаксическая нагрузка сосредоточена в сочетании этого предлога с падежом; для уточнения их семантики, следовательно, необходимо прежде всего определить падеж, который в них употреблен, что оказывается не так просто, как можно было бы ожидать. Дело в том, что при эллипсисе глаголов, управляющих конструкцией, и большой омонимии падежных форм существительных, составляющих ее, трудно определить, дательный или винительный падеж наблюдается в конкретных сочетаниях: *by 1 marc, bi X marken*. В рассмотренном материале падеж может быть установлен лишь в единичных контекстах: это санкция лишения прав двора *bi (des houes) rechte* и встречающаяся лишь один раз в указании штрафа денежная единица фердинг с сохраненным показателем падежа: *bi eme verdinghe* (Скра IV, 48). Эти случаи позволяют

определить как датив формы существительных *rechte, verdinghe* и числительного *eme* ‘одному’.

На этой основе можно интерпретировать весь ряд однотипных упоминаний штрафа как датив с предлогом *bi*. Среди целого ряда различных употреблений таких дативных вариантов средненижненемецкий словарь Шиллера — Люббена не указывает ни контекстов, подобных нашим, ни соответствующего значения. Многозначность предлога представляет трудность для анализа, тем более что она свойственна ему с древности. В этой связи Адмони, сопоставляя его со сложным предлогом *bi thiu*, отмечает многозначность уже у древневерхненемецкого словосочетания *bi thiu*, которое имело местное, местно-орудийное, причинное, целевое, модальное значения. Отсюда развился и такой же многозначный союз как маркер сочинительной или подчинительной связи [Адмони 1963: 39, 66].

Средненижненемецкий словарь Г. Кёблера упоминает наш вариант с переводом, но без комментария. Впрочем, данный к примеру *bī vīf marken* перевод ‘bei Strafe, bei Verlust’ достаточно подтверждает контекст, связанный с наказанием — штрафом или утратой / лишением чего-либо. Словарь немецкого права приводит аналогичные нашим контексты (*bi III m. silvers* ‘[под угрозой штрафа] в 3 марки серебра’) и даже пример, где не опущено существительное ‘штраф / наказание’: *bi pene libs und guts* ‘[под угрозой] наказания [лишением] жизни и имущества’ [Köbler; DRW]. Последнее свидетельство подтверждает высказанное выше предположение, что опущенным в данной формулировке является существительное со значением ‘штраф’ или близким по смыслу. Эллипсис, следовательно, состоял, помимо опущения глагола, в сведении трехчленной конструкции

> *bi* + «норма наказания» в дат. п. + «сумма / иное (жизнь, добро)» в род. п.

к упрощенной двучленной, сохранявшей только переменные (то есть абсолютно необходимые для указания) ее составные части. При этом управление дательным падежом сохранялось, но переходило на уцелевшее:

> *bi* + «сумма/иное (жизнь, добро)» в дат. п.

Здесь уместно напомнить упомянутые выше формы «*mit* + датив» из текста Любского права (примеры (3), (5)). Правда, в производном от него тексте Скры дословно соответствующие им конструкции

не обнаруживаются. Все же примечательно, что предлог *bi*, в результате эллипсиса лишившийся «своего» существительного (обозначения санкции: ‘штраф’ или близкого по смыслу), требовал датива — так же, как и предлог *mit* из полных контекстов Любского права. Если условно представить себе промежуточную стадию между трехчленной структурой и получившейся в итоге двучленной, то она имеет вид двух контактно расположенных дативных валентностей при одном субстантиве, способном ее заполнить:

bi (эллипсис) в дат. п. + *mit* «сумма / иное (жизнь, добро)» в дат. п.

В результате контаминации двух дативных валентностей образовалась одна форма, в которой субстантив принял первый предлог. Таким образом, преемственность любекским формулировкам, возможно, все же есть, просто она затемнена двойным эллипсисом. Или точнее сказать: формулировки Скры 1361 г. развились в русле типичного эллиптического развития таких формулировок, как найденные в Любском праве конца XIII в. с предлогом *mit*.

В результате этих сопоставлений становится понятной семантическая проблема конструкций с *bi*: они с трудом поддаются семантическому анализу, так как могут синкретично совмещать значения обеих частей, подвергшихся опущению. Это значит, что данный случай двойного эллипсиса в положениях о штрафных санкциях привел к синтаксическому синкретизму, о котором пишет И. Л. Петрова, имея в виду современный язык права: «…совмещение (синтез) в одной форме значений двух ⟨…⟩ элементов грамматической конструкции нормативно-правового акта» [Петрова 2006].

4. Эллипсис в традиции немецкого права

К сказанному следует добавить еще несколько наблюдений, сделанных ранее, но только теперь получающих объяснение. Приведенная реконструкция помогает объяснить ранние сокращения в других важных текстах законов. Например, в Саксонском зерцале, на правовой образец и средненижненемецкий язык которого ориентировались средневековые памятники права в Германии, нет точных прототипов наших формулировок, но есть синтаксически аналогичные конструкции, на которые тоже можно распространить сделанные выше наблюдения

и объяснения: *bi koninges banne* ‘под [угрозой] королевской выплаты’ [Homeyer 1827: 167, 244; Schwab 2017: 225–228].

Факт наличия подобных эллиптических вариантов в Саксонском зерцале свидетельствует о раннем развитии эллипсиса и о его закономерности для немецкого средневекового права. Так, уже в образцовом для Скры Любском праве (в данном случае — его редакции конца XIII в.) в аналогичных контекстах наблюдается предельно развившийся эллипсис. Например, после статьи, классифицирующей преступления (убийство, нанесение увечий, избиение до крови и синяков, нанесение ран колющим или режущим оружием), следуют пункты с назначением наказаний за каждое из них; в этих пунктах преступления обозначаются уже кратко:

(13) *Blaw vnde blot is III punt brokes*
‘Синяки и кровь — это три фунта платы’;

Egge vnde ort is VI mark lub
‘Лезвие и острие — это 6 любекских марок’;

lemede is XX. mark brokes
‘Увечье — это 20 марок платы’ [Hach 1839: 547].

Очевидно, это явление представляет собой характерную черту языка средневекового обычного права, вполне сложившуюся в правовом мышлении к эпохе создания этих важнейших юридических кодексов. Распространение эллиптического сокращения правовых положений было возможно при определенных условиях. Например, приведенные в цитате (13) контексты обладают ясностью и конкретностью на фоне предшествовавших им статей, где о тех же реалиях (типы преступлений) сказано полными формулировками. Таким образом, эллиптические и синтаксически контаминированные фрагменты могли получать дискурсивно обусловленную — однозначную — трактовку и эффективно функционировать в качестве формы хранения и передачи юридической информации. Но и в том случае, когда непосредственно в дискурсе такой опоры на полную форму не было, как это имеет место в Скре, эллиптические и контаминированные формы, стереотипно повторявшиеся из текста в текст и из параграфа в параграф, сохраняли в сознании людей свой полный смысл и связь с хорошо знакомой полной формулировкой[7]. Функциональность эллиптических вариантов

[7] Обращение к большому кругу текстов средневековых немецких законов заняло бы слишком много места, однако в качестве свидетельства, подтверждающего

поддерживалась, следовательно, понятной, хотя вербально не эксплицированной связью с традицией обычного права.

Поскольку контексты с эллипсисом значительно преобладают в Скре и не устраняются при обновлении ее редакций, выявленная недостаточность и неоднозначность синтаксической организации не может объясняться ошибками писцов или несовершенством синтаксических средств языка. Формальная неэксплицированность в средствах номинации и в синтаксической технике, как выясняется, составляет традиционную и стойкую особенность языка этих правовых текстов. Их функциональность подтверждается тем, что они сохраняются на протяжении долгого времени, не подвергаясь исправлениям или редактуре со стороны писцов и юристов. Еще один яркий пример поможет убедиться в неслучайности этих черт языка. Дело в том, что обе антонимичные конструкции, которые рассматривались выше (формулировка предписанного правила и указание на нарушение), могут стоять в тексте рядом в синтаксически однородной позиции, но при этом иметь общую формулу санкции:

(14) *Oc vorgeten se de vinstere openen iuwelich vinster is I marc vnde den bom vor de dore to legghende bi I marc.*
(буквально) ‘Также, если забудут открытыми окна, то за каждое окно 1 марка, а за то, чтобы положить брус перед дверью — 1 марка’. [Скра IV, 2].

В первой части здесь синтаксически соположены два поступка: оставление открытыми окон церкви и перекрытие ее двери брусом. В данном случае нельзя даже с уверенностью предложить для перевода вставку ‘[иначе]’: если в отношении окон ясно, что забывший их закрыть должен быть наказан штрафом по числу таких окон, то с дверью дело обстоит не так просто. Можно понять эту часть как требование не забывать закрыть церковную дверь брусом (засовом?),

---

принадлежность интересующей нас формулировки к традиции языка права, можно привести современные контексты. Конструкция с предлогом *bi* (соврем. нем. *bei*) +существительное ‘штраф, наказание’ сохранилась, ее полная форма и сегодня актуальна в том же правовом контексте. Она употребляется для объявления всевозможных запретов, например: *Auto waschen bei Strafe verboten* ‘Мытье машин запрещено, за нарушение — штраф’. Введенный в Венеции и Флоренции запрет на сидение на ступенях знаменитых соборов и в других любимых местах туристов обыгрывался в заголовке статьи электронного СМИ: *Sitzen bei Strafe verboten* ‘Сидеть запрещено°— штраф’ [Spiegel online — Reise; 27.08.2003].

а можно — что нельзя его оставлять там, где он помешает проходу в церковь. В данном случае нет уверенности, какой вариант правильный, так как общего понимания культурного, правового контекста тут недостаточно, а необходимых технических реалий двора мы не знаем. Однако обитатели Петрова двора несомненно их знали. Здесь налицо еще один пример синтаксического синкретизма, другого структурного типа, чем разобранный выше.

Эта норма четвертой Скры 1361 г. была, кстати, перенята в тексте пятой редакции 1392 г. в той же формулировке [Schlüter 1911: I, 130], что говорит о ее полезности и понятности для обитателей двора. Обратившись к здравому смыслу, рискнем предположить, что это положение предписывает аккуратно закрывать и окна, и дверь церкви. Эти два действия представляются логичными с точки зрения общего бытового смысла. В этом случае языковая форма действительно противоречива сверх обычного даже для данного материала: через запятую и с перспективой штрафа перечисляются два противоположно направленных действия (запереть дверь, но забыть закрыть окна). Однако не приходится сомневаться, что ганзейские купцы однозначно и точно воспринимали эти положения, опираясь на реальный, бытовой контекст жизни на Петровом дворе и на общие правовые представления (ср. выше комментарий к примерам (8)–(12)).

5. Результаты и возможности их приложения

В завершение всего изложенного обобщим сделанные наблюдения. Анализ материала показал, что эллиптические и синкретичные синтаксические формы в текстах средневекового права Ганзы являются элементом традиционного языка обычного права, а не проявлением низкого профессионализма писцов или неразвитости языковых средств. Они характерны уже для ранних средненижненемецких кодексов (Саксонского зерцала, Любского права), заложивших не только юридические, но и языковые основы правовой прозы. Даже в текстах, где эллиптические и синкретичные синтаксические формы преобладают, это не препятствует правильному восприятию и применению правовых норм. Основой для их развернутого восприятия служила дискурсивно обусловленная связь с полными формулировками и обычаями правовой традиции. Эта парадигматическая связь с полными вариантами,

в свою очередь, обеспечивалась их повторяемостью в стереотипных контекстах; последнее, очевидно, объясняет их характерность именно для правовых жанров.

Вне сферы языка функциональность эллиптических вариантов поддерживалась понятной для людей связью с общим правовым контекстом и, наконец, со знакомым им бытовым контекстом реальной жизни. Функциональность подтверждается тем, что они сохраняются на протяжении долгого времени, не подвергаясь исправлениям или редактуре со стороны последующих поколений писцов и юристов.

Развивающиеся юридические жанры, таким образом, не только стимулируют выработку уточняющих средств языка для однозначности и точности текстов (Адмони), но и поддерживают — по крайней мере до рецепции римского права — противоположную тенденцию в языке, широко пользуясь средствами конденсации юридической информации (Петрова), достигаемой путем эллипсиса и синтаксического синкретизма.

В заключение хотелось бы сделать еще два дополнительных примечания. Во-первых, в подтверждение сделанных выводов можно сослаться на параллельные результаты другого исследования, в котором проведено сравнение материала древнерусского языка (правовые источники X–XV вв.) и французских текстов права (источники XII–XIII вв.) [Лыкова 2005]. Исследуя явления многозначности и логической неэксплицированности в обоих языках, филолог Н. Н. Лыкова выделяет среди прочих группу, которая характеризуется общим наименованием для реалий, находящихся в антонимических отношениях. Например, по ее данным, во французском и русском языках терминологически не различались предварительное и судебное следствие, а в древнерусском языке одним термином обозначаются истец и ответчик. Эта закономерность, выявленная на материале терминологии (конкретно — именной антонимии), в сфере логических связей и синтаксических структур, рассмотренных нами, реализуется синкретичными фигурами, нейтрализующими, как мы видели, вербальное выражение противоположно направленных действий и отношений.

И наконец, значение полученных результатов можно лучше всего пояснить на примере их применения для решения прикладной научной задачи. Речь идет о трудностях, встающих при переводе и интерпретации таких сокращенных, неоднозначных пассажей в текстах других (хотя и родственных) жанров, например, в исторических источниках по торгово-дипломатическим отношениям Руси с Ганзой.

Например, когда во время очередного конфликта с Новгородом летом 1407 г. ганзейская община Петрова двора обдумывает тактику и ответные меры, она пишет, согласовывая совместные действия с властями города Ревеля:

(15) *Vnde des sy wy hir ens geworden, dat nemant den kop sal angan* ***by 50 mark vnde by des houes rechte*** *bette to der tiit, dat wy en antworde van iuw hebben*.

Выражение *by 50 mark vnde by des houes rechte*, связанное с ультимативными мерами общины, имеет решающее значение для понимания этого важного исторического документа. Оно выступает в этом письме изолированно, вне дискурсивных связей с аналогичными формулировками, но на основе того общего знания, которое основано на рассмотренном выше материале правовых кодексов (устава Петрова двора и городского права Любека), можно обоснованно предложить интерпретацию и перевод этого послания:

> ‘И поэтому мы здесь совместно решили, что никто не должен заключать торговые сделки [под страхом штрафа на сумму] в 50 марок и [лишения пользования] правом торговать по правилам [Немецкого] двора вплоть до того времени, пока мы не получим от вас ответ’ [8].

Литература

Адмони 1963 — В. Г. Адмони. Исторический синтаксис немецкого языка. М.: Высшая школа, 1963.

Исаков 2000 — В. Б. Исаков. Лингвоюристика: законотворчество, толкование законов и юридических текстов (языковой аспект). Разд. 2. Язык права // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 64–79.

Лыкова 2005 — Н. Н. Лыкова. Генезис языка права: начальный этап: на материале французских и русских документов X–XV веков. Дисс. д. фил. наук. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2005. URL: http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/genezis-jazyka-prava-nachalnyj-jetap-na-materiale-francuzskih-i-russkih-dokumentov.html (дата обращения 28.08.2019).

[8] Цитата из письма немецких купцов в Новгороде магистрату города Ревеля от 1 июля 1407 г. приведена по транскрипции и с использованием перевода из корпуса источников по связям Ганзы с Новгородом и Псковом, подготовленного П. В. Лукиным, С. В. Полеховым и Е. Р. Сквайрс в рамках проекта РФФИ 17-01-00158-ОГН.

Петрова 2006 — И. Л. Петрова. Правовой синтаксис. Автореф. дисс. канд. юрид. наук, Владимир: Владимирский гос. пед. ун-т, 2006. URL: http://www.dslib.net/teoria-prava/pravovoj-sintaksis.html#1628074 (дата обращения 28.08. 2019).

Пироженко 2016 — А. В. Пироженко. Язык права и юридическая лингвистика в современном обществе // VI Международная научно-практическая интернет-конференция «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» 2016. URL: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw6/pirozhenko.html. (дата обращения 28.08. 2019).

Сквайрс 2019a — Е. Р. Сквайрс. Синтаксический эллипсис в средневековом юридическом контексте // Т. А. Михайлова (ред.). Между строк… или Грамматика нереального — 3. Материалы круглого стола. М.: Макс-Пресс, 2019. С. 53–63.

Сквайрс 2019b — Е. Р. Сквайрс. Нарративно неэксплицированные смыслы в языке средневекового права (на материале Новгородской скры XIII–XIV в.) // Т. А. Михайлова (ред). Атлантика. Вып. 16. М.: Макс пресс, 2019. С. 74–95.

Mähl 2014 — Stefan Mähl. Mehrgliedrige Verbalkomplexe im Mittelniederdeutschen: Ein Beitrag zu einer historischen Syntax der Deutschen (Niederdeutsche Studien 57). Köln: Böhlau, 2014.

Rösler 1997 — I. Rösler. Satz — Text — Sprachhandeln: Syntaktische Normen der mittelniederdeutschen Sprache und ihre soziofunktionalen Determinanten. (Sprachgeschichte; Band 5.) Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 1997.

Schwab 2017 — V. Schwab. Volkssprachige Wörter in Pactus und Lex Alamannorum. Bamberg: University of Bamberg Press, 2017.

Источники

Мальков, Сквайрс — А. В. Мальков, Е. Р. Сквайрс. Новгородская скра ([2020] в печати).

DRW — Deutsches Rechtswörterbuch URL: https://drw-www.adw.uni-heidelberg.de/drw-cgi/zeige (дата обращения 15.08.2019).

Friese 1901— V. Friese (Hrg.). Die Magdeburger Schöffensprüche für Gross-Salze, Zerbst und Anhalt, Naumburg und aus dem Codex Harzgerodanus. Reprint 2018 ed. Berlin: De Gruyter, 2018.

Hach 1839 — J. F Hach (Hrsg.). Das alte Lübische Recht. Lübeck: v. Rohden & Bruhn, 1839.

Homeyer 1827 — C. G. Homeyer (Hrg.). Der Sachsenspiegel oder das Sächsiche Landrecht. Berlin: Dümmler: 1827.

Köbler — G. Köbler. Mittelniederdeutsches Wörterbuch online, URL: https://www.koeblergerhard.de/mndwbhin.html (дата обращения 16.08.2019).

Schiller, Lübben. 1875 — K. Schiller, A. Lübben. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bd. I. Bremen: Kühtmann [u.a.], 1875.

Schlüter 1911 — W. Schlüter. Die Novgoroder Skra in sieben Fassungen vom 13. bis 17. Jahrhundert. Bd. I. Dorpat: Mattiesen, 1911.

Spiegel online — Reise; 27.08.2003, URL: https://www.spiegel.de/reise/staedte/florenz-und-venedig-sitzen-bei-strafe-verboten-a-263118.html (дата обращения 28.08.2019).

References

Admoni 1963 — V. G. Admoni. Istoricheskiy sintaksis nemetskogo yazyka [Historical syntax of the German language]. Moscow: Vysshaya shkola, 1963.

Isakov 2000 — V. B. Isakov. Lingvoyuristika: zakonotvorchestvo, tolkovaniye zakonov i yuridicheskikh tekstov (yazykovoy aspect). Razdel 2. Yazyk prava [Linguojuristics: Lawmaking, interpretation of law and legal texts (the language aspect). Pt. 2. Legal language]. *Yurislinguistika*. 2000. No. 2. P. 64–79.

Lykova 2005 — N. N. Lykova. Genesis yazyka prava: nachalnyy etap: na materiale frantsuzskikh i russkikh dokumentov X–XV vekov. [The genesis of legal language: the initial stage: French and Russian documents of the 10th-15th centuries. Doctoral thesis]. Yekaterinburg: Yekaterinburg (Uralskiy) University, 2005. Available at: http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/genezis-yazyka-prava-nachalnyj-jetap-na-materiale-francuzskih-i-russkih-dokumentov.html (accessed on 28.08.2019)

Petrova 2006 — I. L. Petrova. Pravovoy sintaksis. [Legal syntax. Author's abstract of candidate thesis] Vladimir: Vladimir State Pedagogical University, 2006. Available at: http://www.dslib.net/teoria-prava/pravovoj-sintaksis.html#1628074 (accessed on 28.08. 2019).

Pirozhenko 2016 — A. V. Pirozhenko. Yazyk prava i yuridicheskaya lingvistika v sovremennom obshestve [The legal language and jurislinguistics in contemporary society]. *VI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya internet-konferentsiya "Yazyk i pravo: aktualnye problemy vzaimodeistviya*". [The Sixth International Internet-Conference "Law and Language: current problems of interaction"]. 2016. Available at: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw6/pirozhenko.html (accessed on 28.08. 2019).

Squires [2019a] — C. R. Squires. Sintaksicheskiy ellipsis v srednevekovom yuridicheskom kontekste. T. A. Mikhaylova (ed.) *Mezhdu strok… ili Grammatika nerealnogo — 3. Materialy Kruglogo stola* [Syntactic ellipsis in a medieval legal context. Proceedings of a Rountable]. Moscow: Maks-Press, 2019. P. 53–63.

Squires [2019b] — C. R. Squires. Narrativno neeksplitsirovannye smysly v yazyke srednevekovogo prava (na materiale Novgorodskoy skry XIII–XV v. [Narratively unspecified meanings in medieval legal language (based on the Skra of Novgorod of the 13th–15th centuries]. T. A. Mikhaylova (ed.). *Atlantica*. Iss. 16. Moscow: Maks-Press, 2019. P. 74–95.

Mähl 2014 — S. Mähl. Mehrgliedrige Verbalkomplexe im Mittelniederdeutschen. Ein Beitrag zu einer historischen Syntax der Deutschen (Niederdeutsche Studien 57). Köln: Böhlau, 2014.

Rösler 1997 — I. Rösler. Satz — Text — Sprachhandeln: Syntaktische Normen der mittelniederdeutschen Sprache und ihre soziofunktionalen Determinanten. (Sprachgeschichte; Band 5.) Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 1997.

Schwab 2017 — V. Schwab. Volkssprachige Wörter in Pactus und Lex Alamannorum. Bamberg: University of Bamberg Press, 2017.

Sources

Malkov, Squires — A. V. Malkov, C. R. Squires. The Skra of Novgorod ([2020] in print).

DRW — Deutsches Rechtswörterbuch. Available at: https://drw-www.adw.uni-heidelberg.de/drw-cgi/zeige (accessed on 15.08.2019).

Friese 1901— V. Friese (Hrg.). Die Magdeburger Schöffensprüche für Gross-Salze, Zerbst und Anhalt, Naumburg und aus dem Codex Harzgerodanus. Reprint 2018 ed. Berlin: De Gruyter, 2018

Hach 1839 – J. F Hach. Das alte Lübische Recht. Lübeck: v. Rohden & Bruhn, 1839.

Homeyer 1827 – C. G. Homeyer (Hrg.). Der Sachsenspiegel oder das Sächsiche Landrecht. Berlin: Dümmler: 1827.

Köbler — G. Köbler. Mittelniederdeutsches Wörterbuch online: https://www.koeblergerhard.de/mndwbhin.html (accessed on 16.08.2019).

Schiller, Lübben. 1875 – K. Schiller, A. Lübben. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bd. I. Bremen: Kühtmann [u.a.], 1875.

Schlüter 1911 – W. Schlüter. Die Novgoroder Skra in sieben Fassungen vom 13. bis 17. Jahrhundert. Bd. I. Dorpat: Mattiesen, 1911.

Spiegel online - Reise - 27.08.2003, Available at: https://www.spiegel.de/reise/staedte/florenz-und-venedig-sitzen-bei-strafe-verboten-a-263118.html (accessed on 28.08.2019).

Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.2. P. 711–731
DOI 10.30842/alp2306573716226

Лексикализация форм русских глаголов чувственного восприятия: структурные, когнитивные и социолингвистические аспекты*

Т. Г. Скребцова
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург;
t.skrebtsova@spbu.ru

Аннотация. Настоящая работа посвящена анализу лексикализованных форм русских глаголов чувственного восприятия, выделенных по материалам словарей современного русского литературного языка. В статье дается подробный обзор рассматриваемых единиц, анализируются их формальные и семантические особенности, а также разнообразные связи между ними. Автор показывает, что каждая из лексикализованных форм удовлетворяет тому определению конструкции, которое принято в грамматике конструкций. Особое внимание уделяется выявлению причин бурной активизации в последние годы формы *смотри(те)* в качестве дискурсивного маркера.

Ключевые слова: глаголы чувственного восприятия, лексикализация, лексикография, грамматика конструкций, дискурсивный маркер, социолингвистика, когнитивная лингвистика.

Lexicalized forms of Russian perception verbs: Structural, cognitive, and sociolinguistic aspects

T. G. Skrebtsova
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg;
t.skrebtsova@spbu.ru

Abstract. The present study focuses on the lexicalized forms of the Russian perception verbs drawn from the modern dictionaries of Standard Russian. They are supplied

---

* Материал данной статьи был впервые представлен на конференции «Русский язык: лексико-семантические и конструкционные подходы» (3–5 октября 2019 г., ИЛИ РАН, Санкт-Петербург).

with definitions as well as usage examples from the Russian National Corpus. The paper presents a detailed overview of the forms concerned, encompassing both their formal and semantic features. Most lexicalized forms, the way they are listed in the dictionaries, allow for certain variation in what concerns their grammatical meaning (number, person, mood) and optional extra elements. The form thus can be seen as a generalization over its particular instantiations. The lexical meaning of the forms concerned is quite diverse, ranging from cognitive to communicative to modal and expressive senses. The data at hand refute the notorious claim about the distinction between the words of seeing and hearing, the first being claimed to develop predominantly cognitive meanings and the latter, communicative ones. Given the unpredictability and non-compositionality of the lexicalized forms in both formal and semantic aspects, each can be argued to be a construction, in the special sense accorded to the term in construction grammar. Manifold relations between the lexicalized forms are identified, including taxonomic relations between the form and its instantiations, paradigmatic links between particular instantiations of a single form, as well as homonymy, polysemy, complete and partial synonymy between forms. Besides, there are indirect links between lexicalized forms of the same verb (via the verb in question); the verbs thus can be visualized as clusters of lexicalized forms. The final section of the paper is a case study of the form *smotri(te)* derived from the Russian verb *smotret'* ('look') which has recently become quite frequent in both institutional communication and everyday discourse. The author expands on possible explanations of the fact, citing sociolinguistic and structural reasons as well as the overall impact of the English language.

Keywords: verbs of perception, lexicalization, lexicography, construction grammar, discourse marker, sociolinguistics, cognitive linguistics.

1. Предмет и материал исследования

Русские глаголы чувственного восприятия представляют собой естественно выделяемую лексико-семантическую группу (см. напр. [Васильев 1971; 1981; ЛСГ: 47]). Ее дальнейшее подразделение обусловлено перцептивным модусом, ср. глаголы зрительного восприятия (*глядеть, взирать, вперяться, осматривать* и т. д.), глаголы слухового восприятия (*заслушаться, внимать, слыхать* и пр.), глаголы обоняния (*обонять, нюхать, внюхиваться* и пр.), глаголы осязания (*осязать, щупать* и др.); помимо этого, имеются глаголы с общим значением восприятия, т. е. нейтрализованной семой модуса (*воспринимать, чувствовать, замечать, следить* и пр.) [Васильев 1971].

Важную роль в структурной организации всей лексико-семантической группы играет противопоставление глаголов по семе целенаправленности / нецеленаправленности действия[1] [Васильев 1971]. Так, глаголы *глядеть, смотреть, слушать* можно охарактеризовать как обозначающие целенаправленное перцептивное действие, а глаголам *видеть* и *слышать* приписать сему нецеленаправленности.

Ряд глаголов рассматриваемой группы обладает разветвленной системой значений и особыми, словарно выделяемыми лексикализованными формами. Под лексикализацией в настоящей статье понимается диахронический процесс вхождения элемента языка в лексикон, способствующий его идиоматизации и росту автономии (ср. [ЛЭС: 258; Brinton, Traugott 2005: 18, 57; Майсак 2005: 66]).

Лексикализованные формы обнаружены у глаголов зрительного восприятия (ср. *видал? / видали?, видишь / видите, гляди / глядишь, не глядя на, смотри / смотрите, смотря по*), у глаголов слухового восприятия (ср. *слушай / слушайте, слушаю, слышь*), а также у глагола общего восприятия *заметить (замечу / заметь / заметьте).* Подобные формы и являются объектом настоящего исследования.

Предметом исследования являются формальные и семантические особенности этих лексикализованных форм, а также различные виды связей между ними. Список форм составлен по материалам академических словарей [БАС-1, БАС-2, БАС-3, МАС], а также словаря [БТС][2]. Лексикографические источники нередко различаются по способу подачи этих единиц, их грамматической характеристике и словарной дефиниции; в случае различающихся толкований мы взяли на себя выбор того из них, которое кажется нам наиболее адекватным. Иллюстративный материал, за редким исключением, взят из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

---

[1] В статье, посвященной глаголам зрительного восприятия, приводятся также иные ее формулировки, такие как преднамеренность / непреднамеренность, активность / пассивность, целенаправленность / результативность, направленность от субъекта / к субъекту) [Кретов 1981].

[2] Эти сокращения используются и в дальнейшем для ссылок на данные словари. Поскольку БАС-2 ограничен первыми шестью томами, а БАС-3 еще не закончен, сведения из них отсутствуют у глаголов *слушать, слышать* и *смотреть*.

2. Лексикализованные формы русских глаголов чувственного восприятия: общий обзор

2.1. Глагол *видать*

Словари выделяют две словарные статьи на лексическую единицу *видать.* В первой (описывающей глагол в совокупности всех словоформ) особо выделяются формы прошедшего времени *видал?* / *видали?*, а вторая статья содержит характеристику употреблений формы *видать*. Соответственно выделяются следующие лексикализованные формы:

— *видал?* / *видали?* — выражает удивление, восхищение или укоризну, негодование; ишь.

(1) *Видал, как за него взялись? Тягают каждый день! — И что будем делать?* [Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)]

В БАС-1, БАС-2, БАС-3, МАС частеречная помета отсутствует, в БТС — «в зн. частицы».

— *видать* — должно быть, по-видимому, очевидно.

(2) *Война продолжается и долго, видать, еще не кончится* [Виктор Астафьев. Обертон (1995–1996)].

Все словари характеризуют данную единицу пометой «в зн. вводн. сл.».

2.2. Глагол *видеть*

У глагола *видеть* словари выделяют следующие лексикализованные формы:

— *видишь* / *видите* — употр. при подтверждении правильности или опровержении чьих-л. слов.

(3) *Я сказал: — Вот видишь, папа… — Я не знал, что она уедет. Как жалко…* [Виктор Драгунский. Денискины рассказы / Девочка на шаре (1963)]

Эта единица[3] не снабжена частеречной пометой ни в одном из изданий БАС, отсутствует в МАС, в БТС характеризуется пометой «в зн. вводн. сл.».

— *(как) видишь / видите* — как вам ясно теперь.

(4) — *Вы сильно рисковали, когда решили не ехать на чемпионат Европы в Лозанну и занялись переделкой произвольной программы. — Как видите, риск полностью оправдался. Я наконец почувствовал эту программу.* [Антон Сихарулидзе: «Я всегда был уверен в том, что мы лучшие» // «Известия», 2002.02.12].

В БАС-1 не снабжена пометой, в последующих изданиях, а также в МАС и БТС характеризуется единообразно: «в зн. вводн. сл.».

— *видишь / видите ли* — употр. при желании обратить внимание на что-л., подчеркнуть что-л.

(5) *Пару полная квартира, а ему хоть бы хны. Мёрз он, видите ли. — Она вздохнула и сердито закончила, передернув плечами под цветастым платком: — Люди-то какие бывают… ничего не докажешь. Я кивнул.* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].

Грамматическая характеристика в словарях такая же, как у предшествующей единицы.

2.3. Глагол *глядеть*

Список лексикализованных форм глагола *глядеть* включает в себя в частности единицы *глядя по чему-л.* и *не глядя на что-л.*, в отношении которых уместно говорить также о грамматикализации. Примечательна также форма *глядь*, у которой процесс лексикализации привел к выделению ее в самостоятельную словарную статью: если в БАС-1 она приводится в словообразовательном гнезде глагола *глядеть*, то в последующих изданиях этого словаря, а также в МАС и БТС представлена самостоятельной вокабулой.

---

[3] Под единицей здесь и далее понимается единица лексикографического описания, которая нередко включает в себя более одной грамматической формы.

— *гляди / глядите* — выражает предостережение или угрозу.

(6) *Нарядчик скажет куда. Да, глядите, не опаздывать к разнарядке! В случае — выпорю для первого разу! Приуныли наши ребятушки.* [П. П. Бажов. Змеиный след (1939)]

Частеречная помета в БАС-1 — «в зн. вводн. сл.».; в последующих изданиях этого словаря, а также в МАС и БТС — «в зн. межд.».

— *гляди / глядишь:*

1) весьма вероятно, очень может быть.

(7) *Если так, то пусть они продолжаются подольше. Глядишь, меньше будет на улицах следов вандализма.* [Чтой-то случилось // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003.01.10].

2) как оказывается, между тем.

(8) *Только тут был, глядишь, уже там!* [БТС]

Все словари характеризуют данную единицу пометой «в зн. вводн. сл.».

— *глядя по чему-л.* — в зависимости от чего-л.

(9) *В частности, в ее руки попали три разных проекта на дом. Разным организациям, включая и прокуратуру, ООО «Адепт Лес Холдинг» представлял разные проекты, глядя по ситуации.* [Елена Зиминова. Без вины виноватые (2013.04.23)]

В БАС-1 и БАС-2 помета отсутствует, в БАС-3 характеризуется как «деепр. в зн. предлога», в БТС — «в зн. предлога», в МАС единица отсутствует.

— *не глядя на что-л.* — несмотря на что-л.

(10) *Среди военных подруг в сортировке Соня была, пожалуй что, самой образованной. Не глядя на болезнь, она потихоньку готовилась по присланной ей программе — продолжать учебу в университете.* [Виктор Астафьев. Обертон (1995–1996)]

В БАС-1 и МАС единица отсутствует, в БАС-2 не снабжена пометой, в БАС-3 — «деепр. в зн. предлога», в БТС — «в зн. предлога».

— *глядь* — выражает внезапность, неожиданность обнаружения или наступления чего-л.

(11) *Предполагаем жить… и глядь — как раз умрем.* [А. С. Пушкин (1834)]

В БАС-1 — «междом.», в БАС-2 и БАС-3 — «межд. обычно в функции сказуемого». В МАС «междом. в знач. сказ.», в БТС — «межд. в функц. сказ.».

2.4. Глагол *заметить*

Глагол *заметить* в нашем списке представлен единственной лексикализованной формой, которая выделяется только в БАС-3 и снабжена пометой «в зн. вводн. сл.», ср.:

— *заметь* / *заметьте* / *замечу* — употр. для привлечения внимания.

(12) *Мне, несомненно, повезло с третьим браком. И везет в нем, замечу, уже около четверти века.* [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)]

2.5. Глагол *слушать*

У глагола *слушать* (и соотнесенного с ним по видовой паре глагола *послушать* в соответствующих значениях) словари выделяют первые две из перечисленных ниже единиц. Третью мы сочли нужным добавить, так как она несомненно существует с тех пор, как была изобретена телефонная связь. Тот факт, что словари ее «не замечают», не может не вызывать удивления.

— *слушай* / *слушайте* — употр. при обращении к кому-л. в начале разговора для привлечения внимания.

(13) **—** *Слушай, мне не хватает на операцию. Мне больше не к кому позвонить. — Сколько? — крикнула Ирина*. [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002]

Ни один из словарей не характеризует данную единицу с частеречной точки зрения.

— *слушаю* / *слушаю-с* — употр. как ответ (слуги, подчиненного) на приказание, распоряжение, означающий, что оно принято к исполнению.

(14) *[Лопахин] И квасу мне принесешь. [Дуняша] Слушаю.* [А. П. Чехов. Вишневый сад (1903)]

Ни БАС-1, ни МАС не приводят частеречной характеристики; в БТС данная форма отсутствует. По смыслу к этой единице близка форма *слушаюсь*, употребляющаяся как ответ на приказание в речи военных, однако мы не приводим ее здесь, поскольку она образована от глагола *слушаться*, не принадлежащего к группе глаголов чувственного восприятия.

— *слушаю* — употр. в качестве ответа на телефонный вызов.

(15) — *Алло, — хрипло сказал я. — Слушаю. Кого? — Доброе утро, — торопливо проговорил женский голос.* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]

2.6. Глагол *слышать*

В словарной статье глагола *слышать* фигурирует лишь первая из перечисленных ниже форм; вторая во всех словарях представлена самостоятельной вокабулой. Мы приводим ее здесь в силу очевидной производности от глагола *слышать* и по аналогии с формой *глядь*, которая в первом издании БАС включена в гнездо глагола *глядеть* (см. выше).

— *слышишь* / *слышите* — употр. для подчеркивания сказанного, настоятельного указания на что-л.

(16) *Воду спусти, не забудь. И ни к чему там не прикасайся, слышишь? Хорошо, хорошо, Мамочка. Вот как ты всё правильно говоришь.* [Татьяна Толстая. Ночь (1983)]

В БТС характеризуется пометой «в зн. межд.», в БАС-1 и МАС частеречная помета отсутствует.

— *слышь:*

1) употр. для привлечения внимания собеседника; послушай-ка.

(17) — *Слышь, ты, Климов, чего расселся, — закричал Перфильев, — тебя управдом ищет, надо снова пойти в немецкие дома.* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)]

2) употр. при разъяснении чего-л.; видишь ли, знаешь ли.

(18) *Я, слышь, совсем позабыл о твоей просьбе.* [БТС]

3) кажется, как будто, как говорят.

(19) *К нему, слышь, много гостей понаехало.* [БТС]

В БАС-1 и МАС частеречная помета при 1-м значении отсутствует, при 2-м и 3-м — «вводн. сл.». В БТС первое значение снабжено пометой «в зн. межд.», 2-е и 3-е — «в зн. вводн. сл.».

2.7. Глагол *смотреть*

У глагола *смотреть* отмечен ряд лексикализованных форм, среди которых единица *смотря по*, подвергшаяся грамматикализации и выступающая в роли предлога или союза.

— *смотрю / смотрим / смотришь* — как видно, как можно заключить.

(20) *Он одаряет, он же и грабит. Смотришь — ты уже нищий. Хотела ли бы я, чтобы он ко мне вернулся? Нет.* [И. Грекова. Без улыбок (1975)]

Все словари характеризуют данную единицу пометой «в зн. вводн. сл.».

— *смотри / смотрите:*

1) выражает предупреждение, предостережение, угрозу.

(21) — *Ешьте, Веллер! А то, смотрите, проголодаемся в дороге!* [Э. Г. Казакевич. Дом на площади (1956)].

2) выражает удивление, изумление, недоумение.

(22) — *Да,* — *сказал Балаганов, моргая рыжими ресницами,* — *теперь мне ясно. Смотрите, пожалуйста, старик* — *и все раскрыл! А Бендер действительно что-то не то делает: пишет бумажки, ездит…* [Евгений Петров, Илья Ильф. Золотой теленок (1931)]

3) употр. при желании обратить внимание на что-л., подчеркнуть что-л.

(23) *Здесь у нас часто случаются кадровые коллизии. Смотрите, какая ситуация сегодня сложилась в правительстве. Кто такой Касьянов? Финансист.* [Определить присутствие государства в экономике // «Время МН», 2003.08.07]

В БАС-1 помета стоит лишь при 3-м значении («в зн. вводн. сл.»). В МАС и БТС 1-е и 2-е значения характеризуются пометой «в зн. межд.», 3-е значение не выделяется.

— *смотря по чему-л.* — в зависимости от чего-л.

(24) *Кому? Смотря по обстоятельствам. А вдруг с уважаемым что-то случится, и у него не будет врагов страшнее. А если с ним ничего не случится, то друзья остаются друзьями.* [Владимир Войнович. Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру (1976)]

(25) *Вооруженный этой палочкой, дядя тоже стал напоминать чем-то моего учителя географии. — Вот сюда,* — *сказал он, методично показывая то одно, то другое,* — *сыплют коноплю, канареечную смесь, муравьиное семя или соловьиный корм, смотря по тому, какую птицу желают поймать.* [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, ч. 1 (1943–1958)]

В БАС-1 и МАС частеречная помета отсутствуют, в БТС отмечена способность данной формы выступать «в зн. предлога», как в (24) и «в зн. союза», как в (25).

— *смотря кто (как, какой и т. п.)* — обозначает зависимость выбора от того, на что указывает местоименное слово.

(26) *Какова власть американского президента? Смотря где.* [Евгений Сабуров. Коммунальная кома // «Неприкосновенный запас», 2003.07.14]

Данная единица не имеет частеречной пометы ни в одном из словарей.

3. Формальная и семантическая характеристика выделенных единиц

С формальной точки зрения, круг выделенных единиц ограничен формами глагола в изъявительном и повелительном наклонении (преимущественно 1 и 2 лица), инфинитивом и деепричастием. Примечательно, что набор лексикализованных форм различен у разных глаголов: его невозможно «вычислить по правилу», что ясно из таблицы ниже (см. *Табл. 1*).

Таблица 1. Формальная характеристика лексикализованных форм русских глаголов чувственного восприятия

Table 1. Lexicalized forms of Russian perception verbs from a formal viewpoint

	формы изъявит. наклонения	**формы повелительного наклонения**	**инфинитив**	**деепричастие**
видать	видал? / видала? / видали?	гляди / глядите	видать	
видеть	видишь / видите			
глядеть		глядишь		глядя (на, по)
заметить	замечу / заметишь	заметь		
слушать	слушаю	слушай / слушайте		
слышать	слышишь / слышите			
смотреть	смотрю / смотришь / смотрим	смотри / смотрите		смотря (по)

Обращает на себя внимание и то, что многие единицы допускают добавление различных факультативных элементов (при сохранении значения). К числу подобных элементов относятся частицы *ну, вот, да, ли, -ка* и нек. др., ср.: *(ну) (вот) видишь, видите (ли), (ну) глядите, послушай-ка, ан глядь.* Возможность их присоединения также не поддается обобщению. У полисемичных единиц имеются расхождения

в том, какой дополнительный элемент может добавляться в разных значениях. Так, к лексикализованной форме *смотри* / *смотрите* в значении предупреждения легко присоединяется частица *ну* (*Ну смотри, я за язык не тянул*), в значении удивления — частица *-ка* (*Смотри-ка, какой принципиальный выискался*), а в недавно активизировавшемся употреблении, связанном с привлечением внимания, часто используются также формы *посмотри* / *посмотрите*, невозможные в значении предупреждения (*Посмотрите, как президент активно работает!*).

Семантика лексикализованных форм также довольно разнообразна (см. *Табл. 2*). Преобладают когнитивные (‘как можно заключить’, ‘как вам ясно теперь’, ‘употр. при разъяснении чего-л.’) и коммуникативные значения (‘употр. для привлечения внимания’, ‘употр. для подчеркивания сказанного’, ‘употр. как ответ на телефонный вызов’, ‘употр. как ответ на приказание’). В ряде случаев они непосредственно связаны с соответствующими значениями глагола — например, очевидно, что форма *слушаю(-с)* выделилась в самостоятельную лексическую единицу на основе значения глагола *слушать*, связанного с идеей подчинения, следования каким-то советам, правилам. Схожим образом, у глаголов зрительного восприятия *видеть* и *смотреть* имеются когнитивные значения, обусловившие образование соответствующих лексикализованных форм. В то же время не каждую лексикализованную форму можно однозначно связать с определенным значением соответствующего глагола. Это наглядно видно в структуре словарных статей БАС, где лексикализованные формы, связанные с конкретным значением глагола, даются при этом значении, а другие приводятся отдельно.

Заметим, что тезис И. Свитсер о том, что «объективная, мыслительная сторона нашей внутренней жизни регулярно связана со зрением», в то время как «слух связан с исключительно коммуникативными аспектами понимания, но не с мышлением в целом» [Sweetser 1990: 37] на нашем материале не подтверждается[4]. С одной стороны, имеются служащие для привлечения внимания формы *видишь* / *видите (ли)* (коммуникативное значение у глагола зрительного восприятия), а с другой — единица *слышь*, употребляемая при разъяснении чего-л. (когнитивное значение у деривата глагола слухового восприятия). Также имеются отдельные значения, связанные с выражением

[4] Тезис Свитсер был неоднократно опровергнут данными различных языков; подробнее см.: [Скребцова 2018: 92–95].

эмоций, модальности возможности, осуществлением речевого воздействия (предостережение, угроза) и нек. др.

Таблица 2. Семантическая характеристика лексикализованных форм русских глаголов чувственного восприятия

Table 2. Lexicalized forms of Russian perception verbs in a semantic perspective

	когнит. знач.	**коммуник. знач.**	**выраж. эмоций**	**речевое возд.**	**мод. знач.**	**логич отнош.**
видать			видал? / видали?		видать	
видеть	(как) видишь / видите	видишь / видите (ли)				
глядеть				гляди / глядите	гляди / глядишь	глядя (по); не глядя (на)
заметить		заметь / заметьте / замечу				
слушать		слушай / слушайте; слушаю				
слышать	слышь	слышишь / слышите; слышь				
смотреть	смотрю / смотрим / смотришь	смотри / смотрите	смотри / смотрите	смотри / смотрите		смотря (по)

Можно утверждать, что каждый глагол имеет свой особенный «куст» лексикализованных форм, неповторимый ни в формальном, ни в семантическом отношении. В связи с этим представляется уместным упомянуть такое современное направление исследований, как грамматика конструкций. В его рамках под конструкцией понимается любая некомпозициональная языковая единица, ср. следующее определение видного представителя грамматики конструкций А. Гольдберг: «С является конструкцией тогда и только тогда, когда С представляет собой пару “форма — значение” <F_i, S_i> такую, что существуют некий аспект F_i или некий аспект S_i, не выводимый из составных частей С или из других ранее установленных конструкций» [Goldberg

1995: 4]. Учитывая, что конструкции допускают определенную степень схематичности (лексической незаполненности), таковыми можно считать и каждую из перечисленных выше лексикализованных форм (единиц словарного описания), и их конкретные реализации, включающие те или иные факультативные элементы.

Проиллюстрируем идею неповторимости, непредсказуемости лексикализованных форм на примерах. Начнем с плана выражения. Если частицы *ну* и *вот* могут присоединяться ко многим лексикализованным формам, то частицы *ли* и *ан* — только к единичным формам, а именно: *видишь* / *видите (ли), ан глядь*. Если теперь обратиться к плану содержания, то кажется непонятным, почему у глаголов *видать* и *глядеть* есть специальные формы, выражающие модальные значения (соответственно *видать* и формы *гляди* / *глядишь*), а у других глаголов зрительного восприятия (*видеть* и *смотреть*) таковые отсутствуют. Аналогичным образом, для выражения эмоций могут использоваться лексикализованные формы глаголов *видать* и *смотреть* (*видал?* / *видали?* и *смотри* / *смотрите*), но не глаголов *видеть* и *глядеть*. Форма *глядь,* несмотря на свою очевидную связь с глаголом *глядеть*, не имеет когнитивного значения.

В то же время в *Табл. 2* есть и вполне закономерные, симметричные фрагменты. К примеру, обе деепричастные формы *глядя* и *смотря* служат для выражения логических отношений. Для осуществления речевого воздействия могут использоваться только формы *гляди* / *глядите* и *смотри* / *смотрите*, причем соответствующие глаголы являются синонимами. Однако общая картина лишена регулярности, а потому вполне оправдывает описание в терминах грамматики конструкций.

4. Связи между выделенными единицами

Лексикализованные формы русских глаголов чувственного восприятия связаны между собой различными видами отношений. Выше уже отмечалась формальная вариативность многих единиц, связанная с возможностью их реализации глагольной формой единственного или множественного числа с добавлением факультативных элементов, что комбинаторно дает достаточно большое число реализаций, ср.: *гляди, глядите, да гляди, да глядите, ну гляди, ну глядите* и т. д. Все они объединены между собой общностью значения, что позволяет

лексикографам рассматривать их в виде одной единицы. Подобные связи между отдельными реализациями можно охарактеризовать как парадигматические, а их связи с лексикализованной формой — как таксономические.

Отдельные формы могут служить реализациями разных единиц — так обстоит дело, к примеру, с формами *видишь* и *видите*, которые могут представлять три разные единицы словарного описания (см. выше). Это пример омонимии лексикализованных форм. Другой пример такого рода — форма *слушаю*, которая может выражать ответ на приказание и ответ на телефонный вызов.

Внутри «куста» лексикализованные формы связаны между собой опосредованно — деривационными отношениями через соответствующий глагол.

Помимо этого можно наблюдать семантические связи между отдельными единицами и их значениями, способствующие укреплению единства всей лексико-семантической группы перцептивных глаголов. Так, синонимические отношения связывают единицы *глядишь* и *смотришь* в значении ‘как оказывается, между тем’, *слышь* в 1-м значении и *послушай(-ка)*, *слышь* во 2-м значении и *видишь (ли), гляди* и *смотри* в значении предостережения или угрозы, грамматикализованных форм *глядя по чему-л.* и *смотря по чему-л.* Целый ряд лексикализованных форм употребляется в качестве маркеров привлечения внимания (*видишь, заметь, слушай, слышь*, *смотри* и пр.), однако они не взаимозаменяемы, поэтому здесь более уместно говорить о квазисинонимии.

Обращаясь вновь к популярной в наше время грамматике конструкций, можно сказать, что данные наблюдения подтверждают идею о том, что язык представляет собой сеть конструкций, связанных между собой вертикальными (таксономическими) и различными горизонтальными отношениями [Van de Velde 2014]. В нашем случае вертикальные отношения — это отношения между лексикализованной формой (в том виде, как она представлена в словаре) и ее конкретными реализациями. Что касается горизонтальных связей, они могут носить формальный или семантический характер.

Формальные отношения связывают разные реализации одной и той же формы (ср. *гляди, глядите, гляди-ка, глядите-ка, ну гляди, ну глядите*), а также, по-видимому, разные лексикализованные формы, производные от одного и того же глагола (например, *видал? / видали?* и *видать*). Семантические отношения включают, в частности, отношения между значениями многозначной формы — ср. описание семантики

форм *гляди / глядишь* (в *п. 2.3*), *слышь* (в *п. 2.6*), *смотри / смотрите* (в *п. 2.7*.). Помимо этого, сюда относятся отмеченные выше отношения между омонимичными формами, синонимия и квазисинонимия единиц.

5. Об активизации лексикализованной формы *смотри / смотрите* как маркера привлечения внимания в современной речи

В заключительном разделе мы сокращаем ракурс нашего рассмотрения до одной единицы — формы *смотри / смотрите* в значении, связанном с желанием обратить внимание на что-л., подчеркнуть сказанное. Поводом для ее специального обсуждения послужила бурная активизация этой формы в устной речи последних 15–20 лет, обусловленная, как нам представляется, структурными и социолингвистическими факторами. Заметим, что это значение в общем не ново: оно зафиксировано еще в БАС-1 и сопровождается иллюстрациями из пьесы А. Н. Толстого «Ракета» (1916) и статей и речей С. М. Кирова за 1934 г. Однако в других словарях оно не отмечено, что говорит о его невысокой частотности в XX веке.

В последние годы, согласно данным НКРЯ, происходит стремительный рост числа употреблений. При этом чаще всего встречается форма *смотрите* при обращении на Вы к единичному адресату. Обычно она занимает инициальную позицию в предложении (слова типа *ну, вот, так*, *ведь* и под., входящие в ту же ритмическую группу, не имеют в данном случае самостоятельной ценности). Основная сфера бытования этой формы — институциональная коммуникация, в частности общение с клиентом в сфере сервиса, ср.:

(27) [Антонина, жен] ***Смотрите*** / *на данный момент / если мы рассматриваем с вами Андорру на четырнадцатое марта на неделю на двух взрослых / то у меня минимальная стоимость выходит от ээ шестидесьти тысяч.* [Телефонный разговор с менеджером турагентства / / Из коллекции НКРЯ, 2015]

Контекст употребления формы *смотрите* в подобных случаях, как правило, одинаков: она используется в ответных репликах представителя сервисной организации, следующих за вопросом или просьбой клиента и раскрывающих содержание той или иной услуги и ее стоимость.

Другая разновидность институциональной коммуникации, в которой также широко представлена рассматриваемая форма, — это интервью, беседа журналиста с известным лицом (политиком, ученым и т. д.). Здесь также наблюдается асимметрия, связанная с употреблением формы *смотрите* преимущественно приглашенным гостем, ср.:

(28) [депутат, Ковалев, муж] *Вы знаете / просто ключевой вопрос сегодняшнего дня. Я / извините / употреблю / может быть / не совсем слово по адресу / я счастлив / что вы задались этим вопросом. Ведь* ***смотрите*** */ вот убийство Юшенкова / каково этому парню было / которого общественное мнение в течение почти месяца зачислило в убийцы.* [Беседа об «оборотнях в погонах» в эфире радиостанции «Эхо Москвы» (2003–2004)].

Впрочем, есть и случаи, где данная форма употребляется журналистом, ср.:

(29) [журналист, Венедиктов, муж] ***Смотрите*** */ Сергей / вот будут выборы парламентские / когда страна или там часть страны (на сегодняшний день / по опросам / 56 % людей уже точно знают / что пойдут на выборы) пойдет голосовать / но голосовать-то они будут за партии.* [Беседа А. Венедиктова с С. Глазьевым в эфире радиостанции «Эхо Москвы» (2003–2004)]

Разумеется, имеются примеры также из бытовой (неофициальной) коммуникации, где, естественно, чаще встречается форма *смотри*, ср.:

(30) *«Это и правда совсем недолго, — сказала она. —* ***Смотри****: сейчас февраль, потом март, апрель, май, июнь…» — «В июле я приеду, — перебил я. — Я уже договорился насчет преддипломной».* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]

Резонно задаться вопросом, почему именно в последние полтора-два десятка лет произошла заметная активизация *смотри / смотрите* в значении, связанном с привлечением внимания собеседника, акцентированием сказанного. Как нам кажется, тому есть несколько причин.

Во-первых, мощное влияние английского языка, которое наиболее заметно сказывается именно на лексической системе. В нашем случае речь идет о калькировании распространенного употребления

английского глагола *look* в значении вводного слова, который также занимает инициальную позицию в предложении и служит для привлечения внимания собеседника. При этом английское *look* и русские формы *смотри* / *смотрите* не кажутся вполне тождественными в семантическом отношении.

Во-вторых, бурное развитие средств массовой информации в перестроечный и постперестроечный период: возникновение большого числа радиостанций и телеканалов, эфир которых заполнили разнообразные интервью, беседы, ток-шоу. Формат обсуждения в студии предполагает привлечение внимания к тем или иным аспектам обсуждаемой темы, которые обычно не подкреплены наглядными иллюстрациями (в обратном случае глагол *смотреть* употребляется в своем основном значении).

В-третьих, произошедшее в то же время расширение сферы услуг и кардинальным образом изменившийся баланс между спросом и предложением. Характерное для рыночной экономики преобладание предложения над спросом радикально изменило характер коммуникации в этой сфере: у продавца (менеджера, агента и т. д.) появилась потребность убедить покупателя (клиента) приобрести товар или услугу. Соответственно, реплики первого стали любезными, развернутыми и многословными. Помимо этого, у продавца возникла необходимость показать свою осведомленность в вопросе, компетентность и опыт. Употребление формы *смотрите* представителями сферы сервиса, как кажется, не только служит для привлечения внимания клиента, но и активирует производное значение глагола *смотреть*, связанное с интеллектуальным восприятием (ср. феномен вторичной активации в [Langacker 1988: 68–69]). Произнося *смотрите*, продавец подразумевает, что он сам хорошо разбирается в вопросе, и одновременно льстит покупателю, ожидая и от него способности понять объяснения.

Кроме отмеченных соображений социолингвистического характера, на укрепление форм *смотри* / *смотрите* в современной речи, по-видимому, влияет и структурный фактор. Если вновь обратиться к обзору нашего материала, можно видеть, что лексикализованные формы перцептивных глаголов широко используются в качестве дискурсивных маркеров, служащих для установления, поддержания и регулирования коммуникации (ср. [San Roque et al. 2018]). В частности, для привлечения внимания традиционно используются формы *видишь* / *видите (ли), слышишь* / *слышите,* и *слушай* / *слушайте*, зафиксированные как отдельные словарные единицы еще (по крайней мере) в словаре под

редакцией Д. Н. Ушакова [ТСРЯ]. Добавление к ним маркера *смотри* / *смотрите* завершает своеобразную микросистему, образованную формами 2-го лица от основных сенсорных и сенсомоторных глаголов чувственного восприятия (доминант соответствующих лексико-семантических подгрупп). В свете всего вышесказанного происходящая на наших глазах активизация данной формы выглядит вполне закономерной.

Литература

Васильев 1971 — Л. М. Васильев. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // Очерки по семантике русского глагола. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 1971. С. 38–310. Там всю книгу фактически занимает его статья

Васильев 1981 — Л. М. Васильев. Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981.

Кретов 1981 — А. А. Кретов. Организация лексико-семантической группы зрительного восприятия в индоевропейских языках // Семантические категории сопоставительного изучения русского языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1981. С. 107–114.

Майсак 2005 — Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Скребцова 2018 — Т. Г. Скребцова. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Языки славянской культуры, 2018.

Brinton, Traugott 2005 — L. J. Brinton, E. C. Traugott. Lexicalization and language change. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Goldberg 1995 — A. E. Goldberg. Constructions: A Construction grammar approach to argument structure. Chicago: The University of Chicago Press, 1995.

Langacker 1988 — R. W. Langacker. A view of linguistic semantics // B. Rudzka-Ostyn (ed.). Topics in cognitive linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 1988. P. 49–90.

San Roque et al. 2018 — L. San Roque, K. H. Kendrick, E. Norcliffe, A. Majid. Universal meaning extensions of perception verbs are grounded in interaction // Cognitive Linguistics. 2018. Vol. 29. Iss. 3. P. 371–406.

Sweetser 1990 — E. Sweetser. From etymology to pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Van de Velde 2014 — F. Van de Velde. Degeneracy: the maintenance of constructional networks // R. Boogaart, T. Colleman, G. Rutten (eds.). Extending the scope of construction grammar. Berlin: De Gruyter, 2014. P. 141–179.

Источники

БАС-1 — Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

БАС-2 — Словарь современного русского литературного языка. Изд. 2-е, перераб. и доп. Тт. 1–6 / Гл. ред. К. С. Горбачевич. М.: Русский язык, 1991–1994.

БАС-3 — Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич (тт. 1–9), А. С. Герд (тт. 10–). Тт. 1–24 (А — Скорбь). М.; СПб.: Наука, 2004–2019.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Автор и рук. проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.

ЛСГ — Лексико-семантические группы русских глаголов: Учеб. слов.-справ. / Под общей редакцией Т. В. Матвеевой. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988.

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.

МАС — Словарь русского языка: в 4-х т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1981–1984.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия, 1935–1940.

References

Brinton, Traugott 2005 — L. J. Brinton, E. C. Traugott. Lexicalization and language change. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Goldberg 1995 — A. E. Goldberg. Constructions: A Construction grammar approach to argument structure. Chicago: The University of Chicago Press, 1995.

Kretov 1981 — A. A. Kretov. Organizatsiya leksiko-semanticheskoy gruppy zritelnogo vospriyatiya v indoevropeyskikh yazykakh [The structure of the visual perception verbs' lexical group in the Indo-European languages]. Semanticheskie kategorii sopostavitelnogo izucheniya russkogo yazyka [Semantic categories of the comparative study of the Russian language]. Voronezh: The Voronezh University Press, 1981. P. 107–114.

Langacker 1988 — R. W. Langacker. A view of linguistic semantics. B. Rudzka-Ostyn (ed.). Topics in cognitive linguistics. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1988. P. 49–90.

Maysak 2005 — T. A. Maysak. Tipologiya grammatikalizatsii konstruktsiy s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii [Typology of grammaticalization paths of motion and posture verbs]. Moscow: LRC Publishing House, 2005.

San Roque L. et al. 2018 — L. San Roque, K. H. Kendrick, E. Norcliffe, A. Majid. Universal meaning extensions of perception verbs are grounded in interaction. Cognitive Linguistics. 2018. Vol. 29. Iss. 3. P. 371–406.

Skrebtsova 2018 — T. G. Skrebtsova. Kognitivnaya lingvistika: klassicheskie teorii, novye podkhody [Cognitive linguistics: classical theories, novel approaches]. Moscow: LRC Publishing House, 2018.

Sweetser 1990 — E. Sweetser. From etymology to pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Van de Velde 2014 — F. Van de Velde. Degeneracy: the maintenance of constructional networks. R. Boogart, T. Colleman, G. Rutten (eds.). *Extending the scope of construction grammar*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014. P. 141–179.

Vasilev 1971 — L. M. Vasilev. Semanticheskie klassy glagolov chuvstva, mysli i rechi [Lexical classes of the verbs of perception, intellect and speech]. *Ocherki po semantike russkogo glagola* [Essays on the Russian Verb Semantics]. Ufa: The Bashkir State University Press, 1971. P. 38–310.

Vasilev 1981 — L. M. Vasilev. Semantika russkogo glagola [The Russian Verb Semantics]. Moscow: Vysshaya shkola, 1981.

Sources

BAS-1 — Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. [A standard dictionary of the modern Russian language: in 17 vol.] Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR Publishing House, 1948–1965.

BAS-2 — Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. [A Standard dictionary of the modern Russian language]. 2nd ed. Vols. 1–6. Moscow: Russkiy yazyk, 1991–1994.

BAS-3 — Bolshoy akademicheskiy slovar russkogo yazyka [The Great Academic dictionary of the Russian language]. Eds.-in-chief: K. S. Gorbachevich (vols. 1–9), A. S. Gerd (vols. 10–…). Vols. 1–24 (A–Skorb). St. Petersburg: Nauka, 2004–2019.

BTS — Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka. [A Comprehensive dictionary of the Russian language]. Ed.-in-chief S. A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 2000.

LSG — Leksiko-semanticheskie gruppy russkikh glagolov: Ucheb. slov.-sprav. [Lexical groups of the Russian verbs: A reference book]. Ed.-in-chief T. V. Matveeva. Sverdlovsk: The Ural University Press, 1988.

LES — Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar [Encyclopedic dictionary of linguistics]. Ed.-in-chief V. N. Yartseva. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990.

MAS — Slovar russkogo yazyka: v 4 t. [A Dictionary of the Russian language: in 4 vol.]. Ed.-in-chief A. P. Evgeneva. Moscow: Russkiy yazyk, 1981–1984.

TSRYa — Tolkovyy slovar russkogo yazyka: v 4 t. [A Dictionary of the Russian Language: in 4 vol.]. Ed.-in-chief D. N. Ushakov. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1935–1940.

Сведения об авторах

Андросова Светлана Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, Благовещенск. Электронная почта: androsova_s@mail.ru.

Асенова Петя — PhD, профессор кафедры общего, индоевропейского и балканского языкознания факультета славянских филологий Софийского университета им. св. Климента Охридского (Болгария). Электронная почта: petyaass@gmail.com.

Булатова Надежда Яковлевна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: bulatovany@gmail.com.

Верховцев Дмитрий Владимирович — аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. Электронная почта: dverhovtcev@gmail.com.

Винисторфер Оливье — PhD, ассистент отделения славянских языков и литератур факультета философии Цюрихского университета (Швейцария). Электронная почта: olivier-andreas.winistoerfer@uzh.ch.

Власова Екатерина Александровна — кандидат филологических наук, старший преподаватель школы лингвистики факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва; соискатель докторской степени Хельсинкского университета, Финляндия. Электронная почта: je.vlasova@yandex.ru.

Вукович Теодора — MA, аспирант отделения славянских языков и литератур факультета философии Цюрихского университета (Швейцария). Электронная почта: teodora.vukovic2@uzh.ch.

Дескали Винченцо — PhD, ассистент отделения английского языка и литературы факультета гуманитарных наук Хемницкого технического университета (Германия). Электронная почта: vincenzo.dheskali@s2015.tu-chemnitz.de.

Дмитренко Сергей Юрьевич — кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: dmitrserg@mail.ru.

Дронов Павел Сергеевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра теории и практики коммуникации им. Ю. С. Степанова (НОЦ ТиПК), Институт языкознания РАН, Москва. Электронная почта: dronov@iling-ran.ru.

Дьячков Вадим Викторович — кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН, Москва. Электронная почта: hyppocentaurus@mail.ru.

Елоева Фатима Абисаловна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: fatimaeloeva@yandex.ru.

Зорин Александр Валерьевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела рукописей и документов Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: kawi@yandex.ru.

Карева Наталия Владимировна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: natasha.titova@gmail.com.

Кисилиер Максим Львович — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания им. Л. А. Вербицкой филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; старший научный сотрудник отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: m.kisilier@spbu.ru.

Клименок Ксения Сергеевна — магистрант кафедры общего языкознания им. Л. А. Вербицкой филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Электронная почта: ksenchenk@yandex.ru.

Конер Дарья Владимировна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела сравнительно-исторического изучения

индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: dsuetina@yandex.ru.

Корди Елена Евгеньевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории типологического исследования языков Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: kordi2005@mail.ru.

Логинов Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина. Электронная почта: avloginov@msal.ru.

Макарова Анастасия Леонидовна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отделения славянских языков и литератур факультета философии Цюрихского университета (Швейцария). Электронная почта: anastasia.makarova@uzh.ch.

Макарцев Максим Максимович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН, Москва; научный сотрудник Института славистики Университета им. Карла фон Осецкого, Ольденбург (Германия). Электронная почта: maxim.makartsev@uni-oldenburg.de.

Марку Христина — PhD, профессор отделения языка, литературы и культуры стран Причерноморья факультета классических и гуманитарных наук Фракийского университета им. Демокрита, Комотини (Греция). Электронная почта: cmarkou@bscc.duth.gr.

Матвеев Евгений Михайлович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: ematveev@list.ru.

Морозова Мария Сергеевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург; старший преподаватель кафедры общего языкознания им. Л. А. Вербицкой филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Электронная почта: morozovamaria86@gmail.com.

Морозова Ольга Николаевна — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Амурского государственного

университета, научный сотрудник Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Амурского государственного университета, Благовещенск. Электронная почта: morozova_olga06@mail.ru.

Николс Джоханна — PhD, почетный профессор отделения славянских языков и литератур Университета Калифорнии, Беркли (США); научный руководитель Международной лаборатории языковой конвергенции факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва; приглашенный профессор факультета искусств Университета Хельсинки (Финляндия). Электронная почта: johanna@berkeley.edu.

Овсянникова Мария Александровна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела теории грамматики Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: dsuetina@yandex.ru.

Онуфриева Елизавета Сергеевна — аспирант кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Электронная почта: lisa.onufrieva@gmail.com.

Пак Екатерина Владимировна — аспирант Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: ekaterina.v.pak@gmail.com.

Пивоваров Евгений Григорьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Академии наук и научных учреждений Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Электронная почта: pivovaro@mail.ru.

Русаков Александр Юрьевич — доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург; профессор кафедры общего языкознания им. Л. А. Вербицкой филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Электронная почта: ayurusakov@gmail.com.

Сай Сергей Сергеевич — кандидат филологических наук, заведующий лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, доцент кафедры

общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета. Электронная почта: serjozhka@yahoo.com.

Сквайрс Екатерина Ричардовна — доктор филологических наук, профессор кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; главный научный сотрудник Научно-исследовательского отдела редкой книги (Музей книги) Российской государственной библиотеки, Москва. Электронная почта: skvayrs@gmail.com.

Скребцова Татьяна Георгиевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: t.skrebtsova@yandex.ru.

Соболев Андрей Николаевич — доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: sobolev@staff.uni-marburg.de.

Спатарь Наталья Максимовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории типологического исследования языков Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: natalia.spatar@gmail.com.

Стрыгина Мария Олеговна — выпускница отделения теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Электронная почта: heyitsmaria@yandex.ru

Трофимов Артём Александрович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории востоковедения и компаративистики школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ, Москва. Электронная почта: artemii.trofimov@gmail.com

Contributors

Androsova Svetlana V. — Doct. Sc. in Philology, professor of the Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk. E-mail: androsova_s@mail.ru.

Assenova Petya — Doct. Sc. in Philology, Professor of the Department of General, Indo-European and Balkan Linguistics, Faculty of Slavic Studies, Sofia University "St. Kliment Ohridski" (Bulgaria). E-mail: petyaass@gmail.com.

Bulatova Nadezhda Ya. — Cand. Sc. in Philology, Researcher of the Institute for Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: bulatovany@gmail.com.

Dheskali Vincenzo — PhD, Research assistant of the Department of English Language and Linguistics, Faculty of Humanities, Chemnitz University of Technology (Germany). E-mail: vincenzo.dheskali@s2015.tu-chemnitz.de.

Dmitrenko Sergey Yu. — Cand. Sc. in Philology, Deputy director, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: dmitrserg@mail.ru.

Dronov Pavel S. — Cand. Sc. in Philology, Senior Researcher of the Yuri Stepanov Centre for Theory and Practice of Communication, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: dronov@iling-ran.ru.

Dyachkov Vadim V. — Cand. Sc. in Philology, Researcher of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: hyppocentaurus@mail.ru.

Loginov Aleksandr V. — Cand. Sc. in History, Associate Professor of the Institute of Foreign Languages, Kutafin Moscow State Law University. E-mail: avloginov@msal.ru.

Eloeva Fatima A. — Doct. Sc. in Philology, Leading Researcher of the Department of Comparative and Areal Linguistics, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: fatimaeloeva@yandex.ru.

Kareva Natalia Vladimirovna — Cand. Sc. in Philology, Senior Researcher of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: natasha.titova@gmail.com.

Kisilier Maxim L. — Cand. Sc. in Philology, Docent of the Department of General Linguistics, Faculty of Philology, St. Petersburg State University; Senior Researcher of the Department of Comparative and Areal Linguistics, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: m.kisilier@spbu.ru

Klimenok Ksenia S. — MA Student of the Department of General Linguistics, Faculty of Philology, St. Petersburg State University. E-mail: ksenchenk@yandex.ru

Konior Daria V. — Cand. Sc. in Philology, Junior Researcher of the Department of Comparative and Areal Linguistics, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: dsuetina@yandex.ru.

Kordi Elena E. — Dr. Sc. in Philology, Leading Researcher of the Laboratory of Linguistic Typology, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: kordi2005@mail.ru.

Makarova Anastasia L. — Cand. Sc. in Philology, Researcher of the Department of Slavonic Languages and Literatures, Faculty of Arts and Social Sciences, University of Zurich (Switzerland). E-mail: anastasia.makarova@uzh.ch.

Makartsev, Maxim M. — Cand. Sc. in Philology, Senior Researcher of the Department of Typology and Comparative Linguistics, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia); wissenschaftlicher Mitarbeiter, Insitut für Slavistik, Carl von Ossietzky Universität Oldenburg (Germany). E-mail: maxim.makartsev@uni-oldenburg.de.

Markou Christina — Doct. Sc., Associate Professor of the Department of Language, Literature and Culture of Black Sea Countries, School of Classics and Humanities, Democritus University of Thrace, Komotini (Greece). E-mail: cmarkou@bscc.duth.gr.

Matveev Evgeniy M. — Cand. Sc. in Philology, Senior Researcher of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: ematveev@list.ru.

Morozova Maria S. — Cand. Sc. in Philology, Senior Researcher of the Department of Comparative and Areal Linguistics, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; Senior Lecturer

of the Department of General Linguistics, Faculty of Philology, St. Petersburg State University. E-mail: morozovamaria86@gmail.com.

Morozova Olga N. — Cand. Sc. in Philology, Chief of the Department of Foreign Languages, researcher of the Experimental Phonetics Laboratory, Amur State University, Blagoveshchensk. E-mail: morozova_olga06@mail.ru.

Nichols Johanna — PhD, Professor emeritus of the Department of Slavic Languages and Literatures, University of California, Berkeley (USA); Research supervisor at the Linguistic convergence laboratory, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow visiting professor at the Faculty of Arts, University of Helsinki (Finland). E-mail: johanna@berkeley.edu.

Onufrieva Elizaveta S. — PhD student of the Department of Byzantine and Modern Greek Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. E-mail: lisa.onufrieva@gmail.com.

Ovsjannikova Maria A. — Cand. Sc. in Philology, Researcher of the Department of the Theory of Grammar, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: dsuetina@yandex.ru

Pak Ekaterina V. — Postgraduate Student of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: ekaterina.v.pak@gmail.com.

Pivovarov Evgeny Grigorevich — Doct. Sc. in History, Leading Researcher of the St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Natural Sciences and Technology, Russian Academy of Sciences. E-mail: pivovaro@mail.ru.

Rusakov Alexander Yu. — Doct. Sc. in Philology, Chief Researcher of the Department of Comparative and Areal Linguistics, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; Professor of the Department of General Linguistics, Faculty of Philology, St. Petersburg State University. E-mail: ayurusakov@gmail.com.

Say Sergey S. — Cand. Sc. in Philology, Head of the Laboratory of the Typological Study of Languages of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; Associate Professor of the Department of General Linguistics, St. Petersburg State University. E-mail: serjozhka@yahoo.com.

Skrebtsova Tatiana G. — Cand. Sc. in Philology, Senior researcher at the Department of lexicography of the modern Russian language, Institute for

Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: t.skrebtsova@yandex.ru.

Sobolev Andrey N. — Doct. Sc. in Philology, Chief Researcher of the Department of Comparative and Areal Linguistics, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: sobolev@staff.uni-marburg.de.

Spatari Natalia M. — Cand. Sc. in Philology, Senior Researcher of the Laboratory of Linguistic Typology, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: natalia.spatar@gmail.com.

Squires Catherine — Doct. Sc. in Philology, Professor of the Chair for Germanic and Celtic Philology, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State Universaity; Principal Researcher of the Department for Rare Books, Russian State Library, Moscow. E-mail: skvayrs@gmail.com.

Strygina Mariia O. — graduate of the department of theoretical and applied linguistics, Lomonosov Moscow State University. Электронная почта: heyitsmaria@yandex.ru.

Trofimov Artem A. — Cand. Sc. in Philology, Senior Researcher of the Scientific and Research Laboratory of Oriental Studies and Comparative Linguistics, School for Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. E-mail: artemii.trofimov@gmail.com

Verkhovtsev Dmitry V. — Postgraduate Student of the Institute of History, St. Petersburg State University. E-mail: dverhovtcev@gmail.com.

Vlasova, Ekaterina A. — Cand. Sc. in Philology, Assistant Professor of the Faculty of Humanities, School of Linguistics, National Research University Higher School of Economics, Moscow; PhD Candidate, Helsinki University (Finland). E-mail: je.vlasova@yandex.ru.

Vuković Teodora — MA, PhD Student of the Department of Slavonic Languages and Literatures, Faculty of Arts and Social Sciences, University of Zurich (Switzerland). E-mail: teodora.vukovic2@uzh.ch.

Winistörfer Olivier — PhD, Assistant of the Department of Slavonic Languages and Literatures, Faculty of Arts and Social Sciences, University of Zurich (Switzerland). E-mail: olivier-andreas.winistoerfer@uzh.ch.

Zorin Alexander V. — Cand. Sc. in Philology, Senior Researcher of the Department of Manuscripts and Documents, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: kawi@yandex.ru.

Этические требования

1. Этика научных публикаций

Международный журнал «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» — научное периодическое издание, не имеющее политической, идеологической, религиозной или иной направленности; деятельность журнала связана исключительно с академической наукой. Все участники редакционного и издательского процесса (авторы, рецензенты, редакторы и члены редакционной коллегии) обязаны учитывать это и следовать указанным ниже этическим стандартам, основанным на рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (COPE).

2. Авторство работы

Автор гарантирует, что рукопись, подаваемая для публикации в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» является оригинальным текстом, и подтверждает свои исключительные авторские права на эту публикацию. В случае совместной работы материалы для публикации может подать один из авторов, указав всех соавторов и предоставив необходимую и достоверную информацию о них.

Автору следует указать организации и учреждения, предоставившие финансовую поддержку или оказавшие содействие в создании рукописи, при наличии таковых.

Автор обязан в полном объеме указать все источники информации, используемые в работе, включая источники (опубликованные и неопубликованные), исследовательскую литературу (в том числе собственные ранее опубликованные работы) и данные информантов (при публикации результатов полевых исследований). Автор обязан соответствующим образом оформить ссылки на использованные в работе

труды или утверждения других авторов. Любая форма плагиата неприемлема. Автоплагиат, т. е. попытка повторной публикации собственной ранее опубликованной работы без существенных изменений, также неприемлем. Подача рукописи работы одновременно более чем в один журнал для публикации недопустима. Научный архив автора, на котором основано исследование и работа, должен быть при необходимости доступен к рассмотрению на период не менее двух лет.

В случае нарушения любого из перечисленных выше правил редакционная коллегия может отказать в публикации рукописи в любое время, в том числе на этапе предварительного рассмотрения, без привлечения рецензентов, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Внесение автором любых изменений в текст, прошедший этап рецензирования и принятый к публикации, допустимо только с согласия редакционной коллегии. Автор может отозвать принятую рукопись до того, как материалы будут отправлены для редактирования. В случае если автор отзывает рукопись по завершении процесса редактирования, редакционная коллегия вправе отказать в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Автор обязуется не размещать в открытом доступе любые принятые к публикации, но еще не опубликованные материалы. В случае нарушения этого правила редакционная коллегия вправе снять рукопись с публикации, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

3. Авторское право и открытый доступ

В соответствии с Будапештской инициативой по открытому доступу к научным публикациям (Budapest Open Access Initiative, BOAI) журнал «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» обеспечивает свободный доступ к опубликованным материалам, руководствуясь принципом поддержки глобального обмена знаниями. Какие-либо сборы за публикацию в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» с авторов не взимаются.

При отправке материалов для публикации в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» автор выражает согласие с тем, что принятие этих материалов

к публикации подразумевает их дальнейшее распространение в соответствии с лицензией Creative Commons | Attribution-NoDerivatives, допускающей распространение материалов в коммерческих и некоммерческих целях, если оно осуществляется без каких-либо изменений текста и с указанием авторства. Вместе с тем за автором в полном объеме сохраняются авторские права на опубликованную работу.

4. Достоверность информации

Представляя рукописи для публикации в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований», авторы несут ответственность за тщательную проверку информации, содержащейся в их работе, во избежание неточных ссылок или отсутствия необходимых ссылок на источники. Если в процессе редактирования материалов, принятых к публикации, автор обнаруживает ошибки или неточности, он должен незамедлительно уведомить редактора и доработать статью или, при наличии существенных ошибок, требующих полной ревизии текста, отозвать рукопись.

В журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» не допускается клевета. Автор должен избегать личных нападок, пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других ученых.

Авторы несут ответственность за достоверность всех данных, опубликованных в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований». Если после публикации обнаружено нарушение вышеуказанных правил, редакционная коллегия имеет право опубликовать опровержение в следующем выпуске, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

5. Процесс рецензирования

Представленные рукописи оцениваются по принципу двойного анонимного рецензирования; это означает, что все материалы направляются рецензентам в анонимной форме (файлы и метаданные не содержат информации об авторах).

Члены редакционной коллегии или другие участники процесса публикации не имеют права сообщать рецензентам имен авторов до принятия окончательного решения относительно публикации представленных рукописей.

Если рецензент узнает автора рассматриваемой статьи и обнаруживает конфликт интересов, он должен сообщить об этом редактору и отказаться от рецензирования. Контакты между рецензентом и автором, поддерживаемые за пределами сферы ответственности редакционной коллегии, не являются достаточным основанием для смены рецензента.

Имя рецензента может быть раскрыто автору редакционной коллегией только по просьбе самого рецензента и только после принятия окончательного решения относительно публикации представленной рукописи.

Рецензия должна быть объективной и беспристрастной, личная критика в адрес автора не допускается. Все комментарии и рекомендации по улучшению работы должны быть высказаны в корректной форме, а замечания аргументированы. Рецензенты могут рекомендовать автору проработать дополнительную литературу, касающуюся темы представленной рукописи и отсутствующую в списке использованной литературы. Рецензент обязан обратить внимание редакционной коллегии на любые признаки плагиата.

Рецензирование работы должно быть завершено в установленный журналом срок; в ряде случаев публикация работы может быть перенесена на следующий год.

6. Обязанности членов редакционной коллегии

На всех этапах редакционного и издательского процесса редакционная коллегия журнала обеспечивает следующее:

— предварительное рассмотрение рукописей авторов;
— выбор рецензентов для экспертизы в соответствии с их научными интересами;
— соблюдение конфиденциальности в процессе двойного анонимного рецензирования;
— решение о принятии, отказе в публикации или назначении дополнительной экспертизы в зависимости от заключения рецензента;

— все члены редакционной коллегии должны быть в курсе содержания текущего выпуска;
— члены редакционной коллегии могут оказывать посильную помощь авторам в вычитке статей;
— корректуру выпуска перед публикацией в бумажном формате и в сети Интернет.

Главный редактор координирует работу редакционной коллегии и принимает решения по ключевым вопросам, а также дает разрешение на печать выпуска и его публикацию в сети Интернет. Входя в состав редакционной коллегии, главный редактор гарантирует строгое соблюдение всех этических стандартов, изложенных в настоящем документе.

Редакторы не вправе злоупотреблять служебным положением и должны соблюдать беспристрастность и объективность по отношению ко всем участникам редакционного и издательского процесса вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных убеждений, этнической принадлежности, гражданства или политических предпочтений. Материалы, представленные для публикации в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований», рассматриваются исключительно с точки зрения их научной ценности с соблюдением принципа двойного анонимного рецензирования.

Конфликт интересов редакторов и авторов предоставляемых для публикации рукописей недопустим. В случае возникновения конфликта интересов работы авторов должны быть направлены на рассмотрение другому редактору.

Редакционная коллегия гарантирует высокий научный уровень материалов, публикуемых в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований», и, при необходимости, обязана публиковать исправления, разъяснения и извинения.

7. Редакционная коллегия

Международная редакционная коллегия журнала «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» является высшим руководящим и контролирующим органом журнала. Члены редакционной коллегии имеют право принятием коллективного

решения приостановить или отклонить публикацию материалов, прошедших процедуру двойного анонимного рецензирования. Рукописи членов редакционной коллегии, представленные для публикации в журнале «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований», рассматриваются на общих основаниях, вне зависимости от вхождения автора в состав редакционной коллегии.

Благодаря научному авторитету, географическому охвату и принципу коллегиальности международная редакционная коллегия журнала «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» гарантирует соответствие опубликованных материалов международным стандартам научной и редакционной этики. Все конфликты, возникающие между участниками редакционного и издательского процесса, должны решаться при непосредственном вмешательстве редакционной коллегии.

8. Язык публикаций

Журнал «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» принимает рукописи статей на русском, английском, французском и немецком языках. Если язык статьи не является для автора родным, рекомендуется, во избежание возможных недоразумений, проконсультироваться с компетентным носителем соответствующего языка.

Все метаданные статей представлены на веб-сайте журнала на русском и английском языках.

Publication ethics and publication malpractice statement

1. Publication ethics

The international journal Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies is an academic periodical with no political, ideological, confessional, or other agendas; therefore the journal's activities are solely for the sake of scholarship. All participants in the editorial and publishing process (Authors, Reviewers, Editors, and Editorial Board Members) should keep this in mind and follow the ethical standards outlined below, which are based on the recommendations of the Committee on Publication Ethics (COPE).

2. Authorship issues

When submitting a paper to publish in Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies, the Author thereby confirms his or her authorship. In the case of a collaborative work, one of the Authors may submit material for publication provided that all coauthors are listed with all necessary and correct information about them.

If there are agencies or other entities that contributed to the content or provided funding or support for the work submitted, the Author should clearly identify them. If necessary, the Author should express gratitude to colleagues who have made a contribution to the submitted work.

The Authors must present in full all sources of information used in the work, including lists of sources (both published and unpublished), research literature (including the Authors' own previously published works), and informants (when publishing the results of field studies). The Authors should ensure that if they have used the work and/or words of others, this has been appropriately cited or quoted. Any form of plagiarism is unacceptable. Self-plagiarism, i.e., the attempt to republish one's own previously

published work without significant changes to it, is similarly unacceptable. Concurrent submission of the same work to Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies and to any other publication is prohibited. The research archive used by the Author should be accessible upon request for the period of at least two years.

In case of violation of any of the rules listed above, the Editorial Team is entitled to refuse to publish the materials at any time, including during preliminary consideration, without involving reviewers, and also not to proceed with the publication of any work from the Author for a period of three years.

Any changes added by the Author to a text that has been peer-reviewed and accepted for publication can be made only in coordination with the Editorial Team. An Author can withdraw an accepted work only before the materials have been sent out for editing. If the Author absolutely wishes to withdraw the material from publication after the editorial work has been done, the Editorial Team is entitled to refuse to consider publication of any work submitted by this Author for a period of three years.

It is unacceptable for an Author to place into the public domain any materials that have been accepted for publication and sent for editing but which have not yet been published. If this rule is violated, the Editorial Team is entitled to withdraw these materials and to refuse to consider publication of any work by the Author for a period of three years.

3. Copyright and open access

The journal Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies has agreed to the Budapest Open Access Initiative and therefore provides immediate open access to its content on the principle that making research freely available to the public supports a greater global exchange of knowledge. At the same time, the Authors are not charged any fees for publication in Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies.

When sending materials for consideration by the journal Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies, the Authors agree that the acceptance of these materials for publication ensures their redistribution in accordance with the license Creative Commons | Attribution-NoDerivatives (this allows for redistribution, commercial and

non-commercial, as long as it is passed along unchanged and in its entirety, with attribution). At the same time, copyright remains in full with the Authors.

4. Accuracy of information

The Authors of the papers submitted to the journal Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies are responsible for detailed verification of all the information contained in their work in order to avoid inaccurate references to sources or the omission of necessary references. If, in the process of editing the materials accepted for publication, the Author discovers mistakes or inaccuracies, he or she must notify the Editor as soon as possible and either withdraw the publication (in the case of significant errors requiring a complete revision of the text) or correct it.

The Author must avoid personal attacks, disparaging remarks, and accusations against other scholars. Defamation is not allowed in the journal Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies.

The Authors are responsible for the accuracy of all data published in the journal Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies. If a violation of the above rules is discovered after publication, the Editorial Team is entitled to publish a refutation in the next issue and also not to proceed with any work from the defaulting Author for a period of three years.

5. Review process

All submitted papers are evaluated on the principle of double-blind peer review, which means that all materials are sent to the Reviewers in anonymized form (the files contain no information about the Authors and information is also deleted from the metadata of the submitted files).

None of the members of the Editorial Team or any other participants in the publication process is allowed to disclose the Authors' names to Reviewers before the final decision regarding the publication of the submitted papers.

If a Reviewer recognizes the Author of the article being reviewed and discovers a conflict of interest, he or she is to inform the Editor of this and recuse himself or herself. Contacts between the Reviewer and the Author maintained outside of the Editorial Team's responsibilities are not sufficient grounds for disqualification of the Reviewer.

The Reviewer's name can be disclosed to the Author by the Editorial Team only at the request of the Reviewer and only after the final decision regarding the publication of the submitted materials.

The review should be objective and impartial and must not contain personal attacks against the Author. All comments and suggestions for improving the work should be made in polite form, and all criticism should be justified. Reviewers are encouraged to recommend additional publications relating to the submitted work for which there are no references. The Reviewer should also draw the attention of the Editorial Team to any evidence of plagiarism.

The review should be completed within the time frame established by the journal; the appointment of reviewers, reviewing, acceptance, editing and publication can take over 12 months.

6. Duties of the Editorial Team members

Managing / Academic Editors provide for all stages of the editorial and publishing process:

— preliminary consideration of the Authors' submissions;
— selecting the Reviewers in accordance with their research interests;
— maintaining confidentiality during the double-blind review process;
— deciding on acceptance, rejection, or submission to additional peer review, depending on the Reviewers' reports;
— notifying members of the Editorial Board of the current issue data;
— sending the edited materials to the Layout Editor and facilitating the Authors' proofreading of the galleys;
— control proofreading (reconciliation) of the issue before its publication online and in hard copy.

The Editor-in-Chief coordinates all the work of the Editorial Team and makes decisions on key issues; he or she also releases issues for printing and

gives permission for publication on the website. Also, as a member of the Editorial Team and the Editorial Board, the Editor-in-Chief fully guarantees strict compliance with all ethical standards set forth herein.

All Editors must be careful not to abuse their official position and they are to maintain their impartiality and objectivity toward all participants in the editorial and publishing process regardless of race, gender, sexual orientation, religious belief, ethnic origin, nationality, or political opinion. The materials submitted by the Editors for publication in the journal Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies are considered solely on their scholarly merit and with the observance of the principle of double-blind peer review.

There must be no conflict of interest between the Editors and the Authors of the materials accepted or rejected for publication. In case such conflict occurs, the Authors' materials are to be sent to another Editor.

The Editorial Team ensures the high academic quality of the materials published in the journal Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies and, if necessary, is obliged to publish corrections, clarifications, and apologies.

7. Editorial Board

The international Editorial Board of the journal Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies is the supreme governing and controlling body of the periodical. The Editorial Board members, by means of collective decision, have the right to suspend or reject the publication of materials that have gone through double-blind peer review. Papers written by members of the Editorial Board that are submitted for publication in the journal Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies are considered on their own merit, without regard for their Author's position on the Board.

Due to its academic authority, geographical coverage, and the principle of collegiality, the international Editorial Board of the journal Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies guarantees that the published content meets international standards of scholarly and editorial ethics. All conflicts arising between the participants of the editorial and publishing process are to be resolved through the direct involvement of the Editorial Board.

8. Our languages

The journal Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies accepts papers in Russian, English, French or German. If the paper is written in a non-native language, the Authors are advised to consult a qualified native-speaking editor in order to avoid possible misunderstanding.

All metadata of the papers are reflected on the website of the journal in Russian and English.

Содержание

I. Балканские языки и диалекты: корпусные и квантитативные исследования

От редакторов 9

П. Асенова, Х. Марку
К проблеме эвиденциальности
в языках балканского языкового союза 11

V. Dheskali
Shprehje *mbrojtëse* ‘hedges’ and *përforcues* ‘boosters’:
A corpus analysis of student academic texts in Albanian (L1)
and English (L2) 54

П. С. Дронов
Употребление и лексико-грамматические изменения идиом
с соматическими компонентами *glava* ‘голова’, *vrat* ‘шея’
в сербском и хорватском языках: корпусное исследование . . . 77

Ф. А. Елоева, М. Л. Кисилиер
Предлог απο с номинативом в новогреческом языке:
об одной особенности падежного управления 102

К. С. Клименок
Глаголы движения *shkoj* ‘идти’ и *vij* ‘приходить’
в албанском языке: корпусное исследование 127

А. Л. Макарова, Д. В. Конёр, Т. Вукович, А. Н. Соболев,
О. Винисторфер
Автоматический метод языкового профилирования
носителя диалекта (на материале восточносербского
идиома села Берчиновац) 160

М. М. Макарцев
Факультативное *se* в албанских придаточных
изъяснительных: опыт корпусного исследования 181

М. С. Морозова
Конструкции с комплементайзером *që* и конъюнктивом в албанском языке: корпусное исследование 214

M. S. Morozova, M. A. Ovsjannikova, A. Y. Rusakov
Albanian dialects in the light of language contact: A quantitative study of loanwords 275

J. Nichols
The Balkan sprachbund in typological-geographical space 306

II. Varia

Д. В. Верховцев
Этимологические связи поздних топонимов на *Ижор-* / *Ижер-*. 331

Е. А. Власова
Изменения в предложно-падежном управлении при финско-русском двуязычии: корпусный анализ 366

С. Ю. Дмитренко, Н. М. Спатарь
Показатель причинного значения *pruh* в кхмерском языке 397

В. В. Дьячков, М. О. Стрыгина
Семантические и синтаксические свойства показателей глагольной множественности в горномарийском языке 420

А. В. Зорин
О тибетских лексиконах Д. Г. Мессершмидта в связи с вопросом об авторстве «Harmonia linguarum» 453

Н. В. Карева, Е. Г. Пивоваров
«Немецкая грамматика» М. Шванвица (1730): исторический контекст, предшествующая традиция, современная рецепция 479

Е. Е. Корди
Ментальные глаголы: валентностный таксис (на материале французского языка) 509

А. В. Логинов, А. А. Трофимов
Греческое ἔπος μέγα и древнеиндийское *vaco mahat* ~ *mahad vacaḥ* 544

Е. М. Матвеев
Наименования тропов и фигур речи в русских риториках: М. В. Ломоносов и его предшественники 565

О. Н. Морозова, Н. Я. Булатова, С. В. Андросова
Реализация переднеязычного щелевого /s/ в эвенкийском и орочонском языках 582

Е. С. Онуфриева
Πιο Χ πεθαίνεις: случай заимствования фразеологизма-конструкции в новогреческом языке 608

Е. В. Пак
К проблеме определения окончательного варианта текста газеты «Ведомости» 1720–1727 гг.. 637

С. С. Сай
Маркирование актантов двухместных предикатов в новоарамейских идиомах села Урмия 654

Е. Р. Сквайрс
Эллипсис, синтаксический синкретизм и конденсация правовой информации в языке новгородской скры (XIII–XIV в.) 690

Т. Г. Скребцова
Лексикализация форм русских глаголов чувственного восприятия: структурные, когнитивные и социолингвистические аспекты 711

Сведения об авторах 732

Contributors 738

Этические требования 742

Publication ethics and publication malpractice statement 748

Contents

I. Balkan Languages and Dialects: Corpus-Based and Quantitative Studies

От редакторов 9

P. Assenova, Ch. Markou
On the problem of evidentiality
in the languages of the Balkan language union 11

V. Dheskali
Shprehje *mbrojtëse* ‘hedges’ and *përforcues* ‘boosters’:
A corpus analysis of student academic texts in Albanian (L1)
and English (L2) 54

P. S. Dronov
Usage and lexical-grammatical modifications of idioms
with the somatic components *glava* ‘head’ and *vrat* ‘neck’
in Serbian and Croatian: A corpus-based study 77

F. A. Eloeva, M. L. Kisilier
Preposition *apo* (από) in Modern Greek:
About one peculiarity of case government. 102

K. S. Klimenok
Verbs of motion *shkoj* ‘go’ and *vij* ‘come’ in Albanian:
A corpus study 127

A. L. Makarova, D. V. Konior, T. Vuković, A. N. Sobolev, O. Winistörfer
Automatic language profiling of a dialect speaker: the case
of the Timok variety spoken in the village of Berčinovac
(Eastern Serbia) 160

M. M. Makartsev
The facultative *se* in Albanian complement clauses:
A corpus study 181

M. S. Morozova
Constructions with the complementizer *që*
and subjunctive mood in Albanian: A corpus study 214

M. S. Morozova, M. A. Ovsjannikova, A. Y. Rusakov
Albanian dialects in the light of language contact:
A quantitative study of loanwords 275

J. Nichols
The Balkan sprachbund
in typological-geographical space 306

II. Varia

D. V. Verkhovtsev
Etymological connections of *Izhor-* / *Izher-* toponyms 331

Ye. A. Vlasova
Morphosyntactic tendencies of Russian bilinguals in Finland:
Corpus-based analysis of errors in prepositional phrases 366

S. Yu. Dmitrenko, N. M. Spatari
Causal marker *pruh* in Cambodian 397

V. V. Dyachkov, M. O. Strygina
Pluractionality in Hill Mari: semantic and syntactic features 420

A. V. Zorin
D. Messerschmidt's Tibetan lexicons
and the "Harmonia Linguarum" authorship problem 453

N. V. Kareva, E. G. Pivovarov
"Die Teutsche Grammatica" by M. Schwanwitz (1730):
historical context, preceding tradition, modern reception 479

E. E. Kordi
Mental verbs: valency taxis (French evidence) 509

A. V. Loginov, A. A. Trofimov
Greek ἔπος μέγα
and Sanskrit *vaco mahat* ~ *mahad vacaḥ* 544

E. M. Matveev
Terms of tropes and figures of speech in Russian rhetorical treaties: M. V. Lomonosov and his predecessors 565

O. N. Morozova, N. Ya. Bulatova, S. V. Androsova
Realization of front fricative /s/ in the Evenki and Oroqen languages 582

E. S. Onufrieva
Πιο Χ πεθαίνεις: A case of constructional borrowing in the Modern Greek language 608

E. V. Pak
On the problem of determining the final version of the text: newspaper "Vedomosti" 1720–1727 637

S. S. Say
Bivalent predicates' argument encoding in Neo-Aramaic varieties spoken in Urmiya, Krasnodar Krai 654

C. R. Squires
Ellipsis and syntactic syncretism as compression of legal information in the Skra of Novgorod (13th–15th centuries) 690

T. G. Skrebtsova
Lexicalized forms of Russian perception verbs: Structural, cognitive, and sociolinguistic aspects 711

Contributors (in Russian) 732

Contributors 738

Publication ethics and publication malpractice statement (in Russian) 742

Publication ethics and publication malpractice statement 748

Научное издание

Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2020. — Т. XVI. Ч. 2. — 760 с., 6 с. вклейки.

Подписано к печати 01.10.2020
Формат 60×90 1/16
Усл. печ. л. 47,5. Тираж 500 экз.
Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9
info@iling.spb.ru
https://iling.spb.ru

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН
Оригинал-макет подготовил С. С. Белоусов

Корректор — Е. В. Артемьева

Издательство РХГА
191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15
Тел.: +7 812 310-79-29, +7 981 699-65-95
E-mail: rhgapublisher@gmail.com
http://irhga.ru

Материалы сборника доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН
https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html